This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Б. 21368.

ПЕРМСКАЯ СТАРИНА.

СБОРНИКЪ
ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ и МАТЕРІАЛОВЪ
ПРЕИМУЩЕСТВЕННО
О ПЕРМСКОМЪ КРАѢ.

АЛЕКСАНДРА ДМИТРІЕВА,
инспектора народныхъ училищъ Пермскаго уѣзда, дѣйствительнаго члена Пермскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, Уральскаго Общества Любителей Естествознанія и другихъ обществъ.

Выпускъ III.

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ПЕРМИ ВЕЛИКОЙ:
Чердынскій и Соликамскій край на рубежѣ XVI и XVII в. в.

ИЗДАНІЕ АВТОРА.

ПЕРМЬ.
Типографія П. Ф. Каменскаго.
1891.

ПРОВЕРЕН
1964 г.

04
Э 535 Б21368
ПРОСВЕТ
1964
47

ПЕРМСКАЯ СТАРИНА.

СБОРНИКЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ и МАТЕРІАЛОВЪ

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО

О ПЕРМСКОМЪ КРАѢ.

АЛЕКСАНДРА ДМИТРІЕВА,

инспектора народныхъ училищъ Пермскаго уѣзда, дѣйствительнаго члена Пермскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, Уральскаго Общества Любителей Естествознанія и другихъ обществъ.

Выпускъ III.

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ПЕРМИ ВЕЛИКОЙ:

Чердынскій и Соликамскій край на рубежѣ XVI и XVII в. в.

ИЗДАНІЕ АВТОРА.

ПЕРМЬ.
Типографія П. Ф. Каменскаго.
1891.

Slav 3165.1.26C (3-5)

DMITRIEV
=
„PERM. STARINA"

Печатано по постановленію Пермскаго Губернскаго Статистическаго Комитета отъ 3 сентября 1891 года.

15 ✱ 3

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
OCT 27 1975

7436
68

Б 21368.

Отъ автора-издателя.

Наше историческое изслѣдованіе давно исчезнувшей Перми Великой должно обнять еще два выпуска. Въ I вып. «Пермской Старины» мы сдѣлали сводъ важнѣйшихъ историко-географическихъ данныхъ о Перми Великой въ связи съ поземельными отношеніями въ этой странѣ до начала XVII вѣка; во II выпускѣ продолжали тоже изслѣдованіе о Перми Великой до XVIII вѣка—того момента, когда выходитъ изъ употребленія древнее названіе этой страны; III и IV выпуски мы посвящаемъ внутреннему историко-экономическому обозрѣнію той же страны на рубежѣ XVI—XVII вѣковъ, при чемъ III выпускъ занятъ таковымъ обозрѣніемъ Чердынскаго и Соликамскаго края, а IV будетъ заключать подобное же изслѣдованіе Великопермскихъ вотчинъ Строгановыхъ, соотвѣтствовавшихъ нынѣшнимъ уѣздамъ Пермскому, Оханскому и отчасти опять Соликамскому. Такимъ образомъ новые два выпуска составятъ собою необходимое дополненіе къ первымъ двумъ и вмѣстѣ съ ними—одно цѣлое. Тѣмъ болѣе необходимо такое дополненіе, что экономическая исторія Перми Великой до сихъ поръ была наименѣе разработана и какъ бы игнорировалась прежними изслѣдователями этой страны.

Внѣшнія обстоятельства, при коихъ составленъ былъ мною этотъ III выпускъ «Пермской Старины», были въ высшей степени благопріятны именно для этой работы. Послѣ долгаго колебанія оставивъ наконецъ службу въ Пермской гимназіи съ ея однообразіемъ и замкнутостію и будучи переведенъ въ апрѣлѣ

1890 г., по собственному желанію, въ г. Соликамскъ, на должность инспектора народныхъ училищъ *),—я въ теченіи 10 мѣсяцевъ велъ скитальческую жизнь, исколесивъ обширный Соликамскій уѣздъ (около 25800 квадр. верстъ) въ разныхъ направленіяхъ одновременно съ цѣлью сколько служебной, столько же научной. За это время я собралъ новый матеріалъ для предстоявшей ученой работы, пополнилъ мое собраніе старинныхъ рукописей и повѣрилъ на мѣстѣ многія показанія древнихъ актовъ, писцовыхъ книгъ и другихъ источниковъ. Въ промежутки же между поѣздками я успѣлъ сблизиться въ г. Соликамскѣ съ управителемъ старинныхъ солеваренъ г-жи Дубровиной, Ал. Ник. Черновымъ, большимъ любителемъ старины, который между другими памятниками любезно одолжилъ мнѣ для временнаго пользованія цѣлый сборникъ Великопермскихъ писцовыхъ книгъ изъ Дубровинскаго частнаго архива. Въ дѣлѣ историческаго изученія Пермскаго края это составило для меня цѣлое событіе, послѣдствіемъ котораго было появленіе въ свѣтъ настоящаго III выпуска моего изданія. Этотъ драгоцѣнный рукописный сборникъ начала прошлаго или конца XVII вѣка освѣтилъ для меня многое въ далекомъ прошломъ нашего края и далъ возможность многое исправить и значительно дополнить въ ученыхъ трудахъ какъ своихъ, такъ и всѣхъ моихъ предшественниковъ по изученію Пермскаго края. Полною мѣрою взявъ изъ этой сокровищницы все, что имѣетъ какую—либо цѣну для науки, запасшись такимъ образомъ многими новыми данными по исторіи Перми Великой,—

---

*) Побужденіемъ къ временному переходу въ Соликамскій уѣздъ было желаніе послужить родинѣ и еще ближе изучить родной для меня край. Я родился 22 февраля 1854 г. въ заштатномъ горномъ городѣ *Дедюхинѣ* (въ 25 верстахъ къ югу отъ Соликамска), гдѣ отецъ мой былъ совѣтникомъ казеннаго солянаго правленія.

я въ мартѣ мѣсяцѣ 1891 года снова переселяюсь въ Пермь на таковую же должность инспектора народныхъ училищъ Пермскаго уѣзда. Въ Перми предо мною снова широко раскрылись двери мѣстныхъ библіотекъ, въ которыхъ только и можно заниматься ученой работой. Теперь я опять на прежней излюбленной колеѣ, опять имѣю возможность быть не только коллекторомъ, дальше чего не уйдешь въ Соликамскѣ, но и изслѣдователемъ родной старины. Этимъ счастливымъ поворотомъ въ моей жизни я всецѣло обязанъ просвѣщенному вниманію и содѣйствію къ моимъ научнымъ трудамъ нашихъ высокоуважаемыхъ академиковъ Аѳанасія Ѳеодоровича Бычкова и Леонида Николаевича Майкова, стоящихъ нынѣ во главѣ Императорской Публичной Библіотеки, и ближайшимъ образомъ — нынѣшняго Попечителя Оренбургскаго Учебнаго Округа, Ивана Яковлевича Ростовцева, коимъ и считаю долгомъ выразить здѣсь глубочайшую признательность. Не менѣе благодаренъ я и Соликамскому любителю старины, Александру Николаевичу Чернову, за одолженіе драгоцѣнныхъ памятниковъ далекаго прошлаго.

Александръ Дмитріевъ.

Соликамскъ—Пермь.
1890—1891 гг.

Б 21363

Списокъ трудовъ автора-издателя по исторіи преимущественно Пермскаго края, напечатанныхъ въ 1889—1891 г.г.

Въ I выпускѣ „Пермской Старины“ (стр. XV—XVIII) я указалъ 41 статью по исторіи Пермскаго края, которыя я напечаталъ въ періодъ времени съ 1882—1888 года. Теперь продолжаю этотъ списокъ.

Отдѣльныя изданія:

42. „Пермская Старина“ выпускъ I: „Древности бывшей Перми Великой“. Пермь. 1889 г.

43. Тоже—выпускъ II: „Пермь Великая въ XVII вѣкѣ“. Пермь. 1890 г.

44. „Очерки изъ исторіи губернскаго города Перми съ основанія поселенія до 1845 г. съ приложеніемъ Лѣтописи г. Перми съ 1845 до 1890 года. Пермь. 1889 г.

Примѣчаніе: Этотъ трудъ въ болѣе сокращенномъ видѣ предварительно печатался въ «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1886 г. (исторія города) и 1889 г. (лѣтопись его).

Въ *„Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“:*

45. „Лѣтопись губернскаго города Перми съ 1845 до 1890 года“. 1889 г. №№ 38—41, 46, 49—51, 53—55, 58—71, 74, 75, 79, 81, 82, 84, 85, 87—89, 92, 94 и 103.

46. „Дополненія и поправки къ Лѣтописи губернскаго города Перми“. 1889 г. № 104.

Примѣчаніе: Вся «Лѣтопись» вышла потомъ отдѣльнымъ оттискомъ въ количествѣ 100 экземпляровъ.

Въ *„Пермскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“:*

47. „Къ вопросу о взаимномъ отношеніи епархій Пермской и Великопермской“. 1889 г. № 8.

Въ *„Екатеринбургской Недѣлѣ“:*

48. „Очерки изъ исторіи города Перми“ (продолженіе съ 1832 до 1845 года). 1889 г. №№ 45, 47—50.

49. „Чудское городище и Трегубово поле у деревни Плѣховой, близь Соликамска“ 1890 г. № 41.

50. „Новый трудъ о Пермякахъ“. (И. Н. Смирнова) 1891 г. № 25.

Въ *„Волжскомъ Вѣстникѣ“:*

51. „Изгнанникъ М. М. Сперанскій въ Перми“. 1889 г. № 48.

Въ *„Циркулярахъ по Оренбургскому Учебному Округу“:*

52. „Изъ прошлой жизни Пермскаго края“ 1891 г. № 5. (въ приложеніяхъ).

Въ *„Памятной книжкѣ Пермской губерніи на 1892 годъ“:*

53. „Ссылка окольничаго Михаила Никитича Романова въ Чердынскій край и Ныробскія древности.

Статья: „Древній Булгаръ и татарскія о немъ преданія“ изъ „Волжскаго Вѣстника“ 1888 г. №№ 180 и 181 была перепечатана въ „Извѣстіяхъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ томъ VII. Казань. 1889 г.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Прежде чѣмъ приступить къ предмету настоящаго изслѣдованія, мы еще разъ оглянемся назадъ, въ глубь доисторическихъ временъ. Со времени выхода въ свѣтъ II выпуска нашей „Пермской Старины", въ печати появился новый трудъ о Пермякахъ и занимающей насъ странѣ *). Говоримъ о работѣ *И. Н. Смирнова* по исторіи и этнографіи Пермяковъ. Эта монографія почтеннаго Казанскаго профессора составляетъ 2-й выпускъ IX тома „Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ университетѣ". Она написана совершенно по тому же плану, какъ его же: „Черемисы" въ VII томѣ того же изданія (Казань 1889 г.) и „Вотяки" (вып. 2-й VIII тома. 1890 г.).

Въ послѣдніе годы не часто появляются въ свѣтъ въ провинціи такіе систематическіе труды, посвященные какому-либо одному вопросу, если ихъ и даютъ наши столицы. Поэтому весьма отрадно встрѣтить въ провинціи обширную ученую работу спеціалиста, вооруженнаго эрудиціей въ избранной области, чуждаго всякихъ личныхъ тенденцій и объективно относящагося къ предмету изслѣдованія, цѣль котораго составляетъ единственно открытіе научной *истины*. Каковы-бы ни были выводы, къ которымъ приходитъ такой авторъ, они всегда являются плодомъ его глубокаго внутренняго убѣжденія, а не тенденціознымъ подборомъ разныхъ фактовъ, столь часто отличающимъ работы „ученыхъ" диллетантовъ. Принципъ широкаго *сравнительнаго* изученія предмета и въ этомъ трудѣ г. Смирнова проведенъ столь-же умѣло и послѣдовательно, какъ и въ прежнихъ подобныхъ его

*) *„Пермяки"*. Историко-этнографическій очеркъ *И. Н. Смирнова*. Казань, 1891 года.

работахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ исторія предмета вездѣ служитъ у него основной почвой для этнографическихъ выводовъ, которые являются потому продуктомъ всесторонняго, широкаго изученія предмета не только въ его настоящемъ, но и въ прошломъ состояніи и послѣдовательныхъ видоизмѣненіяхъ. Очень важную, существенную сторону въ историко-этнографическихъ работахъ г. Смирнова составляетъ также предварительное изученіе *языка* того народа, о которомъ авторъ трактуетъ, сравнительное сопоставленіе данныхъ этого языка съ родственными ему и строгая обоснованность всѣхъ выводовъ на почвѣ археологіи, исторіи и лингвистики, взятыхъ въ совокупности. Само собою разумѣется, что такой изслѣдователь считаетъ для себя обязательнымъ и предварительное знакомство съ общей и мѣстной литературою вопроса, обозрѣнію которой и посвящено во всѣхъ трехъ монографіяхъ г. Смирнова по нѣскольку десятковъ вступительныхъ страницъ. Къ сожалѣнію, всѣ эти научные пріемы такъ мало знакомы нашимъ зауряднымъ этнографамъ, обыкновенно понимающимъ свой предметъ въ узкихъ рамкахъ *современнаго* наблюденія надъ бытомъ того или иного народа. Въ виду высокаго научнаго интереса, какой имѣетъ инородческій вопросъ въ исторіи культуры Пермскаго края, мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь наиболѣе существенные выводы автора въ его новой монографіи о Пермякахъ, составляющей вообще крупное явленіе въ мѣстной печати.

Выводы, къ которымъ приходитъ И. Н. Смирновъ, служатъ блестящимъ подтвержденіемъ правильности тѣхъ заключеній, которыя высказаны мною, послѣ многолѣтняго изученія вопроса, въ „Пермской Старинѣ“—высказаны на основаніи другихъ источниковъ. И. Н. Смирновъ также рѣшительно возстаетъ противъ отождествленія Перми съ Біарміей, основаннаго на простомъ созвучіи словъ, и на основаніи скандинавскихъ сагъ и данныхъ лингвистики, относитъ Біармію къ берегамъ Ледовитаго океана и нижнему правому

побережью Двины. „Этотъ народъ, культура котораго обрисовывается предъ нами въ сагахъ, говоритъ г. Смирновъ,— *эти* Bjarmas *не были нашими Пермяками и Зырянами.* Почитаніе Юмала, курганное погребеніе, согласно съ извѣстіями Отера и филологическими данными, которыя констатированы Кастреномъ, Шогреномъ и Веске относительно древняго населенія Подвинья, заставляютъ насъ считать древнихъ Біармійцевъ представителями западно-финской вѣтви" (стр. 12). Всякую попытку отождествить Пермь съ Біарміею онъ считаетъ ученой фантазіей. Таковы попытки Эрдмана, Штраленберга, Бардсона у друг. Вопреки мнѣнію Шогрена, полагавшаго, что границы племенъ Коми и Біармійцевъ первоначально совпадали, г. Смирновъ утверждаетъ, что такого совпаденія въ дѣйствительности не могло быть". (стр. 44—45). Давно слѣдовало-бы установить этотъ трезвый взглядъ на мнимо—великую, пресловутую Біармію, не имѣвшую ничего общаго съ Пермью.

Столь-же трезво, вполнѣ объективно смотритъ И. Н. Смирновъ на древнюю Чудь и археологическія находки въ Пріуральскомъ краѣ. Въ I выпускѣ „Пермской Старины", коснувшись этого спорнаго вопроса о Чуди, я не рѣшился прямо настаивать на *непосредственной* генетической связи Чуди съ Пермью—Пермяками, хотя и привелъ нѣсколько соображеній въ пользу этой связи (см. т. I, стр. 26). Г. Смирновъ приходитъ къ положительному убѣжденію, что *Чудью назывались предки нынѣшнихъ Пермяковъ* (стр. 114). „Мы можемъ съ полнымъ убѣжденіемъ предположить, говоритъ онъ, что въ предѣлахъ Соликамскаго и западной половины Чердынскаго уѣзда, такъ называемыя, Чудскія городища и селища принадлежатъ предкамъ нынѣшнихъ Пермяковъ и старыхъ Коми, а не какой нибудь особой исчезнувшей народности. Въ этомъ прежде всего убѣждаетъ насъ языкъ", (стр. 118). Затѣмъ онъ обставляетъ свое положеніе массою доказательствъ лингвистическихъ и историко-археологиче-

скихъ и, установивъ тождество Чуди и Перми, обращается къ даннымъ, характеризующимъ культуру древнихъ Пермяковъ (стр. 125 и слѣд.). „Имя *Чудь,* говоритъ онъ на стр. 114, не представляетъ собою созданія народовъ Пермской группы, а заимствовано ими у Русскихъ пришельцевъ, которые имъ обозначали туземное населеніе". „Памятники, приписываемые Чуди, также говорятъ въ пользу тождества ея и Перми. Крупнѣйшими изъ нихъ являются, конечно, городища—*кары* или *карилы*". (стр. 115—116).

Относительно находокъ металлическихъ вещей во всемъ Пріуральѣ г. Смирновъ приходитъ къ тому же выводу, какой высказанъ мною въ „Пермской Старинѣ" (т. I, 50 и другія страницы). *Полную самобытность чудской культуры онъ считаетъ фантазіей,* утверждая, что она, какъ и всякая другая, подвергалась многимъ постороннимъ вліяніямъ (стр. 72, 139 и мн. др.). „Та несложная культура, говоритъ онъ, которою обладало племя Коми, съ очень ранняго времени пришла въ соприкосновеніе съ болѣе сложной культурою арійскаго, семитическаго и туранскаго востока. Хронологію этого соприкосновенія можно установить приблизительно, благодаря предметамъ восточнаго производства. Первое мѣсто между ними въ смыслѣ хронологическаго показателя занимаютъ монеты... Не позже V вѣка, стало быть, прямо или чрезъ посредство Булгаръ, въ Пермскомъ краѣ возникло знакомство съ Востокомъ и его произведеніями. Чего искали здѣсь восточные купцы—извѣстно. Они вывозили съ сѣвера прежде всего мѣха, рѣже мамонтовыя кости, которыя поступали въ подѣлки... Нѣкоторыя изъ вещей привознаго происхожденія могутъ легко ввести изслѣдователя въ заблужденіе на счетъ покупныхъ способностей древней Перми: можно подумать напр, что бытъ тѣхъ людей, которые вымѣнивали свои мѣха на драгоцѣнныя чаши, соотвѣтствовалъ и во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ сказывающейся въ этихъ покупкахъ роскоши утвари... но намъ указываютъ на современныхъ

Вогуловъ, о культурѣ которыхъ не можетъ быть спора и у которыхъ Бремъ и Финшъ нашли возлѣ идоловъ, оловянныя англійскія и двѣ серебряныя тарелки стараго происхожденія" (стр. 139—140). Стало быть, драгоцѣнныя вещи (сосуды, блюда и проч.) вымѣнивались Чудью на мѣха у восточныхъ купцовъ для потребностей языческаго богослуженія. „Проводниками тюркскаго вліянія въ Пермь служили главнымъ образомъ Булгары. Изслѣдователи давно уже обратили вниманіе на сходство многихъ „Чудскихъ" и Булгарскихъ вещей. Можно предполагать, что Булгары являлись среди Пермянъ не только торговцами, но и колонистами. На такую мысль наводитъ существованіе селеній съ названіями „Булгары" на югѣ Пермяцкаго края, въ уѣздахъ Оханскомъ и Пермскомъ. Позднѣе, чѣмъ связь съ Востокомъ, зарождаются отношенія къ славянскимъ племенамъ Руси". (стр. 144).

Само собою разумѣется, что почтенный этнографъ—историкъ посвятилъ въ своемъ трудѣ значительное число страницъ и рѣшенію труднѣйшаго вопроса относительно области распространенія племени Коми—Перми (Чудь тоже) въ древнѣйшія времена. Въ I выпускѣ „Пермской Старины" я опредѣлилъ границы *исторической* Перми Великой, какъ особой области, какія существовали въ древней Руси до учрежденія губерній; во II выпускѣ того-же изданія указалъ область распространенія пермско-зырянскаго племени на всемъ русскомъ сѣверо-востокѣ въ XVII вѣкѣ. Всѣ свои историко-топографическія заключенія я сдѣлалъ на основаніи отчасти лингвистическихъ соображеній, а преимущественно письменныхъ памятниковъ старины, сохранившихся въ весьма значительномъ количествѣ и отчасти вновь мною открытыхъ. Признавая всѣ эти выводы „прочнымъ пріобрѣтеніемъ нашей исторической науки" (стр. 64) вмѣстѣ съ заключеніями о Біарміи, Чуди, древнихъ чудскихъ памятникахъ и т. д.,—И. Н. Смирновъ отодвигаетъ свои историко-топографическія изслѣдованія въ глубь доисторическихъ временъ, основываясь

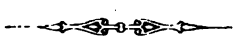
уже исключительно на почвѣ филологіи и лишь мѣстами подкрѣпляя свои соображенія данными доисторической археологіи. Имѣя въ виду процессъ постепеннаго ассимилированія племени Перми Славянами, въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ отодвигавшихъ аборигеновъ европейскаго востока отъ центра нынѣшней Россіи къ ея сѣверо-восточнымъ и западнымъ окраинамъ, И. Н. Смирновъ естественно раздвигаетъ область распространенія племени Коми въ доисторическія времена столь широко, что *историческая Пермь,* мною очерченная раньше, является лишь частью огромной территоріи, нѣкогда занятой аборигенами Коми. Однако наши изслѣдованія ничуть не противорѣчатъ одно другому: *доисторическая Пермь, естественно, была несравненно обширнѣе исторической, Пермь сокращалась въ своихъ границахъ съ вѣками,* по мѣрѣ поступательнаго колонизаціоннаго движенія великаго Славянскаго племени на сѣверо-востокъ Европейскаго материка *). „Отмежевавъ для Перми (Коми) громадное пространство, говоритъ г. Смирновъ, мы далеки отъ того, чтобы утверждать, будто она занимала его: 1) одновременно, 2) на всемъ протяженіи, 3) и безъ сосѣдей—совладѣльцевъ. Это—предѣлы, въ которыхъ совершалось въ теченіи вѣковъ передвиженіе племени, послѣ борьбы съ болѣе ранними насельниками страны". (стр. 98). Но объ этихъ болѣе раннихъ насельникахъ этнографъ затрудняется дать сколько нибудь положительное заключеніе и только нерѣшительно заявляетъ, что таковыми могли быть или Лопари (по теоріи мадьярскаго ученаго Буденца и финскаго—Коскинена), или, вѣроятнѣе, Угры (по теоріи Европеуса). Основываясь на теоріи Европеуса, г. Смирновъ склоненъ признать вѣроятнымъ распространеніе Угорскаго племени въ отдаленнѣйшія времена на весь бассейнъ р. Вычегды до ея устья (стр. 106—107). Есть основанія думать, что и на территоріи Перми Великой—Чусовой Угры

*) Границы досторической Перми подробно указаны г. Смирновымъ на стр. 97 — 98.

нѣкогда распространялись гораздо далѣе на западъ, нежели во времена историческія, о чемъ мы высказали предположеніе въ I вып. „Пермской Старины“ (см. стр. 81 и друг.).

Таковы важнѣйшія историко-этнографическія положенія, къ которымъ пришелъ, путемъ сравнительнаго изученія предмета, почтенный русскій этнографъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ безпристрастный трудъ, достойный глубокаго вниманія всѣхъ ученыхъ, послужитъ новымъ чувствительнымъ ударомъ для тѣхъ безпочвенныхъ теорій на счетъ Біарміи, вполнѣ самобытной Чуди и ея культуры, которыя доселѣ столь упорно поддерживаются въ наукѣ, въ ущербъ исторической истинѣ.

Въ настоящей замѣткѣ мы имѣли въ виду отмѣтить только историческіе выводы автора, предоставляя спеціалистамъ оцѣнить достоинства собственно этнографической части этого труда *).



*) Настоящая замѣтка предварительно была помѣщена мною въ газетѣ: «Екатеринбургская Недѣля» 1891 г. № 25.

ВВЕДЕНІЕ.

Экономическое обозрѣніе Перми Великой мы начнемъ нѣкоторыми общими замѣчаніями о старинныхъ поземельныхъ мѣрахъ и системѣ казеннаго обложенія дворовъ, земель, промысловъ и разныхъ угодій.

Въ до-Петровской Руси городскія и уѣздныя земли верстались въ такъ называемыя *сохи* для обложенія ихъ казенными поземельными податями. Отсюда произошло названіе *сошнаго письма,* т. е. особаго исчисленія земли по сохамъ, которое заносилось въ писцовыя книги. „*Писцовыя книги* имѣли своею цѣлью доставлять правительству собранныя и повѣренныя на мѣстахъ посланными для того лицами, называвшимися *писцами*, свѣдѣнія о всѣхъ земляхъ и угодьяхъ назначеннаго къ описанію города съ его уѣздомъ, также объ ихъ населеніи и о лежавшихъ на нихъ повинностяхъ" *). Эти книги составлялись правительствомъ въ XVI и XVII в. в.

Земля по своей продуктивности раздѣлялась на *добрую*, *середнюю* и *худую*. Соха считалась самою крупною поземельною мѣрою и заключала въ себѣ извѣстное число меньшихъ мѣръ—такъ называемыхъ *четей*. Чѣмъ лучше, плодороднѣе была земля, тѣмъ меньше четей входило въ составъ сохи и наоборотъ. Обыкновенно полагалось въ соху: доброй земли 800 четей, середней 1000 и худой 1200, а при трехпольной системѣ земледѣлія эти числа брались втройнѣ. Отсюда произошло названіе *большой* и *малой сохи,* и также выраженіе: „добрыя (или другія) земли столько-то четей въ полѣ, а въ дву потому же". Если переведемъ это старинное исчисленіе земли по четямъ на нынѣшнюю обычную десятинную

*) «Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи» т. I, стр. V.

мѣру, то выйдетъ, что каждыя три чети въ трехъ поляхъ равнялись $1\frac{1}{2}$ десятинѣ а одна четь въ трехъ поляхъ равнялась половинѣ десятины; слѣдовательно древняя соха доброй земли, заключавшая въ трехъ поляхъ $800 \times 3 = 2400$ четей, равнялась 1200 нынѣшнихъ десятинъ. Такой переводъ старинныхъ мѣръ на нынѣшнія былъ принятъ правительствомъ на сѣверѣ Россіи при генеральномъ межеваніи земель въ 1780 годахъ. Такимъ образомъ при этомъ межеваніи была принята за основу *половина* прежней *четвертной* мѣры при переводѣ ея въ новую *десятинную*: 100 прежнихъ четей соотвѣтствовали 50 десятинамъ, 200 четей = 100 десятинамъ и т. д., а цѣлая соха доброй земли стала равна 1200 десятинамъ.

Нынѣшняго дробнаго счисленія въ старину не знали и понятія о дробяхъ своеобразно выражали такъ: „сошнаго письма соха съ четью", т. е. соха $+ \frac{1}{4}$ ея часть, или $800 + 200 = 1000$ четей въ одномъ полѣ доброй земли; „сошнаго письма соха и пол-чети", т. е. соха $+ \frac{1}{8}$ часть ея, или $800 + 100 = 900$ четей; „сошнаго письма соха и пол-пол-чети", т. е. соха $+ \frac{1}{16}$ часть или $800 + 50 = 850$ четей и т. д. Эта своеобразная древне-русская ариѳметика ясно показываетъ, что слово *четь*, *четверть* употреблялось въ старину въ двоякомъ смыслѣ: и какъ дробь ($\frac{1}{4}$), и какъ мелкая поземельная мѣра ($\frac{1}{800}$ сохи доброй земли, $\frac{1}{1000}$ средней и $\frac{1}{1200}$ сохи худой земли).

Четвертая мѣра земли была наиболѣе удобна и потому наиболѣе употребительна въ древней Руси; но рядомъ съ нею употреблялась иногда и *третная* мѣра съ тѣмъ же дальнѣйшимъ дробнымъ ея развитіемъ. Возьмемъ для удобства соху худой земли = 1200 четей въ полѣ. „Сошнаго письма соха съ третью", т. е. соха $+ \frac{1}{3}$ ея часть, или $1200 + 400 = 1600$ четей; „сошнаго письма соха и пол-пол-трети сохи", т. е. соха $+ \frac{1}{12}$ ея часть, или $1200 + 100 = 1300$ четей.

Въ библіотекѣ Пермской классической гимназіи есть интересная рукописная „Роспись сошному и вытному писму“, изъ которой для большей наглядности стариннаго сошнаго четвертнаго и третнаго исчисленія земель я приведу здѣсь выдержки.

Добрые земли соха 800 четь, пол-сохи 400 четь.

$^1/_4$=четверть сохи 200 четь.
$^1/_8$=пол-четверти сохи 100 четь.
$^1/_{16}$=пол-пол-чети сохи 50 чети.
$^1/_{32}$=пол-пол-пол-чети сохи 25 четь.
$^1/_3$=треть сохи 267 четей безъ третника (т. е.—$^1/_3$).
$^1/_6$=пол-трети сохи 133 чети съ третникомъ.
$^1/_{12}$=пол-пол-трети сохи 67 чети безъ третника.
$^1/_{24}$=пол-пол-пол-трети сохи 33 чети съ третникомъ.

Средніе земли соха 1000 четь, пол-сохи 500 четь.

$^1/_4$=четверть сохи 250 четей.
$^1/_8$=пол-чети сохи 125 четей.
$^1/_{16}$=пол-пол-чети сохи 62 ч. съ осминою (т. е.+$^8/_{16}$=$^1/_2$).
$^1/_{32}$=пол-пол-пол-чети сохи 31 четь съ полуосминою (т. е.+$^8/_{32}$=$^1/_4$).
$^1/_3$=треть сохи 333 чети съ третникомъ (т. е.+$^1/_3$).
$^1/_6$=пол-трети сохи 167 четей безъ третника (т. е.—$^1/_3$).
$^1/_{12}$=пол-пол-трети сохи 83 чети съ третникомъ.
$^1/_{24}$=пол-пол-пол-трети сохи 42 чети безъ третника.

Худые земли соха 1200 четь, пол-сохи 600 четь.

$^1/_4$=четверть сохи 300 четь.
$^1/_8$=пол-чети сохи 150 чети.
$^1/_{16}$=пол-пол-чети сохи 75 четь.
$^1/_{32}$=пол-пол-пол-чети сохи 37 четь съ осминою.
$^1/_3$=треть сохи 400 четь.
$^1/_6$=пол-трети сохи 200 четь.
$^1/_{12}$=пол-пол-трети сохи 100 четь.
$^1/_{24}$=пол-пол-пол-трети сохи 50 четь.

Будучи „поверстаны въ сохи“, всѣ городскія и уѣздныя земли въ старину подраздѣлялись еще и въ другомъ отношеніи. *Соха была и самою крупною поземельною мѣрою, и таковою же податною нормою.* Въ первомъ отношеніи она обыкновенно раздѣлялась, какъ мы видѣли, на чети, четверти и рѣже на трети; во второмъ—на *дворы* и *выти*. Въ городѣ дворъ, а въ его уѣздѣ выть были тогда податною единицею или частью сохи, какъ податной нормы. Выть была тѣмъ земельнымъ участкомъ или частью сохи, съ котораго владѣльцу земли надлежало вносить государеву подать. А такъ какъ земли были добрыя, середнія и худыя въ отношеніи своей продуктивности, то подать со всѣхъ ихъ не могла быть одинакова, почему и выти были не одинаковы по величинѣ: иногда выть равнялась двумъ четямъ пашни, иногда и болѣе, если земля была хуже. На этомъ же основаніи и число дворовъ въ сохѣ не могло быть одинаково, ибо это зависѣло отъ степени зажиточности ихъ хозяевъ: *чѣмъ были зажиточнѣе владѣльцы дворовъ, тѣмъ менѣе дворовъ полагалось въ соху и наоборотъ* Такая раскладка дворовъ въ городѣ и вытей въ уѣздѣ объясняется тѣмъ, что всѣ сохи были обложены одинаковой податью для каждой области (напр. по 29 рублей съ сохи), которая (подать) и разверстывалась, или по тогдашнему выраженію, *разметывалась* между отдѣльными дворами и вытями, составлявшими соху. Понятно, что бѣдныхъ всегда было въ сохѣ больше, чѣмъ богатыхъ.

Достойно вниманія, что въ Великопермскихъ писцовыхъ книгахъ Яхонтова и Кайсарова выть нигдѣ не принимается при поземельныхъ исчисленіяхъ, и вся раскладка податей основана исключительно на числѣ сохъ и дворовъ въ каждой сохѣ. Яхонтовъ *вездѣ* полагаетъ въ соху по 64 двора. У Кайсарова число дворовъ въ сохѣ уже зависитъ отъ качества пашни и имущественнаго ценза дворовладѣльцевъ, а именно: онъ полагаетъ въ соху по 40 дворовъ лучшихъ людей, по 60—середнихъ, по 80—молодшихъ и 120—самыхъ молод-

шихъ людей, а земли: доброй 800 четей въ соху, средней 1000 и худой 1200. Къ сожалѣнію, изъ наличныхъ списковъ Великопермскихъ писцовыхъ книгъ нельзя видѣть съ полной ясностью, какъ велики были сборы съ каждой сохи всѣхъ казенныхъ налоговъ, взятыхъ въ совокупности.

Для наглядности опять представимъ въ особой таблицѣ сошное счисленіе по дворамъ, взявъ за норму напримѣръ постоянную Яхонтовскую соху въ 64 двора (1579 года).

1=соха 64 двора.

1/2=пол-сохи 32 двора.

1/4=четь-сохи 16 дворовъ.

1/8=пол-чети сохи 8 дворовъ.

1/16=пол-пол-чети сохи 4 двора.

1/32=пол-пол-пол-чети сохи 2 двора.

1/64=пол-пол-пол-пол-чети сохи 1 дворъ.

Таковы были поземельныя мѣры въ до-Петровской Руси. Къ сказанному необходимо прибавить, что *десятина* и *верста*, какъ мѣры, все таки употреблялись и въ періодѣ четей, но спеціально для измѣренія лѣсныхъ площадей. Лѣса окольные, стоявшіе близь пашни, называвшіеся по этому *пашенными лѣсами*, измѣрялись *десятинами*, а остальные или *поверстные лѣса—верстами*. Послѣдняя въ разное время имѣла разную длину—отъ 1000 до 500 саженъ*). Въ XVIII в. десятина и квадратныя верста и сажень вытѣснили постепенно всѣ прежнія поземельныя мѣры. 2400 квадратныхъ саженъ стали составлять одну десятину, какъ основную поземельную мѣру, имѣвшую 60 саженъ длины и 40 саженъ ширины. Каждыя 3 чети въ трехъ поляхъ составляли при этомъ 1 1/2 десятины, какъ объ этомъ сказано выше, а одна четь составляла 1/2 десятины.

Наконецъ сѣнокосные луга измѣрялись въ старину количествомъ снимаемыхъ съ нихъ копенъ сѣна. При гене-

*) Подробности по этому вопросу см. во II выпускѣ «Пермской Старины», глава I-я.

ральномъ межеваніи на 10 копенъ сѣна обыкновенно намѣривали одну десятину; значитъ *5 копенъ сѣна обозначали приблизительно то же, что четь въ пашнѣ.*

Въ Перми Великой, при довольно суровомъ климатѣ, *преобладала худая земля; середняя попадалась не часто, а добрая составляла почти исключеніе.* Это ясно изъ Великопермскихъ писцовыхъ книгъ, гдѣ качество земли вездѣ обозначено точно. При преобладаніи худой земли здѣсь встрѣчалась и масса *перелоговъ,* т. е. такихъ участковъ земли, съ которыхъ хлѣбъ снимали два или три раза и потомъ оставляли ихъ „отдыхать" для возстановленія производительной силы. Перелогъ составлялъ собою четвертый разрядъ „самыя худыя земли", которой въ соху полагалось 1300 четей, слѣдов. въ $^1/_2$ сохи 650 четь.

Мы указали способы разверстки земли только по крестьянскимъ и вотчиннымъ имѣніямъ. Земли же церковныя, монастырскія, митрополичьи, патріаршія и наконецъ государевы и дворцовыя „разметывались" по сохамъ иначе. Въ государевыхъ и дворцовыхъ имѣніямъ въ соху полагалось: добрыя земли 600 четей, середнія 700 и худыя 800 четей; въ монастырскихъ и церковныхъ: доброй земли въ сохѣ 600, средней 750 и худой 900 четей. Наконецъ „черныхъ и бортевыхъ оброчныхъ земель" въ соху полагалось: доброй 500, средней 600 и худой земли 700 четей*). Все это необходимо принимать во вниманіе при изученіи экономическаго состоянія того или другаго края по писцовымъ книгамъ.

Переходимъ къ казеннымъ платежамъ, существовавшимъ въ до-Петровской Руси. Старинный русскій рубль равнялся 33 алтынамъ+2 деньгамъ, алтынъ=3 копѣйкамъ или 6 деньгамъ, копѣйка=2 деньгамъ. Рубль, алтынъ и деньга— постоянно упоминаются во всѣхъ финансовыхъ актахъ XVI—

*) Всѣ эти данныя заимствованы изъ упомянутой выше рукописной «Росписи сошному и вытному письму» изъ библіотеки Пермской гимназіи.

XVII в.в.; копѣйка входитъ во всеобщее употребленіе позже. Существовала тогда еще „гривна“, равнявшаяся нашимъ 10 копѣйкамъ или тогдашнимъ 20 деньгамъ. Отсюда произошло слово „гривенникъ“ и выраженіе: „двугривенный“, шесть, семь, восемь, девять гривенъ, подобно тому какъ отъ слова „алтынъ“ донынѣ въ ходу слово „пятиалтынный“. Десять гривенъ составляли, стало быть, рубль. Деньги вообще цѣнились въ XVII вѣкѣ несравненно дороже нынѣшнихъ, почему для насъ и кажется баснословною тогдашняя дешевизна. Однако это только кажется намъ, ибо рубль XVII в. равнялся по стоимости болѣе чѣмъ 10 нынѣшнимъ рублямъ. Стоимость его въ теченіе XVI—XVII в.в. колебалась отъ 11 руб. 52 коп. до 14 руб. на наши деньги. Вотъ почему для правильнаго сужденія о цѣнахъ въ XVI и XVII в.в. надобно всегда нынѣшній рубль увеличивать по крайней мѣрѣ въ 12 разъ*).

Посмотримъ, какіе существовали въ то время казенные платежи, во главѣ которыхъ, конечно, всегда стояла поземельная подать. Земледѣліе у насъ всегда составляло главную основу государственнаго хозяйства, всегда было важнѣйшимъ источникомъ казенныхъ доходовъ. Система прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ нашими историками изслѣдована еще не вполнѣ. Лишь въ самое послѣднее время по этому вопросу появились двѣ превосходныя ученыя работы *А. С. Лаппо-Данилевскаго* и *П. Н. Милюкова*, дополняющія одна другую**). Оба ученые основываютъ свои труды глав-

---

*) По этому любопытному экономическому вопросу см. прекрасныя спеціальныя работы *Д. И. Прозоровскаго:* «Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII столѣтія» въ «Запискахъ Императ. Археологич. Общ.» СПБ. 1865 г. т. XII, вып. 2 и отдѣльно и *В. О. Ключевскаго:* «Русскій рубль въ XVI—XVIII стол.». Москва 1885 г.

**) *Лаппо-Данилевскій:* «Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій» СПбургъ 1890 года. *П. Милюковъ:* «Государственное хозяйство въ Россіи въ связи съ реформой Петра Великаго» въ «Журналѣ Минист. Народ. Просв.» 1890 г., сентябрь, октябрь, ноябрь; 1891 г. январь, мартъ и слѣд. (трудъ еще продолжается).

нымъ образомъ на писцовыхъ и переписныхъ книгахъ Московскаго Архива Минист. Юстиціи, хранящихся тамъ во множествѣ, затѣмъ на дѣлахъ Московскихъ приказовъ и книгахъ (преимущественно приходо-расходныхъ) Устюжской, Новгородской, Галицкой и Владимірской четей (такъ наз. „книги городскія и боярскія") Московск. Главнаго Архива Минист. Иностранныхъ Дѣлъ. Оба эти капитальные труда имѣютъ важное значеніе и для экономической исторіи Великопермскаго края, зависѣвшаго въ XVII в. въ финансовомъ отношеніи отъ Новгородской четверти или приказа.

Степенью продуктивности, доходности опредѣлялись всѣ поземельные платежи: съ доброй земли они полагались, конечно, больше, нежели съ середней, худой и переложной. Земли же совсѣмъ неудобныя для пользованія, напр. „согра" или высохшее болото, грязи, трясины и т. п., повидимому, вовсе не подлежали податному обложенію.

Древнѣйшими поземельными податями были такъ называемыя *дань, данныя* деньги и *оброкъ:* первая имѣла характеръ постояннаго обложенія земли въ пользу государства, второй—временнаго обложенія на срокъ пользованія казенною собственностью. Въ XVI в. на оброкъ набавлялась еще пошлина въ размѣрѣ 10 денегъ съ рубля или по деньгѣ съ гривны (писцов. книги Яхонтова 1579 г.), которая въ томъ же размѣрѣ продолжала существовать и въ XVII вѣкѣ (Кайсаровъ 162$^{3}/_{4}$ г.г.). Писцовыя книги называютъ эти пошлины „казначеевыми" и „дьячьими". Въ XVII в., съ постепеннымъ увеличеніемъ государственныхъ потребностей, возникаютъ все новые виды казенныхъ сборовъ, носившіе спеціальныя названія: деньги *примѣтныя* (добавочныя), *ямскія, полоняничныя,* (для выкупа плѣнныхъ), *мытныя,* (съ перевозовъ), *пѣзовыя* (съ рыбныхъ ловель), *„на городовое, засѣчное и емчужное дѣло"* (для исправленія и сооруженія городскихъ укрѣпленій), *„за намѣстничъ кормъ"* (на содержаніе намѣстниковъ и воеводъ), *„за присудъ"* (судебныя

издержки), „*за рѣзное дѣло*“ (приготовленіе монеты), пошлины: гостиная, вѣсчая (съ вѣсовъ), пудовая, серебряная (за серебр. литье), медовая, закосная (съ сѣнокосовъ), соляная и т. д. Такъ разнообразны были источники государственныхъ доходовъ.

Но между многоразличными государственными потребностями уже въ XVII в. больше всѣхъ даютъ себя чувствовать военныя нужды Московскаго государства, съ каждымъ десятилѣтіемъ поглощавшія все больше и больше рессурсовъ и составлявшія все болѣе и болѣе тяжелое бремя для русскаго народа. Изъ этихъ потребностей въ XVII в. возникаетъ постоянная *стрѣлецкая* подать. До этого столѣтія военная подать вносилась хлѣбомъ, необходимомъ для продовольствія войскъ, но въ XVII в. эта натуральная повинность была переведена на деньги и обращена въ регулярный денежный налогъ, распространявшійся однако не на всю территорію государства, а только на города такъ называемой Устюжской четверти и Новгородскаго приказа, въ вѣдомствѣ котораго состояла и Пермь Великая. Введеніе этой новой постоянной подати г. Милюковъ относитъ къ первымъ годамъ царствованія Михаила*). Помимо того постоянныя войны съ сосѣдями довольно часто вызывали чрезвычайные, экстреиные наборы людей и сборы денегъ, что тѣмъ тяжелѣе отзывалось, конечно, на народномъ хозяйствѣ.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, тѣ экономическія условія, которыя окружали Пермь Великую въ XVI—XVII в.в. и давали извѣстное направленіе ея внутренней жизни. Приступая къ изслѣдованію ея экономическаго быта за это время, считаю необходимымъ предварительно сообщить библіографическія свѣдѣнія о томъ источникѣ, изъ котораго взято

*) «Журналъ Минист. Народ. Просв.» 1890 г. сентябрь, стр. 55.

содержаніе настоящаго выпуска моего изданія, и который доселѣ былъ совсѣмъ не извѣстенъ даже мѣстнымъ изслѣдователямъ старины*).

Хранящійся въ г. Соликамскѣ, въ частномъ архивѣ Добровиныхъ, рукописный сборникъ писцовыхъ книгъ Перми Великой составляетъ книгу большаго формата въ поллиста писчей бумаги, писанную скорописью конца XVII или начала XVIII вѣка и отлично сохранившуюся, благодаря кожанному переплету. Въ этой книгѣ заключаются списки съ четырехъ писцовыхъ книгъ Яхонтова 1579 г. и Кайсарова 162³/₄ г.г. по Чердынскому и Усольскому уѣздамъ, изъ которыхъ Усольская книга Яхонтова доселѣ была извѣстна только въ небольшихъ извлеченіяхъ, почему и печатается полностью въ приложеніи къ настоящему выпуску.

Изъ 4 писцовыхъ книгъ Дубровинскаго сборника обѣ книги Кайсарова по Чердынскому и Усольскому уѣздамъ оказались сокращеніями полныхъ экземпляровъ ихъ, напечатанныхъ г. Шишонко; выпущены при этомъ описанія крѣпостей, церквей и монастырей Чердыни и Соликамска и—что очень жаль—общіе итоги сборовъ и сошнаго письма по отдѣльнымъ округамъ. Прочія же экономическія данныя во всѣхъ четырехъ спискахъ находятся почти всѣ на лицо, что даетъ возможность по хорошей старинной рукописи повѣрить во всѣхъ деталяхъ плохія печатныя изданія ихъ г. Шишонко, столько разъ уже вводившія и меня, и всѣхъ другихъ мѣстныхъ изслѣдователей въ разныя недоумѣнія и затрудненія. По этому все настоящее изслѣдованіе я буду основывать на Дубровинскомъ сборникѣ, повѣряя съ нимъ редакцію изданій Шишонко и заимствуя у послѣдняго только тѣ дополнительныя свѣдѣнія, которыхъ нѣтъ въ старинномъ сборникѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пользованіе Дубровинскимъ рукописнымъ

---

*) Полная библіографія Великопермскихъ писцовыхъ книгъ приведена мною въ I выпускѣ «Пермской Старины», на стр. 70—73.

сборникомъ даетъ мнѣ возможность сдѣлать нѣкоторыя поправки (главнымъ образомъ историко-статистическія) въ первыхъ двухъ выпускахъ моего изданія, при составленіи которыхъ я вынужденъ былъ пользоваться преимущественно, а для Чердынскаго уѣзда исключительно, изданіями Шишонко.

Для чего сдѣланы были списки съ четырехъ писцовыхъ книгъ, помѣщенныхъ въ Дубровинскомъ сборникѣ,—видно изъ предисловія къ Чердынской книгѣ 162³/₄ г.г., не приложеннаго къ прочимъ тремъ книгамъ, гдѣ между прочимъ читаемъ: „Лѣта 7137 (1629) году генваря въ 1 день билъ челомъ Государю Царю и Вел. Князю Михайлу Ѳедоровичу всеа Русіи Чердынской земской староста Ѳедька Свирѣповъ*). и во всѣхъ Чердынцовъ посадскихъ и уѣздныхъ людей мѣсто: по Государеву-де указу положены они, Чердынцы посадскіе и уѣздные крестьяне, въ сошное письмо противъ иныхъ городовъ дворами въ мелкіе оброки; и по писцовымъ книгамъ Михайла Кайсарова съ товарыщи имъ-де мелкихъ оброковъ платить не по чему, на тѣхъ-де у нихъ безъ платежныхъ книгъ мелкимъ оброкомъ въ сборѣ чинится мотчаніе. И Государь бы ихъ пожаловалъ: велѣлъ имъ съ писцовыхъ книгъ Мих. Кайсарова съ товарищи дати списокъ, почему имъ мелкіе оброки Государевы (въ) казну платить не мотчая безволокитно. И Государь Царь и В. Князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи Чердынцовъ посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ пожаловалъ: велѣлъ имъ съ тѣхъ писцовыхъ книгъ Мих. Кайсарова съ товарищи дати для платежу мелкихъ оброковъ списокъ“. (Дубровинскій рукописный сборникъ, листъ 52).

---

*) Этотъ Ѳедоръ Андреевъ Свирѣповъ упомянутъ затѣмъ въ числѣ лучшихъ людей Чердыни. Фамилія Свирѣповыхъ и донынѣ существуетъ на моей родинѣ —въ Дедюхинѣ.

ОТДѢЛЪ I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ПЕРМИ ВЕЛИКОЙ на рубежѣ XVI—XVII вѣковъ.

I.

Городъ Пермь Великая-Чердынь въ концѣ XVI и началѣ XVII в. въ историко-экономическомъ отношеніи.

Историческіе источники, въ которыхъ сохранились извѣстія о древнѣйшемъ городѣ Перми Великой, соименномъ этой странѣ, застаютъ Чердынь на ея нынѣшнемъ мѣстѣ, на высокомъ правомъ берегу рѣки Колвы, притока Вишеры. Первое достовѣрное извѣстіе о Чердыни восходитъ къ XV вѣку и заключается въ Никоновской или Патріаршей лѣтописи подъ 1472 годомъ, въ разсказѣ о покореніи Перми Великой воеводами Іоанна III. Первыя же полныя и въ своемъ родѣ исключительныя описанія какъ Чердыни, такъ и сосѣдняго Соликамска находятся въ писцовыхъ книгахъ Яхонтова 1579 и Кайсарова 1623—4 годовъ, на основаніи которыхъ мы и составимъ теперь подробные историко-экономическіе очерки обоихъ этихъ городовъ съ ихъ уѣздами.

А. Чердынь въ 1579 году.

По писцовой книгѣ Яхонтова, состояніе Чердыни въ 1579 г. представляется въ слѣдующемъ видѣ. На посадѣ города было дворовъ пашенныхъ тяглыхъ крестьянъ 52, безпашенныхъ крестьянъ 238, всего 290; въ нихъ людей 326

человѣкъ мужскаго пола; пустыхъ дворовъ было 12. О городской крѣпости, въ то время существовавшей, а также о городскихъ церквахъ Яхонтовъ не говоритъ ни слова. Хозяйство у жителей Чердыни было слѣдующее: въ городскихъ поляхъ пашни посадскихъ пашенныхъ крестьянъ было 457 четей и перелогу 184 чети въ полѣ, а въ дву потому же (трехполье)—земля худа. Лѣсу пашеннаго около полей было 120 десятинъ; выраженіе „лѣсъ пашенный" нужно понимать въ смыслѣ: лѣсъ пашенныхъ крестьянъ. Сѣна у послѣднихъ на р.р. Колвѣ и Вишерѣ по обѣ стороны было 3530 копенъ, а у безпашенныхъ крестьянъ на тѣхъ же рѣкахъ было 1086 копенъ. Посадскіе люди имѣли за городомъ „животинный выпускъ", т. е. выгонъ, за р Колвой, на низменномъ берегу, противъ самаго города; выгонъ былъ мѣрою въ длину одна верста, а поперекъ—полверсты. За Колвою же, въ рѣчкѣ Чудовкѣ, „отъ межи Богословскаго монастыря отъ мельничнаго пруда вверхъ рѣчкою Чудовкою до вершины", а также въ озерѣ Шихтерѣ посадскіе люди Гриша да Ероша (Ероѳей) Ивакины съ братьею оброчили рыбною ловлю за 10 алтынъ (30 копѣекъ) въ годъ и за 3 деньги пошлины съ оброка (1 1/2 копѣйки) *). Нѣкоторые посадскіе имѣли еще вмѣстѣ съ уѣздными крестьянами варницы и отхожія рыбныя ловли, о коихъ скажемъ во 2 главѣ.

Такъ какъ писцовыя книги составлялись съ цѣлью казеннаго обложенія земель, угодій и разныхъ промысловъ, то Яхонтовъ подробно останавливается на этихъ послѣднихъ. По имущественному цензу все *неслужилое* населеніе города, именовавшееся общимъ родовымъ именемъ *посадскихъ людей*, въ XVI в. раздѣлялось на три класса: *людей лучшихъ, молодшихъ* и *самыхъ молодшихъ*. Первые два класса болѣе зажиточныхъ людей занимались торговлей въ лавкахъ, которыя Яхонтовъ дѣлитъ на *двѣ статьи*: лавки первыя статьи

*) Дубровинская рукопись писцовыхъ книгъ, листы 13—17.

принадлежали преимущественно лучшимъ людямъ, а вторыя или „середнія“ статьи—молодшимъ; первыхъ въ 1579 году было въ Чердыни 21, вторыхъ 46. Мѣстами Яхонтовъ лавки прямо называетъ лучшими и середними и болѣе не указываетъ никакихъ. Оброку съ лавокъ было положено: съ 21 лучшей лавки по 5 алтынъ (15 копѣекъ) съ каждой, а 46 среднихъ лавокъ по 1 гривнѣ съ каждой (10 копѣекъ). На каждый оброкъ налагались тогда еще такъ называемыя *казначеевы и дьячьи пошлины въ размѣрѣ съ рубля по 10 денегъ* (5 копѣекъ), *или съ гривны по деньгѣ*. На указанный оброкъ съ 67 лавокъ этихъ дополнительныхъ пошлинъ приходилось 12 алтынъ $5^1/_2$ денегъ („12 ал. полшесты деньги“). Переводя же всѣ эти платежи на нашъ счетъ, получимъ, что оброку со всѣхъ 67 чердынскихъ торговыхъ лавокъ слѣдовало въ казну 7 рублей 75 копѣекъ въ годъ, да казначеевыхъ и дьячьихъ пошлинъ по 5 копѣекъ съ рубля или 38 копѣекъ $1^1/_2$ деньги (денежки). Не перечисляю поименно торговыхъ людей Чердыни, такъ какъ книга Яхонтова напечатана вся.

Мы знаемъ, что дворы городскіе „разметывались“ (разверстывались) въ сохи. *Въ Великопермскихъ писцовыхъ книгахъ Яхонтова въ соху полагалось по 64 двора.* Яхонтовъ насчитываетъ „сошного письма на посадѣ (Чердыни) четыре сохи съ полусохою и пол-пол-пол-чети сохи“. Это значитъ: 4 большія сохи, $^1/_2$ сохи и $^1/_{32}$ сохи, или 256 (64×4) +32+2 двора=290. Всѣхъ же сборовъ съ Чердыни, какъ увидимъ во второй главѣ, шло ежегодно до 70 рублей.

Таковы свѣдѣнія, почерпаемыя нами о Чердыни изъ писцовыхъ книгъ Яхонтова 1579 г. Мы не привели только именъ и фамилій жителей Чердыни, потому что эти книги напечатаны *). Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ еще, что во времена Яхонтова въ Чердыни существовалъ Іоанно-Бого-

*) Библіографію Великопермскихъ писцовыхъ книгъ см. въ «Пермск. Стар.» вып. I, 70—73.

словскій монастырь, межа владѣній котораго на рѣчкѣ Чудовкѣ упоминается впрочемъ и Яхонтовымъ. Это былъ первый во всей Перми Великой монастырь, возникшій съ тѣхъ поръ, „какъ Пермичи крещенье приняли“ (въ 1462—3 г.г.), и имѣвшій свои вотчины, по коимъ Яхонтовъ составилъ особыя писцовыя книги. Послѣднія, къ сожалѣнію, доселѣ не найдены, и мы знаемъ только небольшое извлеченіе изъ нихъ, сдѣланное въ царской грамотѣ этому монастырю отъ 10 августа 1580 г. „И всего за Богословскимъ монастыремъ, по писцовымъ книгамъ,—говоритъ эта грамота—пашни и перелогу 32 четверти, да лѣсу пашеннаго 37 десятинъ, да сѣна 500 копенъ“ *).

Кромѣ того изъ грамотъ же извѣстно еще о существованіи въ Чердыни въ концѣ XVI вѣка деревянной крѣпости, которая возникла еще въ 1535 году, вмѣсто сгорѣвшей тогда въ Покчѣ такой же крѣпости, и была построена Давыдомъ Курчевымъ **). Къ началу XVII вѣка Чердынская крѣпость успѣла уже обветшать и требовала ремонта. Это видно изъ царской грамоты 1614 г. относительно составленія описи городу Перми. Самая опись, къ сожалѣнію, до насъ не дошла, но въ грамотѣ приведено нѣсколько словъ, указывающихъ тогдашнее состояніе крѣпости, или, по тогдашнему, *города*: „Въ Перми *городъ* Чердынь деревянный, а на *городѣ* шесть башенъ, а мосты и обломы на городѣ и на башняхъ сгнили и кровля обвалилась; а у *города* четверы ворота да тайникъ завалился; а на *городѣ* наряду: пушка мѣдная 12 пядей въ станку, а станокъ и колеса ветхи и худы; пушка мѣдная 9 пядей въ станку жъ; а по счету къ тѣмъ пушкамъ 294 ядра желѣзныхъ, вѣсомъ по 2 гривенки (т. е. фунта); пушка мѣдная по ..... пядей, а по счету къ тѣмъ пушкамъ 608 ядеръ желѣзныхъ вѣсомъ по 4 гривенки, а иныя въ

*) «Пермс. Старина» вып. I, 84—85. «Акты Историч.» I, № 207. «Пермс. Лѣтопись» Шишонко. I, стр. 89.

**) «Пермс. Старина». I, 169.

полчетверти, а иныя въ три гривенки"*). Укрѣпленія въ Чердыни и другихъ городахъ въ XVI в. сооружались на случай защиты отъ частыхъ въ тѣ времена набѣговъ Вогуличей, Ногайскихъ Татаръ и другихъ сосѣдей Перми Великой.

Писецъ Яхонтовъ не сообщаетъ ничего какъ о Чердынской крѣпости, такъ и о церквахъ, которыхъ въ его время въ городѣ было, конечно, нѣсколько. Только при перечисленіи торговыхъ лавокъ Яхонтовъ упоминаетъ между прочимъ 4 лавки Никольскаго Великорѣцкаго попа, указывающія на существованіе церквей. Вообще онъ даетъ свѣдѣнія исключительно экономическаго характера, но свѣдѣнія эти очень цѣнны по своей достовѣрности и точности. Объ отхожихъ рыбныхъ ловляхъ и варницахъ рѣчь будетъ въ слѣдующей главѣ.

Б. Чердынь въ 1623—1624 годахъ.

Теперь посмотримъ, какова была Чердынь при Кайсаровѣ. Подобно Яхонтову, Кайсаровъ называетъ общимъ родовымъ именемъ *посадскихъ людей* все коренное неслужилое населеніе города, но установляетъ болѣе точную группировку его въ имущественномъ отношеніи на слѣдующіе классы: 1) *лучшіе люди*, 2) *середніе люди* пашенные и безпашенные, 3) *молодшіе люди* пашен. и безпашен., 4) *самые молодшіе люди* и 5) *бобыли*—бѣдные безземельные жители, преимущественно вдовы, владѣвшіе только дворами. Здѣсь прежде всего чрезвычайно важно замѣтить, что въ писцовыхъ книгахъ Кайсарова принята не однообразная соха въ 64 двора, какъ у Яхонтова, а другая, основанная на имущественномъ цензѣ разныхъ классовъ населенія. Размѣръ Кай-

*) «Акты Историч.» т. III №№ 8 и 43. Еще см. «Акты Археогр. Экспед.» III, № 13 и статью архимандрита *Макарія*: «Памятники древности въ Пермской губерніи» въ «Запискахъ Императ. Археологическ. Общества», т. VIII. СПБ. 1856 г. стр. 197—234.

саровской сохи указанъ въ Усольскихъ писцовыхъ книгахъ 162³/₄ годовъ, изданныхъ Шишонко по архивному списку Соликамской городской думы въ его „Пермской Лѣтописи“ т. II, гдѣ см. стр. 152, и отдѣльною книгою (Пермь. 1872 г., стр. 33). Здѣсь сказано: „А по Государеву Цареву Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всея Россіи наказу, *положено въ соху: лучшихъ людей по сорока (40) дворовъ, середнихъ людей— по шестидесятъ (60) дворовъ, молотчихъ—по восмидесятъ (80) дворовъ, самыхъ молотчихъ людей—по сту двадцати (120) дворовъ*“. На этой нормѣ основана у Кайсарова вся сошная раскладка дворовъ разныхъ классовъ населенія. Слѣдовательно, Кайсаровская соха для разныхъ классовъ дробилась такъ:

	Соха.		¹/₂ сохи.	¹/₄ сохи.	¹/₈ сохи.	
1) лучшихъ людей	40	дворовъ	20,	10,	5	и т. д.
2) среднихъ людей	60	„	30,	15,	7¹/₂	„
3) молодшихъ	80	„	40,	20,	10	„
4) самыхъ молодш.	120	„	60,	30,	15	„

Дворовъ лучшихъ людей Кайсаровъ насчитываетъ 5 и сошнаго письма съ нихъ пол-чети сохи, т. е. ¹/₈ часть сохи: Дмитрія Верещагина съ сыномъ Алексѣемъ, Прокопія Вологженинова, Ѳедора Свирѣпова, Замятни-Гуляева съ сыномъ Иваномъ и Богдана Пименова съ двумя племянниками. Дворовъ середнихъ людей пашенныхъ показано 15 и безпашенныхъ тоже 15, всего дворовъ „середнія статьи“—30, а сошнаго письма съ нихъ пол-сохи. Дворовъ молодшихъ людей пашенныхъ показано 18, безпашенныхъ 71, всѣхъ дворовъ этой статьи 89; а сошнаго письма со всѣхъ 89 молодшихъ дворовъ показано „съ живущихъ соха съ полу-четью“ или 1¹/₈ сохи (80+10=90 дворовъ). Наконецъ дворовъ самыхъ молодшихъ людей было 151, сошнаго письма съ нихъ приходилось соха съ четью (120+30=150 дворовъ). *И всего въ Чердыни на посадѣ,* говоритъ Кайсаровъ, *двѣсти семьдесятъ пять* (275) *дворовъ, а въ нихъ посадскихъ всякихъ тяг-*

лыхъ людей триста девять (309) *человѣкъ"*)*. Затѣмъ Кайсаровъ отдѣльно показываетъ на посадѣ 29 бобыльскихъ дворовъ, изъ коихъ 26 принадлежали вдовамъ бобылей; людей въ нихъ было 32 чел. обоего пола. И такъ дворовъ всѣхъ разрядовъ на посадѣ Чердыни было собственно 304, а людей, владѣвшихъ дворами, 341 человѣкъ. Въ этомъ отношеніи со времени Яхонтова Чердынь имѣла за 44 года незначительный успѣхъ.

Хозяйство Чердынскихъ посадскихъ людей при Кайсаровѣ было слѣдующее: „*Пашни пахотные* посадскихъ людей въ городскихъ поляхъ *худые земли сто девяносто девять (199) четей* съ четверикомъ въ полѣ, а въ дву потому же, да *перелогов двѣсти пятьдесятъ (250) четей"**)*. Со времени Яхонтова замѣчаемъ значительное сокращеніе пахотной земли и нѣкоторое увеличеніе переложной. За то Кайсаровъ впервые указываетъ у нѣкоторыхъ посадскихъ людей *отхожія пашни*, т. е. такія, кои не входили въ число „городскихъ полей", а были гдѣ-нибудь на сторонѣ, вдали отъ Чердыни, и въ которыя не могли вступаться однообщественники. Въ нихъ жило 7 *исполовниковъ*, работавшихъ исполу; а владѣльцы платили особый оброкъ за землю. Отхожая земля была худа, какъ и городская, и заключала въ себѣ 140 четей, въ трехъ поляхъ. Въ общемъ, количество земли у Чердынскихъ посадскихъ людей за 44 года все таки уменьшилось. Городской выгонъ или „животинный выпускъ", находившійся за рѣкою противъ города, при Кайсаровѣ имѣлъ прежніе размѣры. Количество сѣна и лѣса пашенныхъ крестьянъ почему-то не показано ни у Шишонко, ни въ рукописномъ сборникѣ.

---

*) Дубровинскій сборникъ писцовыхъ книгъ, листы 52—57. Общій итогъ посадскихъ тяглыхъ людей согласенъ съ тѣмъ, какой у меня показанъ на основаніи изданія Шишонко въ «Пермской Старинѣ» I, стр. 77 и II, стр. 47; но частныя показанія по отдѣльнымъ группамъ у Шишонко перепутаны, а его ошибки невольно повторены и въ моемъ изданіи. Показанія Дубровинскаго сборника, здѣсь приведенныя, должно считать болѣе правильными.

**) Дубровинск. сборн., листы 57—58. У Шишонко этотъ итогъ пропущенъ.

Перечисляю отхожія худыя земли Чердынцевъ по Дубровинской рукописи: 1) *починокъ Онфилошки Потапова* сына Углеченина (изъ середнихъ пашен. людей Чердыни), въ немъ жилъ его исполовникъ Сенька Осиповъ Рычковъ, пашни 10 четей съ осминою; его же дворъ въ деревнѣ Остяцково, гдѣ жилъ другой его исполовникъ Ивашко Семеновъ, пашни худыя 2 чети съ осминою. 2) Починокъ *Анфиловъ* Ларьки Потапова сына Углеченина, изъ середнихъ безпашен. людей, а „въ немъ деревня Аултъ"*), т. е. по близости, невдалекѣ; перелогу 8 четей въ полѣ, а въ дву потому же. 3) Починокъ Распопова, а при немъ дер. Митрея Верещагина (изъ числа лучшихъ людей Чердыни), а въ немъ исполовникъ его Максимко Петровъ Москвитинъ, да мѣсто дворовое, пашни въ трехъ поляхъ худыя 16 четей съ осминою. 4) *Починокъ, что была деревня Давыдовская*, на р. Колвѣ, а въ немъ дворъ Гаврила Иван. Лаптева, а въ немъ исполовникъ его Гаврило Степан. Хлѣбниковъ съ братьями Алешкою и Тимошкою; пашни худыя 9 четей въ 3 поляхъ; сѣна на Колвѣ и устьѣ Вишеры 150 копенъ. 5) За Гавриломъ же въ Кольчужскомъ стану, въ деревнѣ Корнинѣ, два пустыхъ двора, перелогу въ трехъ поляхъ 6 четей. 6) Починокъ *Горбуново* за Алешкою Стефановымъ Одинцовымъ, а въ немъ его дворъ, пашни 12 четвертей съ осминою въ трехъ поляхъ. 7) Въ Вильгортѣ дворъ Треньки Стефанова Одинцова, худой пашни въ трехъ поляхъ 20 четей. 8) Въ Вильгортскомъ стану, въ починкѣ Истоминскомъ дворъ лучшаго человѣка Прокопья Васил. Вологжанина, пашни худой 2 чети съ осминою въ трехъ пол. 9) Того же Прокопья въ томъ же станѣ, въ деревнѣ Шипицынѣ, Агайгортъ тоже**), дворъ его на пріѣздъ, да дворъ его половника Лукошка Матв. Бычкова, пашни худой 16 четей съ

---

*) Въ изданіи Шишонко вмѣсто Аултъ показана дер. Адашева. «Перм. Лѣт.» II, 197. Трехполье вездѣ обозначается у Кайсарова словами: «столько-то четей въ полѣ, а въ дву потому же».

**) У Шишонко: Ай-гортъ. См. II, 199.

полуосминою въ 3-хъ поляхъ. 10) У него же отхожіе пашни Пимена Коробейникова 5 четвер. съ осминою въ 3 поляхъ. 11) Въ деревнѣ Русановѣ дворъ Ивашка Барышникова, въ немъ его исполовникъ Спиридонъ Алексѣевъ Гузнищевъ, худой пашни 12 четей съ полуосминою въ 3 поляхъ. 12) За нимъ же въ Колчюкѣ (въ Колчуж. стану), въ дер. Корнинѣ (см. выше), дворъ*), а въ немъ половникъ его Тренька Гавр. Пологлазовъ, худой пашни 3 чети въ трехъ поляхъ**). 13) Въ деревнѣ Низовѣ пустошь Данилка да Ивашка Свирѣповыхъ, середнихъ людей, худой пашни въ 3-хъ поляхъ 21 четь безъ четверика. 14) Въ Низовѣ же середняго человѣка Васьки Свирѣпова худой пашни въ 3 поляхъ 4 чети съ осминою и съ четверикомъ. 15) Тамъ же Ѳедьки Свирѣпова худой пашни въ 3 пол. 8 четей (изъ лучшихъ людей Чердыни). 16) Тамъ же, въ Низовѣ, Дмитрія Верещагина, лучшаго человѣка, худой пашни 6 четей съ полуосминою и съ четверикомъ въ 3 поляхъ, да пашня лучшаго же человѣка Прокопья Вологжанина 10 четвертей съ осминою въ 3 поляхъ***).

Итого *отхожихъ* починковъ у Чердынцевъ было 4: 1) Амфилохія Потапова, 2) Анфиловъ, 3) починокъ, что была деревня Давыдовская и 4) Горбуново. Всѣ они по положенію находились въ Окологородномъ станѣ. Какъ въ нихъ, такъ и въ прочихъ мѣстахъ всей *отхожей* пашни худыя земли было 140 четей въ трехъ поляхъ, перелогу 14 четей, лѣсу пашеннаго не было, сѣна 150 копенъ.

Присоединяя сюда 199 четей худой пашни въ городскихъ земляхъ и 250 четей перелогу (тамъ же), получимъ,

---

*) А не по двору въ Кольчугѣ и Корнинѣ, какъ значится у Шишонко. II, 199.

**) У Шишонко пропущены два послѣдніе половника, почему общее ихъ число выходитъ 5, а не семь. См. II, 199.

***) Послѣднія три пашни лучшихъ Чердынскихъ людей совсѣмъ опущены у Шишонко. II, 200. Итогъ у него показанъ только худой землѣ—116 четей безъ полчетверика.

что всей земли пахотной Чердынцы при Кайсаровѣ имѣли 339 четей и перелогу 264 чети.

Полный списокъ *отхожихъ* пашенъ Чердынцевъ показываетъ, что землю на сторонѣ оброчили преимущественно люди состоятельные, отдавая ихъ часто въ испольщину (исполовникамъ); потому-то въ этомъ спискѣ встрѣчаются имена лучшихъ и середнихъ людей Чердыни. Чердынскій обычай оброчить отхожія земли получилъ широкое развитіе, и благодаря ему-то мало по малу возникъ уже ко времени Яхонтова обширный *Отхожій* округъ. Правительство охотно сдавало въ оброкъ обширныя и довольно пустынныя земли въ Перми Великой, давно оставленныя инородцами, получая отъ этого прямой доходъ и въ тоже время колонизируя край. Фамиліи *Вологжанинъ*, *Углеченинъ* показываютъ, откуда происходили первые русскіе насельники Чердыни и ея уѣзда. Вспомнимъ кстати, что въ Чердыни есть преданіе, будто нѣкоторые жители Углича были высланы сюда въ 1591 г. на поселеніе послѣ трагической смерти злополучнаго царевича Димитрія. Встрѣчаются въ писцовыхъ книгахъ и болѣе древнія фамиліи въ Чердынскомъ краѣ—*Ноугородцевъ* и *Колмогорцевъ;* напр. у Кайсарова: самый молодшій челов. Богдашко Вахрамѣевъ сынъ *Ноугородецъ*, молодшій—Ѳедотко *Колмогорецъ*.

Кромѣ земледѣлія, въ общемъ довольно скуднаго при мѣстныхъ неблагопріятныхъ почвенныхъ и климатическихъ условіяхъ, матеріальнымъ обезпеченіемъ жителей Чердыни служило рыболовство, а главнымъ образомъ торговля и нѣкоторые другіе промыслы и ремесла. При Кайсаровѣ рыболовный участокъ въ рѣчкѣ Чудовкѣ, который прежде оброчили Ивакины за 10 алтынъ 3 деньги въ годъ, теперь снимали другіе посадскіе люди Чердыни (имена ихъ не указаны) съ надбавкою къ прежнему оброку 5 алтынъ да пошлинъ полторы деньги, слѣдовательно за 15 алтынъ 2 копѣйки и пол-деньги въ годъ. Но кромѣ этого рыболовнаго участка

уже послѣ Яхонтова нѣкоторые Чердынцы стали брать на оброкъ у казны и другіе участки, а именно: самые молодшіе люди Сенька Ивановъ Латышевъ и Гаврилко Агафоновъ, по окладной росписи Чердынскаго воеводы Василія Бутурлина (былъ въ 1620—1622 г.г.), оброчили рыбныя ловли на усть рѣки Колвы за 20 алтынъ въ годъ, къ которымъ Кайсаровъ прибавилъ еще 10 алтынъ,—всего за 30 алтынъ, да пошлинъ съ оброку платили 1 алт. 3 деньги. Молодшій же безпашенный человѣкъ Коземка Никитинъ Прибытковъ оброчилъ рыбную ловлю въ Язьвенскомъ истокѣ за 15 алтынъ въ годъ, къ коимъ Кайсаровъ надбавилъ 7 алтынъ и 3 деньги,—а всего за 22 алтына 3 деньги, да пошлинъ съ оброку 7 денегъ*). (Язьва—притокъ Вишеры).

Середній пашенный человѣкъ Гаврилко Лаптевъ оброчилъ въ погостѣ Покчѣ, въ 5 верстахъ отъ города, мельницу съ большимъ колесомъ на родникахъ, которая была поставлена „послѣ Иванова письма Яхонтова". Оброку за мельницу Лаптевъ платилъ по 3 рубля на годъ, да пошлинъ съ оброку по 5 алтынъ (слѣдоват. съ рубля по 10 денегъ**).

Нѣкоторыя оброчныя статьи у Кайсарова упомянуты въ первый разъ и очень оригинальны, это именно оброкъ съ навозныхъ кучъ и съ зерновыхъ игръ. Что такое оброкъ съ навозныхъ кучъ? Можетъ быть, оброкъ брался только за мѣсто, занятое навозомъ, а можетъ быть, при плохой продуктивности почвы, цѣнилось и самое удобреніе. Оброкъ же съ зерновыхъ игръ былъ чѣмъ-то вродѣ трактирнаго налога нашего времени. Съ навозныхъ кучъ платили оброкъ въ казну лучшіе люди Прокопій Васильевъ Вологжаниновъ и Дмитрій Еремѣевъ Верещагинъ, которые имѣли и отхожія пашни: первый платилъ оброку до Кайсарова 5 алтынъ, „да новоприбылово" 2 алтына 3 деньги, пошлинъ полтретьи

*) Дубровинскій сборникъ, листъ 61. У Шишонко вмѣсто Язьвенскаго какой-то Язвольскій истокъ. См. II, 203.

**) ibidem.

(2½) деньги, а Верещагинъ платилъ съ навозныя кучи „старого по 3 алтына по 2 деньги, да новоприбылово 3 алтына 2 деньги и всего 6 ал. 4 деньги, пошлинъ 2 деньги. За „зерновыя игры“ платили самые молодшіе люди изъ посадскихъ Чердыни—Сенька Кузминъ сынъ Зеленово и Титко Ѳедуринъ съ товарищи оброку 2 рубля да пошлинъ 3 алтына 2 деньги*).

Особенно подробно перечисляетъ Кайсаровъ торговые сборы съ Чердыни, къ которымъ теперь мы обратимся. Такъ какъ именной списокъ посадскихъ людей Чердыни не напечатанъ во II томѣ „Пермской Лѣтописи“, то мы должны по именамъ перечислить и всѣхъ торговыхъ людей, какъ поступали и относительно прочихъ Чердынскихъ промышленниковъ. Подобно Яхонтову, Кайсаровъ дѣлитъ торговыя лавки на „статьи“, но установляетъ болѣе сложную группировку ихъ, какъ дѣлаетъ и въ отношеніи имущественнаго раздѣленія всѣхъ жителей Чердыни. Кайсаровъ установляетъ четыре статьи торговыхъ лавокъ, подраздѣляя каждую статью на лавки, амбары и выходы, для которыхъ назначено различное обложеніе; затѣмъ особо перечисляетъ полки мясныя и хлѣбныя, соляные и хлѣбные амбары и кузницы, вездѣ точно указывая слѣдующій съ нихъ оброкъ и пошлины. Лавки двухъ первыхъ статей, платившія высшій окладъ, оброчились преимущественно лучшими и середними людьми, остальныя—молодшими и самыми молодшими. Перечислимъ торговыхъ людей, оброки и пошлины въ нисходящемъ порядкѣ.

Лавки первой статьи:

Лучшихъ людей Богдана Пименова и Прокопія Вологжанина, середнихъ безпашенныхъ людей Михалка Игнатьева Кожевникова съ братомъ его Тренькою—всего 3 лавки.

---

*) Дубровинскій сборникъ, листы 61—62.

Оброку съ нихъ 25 алтынъ, пошлинъ одинъ алтынъ полторы деньги; по полтинѣ съ лавки, пошлинъ по полтретьи ($2^1/_2$) деньги (съ лавки).

Лавки второй статьи:

Пол-лавки Богословскаго монастыря, а другая половина Григорья Жаворонкова; лавка середняго безпашен. человѣка Ѳомки Васильева Ковѣзина и молодшаго безпаш. Богдашки Ѳедорова Колотова; лавка церковная Живоначальной Троицы; два амбара Воскресенскихъ, а у нихъ пять выходовъ; лавка Ларьки Игнатьева Качанова; лавка Микитки Ѳедулова; амбаръ церковный Стефана Великопермскаго съ тремя выходы; амбаръ церковный же Живоначальныя Троицы.—И всего другія статьи 5 лавокъ, да 4 амбара, а у тѣхъ амбаровъ 9 выходовъ.

Оброку съ лавокъ, амбаровъ и выходовъ: 2 рубли 26 алтынъ 4 деньги; съ каждой лавки и выхода оброку и пошлинъ по 7 алтынъ или 21 копѣйкѣ.

Лавки третьей статьи:

Амбаръ церковный Прокоѳія Чудотворца, а у него 8 выходовъ; амбаръ Богоявленскаго монастыря съ 3 выходами; лавка Андрюшки Иванова Поршеникова; лавка церковная Николы Чудотворца; амбаръ церковной Живонач. Троицы на оба лица съ 3 выходами.—И всего третьей статьи 2 лавки, да 3 амбара, а у нихъ 14 выходовъ.

Оброку съ нихъ по 5 алтынъ съ выхода или 15 коп., итого 2 р. 13 алт. 2 деньги, пошлинъ 4 алтына.

Лавки четвертой статьи:

Лавка Дмитрія Верещагина (лучшаго челов.); пол-лавки Дружинки Яковлева (середн. челов.), другая пол-лавки Треньки Денисова; лавка церковная Пречист. Богородицы Успенскаго монастыря; треть лавки церковныя Стефана Великопермскаго,

другая треть Ѳедота Колмогорца (молодш. безпаш.), третья—Семена Вологжанина; лавка Соѳонка Прокоп. Пугина; два амбара соляныхъ Пресв. Богородицы Успенскаго монастыря съ двумя выходами; амбаръ церковный Николы Чудотворца съ двумя выходами; соборной церкви Воскресенія Христова подъ папертью 8 лавокъ, да подъ тою же папертью Николы Чудотворца Великорѣцкаго (упомянутаго и у Яхонтова) 2 лавки.—И всего четвертой статьи 15 лавокъ, 3 амбара и у нихъ 4 выхода.

Оброку: по 3 алтына по 2 деньги съ выхода или по 10 коп., итого рубль 30 алтынъ, пошлинъ 3 алтына съ деньгою*).

Итакъ по оброку статьи различались слѣдующимъ образомъ: съ первой статьи по 51¼ копѣйки съ выхода лавки и амбара, второй—по 21 коп., третьей—по 15 и четвертой—по 10 коп. Далѣе Кайсаровъ перечисляетъ еще полки мясныя и хлѣбныя въ числѣ семи: Павлика Пономарева, Сеньки Бѣскова, Ѳоньки Горшкова, Гаврилка Яковлева, Алешки Пересадина, Гришки Колотова и Ивашки Лелюхина. Оброку со всѣхъ нихъ 11 алтынъ 4 деньги, да пошлинъ 4½ деньги; съ каждой полки по 10 денегъ, пошлинъ по пол-деньгѣ**).

Особо показаны затѣмъ „подъ горою на рѣкѣ Колвѣ“ амбары соляные и хлѣбные посадскихъ людей, а именно: Прокопія Вологжанина, лучшаго челов., Гаврилка Лаптева, средняго челов., и Артюшки Могильникова. Оброку съ трехъ амбаровъ 10 алтынъ, пошлинъ 3 деньги.

Наконецъ показано въ Чердыни 5 кузницъ: Первушки Дедюхина, Серьгушки Устюжанина, Треньки Андреева, Куземки Котельника и Самсонка Устюжанина и съ нихъ оброку 25 алтынъ, пошлинъ 7½ денегъ.

---

*) Дубровинск. сборн., листы 59—61.

**) ibidem, листъ 61. Вмѣсто 4½ деньги пошлины здѣсь слѣдовало показать 3½ деньги.

Всего съ лавокъ, амбаровъ и кузницъ Чердынь платила 9 руб. 19 ал. 1½ д.

Всѣмъ сказаннымъ не ограничивалась промышленная дѣятельность Перми Великой Чердыни: многіе посадскіе люди имѣли рыбныя ловли и соляныя варницы въ уѣздѣ Чердынскомъ—отчасти въ сообществѣ съ уѣздными крестьянами, почему объ этихъ промыслахъ мы скажемъ въ слѣдующей главѣ.

Существованіе же разныхъ ремеслъ въ древней Чердыни доказывается многими прозваніями мѣстныхъ жителей, впослѣдствіи превратившимися въ фамиліи. Напримѣръ въ числѣ молодшихъ безпашен. людей упомянуты: Тренька Ондріевъ сынъ *Кузнецъ,* Осипко Григорьевъ сынъ *Шерстобитъ*, Попко Ивановъ сынъ *Скорнякъ;* въ числѣ самыхъ молодшихъ людей: Пронька Онтоновъ сынъ *Сапожникъ,* Сенька Овдѣевъ сынъ *Портной-мастеръ*, Петко Дмитріевъ сынъ *Винокуръ,* Аѳонька и Поспѣлко сынъ *Хмѣлерванъ,* Матюшка Ѳедоровъ сынъ *Судовщикъ*, Гришка Емельяновъ сынъ *Горшечникъ*, Тренька Омельяновъ сынъ *Плотникъ,* Бориско Степановъ сынъ *Колачникъ*. Между молод. безпаш. людьми упомянутъ также Кондрашко Нифонтовъ сынъ *Рыболовъ* и т. д. Нѣкоторыя фамиліи указываютъ народность, напр.: самые молодшіе люди Нежданко Семеновъ сынъ *Зырянъ*, Богдашко Олексѣевъ сынъ *Зырянъ*, Ѳеонька Васильевъ сынъ *Корѣла,* Ортюшка Ѳеонасьевъ сынъ *Корѣла,* Родька Ивановъ сынъ *Черемисиновъ;* а въ погостѣ Анисимовѣ близъ Чердыни упомянутъ пашенный крестьянинъ Иванко *Югринъ* (въ писц. кн. Яхонтова). Есть фамиліи по тѣмъ областямъ, откуда явились первые русскіе насельники города, напр.: самый молодш. человѣкъ Богдашко Вахромѣевъ сынъ *Ноугородецъ,* вдова бобыля Ѳеросиньица Юрьевская жена *Ноугородца*, самый молодш. чел. Ивашко Максимовъ сынъ *Казакъ*. Упоминаются и предки нѣкоторыхъ нынѣшнихъ жителей Чердыни, напр. середній пашенный человѣкъ Володька Яковлевъ сынъ *Юрганов* съ братьями,

самые молодшіе люди Гришка Микифоровъ сынъ *Мичюринъ*, Ѳедька Сидоровъ сынъ *Мичюринъ*, Алешка Осиповъ сынъ *Ременниковъ* (молодш. безпаш. чел.), вдова бобыля Лукерьица Юрьевская жена *Ременникова*, молодш. безпаш. чел. Десятко Омельяновъ сынъ *Оболенской;* Сергушка *Алинъ,* владѣлецъ солеварни; въ деревнѣ же Кушпелевой еще Яхонтовъ упоминаетъ пашенныхъ крестьянъ Тимошку и Савку *Лунѣговыхъ*, а въ погостѣ Онисимовѣ—Сергійка *Селиванова.*

Подводя итогъ торгово-промышленнымъ сборамъ съ Чердыни, Кайсаровъ указываетъ и общій итогъ поземельныхъ и всѣхъ прочихъ налоговъ, слѣдовавшихъ въ казну съ этого города Этотъ итогъ въ сборникѣ Дубровиныхъ указанъ не вполнѣ, почему я приведу его по изданію Шишонко. Кайсаровъ въ Чердыни насчитываетъ три сохи и сборы дани, оброка и пошлинъ раскладываетъ по нимъ. Мы уже знаемъ, что Кайсаровымъ въ каждую соху полагалось не одинаковое число лучшихъ, среднихъ и молодшихъ людей, какъ у Яхонтова*). Вотъ его слова: „Денежныхъ доходовъ съ посадскихъ людей—съ животовъ (имущества), и съ промытовъ (перевозовъ), и съ пашенъ, и съ трехъ сохъ дани, и за ямщину, и приметныя деньги, и за городское и за рѣзное дѣло—127 рублей 16 алтынъ 4 деньги; да казначейскихъ и дьячьихъ пошлинъ 3 руб. 24 алт., съ сохи по 1 руб. по 8 алт.; да за намѣстничъ доходъ (на содержаніе намѣстника и воеводы) 12 руб. 23 алт.. съ сохи по 4 руб. по 8 алт. по 2 деньги; да съ 29 дворовъ бобыльскихъ оброку 2 руб. 30 алт., да пошлинъ съ оброку 4 алт. 5 ден.,—съ двора по гривнѣ, пошлинъ по деньгѣ; да съ 7 дворовъ половничьихъ оброку 1 рубль 1 алтынъ, да пошлинъ съ оброку 1 алтынъ

---

*) Въ Устюгѣ Великомъ, по писцовой книгѣ Вышеславцева 1630 г., полагалось въ соху: лучшихъ дворовъ 13, среднихъ 30, молодшихъ 70 и самыхъ молодшихъ 100 дв. «Вологодская Старина» *Мерцалова,* СПБ. 1889 г., стр. 96.

4 1/2 деньги,—съ двора по 5 алт., пошлинъ по 1 1/2 деньги" *). *Всѣхъ сборовъ съ Чердыни по этимъ статьямъ было 148 р. 1 алт. 1 1/2 д.*

Теперь складываемъ всѣ сборы съ города Чердыни при Кайсаровѣ, выше перечисленные, считая оброки и пошлины съ нихъ.

1. За рыбныя ловли, мельницу, навозныя кучи и зерновыя игры 7 руб. 22 алт. 16 коп. 1/2 деньги.

2. Съ торговыхъ лавокъ, амбаровъ, выходовъ, полокъ, соляныхъ и хлѣбныхъ амбаровъ и кузницъ 9 руб. 14 алт. 15 коп. 1 1/2 деньги.

3. Поземельныхъ и прочихъ сборовъ съ дворовъ посадскихъ, бобыльскихъ и половничьихъ 148 рублей 3 коп. 1 1/2 деньги.

Всѣхъ вообще сборовъ съ города было 165 руб. 13 алт. 4 коп. 1 1/2 деньги.

Увеличивъ эту сумму въ 12 разъ, получимъ около двухъ тысячъ рублей по нынѣшней стоимости денегъ, что при тогдашнемъ населеніи города Чердыни (341 дворовладѣлецъ) составляло плату около 6 руб. по нашему счету на каждый дворъ, или около полтины по тогдашнему счету. Само собою разумѣется, что на высшіе классы лучшихъ и середнихъ людей, имѣвшихъ въ своихъ рукахъ больше земли и разныхъ оброчныхъ статей, и сборовъ приходилось больше, нежели на прочіе классы,—тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ увидимъ дальше, имѣли еще соляныя варницы въ уѣздѣ, которыя облагались, конечно, особо отъ прочихъ статей.

---

*) «Пермская Лѣтопись» Шишонко, II, 200—201. Кстати замѣтимъ, что при финансовыхъ показаніяхъ Яхонтовъ и Кайсаровъ нигдѣ не вводятъ въ счетъ копѣйки, а считаютъ на алтыны и деньги, тогда какъ въ наше время, наоборотъ, денежка считается рѣдко, а копѣйка—постоянно. Я принималъ мѣстами копѣйки для точности счисленія.

Интересно сравнить въ историко-экономическомъ отношеніи Чердынь временъ Кайсарова, т. е. 1623—4 г.г., съ другими городами того же времени У насъ есть свѣдѣнія объ Устюгѣ Великомъ и Вологдѣ. По сошной книгѣ письма и мѣры Никиты Вышеславцова да подъячаго Агея Ѳедорова 1630 г., Устюгъ Великій въ этомъ году доставилъ государевой казнѣ всякихъ денежныхъ доходовъ 419 руб. 17 алтынъ 5 денегъ*). Между тѣмъ Вологда, по такимъ же книгамъ князя Ивана Мещерскаго да подъячаго Ѳедора Стогова 1627 г., доставила государевой казнѣ только 160 руб. 3 алтына**), слѣдовательно меньше Чердыни. Дальше мы увидимъ, каковы были казенные сборы съ Соликамска при томъ же Кайсаровѣ.

Іоанно-Богословскій монастырь, старѣйшій во всей Перми Великой, у Кайсарова описывается въ общей писцовой книгѣ по Чердынскому уѣзду довольно кратко, потому что для монастыря онъ составилъ, конечно, особую книгу, до насъ не дошедшую***). Церковь Іоанна Богослова, стоявшая въ сѣверо-восточномъ углу Чердыни, на самомъ берегу Колвы, тамъ же, гдѣ и нынѣ стоитъ церковь во имя того же святого позднѣйшей постройки, есть первый христіанскій храмъ во всей Перми Великой, первоначально построенный въ 1462—3 г.г. еще преподобнымъ Іоною, крестителемъ прикамскихъ Пермяковъ. Изъ описанія Кайсарова можно догадываться, что въ 1623—4 г.г. этотъ храмъ былъ каменный „вверхъ шатромъ", такъ какъ на воротахъ обители былъ тогда еще другой храмъ Вознесенія Господня, о которомъ Кайсаровъ прибавляетъ: „храмъ древянъ" (Нынѣ храмъ въ

*) *Мерцаловъ:* «Вологодская Старина». СПБ. 1889 г., стр. 102.

**) ibidem, 62.

***) Въ Дубровинскомъ сборникѣ выпущено все, что касается монастыря, церквей и укрѣпленій Чердыни, почему эти свѣдѣнія я заимствую изъ «Пермской Лѣтописи», томъ II.

два этажа: нижній во имя Іоанна Богослова, верхній во имя Вознесенія). По второму храму и самая обитель называлась изрѣдка такъ: „обитель Вознесенія Господня, Іоанна Богослова общежительный монастырь“, какъ сказано наприм. въ извѣстномъ Чердынскомъ синодикѣ, гдѣ записаны Пермскіе князья. („Пермс. Старина“, I, 158—159). Кромѣ соименныхъ храмамъ образовъ Кайсаровъ подробно описываетъ образа Одигитріи и Неопалимой Купины, Богородицы Умиленія и Запрестольной, Прокопія Устюжскаго, Бориса и Глѣба, Ѳедора Стратилата и муч. Ирины. Монастырь стоялъ за „городомъ“, т. е. внѣ Чердынской крѣпости, кромѣ двухъ храмовъ—центральнаго и на воротахъ—имѣлъ при нихъ колокольню*), 14 келій, въ коихъ жили при Кайсаровѣ 19 „старцовъ рядовыхъ“, келарь, казначей да черной попъ; было еще 4 кельи пустыхъ, дворъ служекъ и дворъ конюшенный. Земли въ городскихъ поляхъ монастырь имѣлъ 4 четверти въ полѣ, а въ дву потому же; сѣна за р. Колвою по рѣчкѣ Чудовкѣ 250 копенъ, да на той же рѣчкѣ колесную мельницу. Кромѣ того у монастыря была небольшая вотчина съ слѣдующими 6 деревнями: *Княжею, Глѣбовою, Сюрьевой* (вѣроятно, нынѣшній Сюрсъ), *Блиновой, Тушиной и Исаковской.* Изъ нихъ первыя 4 нынѣ въ Кушмангортской волости и послѣднія 2—въ Пянтежской. Былъ еще одинъ пустой дворъ монастыря въ погостѣ Кольчугъ. „Всего къ Богословскому монастырю и къ его деревнямъ худой земли 40 четей въ полѣ, а въ дву потому же, да перелогомъ 15 четей съ осминою; сѣна 300 копенъ. А въ сошное письмо та пашня не положена, пашутъ ее монастырскіе дѣтеныши**). Первыя земли завѣщаны были монастырю еще Пермскими князьями

---

*) Подробное описаніе тогдашнихъ храмовъ см. въ «Пермс. Лѣтоп.» II, 207—208. Описаніе нынѣшняго храма Іоанна Богослова см. въ моей статьѣ: «Историко-археологическіе очерки Чердынскаго края» въ «Памятн. книгѣ Пермской губерніи на 1883 годъ».

**) «Пермская Лѣтопись» II, 208—209.

Михаиломъ и Матвѣемъ, принявшими св. крещеніе. Это видно изъ грамоты 1580 г., упоминающей „за Богословскимъ монастыремъ княжь Матвѣевскія Великопермскаго пустыя земли и лѣса и луга“ (см. Пермс. Стар. I, 161). Не отсюда-ли произошло названіе монастырской деревни *Княжей?* Дальнѣйшую исторію Іоанно-Богословскаго монастыря и порядокъ его настоятелей мы изложили уже во II выпускѣ „Пермск. Стар.“ на стр. 54—55.

Кромѣ мужскаго Богословскаго монастыря въ Чердыни при томъ же Кайсаровѣ существовалъ еще Успенскій дѣвичь монастырь. Когда онъ возникъ въ Чердыни—не извѣстно. Вѣроятно, онъ находился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и сейчасъ стоитъ Успенская церковь—единственный остатокъ бывшей обители. Въ дѣвичьемъ монастырѣ было также двѣ церкви Успенія Богородицы и Іоанна Предтечи, послѣдняя съ придѣломъ Бориса и Глѣба. Въ Успенской церкви Кайсаровъ подробно описываетъ образа: Пресвятыя Богородицы Успенія, Одигитріи, запрестольную и образъ архангела Михаила; въ Іоанно-Предтечевской церкви—образа Богородицы Умиленія и Бориса и Глѣба. Послѣдней церкви въ Чердыни давно не существуетъ. Богослужебныя книги, упоминаемыя Кайсаровымъ, были однѣ печатныя, другія письменныя. „А книги переносятъ изъ церкви въ церковь, строеніе мірское“, замѣчаетъ писецъ. Колокольня у церквей была общая, имѣла „4 колокола средніе“. Въ монастырѣ было 19 келій и въ нихъ 31 старица, да особыя кельи игуменьи Евфросиніи и проскурницы, да 1 келья пустая, да „мѣсто келейное“, да за монастыремъ дворъ дьячка Афоньки Михайлова да пономаря Исачки Иванова. Никакой пашенной или иной земли за монастыремъ писецъ не показываетъ*).

*) Все описаніе дѣвичьяго монастыря въ Дубровинскомъ сборникѣ выпущено, почему см. его въ «Пермс. Лѣтоп.», т. II, стр. 194—195.

Переходимъ къ Чердынскимъ храмамъ временъ Кайсарова. Первою церковью не только въ Чердыни, но и во всей Перми Великой, какъ мы знаемъ, несомнѣнно была Іоанно-Богословская монастырская. Изъ приходскихъ же церквей Чердыни прежде всѣхъ упоминается въ источникахъ церковь Варлаама Чудотворца. 30 апрѣля 1553 года въ ней былъ пожаръ, истребившій хранившуюся въ этой церкви Великопермскую уставную грамоту Чердынцевъ и Усольцевъ XVI вѣка*). Эта церковь стояла внѣ крѣпости на посадѣ и, судя по тому, что въ ней хранился важнѣйшій документъ, коимъ опредѣлялись всѣ права Чердынскихъ и Усольскихъ посадскихъ людей, она была едва-ли не древнѣйшею церковью на посадѣ Чердыни, особенно почитаемою среди другихъ. Это видно и изъ того, что она посвящена была имени великаго чудотворца, мощи котораго покоятся донынѣ въ Хутынскомъ монастырѣ около Новгорода Великаго; а это какъ бы указываетъ на то, что основателями ея были еще выходцы изъ Новгорода, отъ котораго Пермь Великая зависѣла до 1472 года, хотя только и номинально въ послѣдніе годы Новгородскаго періода Пермской страны. Послѣ пожара 1553 г. церковь была возстановлена и существовала при Кайсаровѣ, но уже въ качествѣ приписной къ храму св. Прокопія Устюжскаго, находившемуся также въ острогѣ на посадѣ Чердыни. Это видно, во 1-хъ, изъ того, что въ церкви Варлаама при Кайсаровѣ служилъ „Прокопьевскій же священникъ Павелъ“, а во 2-хъ изъ того, что въ самомъ Прокопьевскомъ храмѣ важнѣйшими образами Кайсаровъ считаетъ Прокопія Устюжскаго и Варлаама Хутынскаго**). Въ 162³/₄ г.г. храмъ Варлаама Хутынскаго Чудотворца былъ „древянъ клѣтцки“, имѣлъ колокольницу съ 6 коло-

*) Въ «Пермск. Стар.» вып. I, на стр. 187, читаемъ: «и та наша грамота сгорѣла лѣта 7061 году апрѣля въ тридесятый день въ церкви Варлаама Чудотворца на посадѣ».

**) «Пермская Лѣтопись», II, стр. 191—192.

колами „средними и меньшими“ и двѣ иконы „на золотѣ“: Одигитріи и Варлаама Хутынскаго; на послѣдней въ числѣ украшеній писецъ показываетъ *ноугородку золочену*)*. Все описаніе Кайсарова убѣждаетъ насъ, что въ его время церковь Варлаама Хутынскаго въ Чердыни уже далеко не пользовалась прежнимъ значеніемъ. Въ самомъ началѣ нашего вѣка этой церкви въ Чердыни уже не существовало. Не положилъ-ли конца ей страшный Чердынскій пожаръ 1792 года?

Второе мѣсто, по древности упоминанія въ источникахъ, принадлежитъ въ Чердыни церкви Николая Чудотворца Великорѣцкаго. Первое упоминаніе ея находимъ въ книгахъ Яхонтова 1579 г., а Кайсаровъ дѣлаетъ очень подробное ея описаніе. Въ его время этотъ храмъ на посадѣ былъ „узорчатъ, верхъ шатромъ, древянъ“, былъ богато украшенъ иконами, имѣлъ приписную церковь Флора и Лавра теплую „клѣтцки“, общую при нихъ колокольню, на которой былъ большой колоколъ 18 пудовъ, подъ нимъ—въ 8 пудовъ, третій въ 7 пудовъ и 2 колокола по 3 пуда. Изъ иконъ въ Никольскомъ храмѣ писецъ подробно описываетъ: Живоначальной Троицы, Благовѣщенія, Николы Чудотворца, „стоящей, писанъ на золотѣ, въ кіотѣ съ притворы“, а у него прикладу..... 52 гривны серебряныхъ.... да 2 „*ноугородки золочены*“; далѣе образа: Спасовъ въ трехъ видахъ, Богородицы Умиленія въ двухъ видахъ, Богородицы Казанскія, Одигитріи, Николы Чудотворца выносной, Иліи пророка; въ приписной церкви иконы: Флора и Лавра, Николая Чуд., Одигитріи въ двухъ видахъ. Въ Никольскомъ храмѣ было еще „паникадило мѣдное, нѣмецкое, вѣсомъ 9 пудовъ“, да другое—древянное, да „въ казнѣ у Николы 3 кольчуги, 3 шелома (шлема)“. „Книги переносятъ изъ церкви въ церковь“. „Попа нѣтъ, а строеніе мірское**“). Послѣднее замѣ-

---

*) ibidem, II, 192. *Новгородками* назывались въ древности монеты Новгородскаго чекана. Новое любопытное свидѣтельство о древности церкви.

**) Полное описаніе храма Николы Великорѣцкаго см. «Перм. Лѣт.» II, 193—194.

чаніе какъ-то не вяжется съ описаніемъ богатаго храма. Вѣроятно, мѣсто священника въ 162³/₄ г.г. было вакантно, ибо еще Яхонтовъ въ 1579 г. упоминаетъ „Великорѣцкаго попа“.

Третьимъ по времени упоминанія храмомъ Чердыни должно признать храмъ Благовѣщенія съ придѣломъ Петра и Павла. При Кайсаровѣ его уже не существовало, ибо онъ указываетъ только „мѣсто церковное *въ городѣ*“, гдѣ *былъ* храмъ*).

Затѣмъ на посадѣ Чердыни Кайсаровъ указываетъ еще слѣдующія церкви: Живоначальной Троицы деревянную клѣтцки съ образами Богородицы Одигитріи и Умиленія и достаточнымъ запасомъ книгъ, но безъ ризъ, безъ попа, стоящую безъ пѣнія уже 6 лѣтъ; при церкви было мѣсто дворовое пономаря Ивашки Чекменева**). Судя по этому упадку, Троицкая церковь возникла еще задолго до Кайсарова.

Храмъ на посадѣ во имя Стефана Велико-Пермскаго Чудотворца***), „древянъ клѣтцки“ съ образами: св. Стефана, Николы Чудотворца Можайскаго, Воскресенія, Егорія Страстотерпца, Богородицы запрестольный и Одигитріи. При храмѣ была колокольня, дворы попа, дьячка и пономаря и пашни пахатныя церковныя 8 четей въ полѣ, а въ дву потому же. Въ противоположность Троицкой, эта церковь, какъ видимъ, была хорошо обезпечена.

Храмъ „теплый древянъ клѣтцки“ Климента, папы Римскаго съ образами: Климента, Петра Александрійскаго, Одигитріи, Пятницы Параскевы въ двухъ видахъ и еще Климента. Книгъ было довольно. Колокольня была только о двухъ небольшихъ колоколахъ.

---

*) «Перм. Лѣт.» II, 187.

**) ibidem II, 192.

***) Кайсаровъ вездѣ святителя Стефана неправильно называетъ «Великопермскимъ». О происхожденіи этой ошибки см. «Пермск. Стар.» II, 224.

Далѣе—*соборная* церковь Воскресенія съ придѣломъ Введенія. Хотя источники упоминаютъ о ней сравнительно поздно, но нѣтъ сомнѣнія, что она была, какъ соборная, одной изъ наиболѣе древнихъ въ Чердыни и едва-ли не самою богатою. Кромѣ торговыхъ лавокъ, которыя имѣли и многія другія церкви, какъ мы видѣли выше, соборъ имѣлъ 10 церковныхъ дворовъ и 15 четей съ полуосьминою пахотной земли. Въ соборѣ и придѣлѣ было много богослужебныхъ книгъ, утвари, облаченій и иконъ, изъ коихъ нѣкоторыя были украшены жемчугомъ. Изъ иконъ Кайсаровъ подробно описываетъ въ соборѣ: два образа Воскресенія, два образа Николая Чудотворца, Троицы и Одигитріи; въ придѣлѣ: Пресв. Богородицы 3 иконы, ея же Введеніе и Умиленіе, Спаса Нерукотвореннаго*). Подобно другимъ церквамъ, соборъ многократно горѣлъ (напримѣръ въ 1700 и 1792 г.г.), но опять заново отстраивался.

„Рубленая шатромъ" колокольня собора имѣла благовѣстный колоколъ въ 50 пудовъ, да еще 5 колоколовъ вѣсомъ въ 20 пуд., а въ нижнемъ ея ярусѣ былъ устроенъ холодный храмъ Николая Чудотворца, имѣвшій на колокольнѣ свои 3 колокола. Эта церковь была мірскимъ строеніемъ; служили въ ней въ праздники приходскіе священники**).

Нѣсколько сѣвернѣе собора, также на посадѣ, въ острогѣ, стоялъ теплый храмъ Богоявленія, сохранившійся, какъ и соборъ, донынѣ. При немъ была особая колокольня съ 3 колокол. и дворъ попа, но земли не было. Изъ иконъ были замѣчательны: Богоявленія, Одигитріи, Петра и Павла, Аѳанасія Александрійскаго, еще Одигитріи, Прокопія Устюжскаго, Варлаама Хутынскаго, Богородицы—Сергіева видѣнія, Спаса Нерукотвореннаго и Николая Чудотворца.

---

*) «Пермс. Лѣтоп.» II, 188—190.

**) bidem и еще стр. 192.

Храмъ древянъ теплый клѣтцки во имя Прокопія Устюжскаго, къ которому, какъ мы говорили, кажется, была приписана старѣйшая Варламовская церковь. Онъ имѣлъ торговыя лавки, 2 двора поповскихъ и богатыя иконы: Прокопія Устюжскаго, Варлаама Чудотворца, Николая Чудотворца, Одигитріи, Воплощенія, Пресвятыя Богородицы и св. Георгія*).

Такимъ образомъ на посадѣ Чердыни, въ острогѣ, Кайсаровъ описываетъ 9 церквей. Десятую церковь—теплую древяну клѣтцки—Воскресенія Христова онъ указываетъ въ самомъ *городѣ*, т. е. въ крѣпости. При этой церкви былъ придѣлъ Аѳанасія Александрійскаго и слѣдующіе замѣчательные образа: два образа Воскресенія, Аѳанасія Александрійскаго, Аѳанасія и Кирилла, Одигитріи и собора Пресвятыя Богородицы. При церкви не было особой колокольни, а 2 колокола гривенокъ (фунтовъ) по 30 висѣли на самомъ храмѣ**).

До Кайсарова тутъ же, въ крѣпости, стоялъ и храмъ Благовѣщенія съ придѣломъ Петра и Павла, о коемъ упомянуто выше.

Итакъ всѣхъ церквей въ городѣ и на посадѣ, т. е. въ острогѣ Чердыни въ 1623—4 г.г. было 10, кромѣ 4 монастырскихъ. Изъ нихъ уцѣлѣло до нашего времени, и то, разумѣется, въ совершенно перестроенномъ видѣ, лишь 4: Воскресенскій соборъ, Богоявленіе, Іоаннъ Богословъ и Успеніе—послѣднія двѣ были монастырскія. Болѣе всего истреблено было старинныхъ церквей во время сильныхъ пожаровъ 1700 и 1792 годовъ.

Изъ другихъ общественныхъ и казенныхъ зданій Кайсаровъ упоминаетъ слѣдующіе: на посадѣ, въ острогѣ, стояли изба съѣзжая судная, изба таможенная, государевъ кабакъ,

*) «Перм. Лѣтоп.» II, 191—192.
**) ibidem, II, 186—187.

тюрьма, дворъ воеводскій, дворъ подьячій, дворъ дьячій, два двора земскихъ посланниковъ и гонцовъ; и подъ горою, на берегу Колвы, стояли кабацкая пивоварня и двѣ винокурни.

Остается указать древнія укрѣпленія Чердыни, о коихъ Кайсаровъ говоритъ весьма подробно. Выше мы видѣли, какъ плохи были въ 1614 г. эти укрѣпленія. Но и при Кайсаровѣ въ 1624 г. было не все исправно. Въ 1623—4 г.г. Чердынь, какъ и Соликамскъ, имѣли двойной рядъ укрѣпленій: внутреннюю крѣпость, которая собственно въ тѣ времена и называлась *городомъ* (отъ словъ: городить, огораживать), и наружныя укрѣпленія или *острогъ* кругомъ всего селенія или *посада*, прилегавшаго къ *городу*. Внутреннее укрѣпленіе („городъ") составляли такъ называемыя *городни*—двойныя бревенчатыя стѣны, между которыми насыпалась земля. Каждое звѣно составляло особую городню, имѣло 3 сажени длины и скрѣплялось на обоихъ концахъ съ сосѣдними городнями посредствомъ прочныхъ свай. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ между городнями устраивались ворота, а по самой стѣнѣ ставились башни, снабженныя военными приспособленіями. Чердынская крѣпость, по Кайсарову, имѣла въ окружности 62 1/3 городни или 187 саженъ, 4 башни: Среднюю, Наугольную, Глухую и Спасскую и 4 ворота: Глухія, Княжія, Спасскія и Среднія*). Крѣпость находилась въ юго-восточномъ углу города, гдѣ нынѣ стоитъ старо-кладбищенская Троицкая церковь, и отлично была защищена съ восточной и южной сторонъ самою природою: высокая гора здѣсь имѣетъ очень крутые склоны; съ сѣверной же стороны находился глубокій ровъ. Изъ крѣпости къ рѣкѣ Колвѣ шелъ потаенный ходъ или тайникъ, который уже въ 1623 г. весь завалился. Внутри укрѣпленія находился пороховой погребъ. Чтобы лучше представить себѣ древнюю Чердынскую крѣпость, я приведу описаніе ея, сдѣланное чрезъ 100 лѣтъ

*) «Пермская Лѣтопись» II, 185.

послѣ Кайсарова, въ 1725 году, и напечатанное въ извѣстной „Вивліоѳикѣ“ Н. И. Новикова. „При томъ былъ еще деревянной кремль, пишетъ онъ о Чердыни,—въ двѣ стороны съ перерубами, которой по описанію, въ 1725 году учиненному, съ восточную сторону имѣлъ 45 саженъ, 12 клѣтокъ, съ полуденною 67 саж., 23 клѣтки, гдѣ находилась башня вышиною 31½ сажень и двои створные ворота, съ западную сторону содержалъ 50 саженъ 15 клѣтокъ; съ западной и полуденной стороны находилась угловая башня вышиною 2 сажени, стѣновая круглая 1½ сажени; съ сѣверной стороны простирался на 60 саженъ, гдѣ была также башня, называемая Спасскою, 7 саженъ, и другая 1½ сажени вышиною, а все пространство сего укрѣпленія составляло 222 сажени; за городомъ, на Соликамской дорогѣ, стояла большая башня, отъ коей все городовое селеніе обнесено было полисадникомъ. Кажется, что оное защитительное зданіе сооружено было до 1547 (7055) года, для охраненія города отъ нападеній безпокойныхъ сосѣдей, особливо же Пелымскихъ Вогуличъ; но кѣмъ и когда оное построено—древность никакихъ преданій не оставила“ *).

Это описаніе Чердынскихъ укрѣпленій цѣнно въ томъ отношеніи, что оно составлено было еще во времена существованія крѣпости, а не по какимъ-либо воспоминаніямъ. Очевидно, это—какая-то оффиціальная опись крѣпости. Заключеніе автора, что укрѣпленіе было построено первоначально еще до 1547 г. оправдалось позднѣйшими изысканіями, относящими первоначальное его сооруженіе къ 1535 году**).

---

*) «О древнемъ и нынѣшнемъ состояніи Великой Перміи» въ «Древн. Россійс. Вивліоѳикѣ», изд. 1791 г., томъ XVIII. стр. 237—238. Тоже дословно перепечатано въ «Словарѣ географич. Россійскаго государства» *Аѳанасія Щекатова*. Москва 1809 г., ч. VII, стр. 61—62.

**) *Н. С. Поповъ:* «Хозяйств. описаніе Пермской губ.» III, 180—183. Архимандритъ *Макарій:* «Памятники древности въ Пермск. губерн.» въ «Запискахъ Императ. Археологич. Общества», т. VIII, 197—234. СПБ. 1856.

Сравненіе описаній Чердынскаго кремля показываетъ, что во время Кайсарова онъ былъ, въ общемъ, такой же, какъ 100 лѣтъ послѣ него, въ отношеніи внѣшней своей формы: различіе въ измѣреніяхъ его площади и длины стѣнъ произошло, кажется, отъ различія самой сажени въ началѣ XVII и XVIII вѣковъ. Спасскія ворота и надъ ними башня того же имени находились на сѣверной сторонѣ кремля, угловая или, по Кайсарову, Наугольная башня стояла въ юго-западномъ углу крѣпости. Глухія и Княжія ворота были въ южной стѣнѣ, гдѣ надъ послѣдними и возвышалась высочайшая башня Княжая болѣе 30 саженъ высоты. Слѣдовательно, Средняя башня и ворота находились въ западной стѣнѣ.

Оборонительныя средства, кромѣ стѣнъ и башенъ, при Кайсаровѣ были слѣдующія: „на городѣ наряду 2 пищали полуторныя мѣдныя, а къ нимъ по кружалу (въ) 292 ядра желѣзныхъ, по 2 гривенки (фунта) ядро". (Нарядомъ называлась тогда артиллерія; кружало ядеръ, т. е. конусообразно сложенныя ядра; полуторная пищаль, т. е. имѣющая діаметръ $1^1/_2$ пяди (пядь равнозначуща нашему вершку; гривенкой назывался тогда фунтъ). Кромѣ того въ крѣпости были: „пушка мѣдная полу-осьми пядей, да пушечка 5 пядей, а къ нимъ 752 ядра вѣсомъ по 3 гривенки; да 9 пищалей запальныхъ, да 3407 ядръ желѣзныхъ, да 1700 дробинъ, да обломокъ мѣдной пищали вѣсу полпуда; да 16 рушницъ долгихъ (подобіе ружья); да 142 пищали короткихъ ручныхъ, да 5 стволовъ пищальныхъ безъ ложъ*). Изъ этихъ словъ видимъ, что пищалью иногда называлась въ тѣ времена пушка небольшаго калибра, иногда—короткоствольное ружье. Далѣе Кайсаровъ показываетъ еще въ казнѣ одинъ якорь желѣзный судовой,—да въ погребѣ и анбарѣ 50 пудъ 12 гривенокъ пороху, да 15 пудъ полчетверти гривенки свинцу.

---

*) «Пермс. Лѣт.» II, 185.

Таковъ былъ Чердынскій кремль въ началѣ XVII вѣка. На небольшой его площади, какъ мы видѣли, возвышалась деревянная Воскресенская церковь, да кромѣ того стояло 28 амбаровъ и житницъ посадскихъ людей, хранилась государева казна и военные запасы. Въ случаѣ непріятельскаго нападенія, на кремль всегда возлагалась надежда, какъ на самое безопасное убѣжище. А такихъ нападеній было не мало въ теченіе XVI вѣка. Съ покореніемъ Сибири, они прекратились, и этимъ, кажется, нужно объяснить постепенное обветшаніе Чердынскихъ укрѣпленій, въ которыхъ въ XVII в. не было и прежней надобности.

Все остальное поселеніе или *посадъ* Чердыни въ старину было обнесено еще другимъ наружнымъ укрѣпленіемъ или *острогомъ стоячимъ*, который, подобно городнямъ, имѣлъ нѣсколько воротъ и башенъ. Острогъ охватывалъ снаружи все поселеніе, служа первой защитой жителямъ въ случаѣ нападенія, почему также былъ снабженъ „нарядомъ“ *). На протяженіи этихъ наружныхъ стѣнъ стояло еще 6 башенъ и было устроено 7 воротъ и „4 вывода бойнишныхъ“, т. е. 4 отверстія въ стѣнахъ, у которыхъ стояли пушки. Кайсаровъ перечисляетъ въ острогѣ слѣдующія ворота, надъ которыми устроены были и башни (исключая, кажется, Богословскихъ): ворота и башня Поповскія, Романовскія, Анисимовы, Прокофьевскія, Покчинскія, Богоявленскія и Богословскія. Не трудно замѣтить, что нѣкоторыя башни и ворота назывались по церквамъ, около которыхъ стояли, что даетъ возможность приблизительно указать ихъ мѣсто въ древнемъ острогѣ. Поповскія ворота были у Наугольной городовой башни, слѣдовательно съ южной стороны. Не тутъ-ли и стояла та сторожевая башня, на Соликамской дорогѣ, о которой упоминаетъ опись 1725 года, и откуда начинался палисадникъ, огибавшій тогда все населеніе Чердыни? Быть

*) Полное его описаніе см. въ «Периск. Лѣтоп.» II, 187.

можетъ, палисадникъ былъ на мѣстѣ древняго острога. Романовскія и Анисимовы ворота, вѣроятно, находились на западной сторонѣ, откуда острогъ поворачивалъ на сѣверо-востокъ, имѣя на этой сторонѣ, по дорогѣ въ Покчу, ворота и башню Покчинскія, а между Покчинскими и Анисимовыми еще Прокофьевскія ворота „со стрѣльною", около конхъ, нужно полагать, находилась церковь св. Прокопія Устюжскаго. Слѣдовательно, на сѣверо-восточной сторонѣ острога были, какъ и на западной, двѣ башни и двои ворота: Прокофьевскія и Покчинскія. Отъ Покчинскихъ воротъ острогъ поворачивалъ къ Богоявленской церкви (разстояніе 183 сажени), гдѣ стояли того же имени ворота и башня; отсюда острогъ тянулся на сѣверъ, мимо Іоанно-Богословскаго монастыря, къ рѣкѣ Колвѣ. Противъ монастыря еще были ворота Богословскія, кажется, безъ башни (ибо на воротахъ монастырской ограды въ то время находилась церковь Вознесенія, противъ которой врядъ-ли удобно было ставить башню). Такимъ образомъ острогъ стоячій временъ Кайсарова, начинаясь у юго-западнаго угла *города,* дугообразно огибалъ городъ и оканчивался у Колвы, откуда по берегу до *города* „острогу не бывало, потому что крѣпость—рѣка Колва". При Кайсаровѣ во многихъ мѣстахъ острогъ уже вывалился. „И всего, заключаетъ онъ, кругъ посаду Чердыни острогу 562 сажени, да полаго мѣста, гдѣ острогъ вывалился, 180 саженъ; а въ острогѣ 6 башенъ, да 4 вывода бойницныхъ, а около острогу поля пашенныя посадскихъ людей".

II.

Экономическое состояніе Пермскаго или Чердынскаго уѣзда въ концѣ XVI и началѣ XVII в.

Внѣшнія границы Пермскаго или Чердынскаго уѣзда и его административное раздѣленіе за указанное время нами уже подробно указаны въ I выпускѣ настоящаго изданія. Здѣсь мы остановимъ вниманіе на экономическомъ его состояніи, для чего отдѣльно сгруппируемъ данныя писцовыхъ книгъ Яхонтова и Кайсарова.

А. Сельское хозяйство Чердынскаго уѣзда въ 1579 г.

I. *Окологородный станъ* въ 1579 г., при Яхонтовѣ, имѣлъ два погоста *Покчу* и *Онисимовъ* и слѣдующіе починки и деревни: д. Захарову, д. Пажгортъ, д. Кушпелеву, поч. Мочаловъ, д. Хлѣбово на рѣкѣ Хлѣбовкѣ, поч. Вадыпей на рч. Вадыпей, поч. Софоновъ на рѣчкѣ Кемзалѣ, д. Воцкую на родникѣ, поч. Гарь на рѣчкѣ Лызовкѣ, поч. Мойпона на той же рѣчкѣ, д. Блиново на родникѣ, поч. Никоновъ на рч. Кемзалѣ, д. Вискуново, д. Грузнищево, д. Роспопино на рч. Люльвѣ, д. Гилеву на родникѣ, д. Чолыбъ, поч. Красноперовъ, д. Хребтово, д. Пономарихину, поч. Запольской. Всего въ *Окологородномъ станѣ* было, по указанію рукописи, 2 погоста, 23 деревни и 9 починковъ; во всѣхъ ихъ дворовъ было: пашенныхъ крестьянъ 213 и непашенныхъ 40, тѣхъ и другихъ 250; людей 287 человѣкъ мужскаго пола*). Но

*) Дубровинскій рукописн. сборникъ, листъ 23. Въ изданіи Чердынск. писцов. книги Яхонтова г. Шишонко показано, на основаніи рукописи Румянцевскаго Музея,— починковъ 10, деревень 23, пашенныхъ дворовъ 230. (см. отдѣльн. оттискъ, стр. 12). Судя по многимъ другимъ мѣстамъ его изданія, у Шишонко допущены ошибки. Сравненіе печатныхъ изданій Шишонко съ Дубровинской рукописью вообще показываетъ, что у него допущена масса ошибокъ какъ въ Яхонтовской, такъ и въ Кайсаровскихъ писцовыхъ книгахъ. Слѣдуетъ исправить соотвѣтственно цифровыя показанія по Окологородному стану въ I выпускѣ «Пермской Старины», стр. 78.

этотъ итогъ деревень и починковъ, которые *всѣ* перечислены мною выше по писцовой книгѣ, совершенно несогласенъ съ показаніемъ самой книги Яхонтова, въ которой, *по Дубровинской рукописи, перечислено только 13 деревень и 8 починковъ*. Въ изданіи Шишонко, сдѣланномъ съ рукописи Московскаго Румянцевскаго музея, тоже перечислено 13 деревень и 7 починковъ: починокъ Мочаловъ пропущенъ; общій же итогъ починковъ въ этомъ изданіи указанъ 10. По этому въ обоихъ спискахъ писцовой книги Яхонтова—Румянцевскаго музея и Дубровинскаго архива—*въ итогѣ по Окологородному стану нужно предполагать ошибку переписчиковъ*, такъ какъ едва-ли была надобность въ полномъ спискѣ книгъ пропускать 10 деревень и 1 починокъ, да и самый итогъ дворовъ (213+40) показанъ неправильно (250 вмѣсто 253). Впрочемъ это—только наше предположеніе, за безусловную вѣрность котораго мы не ручаемся.

Самыми значительными поселеніями Окологороднаго стана были погосты Покча и Онисимовъ (нынѣ села) и деревни Кушпелева, Вотцкая и отчасти Хлѣбова, почему и остановимся на нихъ. Внѣшнія границы стана мною указаны въ I выпускѣ этого изданія (стр. 78).

Въ погостѣ *Покчѣ* на р. Колвѣ было дворовъ: пашенныхъ крестьянъ 45 и безпашенныхъ 14, да 5 пустыхъ. Пашни у крестьянъ было 370 четей съ отхожею пашнею, перелогу 336 четей въ полѣ и въ дву потому же; земля была худая; лѣсу пашеннаго (около пашни) 107 десятинъ, сѣна по обѣ стороны Колвы 2350 копенъ; да у непашенныхъ крестьянъ сѣна 125 копенъ*). Кромѣ того у крестьянъ погоста Покчи были мельницы: 1 мельн. Якушки Мунина вообще съ посадскимъ человѣкомъ Иваномъ Ламановымъ, 2 мельн. Михаила Чернаго, 1 м. Семенова да Иванова, 1 м. вообще у Ермолки Павлова да Михалка Степанова съ

*) Дубровинскій сборникъ, листъ 21.

братьею, 1 м. Гришки Аѳонасьева съ племянникомъ Доронею, 1 м. Данилка Гаврилова и Иванка Семенова, 1 м. Игнашки Сидорова да Лучки Чалина—всѣ 8 мельницъ „колотовокъ" стояли на родникѣ; да на рѣчкѣ Кемзелѣ была 1 мельница Никитки да Овдокимка Семеновыхъ и 1 м. Исламка Яковлева да Ѳедьки Прокопьева: Оброку съ тѣхъ 10 мельницъ шло по рублю на годъ, т. е. по гривнѣ съ мельницы, и пошлинъ казначеевыхъ и дьячихъ 10 денегъ. Были у Покчинцевъ и рыбныя ловли въ озеркахъ Крымкаръ и Бобовѣ*) и въ ихъ истокѣ, а также за Колвою въ рѣчкахъ Мыдылѣ (иначе Мубыль) и Каѣ. Оброку съ тѣхъ ловель шло полтина въ годъ да пошлинъ 5 денегъ. (Дубров. сборн. листъ 22).

Погостъ *Онисимовъ*, нынѣ село Анисимово, стоялъ на рѣчкѣ Кемзелѣ, впадающей въ Колву у самой Покчи. Въ немъ было дворовъ: пашен. крестьянъ 31 и непашенныхъ 10, пашни 203 чети, перелогу въ трехъ поляхъ 63 чети; земля худа; лѣсу пашеннаго 20 десятинъ, сѣна на Колвѣ и около полей 460 копенъ и у непашенныхъ крестьянъ 15 копенъ.

Деревня *Кушпелева* къ югу отъ Чердыни, существующая донынѣ, имѣла дворовъ пашен. крестьянъ 25, безпашенныхъ не было; пашни 110 четей, перелогу 61 четь въ трехъ поляхъ; земля худа; лѣсу пашен. 15 десятинъ, сѣна на р. Вишерѣ 425 копенъ.

Деревня *Вотцкая* на родникѣ, къ сѣверо-западу отъ Чердыни, своимъ названіемъ указываетъ на первыхъ поселенцевъ—Вотяковъ. Дворовъ пашенныхъ она имѣла 29, безпашенныхъ 13, пашни 185 четей, перелогу 51 четь въ трехъ поляхъ, земля худа; лѣсу пашен. 50 десятинъ, сѣна 530 копенъ.

---

*) Съ словомъ *Крымкоръ* не мѣшаетъ сопоставить пермяцкія названія селеній сосѣдняго Соликамскаго уѣзда: *Кудымкоръ* и *Канкоръ* (онъ же *Пыскоръ*). Къ сѣверу отъ Чердыни есть озерко Попово, а не Бобово. *Авт.*

Деревня *Хлѣбова* на рѣчкѣ Хлѣбовкѣ имѣла 11 пашенныхъ дворовъ, 58 четей пашни, 30 четей перелогу въ 3-хъ поляхъ; землю худую; лѣсу пашеннаго 10 десят., сѣна 140 копенъ.

Общій итогъ земли, лѣсу и сѣна по всему стану рукопись (листъ 23) указываетъ слѣдующій: *пашни 1371 четь, перелогу 736 четей въ полѣ, а въ дву потому же, земля вообще худа, лѣсу пашеннаго около полей 309 десятинъ, сѣна 6445 копенъ.*

Сошнаго письма по Окологородному стану Яхонтовъ считаетъ 4 сохи, оговариваясь, что имъ, какъ и по городу Чердыни, *„положено въ соху по шшидесятъ по четыре дворы, пашни и перелогу челося въ соху по 527 чети безъ полуосмины, лѣсу пашеннаго по 77 десятинъ, сѣна по 1611 копенъ**“). Во всемъ стану было 213+40=253 двора; слѣдовательно, по этому разсчету, они составляли 4 сохи безъ 3 дворовъ (64×4=256). Далѣе складываемъ 1371 четь пашни и 736 четей перелогу и полученную сумму 2107 четей раздѣляемъ на 4, откуда узнаемъ, что въ соху причиталось („челося“) по 527 четей безъ полуосмины. Тоже самое сдѣлаемъ по отношенію пашеннаго („около поль“) лѣса и сѣнокосовъ и получимъ: 309 : 4=77, 6445 : 4=1611. Такимъ образомъ въ основу всего исчисленія земли по сохамъ писецъ Яхонтовъ положилъ норму въ 64 двора и, сообразуясь съ общимъ числомъ дворовъ въ станѣ, разверсталъ всѣ земли, лѣса и луга въ четыре сохи.

II. *Верхній станъ*, именовавшійся такъ по теченію рѣки Колвы, въ 1579 г. имѣлъ 4 погоста: *Вильгортъ, Искоръ, Енидоръ* и *Кольчугъ* и слѣдующіе деревни и починки: д. Шайтанову на родникѣ, д. Лызово, п. Некрасовъ, д. Цыдву, д. Камгортъ, д. Нырыбъ, другую дер. Камгортъ на р. Колвѣ,

*) Дубровинск. сборн., листъ 23,

д. Бигичи, п. Клочихинъ, п. Заболотье, п. Васильевъ, дер. Слободку Кишконоговъ, д. Озгу Меньшую, д. Харино, дер. Озгу Большую, п. Теплово, д. Ужгинское, д. Лекмортово на р. Вильвѣ, д. Сумычъ на рѣчкѣ того же имени, поч. Гарь, д. Корнино-Ведрово, д. Долду на озерѣ Долдѣ, д. Сурсъ на рѣчкѣ Лызовкѣ, дер. Саитиново на рѣчкѣ Лызовкѣ, дер. Ручибъ.

Всего въ *Верхнемъ* стану, по рукописи, было: *4 погоста, 19 деревень и 6 починковъ*")*, которые всѣ и перечислены поимянно. Во всѣхъ поселеніяхъ Верхняго стана указано *дворовъ: пашенныхъ 357, непашенныхъ 43, тѣхъ и другихъ 400. Людей во всѣхъ дворахъ 435 чел.* Самыми значительными поселеніями въ этомъ стану были 4 погоста и деревни: Шайтанова, Цыдва, Бигичи, Камгортъ на р. Колвѣ, Ужгинское и Лекмартово, почему остановимся на нихъ отдѣльно.

Погостъ, а нынѣ село *Вильгортъ*, на р. Колвѣ, имѣлъ въ 1579 г. дворовъ пашенныхъ тяглыхъ крестьянъ 56, непашенныхъ бобыльскихъ 26, тѣхъ и другихъ 82. Пашни у крестьянъ было 483 чети, да перелогу 300 четей въ трехъ поляхъ; земля была худа. Лѣсу около пашенъ жители погоста имѣли 120 десятинъ, сѣна на р. Колвѣ было 2715 копенъ у пашенныхъ и 150 копенъ—у непашенныхъ крестьянъ; кромѣ того были мельницы—колотовки на рѣкѣ Цыдвѣ: 3 м. Гуляйка Игнатьева съ товарищи, 3—Пименка Андреева съ товарищи, 4 м. Ондрюшки Денисова съ братьями и 3 м. Якимка Андреева съ товарищи. Оброку со всѣхъ 13 мельницъ платилось въ казну 1 рубль 10 алтынъ въ годъ и пошлинъ казначеевыхъ и дьячихъ 2 алтына съ деньгою; значитъ, съ мельницы платилось по гривнѣ, а пошлинъ съ рубля по 10 денегъ. Наконецъ Вильгорцы имѣли и рыбныя

---

*) Въ изданіи писцовой книги *Шишонко* перечислено только 18 деревень и 6 починковъ, при чемъ пропущена, по небрежности издателя, деревня Ручибъ и извращены названія нѣкоторыхъ другихъ поселеній.

ловли: въ озеркѣ Костинскомъ и его истокѣ—Матюшка Аѳонасьевъ съ братьями; въ озеркѣ Вымкорскомъ*) и его истокѣ и въ рѣчкѣ Нечѣ—Андрюшка Даниловъ съ братьями; въ старой рѣкѣ (старомъ руслѣ) Колвѣ, въ прокопи,—Пимена Андреева; въ озеркѣ Суховѣ—Алешки Пантелѣева съ братьями; въ озеркѣ Жилскомъ, его истокѣ и въ рѣчкѣ Ларевѣ—Аѳоньки Красноперова; въ рѣчкѣ Жерновной, середь Березовы,—Васьки Павлова съ братьями, въ рѣчкѣ Немыди—Гильки Кочетова, да Гриши Головы, да Левы Коркодинова, да Гришки Кузьмина—Кумая. Оброку со всѣхъ этихъ рѣчекъ и озеръ ежегодно шло въ казну полтора рубля и пошлинъ полтретья алтына, съ рубля по 10 денегъ.

Погостъ (нынѣ село) *Искоръ* на родникѣ въ 1579 году имѣлъ дворовъ: пашенныхъ 19, безпашенныхъ бобыльскихъ 8, пашни 70 чети, перелогу сорокъ четей въ трехъ поляхъ худой земли, лѣсу 35 десятинъ, сѣна на р. Колвѣ 268 копенъ и непашенныхъ 57 копенъ. Рыбныя ловли были у крестьянина Иванка Бѣлка съ братьями въ рѣчкѣ Гадѣ и въ рѣчкѣ Чюланѣ и въ рѣчкахъ Сусаѣ, Шалаѣ и Утѣ; оброкъ съ нихъ полагался полтина на годъ, по гривнѣ съ рѣчки, да пошлинъ 5 денегъ.

Нынѣшнее, сосѣднее съ Искоромъ, село *Ныробъ*, извѣстное по заточенію злополучнаго боярина Михаила Никитича Романова, въ 1579 г. составляло маленькую деревеньку, имѣвшую только 6 дворовъ, пашни 15 четвертей, перелогу 20 четей въ трехъ поляхъ худой земли и 100 копенъ сѣна на р. Колвѣ.

Погостъ *Енидоръ* на родникѣ (нынѣ село) имѣлъ дворовъ пашенныхъ 48, пашни 170 четей, перелогу 110 чети въ трехъ поляхъ худой земли, лѣсу 120 десятинъ, сѣна

---

*) Сопоставляю опять пермяцкія географическія названія: *Вымкоръ, Крымкоръ, Искоръ, Редикоръ, Кудымкоръ, Канкоръ, Пыскоръ*. Другой рядъ названій: *Вильгортъ, Камгортъ, Лекмортъ, Пажгортъ, Кушманюртъ*.

813 копенъ и рыбныя ловли въ рѣчкахъ: Кельтмѣ, Пильвѣ, Черчюѣ, Тымшарѣ и въ Дополчюмьѣ, съ коихъ оброку платилось въ годъ полтина и пошлинъ 5 денегъ.

Погостъ *Кулчюгъ*, нынѣ село Кольчугъ, имѣлъ дворовъ: пашенныхъ 22, непашенныхъ 8, тѣхъ и другихъ 30; земли пашенной 105 четей, перелогу 50 четей въ трехъ поляхъ, лѣсу 30 десятинъ; земля была худа; сѣна пашен. крестьянъ 150 копенъ и непашенныхъ 20; рыбныя ловли въ озерѣ Колчюкѣ, и въ озеркѣ въ Токтыѣ, оброку съ коихъ шло 20 алтынъ и пошлинъ алтынъ въ годъ.

Деревня *Шайтанова* имѣла 26 дворовъ исключительно пашенныхъ крестьянъ, пашни 130 чет., перелогу 50 четей въ трехъ поляхъ худой земли, лѣсу 5 дес., сѣна на рѣкѣ Колвѣ и на острову 200 копенъ.

Дер. *Бигичи* на Колвѣ имѣла 23 пашен. двора, пашни 124 ч., перелогу 40 ч. въ трехъ поляхъ середней земли, лѣсу 30 дес., сѣна на р. Колвѣ 300 копенъ, рыбн. ловлю въ рѣкахъ Бубовкѣ, Вижаѣ и Нярычѣ изъ оброка по 10 алтынъ 3 денегъ пошлины въ годъ.

Дер. *Камгортъ* на Колвѣ же имѣла 10 двор., пашни 61 ч., перелогу 40 ч. въ трехъ поляхъ худой земли, лѣсу 30 дес., сѣна на Колвѣ 200 копенъ, рыбную ловлю въ озеркѣ Кумыстѣ, его истокѣ и въ „падунѣ“ изъ оброка 5 алтынъ и $1^1/_2$ деньги пошлины на годъ.

Дер. *Цыдва* на рѣчкѣ имѣла 13 пашен. дворовъ, пашни 75 чети, перелогу 30 ч. въ трехъ поляхъ середней земли, сѣна 300 копенъ и мельницы—колотовки цидвинскихъ крестьянъ Михалка Аѳонасьева и Мартынка Гаврилова изъ оброка 2 гривны и пошлинъ 2 деньги на годъ за обѣ мельницы.

Дер. *Ужгинское* на рѣчкѣ Вильвѣ имѣла 19 пашенныхъ дворовъ, пашни 87 ч., перелогу 30 ч. въ трехъ поляхъ худой земли, лѣсу 30 дес., сѣна на р. Камѣ и между полей

250 копенъ и рыбныя ловли Ужгинскаго крестьянина Ивашки Семенова съ братьями и Вильгортскаго—Лари Саркова въ рѣчкѣ Сумычѣ изъ оброка пол-полтины и пошлинъ $2^1/_2$ деньги на годъ.

Дер. *Лекмортово* на рѣчкѣ Вильвѣ же имѣла 16 двор., пашни 73 ч., перелогу 40 ч. въ трехъ поляхъ худой земли, лѣсу 30 дес., сѣна на Камѣ и Колвѣ 165 копенъ.

Общій итогъ земли, лѣсу и сѣна по всему Верхнему стану Дубровинская рукопись (листъ 32) указываетъ слѣдующій: *пашни середней земли 314 четей и худой земли 1563 чети, перелогу 1045 четей съ осминою, лѣсу пашеннаго 581 десятина, сѣна 6965 копенъ.*

Сошнаго письма по всему Верхнему стану, принимая за норму 64 двора въ соху, Яхонтовъ считаетъ совершенно точно *шесть сохъ съ четью сохи,* почему въ соху у него причиталось по этому стану („челося"): *пашни середніе и худые земли и перелогу по 467 чети съ осминою, лѣсу пашеннаго по 93 десятины и сѣна по 1114 копенъ съ полукопною.* Эти числа Яхонтовъ получаетъ путемъ раздѣленія всѣхъ вышеуказанныхъ общихъ итоговъ по Верхнему стану на $6^1/_4$ сохъ.

III. *Нижній станъ,* именовавшійся по положенію своему на нижнемъ теченіи Колвы, въ 1579 году имѣлъ 3 погоста: *Губдоръ*, *Пентегъ* и *Редикоръ* и слѣдующіе деревни и починки: деревню Язву на рѣкѣ Язвѣ, притокѣ Вишеры, д. Немзю, д. Нестерову, поч. Ореѳинъ, д. Верхъ-Боровую, п. Косолаповъ на р. Боровой, д. Верхнее Мошево и д. Нижнее Мошево на рѣчкѣ Мошевицѣ, п. Гарь на озеркѣ Долгомъ, п. Олешино на озерѣ Мошевѣ, п. Сергіевъ, п. Тимоѳеевъ, п. Ореѳинъ на усть рѣки Вишеры, д. Вильву на р. Вильвѣ, д. Толстикъ на Камѣ, п. Нечаевъ на ней же, д. Верхній Шакшеръ, д. Нижній Шакшеръ, д. Зелву—всѣ три на Камѣ, д. Лимежъ, п. Возеровъ на озерѣ Коинтѣ

(Койпытѣ), д. Коиптъ, д. другой Коиптъ—обѣ на Камѣ, п. Пашковъ-Останинъ, п. Аристовъ, д. Мелентьеву на Камѣ, д. Анборъ на Камѣ, д. Усть-Уролку, д. Остяцкую, д. Тушино, д. Чюгоръ,—всѣ 3 на Вишерѣ, п. Гарь на ней же, д. Чувашеву, д. Сартакову, д. Могильникову—обѣ на Вишерѣ, п. Теплово, п. Чижовкинъ, д. Кондратьеву на Вишерѣ, п. Москвино, д. Уролъ Сухой, д. Уролъ Дехтеревъ, д. Середній Уролъ, д. Исаково.

Итого въ *Нижнемъ* стану, по рукописи и по печатному изданію Шишонко, было: *3 погоста, 28 деревень и 15 починковъ, а въ нихъ 331 дворъ пашенныхъ и 39 непашенныхъ крестьянъ—тѣхъ и другихъ дворовъ 370, людей во всѣхъ ихъ 420 человѣкъ муж. пола.* Таково *дѣйствительное* число деревень и починковъ, перечисленныхъ въ подлинномъ текстѣ писцовой книги Яхонтова, которая однако въ итогѣ несогласно съ самою собой почему-то насчитываетъ деревень 27, а починковъ 16. Впрочемъ общее число населенныхъ мѣстъ выходитъ одно и тоже (3+28+15=46).

Самыми значительными поселеніями Нижняго стана, кромѣ трехъ погостовъ, были деревни: Верхъ-Боровая, Вильва, Лимежъ, Анборъ и Кондратьева. Остановимся на нихъ опять отдѣльно послѣ погостовъ Губдора, Пентега и Редикора.

Погостъ *Губдоръ* въ 1579 г. имѣлъ дворовъ: пашенныхъ крестьянъ 40, безпашенныхъ или бобыльскихъ 24, тѣхъ и другихъ 64, пашни 205 четей и перелогу 51 четь съ осминою въ трехъ поляхъ худой земли, сѣна на Вишерѣ и въ озерахъ Губдорскомъ и Тихтерѣ 750 копенъ пашенныхъ крестьянъ и 200 копенъ—непашенныхъ. Сверхъ того имѣлась рыбная ловля въ озерѣ Губдорскомъ изъ оброка по полтинѣ и пошлинъ по 5 денегъ въ годъ и двѣ мельницы—колотовки изъ оброка по 2 гривны и пошлинъ по двѣ деньги въ годъ за обѣ мельницы.

Погостъ *Пянтѣгъ* на р. Камѣ состоялъ только изъ 8 пашенныхъ дворовъ, имѣлъ пашни 49 четей, перелогу 30

четей въ трехъ поляхъ середней земли, лѣсу пашеннаго 10 десятинъ, сѣна 250 копенъ, рыбную ловлю въ Пянтѣжскомъ озеркѣ изъ оброка по гривнѣ и пошлинъ по деньгѣ въ годъ.

Погостъ *Рядикоръ* на р. Вишерѣ имѣлъ пашенныхъ дворовъ 26, безпашенныхъ 6, тѣхъ и другихъ 32, пашни 136 чети, перелогу 111 четей въ трехъ поляхъ середней земли, сѣна на Вишерѣ 450 копенъ пашен. крестьянъ и 15 копенъ непашенныхъ, рыбныя ловли въ озерѣ Рядикорскомъ Тегтѣгѣ изъ оброка по рублю и пошлинъ по 10 денегъ въ годъ.

Деревня *Верхъ-Боровая* имѣла 7 дворовъ, 37 четвертей пашни, 30 четей съ осминою перелогу въ трехъ поляхъ середней земли, 10 десятинъ пашен. лѣсу и сѣна по р. Боровой и по заполью 150 копенъ.

Деревня *Вильва* на рѣчкѣ того же имени имѣла 12 дворовъ пашен. и 4 безпашенныхъ крестьянъ, пашни 80 четей, перелогу 33 чети съ осминою въ трехъ поляхъ середней земли, лѣсу 25 десятинъ, сѣна на Вильвѣ и Асѣ и по заполью 200 копенъ.

Деревня *Лимежъ* на рѣчкѣ того же имени имѣла 27 дворовъ, пашни 170 чети, перелогу 61 четь въ трехъ поляхъ середней земли, лѣсу 25 дес., сѣна на Камѣ 560 копенъ и три мельницы—колотовки на рѣчкѣ Лимежѣ—Власка Мичкова, Пашки Яковлева и Иванка Сосуна—изъ оброка 10 алтынъ и пошлинъ 3 деньги въ годъ за всѣ мельницы.

Дер. *Анборъ* на р. Камѣ имѣла 11 дворовъ, пашни 77 чети, перелогу 40 чети въ трехъ поляхъ середней земли, лѣсу 30 дес., сѣна 150 копенъ и двѣ мельницы—колотовки Фотѣйка Ѳедорова и Архипка Васильева изъ оброка 2 гривны и пошлинъ 2 деньги въ годъ.

Деревня *Кондратьева* на Вишерѣ имѣла 10 дворовъ, пашни 65 чети и перелогу 12 чети въ трехъ поляхъ середн. земли, сѣна на Вишерѣ 120 копенъ.

Общій итогъ земли, лѣсу и сѣна по всему Нижнему стану Дубровинская рукопись (листъ 42) указываетъ слѣдующій: *пашни середней земли 1058 чети и худой—633 чети, той и другой 1691 четь, перелогу 673 чети съ осминою въ трехъ поляхъ* („въ полѣ, а въ дву потому же"), *лѣсу пашеннаго 390 десятинъ, сѣна 6200 копенъ.*

Сошнаго письма по всему Нижнему стану, при 64 дворахъ въ сохѣ, Яхонтовъ считаетъ *шесть сохъ безъ чети и пол-пол-пол-чети* (т. е. 6 сохъ—$^1/_4$—$^1/_{32}$ сохи=366 дворовъ). При такомъ разсчетѣ „ялося въ соху": *пашни середніе и худые земли и перелогу по 409 чети, лѣсу пашеннаго по 67 десятинъ съ полудесятиною и сѣна по 1072 копны съ полукопною.*

IV. *Отхожій округъ* занималъ всю остальную часть нынѣшняго Чердынскаго уѣзда, почти весь Соликамскій и сѣверную часть Пермскаго и представлялъ собою обширную, но крайне слабо населенную территорію, на которой въ XVI в. только начиналась русская колонизація. Границы этого округа подробно указаны мною въ I выпускѣ этого изданія (см. стр. 81—84); приблизительно же Отхожій округъ занималъ территорію, ограниченную съ сѣвера большой дугой рѣки Камы, а съ юга—притоками послѣдней, Обвою и Косьвою. При Яхонтовѣ на всемъ этомъ пространствѣ существовали только слѣдующіе населенные пункты, которые писцовая книга 1579 г. распредѣляетъ по бассейнамъ: погосты *Гайна* и *Обва* и деревни и починки: *по р.р. Камѣ и Косѣ*—дер. Нижняя Коса, деревня Ныровъ-Погостъ на р. Косѣ, д. Нестерова вверхъ Косы, д. Данилово, д. Чежегоново на родникѣ, д. Имасъ, д. Земское на р. Камѣ, д. Лупье на рч. Лупьѣ, поч. Тошубъ, д. Огга на р. Лупьѣ д. Верхъ-Лупье на рѣчкѣ Верхолупьѣ, п. Чазевъ на рѣчкѣ Кивѣ, д. Юксіевыхъ на родникѣ; *по р. Иньвѣ и ея притокамъ*: дер. Купросъ на р. Инвѣ, деревня на рѣкѣ на Юсвѣ (пра-

вый притокъ Иньвы), д. Кудымкаръ на Инвѣ, д. Туманская на городищѣ на Инвѣ (послѣ именовалась Майкоръ), д. Кува на рѣчкѣ Кувѣ (впадаетъ слѣва въ Иньву у Кудымкора), д Верхъ-Уролки*) (Уролка—правый притокъ Камы); *по р. Обвѣ:* д. Кривая Наволока (нынѣ село Кривецъ), д. Ѳедорово на Обвѣ; *по р. Яйвѣ и ея притоку Усолкѣ:* дер. Романово на Яйвѣ, поч. Нижнее Поле на р. Яйвѣ, д. Булатово на р. Усолкѣ; *по р. Косвѣ:* дер. Вильгортъ на Косвѣ (при Кайсаровѣ именовавшаяся погостомъ Косвенскимъ, а нынѣ это—село Пермское или Перемское Пермскаго уѣзда**).

Самыми значительными поселеніями въ Отхожемъ округѣ въ 1579 году были: оба погоста *Гайна* и *Обва* и деревни: Ныровъ, Нестерово, Кудымкоръ, Верхъ-Уролка, Ѳедорово, Романово, Булатово и Вильгортъ на Косьвѣ. *А всего въ Отхожемъ округѣ было: 2 погоста, 22 деревни и 3 починка, которые всѣ и перечислены выше; въ нихъ было 178 дворовъ, а во дворахъ людей муж. пола 232 человѣка* (Дубровинск. сборн. листъ 48).

Погостъ *Гайна* на р. Камѣ въ 1579 г. имѣлъ дворовъ пашенныхъ крестьянъ 17, да пустыхъ дворовъ 4, пашни 64 чети, перелогу 22 чети съ осминою въ трехъ поляхъ худой земли, лѣсу пашен. 16 десятинъ, сѣна на Камѣ и по наволокамъ и по заполью 250 копенъ; рыбныя ловли въ рѣкѣ Косѣ и рѣчкѣ Улѣ изъ оброку по 2 гривны и пошлинъ по 2 деньги.

Погостъ *Обва* на рѣкѣ Обвѣ, именовавшійся при Кайсаровѣ *Ильинскимъ* по церкви св. пророка Иліи, (нынѣ большое село Ильинское Пермскаго уѣзда) имѣлъ въ 1579 г.

---

*) Въ I выпускѣ «Пермской Старины», на стр. 84, вмѣсто этой деревни я неправильно указалъ Верхъ-Усолку, будучи введенъ въ заблужденіе показаніями книги Шишонко.

**) А не село Никулино, какъ я указывалъ въ первыхъ двухъ выпускахъ «Пермской Старины», напрасно положившись въ этомъ случаѣ на авторитетъ Ѳ. А. Волегова.

единственный разъ упоминаемую Яхонтовымъ во всѣхъ погостахъ *церковь* св. пророка Иліи и дворовъ пашенныхъ крестьянъ 13. Между дворовладѣльцами погоста Обвы отмѣтимъ Ѳедьку и Калинку Беклемышевыхъ, такъ какъ эта рѣдкая фамилія повторяется потомъ въ писцовыхъ книгахъ Кайсарова и существуетъ въ селѣ Ильинскомъ по сіе время, т. е. въ теченіе болѣе трехъ столѣтій: нынѣшніе Беклемышевы—довольно зажиточные торговые люди Ильинска. Это обстоятельство служитъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что подъ Обвой Яхонтова слѣдуетъ разумѣть именно нынѣшнее село Ильинское, а не село Верхъ-Язьву (именуемую иначе Обвой же или Обвенскимъ монастыремъ), какъ ошибочно иногда полагаютъ. При Яхонтовѣ вовсе еще не существовало Верхъ-Язьвы, упоминаемой въ источникахъ значительно позже и то въ качествѣ деревни, а не погоста. Важнымъ доказательствомъ тождества Яхонтовой Обвы съ селомъ Ильинскимъ служатъ также подлинныя слова писцовой книги 1579 года: *„погостъ Обва на рѣкѣ на Обвѣ, а въ немъ церковь святаго пророка Иліи***α)*, каковой въ селѣ Верхъ-Язьвѣ никогда не бывало. Въ этомъ году погостъ имѣлъ пашенной земли 63 чети, перелогу 22 чети въ трехъ поляхъ середней земли, лѣсу 15 десятинъ и сѣна по р. Обвѣ 590 копенъ.

Деревня *Ныровъ-Погостъ* на р. Косѣ, правомъ притокѣ Камы, при Кайсаровѣ превратилась въ погостъ Косу, Ныровъ тоже, что была деревня Ныровъ (нынѣ село Чердынскаго уѣзда**). Въ 1579 эта деревня имѣла 14 дворовъ, пашни 55 четей, перелогу 14 четей въ трехъ поляхъ худой земли, лѣсу 11 десятинъ, сѣна по Косѣ и по заполью 140 копенъ, рыбную ловлю въ той же Косѣ и въ рѣчкѣ Булачѣ изъ оброка 2 гривны и пошлинъ 2 деньги въ годъ, и наконецъ мельницу—колотовку на родникѣ изъ оброка по одной гривнѣ и пошлинъ по деньгѣ въ годъ.

---

*) Дубровинскій рукописный сборникъ, листъ 46.

**) Подлинное свидѣтельство объ этомъ см. тамъ же, листъ 142.

Деревня *Нестерово* вверхъ Косы рѣки на Унылвѣ у Кайсарова именуется уже *Большая Коча,* „что была деревня Нестерово вверхъ Косы рѣки на рѣчкѣ на Унылвѣ*“). Въ 1579 г. она имѣла: дворовъ 14, пашни 58 четей, перелогу 16 четей съ осминою въ трехъ поляхъ худой земли, лѣсу 12 десятинъ, сѣна на р. Унылвѣ 105 копенъ, рыбную ловлю въ Косѣ изъ оброку 2 гривны и пошлинъ 2 деньги въ годъ и мельницу—колотовку на рѣчкѣ Унылвѣ крестьянина Лунѣга Нестерова съ товарищи изъ оброку 2 гривны и пошлинъ по деньгѣ въ годъ.

Деревня *Верхъ-Уромка* на рѣчкѣ Уролкѣ имѣла 15 дворовъ, 70 четей пашни, 40 четей перелогу въ трехъ поляхъ середней земли, 30 десятинъ лѣсу и 760 копенъ сѣна по Уролкѣ.

Деревня *Кудымкоръ* на Иньвѣ, при впаденіи въ нее рѣки Кувы, при Кайсаровѣ стала погостомъ (нынѣ большое село Соликамскаго уѣзда). Въ 1579 г. имѣла только 7 дворовъ, пашни 28 четей, перелогу 3 чети въ трехъ поляхъ середней земли, сѣна на Иньвѣ 40 копенъ, рыбную ловлю въ Иньвѣ изъ оброка 1 гривна и пошлинъ 1 деньга.

Деревня *Ѳедорово* на Обвѣ послѣ погоста Обвы была самымъ значительнымъ поселеніемъ въ бассейнѣ этой рѣки. Она имѣла 18 дворовъ, пашни 50 четей, перелогу 32 чети въ трехъ поляхъ средней земли, лѣсу 20 десятинъ, сѣна по Обвѣ по обѣ стороны 350 копенъ. „Да у погоста у Обвенскаго и у Обвенскихъ крестьянъ рыбная ловля въ рѣкѣ въ Обвѣ да въ рѣчкѣ въ Нердвѣ да въ рѣчкѣ въ Лысвѣ“ изъ оброка пол-полтины и пошлинъ $2^1/_2$ деньги въ годъ**). Не были-ли это общія рыболовли Обвенцовъ и Ѳедоровцевъ? Это видно и изъ сопоставленія показаній Кайсарова о той же деревнѣ. Въ $162^3/_4$ г.г. деревня Ѳедорово называлась

---

*) Подлинныя слова Кайсарова въ Дубровинск. рукописи, листъ 145.
**) Дубров. рукоп., листъ 47.

уже *Нердвой* и при ней Кайсаровъ замѣчаетъ: „деревня Нердва, что была деревня Ѳедорово на рѣкѣ на Обвѣ и на рѣчкѣ Нердвѣ. . . . . Да Ильинскаго же погоста и *Обвенскихъ крестьянъ всѣхъ деревень* рыбная ловля въ рѣкѣ въ Обвѣ да въ рѣчкѣ въ Нердвѣ да въ рѣчкѣ въ Лысвѣ*“). Это сопоставленіе вмѣстѣ съ тѣмъ еще разъ доказываетъ тождество Яхонтовской Обвы и Кайсаровскаго погоста Ильинскаго. Нынѣ существуетъ село Нердва въ Соликамскомъ уѣздѣ**).

Деревня *Романово* на рѣкѣ на Яйвѣ—нынѣ значительное село Соликамскаго же уѣзда—въ 1579 г. была довольно ничтожна по числу дворовъ (4 дв.), но пашни имѣла 35 четей въ трехъ поляхъ середней земли, лѣсу 30 десятинъ, сѣна по обѣ стороны Яйвы, съ усть рѣчки Унвы до Чешкорскаго городища, 350 копенъ, рыбную ловлю въ Яйвѣ и въ Унвѣ изъ оброку 8 алтынъ и пошлинъ 2 деньги въ годъ.

Деревня *Булатово* на притокѣ Яйвы рѣчкѣ Усолкѣ, нынѣ сосѣднее съ Романовымъ село того же уѣзда, также была незначительна по числу дворовъ (4), но пашни имѣла 28 четей въ трехъ поляхъ середней земли съ отхожею Булатовскою пашнею, лѣсу пашеннаго 30 десятинъ, сѣна на Яйвѣ и по Усолкѣ 300 копенъ и рыбныя ловли въ Яйвѣ, Вильвѣ и въ Чанвѣ, да въ озеркѣ въ Ноневѣ съ его истокомъ, изъ оброка 10 алтынъ и пошлины 3 деньги въ годъ.

Деревня *Вильгортъ* на р. Косьвѣ уже самымъ названіемъ указываетъ на первыхъ поселенцевъ, пришедшихъ сюда съ береговъ Колвы изъ одноименнаго погоста Верхняго стана, о которомъ была рѣчь выше. Въ 1579 г. онъ имѣлъ 8 дворовъ, пашни 31 четь, перелогу 16 чети въ трехъ поляхъ средней земли съ отхожею Кучгорнею пашнею, лѣсу 15

---

*) Дубровинск. рукопись, листъ 153.

**) Мѣсто за прудомъ, гдѣ стояла прежняя Нердва, теперь называется *Старый Посадъ*. Нынѣшняя Нердва расположена на мѣстѣ бывшаго Строгановскаго завода, но и на прежнемъ мѣстѣ еще есть жительство.

дес., сѣна по обѣ стороны Косьвы 170 копенъ и рыбную ловлю въ Косьвѣ изъ оброка по пол-полтины и пошлинъ $2^1/_2$ деньги въ годъ. Сопоставляю показанія Кайсарова о томъ же поселеніи. „Погостъ *Косвенской*, что была деревня Вильгортъ, на рѣкѣ на Косьвѣ, вверхъ ѣдучи по лѣвой сторонѣ..... Того погоста (у крестьянъ) на рѣчкѣ на Волимѣ мельница—мутовка..... А межа погоста Косвы Ивана да Максима Строгановыхъ съ деревнею Сизиковою—по лѣвую сторону рѣчка Пожва впала въ рѣку въ Косву, а по правую сторону рѣчка Сулазная впала въ Косву же, а внизъ по Косвѣ къ деревнѣ Красной Слуткѣ по правую сторону до истока, что вышелъ изъ подъ Кормановы Слутки, а налѣвѣ противъ того же поженка Корманскова дворища повыше Куньи рѣчки*“). Тоже самое повторяется въ писцовой книгѣ Кайсарова по вотчинамъ Строгановыхъ, при описаніи починка Сизикова и деревни Красной Слутки: „а межа того починка Сизикова (что была деревня) Косвинскаго погоста со крестьяны по рѣкѣ по Косьвѣ внизъ къ погосту—направѣ рѣчка Пожва, а налѣвѣ выше той рѣчка Сулазная**“). Приведенныя выписки даютъ намъ основаніе заключить, что старый *Косвенскій* погостъ, что была деревня Вильгортъ, стоялъ именно на мѣстѣ нынѣшняго села *Пермскаго*, а не Никулинскаго. Рѣчка Волимъ, гдѣ стояла мельница, впадаетъ въ Косьву у самаго села Пермскаго, Пожва—немного повыше Волима съ той же правой стороны, а Кунья—пониже его съ другой, лѣвой, стороны впадаетъ въ ту же Косьву. Починка Сизикова нынѣ, кажется, не существуетъ.

Изъ другихъ поселеній Отхожаго района, современныхъ Яхонтову, не лишнее упомянуть о деревнѣ *Туманской* на городищѣ, о которой Кайсаровъ писалъ: „Деревня *Майкоръ*,

---

*) Дубров. рукоп. сборникъ, листы 164—165.

**) Изъ имѣющейся у меня рукописи.

что было Туманское городище на рѣкѣ на Инвѣ". (Дубров. рукоп., листъ 162). Нынѣ на этомъ мѣстѣ находится большой *Никитинскій заводъ*, *Майкоръ* тожъ. Еще упомянемъ деревню Куву на рѣкѣ того же имени, современную Яхонтову. Кайсаровъ о ней говоритъ: „Къ тому же погосту (Кудымкору) *деревня Кува, Утева тоже, на рѣкѣ на Кувѣ*" (Дубров. рук., л. 157). Я думаю, что нынѣ на этомъ мѣстѣ стоитъ село *Отево* Соликамскаго уѣзда, а не заводъ Кувинскій или Кува, возникшій лишь въ 1850-хъ годахъ. Это подтверждается и увѣренностью мѣстныхъ жителей въ глубокой древности села Отевскаго, отстоящаго отъ села Кудымкора только на 8 верстъ къ сѣверо-западу.

Общій итогъ земли, пашеннаго лѣса и сѣна по всему Отхожему округу Яхонтовъ показываетъ слѣдующій: *пашни середніе земли 381 четь, худые земли 380 чети—той и другой 761 четь; перелогу 241 четь съ осминою, лѣсу пашеннаго 315 десятинъ; сѣна 4020 копенъ.*

Сошнаго письма по Отхожему округу, полагая по 64 двора въ соху, Яхонтовъ считаетъ *три сохи безъ чети и пол-пол-пол-чети сохи. Пашни ялося въ соху середніе и худые земли и перелогу по 360 чети съ полуосминою, лѣсу—по 113 десятинъ, сѣна по 1445 копенъ съ полукопною*).*

Б. Солевареніе въ Чердынскомъ уѣздѣ въ 1579 г.

Въ заключеніе своей писцовой книги Яхонтовъ подробно останавливается на солевареніи, рыболовствѣ и доходахъ Великопермскаго намѣстника по Чердынскому уѣзду, на которыхъ и мы теперь остановимся послѣдовательно.

Въ I главѣ мы уже говорили, что нѣкоторые посадскіе люди Чердыни имѣли въ уѣздѣ свои солеварни—преимуще-

*) Дубровинскій сборникъ, листы 4 —49.

ственно изъ тѣхъ, которые занимались и въ городѣ торговлей. Нѣкоторые богатые волостные крестьяне также варили соль—это единственное еще въ тѣ времена горное богатство, служившее предметомъ эксплоатаціи. Яхонтовъ указываетъ во всемъ Чердынскомъ уѣздѣ въ 1579 году слѣдующія солеварни*):

Въ Чердынскомъ уѣздѣ, за рѣкою Вишерою, на рѣчкахъ Толычѣ и Усолкѣ, были соляныя варницы: лучшихъ людей Якова Могильникова, Пимена Коробейникова, Филиппа Возмищева—у каждаго по одной, а оброкъ платился съ этихъ трехъ *лучшихъ* варницъ по 2 р., а сообща по 6 рублей въ годъ; варницы молодшихъ людей: Яшки Наумова, Максима Калинина, Аникія Кокотова и Ивана Ѳотѣева—у каждаго по одной, оброкъ съ нихъ шелъ по рублю въ годъ, слѣдоват., всего 4 рубля, а со всѣхъ семи варницъ шло оброка 10 руб. въ годъ, пошлинъ съ оброка 16 алтынъ 4 деньги, съ рубля по десяти денегъ. Съ каждой варницы положено было давать ежегодно намѣстнику по 20 пудовъ соли въ годъ *по старинѣ*.

Такимъ образомъ во всемъ Чердынскомъ уѣздѣ въ 1579 г. было только 7 варницъ, которыя въ писцовой книгѣ и называются неточно *вишерскими*. Эта неточность выраженія ввела меня въ ошибку въ I вып. настоящаго изданія (стр. 48), которую теперь и исправляю. На самой Вишерѣ варницъ вовсе не существовало.

В. Рыболовство въ Чердынскомъ уѣздѣ въ 1579 г.

Рыболовство въ Чердынскомъ уѣздѣ—общее у посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ въ 1579 г. существовало въ слѣдующихъ озерахъ и рѣкахъ: въ озерѣ *Чюсовомъ* вверхъ по рѣкѣ Колвѣ—длиною то озеро 10 и шириною 5 верстъ;

*) ibidem, листъ 49.

въ озерѣ *Вакиштъ*—въ длину три, а поперекъ 1 верста; въ озерѣ *Тимшеръ*)* и озерѣ *Лиманъ*—оба одинаковой величины съ Вакиштомъ. Оброку съ этихъ четырехъ озеръ въ годъ полагалось 4 рубля 16 алтынъ 4 деньги, а отдѣльно съ Чюсоваго 3 рубля и съ остальныхъ по полтинѣ, да пошлинъ съ оброку 7 алтынъ 3 деньги, съ рубля по десяти денегъ.

Затѣмъ Чердынцы имѣли рыбныя ловли въ рѣкахъ: „въ Камѣ отъ верхкамскіе межи, отъ рѣчки Порыща, внизъ по Камѣ рѣкѣ до межи Камскаго Усолья, до погоста Мошева“**); въ рѣкѣ Колвѣ отъ усть Вишеры вверхъ по Колвѣ до озера Чусоваго и въ самой Вишерѣ отъ рѣки Камы до деревни Морчанъ, выше которой начинались Вогульскія ясачныя угодья. Оброку съ трехъ рѣкъ шло ежегодно: съ Камы по 3 рубля, съ Вишеры и Колвы—по 2 рубля, а всего 7 рублей, да пошлинъ съ оброку 11 алтынъ 4 деньги, съ рубля по 10 денегъ.

Г. Общіе экономическіе итоги по Чердынскому уѣзду за 1579 годъ.

Общіе экономическіе итоги по Чердынскому уѣзду Яхонтовъ дѣлаетъ самъ въ концѣ писцовой книги.

„И всего въ городѣ въ Чердыни на посадѣ и въ уѣздѣ, въ погостехъ и въ деревняхъ и въ починкахъ крестьянскихъ *пашенныхъ 1131 дворъ, да непашенныхъ 362 двора—и обоего пашенныхъ и непашенныхъ 1493 двора; во дворѣхъ людей (мужскаго пола) 1700 человѣкъ*“. (Дубров. рукоп., листъ 50).

Всѣ эти дворы и ихъ владѣтели составляли: *1 городъ, 11 погостовъ, 82 деревни и 32 починка,* по управленію объединявшіеся въ одинъ Пермскій—Чердынскій уѣздъ, не

---

*) Въ рукописи Дубров. *Кимшеръ*.

**) Рѣчка Порыщъ была на границѣ Чердынскаго и Кайгородскаго уѣздовъ Перми Великой. Странно, что *Мошево* здѣсь единственный разъ названо у Яхонтова погостомъ, а вездѣ раньше именуется у него же деревней.

включая сюда вотчинъ Іоанно-Богословскаго монастыря, составлявшихъ по управленію самостоятельное цѣлое.

Дѣйствительное число дворовъ, какъ увидимъ ниже, въ общемъ итогѣ преувеличено на 2, по неизвѣстной намъ причинѣ, (1493 вмѣсто 1491—разница, конечно, ничтожная).

„Пашни посадскихъ и волостныхъ людей, продолжаетъ Яхонтовъ, *1753 чети середніе земли, да 4403 чети худые земли; перелогу 2880 чети въ полѣ, а въ дву потому же; лѣсу пашенново 1716 десятинъ; сѣна 28245 копенъ“* (Дубров. рукоп., л. 50). Сложеніе итоговъ по городу и отдѣльнымъ станамъ даетъ тѣ же цифры съ ничтожнымъ различіемъ не болѣе какъ на единицу, причиною чего могли быть исчисленія дробныхъ величинъ.

„Сошново письма на посадѣ и въ уѣздѣ 23 сохи съ четью и пол-пол-чети сохи и пол-пол-пол-чети сохи; положено въ соху по штидесятъ по четыре дворы“, т. е. $23 \times 64 + 16 + 4 + 2$ двора $= 1494$ дв. или 23 сохи $+ {}^1/_4 + {}^1/_{16} + {}^1/_{32}$ сохи. Для наглядности представимъ всѣ статистическія данныя писцовой Чердынской книги Яхонтова въ одной общей таблицѣ.

Городъ и станы.	Погост.	Дерев.	Починк.	Дворов.	Людей муж. п.	Пашен. земли ч.	Перелога четей.	Пашен. лѣс. дес.	Сѣна копенъ.	Сошнаго письма.
1. Чердынь . .	—	—	—	290	326	457	184	120	4616	4 сохи $+ {}^1/_2 + {}^1/_{32}$ с.
2. Окологородный	2	13	8	253	287	1371	736	309	6445	4 сохи.
3. Верхній . . .	4	19	6	400	435	1877	$1045 {}^1/_8$	581	6965	6 с. $+ {}^1/_4$ с.
4. Нижній . . .	3	28	15	370	420	1691	$673 {}^1/_8$	390	6200	6 с. $- {}^1/_4$ и ${}^1/_{32}$ с.
5 Отхожій . .	2	22	3	178	232	761	$241 {}^1/_8$	315	4020	3 с. $- {}^1/_4$ и ${}^1/_{32}$ с.
Итого . .	11	82	32	1491	1700	6157	2880	1715	28246	23 с. $+ {}^1/_4 + {}^1/_{16} + {}^1/_{32}$ с.
Разность съ общимъ итогомъ Яхонтова.	—	-	—	—2	—	+1	—	--1	+1	— —

Примѣчаніе: въ показаніи общаго числа деревень по Окологородному стану, какъ мы видѣли, въ копіяхъ писцовой книги допущена вѣроятно ошибка: вмѣсто 13 показано 23 деревни и вм. 8 починковъ показано 9.

Съ каждой сохи полагалось платить ежегодно по 12 рублей и пошлинъ казначеевыхъ и дьячьихъ по 11 алтынъ по 4 деньги—„*въ Государеву казну дани* за ямскіе и за примѣтные деньги, на городовое, на засѣчное дѣло и на ямчюжное". Кромѣ того въ ту же казну слѣдовало платить *оброку 43 рубля 21 алтынъ 2 деньги и пошлинъ съ оброку 2 руб. 6 алт.*, съ рубля по десяти денегъ,—„съ лавокъ, съ соляныхъ варницъ, съ мельницъ, съ рыбныхъ ловель, съ рѣкъ, съ озеръ".

„А съ Государевыми податми посадскимъ и волостнымъ крестьяномъ пашеннымъ и непашеннымъ верстатися межъ собя самимъ по своимъ животомъ и по промысломъ и по пашнемъ и по всякимъ угодьямъ*").

Д. Доходъ намѣстничъ въ 1579 г.

Кромѣ перечисленныхъ выше дани, оброка и пошлинъ съ оброка казначеевыхъ и дьячьихъ, чердынцы въ XVI в. обязаны были, въ силу своей уставной грамоты, содержать на свой счетъ или, какъ тогда говорили, *кормить* Великопермскаго намѣстника, при извѣстномъ участіи усольцевъ. Въ 1579 г. „доходъ намѣстничъ" съ Чердыни и ея уѣзда съ 23 сохъ съ четью и пол-пол-чети и пол-пол-пол-чети сохи былъ слѣдующій: 1) „*корму* на Рождество Христово за хлѣбъ и за калачи, и за полти, и за овесъ, и за сѣно денгами 13 рублевъ и 32 алтына 1½ денги"; 2) „на Великъ день (пасху) за кормъ денгами 6 р. 32 ал. 5 д."; 3) „на Петровъ день за кормъ денгами 6 р. 32 ал. 5 д."—и *всего намѣстнику на 3 праздника корму деньгами 27 руб. 31 ал. 1½ деньги*, съ каждой сохи полагалось по рублю по двѣ гривны—„то ему съ тіуномъ и съ доводчикомъ".

*) Дубровинск. рукоп. листы 50—51

Собирать кормовыя деньги и вручать ихъ намѣстнику лежало на обязанности Чердынскихъ старостъ и цѣловальниковъ. Кромѣ обязательныхъ въ пользу намѣстника сборовъ, ему полагался „взъѣзжій кормъ“: „кто что принесетъ, то ему и взять“. Да былъ сверхъ того сборъ натурою: съ семи варницъ по 20 пудовъ соли ежегодно. Ему же шли пошлины: „судъ да убрусное и лѣсная пошлина да пятно“. „А присудную пошлину и уѣздъ, и хожаное, и убрусную, и лѣсную пошлину, и пятно*) давать намѣстнику по Чердынской по уставной грамотѣ“. На посадѣ онъ могъ держать кабакъ съ продажею вина, меду и пива. На посадѣ и въ уѣздѣ онъ имѣлъ тіуна и трехъ доводчиковъ. Наконецъ онъ имѣлъ свои рыбныя ловли въ р. Вишерѣ, на устьѣ рѣки Колвы; „а ловятъ рыбу (чердынцы) намѣстнику своими людми, или кого наймутъ“. Да на р. Колвѣ, противъ города и погоста Покчи, намѣстнику полагалось луговъ на 300 копенъ.

Подводя общій итогъ всѣмъ сборамъ съ Чердынскаго уѣзда, получимъ слѣдующія суммы (алтыны и деньги не включаемъ).

1) *Дани* въ Государеву казну съ 23 сохъ $+ 1/4 + 1/16 + 1/32$ сохи по 12 рублей съ каждой сохи около 280 р.

2) *Пошлинъ* казначеевыхъ и дьячьихъ по 11 алтын. 4 деньги. . . . . болѣе 8 „

3) *Оброку* со всѣхъ оброчныхъ статей—съ лавокъ, варницъ, мельницъ и рыбныхъ угодій . . болѣе 43 „

4) *Пошлинъ* съ оброку. . . . болѣе 2 „

5) *Кормъ* намѣстничъ деньгами . . около 28 „

Всѣхъ сборовъ свыше 360 р.

*) *Тіуны* имѣли власть судебную, *доводчики* были слѣдователями по судебнымъ дѣламъ. Выраженіе *„присудная пошлина и уѣздъ“* значитъ: судебная пошлина и взъѣзжая—за пріѣздъ тіуна или доводчика; *хожаное*—плата разсыльному, *убрусная пошлина*—съ новобрачныхъ, *пятно*—пошлина за клеймо, *ямчужная*—селитряная, на *городовое и засѣчное дѣло*—т. е. на городскія укрѣпленія.

Такъ какъ всѣхъ сохъ въ городѣ и уѣздѣ Яхонтовъ насчиталъ болѣе 23, то съ каждой сохи, т. е. съ каждыхъ 64 дворовъ, ежегодно взималось около 15 руб. или, по нынѣшней стоимости денегъ, до 200 руб., а со всѣхъ сохъ—до 4320 руб., если тогдашній рубль принять за 12 нынѣшнихъ (въ дѣйствительности онъ стоилъ въ XVI в. еще дороже). Такъ какъ въ самомъ городѣ Яхонтовъ насчитываетъ болѣе $4^1/_2$ сохъ, то съ Чердыни причиталось ежегодно казенныхъ сборовъ до 70 рублей, а остальные 290 руб.— съ уѣзда Чердынскаго. При этомъ не принято во вниманіе довольствіе натурою, которое шло, сверхъ денегъ, въ пользу Государева намѣстника. Жаль, что исторія Перми Великой не располагаетъ источниками, которые могли-бы удостовѣрить *дѣйствительные* доходы чердынскихъ посадскихъ и уѣздныхъ людей и степень ихъ матеріальнаго благосостоянія въ XVI вѣкѣ.

Е. Чердынскій уѣздъ при Кайсаровѣ въ $162^3/_4$ г.г. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи.

Укажемъ теперь тѣ перемѣны по Чердынскому уѣзду, какія произошли въ немъ въ періодъ времени съ 1579 до 1623 года, т. е. за 44 года, отдѣляющіе переписи Яхонтова и Кайсарова. Мы имѣемъ теперь для этого полную возможность, благодаря прекрасному Дубровинскому списку Чердынской писцовой книги Кайсарова *).

Колонизація уѣзда за эти 44 года сдѣлала столь значительные успѣхи, что прежнее административное раздѣленіе его на 4 стана теперь являлось-бы слишкомъ общимъ, почему и было замѣнено новымъ, болѣе дробнымъ раздѣленіемъ на

*) При составленіи I выпуска «Пермской Старины» я вынужденъ былъ пользоваться очень плохимъ, но единственнымъ печатнымъ изданіемъ этой книги во II томѣ «Пермской Лѣтописи» Шишонко. На основаніи его я не могъ сдѣлать сколько-нибудь точныхъ выводовъ о Чердынск. уѣздѣ $162^3/_4$ г.г. См. о недостаткахъ этого изданія I вып. «Перм. Стар.» стр. 86 и примѣчаніе подъ строкой на той же страницѣ.

21 административный участокъ или округъ. Изъ нихъ только одинъ участокъ, прилегавшій непосредственно къ городу, сохранилъ прежнее наименованіе *Окологороднаго стана;* остальные назывались по тѣмъ погостамъ, къ которымъ каждый тянулъ по управленію. Нѣсколько деревень за 44 года превратилось въ погосты, а многіе починки—въ деревни. Вотъ имена новыхъ 8 погостовъ, что были деревни: Цыдва, Ныробъ, Лимежъ, Вильва, Коса (Ныровъ тожъ), Кудымкоръ, Рождественскій на Обвѣ и Косвенскій, что была деревня Вильгортъ на Косьвѣ. Считаемъ нужнымъ подробно остановиться на всѣхъ 21-мъ округахъ уѣзда съ указаніемъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ и тѣхъ перемѣнъ, какія послѣдовали за 44 года, такъ какъ единственное, существующее въ печати, изданіе этой писцовой книги дефектное и не заслуживаетъ полнаго довѣрія, по многимъ существеннымъ недостаткамъ. Особенно сожалѣемъ, что какъ въ этомъ изданіи г. Шишонко, такъ и въ Дубровинскомъ спискѣ *не приводятся по уѣзду данныя о количествѣ сошнаго письма.* Относительно наиболѣе значительныхъ поселеній опять приведемъ полныя свѣдѣнія, остальныя только перечислимъ. Вновь возникшія поселенія отмѣчаемъ звѣздочкой.

I. Городъ Чердынь и Окологородный станъ.

1. Починокъ Антипинъ, Колотилова тоже, на р. Колвѣ.*
   Поч. Крымкоръ на р. Колвѣ.*
   Поч. Бурундаковъ на рч. Талицѣ*—(притокъ Мошевицы, текущей въ Каму).
   Дер. Красноперова на Колвѣ, что былъ починокъ.
5. Поч. Чахловъ на рч. Шугорѣ.*
   Поч. Распопова на родникѣ, что была деревня.
   Дер. Гилева на Талицѣ (у Яхонтова на родникѣ).
   Поч. Шохирево на ключѣ.*
   Дер. Вискунова на ключѣ.

10. Поч. Водыпей на вершинѣ Лызовки (у Яхонтова на Водыпеѣ).

Поч. Калыпинъ.*

Поч. Крохалевъ на ключѣ.*

Поч. Кузмино на родникѣ.*

Дер. Русаново на родникѣ Поточинкѣ.*

15. Поч. Песиковскій на колодезѣ.*

Дер. Захарово на колодезѣ.

Поч. Лычино на ручьѣ.*

Дер. Гузнищево, Ярино тоже, на родникѣ Боярокѣ.

Дер. Чолыбъ, Щоткино тоже, на родникѣ.

20. Дер. Кушпелева (около Серегова).

Пашен. дворовъ имѣла 15, бобыльскихъ 2, пустыхъ 2, мѣстъ дворовыхъ 3, пашни худой земли 63 чети съ четверикомъ въ 3 поляхъ, перелогу 98 четвер., лѣсу пашен. 15 десят., сѣна на Вишерѣ 425 копенъ.

[Пустошь (запустѣлое поселеніе) Ясова Кушпелевскаго крестьянина Сергушки Жегулева].

Поч. Ясовъ надъ болотомъ.*

Дер. Остятцкое на р. Вишерѣ (была въ Нижнемъ станѣ).

При ней была мельница—мутовка на рѣчкѣ Остятцкой изъ оброка 5 ал., пошлинъ $1^1/_2$ деньги.

Поч. Шишкинъ на родникѣ.*

Дер. Ватолина на Колвѣ.*

25. Дер. Низева на Колвѣ.*

Деревня, что былъ починокъ Громыхаловъ* на р. Колвѣ (у Яхонтова нѣтъ, значитъ, возникъ послѣ 1579 г.).

Поч. Бырыловъ на ручьѣ, подъ Высокимъ*.

Поч. Верещагинъ на рч. Тарыгинѣ*.

Дер. Серегово на Колвѣ* (Яхонтовъ въ Нижнемъ станѣ упоминаетъ починокъ Сергіевъ съ сѣнокосомъ на Камѣ, но онъ при Кайсаровѣ превратился въ деревню Сергіеву Губдорскаго округа).

Дворовъ имѣла 6 и мѣстъ дворовыхъ 20; „а дворы погорѣли въ 131 (1573) году“; пашни худой земли 88

четвертей съ осминою, перелогу 84 чети съ осминою въ 3 поляхъ, сѣна на Колвѣ и Вишерѣ 740 копенъ; мельницы—колотовки на ручью: Гриши Алина съ братьею да Стеѳанка Аѳонасьева, Тренки да Васки Коуровыхъ и Сергушки Алина, Меншичка Коурова и Сенки Попова, Петрушки Коурова, Андрюшки Ѳедорова и Матюшки Нилова да Логинка Васильева, Аѳонки Архипова—всего 6 мельницъ изъ оброку 30 алт., пошлинъ 9 денегъ; рыбная ловля въ Сереговскомъ озеркѣ—оброку 5 алтынъ, пошлинъ 1½ деньги.

30. Починокъ, что была деревня Слободчикова, на Колвѣ.*
У Яхонтова нѣтъ; слѣдов. была послѣ 1579 г.

Починокъ, что была деревня Пажгортъ.

Поч. Мочаловъ.

Поч. на рѣчкѣ Лызовкѣ, что былъ починокъ же Гарь.

Поч. на рѣчкѣ Лызовкѣ, что былъ починокъ Мойпона.

35. Поч. Соѳоновъ на рѣчкѣ Лызовкѣ (у Яхонтова на Кемзелѣ).

[Поч. пустъ, что былъ Никоновъ на рч. Кемзелѣ].

Всего въ Окологородномъ станѣ, границы котораго уже не совпадали съ прежними, было 35 населенныхъ мѣстъ (помимо города Чердыни и шести монастырскихъ деревень) и два поселенія опустѣвшихъ (пустоши); самыми значительными поселеніями были *Кушпелева* и *Серегова* близь устьевъ р. Вишеры. Вновь возникшихъ поселеній было 20, старыхъ 15. Изъ общаго числа 35 поселеній деревень было въ 162¾ году 13, починковъ 22.

„И всего въ Окологородномъ стану, замѣчаетъ Кайсаровъ, пашни паханые худые земли 500 четей, да пашни же перелогомъ 368 четей въ 3 поляхъ; лѣсу пашен. 82 десят., сѣна 3454 копны“. (Дубров. рукоп., листъ 69). Оброку въ казну шло: съ безпашен. дворовъ 5 ал., 1½ д., съ 5 дворовъ бобыльскихъ, которые Кайсаровъ отличаетъ отъ безпашенныхъ,—17 алт. 3 д.; съ 7 мельницъ 1 рубль

1 алт. 4 д. и пошлинъ 1 алт. 4½ д., съ каждой по 5 ал. и пошл. по 1½ д.; съ рыбныхъ ловель оброку и пошлинъ 5 алт. 1½ д.*).

Кромѣ того сюда же должно присоединить 4 *отхожихъ* починка Чердынцевъ: *Амфилохія Потапова, Анфиловъ, Давыдовскій* и *Горбуново,* вновь возникшіе послѣ Яхонтова, и отхожія имѣнія, а именно 140 четей худой пашни, 14 четей перелогу и 150 копенъ сѣна, да въ городскихъ поляхъ 199 четей пашни и 250 четей перелогу, а всего 339 четей пашни и 264 чети перелогу. Тогда общій итогъ по Окологородному стану вмѣстѣ съ городомъ Чердынью будетъ таковъ: пашни худой земли 839 четей, перелогу 632 чети, лѣсу 82 десятины и сѣна 3604 копны. (См. главу I настоящаго выпуска). Шесть деревень Іоанно-Богословскаго монастыря, какъ не входившія въ сошное письмо, свободныя отъ всякаго обложенія, въ общемъ итогѣ населенныхъ мѣстъ мною не считаются.

2. Погостъ Покча и его округъ.

Погостъ Покча на р. Колвѣ имѣлъ дворовъ: пашенныхъ 70, безпашенныхъ 6, бобыльскихъ 21, пустыхъ 5 и одна келья нищей—всего 103 двора. Покчинцы имѣли ближайшую пашню и отхожія въ деревняхъ Ручибѣ и Ростовѣ—всего 323 чети съ полуосминою, перелогу 387 четей безъ полуосмины въ 3 поляхъ худой земли, лѣсу около поль 170 десятинъ, сѣна по обѣ стороны Колвы 2350 коценъ пашенныхъ и 125 копенъ непашенныхъ крестьянъ. Въ погостѣ была кузница Алешки Алексѣева Дурова—оброкъ 3 алт. 2 деньги и пошл. деньга. За погостомъ на родникахъ находилось 8 мельницъ—колотовокъ: Пелехова и Бурматова,

*) Всѣ подобные общіе итоги изъ книги Кайсарова Шишонко выпустилъ въ своемъ изданіи ея (Пермск. Лѣтоп. т. II), почему ранѣе я и не могъ сдѣлать никакихъ общихъ выводовъ по описи Кайсарова.

Муневыхъ, Азянова съ товарищи, Данилова и Усанина, Данилова и Вештомова съ братьею, мельница на рѣчкѣ Кемзелѣ посадскаго лучшаго человѣка Дмитрія Верещагина и покчинца Ѳедосѣя Старцова, и Мелешки Бормотова—оброкъ съ нихъ 1 рубль 6 алтынъ 4 деньги и пошлинъ 2 алтына. Рыбныя ловли покчинцы имѣли: въ озеркахъ Крымкорѣ и Бобовѣ и ихъ истокахъ, да въ рѣчкахъ Мыдылѣ и Каѣ—оброкъ 25 алт. и пошлинъ 7½ денегъ. Были еще у покчинцевъ дворы на отхожихъ пашняхъ на пріѣздъ, на рѣчкахъ Урыгоркѣ, Семжѣ и Немзѣ; такихъ дворовъ указано 6, изъ нихъ 2 обитаемые и 4 пустыхъ. (Дубров. рук., л.л. 71—72).

Въ погостѣ существовала церковь Благовѣщенія, которую Кайсаровъ по обыкновенію подробно описываетъ*). Храмъ былъ древянъ клѣтцки и имѣлъ слѣдующія замѣчательныя иконы: образъ Благовѣщенія, обр. страстотерпца Георгія, Николая Чудотворца, другой образъ Благовѣщенія, третій таковой же; два образа Одигитріи и Спаса Нерукотвореннаго, образъ Воскресенія, мученицы Парасковіи и св. пророка Иліи.—Въ Покчѣ былъ еще храмъ теплый во имя великомученика Георгія, все убранство котораго было также строеніе мірское. Замѣчательныхъ иконъ въ немъ не было**). Этотъ теплый храмъ едва-ли былъ придѣломъ холоднаго Благовѣщенскаго, судя потому, что упомянутъ отдѣльно отъ него. Обѣ церкви и образа, и иконы, и колокола—все было „строеніе мірское". При нихъ было 4 двора: попа, дьячка, пономаря и проскурницы. Пашни церковной было 9 четей въ трехъ поляхъ, сѣна „противъ погоста Покчи, за р. Колвою, *дачи князя Матвѣя Пермскаго*, на двухъ пожняхъ 150 копенъ, а даны тѣ пожни на церковное строеніе" („Пермск. Лѣтоп." II, 210).

---

*) Въ Дубровинск. сборникѣ описаніе церквей выпущено, почему эти свѣдѣнія заимствую изъ изданія Шишонко («Пермск. Лѣтоп.» II, 209—210).

**) Нынѣ въ Покчѣ существуетъ каменная Благовѣщенская церковь съ придѣломъ св. Георгія.

Перечисляемъ всѣ населенныя мѣста, по управленію зависѣвшія отъ Покчи, составлявшія ея волость.

1. Дер. Шайтанова на родникѣ (была въ Верхнемъ станѣ).

Это—едва-ли не предшественница нынѣшняго Салтанова, что близь Покчи. При Кайсаровѣ она была значительнымъ поселеніемъ, имѣвшимъ 35 дворовъ пашенныхъ, 5 бобыльскихъ и 7 пустыхъ, пашни худыя земли и съ отхожею пашнею 159 четей, перелогу 21 четверть въ трехъ поляхъ, лѣсу 5 десятинъ, сѣна на р. Колвѣ, въ Кругломъ, и на острову 350 копенъ. При той же деревнѣ были 3 мельницы—мутовки на родникѣ: Евдокима Новикова, его же съ товарищи и третья Алексѣя Якимова съ товарищи—оброкъ 15 алт., пошлинъ 4½ ден.*).

Дер. Санникова на рч. Лызовкѣ.

У Яхонтова такой нѣтъ, но въ Верхнемъ станѣ онъ упоминаетъ Саитинову съ сѣнокосомъ на Колвѣ же. Я увѣренъ, что это—одна и таже деревня на рч. Лызовкѣ. Въ ней дворовъ было 14, да 2 пустыхъ, пашни худой земли 54 чети въ 3 поляхъ, сѣна на Колвѣ 355 копенъ.

Дер. Некрасова на вражкѣ, что былъ почин. (Верхн. стана).

Есть и теперь. Пашни 28 ч., перелогу 29 ч., лѣсу 2 д., сѣна 115 копенъ, мельница на рч. Люльвѣ—собственность Ѳедки Некрасова съ братьями и деревни Распоповой Гаврила Распопова съ братьями—оброкъ 5 алтынъ, пошлинъ 1½ д.

Дер. Распопова на рч. Люльвѣ съ мельницею на той же рѣчкѣ изъ того же оброка.

5. Дер. Ручебъ на ручью съ мельницею изъ того же оброка.

Дер. Лызова на рч. Лызовкѣ (была Верхн. стана) съ рыбною ловлею въ той же рѣчкѣ изъ оброка 10 ал. 3 д.+5 ал. 1½ д.

Пашни 160 четей, сѣна на р. Колвѣ, противъ Мокловы, 450 копенъ,

[Пустошь, что была деревня Тырыгина на родникѣ].

---

*) Въ изданіи *Шишонко* большая часть цифровыхъ данныхъ перепутаны, или извращены, почему на его статистику полагаться ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ; да и географическія названія зачастую извращены.

Во всемъ Покчинскомъ округѣ или волости было кромѣ погостовъ только 6 поселеній, исключительно старыя деревни, существовавшія при Яхонтовѣ. Самыя значительныя были деревни Шайтанова, Санникова и Лызова. *Общій итогъ земли, лѣса и сѣна въ Дубровинскомъ спискѣ писцовой книги, къ сожалѣнію, не приводится по отдѣльнымъ округамъ; за то вездѣ подробно указаны денежные сборы въ казну.* Съ Покчинскаго округа таковыхъ полагалось: съ 6 безпашенныхъ дворовъ оброку 30 ал., пошлинъ 9 д.; съ 28 бобыльскихъ дворовъ обр. 2 рубля 26 ал., 4 д., пошл. 4 а. 4 д.; съ кузницъ оброку и пошл. 3 алт. 3 ден., съ 15 мельницъ оброку 2 руб. 8 ал. 2 д., пошл. 3 ал. 4½ д.; съ рыбныхъ ловель обр. 1 р. 6 ал. 4 д., пошл. 2 алт.—всего 7 р. 21 ал. Путемъ сложенія данныхъ по погосту и всѣмъ его деревнямъ получаемъ итоги: пашни всего было 780 четей, перелогу 437 ч., лѣсу 179 десятинъ и сѣна 4135 копенъ.

3. Погостъ Анисимовъ и его округъ.

Погостъ Анисимовъ на верховьяхъ рѣчки Кемзелки или Кемзелы при Яхонтовѣ входилъ въ составъ (вмѣстѣ съ Покчею) Окологороднаго стана, а теперь имѣлъ свой округъ. Въ немъ было дворовъ пашен. крест. 28, безпаш. 3, бобыльскихъ 13, пустыхъ 5. Пашни погостъ имѣлъ 118 чети худой земли, перелогу 188 чети „съ полутретникомъ“ въ трехъ поляхъ, лѣсу 20 десятинъ, сѣна на Колвѣ 500 копенъ пашен. и 15 копенъ непашен. кр. Никакихъ угодій погостъ не имѣлъ (Дубров. рукоп. л.л. 76—77).

Въ погостѣ была церковь во имя пророка Иліи деревянная клѣтцки, въ которой были замѣчат. образа: пророка Иліи, Срѣтенія, Одигитріи, Пречистыя Богородицы. При церкви была колокольня съ 3 колоколами и дворъ для священно-церковно-служащихъ. (Пермск. Лѣт. II, 214).

1. Дер. Глѣбово на рѣчкѣ Глѣбовкѣ, Лызовкѣ тоже (см. у Яхонтова д. Хлѣбову въ Окологородн. стан.), при ней мельница.

Поч. Першино на ручью.*

Дер. Лапсырь на ключѣ.*

Дер. Поздіево на рч. Лызовкѣ.*

5. Дер. Сюрсъ на той же рѣчкѣ Лызовкѣ (была въ Верхнемъ станѣ).

Дворовъ 11, бобыльск. 2, пашни худой земли 64 чети, перелогу 9 ч. съ полутретникомъ въ 3 поляхъ, лѣсу 4 дес., сѣна 65 копенъ. До Кайсарова при деревнѣ была мельница.

Поч. что была деревня Курово (у Яхонт. не упомянута).*

Дер. Блиново на Люльвѣ (была въ Окологородн. ст.).

Поч. Фирюлевъ на ручью.*

Дер. Вотцкая на родникѣ и на рѣчкѣ Кечьзекѣ. (?)

Самая значительная въ этомъ округѣ (ранѣе была въ Окологородн. станѣ). Имѣла дворовъ пашенныхъ 32, бобыльскихъ 9, мѣстъ дворовыхъ 2, пашни худой земли 191 четь съ осминою и съ четверикомъ, перелогу 60 чети и пол-пол-третника въ 3 поляхъ, лѣсу 50 десятинъ, сѣна на рѣчкѣ Незмѣ 530 копенъ.

10. Дер. Хребтово на ручью (была Окологородн. стана).

Поч. Коземкинъ на родникѣ.*

Дер. Пономарихина, Вшивково тоже, на ключѣ (была въ Окологородн. станѣ).

[Пустошь, что былъ починокъ Запольской въ Окологор. станѣ].

Всего въ Анисимовскомъ округѣ было 12 населенныхъ мѣстъ, кромѣ погоста (8 деревень и 4 починка), изъ нихъ вновь возникло 6 поселеній; пашни худой земли было *(включаемъ вездѣ самые погосты)* 548 четей, перелогу 423 чети, лѣсу 106 десятинъ, сѣна 1650 копенъ. Оброку и пошлинъ въ казну шло ежегодно: съ 5 дворовъ безпашен.

26 алт. 7½ ден., съ 28 дворовъ бобыльскихъ 2 рубля 31 алтынъ 1½ деньги—всего 3 руб. 25 алт. 1 д. (Дубровинск. сборн. л. 81).

4. Погостъ Вильгортъ и его округъ.

Вильгортъ на Колвѣ, и раньше составлявшій центръ управленія для Верхняго стана, при Кайсаровѣ былъ однимъ изъ самыхъ значительныхъ, послѣ Чердыни, поселеній въ цѣломъ уѣздѣ. Въ это время онъ имѣлъ дворовъ пашенныхъ крестьянъ 89, безпашенныхъ 14, бобыльскихъ 24, всего 127, мѣстъ дворовыхъ 2, пашни худыя земли и съ отхожими пашнями 483 чети, да перелогу 410 четей въ трехъ поляхъ, лѣсу 120 десятинъ, сѣна на Колвѣ 2640 копенъ пашенныхъ и 150 к. непашенныхъ крестьянъ. Къ погосту принадлежало одно займище (заимка) съ двумя дворами. Рыбныя ловли Вильгортцы имѣли: въ озеркахъ Костинскомъ и его истокѣ, въ Искорскомъ истокѣ, въ оз. Суховѣ, Ужгинскомъ и его истокѣ и въ рѣчкахъ Нечадовѣ, въ старой Колвѣ, въ прокопи Пимена Ондрѣева, въ рѣчкѣ Ларевѣ, въ рч. Жерновковѣ среди Березова, въ рч. Немыдѣ и Кумѣ. Оброку за всѣ рыболовли взималось въ годъ стараго 1 руб. 16 алт. 4 ден. и вновь прибавлено 26 ал. 1½ ден. (Дубровинск. рукоп. л.л. 83—84).

Въ погостѣ былъ храмъ древянъ клѣтцки во имя рождества Іоанна Предтечи съ образами: Живоначальн. Троицы, рожд. Іоанна Предт., великомуч. Георгія, Одигитріи—два, Николая Чудотв., Спаса Нерукотв. и Богородицы „О Тебѣ радуется“. При церкви была колокольня съ 4 колоколами. Кромѣ того въ Вильгортѣ тогда былъ еще другой храмъ Живоначальныя Троицы, также древянъ клѣтцки, съ образомъ Одигитріи. Другіе образы и книги переносились изъ церкви въ церковь. У церкви были дворы: 2 поповскихъ и по одному дьячка, трапезника и проскурницы. (Пермск. Лѣтоп. II, 216).

1. Поч. Козебъ на рч. Цыдвѣ.*

Дер. Вылибъ на ручью Вылибскомъ.*

Поч. Истоминской на родникѣ Гагорѣ.*

Поч. Камгортъ на Горномъ ручьѣ (была деревня Верхняго стана).

5. Поч. Якимка Ижитпелева на Кутузовѣ врагѣ.*

Далѣе писцовая книга перечисляетъ *отложія* пашни и при нихъ дворы: на Зенигортѣ одну, на Курсубѣ—двѣ, на Вылебѣ одну и на Кутузовѣ врагѣ—двѣ. При каждой было по одному двору—всего 6 дворовъ. Обѣ Кутузовскія и одна Курсубская пашня принадлежали Вильгортцамъ.

Дер. Камгортъ на р Колвѣ (была въ Верхнемъ станѣ).

Существуетъ донынѣ; дворовъ имѣла пашен. 11, безпашенныхъ 1, пустыхъ 2, пашни 61 четь безъ полутретника, перелогу 40 четей съ полутретникомъ, лѣсу 30 д., сѣна на Колвѣ 200 копенъ. Кромѣ того была рыбная ловля въ озеркѣ Кумыстѣ, его истокѣ и въ падунѣ изъ оброка стараго 5 алт. 1½ ден. и новаго 2 алт. 4 ден.—всего 7 алт. 5½ ден.

Дер. Агайгортъ, Шипицыно тоже, на ключѣ*.

Имѣла рыбныя ловли въ оз. Игнатовскомъ и въ истокѣ изъ оброка и пошлинъ 5 алт. 1½ ден., пашни 16 четей, перелогу 12 чет. въ 3-хъ поляхъ, лѣсу 12 д., сѣна за Колвою 50 копенъ.

Деревня, что былъ погостецъ Бѣгичи, на р. Колвѣ.

Яхонтовъ Бигичи также называетъ деревнею Верхняго стана; значитъ, въ погостецъ она превратилась послѣ 1579 г. Послѣ Вильгорта это было самое большое поселеніе въ этомъ округѣ. Оно имѣло пашен. дворовъ 39, бобыльскихъ 10 и мѣсто дворовое; пашни худой земли 170 четей безъ полутретника, перелогу 24 чети съ полутретник. въ трехъ поляхъ, лѣсу 30 дес., сѣна на Колвѣ 360 коп., рыбная ловля въ рч. Бубовкѣ, и въ Ижбѣ, и въ Нярычѣ—оброку и пошлинъ 15 ал. 4½ д.

9. Деревня, что былъ починокъ Клочихинъ (былъ Верхн. ст.).

Всего въ Вильгортскомъ округѣ было 9 населенныхъ мѣстъ, не считая погоста—5 деревень и 4 починка; вновь возникло 5 поселеній. Пашни во всемъ округѣ было 971 четь худой земли (считая погостъ), перелогу 489 четей, лѣсу 192 дес., сѣна 3880 копенъ*). Оброку и пошлинъ въ казну шло ежегодно: съ 15 безпашенныхъ дворовъ 2 рубля 12 алт. 1/2 д., съ 18 бобыльскихъ—1 руб. 29 алт. 4 д., съ рыбныхъ ловель 3 руб. 2 ал. 3 д. и пошлинъ 5 алт. 1 д.—всего 7 руб. 15 алт. 5 1/2 д. (Дубровинск. рукоп., л.л. 87—88).

5. Погостъ Цыдва и его округъ.

При Яхонтовѣ Цыдва была деревнею Верхняго стана, на рѣчкѣ Цыдвѣ (нынѣ Цыдовка), впадающей въ Колву у Вильгорта. Въ 1623 г. она имѣла дворовъ пашенныхъ крестьянъ 33, безпашенныхъ 6, бобыльскихъ 5, пустыхъ 6—всего 50 дворовъ. Относительно всѣхъ пустыхъ дворовъ, въ виду совершавшагося тогда колонизаціоннаго броженія, замѣчено, какъ и въ другихъ округахъ, что „пашня такого-то крестьянина лежитъ впустѣ“, что такой-то крестьянинъ „сшелъ безвѣстно куда“ и т. п. Пашни середніе земли погостъ имѣлъ 208 четей съ третникомъ, перелогу 110 чети въ 3 поляхъ, сѣна по р. Цыдвѣ 545 копенъ. Сборовъ съ Цыдвы ежегодно поступало въ казну: съ 6 безпашенныхъ дворовъ оброка 30 алт., пошлинъ 9 денегъ, съ 5 бобыльскихъ дворовъ всего 17 алт. 3 д. и съ 10 мельницъ-мутовокъ, стоявшихъ на Цыдвѣ,—1 рубль 16 алт. 4 д. оброку и 2 алт. 3 д. пошлинъ—всего съ погоста 3 р. 1 ал. 3 д. Мельницы—мутовки имѣли слѣдующіе крестьяне: 1) братья Легаевы, 2) Нестеровы и Высоковъ (послѣдній изъ Бигичъ),

*) По всѣмъ округамъ эти итоги я вывелъ самъ изъ показаній по отдѣльнымъ поселеніямъ. Въ писцовой же книгѣ Кайсарова ихъ нѣтъ, а приведены только цифры оброчныхъ и пошлинныхъ сборовъ.

3) Лягаевъ, Корякинъ съ братьями, Усовъ и Заецъ (послѣдній изъ Бигичъ), 4) Володимеровъ и Терентьевъ, 5) Дороѳей Степановъ, 6) Козьма Лягаевъ, 7) Васильевъ и Обросимовы, 8) Лукьяновы и Дороѳей Степановъ, 9) Никитинъ съ братьями и 10) Петръ Ильинъ. (Дубровинск. рукоп. л. 89).

Въ Цыдвинскомъ погостѣ при Кайсаровѣ существовалъ храмъ древянъ клѣтцки во имя Архистратига Михаила съ придѣломъ святителя Николая Чудотворца. Изъ образовъ его Кайсаровъ упоминаетъ: мѣстный арх. Михаила, пророка Иліи, Николая Чудотв., Георгія Побѣдоносца и Одигитріи. При церкви было 4 двора попа, дьячка, пономаря и просвурницы и пашни церковной въ пустоши Симановѣ 4 чети въ полѣ, а въ дву потому же. (Перм. Лѣт. II, 217).

Въ округѣ Цыдвы кромѣ упомянутыхъ 10 мельницъ не было ни одного поселенія, а существовала только пустошь Симанова, что была деревня. У Яхонтова такой деревни однако не упоминается. Въ Симановѣ было 4 пустыхъ двора, обитатели которыхъ „сошли безвѣстно отъ подати“ въ 1622 году. При пустоши числилось перелогу 5 четей въ трехъ поляхъ и сѣна по рѣчкѣ Цыдвѣ 30 копенъ.

Далѣе мы увидимъ, что самые сѣверо-восточные погосты Искоръ и Ныробъ также не имѣли въ своихъ округахъ ни одного поселенія, что и не мудрено, если тамъ и сейчасъ сколько-нибудь значительная деревня составляетъ рѣдкость.

6. Погостъ Искоръ.

Погостъ Искоръ на родникѣ и на Черномъ ручью, въ 45 верстахъ къ С.-В. отъ Чердыни, былъ однимъ изъ самыхъ отдаленныхъ въ Чердынскомъ краѣ и потому не имѣлъ при Кайсаровѣ въ своемъ вѣдѣніи *ниодного* поселенія. Суровый и неплодородный заколвенскій край не привлекалъ сюда переселенцевъ даже въ самый разгаръ русской колонизаціи— въ началѣ XVII вѣка, когда бывшій Отхожій округъ того

же уѣзда быстро заселялся русскими пришельцами. Окрестности Искора и сейчасъ представляютъ собою довольно пустынную мѣстность, и если это село теперь пользуется нѣкоторой извѣстностью, то болѣе благодаря находящемуся вблизи его чудскому городищу, давно привлекавшему вниманіе ученыхъ. Однако уже самое это городище доказываетъ, что человѣкъ очень давно нашелъ здѣсь себѣ, не лишенное удобствъ, мѣсто для поселенія. Въ новгородскомъ періодѣ исторіи Перми Великой Искоръ имѣлъ довольно важное значеніе: здѣсь жилъ, по-видимому, одинъ изъ автономныхъ пермскихъ князей, платившихъ только дань Новгороду Велиликому. По этому при завоеваніи Перми Великой воеводами Іоанна III въ 1472 г., Искоръ игралъ весьма замѣтную стратегическую роль. Но здѣсь и кончается его славное прошлое. Съ XVI вѣка Искоръ дѣлается заурядным погостомъ Верхняго стана; въ XVII вѣкѣ обособляется по управленію, наравнѣ съ прочими погостами своего уѣзда, но въ округѣ его не оказывается не только ни одной деревни, но даже починка: онъ остался одинокимъ въ своемъ округѣ.

При Кайсаровѣ Искоръ имѣлъ дворовъ пашен. крестьянъ 65, безпашенныхъ 4, бобыльскихъ 13 и мѣстъ дворовыхъ 2, всѣхъ дворовъ 82 (впрочемъ пять изъ бобыльскихъ были пусты). Пашни худой земли онъ имѣлъ 262 четверти съ осминою, перелогу въ трехъ поляхъ 45 четвертей, сѣна 617 копенъ. Оброковъ и пошлинъ въ годъ платилъ: съ 4 безпашенныхъ дворовъ 20 алтынъ, пошлинъ 6 денегъ, съ 8 обитаемыхъ бобыльскихъ дворовъ оброку 26 алт. 4 ден., пошлинъ 8 д. и съ рыбныхъ ловель стараго полтина и пошлинъ 5 д. и новаго („новоприбылого") 8 алт. 4½ ден.— всѣхъ сборовъ 2 руб. 8 алт. 3 д. Рыбныя ловли у Искорцевъ были въ рѣчкахъ Гайвѣ, Челанѣ, Сусолѣ, Шалаѣ и Утѣ. (Дубров. рукопись, листы 91—92). Въ изданіи писцовой книги Шишонко никакого храма въ с. Искорѣ не упомянуто. („Пермск. Лѣт. II, 217—218).

7. Погостъ Ныробъ.

Совсѣмъ ничтожная при Яхонтовѣ, деревня Ныробъ быстро возвысилась на степень погоста, благодаря случайному обстоятельству: въ 1601 г. Борисъ Годуновъ сослалъ сюда въ суровое заточеніе злополучнаго боярина Михаила Никитича Романова, который черезъ годъ и кончилъ въ ныробской темницѣ свою страдальческую жизнь. Года черезъ 4 послѣ смерти прахъ его былъ увезенъ въ Москву, гдѣ и положенъ въ усыпальницѣ извѣстнаго Новоспасскаго монастыря вмѣстѣ съ прахомъ другихъ членовъ этой боярской фамиліи. Понятно, что когда эта самая фамилія заняла Русскій престолъ, то память погибшихъ при Годуновѣ Романовыхъ стала особенно почитаться. Съ того-то времени ничтожная деревенька Ныробъ обратила на себя вниманіе высшей власти и стала пользоваться многими исключительными привиллегіями. Тѣмъ временемъ, въ 1613 или 1614 г., Ныробъ прославился еще и явленной иконою святителя Николая Чудотворца, что еще болѣе увеличило значеніе этой, прежде безвѣстной и ничтожной, деревни, не даромъ же избранной мѣстомъ ссылки для Мих. Ник. Романова. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, Ныробъ быстро возвысился на степень довольно извѣстнаго поселенія и уже въ 1621 году имѣлъ значеніе погоста. Цѣлый рядъ царскихъ грамотъ, съ дарованіемъ разныхъ милостей и привиллегій, получаетъ этотъ погостъ въ теченіе XVII вѣка. Но все это преуспѣяніе Ныроба было создано искусственно, и этотъ отдаленнѣйшій погостъ Перми Великой, расположенный на 10 верстъ еще сѣвернѣе Искора, въ суровой, непривѣтливой, негостепріимной окраинѣ Перми Великой, самъ по себѣ не имѣлъ никакихъ задатковъ для внутренняго экономическаго развитія и потому, подобно Искору, своему ближайшему сосѣду, не могъ привлечь къ себѣ добровольныхъ колонизаторовъ. Въ его округѣ также не было ни одного починка, не

только деревни. На худой землѣ, „на мѣстѣ подкаменномъ, студеномъ“, по выраженію одного стариннаго акта, никто не желалъ селиться. Только благодаря искусственнымъ мѣрамъ, въ Ныробъ удалось привлечь до 14 домохозяевъ, но изъ этихъ 14 дворовъ уже Кайсаровъ отмѣчаетъ пустыми пять, да одно мѣсто дворовое: владѣльцы ихъ „сошли безвѣстно“ въ разные годы.

Итакъ при Кайсаровѣ Ныробъ все таки имѣлъ только 8 дворовъ пашенныхъ крестьянъ, 1 дворъ бобыльскій и 5 пустыхъ, пашни худой земли 37 четвертей съ осминою, перелогу 12 четей въ трехъ поляхъ, сѣна 120 копенъ. Кромѣ того въ Ныробу принадлежали тогда 2 мельницы—мутовки на рѣчкѣ на Люльвѣ: пономаря Гришки Иванова, Митрофанка Носова съ братьею и Клюшки Епанчина съ племянниками и другая—Вильгортскаго погоста попа Кирилла. Оброку съ нихъ шло по 10 ал. и пошлинъ по 3 д., да съ бобыльскаго двора въ погостѣ шло 3 алт. 3 деньги (Дубровинская рукопись, л. 92).

Таковъ былъ въ 162$^{3}/_{4}$ г.г. искусственно созданный Ныробскій погостъ. Что всегда составляло дѣйствительную его достопримѣчательность, такъ это—памятники пребыванія въ немъ царственнаго узника и мѣстно-чтимая и донынѣ святыня—явленная икона Николая Чудотворца. Въ силу исключительныхъ обстоятельствъ, Ныробъ съ начала XVII вѣка могъ гордиться предъ прочими погостами своимъ храмомъ. Самыя царскія грамоты, которыхъ въ Ныробѣ сохранилось необычно много, жаловались преимущественно ныробскому причту*). Кайсаровъ очень подробно описываетъ ныробскую церковь Николая Чудотворца, очевидно, сооруженную первоначально по случаю явленія чудотворной иконы сего святителя. Въ

*) Особую монографію о селѣ Ныробѣ, съ приложеніемъ всѣхъ сохранившихся актовъ о немъ, я намѣревался напечатать въ «Трудахъ» VII Археологическаго Съѣзда, бывшаго въ Ярославлѣ въ 1887 г., о чемъ и заявилъ во II вып. «Пермской Старины» (стр. 57); но объемъ работы не позволилъ мнѣ привести въ исполненіе эту мысль. Теперь работа напечатана въ «Памятн. книгѣ Пермск. губ. на 1892 годъ», но безъ всякихъ приложеній.

1617 г. первый храмъ сгорѣлъ, какъ видно изъ одной грамоты 1621 г.; слѣдовательно, Кайсаровъ засталъ въ Нырубѣ уже вторую церковь, убранство которой было дѣйствительно богатое, по сравненію съ другими сельскими церквами. Особенно много прикладовъ перечисляетъ онъ у явленной иконы. Кромѣ этой иконы онъ указываетъ образъ Воплощенія и преподобнаго Архиппа, упоминаетъ колокольню и 3 церковные двора—попа, дьячка и проскурницы. (Подробности описанія см. въ „Пермск. Лѣт.“ II, 218—219).

8. Погостъ Редикоръ и его округъ.

Покончивъ съ бассейномъ Колвы, Кайсаровъ переходитъ въ своей писцовой книгѣ къ бассейну Вишеры, гдѣ и описываетъ первый погостъ, расположенный южнѣе Чердыни,—Редикоръ. Продолжаемъ и мы точно слѣдовать за Кайсаровымъ. Въ сравненіи съ верхней Колвой, Вишера на своемъ нижнемъ теченіи была населена гораздо плотнѣе и напоминала здѣсь нижнюю Колву. Здѣсь преобладала земля *середняя*, а на Колвѣ *худая*. Ближайшій къ Чердыни по теченію Вишеры погостъ Редикоръ при Яхонтовѣ входилъ въ составъ Нижняго стана, а при Кайсаровѣ получилъ значеніе самостоятельнаго административнаго центра. Онъ былъ въ это время не великъ, но имѣлъ населенный округъ. Въ самомъ Редикорѣ было пашенныхъ дворовъ 25, безпашен. 12, бобыльскихъ 7 и пустыхъ 4—всего жилыхъ 44 дв. Пашни середней земли погостъ имѣлъ 118 чет. съ осминою безъ пол-пол-пол-третника, перелогу 29 четей и пол-пол-третника, сѣна на Вишерѣ 450 копенъ пашен. и 15 коп. непашен. крестьянъ. Рыбная ловля была въ Редикорскомъ озерѣ Тюхтіевѣ изъ оброка по рублю на годъ и пошлинъ по 10 денегъ; по грамотѣ Ѳеодора Ивановича, замѣчаетъ Кайсаровъ, то озерко отдано „погоста Редикора къ церкви къ Николѣ Чюдотворцу на церковное

строеніе и на темьянъ (ѳиміамъ) и на ладонъ". Были еще у погоста на ручью 3 мельницы—мутовки, „поставлены вново" изъ оброка по 15 алтынъ и пошлинъ 4½ ден. (Дубров. рукоп. л. 93).

Въ погостѣ Редикорѣ храмъ Николая Чудотворца былъ, по обыкновенію, древянъ клѣтцки. Кромѣ мѣстнаго образа сего угодника въ немъ были лучшіе образа: Воскресенія, Богородицы Одигитріи, великомуч. Георгія, Иліи пророка и „Пресвятая запрестольная". При церкви была колокольня, но домовъ церковныхъ не указано. (Пермск. Лѣтоп. II, 221—222).

1 Дер. Бакланова на Вишерѣ.*

Имѣла мельницу на рч. Баклановкѣ. Оброкъ 5 алт., пошлинъ 1½ ден.

Дер. Данилки Невѣрова на ручью.*

Поч. Лобановъ на ручью.*

Имѣлъ мельницу. Обр. 5 алт., пошл. 1½ ден.

Поч. Пупырево на ручью.*

5. Поч. Клепиковъ на Вишерѣ.*

Поч. Жеребцовъ на Вишерѣ.*

Дер. Пантелѣево на Вишерѣ.*

Поч. Зыковъ на Вишерѣ*.

Дер. Кулаковская на Вишерѣ.*

10. Дер. Кулаковская другая, Югриново тоже, на Вишерѣ.*

При ней была мельница на рѣчкѣ Чувашевской. Оброкъ 5 алт., пошл. 1½ ден. Третья деревня того же названія была около нынѣшняго Соликамска, на мѣстѣ села Городища (писцов. Усольская книга Яхонтова).

Дер. Чувашево на Вишерѣ (была въ Нижнемъ станѣ).

Имѣла мельницу изъ оброка 5 алт., пошл. 1½ д.

Дер Аникіево на Вишерѣ, что была дер. Чюгаръ.

Имѣла мельницу на рч. Шугрѣ Якова Югринова. Оброкъ 5 алт., пошл. 1½ ден.

Поч. Березникъ, Мотовилово тоже, на рч. Шигрѣ.*

14. Дер. Тушино на р. Вишерѣ (была въ Нижн. ст.).

Всего въ Редикорскомъ округѣ было 8 деревень и 6 починковъ; вновь возникло 11 поселеній. Пашни—преимущественно средней земли—во всемъ округѣ было 303 чети, перелогу 49 четей въ трехъ поляхъ, лѣсу всего 8 десятинъ при деревнѣ Тушиной и сѣна 1875 копенъ, преимущественно по берегу Вишеры (погостъ вездѣ считается заодно). Сборовъ въ казну шло въ годъ: съ 12 безпашенныхъ дворовъ оброку 1 р. 26 алт. 4 д., пошлинъ 3 алт.; съ 10 дворовъ бобыльскихъ оброку 30 алт., пошл. 9 ден., съ рыбн. ловель 1 р. 10 ден. и съ мельницъ 1 р. 8 алт. 4 деньги—всего 5 руб. 4 алт. 5 ден. съ округа и 1 рубль 17 алт. 2½ ден. съ Редикора, итого съ округа и погоста 6 руб. 23 алт. 1½ д. (Дубровинск. рукопись, л. 96).

Приведенныя свѣдѣнія показываютъ, насколько быстро заселялись въ началѣ XVII в. берега нижней Вишеры, на которыхъ лежала болѣе плодородная почва—„земля середняя". Тотъ же успѣхъ мы увидимъ и въ другихъ по-вишерскихъ округахъ.

9. Погостъ Лимежъ и его округъ.

Другой округъ на правомъ берегу Вишеры, ближайшій къ Редикорскому, имѣлъ средоточіе въ новомъ погостѣ Лимежѣ (по Кайсарову, Лимешъ), что была деревня Нижняго стана, на рѣчкѣ того же имени. Въ 1623 г. въ Лимежѣ было дворовъ пашенныхъ 32, безпашен. 6, бобыльскихъ 3, всѣхъ 41, 1 нищая келья и 6 пустыхъ дворовъ; пашни середней земли было 78 четей съ осминою и съ четверикомъ, перелогу 134 чети въ трехъ поляхъ, лѣсу 25 десятинъ, сѣна на Камѣ и по дубровамъ 560 копенъ. Къ погосту принадлежали 4 мельницы на рѣчкѣ Лимежѣ, съ коихъ оброку шло 20 алт., пошлинъ 6 денегъ. (Дубров. рукоп. л. 97).

Въ Лимежѣ была деревянная „клѣтцки" церковь во имя Спаса Нерукотвореннаго съ придѣломъ Успенія Бого-

родицы. Въ ней были лучшіе образа—два Спаса Нерукотвореннаго, Успенія и Одигитріи и великомученицы Екатерины. При церкви была колокольня и дворы попа, дьячка, пономаря и просвирницы. (Пермск. Лѣт. II, 225—226).

1. Дер. Боровская.*

Дер. Сартакова на Вишерѣ (была въ Нижн. ст.).

При ней была мельница на рч. Сартаковкѣ. Оброкъ обычный.

Поч. Порошинъ, Бырылова тоже, на родникѣ.*

Дер. Фролово на Вишерѣ, что былъ поч. Гарь Нижняго стана.

5. Дер. Лукьянова на родникѣ.*

Поч. Ревково на родникѣ.*

Поч. на усть Абуга, на рѣчкѣ Абугѣ.*

Поч. вверхъ Абуги, на рѣчкѣ Абугѣ.*

При немъ на той же рѣчкѣ была мельница. Оброкъ обычный.

Поч. на усть рѣчки Плоскія, на озерѣ.*

10. Поч. на усть рѣчки Еранки.*

Въ немъ былъ дворъ на пріѣздъ Лимежскаго крестьянина Власова и Мичковыхъ.

Дер. Верхній Шакшеръ на Камѣ (была Нижняго стана).

Дер. Емелькина—отхожая пашня Антипина.*

Поч. Ѳедорцовъ на рч. Ѳедорцовѣ.*

Имѣлъ на той же рѣчкѣ мельницу—оброкъ обычный (5 алт. 1½ ден.).

Дер. Исада Лимежская на р. Камѣ.*

[Поч., что была деревня Исаково Исака Камскаго, на р. Камѣ].

Деревня была въ Нижнемъ станѣ. При Кайсаровѣ это была собственно пустошь, потому что всѣ дворы были пусты, а землею владѣли крестьяне Лимежской Исады.

15. Поч. Ивашка Половникова на родникѣ.*

Поч. Русиновъ на родникѣ.*

Дер. Мичкова.*

Поч. Батуевъ на рѣчкѣ Тимшерѣ.*

Дер. Батуева, погоста Лимежа Якушки Батуева.* Яковъ Батуевъ имѣлъ мельницу на р. Тимшерѣ.

20. Дер. Курьянова на родникѣ.*

Дер. Нижній Шакшеръ на Камѣ (была въ Нижн. ст.). Весьма значительная деревня Лимежскаго округа, имѣвшая 22 пашенныхъ двора и 1 безпашенный, пашни середней земли 77 чети съ полутретникомъ и 4 чети съ осминою въ трехъ поляхъ въ починкѣ Ѳедорцовѣ, лѣсу 20 десятинъ, сѣна на Камѣ 380 копенъ и мельницу изъ оброка 5 алт. 1½ ден.

Дер. Елкина на ручью.*

Дер. Керзево на р. Камѣ,* при ней была мельница Евсейка Поломошнаго на ручью. Оброкъ обычный.

Дер. Зелва на р. Камѣ (была въ Нижнемъ ст.). Другая значительная деревня Лимежскаго округа. Дворовъ пашен. имѣла („дворы стоятъ врозни") 14, безпашен. 2, бобыльскихъ 3, пашни середней земли 59 чети безъ полуосмины, перелогу 18 ч. безъ полуосмины въ 3 поляхъ, лѣсу 40 десят., сѣна по Камѣ 250 копенъ и 3 мельницы—оброкъ 10 алт. пошл. 3 ден.

25. Дер. что былъ поч. Локшаръ на рч. Локшарѣ* съ мельницею. У Яхонтова такого починка не указано.

Дер. Кондратьева на Вишерѣ (была въ Нижн. ст.).

Поч. Чижевской на ней же (у Яхонтова Чижовкинъ).

Поч Москвино, Харино тоже, на Вишерѣ (былъ въ Нижнемъ станѣ).

Поч. Теплой на Вишерѣ (у Яхонтова Теплово въ Нижнемъ станѣ).

30. Дер Веретья на Вишерѣ.*

Поч. Винокуровъ на ней же.*

Дер. Тятьяшева на Урольскомъ падунѣ.*

Во всемъ Лимежскомъ округѣ кромѣ погоста было 32 поселенія (18 деревень и 14 починковъ), изъ коихъ вновь

возникло 23. Пашни—преимущественно середней земли—было 645 четей, перелогу 276 четей въ трехъ поляхъ, лѣсу 131 десятина и сѣна 3355 копенъ. Оброковъ и пошлинъ со всего округа, включая погостъ, шло: съ 10 дворовъ безпашенныхъ 1 р. 12 алт. 1 ден., съ 11 бобыльскихъ 1 р. 5 алт. 1 ден., съ 13 мельницъ 2 руб. 1 алт. 3½ ден.—итого 4 руб. 18 алт. 5½ ден. (Дубров. рукоп. листъ 104).

Перечисленныя поселенія показываютъ, что Лимежскій округъ занималъ волокъ между Вишерой и Камою и переходилъ за Каму, приближаясь своей западной границей къ ея притоку Уролкѣ, а восточною упираясь въ р. Вишеру, которая и отдѣляла его отъ Губдорскаго округа. Счастливое положеніе Лимежскаго округа между двухъ большихъ судоходныхъ рѣкъ, при довольно плодородной почвѣ, было причиною столь значительнаго прилива пришельцевъ, что въ теченіе 44 лѣтъ, протекшихъ съ времени Яхонтова, на этомъ небольшомъ пространствѣ возникло 23 новыхъ поселенія.

Ю. Погостъ Губдоръ и его округъ.

На лѣвомъ берегу Вишеры, противъ Редикорскаго и Лимежскаго округовъ, лежалъ обширный Губдорскій округъ, при Яхонтовѣ составлявшій часть Нижняго стана. Главный центръ его, погостъ Губдоръ, лежалъ (и нынѣ находится село того же имени) на озерѣ Губдорскомъ и рѣкѣ Канѣ (нынѣ Канынва), притокѣ Язьвы, слѣва текущей въ Вишеру. Послѣ Вильгорта и Покчи это былъ одинъ изъ самыхъ большихъ погостовъ въ уѣздѣ. Онъ имѣлъ при Кайсаровѣ дворовъ пашен. крестьянъ 47, непашен. 10, бобыльскихъ 16—всѣхъ 73, да нищихъ келій 4 и пустыхъ дворовъ 8. Пашни Губдорцы имѣли (худые земли) 220 четей безъ полуосмины, перелогу 147 четей безъ четверика, сѣна на Вишерѣ, озерѣ Губдорскомъ и озерѣ Тимшерѣ 750 копенъ. Въ Губдорѣ

было 3 кузницы—Дементьева, Онисимова и Лобовикова; оброкъ съ нихъ былъ положенъ 10 алтынъ, пошлинъ 3 д. Затѣмъ Кайсаровъ указываетъ 4 мельницы—Водопьянкова, Петрова, Кичигиныхъ и Тимоѳеева—оброку со всѣхъ 20 алтынъ, пошлинъ 6 денегъ. Рыбную ловлю крестьяне имѣли въ озерѣ Губдорскомъ изъ оброка 25 алт., пошлинъ 7½ денегъ. Всего съ Губдора оброку шло 1 рубль 21 алт. 4 д. и пошлинъ 2 алт. 4½ деньги. (Дубровинск. рукоп. л. 105).

Въ Губдорѣ былъ храмъ „древянъ клѣтцки" св. великомученика Георгія, изъ иконъ котораго писецъ отмѣтилъ: образъ св. великомуч. Георгія, св. пророка Иліи, Пречистыя Богородицы. Но кромѣ Георгіевской существовала еще другая церковь св. пророка Иліи, по-видимому, довольно бѣдная, такъ какъ о ней замѣчено: „образы и книги и все церковное строеніе переносятъ изъ церкви въ церковь." При церквахъ указаны дворы попа, дьячка, пономаря и просвирницы. (Пермск. Лѣтоп. II, 226—227).

1. Дер. Сосновцово на ручью*—имѣла мельницу. Оброкъ 5 алт. 1½ ден.
   Поч. Дубровинъ Губдорца Тимоѳеева.* (1 дворъ)
   Дер. Дуброва на ключѣ*—(3 двора).
   Поч. Дуброва же на родникѣ Ивана Швецова.* (1 дв.).
5. Дер. Дуброва же (2 двора).*
   Поч. Дуброва Проньки Лукьянова (1 дворъ).*
   Поч. Дуброва на ключѣ Микулиныхъ (1 дворъ).*
   Дер. Товарское Селище на родникѣ (2 двора)*—имѣла мельницу.
   Поч. Камгортъ Клепиковъ (1 дворъ).*
10. Дер. Китгоръ на ключѣ (2 двора)*—имѣла мельницу.
   Дер. Чигимеръ на родникѣ (5 дворовъ)*—имѣла мельницу.
   Поч. Костариха (1 дворъ).*
   Дер. Пестерева (3 двора).*
   Дер. Пестерево же подъ горою*—(4 двора).

15. Дер. Фатѣевская на ключѣ, что былъ поч. Гарь Нижняго стана.

Имѣла мельницу подъ деревнею Чертежомъ изъ обычнаго оброка 5 алтынъ, пошлинъ 1½ деньги.

Дер. Дуброва съ мельницею на ручью.*

Дер. Боленковская Дуброва Ближняя на ключѣ*— (3 двора).

Дер. Чертежъ на родникѣ* (2 двора).

Поч. Чертежъ на родникѣ (1 дворъ)*.

20. Дер., что былъ починокъ Сергіевъ въ Нижнемъ станѣ. Имѣлъ мельницу—мутовку на ключѣ.

Дер. Язва на р Язвѣ, лѣвомъ притокѣ Вишеры (Кайсаровъ и Яхонтовъ пишутъ *Язва*, а *нынѣ* говорятъ *Язьва)*.

При Яхонтовѣ была въ Нижн. ст.; въ 162¾ г.г. имѣла дворовъ пашен. 10, безпаш. 2, бобыльскихъ 2, пустыхъ 2; пашни худые земли 43 чети съ четверикомъ, перелогу 2 чети безъ четверика въ 3 поляхъ, сѣна 175 копенъ и у непашенныхъ крестьянъ 20 копенъ, рыбную ловлю въ рч. Язьвѣ—оброкъ 5 алт., пошлинъ 1½ ден., мельницу на рч. Язьвѣ изъ того же оброку.

Поч. Ѳедорцовъ на рч. Язвѣ. (1 дворъ).*

Дер. Немзя на ключѣ (была въ Нижн. станѣ).

Имѣла въ 162¾ г.г. дворовъ пашен. 25, безпашен. 2, бобыльскихъ 1, пустыхъ 3, пашни худой земли 103⅛ чети въ трехъ поляхъ, сѣна 215 копенъ, рыбную ловлю въ рч. Немзѣ изъ оброка 5 алт. 1½ ден. Так. обр. это была самая большая деревня въ округѣ Губдора. Она существуетъ донынѣ, какъ и Язьва.

Дер., что былъ почин. Ореѳинъ на рч. Язвѣ (въ Нижнемъ станѣ).

25. Поч. Ивашка Пестерева на рч. Язвѣ надъ курьею Стежею.*

Дер. Ивановская на рч. Язвѣ.*

Поч. Васильевской, Кычигино тоже, на рч. Язвѣ*— 1 дворъ.

Имѣлъ мельницу на рч. Намшурѣ.

Поч. Бычковъ на р. Язвѣ*—1 дворъ.
Поч. Чючьевъ на ключѣ—1 дворъ.*
30. Дер. Косикова на ключѣ—2 двора.*
Поч. Сенетцкой на ключѣ—1 дворъ.*
Поч. Ратѣгово на родникѣ—2 двора,* имѣлъ мельницу.
[Пустошь Щеткино—1 дв. Землею владѣлъ Губдорскаго погоста попъ Ероѳей].

Всего въ Губдорскомъ округѣ было 32 поселенія, не считая погоста,—деревень 18 и починковъ 14. Вновь возникло изъ нихъ 27 селеній въ теченіи 44 лѣтъ. Губдорскій округъ, занимавшій лѣвое нижнее побережье Вишеры, отличался отъ праваго берега своей худой почвой и совершеннымъ отсутствіемъ пашеннаго лѣса: во всемъ округѣ Кайсаровъ не указалъ ниодной десятины пашеннаго лѣса. Въ отношеніи же почвы („худая земля") округъ Губдора напоминалъ собою по-колвенскіе округа. Всей пашенной худой земли въ округѣ было 734 чети, перелогу 172 чети въ трехъ поляхъ; лѣсу не было совсѣмъ около пашенъ; сѣна было 2831 копна. Оброчныхъ и пошлинныхъ сборовъ съ округа въ годъ шло (считая погостъ): съ 16 безпашен. дворовъ оброку и пошлинъ 2 р. 17 алт. 2 ден.; съ 21 бобыльскаго двора—2 р. 6 алт. 5 д.; съ 3 кузницъ въ Губдорѣ 10 ал. 3 деньги; съ 14 мельницъ - мутовокъ 2 р. 6 алт. 5 ден.; съ рыбныхъ ловель 1 р. 3 алт. 2½ д.—Итого съ округа 8 руб. 14 алт. 3½ д. (Дубровинск. рукоп. листъ 112).

Не смотря на неплодородную, плохую почву, Губдорскій округъ въ началѣ XVII в. сдѣлалъ однако очень значительный шагъ впередъ въ отношеніи колонизаціи, что нужно объяснить, кажется, выгоднымъ географическимъ его положеніемъ между Вишерой, ея лѣвымъ притокомъ Язьвой и вблизи Камы. Устья Колвы и Вишеры находятся въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Губдора, а обѣ эти рѣки въ старину были важными торговыми путями сообщенія—едва-ли не

болѣе важными, чѣмъ нынѣ. По пространству своему Губдорскій округъ былъ сравнительно очень обширенъ: начинаясь у Вишеры, онъ простирался на югъ почти до Мошева, на востокъ-же—далѣе рѣки Язьвы, которая половиной своего теченія, до самыхъ Вогульскихъ юртъ, принадлежала ему.

II. Погостъ Пентѣгъ и его округъ.

Переписью Губдорскаго округа Кайсаровъ оканчиваетъ описаніе бассейна р. Вишеры и затѣмъ переходитъ уже къ бассейну р. Камы, начиная его описаніе съ погоста Пентѣга, при Яхонтовѣ считавшагося въ Нижнемъ станѣ. Послѣдуемъ и мы за Кайсаровымъ на берега р. Камы. Пентѣгъ и его округъ былъ (и есть) ближайшимъ сосѣдомъ Лимежа и Редикора и стоялъ на лѣвомъ берегу р. Камы, какъ разъ противъ устьевъ ея притока—рѣки Уролки. Сравнительно это былъ весьма небольшой погостъ, имѣвшій въ 162$^3/_4$ г.г. пашен. дворовъ только 14, безпашенныхъ 2, бобыльскихъ 2, пустыхъ 2 и мѣстъ дворовыхъ 2; пашни худой земли 70 четей, перелогу 40 четей въ трехъ поляхъ, лѣсу 10 десятинъ, сѣна 250 копенъ, рыбную ловлю въ Пентѣжскомъ озеркѣ изъ оброка 5 алт., пошл. 1$^1/_2$ д. (Дубров. рукоп. листъ 113).

Въ Пентѣгѣ былъ тогда храмъ древянъ клѣтцки св. пророка Иліи, въ коемъ были образа: мѣстный св. Иліи, другой—его же, св. великомуч. Георгія, св. Дмитрія Солунскаго и третій образъ прор. Иліи. При церкви была колокольня съ 5 колоколами и дворы попа, дьячка, пономаря и просвирни. (Пермск. Лѣт. II, 231—232).

1. Поч. Макаровъ на озеркѣ Макаровскомъ*—имѣлъ мельницу.

Поч. Аристовъ на рч. Ишкимдѣ (былъ въ Нижн. ст.).

Поч. Ивашка Пономарева на Камѣ*—съ мельницею.

Дер. Уролка на усть рѣчки Уролки

У Яхонтова упомянута въ Нижнемъ станѣ дер. Усть-Уролка. Въ Пентѣжскомъ округѣ это была большая деревня съ 13 пашен. дворами и 4 пустыми; пашни худой имѣла 65 четей съ полуосминою, перелогу въ 3-хъ поляхъ 15 четей, лѣсу 10 десятинъ, сѣна около полей и на рч. Сырмѣ 85 копенъ и мельницу на рч. Торжерѣ изъ 5 алт. 1½ д.

5. Поч. Вилесовъ на р. Уролкѣ*—1 дворъ.

Дер. Коиптъ на р. Камѣ.

Поч. Коиптъ же*—1 дворъ.

Дер. Коиптъ другая (обѣ были въ Нижнемъ станѣ).

Имѣла рыбную ловлю въ озерѣ Коиптѣ изъ оброка 6 алтынъ 4 деньги, пошлинъ 2 деньги.

Дер. что былъ починокъ Озерово на Камѣ и озерѣ Коиптѣ.

У Яхонтова въ Нижнемъ станѣ упомянутъ поч. Возеровъ. При Кайсаровѣ имѣла мельницу на рч. Семеновкѣ.

10. Дер. Павлика Черново, что̀ былъ поч. Пашковъ на родникѣ.

У Яхонтова въ Нижнемъ станѣ есть поч Пашковъ-Останинъ.

Дер. Мелентьева на Камѣ.

Была въ Нижнемъ станѣ. При Кайсаровѣ была весьма большою въ округѣ Пентѣга (14 дворовъ пашен. и 1 пустой), имѣла середней земли 100 четей безъ полуосмины, сѣна 235 копенъ.

Дер. Найданова на рч. Рокшурѣ*—съ мельницею.

Дер. Печенкино на Камѣ.*

Поч. Печинской на Камѣ - 2 двора.*

15. Дер. Анборъ на Камѣ (была въ Нижн. ст.).

Имѣла 19 дворовъ пашен. и 1 пустой, пашни худой земли 33 ч. съ полуосминою, перелогу въ 3 поляхъ 62 чети, лѣсу 30 десят., сѣна 150 копенъ и двѣ мельницы. Слѣдовательно это была самая большая деревня округа.

Во всемъ округѣ было 9 деревень и 6 починковъ; вновь возникло 7 селеній; пашни было въ округѣ, включая погостъ,

489 четей середней и худой земли, перелогу 117 четей въ трехъ поляхъ, лѣсу около пашенъ 50 десятинъ, сѣна 1385 копенъ. Оброку и пошлинъ въ годъ шло: съ двухъ безпашенныхъ дворовъ 10 алт. 3 деньги, съ четырехъ бобыльскихъ 14 алтынъ, съ 8 мельницъ 1 рубль 8 алт. 4 деньги и съ рыбныхъ ловель 12 алт. 1½ деньги, а всего съ погоста и его округа 2 руб. 12 алт. ½ д.

12. Погостъ Кольчугъ и его округъ.

Кольчугъ (или, по писцовой книгѣ Кайсарова, *Кульчюкъ)* при Яхонтовѣ былъ погостомъ Верхняго стана; поэтому въ его округѣ мы встрѣтимъ не мало бывшихъ селеній того же стана. Кольчужскій округъ былъ однимъ изъ самыхъ населенныхъ въ Чердынскомъ уѣздѣ. Расположенный на берегу Камы, въ близкомъ разстояніи отъ Колвы, онъ занималъ очень выгодное географическое положеніе и напоминалъ въ этомъ отношеніи Лимежскій округъ. Съ востока онъ граничилъ непосредственно съ Окологороднымъ станомъ, а съ сѣверо-востока—съ Покчинскимъ и Вильгортскимъ округами и самъ имѣлъ такое же густое населеніе, какъ тѣ три, и служилъ для нихъ какъ-бы пристанью на ближайшемъ пунктѣ лѣваго берега Камы (повыше Пентѣга). Впрочемъ самый погостъ и при Кайсаровѣ не былъ великъ, но въ его округѣ были деревни, превосходившія погостъ по числу дворовъ, хотя въ округѣ и преобладала „худая земля". Кольчугъ въ 162¾ г.г. имѣлъ пашенныхъ дворовъ 16, непашенныхъ 5, бобыльскихъ 4, нищихъ келій 5 и пустыхъ дворовъ 3; пашни худой земли 64 чети съ осминою, перелогу 110 четей съ осминою въ трехъ поляхъ, лѣсу 30 десят., сѣна 155 копенъ пашен. и 25 непашен. крестьянъ, рыбную ловлю въ озерѣ Кольчугѣ (Кульчюкѣ) и озеркѣ Токтыѣ изъ оброка по 26 алт. 4 ден. и пошлинъ по 8 денегъ (Дубровинск. рукопись листы 117—118).

Въ Кольчугѣ было два деревянныхъ клѣтцки храма во имя Николая Чудотворца и Изосимы и Савватія Соловецкихъ; изъ образовъ Кайсаровъ упоминаетъ: въ послѣднемъ только мѣстный образъ Соловецкихъ чудотворцевъ, а въ первомъ— мѣстный Николая Чудотворца, Пречистыя Богородицы, два образа Умиленія Пресв. Богородицы, Богоявленія Господня, Нерукотворен. Спаса и пророка Иліи. Въ Савватіевскую церковь книги переносили изъ Никольской. При церквахъ была колокольня съ 4 колоколами и дворъ попа („Пермск. Лѣт." II, 234—235).

1. Дер. Ужгинская на р. Вильвѣ (была въ Верхн. станѣ).

При Кайсаровѣ была значительнѣйшимъ поселеніемъ Кольчужскаго стана, гораздо больше своего погоста, имѣла пашенныхъ крестьянъ дворовъ 42, бобыльскихъ 3, нищихъ келій 1, пустыхъ дворовъ 5, пашни худыя земли 172 чети, перелогу 24 чети въ трехъ поляхъ, лѣсу 30 десятинъ, сѣна на Камѣ и между полей 300 копенъ. Ужгинскій крестьянинъ Иванъ Семеновъ съ братьями и Вильгорецъ Ларіонъ Самковъ имѣли сообща рыбную ловлю въ рч. Сумычѣ изъ оброку 25 алт., пошлинъ $7^1/_2$ ден. Кромѣ того Ужгинцы имѣли пять мельницъ мутовокъ изъ оброку 25 алт., пошл. $7^1/_2$ ден.

Дер. Лекмортъ, Тукачева тоже, на рч. Вильвѣ по обѣимъ ея сторонамъ (рядомъ съ дер. Ужгинскою).

Была въ Верхнемъ же станѣ. Въ округѣ Кольчуга— другая весьма большая деревня съ 36 пашен. дворами, 2 безпашенными, 4 бобыльскими, 5 пустыми и 1 нищей кельей; пашни худой земли имѣла 180 четей съ полуосминою, перелогу 78 чети съ осминою въ трехъ поляхъ, лѣсу 30 десят., сѣна на Колвѣ и Камѣ 215 копенъ.

Дер. Харино (была въ Верхнемъ станѣ).

Третья значительная деревня, имѣла 17 пашенныхъ дворовъ, 3 бобыльскихъ, 2 пустыхъ и нищую келью, пашни худой земли 85 четей, перелогу 39 чети въ 3 поляхъ, лѣсу 10 десят., сѣна на Камѣ 150 копенъ и мельницу.

Дер. Очга Большая на ручью (у Яхонтова Озга Большая въ Верхнемъ станѣ).

4-я деревня больше своего погоста, имѣла 26 дворовъ пашен. крест., 2 безпашен. и 1 пустой, пашни худой земли 135 чети съ полуосминою, перелогу 13 чети съ полуосминою въ трехъ поляхъ, лѣсу 35 десят., сѣна 220 копенъ.

5. Дер. Очга Меньшая на рѣчкѣ Бондюгѣ (у Яхонтова Озга Меньшая въ Верхнемъ станѣ*).

5-я большая деревня округа, имѣвшая пашен. дворовъ 24, безпашенныхъ 3, бобыльскихъ 1, пустыхъ 4 и нищую келью, пашни худой земли 120 чети съ осминою, перелогу въ трехъ поляхъ 20 четей съ осмин., сѣна 230 копенъ.

Дер. что былъ почин. Теплово на р. Бондюгѣ.

У Яхонтова въ Верхнемъ станѣ. Въ 162³/₄ г. имѣлъ 8 пашен. дворовъ и 1 пустой, пашни худой земли 40 четей съ полуосминою, перелогу 29 чети съ осминою въ трехъ поляхъ, лѣсу 10 десят., сѣна на Камѣ 125 копенъ. Не былъ-ли это предшественникъ нынѣшняго села Бондюгъ?

Слободка Кишконогова на рѣчкѣ Родникѣ (была въ Верхнемъ станѣ).

6-я значительная деревня, имѣла 23 пашен. двора и 1 бобыльскій, пашни худой 106 чети съ осминою, перелогу 10 чети въ 3 поляхъ, лѣсу 10 десят., сѣна межъ полей и на рѣчкѣ Бондюгѣ 185 копенъ и мельницу.

Дер. на рч. Сумычѣ (была въ Верхнемъ станѣ).

Сумычъ справа впадаетъ въ Каму выше рѣчки Уролки. Деревня эта есть и теперь. Къ 162³/₄ г.г. она имѣла дворовъ, что „стояли врозни“, 12 пашен. крест., 3 бобыльскихъ, 5 пустыхъ и 1 мѣсто дворовое, пашни худой 52 чети съ осминою, перелогу 20 чети съ осминою въ 3 поляхъ, лѣсу 10 десят., сѣна 55 копенъ.

---

*) Въ настоящее время около села Бондюгъ есть двѣ деревни *Очга-Кошелева* и *Очга-Жигина*. Несомнѣнно, первая есть преемница Очги Меньшей, а вторая — Очги Большой, потому что Кайсаровъ дѣйствительно въ первой упоминаетъ нѣсколькихъ крестьянъ Кошелевыхъ, а во второй—Жикиныхъ. (Дубровинск. рукопись, листы 121—122).

Дер. что былъ починокъ Гаршангино (у Яхонтова въ Верхнемъ станѣ упомянутъ починокъ Гарь).

10. Дер. Уролъ Дехтеревъ на Чолвинской вершинѣ, съ мельницею на рч. Чолвѣ (была въ Нижн. ст.).

Дер. Средній Уролъ на Чолвинской вершинѣ (была въ Нижнемъ станѣ).

Дер. Корнино на родникѣ (у Яхонтова въ Верхнемъ станѣ названа д. Корнино-Ведрово).

Дер. Долда на озерѣ Долдѣ (была въ Верхнемъ ст.).

7-я весьма значительная деревня округа, имѣла двор. пашенныхъ крестьянъ 27, безпашен. 1, бобыльскихъ 2, пустыхъ 4, пашни середней земли 101 четь безъ четверика и пол-пол-третника, перелогу 12 чети въ трехъ поляхъ, лѣсу 20 десят., сѣна 265 копенъ, рыбную ловлю въ оз. Долдѣ.

14. Дер. Калинина Малая, что была деревня Сухой Уролъ въ Нижнемъ станѣ, на рч. Коналкѣ.

Всѣхъ деревень въ Кольчужскомъ округѣ было 14, починковъ не было ниодного. Вновь не возникло ниодного поселенія, за то всѣ старыя 14 деревень значительно увеличились по населенію и числу дворовъ. Пашни середней земли въ округѣ было, считая погостъ, 114 четей и худой—1050 четей, той и другой 1164 чети, перелогу 468 четей въ трехъ поляхъ, лѣсу пашеннаго 191 десятина, сѣна 2295 копенъ. Оброковъ и пошлинъ въ казну ежегодно собиралось: съ 16 безпашенныхъ дворовъ 2 рубля 17 алтынъ 2 деньги; съ 22 бобыльскихъ—2 рубля 10 алт. 2 д., съ 12 мельницъ 1 рубль 29 алт. 4 деньги и съ рыбныхъ ловель 1 рубль 29 алт. 4 ден.—всего съ погоста Кольчуга и его округа шло 8 рублей 21 алтынъ 2 деньги (Дубровинск. рукоп., листъ 126).

13. Погостъ Енидоръ и его округъ.

Самымъ сѣвернымъ въ бассейнѣ р. Камы погостомъ былъ Енидоръ, при Яхонтовѣ бывшій въ Верхнемъ станѣ. Онъ имѣлъ незначительный округъ, расположенный по лѣвому камскому притоку, рѣкѣ Пильвѣ, къ сѣверу отъ Кольчужскаго и къ западу отъ Цыдвинскаго округовъ, при чемъ отъ р. Камы отдѣлялся территоріей плотно населеннаго Кольчужскаго округа. Изъ писцовой книги не видно, далеко-ли простирался вверхъ по Пильвѣ Енидорскій округъ; повидимому, онъ вообще былъ очень не великъ. Самый погостъ Енидоръ въ 162³/₄ г.г. имѣлъ дворовъ пашенныхъ крестьянъ 67, непашенныхъ 3, бобыльскихъ 7, пустыхъ 11, нищихъ келій 1; пашни худой земли 263 чети, перелогу 20 четей безъ полуосмины и пол-пол-пол-третникъ въ трехъ поляхъ, лѣсу 20 десятинъ, сѣна 813 копенъ и рыбныя ловли въ рѣкахъ Килтмѣ и Пильвѣ и въ рѣчкахъ Черчьѣ, Тимшарѣ и Дополчюмьѣ изъ оброка со всѣхъ ихъ 25 алт. и пошлинъ 7¹/₂ денегъ. (Дубров. рукоп. л. 127). Такимъ образомъ погостъ Енидоръ самъ по себѣ составлялъ при Кайсаровѣ весьма значительное селеніе. Однако въ полномъ изданіи писцовой книги Кайсарова церкви въ этомъ погостѣ не указано (Пермск. Лѣт. II, 235)*).

Къ Енидору Кайсаровъ относитъ только одну деревню *Купчикъ*, что былъ починокъ Васильевъ Верхняго стана. Деревня эта и теперь существуетъ на рѣчкѣ Сыпанѣ, лѣвомъ притокѣ Пильвы. Въ 162³/₄ г.г. она имѣла 3 двора пашенныхъ крестьянъ и 1 безпашенный, худой пашни 12 четей, перелогу 3 чети съ полуосминою въ трехъ поляхъ, сѣна по рч. Сыпану 35 копенъ.

---

*) Впрочемъ, полагаться на «Пермскую Лѣтопись» Шишонко никакъ нельзя. Къ Енидору наприм. этотъ издатель приписалъ, по какому-то недосмотру, деревни Вильвенскаго округа, а о церкви могъ забыть упомянуть въ своемъ мѣстѣ, какъ сдѣлалъ это и относительно Вильвы и Искора.

Кромѣ того Кайсаровъ относитъ къ Енидору пустошь, что былъ починокъ Заболотье въ Верхнемъ станѣ, на той же рѣчкѣ Сыпанѣ.

Такимъ образомъ во всемъ Енидорскомъ округѣ, кромѣ большаго погоста, была только одна незначительная деревня, пашни 275 четей худой земли, перелогу 27 четей въ трехъ поляхъ, лѣсу 20 десят., сѣна 858 копенъ Оброковъ и пошлинъ съ погоста и округа шло: съ 4 дворовъ безпашен. 21 алтынъ, съ 7 дв. бобыльскихъ 24 алт. 3 д. и съ рыбныхъ ловель 26 алт. 1½ д.—всего 2 р. 5 алт. 2½ д.

14. Погостъ Вильва и его округъ.

Покончивъ съ Пентѣгомъ, Кольчугомъ и Енидоромъ, Кайсаровъ спустился внизъ по Камѣ, къ самому устью Вишеры, гдѣ вдоль южной границы Чердынскаго уѣзда съ Усольскимъ располагался тогда Вильвенскій округъ съ центромъ управленія въ погостѣ Вильвѣ на рѣкѣ того же имени, что при Яхонтовѣ была деревня Нижняго стана. Вильвенскій округъ расположенъ былъ по обоимъ берегамъ Камы и ея притоковъ: съ правой стороны р. Вильвы и съ лѣвой р. Боровой*). Занимая столь выгодное положеніе на трехъ рѣкахъ, вблизи устья Вишеры, Вильвенскій округъ отличался въ XVII в. густымъ населеніемъ, какое было въ станѣ Окологородномъ, округахъ Повчинскомъ, Лимеженомъ и Кольчужномъ. При томъ же земля здѣсь была середняя, что способствовало тѣмъ болѣе успѣшной колонизаціи этого края. Въ 162¾ г.г. погостъ Вильва имѣлъ дворовъ пашен. 37, безпашенныхъ 5, бобыльскихъ 6, пустыхъ 5, всего жилыхъ 48 дворовъ, пашни „середніе земли“ 190 чети въ трехъ поляхъ, сѣна на Вильвѣ и Обѣ и по заполью 355 копенъ. (Дубров.

*) Въ Усольскомъ уѣздѣ была еще другая Вильва, лѣвый притокъ Яйвы, которая въ свою очередь слѣва же впадаетъ въ Каму.

рукоп., л. 129). Храма въ Вильвѣ не упоминается, какъ въ Искорѣ и Енидорѣ.

1. Дер. Усть-Вишеры на р. Камѣ, что былъ поч. Ореѳинъ въ Нижнемъ станѣ.

Дер. Ошкарина на р. Камѣ.*

Дер. Разѣпово на р. Камѣ „дворы врозни".*

Поч. Нечаевъ на р. Камѣ (былъ въ Нижн. станѣ).

5. Дер. Толстикъ на р. Камѣ (была въ Нижн. станѣ).

На Камѣ противъ нея лежалъ Толстинскій островъ съ сѣнокосомъ дер. Верхней Мошевы. Толстикъ была большая деревня съ 23 пашен. дворами, 1 безпашеннымъ, 2 бобыльскими и 1 пустымъ; пашни имѣла середнія земли 108 чети въ трехъ поляхъ, сѣна по обѣ стороны Камы и по заполью 230 копенъ.

Поч. Андрюшки Овдѣева на р. Камѣ*—1 дворъ.

Дер. что былъ поч. Косолаповъ (въ Нижн. станѣ) на Камѣ и Боровой.

Поч. Марка Кузнецова на ручью*—1 дворъ.

Дер. Тюлеліево на Камѣ*—3 двора (нынѣ деревня Тюлькина).

10. Поч. Лидберъ, Пухиревъ тоже, на р. Вильвѣ*—1 дворъ.

Дер. Назарово на р. Вильвѣ*—3 двора.

Поч. Гарь на р. Вильвѣ и оз. Долгомъ (былъ въ Нижнемъ станѣ).

На той же рѣкѣ была мельница—колотовка.

„Починокъ на рѣкѣ на Вильвѣ *селится новой*,* а въ немъ Ларко да Нееедко Ермолины дѣти Ширяевы", (Дубровинск. рукоп. л. 130).

Лыбопытное свидѣтельство, записанное въ моментъ возникновенія новаго поселенія, когда еще не было дано ему и названія *).

*) Издатель «Пермской Лѣтописи» *Шишонко* прочиталъ это мѣсто такъ: «починокъ на рѣкѣ Ширевѣ. Селище-ново, а въ немъ 1 дворъ» и отнесъ его вмѣстѣ со многими другими не къ Вильвѣ, а къ Енидору (см. т. II, 237).

Дер. Касибъ на рѣчкѣ Лысвѣ*—4 двора.

Нынѣ село Соликамскаго уѣзда. Къ югу отъ этой Лысвы начинались съ 1558 года вотчины Строгановыхъ.

15. Поч. Мысъ на рч. Лысвѣ*—2 двора.

Дер. верхъ рѣчки Уролки (въ 1579 г. была въ Отхожемъ округѣ).

При Кайсаровѣ имѣла 16 пашен. дворовъ, 2 бобыльскихъ, 5 пустыхъ и 2 мѣста дворовыхъ, пашни середней 65 чети съ осминою, перелогу 61 четь съ осминою въ трехъ поляхъ, лѣсу 30 дес., сѣна на Уролкѣ 760 копенъ Нынѣ это—село Чердынскаго же уѣзда.

Дер. Мошево на р. Камѣ*—„дворы врозни“ числомъ 17.

Изъ 17 дворовъ 1 былъ бобыльскій, пашни середней было 64 чети съ осминою въ трехъ поляхъ, сѣна по Камѣ 235 копенъ.

Дер. Верхняя Мошево на р. Мошевицѣ „дворы врозни“.

Была въ Нижнемъ станѣ. Въ 162³/₄ г.г. имѣла 24 пашен. двора, 1 безпашенный, 1 бобыльскій и 2 пустыхъ, пашни середней 115 чети съ третникомъ въ трехъ поляхъ, сѣна на р. Камѣ, на островѣ Толстикѣ и на Мошевицѣ (лѣвый притокъ Камы) 275 копенъ. У той же деревни была рыбная ловля въ озерѣ Мошевѣ изъ оброка 12 алт. 3 д. и пошлинъ 3¹/₂ д. и 4 мельницы—колотовки на рч. Мошевицѣ изъ оброка 20 алтынъ и пошлинъ 6 денегъ.

Поч. Дуброва на ключѣ*—1 дворъ Жуланова.

20. Поч. Прислонъ на родникѣ*—1 дворъ Звонкова.

Дер. Нижнее Мошево на озерѣ Мошевскомъ.

Также была въ Нижнемъ станѣ; въ 162³/₄ г.г. имѣла пашен. дворовъ 6, пашни середней 27 четей съ полуосминою, перелогу 47 чети безъ полуосмины въ трехъ поляхъ, лѣсу 4 дес., сѣна на Камѣ 250 копенъ и рыбную ловлю въ оз. Мошевскомъ изъ оброка 12 алт. 4 д. и пошл. 3¹/₂ д. Нынѣ это—село Чердынскаго же уѣзда.

Дер. другая Нижняя Мошева, Ушакова тоже, на родникѣ, что былъ починокъ Олешино да поч. Сергіевъ (въ Нижнемъ станѣ).

Поч. Спиридоновской на оз. Мошевскомъ*—1 дворъ.
Дер. Косолаповская, что былъ поч. Тимоѳеевъ (въ Нижнемъ станѣ).
25. Дер. Трегубова на ключѣ*—5 дворовъ Трегубовыхъ.
Дер. Косолапова на р. Боровой*—6 дворовъ.
Поч. Сурковъ на ключѣ.*
Дер. Верхъ-Боровая на р. Боровой.

Была въ Нижнемъ станѣ; въ 162³/₄ г.г. имѣла пашен. дворовъ 22, безпашенныхъ 2, бобыльскихъ 2, пустыхъ 2, пашни середней 102 чети съ осминою въ трехъ поляхъ, сѣна по Боровой и по заполью 255 копенъ. Къ деревнѣ принадлежалъ еще одинъ дворъ „москвитина торговаго человѣка Кондратья Подошевникова“ и 2 мельницы—колотовки. Нынѣ Верхъ-Боровая—село Чердынскаго же уѣзда.

Итого въ Вильвенскомъ округѣ было 17 деревень и 11 починковъ; вновь возникло 17 поселеній. Округъ Вильвенскій тянулся параллельно южной границѣ Чердынскаго уѣзда на значительномъ разстояніи отъ нынѣшняго села Уролки до Верхъ-Боровой включительно, захватывая мѣстами сѣверную окраину нынѣшняго Соликамскаго уѣзда. Всей пашни у погоста и въ округѣ было („середней земли“) 969 четей безъ полуосмины, перелогу 108 четей съ полуосминою, въ трехъ поляхъ, лѣсу 54 десятины, сѣна 3725 копенъ. Оброчныхъ сборовъ и пошлинъ шло (включая погостъ): съ 10 безпаш. дворовъ 1 рубль 19 ал. 1 д.; съ 15 дворовъ бобыльскихъ столько же, съ 7 мельницъ 1 р. 3 ал. 2½ д. и съ рыбныхъ ловель 25 алт. 2½ д.—всего 5 рублей 3 деньги. (Дубр. рук. л. 136).

15. Погостъ Гайна и его округъ.

Дойдя до южной границы Чердынскаго уѣзда, за которою начинались владѣнія Строгановыхъ и Усольскій уѣздъ и далѣе которой лишь спорадически разбросаны были *отхо-*

жія поселенія Чердынцевъ,—Кайсаровъ, подобно Яхонтову, послѣдовательно переписываетъ весь обширный, но слабо населенный Отхожій округъ. Онъ раздѣляетъ его, какъ и весь Пермскій—Чердынскій уѣздъ, на округи меньшей величины, по числу погостовъ, которыхъ на всей обширной территоріи отхожихъ поселеній при Кайсаровѣ было только 6. При этомъ выраженія „*отхожіе* погосты и деревни" онъ нигдѣ не употребляетъ, чѣмъ какъ-бы вполнѣ приравниваетъ ихъ по административному значенію къ прочимъ погостамъ уѣзда. Подобно Яхонтову, Кайсаровъ начинаетъ перепись бывшей Отхожей области съ верхкамскаго погоста Гайнъ и бассейна рѣки Косы.

Гаинскій округъ былъ самымъ западнымъ изъ всѣхъ 20 округовъ уѣзда, былъ сравнительно весьма обширенъ, какъ всѣ прочіе 5 отхожихъ округовъ, и непосредственно граничилъ съ Кайгородскимъ уѣздомъ Перми Великой. Земля была здѣсь, конечно, худая, край былъ глухой и отдаленный (какъ и нынѣ) и привлекалъ мало колонизаторовъ. Погостъ Гайна (нынѣ село) стоялъ на правомъ берегу Камы, немного пониже устьевъ ея лѣвыхъ притоковъ Лемана и Лупьи. Если и въ наше время Гайна составляетъ ничтожное поселеніе, то тѣмъ незначительнѣе была она во времена Кайсарова. Тогда въ ней было дворовъ паш. крестьянъ 18, бобыльскихъ 3 и пустыхъ 6; жители послѣднихъ еще до Кайсарова „сошли безвѣстно". Пашни худой земли Гайна имѣла 80 чети съ осминою, перелогу 43 чети въ трехъ поляхъ, лѣсу 16 десятинъ, сѣна на р. Камѣ и по наволокамъ и по заполью 250 копенъ. Въ погостѣ была кузница Первушки Васильева изъ оброка и пошлинъ 3 алтына 3 деньги. Кромѣ того Гаинцы имѣли рыбную ловлю въ р. Косѣ и рч. Дулѣ изъ оброка 10 алт. и пошлинъ 1½ деньги. (Дубров. рукоп., л. 137). Въ изданіи писцовой книги Шишонко церкви въ погостѣ не указано.

Выше погоста Гайны по р. Камѣ, слѣдовательно ближе къ Кайгородскому рубежу (границѣ), Кайсаровъ вновь указываетъ „пустынь Живоначальныя Троицы, въ ней храмъ древянъ клѣтцки *новый*; въ храмѣ образовъ мѣстныхъ: Живонач. Троицы, Пречистыя Богородицы, двери царскія и и деисусъ на краскахъ, а изъ книгъ: евангеліе напрестольное, письменное въ полдесть, апостолъ въ десть, тріоди постная и цвѣтная, письменная минея—мѣсяцъ апрѣль, псалтырь и часовникъ. Въ пустынѣ келья старца, дворъ монастырской и 4 половничьихъ двора. Пашни паханыя монастырскія съ половничьею 11 четей въ полѣ, а въ дву потому же". (Перм. Лѣтоп. II, 242) *).

Округъ Гайны составляли слѣдующія деревни и починки:

1. Дер. Малая Гора, Пантево тоже, на ручью *.

Дер. Большая Гора на ключѣ *.

Нынѣ близь Гайны есть деревня *Гора*, несомнѣнный потомокъ Большой Горы. При Кайсаровѣ она имѣла 11 пашен. дворовъ и 6 пустыхъ, худой пашни 44 чети безъ третника, перелогу 12 четей съ осминою въ трехъ поляхъ, сѣна 230 копенъ.

Дер. Даниловская на рч. Даниловкѣ (была при Яхонтовѣ).

Существуетъ донынѣ возлѣ дер. Горы. При Кайсаровѣ была самою значительною дер. въ округѣ, имѣла пашен. дворовъ 25, безпаш. 2, бобыльс. 5, пустыхъ 2; пашни худой земли 100 чети съ третникомъ, перелогу 2 ч. въ трехъ пол., сѣна по Камѣ 120 копенъ и рыбную ловлю въ рч. Бологѣ и Булачѣ изъ оброка 10 алт., пошл. 3 деньги.

Дер. Пятигорская, что была дер. Огга на Камѣ.

Существуетъ донынѣ на Камѣ, пониже Гайны.

5. Дер. Верхлупье на р. Лупьѣ (была 1579 г.).

Дер. Верхнее Лупье на той же рѣчкѣ (была 1579 г.), имѣла рыбныя ловли въ Лупьѣ и въ Окзѣ.

---

*) Дополнительныя свѣдѣнія объ этой пустыни мною приведены въ «Пермской Старинѣ» вып. II, 53.

Поч. Тошубъ (былъ при Яхонтовѣ).

Поч. Архиповъ на ключѣ.*

Поч. Костинъ на ключѣ.*

10. Поч. Норысовъ на ключѣ.*

Дер. Плесо Плесовскія волости—3 двора.*

У этой деревни и находилась пустынь Живон. Троицы, иначе именовавшаяся *Плесской*, почему деревня какъ-бы обособлялась въ особую волость; имѣла 3 двора, 7 четей въ трехъ поляхъ худой земли и 85 копенъ сѣна. Деревня эта существ. и сейчасъ подъ именемъ *Монастырь*.

Дер. Земская на Камѣ—„дворы врозни" (возлѣ Плесо, была 1579 г.) есть и теперь.

Поч. Курья на Камѣ 1 дворъ.*

Дер. Чежегово Меньшая на родникѣ (у Яхонтова Чежегоново).

15. Дер. Чежегово Большая на прудѣ*—обѣ есть и нынѣ.

Дер. Иванчина-Пустыня на ключѣ*—есть и нынѣ.

Дер. Юсма на ключѣ (у Яхонтова Имасъ)—есть и теперь.

Имѣла 14 паш. двор., 1 бобыльс., 2 пустыхъ и рыбную ловлю въ рч. Мымѣ.

Дер. Юксіева на родникѣ—была при Яхонт., нынѣ село Юксѣево Чердынскаго уѣзда.

Дворовъ пашен. имѣла 16, бобыльскихъ 3, пустыхъ 4, худой пашни 18 четей съ осминою, перелогу 3 ч. съ осминою въ трехъ поляхъ, лѣсу 15 дес., сѣна 75 коп.

Всего въ Гаинскомъ округѣ было 13 деревень и 5 починковъ, изъ коихъ вновь возникло 9; пашни худыя земли было (съ погостомъ) 475 четей, перелогу 103 чети съ полуосминою, лѣсу пашен. 60 десятинъ, сѣна 1860 копенъ. Оброковъ и пошлинъ шло въ годъ, считая погостъ: съ 4 дворовъ безпаш. 21 алтынъ, съ 15 бобыльскихъ 1 рубль 19 ал. 1 д., съ 1 кузницы 3 ал. 3 д. и съ рыбныхъ ловель 1 рубль 3 ал. 2½ д.—всего 3 р. 13 ал. 4½ д. Мельницъ не было ни одной во всемъ округѣ. (Дубр. рук. л. 142).

16. Погостъ Коса и его округъ.

Нѣсколько ниже уже извѣстной намъ прикамской деревни Пятигоръ, Кама принимаетъ въ себя справа значительный притокъ Косу, въ которую въ свою очередь изливаютъ свои воды: съ правой стороны рч. Булычъ, Сія, Лопанъ, Суролъ, Лопва съ Зулою и Юмъ, а съ лѣвой Лологъ съ Кыдесомъ и Вурламомъ и Сеполь. Этотъ-то вѣтвистый бассейнъ Косы въ 162³/₄ гг. составлялъ особый Косинскій округъ, главнымъ центромъ котораго служилъ существующій и донынѣ въ качествѣ села Чердынск. уѣзда погостъ *Коса, Ыровъ тожъ*, на рѣкѣ Косѣ, что была при Яхонтовѣ деревня Ыровъ *). Сравнительно съ другими частями бывшаго Отхожаго района, это былъ большой, но мало населенный округъ, гдѣ донынѣ сохранилось коренное, исконное въ тѣхъ мѣстахъ, населеніе Пермяковъ, отъ которыхъ нѣкогда получила наименованіе и вся обширная страна Пермь Великая. Почва въ бассейнѣ Косы преобладала худая, но географическое положеніе округа, обильнаго водами, было довольно выгодно. Однако глушь и отдаленность края была причиною его слабой и медленной колонизаціи.

Въ 1623 году погостъ Коса считалъ пашенныхъ дворовъ 41 съ населеніемъ 44 человѣка муж. пола, но въ дѣйствительности весь погостъ представлялъ тогда одно сплошное пепелище. Кайсаровъ свидѣтельствуетъ, что всѣ *„дворы погорѣли отъ молнія въ нынѣшнемъ во 131 (1623) году.... и всего сорокъ одно мѣсто погорѣлыхъ крестьянъ*. Да мѣстъ же дворовыхъ, которые сошли безвѣстно, 6“. Ни безпашенныхъ, ни бобыльскихъ сгорѣвшихъ дворовъ не указано ни одного. Пашни худой земли погостъ имѣлъ 76 четвертей съ полуосминою, сѣна по р. Косѣ и по заполью 245 копенъ. Въ Косѣ была кузница изъ оброка 1 гривна и пошлинъ 1

*) Деревня эта уже и въ 1579 г. называлась *Ыровъ-Погостъ* (см. выше).

деньга и рыбныя ловли въ р. Косѣ и Булачѣ изъ оброка 10 алт., пошл. 3 деньги, да деревня Нестерова платила съ той же рыбной ловли столько же. (Дубров. рукоп., л. 143).

Деревянный клѣтцки храмъ Николая Чудотворца и при немъ дворы попа, пономаря и просвирницы, кажется, уцѣлѣли отъ страшнаго пожара, такъ какъ Кайсаровъ подробно описываетъ церковь и ея имущество, не дѣлая никакой оговорки относительно пожара. Онъ указываетъ въ храмѣ образа Николая Чудотворца, Аѳанасія Александрійскаго, великомуч. Георгія и Богородицы Умиленія, затѣмъ—внутреннее убранство и книги. (Пермск. Лѣт. II, 243).

Обширный Косинскій округъ состоялъ изъ слѣдующихъ поселеній, расположенныхъ въ бассейнѣ Косы и ея вышеупомянутыхъ притоковъ:

1. Дер. Нижняя Коса на р. Косѣ (была при Яхонтовѣ).

Пониже села Косы и сейчасъ есть деревня Коса, но оба поселенія теперь стоятъ на нѣкоторомъ отдаленіи отъ рѣки: или тутъ очень низменное мѣсто, или рѣка съ тѣхъ поръ измѣнила теченіе, уклонясь болѣе къ востоку. Въ деревнѣ Косѣ было дворовъ пашенныхъ 14 и бобыльскій 1, людей въ нихъ 20 челов. м. п., пустыхъ дворовъ 4, пашни худой 33 ч. съ полуосминою, перелогу 10 чет., лѣсу 10 дес., сѣна 150 коп., рыбныя ловли въ Косѣ и Булачѣ, оброкъ 15 алт., пошл. 4½ д. и кузница изъ оброка 1 гривна, пошл. 1 д.

Дер. Подьячево на ключѣ.*

Дер. Бачманова на ключѣ.*

Дер. Коса Малая на рѣчкѣ Нылвѣ.*

5. Дер. Большая Коча, что была дер. Нестерова, вверхъ Косы рѣки на рѣчкѣ Унылвѣ.

Нынѣ село Кочево Чердынск. уѣзда. Имѣла дворовъ пашен. 3 и пустыхъ 13, пашни худой 5 ч., перелогу 69 четей съ осминою въ трехъ поляхъ, лѣсу 12 дес., сѣна на Унылвѣ 230 копенъ, рыбную ловлю въ Косѣ—оброкъ 10 алт., пошл. 3 ден. При Яхонтовѣ деревня была населеннѣе.

Дер. Сепельна на рч. Сепелѣ (притокъ Косы).*

Дер. Пуксипъ, что была дер. Нестерова (вѣроятно, это была другая дер. Нестерова).*

Имѣла 2 двора, 6 ч. худой земли и 65 копенъ сѣна, рыбную ловлю въ рч. Лолымѣ и *птичьи ловли—путики* изъ общаго съ обѣихъ ловель оброка по гривнѣ и пошлинъ по деньгѣ. Донынѣ на р. Косѣ есть деревня Пуксипъ, близь устьевъ рѣчки Сіи.

[Пустошь, что была деревня Чезева на рѣчкѣ Кичишѣ. У Яхонтова мы видѣли поч. Чазевъ на рч. Кивѣ.

Всего въ Косинскомъ округѣ было 7 деревень и пустошь, изъ коихъ вновь возникло 5; пашни худой земли было 136 четей, перелогу 137 четей, лѣсу 22 дес., сѣна 1320 копенъ. Оброковъ и пошлинъ шло: съ 5 дворовъ бобыльскихъ 17 алт. 3 д., съ двухъ кузницъ 7 алт., съ рыбныхъ ловель 1 рубль 17 алт. 2½ ден.—всего 2 рубля 8 алт. 3½ деньги, считая во всѣхъ итогахъ погостъ Косу. (Дубров. рукоп. л. 146).

Владѣнія Могильниковыхъ.

Особою статьею перечисляетъ затѣмъ Кайсаровъ владѣнія Могильниковыхъ, посадскихъ людей Чердыни; владѣнія эти разбросаны были по разнымъ округамъ, родъ Могильниковыхъ былъ обширенъ и повидимому пользовался исключительными правами. Кайсаровъ замѣчаетъ, что „по Государеву Цареву и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи наказу, велѣно ихъ написать себѣ статьею.“ (Дубров. рукоп. л. 146). Вѣроятно, этотъ царскій наказъ былъ послѣдствіемъ челобитной самихъ Могильниковыхъ. Фамилія послѣднихъ упомянута *первою* въ писцовой Чердынской книгѣ Яхонтова. „Въ городѣ въ Чердыни на посадѣ дворы крестьянскіе тяглые пашенные: дворъ Якушъ Могильниковъ да сынъ

ево Иванко", начинаетъ Яхонтовъ свою книгу. (Дубровинск. рукоп. л. 13). Затѣмъ при описаніи Нижняго стана въ той же книгѣ Яхонтова мы встрѣчаемъ между прочимъ „деревню *Могильникову* на рѣкѣ на Вишерѣ посадцкаго человѣка Якова Могильникова; дворъ Якова Могильникова—человѣкъ ево Гаврилко Новокрещенъ, дв. Тренка Ѳедоровъ, дв. Омельянко Лукинъ, дв. Митя Ивановъ, дв. Васка Батя, два двора пусты. Пашни 25 чети, да перелогу 22 чети въ полѣ, а въ дву потому же, земля худа, лѣсу пашен. 10 десятинъ, сѣна 200 копенъ. Тое же деревни за рѣкою за Вишерою рѣчка Толычъ, а въ ней рыбная ловля Якова Могильникова, а оброку ему съ тое рѣчки давати 5 алтынъ на годъ, да пошлинъ полторы денги". (Дубровинск. рукопись, листъ 40). Яхонтовъ говоритъ объ этой деревнѣ заурядъ съ другими. Основателемъ ея былъ, судя по названію, самъ Яковъ Могильниковъ. Деревня съ этимъ названіемъ и теперь существуетъ на правомъ берегу Вишеры, въ Чердынскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Лимежа.

Черезъ 44 года Кайсаровъ уже не упоминаетъ въ числѣ посадскихъ людей разныхъ разрядовъ въ Чердыни фамиліи Могильниковыхъ, а указываетъ ихъ только въ ихъ деревнѣ и другихъ владѣніяхъ, принадлежавшихъ имъ въ уѣздѣ, сохраняя за ними только названія „чердынцовъ". „Да въ Чердынскомъ же уѣздѣ, въ розныхъ погостѣхъ и деревняхъ, говоритъ онъ,—деревни и починки *Чердынцовъ* Якушка Могильникова съ братьею, и съ племянники и съ товарыщи. А по Государеву Цар. и В. Кн. наказу" и т. д. (см. выше). Отсюда слѣдуетъ, что потомки основателя деревни Могильниковой совсѣмъ выселились изъ Чердыни въ свои вотчины, почему и не были при Кайсаровѣ „посадскими людьми." По писцовой книгѣ мы можемъ прослѣдить всѣхъ этихъ потомковъ, которыхъ чрезъ 44 года стало много, какъ можно видѣть изъ слѣдующей родословной ихъ таблицы.

Яковъ Могильниковъ,
основатель деревни.

1 Яковъ 2 Богданъ 3 Иванъ 4 Гавріилъ 5 Артемій
Яковлевичи.

Семенъ

1 Иванъ 2 Левъ 3 Іоакимъ 4 Аѳанасій 5 Михаилъ
Ивановичи.

Итакъ Кайсаровъ перечисляетъ 11 потомковъ современнаго Яхонтову посадскаго Чердыни Якова Могильникова; изъ нихъ Яковъ Яковлевичъ былъ, какъ видно, старшій среди прочихъ братьевъ и племянниковъ. Кромѣ того съ ними же упоминаются его „товарищи"—Гришка и Пятунька Башкирцевы, Алешка Ѳедоровъ Поздіевъ и Софронко Леонтьевъ Созгинъ. При описаніи города Чердыни Кайсаровъ упомянулъ только одного изъ братьевъ въ числѣ владѣтелей соляныхъ амбаровъ—Артюшку Могильникова. Чѣмъ же владѣли они въ уѣздѣ во время Кайсарова? Владѣнія ихъ составляли какъ-бы особый округъ.

1. Деревня *Могильникова* на Вишерѣ:

а) Дворъ Якушки Яковлева Могильникова съ сыномъ Сенкою. Пашни 27 чети безъ полутретника въ трехъ поляхъ, земля худа.

б) 4 двора Ортюшки Яковлева Мог—ва и его трехъ исполовниковъ.
Пашни худой 32 ч. съ полутретникомъ въ трехъ поляхъ.

в) 2 двора Левки Иванова Мог—ва и исполовника его.
Пашни худой 14 чети безъ четверика въ трехъ поляхъ.

г) 2 двора Ивашка Иванова Мог—ва и исполовника его.

д) Дворъ Гаврилка Яковлева Мог—ва.

е) Дворъ Якимка да Аѳоньки Ивановыхъ Могильниковыхъ. Пашни худой у нихъ ввопче (вообще) съ Яковомъ, Гаврилкомъ и Ортемьемъ 28 чети въ трехъ поляхъ, лѣсу пашен. 10 десятинъ, сѣна по Вишерѣ 550 копенъ. При деревнѣ была общая рыбная ловля за Вишерою, въ рч. Толычѣ, изъ оброка 9 алтынъ. Всего у деревни худой пашни было 101 четь.

2. Починокъ, „что *выставленъ* изъ деревни Могильниковы.“*

Нынѣ деревня *Выставка* вблизи р. Вишеры, повыше Редикора. Въ немъ было два двора: одинъ Якимка, другой—Аѳоньки Мог—выхъ, гдѣ жили ихъ половники; пашни худой 17 чети съ третникомъ въ трехъ поляхъ, сѣна по Вишерѣ 85 копенъ.

3. Поч. *Бутино**—1 дворъ Якушка Могильникова, гдѣ жилъ его половникъ.

Деревня съ этимъ именемъ донынѣ существуетъ на томъ же правомъ берегу Вишеры южнѣе Могильниковой. Пашни худой имѣлъ 12 ч. въ трехъ поляхъ, сѣна 40 копенъ.

4. Поч. *Ивакинской** подъ городомъ Чердынью на Черномъ ручью.

Ивакина и сейчасъ стоитъ на дорогѣ изъ Чердыни въ Покчу. Тогда она имѣла 2 двора: одинъ Михалка Мог—ва, другой исполовничій пустой, пашни худой—три чети безъ третника въ трехъ поляхъ.

5. Поч. *Городище* на родникѣ*—1 дв. Гаврилка М—ва.

Пашни худой 5 чети съ полуосминою въ трехъ поляхъ, сѣна по Вишерѣ 170 копенъ.

Всего за Могильниковыми было 1 деревня и 4 починка, изъ коихъ послѣдніе всѣ возникли вновь. Пашни худой во всѣхъ ихъ было 138 четей, лѣсу 10 десятинъ и сѣна 845 копенъ. Но кромѣ того у нихъ было много дворовъ и земли въ разныхъ, уже извѣстныхъ намъ, деревняхъ и погостахъ Чердынскаго уѣзда, а именно: 1) *въ Лимежскомъ приходѣ*, въ дер. Фроловѣ 1 дворъ, пашни 22 ч., сѣна по Вишерѣ 230 копенъ; въ дер. Сартаковѣ 1 дворъ и мельница—мутовка Якова Мог—ва; самая деревня Могильникова, починки вновь выставленный (Выставка), Бутино и Городище находились по положенію въ томъ же округѣ; 2) *въ Окологородномъ станѣ*: въ дер. Вискуновѣ 1 дв., пашни худой 6 ч. въ трехъ поляхъ, да въ городскихъ Чердынскихъ поляхъ 7 четей Михалка Могильникова; починокъ Ивакинской по

положенію былъ въ томъ же станѣ; 3) *въ Редикорскомъ приходѣ:* въ погостѣ Редикорѣ 1 дв. и пашни 8 четей съ осминою и съ четверикомъ; въ дер. Оникіевѣ 7 дворовъ, худой пашни 60 четей въ трехъ поляхъ, сѣна по Вишерѣ 370 копенъ; 4) *въ Онисимовскомъ приходѣ:* въ дер. Поздіевѣ 1 дв. и 18 четей въ трехъ поляхъ; въ дер. Сюрсъ 1 дв. и 12 четей въ тр. п.; 5) *въ Кольчужскомъ приходѣ:* въ самомъ Кольчугѣ 1 дв. и 16 четей въ тр. п.; въ дер. Очгѣ Меньшой 1 дв. и 12 четей въ трехъ поляхъ.

Итого во всемъ Чердынскомъ уѣздѣ Могильниковы имѣли: 1 деревню, 4 починка, пашни худой земли 299 четей, лѣсу 10 десятинъ, сѣна 1445 копенъ, одну мельницу—мутовку и рыбную ловлю въ рч. Толычѣ. Оброку и пошлинъ съ этихъ имѣній шло въ годъ: съ 17 дворовъ исполовничьихъ 2 руб. 22 алт. $3^1/_2$ ден.; съ мельницы 5 алт. $1^1/_2$ ден. и съ рыбныхъ ловель 9 алтынъ, а всего 3 рубля 3 алт. 3 ден.*). (Дубровинск. рукопись, листъ 149).

17. Погостъ Ильинскій и его округъ.

Выдѣливъ владѣнія Могильниковыхъ въ особое цѣлое, согласно государеву наказу, Кайсаровъ продолжаетъ потомъ обычнымъ порядкомъ перепись бывшаго Отхожаго округа и отъ погоста Косы переходитъ на берега Обвы, праваго притока Камы, къ большому погосту Ильинскому, что былъ при Яхонтовѣ погостъ Обва. О тождествѣ этихъ двухъ наименованій, обозначавшихъ одно и тоже поселеніе, мы подробно уже говорили при обзорѣ переписи Яхонтова (см. выше эту же главу). Въ бассейнѣ р. Обвы Ильинскій погостъ составлялъ самое большое поселеніе, имѣвшее въ $162^3/_4$ г.г. дворовъ пашен. крестьянъ 37, безпашенныхъ 1, бобыльскихъ 4, пустыхъ 2 и нищихъ келій 5; пашни паханые середніе

*) Въ «Пермской Лѣтописи» Шишонко всѣ данныя о Могильниковыхъ выпущены; упомянутъ только починокъ Бутино (см. II, 241).

земли 96 чети безъ полуосмины въ трехъ поляхъ, лѣсу пашен. 10 десятинъ, сѣна по Обвѣ 650 копенъ, кузницу изъ оброка 1 гривна и пошлинъ 1 деньга, мельницу—мутовку на рѣчкѣ Маслянкѣ изъ оброка 5 алт., пошлинъ 1½ ден. (Дубровинск. рукоп., листъ 150).

Въ погостѣ еще Яхонтовъ указываетъ храмъ св. пророка Иліи. При Кайсаровѣ этотъ храмъ, подобно всѣмъ сельскимъ того времени, былъ древянъ клѣтцки, имѣлъ образа—мѣстный св. Иліи пророка, обложенъ серебромъ, Рождества Богородицы на золотѣ, Николая Чудотворца на золотѣ, Пречистыя Одигитріи на краскахъ и великомученика Георгія, обложенъ серебромъ; при храмѣ была колокольня съ 3 колоколами „невеликими", дворы попа, дьячка, пономаря и просвирни и церковная земля въ количествѣ 3 четей въ трехъ поляхъ середней земли. (Пермск. Лѣт. II, 245).

Благодаря сравнительно хорошей почвѣ („середняя земля") и болѣе благопріятнымъ климатическимъ условіямъ, колонизація береговъ Обвы и Иньвы и ихъ притоковъ на рубежѣ XVI—XVII шла весьма быстро, почему количество населенныхъ мѣстъ здѣсь очень увеличилось за 44 года. Въ 162¾ г.г. въ округѣ Ильинскаго погоста были слѣдующія поселенія:

1. Дер. Ушакова на Обвѣ.*
   Дер. Боровая на рч. Маслянкѣ.*
   Дер. Чащина на Обвѣ.*
   Дер. Идѣгова на родникѣ.*
5. Дер. Пепеляева на рч. Домжѣ.*
   Поч. Поспѣловъ 1 дворъ.*
   Поч. Тупицинъ на рч. Тупицѣ 1 дворъ.*
   Поч. Горкушъ на родникѣ 1 дворъ.*
   Дер. Вотчина на р. Обвѣ.*—„дворы врозни."

Нынѣ это—село *Срѣтенское* Пермскаго уѣзда близь Ильинскаго. При Кайсаровѣ деревня имѣла пашени. дворовъ 9, бобыльскихъ 2, пустыхъ 2, пашни 62 чети безъ

полутретника; сѣна по Обвѣ 275 копенъ и 4 мельницы—мутовки на рѣчкѣ Кети—оброкъ 20 ал. 6 д.

10. Кривецъ на Обвѣ (при Яхонтовѣ дер. Кривая Наволока).

Нынѣ это—село *Кривецкое* Пермскаго уѣзда. Тогда деревня имѣла 23 пашенн. двора, 2 бобыльскихъ, 1 нищую келью, середней пашни 94 чети съ осминою и пол-полтретника въ трехъ поляхъ, сѣна по Обвѣ 250 копенъ и мельницу на рѣчкѣ Кривцѣ.

Дер. Егва на усть рѣчки Егвы и на Обвѣ.*

Нынѣ это—село *Средне-Егвенское* Пермск. уѣзда, которое не нужно смѣшивать съ селомъ Егвенскимъ въ бассейнѣ Иньвы Соликамскаго уѣзда. Первоначальное поселеніе было, кажется, ближе къ Обвѣ, или сама Обва измѣнила теченіе. Въ деревнѣ было всего 2 двора, 2 чети пашни и сѣна по р. Егвѣ 80 копенъ.

Дер. Нердва, что была (при Яхонтовѣ) дер. Ѳедорово на Обвѣ и на рѣчкѣ Нердвѣ.

Это—нынѣшнее *село Нердвинское* Соликамскаго уѣзда. Деревня имѣла при Кайсаровѣ пашен. дворовъ 14, пустыхъ 1, пашни середней 64 чети безъ третника въ трехъ поляхъ, перелогу 18 чети, лѣсу 20 десятинъ, сѣна на Обвѣ 455 копенъ, мельницу на рѣчкѣ Вуймѣ и общія рыбныя ловли въ р. Обвѣ и рч. Лысвѣ и Нердвѣ „Ильинскаго погоста и Обвенскихъ крестьянъ *всѣхъ деревень*“ изъ оброка 16 алт., 4 деньги, пошлинъ 5 денегъ на годъ.

Дер. Звягина на рч. Нердвѣ.*

Всего въ Ильинскомъ округѣ было 10 деревень 3 починка, изъ коихъ вновь возникло 11 поселеній; всей пашни середней земли было 374 чети, перелогу 18 четей, лѣсу 30 десятинъ и сѣна 2025 копенъ. Оброчныхъ и пошлинныхъ сборовъ шло въ годъ: съ 1 двора безпашен. 5 алт. 1½ д., съ 8 бобыльскихъ 28 алт., съ кузницы 3 алт. 3 д., съ 7 мельницъ 1 рубль 3 алт. 2½ ден., съ рыбныхъ ловель 17 алт. 3 д.—всего съ погоста и округа 2 руб. 24 алт. 2 д. (Дубров. рукоп. листъ 154).

Дабы правильнѣе судить объ успѣхахъ колонизаціи въ бассейнахъ Обвы и Иньвы въ исходѣ XVI и началѣ слѣдующаго вѣка, мы должны помнить, что помимо указанныхъ поселеній Чердынскихъ уѣздныхъ крестьянъ эти мѣста въ тоже время колонизировались весьма дѣятельно Строгановыми, шагъ за шагомъ подвигавшимися отъ береговъ Камы вверхъ по теченію ея притоковъ, лежавшихъ въ предѣлахъ Перми Великой. О причинахъ этого постепеннаго захвата Строгановыми *чужихъ* Чердынскихъ и Усольскихъ земель мы многократно говорили въ первыхъ двухъ выпускахъ настоящаго изданія. Такъ какъ ко времени Кайсарова владѣнія Чердынскихъ и Усольскихъ людей во многихъ мѣстахъ встрѣтились лицомъ къ лицу съ владѣніями Строгановыхъ, то этотъ писецъ во всѣхъ своихъ книгахъ обозначаетъ точныя межи всѣхъ владѣній, для устраненія пограничныхъ тяжбъ. На этомъ-то основаніи и описаніе Ильинскаго округа Кайсаровъ оканчиваетъ такими словами: „А межа того Ильинскаго погоста землямъ съ Ивановыми да съ Максимовыми землями Строгановыхъ слободки Слудки выше пустоши Прорыва до Янидорскаго истоку, а истокъ впалъ въ рѣку въ Обву". (Дубров. рукоп. листъ 154).

18. Погостъ Верхній Рождественскій и его округъ.

Успѣшная колонизація береговъ Обвы способствовала основанію не только многихъ новыхъ деревень и починковъ, но и цѣлаго погоста Верхняго Рождественскаго, котораго еще при Яхонтовѣ не существовало даже въ зародышѣ. Вокругъ этого погоста ко времени Кайсарова возникъ новый Верхне-Рождественскій округъ, который, начинаясь близь Нердвы, Кривца и Средней Егвы, простирался довольно широкою полосою въ предѣлы нынѣшняго Оханскаго уѣзда и заключалъ въ себѣ весь юго-западный уголъ нынѣшняго

уѣзда Соликамскаго. Въ 162³/₄ г.г. этотъ новый погостъ имѣлъ уже 21 дворъ пашен. крестьянъ и 1 пустой, пашни 92 чети съ осминою и пол-пол-третника, сѣна по Обвѣ 250 копенъ. (Дубровинск. рукоп. л. 154). Нынѣ село Рождественское находится въ Соликамскомъ уѣздѣ.

Кайсаровъ описываетъ въ Верхне-Рождественскомъ погостѣ храмъ Рождества Христова съ мѣстнымъ образомъ этому празднику и иконами Спаса и Пречистыя (запрестольная), указываетъ при церкви дворы попа, дьячка, пономаря и просвирницы и 4 чети пашни паханыя церковныя. (Пермск. Лѣт. II, 247). Въ округѣ были слѣдующія поселенія:

1. Поч. Кириловъ на родникѣ*—1 дворъ.
   Поч. Слободка Александрова*—1 дворъ.
   Поч. Вятское Городище на родникѣ*—1 дворъ.
   Дер. Подневольная на р. Обвѣ*—имѣла кузницу.
5. Дер. Старково на р. Обвѣ.*
   Дер. Пантелѣева на усть рѣчи Нердвы.*
   Дер. Язва на р. Обвѣ и усть рѣчки Егдвы.*

   Подъ Егдвою здѣсь нужно разумѣть правый притокъ Обвы рѣчку Язьву, близь устьевъ которой нынѣ стоитъ село *Козмодемьянское* Соликамскаго уѣзда, въ народѣ именуемое однако и теперь по-прежнему—*Язвою.* Выше его по теченію той же рѣчки стоитъ село того же уѣзда Верхъ-Язва, иначе Обвенскій монастырь, котораго здѣсь разумѣть, конечно, нельзя, судя по положенію*). При Кайсаровѣ дер. Язва имѣла только 3 двора пашен. и 1 бобыльскій, пашни 12 четей, сѣна по Обвѣ 35 копенъ. (Дубров. рукоп, л. 155).

   Дер. Чайкушъ на р. Обвѣ.*
   Поч. Епифановъ* на р. Обвѣ и на родникѣ *„селится ново“*—1 дворъ.

---

*) Обвенскій Успенскій монастырь возникъ въ 1686 г. См. «Пермск. Стар.» вып. II, 138. Я лично посѣтилъ обѣ Язьвы въ январѣ 1891 года и на мѣстѣ слышалъ старое народное названіе села Козмодемьянскаго Язьвою.

10. Дер. Карагай на р. Обвѣ и на усть рѣчки Карагая.*
Нынѣ это—село Оханскаго уѣзда того же названія. Пашен. дворовъ въ дер. тогда было 5, бобыльскій 1, пашни 24 чети съ осминою, сѣна 40 копенъ.

Итого въ новомъ Верхне-Рождественскомъ округѣ было: 1 погостъ, 6 деревень и 4 починка—*всѣ возникли вновь послѣ Яхонтова, считая и погостъ*. Пашни середней земли въ округѣ было 241 четь, сѣна 728 копенъ, перелогу и лѣсу не было. Оброчныхъ и пошлинныхъ сборовъ шло: съ трехъ дворовъ бобыльскихъ 10 алт. 3 ден. и съ кузницы въ дер. Подневольной 1 гривна и 1 ден., всего 14 алтынъ.

19. Погостъ Кудымкоръ и его округъ.

Съ Обвы Кайсаровъ поднялся къ сѣверу, на берега р. Иньвы, другаго праваго притока Камы, гдѣ располагался тогда обширный Кудымкорскій округъ, гдѣ были тѣже, какъ и на Обвѣ, благопріятныя условія для русской колонизаціи, которая и дѣлала здѣсь неменьшіе успѣхи. И здѣсь, какъ на Обвѣ, этому колонизаціонному успѣху, помимо добровольныхъ переселенцевъ изъ сѣверныхъ окраинъ Чердынскаго уѣзда, много содѣйствовали Строгановы, хотя и въ своекорыстныхъ разсчетахъ. Бассейнъ Иньвы, сосѣдній съ Косинскимъ округомъ, служилъ продолженіемъ кореннаго пермяцкаго населенія, мѣстами хорошо сохранившаго до нашего времени свой финскій типъ. На Косѣ и Иньвѣ Пермяки локализировались въ сплошную массу, окруженную русскими колоніями, которыя попадались впрочемъ спорадически и между чисто-пермяцкими поселеніями. Здѣсь-то древніе аборигены страны, нѣкогда занимавшіе всю территорію Перми Великой, какъ показываетъ это исконное гео-этнографическое названіе, нашли себѣ послѣднее убѣжище

Главное средоточіе округа, погостъ Кудымкоръ, стоящій и теперь при сліяніи р. Кувы съ Иньвою, при Яхонтовѣ былъ, какъ мы видѣли, деревней. Теперь онъ имѣлъ дворовъ пашенныхъ 32, пустыхъ 6, пашни середней 132 чети съ осминою въ трехъ поляхъ, сѣна по Иньвѣ 245 копенъ, рыбную ловлю въ той же рѣкѣ изъ оброка 16 алт. 4 деньги, пошлинъ $4^1/_2$ деньги (Дубров. рукоп., листъ 157).

Въ Кудымкорѣ въ $162^3/_4$ г.г. существовалъ храмъ Николая Чудотворца, въ немъ образа Одигитріи, Воскресенія Христова, Пречистыя—запрестольный и Николая Чудотворца. При церкви была колокольня съ 3 колоколами, дворы попа, дьячка, пономаря и просвирни и 2 чети съ осминою церковной пашни. (Пермск. Лѣтоп. II, 247).

1. Дер. Кува, Утева тоже, на р. Кувѣ (была въ 1579 г.). Нынѣ это—село *Отевское* въ 8 верстахъ отъ Кудымкора. Она имѣла 8 пашен. дворовъ, 1 бобыльскій, середней пашни и отхожей 32 чети въ трехъ поляхъ, сѣна на Кувѣ 55 коп. и мельницу на той же рѣчкѣ.

Дер. Мянкоръ, что былъ поч. Чезевъ на Кувѣ.*

У Яхонтова упомянутъ поч. Чазевъ на рѣчкѣ Кивѣ въ бассейнѣ Косы. Это былъ какой-то другой, возникшій позже, потому что тотъ превратился въ пустошь, какъ мы показали въ Косинскомъ округѣ.

Поч. Гарь на рч. Чажавѣ*—2 двора.

Поч. Левки Косинца*—1 дворъ, на родникѣ.

5. Дер. Семенова на Игвѣ*—(т. е. Егвѣ, притокѣ Велвы). Была значительная деревня съ 18 пашен. дворами, 1 безпашен., 1 бобыльскимъ, 4 пустыми; пашни имѣла 72 чети безъ полуосмины, сѣна по рч. Егвѣ 170 копенъ. Одна и таже рѣчка названа двояко: Игва и Егва, на которой доселѣ стоитъ село, именуемое по ней. Эта Егва течетъ справа въ Велву, а послѣдняя—въ Иньву. Слѣдовательно Семенова есть ничто иное, какъ нынѣшнее пермяцкое село *Евенское* Соликамскаго уѣзда, въ 12 верстахъ къ сѣверу отъ Кудымкора. (Другая Егва была въ Ильинскомъ округѣ).

Поч. Мальцовъ на рч. Егвѣ*—1 дворъ.

Поч Нагари на рч. Егвѣ*—1 дворъ (т. е. поч. *на гари*, горѣломъ мѣстѣ).

Поч. Гарь на родникѣ*—1 дворъ.

Дер. Долда на рч. Сѣрѣ,* имѣла мельницу и 3 двора. Названіе показываетъ, что первые поселенцы пришли сюда изъ дер. Долды Кольчужскаго округа.

10. Дер. Чакмарашевъ на р. Иньвѣ*—1 дворъ.

Поч. Пятунки Васильева Ѳедорова на рч. Сѣрѣ*—1 дв.

Поч. Гаврилка Третьякова Минина на Иньвѣ*—1 дв.

Поч. Быховъ на Иньвѣ*—1 дворъ.

Поч. Галкинъ на Иньвѣ*—1 дворъ.

15. Дер. Карпово на Иньвѣ.*

Нынѣ это—пермяцкое село *Архангельское* Соликамскаго уѣзда, въ народѣ слывущее подъ старымъ наименованіемъ Карпова. Оно стоитъ при впаденіи Велвы въ Иньву. Въ 162³/₄ г.г. имѣло 5 дворовъ, въ томъ числѣ Карпика Микифорова Тулупова, и одну нищую келью, пашни 34 чети съ осминою, сѣна по Иньвѣ 75 копенъ.

Поч. Мурмачевъ на Иньвѣ*—1 дворъ.

Поч. Мосѣйковъ на родникѣ*—1 дворъ.

Дер. Юсва на р. Юсвѣ (была въ 1579 г.).

Нынѣ—большое село *Юсвенское* Соликамскаго уѣзда въ 8 верстахъ къ югу отъ Архангельскаго. Юсва впадаетъ съ правой стороны въ Иньву, немного пониже Архангельскаго. Въ 162³/₄ г.г. имѣла пашен. дворовъ 8, бобыльскій 1, пустыхъ 2, пашни середней 32 чети въ трехъ поляхъ, лѣсу 4 десят., сѣна на Юсвѣ 70 копенъ.

Дер. Купросъ на Иньвѣ и усть рѣчки Купроски (была 1579 г.).

Нынѣ—село *Купросское* Соликамскаго уѣзда; деревня имѣла пашен. дворовъ 15, бобыльскихъ 2, пашни середней 62 чети съ осминою въ трехъ поляхъ, сѣна по Иньвѣ 145 копенъ и рыбную ловлю въ Иньвѣ—оброкъ 8 алт. 2 ден., пошлинъ 2¹/₂ ден.

20. Поч. Ужеговъ на Иньвѣ*—2 двора.

Дер. Слудка на Иньвѣ*—6 дворовъ.

„А межа деревни Купроса и поч. Ужегова и д. Слудки, добавляетъ Кайсаровъ, съ Ивановыми да съ Максимовыми крестьяны Строганова деревни Мартынова—починка: отъ Купроса внизъ по р. Иньвѣ до рѣки до Исыля, а рѣка Исылъ внизъ по Иньвѣ по лѣвую сторону впала въ рѣку въ Иньву". (Дубров. рукоп. л. 162).

Поч. Гирзяшевъ—Станковъ на рѣчкѣ Гирзяшѣ*—1 дворъ.

Дер. вверхъ рѣчки Поя.* (Пой впадаетъ слѣва въ Иньву около Купроса).

24. Дер. Майкоръ, что было (при Яхонтовѣ) Туманское Городище на Иньвѣ.

Нынѣ это *Никитинскій* или *Майкорскій* заводъ, весьма значительное поселеніе Соликамскаго уѣзда. При Кайсаровѣ дер. имѣла пашен. дворовъ 11, пустыхъ 2, пашни 32 чети съ осминою и пол-пол-третника, сѣна 455 копенъ, рыбныя ловли въ озеркѣ Сосновомъ, оз. Черномъ, его истокѣ и въ р. Иньвѣ изъ оброка 16 алт. 4 ден., пошлинъ 5 денегъ.

Кайсаровъ такъ обозначаетъ межи Майкора со Строгановыми. „Снизу Иньвы рѣки, а отъ рѣки Иньвы въ гору по Пробойной улицѣ къ рѣчкѣ къ Кѣмолю, а отъ Кѣмоля до Ивановыхъ да до Максимовыхъ крестьянъ до отхожей пашни въ Туманскомъ, да за рѣчкою за Розсохомъ. А деревни (отъ) Нюшкара со крестьяны межа отъ Туманскаго Городища по Иньвѣ рѣкѣ внизъ до Черные рѣчки, а вверхъ по Иньвѣ межа до Чермовского истоку". (Дубровинск. рукоп., листъ 163).

Всего въ Кудымкорскомъ округѣ при Кайсаровѣ было деревень 11, починковъ 13, изъ нихъ вновь возникло 20 поселеній; всей пашни середней земли, включая погостъ, было 538 четей въ трехъ поляхъ, перелогу не было, лѣсу $14^1/_2$ десятинъ, сѣна 1645 копенъ. Оброчныхъ и пошлинныхъ сборовъ: съ 1 безпашен двора 5 алтынъ $1^1/_2$ деньги, съ 7 дворовъ бобыльскихъ 24 алт. 3 деньги, съ двухъ мельницъ 10 алт. 3 деньги, съ рыбныхъ ловель 1 рубль

10 алт. 2½ деньги—всего съ погоста и округа 2 рубля 17 алт. 2 ден. (Дубровинск. рукоп. листъ 163).

Успѣхи колонизаціи Чердынскаго края ясно показываютъ, что для отдаленной Перми Великой, представлявшей хорошее убѣжище отъ всякихъ смутъ и разореній, тяжелые годы Смутной эпохи, пережитые Россіей въ началѣ XVII вѣка, не только не имѣли гибельныхъ послѣдствій, а содѣйствовали еще большему оживленію этой, дотолѣ довольно пустынной, страны. Разореніе центральной Руси дало сильный толчекъ колонизаціи восточной окраины государства.

20 Погостъ Косвенскій.

Съ праваго побережья рѣки Камы, столь быстро заселявшагося русскими пришельцами, въ преобладающей массѣ которыхъ постепенно ассимилировались исконные жители тѣхъ мѣстъ—Пермяки, Кайсаровъ перешелъ на пустынные берега лѣвыхъ притоковъ Камы—Косьвы и Яйвы. Эти рѣки составляли полный контрастъ Обвѣ и Иньвѣ, по своей безжизненности и чрезвычайно слабой колонизаціи, каковая особенность въ значительной мѣрѣ присуща имъ и до сего времени. Очевидно, здѣсь не было благопріятныхъ экономическихъ условій для русской колонизаціи, хотя почва въ писцовыхъ книгахъ указана середняя. За 44 года, протекшихъ со времени Яхонтова, на всемъ обширномъ пространствѣ двухъ рѣчныхъ бассейновъ не возникло ниодного новаго поселка у чердынскихъ крестьянъ, а только увеличилось нѣсколько населеніе прежнихъ деревень. И въ имѣніяхъ Строгановыхъ, расположенныхъ по Яйвѣ и Косьвѣ, далеко не замѣтно той успѣшной колонизаціи, какъ по Обвѣ, Иньвѣ, Чусовой и т. д., потому что экономическія условія края были одинаковы для всѣхъ.

Въ административномъ отношеніи Косьва и Яйва при Кайсаровѣ составляли два отдѣльные округа Косвенскій и

Булатовскій, съ средоточіемъ управленія въ деревнѣ Булатовѣ и погостѣ Косвенскомъ, что была деревня Вильгортъ. Впрочемъ въ округѣ этого послѣдняго погоста не было тогда ниодного поселенія, почему и округа Косвенскаго въ дѣйствительности не существовало, примѣры чему мы видѣли раньше въ Искорѣ и Ныробѣ, имѣвшихъ аналогичныя экономическія условія. Мы должны разсмотрѣть обѣ области отдѣльно.

Выше нами приведены доказательства того, что на мѣстѣ древняго Вильгорта, а затѣмъ погоста Косвенскаго нынѣ стоитъ село *Перемское* (по народному произношенію) или Пермское, соименное своему уѣзду. При Кайсаровѣ погостъ имѣлъ дворовъ пашенныхъ 26, безпашенныхъ 1, бобыльскихъ 2, пустыхъ 2, пашни середней земли 125 четей въ трехъ поляхъ, лѣсу 10 десятинъ, сѣна по обѣ стороны Косьвы 375 копенъ, рыбныя ловли въ Косьвѣ изъ оброка 13 алт. 2 деньги и пошлинъ 4 деньги и 4 мельницы на рѣчкѣ Волимѣ. Межи погоста Косвенскаго со Строгановыми мы имѣли случай указать при описаніи Яхонтовскаго Вильгорта (см. выше). Всѣхъ сборовъ съ погоста въ годъ шло: съ 1 безпашен. двора 5 алт. 1½ деньги, съ 2-хъ бобыльскихъ 7 алтынъ, съ рыбныхъ ловель 14 алтынъ и съ 4-хъ мельницъ 20 алт. 6 ден.—итого 1 р. 14 алт. (Дубровинск. рукопись, л.л. 164—165). Въ полномъ изданіи книги Кайсарова храма въ погостѣ Косвенскомъ не указано. (Пермск. Лѣтоп. II, 250).

21. Деревня Булатова и ея округъ.

Деревня Булатова для бассейна Яйвы имѣла значеніе погоста и въ этомъ отношеніи составляла исключеніе во всемъ Чердынскомъ уѣздѣ. На эту деревню въ то время посягали Строгановы, у которыхъ въ самомъ близкомъ разстояніи стоялъ Яйвенскій острожекъ. Близкое сосѣдство

вызывало поземельные споры, бывшіе причиною челобитій съ той и другой стороны. Кайсарову здѣсь пришлось по этому не только произвести обычную перепись, но вновь установить и самыя межи земельныхъ владѣній Булатова и Яйвенскаго острожка Строгановыхъ. При этомъ межеваніи участвовали съ Михайломъ Кайсаровымъ: Соли Камскіе посадскіе люди *выборные* Семейка Ивановъ сынъ Матафоновъ и Ивашко Андреевъ сынъ Самаринъ, да Чердынскаго уѣзда Обвенскія сохи деревни Романовы крестьяне Митька Михайловъ, Якушко Андреевъ и Елизарко Прокофьевъ. Кайсаровъ подробно обозначилъ въ книгѣ эту межу по разнымъ ямамъ, березамъ и пихтамъ, и такъ какъ эти случайные межевые знаки давно исчезли, то я не вижу надобности вдаваться въ эти мелочи. Кромѣ того согласно челобитной Булатовцевъ, Кайсаровъ вновь отмежевалъ имъ *изъ черныхъ лѣсовъ* (казенныхъ) 8 десятинъ лѣсу пашеннаго вмѣсто обращенныхъ подъ пашню прежнихъ столькихъ же десятинъ изъ общаго числа 30 дес., записанныхъ въ книгахъ Яхонтова (см. выше Отхожій округъ). Вотъ границы новоотведенной лѣсной дачи Булатовцевъ: „отъ рѣчки Черныя по рѣчкѣ по Яйвѣ вверхъ по лѣвую сторону до ручья, что надъ рѣкою надъ Яйвою противъ Кумарскія горы, а отъ устья рѣчки Усолки (лѣвый притокъ Яйвы) по лѣвой же сторонѣ внизъ до тое же Кумарскія горы на 5 верстъ, а Кумарская гора по правой сторонѣ рѣки Яйвы въ Строгановыхъ земляхъ. А для варничныхъ мѣстъ подъ срѣны Ивановымъ и Максимовымъ людямъ камень имати въ той же межѣ Булатовскихъ крестьянъ въ горѣ по прежнему“. (Дубровинск. рукоп. л.л. 165—166). Слѣдовательно всего пашеннаго лѣсу Булатова имѣла теперь, какъ и при Яхонтовѣ, 30 дес.—Наконецъ Кайсаровъ отмежевалъ Булатовцамъ и сѣнокосные луга въ такихъ границахъ: „отъ деревни Булатовы вверхъ по р. Яйвѣ и по Усолкѣ по обѣ стороны до Плоскаго ручья, а внизъ по рѣчкѣ по Усолкѣ до устья; а по другую сторону рѣчки Усолки вверхъ до

Плоскаго же ручья 350 копенъ" (ibidem., л. 166).—Пашенной середней земли Булатовцы имѣли 53 чети, да за рѣчкою Усолкою „новоросчистные пашни" 8 чети съ осминою въ трехъ поляхъ, а всего 61 четь.—Рыбныя ловли Булатовцы имѣли въ р.р. Яйвѣ, Вильвѣ и Чандвѣ (лѣвые притоки Яйвы, повыше Усолки) и въ озеркѣ Ноневѣ съ его истокомъ—оброкъ и пошлина 16 алт. 2½ д. (Дубров. рукоп. л. 167). Пашенныхъ дворовъ въ дер. Булатовѣ при Кайсаровѣ было 11, другихъ не было. Въ настоящее время дер. Булатова и Яйвенскій острожекъ называются селами *Булатовскимъ* и *Нижне-Яйвенскимъ* и находятся въ Соликамскомъ уѣздѣ на лѣвомъ берегу Усолки, недалеко отъ впаденія ея въ Яйву, въ разстояніи другъ отъ друга 3-хъ верстъ.

Булатовскій округъ въ 162¾ г. составляли только двѣ деревни: *Романово Верхнее* и *Романово*, что былъ починокъ Нижнее-Поле (при Яхонтовѣ). Первая составляетъ теперь значительное село Соликамскаго уѣзда на р. Яйвѣ, въ составъ котораго едва-ли не вошло и бывшее Нижнее-Поле. Верхнее Романово вновь возникло послѣ Яхонтова и при Кайсаровѣ имѣло 13 пашен. дворовъ, 1 бобыльскій и 1 пустой, середней пашни 44 чети съ осминою и пол-полтретникъ въ трехъ поляхъ, рыбныя ловли въ р.р. Яйвѣ и Уньвѣ и сѣна по обѣ стороны Яйвы „съ усть рѣчки Уньвы до Чешкорскаго городища" 455 копенъ. (Уньва—правый притокъ Яйвы). Въ другомъ Романовѣ (старомъ) было только 6 дворовъ, пашни 8 ч., лѣсу 6 десят. и сѣна по Яйвѣ 75 копенъ.

Всего въ Булатовскомъ округѣ было пашни середней 114 четей, лѣсу 36 десятинъ, сѣна 880 копенъ. Оброку и пошлинъ шло: съ 1 бобыльск. двора 3 алт. 3 ден. и съ рыбныхъ ловель 30 алт. 2½ ден.—итого 1 руб. 3½ ден.

Ж. Солевареніе въ Чердынскомъ уѣздѣ въ 162³/₄ г.г.

Покончивъ съ общимъ сельско-хозяйственнымъ описаніемъ Чердынскаго уѣзда, Кайсаровъ перечисляетъ варницы и оброчные съ нихъ сборы. Нельзя сказать, чтобы эта отрасль промышленности въ Чердынскомъ уѣздѣ сдѣлала какіе-либо успѣхи за описываемое время; скорѣе можно замѣтить нѣкоторый упадокъ Чердынскаго солеваренія. Въ этомъ уѣздѣ преимущественно прогрессировала земледѣльческая культура если не качественно, то во всякомъ случаѣ количественно. Тогда какъ при Яхонтовѣ всѣхъ варницъ въ уѣздѣ было 7 (см. выше, литтеру Б), при Кайсаровѣ ихъ стало только 5. При этомъ изъ 7 старыхъ варницъ при Кайсаровѣ дѣйствовала только одна (Ивана Ѳотѣева), прочія были оставлены, вѣроятно, за слабостью разсола; 2 варницы Чердынца Прокопія Вологжанинова, что была Пимена Коробейникова, и Ивана Могильникова съ братьями, что была дѣда ихъ Якова, въ 162³/₄ г.г. были пусты, а отъ прочихъ 4-хъ остались только *мѣста* варничныя. Единственная старая варница Ѳотѣева, какъ видно изъ книги Кайсарова, перешла во владѣніе Чердынца Гуляева (показанъ старый оброкъ). Всѣ старыя варницы стояли вдоль рѣчекъ Толыча и Усолки— „за Вишерою“.

Новыя 4 варницы были устроены на тѣхъ же рѣчкахъ, гдѣ осталась и одна старая Ѳотѣевская варница. При Кайсаровѣ эти 5 варницъ принадлежали слѣдующимъ лицамъ: 1) Чердынцу лучшему человѣку Замятенку Ивану Гуляеву, владѣвшему старою варницею, 2) Лалетину изъ г. Лальска Вологодскаго, Пронкѣ Михайлову Длундинскому, 3 и 4) двѣ варницы *пусты* Московскому жильцу Кондратью Подошевникову и 5) Чердынцамъ Сергушкѣ Алину и Семейкѣ Клементьеву въ сообществѣ съ Московскимъ жильцомъ Борисомъ Ужовкинымъ. Такимъ образомъ дѣйствующихъ варницъ во всемъ уѣздѣ было только 3, хотя съ пустыхъ 2-хъ варницъ

Подошевникова и брался еще оброкъ „по окладной росписи“ 3 руб. и пошлинъ 5 алт. „опричь намѣстничьи соли“. Самая лучшая варница была старая (Гуляева), видимо, стоявшая на богатомъ соляномъ источникѣ; съ нея взималось стараго оброка, положеннаго Яхонтовымъ, 1 рубль, да вновь прибавленнаго Кайсаровымъ 3 рубля и пошлинъ 6 алт. 4 ден.

Со всѣхъ 5 варницъ уѣзда оброку шло 12 рублей и пошлинъ съ оброка 20 алтынъ. „Да съ тѣхъ же варницъ за намѣстничью соль за 100 пудъ пять рублевъ, за пудъ по 10 денегъ“. (Дубров. рукоп. л. 168).

3. Рыболовство и другія оброчныя статьи въ 162³/₄ г.г.

При частномъ сельско-хозяйственномъ описаніи Чердынскаго уѣзда Кайсаровъ вездѣ указалъ въ своемъ мѣстѣ рыбныя ловли и положенный съ нихъ оброкъ. Въ концѣ книги онъ перечисляетъ общія рыбныя ловли Чердынскихъ посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ, состоявшія въ общемъ пользованіи, и нѣкоторыя новыя оброчныя статьи, о коихъ не упоминалось раньше ни у него, ни у Яхонтова. Въ общемъ оброчномъ пользованіи въ 162³/₄ г.г. продолжали существовать тѣ же озера и рѣки, а именно: Чюсовое, Вакиштъ, Кимшеръ и Лиманъ, въ р. Камѣ „отъ верхкамскіе межи отъ рѣчки Порыща внизъ по Камѣ рѣкѣ до межи города Камскаго Усолья, до погоста Мошева“, въ р. Вишерѣ „отъ Камы вверхъ по Вишерѣ до Морчана“ и въ р. Колвѣ „отъ усть Вишеры вверхъ по Колвѣ рѣкѣ до озера Чюсоваго“. (Буквально повторяются слова Яхонтова).

Оброку съ 4 озеръ сверхъ положеннаго Яхонтовымъ (4 р. 16 алт. 6 д. и пошлинъ 7 алт. 4 д.) было надбавлено 2 рубля 8 алт. 2 д. и пошлинъ 3 алт. 4¹/₂ д.—„и всего 6 рублевъ 25 алтынъ, да пошлинъ съ оброку 11 алтынъ 1¹/₂ деньги“. Съ трехъ рѣкъ оброку сверхъ стараго (7 руб. и пошлинъ 11 алт. 4 д.) налагалось 3 руб. 16 алт. 4 ден.

и пошлинъ по 5 алт. по 5 денегъ—всего оброку 10 рублей съ полтиною и пошлинъ 17 алт. 3 д. Со всѣхъ 4 озеръ и 3 рѣкъ стараго и „новоприбылаго“ оброка 17 руб. 18 алт. и пошлинъ 28 алт. 4½ д. (Дубров. рукоп., листъ 169).

Затѣмъ Кайсаровъ перечисляетъ слѣдующія оброчныя статьи:

1) съ рыбныхъ ловель въ рѣчкѣ Чолвѣ у Урольскихъ крестьянъ стараго и новаго оброка 25 алт., пошл. 7½ д.

2) съ таковыхъ же въ р. Камѣ, въ Пянтежской курьѣ, 20 алт., пошлинъ 6 ден.

3) съ рыбныхъ ловель въ рѣкѣ Леманѣ и съ присадныхъ пожень Гаинскихъ крестьянъ—1 рубль 6 алт. 4 ден. и пошлинъ 2 алт.

4) съ рыбныхъ ловель въ Нюхтинскомъ истокѣ Губдорскихъ крестьянъ 25 алт., пошлинъ 7½ д.

5) съ рыбныхъ ловель въ Небрацкомъ (?) истокѣ Гаинскихъ крестьянъ 5 алт., пошлинъ 1½ д.

6) съ р. Камы, съ присадные пожни Лимежскихъ крестьянъ 7 алт. 3 д. и пошлинъ 2½ д.

7) „да по данной писцовъ дьяка Сарыча Шестакова да подъячего Второго Ильина, Чердынск. уѣзда, *вверхъ по рѣкѣ по Колвѣ, что за Чюсовскимъ озеромъ, съ Нѣмского волоку, и съ перевозу, и со вспудовъ, и съ перевѣсей Чердынскаго уѣзда погоста Вильгорта у крестьянина у Ивашка Сидорова сына Бухони* старово оброку рубль, да по новому письму прибыло рубль же—и обоего два рубля, пошлинъ три алтына двѣ деньги“. (Дубровинск. рукоп. листъ 170).

Со всѣхъ семи перечисленныхъ оброчныхъ статей, по окладу Кайсарова, слѣдовало въ казну ежегодно: оброка 5 рубл. 22 алт. 3 ден. и пошлинъ 7 алт. 5 денегъ. Присоединивъ сюда же оброкъ и пошлины съ 4 озеръ и 3-хъ рѣкъ, получимъ общія цифры сборовъ: оброка 23 рубля 7 алт 1 д. и пошлинъ 1 рубль 3 алт. ½ деньги.

Обратимъ вниманіе на оброчные и пошлинные сборы съ *Нѣмскаго волока*, что за Чусовскимъ озеромъ. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что въ началѣ XVII вѣка все еще продолжали пользоваться этимъ древнѣйшимъ путемъ, по которому передвигались торговые люди еще въ доисторическія времена. Онъ шелъ рѣками Камой, Вишерой, Колвой, Вишеркой, Чусовскимъ озеромъ, Березовкой, рѣчкой Вологомъ, Нѣмскимъ волокомъ въ 7 верстъ длины, рѣчкой Нѣмой, Вычегдой и Сѣверной Двиной въ Бѣлое море*). О существованіи его въ XVI в. свидѣтельствуетъ Герберштейнъ въ своихъ „Запискахъ о Московіи" **). Изъ приведенныхъ словъ Кайсарова мы видимъ, что въ его время волокъ, раздѣляющій воды Камскаго и Сѣверо-Двинскаго бассейновъ, именовался *Нѣмскимъ волокомъ* по рѣчкѣ Нѣми, лѣвому притоку Вычегды. Въ наше же время этотъ волокъ слыветъ подъ именемъ *Бухонина*, и теперь намъ понятно происхожденіе этого названія отъ фамиліи Вильгортскаго крестьянина Ивана Сидорова *Бухони*, оброчившаго этотъ волокъ во время переписи Кайсарова***).

И. Общіе экономическіе итоги Кайсарова по Чердынскому уѣзду.

Находившійся въ нашихъ рукахъ драгоцѣнный списокъ писцовыхъ книгъ Кайсарова заканчивается слѣдующимъ важнымъ статистическимъ указаніемъ: „и всего въ Чердынскомъ уѣздѣ пашенныхъ и непашенныхъ крестьянъ двѣ тысячи двѣсти восмьдесятъ шесть дворовъ" (2286). Присоединяя сюда 275 такихъ же дворовъ въ городѣ Чердыни, получимъ 2561 дворъ. Но сюда не вошло еще число бобыльскихъ и церковныхъ дворовъ (около 150), съ которыми все число

*) «Перм. Старина», вып. I, 31.

**) ibidem, вып. II, 11—12.

***) Въ «Пермск. Лѣтописи» Шишонко (II, 251) не напечатано это заключеніе писцовой книги.

жилыхъ дворовъ въ городѣ и уѣздѣ будетъ простираться свыше 2700, а число дворовладѣльцевъ, преимущественно мужскаго пола,—до 3000 челов. Къ сожалѣнію, въ писцовой книгѣ Кайсарова, кромѣ первой изъ указанныхъ цифръ по уѣзду и второй—по городу, нигдѣ нѣтъ никакихъ итоговъ, почему всѣ наши показанія будутъ болѣе или менѣе приблизительно-правильны. *И такъ за 44 года число дворовъ съ 1493 увеличилось до 2700 и число ихъ владѣльцевъ—съ 1700 до 3000 челов.* (см. эту главу подъ лит. Г.).

Всѣ эти дворы и ихъ владѣльцы въ 162³/₄ г.г. составляли: *1 городъ, 19 погостовъ, 170 деревень и 114 починковъ, изъ коихъ за 44 года вновь возникло 180 поселеній* (эти цифры совершенно точны). При Яхонтовѣ погостовъ было 11, деревень 82, починковъ 32. Теперь многія изъ старыхъ деревень и починковъ запустѣли, превратились въ *пустоши;* за то многіе починки обратились въ деревни (обратное явленіе упоминается у Кайсарова рѣдко), а семь деревень превращены были въ погосты, именно: Ныробъ, Цыдва, Лимежъ, Вильва, Коса, Кудымкоръ и Вильгортъ на Косьвѣ. Погостъ Верхній Рождественскій возникъ вновь, а при Яхонтовѣ вовсе не существовалъ.

Количество пашенной середней и худой земли, перелогу, лѣсу около пашенъ и сѣна мы укажемъ только приблизительно правильно, потому что Дубровинскій списокъ Чердынской книги Кайсарова исключаетъ всю церковную землю, а въ изданіи Шишонко она показана не вездѣ, да и полагаться на это изданіе нельзя. Я извлекъ изъ Дубровинск. списка всѣ экономическія данныя по отдѣльнымъ округамъ со всей возможной осторожностью. Путемъ сложенія данныхъ отдѣльно по 304 поселеніямъ Чердынскаго уѣзда, включая городъ, я получилъ слѣдующіе экономическіе итоги (мелкія дробныя величины не включаю): *въ 162³/₄ г.г. во всемъ Чердынскомъ уѣздѣ было пашенной середней и худой земли 10626 четей, перелогу 3628 четей въ полѣ, а въ дву потому же, лѣсу*

пашеннаго 1195½ десятинъ, сѣна 41183 копны. Сравнивая эти цифры съ таковыми же Яхонтова, мы получаемъ слѣдующій результатъ: *пашни середней и худой прибавилось за 44 года 4469 четей, перелогу 748 четей въ полѣ, а въ дву потому же, лѣсу пашеннаго стало меньше на 519½ десятинъ, сѣна прибавилось 12937 копенъ.* Въ этихъ итогахъ любопытно уменьшеніе лѣсной площади на счетъ пашенной земли: чѣмъ болѣе колонизировался край, тѣмъ рѣже становились лѣса и расширялась во всѣ стороны пашня. Мы видѣли это даже на слабо населенной Яйвѣ.

Приведу теперь цифры оброчныхъ и пошлинныхъ сборовъ по Чердынскому уѣзду, также полученныя путемъ сложенія данныхъ по отдѣльнымъ округамъ.

а) съ мельницъ и рыбныхъ ловель по отдѣльнымъ округамъ, погостамъ и имѣніямъ Могильниковыхъ въ годъ . .	81 р. 11 а. — д.
б) съ 5 варницъ на Толычѣ и Усолкѣ	17 „ 20 „ — „
в) съ общихъ рыбныхъ ловель и другихъ оброчныхъ статей	24 „ 10 „ 1½ „
Итого *по уѣзду*	123 р. 7 а. 5½ д.

Отсутствіе общихъ итоговъ въ Дубровинскомъ спискѣ писцовой книги Кайсарова и исключеніе изъ нея церковныхъ земель не даютъ мнѣ возможности точно указать цифру *всего* прямого обложенія Чердынскаго уѣзда въ 162¾ г.г., тѣмъ болѣе, что по уѣзду *не извѣстенъ важнѣйшій подворный сборъ дани.* Относительно же самаго города Чердыни мы указали въ I главѣ эту общую цифру, а именно 165 руб. 13 алт. 4 коп. и 1½ деньги.

Доходъ намѣстничь у Кайсарова тоже не указанъ, но повидимому оставался прежній.

Для наглядности привожу общую статистическую таблицу для всего Чердынскаго уѣзда, опять и потому же оговариваясь, что всѣ данныя въ ней правильны лишь приблизительно. Шесть деревень Іоанно-Богословскаго монастыря здѣсь не считаются.

Названія округовъ въ 162²/₄ г.г.	Число деревень.	Починковъ.	Поселеній волостныхъ послѣ 1579 г.	Сколько чет. пашни середней и худ. земли.	Перелогу въ трехъ же поляхъ.	Сколько десятинъ лѣсу пашеннаго.	Сколько копен. сѣна (10 коп. — десятинѣ).	Оброчные и пошлинные сборы при Кайсаровѣ.
1. Окологородный станъ и *отхожія* владѣнія Чердынцевъ . . .	13	26	24	839	632	82	3604	1 рубль 29 алт. 14½ ден.
2. Покчинскій округъ . . .	6	—	—	780	437	179	4135	7 » 21 » — »
3. Анисимовскій	8	4	6	548	423	106	1650	3 » 25 » 1 »
4. Вильгортскій	5	4	5	971	489	192	3880	7 » 15 » 5½ »
5. Цыдвинскій	—	—	—	208	115	—	575	3 » 1 » 3 »
6. Искоръ	—	—	—	262	45	—	617	2 » 8 » 3 »
7. Ныробъ	—	—	—	37	12	—	120	— » 14 » — »
8. Редикорскій округъ . . .	8	6	11	303	49	8	1875	6 » 23 » 1½ »
9. Лимежскій	18	14	23	645	276	131	3355	4 » 18 » 5½ »
10. Губдорскій	18	14	27	734	172	—	2831	8 » 14 » 3½ »
11. Пентѣжскій	9	6	7	489	117	50	1385	2 » 12 » ½ »
12. Кольчужскій	14	—	—	1164	468	191	2295	8 » 21 » 2 »
13. Енидорскій	1	—	—	275	27	20	858	2 » 5 » 2½ »
14. Вильвенскій	17	11	17	969	108	54	3725	5 » — » 3 »
15. Гаинскій	13	5	9	475	103	60	1860	3 » 13 » 4½ »
16. Косинскій	7	—	5	136	137	22	1320	2 » 8 » 3½ »
— Владѣнія Могильниковыхъ .	1	4	4	299	—	10	1445	3 » 3 » 3 »
17. Ильинскій	10	3	11	374	18	30	2025	2 » 24 » 2 »
18. Верх. Рождественскій . . .	6	4	10	241	—	—	728	— » 14 » — »
19. Кудымкорскій	11	13	20	538	—	14½	1645	2 » 17 » 2 »
20. Косвенскій	—	—	—	125	—	10	375	1 » 14 » — »
21. Булатовскій	3	—	1	114	—	36	880	1 » — » 3½ »
Итого. . . .	170	114	180	10626	3628	1195½	41183	81 рубль 11 алт. — ден.

III.

Городъ Усолье Камское на рубежѣ XVI—XVII в.в. въ историко-экономическомъ отношеніи.

А. Соликамскъ въ 1579 г.

Ближайшій сосѣдъ Чердыни—Соликамскъ въ XVI вѣкѣ носилъ названіе Усолья Камскаго или Соли Камской, что указываетъ на *русское* происхожденіе его основателей, впервые поселившихся здѣсь около 1430 года съ цѣлью эксплоатаціи богатыхъ соляныхъ разсоловъ. Чрезъ полтора столѣтія послѣ основанія, именно въ 1579 году, Яхонтовъ составилъ полное экономическое описаніе этого „пригорода" Чердыни, которое мы имѣемъ теперь въ полномъ видѣ. Заимствуемъ изъ его писцовой книги существенныя данныя по Соликамску.

Дворовъ тяглыхъ пашенныхъ крестьянъ въ городѣ было тогда 55, безпашенныхъ—135, тѣхъ и другихъ 190; людей въ нихъ было 201 человѣкъ мужескаго пола (изъ женщинъ считаются только дворовладѣлицы вдовы). Хозяйство этихъ людей въ 1579 г. было слѣдующее: посадскіе пашенные крестьяне имѣли въ городскихъ поляхъ пашни 445 четей, перелогу 126 четей въ трехъ поляхъ худой земли, пашеннаго лѣсу 20 десятинъ, сѣна на Камѣ, по обѣ стороны Усолки, по рѣкамъ Лысьвѣ и Боровой, по протокамъ Глотихѣ и Прорыву и на Кочеватомъ полѣ 2135 копенъ; кромѣ того непашенные крестьяне имѣли сѣна 950 копенъ. За городомъ посадскіе люди имѣли „животинный выпускъ", т. е. выгонъ, въ двухъ мѣстахъ: по обѣ стороны большой дороги, которая шла на Каму, и возлѣ дороги на рѣчку Черную „подлѣ Васенины пашни Михайлова". Далѣе Усолью Камскому принадлежало 50 десятинъ перелоговъ пустыхъ непашенныхъ; по обѣ стороны рѣчки Черной пашеннаго лѣсу

въ длину на версту, а поперекъ на полверсты; и на устьѣ Усолки, при впаденіи ея въ Каму, на островѣ, 5 десятинъ земли „на судовую пристань посадскимъ людемъ и проѣзжимъ торговымъ". Рыбную ловлю подледную Усольцы имѣли въ Григоровѣ озеркѣ; съ этой ловли они должны были, по уставной грамотѣ, ежегодно давать въ пользу Великопермскаго намѣстника по двѣ бочки мелкой рыбы, или деньгами по 20 алтынъ за бочку, слѣдовательно 1 рубль 2 гривны въ годъ. Посадскій человѣкъ Андрей Клестовъ имѣлъ на рѣчкѣ Черной мукомольную мельницу „нѣмецкое колесо", за которую платилъ въ казну годовой оброкъ по 2 руб. въ годъ и пошлинъ 1 гривну.

Торговыя лавки въ Соли Камской Яхонтовъ на раздѣляетъ по статьямъ, перечисляя подъ рядъ имена и фамиліи 26 содержателей торговыхъ лавокъ, въ числѣ которыхъ упоминаетъ только двухъ „московскихъ *веденцовъ*" Шубина и Григорьева, которые были, вѣроятно, коммиссіонерами Московскихъ купцовъ. Со всѣхъ 26 лавокъ оброку въ казну шло ежегодно 3 руб. 30 алт. (по 5 алтынъ съ лавки) и пошлинъ 6 алт. 3 деньги (съ рубля по 10 денегъ).

Важнѣйшую доходную статью какъ Усольцевъ, такъ и самой казны всегда составляли въ этомъ городѣ соляныя варницы, давшія начало самому поселенію людей на этомъ мѣстѣ. На нихъ Яхонтовъ останавливается, конечно, весьма подробно, раздѣляя ихъ на двѣ статьи—варницы лучшихъ и молодшихъ людей. Первыхъ или „лучшихъ" варницъ было 9, вторыхъ 8, съ первыхъ полагался оброкъ по 2 рубля въ годъ, со вторыхъ—по рублю. Сверхъ того полагалось по уставной грамотѣ, „по старинѣ" давать ежегодно въ пользу Великопермскаго намѣстника по 20 пудовъ соли съ варницы или по рублю деньгами.

Всѣхъ оброчныхъ сборовъ съ Соликамска въ 1579 г. шло 32 руб. 14 алт. 5 ден., да въ пользу намѣстника собиралось 23 руб. 26 алт. 4 ден.

Въ Усольской писцовой книгѣ Яхонтова въ соху положено также по 64 двора. Имѣя въ виду, что въ городѣ было 190 дворовъ, Яхонтовъ совершенно точно показываетъ на посадѣ Соли Камской „сошнаго письма 3 сохи безъ пол-пол-пол-четверти сохи“ (192—2=190 дворовъ). Полагая съ сохи подворныхъ казенныхъ сборовъ или дани около 15 руб., найдемъ, что *Солькамскъ давалъ казнѣ до 45 руб. въ годъ*).*

Населеніе Усолья Камскаго раздѣлялось обычно на служилыхъ и неслужилыхъ или посадскихъ людей, которые, въ свою очередь, подраздѣлялись на лучшихъ и молодшихъ, пашенныхъ и безпашенныхъ людей. Лучшіе были преимущественно торговые и промышленные люди, молодшіе—крестьяне. Впрочемъ, и нѣкоторые лучшіе люди были тоже крестьяне, имѣвшіе свои пашни и сверхъ того какія-либо промышленныя заведенія (варницы, лавки или мельницы). При Яхонтовѣ самыми богатыми людьми въ Соли Камской были: Сергѣй Никитинъ, Михайло Ряха, Андрей Клестовъ и Нечай Шубинъ. Имена первыхъ трехъ показаны первыми въ спискѣ крестьянскихъ тяглыхъ пашенныхъ людей; Шубинъ названъ „московскимъ веденцомъ“, слѣдовательно, считался для города пришлымъ человѣкомъ. Эти-то 4 человѣка и владѣли лучшими варницами; Клестовъ имѣлъ сверхъ того мельницу на р. Черной, а Шубинъ и Ряха—по торговой лавкѣ. Имена и фамиліи молодшихъ пашенныхъ и безпашенныхъ людей перечислены въ писцовой книгѣ, помѣщенной въ полномъ видѣ въ приложеніи къ настоящему выпуску.

Объ Усольскихъ церквахъ и крѣпости, въ то время несомнѣнно существовавшихъ, Яхонтовъ не говоритъ ни слова, какъ поступаетъ и относительно Чердыни. О нихъ приходится судить по нѣкоторымъ другимъ источникамъ, вообще довольно скуднымъ. Такъ, можно съ вѣроятностью сказать,

---

*) Въ Чердыни съ 4½ сохъ шло въ казну въ 1579 г. до 70 рублей (см. главу I и II этого выпуска). Намѣстничъ доходъ подробно указанъ въ писцовой книгѣ (см. приложеніе).

что въ 1579 г. въ Соли Камской уже существовалъ соборъ, такъ какъ въ немъ донынѣ сохраняется икона святителя и чудотворца Николая, по преданію, пожертвованная городу Усолью Камскому царемъ Іоанномъ Грознымъ во время его похода подъ Казань, по случаю частыхъ набѣговъ на Соликамскъ Вогуличей, Остяковъ и Нагайскихъ Татаръ*). А эти набѣги воинственныхъ сосѣдей дѣлаютъ вѣроятнымъ предположеніе о существованіи въ Усольѣ Камскомъ въ XVI вѣкѣ крѣпости. Въ періодѣ времени между 1589—1591 годами въ г. Соликамскѣ возникаетъ Вознесенскій монастырь. (Пермск. Старина II, 114).

Б. Соликамскъ въ 1623—1624 годахъ.

Несравненно подробнѣе описанъ Соликамскъ, какъ и Чердынь, въ писцовыхъ книгахъ Кайсарова. Населеніе Усолья Камскаго онъ раздѣляетъ на тѣ же классы, какъ и въ Чердыни: 1) *лучшихъ* людей, полагая въ соху 40 дворовъ, 2) *середнихъ* людей, полагая въ соху 60 дворовъ, 3) *молодшихъ* людей, считая въ сохѣ 80 дворовъ, и 4) *самыхъ молодшихъ* людей, считая въ сохѣ 120 дворовъ.

Дворовъ *лучшихъ* торговыхъ пашенныхъ людей на посадѣ Усолья Камскаго въ $162^3/_4$ г.г. было 10, да безпашенныхъ 3, а людей во всѣхъ 13 лучшихъ дворахъ было 26 человѣкъ мужскаго пола; сошнаго письма четь и пол-полчети сохи (т. е. $10+2^1/_2$ двора, или $^1/_4+^1/_{16}$ сохи). Вотъ перечень Усольскихъ лучшихъ пашенныхъ торговыхъ людей: Русинъ, Ѳедоръ и Томило, Елисѣева дѣти, Александровы; Иванъ Ивановъ Сергѣевъ; Дмитрій Осиповъ Толстовъ, Маркъ Софроновъ и Моисей Ивановъ; Иванъ Ѳедоровъ Безукладниковъ; Иванъ Онофріевъ и Мина Овдокимовъ; Ѳедоръ

*) Подробности объ иконѣ см. у свящ. *Луканина* въ его «Церковно-историч. описаніи г. Соликамска». Пермь. 1882 г., стр. 71—72.

Васильевъ Онофріевъ, Первой, Третьякъ да Пятокъ, Осипова дѣти, Усачевы; Жданъ Григорьевъ Третьяковъ и сынъ его Иванъ, Анофрій Третьяковъ, Первушка Бѣлозерецъ и Пронька Васильевъ; Иванъ Филипповъ Орѣховъ и Михаилъ Филипповъ. Лучшіе безпашенные люди: Борисъ Родіоновъ Камкинъ; Василій Авдѣевъ Пятибратовъ; Сергѣй Ареѳьевъ Маловъ; Мина и Василій Савельевы *).

Дворовъ посадскихъ *середнихъ* людей на посадѣ Усолья Камскаго было 15, людей въ нихъ 23 человѣка; сошнаго письма считалось четь сохи (соха=60 дворамъ, 1/2 сохи=30, 1/4 сохи=15 дв.). Изъ фамилій этой категоріи слѣдуетъ упомянуть Турунтаевыхъ (существуетъ донынѣ), Ряхиныхъ, потомковъ Михайла Ряхи, современника Яхонтова, и Посельскихъ, часто упоминаемыхъ въ исторіи Соликамска въ XVII вѣкѣ.

Дворовъ посадскихъ *молодшихъ* людей было 40, людей въ нихъ 72 челов, муж. пола, сошнаго письма пол-сохи (соха=80 дворамъ, 1/2 сохи=40). Изъ фамилій назовемъ: Турунтаевыхъ, Брагиныхъ, Верещагиныхъ (существуютъ донынѣ), Якова Тимоѳеева Суровцова, Ивана Семенова Ростовщикова съ дѣтьми Михаиломъ и Іосифомъ (потомки ихъ были весьма извѣстными солепромышленниками въ г. Соликамскѣ).

Дворовъ *самыхъ молодшихъ* людей было 265, людей въ нихъ 399 чел. муж. пола; сошнаго письма 2 сохи съ полутретью и пол-пол-пол-трети сохи (соха=120 дворамъ, 2 сохи=240 двор., 1/3 сохи=40 дв., полтрети=20 дв., пол-пол-трети=10 двор., пол-пол-пол-трети=5 дв.). Упомянемъ нѣсколько фамилій, указывающихъ на занятія предковъ, или самихъ носителей ихъ, и на мѣсто ихъ первоначальнаго жительства: Ивашко *Пеняженинъ* (съ р. Пинѣги), Павликъ

*) См. отдѣльное изданіе Усольской писцовой книги въ редакціи Шишонко Пермь. 1872 г., стр. 21 (оттискъ изъ Пермск. Губернск. Вѣдомостей). Въ Дубровинскомъ спискѣ перечень полнѣе (листъ 172).

и Олешка *Загайновы* (изъ за Чердынскихъ Гайнъ), Ивашко и Минка *Корелы*, Ивашко *Вологженинъ*, Петрушка *Устюжанинъ*, Гришка *Ноугородецъ*, Агаѳонко *Двинянинъ*, Ивашко *Бѣлозерецъ*, Ондрюшка *Костроминъ*, Васька *Москвитинъ* и т. д. Затѣмъ: Васька *Токарь*, Ѳедька *Ватага*, Ивашка *Бочкарь*, Меньшичко *Холшевникъ*, Некраско *Водоливъ*, Лучка *Удникъ*, Михалко *Серебренникъ*, Якушко *Плотникъ* и т. д.

*„И всего у Соли Камскіе на посадѣ..... 333 двора, а людей въ нихъ 520 человѣкъ; сошнаго письма 3 сохи съ полутретью и пол-пол-чети и пол-пол-пол-трети сохи“ *)*. (сумма всѣхъ частныхъ итоговъ, выше указанныхъ). За 14 года, прошедшихъ со времени Яхо́нтова, прибавилось 143 двора и 319 чел. мужеск. пола.

Кромѣ указанныхъ четырехъ категорій дворовъ на посадѣ Соликамска было 24 двора *бобыльскихъ*, обычно платившихъ въ казну оброку по гривнѣ съ двора и пошлинъ съ оброку по деньгѣ съ двора. Да на посадѣ же стояло 9 пустыхъ дворовъ и было 3 мѣста дворовыхъ пустыхъ.

„Пашни паханыя посадскихъ людей въ городскихъ поляхъ 190 четей безъ полуосьмины, да перелогомъ 137 четей съ осьминою; лѣсу пашеннаго 18 десятинъ; сѣна по р. по Камѣ по обѣ стороны, и по рѣчкѣ Лысьвѣ, и по Боровой, и въ Глотихѣ, и въ Прорывѣ, и на Кочеватомъ— 2075 копенъ, да безпашенныхъ крестьянъ сѣна 1020 копенъ“ **).

Но кромѣ подгородныхъ пашенъ и луговъ Усольцы имѣли, подобно Чердынцамъ, *отхожія* пашни и починки при нихъ, которые мы и перечислимъ подробно.

---

*) То же изданіе стран. 33.

**) Дубровинская рукопись, листъ 180. У Шишонко итогъ показанъ и неполно, и невѣрно. (Пермская Лѣтопись II, 152; отдѣльное изданіе, стран. 35).

1) Починокъ *Суровцовъ* на Красномъ, что была при Яхонтовѣ деревня Скрыпинская; принадлежалъ лучшему человѣку Ивану Ив. Сергѣеву, который имѣлъ тутъ дворъ, 15 четей пашни худой земли въ трехъ поляхъ, 17 четей перелогу, 7 десятинъ лѣсу и по Боровой и Глотихѣ 60 копенъ сѣна.

2) Починокъ Лучки и Осипка Андреевыхъ дѣтей *Кондакова,* молодшихъ посадскихъ людей Усолья Камскаго.*

3) Починокъ *Юшковъ* на врагѣ* лучшаго человѣка Ивана Филипова Орѣхова*).

4) Починокъ *Никитинскій* того же Орѣхова.*

5) Починокъ Ивана Тихонова *Быкова* на родникѣ, что была деревня Клочихина (или Клочкина). Быковъ былъ посадскимъ молодшимъ человѣкомъ въ г. Соликамскѣ.

6) Поч. *Логовской* на врагѣ* Шестачки Иванова Ушачихина изъ среднихъ людей г. Усолья Камскаго.

7) Поч. *Логовской* же на родникѣ* Ивана Ѳедорова Безукладникова изъ лучшихъ людей Соликамска.

8) Поч. Степана Кузмина сына *Рѣчкина.**

9) Поч. *Чувашевъ*, что была деревня Пологлазово, лучшаго человѣка Ѳедора Елисѣева Александрова.

10) Починокъ *Заболотье* на ручью, что была деревня Могильникова, лучшихъ людей братьевъ Русина, Ѳедора и Томилы Елисѣевыхъ Александровыхъ.**).

11) Пустошь Семенки Терентьева сына Вачюрина на починкѣ, что была деревня Мальгина.***).

Кромѣ перечисленныхъ 11 починковъ, изъ коихъ 6 возникли послѣ Яхонтова (почему отмѣчены звѣздочками), Усольцы посадскіе люди имѣли еще свои отхожіе дворы въ

---

*) У Шишонко онъ названъ починокъ *Ивановъ* (Пермск. Лѣтоп. II, 153; отдѣльное изданіе стр. 37.

**) У Шишонко названъ починокъ *Заполье* (Пермск. Лѣтоп. II, 154, отдѣльн. изд., стр. 40). Я вездѣ руководствуюсь Дубровинской рукописью (листы 180—183).

***) У Шишонко (ibidem) это мѣсто извращено такъ: «Семенки Терентьева сына Варучи на починкѣ (слово пустошь пропущено), что была деревня Молчина».

деревняхъ: Селищѣ, Чертежѣ, Чащинѣ, Шубинѣ, Верхъ-Логовѣ, Поповой (Ушаковская тоже), Кочергинѣ и Чердынскаго уѣзда въ дер. Сивковѣ и въ погостѣ Городищѣ, что въ 5 верстахъ отъ Соликамска.

„И всего въ *отхожихъ* пашняхъ Усольцовъ посадск хъ людей для пашенъ 10 дворовъ да 17 дворовъ исполовничьихъ, а людей въ нихъ тоже; а оброку имъ съ тѣхъ и съ половничьихъ дворовъ платили со двора по 5 алтынъ, да пошлинъ съ оброку со двора по $1^1/_2$ деньги.—Пашни паханыя худыя земли 289 четей съ осьминою, да перелогомъ 50 четей съ осьминою въ полѣ, а въ дву потому же; лѣсу пашеннаго 7 десятинъ, сѣна 500 копенъ". (Пермск. Лѣтоп. II, 155; въ Дубров. рукоп. этого итога нѣтъ).

Всей пашни какъ въ городскихъ поляхъ, такъ и отхожей Усольцы имѣли 479 четей съ полуосьминою худой земли, перелогу 188 четей въ трехъ поляхъ; лѣсу пашеннаго 25 десятинъ, сѣна 3685 копенъ. (Пермск. Лѣтоп. II, 155). Итогъ копенъ сѣна почему-то показанъ больше, чѣмъ слѣдовало-бы (2075+1020+500=3595).

Кромѣ перечисленныхъ выше отхожихъ пашенъ и починковъ Кайсаровъ указываетъ еще *„починокъ оброчный* Усольца Ѳедора Елисѣева съ братіею *на рѣкѣ на Сылвѣ, противъ Кишерти*, что онъ, Ѳедоръ, купилъ у Сылвенскаго татарина у Турсунбайка Терегулова во 130 (1622) году". Въ починкѣ было 5 исполовничихъ дворовъ и въ нихъ жило 6 человѣкъ, пашни было 13 четей съ пол-осьминою въ трехъ поляхъ*). Кайсаровъ приводитъ и подробныя границы этой Кишертской вотчины Терегулова „чѣмъ дѣдъ и отецъ его и онъ, Турсунбайко, владѣлъ на Сылвѣ рѣкѣ". Такимъ образомъ это была колонія Усольцевъ въ чуждомъ имъ краѣ.

---

*) Въ обоихъ изданіяхъ у Шишонко ошибочно показано 30 четей вмѣсто 13.

Такія же колоніи имѣли тамъ въ XVII в. и монастыри Пысворскій (Рождественскую пустынь) и Соликамскій Вознесенскій (Воздвиженскую пустынь*). Елисѣевы вскорѣ продали свою Кишертскую дачу Строгановымъ**).

— — — —

Городской выгонъ или, по выраженію Кайсарова, „животинной выпускъ" Усольцы имѣли „отъ города по большой дорогѣ, что ѣздятъ на рѣку на Каму, по обѣ стороны дороги; подлѣ Васенины пашни Михайлова, что ѣздятъ на Черную (рѣчку),—перелогомъ пустыхъ непашенныхъ мѣстъ 50 десятинъ" ***).

Кромѣ того Усольцы имѣли „по рѣкѣ по Черной, по обѣ стороны, лѣсу пашеннаго въ длину на 2 версты а поперекъ на версту. Да на рѣкѣ на Камѣ, на усть рѣчки Усолки, острову 5 десятинъ на судовую пристань посадскимъ и пріѣзжимъ людямъ. Да Усольцамъ же посадскимъ людемъ и уѣзднымъ крестьянамъ, по ихъ челобитью, дано для соляного варничнаго промысла вновь черныхъ лѣсовъ, вверхъ по Усолкѣ рѣчкѣ, по обѣ стороны до вершины и въ суземьяхъ до рѣчки Сурмуга и отъ рѣчки Сурмуга до Ику рѣчки, и до Чашкина озера, и до Зырянки, и до рѣчки Боровыя, и по рѣчкѣ Боровой по обѣ стороны, въ угоръ—а тотъ черной лѣсъ посадскимъ людемъ и уѣзднымъ крестьянамъ—лучшимъ и середнимъ, и молодчимъ сѣчь всѣмъ сряду съ одного, а въ захватъ тѣхъ черныхъ лѣсовъ никому не чертити" ****).

Денежныхъ доходовъ казны со всѣхъ посадскихъ и отхожихъ дворовъ разныхъ категорій, составлявшихъ, какъ мы

*) О нихъ подробно говорилось въ моей «Пермск. Старинѣ» II, 104, 119 и др.

**) Объ этой продажѣ см. тамъ же II, 168—169.

***) Дубровинск. рукопись, листы 183—184. У Шишонко это мѣсто извращено (Пермск. Лѣтоп. II, 156, отдѣльн. изданіе, стр. 44).

****) Дубровинск. рукоп., л. 184; у Шишонко есть неточности въ передачѣ текста (Пермск. Лѣт. II, 156, особый оттискъ стр. 44—45).

знаемъ, 3 сохи съ полутретью и пол-пол-чети сохи и пол-пол-пол-трети сохи,—„съ ихъ животовъ, и съ промысловъ, и съ пашенъ *дани* и за ямскія, и примѣтныя деньги, и за городовое, и за засѣчное, и за ямчужное дѣло 139 руб. 3 деньги, съ сохи по 42 рубля 16 алтынъ 4 деньги“ (съ Чердыни этихъ доходовъ шло 127 руб. 16 ал. 4 д.). Казначеевыхъ и дьячьихъ пошлинъ шло 4 руб. 1 алт. 5½ ден. (въ Чердыни 3 р. 24 алт.). За намѣстничъ доходъ 30 руб. 30 алт., съ сохи по 4 рубля (въ Чердыни 12 руб. 23 ал.). Съ 24 дворовъ бобыльскихъ шло оброку 2 руб. 13 ал. 2 д. и пошлинъ съ оброку 4 алт. (въ Чердыни съ 29 дворовъ бобыльск. 2 руб. 30 алт.). Съ 22 дворовъ исполовничьихъ оброку 3 руб. 10 алт. и пошлинъ 5 алт. 3 ден.*). Итакъ *общая сумма сборовъ по указаннымъ статьямъ съ Усолья Камскаго при Кайсаровѣ была 179 руб. 31 алт. 5½ ден.* Съ Чердыни по этимъ же статьямъ шло въ казну 148 руб. 1 алт. 1½ ден.

Кромѣ этихъ, такъ сказать, *подворныхъ* сборовъ казна получала съ Усолья Камскаго хорошіе доходы съ лавокъ, варницъ и другихъ промышленныхъ заведеній, на которыхъ Кайсаровъ и останавливается весьма подробно. Торговыя лавки Соликамска онъ дѣлитъ *на три статьи. Первой статьи было 11 лавокъ*, оброку съ нихъ полагалось 5 руб. 16 алт. 4 д. и пошлинъ съ оброка 9 алт. 1 деньга; *второй статьи было 16 лавокъ*, оброку 6 руб. 13 алт. 2 д. пошлинъ 10 алт. 4 д.; *третьей статьи было 32 лавки*, оброку 10 руб. 20 алт., пошлинъ 31 алт., да съ одного прилавка оброка 3 алт. 2 д., пошлинъ 1 д. Особо указана одна большая лавка съ 4 выходами лучшаго посадскаго человѣка Ивана Анофріева (противъ соборныя церкви Живоначальныя Троицы у большаго новаго ряду), оброку съ нея положено

*) Дубровинск. рукоп., (листъ 184) указанъ только сборъ съ бобыльскихъ и половничьихъ дворовъ. Остальное я указываю по изданіямъ Шишонко (Пермск. Лѣт. II, 156—157 и особое изданіе, стр. 45).

1 руб. 25 алт. 1/2 ден. и пошлинъ 2 алт. 1/2 ден. Лавка третьей статьи Пысворскаго монастыря была освобождена отъ всякихъ сборовъ въ казну, по жалованной грамотѣ Михаила Ѳеодоровича. Ниже лавокъ третьей статьи поставлено 5 полковъ, „а на нихъ торгуютъ хлѣбы и мясомъ и рыбою". Оброку съ нихъ шло 16 алт. 4 ден. и пошлинъ 5 денегъ. Указано еще два хлѣбныхъ амбара: одинъ Ивана и Ѳедора Онофріевыхъ и другой Нижегородца Якима Патокина; оброку съ нихъ 20 алт., пошлинъ 6 ден. Итакъ всѣхъ сборовъ за право торговли шло въ казну съ Соликамска 27 руб. 3 ал. 2 деньги. Съ лавки 1 статьи шло по полтинѣ, 2-ой статьи— по 13 алт. 2 ден., 3-ей статьи—по 10 алтынъ.

Далѣе Кайсаровъ указываетъ въ Соликамскѣ 10 кузницъ первой статьи, оброка съ нихъ 2 р. 16 ал. 4 д. и пошлинъ 4 ал. 1 д. и второй статьи 6 кузницъ, оброку съ нихъ 1 р. 6 алт. 4 ден. и пошлинъ 2 алт. Да на посадѣ же было 2 харчевни и за посадомъ на рч. Усолкѣ противъ города солодовня да овинъ Максимка Александрова, оброка съ нихъ шло 3 рубля и пошлинъ 5 алтынъ.

Всего Кайсаровъ насчитываетъ „съ лавокъ и съ прилавка, и съ полковъ, и съ амбаровъ, и съ кузницъ, и съ харчевенъ, и съ солодовни оброку 31 рубль 11 алт. 4 деньги и пошлинъ съ оброку 1 рубль 18 алт· 5 1/2 ден." *). Съ Чердыни за все это собиралось только 9 руб. 19 алт. 1 1/2 ден.

Важнѣйшую статью казеннаго дохода, послѣ подворнаго сбора, въ Соликамскѣ составляли соляныя варницы, вызвавшія еще въ XV вѣкѣ самое основаніе этого города и существующія въ немъ до нашихъ дней. Подобно другимъ оброчнымъ статьямъ, Кайсаровъ дѣлитъ всѣ вирницы, по степени ихъ продуктивности, *на пять статей.*

Первой статьи было 9 варницъ, оброку съ нихъ 36 р, по 4 рубля съ варницы, и пошлинъ съ оброку 1 р. 26 ал.

---

*) Дубровинск. рукописный сборникъ, листы 184—185; Пермск. Лѣтоп. II, 156—158; отдѣльное изданіе Усольской книги, стр. 45—50.

4 ден. Да съ тѣхъ же варницъ за намѣстничъ доходъ 180 пудъ соли, по 20 пудъ съ варницы, а деньгами за соль 9 рублей, за пудъ по 10 ден., или по рублю съ варницы.

Второй статьи было также 9 варницъ, оброкъ полагался по 3 руб. съ каждой, всего 27 рублей, и пошлинъ съ оброка 1 руб. 11 алт. 4 д. Въ доходъ намѣстника шло также по 20 пудовъ съ варницы, всего 180 пудовъ, а деньгами 9 рублей, если не давали соли.

Третьей статьи было 6 варницъ, оброкъ былъ по 2 р., всего 12 рублей, пошлинъ 18 алт. 2 деньги. Въ доходъ намѣстника за 120 пудовъ соли деньгами приходилось 6 рублей, или по рублю съ варницы.

Четвертой статьи было 8 варницъ, оброкъ полагался по полтора рубля, всего 12 руб., пошлинъ 18 алт. 2 деньги. Намѣстнику 160 пудовъ соли или 8 рублей.

Пятой статьи было только 2 варницы, оброкъ съ варницы по 1 руб. 8 алт. 2 ден.—всего 2 руб. 16 алт. 4 д., пошлинъ 4 алт. 1 деньга. Намѣстнику 40 пудовъ соли или 2 руб. деньгами.

Особо отъ всѣхъ прочихъ показана одна варница Нижегородца Петра Меркурьева обще съ среднимъ посадскимъ человѣкомъ Никитою Ивановымъ Вологжениновымъ, оброку съ нея 1 рубль, пошлинъ 10 денегъ и намѣстнику пудъ соли или рубль денегъ*).

Такимъ образомъ въ самомъ городѣ и его окрестностяхъ Кайсаровъ насчитываетъ 35 варницъ. За одно съ ними онъ указываетъ еще двѣ варницы въ уѣздѣ Усольскомъ, на рѣкѣ Зырянкѣ, московскаго жильца Богдана Иванова Левашова. Оброкъ съ нихъ положенъ былъ по 1 рублю 8 алт. 2 ден. съ каждой—всего 2 руб. 16 алт. 4 ден. и пошлинъ 4 алт. 1 ден. и намѣстнику 40 пудовъ соли или 2 рубля.

---

*) Всѣ финансовыя показанія основаны на Дубровинск. рукописи. Въ обоихъ изданіяхъ Шишонко допущены несообразности, наприм. варницъ 1 и 2 статьи показано по 10, а оброкъ считается только съ 9.

„И всего Соли Камскіе на посадѣ и на рѣчкѣ на Зырянкѣ, заключаетъ Кайсаровъ, *37 варницъ, а оброку съ нихъ 93 рубли, да пошлинъ съ оброку 4 руб. 21 алт 4 д., съ рубля по 10 денегъ; да за намѣстничью соль, за 740 пудъ, 37 рублевъ, по усольской цѣнѣ за пудъ по 10 денегъ“.*

Далѣе писцовая книга подробно указываетъ пожни солепромышленниковъ, посадскихъ людей и Пыскорскаго монастыря около города и по рѣкѣ Зырянкѣ, „а сѣна на тѣхъ покосахъ 670 копенъ“ *). Затѣмъ слѣдуютъ 3 мельницы—одна двоеколесная за посадомъ общая Пыскорскаго монастыря и церкви Николая Чудотворца, другая, выше ея по Усолкѣ,—Семена Харит. Завьялова и на рѣчкѣ Черной—посадскаго человѣка Андрея Клестова. Наконецъ перечисляются разныя прочія оброчныя статьи: рыбныя ловли въ окрестныхъ озерахъ и рѣчкахъ, 2 торговыя бани, производство сусла и квасу, присадная пожня на устьѣ Боровой, „звѣриный кунъ усольца Ѳедьки Выгузова“, дворы и мѣста „для варничнаго промыслу“. *„И всего съ мельницъ, и съ сусла, и съ квасу, и съ бань, и съ рыбныхъ ловель, и съ зерни, и съ оброчныхъ земель и съ поженъ, опричь Пыскорскаю монастыря половины, оброку 47 руб. 26 алт. 4 ден. да пошлинъ съ оброку 2 руб. 13 алт. безъ деньги“ **).*

Всеобщій доходъ казны съ Соли Камской Кайсаровъ опредѣляетъ въ такихъ словахъ: *„И всего у Соли Камскіе съ посаду данныхъ и оброчныхъ денегъ и съ оброковъ пошлинъ триста восемьдесятъ рублевъ двадцать три алтына четыре деньги“ (380 р. 23 а. 4 д.)****). Складывая частные итоги по указаннымъ выше четыремъ главнымъ финансовымъ груп-

---

*) «Пермс. Лѣтоп.» II, 161—162, отдѣльное изданіе стр. 57—59.

**) ibidem, II, 163—164 и 59—64.

***) Отдѣльное изданіе Усольской кн. Кайсарова, стр. 64. Въ «Пермск. Лѣт.» II, 164 въ этомъ мѣстѣ допущена непростительная опечатка: 280 руб. вмѣсто 380. Въ Дубровинской рукописи общій итогъ, къ сожалѣнію, не показанъ.

намъ, мы получаемъ однако другую общую цифру, именно 397 руб. 24 алт. 4 деньги. Изъ общаго итога Кайсаровъ исключилъ, повидимому, всѣ сборы, слѣдовавшіе въ казну *не съ посада,* а съ пригородныхъ оброчныхъ статей.

Общая сумма казенныхъ сборовъ съ Соли Камской при Кайсаровѣ болѣе чѣмъ вдвое превышала сумму таковыхъ сборовъ съ Чердыни, доставлявшей казнѣ только 165 руб. 13 алт. 4 коп. 1½ деньги (см. 1-ю главу). Быстрому экономическому росту Соли Камской на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ способствовали два главныхъ фактора: а) направленіе главнаго пути въ Сибирь чрезъ этотъ городъ съ 1597 года и б) широкое развитіе частнаго солеваренія въ этомъ городѣ. Въ 1613 г. Соликамскъ избранъ былъ мѣстопребываніемъ особыхъ отъ Чердыни воеводъ, и это обстоятельство сразу подняло административное значеніе Соликамска въ ущербъ Чердыни. Во второй половинѣ XVII в. Соликамскъ окончательно затмилъ Чердынь (о чемъ подробно изложено во II выпускѣ „Пермской Старины") и сдѣлался важнѣйшимъ городомъ Великопермской страны. Изъ всѣхъ сѣверо-восточныхъ городовъ Россіи съ нимъ соперничалъ тогда по торговлѣ съ Сибирью другой *поморскій* городъ Устюгъ-Великій, казенные сборы съ котораго въ 1630 г. доходили до 419 руб. 17 алт. 5 ден. (см. 1-ю главу этого выпуска*). Принадлежность Соликамска къ числу „поморскихъ" городовъ, снабжавшихъ тогда хлѣбомъ и другими запасами Сибирь, имѣла для него очень важное экономическое значеніе.

Таможенные и прочіе сборы въ казну вѣдали особые „головы таможенные и цѣловальники". Наряду съ таможенными сборами важную финансовую статью составляли „кабацкіе прибытки" и судебныя пошлины. „Да на посадѣ жъ *изба съѣзжая-судная,* да подъ нею *изба земская,* гдѣ сидятъ

---

*) О *поморскихъ* городахъ см. «Пермск. Старину», I, 176.

старосты и цѣловальники. *Изба таможенная,* да у таможни жъ погребъ винной да кабакъ. А таможенную пошлину и кабацкіе прибытки собираютъ на Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи, по годамъ, головы таможенные и цѣловальники. Да въ кабакѣ же пивоварня, да на рѣкѣ на Усолкѣ, на родникѣ, винокурня посадскихъ земскихъ людей; а съ нея дань и явку въ Государеву казну въ четвертную*) воеводамъ въ съѣзжую избу. На посадѣ жъ дворъ воеводской, да дворы Чердынцевъ на пріѣздъ" **). Какъ велики были доходы таможенные и кабацкіе—Кайсаровъ отдѣльно не показываетъ.

Отдѣльно отъ посада Соли Камской Кайсаровъ показываетъ хозяйство Вознесенскаго монастыря, стоящаго донынѣ возлѣ города на Усолкѣ, съ западной стороны, на возвышенномъ лѣвомъ берегу рѣки. Монастырь составлялъ „строеніе Усольцовъ посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ". Исторія его до XVIII вѣка изложена нами въ главныхъ чертахъ во II выпускѣ этого изданія. Здѣсь остановимъ вниманіе на экономическихъ данныхъ, касающихся монастыря.

Главный монастырскій храмъ былъ „древянъ клѣтцки, верхъ шатромъ", во имя Вознесенія Господня (теплый) съ придѣломъ Благовѣщенія. Кромѣ храмовыхъ иконъ Вознесенія и Благовѣщенія Кайсаровъ указываетъ образа Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, Спаса Вседержителя, Богоявленія, Ѳеодора Стратилата, Изосимы и Савватія Соловецкихъ, Одигитріи и Николая Чудотворца. Храмъ былъ обильно снабженъ книгами, имѣлъ колокольню и на ней 6 колоколовъ, девять (9) братскихъ келій, а въ нихъ 35 старцевъ. Кругомъ монастыря была деревянная ограда, а въ ней „святыя ворота",

---

*) т. е. въ казну Новгородской Четверти или Приказа, въ вѣдѣніи которой состояли Чердынь и Соликамскъ въ финансовомъ отношеніи.

**) Отдѣльное изданіе Усольской писц. книги, стр. 19 и 20; «Пермская Лѣт.» II, 151. Въ Дубровинск. сборникѣ этого мѣста нѣтъ.

на нихъ былъ деисусъ и храмъ во имя Михаила Малеина. За монастыремъ стоялъ дворъ конюшенный, гдѣ жили „монастырскіе служебники". Кромѣ того монастырь имѣлъ на посадѣ 3 пустыхъ двора.

Вознесенскій монастырь въ Усольскомъ уѣздѣ имѣлъ свою вотчину „по вкладнымъ Усольцовъ и по купчимъ". Она была невелика и заключала въ себѣ три починка: починокъ, что была деревня *Брысино* на рѣчкѣ Черной, починокъ *Пѣшковъ** и починокъ, что была деревня *Уткина* (у Яхонтова Утвяно). Кромѣ того монастырь имѣлъ два двора въ деревнѣ Чашкинѣ и тутъ же, на рѣчкѣ, мельницу мутовку и другую такую же мельницу подъ починкомъ Зыряновымъ, „а мелютъ на нихъ про монастырской обиходъ".

Всего въ монастырской вотчинѣ было только 5 дворовъ и въ нихъ 4 человѣка исполовниковъ, пашни худой земли 29 четей съ осьминою, перелогу 30 четей въ трехъ поляхъ, лѣсу 10 десятинъ, сѣна 550 копенъ. „А въ сошное письмо та монастырская пашня не положена потому, что ту пашню пашутъ на монастырь своими людьми дѣтеныши" *).

Кромѣ мужскаго Вознесенскаго монастыря въ Соликамскѣ, какъ и въ Чердыни, во времена Кайсарова существовалъ еще Архангельскій дѣвичь монастырь при церкви Архангела Михаила, что была въ крѣпости. Этотъ монастырь имѣлъ 10 келій, въ коихъ жили „черныя старицы". Своей особой вотчины онъ не имѣлъ. Въ 1629 г. ему была пожалована обще съ мужскимъ монастыремъ мельница на р. Усолкѣ, ниже Городища, по особой грамотѣ царя Михаила

---

*) Отдѣльное изданіе Усольск. книги, стр. 64—68; «Пермск. Лѣтоп.» II, 164—166. Въ послѣднемъ изданіи деревни монастырскія смѣшаны съ деревнями Окологороднаго стана. Путаница произошла отъ пропуска при печатаніи нѣсколькихъ листовъ рукописи, чего издатель, къ удивленію, не замѣтилъ своевременно.

Ѳеодоровича*). Монастырь Архангельскій существовалъ въ Соликамскѣ до пожара 1635 г., а можетъ быть и 1672 г.

Отъ монастырей естественно перейти къ Соликамскимъ храмамъ временъ Кайсарова**). Прежде всѣхъ другихъ онъ описываетъ тотъ самый храмъ Архангела Михаила, при которомъ находился дѣвичь монастырь въ городской крѣпости. Михаило-Архангельская теплая церковь находилась внизу, а надъ нею вверху былъ устроенъ придѣлъ во имя Спаса Нерукотвореннаго, въ 1658 г. обращенный въ отдѣльный храмъ. Храмъ, колокольня и 5 колоколовъ составляли строеніе мірское. Кромѣ 10 келій при церкви „на посадѣ и въ острогѣ" были дворы попа, дьячка и пономаря. Кромѣ мѣстныхъ образовъ, соименныхъ храмамъ, Кайсаровъ подробно описываетъ образа Единороднаго Сына, грознаго воеводы Архангела Михаила, Одигитріи и Воскресенія. Въ 1673 г. обѣ церкви сгорѣли, послѣ чего въ 1689 г. была построена нынѣшняя каменная *Спасская* церковь.

Чрезвычайно подробно описываются затѣмъ соборные храмы—лѣтній Свято-Троицкій и зимній во имя св. Стефана Пермскаго—оба строенья Усольцовъ посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ, оба „древяны клѣтцки". Троицкій лѣтній соборъ имѣлъ въ 162³/₄ г.г. три прѣдѣла: 1) во имя Николая Чудотворца въ томъ же ярусѣ, гдѣ былъ главный престолъ, 2) во имя Іоанна Предтечи вверху и 3) во имя св. мучениковъ Бориса и Глѣба внизу. Теплый храмъ св. Стефана не имѣлъ придѣловъ. Не перечисляю многочисленныхъ иконъ обоихъ храмовъ, полное описаніе которыхъ можно видѣть въ писцовой книгѣ, дважды напечатанной, а истори-

*) Объ Архангельскомъ монастырѣ самыя полныя свѣдѣнія см. въ «Церковно-историческомъ описаніи Соликамска» протоіерея *Луканина* (Пермь. 1882, стр. 13—15). Въ моей «Пермск. Старинѣ» см. I, 90 и II, 64 и 138.

**) Лучшее историческое изслѣдованіе ихъ сдѣлано въ той же книгѣ о. *Луканина*. Съ замѣчательнымъ трудолюбіемъ авторъ прослѣдилъ здѣсь всѣ перемѣны въ самыхъ наименованіяхъ и постройкахъ храмовъ, бывшія послѣдствіями частыхъ пожаровъ.

ческія о нихъ свидѣтельства можно найти въ прекрасной книгѣ протоіерея Луканина. Упомянемъ только о самой замѣчательной по древности иконѣ Николая Чудотворца въ тепломъ соборѣ, по преданію, пожертвованной Соликамску Иваномъ Грознымъ. Троицкій соборъ, съ 1684 года каменный, донынѣ существуетъ подъ тѣмъ же именемъ и имѣетъ придѣлы Николая Чудотворца и Іоанна Предтечи. Теплый соборъ во имя св Стефана Пермскаго существовалъ до 1673 г., когда съ основанія былъ перестроенъ, вслѣдствіе пожара, и переименованъ во Введенскій; подъ этимъ названіемъ онъ существовалъ съ 1673 до 1688 г., когда вторично сгорѣлъ до основанія, послѣ чего чрезъ 10 лѣтъ (1698 г.) было положено основаніе нынѣшнему каменному его зданію со вторичнымъ переименованіемъ собора изъ Введенскаго въ Крестовоздвиженскій. Подъ этимъ послѣднимъ именемъ онъ существуетъ и сейчасъ, имѣя два придѣла: во имя св. Стефана Пермскаго и Знаменія Пресвятыя Богородицы*).

Подобно соборамъ, замѣчательную исторію имѣла нынѣшняя Воскресенская или Рождественская церковь г. Соликамска, стоящая рядомъ съ лѣтнимъ соборомъ. Находясь отъ него всего лишь въ нѣсколькихъ шагахъ, она неизбѣжно раздѣляла съ нимъ всѣ бѣдствія отъ пережитыхъ пожаровъ**). Нынѣ эта церковь носитъ двойное названіе отъ двухъ главныхъ престоловъ—Воскресенія въ лѣтнемъ и Рождества Христова въ зимнемъ храмѣ (оба въ одномъ каменномъ зданіи). При Кайсаровѣ тутъ стояло двѣ деревянныхъ церкви отдѣльно: холодная Успенія Богородицы съ придѣломъ Параскевы Пятницы и теплая Рождества Христова. Въ 1635 г. обѣ эти церкви сгорѣли, послѣ чего до постройки нынѣшняго каменнаго зданія въ 1711 г. онѣ пять разъ были возстановляемы и столько же разъ истребляемы огнемъ. Во время этихъ перестроекъ было измѣнено и наименованіе древней

*) См. въ книгѣ *Луканина* стр. 29—34 и 43—48.

**) Исторія этой церкви превосходно изложена въ той же книгѣ, стр. 48—55.

Успенской церкви въ Воскресенскую; другое же наименованіе удержалось донынѣ.

Нѣсколько восточнѣе соборовъ и Успенской (нынѣ Воскресенской) церкви находился при Кайсаровѣ храмъ во имя Климента папы Римскаго, что нынѣ Богоявленская церковь— „строеніе мірское". Климентовская деревянная церковь съ придѣлами св. великомуч. Георгія и пророка Иліи существовала до пожара 1673 г., послѣ котораго къ 1687 г. было построено каменное зданіе ея съ переименованіемъ церкви въ Богоявленскую. (Луканинъ, стр. 35—38).

Таковы были Соликамскіе храмы при Кайсаровѣ въ числѣ 6, не считая придѣловъ и трехъ храмовъ Вознесенскаго монастыря. Всѣ эти церкви, исключая крѣпостной Михаило-Архангельской, стояли на посадѣ, всѣ были деревянныя, какъ и прочее городское строеніе. Даже крѣпость Соликамска (или собственно „городъ") была тогда деревянная, какъ и въ Чердыни. Писцовая книга Кайсарова даетъ намъ возможность подробно сказать объ устройствѣ и расположенія укрѣпленій Соликамска.

Устройство этихъ укрѣпленій, въ общемъ, было совершенно подобно чердынскимъ. Какъ и въ Чердыни, здѣсь былъ двойной рядъ укрѣпленій: внутренняя крѣпость—собственно *городъ* и наружныя укрѣпленія или *острогъ* кругомъ всего *посада*, прилегавшаго къ *городу*. Внутреннюю крѣпостную стѣну и здѣсь составляли *городни*—двойныя бревенчатыя стѣны, между которыми насыпалась земля. Каждое звѣно составляло особую городню въ три сажени длины. Въ крѣпостной стѣнѣ были четверы ворота: Спасскія, Никольскія, Георгіевскія и Петропавловскія и пять башенъ: Глухая и Нагольныя 1-я, 2-я, 3-я и 4-я. Ворота получали названія отъ иконъ, которыя на нихъ поднимались, а башни—по своему положенію на крѣпостной стѣнѣ. Такъ какъ въ „городѣ" Кайсаровъ указываетъ церковь Михаила Архангела съ при-

цѣломъ Спаса Нерукотвореннаго на верху, а на этомъ мѣстѣ нынѣ находятся, какъ *достовѣрно* извѣстно, двѣ отдѣльныя церкви—Спасская лѣтняя и Архангельская зимняя, то это указаніе даетъ ключь къ вѣрному опредѣленію мѣстоположенія древней Соликамской крѣпости *на горѣ возлѣ Вознесенскаго монастыря, на западной сторонѣ селенія*. Всѣ другія церкви Кайсаровъ показываетъ къ востоку отъ „города" (крѣпости), *на посадѣ*. Кайсаровъ говоритъ, что „городъ Усолья Камскаго—деревянной на рѣчкѣ на Усолкѣ". Дѣйствительно, Усолка изгибомъ приближается къ самому монастырю, возлѣ котораго и стояла крѣпость. Мы затрудняемся только точно опредѣлить, съ которой стороны были Спасскія и другія ворота въ городѣ. У одной изъ Наугольныхъ башенъ былъ устроенъ „тайникъ изъ подъ городовые стѣны къ рѣчкѣ къ Усолкѣ", какъ въ Чердыни—къ Колвѣ. По размѣрамъ Соликамскій городъ былъ больше Чердынскаго, что можно заключить изъ слѣдующихъ словъ: „А всего четверы ворота да пять башенъ, а межъ воротъ и башенъ городовыхъ—стѣнъ восемьдесятъ три (83) городни". Полагая каждую городню въ 3 сажени длины, найдемъ окружность города равною 249 саженямъ. Между тѣмъ Чердынская крѣпость имѣла 62⅓ городни или 187 саженъ. Кругомъ Соликамской крѣпости сдѣланъ былъ ровъ, хотя „съ трехъ сторонъ около города (были) мѣста наводныя", т. е. низкія, полыя.

Кромѣ Михаило-Архангельской церкви и при ней дѣвичья монастыря съ 10 кельями, въ „городѣ" или крѣпости „для осаднаго времени" было 19 амбаровъ*) посадскихъ людей, куда въ случаѣ непріятельскаго нападенія, какихъ было нѣсколько въ XVI вѣкѣ, сносили имущество ихъ владѣльцевъ. Одинъ изъ этихъ амбаровъ—посадскаго человѣка Василія Щепета былъ занятъ оружіемъ, имѣлъ значеніе арсенала,

---

*) а не 12 амбаровъ «для страднаго времени», какъ прочиталъ и напечаталъ г. Шишонко. (См. Пермск. Лѣтоп. II, 146 и особое изданіе, стр. 5 и 8).

другой принадлежалъ Пыскорскому монастырю. „Да въ городѣ жъ погребъ пушечныхъ запасовъ съ выходомъ". „Да на городѣ нарядъ: пищаль мѣдная пол-осмы (7½) пяди попорчена, да пищаль мѣдная жъ шести пядей, а къ нимъ по кружалу 260 ядеръ желѣзныхъ". Да въ амбарѣ Василія Щепета было 20 пищалей затинныхъ, а къ нимъ 3213 ядеръ желѣзныхъ, 36 пищалей ручныхъ, къ нимъ одинъ пудъ свинцовыхъ пуль и 10 мешечковъ кожанныхъ пороховыхъ и 10 кишеній (мѣшковъ) кожаныхъ же. Да въ погребѣ пушечныхъ запасовъ было: 11 пудъ 12 гривенокъ (фунтовъ) зелья (т. е. пороху) пищальнаго, 12 пудъ 28 гривенокъ съ полугривенкою свинцу, 3 пуда 30 гривенокъ селитры и 23 гривенки сѣры*)

Соликамскій кремль просуществовалъ до 1672 года, когда, по свидѣтельству лѣтописи, *„на горѣ старинной рубленый городъ съ башнями и многими другими строеніями сгорѣлъ"***)*. Однако отъ этого пожара донынѣ сохранились въ зимнемъ соборѣ г. Соликамска двѣ иконы—Спаса Нерукотвореннаго и Николая Чудотворца, нѣкогда висѣвшія на Спасскихъ и Никольскихъ воротахъ и доселѣ именуемыя въ народѣ *башенными*. Это—единственные памятники давно исчезнувшей въ огнѣ Соликамской крѣпости. Между тѣмъ Чердынскій кремль существовалъ еще въ половинѣ прошлаго вѣка. Вмѣстѣ съ „городомъ", если еще не ранѣе, исчезъ въ Соликамскѣ и дѣвичій Архангельскій монастырь.

Другой рядъ укрѣпленій составлялъ такъ назыв. *острогъ*. Онъ шелъ кругомъ всего *посада*, составлялъ какъ-бы наружное укрѣпленіе Соликамска. Давно потерявъ значеніе оборонительнаго укрѣпленія, острогъ уже во время Кайсарова представлялъ изъ себя развалины. „Да около посада острогъ,

---

*) Шишонко вездѣ прочиталъ и напечаталъ вмѣсто 11, 12 пудъ—11, 12 пуль. (Пермск. Лѣт. II, 145, отдѣльное изданіе стр. 3). Въ Дубровинск. сборникѣ все описаніе церквей и крѣпостныхъ укрѣпленій отсутствуетъ.

**) *Берхъ:* «Путешествіе въ Чердынь и Соликамскъ». СПБ. 1821 г.; см. лѣтопись подъ 1672 г.

а у острога ворота, и башни, и городни погнили, да городень саженъ съ 30, да башня глухая, а по мѣрѣ по тому острожному мѣсту 860 саженъ; а рву около острогу не было, и дворовъ около острогу близко нѣтъ—мѣста наводныя" *). Мы видѣли (глава I), что въ Чердыни острогъ имѣлъ при Кайсаровѣ 562 сажени протяженія, имѣлъ еще 6 башенъ и 4 бойничныхъ вывода, хотя на 180 саженъ и „вывалился". Въ Соликамскѣ же городни острожныя сохранились только на протяженіи 30 саженъ, и 830 саженъ острогу „вывалилось". Быть можетъ, причиною скораго паденія наружныхъ укрѣпленій Соликамска и было положеніе ихъ на низкомъ мѣстѣ, ежегодно потопляемомъ водами рѣкъ Камы и Усолки. Ремонтировать же эти укрѣпленія послѣ покоренія Сибири не считали нужнымъ. Впрочемъ южная часть города, на лѣвомъ берегу Усолки, расположена на возвышенной мѣстности, гдѣ, кажется, и сохранилась до Кайсарова часть укрѣпленій въ острожной стѣнѣ.

IV.

Экономическое состояніе Усольскаго уѣзда въ концѣ XVI и началѣ XVII в.

Въ своемъ обозрѣніи экономическаго состоянія Усольскаго уѣзда въ 1579 г., при Яхонтовѣ, мы будемъ кратки въ виду того, что его Усольская писцовая книга печатается въ полномъ видѣ въ приложеніи къ настоящему выпуску; состояніе же уѣзда при Кайсаровѣ въ 162$^{3}/_{4}$ г.г. прослѣдимъ со всей желательной подробностью, какъ сдѣлано это по уѣзду Чердынскому.

Границы Усольскаго уѣзда временъ Яхонтова и Кайсарова нами указаны въ I выпускѣ „Пермской Старины" (стр. 91—95), къ которому и отсылаемъ читателя Здѣсь

*) Отдѣльное изданіе книги, стр. 8--9 «Пермск. Лѣтоп.» II, 146.

намъ предстоитъ говорить объ экономическомъ состояніи уѣзда. Считаемъ нужнымъ напомнить только, что границы уѣзда при составленіи обѣихъ писцовыхъ книгъ оставались однѣ и тѣже.

А. Состояніе уѣзда въ 1579 году.

Усольскій уѣздъ въ это время былъ такъ незначителенъ, что въ административномъ отношеніи не раздѣлялся еще на округи, потому что не имѣлъ ниодного погоста. Экономическое описаніе уѣзда Яхонтовъ начинаетъ прямо съ деревень и починковъ, перечисляя ихъ подъ рядъ, указывая при каждомъ селеніи количество пахотной земли, перелогу, сѣнокоса и лѣсу пашеннаго. Мы назовемъ только по именамъ всѣ поселенія, отсылая за подробностями къ подлинному тексту писцовой книги, что въ приложеніи. Въ издаваемой нами по Дубровинскому списку книгѣ перечислены *деревни:* Скрыпинская (гдѣ нынѣ село Красное), Зубковская, Бердникова и Кулаково (изъ коихъ образовалось нынѣшнее село Городище), Остяцкая, Брысина, Черная (всѣ 3 на рѣчкѣ Черной), Тонково, Подойницына, Утвино, Чапкуринская (пустошь), Зырянoво на родникѣ, Пологлазовая, Ямова, Тресеницына, Кочергина, Тонецъ, Клочкина, Могильниково, Селища, Боровая на устьѣ Боровой, Чертежъ, Григорово и другая Зырянка на рѣкѣ того же имени—итого 23 деревни, не считая пустой Чапкуринской; *починки:* Микулинъ на р. Усолкѣ, Усовъ за рѣчкою Черною, Пономарево, Нырсіевскій, Спирино, Воронихино и Тимашевъ на рѣчкѣ Зырянкѣ—итого 7 починковъ; *займище* (т. е. заимка) упомянуто лишь одно—Лопатино. Между тѣмъ въ общемъ итогѣ писцовой книги, приведенномъ послѣ перечня всѣхъ населенныхъ мѣстъ уѣзда, сказано: „И всего въ Усольскомъ уѣздѣ: 23 деревни, да 11 починковъ, да 3 займища“. Почему въ текстѣ Дубровинскаго списка пропущено 4 починка и 2 займища—такой же вопросъ, какъ по Окологородному стану Чердынскаго уѣзда

(см. начало II-ой главы). Здѣсь приходится предполагать именно пропускъ населенныхъ мѣстъ, а не ошибку въ итогѣ. Но былъ-ли этотъ пропускъ погрѣшностью писца, или сдѣланъ съ какимъ-либо намѣреніемъ—сказать не можемъ. Путемъ сравненія Усольской книги Кайсарова съ таковою же Яхонтова мы можемъ, однако, догадываться, какія поселенія пропущены въ этомъ случаѣ. У Кайсарова между прочимъ читаемъ: 1) „Деревня Лысва, *что былъ починокъ Журавлевъ* на р. Лысвѣ“ (въ изданіи Шишонко—Жерадневъ); 2) „Починокъ Тетеринъ на р. Камѣ, *что было займище посадск. человѣка Гришки Иванова*“; 3) „Деревня Леонтьевская Мальгина, *что было займище Кондрашки Леонтьева* на Ориниинѣ селищѣ“; 4) „Починокъ Важгортъ, на рч. Зырянкѣ, *что былъ починокъ же Бурундуковъ*“; 5) Починокъ *Немятовъ*, *Бѣлкинъ тоже*, на р. Камѣ прямо отнесенъ Кайсаровымъ къ старымъ починкамъ, отъ которыхъ онъ отдѣляетъ „прибылые вновь“; 6) Деревню *Шмакову* около Зырянки нужно также считать починкомъ временъ Яхонтова. Такимъ образомъ въ Дубровинскомъ спискѣ Яхонтовской писцовой книги очевидно пропущены были названія четырехъ починковъ и двухъ займищъ, общій же итогъ населенныхъ мѣстъ показанъ вѣрно (23 деревни, 11 починковъ и 3 займища*).

Самыми значительными поселеніями Усольскаго уѣзда въ 1579 г. были деревни: Кулаково на мѣстѣ нынѣшняго села Городища, Боровая на мѣстѣ нынѣшняго села Усть-Боровскаго и Зырянка на рѣкѣ того же имени. О числѣ дворовъ, количествѣ пашни, сѣнокоса и лѣсу не говоримъ, отсылая читателя къ самой писцовой книгѣ. Общіе экономическіе итоги по всему уѣзду приведемъ для сравненія.

---

*) Протоіерей *Луканинъ* въ своемъ описаніи Соликамска такимъ же способомъ опредѣляетъ поселенія Усольскаго уѣзда, современныя Яхонтову (см. стр. 124), но не имѣя въ рукахъ полнаго текста книги 1579 г., онъ приводитъ далеко не полный перечень поселеній Усольскаго уѣзда, именно 29 вмѣсто 37.

Во всѣхъ поселеніяхъ Усольскаго уѣзда Яхонтовъ насчитываетъ пашенныхъ 144 двора, безпашенныхъ 18, всего 162 двора, людей въ нихъ 205 человѣкъ; пашни середней земли 86 четей, худой земли 573 чети—всего 859 четей; перелогу 206 ч. въ трехъ поляхъ; лѣсу 336 десятинъ; сѣна на Камѣ и по Усолкѣ 4095 копенъ. Въ соху Яхонтовъ полагалъ по 64 двора. Слѣдовательно, сошнаго письма въ Усольскомъ уѣздѣ считалось двѣ сохи съ полусохою и пол-пол-пол-чети сохи. ($64 \times 2 = 128 + 32 + {}^1/_{32}$ или $2 = 162$ двора).

Присоединяя затѣмъ къ этимъ итогамъ соотвѣтственные итоги по самому городу Соликамску, Яхонтовъ насчитываетъ всего 5 сохъ съ полусохою ($64 \times 5 + 32 = 352$ двора).

Никакихъ промысловъ въ уѣздѣ Яхонтовъ не показываетъ. Солеварни и рыбныя ловли онъ всѣ относитъ къ городу, гдѣ жили всѣ промышленные и торговые люди.

Если самый городъ Соль Камская давалъ казнѣ подворной дани во времена Яхонтова до 45 рублей съ 3 сохъ, считая около 15 рублей съ каждой сохи, то уѣздъ Усольскій давалъ ея около 37 рублей. Но кромѣ того необходимо взять во вниманіе оброчные платежи съ города и намѣстничъ кормъ. Оброчныхъ платежей съ Соли Камской шло 32 рубля 14 алт. 5 ден., и содержаніе Великопермскому намѣстнику полагалось 23 рубля 26 алт. 4 деньги*). (См. главу III). Слѣдовательно всего собиралось въ казну около 138 рублей съ Усолья Камскаго и его небольшаго уѣзда. Сравнительно съ обширнымъ Чердынскимъ уѣздомъ, въ то же время доставлявшимъ казнѣ всѣхъ сборовъ свыше 360 рублей (см. главу II),—разница получается очень значительная.

---

*) Если сборъ съ 16 варницъ, по 20 пудъ соли съ каждой, перевести на деньги, по рублю съ варницы. Безъ этого намѣстнику деньгами полагалось только 7 рублей 20 алтынъ.

Б. Усольскій уѣздъ при Кайсаровѣ въ 162³/₄ г.г. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи.

Усольскій уѣздъ за 44 года, протекшіе со времени Яхонтова, сдѣлалъ весьма значительный шагъ впередъ въ экономическомъ отношеніи. Вслѣдствіе усилившейся колонизаціи края, въ немъ образовался за это время *Окологородный* станъ, возникли 3 погоста и при нихъ особые три округа—*Городищенскій*, *Рождественскій* и *Зырянскій*; число деревень увеличилось съ 23 до 49, починковъ—съ 11 до 30.

Самымъ важнымъ и населеннымъ былъ Окологородный станъ, самымъ меньшимъ—округъ Зырянскій. Всѣ соляныя варницы, какъ мы видѣли, Кайсаровъ относитъ къ городу, а не къ уѣзду, почему съ ними мы уже покончили. Теперь разсмотримъ всѣ четыре части Усольскаго уѣзда отдѣльно въ томъ же порядкѣ, какъ сдѣлано это нами по уѣзду Чердынскому во II главѣ настоящаго изслѣдованія. Вновь возникшія поселенія опять отмѣчаемъ звѣздочками.

I. Городъ Соль Камская и Окологородный станъ.

Въ экономическомъ описаніи Соли Камской мы уже перечислили 11 *отхожихъ* починковъ Усольцовъ посадскихъ людей и 3 починка Соликамскаго Вознесенскаго монастыря (см. главу III), изъ коихъ 6 отхожихъ и 1 монастырскій возникли вновь послѣ Яхонтова. Теперь мы перечислимъ по Дубровинскому списку всѣ поселенія собственно по Окологородному стану. Кайсаровъ вездѣ самъ отдѣляетъ старыя поселенія отъ „новоприбылыхъ“.

1. Починокъ Неклюдовъ, что была деревня Остятская, на рч. Черной.

У этой деревни—починка стояла мельница—мутовка; оброкъ и пошл. съ нея былъ 5 алт. 1½ д.

Деревня Черная на протокѣ Черномъ.

Дер. на ключѣ, что былъ поч. Усово за рѣчкою Черною.

Дер. Тонково на родникѣ.

Имѣла 8 дворовъ и 15 человѣкъ, 97 четей пашни середней земли, 47 четей перелогу, сѣна за Камою на Долгомъ лугу 30 копенъ.

5. Дер. Подойцына, Пичугино тоже, на врагѣ*).

Дер. Воронихина, что былъ поч. Воронихинъ, на ключѣ.

Дер. Шубина на родникѣ, что былъ починокъ Спиринъ**).

Дер. Тресеницына на родникѣ.

Имѣла 7 дворовъ крестьянъ и 1 безпашенный, въ нихъ 12 челов., пашни худой земли 25 четей, перелогу 23 чети, сѣна на Глотихѣ и Боровой 50 копенъ и 6 четей отхожей пашни въ Косолаповѣ.

Дер. Ямова, что былъ починокъ Нырсѣевской (Нытачевскій, по редакціи Шишонко, отдѣльн. изд. стран. 71).

10. Дер. Кочергино на родникѣ.

Дер. Чащино на родникѣ, что была деревня Тоево.

Дер. Пологлазова (бывшая), а Чувашевъ починокъ тоже.

Поч., что была деревня Зырянова на родникѣ.

Тое жъ деревни Минки Зырянова мельница—мутовка, оброкъ 5 алт., пошлинъ 1½ деньги.

Дер. Лысва, что былъ починокъ Журавлевъ на рч. Лысвѣ (по редакціи Шишонко въ отдѣльн. изд. (стр. 74) Жерадневъ).

15. Поч. Тетеринъ на р. Камѣ, что было займище посадскаго человѣка Гришки Иванова (существуетъ донынѣ).

Поч. Немятого, Бѣлкинъ тоже, на р. Камѣ, вверхъ Лысвенскаго озерка.

---

*) У Шишонко въ отдѣльномъ изданіи (стр. 70) сказано: «на Ничегиномъ на врагѣ». Очевидно, онъ невѣрно прочиталъ слово «Пичугино». Подобныхъ ошибокъ у этого издателя очень много.

**) Въ «Пермск. Лѣтоп.» II, стр. 166, всѣ предъидущія поселенія, по небрежности издателя, пропущены, а слѣдующія—смѣшаны съ монастырскими починками.

Всѣ предъидущія поселенія были старыя, временъ Яхонтова, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ Кайсаровъ отмѣчаетъ: *„Да деревни жъ и починки прибыли вновъ“*, т. е. возникли послѣ Яхонтова—именно:

Поч. Завьяловъ на р. Усолкѣ.*

Поч. Пятибратовъ.*

Поч. Поздіевъ на ключѣ.*

20. Дер. Задатковская, а Пѣнегино тоже, на родникѣ.*

Поч. Стришковъ.*

Дер. Карякина.*

Поч. Кувандино на врагѣ.*

Поч. Хорхоринъ на врагѣ.*

25. Дер. Антипина, на Черномъ ручью.*

Дер. Шубина Дуброва.*

Имѣла 14 дворовъ и 1 пустой, въ нихъ 19 человѣкъ, пашни худой земли 53 чети, перелогу 20 четей, „сѣна по конецъ поль и на новыхъ росчистяхъ“ 328 копенъ и откожей пашни худой земли 5 четей въ трехъ поляхъ.

Дер. Верхъ-Усолки рѣчки.*

Поч. Зачерной на рѣчкѣ Усолкѣ.*

Поч Воробьевъ на родникѣ.*

30. Дер. Селянка на рѣчкѣ Селянкѣ.

Поч. Байдаровъ на родникѣ.*

Поч. Горохово—займище.*

Поч. Лобановъ на рѣчкѣ Селянкѣ.*

Поч. Чечюлинъ на болотѣ.*

35. Поч. Сергіевъ, Дранкинъ тоже, на ручью.*

Поч. Алешково на родникѣ.*

Дер. Басово на родникѣ.*

Поч. Родіоновъ.*

Дер. Пѣшково на врагѣ.*

40. Поч. Овечкинъ на родникѣ.*

Дер. Тучнолобова на родникѣ.*

Дер. Чашникова на болотѣ.*

Поч. Калинкинъ.*

Всѣхъ поселеній въ Окологородномъ станѣ, не считая отхожихъ и монастырскихъ, было 43, изъ нихъ вновь прибыло послѣ Яхонтова въ теченіи 44 лѣтъ 27 поселеній и старыхъ было 16. Во всемъ станѣ было деревень 22 и починковъ 21, что не вполнѣ соотвѣтствуетъ словамъ Кайсарова: „И всего въ Усольскомъ уѣздѣ, въ Окологородномъ стану, 23 деревни да 20 починковъ". Тутъ очевидно неточность въ названіи одной изъ деревень—починкомъ.

Во всѣхъ поименованныхъ 43 поселеніяхъ стана было 112 пашенныхъ дворовъ, да 1 дворъ безпашенный, да 3 двора бобыльскихъ, *людей во всѣхъ дворахъ было 165 человѣкъ* мужскаго пола; да 1 дворъ былъ пустъ. *„Пашни* паханыя и съ отхожими пашнями *середнія земли 125 четей, да худыя земли 450 четей, да пашни жъ перелогомъ 566 четей съ полуосьминою; сѣна 2488 копенъ. Сошнаго письма въ живущемъ пол-сохи"*. Денежныхъ доходовъ „за примѣтныя деньги, и за городовое, и за засѣчное, и за емчужное дѣло 21 рубль 8 алтынъ 2 деньги, да пошлинъ казначеевыхъ и дьячьихъ 20 алт. 4 ден. Да за намѣстничъ доходъ 2 рубля 4 ал. съ деньгою". Сверхъ того слѣдовало оброку: съ 1 двора безпаш. 5 алт. 1½ ден., съ трехъ бобыльскихъ 10 алт. 3 д. и съ двухъ мельницъ 10 алт. 3 д. *„И всего съ Окологороднаго стану всякихъ денежныхъ доходовъ 24 рубля 20 алтынъ 5 денегъ *)*.

Для объясненія выраженія писцовой книги: „сошнаго письма въ живущемъ пол-сохи" слѣдуетъ припомнить, что доброй земли въ соху полагалось 800 четей, середнія 1000 четей и худой 1200 четей. Въ Окологородномъ станѣ земля была преимущественно худая (450 четей и 125 середней), и въ такомъ количествѣ, что, взятая вмѣстѣ съ середней,

---

*) Этотъ итогъ по Окологородному стану сполна приведенъ въ отдѣльн. изданіи книги Шишонко, стр. 82—83 и въ «Периск. Лѣтоп.» II, 170—171. Въ Дубровинской рукописи приведены только оброчные и пошлинные сборы со стана (листъ 200), какъ и по всему Чердынскому и Усольскому уѣздамъ.

она составляла, по приведенному разсчету, пол-сохи (450+125=575 четей вмѣсто 600 четей исключительно худой земли). Слѣдовательно, здѣсь принимается смѣшанная земля, а перелогъ совсѣмъ исключается.

2. Погостъ Городище и его округъ.

„Погостъ Городище на рѣчкѣ на Усолкѣ, что были деревни Бердникова, да Зубковская, да Кулаковская, а въ погостѣ храмъ страстотерпца Христова Георгія древянъ клѣцки“—такъ свидѣтельствуетъ Кайсаровъ о началѣ села, донынѣ существующаго подъ тѣмъ же именемъ въ 5 верстахъ къ востоку отъ Соликамска. По обыкновенію писецъ подробно описываетъ на погостѣ храмъ и его замѣчательныя иконы: мѣстную св. Георгія, св. пророка Иліи, Одигитріи, Николая Чудотворца, Рождества Христова; указываетъ при церкви колокольницу и дворы попа, дьячка, пономаря, просвирницы, и церковную землю 2 чети въ трехъ поляхъ*).

Въ погостѣ Кайсаровъ перечисляетъ поименно: 51 пашенный дворъ, 4 безпашенныхъ, 2 бобыльскихъ, во всѣхъ ихъ 76 человѣкъ мужск. пола, да 3 двора пустыхъ, да мѣсто дворовое. Пашни средней земли у нихъ было 204 чети съ отхожими пашнями, перелогу 100 четей, лѣсу пашеннаго 40 десятинъ, сѣна по Камѣ, Усолкѣ и на Хорюшинѣ селищѣ 595 копенъ. Крестьянинъ Куделинъ имѣлъ на рѣчкѣ Черной мельницу мутовку. „Да городищенскихъ же крестьянъ двѣ мельницы мутовки на рѣчкѣ на Усолкѣ, что были, по приправочнымъ книгамъ (Ивана Яхонтова 1579 г.), деревни Кулаковой крестьянъ“**). Оброкъ съ нихъ былъ обычный—по 5 алтынъ, пошлинъ $1^1/_2$ деньги.

---

*) Особое изданіе книги, стр. 83—84; «Пермск. Лѣтоп.» II, 171. Въ Дубровинскомъ спискѣ это описаніе погоста отсутствуетъ.

**) См. объ этой деревнѣ въ приложеніи. Въ Дубровинскомъ спискѣ о Городищѣ см. листы 201—202.

Во всемъ Городищенскомъ округѣ Кайсаровъ показываетъ только одно старое поселеніе времени Яхонтова—деревню Левонтьевскую или Мальгину, что было займище Кондрашки Левонтьева на Орининѣ селищѣ. Всѣ остальныя поселенія „прибыли вновь“ послѣ Яхонтова, изъ чего видно, какъ быстро шла колонизація края, расположеннаго къ востоку отъ Соликамска. Перечисляю всѣ поселенія округа подъ рядъ.

1. Дер. Левонтьевская—Мальгина, что было займище.
   Имѣла 8 дворовъ и 12 человѣкъ, середней пашни 37 четей съ осьминою, перелогу 25 четей въ трехъ поляхъ, сѣна по Камѣ и Усолкѣ 40 копенъ.
   Дер. Онкушино на родникѣ.*
   Имѣла мельницу—мутовку изъ обычнаго оброка.
   Поч. Онкушинъ на родникѣ.*
   Дер. Другая Онкушина на родникѣ.*
5. Дер. Третья Онкушина на родникѣ.*
   Дер. Мячино, Селище тоже, на родникѣ.*
   При Яхонтовѣ была деревня Селище, но она Кайсаровымъ причислена къ Рождественскому округу. Это была новая.
   Поч. на Высокомъ врагѣ.*
   Поч. Логовской на родникѣ.*
   Дер. Верхъ-Логовъ, Ромодинская тоже, на врагѣ.*
10. Дер. Водопьянова на родникѣ.*
   Поч. Пѣтуховъ на врагѣ.*
   Дер. Кобылкино на Мокромъ врагѣ.*
   Дер. Суханова на родникѣ.*
   Дер. Бердюкинская на родникѣ.*
15. Дер. Губино, Рябосова тоже, на родникѣ.*
   Поч. Корнаевъ.*
   Дер. Другая Губина на врагѣ.*
   Имѣла 9 дворовъ и 15 челов., пашни худой 63 чети, перелогу 38 четей въ трехъ поляхъ, лѣсу 25 десятинъ, сѣна 350 копенъ.

Дер. Мысъ на родникѣ.*

Поч. Ряпосовъ.*

О. Дер. Половодово на Ростовицѣ.*

Нынѣ—село въ 17 верстахъ къ востоку отъ Соликамска, на рѣчкѣ *Неростовицѣ*. При Кайсаровѣ имѣла 6 дворовъ и 8 челов. м. п., пашни худой 60 четей, перелогу 35 четей въ трехъ поляхъ, лѣсу 12 дес., сѣна 255 копенъ.

Дер. Поповская, Ушаковская тоже, на рч. Ростовицѣ.*

Имѣла 6 дв. и 9 чел. изъ фамиліи Булычевыхъ и Толстово. Пашни худой было 38 четей съ осьминою, перелогу 37 чет. съ осм. въ трехъ поляхъ, лѣсу 10 десят., сѣна 305 копенъ.

Дер. Марьина на ручью на Потымѣ.*

Дер. Поповская на родникахъ за рѣчкою Неростовицею—дворы „стоятъ врозни".*

Имѣла 7 дворовъ и въ нихъ 14 чел. м. п. изъ фамилій Сапѣгиныхъ, Ждановыхъ и Зенковыхъ; пашни середней 45 чет. съ полуосминою, перелогу 48 ч. въ трехъ поляхъ, лѣсу 30 дес., сѣна по Ростовицѣ и межъ пашенъ 375 коп. Слѣдоват. рѣка называлась и Ростовицею, и по нынѣшнему—Неростовицею. Да подъ деревнею была мельница мутовка братьевъ Сапѣгиныхъ.

Поч. Селище Воробьевское на рч. Воробьевкѣ.*

Около него была мельница—мутовка пуста.

25. Дер. Корюшкино на рч. Усолкѣ.*

Поч. на Пятышевыхъ мысу, на родникѣ.*

„И всего къ погосту Городищу, заключаетъ Кайсаровъ, 18 деревень да 8 починковъ, а въ погостѣ и деревняхъ и въ починкахъ *135 дворовъ пашен. да 5 безпашен. да 2 бобыльскихъ, а людей въ нихъ 205 челов.;* да 7 дворовъ пустыхъ, да мѣсто дворовое. Пашни паханыя *середнія земли и съ отхожими пашнями 333 чети съ третникомъ, да 500 четей худыя земли,* да перелогомъ 518 четей съ полутретникомъ въ полѣ, а въ дву потому жъ, лѣсу пашен. 191

десятина, сѣна 2872 копны. *Сошнаго письма въ живущемъ соха безъ чети"* *).

Въ общемъ заключеніи писцовой книги по Усольскому уѣзду (отдѣльн. изд., стр. 110) сказано, что въ соху положено середнія земли по 1000 четей, худыя—по 1200, перелогъ при этомъ не считается. Слѣдовательно, *соха безъ чети* (т. е. безъ 1/4 сохи) будетъ равна: середней земли 1000—250 четей=750 ч., худыя земли 1200—300=900 ч. Но въ Городищенскомъ округѣ земля опять была *смѣшанная*: 333 ч. середней и 500 ч. худой, всего 833 чети, которыя и составляли соху безъ чети, равную 900 четей одной худой пашни, или 750 ч. одной середней.

Денежныхъ доходовъ съ округа въ казну шло: *„дани* и за ямскія, и за примѣтныя деньги, и за городовое, и за засѣчное, и за ямчужное дѣло 31 р. 29 алт. съ деньгою". Да за казначеевы и за дьячьи пошлины 31 алтынъ; да за намѣстничъ доходъ 3 р. 6 алт. 1 1/2 ден.; да съ 5 дворовъ безпашен. оброку 25 алт., да пошлинъ 7 1/2 ден., да съ 2 дв. бобыльск. 7 алт. и съ 5 мельницъ мутовочныхъ оброку 25 алт., пошл. 7 1/2 ден. *„И всего съ погоста Городища* съ деревнями и починки всякихъ денежныхъ *доходовъ 37 руб. 15 алт. пол-третьи деньги"*.

3. Погостъ Рождественскій и его округъ.

„Погостъ Рождественской на рѣкѣ на Камѣ и усть рѣчки Боровой, что была деревня Боровая (при Яхонтовѣ); а въ погостѣ храмъ древянъ клѣтцки во имя Рождества Пречистыя Богородицы". Въ немъ были образа: мѣстный Рождества Б—цы, Одигитріи, мученицы Парасковіи и Пречистая запрестольная. При церкви была колокольница съ 4

*) Этотъ итогъ указанъ только въ изданіяхъ Шишонко: отдѣльномъ, стр. 97 и въ «Перм. Лѣтоп.» II, 176. Въ Дубровинск. спискѣ показаны опять только денежные доходы, какъ и по всему Чердынскому и Усольскому уѣздамъ.

кол. и дворы попа, дьячка, пономаря и просвирницы*). Въ погостѣ, что нынѣ село Боровское на томъ же мѣстѣ, въ 10 верстахъ къ С.-З. отъ Соликамска, было 9 пашен. дворовъ, 19 безпашен., 3 бобыльскихъ, людей въ нихъ 38 чел. м. п., да 2 двора пустыхъ. Пашни паханыя худыя земли 28 четей, перелогу 66 ч. съ полуосминою въ трехъ поляхъ, лѣсу „по чертежамъ" 40 десят., сѣна на Камѣ, Боровой, на Возмищевѣ лугу, на Григоровѣ и по р. Вильвѣ 300 копенъ**).

Старыхъ деревень временъ Яхонтова къ погосту принадлежало 3, новыхъ 4—итого 7.

1. Дер. Чертежъ на Боровой.

Имѣла 5 пашен. дворовъ и 1 бобыльскій, людей 8 челов., худой пашни 20 ч., перелогу 56 ч. и двѣ мельницы—посадскаго человѣка Ив. Ив. Сергіева и крестьянина Спиридонова.

Дер. Селище на родникѣ.

Уже при Яхонтовѣ была значительна. Теперь она имѣла 15 дворовъ пашен., 2 бобыльск., людей 27 ч. м. п., пашни худой 48 чет. безъ полуосм., перелогу 85 чет. безъ полуосм. въ 3 поляхъ, лѣсу 30 десят., сѣна по Камѣ, у Подселищнаго озера, противъ Васильева острова и за Боровою 480 копенъ. Кромѣ того деревня имѣла рыбную ловлю въ озерѣ Подселищномъ изъ оброка 25 алт. и пошл. 7½ ден.

Дер. Григорово на Курьѣ.

Дер. Плѣшкова на родникѣ.*

5. Дер. Паранина на родникѣ.*

Дер. Григорово на Камѣ.*

Дер. другая Верхнее Григорово на Камѣ.* (***)

---

*) Отдѣльное изданіе, стр. 98, «Пермск. Лѣт.» II, 176.

**) ibidem, стр. 100 и 177.

***) Дубровинск. списокъ, листы 207—208. Въ изданіяхъ Шишонко нѣкоторыя названія извращены вслѣдствіе неумѣнія его читать старинное письмо.

„И всего къ погосту Рождественскому 7 деревень, а въ погостѣ и въ деревняхъ *41 дворъ пашенныхъ крестьянъ, да 19 дворовъ безпашенныхъ, да 6 дворовъ бобыльскихъ, а людей въ нихъ 90 человѣкъ, да 3 двора пустыхъ; пашни паханыя худыя земли 112 четей съ осьминою*, да пашни въ перелогомъ 250 четей съ осьминою; лѣсу пашеннаго 168 десятинъ, сѣна 1160 копенъ. *Сошнаго письма въ живущемъ пол-пол-чети и пол-пол-пол-чети сохи*“ *).

Въ округѣ Рождественскаго погоста земля была исключительно худая, а не смѣшанная, что даетъ возможность на этотъ разъ точно указать количество сошнаго письма. Полагая въ соху 1200 четей худой земли, мы должны взять отъ этого числа сначала пол-пол-чети, т. е. $^1/_{16}$ часть=75 четямъ, и потомъ еще пол-пол-пол-чети, т. е. $^1/_{32}$ часть сохи=37 четямъ. Сложивъ эти числа, получимъ 112 четей.

Денежныхъ доходовъ съ Рождественскаго округа шло: „дани и за ямчужныя и примѣтныя деньги, и за городовое, и за засѣчное, и за ямчужное дѣло 3 р. 33 алт.“. Затѣмъ казнач. и дьячьихъ пошлинъ 3 алт. 5$^1/_2$ ден., за намѣстничь доходъ 13 алт. 1$^1/_2$ деньги; съ 19 безпашен. дворовъ оброку 2 р. 28 алт. 2 д. и пошлинъ 4 алт. 4$^1/_2$ д.; съ 6 бобыльскихъ дворовъ—20 алт. 6 д., съ двухъ мельницъ 10 алт. 3 д. и съ рыбныя ловли 25 алт. 7$^1/_2$ д. *„И всего всякихъ денежныхъ доходовъ 9 рублей 7 алт. 4 д.“*.

4. Погостъ Зырянка и его округъ.

„Погостъ Зырянка на рѣчкѣ на Зырянкѣ, что была деревня Зырянка да починокъ Тимашевъ (при Яхонтовѣ). И въ погостѣ храмъ древянъ клѣтцки во имя Николы Чудотворца, да въ придѣлѣ—мученицы Христовы Екатерины“. Кромѣ „мѣстныхъ“ образовъ писецъ указываетъ: образъ

*) Отдѣльное изданіе стр. 104, «Пермс. Лѣтоп.» II, 178. Въ Дубровинск. спискѣ итогъ опять не полный.

Воздвиженія, Одигитріи и Рождества Христова. На колокольницѣ было 3 колокола. У церкви были дворы попа, дьячка, пономаря и просвирницы и церковной пашни худыя земли 4 чети въ трехъ поляхъ*).

Въ погостѣ, существующемъ и донынѣ подъ именемъ села Зырянки, было 35 дворовъ пашенныхъ крестьянъ, 3—безпашен. и 5 бобыльск., людей было 55 чел. муж. пола, да 1 дворъ пустой, да мѣсто дворовое. Пашни худой земли погостъ имѣлъ 130 четей съ третникомъ; отхожая пашня оставалась та же, что была при Яхонтовѣ „по приправочнымъ его книгамъ". Перелогу погостъ не имѣлъ. Лѣсу было 23 дес. (?), сѣна 670 копенъ и кромѣ того 60 копенъ бывшаго починка Тимашева. Сверхъ того къ погосту принадлежала рыбная ловля въ рѣкѣ Зырянкѣ, съ которой оброкъ былъ положенъ 10 алт. 5 ден.**).

Округъ Зырянки былъ самый ограниченный. Онъ заключалъ въ себѣ только 3 поселенія и 2 варницы Московскаго жильца Богдана Иванова Левашева, которыя Кайсаровъ по оброчнымъ платежамъ причисляетъ къ городу. Упомянутыя три поселенія были:

Деревня Шмаково на ручью.

Починокъ Абрамовъ на родникѣ.*

Починокъ Важгортъ на р. Зырянкѣ, что былъ починокъ же Бурундуковъ.

Шмаково и Важгортъ были старыя поселенія временъ Яхонтова, поч. Абрамовъ я считаю новымъ поселкомъ. Всего въ погостѣ и въ этихъ трехъ селеніяхъ былъ *41 дворъ пашенныхъ крестьянъ, 3 двора безпашенныхъ, 5 бобыльскихъ, въ нихъ 63 чел.* м. п., 1 дворъ пустой, 1 мѣсто дворовое. „*Пашни паханыя худыя земли 150 четей*, да перелогомъ 12 четей въ полѣ, а въ дву потому же; лѣсу пашеннаго 19

*) Отдѣльное изданіе стран. 105, «Пермск. Лѣтоп.» II, 179.

**) ibidem и Дубровинскій списокъ, листы 210—211.

десятинъ, сѣна 860 копенъ" *). Намъ не извѣстно, почему пашенный лѣсъ погоста Зырянки въ количествѣ 23 десятинъ въ общемъ итогѣ не сочтенъ. Въ Дубровинскомъ спискѣ о немъ вовсе не упомянуто, а у Шишонко о немъ сказано довольно темно: „десятинной лѣсъ 23 чети безъ третника въ полѣ, а въ дву потому жъ" **). Повидимому, здѣсь издатель что-то перепуталъ.

„Сошнаго письма въ живущемъ пол-чети сохи". Пол-чети = 1/8 части сохи, т. е. 1200 четей худой земли, а эта восьмая часть дѣйствительно равна 150 четямъ.

Денежные доходы съ Зырянки были слѣдующіе: „дани, за ямскія и примѣтныя деньги, и за городовое, и за засѣчное, и за ямчужное дѣло 5 рублей 10 алт. 2 1/2 ден.", да пошлинъ 5 алт.; за намѣстничъ доходъ 17 алт. 4 1/2 ден.; оброку съ 3 дворовъ безпашен. 15 алт., пошл. 5 1/2 ден.; съ 5 бобыльскихъ 16 алт. 4 ден. и пошлинъ 5 ден., да съ рыбной ловли 10 алт. 5 ден. *„И всего всякихъ денежныхъ доходовъ и съ пошлинами семь рублевъ 10 алтынъ пол-пяты (4 1/2) деньги"*.

В. Рыболовство и другія оброчныя статьи въ Усольскомъ уѣздѣ въ 162 3/4 г.г.

Покончивъ съ общимъ сельско-хозяйственнымъ описаніемъ Усольскаго уѣзда при Кайсаровѣ, мы должны сказать о нѣкоторыхъ оброчныхъ статьяхъ, общихъ какъ для посадскихъ людей, такъ и для уѣздныхъ крестьянъ. Въ Усольской писцовой книгѣ упоминается только одна общая статья— рыболовство. Общая рыбная ловля была „въ р. Камѣ, отъ Чердынской межи, отъ погоста Мошева, внизъ по Камѣ до усть рѣчки Лысвы; да въ рѣчкѣ въ Лысвѣ отъ устья вверхъ до Лысвенскихъ россохъ; да въ рѣчкѣ въ Боровой отъ устья

*) Отдѣльн. издан. стр. 108, «Пермск. Лѣтоп.» II, 180.
**) Отдѣльн. издан. стр. 107, «Пермск. Лѣт.» II, 179.

и до вершины". Оброкъ съ рыбной ловли Кайсаровъ указываетъ старый 3 руб. 5 алт. и новый 1 р. 16 алт. 4 д. и пошлинъ 2 алт. 3 ден. „И всего—стараго и новоприбылаго оброку платить имъ по 4 рубля по 16 алт. по 4 ден. на годъ, да пошлинъ съ оброку по 7 алт. по 3 деньги" *). Отсюда ясно, что въ полной редакціи Усольской книги 1579 г. были упомянуты эти общія рыбныя ловли Усольцевъ посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ; но въ Дубровинскомъ спискѣ книги мы ихъ не находимъ—доказательство, что этотъ списокъ есть сокращеніе полной редакціи, какъ это мы замѣтили и при перечисленіи поселеній Усольскаго уѣзда, современныхъ Яхонтову. Во всемъ этомъ спискѣ упомянута только подледная рыбная ловля посадскихъ людей въ Григоровѣ озеркѣ, которая повторена затѣмъ и въ Усольской книгѣ 162³/₄ г. г.

Другую несравненно важнѣйшую оброчную статью составляли Усольскія солеварни; но такъ какъ въ отношеніи оброчныхъ платежей всѣ варницы Кайсаровымъ были приписаны къ городу Соликамску, то мы и сказали о нихъ при обозрѣніи самаго города, въ предъидущей главѣ.

Г. Общіе экономическіе итоги Кайсарова по Усольскому уѣзду.

Общіе экономическіе итоги по всему Усольскому уѣзду подробно сведены въ томъ спискѣ книги изъ архива Соликамской городской думы, по которому дважды издалъ этотъ памятникъ Шишонко. На основаніи этихъ печатныхъ изданій мы и представимъ общіе итоги по уѣзду, за полнымъ отсутствіемъ ихъ въ Дубровинскомъ спискѣ**).

*) Это—заключительныя слова Дубровинскаго списка Усольской писцовой книги 162³/₄ г.г., коими онъ и оканчивается.

**) Въ отдѣльн. изданіи книги ихъ см. на стр. 109—118, въ «Пермской Лѣтописи» т. II, стр. 181—184.

Въ 162³/₄ г. г. во всемъ уѣздѣ было 3 погоста, 49 деревень и 30 починковъ; въ нихъ дворовъ: церковныхъ 12, пашенныхъ 329, безпашенныхъ 28, бобыльскихъ 16; людей въ нихъ 523 человѣка мужск. пола; пустыхъ дворовъ было 12, мѣстъ дворовыхъ 3.

Пашни паханой середнія земли было въ уѣздѣ 458 четей съ третникомъ, худой земли—1212 четей съ осьминою, перелогу—1340 четей безъ пол-пол-третника въ трехъ поляхъ, лѣсу пашеннаго 378 десятинъ, сѣна 7380 копенъ.

„*Сошнаго письма въ живущемъ полторы сохи безъ пол-пол-пол-чети сохи;* да впустѣ переложныя земли сошнаго письма соха съ получетью и пять четей съ полуосьминою пашни“.

Денежныхъ доходовъ съ Усольскаго уѣзда шло въ годъ:

1) Дани, за ямскія и примѣтныя деньги, за город., засѣчн. и ямчужн. дѣло	62 р. 14 ал. 1¹/₂ д.
2) Казначеевыхъ и дьячьихъ пошлинъ	1 „ 27 „ 1¹/₂ „
3) За намѣстничъ доходъ . .	6 „ 8 „ ¹/₂ „
4) Оброку съ 28 безпашенныхъ дворовъ	4 „ 6 „ 4 „
и пошлинъ съ оброка	— „ 7 „ 1 „
5) Оброку съ 16 бобыльскихъ дворовъ	1 „ 20 „ 4 „
6) Оброку съ рыбныхъ ловель .	5 „ 28 „ 5¹/₂ „
7) Оброку съ 9 мельницъ мутовочныхъ	1 „ 13 „ 5¹/₂ „
Итого съ Усольскаго уѣзда	83 р. 27 ал. 4¹/₂ д.

При своей ничтожности Усольскій уѣздъ во всѣхъ отношеніяхъ не можетъ быть сравниваемъ съ Чердынскимъ.

Складывая затѣмъ количество сошнаго письма по уѣзду и городу, Кайсаровъ находитъ „сошнаго письма въ живущемъ 5 сохъ безъ трети и пол-пол-пол-трети и пол-пол-пол-чети сохи“; присоединяя затѣмъ къ доходамъ съ уѣзда доходы съ

города Соликамска, онъ получаетъ сумму 464 руб. 7 алт. 4 1/2 д. Послѣдній выводъ намъ кажется не совсѣмъ точенъ на основаніи предъидущихъ данныхъ того же Кайсарова, указанныхъ нами въ предъидущей главѣ (83 р. 27 ал. 4 1/2 ден.+380 р. 23 алт. 4 д.=464 руб. 18 алт. 1/2 д.). Неточность, какъ видимъ, незначительна. „А въ тѣхъ Государевыхъ денежныхъ доходѣхъ и въ Сибирскихъ отпускѣхъ, добавляетъ Кайсаровъ,—Усольцамъ посадскимъ людемъ и уѣзднымъ крестьяномъ *впредь верстати межъ себя самимъ—по своимъ животомъ, и по промысломъ, и по пашнямъ, и по всякимъ угодьямъ и по сошному разводу*".

Сведя всѣ экономическіе итоги по Усольскому уѣзду за 162 3/4 г.г., Кайсаровъ сравниваетъ ихъ съ тѣми, какіе значились въ „приправочныхъ книгахъ" Ивана Яхонтова 1579 года, *дополненныхъ* грамотою царя Михаила 1613 года за приписью дьяка Павла Матюшкина и окладной росписью, „какова взята у Усольскаго воеводы у Василья Сьянова" (былъ воеводою, кажется, дважды). Въ результатѣ этого сравненія Кайсаровъ получилъ слѣдующія данныя:

Съ 1570 до 1624 года въ Усольскомъ уѣздѣ прибыло 3 погоста, 26 деревень, 19 починковъ, въ нихъ 400 дворовъ разныхъ разрядовъ и 637 чел. муж. пола. „Четвертной пашни прибыло и съ посадскою пашнею 846 четей и пол-пол-третника пашни. Сошнаго письма прибыло на посадѣ и въ уѣздѣ, *сверхъ окладныя росписи*, большихъ дву сохъ,—три сохи безъ третника и пол-пол-пол-трети и пол-пол-чети сохи. Денежныхъ всякихъ доходовъ, сверхъ окладной росписи, прибыло 203 рубля 32 алтына 3 1/2 деньги".

Д. Верхъ-Яйвенскій Введенскій монастырь.

Въ III главѣ мы видѣли, что при описаніи города Соликамска Кайсаровъ за одно съ нимъ говоритъ и о находившихся въ городѣ монастыряхъ Вознесенскомъ мужскомъ и

Михаило-Архангельскомъ дѣвичьемъ. Самый знаменитый изъ монастырей Перми Великой—Преображенскій на Пыскорѣ, какъ основанный Строгановыми, Кайсаровъ исключаетъ изъ Усольской писцовой книги и кратко говоритъ о немъ въ своей особой книгѣ по вотчинамъ „именитыхъ людей"; вѣроятно, для этого монастыря онъ составилъ даже отдѣльныя книги, до насъ не дошедшія. Въ заключеніе же своей Усольской писцовой книги Кайсаровъ особнякомъ говоритъ, какъ о совершенно независимой отъ города и уѣзда вотчинѣ, о Верхъ-Яйвенской Введенской „новой пустыни".

Эта далекая пустынь, остаткомъ которой нужно считать нынѣшнее село Верхъ-Яйвенское Соликамскаго уѣзда, находилась на самой восточной окраинѣ Перми Великой, на границѣ съ поселеніями Вогуловъ. Объ основаніи этой пустыни я уже говорилъ во II выпускѣ „Пермской Старины" (стр. 64—66). Здѣсь приведемъ историко-экономическія данныя о ней.

Въ монастырѣ былъ храмъ Введенія, древянъ, верхъ шатромъ—поставленіе бояръ—князя Ивана Борисовича Черкасскаго и Ѳедора Ив. Шереметева, а все внутреннее убранство храма было „строенье" злополучнаго боярина Ивана Никитича Романова, одной изъ жертвъ подозрительности Бориса Годунова. Въ храмѣ Кайсаровъ указываетъ „образъ мѣстной Введеніе Пречистыя Богородицы, да 8 образовъ мѣстныхъ—праздники Владычни на золотѣ, да 40 образовъ меньшихъ пяцницъ на золотѣ жъ и на краскахъ". На колокольницѣ было 3 колокола. Въ монастырѣ противъ храма стояла келья, гдѣ жили старцы въ числѣ 5 человѣкъ: черной священникъ Іосифъ, строитель старецъ Стахій и старцы Трифонъ, Абросимъ и Іаковъ. За монастыремъ же, „на коровьемъ дворѣ", жило 8 человѣкъ монастырскихъ служебниковъ—бѣльцевъ. Да за монастыремъ же были дворы бобыльскіе—„поселились вновь": дворъ Васька Филиповъ, дв. Шестачко Игнатьевъ, дв. Терешка Васильевъ, дв. Офонька Новокрещен-

ной, дв. Ермачко Мининъ, дв. Ѳедька Ивановъ, дв. Михалко Мининъ и дв. Ѳомка Дементьевъ.

И всего было 6 дворовъ бобыльскихъ, въ нихъ 8 чел. м. п. Пашни паханой монастырской средней земли была одна четь въ трехъ поляхъ; сѣна „на новыхъ росчистяхъ, противъ храму, на наволокѣ“ было 200 копенъ, да выше храму, на правомъ наволокѣ, еще 100 копенъ.

Къ той же Введенской пустынѣ принадлежало въ Усольскомъ уѣздѣ, вверхъ рѣчки Усолки, *займище*, гдѣ былъ монастырскій дворъ, обитаемый монастырскими „дѣтенышами“. Тутъ была особая монастырская пашня 4 чети съ осьминою, да сѣна по березовому оврагу было 250 копенъ.

Такимъ образомъ небольшой Введенскій монастырь на Яйвѣ въ то время представлялъ собою вполнѣ самостоятельную вотчину съ своимъ особымъ хозяйствомъ и управленіемъ. Не извѣстно, какъ долго существовалъ этотъ монастырь, отъ котораго теперь не осталось никакихъ слѣдовъ.

А. Дмитріевъ.

ОТДѢЛЪ II.

МАТЕРІАЛЫ.

Въ приложеніи къ 3 выпуску нашего изданія мы имѣемъ счастливую возможность помѣстить всю Усольскую писцовую книгу Ивана Яхонтова 1579 г. по Дубровинскому списку прошлаго вѣка или даже конца XVII вѣка. Хотя подробное экономическое изслѣдованіе Усольскаго уѣзда убѣдило насъ, что этотъ списокъ писцовой книги Яхонтова не отличается всею желательной полнотой, тѣмъ не менѣе и въ этомъ видѣ настоящій драгоцѣнный памятникъ древней дѣловой письменности въ печати появляется *въ первый разъ* и потому составляетъ важное пріобрѣтеніе для мѣстной исторіи Пермскаго края. Доселѣ Усольская писцовая книга 1579 г. въ печати извѣстна была лишь по незначительнымъ излеченіямъ изъ нея, которыя не давали изслѣдователю старины никакой возможности судить объ этомъ важномъ источникѣ въ его цѣломъ. Подробная библіографія Великопермскихъ писцовыхъ книгъ Яхонтова и Кайсарова нами приведена въ I выпускѣ „Пермской Старины“ (стр. 70—73), куда мы и отсылаемъ читателя за полными справками. Въ Москвѣ старинныя ихъ копіи сохранились только въ Румянцевскомъ музеѣ. Во всякомъ случаѣ изданіе Усольской книги Яхонтова 1579 г. давно составляло насущную потребность для всѣхъ изслѣдователей Пермской старины. Съ своей стороны я могу только пожалѣть, что сдѣлалъ это важное открытіе уже послѣ изданія въ свѣтъ первыхъ двухъ выпусковъ моей „Пермской Старины“, хотя не скажу, чтобы и въ настоящее время эта драгоцѣнная находка оказалась слишкомъ запоздалою.

Писцовая книга Яхонтова 1579 года по городу Усолью Камскому и Усольскому уѣзду.

Списокъ списка писцовыхъ книгъ слово въ слово.

Книги сошнаго письма города Камскаго посаду и уѣзду письма и мѣры писца Ивана Игнатьевича Яхонтова да подьячего Третьяка Карпова восемьдесятъ седьмаго году.

„Въ городѣ Камскаго Усолья на посадѣ дворы крестьянскіе тяглые пашенные: дворъ Сергѣй Никитинъ, дворъ Михайло Ряха, дв. Андрюшка Клестовъ, дв. Васюкъ Александровъ, дв. Васюкъ Анѳимовъ, дв. Никитка Аверкіевъ, дв. Сенка Талапмановъ, дв. Іевко Яроѳеевъ, дв. Митя Леонтьевъ, дв. Гриша Ивановъ, дв. Михалко да Харитонко Пушкаревы, дв. Сенка Яковлевъ, дв. Васюкъ Анѳимовъ, дв. Васюкъ Андрѣевъ, дв. Кондакъ Алексѣевъ, дв. Васка Исаковъ, дв. Давыдко Козминъ, дв. Куземка Борисовъ, дв. Данилко Сосновой, дв. Васюкъ Новиковъ, дв. Сенка Сычевъ, дв. Васка да Меншикъ Горяиновы, дв. Бориско Андрѣевъ, дв. Ушачко Колѣнковъ, дв. Костя Даниловъ, дв. Васка Михайловъ, дв. Иванко Савинъ, дв. Никитка Пядышевъ, дв. Логинко Юдинъ да братъ его Ивашко, дв. Иванко Григорьевъ, дв. Митя Михайловъ, дв. Якушъ Якимовъ, дв. Иванко Ѳедоровъ, дв. Илейка Голомойза, дв. Климко Прокопьевъ, дв. Васка Кузнецъ, дв. Оѳросинья Кириловская жена да сынъ ея Якушко, дв. Иванко Володимеровъ, дв. Андрѣйко да Тренка да Ѳедко Ѳомины, дв. вдова Настасьица Ивановская жена Могушева да сынъ ея Тимошка, дв. Савка Бутаковъ, дв. Гришка Юксеновъ, дв. Костя Терентьевъ, дв. Савка Ивановъ, дв. Ивашко Ѳедоровъ, дв. вдова Соѳьица Ивановская жена Патрикѣева да сынъ ея Ѳедко, дв. Тимоха Павловъ, дв. вдова Анисьица Гавриловская жена Щапливцова да сынъ ея Кирилко, дв. Еремка Ѳедоровъ, дв Ивашко Яковлевъ, дв. Иванко Босой, дв. Алешка Чечюлинъ, дв. Кирилко Одинецъ, дв. Степанко Чебинъ, дв. Яковъ Бубѣговъ.

Дворы безпашенные: дв. Устинко Евсѣевъ, дв. Иванко Жигуль, дв. Павликъ Леонтьевъ, дв. Сенка Власовъ, дв. Андрюшка Щепинъ да сынъ его Ѳедко, дв. Панко Онѳерьевъ, дв. Ѳоѳанко Ивановъ, дв. Степанко Кузнецъ, дв. Бориско Вахромѣевъ, дв. Лучка Тимоѳеевъ, дв. Иванко Кожевникъ, дв. Андрюшка Клочихинъ, дв. Аврамко Остаѳьевъ да дѣти его Гришка да Андрюшка, дв. Ѳедко Васильевъ, дв. вдова Меланьица Володимеровская жена Горбунова да сынъ ея Ѳедоско, дв. Савка Малой да сынъ его Петрушка, дв. Ивашко Шевель, дв. Илейка Брязгинъ, дв. Иванко Сусленикъ, дв. Андрюшка Рострига, дв. Тренка да Ондрюша Можеевы, дв. Митроха Клементьевъ, дв. Нечайко Ѳедоровъ, дв. Ивашко Леонтьевъ да Васка Григорьевъ, дв. Гришка Никитинъ, дв. Тимошка Устюжанинъ, дв. Евдокимко Галахтіоновъ, дв. Иванко Степановъ, дв. Гриша Даниловъ да сынъ его Тимошка, дв. Сидорко Степановъ, дв. Ушачко Дмитріевъ, дв. Ѳедка Яковлевъ, дв. Нечайко Петровъ, дв. Гуляйко Ивановъ Рыбникъ, дв. Марьица вдова Васильевская жена Серебряникова да сынъ ея Сенка, дв. Васка Андрѣевъ, дв. Гришка Подобытковъ, дв. Панка Ѳедоровъ, дв. Васка Хвостихинъ, дв. Гришка Дементьевъ, дв. Калинка Самойловъ, дв. Алешка Кузнецъ, дв. Гришка Ивановъ, дв. Артемко Ѳедоровъ да сынъ его Логинко, дв. Андрюшка Григорьевъ, дв. Ѳедко Денисовъ, дв. Ѳедко Наумовъ, дв. Пѣшко Васильевъ да Истомка Сартаковъ, дв. Новичко Домрачѣй, дв. Исакъ Григорьевъ, дв. Тимошка Павловъ, дв. Васка Васильевъ, дв. Вихторко Васильевъ, дв. Митя Онанинъ, дв. Иванко Зубко, дв. Петруша Бобохинъ, дв. Гриша Якимовъ, дв. Иванко Ѳедоровъ, дв. вдова Палашка Степановская жена Торшенина да сынъ ея Игнашка, дв. Овдотьица Ѳедоровская жена Праведникова да сынъ ея Ивашко, дв. Ивашко Бабникъ, дв. Нестерко Семеновъ, дв. Васка Игнатьевъ, дв. Никитка Кожевникъ, дв. Овдѣйко Моисѣевъ, дв. Васка Елтышевъ, дв. Сенка Лучникъ, дв. Проня Михайловъ, дв. Мартышко Гильниковъ, дв. Демка Рыбникъ, дв.

Ортемко Воробьевъ, дв. Ганка Кисель, дв. Сергѣй Косилинъ, дв. Гриша Ивановъ, дв. Суетка Ивановъ, дв. Пашко Леонтьевъ, дв. Шестачко Кузнецъ, дв. Емельянко Кожевниковъ, дв. Ларка Троѳимовъ, дв. Ондрюшка Ѳедоровъ Лодейщикъ, дв. Поспѣлко Ивановъ, дв. Кондрашка Окуловъ, дв. Ѳедоско Семеновъ Рыбникъ, дв. Иванко Костентиновъ, дв. Иванко Хвостихинъ, дв. Сергѣйко Ведерникъ, дв. вдова Капѣлья Гордѣевская жена да сынъ ея Лобанко, дв. Ѳилка Тотмянинъ, дв. Михалко Тимоѳеевъ, дв. Тумашъ Васильевъ, дв. Осюкъ Колтовъ, дв. Троѳимко Степановъ, дв. Оника Леонтьевъ, дв. Миша Окуловъ, дв. Аѳонька Мякота, дв. Иванко Черной, дв. Сенька Шитихинъ, дв. Иванко Захарьинъ, дв вдова Маринка Комарова, дв. Гриша Корпакинъ, дв. Ѳедко Кривоноговъ, дв. Иванко Заецъ, дв. Иванко Ортемовъ, дв. Степанко Васильевъ, дв. Митя Носковъ, дв. Ѳедко Кипреяновъ, дв. Куделя Васильевъ, дв. Ѳомка Ѳедоровъ, дв. Осташко Некрасовъ, дв. Новичко Окуловъ, дв. Иванко Яковлевъ, дв. Савка Васильевъ, дв. Ганка Варламовъ, дв. Павликъ Ѳедоровъ Сапожникъ, дв. Иванко Ромѣй, дв. Васка Никиѳоровъ, дв. Гриша Ивановъ, дв. Васка Васильевъ, дв. Аѳонька Карповъ, дв. Митя Мартемьяновъ, дв. Некраско Семеновъ, дв. Пятко Якимовъ, дв. Андрюша Приходецъ, дв. Маринка вдова да сынъ ея Назарко, дв. Васка Никоновъ, дв. Сергѣйко Игнатьевъ, дв. Ѳомка Безданной, дв. Сергѣй Костыль, дв. Ганка Семеновъ, дв. Пашко Приходецъ, дв. Пятунка Никоновъ, дв. Карпикъ Васильевъ, дв. Гаврилко Приходецъ.

И всего у Соликамскіе на посадѣ пашенныхъ и непашенныхъ сто девяносто дворовъ, а людей въ нихъ двѣсти одинъ человѣкъ.

Пашни посадскихъ пашенныхъ крестьянъ въ городскихъ поляхъ четыреста сорокъ пять четей, да перелогу сто двадцать шесть чети въ полѣ, а въ дву потому же, земля худа, лѣсу пашеннаго двадцать десятинъ, сѣна на рѣкѣ на Камѣ и на рѣчкѣ на Усолкѣ по обѣ стороны, на рѣчкѣ на Лысвѣ,

и на Боровой, и въ Глотихѣ, и въ Прорывѣ, и на Кочеватомъ двѣ тысячи сто тридцать пять копенъ, да непашенныхъ крестьянъ сѣна девятьсотъ пятьдесятъ копенъ.

Сошнаго письма на посадѣ три сохи безъ пол-пол-под-четверти сохи. А въ соху положено по пятидесяти по четыре дворы.

Въ посадѣ же на площади Усольцовъ посадскихъ людей и торговыхъ лавки: лавка Лучки Тимоѳеева, лавка Михалка Тимоѳеева, лавка Устинка Евсевьева, лавка Митки Онаньина, лавка Ѳедки Наумова, лавка Андрюшки Яковлева, лавка Иванка Жигулева, лавка Андрюшки Шипулина, лавка Васки Андрѣева, лавка Пантелѣйка Ѳедорова, лавка Давыдка Козмина, лавка Михалка Ряхи, лавка Сенки Власова, лавка Нечайка Петрова, лавка Московсково веденца Нечайка Шубина, лавка Митроѳанка Мясника, лавка Васки Хвостихина, лавка Гуляйка Иванова, лавка Ѳедоска Горбунова, двѣ лавки Бориска Вахромѣева, лавка Московсково веденца Андрюшки Григорьева, лавка Иванка Частикова, лавка Тумаша Васильева, лавка Максимка Шешукова, лавка Иванка Ероѳиева.

И всего двадцать шесть лавокъ, а оброку имъ съ тѣхъ лавокъ давати три рубли и тридцать алтынъ на годъ, по пяти алтынъ съ лавки, да пошлинъ съ оброку шесть алтынъ три денги, съ рубля по десяти денегъ.

У посаду на рѣчкѣ на Усолкѣ посадскихъ людей соляныя лучшія варницы: Сергія Никитина три варницы, Михайла Ряхи двѣ варницы, Сергія Никитина варница ввобче съ Михайломъ Ряхою, варница Нечая Шубина, двѣ варницы Андрея Клестова.

А оброку имъ съ тѣхъ варницъ давать осмнадцать рублевъ, по два рубля съ варницы на годъ, да пошлинъ казначеевыхъ и дьячьихъ съ оброку тридцать алтынъ, съ рубля по десять денегъ.

Варницы же молотчихъ людей: варница Васюка Александрова, варница Сенки Талашмонова, варница Левы

Андрѣева, варница Никитки Пядыша, варница Мити Рукавишникова, варница Микиты Аверкіева, варница Ѳедки Щелконогова, варница Кондака Алексѣева.

А оброку имъ съ тѣхъ варницъ давати семь рублевъ, по рублю съ варницы на годъ.

И обоего со штинадцати варницъ давати имъ оброку двадцать пять рублевъ, да пошлинъ съ оброку рубль восмь алтынъ двѣ денги, съ рубля по десяти денегъ.

Да съ тѣхъ же варницъ давати имъ Чердынскому намѣстнику по старинѣ по двадцати пудъ соли съ варницы на годъ.

Посадскихъ же крестьянъ рыбная ловля подледная въ Григоровѣ озерки, а съ тое ловли давати имъ Чердынскому намѣстнику по Государевѣ Царевѣ и Великого Князя грамотѣ по двѣ бочки мелкія рыбы на годъ, а за рыбу денгами рубль двѣ гривны, по двадцати алтынъ за бочку.

Посадскаго человѣка Андрея Клестова на рѣчкѣ на Черной мельница нѣмецкое колесо. Оброку ему съ тое мельницы давати по два рубля на годъ, да пошлинъ съ оброку гривна, съ рубля по десяти денегъ.

Посадскихъ же людей животинной выпускъ отъ города по большей дорогѣ, что ѣздятъ на рѣку на Каму, по обѣ стороны дороги, подлѣ Васенины пашни Михайлова, что ѣздятъ на Черную.

Перелоговъ пустыхъ непашенныхъ пятьдесятъ десятинъ.

Да по рѣчкѣ по Черной по обѣ стороны лѣсу пашенного въ длину на версту, а поперекъ на полверсты.

Да на рѣкѣ на Камѣ, на усть рѣчки Усолки, острову пять десятинъ на судовую пристань посадскимъ людемъ и проѣзжимъ торговымъ.

Усольской уѣздъ—деревня *Скрыпинская**) на рѣчкѣ на Усолкѣ: дворъ Иванко Ивановъ, дворъ Карпикъ Вахромѣевъ

---

*) Деревню *Скрыпинскую* предполагаютъ на мѣстѣ нынѣшняго села *Краснаго*

да сынъ его Петрушка, дв. Гаврилко Павловъ, дв. Сенка Ѳедоровъ, дв. Митя Ильинъ да сынъ его Яшко. Дворы безпашенные бобыльскіе: дворъ Иванко Степановъ, дв. Ѳедко Михайловъ, дв. Оника Яковлевъ.—Пашни тридцать двѣ чети въ полѣ, а въ дву потому же, и съ Михайловою съ Ряхиною пашнею; земля середняя; лѣсу пашенного семь десятинъ; сѣна на рѣкѣ на Камѣ да на Боровой и въ Глотихѣ шестьдесятъ копенъ.

Деревня *Зубковская* на рѣчкѣ Усолкѣ: дворъ Макаръ (?) Степановъ, дв. Ѳедко Григорьевъ, дв. Бѣляйко да Давыдко Никитины, дв. Куземка Ивановъ, дв. Давыдко Ивановъ, дв. Сенка Захарьинъ. Дворы безпашенные бобыльскіе: дв. Иванко Дементьевъ, дв. Серьга Ивановъ.—Пашни двадцать девять четвертей, перелогу четыре чети въ полѣ, а въ дву потому же; земля середняя; лѣсу пашеннаго пять десятинъ; сѣна по рѣчкѣ по Усолкѣ, на Харюшинѣ селищѣ и по заполью сто двадцать копенъ.

Деревня *Бердникова* на рѣчкѣ на Усолкѣ противъ Чюдцкого городища: дворъ Иванко Зыковъ, дв. Левка Труѳановъ, дв. Якушъ Ивановъ да сынъ его Мартинко.—Пашни двадцать три чети въ полѣ, а въ дву потому же; земля середняя; лѣсу пашенного пять десятинъ; сѣна по рѣчкѣ по Усолкѣ сорокъ копенъ.

Деревня *Кулаково* на рѣчкѣ Усолкѣ*): дворъ Онисимко Васильевъ, дв. Данилко Онтроповъ, Ѳедко Онтроповъ, дв. Ивашко Родіоновъ, дв. Никитка Устиновъ, дв. Куземка Борисовъ, дв. Ивашко Аѳонасьевъ, дв. Демка Епиѳановъ, дв. Давыдко Быковъ, Ивашко Епиѳановъ, дв. Ивашко Серехинъ, дворъ сынъ его Евдокимко, дв. Лучка да Тихонко Ивановы,

---

*) Деревня Кулаково вмѣстѣ съ Зубковскою и Бердниковою въ 1623 г. составляли уже одинъ погостъ *Городище*, получившій названіе отъ Чудскаго городища, на которомъ стояли деревни. Въ Усольской писцовой книгѣ Кайсарова прямо сказано: *„Погостъ Городище на рѣчкѣ на Усолкѣ, что были деревни Бердниково да Зубковская да Кулаковская“*. Дубровинск. сборникъ, листъ 201.

дв. Левка Дементьевъ, дв. Тренка Ивановъ, дв. Ѳедка Григорьевъ, дв. Артемко Дементьевъ, дв. Куземка Ивановъ, дв. Гришка Борисовъ, дв. Андрюшка Григорьевъ, дв. Ермолка Аѳонасьевъ, дв. Степанко Пантелѣевъ, дв. Ѳедко да Гриша Никитины, дв. Якимко да Павелъ Артемьевы, дв. Ганя Прибытковъ, дв. Герасимко Алексѣевъ, дв. Ширяйко Ивановъ, дв. Поспѣлко Ивановъ, дв. Степанко Прибытковъ да братъ его Родя, дв. Тимоха Прибытковъ, дв. Ѳедко Ивановъ, дв. Васка Алексѣевъ, дв. Матюшка Перѳирьевъ.—Дворы безпашенные бобыльскіе: дв. Мелеха Ѳилипповъ, дв. Пантелѣйко Ѳилипповъ, дв. Ярѳейко Терентьевъ, дв. Исачко Ивановъ, дворъ Васка Никитинъ.—Пашни сто шестьдесятъ четыре чети, перелогу сорокъ четей въ полѣ, а въ дву потому же; земля середняя; лѣсу пашен. тридцать десятинъ; сѣна на рѣкѣ на Камѣ и на рѣчкѣ Усолкѣ пятьсотъ тридцать пять копенъ.—Тое же деревни на рѣчкѣ на Селянкѣ мельница колотовка Степана Прибыткова съ братьею, мельница колотовка же Данилка Онтропова, Ѳомки Бабина. А оброку имъ съ тѣхъ мельницъ давати двѣ гривны, да пошлинъ казначеевыхъ и дьячьихъ двѣ денги.

Починокъ *Микулинъ* на рѣчкѣ на Усолкѣ: дворъ Куземка Кириловъ. Пашни двѣ чети въ полѣ, а въ дву потому же; земля худа; лѣсу пашенного вверхъ по рѣчкѣ по Усолкѣ пять десятинъ; сѣна Подселищного озера десять копенъ.

Деревня *Остятцкая**) на рѣчкѣ на Черной: дворъ Неклюдко Ивановъ Кузнецъ да сынъ его Володя. Пашни двадцать девять четей, перелогу двѣнадцать четей въ полѣ, а въ дву потому же; земля худа; лѣсу пашенного три десятины; сѣна по рѣчкѣ по Черной да въ Глотихѣ да на Долгомъ лугу и въ Прорывѣ сто двадцать копенъ. Да у него же мельница колотовка на рѣчкѣ на Черной, а оброку ему съ тое мельницы давати по гривнѣ на годъ, да пошлинъ денга.

*) Предполагается на мѣстѣ нынѣшней деревни *Володиной*.

Деревня *Брысино* на рѣчкѣ на Черной: дворъ Левка Ондрѣевъ. Пашни двѣнадцать четей, перелогу десять четей въ полѣ, а въ дву потому же и съ отхожею съ Тоновскою пашнею; земля худа; лѣсу пашенного семь десятинъ; сѣна на рѣкѣ на Камѣ и на усть Лысвы и Усолки сто копенъ.

Деревня *Черная*: дворъ Демка Григорьевъ да сынъ его Давыдко, дв. Онтипа да Кононко Михайловы, дв. Ѳоня Дмитріевъ да Тимоха Ивановъ. Пашни двадцать четей въ полѣ, а въ дву потому же; земля худа; лѣсу пашенного около поль десять десятинъ; сѣна на рѣкѣ на Камѣ и Боровой и на рѣчкѣ на Глотихѣ да на рѣчкѣ на Усолкѣ и на Кривомъ острову сто семьдесятъ копенъ.

Починокъ *Усовъ* за рѣчкою за Черною: дв. Ивашко Триѳановъ да сынъ его Завороха. Пашни двѣнадцать четей въ полѣ, а въ дву потому же, лѣсу пашен. шесть десятинъ, сѣна на рѣчкѣ на Глотихѣ сорокъ копенъ.

Деревня *Тонково:* дворъ Оверя Евсѣевъ да Куземка Онтропьевъ да Митя Волынцовъ. Пашни двѣ чети въ полѣ, а въ дву потому же; земля середняя; лѣсу пашен. около поль пятнадцать десятинъ; сѣна за рѣкою за Камою на Долгомъ лугу тридцать копенъ.

Деревня *Подойницина:* дв. Ѳедко Тимоѳеевъ да Васка Пичега, дв. Троѳимко Тарасовъ, дв. Бориско Онцыферовъ. Пашни семнадцать четей съ осминою въ полѣ, а въ дву потому же; земля середняя; лѣсу пашен. десять десятинъ; сѣна на рѣкѣ на Камѣ, въ Кобыльѣ, на усть рѣчки Черныя шестьдесятъ копенъ.

Деревня *Утвино* на родникѣ: дв. Иванко Панкратовъ да сынъ его Сергѣйко. Пашни двѣнадцать чети въ полѣ, а въ дву потому же, и съ отхожею пашнею, что у Спирина селища; земля худа; лѣсу пашен. три десятины; сѣна на рѣкѣ на Камѣ подъ Березовымъ островомъ шестьдесятъ копенъ. Да у нихъ же мельница колотовка на родникѣ, а

оброку имъ съ тое мельницы давати по гривнѣ на годъ, да пошлинъ денга.

Починокъ *Пономарево:* дв. Васка да Тимоха Павловы. Пашни пять чети въ полѣ, въ дву потому же, земля худа; лѣсу пашенного пять десятинъ; сѣна на рѣкѣ на Камѣ усть Вилвы тридцать копенъ.

Деревня *Чапкуринская* пуста Усольца посадского человѣка Тумаша Чюлпанова. Пашни переложные земли восмь чети въ полѣ, а въ дву потому же; земля худа; лѣсу пашенного десять десятинъ; сѣна на рѣкѣ на Камѣ въ Прорывѣ тридцать копенъ.

Деревня *Зыряново* на родникѣ: дв. Ѳилька Леонтьевъ да племянникъ его Тимошка Семеновъ да Андрюшка Іевлевъ, дворъ Симко Савельевъ. Пашни двадцать чети въ полѣ, а въ дву потому же, и съ отхожею пашнею, что у Тресеницыны; земля худа; лѣсу пашенного пять десятинъ; сѣна на рѣкѣ на Камѣ въ Прорывѣ да на Кобыльѣ острову семьдесятъ копенъ. Да у нихъ же мельница колотовка на родникѣ, оброку имъ съ тое мельницы давати по гривнѣ на годъ, да пошлинъ денга.

Деревня *Пологлазовая:* дворъ Конша Михайловъ, дв. Тимоша Мартемьяновъ, дворъ пустъ Якуша Данилова. Пашни тридцать чети, перелогу четырнадцать чети съ осминою; лѣсу пашенного шесть десятинъ; сѣна на рѣкѣ на Камѣ и въ Глотихѣ и въ Прорывѣ шестьдесятъ копенъ.

Деревня *Ямова:* во дворѣ Микитка Терентьевъ да сынъ его Порошка, дворъ Суворко Никитинъ. Пашни двѣнадцать чети въ полѣ, а въ дву потому же, и съ отхожею пашнею; земля худа; лѣсу пашенного пять десятинъ; сѣна на рѣкѣ на Камѣ, на Боровой да въ Глотихѣ тридцать семь копенъ.

Деревня *Тресеницына*: дв. Кирилко да Давыдко Васильевы, дв. Васка Яковлевъ, дв. Михалко Тресеницынъ, Иванко, Микулка, дв. Якушъ Ѳедоровъ, дв. Васка Кичемъ. Пашни двадцать двѣ чети въ полѣ, а въ дву потому же, и съ от-

хожею пашнею, что на Колавѣ да въ Огарковѣ; земля худа, лѣсу пашенного десять десятинъ; сѣна на рѣчкѣ на Глотихѣ да на Боровой пятьдесятъ копенъ.—Да въ той же деревнѣ посадскихъ людей Павлика да Никиѳерка Пушкаревыхъ пашни четъ въ полѣ, а въ дву потому же.

Починокъ *Нырсіевской:* дв. Левка Аверкіевъ. Пашни три чети въ полѣ, а въ дву потому же; земля худа; лѣсу пашенного десять десятинъ; сѣна на Кобыльѣ озеркѣ тридцать копенъ.

Починокъ *Спирино:* дв. Никитка Ивановъ. Пашни три чети въ полѣ, а въ дву потому же; земля худа; лѣсу пашенного десять десятинъ; сѣна около поль десять копенъ.—Да въ томъ же починкѣ посадскихъ людей Нечая Шубина да Андрюши Самарина пашни шесть чети въ полѣ, а въ дву потому же; сѣна на рѣчкѣ на Глотихѣ сорокъ копенъ.

Деревня *Кочергина:* дв Гриша Ѳоминъ, дв. Парша Семеновъ, дв. Иванко Воронихинъ. Пашни двадцать пять чети въ полѣ, а въ дву потому же; земля худа; сѣна на рѣкѣ на Камѣ, на усть Боровые и въ Кобыльѣ озеркѣ съ верхнего конца сто двадцать копенъ.—Да въ той же деревнѣ посадского человѣка Василья Александрова дворъ, а въ немъ живетъ сынъ его. Пашни перелогомъ пятнадцать четь въ полѣ, а въ дву потому же; земля худа; да сѣна на рѣкѣ на Камѣ, ниже Боровые, на Сабуровыхъ на дву островахъ триста копенъ.

Деревня *Тонецъ:* дв. Гриша Чащинъ, дв. Иванко Мокѣевъ, дв. вдова Ѳедосьица Черемиска да сынъ ея Омельянко. Пашни двадцать чети, перелогу десять четь въ полѣ, а въ дву потому же; земля худа; лѣсу пашен. семь десятинъ; сѣна на рѣкѣ на Камѣ, въ Глотихѣ и въ Кобыльѣ восмьдесятъ копенъ.—Да въ той же деревнѣ посадского человѣка Сергія Никитина дворъ, а въ немъ живетъ человѣкъ его. Пашни десять чети, перелогу семь чети съ осминою въ полѣ

а въ дву потому же; земля худа; сѣна на рѣкѣ на Камѣ въ Кокелѣ (?) тридцать копенъ.

Деревня *Клочкина:* дв. Клочха Наумовъ да дѣти его Протаско да Савка. Пашни двадцать чети въ полѣ, а въ дву потому же; земля худа; лѣсу пашенного восмь десятинъ; сѣна на рѣкѣ на Камѣ пятьдесятъ копенъ.

Посадского человѣка Сергія Никитина*) деревня *Могильниково:* дворъ Петрушка Юрьевъ, дв. Троѳимко да Петрушка Ѳилиповы. Пашни пятнадцать чети въ полѣ, а въ дву потому же; земля худа; сѣна на рѣкѣ на Камѣ, въ Глотихѣ пятьдесятъ копенъ.

Починокъ *Воронихино:* дворъ Яшко Григорьевъ, да сынъ его Терешко. Пашни десять четь въ полѣ, а въ дву потому же; земля худа; сѣна на рѣкѣ на Камѣ у Кобылья озерка, отъ Борисовы пожни Солодовникова сорокъ копенъ.

Деревня *Селища:* дв. Андрюшка Никиѳоровъ да сынъ его Аѳонка, дв. Проня Сартаковъ да сынъ его Максимко, дв. Кипріянко Семеновъ, дв. Пронка Ивановъ, дв. Истомка Павловъ, дв. Васка Ивановъ, дв. Ивашко Новоселовъ, дв. Ѳедко Прокопьевъ, дв. Матюшка Васильевъ, дв. Васка Сутыря, дв. Куземка Онтипинъ, дв. Васка Житкой, дв. Васка Малаховъ, дв. Ромашко Яковлевъ, дв. Тихонко Семеновъ, дв. Левка Дементьевъ, дв. Митка да Нестерко Володины, дв. Иванко Игнатьевъ, дв. Микитка Ларіоновъ, дв. Никитка Виляженинъ, дв. Иванко Плотникъ, дв. Чудинко Ѳроловъ.— Пашни сто тридцать пять чети, да перелогу сорокъ двѣ чети съ осминою въ полѣ, а въ дву потому же; земля худа; лѣсу пашеннаго тридцать десятинъ; сѣна на рѣкѣ на Камѣ, у Подселищного озера, противъ Васильева острова, и за Боровою четыреста весмьдесятъ копенъ.—Да у нихъ же рыбная ловля въ озерѣ Подселищномъ, а оброку имъ съ того озера давати полтина на годъ, да пошлинъ съ оброку пять денегъ.

---

*) Этотъ Сергій Никитинъ и упомянутъ *первымъ* въ писцовой книгѣ по Усолью.

Деревня *Боровая* на рѣкѣ на Камѣ, на усть рѣки Боровыя: дв. Андрюшка Ларіоновъ, дв. Ларка Дмитріевъ, дв. Онѳимко Ивановъ, дв. Тимошка Васильевъ, дв. Омельянко Дмитріевъ, дв. Ивашко Никифоровъ, дв. Якимко Никиѳоровъ, дв. Ивашко Григорьевъ, дв. Михалко Никинъ, дв. Гриша Меркурьевъ да братъ его Ѳролко, дв. Демка Ивановъ, дв. Гриша Ивановъ, дв. Павликъ Ивановъ.—Дворы безпашенные: дв. Карпикъ Васильевъ, дв. Кондрашка Ивановъ, дв. Степанко Ивановъ, дв. Володка Еремѣевъ, дв. Осипко Сисоевъ, дв. Ѳедко Родіоновъ, дв. Ѳедко Григорьевъ. дв. Анѳимко Сидоровъ, дв. Ѳедко Ивановъ.—Пашни тридцать четь въ полѣ, а въ дву потому же; земля худа; лѣсу пашенного по чертежомъ сорокъ десятинъ; сѣна на рѣчкѣ на Боровой, и на Возмищевѣ лугу, и на Григоровѣ, и по рѣчкѣ по Вилвѣ триста копенъ.

Деревня *Чертежъ* на рѣчкѣ на Боровой: дв. Сенка Никиѳоровъ, дв. Спирка Никиѳоровъ, дв. Власко Исаковъ, дв. Гришка да Пронка Васильевы, дв. Сергѣйко Васильевъ.—Пашни двадцать пять четь въ полѣ, а въ дву потому же, и съ отхожею Спириною пашнею, что на Косолаповѣ, и съ Сергіевою пашнею Никитина; земля худа; лѣсу пашенного пять десятинъ; сѣна на рѣкѣ на Камѣ и на рѣчкѣ на Боровой шестьдесятъ копенъ.

Деревня *Григорово* надъ курьею: дв. Иванъ Тимоѳеевъ, дв. Аѳоня Тимоѳеевъ, дв. Осока Есуѳьевъ. Пашни восмь четь, перелогу четырнадцать четь въ полѣ, а въ дву потому же; земля худа; лѣсу пашен. десять десятинъ; сѣна на Наволѣ шестьдесятъ копенъ.

Деревня *Зырянка* на рѣчкѣ на Зырянкѣ: дв. Иванко Тимоѳеевъ, дв. Ѳиля Дмитріевъ, дв. Степанко да Конша Гавриловы, дв. Иванко Окораковъ, дв. Ѳедка Саниковъ, дв. Гриша Пантелѣевъ, дв. Ѳедко Ѳилиповъ, дв. Мокѣйко Яковлевъ, дв. Савко Васильевъ, дв. Малеръ Ѳедоровъ, дв. Нестерко Григорьевъ, дв. Васка Андрѣевъ, дв. Васка Андрѣевъ

да сынъ его Кипреянко, дв. Якимко Дмитріевъ, дв. Данилко да Семенко Артемовы.—Пашни шестьдесятъ пять чети, перелогу тридцать чети въ полѣ, а въ дву потому же; земля худа; лѣсу пашенного двадцать двѣ десятины; сѣна по рѣчкѣ по Зырянкѣ по обѣ стороны, Спаского монастыря отъ межи отградныя, или вверхъ по обѣ стороны до вершины шестьсотъ семьдесятъ копенъ.—Да у нихъ же рыбная ловля въ рѣчкѣ въ Зырянкѣ, а оброку имъ съ тое рѣчки давати семь алтынъ на годъ, да пошлинъ двѣ денги.

Починокъ *Тимашевъ* на рѣчкѣ на Зырянкѣ: дв. Тимоха Павловъ да сынъ его Левка. Пашни десять чети въ полѣ, а въ дву потому же.

Займище *Лопатино* Тимошки Лѣготы. Пашни три чети въ полѣ, а въ дву потому же; земля худа; лѣсу пашенного около поль шесть десятинъ.

И всего въ Усольскомъ уѣздѣ: двадцать три деревни, да одиннадцать починковъ, да три займища, а въ деревняхъ и починкахъ пашенныхъ сто сорокъ четыре двора, да безпашенныхъ осмнадцать дворовъ—и всего пашенныхъ и непашенныхъ сто шестьдесятъ два двора; во дворѣхъ людей двѣсти пять человѣкъ; пашни восмьдесятъ шесть чети середніе земли, да пятьсотъ семьдесятъ три чети худые земли—и всего середніе или худые земли восмьсотъ пятьдесятъ девять четь; перелогу двѣсти шесть чети въ полѣ, а въ дву потому же; лѣсу пашенного триста тридцать шесть десятинъ; сѣна на рѣкѣ на Камѣ и на рѣчкѣ Усолкѣ четыре тысячи девяносто пять копенъ.

Сошнаго письма въ деревняхъ и въ починкахъ двѣ сохи съ полусохою и пол-пол-пол-четью сохи.

Положено въ соху по штидесятъ по четыре двора.

И всего въ Камскомъ Усольѣ на посадѣ и въ уѣздѣ въ деревняхъ и въ починкахъ пашенныхъ сто девяносто семь дворовъ, да непашенныхъ сто пятьдесятъ пять дворовъ—и

обоего пашенныхъ и непашенныхъ триста пятьдесятъ два двора; во дворѣхъ людей четыреста шесть человѣкъ.

Пашни двѣсти восмьдесятъ шесть четь середніе земли, да тысяча осмнадцать чети худые земли, перелогу триста тридцать двѣ чети въ полѣ, а въ дву потому же; и всего середніе и худые земли и перелогу тысяча шестьсотъ тридцать шесть четей; лѣсу пашеннаго триста пятьдесятъ шесть десятинъ; сѣна семь тысячъ сто семьдесятъ семь копенъ.

Сошнаго письма пять сохъ съ полусохою; положено въ соху по штидесятъ по четыре двора животомъ и по промысломъ, и по пашнямъ и по всякимъ угодьямъ.

Доходъ намѣстнику съ Усолья, съ посаду и съ уѣзду, съ тяглыхъ дворовъ, съ полушесты сохи—намѣстнику корму:

На Рождество Христово за хлѣбы, за пожни, за овесъ, за сѣно деньгами три рубли десять алтынъ.

На Великъ день за кормъ деньгами рубль двадцать алтынъ десять денегъ.

На Петровъ день за кормъ деньгами рубль двадцать алтынъ десять денегъ.

И всего намѣстнику на три праздника за кормъ деньгами шесть рублевъ двадцать алтынъ, съ сохи по рублю и по двѣ гривны—то ему съ тіуномъ и съ доводчикомъ, а сбирати тѣ кормовыя деньги съ сохъ и отдавати намѣстнику Усольскому старостѣ и цѣловальникомъ.

А взъѣзжево корму намѣстнику хто что принесетъ, то ему взяти.

Со штинадцать варницъ имати намѣстнику по старинѣ по двадцати пудъ соли съ варницы на годъ.

Намѣстнику же надъ посадскими людьми и надъ волостными крестьяны судъ да убрусная и лѣсная пошлина да пятно; а присудную пошлину и пятно давати намѣстнику по Уставной грамотѣ.

А въ Усольѣ на посадѣ держати намѣстнику тіуна да доводчика; на посадѣ же намѣстнику держать кабакъ, а на кабакѣ держати на продажу вино, медъ и пиво.

Посадскимъ же людемъ давати намѣстнику съ рыбные ловли съ Григорова озерка по двѣ бочки мелкія рыбы на годъ, за рыбу деньгами рубль двѣ гривны, по двадцати алтынъ за бочку".

Конецъ III выпуска.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ автора-издателя . . . . . I—V.

Списокъ трудовъ автора-издателя по исторіи преимущественно Пермскаго края, напечатанныхъ въ 1889—1891 г.г. (продолженіе, см. вып. I.) . . . . . VI—VIII.

Библіографическая замѣтка о сочиненіи профессора И. Н. Смирнова: „Пермяки“ (Казань. 1891 г.) . IX—XV.

Введеніе—о старинныхъ поземельныхъ мѣрахъ и системѣ казеннаго обложенія въ XVII в.; о Дубровинскомъ рукописномъ сборникѣ Великопермскихъ писцовыхъ книгъ, хранящемся въ г. Соликамскѣ . . XVII—XXVII.

ОТДѢЛЪ I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Экономическіе очерки Перми Великой на рубежѣ XVI - XVII вѣковъ.

Глава I. *Городъ Пермь Великая—Чердынь въ концѣ XVI и началѣ XVII в. въ историко-экономическомъ отношеніи.* . . . . . 1—30.

А. Чердынь въ 1579 г., по писцовой книгѣ Яхонтова. (1—5). *Б.* Чердынь въ 1623—1624 г.г., по таковой же книгѣ Кайсарова (стр. 5 и слѣд.). Кайсаровская соха (6). Городскія и отхожія пашни посадскихъ людей (7—10). Рыбныя ловли и мельницы (10—11). Другія оброчныя статьи (11—12). Лавки торговыя четырехъ статей (12—15). Ремесла Чердынцовъ и происхожденіе нѣкоторыхъ фамилій (15—16). Общіе итоги казенныхъ сборовъ съ г. Чердыни (16—17). Хозяйство Іоанно-Богословскаго монастыря (18—20). Успенскій дѣвичъ монастырь въ г. Чердыни (20). Чердынскіе храмы временъ Кайсарова (21—25). Укрѣпленія Чердыни того же времени (26—30). Городъ и острогъ, боевыя приспособленія и средства.

Стр.

Глава II. *Экономическое состояніе Пермскаго или Чердынскаго уѣзда въ концѣ XVI и началѣ XVII в.* 31—117.

А. Сельское хозяйство Чердынскаго уѣзда въ 1579 г., по писцовой книгѣ Яхонтова (31 и слѣд.). *Окологородный станъ*, его погосты, деревни и починки (31—34). Общіе экономическіе итоги по этому стану (34). *Верхній станъ* въ тѣхъ же отношеніяхъ (34—38). *Нижній станъ* въ тѣхъ же отношеніяхъ (38—41) и *Отхожій округъ* (41—47). *Б.* Солевареніе въ Чердынскомъ уѣздѣ въ 1579 г. (47—48). *В.* Рыболовство въ томъ же уѣздѣ въ 1579 г. (48—49). *Г.* Общіе экономическіе итоги по Чердынскому уѣзду за 1579 годъ (49—51). *Д.* Доходъ намѣстничъ въ 1579 г. (51—52) и общій итогъ всѣхъ сборовъ съ уѣзда (52—53), *Е.* Чердынскій уѣздъ при Кайсаровѣ въ 162³/₄ г.г. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи (53 и слѣд.). 1. Городъ Чердынь и *Окологородный станъ* (54—57), его деревни и починки, старыя и новыя поселенія и общіе экономическіе итоги по стану. 2. Погостъ *Покча* и его округъ въ тѣхъ же отношеніяхъ (57—60). 3. Погостъ *Анисимовъ* и его округъ (60—62). 4. Погостъ *Вильгортъ* и его округъ (62—64). 5. Погостъ *Цыдва* и его округъ (64—65). 6. Погостъ *Искоръ* (65—66). 7. Погостъ *Ныробъ* (67—69). 8. Погостъ *Редикоръ* и его округъ (69—71). 9. Погостъ *Лимежъ* и его округъ (71—74). 10. Погостъ *Губдоръ* и его округъ (74—78). 11. Погостъ *Пентѣгъ* и его округъ (78—80). 12. Погостъ *Кольчугъ* и его округъ (80—83). 13. Погостъ *Енидоръ* и его округъ (84—85). 14. Погостъ *Вильва* и его округъ (85—88). 15. Погостъ *Гайна* и его округъ (88—91). 16. Погостъ *Коса* и его округъ (92—94). Владѣнія *Могильниковыхъ* (94—98). 17. Погостъ *Ильинскій* и его округъ (98—101). 18. Погостъ *Верхній Рождественскій* и его округъ (101—103). 19. Погостъ *Кудымкоръ* и его округъ (103—107). 20. Погостъ *Косвенскій* (107—108). 21. Деревня *Булатова* и ея округъ (108—110). *Ж.* Солевареніе въ Чердынскомъ уѣздѣ въ 162³/₄ г.г. (111—112). *З.* Рыболовство и другія оброчныя статьи въ 162³/₄ г.г. Происхожденіе названія *Бухонина волока* между системами Колвы и Вычегды (112—114). *И.* Общіе экономическіе итоги Кайсарова по Чердынскому уѣзду, съ приложеніемъ историко-статистической таблицы (114—117).

Стр.

Глава III. *Городъ Усолье Камское на рубежѣ XVI—XVII в.в. въ историко-экономическомъ отношеніи* 118—139.

А. Соликамскъ въ 1579 г., по писцовой книгѣ Яхонтова (118—121). *Б.* Соликамскъ въ 1623—24 годахъ, по таковой же книгѣ Кайсарова (121 и слѣд.). Классы населенія и дворовладѣльцевъ на посадѣ Соли Камской (121—123). Городскія и отхожія пашни посадскихъ людей (123—125). Починокъ Елисеевыхъ на р. Сылвѣ, противъ Кишерти (125—126). Городской выгонъ, лѣсъ пашенный и черный посадскихъ людей (126). Денежные доходы казны съ Соликамска (126—127). Лавки торговыя трехъ статей (127—128). Варницы пяти статей въ городѣ и уѣздѣ (128—130). Пожни и покосы (130). Общая сумма всѣхъ казенныхъ сборовъ съ города (130—131). Избы судная, земская и таможенная (131—132). Хозяйство Соликамскаго Вознесенскаго монастыря (132—133). Архангельскій дѣвичъ монастырь въ г. Соликамскѣ (133—134). Соликамскіе храмы временъ Кайсарова (134—136). Укрѣпленія Соликамска и ихъ сходство съ Чердынскими. Городъ и острогъ, боевыя приспособленія и средства Соли Камской (136—139).

Глава IV. *Экономическое состояніе Усольскаго уѣзда въ концѣ XVI и началѣ XVII в.* . . 139—159.

А. Состояніе уѣзда въ 1579 г., по писцовой книгѣ Яхонтова (140 и слѣд.). Перечень всѣхъ населенныхъ мѣстъ уѣзда (ibidem). Общіе итоги Яхонтова по Усольскому уѣзду (142). *Б.* Усольскій уѣздъ при Кайсаровѣ въ 162³/₄ г.г. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи (143 и слѣд.) 1. Городъ Соль Камская и *Окологородный станъ* (143—147), его старыя и новыя поселенія и общіе экономическіе итоги по стану. 2. Погостъ *Городище* и его округъ въ тѣхъ же отношеніяхъ (147—150). 3. Погостъ *Рождественскій* и его округъ (150—152). 4. Погостъ *Зырянка* и его округъ (152—154). *В.* Рыболовство и другія оброчныя статьи въ Усольскомъ уѣздѣ въ 162³/₄ г.г. (154—155). *Г.* Общіе экономическіе итоги Кайсарова по Усольскому уѣзду (155—157). *Д.* Верхъ-Яйвенскій Введенскій монастырь (157—159).

ОТДѢЛЪ II.

МАТЕРІАЛЫ.

Стр.

Писцовая книга Яхонтова 1579 года по городу Усолью Камскому и Усольскому уѣзду . 161—176.

ДК 153787

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1. „ПЕРМСКАЯ СТАРИНА“,

выпускъ I, **„Древности бывшей Перми Великой“** (до XVII вѣка). Пермь. 1889 г. Цѣна 1 рубль.

выпускъ II, **„Пермь Великая въ XVII вѣкѣ“.** Пермь. 1890 г. Цѣна 1 рубль.

2. **„Очерки изъ исторіи губернскаго города Перми“.**

Пермь. 1889 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

ЦѢНА III ВЫПУСКА 1 РУБЛЬ.

Изданія продаются въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ. у Петровскаго—въ Перми и у Дубровина—въ (Гостиный дворъ № 1-й).

Б 21369.

ПЕРМСКАЯ СТАРИНА.

СБОРНИКЪ
ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ и МАТЕРІАЛОВЪ
преимущественно
О ПЕРМСКОМЪ КРАѢ.

АЛЕКСАНДРА ДМИТРІЕВА,
инспектора народныхъ училищъ Пермскаго уѣзда, члена Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ и другихъ обществъ.

Выпускъ IV:

СТРОГАНОВЫ и ЕРМАКЪ.

ИЗДАНІЕ АВТОРА.

ПЕРМЬ.
Типографія Н-новъ П. Ф. Каменскаго.
1892.

Проверено
1953 г.

ПРОВЕРЕНО
1964 г.

Б21369.

ПЕРМСКАЯ СТАРИНА.

СБОРНИКЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ и МАТЕРІАЛОВЪ

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО

О ПЕРМСКОМЪ КРАѢ.

АЛЕКСАНДРА ДМИТРІЕВА,

инспектора народныхъ училищъ Пермскаго уѣзда, члена Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ и другихъ обществъ.

Выпускъ IV:

СТРОГАНОВЫ и ЕРМАКЪ.

ИЗДАНІЕ АВТОРА.

ПЕРМЬ.

Типографія Н-ковъ П. Ф. Каменскаго.

1892.

Печатано по постановленію Пермскаго Губернскаго Статистическаго Комитета отъ 21-го мая 1892 года.

Б21369

Отъ автора-издателя.

Настоящимъ выпускомъ закончился I-й томъ нашего повременнаго мѣстнаго изданія, который можно бы озаглавить: *„Исторія Перми Великой“*. Мы исчерпали весь матеріалъ, какой могли собрать въ теченіе многихъ лѣтъ, сдѣлали посильную оцѣнку всего, что было написано другими лицами раньше насъ и, основываясь главнымъ образомъ на первоисточникахъ, критически разобранныхъ, вновь пересмотрѣли вопросъ о древней Перми Великой во всемъ его широкомъ объемѣ. Задача была очень сложная и трудная, и насколько умѣло мы совладали съ нею—пусть скажутъ безпристрастно спеціалисты Русской исторіи и отчасти этнографіи. Хорошо сознаемъ недостатокъ исторической карты Перми Великой, которую слѣдовало-бы приложить въ концѣ I тома, но не имѣемъ средствъ на ея изданіе, такъ какъ одно печатаніе 4-хъ выпусковъ было едва посильно для насъ. Заранѣе, поэтому, просимъ указанный недостатокъ не ставить намъ въ вину; для составителя полной карты Перми Великой въ XVI—XVII в.в. мы дали однако самыя полныя и точныя свѣдѣнія; для него осталась только механическая работа. Сознаемъ также, что исторія Кайгородскаго уѣзда Перми Великой нами разработана недостаточно, но причины этого обстоятельства, лежавшія внѣ насъ, подробно указаны во II выпускѣ. Что касается отношеній Перми Великой къ центральнымъ правительственнымъ учрежденіямъ, то они были въ общемъ таковы же, какъ въ другихъ русскихъ областяхъ, почему подробности изложенія тутъ были не нужны, а встрѣчавшіяся особенности ихъ указывались своевременно.

IV-й выпускъ нашего изданія въ частности отличается отъ первыхъ трехъ тѣмъ, что отдѣлъ матеріаловъ въ немъ вышелъ гораздо обширнѣе. Но писцовыя книги—такой матеріалъ, который вполнѣ замѣняетъ текстъ автора во многихъ случаяхъ. Напечатанныя здѣсь книги составляютъ новое драгоцѣнное пріобрѣтеніе для исторіи Перми Великой и являются въ свѣтъ впервые. Какъ и Усольская писцовая книга Яхонтова 1579 года, напечатанная въ приложеніи къ III выпуску, книга Кайсарова по вотчинамъ Строгановыхъ 162³/₄ г.г., полагаю, является въ нашемъ изданіи какъ нельзя болѣе у мѣста. Значительная часть содержанія двухъ послѣднихъ выпусковъ и основана на этихъ писцовыхъ книгахъ.

Писцовая книга Кайсарова по вотчинамъ Строгановыхъ открыта нами въ г. Соликамскѣ, въ частныхъ рукахъ, еще 9 лѣтъ тому назадъ, во время лѣтней археографической экскурсіи въ Соликамскій уѣздъ въ 1883 году, но до сихъ поръ не могла быть напечатана даже въ извлеченіяхъ. Только теперь представился для этого удобный случай. Библіографія этого важнаго источника указана нами предъ текстомъ книги въ приложеніи. За одолженіе драгоцѣнной рукописи и позволеніе напечатать ее въ полномъ видѣ долгомъ считаю выразить глубочайшую признательность прежнему обладателю ея, Соликамскому гражданину Ѳедору Васильевичу Мичурину, по волѣ котораго рукопись передана, по отпечатаніи, въ Пермскую ученую архивную коммиссію для вѣчнаго храненія.

Александръ Дмитріевъ.

Пермь.
15-го іюля 1892 г.

ВВЕДЕНІЕ.

По поводу III выпуска нашего изданія одинъ ученый сдѣлалъ запросъ: въ какихъ случаяхъ я принимаю старинную *четь* въ одномъ полѣ и въ какихъ—въ трехъ поляхъ, при чемъ имъ же выражено было желаніе, чтобы въ слѣдующемъ выпускѣ употребленіе слова четь вездѣ сопровождалось надлежащимъ объясненіемъ въ указанномъ смыслѣ. По поводу этого запроса считаю необходимымъ объяснить, что я вездѣ принималъ четь пашни и перелога *въ трехъ поляхъ* („а въ дву потому же") и если не вездѣ дѣлалъ надлежащую оговорку, то во избѣжаніе излишнихъ повтореній. Въ сводной статистической таблицѣ по всему Чердынскому уѣзду, приведенной на страницѣ 117, количество пашни (10626 четей) и перелога (3628) также нужно принимать втройнѣ, т. е. пашни 31878 четей, и перелога 10884 чети. Въ весьма многихъ случаяхъ въ текстѣ книги я къ количеству пашни и перелога прибавлялъ слова: „въ трехъ поляхъ"; наприм. деревня Ужга имѣла худой пашни 172 чети, перелогу 24 чети въ трехъ поляхъ. Это не значитъ, что во всѣхъ трехъ поляхъ было столько пашни и перелога, а что *въ каждомъ полѣ было по стольку*. Дѣйствительно, ради точности выраженія, мнѣ слѣдовало прибавлять предлогъ *по* предъ каждымъ числомъ; въ данномъ случаѣ слѣдовало выразиться: д. Ужга имѣла пашни *по* 172 чети, перелогу *по* 24 чети *въ трехъ поляхъ*. Но я не предусмотрѣлъ, что отсутствіе этого предлога можетъ вызвать затрудненіе въ пониманіи моихъ словъ. Каждому извѣстно, что повѣрять самого себя дѣло не легкое.

Приступая нынѣ къ продолженію историческихъ очерковъ Перми Великой, мы постоянно имѣли въ виду всю прежнюю литературу вопроса и въ то же время слѣдили, конечно, за новыми научными работами, имѣвшими отношеніе къ предмету нашего изслѣдованія. Со времени изданія III выпуска и до начала печатанія IV-го въ нашихъ мѣстныхъ изданіяхъ появилось четыре статьи, на которыхъ мы должны остановить здѣсь наше вниманіе. Двѣ статьи принадлежатъ перу извѣстнаго Уральскаго археолога *Ѳ. А. Теплоухова,* третья — *В. В. Голубцову,* четвертая — *Н. Н. Новокрещенныхъ.*

Своей статьей: „Вещественные памятники каменнаго и бронзоваго періодовъ въ западной части Пермской губерніи" Ѳ. А. Теплоуховъ положилъ краеугольный камень въ основаніе вновь возникшаго мѣстнаго уральскаго изданія — „Трудовъ Пермской ученой архивной коммиссіи" (выпускъ I, Пермь. 1891 г. стр. 27—63). Статья составлена весьма тщательно, главнымъ образомъ, на основаніи богатой наслѣдственной коллекціи самого автора, находящейся въ селѣ Ильинскомъ Пермскаго уѣзда. Нѣкоторыя интересныя находки доисторическаго періода предоставило ему во временное распоряженіе Пермское отдѣленіе Уральскаго общества любителей естествознанія. Авторъ изслѣдовалъ именно тотъ районъ, который въ позднѣйшую историческую эпоху составлялъ Пермь Великую. Поэтому многія его положенія имѣютъ прямое отношеніе къ предмету нашего изслѣдованія. Остановимся на главныхъ изъ нихъ.

Доисторическій человѣкъ появился въ долинѣ рѣки Камы съ востока, изъ за Урала, двигаясь по рѣкамъ, текущимъ съ его вершинъ къ западу. Это доказывается присутствіемъ въ черепкахъ, найденныхъ около устья р. Чусовой, талька, который характеризуетъ сосуды первобытнаго человѣка, жившаго по ту сторону Уральскихъ горъ (на р. Исети, озерѣ Таватуй и т. д.).

Открытые до сихъ поръ предметы каменнаго періода принадлежатъ къ самому концу его, или къ неолитической эпохѣ, и даже ко времени, предшествовавшему появленію металлическихъ орудій. Развѣ со временемъ будутъ открыты въ бассейнѣ Камы слѣды палеолитической эпохи.

Главными стоянками доисторическаго человѣка въ области Перми Великой были берега рѣки Велвы, впадающей съ лѣвой стороны въ рѣку Иньву близь нынѣшняго села Архангельскаго Соликамскаго уѣзда*),—преимущественно среднее теченіе Велвы между дер. Савиной и селомъ Ошибъ; и берега р. Камы, близь впаденія въ нее р. Чусовой. На берегахъ Велвы неолитическія орудія находили главнымъ образомъ въ двухъ пунктахъ: около деревень *Новоселовъ* и *Пѣтуховой* Ошибской волости Соликамскаго уѣзда. На берегахъ Камы и Чусовой такими пунктами оказываются: окрестности деревни *Левшиной* Краснослудской волости Пермскаго уѣзда (гдѣ нынѣ значительная пристань на устьѣ Чусовой и станція Уральской желѣзной дороги), *Галкинское* или *Чертово городище* той же волости, на концѣ стрѣлки между Камой и устьемъ Чусовой, и наконецъ окрестности деревни *Турбиной* Хохловской волости Оханскаго уѣзда (напротивъ устья Чусовой, на другомъ берегу Камы). Всѣ находки каменныхъ орудій, доселѣ сдѣланныя въ указанныхъ пунктахъ, авторъ описываетъ чрезвычайно точно, до мельчайшихъ деталей.

Человѣкъ, оставившій намъ каменныя орудія около устья Чусовой и по берегамъ Велвы, вѣроятно, уже не былъ пещернымъ жителемъ, а долженъ былъ устраивать какія-либо жилища. По крайней мѣрѣ на Велвѣ, уже по геологическимъ условіямъ, онъ не могъ жить иначе, какъ въ жилищѣ, созданномъ не природой, а его собственными руками. Судя по количеству доселѣ найденныхъ предметовъ каменнаго періода,

*) При Кайсаровѣ это была деревня *Карпова*, состоявшая въ округѣ погоста Кудымкора и возникшая послѣ 1579 г. (См. Пермскую Старину, III, 105).

населеніе всей территоріи Перми Великой, за исключеніемъ Велвы и устья Чусовой, въ доисторическія времена было крайне незначительно. Нѣтъ основанія разсчитывать въ будущемъ на слишкомъ большія новыя открытія каменныхъ орудій.

Переходъ отъ камня къ желѣзу на той же территоріи совершился, повидимому, довольно скоро, такъ что самостоятельнаго бронзоваго періода здѣсь не было, или продолжался онъ, по крайней мѣрѣ, очень не долго. Доселѣ найденныя бронзовыя и мѣдныя издѣлія, которыя можно отнести съ увѣренностью именно къ бронзовому періоду, разбросаны были по долинѣ Камы, начиная отъ южной границы нынѣшней Пермской губерніи до устья рѣки Обвы ($58^1/_2°$ сѣв. шир.). Исключеніе составляютъ нѣсколько предметовъ, найденныхъ по берегамъ р.р. Обвы, Туя и Гаревой, но и здѣсь не далѣе 20 верстъ отъ Камы. Сѣвернѣе указаннаго предѣла находили очень много бронзовыхъ и мѣдныхъ предметовъ, но исключительно чудской работы (желѣзнаго вѣка).

Всѣ находки бронзоваго періода г. Теплоуховъ раздѣляетъ на 2 группы: вещи грубой работы и хорошей технической отдѣлки; первыя онъ считаетъ мѣстными издѣліями, вторымъ приписываетъ сибирское происхожденіе.

Наконецъ кратковременный бронзовый періодъ смѣняется желѣзнымъ вѣкомъ, который иначе авторъ называетъ *чудскимъ*. Послѣднее названіе онъ производитъ отъ слова *чудь*, коимъ русскій народъ въ своихъ преданіяхъ доселѣ называетъ прежнихъ обитателей страны, теперь уже вымершихъ и для него загадочныхъ. Ту часть этого племени, которая занимала территорію Перми Великой, г. Теплоуховъ называетъ *Пермскою чудью*, считая послѣднее названіе „чудь“ именемъ нарицательнымъ. При этомъ онъ выражаетъ удивленіе тому, что границы распространенія пермской чуди замѣчательно совпадаютъ, на основаніи находокъ чудскихъ вещей, съ гра-

ницами „Перми Великой глаголемой Чусовой“, указанными мною въ I выпускѣ „Пермской Старины“ *). Въ тоже время онъ ссылается на мнѣніе профессора И. Н. Смирнова, который отождествляетъ Пермскую чудь съ древнею Пермью (народомъ) и нынѣшними Пермяками и Зырянами, но не высказываетъ своего личнаго мнѣнія по поводу этого заключенія г. Смирнова.

Таковы основные выводы почтеннаго археолога, которые мы позволяемъ себѣ отнынѣ вложить въ общій архивъ нашихъ свѣдѣній о самой отдаленной эпохѣ Перми Великой. Тотъ же Ѳ. А. Теплоуховъ, какъ мы сказали, недавно написалъ другой прекрасный археологическій этюдъ: „Земледѣльческія орудія Пермской чуди“, помѣстивъ его въ I выпускѣ новаго сборника: „Пермскій край“, изданнаго Пермскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ подъ редакціей Д. Д. Смышляева (Пермь. 1892 г., стран. 59—93 и двѣ таблицы рисунковъ). Эта работа служитъ продолженіемъ предъидущей, изслѣдуя одинъ родъ памятниковъ чудскаго или желѣзнаго вѣка. Сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній о *костищахъ*, древнѣйшихъ памятникахъ этого періода, относящихся ко времени перваго появленія желѣза, указавъ на способы обработки почвы первобытными орудіями и трудности, съ коими приходилось бороться человѣку, упомянувъ о характерѣ природы на территоріи Пермской чуди,—авторъ установляетъ 4 группы земледѣльческихъ чудскихъ орудій: 1) лѣсорубочные топоры, 2) мотыки, 3) плуги или ральники, 4) серпы и косы и дѣлаетъ подробное и самое точное описаніе всѣхъ извѣстныхъ ему экземпляровъ этихъ орудій съ указаніемъ мѣстъ, гдѣ каждый предметъ былъ найденъ. Районъ же распространенія чудскихъ предметовъ, какъ мы сказали, весьма близко совпадаетъ съ границами исторической Перми Великой. Мы не можемъ, конечно, останавливаться

*) Этотъ трактатъ «О границахъ древней Перми Великой» я перепечаталъ въ томъ же I выпускѣ «Трудовъ Пермской ученой архивной коммиссіи».

на подробностяхъ этого археологическаго изслѣдованія и замѣтимъ только, что большую часть находимыхъ въ Пермской губерніи чудскихъ ральниковъ авторъ относитъ, по имѣющимся научнымъ даннымъ, къ періоду отъ X до XIII столѣтія. Авторъ не отрицаетъ впрочемъ, что чудь могла заниматься земледѣліемъ и еще ранѣе, но вещественныхъ памятниковъ этого рода старѣе X вѣка доселѣ не найдено. „Къ тому же періоду, заключаетъ свою статью авторъ, т. е. ко времени отъ X до XIII столѣтія, относятся, по всей вѣроятности, и прочія орудія, которыя мы причислили къ земледѣльческимъ, подъ названіемъ чудскихъ лѣсорубочныхъ топоровъ, мотыкъ и косъ".

Взятые всѣ вмѣстѣ, выводы Ѳ. А. Теплоухова и вполнѣ основательны, и строго научны, и въ большинствѣ согласны съ мнѣніями наиболѣе авторитетныхъ ученыхъ, работавшихъ раньше въ той же области. Тоже мы должны сказать о небольшой статьѣ безвременно умершаго въ текущемъ году нашего лучшаго генеалога, В. В. Голубцова: „Князья Великопермскіе, Пермскіе и Вымскіе, 1463—1641 г.г.", помѣщенной въ I выпускѣ тѣхъ же „Трудовъ Пермской архивной коммиссіи" (стр. 75—80). Статья эта немного прибавляетъ однако къ тому, что уже сказано было нами раньше по тому же вопросу въ I выпускѣ „Пермской Старины" (стр. 159—165), но важно то, что авторъ сопоставилъ наши свѣдѣнія съ такими источниками по генеалогіи Великопермскихъ князей, которыми мы не располагали, и пришелъ къ одинаковымъ съ нами выводамъ (Архангелогородскій лѣтописецъ, Книги разрядныя и друг.), что доказываетъ правильность тѣхъ и другихъ заключеній по одному и тому же вопросу.

Не тѣми качествами отличается статья Н. Н. Новокрещенныхъ: „Участіе Строгановыхъ въ поступательномъ движеніи Русскаго государства на востокѣ въ XVI вѣкѣ",

напечатанная въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1892 г. №№ 40, 41, 45, 50, 51, 53, 54 и слѣд. Тутъ съ первыхъ же словъ сказывается недостаточное знакомство автора какъ съ фактами, такъ и съ источниками мѣстной исторіи. „Съ учрежденіемъ въ Чердыни намѣстничества и съ утвержденіемъ русской власти началась колонизація края“,— таковы первыя слова въ указанной статьѣ г. Новокрещенныхъ, забывшаго фактъ основанія русскими Усолья Камскаго еще въ началѣ XV вѣка (около 1430 г.), за три четверти вѣка до назначенія перваго Великопермскаго намѣстника Василія Ковра въ 1505 году. Далѣе онъ вспоминаетъ Калинниковыхъ, основателей Соликамска, „установленное ими за 120 лѣтъ назадъ солевареніе служило гарантіей, что и при смутахъ края дѣло это было выгодно“, но этимъ только противорѣчитъ своимъ первымъ словамъ. Можно согласиться лишь съ тѣмъ, что съ утвержденія въ Перми Великой русской власти, колонизація приняла болѣе интенсивный характеръ; начало же ея во всякомъ случаѣ нельзя пріурочивать къ концу XV столѣтія.

Объ Ермакѣ авторъ замѣчаетъ: „Для Строгановыхъ Ермакъ былъ находка, но съ другой стороны они рѣшительно ничего не могли сдѣлать съ Ермакомъ, который могъ разнести всѣ ихъ владѣнія, *поэтому они и постарались спровадить непрошеннаго гостя*“.*). Вслѣдъ за этимъ авторъ перепечатываетъ извѣстную гнѣвную грамоту Іоанна отъ 16 ноября 1582 г., ошибочно относя ее къ слѣдующему 1583 году,—ту именно грамоту, которая лучше всякаго другаго документа опровергаетъ справедливость приведенныхъ выше словъ самого же автора. Разъ Ермакъ былъ „непрошенный гость“, онъ, стало быть, явился въ вотчины Строгановыхъ безъ всякаго приглашенія съ ихъ стороны; а грамота Іоанна прямо заявляетъ устами царя: *„а волжскихъ атамановъ къ себѣ призвавъ, воровъ наняли въ свои остроги* безъ Нашего

*) Пермскія Губерн. Вѣдом. 1892 г. № 45.

указу". Царь же въ свою очередь все это узналъ отъ Чердынскаго намѣстника Василія Пелепелицына: не вѣрить такимъ источникамъ нельзя. И такъ приведенною грамотою авторъ прекрасно опровергъ свои собственныя слова, показалъ ихъ несогласіе съ фактами*). Въ 1-й главѣ нашего изслѣдованія читатель найдетъ самыя подробныя свѣдѣнія объ этомъ важномъ фактѣ исторіи не только мѣстной, но вообще русской.

Далѣе авторъ пишетъ: „Правительство и само убѣдилось въ отсутствіи колонизаторскихъ способностей Строгановыхъ по представленіи писцовыхъ книгъ, переписи, сдѣланной въ Перми писцомъ Иваномъ Яхонтовымъ чрезъ 20 лѣтъ послѣ начала колонизаціи Строгановскихъ жалованныхъ земель..... То, что описалъ писецъ Яхонтовъ, назначивъ и утвердивъ границы земель, занятыхъ Строгановыми, то и осталось во владѣніи ихъ и дальнѣйшимъ захватамъ былъ положенъ предѣлъ. Слѣдующій писецъ Кайсаровъ въ 1634 (слѣдовало сказать 1624) лишь подтвердилъ, что земель противъ описи Яхонтова не прибавлено" **). Все это разсужденіе есть не болѣе, какъ вымыселъ автора и сплошная клевета на Строгановыхъ, ничуть не подтверждаемая источниками, которыхъ авторъ не хочетъ знать, или знаетъ очень плохо. Во 2-й главѣ настоящаго изслѣдованія читатель найдетъ документальное, основанное на критически провѣренныхъ источникахъ, опроверженіе указаннаго мнѣнія, какъ видно, съ злымъ умысломъ проводимаго авторомъ въ печати. Нѣтъ слова, за Строгановыми рядомъ со многими несомнѣнными заслугами нужно признать и не мало злоупотребленій въ ихъ прошлой дѣятельности; многія изъ нихъ мы раскрыли въ первыхъ двухъ выпускахъ этого изданія, раскрывали и

*) Авторъ не счелъ нужнымъ упомянуть, что знаменитая грамота 1582 года уже неоднократно была напечатана раньше, наприм. у Миллера: «Описаніе Сибирскаго царства» I, стр. 145—147 примѣч., въ «Дополн. къ Актамъ историч.» I, 184—185 и друг. Критика источниковъ у него вообще очень страдаетъ.

**) Пермскія Губерн. Вѣдом. № 50.

другіе раньше насъ; но каждое подобное заявленіе должно быть основано на безспорныхъ историческихъ и юридическихъ актахъ, а не быть голословно. Строгановы не получили земель по Тоболу потому, что не исполнили обязательствъ, возложенныхъ на нихъ извѣстною грамотою Іоанна отъ 30 мая 1574 г. на имя Якова и Григорія Аникіевичей, что они не колонизировали „за Югорскимъ каменемъ въ Сибирской украйнѣ, межъ Сибири и Нагай, Тахчей и Тоболъ рѣку“ *); къ тому же, вопреки этой грамоты, они *самовольно* призвали съ Волги атамана Ермака, за что, естественно, и оказались въ царской опалѣ. Однако эта опала на Строгановыхъ прекратилась со смертью Іоанна IV, и въ 1597 г. они вновь получаютъ земли по Камѣ отъ Ласьвы до Ошапа *сверхъ писцовыхъ книгъ Яхонтова*. Въ 1615 г. по новой грамотѣ Строгановы еще подвинулись внизъ по Камѣ до р. Тулвы. У нихъ вскорѣ возникаетъ вновь цѣлый округъ Очерскій въ предѣлахъ нынѣшняго Оханскаго уѣзда. Могъ-ли послѣ этого слѣдующій писецъ Кайсаровъ довольствоваться только тѣми данными для новой раскладки казенныхъ платежей, какія предоставляла ему писцовая книга Яхонтова? Въ новыхъ писцовыхъ книгахъ на вотчины Строгановыхъ онъ вездѣ установляетъ прежнюю норму обложенія на основаніи книгъ Яхонтова и Змѣева, взятыхъ вмѣстѣ, и уже къ ней дѣлаетъ соотвѣтственныя надбавки. Ничего этого не хочетъ знать г. Новокрещенныхъ, самодовольно увѣряющій читателя, что правительство, будто-бы, убѣдилось въ отсутствіи колонизаторскихъ способностей Строгановыхъ. Опроверженіемъ этой клеветы, кромѣ отмѣченныхъ фактовъ, служитъ и слѣдующій рядъ цифръ: при Яхонтовѣ въ 1579 г. въ вотчинахъ Строгановыхъ считалось около 400 человѣкъ мужскаго пола, при Кайсаровѣ въ 162$^{3}/_{4}$ г.г.—1354, при Чемезовѣ въ 1642 г.—4529, при Елизаровѣ въ 1647 г.—5601, при князѣ Бѣльскомъ въ 1678 г.—9462 и наконецъ

*) Подлинныя слова грамоты 1574 г. изъ имѣющейся у меня точной ея копіи.

по переписи Воронцова-Вельяминова 1715 г.—22105 человѣкъ! Неужели эти цифры не свидѣтельствуютъ о замѣчательныхъ колонизаторскихъ способностяхъ Строгановыхъ, которыя не безъ основанія высоко цѣнилъ самъ геніальный Петръ Великій въ лицѣ его современника Григорія Строганова.

Дальнѣйшіе выводы г. Новокрещенныхъ очень замѣтно клонятся къ тому, чтобы свести къ нулю всю роль Строгановыхъ въ дѣлѣ колонизаціи нашего края и покоренія Сибири. Мы не считаемъ нужнымъ болѣе тратить время на подробный разборъ этихъ предвзятыхъ выводовъ со всѣми ихъ натяжками, пренебреженіемъ къ источникамъ и трудамъ лицъ, ранѣе и серьезнѣе автора работавшихъ въ той же области. Скажемъ короче: мы рѣдко встрѣчали, къ счастію, столь тенденціозныя произведенія въ области мѣстной исторіи, не только ничего не сообщающія новаго и не исправляющія въ старомъ, но попирающія всякую историческую правду изъ какихъ-то сомнительныхъ побужденій, не совмѣстныхъ съ достоинствомъ нелицепріятнаго суда исторіи и не имѣющихъ ничего общаго съ наукою.

Б 21369.

ОТДѢЛЪ I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

СТРОГАНОВЫ и ЕРМАКЪ.

I.

Спорные вопросы въ первоначальной исторіи рода Строгановыхъ.

Посвятивъ весь IV выпускъ нашего изданія именитой въ Пермскомъ краѣ фамиліи Строгановыхъ, мы считаемъ нужнымъ начать изслѣдованіе съ самаго перваго появленія въ Россіи этой фамиліи. Первоначальная родословная Строгановыхъ, подобно другимъ стариннымъ фамиліямъ, довольно темна и не лишена многихъ спорныхъ вопросовъ. Въ 1884 году мы посвятили изложенію этихъ вопросовъ особую статью*), которую теперь и перепечатываемъ здѣсь изъ малодоступнаго мѣстнаго періодическаго изданія съ значительными дополненіями и передѣлкой нѣкоторыхъ мѣстъ, сообразно современному состоянію въ наукѣ тѣхъ же вопросовъ. Изъ послѣднихъ наиболѣе важнымъ является, конечно, вопросъ о той исторической роли, которую играли Строгановы въ дѣлѣ покоренія Сибири, и связанный съ нимъ неразрывно вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ Ермака и Строгановыхъ. Свидѣтельства источниковъ и основанныя на нихъ мнѣнія ученыхъ относительно этихъ фактовъ весьма разнорѣчивы и потому мы съ особенными подробностями остановимся на нихъ въ настоящей главѣ. Хотя Строгановы занимаютъ въ нашемъ

*) «Ѳ. А. Волеговъ, какъ историкъ Строгановыхъ» въ «Пермскихъ Губернск. Вѣдом.» 1884 г. №№ 30—34, 36—38.

изслѣдованіи главное мѣсто, но мы надѣемся быть вполнѣ объективны по отношенію къ нимъ, такъ какъ будемъ стоять на почвѣ источниковъ, критически оцѣненныхъ многими учеными. Объ Ермакѣ же намъ придется говорить, только какъ о главномъ активномъ виновникѣ паденія Кучумова царства, а входить въ другія біографическія подробности о немъ мы не будемъ. Изложеніе спорныхъ вопросовъ въ первоначальной исторіи Строгановыхъ ведется въ хронологическомъ порядкѣ. Общую родословную Строгановыхъ мы привели уже во II выпускѣ этого изданія (см. стр. 70).

1. О происхожденіи рода Строгановыхъ.

Вопросъ о происхожденіи именитой фамиліи Строгановыхъ доселѣ нельзя считать рѣшеннымъ окончательно. Извѣстно, что историки расходятся въ мнѣніяхъ по этому вопросу. Въ прошломъ вѣкѣ въ русской исторической литературѣ господствовало мнѣніе, будто Строгановы происходили отъ одного мурзы Золотой Орды. Герардъ Фридрихъ Миллеръ въ извѣстномъ „Описаніи Сибирскаго царства“ (СПБ. 1750 г.), Іоганнъ Эбергардъ Фишеръ въ своей „Сибирской исторіи“ (СПБ. 1774 года), князь Щербатовъ въ своей „Исторіи Россійской“ и другіе ученые, касавшіеся исторіи Строгановыхъ, основывали это мнѣніе о происхожденіи Строгановыхъ на преданіи, впервые занесенномъ въ сочиненіе голландскаго географа Исаака Массы, напечатанное въ 1609 году, и затѣмъ повторенномъ другимъ голландскимъ ученымъ, Николаемъ Витзеномъ, который при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1666 году, посѣтилъ Россію съ ученою цѣлью въ свитѣ посланника Бурлея и, по возвращеніи въ Амстердамъ, издалъ въ 1672 г. на голландскомъ языкѣ описаніе своего путешествія подъ заглавіемъ: „Noord en Oost Tartarye“ (Сѣверная и Восточная Татарія). Въ этой книгѣ Витзенъ сообщаетъ, что родоначальникъ Строгановыхъ родился въ Золотой Ордѣ, близь Астрахани, отъ тамошняго царя. Пожелавъ принять

христіанскую вѣру, онъ отправился въ Россію, крестился тамъ и, женившись на дочери русскаго государя, уже не вернулся въ орду. Измѣна своей религіи и своему отечеству привели въ такое негодованіе татарскаго хана, что послѣдній пошелъ войной на Россію. Русскій великій князь послалъ войско противъ хана подъ начальствомъ того же новокрещеннаго царевича. Послѣдній имѣлъ несчастіе попасть въ плѣнъ и подвергнуться самой лютой казни: татары будто-бы *состругали* съ него все тѣло до самыхъ костей. Между тѣмъ оставшаяся беременною супруга его родила вскорѣ сына, которому въ память застроганнаго отца и дали прозваніе *Строганова*. Такъ будто-бы начался знаменитый родъ Строгановыхъ. Потомки же этого крещенаго татарскаго царевича, по словамъ Витзена, поселились въ Великомъ Новгородѣ" *). Это же преданіе о происхожденіи Строгановыхъ было занесено и въ тенденціозную повѣсть о Строгановыхъ, сочиненную въ похвалу этому именитому роду въ 1761 г. Икосовымъ подъ заглавіемъ: „Исторія о родословіи, богатствѣ и отечественныхъ заслугахъ знаменитой фамиліи г.г. Строгановыхъ" **).

Въ нашемъ вѣкѣ вопросъ о происхожденіи Строгановыхъ не менѣе занималъ историковъ, но научныя воззрѣнія существенно измѣнились. Гипотеза о происхожденіи Строгановыхъ изъ Золотой Орды была оставлена, и сообщеніе Исаака Массы и Николая Витзена было сочтено „баснею". Строгановыхъ стали считать людьми чисто-русскаго происхожденія, потомками старинныхъ новгородскихъ купцовъ. Впервые ошибочное мнѣніе историковъ прошлаго вѣка было отвергнуто Н. М. Карамзинымъ въ IX томѣ его „Исторіи Государства Россійскаго" (см. изданіе 1831 г. стр. 431—432

*) См. Миллера: «Описаніе Сибирскаго царства» СПБ. 1850 г. (сноска на страницѣ 68).

**) Напечатана впервые въ Пермск. Губерн. Вѣдом. 1880 г. №№ 88—101, 104 и 105. Авторъ *Икосовъ* былъ одинъ изъ заводскихъ управляющихъ у Строгановыхъ.

и примѣчаніе 637*). Послѣ Карамзина спеціальнымъ пересмотромъ вопроса о происхожденіи Строгановыхъ занялись: Ѳ. А. Волеговъ между 1827—1839 гг. въ своихъ „Историческихъ свѣдѣніяхъ о г.г. Строгановыхъ", а позже въ отдѣльныхъ критическихъ статьяхъ, къ сожалѣнію, оставшихся въ рукописяхъ и потому частію утраченныхъ**), и Н. Г. Устряловъ въ 1842 году въ монографіи: „Именитые люди Строгановы". Оба они также отвергнули мнѣніе прежнихъ историковъ о татарскомъ происхожденіи Строгановыхъ и выводили эту фамилію изъ Новгорода. Отвергая достовѣрность записаннаго Витзеномъ преданія, Устряловъ установляетъ слѣдующій свой взглядъ. „Гораздо вѣроятнѣе другое преданіе, сохранившееся въ одномъ сборникѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря о происхожденіи Строгановыхъ изъ дома Добрыниныхъ отъ стародавней фамиліи Новгородской" (стр. 2). Къ сожалѣнію, Устряловъ не сообщаетъ никакихъ библіографическихъ данныхъ объ этомъ сборникѣ, за что справедливо и упрекали его рецензенты; поэтому нельзя критически провѣрить справедливость такого воззрѣнія. Спеціальная о Строгановыхъ монографія Устрялова вызвала длинный рядъ критическихъ замѣтокъ въ нашей періодической прессѣ, за которыми зорко слѣдилъ Ѳ. А. Волеговъ, еще ранѣе Устрялова, какъ мы видѣли, написавшій самостоятельно исторію Строгановыхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если-бы его „Историческія свѣдѣнія о г.г. Строгановыхъ" своевременно были отпечатаны, то они тѣмъ скорѣе обратили бы на себя общее вниманіе исторической критики, какъ весьма

*) Впослѣдствіи Устряловъ, не понявъ надлежащимъ образомъ Карамзина, напрасно упрекнулъ послѣдняго въ томъ, будто онъ также вѣритъ прежней баснѣ о происхожденіи Строгановыхъ. Поэтому Погодинъ справедливо защищалъ Карамзина отъ этого нареканія въ рецензіи на книгу Устрялова въ № 4 «Москвитянина», за 1843 годъ.

**) Ѳ. А. Волеговъ, какъ мѣстный писатель, мало извѣстенъ среди нашихъ историковъ, но его труды заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Нисколько не преувеличу, если скажу, что въ свое время это былъ первый знатокъ исторіи Строгановыхъ. Онъ жилъ въ 1790—1856 г.г.

обстоятельный трудъ, написанный на основаніи множества подлинныхъ архивныхъ документовъ, въ чемъ ему много уступаетъ позднѣйшее сочиненіе Устрялова, не знавшаго о существованіи труда Волегова. Рецензіи на книгу Устрялова появились въ свое время въ слѣдующихъ изданіяхъ: 1) въ журналѣ „Библіотека для чтенія“ (февраль 1843 г.), 2) въ журналѣ „Маякъ“ (апрѣль 1843 г.), 3) въ газетѣ „Русскій Инвалидъ“ (№ 40 отъ 23 февраля 1843 г.), 4) въ газетѣ „Сѣверная Пчела“ (№ 50 отъ 5 марта 1843 г. рецензія Строева подъ иниціалами Z. Z.) и 5) въ „Москвитянинѣ“ (№ 4 за 1843 г. рецензія извѣстнаго М. П. Погодина). Всѣ эти рецензіи были прочитаны Ѳ. А. Волеговымъ, который въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ рукописныхъ статьяхъ написалъ на нихъ свои замѣчанія. Мы имѣемъ ихъ въ рукахъ и ниже приведемъ главныя его научныя положенія. Самыя „Историческія свѣдѣнія о Строгановыхъ“ Волегова, написанныя еще въ 1827 г., впервые напечатаны были, какъ сказано, только въ 1876—77 г.г. въ Пермск. Губерн. Вѣдом. Затѣмъ, въ 1849 г. въ Петербургѣ вышла въ свѣтъ интересная книга Павла Небольсина „Покореніе Сибири“, въ свое время надѣлавшая много шуму между нашими историками новыми, весьма смѣлыми и оригинальными взглядами автора на историческую роль Строгановыхъ въ дѣлѣ завоеванія Сибири. Эта книга была чѣмъ-то въ родѣ хитрозадуманнаго памфлета на „именитыхъ людей“, слава которыхъ столь прочно установилась уже въ трудахъ предъидущихъ писателей. Впрочемъ, Небольсинъ расходится съ другими учеными именно во взглядѣ на участіе Строгановыхъ въ дѣлѣ завоеванія Сибири, а не въ вопросѣ о происхожденіи этой фамиліи, выводимой имъ также изъ новгородскаго купечества. Интересная книга г. Небольсина была рецензирована частію въ тѣхъ же періодическихъ изданіяхъ, гдѣ и книга Устрялова, частію въ нѣкоторыхъ другихъ, а именно: 1) въ „Библіотекѣ для чтенія“ за 1849 годъ, 2) въ „Москвитянинѣ“ № 12

того же года, 3) въ „Современникѣ“ того же года № 6, 4) въ „Сѣверномъ обозрѣніи“ того же года № 1-й (іюль) и 5) въ „Сынѣ отечества“ того же года № 3-й. Весьма интересно было-бы знать мнѣніе Ѳ. А. Волегова объ этой книгѣ. Можно ручаться за то, что онъ не раздѣлялъ взглядовъ г. Небольсина. Къ сожалѣнію, замѣтокъ его на эту книгу мы не нашли, хотя увѣрены въ ихъ существованіи въ свое время. Черезъ семь лѣтъ послѣ появленія книги Небольсина выходитъ въ свѣтъ VI томъ фундаментальнаго труда С. М. Соловьева—„Исторія Россіи“ (Москва. 1856 г.), въ концѣ котораго помѣщено, какъ извѣстно, дополненіе въ формѣ „Замѣтки относительно завоеванія Сибири“. Замѣтка эта въ сущности есть критика научныхъ пріемовъ и историческихъ взглядовъ г. Небольсина, написанная съ необычною для автора рѣзкостью. Авторитетный голосъ корифея русской исторической науки разсѣялъ недоумѣнія, вызванныя книгою Небольсина. Соловьевъ рѣшительно отвергнулъ взглядъ Небольсина на историческую роль Строгановыхъ, доказалъ его ошибочность и вмѣстѣ непригодность самыхъ научныхъ пріемовъ, коихъ держался въ своемъ изслѣдованіи Небольсинъ. Но подробно объ этомъ мы должны говорить тамъ, гдѣ будемъ разбирать вопросъ о завоеваніи Сибири. Здѣсь замѣтимъ только: въ вопросѣ о *купеческомъ* происхожденіи Строгановыхъ Небольсинъ не расходится съ другими учеными нашего вѣка.

Что же касается взгляда самого С. М. Соловьева на происхожденіе Строгановыхъ, то онъ не выясняется въ его „Исторіи“ со всей опредѣленностью. Но сколько можно заключить изъ нѣкоторыхъ словъ на стр. 411—412 тома VI „Исторіи Россіи“, Соловьевъ считаетъ купеческую фамилію Строгановыхъ происходящею изъ Московской или Ростовской земли. Онъ обращаетъ вниманіе на судейскіе списки о Двинской землѣ, гдѣ обозначены отобранныя у новгородцевъ земли, принадлежавшія Московскимъ и Ростовскимъ князьямъ.

При перечисленіи Двинскихъ земель говорится, что ихъ *искали* на Новгородцахъ такіе-то люди, между которыми упомянутъ *Лука Строгановъ**). „Искалъ-ли Строгановъ этихъ земель потому, что онѣ находились у него въ оброчномъ содержаніи, или потому, что былъ уполномоченъ искать ихъ отъ князей Московскаго и Ростовскаго, *какъ извѣстный, богатый, искусный въ дѣлахъ и знающій старину уроженецъ тѣхъ странъ*, — изъ приведеннаго акта рѣшить нельзя" (VI, 412). Послѣднія слова даютъ основаніе полагать, что Соловьевъ выводилъ Строгановыхъ изъ Московской, либо Ростовской земли, а о новгородскомъ происхожденіи ихъ онъ нигдѣ не говоритъ въ своей „Исторіи".

Приведемъ теперь мнѣніе по этому вопросу мѣстнаго историка Строгановыхъ, Ѳ. А. Волегова, мало извѣстнаго, но весьма авторитетнаго въ этой области лица. Въ его „Историческихъ свѣдѣніяхъ о г.г. Строгановыхъ" и въ двухъ отдѣльныхъ статьяхъ, написанныхъ послѣ выхода въ свѣтъ книги Устрялова, но до появленія VI тома „Исторіи Соловьева**), старательно сгруппированы данныя по вопросу о происхожденіи Строгановыхъ. Для своего времени труды Волегова были весьма замѣчательны. Выписавши предварительно многочисленныя цитаты изъ сочиненій Миллера, Карамзина, Устрялова, нѣкоторыхъ лѣтописей и грамотъ, сопоставивъ ихъ въ извѣстной системѣ и критически оцѣнивъ каждое свидѣтельство, Ѳ. А. Волеговъ говоритъ: „Что Строгановы происходятъ не отъ мурзы Золотой Орды и не отъ царской дочери, какъ до Карамзина почти всѣ историки наши твердили,—это справедливо. Но чтобы вѣроятнѣе было происхожденіе ихъ изъ дома Добрыниныхъ—сомнѣваюсь, ибо на это нѣтъ въ виду доказательствъ Г. Устряловъ не объ-

*) Въ «Пермской Старинѣ» вып. I, стр. 154—156, я подробно указалъ значеніе этой «Отказной грамоты Новгородцевъ на Двинскія земли 1471 г.», напечатанной въ «Актахъ Археограф. Экспед.» I, № 94.

**) Эти статьи, какъ почти все, написанное Ѳ. А. Волеговымъ, найдены мною въ рукописяхъ, въ частныхъ рукахъ, въ Соликамскомъ уѣздѣ.

яснилъ подробнѣе, когда и что именно въ Кирилловскомъ сборникѣ написано о происхожденіи Строгановыхъ изъ дома какихъ-то Добрыниныхъ. А безъ ясныхъ доказательствъ невозможно вѣрить сомнительному преданію. Напротивъ, всѣ донынѣ сохранившіяся данныя доказываютъ, что Строгановы, сдѣлавшіеся извѣстными и знаменитыми въ Сольвычегодскѣ, суть выходцы изъ Нова-города во времена великаго князя Іоанна Васильевича III, около 1470 года, а можетъ быть и раньше,—выходцы подъ своей фамиліей, а не подъ именемъ Добрыниныхъ. Исторіографъ Миллеръ въ „Описаніи Сибирскаго царства" справедливо говоритъ: „Статься можетъ, что Ѳедоръ (Лукичъ) Строгановъ въ концѣ XV вѣка, по взятіи великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ Нова-города, изъ онаго города переселился. Ибо извѣстно, что многіе жители въ то время изъ Новогородскаго уѣзда выѣхали, особливо къ Двинѣ. Послѣ того не упоминается больше Строгановыхъ роду въ Новѣ-городѣ, но находятся оные на Устюгѣ и у Соли Вычегодской, гдѣ Аникинъ большой братъ и онъ самъ построенными многими соляными заводами прославились". (Оп Сибир. ц. 1750, 68 и 69*). Догадку Миллера подтверждаетъ „Сольвычегодскій лѣтописецъ", въ коемъ сказано: „въ числѣ переселившихся при великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ изъ Нова-города въ Сольвычегодскъ были, кромѣ *Строгановыхъ*, Дубровины, Свиньины, Водолѣевы, Бояркины, Галкины, Чевыкаловы, Бѣляевы, Прескодоевы, Губины и многіе другіе". Въ „Описаніи Россійской Имперіи" Пушка-

---

*) Съ этими словами Миллера нельзя, однако, не сопоставить и другихъ его же словъ, которыя ясно показываютъ, что Миллеръ все-таки считаетъ *перваго* Строганова выходцемъ изъ Золотой Орды. «Ежели сіе извѣстіе (Витзена о татарскомъ происхожденіи Строгановыхъ) снесется съ имѣющимися у господъ Строгановыхъ извѣстіями, которыя перваго праотца Спиридономъ называютъ и его полагаютъ во времена в. к. Димитрія Ивановича Донского: то уповать можно, что *то было имя, которымъ вышеупомянутой татарской князь нареченъ при святомъ крещеніи*. Когда еще Витзенъ пишетъ, что господъ Строгановыхъ предки жили прежде въ Новгородѣ, то *сіе правда быть можетъ о правнукѣ Спиридоновомъ*». (Миллеръ. стран. 68). *Авт.*

рева (СПБ. 1844 г.) вѣрно сказано, что Строгановы были Новгородцы, и образъ заселенія и управленія ихъ помѣстьями въ Перми показываетъ образъ заселенія и управленія волостями богатыхъ Новгородцевъ" (т. I, стр. 9). Извѣстно, что старорусское солевареніе, принадлежавшее Великому Нову-городу, есть древнѣйшее заведеніе и что оно существовало не въ одной только нынѣшней Старой Русѣ, но и въ другихъ мѣстахъ, болѣе близкихъ къ Нову-городу (см. сочиненіе Воскресенскаго: „Старая Русса" 1839 г., стр. 84). А изъ этого можно вывести то, что предки г.г. Строгановыхъ, какъ жители Новгородскіе, если и не имѣли тамъ своихъ соловаренныхъ заведеній, то непремѣнно были хорошо знакомы съ симъ производствомъ. На древнихъ Новгородскихъ старорусскихъ соловаренныхъ заведеніяхъ донынѣ употребляются одинаковыя техническія названія съ названіями, существующими въ Пермскихъ соляныхъ промыслахъ г.г. Строгановыхъ, какъ наприм.: матица, обсадныя трубки, лоты рассола, цыренъ и проч. Отсюда ясно, что Пермское солевареніе сродни старорусскому или Новгородскому. Извѣстно и то, что въ возстаніи Новгородцевъ за свою вольность противъ великаго князя Московскаго Іоанна Васильевича III въ 1471 году *Строгановы не участвовали*, уклонясь мирно въ Устюжскій уѣздъ, пребыли вѣрными великому Московскому князю, который, по усмиреніи Новгорода, отобралъ всѣ частныя соловаренныя заведенія въ казну (см. упомянутую книгу Воскресенскаго). Не въ вознагражденіе-ли за потерю такихъ заведеній великій князь Иванъ Васильевичъ грамотою $\frac{7025}{1517}$ г. апрѣля отъ 9 дня пожаловалъ Степану, Осипу и Владиміру Ѳедоровичамъ Строгановымъ въ Устюжскомъ уѣздѣ въ Водно-курской волости, „лѣсъ дикій да соль Качаловскую"? Сообразя всѣ приведенныя обстоятельства и свѣдѣнія, кажется, безошибочно сказать можно, что *именитые люди Строгановы происходятъ просто изъ богатыхъ гражданъ бывшаго Великаго Нова-города, не принимавшихъ участія въ борьбѣ съ*

Московскимъ государемъ за вольность Новгородскую, и что родоначальникъ сей знаменитой фамиліи былъ почетный и богатый гражданинъ Великаго Новгорода *Спиридонъ Строгановъ*, жившій во времена великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго и въ родословной табели, составленной по архивнымъ документамъ въ 1722 году по повелѣнію Петра Великаго, показанный подъ $\frac{6903}{1395}$ годомъ". Гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ мы встрѣтили еще одинъ аргументъ Ѳ. А. Волегова въ пользу приведеннаго заключенія о происхожденіи Строгановыхъ не изъ Золотой Орды, а изъ Новгорода, а именно указаніе на то обстоятельство, что Строгановы до позднѣйшихъ временъ не играли важной *придворной* роли, чего не могло бы быть, если-бъ Козьма Спиридоновичъ Строгановъ былъ сынъ великокняжской дочери. Устряловъ въ своей книгѣ о Строгановыхъ также на этомъ соображеніи основываетъ свое заключеніе о происхожденіи Строгановыхъ не изъ Золотой Орды, а изъ Новгорода Великаго (см. стр. 2).

Таковъ безпристрастный взглядъ Ѳ. А. Волегова на происхожденіе „именитыхъ людей", на сколько онъ выясняется въ собранныхъ нами его рукописяхъ. Нельзя сказать того же про „Исторію о родословіи, богатствѣ и отечественныхъ заслугахъ знаменитой фамиліи г.г. Строгановыхъ" г. Икосова, для котораго преданіе о происхожденіи Козьмы Спиридоновича Строганова *отъ дочери великаго князя* Дмитрія Донского было нужнѣе всякихъ иныхъ историческихъ свидѣтельствъ, и истинныя цѣли котораго достаточно сказываются въ самомъ заглавіи его „сочиненія".

Черезъ 18 лѣтъ послѣ того, какъ Соловьевъ издалъ VI томъ своей „Исторіи", впервые высказанная имъ мысль о происхожденіи Строгановыхъ изъ Московской или Ростовской земли нашла себѣ поддержку въ ученыхъ трудахъ Н. И. Костомарова. Въ 3 выпускѣ его „Русской Исторіи въ жизнеописаніяхъ" (СПБ. 1874 г.), на стр. 527, сказано опредѣленно: *„Отечество этого рода (Строгановыхъ) была*

встарину Ростовская земля". Къ сожалѣнію, Костомаровъ не указалъ источника, на которомъ онъ основалъ свое мнѣніе, какъ это сдѣлано во всей популярной его „Исторіи въ жизнеописаніяхъ". Быть можетъ, и онъ основывается на „Отказной грамотѣ Новговодцевъ 1471 года".

Наконецъ въ самое послѣднее время пересмотромъ всѣхъ данныхъ о Строгановыхъ и ихъ роли въ дѣлѣ завоеванія Сибири занялся Д. И. Иловайскій въ 3 томѣ своей капитальной „Исторіи Россіи" (Москва. 1890). Здѣсь впервые приняты во вниманіе всѣ какъ общія, такъ и мѣстныя изслѣдованія по даннымъ вопросамъ и сдѣланъ очень обстоятельный библіографическій указатель имъ (см. примѣчаніе къ III тому, главѣ 10-й съ 68-го по 73-й включит.). Въ результатѣ пересмотра опять получился только *вѣроятный* выводъ о происхожденіи Строгановыхъ. „*Предки Строгановыхъ*, говоритъ авторъ, *по всей вѣроятности, принадлежали къ тѣмъ новгородскимъ фамиліямъ, которыя когда-то колонизовали Двинскую землю, а въ эпоху борьбы Новгорода съ Москвою перешли на сторону послѣдней*" (III, 383).

Предположеніе о новгородскомъ происхожденіи Строгановыхъ приходится пока признать наиболѣе правильнымъ.

---

2. Что означало званіе „именитыхъ людей"?

Другимъ вопросомъ, занимавшимъ какъ Ѳ. А. Волегова, такъ и иныхъ лицъ, писавшихъ о Строгановыхъ, былъ вопросъ о значеніи званія „именитыхъ людей", которое Строганóвы носили до дарованія имъ баронскаго титула Петромъ Великимъ 6 марта 1722 г. Вопросъ этотъ являлся столь же спорнымъ, какъ и вопросъ о происхожденіи рода Строгановыхъ. Одни говорили, что званіе „именитыхъ людей" было исключительнымъ въ своемъ родѣ, что его кромѣ Строгановыхъ никто не удостоился въ до-петровскія времена; другіе не находили въ немъ ничего особеннаго, утверждая,

что оно давалось въ прежнія времена самымъ богатымъ *купцамъ* преимущественно за значительныя пожертвованія въ пользу государства, какихъ Строгановы сдѣлали въ разное время не мало. Карамзинъ въ своей исторіи постоянно называетъ Строгановыхъ купцами. Такъ, онъ писалъ: „въ числѣ Россійскихъ всельниковъ (въ Пермской странѣ) были и *купцы Строгановы* Яковъ и Григорій Іоанникіевы или Аникины..... Пишутъ, что *сіи купцы* происходили отъ знатнаго крещеннаго мурзы Золотой Орды, именемъ Спиридона и т. д.“ (IX, 431, изданіе 1831 г.). Устряловъ въ своей книгѣ о Строгановыхъ говоритъ: „Повторяя другъ за другомъ басню, очевидно, основанную на одномъ затѣйливомъ словопроизводствѣ, во вкусѣ старинныхъ грамотѣевъ, наши исторіографы*), а за ними и прочіе писатели впали въ другую важнѣйшую ошибку: они твердятъ въ одинъ голосъ, что Строгановы, до возведенія ихъ въ баронское достоинство Петромъ Великимъ, были *купцы*“. (Именитые люди Строгановы, СПБ. 1842 г., стр. 3). Тутъ же въ сноскѣ Устряловъ въ упрекъ Карамзину приводитъ изъ его „Исторіи Государ. Россійск.“ двѣ цитаты и затѣмъ продолжаетъ въ текстѣ: „Имѣвъ случай прочитать болѣе 20 царскихъ грамотъ, данныхъ роду ихъ, и до 80 фамильныхъ записей и другихъ документовъ, мы ни въ одномъ изъ нихъ не встрѣтили наименованія ни купца, ни гостя, ни торговаго человѣка. Въ актахъ XVI вѣка они называются просто по имени и фамиліи (напримѣръ Григорій Строгановъ), въ актахъ же XVII вѣка именитыми людьми съ прописаніемъ имени, отечества и фамиліи (наприм. именитый человѣкъ Андрей Семеновичъ Строгановъ). Какую же степень занимали они въ государствѣ среди сословій народныхъ? Они занимали степень завидную. Владѣтели обширной

---

*) Въ число которыхъ, какъ было уже сказано, Устряловъ включаетъ и Карамзина, не посмотрѣвъ въ примѣчанія къ его «Исторіи Государства Россійск.», гдѣ Карамзинъ *первый* назвалъ именно *баснею* записанное Витзеномъ преданіе о татарскомъ происхожденіи Строгановыхъ. *Авт.*

страны въ Пермскихъ предѣлахъ, величиною съ нынѣшнюю Богемію, они производили въ ней судъ, какъ феодальные бароны, независимо отъ Пермскихъ намѣстниковъ и отъ Московскихъ приказовъ; сами же не подлежали ни чьему суду, кромѣ личнаго суда царскаго; имѣли право строить города, крѣпости, содержать полки людей ратныхъ, лить пушки, воевать съ владѣтелями Сибири и вести безпошлинно заграничную торговлю съ народами Азіатскими. Признавая непосредственнымъ своимъ судьею самого царя, слѣдовательно не уступая въ чести знатнѣйшимъ сановникамъ, а другими преимуществами даже превосходя ихъ, Строгановы имѣли *особенное* званіе, исключительно имъ принадлежавшее, званіе именитыхъ людей; составляли *особенное* почетное сословіе, для другихъ недоступное, и отъ того *особенною* статьею внесены въ Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича" (тамъ же, стр. 3—4). По мнѣнію Устрялова, этимъ-то и объясняется, что Строгановы не искали чести служить при дворѣ и потому не входили въ списки бояръ и окольничихъ. Мнѣніе Устрялова было поддержано рецензентами въ „Библіотекѣ для чтенія" (февраль, 1843 г.), въ „Маякѣ" (апрѣль, 1843 г.) и въ „Русскомъ Инвалидѣ" (№ 40 отъ 23 февраля 1843 г.). За то другіе ученые не такъ разсуждали о значеніи званія именитыхъ людей, исключительно присвоеннаго будто-бы роду Строгановыхъ. Таково возраженіе Устрялову со стороны Строева въ „Сѣверной Пчелѣ" (№ 50 за 1843 г.), гдѣ между прочимъ читаемъ: „Намъ странно, что почтенный историкъ превратно смотритъ на дѣло и заводитъ пустой споръ о словахъ. Послѣ сего можно Минина причислить къ *особенному сословію*, потому что онъ названъ былъ *избраннымъ отъ всея Русскія земли человѣкомъ*, хотя и оставался въ купцахъ. Такъ именитые граждане при Екатеринѣ, купцы, получившіе чины, но не возводимые въ дворяне, и нынѣшніе почетные граждане причислялись и причисляются къ сословію купцовъ. Такъ и Строгановы, отличенные *почетнымъ*

титуломъ, оставались купцами, и хотя „самымъ лучшимъ Московскимъ гостямъ“ титулъ ихъ былъ *не въ образецъ и не въ примѣръ*, но почетные оклады ихъ и плата за безчестье были купеческіе. Самая раскладка поборовъ съ имѣній Строгановыхъ производилась купцами. О чемъ же спорить, и что хочетъ доказать г. Устряловъ?..... Почтимъ уваженіемъ древность и знаменитость предковъ, но съ неменьшею гордостію будемъ говорить, что Мининъ былъ купецъ-мясникъ, что предокъ доблестнаго рода Демидовыхъ былъ тульскій кузнецъ и что Строгановы, завоеватели Сибири, были купцы также, какъ и Шелеховъ, открывшій и покорившій Русскому Царю отдаленную Америку, былъ купецъ!“ Еще рѣшительнѣе и гораздо основательнѣе Строева возражаетъ Устрялову г. Погодинъ въ своей рецензіи на его книгу, помѣщенной въ „Москвитянинѣ“ (№ 4 за 1843 г.). Погодинъ совершенно не раздѣляетъ мнѣнія Устрялова объ исключительномъ значеніи Строгановыхъ, какъ „именитыхъ людей“. Мы приведемъ значительную часть этой рецензіи, такъ какъ она напечатана въ такомъ изданіи, которое теперь почти недоступно для пользованія, какъ рѣдкость, а между тѣмъ имѣетъ важное значеніе для занимающихся исторіей Строгановыхъ. Приведя выписанныя нами выше слова Устрялова касательно званія „именитыхъ людей“, М. П. Погодинъ говоритъ: „Мы думаемъ иначе, и вотъ на какихъ основаніяхъ. Въ грамотѣ 1610 г., данной царемъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ Петру Семеновичу Строганову и напечатанной въ Румянцовскомъ собраніи (томъ II, стр. 386), сказано: „а хто его обезчеститъ, а по суду доищется, и я ему указалъ безчестья противъ Московскаго лучшаго гостя вдвое сто рублевъ“. Ясно-ли, что Петръ Семеновичъ былъ самъ гость, купецъ, торговецъ, потому и безчестье его положено сравнительно съ купеческимъ; если-бъ онъ былъ другаго званія, то безчестье положено было бы сравнительно съ онымъ. Въ самой этой грамотѣ, которую теперь издалъ г. Устряловъ, къ удо-

вольствію всѣхъ любителей исторіи, именно сказано: „да мы же Великій Государь..... велѣли ему учинить окладъ 170 руб., противъ гостей первой степени вдвое..... *а гостямъ никому то не въ образецъ*“. Ясно, что Строгановы были *гости*. Точно также и въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича опредѣлено наказаніе безчестья сперва за бояръ, околничихъ, думныхъ людей, потомъ въ слѣдующей статьѣ—о стольникахъ, стряпчихъ, дворянахъ московскихъ, дьякахъ, жильцахъ, дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ, городовыхъ, иноземныхъ, дворовыхъ людяхъ, подъячихъ и всякихъ чиновъ людяхъ, а наконецъ уже не въ особой статьѣ, какъ говоритъ г. Устраловъ, а въ одной статьѣ съ гостями, посадскими людьми и проч. и проч. говорится о Строгановыхъ. Вотъ статья Уложенія: „94 а буде кто обезчеститъ именитыхъ людей Строгановыхъ, или гости, или гостиные и суконные и казенные и черныхъ слободъ и сотень и городовыхъ посадскихъ людей, или ямщиковъ, или дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей крестьянъ, или боярскихъ людей, или помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ крестьянъ, или гулящихъ людей, а по суду или по сыску про то сыщется допрямо: и имъ правити за безчестье: Строгановымъ по сту рублевъ человѣку, гостю по 50 руб. человѣку, гостиные сотни большой статьи по 20 руб., средней по 15 руб., меньшой по 10 руб. и проч. и проч.“..... За безчестіе бояръ, околничихъ и проч. повелѣно сѣчь кнутомъ, сажать въ темницу, а за безчестье прочихъ сословій назначалась денежная пеня.— Продолжаю свои доказательства: въ родословныхъ книгахъ, составленныхъ при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ (напечатанныхъ Новиковымъ), нѣтъ рода Строгановыхъ, а тогда почти всѣ дворянскіе роды, по случаю сожженія разрядныхъ книгъ, составили свои родословныя и представили правительству. Въ Латухинской Степенной книгѣ сказано: „Государь (Іоаннъ Грозный) видѣвъ оболгана Бориса и рече ему: кто ти врачуетъ болѣзни сія? Онъ же отвѣща, яко цѣлитъ мои язвы

Великой Перми *купеческаго чина человѣкъ, именуемый Строгановъ*. Царь же повелѣ пріити ему предъ себя и вопрошаше.... и увѣдѣ истину и повелѣ того купца звати выше гостя. И съ того времени тѣ Строгановы начаша именоваться съ *вичемъ* именитыми людьми". Слѣдовательно, именитымъ человѣкомъ былъ тотъ, кто имѣлъ право называться по имени и отечеству. Самъ Витзенъ, собирая всякія свѣдѣнія въ Москвѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и называя Строгановыхъ *купцами*, свидѣтельствуютъ о всеобщемъ мнѣніи того времени. Къ чему бы ему выдумать такое извѣстіе? Г. Устряловъ въ томъ же тонѣ продолжаетъ: „Владѣтели обширной страны..... они производили въ ней судъ, какъ феодальные бароны.....". Предлагаю свидѣтельства, что почти всякій помѣщикъ имѣлъ и получалъ въ то время такія же права. „Се язъ Князь Великій Василей Васильевичь пожаловалъ есмь Сенку писаря, что его село приданое въ Коломенскомъ уѣздѣ и съ деревнями..... и кого въ томъ селѣ и деревняхъ посадитъ своихъ людей пришлыхъ, или кого къ себѣ приведетъ людей изъ иныхъ княженій..... а намѣстницы мои Коломенскіе и ихъ тіуны къ нему въ то село и деревни не всылаютъ ни по што.... ни судятъ ни въ чемъ опричь душегубства, а вѣдаетъ и судитъ своихъ людей всѣхъ Сенко самъ или кому прикажетъ....., а кому будетъ чего поискати на самомъ Сенкѣ, и его сужу азъ, Князь Великій, или мой бояринъ введеный".—Вотъ другая грамота: „Се язъ, Князь Великій Василей Васильевичь, пожаловалъ есмь Марью Васильевну жену Борисо*вича* Копнина да ея сына Ѳедора..... а намѣстницы мои Переславскіе и волостели Усольскіе ни судятъ ихъ, ни ихъ людей, ни въ чемъ опроче душегубства..... А кому будетъ чего искати на Марьѣ и на ея сынѣ Ѳедорѣ, или на ихъ приказницѣ, ино ихъ сужу язъ, самъ Князь Великій, или мой бояринъ введенный" (1449 г. Акты Арх. Коммиссіи, I, стр. 32). Такихъ грамотъ множество—частнымъ лицамъ, сословіямъ, городамъ, селамъ, монастырямъ.—

Строгановы „имѣли право строить города и крѣпости, содержать полки людей ратныхъ, лить пушки“ очень естественно потому, что они жили на границѣ и обязаны были за полученныя выгоды защищать ее..... „Они имѣли особенное званіе, составляли *особенное* почетное сословіе, для другихъ недоступное“. Т. е. никакой Воронцовъ, никакой Морозовъ не могъ быть Строгановымъ—кто же въ этомъ сомнѣвается? А чтобъ они составляли особое сословіе, т. е. чтобъ пять-шесть человѣкъ (ибо въ одно время никогда ихъ не бывало больше) составляли особенное сословіе—съ этимъ никто не можетъ согласиться. Никто не можетъ согласиться, чтобъ русскій народъ состоялъ, по увѣренію г. Устрялова, изъ дворянъ, купцовъ, Строгановыхъ, крестьянъ, духовенства..... Я удивляюсь только тому, какъ г. Устряловъ рѣшился съ такою опромѣтчивостью обвинять нашихъ историковъ, которые, какъ мы видѣли, имѣли причины гораздо основательнѣе, нежели онъ“.

Таковы возраженія Погодина Устрялову касательно значенія званія „именитыхъ людей“. Обратимся теперь къ мнѣнію Ѳ. А. Волегова по тому же вопросу.

„О томъ, что Строгановы до возведенія ихъ въ баронское достоинство были именитые купцы — можно судить двояко, говоритъ Ѳ. А. Волеговъ. *Купцами* называть ихъ можно потому только, что они издревлѣ производили торговлю и тѣмъ составили свое богатство, извѣстность и именитое званіе, не состоя никогда въ службѣ государственной. Напротивъ, нельзя причислять ихъ въ общую массу купцовъ, по тогдашнему названію *гостей* или *торговыхъ людей*, потому что они издавна отличались и именованіемъ съ *вичемъ*, чего, кажется, никто изъ торговаго сословія въ то время не имѣлъ*). По Уложенію царя Алексѣя Михайловича положено взыска-

*) Приведенная въ рецензіи Погодина выдержка изъ грамоты Василія Темнаго Марьѣ Васильевнѣ Копниной (1449 года), мужъ которой именовался Борисо*вичемъ*, опровергаетъ это мнѣніе Волегова.

ніе за безчестіе Строганова 100 рублей человѣку, а за безчестіе *гостя*—только 50 рублей. Государь Петръ Великій, жалуя Григорія Дмитріевича Строганова (по грамотѣ $\frac{7200}{1692}$ г.) помѣстнымъ окладомъ въ 1000 четвертей и съ прежнею упазною статьею 170 рублей *противъ гостей* первой статьи *вдвое*, сказалъ, что милость сія дѣлается за многія прародителей его и за его службы и денежные поборы и для того, что роду его Строгановы *изстары знатные именитые люди*, и въ Уложеньѣ именно о нихъ напечатано: *„а гостямъ никому то не въ образецъ“* *). Слова эти ясно показываютъ, что Строгановы, по званію и занятіямъ или промысламъ своимъ, нѣкоторымъ образомъ принадлежали къ классу купеческому или торговому (гостей), но по богатству и отечественнымъ заслугамъ пользовались особеннымъ отличіемъ, *вдвое выше гостя первой статьи* (т. е. вдвое выше нынѣшняго купца первой гильдіи, а можетъ быть и еще болѣе). Сверхъ того значеніе именитости Строгановыхъ въ гражданскомъ обществѣ или чиносостояніи весьма много отличалось прибавкою *вичь* въ отечественному имени. Жалованнаго съ *вичемъ* повелѣвалось: боярамъ, воеводамъ, дьякамъ и всякимъ приказнымъ людямъ во всякихъ письмахъ и дѣлахъ именовать и онъ самъ долженъ былъ подписываться—съ *вичемъ*; наприм.; Григорій Дмитріе*вичъ* Строгановъ, а не иначе. Кто же напишетъ или произнесетъ имя Строганова безъ *вича*, тотъ долженъ былъ заплатить ему *за безчестіе* 170 руб. и сверхъ того подвергнуться царской опалѣ. И это жалованное отличіе *вичъ* въ свое время значило едва-ли меньше генеральства. Въ описаніи Россіи, напечатанномъ въ Голландіи, въ 1630 году, говорится между прочимъ, что „въ числѣ Россійскаго дворянства заключаются три разряда: 1) удѣльные князья, 2) бояре и 3) воеводы. Сіи три степени дворянства прибавляли къ отечественнымъ именамъ своимъ *вичъ*,

*) Послѣднія слова сказаны не въ Уложеніи, а въ грамотѣ отъ 2-го декабря 1688 года на имя Григорія Дмитріевича Строганова.

какъ знакъ достоинства, и налагали денежную пеню на тѣхъ, которые сіе прибавленіе опускали въ разговорѣ, ибо сіе почиталось великимъ *безчестіемъ*". Мнѣ случалось видѣть подлинныя предписанія Григорія Дмитріевича Строганова къ Чусовскимъ его прикащикамъ съ собственноручною подписью: Григорій Дмитріевичъ Строгановъ *). По сохранившемуся донынѣ (статья писана Ѳ. А. Волеговымъ въ 1843 году) портрету сего послѣдняго именитаго человѣка изъ фамиліи г.г. Строгановыхъ мы видимъ, что онъ при парадномъ красномъ кафтанѣ, шитомъ золотомъ, надѣвалъ огромный парикъ съ прической, какой тогда носили знатнѣйшія лица, и шляпу треугольную съ плюмажемъ, а въ петлицѣ кафтана или мундира—портретъ государя императора Петра Великаго. Кто же въ нынѣшнее время изъ купеческаго званія имѣетъ такой костюмъ? и какая *купеческая* жена имѣетъ теперь у себя на шеѣ жалованный портретъ Государя Императора, какъ мы это видимъ на портретѣ супруги Григорія Дмитріевича Строганова, Марьи Яковлевны? Знаемъ при томъ, что многіе изъ Строгановыхъ въ близкомъ родствѣ находились съ знатнѣйшими государственными лицами—съ князьями и боярами. Напримѣръ: 1) Семенъ Аникіевичъ былъ женатъ на дочери *боярина* Лачинова и сестрѣ Соликамскаго *воеводы*; 2) дочь Петра Семеновича, Анна Петровна, была за мужемъ за *княземъ* Алексѣемъ Юрьевичемъ Звенигородскимъ; 3) Дмитрій Андреевичъ женатъ былъ на *княжнѣ* Волконской; 4) дочь его, Пелагея Дмитріевна, была въ замужествѣ за *княземъ* Андреемъ Ивановичемъ Голицынымъ; 5) дочь Ѳедора Петровича, Екатерина Ѳедоровна, была въ замужествѣ за *бояриномъ* Алексѣемъ Петровичемъ Салтыковымъ; 6) дочь Данила Ивановича, Степанида Даниловна, была въ замужествѣ за *княземъ* Петромъ Семеновичемъ Урусовымъ; 7) другая

*) Я нашелъ эти подлинники, за собственноручнымъ подписомъ Григорія Дмитріевича и его сыновей, въ Соликамскомъ уѣздѣ. Они обнимаютъ время съ 1702 по 1746 года. *Авт.*

дочь, Анна Даниловна, была въ замужествѣ за *бояриномъ* Сергѣемъ Ивановичемъ Милославскимъ; 8) послѣдняго именитаго человѣка, Григорія Дмитріевича, первая супруга, Василиса Ивановна, была дочь *князя* Мещерскаго, а вторая— Марья Яковлевна была урожденная Новосильцева. Все сіе было не въ обычаѣ *купеческомъ* и показываетъ, что фамилія *именитыхъ* Строгановыхъ издавна составляла *особенное* почетное сословіе, для другихъ недоступное, какъ и г. Устряловъ выразился. Въ рецензіи на его книгу г-на А. Б., помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ „Маяка', за 1843 годъ, не даромъ сдѣлано слѣдующее весьма дѣльное и правдивое заключеніе: „Строгановы были родомъ Новгородцы, купеческаго сословія, получившіе за оказанныя услуги государству званіе именитыхъ людей, которое было выше званія гостей; и такъ какъ они образовали изъ себя особое сословіе, въ которое никто, кромѣ нихъ, не былъ записанъ, то по этой причинѣ и были они внесены особою статьею въ Уложеніе".

Этой цитатой изъ „Маяка" заканчивается трактатъ Ѳ. А. Волегова по вопросу о значеніи званія „именитыхъ людей". Нельзя не замѣтить, что она служитъ точнымъ выраженіемъ мыслей Волегова и по первому вопросу—о происхожденіи Строгановыхъ. Расходясь по этому послѣднему съ Устряловымъ, Ѳ. А. Волеговъ совершенно соглашается съ нимъ по второму—о значеніи званія „именитыхъ людей". Не приводя дальнѣйшихъ выписокъ по этому спеціальному и слишкомъ частному вопросу изъ трудовъ послѣдующихъ ученыхъ, позволю себѣ высказать свой взглядъ. Въ данномъ вопросѣ, полагаю, должно различать двѣ стороны: 1) пожалованіе именоваться съ *вичемъ* и 2) пожалованіе званіемъ *именитыхъ людей*. Первое пожалованіе не было исключительнымъ, второе принадлежало однимъ Строгановымъ. Въ этомъ смыслѣ *отчасти* правы и Устряловъ, и Погодинъ, и Волеговъ—каждый до извѣстной степени.

Первый изъ Строгановыхъ, начавшій именоваться съ *вичемъ*, былъ Никита Григорьевичъ, жившій въ Сольвычегодскѣ и получившій на то грамоту отъ 23 февраля 1610 г. отъ царя Василія Шуйскаго. Но этотъ Никита Строгановъ еще не былъ „именитый человѣкъ". Это послѣднее *исключительное* званіе впервые было даровано двоюроднымъ братьямъ Никиты, Андрею и Петру Семеновичамъ, получившимъ отъ того же Шуйскаго двѣ именныя, совершенно одинаковыя по содержанію и формѣ, грамоты отъ 29 мая 1610 года, въ коихъ впервые они названы *именитыми людьми* и проименованы, подобно Никитѣ, Семено*вичами*.

Исключительность званія именитыхъ людей доказывается какъ отсутствіемъ въ нашей исторіи другихъ примѣровъ этого рода, такъ и самыми правами Строгановыхъ. Въ грамотѣ отъ 2-го декабря 1688 г. ясно сказано: „Строгановы изстари знатные имянитые люди, и въ Уложеньѣ о нихъ имянно (т. е. по имени) напечатано, *а гостямъ та статья никому не въ образецъ и не въ примѣръ*" (разумѣется главы X статья 94). За безчестье Строгановыхъ и Уложеніе 1649 г., и дальнѣйшія грамоты отъ 2 декабря 1688 года, отъ 27 ноября 1692 г. и отъ 25 іюля того же года вездѣ полагаютъ пеню *вдвое противъ гостей первой статьи*—именно „никому не въ образецъ и не въ примѣръ".

---

3. Объ участіи Строгановыхъ въ дѣлѣ выкупа изъ плѣна Василія II Темнаго.

Третьимъ спорнымъ вопросомъ въ исторіи рода Строгановыхъ надо считать вопросъ объ участіи ихъ въ дѣлѣ выкупа изъ казанскаго плѣна великаго князя Василія Васильевича Темнаго, въ 1445 году. Одни историки утверждали, что Строгановы выкупили изъ плѣна Московскаго великаго князя единолично, безъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ кого-либо другаго; другіе отвергали такое мнѣніе и

приписывали Строгановымъ лишь извѣстную долю участія въ этомъ дѣлѣ, дорого стоившемъ, будто бы, всему Московскому государству. Такое несогласіе ученыхъ объясняется разнорѣчіемъ нашихъ древнихъ лѣтописей относительно этого факта, а также относительно суммы, употребленной на выкупъ великаго князя. Полевой въ „Исторіи Русскаго народа" (томъ V, стр. 368) приводитъ слова различныхъ лѣтописей по этому поводу:

Новгородской: „Царь Махметъ *взя окупъ* 200000 рублевъ, а иное Богъ вѣсть и они въ себѣ".

Псковской: „Великій князь окупъ *посуливъ* на собе отъ злата и сребра, и отъ портища всякаго, и отъ коней, и отъ доспѣховъ 29500 рублевъ".

Въ *Строевской* (т. II, ст. 48), въ *Костромской* (т. II, 6) и въ *Типогр.* лѣтописи (стр. 255) замѣчено вообще: „дати окупъ съ себя *сколько можетъ*".

Такія разнорѣчія и неопредѣленность въ свидѣтельствахъ древне-русскихъ лѣтописей и были причиною спора ученыхъ. Карамзинъ, Погодинъ, Соловьевъ приписывали Строгановымъ только нѣкоторую долю участія въ выкупѣ Василія Темнаго, а Устряловъ и Волеговъ признавали весь выкупъ дѣломъ однихъ Строгановыхъ. Приведемъ подлинныя слова какъ всѣхъ этихъ ученыхъ, такъ и нѣкоторыхъ другихъ, концентрируя оба указанныя мнѣнія въ два особые круга.

Карамзинъ, какъ сказано, считалъ выкупъ Василія Темнаго дѣломъ не однихъ Строгановыхъ: послѣдніе, по его словамъ, были только особенно крупными жертвователями, какъ самые богатые люди того времени. При описаніи освобожденія Василія Темнаго изъ плѣна казанскаго въ V томѣ „Исторіи Государства Россійскаго" Карамзинъ говоритъ: „Желая скорѣе возвратиться въ Болгарію, царь (казанскій) совѣтовался съ ближними, призвалъ великаго князя и съ ласкою объявилъ ему свободу, требуя отъ него единственно *умѣреннаго* окупа и благодарности" (313 стр.). Въ IX же

томѣ, въ примѣчаніи 637, онъ гораздо опредѣленнѣе высказываетъ свое мнѣніе. „Въ жалованной Царской грамотѣ, данной Строгановымъ 24 марта 1610 года, сказано, что одинъ изъ ихъ предковъ выкупилъ Темнаго изъ плѣна, т. е. *участвовалъ въ семъ выкупѣ*, который дорого стоилъ всему Московскому Государству". Такъ же думалъ и Строевъ, написавшій, какъ мы уже знаемъ, рецензію на книгу Устрялова о Строгановыхъ въ № 50 „Сѣверной Пчелы" за 1843 г. „Еще во времена Василія Темнаго, говоритъ онъ, *Строгановы пожертвовали знатною суммою въ сборъ на выкупъ* его, угождая равно Москвѣ и Новугороду". Слѣдовательно, Строевъ, какъ и Карамзинъ, считалъ выкупъ Василія Темнаго дѣломъ не однихъ Строгановыхъ, а всего Московскаго государства, которое по подпискѣ составило необходимую для этого сумму. Другой, также извѣстный уже намъ, рецензентъ книги Устрялова, г. Погодинъ въ № 4 „Москвитянина" за 1843 годъ сказалъ почти то же самое. „Великаго князя Василія Васильевича не выкупали Строгановы, не выкупалъ никто. Казанскій царь Махмудъ самъ отпустилъ его изъ плѣна, предоставивъ ему дать послѣ, сколько хочетъ, за себя, какъ объ этомъ именно сказано во всѣхъ нашихъ лѣтописяхъ. Потому-то Карамзинъ и назвалъ умѣреннымъ ханское требованіе. Темный, уже по возвращеніи своемъ изъ плѣна, послалъ за себя выкупъ обѣщанный. Въ Никоновскомъ лѣтописцѣ (V, 200) сказано: „дати ему съ себя откупъ, сколько можетъ". Такъ же во Львовскомъ лѣт. (II, 334—335), въ Русскомъ Временникѣ (II, 8) и Софійскомъ Временникѣ (II, 48). Въ Псковской лѣтописи сказано: „*посулилъ*" отъ себя. Количество выкупа показывается различно. Г. Устряловъ можетъ это видѣть въ сводѣ Арцыбашева (т. I, пр. 1380). *Я думаю*, продолжаетъ Погодинъ, *согласно съ Карамзинымъ* и съ естественнымъ ходомъ вещей, что сокращенное выраженіе позднѣйшей грамоты „*выкуповалъ*" не означаетъ полнаго выкупа, а только участіе, и увѣренъ,

что Карамзинъ упомянулъ о всемъ Московскомъ государствѣ не безъ основанія. Выкупъ, при всей своей умѣренности (въ отношеніи къ Махмуду), могъ дорого стоить всему Московскому государству". Послѣ Карамзина, Строева и Погодина мнѣніе о нѣкоторомъ только участіи Строгановыхъ въ дѣлѣ выкупа Василія Темнаго поддержалъ Соловьевъ въ своей капитальной „Исторіи Россіи". Въ IV томѣ, вышедшемъ въ свѣтъ въ Москвѣ въ 1854 г., онъ такъ говоритъ по этому поводу: „Касательно условій освобожденія (Василія II) свидѣтельства разногласятъ; въ большей части лѣтописей сказано: „Царь Улу-Махметъ и сынъ его утвердили великаго князя крестнымъ цѣлованіемъ, что дать ему съ себя окупъ, сколько можетъ". Но въ нѣкоторыхъ означена огромная сумма 200,000 руб.; намекается также и на другія какія-то условія: „а иное Богъ вѣсть, и они между собою". Во всякомъ случаѣ трудно согласиться, чтобъ окупъ былъ умѣренный. Лѣтописи единогласно говорятъ, что съ великимъ княземъ выѣхали изъ орды (татарской) многіе князья татарскіе со многими людьми (на кормленіе)" (стр. 67, т. IV). Въ этихъ словахъ выражается мнѣніе Соловьева объ условіяхъ освобожденія Василія II изъ плѣна безъ отношенія къ Строгановымъ. Позже, въ VI томѣ своей „Исторіи", Соловьевъ высказалъ свой взглядъ и на роль Строгановыхъ въ этомъ дѣлѣ. „Нѣкоторые хотятъ утвердить, замѣчаетъ онъ, что одни Строгановы выкупили Василія Темнаго, и для этого предполагаютъ, что окупъ былъ незначительный. Но если мы даже, отвергнувъ показанія Новгородскаго лѣтописца о 200,000 руб., примемъ показанія Псковскаго о 29,500 руб., то и это будетъ сумма очень значительная по тогдашнему времени" (примѣч. 117 къ VI тому).

Вотъ одинъ кругъ мнѣній ученыхъ по спорному вопросу объ участіи Строгановыхъ въ дѣлѣ выкупа Василія Темнаго изъ казанскаго плѣна. Въ параллель съ этими мнѣніями приведемъ другія, приписывающія Строгановымъ болѣе важ-

ную роль въ этомъ дѣлѣ. Мы знаемъ уже, что представителями ихъ являются Устряловъ и Волеговъ. Въ книгѣ „Именитые люди Строгановы“ (СПБ. 1842) Устряловъ говоритъ слѣдующее: „Есть поводъ думать, что Строгановы вышли изъ разряда обыкновенныхъ помѣщиковъ Новгородскихъ еще въ первой половинѣ XV вѣка замѣчательнымъ подвигомъ великодушія: они искупили изъ заточенія великаго князя Московскаго Василія Васильевича Темнаго, взятаго въ плѣнъ царемъ казанскимъ. Напрасно полагаетъ Карамзинъ, что они только участвовали въ семъ выкупѣ, который, по словамъ его, дорого стоилъ всему Московскому государству. Ни въ лѣтописяхъ, ни въ современныхъ актахъ мы не нашли подтвержденія словамъ исторіографа, между тѣмъ какъ заслуга Строгановыхъ засвидѣтельствована грамматою царя Василія Іоанновича (Шуйскаго, отъ 24 марта $\frac{7118}{1610}$ года): по случаю истощенія казны на жалованье ратнымъ людямъ, во времена самозванцевъ, требуя въ займы отъ Максима Яковлевича и Никиты Григорьевича Строгановыхъ 10,000 рублей, царь пишетъ къ нимъ: „вспомните, какой великой чести удостоились ваши предки, когда выкупили великаго князя Василія Васильевича изъ плѣна; мы вамъ также можемъ честь воздать, если ссудите насъ немалыми деньгами на жалованье ратнымъ людямъ для спасенія вѣры и царства“. Да и трудно предположить, продолжаетъ Устряловъ, чтобы, какъ думаетъ Карамзинъ, все государство участвовало въ искупленіи Василія: въ такомъ случаѣ надлежало произвести поголовный сборъ, который при тогдашнихъ обстоятельствахъ былъ невозможнымъ: Московскимъ престоломъ овладѣлъ Дмитрій Шемяка, непримиримый врагъ Василія, заботившійся не объ искупленіи великаго князя, а о вѣчномъ заточеніи его въ Казани. Слѣдовательно, общій сборъ со всего государства не могъ имѣть мѣста; лѣтописи впрочемъ и не говорятъ о томъ“ (см. стр. 5—6). Такъ думалъ Устряловъ касательно участія Строгановыхъ въ выкупѣ Темнаго. Мы видимъ, что

послѣднее предположеніе его было отвергнуто Строевымъ въ рецензіи на книгу Устрялова. Мнѣніе Устрялова раздѣлялъ однако Ѳ. А. Волеговъ, который, какъ и вездѣ, приводилъ свои особые аргументы. Вотъ его подлинныя слова по этому вопросу, извлекаемыя нами изъ одной рукописи. „Какой же чести удостоились Строгановы за искупленіе великаго князя, мы положительно не знаемъ—говоритъ г. Устряловъ на стр. 6. А мнѣ кажется, поясняетъ Ѳ. А. Волеговъ, незнаніе сіе разрѣшаетъ именно грамота, жалованная Максиму Яковлевичу и Никитѣ Григорьевичу Строгановымъ 24 марта $\frac{7118}{1610}$ г., въ которой, между прочимъ, говорится: „Попомните, въ прежнихъ временахъ великаго князя Василія Васильевича окупили изъ полону: *какой великой чести сподоблены*. А вы только насъ ссудите немалыми деньгами, и вашею дачею служилыхъ людей, пожалуемъ, и мы васъ тако жъ чести и повышенія можемъ воздати". По моему разумѣнію, эта великая честь заключается въ одномъ томъ, что подданный частный человѣкъ искупилъ своего государя изъ плѣна. Выраженіе сіе помѣщено въ царской грамотѣ, конечно, не безъ основанія; и потому, вопреки Карамзину, я думаю, что великаго князя Василія Васильевича Темнаго изъ плѣна татарскаго выкупили *одни Строгановы*. Они могли употребить на это и 200,000 руб. Мы видимъ изъ жалованныхъ имъ грамотъ, что во время Московскаго разоренія и въ Смоленскую войну они пожертвовали 841,762 руб. 27 коп. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Строгановы одни могли выкупить государя, имѣя ежегоднаго дохода, по показанію англичанина Флетчера, до 300,000 руб., на каковое свидѣтельство ссылается самъ же Карамзинъ въ X томѣ своей „Исторіи Государства Россійскаго" на стр. 270. И потому, вѣря больше царской грамотѣ, я не согласенъ съ Карамзинымъ, будто-бы Строгановы только *участвовали* въ выкупѣ, который, по его словамъ, дорого стоилъ всему Московскому государству. Кажется, со мной согласенъ и г. Устряловъ".

Таково мнѣніе Ѳ. А. Волегова о роли Строгановыхъ въ дѣлѣ выкупа Василія Темнаго. Волеговъ касался вопроса о ежегодныхъ доходахъ и издержкахъ Строгановыхъ неоднократно, въ нѣсколькихъ статьяхъ, и всегда приходилъ къ заключенію, вполнѣ подтверждающему вышеупомянутое показаніе Флетчера, почему онъ и находитъ возможнымъ считать весь выкупъ Темнаго дѣломъ *однихъ* Строгановыхъ. Карамзинъ, Погодинъ и Соловьевъ находятъ пожертвованіе одной фамиліей 200,000 рублей слишкомъ непосильнымъ и невѣроятнымъ для своего времени, т. е. для половины XV вѣка. Но они не знали, по справедливому замѣчанію Ѳ. А. Волегова въ одной изъ статей, содержанія грамоты царя Алексѣя Михайловича отъ 1673 года и знаменитой грамоты Петра Великаго отъ 25 іюля $\frac{7200}{1692}$ года, которую издалъ Устряловъ въ своей книгѣ о Строгановыхъ. Въ этихъ грамотахъ опредѣленно исчисляются позднѣйшія громадныя пожертвованія этой фамиліи въ XVII вѣкѣ. Разница во времени пожертвованій, положимъ, на цѣлыхъ два столѣтія; за то и сумма позднѣйшаго приношенія въ четыре раза превышаетъ употребленную на выкупъ Василія Темнаго. Въ этихъ грамотахъ указывается, между прочимъ, на слѣдующую заслугу Строгановыхъ. „..... и при дѣдѣ нашемъ, великихъ государей, при великомъ государѣ, царѣ и великомъ князѣ Михайлѣ Ѳеодоровичѣ, всея Россіи самодержцѣ, и при отцѣ нашемъ, великихъ государей, при великомъ же государѣ царѣ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцѣ, у Андрея и у Петра и у Максима и у дядьей его у Ѳедора и у Данила и у отца его, Григорья Дмитріевича, у Дмитрія Строгановыхъ пятинныхъ и запросныхъ денегъ и солдатскихъ и нѣмецкихъ кормовъ и посошныхъ людей и подымныхъ денегъ съ вотчинъ, и соляныхъ двугривенныхъ и алтынныхъ пошлинъ съ ихъ промысловъ, и платья и жемчугу и сосудовъ серебреныхъ и хлѣба и соли и всякихъ пожитковъ взято съ

Московскаго разоренія по 158 годъ (т. е. 1650-й) въ казну *четыреста двадцать три тысячи семь сотъ шесть рублевъ;* а что при царѣ и великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ всея Россіи у гостей деньги иманы, и даваны имъ въ томъ изъ казны заклады жемчугомъ и золотомъ и сосудами серебреными, и Нижегородцы посадскіе люди тѣ свои деньги изъ таможенныхъ и изъ кабацкихъ доходовъ взяли назадъ, а прадѣды и дѣды его (Григорія Дмитріевича Строганова) изъ нашихъ, великихъ государей, казны *закладовъ и тѣхъ денегъ не имали и въ томъ прибыли себѣ не искали* и служили и работали намъ, великимъ государямъ, и всему Московскому государству вѣрою и правдою во всемъ; да во 158 году (т. е. 1650 г.) въ Смоленскую службу отецъ его, Григорія Дмитріевича, Дмитрій Андреевичъ и дядя его Ѳедоръ и братъ его Данила и онъ, Григорій Дмитріевичъ *), не жалѣя своихъ пожитковъ, дали въ нашу, великихъ государей, казну ратнымъ людямъ на жалованье пятинныхъ и десятой и пятнадцатой денегъ и соляныхъ и гривенныхъ пошлинъ и данныхъ и оброчныхъ денегъ по 181 годъ (т. е. по 1673 г.) *четыреста осмнадцать тысячъ пятьдесятъ шесть рублей девять алтынъ;* да въ Смоленскую жъ службу у отца его Дмитрія Андреевича и дяди его Ѳедора и у брата его Данила Стро-

*) Вотъ родовыя отношенія:

Аника Строгановъ † 1570 г.

- Яковъ † 1579 г. — Максимъ † 1623 г. — Иванъ † около 1647 г. — Даніилъ † 1668 г.
- Григорій † 1578 г. — Никита † 1619 г.
- Семенъ † 1587 г.
  - Андрей † 1649 г. — Дмитрій † 1673 г. — Григорій † 21 ноября 1715 г.
    - *Бароны:* Александръ, Николай и Сергѣй.
  - Петръ † 1639 г. — Ѳедоръ † 1671 г.

(Извлеченіе изъ полной родословной, которая приведена во II вып. «Пермской Старины»; см. особый листъ, прилож. къ стр. 69).

гановыхъ съ Пермскихъ и Усольскихъ вотчинъ взято съ тѣхъ же поморскихъ ихъ вотчинъ съ пяти дворовъ по человѣку, и были на Кунгурѣ и на Степановѣ городищѣ многіе годы на ихъ проторяхъ.....“ (см. „Именитые люди Строгановы“ Устрялова, стр. 89—90).

Таково несомнѣнное, по своей достовѣрности, свидѣтельство о громадныхъ жертвахъ*) Строгановыхъ въ XVII вѣкѣ, въ тяжелые для Россіи годы испытаній и разоренія! Ему нельзя не вѣрить и въ то же время нельзя не удивляться! Принявъ во вниманіе эту огромную для своего времени жертву на пользу разореннаго и обнищавшаго отечества, нельзя не согласиться съ Волеговымъ и Устряловымъ относительно возможности единоличнаго выкупа изъ плѣна великаго князя Василія II Темнаго Строгановыми, несмѣтныя богатства которыхъ, сбереженныя вѣками, не даромъ же вошли въ пословицу: *„богаче Строганова не будешь“*.

4. Историческая роль Строгановыхъ въ дѣлѣ покоренія Сибири въ связи съ вопросомъ о поземельныхъ правахъ ихъ.

Теперь мы переходимъ къ вопросу, имѣющему широкое значеніе въ исторіи Россіи вообще, представляющему интересъ столько же политическій, сколько и экономическій. Нельзя не сказать, что этотъ вопросъ—едва-ли не самый запутанный и спорный въ исторіи нашихъ окраинъ, тѣмъ болѣе что съ завоеваніемъ Сибири связывается вопросъ о способахъ русской колонизаціи вообще и объ аграрныхъ

*) Устряловъ на стран. 22 своей книги исчисляетъ пожертвованія Строгановыхъ, указанныя въ грамотѣ 1692 г., по современной цѣнности монеты болѣе чѣмъ въ 2½ милліона рублей серебромъ, т. е. принимаетъ прежній русскій рубль XVII вѣка равнымъ почти *тремъ* рублямъ, такъ какъ въ тѣ времена монета была гораздо дороже. Карамзинъ же въ своей «Исторіи Государства Россійск.» (томъ X, стр. 270) цѣнитъ прежній рубль XVII вѣка въ *пять* рублей серебромъ, ему современныхъ. Въ такомъ случаѣ пожертвованіе Строгановыхъ въ 841,762 руб. сер., по цѣнности нашей монеты въ началѣ XIX вѣка, составляло 4.208,810 руб. *серебромъ* или 14.732,835 рублей *ассигнаціями*.

отношеніяхъ между правительствомъ и частными лицами— этими проводниками колонизаціи. Завоеваніе Сибири было гигантскимъ шагомъ въ нашемъ колонизаціонномъ движеніи на востокъ, продолжающемся и понынѣ въ средней Азіи, и между тѣмъ это великое дѣло совершилось безъ всякихъ потерь и матеріальныхъ жертвъ со стороны правительства, благодаря частной предпріимчивости. Несомнѣнно, что фамилія Строгановыхъ играла весьма видную роль въ этомъ дѣлѣ, уясненіе которой и составляетъ нашу прямую цѣль въ настоящемъ случаѣ.

Дабы удобнѣе было разобраться въ массѣ научныхъ воззрѣній по этому вопросу, нерѣдко прямо противоположныхъ одно другому, мы укажемъ сначала первоисточники, на основаніи которыхъ слагались эти воззрѣнія, а потомъ уже сконцентрируемъ эти послѣднія въ извѣстныя группы или разряды.

Важнѣйшимъ, по древности и достовѣрности, источникомъ въ вопросѣ о завоеваніи Сибири наши историки, за исключеніемъ г. Небольсина, признаютъ, такъ названную Карамзинымъ, *Строгановскую лѣтопись* Сибири, изданную г. Спасскимъ въ 1821 г. въ Петербургѣ подъ заглавіемъ: „Лѣтопись Сибирская, содержащая повѣтствованіе о взятіи сибирскія земли русскими, при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, съ краткимъ изложеніемъ предшествовавшихъ оному событій. Издана съ рукописи XVII вѣка“. Эта же лѣтопись напечатана была въ журналѣ „Сибирскій Вѣстникъ“ за 1821 годъ, часть XIV. Она обращаетъ особенное вниманіе на роль Строгановыхъ въ дѣлѣ покоренія Сибири, почему Небольсинъ и заподозрилъ ея составителя въ пристрастіи; къ тому же онъ не считаетъ ея древнѣйшею, относя ея составленіе ко второй половинѣ XVII вѣка. Но Карамзинъ въ примѣчаніи 630 къ IX тому „Исторіи Государства Россійскаго“ отдаетъ этой лѣтописи предпочтеніе предъ всѣми другими, и это его мнѣніе вполнѣ раздѣляетъ Соловьевъ въ

дополненіи къ VI тому своей „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ (Москва, 1856 года). Отсюда и происходитъ совершенное несходство научныхъ воззрѣній въ вопросѣ о покореніи Сибири Небольсина съ одной стороны и Карамзина съ Соловьевымъ—съ другой. — Вторымъ, по степени важности, источникомъ считается Сибирская лѣтопись *Саввы Есипова*. Она была издана въ печати дважды: въ первый разъ ее напечаталъ въ 1822 г. въ „Трудахъ Санктпетербургскаго общества любителей Россійской словесности“ тогдашній директоръ Пермской гимназіи Никита Поповъ, а чрезъ два года, т. е. въ 1824 г., та же лѣтопись явилась на страницахъ журнала „Сибирскій Вѣстникъ“ (часть XXV*), издававшагося тѣмъ самымъ Григоріемъ Спасскимъ, который въ 1821 году въ томъ же журналѣ и въ особой книгѣ издалъ Строгановскую лѣтопись Сибири. Обѣ лѣтописи онъ снабдилъ весьма полезными и дѣльными библіографическими примѣчаніями. Во время лѣтней археологической экскурсіи 1882 года, я имѣлъ счастливый случай найти въ г. Соликамскѣ новый списокъ Есиповской лѣтописи въ рукописи первой половины XVII вѣка (къ сожалѣнію, безъ первыхъ шести главъ)**). Въ противоположность Строгановской, лѣтопись Саввы Есипова молчитъ о Строгановыхъ, приписывая всю заслугу покоренія Сибири дружинѣ Ермака Тимофеевича. На этомъ основаніи Небольсинъ и отдаетъ ей предпочтеніе, какъ болѣе безпристрастной, съ чѣмъ не согласны, однако, другіе ученые. Карамзинъ и Соловьевъ справедливо указываютъ на то, что данныя Строгановской лѣтописи подтверждаются грамотами и другими несомнѣнными документами, почему составителей ея нельзя винить въ пристрастномъ отношеніи къ Строгановымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Небольсинъ

*) См. «Источники и пособія для изученія Пермскаго края» *Д. Д. Смышляева*. Пермь. 1876 г., стран. 30 и 26—29. Впрочемъ въ 1849 году Небольсинъ сдѣлалъ печатный сводъ всѣхъ Сибирскихъ лѣтописей въ своей книгѣ: «Покореніе Сибири».

**) Онъ переданъ мною академику Л. Н. Майкову для сличенія съ другими списками той же лѣтописи.

считаетъ Есиповскую лѣтопись древнѣйшею, а Карамзинъ и Соловьевъ — позднѣйшею сравнительно съ Строгановскою. „Сія повѣсть, говоритъ Карамзинъ о лѣтописи Есипова, основана на первой или Строгановской съ нѣкоторыми отмѣнами и прибавленіями". (Примѣч. 630 къ IX т. „Исторіи"). Есиповская же лѣтопись, въ свою очередь, опять была сокращена и въ этомъ сокращенномъ видѣ составила третью Сибирскую лѣтопись: „Сказаніе о Сибирскомъ царствѣ", которую Карамзинъ зналъ въ рукописи. Ее напечаталъ Небольсинъ въ своей книгѣ въ 1849 г. Тотъ же г. Спасскій помѣстилъ въ своемъ „Сибирскомъ Вѣстникѣ" за 1822 г. часть XVII, „Повѣствованіе о Сибири" неизвѣстнаго автора. Онъ перевелъ его съ двухъ латинскихъ рукописей XVII вѣка, которыя и соединилъ въ одно цѣлое. Это повѣствованіе, повидимому, было неизвѣстно Карамзину. Пятымъ источникомъ по исторіи Сибири является лѣтопись Семена Ремезова, о которой Карамзинъ въ 630 примѣчаніи къ IX тому „Исторіи" говоритъ такъ: „Пятымъ источникомъ служитъ такъ называемый *Тобольскій Лѣтописецъ*, состоящій болѣе изъ худыхъ рисунковъ, нежели изъ повѣствованія, которое идетъ въ немъ до 1649 года и весьма баснословно. Сія рукопись, полученная Миллеромъ (авторомъ Сибирской исторіи) отъ воеводы Енисейской провинціи, Мировича, и въ 1744 г. отданная имъ въ библіотеку Академіи Наукъ, едва-ли старѣе временъ Петра Великаго. Титулъ въ началѣ: *Сибирская Исторія*, а на другомъ вклеенномъ листкѣ: *Лѣтопись Сибирская краткая Кунгурская*. Въ концѣ имя затѣйливаго автора или писца, тобольскаго жителя, изображено числительными буквами (изъясненными для меня почтеннымъ моимъ пріятелемъ, А. И. Ермолаевымъ: *писалъ Семенъ Ремезовъ)*. Сочинитель пользовался, какъ думаю, народными преданіями, догадывался, вымышлялъ: а Миллеръ на его невѣрныхъ сказаніяхъ (не знавъ, кажется Строгановскаго лѣтописца) основалъ свою Исторію Сибири, любопытную

мѣстными описаніями и внесенными въ нее грамотами. Фишеръ повторяетъ Миллера такъ же, какъ и неизвѣстный мнѣ авторъ рукописной *Новой Сибирской Лѣтописи*, присланной графу Н. П. Румянцеву Тобольскимъ архіепископомъ Амвросіемъ". Такимъ образомъ по степени древности и достовѣрности Ремезовская лѣтопись не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ указанными раньше четырьмя лѣтописями; и между тѣмъ на ней основаны капитальные труды по исторіи Сибири Миллера и Фишера. Она издана въ печати недавно корреспондентомъ Археографической Коммиссіи, г. Зостъ, подъ заглавіемъ: „Краткая Сибирская Лѣтопись (Кунгурская), со 154 рисунками. С.-Петербургъ 1880 г.". Г. Зостъ издалъ ее на свой счетъ, при содѣйствіи Коммиссіи, къ предстоявшему тогда 300-лѣтнему юбилею Сибири. Впрочемъ Небольсинъ еще ранѣе напечаталъ ее въ своей книгѣ вмѣстѣ съ другими лѣтописями. Особенность во взглядѣ Ремезова на историческую роль Строгановыхъ состоитъ въ томъ, что они приняли Ермака будто-бы только изъ страха казацкихъ разбоевъ, которыми казаки славились тогда на нижней Волгѣ, на Дону и по берегамъ Каспія. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи Ремезовская лѣтопись больше сходна съ Есиповскою, нежели со Строгановскою. На этой лѣтописи Ремезова была основана и позднѣйшая лѣтопись Сибири, которую Карамзинъ называетъ, какъ мы видѣли, *Новою Сибирскою Лѣтописью*. Авторомъ ея былъ тобольскій житель Илья Черепановъ. Эта лѣтопись извѣстна въ двухъ спискахъ: Тобольскаго архіепископа Амвросія и Григорія Спасскаго. Послѣдній списокъ доведенъ до 1759 года, и съ него въ извлеченіи эта лѣтопись была издана Спасскимъ въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ" 1821 г., ч. XIV (вмѣстѣ со Строгановскою). Какъ позднѣйшая, лѣтопись Черепанова не имѣетъ такого научнаго значенія, какъ Строгановская или Есиповская, тѣмъ болѣе, что она основана на баснословной и недостовѣрной лѣтописи Ремезова. Обстоятельный крити-

ческій разборъ ея помѣщенъ Л. Н. Майковымъ въ VII вып. „Лѣтописи занятій Археографич. Коммиссіи". Главная особенность Черепановской лѣтописи состоитъ въ томъ, что она покорителя Сибири называетъ *Василіемъ Тимофеевичемъ, прозваніемъ Ермакъ*, т. е. таганъ, такъ какъ онъ до прихода къ Строгановымъ служилъ будто-бы кашеваромъ въ одной казацкой шайкѣ (см. объ этомъ примѣчаніе 650 къ IX т. „Исторіи Госуд. Россійск." Карамзина и въ книгѣ Смышляева: „Источники и пособія о Пермскомъ краѣ" страницу 31). Наконецъ краткія замѣтки о завоеваніи Сибири мы находимъ въ *„Книгѣ, глаголемой Новый Лѣтописецъ"*, которая была издана Академіей Наукъ, какъ приложеніе къ извѣстной Никоновской лѣтописи, въ 1792 г. (См. книгу: „Русская Лѣтопись по Никонову списку, изданная подъ смотрѣніемъ Императорской Академіи Наукъ. Часть осьмая. Съ 1583 до 1630 года. СПБ. 1792 года"). Въ 1853 г. этотъ „Новый Лѣтописецъ" XVII вѣка былъ изданъ въ особой книгѣ княземъ Оболенскимъ. Въ 1882 г. я нашелъ, вмѣстѣ съ лѣтописью Саввы Есипова, новый варіантъ этого лѣтописца въ рукописи XVII вѣка, который представленъ мною въ „Общество археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ". „Новый Лѣтописецъ" XVII вѣка согласенъ со Строгановскою Сибирскою лѣтописью относительно призыва казаковъ самими Строгановыми. Немаловажнымъ источникомъ въ вопросѣ о покореніи Сибири надо признать и жалованныя роду Строгановыхъ грамоты, которыхъ сохранилось очень много и которыми пользовались, какъ видно, составители Строгановской лѣтописи Сибири— древнѣйшей изъ всѣхъ.

Приведенный обзоръ главнѣйшихъ источниковъ по исторіи Сибири уже даетъ намъ основаніе свести къ тремъ главнымъ группамъ различныя мнѣнія ученыхъ относительно той исторической роли, которую имѣли Строгановы въ дѣлѣ покоренія Сибири. Одни мнѣнія основываются на древнѣйшей

Сибирской лѣтописи—Строгановской, другія—на лѣтописи Саввы Есипова, третьи—на лѣтописи Ремезова. Остальныя Сибирскія лѣтописи, будучи передѣлкой этихъ трехъ, не имѣютъ самостоятельнаго научнаго значенія. Главнѣйшими представителями первой группы ученыхъ являются Карамзинъ, Соловьевъ, Устряловъ и Майковъ; второй группы—Небольсинъ и Погодинъ; третьей группы—историки Сибири прошлаго вѣка, Миллеръ и Фишеръ и князь Щербатовъ, и нынѣшняго Словцовъ и Иловайскій. Ѳ. А. Волеговъ въ этомъ вопросѣ примкнулъ къ первой группѣ. Разсмотримъ мнѣнія ученыхъ всѣхъ трехъ группъ, начиная съ историковъ прошлаго вѣка въ видахъ соблюденія хронологической послѣдовательности.

А. Группа сторонниковъ взглядовъ Ремезова.

Лѣтопись Ремезова въ прошломъ вѣкѣ пользовалась большимъ довѣріемъ въ глазахъ нашихъ ученыхъ, нежели въ нашемъ столѣтіи, когда историческая критика рѣшительно предпочла ей не только лѣтопись Строгановскую, но и Есиповскую. Главнѣйшимъ представителемъ ученыхъ этой группы слѣдуетъ считать Герарда Фридриха Миллера, автора капитальнаго труда по исторіи Сибири—„Описанія Сибирскаго царства", изданнаго въ Петербургѣ въ первый разъ 1750 г., а во второй—въ 1787 г. Вѣроятно, онъ не зналъ Строгановской лѣтописи и потому основывалъ свои взгляды на показаніяхъ лѣтописца Ремезова. Другой историкъ Сибири, Фишеръ, въ этомъ отношеніи не обнаруживаетъ особенной самостоятельности и только повторяетъ Миллера, что слѣдуетъ сказать и о современникѣ ихъ, князѣ Щербатовѣ. Мы приведемъ сначала подлинныя слова Ремезовской лѣтописи, послужившія источникомъ научныхъ воззрѣній для упомянутыхъ ученыхъ, а затѣмъ и подлинныя разсужденія этихъ послѣднихъ.

Лѣтописи Ремезова статья 5: „Начало заворуя Ермака Тимоѳеевича сына Поволскаго. Въ 7085 и 6 годѣхъ (т. е. 1576—8 г.) воевалъ и разбивалъ на Окѣ и Волгѣ и на морѣ суды и катарги торговыхъ караваны въ скопѣ съ 5000 человѣкъ, хотя итти въ Кизылбаши, для своей власти, съ Донскими и Яицкими (казаками). И преже и въ тѣхъ лѣтахъ промчеся воровской слухъ его въ Россіи, въ Казанѣ и въ Астраханѣ, и что кизылбашскихъ пословъ пограбили Ермачко именемъ со многими людми. У него жъ было въ скопѣ на морѣ 7000 человѣкъ. И того жъ 85 году (т. е. 1576) октября въ 1 день, посланъ указъ отъ великого государя со стольникомъ Иваномъ Мурашкинымъ по дорогѣ и въ Астрахань, гдѣ тѣхъ воровъ ни застанетъ, тутъ пытать, казнить и вѣшать. Ермакъ же совѣтомъ съ дружиною, услыша грозное слово и дѣло, августа съ 29 числа, и съ возвратомъ здумали бѣжать въ Сибирь разбивать, обратя струги по Волгѣ и по Камѣ вверхъ. И тотъ ихъ государевъ указъ на станахъ не засталъ..... И сентября въ 26 день обмишенилися, не попали по Чюсовой въ Сибирь и прогребли по Сылвѣ вверхъ..... и идучи у жителей обирали хлѣбы и запасы, и тутъ зимовали, и по за Камени Вогуличь воевали и обогатѣли. А хлѣбомъ кормилися отъ Максима Строганова“..... Статья 7: „..... а въ походъ Ермакъ на струги дружинѣ своей у Максима взимая съ пристрастіемъ, а не вовсе въ честь или взаймы, но убити хотѣша и жита его разграбить и домъ его и при немъ живущихъ разорити въ конецъ, и приступи къ Максиму гызомъ (?)“..... Статья 8: *„Максимъ же страхомъ одержимъ и съ подданными своими отворилъ анбары хлѣбные“*.....

Вотъ источникъ научныхъ воззрѣній Миллера и его послѣдователей, Фишера и князя Щербатова. Миллеръ въ „Описаніи Сибирскаго царства“ такъ говоритъ о появленіи Ермака на Уралѣ: „§ 22. Между убѣжавшими (съ Волги) казаками былъ атаманъ Ермакъ Тимоѳѣевъ съ товарищи,

которые бѣжали вверьхъ по рѣкѣ Камѣ до устья рѣки Чусовой, или, какъ въ Тобольскомъ лѣтописцѣ пишетъ, до Строгоновскаго городка Орла при рѣкѣ Камѣ, и пришли къ Строгановымъ хотя не съ такими разбойническими поступками, какіе они на рѣкѣ Волгѣ чинить обыкли: однакожъ и не совсѣмъ такъ смирно, чтобъ сихъ гостей опасаться причины не было. Всѣ лѣтописцы объявляютъ согласно, что тогда при рѣкѣ Камѣ жилъ *Максимъ Строгановъ*, которой *Ермака съ товарищи, опасаясь отъ него худыхъ слѣдствій, пріятно принялъ;* и понеже онъ былъ человѣкъ весьма зажиточной, то снабдилъ его и всякими потребностьми" (см. въ изданіи 1750 года главу вторую, стр. 92—93). Это— исходная точка научныхъ воззрѣній Миллера. Далѣе онъ чрезвычайно обстоятельно развиваетъ эту мысль, такъ что на долю его преемниковъ досталось лишь повтореніе сказаннаго имъ. Здѣсь является вопросъ: если Строгановы *вынуждены* были принять казаковъ, то за что же жаловался на нихъ царю Чердынскій воевода Василій Пелепелицынъ? Миллеръ объясняетъ это *личною* непріязнью его къ Строгановымъ и считаетъ неправильнымъ доносъ его въ Москву. „Словомъ, онъ писалъ, говоритъ Миллеръ, какъ человѣкъ, которой ни о состояніи Сибири, ниже о благополучномъ успѣхѣ Ермакова оружія не имѣлъ никакого извѣстія" (§ 2 третьей главы, стр. 145, изданія 1750 г.). Другой историкъ Сибири, Фишеръ, не сказалъ ничего новаго въ сравненіи съ Миллеромъ. Вотъ его слова изъ „Сибирской Исторіи", изданной въ Петербургѣ въ 1774 г. „Въ числѣ разбойниковъ былъ нѣкто именемъ Ермакъ Тимофѣевъ, который, прослышавъ о походѣ противъ ихъ царской военной силы, вздумалъ заблаговременно скрыться. Чего ради онъ съ сообщниками своими, которыхъ, какъ сказываютъ, было отъ 6000 до 7000 человѣкъ, пошелъ еще до прибытія царскаго войска вверьхъ по рѣкѣ Камѣ до Чусовой, гдѣ нашелъ Максима Строганова, сына Якова, а внука стараго Аники,

который, *опасаясь ихъ наглости, дружески принялъ Ермака* со всѣми его товарищами и снабдѣвалъ всѣмъ нужнымъ къ содержанію..... Опасаяся слышанныхъ отъ нихъ угрозъ, что погубятъ его со всѣмъ домомъ и разграбятъ все его имѣніе, *принужденъ онъ былъ склониться на ихъ предложеніе*, котораго сила въ томъ состояла, что Строгановъ обѣщался помогать Ермаку и его сообщникамъ для наступающаго походу довольнымъ числомъ съѣстныхъ и военныхъ припасовъ; напротивъ чего Ермакъ и его казаки, въ случаѣ ежели возвратятся съ хорошею добычею, обязались заплатить Строгановымъ за всѣ издержки" (стр. 114—115 и 117—118). О жалобѣ Василія Пелепелицына Фишеръ выражаетъ то же мнѣніе, что и Миллеръ, такъ какъ другаго объясненія не допускаетъ въ данномъ случаѣ здравый смыслъ. „Можетъ статься, говоритъ Фишеръ, что донесено двору о семъ дѣлѣ *по ненависти*" (стр. 139). Князь Щербатовъ, въ свою очередь ссылаясь на Миллера и Фишера, въ V томѣ своей „Исторіи Россійской отъ древнѣйшихъ временъ" 1789 г. въ третій разъ повторилъ то же самое. „Хотя имѣлъ справедливую причину опасаться Строгановъ гнѣва царскаго за пріятіе сего гонимаго царскимъ оружіемъ; но настоящій страхъ, превозмогая въ немъ чувствіе будущія опасности, принудилъ его принять сего страшнаго гостя съ вооруженными съ нимъ людьми" (томъ V, часть 3, стр. 4—5).

Въ нашемъ вѣкѣ Семенъ Ремезовъ нашелъ себѣ послѣдователя въ лицѣ извѣстнаго П. А. Словцова, который свое „Историческое обозрѣніе Сибири" (М. 1848—49) посвятилъ, какъ извѣстно, „достопамятному имени Миллера, какъ писателя Сибирской исторіи", а этотъ послѣдній въ своемъ „Описаніи Сибирскаго царства" основывался преимущественно на лѣтописи Ремезова. Такъ какъ эта лѣтопись вмѣстѣ съ трудомъ самого Миллера послужила, въ свою очередь, источникомъ для позднѣйшей лѣтописи Ильи Черепанова, то Словцовъ въ равной мѣрѣ слѣдуетъ и этой лѣтописи, прямо

указывая ее въ числѣ источниковъ для своей исторіи подъ именемъ рукописнаго сборника библіотеки Тобольской семинаріи и дѣлая на нее ссылки въ текстѣ своей книги*). Такимъ образомъ Ремезовъ, Миллеръ и Черепановъ дали послѣдующему историку Сибири, стяжавшему себѣ извѣстность, основную почву для его историческихъ выводовъ въ вопросѣ о Строгановыхъ и Ермакѣ. Своеобразное витійство и вычурность языка П. А. Словцова, къ сожалѣнію, затемняютъ мѣстами отношеніе его къ каждому изъ указанныхъ источниковъ въ отдѣльности.

Въ самое послѣднее время основныя воззрѣнія лѣтописца Ремезова сталъ поддерживать историкъ Д. И. Иловайскій въ своей капитальной „Исторіи Россіи" (томъ III. Москва. 1890). Приведу нѣкоторыя мѣста изъ его труда въ доказательство сказаннаго мною. „Трудно сказать, говоритъ почтенный ученый, кому именно принадлежалъ главный починъ въ этомъ предпріятіи (завоеваніи Сибири). Однѣ лѣтописи всецѣло приписываютъ его Строгановымъ, которые будто-бы *послали* казаковъ покорять Сибирское царство. Другія говорятъ, что казаки, съ Ермакомъ во главѣ, по собственному замыслу, самостоятельно предприняли этотъ походъ, при чемъ угрозами заставили Строгановыхъ снабдить ихъ всѣми нужными для того запасами, съѣстными и огнестрѣльными. Съ вѣроятностью можно предположить, что *починъ былъ обоюдный, но со стороны казаковъ болѣе добровольный, со стороны же Строгановыхъ болѣе вынужденный обстоятельствами.* Казацкая дружина, прибывшая въ Чусовые городки, была не такого характера, не такихъ привычекъ, чтобы долгое время могла спокойно нести скучную сторожевую службу, покорно подчиняться мѣстнымъ купцамъ-землевладѣльцамъ..... По всей вѣроятности, она скоро сдѣлалась бременемъ для собственнаго края" (III, стр. 389).

*) См. «Историческое обозрѣніе Сибири», изданіе 2-е, 1886 г., во вступленіи стран. IX и *Л. Н. Майкова:* «О Сибирскомъ лѣтописномъ сборникѣ Черепанова» въ VII вып. «Лѣтописи занятій Археографич. Коммиссіи».

Затѣмъ въ примѣчаніи 70 къ десятой главѣ своего труда Д. И. Иловайскій пишетъ: „Изъ Сибирскихъ лѣтописей такъ называемая Строгановская приписываетъ починъ казацкаго похода Строгановымъ; но другія лѣтописи, именно Есипова и Ремизова*), выставляютъ его почти самостоятельнымъ дѣломъ Ермака съ товарищами. Карамзинъ держался перваго взгляда. Небольсинъ старается опровергнуть этотъ взглядъ и подкрѣпить второй.... Противъ него вооружился Соловьевъ..... При всей логичности и обстоятельности сего разбора, нельзя однако согласиться съ тѣмъ, что Ермакъ съ товарищами, предпринявъ покореніе Сибири, явился только послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Строгановыхъ. Соображая всѣ обстоятельства и всѣ извѣстія, мы полагаемъ, что *сибирскій походъ былъ предпринятъ хотя съ одобренія и съ помощію Строгановыхъ, однако главный починъ едва-ли не принадлежалъ самимъ казацкимъ атаманамъ*, и въ особенности Ермаку Тимофеевичу“ (стр. 660).

По поводу приведенныхъ соображеній г. Иловайскаго позволимъ себѣ замѣтить, что за деньги или другое вознагражденіе со стороны Строгановыхъ казаки могли явиться послушнымъ ихъ орудіемъ. Боязнь Строгановыхъ въ данномъ случаѣ все-таки ничѣмъ не доказана. Напротивъ, мы знаемъ три царскихъ грамоты на имя ихъ, гдѣ прямо заявляется, что Строгановы „къ себѣ *призвали* Волскихъ атамановъ безъ царскаго указу“ (грамота 1582 г. ноября 16), что они „служа и радѣя предкамъ государей, *призвали* съ Волги атамановъ и казаковъ Ермака съ товарищи, ратныхъ многихъ людей наймовали“ (грамоты 1673 и 1692 годовъ). Мы не видимъ достаточныхъ основаній не довѣрять такимъ документамъ, какъ царскія грамоты.

---

*) Д. И. Иловайскій вездѣ называетъ эту лѣтопись Ремизовскою, а не Ремезовскою.

Б. Группа сторонниковъ взглядовъ Саввы Есипова.

Въ нашемъ вѣкѣ между нѣкоторыми учеными сложилось убѣжденіе, что Ремезовская лѣтопись не можетъ служить основаніемъ для научныхъ выводовъ, какъ мало достовѣрная и сравнительно позднѣйшая, и что въ вопросѣ о завоеваніи Сибири слѣдуетъ опираться главнѣйше на Есиповскую лѣтопись, будто-бы самую безпристрастную и древнѣйшую. Такъ смотрѣли на дѣло Погодинъ и за нимъ Небольсинъ. Какъ сдѣлано нами и выше, мы приведемъ предварительно подлинныя слова лѣтописи Саввы Есипова, а потомъ уже разсужденія упомянутыхъ ученыхъ.

Лѣтописи Есипова глава 8: „Лѣта 7089 (1581) въ державѣ благочестиваго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Россіи самодержца пріидоша сіи воины съ Волги въ Сибирь. Идоша же въ Сибирь Чусовою рѣкою и пріидоша на рѣку Тагилъ и плыша Тагиломъ и Турою и доидоша до рѣки Тавды....“. Глава 16: „Егда жъ изволи Богъ христіанамъ Сибирскую землю взяти, и по взятіи того мѣста Ермакъ съ товарищи послаша къ Москвѣ съ ясакомъ атамана изъ козаковъ, и писаша ко благочестивому царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Россіи самодержцу, что изволеніемъ всемилостиваго въ Троицѣ славимаго Бога и пречистой Его Богоматери и великихъ всея Россіи чудотворцевъ молитвами..... царство Сибирское взяша и царя Кучума съ вои его побѣдиша.....“. Глава 37: „.....избра Богъ и посла не отъ славныхъ мужъ, ни царска повелѣнія воеводъ очистити мѣсто святыни и побѣдити бусурманскаго царя Кучума..... но отъ простыхъ людей избра Богъ и вооружи славою и ратоборствомъ и вольностію атамана Ермака Тимофѣева сына Повольскаго со единомысленною превозлюбленною дружиною храбровавшею.....“.

Какъ видимъ, о Строгановыхъ лѣтопись совсѣмъ умалчиваетъ, сколько бы выписокъ мы ни приводили. Это обстоя-

тельство и навело нѣкоторыхъ ученыхъ на мысль, что все завоеваніе Сибири совершилось помимо всякаго участія въ этомъ дѣлѣ Строгановыхъ, благодаря храбрости однихъ казаковъ, и что лѣтопись Есипова, такъ повѣствующая объ этомъ событіи, именно самая достовѣрная и безпристрастная. Сначала высказался въ этомъ смыслѣ Погодинъ въ знакомой уже намъ рецензіи на книгу Устрялова о Строгановыхъ въ № 4 „Москвитянина“ за 1843 годъ. Вотъ его подлинныя слова: „Г. Устряловъ говоритъ, что Ермакъ былъ именно призванъ Строгановыми для войны съ Кучумомъ, а въ главной грамотѣ имъ сказано только, что они (казаки) въ то самое время, когда напалъ на Пермь князь Пелымскій, пошли воевать Вогуличей, Перми же нисколько не пособили. Есиповская лѣтопись представляетъ совершенно иное извѣстіе. Думать о войнѣ съ Кучумомъ Строгановы никакъ не могли, ибо Кучумъ былъ данникомъ Московскаго царя и платилъ ему дань съ 1571 года. Спрашивая разрѣшенія царя о маловажныхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ, они, разумѣется, не рѣшились бы на войну безъ его вѣдома. Да и самъ Іоаннъ не обвиняетъ ихъ въ томъ. Почему Ермакъ самъ далъ знать царю о своемъ завоеваніи мимо Строгановыхъ, которые тутъ и не упоминаются? Въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича говорится только о помощи Строгановыхъ козакамъ, и „они (козаки) Сибирское государство взявъ, подъ нашу высокую руку привели“. Теперь спрашивается, почему нѣтъ никакой грамоты отъ Іоанна Грознаго Строгановымъ по случаю Ермакова завоеванія? Почему нѣтъ имъ ни слова отъ Ѳедора Іоанновича и отъ Бориса Годунова? Наконецъ, неужели г. Устряловъ не знаетъ, что первое Ермаково завоеваніе немедленно было потеряно?..... Завоеваніе утверждено Московскими силами при Ѳеодорѣ и Годуновѣ, который послалъ войско, и при этомъ случаѣ нѣтъ ни слова о Строгановской помощи и участіи“. Эти слова Погодина обнаруживаютъ только недостаточное знакомство его самого съ грамотами Строга-

новыхъ, что мы увидимъ ниже, и излишнее довѣріе его *исключительно* одному источнику—лѣтописи Саввы Есипова, какъ будто всѣ другіе источники не стоятъ серьезнаго вниманія, по своему пристрастію. Однако же этотъ крайній и во многомъ ошибочный взглядъ на фактъ завоеванія Сибири нашелъ себѣ ревностнаго защитника въ лицѣ Небольсина, автора спеціальнаго сочиненія: „Покореніе Сибири“ (1849 г.), перечитавшаго чуть-ли не всѣ источники по этому вопросу. Основная мысль книги, весьма старательно проведенная чрезъ все сочиненіе, можетъ быть выражена въ немногихъ словахъ: *Сибирь была покорена исключительно казаками Ермака безъ участія въ этомъ дѣлѣ Строгановыхъ*. Очевидно, эта мысль внушена послѣдователю Погодина лѣтописью Есипова, которую Небольсинъ во всѣхъ отношеніяхъ предпочитаетъ прочимъ Сибирскимъ лѣтописямъ. Надо было-бы выписать большую часть книги, чтобы привести здѣсь все сказанное авторомъ въ доказательство справедливости его основной мысли. Ограничимся немногими выдержками изъ этой книги, которую мы не можемъ не назвать тенденціозною по своему основному направленію. Упрекая другихъ писателей въ пристрастномъ отношеніи къ Строгановымъ, г. Небольсинъ самъ въ такой же степени пристрастенъ къ Ермаку, котораго онъ ставитъ выше американскихъ піонеровъ, Кортеца и Пизарро, считаетъ едва-ли не геніемъ, исполненнымъ необыкновенныхъ качествъ. Это-ли не пристрастное отношеніе къ дѣлу! Но обратимся къ его подлиннымъ словамъ: „Лѣтопись Есипова, говоритъ Небольсинъ, не смотря на реторику и фразерство—кратчайшая. Она излагаетъ происшествія просто, внятно, безъ претензій на ученость, безъ особенныхъ увлеченій въ чью либо личную пользу..... Есиповъ худо-ли, хорошо-ли—но дѣйствовалъ не безъ критики и описываемыя происшествія соображалъ съ хронологическимъ ихъ порядкомъ и съ мѣстными обстоятельствами. Здѣсь про Строгановыхъ, Пермскихъ купцовъ, ничего осо-

беннаго не говорится, и на первомъ планѣ стоитъ одинъ только „оный велемудрый риторъ Ермакъ“ съ своими людьми. Есиповъ выкинулъ даже изъ первообраза своей лѣтописи ссылку на другую лѣтопись: „иніи же повѣдаютъ лѣтописцы, яко призваша ихъ (Ермака съ товарищи) съ Волги Строгановы и даша имъ имѣнія“ и проч. Есиповъ понималъ, что *здѣсь каждое слово вещь невозможная*, и потому просто пишетъ, что *Ермакъ съ товарищами самъ пришелъ съ Волги въ Сибирь*. Другая лѣтопись неизвѣстнаго автора*). Она повторяетъ многое, что есть у Есипова, но еще болѣе, чѣмъ Есиповская лѣтопись, округляетъ періоды, увеличиваетъ ихъ объемъ вставочными предложеніями и всюду блеститъ цвѣтами краснорѣчія, употребляя обороты и выраженія, которые обличаютъ составленіе ея въ позднѣйшее время, чѣмъ лѣтопись Есипова..... Всѣ эти обстоятельства заставляютъ не давать ей той вѣры, которую внушаетъ къ себѣ лѣтопись Есипова, а кой-какія особенности усугубляютъ это недовѣріе и возлагаютъ обязанность подвергнуть ее строгой критикѣ. Занявшись съ самаго начала ознакомленіемъ читателя съ важностью значенія именитыхъ пермскихъ солеваровъ въ государственномъ быту, задолго до появленія Ермака на сценѣ, лѣтопись неизвѣстнаго автора выпускаетъ изъ царскихъ грамматъ всѣ тѣ выраженія, которыя могутъ навести на слѣдъ къ правдѣ, и всѣми силами старается выставить Ермаковыхъ козаковъ существами, не похожими на обыкновенныхъ людей этого разряда: его казаки не воры (въ тогдашнемъ значеніи этого слова), а слабенькіе витязи, всегда готовые плакать отъ умиленія, они не обыкновенные смертные..... Строгановскую лѣтопись Карамзинъ называетъ достовѣрнѣйшею всѣхъ иныхъ и сочиненною, вѣроятно, около 1600 года, продолжаетъ Небольсинъ. Эти слова не заслуживаютъ никакого вѣроятія уже потому, что Строгановская лѣтопись въ самомъ началѣ говоритъ о Сибирской архіепи-

*) Это и есть Строгановская лѣтопись. *Авт.*

скупіи, тогда какъ первая архіепископія учреждена тамъ не ранѣе 1621 года, и въ самомъ концѣ говоритъ о строеніи городовъ и церквей..... что и заставляетъ насъ относить эту лѣтопись по крайней мѣрѣ ко второй половинѣ XVII столѣтія; можетъ быть даже, она и еще позже составлена". Далѣе Небольсинъ высказываетъ ту мысль, что какъ неправильно смотрѣли до него ученые на Строгановскую лѣтопись, такъ же превратно толковали и самыя грамоты, жалованныя Строгановымъ и послужившія для этой лѣтописи основой. По мнѣнію Небольсина, *самыя земли даны были царями Строгановымъ не въ вотчину, а въ поссесію, аренду, кортому*, слѣдовательно, во временное пользованіе и притомъ не болѣе сначала, какъ на 20 льготныхъ лѣтъ. Не большимъ, поэтому, правомъ могли пользоваться Строгановы и на земли въ Сибири. Въ 1574 г. Строгановы, по челобитью, получили весьма важную грамоту, дававшую имъ возможность безпрепятственно колонизировать Сибирь русскими. „И азъ царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи Якова да Григорья Аникіевыхъ дѣтей Строганова, по ихъ челобитью, пожаловалъ на Тахчеяхъ и на Тоболѣ рѣкѣ крѣпости имъ подѣлати, и снарядъ вогненной и пушкарей и пищальниковъ и сторожей отъ сибирскихъ и отъ нагайскихъ людей держати..... и лѣсъ сѣтчи, и пашни пахати, и угодьи владѣти: а людей называти неписьменныхъ и нетяглыхъ (не записанныхъ въ душевой окладъ). *А воровъ имъ и боярскихъ людей бѣглыхъ съ животы и татей и разбойниковъ не называти и никакихъ воровъ не держати* и отъ всякаго лиха беретчи..... А льготы на Тахчеи и на Тоболъ рѣку съ рѣками и съ озеры и до вершинъ на пашни дали есми отъ Троицына дни лѣта 7082 до Троицына дни лѣта 7102 году—*на двадцать лѣтъ*". Послѣ этого, замѣчаетъ Небольсинъ, „могли-ли честные, набожные люди Строгановы, усердные слуги царя—къ обреченнымъ судьей-государемъ смерти ворамъ посылать ласковую грамоту? Могла-ли умнымъ промышленникамъ

Строгановымъ прійти въ голову мысль—приглашать къ себѣ цѣлую ватагу, цѣлую армію грабителей, которые ихъ же самихъ, въ дальней глуши, легко могли ограбить? Да и съ какой стати Строгановымъ, стяжавшимъ себѣ общее уваженіе, было нужно рѣшаться дѣйствовать вопреки воли благодѣтельствовавшаго имъ государя?" Мы приведемъ ниже возраженіе Соловьева на эти слова, не лишенныя нѣкоторой ироніи. Далѣе Небольсинъ приводитъ подробныя соображенія, которыя отрицаютъ самый фактъ посылки Строгановыми къ Ермаку пригласительнаго ласковаго письма, хотя это обстоятельство засвидѣтельствовано нѣсколькими другими историческими источниками, если и умолчано въ лѣтописи Есипова. Мы не будемъ однако болѣе приводить цитатъ изъ сочиненія Небольсина, такъ какъ и безъ того его главная, основная мысль теперь достаточно выяснилась. Она идетъ совершенно въ разрѣзъ съ мнѣніями Карамзина, Устрялова, Волегова, Соловьева и Майкова, которые составляютъ третью группу ученыхъ, занимавшихся вопросомъ о покореніи Сибири. Пора перейти и къ ней.

В. Группа защитниковъ взглядовъ Строгановской лѣтописи.

Сначала мы опять приведемъ подлинныя слова лѣтописи, а потомъ укажемъ мнѣнія ученыхъ, сложившіяся на основаніи этихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ.

Строгановской лѣтописи глава „О призваніи Волскихъ атамановъ": „Въ лѣто 1579 году априля въ 6 день слышаху бо Семенъ и Максимъ и Никита Строгановы отъ достовѣрныхъ людей о буйствѣ и храбрости Поволскихъ казаковъ и атамановъ Ермака Тимоѳеева съ товарищи, како на Волгѣ, на перевозѣхъ, Нагайцовъ побиваютъ и Ардобазарцовъ грабятъ и побиваютъ; и тіи людіе, слышавъ то про ихъ буйство и храбрость, и *людей своихъ съ писаніемъ и съ дары многими послаша къ нимъ*, дабы шли къ нимъ въ вотчины ихъ

въ Чусовскіе городки и въ острожки на спомоганіе имъ. *И они же вельми сему возрадовашася*, яко посланніи пріидоша къ нимъ отъ честныхъ людей и зваху ихъ къ себѣ на помощь; тогда атаманы и казаки Ермакъ Тимоѳеевъ съ товарищи: Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ, Матѳѣй Мещерякъ, собрався со единомысленною и предоброю дружиною, число же ихъ 500 и 40 человѣкъ, вскорѣ шествіе учиниша къ нимъ". Глава „О приходѣ Волскихъ атамановъ": „Того жъ году іюня въ 28 день, на память святыхъ чудотворецъ и безсребреникъ Кира и Іоанна, пріидоша съ Волги атаманы и казаки Ермакъ Тимоѳеевъ Поволской съ товарищи въ Чусовскіе городки; они же Семенъ и Максимъ и Никита *Строгановы пріяша ихъ съ честію и даяху имъ дары многи* и брашны и питіи изобильно ихъ наслаждаху. Атаманы же и казаки стояху противъ безбожныхъ Агарянъ буйственно и единомысленно съ живущими ту людьми въ городкѣхъ, и біяхуся съ безбожными Агаряны сурово и немилостиво, и твердо стояху и на невѣрныхъ поощряхуся: пожиста же они, атаманы и казаки, въ городкахъ ихъ два лѣта и мѣсяцы два".

Таково свидѣтельство о приходѣ Ермака на Уралъ древнѣйшей и достовѣрнѣйшей, по мнѣнію Карамзина и Соловьева, Строгановской Сибирской лѣтописи. Какъ видимъ, оно совершенно не согласуется съ сообщеніями Есиповской лѣтописи и противорѣчитъ показанію Ремезовской, будто Строгановы приняли казаковъ только изъ страха ихъ разбоевъ. Мы присоединяемся къ мнѣнію Карамзина и Соловьева о достоинствахъ Строгановской лѣтописи, такъ какъ сообщенія ея повторяются другими вполнѣ достовѣрными источниками, въ которыхъ свидѣтельства Есипова и Ремезова не находятъ себѣ подтвержденія. Упомянутая нами въ обзорѣ источниковъ по исторіи Сибири „Книга, глаголемая Новый Лѣтописецъ", изданная въ 1792 г. Академіей Наукъ въ видѣ продолженія Никоновской лѣтописи, между прочимъ гово-

ритъ (глава 1-я): „Царь же Иванъ, видя воровство и злое непокорство (казаковъ, грабившихъ по Волгѣ), посла на нихъ воеводъ своихъ и повелѣ ихъ тамъ имати и вѣшати; многихъ же имающе и казняху, а иные жъ, аки волки, разбѣжашася, по Волгѣ жъ вверхъ отъ нихъ *побѣгоша шесть сотъ человѣкъ по присылкѣ Максима Строганова,* въ нихъ же старѣйшина атаманъ, рекомый Ермакъ, и иные многіе атаманы. И доидоша до рѣки до Камы и Камою вверхъ вошли до Чусовой до вотчины Строгановыхъ". Какъ видимъ, фактъ *присылки* Строгановыми за дружиной Ермака на Волгу подтверждается лѣтописью, составленіе которой ученые относятъ къ началу XVII вѣка*). Но есть еще источники, вышедшіе непосредственно изъ рукъ нашихъ государей и потому несомнѣнные по своей достовѣрности—это жалованныя Строгановымъ царскія грамоты. Соловьевъ, возражая Небольсину, справедливо замѣтилъ, что фактъ приглашенія Ермака самими Строгановыми лучше всего подтверждается гнѣвною къ нимъ грамотою Іоанна Грознаго, написанной 16 ноября 7091 (1582) года**) вслѣдствіе донесенія на нихъ тогдашняго Чердынскаго намѣстника, Василія Пелепелицына. Грамота эта, исполненная рѣзкихъ и компрометтирующихъ имя Строгановыхъ выраженій, занесена однако въ Строгановскую Сибирскую лѣтопись ея неизвѣстнымъ составителемъ, который тѣмъ самымъ лучше всего доказалъ свое безпристрастное отношеніе къ дѣлу. *„А Волскихъ атамановъ къ себѣ призвавъ*, говоритъ гнѣвная грамота Іоанна, записанная въ лѣтопись, *воровъ наняли въ свои остроги безъ нашего указа;* а атаманы съ казаки прежъ того ссорили

---

*) См. предисловіе къ «Новому Лѣтописцу» въ изданіи князя Оболенскаго 1853 года. Въ найденномъ мною *Соликамскомъ* его спискѣ XVII вѣка начало лѣтописца, къ сожалѣнію, утрачено. Мой списокъ начинается съ извѣстій о появленіи Григорія Отрепьева. *Авт.*

**) См. ее у *Миллера* въ «Описаніи Сибирскаго царства», издан. 1750 г., I, 145—147 и въ «Дополн. къ Актамъ Историч.» т. I, стр. 184—185. Подлинникъ у графа Строганова.

насъ съ Нагайскою ордою, пословъ Нагайскихъ на Волгѣ на перевозѣхъ побивали и Ардобазарцовъ грабили и побивали, и нашимъ людемъ многіе грабежи и убытки чинились, и имъ было вины свои покрыти тѣмъ, что было нашу Пермьскую землю оберегати..... *и такою вашею измѣною*, что надъ Пермьскими мѣсты учинится отъ Вогуличь, и отъ Пелымцовъ, и отъ Сибирскаго Салтана людей, *и впредь намъ въ томъ опала на васъ своя положити большая*". Ѳ. А. Волеговъ, столь глубоко изучившій всѣ данныя исторіи о Строгановыхъ и столь безпристрастный въ своихъ сужденіяхъ, также основываетъ свое мнѣніе о призывѣ Ермака Строгановыми на этой грамотѣ, что мы увидимъ ниже. А Небольсинъ, донельзя увлекшійся Есиповской лѣтописью, вмѣстѣ съ Погодинымъ, закрываетъ глаза при видѣ этихъ свидѣтельствъ грамотъ, совершенно игнорируетъ ихъ. Погодинъ, не смотря на всю свою историческую эрудицію, не зналъ Строгановскихъ грамотъ съ должной основательностью, какъ доказалъ вышеприведенной рецензіей въ „Москвитянинѣ", поэтому онъ непреднамѣренно отвергалъ фактъ призванія Ермака. Но Небольсинъ спеціально занимался вопросомъ о покореніи Сибири, прочелъ всѣ грамоты и лѣтописи Сибирскія и видимо имѣлъ въ виду предвзятую цѣль—доказать, что Строгановы въ дѣлѣ покоренія Сибири были не при чемъ. Неправильность толкованія источниковъ Небольсинымъ тѣмъ болѣе не простительна, что фактъ призванія Ермака самими Строгановыми и ихъ несомнѣнное участіе въ покореніи Сибири открыто заявляется, кромѣ Іоанна Грознаго, Алексѣемъ Михайловичемъ и Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами въ грамотахъ 1673 и 1692 г.г. Вотъ слова грамоты Алексѣя Михайловича, пожалованной Строгановымъ въ 1673 г., повторенныя потомъ слово въ слово и въ знаменитой грамотѣ Петра Великаго отъ 1692 года Григорію Дмитріевичу Строганову: „..... да прадѣдъ же его, Григоріевъ (т. е. Семенъ Аникіевъ Строгановъ), служа и радѣя предкамъ нашимъ

государскимъ и намъ, великимъ государямъ, *призвалъ съ Волги атамановъ и казаковъ Ермака съ товарищи,* ратныхъ многихъ людей наймывалъ и всему войску помочь чинилъ, и деньги и платье и боевое ружье и порохъ и свинецъ и всякой запасъ къ воинскому дѣлу изъ заводовъ и изъ своихъ пожитковъ давалъ и дворовыхъ людей съ ними посылалъ, и *Сибирское государство они взяли и подъ нашу, великихъ государей, высокую руку Сибирцовъ привели*" (см. книгу Устрялова о Строгановыхъ, стр. 88). Не ясно-ли заявляется въ этихъ словахъ настоящая историческая роль Строгановыхъ въ дѣлѣ завоеванія Сибири, заявляется съ высоты царскаго престола, царскими устами! Неужели и этимъ словамъ нельзя давать вѣры, какъ дѣлаютъ это Небольсинъ и Погодинъ!

Всѣ указанныя данныя источниковъ и основанныя на нихъ соображенія даютъ намъ твердую увѣренность въ совершенномъ безпристрастіи и достовѣрности Строгановской Сибирской лѣтописи и заставляютъ понимать историческую роль Строгановыхъ въ великомъ дѣлѣ покоренія Сибири согласно съ ея показаніями. Приведемъ теперь подлинныя слова Карамзина, Устрялова, Соловьева и Волегова относительно обстоятельствъ появленія Ермака на Уралѣ и участія въ этомъ дѣлѣ Строгановыхъ. Предварительно замѣтимъ однако, что впервые появленіе Ермака на Уралѣ и его Сибирскій походъ изложены были, согласно съ показаніями Строгановской лѣтописи, еще Ивосовымъ въ его тенденціозной „Исторіи о родословіи, богатствѣ и заслугахъ Строгановыхъ" 1761 года. Это—одно изъ достоинствъ его книги. Послѣ него въ томъ же родѣ писалъ Карамзинъ.

Карамзинъ, слѣдуя преимущественно Строгановской лѣтописи, показанія которой вездѣ тщательно сличаются имъ съ извѣстіями другихъ Сибирскихъ лѣтописей, въ IX томѣ „Исторіи Госуд. Россійск." (издан. 1831 г., стр. 437—441) говоритъ слѣдующее по занимающему насъ вопросу: „Умные Строгановы предложили пяти храбрецамъ службу честную;

послали къ нимъ дары, написали грамоту ласковую (6 апрѣля 1579 г.)*), убѣждали ихъ отвергнуть ремесло, недостойное христіанскихъ витязей, быть не разбойниками, а воинами Царя Бѣлаго..... Ермакъ съ товарищами прослезился отъ умиленія, какъ пишутъ..... Они подняли знамя на берегу Волги, кликнули дружину, собрали 540 отважныхъ бойцовъ и (21 іюня**) прибыли къ Строгановымъ—„съ радостію и на радость", говоритъ лѣтописецъ..... Ермакъ съ обѣтомъ доблести и цѣломудрія, при звукѣ трубъ воинскихъ, 1-го сентября 1581 года отплылъ рѣкою Чусовою къ горамъ Уральскимъ, на подвигъ славы, безъ всякаго содѣйствія, *даже безъ вѣдома государева:* ибо Строгановы, имѣя Іоаннову жалованную грамоту на мѣста за Каменнымъ Поясомъ, *думали, что имъ уже нѣтъ надобности требовать новаго царскаго указа* для ихъ великаго предпріятія. Не такъ мыслилъ Іоаннъ..... Въ то самое время, когда россійскій Пизарро, не менѣе испанскаго грозный для дикихъ народовъ, менѣе ужасный для человѣчества, шелъ воевать Кучумову державу, князь Пелымскій съ Вогуличами, Остяками, Сибирскими Татарами и Башкирцами нечаянно напалъ на берега Камы, выжегъ, истребилъ селенія близъ Чердыни, Усолья и новыхъ крѣпостей Строгановскихъ..... Сей разбой поставили въ вину Строгановымъ: Іоаннъ писалъ къ нимъ, что они, какъ доносилъ ему Чердынскій намѣстникъ Василій Пелепелицынъ, не умѣютъ или не хотятъ оберегать границы; *самовольно призвали опальныхъ казаковъ*, извѣстныхъ злодѣевъ, и послали ихъ воевать Сибирь, раздражая тѣмъ и князя Пелымскаго, и салтана Кучума; что *такое дѣло есть измѣна*, достойная казни..... Сей гнѣвный указъ испугалъ Строгановыхъ; но блестящій, неожиданный успѣхъ оправдалъ ихъ

*) «И людей своихъ *съ писаніемъ и съ дары многими* послаша къ нимъ», сказано въ Строгановской лѣтописи.

**) Тутъ у Карамзина ошибка, такъ какъ Строгановская лѣтопись относитъ приходъ Ермака къ Строгановымъ къ 28 іюня.

дѣло, и гнѣвъ Іоанновъ перемѣнился на милость". Какъ видимъ, Карамзинъ въ своемъ разсказѣ строго придерживается Строгановской лѣтописи.

Послѣ него по вопросу о покореніи Сибири высказалъ свой взглядъ Устряловъ въ книгѣ: „Именитые люди Строгановы" (СПБ. 1842). Онъ также слѣдуетъ показаніямъ Строгановской лѣтописи, находя ее самой достовѣрной. „Имѣя право вести войну за хребтомъ Уральскимъ*), говоритъ онъ, и нанимать для этой цѣли ратныя дружины изъ людей вольныхъ, неписьменныхъ и нетягляхъ, *Строгановы отправили ласковую грамоту и богатые дары на Волгу въ казацкія станицы,* съ призывомъ храбрыхъ витязей на подвигъ чести и корысти. Нашлось болѣе 500 охотниковъ; вождемъ ихъ былъ славный Ермакъ. Онъ привелъ свои дружины въ Чусовскіе города въ 1579 году, жилъ здѣсь болѣе 2 лѣтъ, неоднократно отражалъ нападеніе Остяковъ, Вогуличей, Нагайцевъ, между тѣмъ устроивалъ свое войско и готовился къ подвигу важнѣйшему. Строгановы снабдили его всѣмъ необходимымъ: пушками, ружьями, свинцомъ, порохомъ, съѣстными припасами, перевозными судами, дали ему 300 человѣкъ ратныхъ изъ своихъ людей и указали путь въ Сибирь. Ермакъ перешагнулъ Каменный Поясъ, разсѣялъ войска Кучума, овладѣлъ столицею его Искеромъ, а самого загналъ въ степи Ишимскія и прислалъ въ Москву сподвижника своего Ивана Кольцо ударить челомъ государю царствомъ Сибирскимъ.— Такъ разсказано это важное происшествіе, продолжаетъ Устряловъ, въ достовѣрной лѣтописи о взятіи Сибирскаго государства, замѣчательной простотою разсказа и точностью въ описаніи тѣхъ фактовъ, которые мы имѣемъ возможность повѣрить документами. Прежде, до Карамзина, у насъ господствовало общее мнѣніе, раздѣляемое нѣкоторыми и нынѣ, что Ермакъ за разбои на Волгѣ

*) По грамотѣ 1574 года, отрывокъ изъ которой приведенъ при разборѣ мнѣнія г. Небольсина.

навлекъ на себя гнѣвъ Іоанна и, преслѣдуемый царскими войсками, случайно забрелъ на берега Камы, въ имѣніе Строгановыхъ, которые, желая избавиться отъ незванаго гостя, опаснаго буйствомъ товарищей, убѣдили его идти въ Сибирь, чтобы покореніемъ сей страны заслужить прощеніе государя. Эту мысль утвердилъ Миллеръ. Карамзинъ поколебалъ ее, принявъ въ основаніе своего краснорѣчиваго разсказа о завоеваніи Сибири вышеупомянутую лѣтопись—и справедливо. Правда, Волжскіе и Донскіе казаки, незадолго предъ тѣмъ (лѣтъ за 25) поддавшіеся Іоанну, жили несмирно, грабили по Волгѣ, убивали купцовъ, даже посланниковъ азіатскихъ, ѣзжавшихъ въ Москву, и заслужили гнѣвъ Іоанна, который вынужденъ былъ посылать войска для ихъ усмиренія. Но съ другой стороны не менѣе достовѣрно и то, что во 1) Строгановы гораздо прежде пришествія Ермака задумали внести свое оружіе въ предѣлы Сибири и 2) Ермакъ былъ именно призванъ ими для войны съ Кучумомъ. Въ первомъ убѣждаетъ насъ грамота Іоанна Грознаго на рѣку Тоболъ (отъ 1574 г.); во второмъ удостовѣряютъ столь же положительныя свидѣтельства" (стр. 16—17). Этими свидѣтельствами Устряловъ и считаетъ гнѣвную грамоту Іоанна отъ 16 ноября 1582 года и грамоту Алексѣя Михайловича 1673 г. Устряловъ выписываетъ изъ той и другой мѣста, въ которыхъ говорится о *призваніи* Ермака Строгановыми, что нами сдѣлано уже выше.

Теперь приведемъ мнѣніе Ѳ. А. Волегова по вопросу о покореніи Сибири. Оно основано на тѣхъ же жалованныхъ грамотахъ, выписки изъ которыхъ мы привели выше*). Вотъ подлинныя разсужденія Волегова: „Въ № 50 Сѣверной Пчелы за 1843 г. была помѣщена рецензія на книгу Устрялова: „Именитые люди Строгановы". Въ ней рецензентъ

*) Въ своихъ «Историческихъ свѣдѣніяхъ о г.г. Строгановыхъ» Волеговъ излагаетъ фактъ *призванія* Ермака словами Карамзина, уже приведенными нами. Слѣдовательно, и Волеговъ—сторонникъ взглядовъ Строгановской лѣтописи. *Авт.*

между прочимъ пишетъ: „Царь позволилъ наконецъ Строгановымъ призвать къ себѣ буйныхъ Волжскихъ казаковъ и послать ихъ на Сибирскаго хана Кучума. Извѣстны слѣдствія—походъ Ермака и завоеваніе береговъ Тобола. Не допустивъ Строгановыхъ воспользоваться обширными Сибирскими завоеваніями, правительство наградило ихъ другими выгодами по имѣніямъ и по торговлѣ". (Мы знаемъ уже, что эту рецензію писалъ Строевъ. Далѣе Волеговъ полемизируетъ съ нимъ). „Выраженіе: царь *позволилъ* Строгановымъ призвать казаковъ—не совсѣмъ согласно съ дѣломъ, продолжаетъ Волеговъ. Грамотою 1574 г. мая 30 хотя и позволено было Якову и Григорію Аникіевичамъ Строгановымъ „ходить на Сибирскаго салтана, сбирая для того охочихъ людей, Остяковъ, Вогуличь, Югричь и Самоядь, съ своими и наемными казаки и снарядомъ своимъ воевати и въ полонъ имати и въ дань приводити"; но о призывѣ опальнаго Ермака съ его шайкой не только не было дозволенія царскаго, а напротивъ *за призывъ этихъ удальцовъ Грозный царь прогнѣвался на Строгановыхъ,* узнавъ о томъ изъ доноса Чердынскаго намѣстника Пелепелицына. Гнѣвъ сей царь изъявилъ въ грамотѣ къ Строгановымъ 1582 года ноября 16 между прочимъ такими словами: „Пелымской князь съ Сибирскими людьми и съ Вогуличи приходилъ войною на наши Пермскія мѣста, и къ городу къ Чердыни, къ острогу приступали, и нашихъ людей побили и многіе убытки нашимъ людемъ учинили, *и то сдѣлалось вашею измѣною:* вы Вогуличь и Остяковъ и Пелымцовъ отъ нашего жалованья отвели и ихъ задирали и войною на нихъ приходили, да тѣмъ задоромъ съ Сибирскимъ салтаномъ ссорили насъ, *а Волскихъ атамановъ къ себѣ призвавъ, воровъ наняли въ свои остроги безъ нашего указу*". Эти царскія слова лучше всякихъ другихъ документовъ объясняютъ истинное положеніе дѣла. Вообще, о томъ, что Строгановы *призвали* Ермака и чрезъ него завоевали Сибирь; что *пожалованныя имъ* по грамотѣ

1574 года *на Тоболѣ, на Иртышѣ и на Оби земли составляютъ ихъ выслуженную собственность*—до сихъ поръ много уже было говорено и писано, но только все не впрокъ: на долю покорителей Сибири за ихъ великія жертвы ничего не досталось изъ Сибири, кромѣ исторической славы и листа бумаги—грамоты". Такъ смотрѣлъ Ѳ. А. Волеговъ на участіе Строгановыхъ въ покореніи Сибири. Въ послѣднихъ словахъ проглядываетъ его воззрѣніе на поземельныя права Строгановыхъ, сближающее его съ Соловьевымъ, къ разбору мнѣній котораго мы теперь и переходимъ.

Сначала мы посмотримъ, какъ излагаетъ Соловьевъ самый фактъ появленія Ермака на Уралѣ, а потомъ приведемъ его интересную ученую полемику съ Небольсиномъ. „Донскіе казаки, говоритъ Соловьевъ, надѣясь на безнаказанность вдали отъ государства, не ограничивались тѣмъ, что не исполняли царскихъ и посольскихъ приказаній или исполняли ихъ вполовину: они нападали не на однихъ Нагаевъ, Азовцевъ и Крымцевъ, но, разъѣзжая по Волгѣ, грабили суда царскія, били людей, разбивали персидскихъ и бухарскихъ пословъ, русскихъ торговыхъ людей. Царь принужденъ былъ выслать противъ нихъ воеводъ съ большимъ числомъ ратныхъ людей; козаковъ казнили и ловили, другіе разбѣжались, какъ волки, по выраженію лѣтописца*), и одна толпа ихъ отправилась вверхъ по Волгѣ, гдѣ *получила приглашеніе отъ Строгановыхъ вступить къ нимъ въ службу и согласилась съ радостію.* Это предложеніе пришло не ранѣе весны 1579 года, хотя собственно можно было ожидать, что Строгановы станутъ прибирать охочихъ козаковъ гораздо ранѣе, именно съ 1574 года, когда они получили царскую грамоту, дававшую имъ право распространять свои промыслы и по ту сторону Уральскихъ горъ. Но эта медленность объ-

*) Тутъ Соловьевъ ссылается на *Хронографъ Хрущевскій* изъ библіотеки Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Выше мы видѣли, что это событіе точно также разсказывается и въ «Книгѣ глаголемой Новый Лѣтописецъ».

ясняется легко событіями въ родѣ Строгановыхъ: Яковъ и Григорій Аникіевы умерли; остался третій братъ, Семенъ, съ двумя племянниками: Максимомъ, сыномъ Якова, и Никитою, сыномъ Григорія, при чемъ, какъ видно, Никита не жилъ въ большомъ согласіи съ дядею Семеномъ и двоюроднымъ братомъ Максимомъ. *Козаки явились къ Строгановымъ въ числѣ 540 человѣкъ подъ главнымъ начальствомъ атамана Ермака Тимоѳеева;* другіе атаманы были: Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ, Матвѣй Мещерякъ. Они пришли въ Чусовскіе городки въ концѣ іюня 1579 г. и оставались здѣсь до сентября 1581 года. Въ это время, по словамъ (Строгановскаго) лѣтописца, они помогали Строгановымъ защищать ихъ городки отъ нападенія дикарей" (см. „Исторію Россіи", томъ VI, стр. 423—424). Читатель видитъ, что фактъ появленія Ермака на Уралѣ Соловьевъ разсказываетъ совершенно согласно съ Карамзинымъ и Устряловымъ, такъ какъ всѣ трое основывали свои взгляды на одномъ источникѣ. Теперь приведемъ полемику Соловьева съ Небольсинымъ, въ которой онъ, понятно, держитъ сторону Карамзина.

Прежде всего Соловьевъ возстаетъ противъ научныхъ пріемовъ и критической оцѣнки источниковъ Небольсинымъ. Приведя выписанныя нами выше слова Небольсина о двухъ главныхъ Сибирскихъ лѣтописяхъ, Соловьевъ возражаетъ на нихъ такъ: „Предъ нами двѣ лѣтописи: составитель одной обнаруживаетъ явное пристрастіе къ своему герою, Ермаку, для чего умалчиваетъ о призваніи его Строгановыми; составитель другой разсказываетъ событія на основаніи источниковъ несомнѣнныхъ, именно царскихъ грамотъ, и приводитъ вполнѣ эти грамоты: котораго изъ двоихъ мы должны предпочесть? Неужели мы должны обличать послѣдняго въ пристрастіи къ Строгановымъ за то только, что онъ упоминаетъ объ участіи ихъ въ дѣлѣ Ермака, основываясь на царскихъ грамотахъ, прямо говорящихъ объ этомъ участіи? Слѣдова-

тельно, Строгановская лѣтопись должна быть предпочтена всѣмъ другимъ извѣстнымъ лѣтописямъ Сибирскимъ по своимъ источникамъ, *по согласію извѣстій своихъ съ источниками, неоспоримо достовѣрными*..... Небольсинъ упрекаетъ составителя Строгановской лѣтописи, что онъ выпускаетъ изъ царскихъ грамотъ всѣ тѣ выраженія, которыя могутъ навести на слѣдъ къ правдѣ (а гнѣвная грамота Іоанна 1582 года?—скажемъ мы); г. Небольсинъ не заблагоразсудилъ подтвердить справедливость своего упрека, не привелъ ни одного такого выпуска, причина ясна, ихъ нѣтъ!..... Г. Небольсинъ вооружается противъ Карамзина, зачѣмъ тотъ относитъ составленіе Строгановской лѣтописи къ началу XVII вѣка..... Но объ архіепископіи говорится не въ началѣ лѣтописи, а въ заглавіи ея, которое ясно написано не составителемъ ея, а позднѣйшимъ переписчикомъ; въ самой же лѣтописи, въ концѣ, гдѣ слѣдуетъ ожидать извѣстій объ архіепископіи, ихъ нѣтъ. Въ концѣ читаемъ: „Изложена же бысть сія повѣсть о поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибирскихъ земляхъ и о отпущеніи въ Сибирь атамановъ и козаковъ Ермака Тимофеева съ товарищами, и о похожденіи, ихъ казачьемъ“ и т. д.—вотъ настоящее заглавіе памятника, написанное самимъ составителемъ и измѣненное позднѣйшимъ переписчикомъ. Что же касается до извѣстія о распространеніи евангельскаго ученія во всѣхъ концахъ Сибирской земли, то это очень можно было сказать въ началѣ XVII вѣка: подъ Сибирскою землею разумѣлось не то, что мы теперь называемъ Сибирью, пространство отъ Уральскихъ горъ до Восточнаго океана, но Сибирь въ тѣсномъ смыслѣ, „царство Кучумово“ (см. дополненіе къ VI тому „Исторіи Россіи“).

Далѣе слѣдуютъ возраженія Соловьева по поводу толкованія царскихъ грамотъ самимъ Небольсинымъ. Эти возраженія, въ силу логической необходимости, приводятъ Соловьева къ вопросу о вотчинномъ правѣ въ древней Руси

вообще и о поземельныхъ правахъ Строгановыхъ въ частности. За то тѣмъ болѣе интересны эти доводы авторитетнаго историка. „Небольсинъ упрекаетъ ученыхъ, прежде него писавшихъ о Сибири и о Строгановыхъ, въ томъ, что они не такъ, какъ должно, понимали грамоты, и прежде всего высказываетъ любопытное мнѣніе, что земли, данныя Строгановымъ, были даны имъ не въ вотчину, а въ поссессію, аренду, кортому! Но спрашиваемъ: въ какой грамотѣ г. Небольсинъ нашелъ опредѣленіе срока пользованія данными землями, что было бы необходимо, если-бъ онѣ были даны въ поссессію, аренду, кортому? Ошибка г. Небольсина тѣмъ важнѣе, что ведетъ къ неправильному пониманію древнихъ отношеній: *пустыя пространства, которыя давались для обработки и населенія, не имѣли никакой цѣнности въ глазахъ правительства; не могли они даваться на время тому, кто своимъ трудомъ, издержками дѣлалъ ихъ цѣнными, способными приносить правительству доходъ по истеченіи льготныхъ лѣтъ*". С. М. Соловьевъ въ разныхъ мѣстахъ своей многотомной исторіи Россіи подтверждаетъ эту мысль массою примѣровъ. Раздача пустыхъ земель въ постоянное владѣніе крестьянскихъ общинъ или отдѣльныхъ лицъ была самымъ выгоднымъ для правительства способомъ колонизаціи. Однажды отданная земля поступала обратно въ собственность казны лишь въ томъ случаѣ, если община, владѣвшая ею, распадалась путемъ отчасти вымиранія ея членовъ, отчасти переселенія, или если пресѣкался совершенно родъ отдѣльнаго лица, владѣвшаго землею на вотчинномъ правѣ. А съ фамиліей Строгановыхъ этого не было, почему и земли, разъ дарованныя имъ, всегда составляли ихъ неотъемлемую собственность. Поступавшія же обратно въ казну, за вымираніемъ рода, земли зачислялись въ разрядъ *черныхъ* или *государственныхъ*—и развѣ въ этомъ только смыслѣ жалованныя земли можно было называть собственностью государства. Такъ было не на Уралѣ только, не по отношенію

къ однимъ Строгановымъ, а на всѣхъ окраинахъ нашего государства, со всѣми колонизаторами ихъ. Конечно, исторія будетъ осуждать Строгановыхъ, какъ и всякую другую фамилію, если они представляли правительству пустыми земли заселенныя, *какъ это и было въ дѣйствительности*. Здѣсь мы не можемъ не привести еще одного мѣста изъ IV тома „Исторіи Россіи" Соловьева, гдѣ онъ обстоятельнѣе развиваетъ свою мысль о способахъ правительственной колонизаціи въ древней Руси и о происхожденіи разныхъ видовъ частной земельной собственности. При чтеніи этихъ словъ не слѣдуетъ однако забывать, что рядомъ съ правительственной колонизаціей шла *вольная*, какова наприм. колонизація Новгородскихъ повольниковъ, или казацкая на югѣ Россіи и въ Сибири, или наконецъ раскольничья, начинающаяся съ XVII вѣка. Эта вольная колонизація имѣетъ свою исторію, въ высшей степени интересную и поучительную. Понятно, что правительство всегда и вездѣ было *противъ* такого способа колонизаціи. „Князья могли распоряжаться землею, говоритъ С. М. Соловьевъ, принадлежащею ихъ волости, отдавая ее *въ полное владѣніе* членамъ своей дружины, съ правомъ населять ее всякаго рода людьми—вольными и невольными; могли распоряжаться землею, отдавая ее духовенству; наконецъ могли продавать ее богатымъ купцамъ или гостямъ, которые имѣли возможность населить купленную землю—вотъ разные виды происхожденія частной земельной собственности, вотчинъ. Но, съ одной стороны, для жителей городовъ и селъ существовала исконная привычка смотрѣть на земли, принадлежавшія ихъ городамъ и селамъ, какъ на общее достояніе: земля принадлежала общинѣ, а не отдѣльнымъ членамъ ея; когда же община (какъ наприм. Новгородская) потеряла свое самостоятельное значеніе предъ княземъ, то земля естественно стала государевою. Съ другой стороны, земли оставалось все еще много; какъ частные люди, землевладѣльцы, старались населить

принадлежавшіе имъ участки, перезывая къ себѣ отовсюду земледѣльцевъ: такъ точно старалось и правительство о населеніи остававшихся у него пустыхъ земель..... *Правительству выгодно было, чтобъ пользованіе его землями продолжалось, какъ можно долѣе, переходило изъ рода въ родъ*".

Въ позднѣйшее время не мало было писано объ Ермакѣ по поводу 300-лѣтія покоренія Сибири. Таковы изслѣдованія: *Майкова:* „Хронологическія справки по поводу трехсотлѣтней годовщины присоединенія Сибири къ Русской державѣ" *); *Пуцилло:* „Къ вопросу, кто былъ Ермакъ Тимоѳеевичъ" **); *Никитскаго:* „Замѣтка объ имени Ермака" ***) и другія изслѣдованія, не считая мѣстныхъ, сибирскихъ. Изъ всѣхъ ихъ для нашихъ цѣлей важно остановиться на упомянутой работѣ академика Л. Н. Майкова, который давно занимается изученіемъ прошлаго Сибири и въ 1884 году издалъ извѣстное „Описаніе о народѣ Остяцкомъ" Григорія Новицкаго, 1715 года, въ „Памятникахъ древней письменности и искусства".

Изъ Сибирскихъ лѣтописей Л. Н. Майковъ самою раннею считаетъ Строгановскую и вполнѣ раздѣляетъ взгляды Карамзина и Соловьева на этотъ важный памятникъ. „Присоединяясь вполнѣ къ мнѣнію Соловьева, заявляетъ онъ, мы прибавимъ съ своей стороны, что въ Строгановской лѣтописи можно найти слѣды не менѣе, чѣмъ семи царскихъ грамотъ разныхъ лѣтъ, посланныхъ къ Строгановымъ, и что нѣкоторыя изъ этихъ грамотъ сохранились въ Строгановскомъ же архивѣ по-нынѣ ****). Въ отношеніи хронологіи Строгановская лѣтопись представляетъ нѣсколько помѣтъ годовыхъ и мѣсячныхъ, дающихъ возможность прослѣдить весь походъ Ермака и его дружины. — При крайней скудости современ-

*) Журналъ Минист. Народн. Просвѣщ. 1881 г. № 9.

**) Русскій Вѣстникъ 1881 г. № 11.

***) Журналъ Минист. Народн. Просвѣщ. 1882 г. № 5.

****) Онѣ напечатаны въ «Дополнен. къ Актамъ Историческ.», т. I, №№ 117, 119 и 128.

ныхъ актовъ, имѣющихъ отношеніе къ походу Ермака, извѣстіямъ Строгановской лѣтописи объ этомъ событіи принадлежитъ первое мѣсто по степени довѣрія, котораго они заслуживаютъ". Но Л. Н. Майковъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ цѣнитъ должнымъ образомъ и показанія Ремезова, приводя въ параллель нѣкоторыя мѣста изъ обѣихъ лѣтописей; Есиповскую же лѣтопись онъ считаетъ не болѣе, какъ „риторической передѣлкой Строгановской лѣтописи".

Въ самое послѣднее время Д. И. Иловайскій вступилъ въ полемику съ Л. Н. Майковымъ по поводу хронологіи сибирскихъ событій (см. примѣчаніе 70-е къ III тому его „Исторіи Россіи"). Въ отношеніи многихъ хронологическихъ поправокъ Д. И. Иловайскій правъ, но въ общемъ взглядѣ на взаимныя отношенія Строгановыхъ и Ермаковой дружины нельзя не присоединиться къ группѣ защитниковъ показаній Строгановской лѣтописи. Многолѣтнія занятія исторіей вообще Пермскаго края и въ частности Строгановыхъ утвердили меня въ этой увѣренности.

Заканчивая здѣсь вопросъ о призваніи Ермака, позволю себѣ въ заключеніе высказать свой взглядъ на историческую роль Строгановыхъ въ дѣлѣ покоренія Сибири. Мои заключенія по этому вопросу таковы:

1. Въ 1574 г. мая 30 Строгановы получили царскую грамоту на земли по Тоболу, со льготою на 20 лѣтъ, съ правомъ строить тамъ городки, созывать людей неписьменныхъ и нетяглыхъ и т. д., какъ было на р. Камѣ.

2. Но на Тоболѣ они неизбѣжно должны были встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Татарами и столкнуться съ ними, а эти Татары не были такъ смирны, какъ прикамскіе Пермяки, земли которыхъ Строгановы забрали въ свои руки постепенно, не поднимая оружія.

3. Въ виду скудости собственныхъ силъ (по писцовой книгѣ 1579 г. все населеніе ихъ вотчинъ было около 400

человѣкъ мужск. пола), они вздумали 6-го апрѣля 1579 г. пригласить къ себѣ въ помощь волжскихъ казаковъ, хотя это и было сдѣлано вопреки царской грамоты 1574 г.,—въ надеждѣ, что до Москвы это не дойдетъ, какъ многое не доходило и раньше*).

4. Казаки съ Ермакомъ во главѣ явились, получили отъ Строгановыхъ „дары многи", оружіе, провіантъ и людей и двинулись въ Сибирь.

5. Но Чердынскій воевода Пелепелицынъ вынужденъ былъ обстоятельствами, а именно походомъ на Пермь Великую князя Кихека, довести до свѣдѣнія царя о самовольномъ поступкѣ Строгановыхъ.

6. Строгановы оказались на этотъ разъ въ опалѣ, получили гнѣвную царскую грамоту отъ 16 ноября 1582 г., а казаки, боясь, что царскій гнѣвъ обрушится и на нихъ, ударили челомъ всѣмъ Сибирскимъ царствомъ непосредственно Іоанну Грозному, чтобы заслужить его милость.

7. Такимъ образомъ для Строгановыхъ сибирское завоеваніе было утрачено навсегда; они могли считать себя счастливыми, что грозный царь не отобралъ у нихъ прикамскихъ земель, что было бы невыгодно въ экономическомъ отношеніи для самого государства.

8. Казаки же, хотя и обязанные поддержкой и самой иниціативой похода Строгановымъ, постоянно однако игнорировали ихъ и имѣли сношенія непосредственно съ Москвой въ собственныхъ разсчетахъ, въ которыхъ и не ошиблись.

9. Потому-то Россія, а съ нею и Сибирь доселѣ такъ памятуютъ подвигъ Ермака и его храброй дружины, а участіе Строгановыхъ въ покореніи Сибири помнятъ мало, а нѣкоторые пристрастные и потому близорукіе писатели даже совсѣмъ отвергаютъ, не желая вѣрить достовѣрнѣйшимъ источникамъ.

---

*) Припомнимъ *ложное* свидѣтельство Кодаула предъ царемъ Іоанномъ IV о незаселенности яко-бы прикамскихъ земель южнѣе Чердыни.

10. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что Строгановская лѣтопись совершенно правильно излагаетъ начало Сибирскаго похода, но нѣкоторыя подробности въ дальнѣйшемъ ходѣ этого событія лучше воспроизведены въ Ремезовской лѣтописи, также имѣющей нѣкоторое значеніе въ смыслѣ источника свѣдѣній о Сибирскомъ походѣ Ермака.

---

5. Замѣтки Ѳ. А. Волегова по разнымъ другимъ вопросамъ въ исторіи рода Строгановыхъ.

Теперь мы коснемся разныхъ второстепенныхъ вопросовъ въ исторіи „именитыхъ людей". Мы приведемъ новыя сообщенія Ѳ. А. Волегова о Строгановыхъ изъ его собственной рецензіи на извѣстную намъ книгу Устрялова. Но сначала укажемъ еще на одно возраженіе Волегова Строеву, написавшему въ № 50 „Сѣверной Пчелы" за 1843 годъ отзывъ о томъ же сочиненіи Устрялова. Возраженіе это касается вопроса о прежней системѣ взиманія государственныхъ податей и налоговъ.

Строевъ замѣчаетъ между прочимъ, что раскладка поборовъ въ пользу государства съ имѣній Строгановыхъ производилась купцами, такъ какъ и сами именитые люди были *купцы*. Во второй главѣ мы уже привели возраженіе Волегова касательно купеческаго званія Строгановыхъ; здѣсь выписываемъ его возраженіе на счетъ способа раскладки и взиманія налоговъ. „Налоги и сборы опредѣлялись и производились купцами только съ промысловъ и пожитковъ Строгановыхъ, какъ это видно изъ грамоты 1692 года; но подати на вотчинныя ихъ имѣнія и угодья налагались особыми окладчиками, извѣстными подъ именемъ *писцовъ* („писцовыя книги"), отъ времени до времени посылаемыми отъ правительства: купцы или общество ихъ въ этомъ распоряженіи нисколько уже не участвовали. А съ 1684 года рѣшительно воспрещено купцамъ окладывать Григорія

Дмитріевича Строганова и съ промысловъ и пожитковъ, „для того, что напредь сего гость (т. е. купецъ) Ѳедоръ Юрьевъ съ товарищи во 171 (1663) году обложили отца его многимъ числомъ *съ посяжкою* (отъ слова: посягать) съ 250,000 рублей, не взявъ у отца его о пожиткахъ сказки; и потому ихъ неправому окладу взято въ казну лишнихъ денегъ 26,855 руб. 31 алтынъ 4 деньги, и въ тѣхъ переплаченныхъ деньгахъ онъ, гость Ѳедоръ Юрьевъ, стоялъ на правежѣ“ (т. е. битъ палкой, вѣроятно, по ходатайству Строганова). Въ концѣ грамоты 1692 года весьма ясно сказано: „Да мы же, великіе государи, наше царское величество, пожаловали его, имянитаго человѣка Григорія Дмитріевича: буде назначенъ будетъ впредь съ него, Григорья, въ нашу, великихъ государей, казну какой денежный поборъ, и въ то время имать у него, Григорья, о пожиткахъ его и всякихъ промыслахъ сказки за его рукою и по тѣмъ сказкамъ съ пожитковъ и съ промысловъ его къ нашимъ, великихъ государей, поборамъ *окладывать его, Григорья, тѣмъ людямъ, кому мы, великіе государи, наше царское величество, укажемъ, а гостямъ* (т. е. купцамъ) *его денежнымъ поборомъ не окладывать*“. Въ своихъ „Историческихъ свѣдѣніяхъ о г.г. Строгановыхъ“ Ѳ. А. Волеговъ приводитъ изъ писцовыхъ книгъ много статистическихъ данныхъ, которыя совершенно отсутствуютъ въ книгѣ Устрялова, хотя онъ и зналъ о томъ, что эти книги сохранились (см. въ концѣ его книги опись документовъ). Волеговъ имѣлъ подъ руками при сочиненіи монографіи о Строгановыхъ слѣдующія писцовыя книги: а) по Пермскимъ имѣніямъ: Ивана Яхонтова 1579 года, Михайла Кайсарова 1623—24 г.г., Девята Змѣева 1615 г., Ѳедора Чемезова 1642 г., Прокопія Елизарова 1647 года, князя Ѳедора Бѣльскаго 1678 года, Александра Феофанова 1682 г. и Козьмы Цезырева 1698—1699 г.г.; б) по Сольвычегодскимъ имѣніямъ: Богдана Приклонскаго 1645—46 г.г. и Овцына и Пояркова 1682—83 г.г. Вообще писцовыя

книги наши историки оцѣнили надлежащимъ образомъ и тщательно стали изучать недавно. Но Волеговъ, написавшій свою исторію о Строгановыхъ въ 1827 году и дополнившій ее въ 1839 г., уже основывалъ свой трудъ на этихъ важныхъ источникахъ—далеко не послѣднее достоинство его труда. Кто желаетъ имѣть понятіе о весьма важномъ значеніи писцовыхъ книгъ, какъ историческихъ источниковъ, можетъ обратиться къ сочиненію Одесскаго профессора Перетятковича: „Поволжье въ XVI—XVII в.в.". Это исторія колонизаціи нижняго Поволжья за указанное время. Писцовыя книги въ соединеніи съ другими источниками дали автору возможность прослѣдить колонизацію края во всѣхъ подробностяхъ, буквально шагъ за шагомъ. То же можно сдѣлать и въ отношеніи къ Пермскому краю, если собрать вмѣстѣ всѣ писцовыя книги и сличить ихъ показанія съ другими источниками.

Мы распространились объ этомъ предметѣ съ цѣлью показать, какое значеніе придавалъ Ѳ. А. Волеговъ писцовымъ книгамъ, какъ историческимъ источникамъ. Какъ видимъ, онъ опередилъ въ этомъ отношеніи всѣхъ ученыхъ, писавшихъ о Строгановыхъ. Теперь мы обратимся къ собственной рецензіи Ѳ. А. Волегова на книгу Устрялова. Выше изъ этой рецензіи мы уже заимствовали нѣсколько мѣстъ, а именно: возраженіе Волегова другимъ ученымъ, и въ ихъ числѣ Устрялову, по вопросу о происхожденіи Строгановыхъ, и мнѣнія Волегова, согласныя съ мнѣніями Устрялова, о значеніи званія именитыхъ людей и объ участіи ихъ въ дѣлѣ выкупа изъ плѣна Василія II. Здѣсь приведемъ разныя поправки и дополненія къ показаніямъ Устрялова по другимъ вопросамъ. Какъ всѣ другія статьи Ѳ. А. Волегова, и эта, весьма интересная и дѣльная, рецензія сохранилась только въ рукописи.

„Въ сноскахъ на стр. 7 и 8 Устряловъ говоритъ, что грамота 9 апрѣля 1517 года, съ которой начинается рядъ

фамильныхъ документовъ Строгановыхъ, дана на имя Степана, Осипа и Владиміра Ѳедоровыхъ, дѣтей Лукина, (т. е. внуковъ Луки, сыновей Ѳедора), и что въ родословной, представленной въ герольдію барономъ Александромъ Строгановымъ въ 1722 году, лица сіи не показаны, и оттого мы не находимъ въ ней Данила и Козьмы Строгановыхъ, живщихъ во время самозванцевъ (Акты Археогр. Экспед. II, 185). Упоминаемые здѣсь Данило и Козьма Строгановы, говоритъ Волеговъ, не были помѣщены въ родословную таблицу, представленную бар. Александромъ Григорьевичемъ Строгановымъ въ герольдію, потому, что составляли совершенно отдѣльную линію. У Ѳедора Лукича Строганова было пять сыновей: Степанъ, Осипъ, Владиміръ, Аѳанасій и знаменитый Аника. Упомянутые выше Данило и Козьма Строгановы принадлежали къ потомству Аѳанасія Ѳедоровича *)".

Здѣсь мы обязаны упомянуть кстати еще объ одномъ весьма важномъ трудѣ Ѳ. А. Волегова по генеалогіи Строгановыхъ. Волеговъ составилъ весьма обстоятельную родословную Строгановыхъ, взявъ въ основаніе ту, которая была представлена въ 1722 г. въ герольдію (при возведеніи Строгановыхъ въ достоинство бароновъ). Волеговъ дополнилъ прежнюю гене-

*) Вотъ родословная:

Спиридонъ — основатель фамиліи, жилъ въ концѣ XIV вѣка.
|
Козьма
|
Лука
|
Ѳедоръ
|
Степанъ, Осипъ, Владиміръ, Аѳанасій, Аника,
упомянуты въ грамотѣ 1517 г.
Аѳанасій — Григорій — Данило — Козьма.
Аника, его потомство показано выше, на стр. 28.

(Изъ родословной, что во II выпускѣ «Пермской Старины»).

алогическую таблицу, пользуясь огромнымъ архивнымъ матеріаломъ, бывшимъ у него подъ руками. Онъ довелъ свою родословную до 1850 годовъ, т. е. до послѣдняго времени (авторъ умеръ въ 1856 г.). При изученіи исторіи Строгановыхъ эта родословная составляетъ необходимое руководство. Одно насъ нѣсколько удивляетъ: въ ней упоминается о возведеніи Александра Сергѣевича Строганова въ графы Россійской Имперіи 21 апрѣля 1798 года; между тѣмъ въ другомъ трудѣ Ѳ. А. Волегова: „Усольская лѣтопись", напечатанномъ нами въ №№ 96—97 Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1882 годъ, этотъ весьма важный въ исторіи Строгановыхъ фактъ пропущенъ. Какъ могъ Ѳ. А. Волеговъ допустить такой промахъ? Раньше мы склонны были думать, что родословная Строгановыхъ составлена не имъ. Но вновь открытыя нами данныя заставляютъ насъ теперь сказать, что въ „Усольской лѣтописи" этотъ важный фактъ просто, по недосмотру автора за переписчикомъ, былъ пропущенъ. Во всякомъ случаѣ теперь достовѣрно, что Ѳ. А. Волеговъ былъ авторомъ какъ родословной, такъ и лѣтописи*).

Ѳ. А. Волеговъ, помимо сказаннаго, дѣлаетъ весьма важныя поправки въ хронологіи Устрялова, показанной въ его родословной Строгановыхъ, которая приложена въ концѣ книги. „Сличая эту таблицу съ моими свѣдѣніями, говоритъ Волеговъ, которыя я считаю также достовѣрными, я нахожу разницу въ годахъ смерти нѣкоторыхъ лицъ.

	Годъ смерти по свѣдѣніямъ:	
	Устрялова.	Волегова.
Аникій Ѳедоровичъ скончался .	послѣ 1566 г.	въ 1570 г.
Яковъ Аникіевичъ	около 1579 »	» 1578 »
Григорій Аникіевичъ . . .	» 1579 »	» 1578 »
Семенъ Аникіевичъ	» 1608 »	22 октябр. 1587 г.

*) Усольская лѣтопись Ѳ. А. Волегова обнимаетъ время съ 1558 по 1852 годъ.

	Годъ смерти по свѣдѣніямъ:	
	Устрялова.	Волегова.
Максимъ Яковлевичъ . . .	около 1638 г.	въ 1623 г.
Никита Григорьевичъ . . .	» 1620 »	» 1619 »
Андрей Семеновичъ	—	» 1649 »
Петръ Семеновичъ	—	24 марта 1639 г.
Дмитрій Андреевичъ	—	въ 1673 г.
Ѳедоръ Петровичъ	въ 1671 г.	такъ же
Даніилъ Ивановичъ	около 1681 г.	въ 1668 г.
Григорій Дмитріевичъ . . .	послѣ 1715 г.	21 ноября 1715 г.

„Свѣдѣнія мои, замѣчаетъ Ѳ. А. Волеговъ, подкрѣпляются списками съ Сольвычегодскихъ надгробныхъ памятниковъ, стариннымъ Орловскимъ синодикомъ*) и другими документами, а потому „достовѣрные“ акты г. Устрялова не признаю вполнѣ достовѣрными. Да и выраженія его: *около* и *послѣ* сами собой обнаруживаютъ недостовѣрность или недостаточность его свѣдѣній“.

Далѣе Волеговъ говоритъ объ участіи Строгановыхъ въ дѣлѣ усмиренія Черемисскаго бунта въ 1572 г. „Устряловъ сказалъ (стр. 12 и 13), что въ 1572 г. вспыхнулъ бунтъ въ землѣ Черемисской, мятежники подговорили Остяковъ, Башкирцевъ, Буинцевъ, вторглись въ Великую Пермь, разграбили на Камѣ суда и побили 77 человѣкъ торговыхъ. Строгановы поспѣшно вывели свои ратныя дружины, назначили имъ головъ или вождей и послали ихъ на Черемису“.... Въ этихъ словахъ, продолжаетъ Волеговъ, есть маленькая ошибка и пропускъ въ изложеніи обстоятельствъ. Г. Устряловъ показалъ убитыхъ Черемисами 77 человѣкъ. Напротивъ, въ грамотѣ 6 августа 1572 года, въ описаніи Сибирскаго

*) Я лично разсматривалъ этотъ замѣчательный синодикъ Строгановыхъ въ бытность свою въ селѣ Орлѣ, въ церкви котораго онъ доселѣ тщательно сохраняется; могу подтвердить справедливость словъ Ѳ. А. Волегова. Я воспользовался имъ при составленіи полной родословной, напечатанной во II вып. «Пермской Старины» (см. особый листъ къ стр. 69). *Авт.*

царства Миллера, въ Сибирской лѣтописи, изданной Спасскимъ (т. е. Строгановской) и во многихъ другихъ документахъ говорится о 87 человѣкахъ „Пермичь торговыхъ людей и ватащиковъ", убитыхъ возмутившимися Черемисами, Остяками, Башкирцами и Буинцами. Разница въ числѣ убитыхъ, конечно, произошла отъ ошибки. Но это не важно. При этомъ случаѣ у Устрялова недосказано или пропущено то, что Строгановы не по одной своей ревности поспѣшно вывели противъ Черемисъ ратныя свои дружины, *а по царскому повелѣнію*, т. е. именно по грамотѣ отъ 6 августа 1572 года, которая послѣдовала по поводу донесенія о семъ происшествіи отъ Чердынскаго воеводы, князя Булгакова. Въ этой грамотѣ сказано: „И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ выбрали у себя голову добра да съ нимъ охочихъ козаковъ со всякимъ оружіемъ и, донеся намъ, посылали бы войною на нашихъ измѣнниковъ, и котораго повоюютъ, тому тово животъ, а жены ихъ и дѣти имъ въ работу". Значитъ, Строгановы только исполнили царскую волю, безъ всякаго впрочемъ пособія правительства: Черемисъ, Остяковъ и соучастниковъ ихъ смирили своими средствами". Какъ видимъ, Волеговъ умаляетъ заслугу Строгановыхъ въ этомъ дѣлѣ, ради возстановленія исторической истины.

Слѣдующія возраженія Волегова Устрялову касаются Строгановскаго вотчиннаго раздѣла 1584 года. „Устряловъ пишетъ (стр. 14 и 15), что „обширныя помѣстья Строгановы раздѣлили на три части (вопреки Карамзину, который думаетъ, что Яковъ и Григорій завѣщали все свое богатство меньшему брату Семену): сѣверная, по обѣимъ сторонамъ Камы отъ Пыскорки до Инвы и Косвы, досталась Никитѣ Григорьевичу; средняя, правая сторона Чусовой, также правая сторона Камы отъ Инвы до Ласвы, Максиму Яковлевичу; южная, лѣвая сторона Чусовой съ лѣвою же отъ устья ея стороною Камы Семену Аникіевичу; при чемъ Устряловъ

ссылается здѣсь на писцовыя книги Яхонтова 1579 года и дѣловую запись на Чусовую отъ 22 сентября 1583 года". Показаніе сіе, говоритъ Волеговъ, не согласуется съ раздѣльнымъ актомъ, состоявшимся между Семеномъ Аникіевичемъ и Максимомъ Яковлевичемъ 22 сентября 1584 г., на который Устряловъ дѣлаетъ ссылку, въ томъ во 1), что этотъ раздѣлъ состоялъ не между *тремя* сторонами, а только между *двумя*—дяди съ племянникомъ. Третій участникъ въ имѣніи, Никита Григорьевичъ, въ раздѣлѣ семъ не участвовалъ и оставался, по прежнему, владѣтелемъ Орловской своей части по раздѣльному условію 1579 года и по окладнымъ книгамъ писца Ивана Яхонтова того же года, а потому подъ дѣловой записью Семена Аникіевича и Максима Яковлевича 1584 года Никита Григорьевичъ подписался только *послухомъ*, т. е. свидѣтелемъ; во 2) несогласіе заключается въ томъ, что граница участка Максима Яковлевича полагалась не отъ Инвы и Косьвы по Камѣ внизъ, а отъ Карышева острова: тутъ разница въ разстояніи отъ 25 до 30 верстъ по Камѣ".—„Далѣе г. Устряловъ (стр. 23), говоря о пожалованіи Андрею и Петру Семеновичамъ пустыхъ мѣстъ по Камѣ на 35 верстъ, выше Осинской слободы отъ Ошапа до Тулвы, не упомянулъ о пожалованіи въ 1597 г. Никитѣ Григорьевичу смежныхъ пустыхъ же мѣстъ на правой сторонѣ Камы отъ рѣчки Ласьвы внизъ до рѣчки Ошапа на 55 верстъ. Впрочемъ въ описи, въ концѣ книги, этотъ документъ въ числѣ другихъ упомянутъ подъ 1615 годомъ".

Затѣмъ Ѳ. А. Волеговъ еще разъ касается вскользь „Сибирскаго вопроса", вызвавшаго столько споровъ между учеными. „Г. Устряловъ говоритъ (стран. 15 и 16), что „Максимъ Яковлевичъ и Никита Григорьевичъ вмѣстѣ съ богатствами наслѣдовали умъ, дѣятельность, обширные замыслы отцовъ, и при содѣйствіи равно предпріимчиваго дяди своего Семена Аникіевича не замедлили русскимъ громомъ огласить страну Сибирскую". Напротивъ, ходъ дѣла показы-

ваетъ, возражаетъ Волеговъ, что набожный смиренникъ, Никита Григорьевичъ, жившій въ отдѣльномъ своемъ имѣніи—Орлѣ, и не думалъ участвовать въ замыслѣ огласить громомъ страну Сибирскую; за что дядя его, Семенъ Аникіевичъ, и двоюродный братъ, Максимъ Яковлевичъ, жаловались даже царю, что Никита Григорьевичъ имъ не помогаетъ воевать противъ Сибирскихъ Вогуличей; и по поводу жалобы сей 6 ноября 1582 года послѣдовало отъ царя повелѣніе Никитѣ Григорьевичу „ходить войною противъ Вогуличь и Пелымскаго князя соопча за одинъ съ Семеновыми и съ Максимовыми людьми, чтобъ всѣмъ уберечись". Въ остальномъ разсказѣ о завоеваніи Сибири Устрялова Волеговъ вполнѣ соглашается съ нимъ, по поводу чего и замѣчаетъ: „Надѣяться можно, что книжка Устрялова уничтожитъ до сихъ поръ существовавшее несправедливое мнѣніе, будто бы Ермакъ случайно забрелъ на Чусовую, и убѣдитъ, что онъ *призванъ былъ* Строгановыми на великое дѣло. Жаль только, что Устряловъ слабо и недостаточно выставилъ участіе Строгановыхъ въ покореніи Сибири". На послѣднія слова должно обратить особенное вниманіе: они убѣждаютъ, что самъ Ѳ. А. Волеговъ много писалъ о покореніи Сибири, такъ какъ Устряловъ сравнительно съ другими, какъ мы видѣли, еще довольно обстоятельно разсказываетъ это событіе; но мы нашли изъ этого многаго очень немногое: остальное, быть можетъ, уже утрачено навсегда.

Въ заключеніе своей рецензіи на книгу Устрялова безпристрастный Ѳ. А. Волеговъ отдаетъ должную дань уваженія автору. Вотъ его подлинныя заключительныя слова: „Нельзя не поблагодарить г. Устрялова за изданіе карты на имѣнія г.г. Строгановыхъ съ присовокупленіемъ дачь Вагранской, Туринской, Лологской и Веслянской. Рисунокъ на Сольвычегодскій домъ Строгановыхъ весьма любопытенъ. Вообще можно сказать, что трудъ г. Устрялова объ „Именитыхъ людяхъ Строгановыхъ" хотя и *далеко не составляетъ*

полной ихъ исторіи, но заслуживаетъ большой благодарности за то, что авторъ представилъ прошлое Строгановыхъ *довольно правдиво и большею частію согласно съ коренными фамильными документами*, какіе удалось ему видѣть. И достопамятная грамота 1692 г. перепечатана аккуратно и тщательно *за исключеніемъ нѣкоторыхъ пропусковъ противъ подлинника*. Не могу однако не пожалѣть, что не попала въ руки г. Устрялову большая записка моя подъ названіемъ: „Историческія свѣдѣнія о г.г. Строгановыхъ“: она послужила бы ему немалымъ пособіемъ въ общемъ взглядѣ на исторію г.г. Строгановыхъ и указала бы еще многіе источники, коими можно пользоваться при составленіи полной исторіи этой знаменитой фамиліи. Г. Устряловъ говоритъ, что при составленіи книги о Строгановыхъ прочиталъ болѣе 20 царскихъ грамотъ и до 80 фамильныхъ записей и другихъ документовъ. Вѣрю, потому что всѣ хранящіеся въ Петербургскомъ домѣ графини Софіи Владиміровны Строгановой фамильно-историческіе документы мнѣ извѣстны. Было время, когда я всѣ эти бумаги имѣлъ въ рукахъ, читалъ ихъ, многія даже переписывалъ и составлялъ опись. Но это собраніе далеко еще не составляетъ *всѣхъ* документовъ о Строгановыхъ. Г. Устряловъ видѣлъ царскихъ грамотъ только болѣе 20, а у меня есть ихъ болѣе 100, да прочихъ документовъ наберется, можетъ быть, до 800—если не болѣе. Разумѣется, что всѣ мои документы состоятъ изъ списковъ и выписокъ: подлинныхъ я не имѣю“. Затѣмъ выражается Ѳ. А. Волеговымъ дѣльная мысль о необходимости собрать всѣ подлинники въ одно цѣлое, и это полное собраніе документовъ сосредоточить въ центральномъ Петербургскомъ фамильномъ архивѣ. Въ провинціальныя же управленія Строгановыхъ разослать копіи со всѣхъ этихъ подлинниковъ. Рецензія заключается помѣткой: 11-го марта 1843 года*).

*) О Ѳ. А. Волеговѣ см. мои статьи по библіографич. указателю въ I выпускѣ «Пермской Старины» во введеніи.

II.

Экономическое состояніе Великопермскихъ вотчинъ Строгановыхъ на рубежѣ XVI и XVII в.в.

Изложивъ послѣдовательно всѣ спорные вопросы въ первоначальной исторіи рода Строгановыхъ, насколько позволяли намъ бывшія въ нашемъ распоряженіи научныя средства (изслѣдованіе писано въ г. Перми), мы приступаемъ теперь къ другой задачѣ — систематическому обозрѣнію экономическаго состоянія Великопермскихъ вотчинъ Строгановыхъ по писцовымъ книгамъ Яхонтова 1579 г. и Кайсарова 162³/₄ г.г. Въ этомъ обозрѣніи мы будемъ держаться того же способа изложенія, при помощи котораго сдѣлали уже такое обозрѣніе Чердынскаго и Соликамскаго края по писцовымъ книгамъ тѣхъ же годовъ и писцовъ. Къ величайшему сожалѣнію, доселѣ я не могъ отыскать ни одного списка писцовой книги Яхонтова по вотчинамъ Строгановыхъ и, какъ было при составленіи I выпуска этого изданія, долженъ опять ограничиться выдержками изъ нея, приведенными въ имѣющейся у меня Строгановской писцовой книгѣ Кайсарова, въ сводной жалованной грамотѣ Строгановымъ отъ 25 іюля 1692 г., напечатанной Устряловымъ, и въ „Историко-статистическихъ таблицахъ на имѣнія Строгановыхъ“, составленныхъ Ѳ. А. Волеговымъ. На основаніи этихъ извлеченій изъ писцовой книги 1579 г. я уже подробно возстановилъ границы Строгановскихъ вотчинъ того времени*). Здѣсь сгруппируемъ всѣ данныя по экономической исторіи тѣхъ же вотчинъ. Упомянутыя извлеченія изъ писцовой книги 1579 г. даютъ для этого достаточную возможность. Писцовая же книга Кайсарова по вотчинамъ Строгановыхъ теперь въ нашихъ рукахъ и впервые печатается въ приложеніяхъ къ настоящему выпуску „Пермской Старины“; слѣдовательно

*) См. «Пермскую Старину», вып. I, стр. 107—117.

для $162^3/_4$ г.г. мы не встрѣтимъ никакихъ затрудненій. Всѣ экономическія данныя обѣихъ писцовыхъ книгъ опять будутъ взаимно сопоставлены, какъ сдѣлано это въ отношеніи Чердынскаго и Соликамскаго уѣздовъ въ III выпускѣ нашего изданія.

---

1. Вотчины Строгановыхъ въ 1579 году.

Въ писцовой книгѣ Яхонтова по вотчинамъ Строгановыхъ мы прежде всего должны отмѣтить весьма важную особенность по сравненію съ Чердынской и Усольской книгами того же писца: *въ вотчинахъ Строгановыхъ Яхонтовъ полагаетъ въ соху по 60 дворовъ, тогда какъ въ Чердынскомъ и Усольскомъ уѣздахъ имъ принята была соха въ 64 двора.* Отсюда всѣ исчисленія земли по сохамъ существенно различаются здѣсь и тамъ, такъ какъ самое основаніе исчисленія взято другое. У Строгановыхъ соха равнялась 60 дворамъ, пол-сохи=30 дворамъ, четь сохи=15 двор., пол-чети сохи или $^1/_8$ часть=$7^1/_2$ двор., пол-пол-чети сохи, т. е. $^1/_{16}$ ея часть,=$3^1/_4$ двор. и т. д.*). Рядомъ съ четвертнымъ опять видимъ и третное исчисленіе сохъ: треть сохи=20 дворамъ, пол-трети сохи, или $^1/_6$ часть,=10 дв., пол-пол-трети сохи, или $^1/_{12}$ часть ея,=5 дворамъ и т. д. Но *выть* и здѣсь нигдѣ не принимается Яхонтовымъ въ качествѣ податной нормы: все исчисленіе исключительно *сошное*, соотвѣтственно самому заглавію „книгъ сошнаго письма". Въ виду упомянутаго ограниченія сохи 60-ю дворами, вмѣсто нормальныхъ 64, въ вотчинахъ Строгановыхъ она и называлась иногда „малою сошкою" въ отличіе отъ „большой сохи". За исключеніемъ указаннаго отступленія отъ общаго правила, Строгановская книга Яхонтова не представляетъ другихъ особенностей.

---

*) Сравнить Чердынскую и Усольскую соху Яхонтова въ «Пермской Старинѣ» вып. III, во введеніи стр. XXI.

Въ 1579 г. всѣ Великопермскія вотчины Строгановыхъ въ административномъ отношеніи раздѣлялись на два главные округа, по числу владѣтелей: *Чусовской*—общаго владѣнія Семена Аникіевича и Максима Яковлевича и *Орловскій*—единоличнаго владѣнія Никиты Григорьевича Строганова. Первый округъ подраздѣлялся, по числу слободъ, на три „уѣзда“: *Чусовской*, *Сылвенскій* и *Яйвенскій* съ главнымъ управленіемъ въ Нижнемъ Чусовскомъ Городкѣ (Верхняго тогда еще не было). Такимъ образомъ всѣхъ составныхъ частей въ Великопермскихъ вотчинахъ Строгановыхъ въ 1579 году было 4. Границы каждаго изъ этихъ округовъ или „уѣздовъ“ я подробно указалъ въ I выпускѣ этого изданія (стр. 112—116), почему прямо обращаюсь къ экономическому обозрѣнію этихъ „уѣздовъ“.

А. Слобода Орелъ-городокъ и ея округъ.

Округъ лежалъ на обоихъ берегахъ р. Камы, въ предѣлахъ нынѣшняго Соликамскаго уѣзда. Границы его см. въ I выпускѣ, на стран. 112, гдѣ сказано и объ основаніи городка, первоначально именовавшагося *Керегеданомъ*. Въ слободѣ было 90 дворовъ крестьянскихъ и пищальничьихъ (въ Орлѣ была крѣпость), да 7 дворовъ пустыхъ. Въ жилыхъ дворахъ („въ живущемъ“) было сошнаго письма соха съ третью и пол-пол-трети сохи*), т. е. 60 дворовъ+20+5= 85 двор.; пищальничьи дворы, кажется, не подлежали обложенію и потому не входили въ счетъ. Въ слободѣ была крѣпость на случай прихода „воинскихъ людей“, о которой мы можемъ судить по царской грамотѣ 1564 г. (см. вып. I, стр. 112). Вообще Орелъ-городокъ былъ самымъ большимъ поселеніемъ во всѣхъ вотчинахъ. Въ „уѣздѣ“ Орловскомъ и у самаго посада существовали соляныя варницы, которыя и дали начало слободѣ. Но населеніе уѣзда было еще не зна-

*) Извлечено изъ грамоты 1692 г., помѣщенной въ книгѣ *Устрялова*, стр. 41.

чительно, такъ какъ сошнаго письма было только пол-трети сохи, т. е. 10 дворовъ, которые составляли 3 деревни и 4 починка*). Въ каждой деревнѣ было, значитъ, не болѣе какъ по 2 двора, а въ каждомъ починкѣ—по одному. За неимѣніемъ писцовой книги Яхонтова, мы не можемъ точно указать названія этихъ поселеній; но въ таковой же книгѣ Кайсарова, дѣйствительно, упомянуто нѣсколько *старыхъ* поселеній, а именно: деревня, что былъ починокъ Селище на рѣчкѣ Усвѣ; пустошь Етыпка вверхъ рѣчки Сирьи (притокъ Сѣвернаго Кондаса); починокъ, что была деревня Ошкоръ, Аврамовъ Камень тожъ, на рѣкѣ Яйвѣ; пустошь, что была деревня Боръ; пустошь, что была деревня Огурдино на р. Камѣ (есть до-нынѣ около села Новаго Усолья). И такъ въ 1623 г. писецъ упоминаетъ 3 *старыя* деревни и 2 починка; но тѣ-ли это поселенія, которыя существовали въ 1579 г.,—утвердительно сказать не можемъ; можно лишь предполагать, что это и были современныя Яхонтову поселенія Орловскаго округа.

Слобода и принадлежавшія къ ней 7 поселеній имѣли пашенной земли 128 четвертей въ полѣ, а въ дву потому же (всего 384 чети); земля была исключительно худая; лѣсу пашеннаго въ округѣ было 118 десятинъ, сѣна 4180 копенъ. „Всего въ слободѣ и въ деревняхъ и въ починкахъ сошнаго письма полторы сохи и пол-пол-трети“, т. е. 90 дворовъ+5=95 (пять пищальничьихъ дворовъ опять не считаются)**). Казенныхъ сборовъ со всего округа шло: „дани, за ямскія и за примѣтныя деньги, и за городовое и за засѣчное и за емчужное дѣло съ сохи по 15 рублевъ; да пошлинъ казначеевыхъ и дьячьихъ съ сохи по 11 алтынъ по 4 деньги; да съ варницъ соляныхъ и съ лавокъ и съ рыбныя ловли и съ ѣзу оброку 59 рублей 8 алтынъ и 2 деньги, пошлинъ

*) Ibidem, 41 стран. О числѣ починковъ грамота, впрочемъ, умалчиваетъ; мы знаемъ его по таблицѣ *Волегова* № 2.

**) Ibidem, 42 стран.

съ оброку 2 рубли 31 алт. 5 д.; да съ рѣки Камы, да съ рѣки Яйвы, да съ рѣки Кондаса, съ рыбныхъ ловель и съ лѣсу и звѣриныя ловли съ тѣхъ урочищъ, которыя писаны къ слободѣ Орлу въ уѣздѣ, оброку 9 рублевъ, да пошлинъ съ оброку 16 ал. 4 д., съ рубля по 10 денегъ" (Устряловъ, стр. 42). Всѣхъ казенныхъ платежей съ округа въ 1579 г. шло около 97 рублей. Количество населенія въ слободѣ и округѣ не извѣстно*).

Б. Слобода Чусовая и ея округъ:

Чусовской округъ былъ самый обширный изъ всѣхъ четырехъ, лежалъ по обѣ стороны Камы, ниже Орловскаго, и по обѣ же стороны Чусовой съ ихъ притоками, въ предѣлахъ нынѣшнихъ Соликамскаго и Пермскаго уѣздовъ, и имѣлъ средоточіемъ Чусовую слободу, что нынѣ село Нижніе Чусовскіе Городки. Подробно границы его указаны въ I выпускѣ, стр. 114—115. Слобода построена спустя 4 года по основаніи Орла, именно въ 1568 году и, подобно ему, имѣла крѣпость (см. тамъ же) и солеварни. Судя по упоминанію церковнаго починка, въ Чусовой уже въ 1579 году была и церковь. Число дворовъ и людей, къ сожалѣнію, не извѣстно по всему округу владѣній Семена и Максима Строгановыхъ**). Въ уѣздѣ слободы Чусовой было 5 деревень и 16 починковъ „опричь церковнаго починка". Всей пашенной земли было: доброй 23 чети, середнія 159 четей, той и другой 182 чети, перелогу 51 четь въ полѣ, а въ дву потому же, слѣдовательно всего пашни въ трехъ поляхъ было 699 четей; лѣсу пашеннаго было 225 десятинъ; сѣна

*) *Ѳ. А. Волеговъ* въ своихъ «Историко-статистическихъ таблицахъ» также не указываетъ числа людей, потому что и онъ не имѣлъ полнаго экземпляра книги Яхонтова.

**) Этихъ свѣдѣній не приводитъ и *Ѳ. А. Волеговъ* въ своихъ таблицахъ.

3325 копенъ у крестьянъ и 1570 копенъ у Семена и Максима Строгановыхъ на Кругломъ лугу, а всего 4895 копенъ. Сошнаго письма по всему Чусовскому округу считалась соха безъ трети, т. е. всего 40 дворовъ*), изъ чего можно заключить о ничтожности по числу жителей какъ самой слободы, сравнительно съ Орломъ, такъ и ея 5 деревень и 16 починковъ. При обширности Чусовскаго округа сравнительно съ другими тѣмъ болѣе ничтожно было само по себѣ такое населеніе. Но имѣя въ виду, что самыя земли по Чусовой Строгановымъ пожалованы были только въ 1568 году, мы можемъ признать такую колонизацію въ теченіи 11 лѣтъ до нѣкоторой степени возможною, хотя безусловно на наши источники полагаться не можемъ. Съ каждымъ послѣдующимъ десятилѣтіемъ колонизація шла гораздо успѣшнѣе, встрѣчая на берегахъ Чусовой и средней Камы земли не только среднія, но и добрыя, на каковыхъ и остановились первые русскіе насельники этихъ мѣстъ.

Изъ 22 поселеній Чусовскаго округа съ достовѣрностью мы можемъ указать, какъ на современныя Яхонтову, только на слѣдующія 4: Калинъ Лугъ и Камасино на Чусовой, Верхніе Муллы на притокѣ Камы рѣчкѣ Мулянкѣ и Слудку на р. Камѣ—нынѣ 4 села Пермскаго уѣзда. Калинъ Лугъ прямо упоминается въ качествѣ деревни въ писцовой книгѣ Яхонтова (Устряловъ, стр. 38), Камасино и Никольское, что была деревня Верхніе Муллы, въ 162$^{3}/_{4}$ г.г. составляли уже 2 *сельца*, а Слудка въ то же время считалась *слободкой*. Такое превращеніе не могло произойти въ короткое время, какъ показываетъ и самое число дворовъ въ этихъ поселеніяхъ при Кайсаровѣ. Остальныя 18 поселеній Чусовскаго округа, современныхъ Яхонтову, мы можемъ назвать лишь предположительно, на основаніи позднѣйшей книги Кайсарова, гдѣ указаны слѣдующія *старыя* поселенія въ томъ же

*) *Устряловъ*, стр. 37—38; «Пермская Старина» I, 115.

районѣ: деревни Нижніе Муллы на Камѣ*), Муллинская на р. Чусовой и Хозяйская на р. Косьвѣ; починки: Нижній Лугъ (при Кайсаровѣ дер. Лобанова), Ваневъ Лугъ и Подсотной, Бажинъ, Усолка, Копонино, Кузнецова то же, Забудущій Лугъ — всѣ семь на Чусовой, Веселковъ, Ороловъ, Красная Слудка, Ланкушъ, Микулинъ, Озерко, Прорывъ, Корпулевъ и Кормановъ—на р. Косьвѣ и Мартыновъ, Кылосово то же, что было Анюшкорское Городище,—на р. Иньвѣ; пустоши: Села на Чусовой, Ширинкино и Селища на рѣчкѣ Усолкѣ, справа текущей въ Чусовую, и Прорывъ на р. Обвѣ. Такимъ образомъ всѣхъ *старыхъ* поселеній въ Чусовскомъ округѣ Кайсаровъ указываетъ не 18, а даже 24; многія изъ нихъ, безъ сомнѣнія, были и при Яхонтовѣ, но какія именно—болѣе точно указать не представляется возможности, по неимѣнію въ рукахъ самой книги Яхонтова. Достойно вниманія, что упомянутыя поселенія по Косьвѣ, включая и деревню Хозяйскую, но исключая Веселкова, Оролова и Красной Слудки, при Кайсаровѣ были уже *пустошами*. Очевидно, первые русскіе поселенцы скоро убѣдились на опытѣ въ неблагопріятныхъ для земледѣлія условіяхъ и поспѣшили переселиться на болѣе плодородную почву.

Казенные поземельные и оброчные платежи по Чусовскому округу за 1579 годъ мы не можемъ указать отдѣльно и приведемъ ихъ въ общей суммѣ, слѣдовавшей со всего имѣнія Семена и Максима Строгановыхъ, какъ сдѣлано это въ сводной грамотѣ 1692 г., гдѣ приведены выдержки изъ книги Яхонтова, и еще ранѣе—въ писцовой книгѣ Кайсарова.

*) Какъ видно изъ одного документа, напечатаннаго въ «Пермской Лѣтописи», т. II, стр. 126—129, Верхніе и Нижніе Муллы были основаны первоначально татарами вскорѣ послѣ покоренія Казани. Справедливость этого подтверждается и ихъ татарскими названіями. Но въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ татарами тутъ жили въ XVI в. и остяки, въ видѣ особой колоніи, выселившейся съ береговъ Сылвы. Это видно изъ всѣхъ списковъ житія преподобнаго Трифона, Вятскаго чудотворца. У Остяковъ здѣсь было особое языческое капище, весьма почитаемое въ свое время. См. житіе св. Трифона въ изданіи *Шестакова* въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1868 г. и отдѣльно, Казань, стр. 36—37.

В. Слободка Сылва и ея округъ.

Слободка *Сылва*, что нынѣ село *Троицкое* Пермскаго уѣзда, была средоточіемъ особаго округа владѣнія тѣхъ же Семена и Максима Строгановыхъ. Округъ занималъ бассейнъ средней и нижней Сылвы, главнаго притока р. Чусовой съ лѣвой стороны. Границы Сылвенскаго округа подробно указаны въ I выпускѣ, стр. 115. Если въ 1579 г., какъ мы видѣли, слобода Чусовая была довольно незначительнымъ поселеніемъ, то Сылва тѣмъ болѣе уступала ей по числу жителей и по управленію зависѣла отъ нея. Въ писцовой книгѣ она не даромъ называется *слободкой*. Подобно Орлу и Чусовой, Сылва имѣла „острогъ", т. е. укрѣпленіе, и владѣльческую большую мельницу на усть рѣчки Юрмана, впадающей въ Сылву справа у самой слободы. Число дворовъ и людей и здѣсь не извѣстно. Въ „уѣздѣ" Сылвенскомъ было 3 деревни и 5 починковъ, которые вмѣстѣ съ слободкою составляли пол-сохи и пол-пол-трети сохи сошнаго письма, т. е. 30+5 дворовъ, не смотря на добрую землю. Значитъ, и всѣ эти поселенія только что возникли и состояли изъ 2-хъ—3-хъ дворовъ каждое, кромѣ конечно слободки. Впрочемъ на позднѣйшую редакцію писцовой книги вполнѣ положиться нельзя. Такъ какъ по Сылвѣ земля была добрая, то Семенъ и Максимъ Строгановы имѣли здѣсь собственныя пашни, а именно 110 четвертей доброй земли и 326 чет. перелогу въ трехъ поляхъ (слѣдовательно всего 1308 четв.), пашеннаго лѣсу 58 десят., сѣна по р. Сылвѣ и на Васильевѣ лугу 1850 копенъ и, какъ сказано, большую мельницу. Крестьяне же имѣли на Сылвѣ отдѣльное хозяйство, а именно 181 четь доброй земли, 332 чети перелогу въ трехъ поляхъ (итого 1539 четей), лѣсу 164 десятины и сѣна 2875 копенъ. (Устряловъ, стр. 38-39). Столь богаты оказались берега Сылвы!*).

*) Согласно съ этими данными, *Волковъ* совершенно правильно указываетъ общій хозяйственный итогъ по уѣзду: доброй пашни и перелогу 2847 четей, лѣсу 222 десят., сѣна 4725 копенъ. См. таблицу № 2-й.

Изъ 8 поселеній Сылвенскаго округа съ достовѣрностью можемъ указать только на одну современницу Яхонтова— деревню Верхолузье на р. Сылвѣ, которая упоминается въ извлеченіи изъ книги Яхонтова въ грамотѣ 1692 г. Кромѣ нея Кайсаровъ еще упоминаетъ *старыя* поселенія въ томъ же округѣ: починки Нижній на Сылвѣ (подъ новымъ названіемъ деревни Вороновой, существующей до-нынѣ), Симановъ на той же рѣкѣ и Пришвино на Юрманѣ, да одну пустошь Быково на Сылвѣ. Не извѣстно, всѣ-ли они были при Яхонтовѣ.

Казенные платежи съ Сылвенскаго округа мы укажемъ въ общемъ итогѣ по имѣнію Семена и Максима Строгановыхъ.

Г. Слободка Яйва и ея округъ.

Слободка *Яйва*, по всѣмъ даннымъ, была еще незначительнѣе Сылвы (нынѣ село Нижне-Яйвенское или просто *Яйвенское* въ Соликамскомъ уѣздѣ). Она находилась не на самой рѣкѣ Яйвѣ, а на нижней Усолкѣ, ея лѣвомъ притокѣ, въ весьма близкомъ разстояніи отъ деревни *Булатовой* Отхожаго округа Чердынскаго уѣзда. Это близкое сосѣдство скоро вызвало поземельныя неурядицы въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ у насъ была уже рѣчь при обозрѣніи Чердынскаго уѣзда*). Мы знаемъ уже, что Строгановы оказались вообще сильнѣе чердынцовъ и усольцовъ и шагъ за шагомъ отхватывали ихъ старинныя земли. Но въ 1579 году округъ Яйвенскій былъ еще очень слабо населенъ строгановскими людьми, и болѣе старинные насельники береговъ Яйвы— чердынцы—пока спокойно сидѣли на своихъ мѣстахъ. Округъ былъ раскинутъ на весьма значительномъ пространствѣ, отъ рѣки Уньвы до рѣки Чаньвы (притоки Яйвы), на протяженіи 120 тогдашнихъ верстъ. Ниже Уньвы по Яйвѣ опять

*) См. «Пермскую Старину», вып. III, стран. 42, 45 и особенно 108—110. Границы Яйвенскаго округа см. тамъ же, вып. I, стр. 113.

лежали отхожія земли чердынцовъ (дер. Романово Булатовскаго округа), черезполосно перемѣшиваясь со строгановскими; выше устья Чаньвы по р. Яйвѣ и къ востоку отъ Чаньвы начинались поселенія Вогуловъ и Остяковъ, — здѣсь шла восточная граница самой Перми Великой. И на всемъ этомъ обширномъ пространствѣ въ 1579 году существовало только 3 отхожія деревни чердынцовъ (Булатово, Романово и Нижнее Поле), строгановская слободка Яйва и ихъ же 3 починка. Только въ началѣ XVII вѣка на р Яйвѣ, выше устьевъ Чаньвы, возникаетъ независимая вотчина Введенскаго монастыря, остаткомъ котораго до-нынѣ служитъ село Верхъ-Яйвенское Соликамскаго уѣзда*). Въ означенныхъ обширныхъ предѣлахъ при Яхонтовѣ существовало слѣдующее хозяйство: чердынцы имѣли средней пашни 198 четей, лѣсу 70 десятинъ, сѣна 710 копенъ и рыболовство въ Яйвѣ, Унвѣ, Усолкѣ, Вильвѣ, Чаньвѣ и озеркѣ Ноневѣ (см. вып. III, стр. 45 и Дубровинскій сборникъ); и Строгановы имѣли: собственной середней пашни 120 четей, церковной 5 и крестьянской 45 четей—всего 170 четей при слободкѣ Яйвѣ, да въ уѣздѣ ея 219 четей средней же пашни; лѣсу пашеннаго: при слободкѣ 45 дес., въ уѣздѣ 67 десят.; сѣна при слободкѣ 1800 копенъ и въ уѣздѣ 1930 копенъ (съ собственныхъ сѣнокосовъ при слободкѣ Строгановы получали 1500 копенъ, остальныя 300 были крестьянскія). Всего въ Яйвенскомъ округѣ было за Строгановыми и ихъ крестьянами: средней пашни 389 четей, лѣсу 112 десятинъ, сѣна 3730 копенъ. (Устряловъ, стр. 39—40)**). Самая слободка Яйва

---

*) Объ основаніи Верхъ-Яйвенской пустыни см. «Пермскую Старину» вып. II, 64—66 и вып. III, 157—159.

**) *Ѳ. А. Волеговъ* въ таблицѣ № 2, показывая 399 четей, считаетъ церковную пашню втройнѣ, хотя о ней не сказано: «а въ дву потому же»; сѣна онъ указываетъ 3869 копенъ, вполнѣ согласно съ Кайсаровымъ. Не имѣя въ рукахъ самой книги Яхонтова, не берусь оспаривать его. Въ грамотѣ 1692 г. общій итогъ пашни по слободамъ Чусовой, Сылвѣ и Яйвѣ совсѣмъ не соотвѣтствуетъ частнымъ итогамъ, взятымъ вмѣстѣ. Подробности объ этомъ см. далѣе.

въ 1579 году, повидимому, не имѣла еще крѣпости или „острога“ и только впослѣдствіи стала называться „острожкомъ“ (писцовая книга Кайсарова). Три починка, къ ней принадлежавшіе въ 1579 г., можетъ быть, и были тѣ самые, что упоминаются у Кайсарова въ числѣ *старыхъ* поселеній, а именно: Бородина, Дощаникова и Яслокова на рѣчкѣ Усолкѣ. Въ 162³/₄ г.г. всѣ они были уже пустошами. Въ слободкѣ и трехъ починкахъ сошнаго письма Яхонтовъ указываетъ только пол-трети и пол-пол-трети сохи, т. е. 15 дворовъ; значитъ въ самой Яйвѣ было никакъ не болѣе 12 дворовъ. Казенные платежи по Яйвенскому округу отдѣльно не указаны въ грамотѣ 1692 года, равно какъ и у Ѳ. А. Волегова.

---

2. Общіе экономическіе итоги за 1579-й годъ по вотчинамъ Строгановыхъ.

Главный источникъ, изъ котораго мы должны извлекать общіе итоги по вотчинамъ за 1579 годъ, есть писцовая книга Кайсарова, въ которой данныя Яхонтова повторяются подробно и уже на основаніи ихъ дѣлается новая раскладка казенныхъ платежей по всѣмъ вотчинамъ. Подлинныя книги Яхонтова сгорѣли въ Москвѣ въ 1626 году, но Кайсаровъ составлялъ свои писцовыя книги за два года до этого пожара и, слѣдовательно, зналъ *подлинныя* книги Яхонтова.

Кайсаровъ въ концѣ своей писцовой книги указываетъ общіе итоги Яхонтова, прибавляя къ нимъ таковые же итоги Змѣева по новому Очерскому округу; но такъ какъ данныя книги Девята Змѣева 1614 года мы имѣемъ въ рукахъ, то нужно только ихъ вычесть изъ показанной общей суммы, чтобы получить итоги Яхонтова. Такъ мы и сдѣлаемъ.

Чьи итоги.	Деревень.	Починковъ.	Дворовъ.	Людей.	Пашни.	Перелогу.	Лѣсу десят.	Сѣна копенъ.	Казенныхъ платежей.	Сошнаго письма.
					въ полѣ.					
Кайсарова 162³/₄ г. старые итоги . . .	18	33	291	343	724 ч.	383 ч.	279	17540	257 руб. 19 алт. 1¹/₂ д.	4 сохи—¹/₂ сохи+¹/₂₄ сохи.
Змѣева 1614 г. . .	—7	—5	—88	неизвѣстно.	—175	—	—	—3560	—15 руб. 30 алт. 1¹/₂ д.	—1¹/₂ сохи (пустые дворы не считаются).
Яхонтова 1579 г. .	=11	=28	=203	?	=549	383	279	13980	=241 руб. 22 ал. 2 д.	=4 сох. безъ ¹/₂ сохи и под-чети сохи.

Указанный общій итогъ Яхонтова, принятый Кайсаровымъ, во всемъ согласенъ съ тѣмъ итогомъ, который приводится въ позднѣйшей грамотѣ 1692 г. тоже какъ итогъ Яхонтова. Грамота указываетъ, согласно съ Кайсаровымъ, 11 деревень, 28 починковъ, 203 двора, 549 четей пашни и 383 перелогу и т. д.; только почему-то совсѣмъ умалчиваетъ о числѣ людей мужскаго пола (Устряловъ, стр. 75). Какъ дѣлаетъ и Кайсаровъ, она его словами повторяетъ старые итоги Яхонтова и Змѣева, взятые вмѣстѣ. Собственно это есть дословная выписка изъ книги Кайсарова съ небольшими только сокращеніями.

Но раньше этого итога таже грамота приводитъ выписки и изъ книги Яхонтова, которыя во многомъ не согласны съ выписками изъ Кайсаровской книги (Устряловъ, стр. 40—41). Такимъ образомъ *одна и таже грамота 1692 года въ разныхъ мѣстахъ допускаетъ противорѣчія самой себѣ.* Такъ, общіе итоги по имѣнію Семена и Максима Строгановыхъ за 1579 годъ совсѣмъ не соотвѣтствуютъ частнымъ показаніямъ по округамъ Чусовскому, Сылвенскому и Яйвенскому, взятымъ вмѣстѣ. Складывая количество пашни и перелогу, указанное самою же

грамотою въ каждомъ изъ этихъ округовъ, получаемъ 1311 четей въ полѣ, лѣсу—559 десятинъ, сѣна 13350 копенъ и т. д.; между тѣмъ въ общемъ итогѣ грамоты показано 819 четей пашни и перелогу, 161 десятина лѣсу, 9800 копенъ сѣна и т. д. Несообразность получается очевидная. Ясно, что Кайсаровъ и составитель грамоты пользовались не одною и тою же редакціей писцовой книги Яхонтова.

Извѣстный историкъ Строгановыхъ, Ѳ. А. Волеговъ, одну изъ своихъ таблицъ (№ 2-й) также составилъ по писцовой книгѣ Яхонтова, и приводимыя имъ данныя опять не сходятся съ тѣми, какіе мы привели выше по книгѣ Кайсарова. Въ рукахъ Волегова, очевидно, былъ такой же экземпляръ (редакція) книги Яхонтова, какимъ пользовался составитель грамоты 1692 г., но не тотъ *подлинный* текстъ ея, который несомнѣнно былъ въ рукахъ Кайсарова. *Значитъ, писцовая книга Яхонтова 1579 г. была извѣстна въ нѣсколькихъ редакціяхъ, между собою не сходныхъ.* Присутствіе двухъ изъ нихъ въ грамотѣ 1692 года слишкомъ замѣтно.

Возникаетъ вопросъ: какъ могло образоваться нѣсколько редакцій одной и той же писцовой книги, оффиціальнаго документа, въ которомъ нельзя дѣлать никакихъ измѣненій? Хотя этотъ случай, сколько намъ извѣстно, безпримѣрный, но мы можемъ дать ему удовлетворительное объясненіе. Мы знаемъ, что *подлинная* книга Яхонтова, которою еще пользовался Кайсаровъ, сгорѣла въ Москвѣ, въ Новгородской четверти, въ 1626 г.*), но въ фамильномъ архивѣ Строгановыхъ въ С.-Петербургѣ сохранилась позднѣйшая копія съ нея второй половины XVII вѣка**). Время составленія этой копіи опредѣляется *„Спорнымъ дѣломъ о земляхъ Строгановыхъ* $\frac{7158}{1650}$ *года“*, хранившимся въ Московскомъ Главномъ

*) Какъ о томъ упоминаетъ *Волеговъ* въ примѣчаніи къ таблицѣ № 2-й.

**) См. «Опись фамильнымъ документамъ» Строгановыхъ въ концѣ книги *Устрялова.*

Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, копія съ котораго была въ рукахъ Ѳ. А. Волегова*). Въ этомъ дѣлѣ между прочимъ значилось: „Лѣта 7158 (1650) ноября во 2 день, по государеву указу, память дьякомъ думному Михаилу Волошенинову, да Андрею Немирову—велѣти выписать Соли Камской изъ писцовыхъ книгъ Ивана Яхонтова: сколько городковъ и земель и деревень за Строгановыми". Далѣе сдѣлано наставленіе Волошенинову, какъ произвести дѣло, и въ концѣ наставленія сказано: *„И въ Новгородской четверти Ивановыхъ книгъ Яхонтова нѣтъ, только въ прошломъ 134 (1626) году въ Новгородской четверти сгорѣли"* (выписка изъ частнаго собственноручнаго письма Ѳ. А. Волегова 1847 года). Волошениновъ возстановлялъ писцовую книгу Яхонтова на вотчины Строгановыхъ по позднѣйшей писцовой книгѣ Кайсарова и нѣкоторымъ другимъ документамъ, почему, описывая имѣніе Строгановыхъ, часто оговаривался: „а по Михайловымъ книгамъ Кайсарова 131 и 132 году написано: по приправочнымъ-де книгамъ Ивана Яхонтова"..... (изъ того же частнаго письма). Составленная такимъ способомъ копія Яхонтовской книги не могла быть, конечно, вполнѣ точнымъ воспроизведеніемъ сгорѣвшаго оригинала, а только приблизительно правильно и неполно возстановляла его. Нѣкоторыя цифры были утрачены навсегда, другія несомнѣнно были неправильны**). Въ такомъ-то *неполномъ и исправленномъ видѣ сохранились Строгановскія книги Яхонтова въ позднѣйшихъ спискахъ*, одинъ изъ коихъ имѣется въ архивѣ Строгановыхъ и былъ извѣстенъ Ѳ. А. Волегову, составившему по нему свою таблицу № 2-й. *Полныхъ и вполнѣ точныхъ копій Чердынской и Усольской писцовыхъ книгъ Яхонтова также, повидимому, не сохрани-*

*) Изъ одного частнаго письма Волегова.

**) Могла-ли, напримѣръ, слобода Яйва имѣть совершенно одинаковое число копенъ сѣна (3869) въ 1579 и 1623 годахъ, какъ это ясно видно изъ сопоставленія таблицы Волегова № 2-й съ писцовою книгою Кайсарова (см. въ ней Яйвенскій острожекъ)?

лось нигдѣ *). Подлинникъ всѣхъ писцовыхъ книгъ Яхонтова нужно считать, стало быть, утраченнымъ навсегда. Его засталъ еще и имъ воспользовался писецъ Кайсаровъ въ 162³/₄ г.г., но чрезъ 2 года этотъ подлинникъ сгорѣлъ, а точныхъ копій его не оказалось ни въ Соликамскѣ, ни въ другихъ мѣстахъ. Нельзя сомнѣваться, что точная копія съ книги Яхонтова была въ рукахъ Строгановыхъ, но „объявить" ее имъ было невыгодно и они постарались ее затерять. Любопытно-бы знать, какъ могла затеряться книга Яхонтова и въ Соликамскѣ? Вѣдь сохранились же тамъ доселѣ отличныя копіи съ писцовыхъ книгъ Кайсарова и нѣтъ ниодной полной копіи съ книгъ Яхонтова. Послѣ этого оставалось одно: когда начались столь обычные споры о земляхъ между Строгановыми и ихъ сосѣдями усольцами и чердынцами, просить правительство о вторичномъ составленіи утраченныхъ книгъ Яхонтова, на сколько то было возможно въ половинѣ XVII вѣка **). И вотъ явились *обновленныя* писцовыя книги Яхонтова, а въ нихъ явилась и нужная для Строгановыхъ фальсификація. Не постѣснились составители и тѣмъ, что новая редакція Яхонтова представляла несходство съ показаніями Кайсарова, взятыми изъ подлинныхъ сгорѣвшихъ книгъ. Вѣдь новую книгу Яхонтова составлялъ думный дьякъ Волошениновъ по царскому наказу. Кто же могъ заподозрить ее въ неправильностяхъ и отступленіяхъ противъ сгорѣвшаго подлинника?

---

*) Чѣмъ и объясняются несообразности въ позднѣйшихъ копіяхъ этихъ книгъ въ родѣ тѣхъ, какія мною неоднократно указывались въ «Пермской Старинѣ», вып. III, наприм. на страницахъ: 32 и 50 (о Чердынской книгѣ Яхонтова), 140, 141 и 161 (объ Усольской книгѣ его же). Всѣ указанныя тамъ несообразности и пропуски объясняются самымъ способомъ вторичнаго воспроизведенія всѣхъ писцовыхъ книгъ Яхонтова послѣ пожара 1626 года.

**) Въ «Указателѣ матеріаловъ для изученія исторіи и статистики Пермской губерн.» *Токмакова* (Пермь. 1882 г.), въ дѣлахъ Московскаго Главн. Архива Минист. Иностранныхъ Дѣлъ, нѣтъ упомянутаго спорнаго дѣла 1650 года, за то есть другое, связанное съ нимъ, дѣло 1649 г. о размежеваніи спорныхъ земель и покосовъ Данила Строганова съ Иньвенскими и Косьвенскими крестьянами.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что наиболѣе правильною слѣдуетъ считать ту первоначальную редакцію Яхонтова, которой держался Кайсаровъ, а не ту обновленную, которой держались позднѣйшіе составители грамоты 1692 г. и Волеговъ въ таблицѣ № 2-й *). Указанные выше общіе итоги Яхонтова, извлеченные изъ книги Кайсарова, и суть самые правильные. Въ Чердынскихъ и Усольскихъ писцовыхъ книгахъ Яхонтова мы также замѣчали неоднократно несообразности и пропуски, изъ чего заключаемъ, что тѣ книги возстановлялись въ XVII вѣкѣ тѣми же способами, какъ Строгановская книга того же писца. Странно, что вполнѣ точной копіи первыхъ книгъ Яхонтова не оказалось ниодной во всей Перми Великой.

3. Вотчины Строгановыхъ въ 1584, 1597 и 1614—1615 годахъ. Новый Очерскій округъ.

Въ 1584 г. сентября 22 между владѣтелями обширнаго Чусовскаго округа, Семеномъ Аникіевичемъ и племянникомъ его Максимомъ Яковлевичемъ, состоялась *дѣловая запись на р. Чусовую*, по которой общее дотолѣ владѣніе ихъ раздѣлялось между ними по-ровну на слѣдующихъ основаніяхъ: Семенъ Аникіевичъ получилъ въ единоличное владѣніе лѣвый берегъ Чусовой съ Нижнимъ Чусовскимъ городкомъ, солеварнями и всѣми поселеніями на этомъ берегу, также весь Сылвенскій округъ и лѣвый берегъ Камы отъ устья Чусовой до Ласвинскаго бора—со всѣми притоками, впадающими на этомъ пространствѣ въ Чусовую, Каму и Сылву. Максимъ Яковлевичъ получилъ во владѣніе правый берегъ Чусовой или, какъ называли его по рѣчкѣ Усолкѣ, *Усолошную* ея

*) *Границы всѣхъ округовъ* временъ Яхонтова, указанныя нами въ I выпускѣ, *съ буквальной точностью повторяются въ обѣихъ редакціяхъ* писцовой книги 1579 года.

сторону и вверхъ отъ устья Чусовой—оба берега Камы до острова Карышева, гдѣ шла южная граница Никитинской вотчины, считая въ этой части рѣки Обву, Иньву и Косьву съ ихъ притоками, весь Яйвенскій округъ и наконецъ правый берегъ Камы отъ устья Чусовой до Ласвинскаго бора. Никита Григорьевичъ остался по-прежнему владѣтелемъ Орловскаго округа на Камѣ. Раздѣлъ 1584 г. коснулся и Сольвычегодскихъ имѣній Строгановыхъ. Дѣловая запись была написана у Соли Вычегодской дьякомъ Иваномъ Савинымъ, при чемъ въ числѣ свидѣтелей на ней подписался и Никита Григорьевичъ.

Такъ положено было начало раздѣленію обширнаго Чусовскаго округа на двѣ половины, которыя съ основанія Верхняго Чусовскаго Городка въ 1616 г. стали называться „Верхнечусовскою" или „Усолошною„ и „Нижнечусовскою" съ двумя особыми центрами управленія въ Верхнемъ и Нижнемъ Городкѣ*). Не имѣя въ рукахъ, къ сожалѣнію, самой дѣловой записи 1584 г., а зная ее только по извлеченію, приведенному въ „Историческихъ свѣдѣніяхъ о Строгановыхъ" *Ѳ. А. Волегова*, мы не можемъ привести экономическихъ данныхъ по вотчинамъ Строгановыхъ за этотъ годъ.

Изъ того же труда *Волегова,* а равно изъ „Исторіи о родословіи и богатствѣ Строгановыхъ" *Икосова* мы узнаемъ, что въ 1588 году, по грамотѣ царя Ѳеодора Іоанновича, Орелъ городокъ, будто-бы, взятъ былъ отъ Строгановыхъ для назначенной чрезъ него Сибирской дороги, но чрезъ три года, когда найденъ лучшій путь въ Сибирь чрезъ Чердынь, городокъ снова былъ возвращенъ Строгановымъ. „Можетъ быть, замѣчаетъ Волеговъ, по сему случаю и въ подтвержденіе писцовыхъ книгъ 1579 г. дана была Никитѣ Григорьевичу въ 1591 году грамота, въ которой говорится, что „пожалованъ онъ, Никита, вотчиною Орломъ городкомъ съ

*) См. «Пермскую Старину» II, 69—70 и выпускъ I, 123.

варницами" и вмѣстѣ съ тѣмъ „не велѣно судить его самого и людей его опричь татьбы".

7-го апрѣля 1597 года тотъ же Никита Григорьевичъ получаетъ новое весьма важное пожалованіе отъ царя Ѳеодора Іоанновича, а именно грамоту на пустыя мѣста въ тогдашнемъ Казанскомъ уѣздѣ и отчасти Перми Великой по обѣ стороны Камы отъ рѣчки Ласвы внизъ по Камѣ до рѣчки Ошапа на 55 верстъ со впадающими здѣсь рѣчками—Сюзьвою, Нытвою, Югомъ, Очеромъ и Ошапомъ, со льготою на 15 лѣтъ. 12 марта 1599 г. грамота эта была подтверждена во всей силѣ Борисомъ Годуновымъ. Это было уже новымъ шагомъ въ дѣлѣ расширенія вотчинъ Строгановыхъ *сверхъ писцовыхъ книгъ 1579 года**).

15-го сентября 1615 года Строгановы опять получили жалованную грамоту на земли „выше Осинскія слободы отъ рѣчки отъ Тулвы по рѣкѣ по Камѣ вверхъ по правой сторонѣ до Никитинской межи Строганова, до рѣчки до Ошапу". На этотъ разъ Строгановы подвинулись внизъ по Камѣ еще на 35 верстъ. Эти земли лежали уже исключительно въ тогдашнемъ Казанскомъ уѣздѣ, куда относилась и Оса, почему „отводилъ тѣ пустыя мѣста (Андрею и Петру Семеновичамъ Строгановымъ), по Государеву указу и по наказу изъ Казани боярина и воеводы князя Ивана Михайловича Воротынскаго да князь Юрія Петровича Ушатово съ товарищи во 123 году, Андрей Хохловъ; а въ той межѣ поселились Казанскаго уѣзду Осинскія слободы крестьяне" (Устряловъ, стр. 54).

Въ томъ же 1615 году Андрей и Петръ Семеновичи Строгановы купили на пограничной рѣкѣ Тулвѣ *пустошь*

---

*) Не правъ, поэтому, авторъ статьи, направленной съ умысломъ противъ Строгановыхъ, г. *Новокрещенныхъ*, увѣряющій, что со времени Яхонтова «дальнѣйшимъ захватамъ ихъ былъ положенъ предѣлъ», тогда какъ источники прямо говорятъ другое. См. въ «Пермскихъ Губерн. Вѣдом.» 1892 г. № 50 и друг. статью: «Участіе Строгановыхъ въ поступательномъ движеніи Русскаго государства на востокѣ въ XVI столѣтіи».

Поспѣловскую, имѣвшую перелоговой пашни 2 чети въ полѣ, у крестьянина Осинской слободы Ѳомки Исаева, по прозвищу Поспѣлка Двинянина. Объ этой пустоши говоритъ Кайсаровъ въ своей писцовой книгѣ. Далѣе Тулвы, внизъ по Камѣ, владѣнія Строгановыхъ уже никогда не простирались. Поспѣловскую пустошь отводилъ Строгановымъ Осинскій приказный человѣкъ Володиміръ Головинъ*).

Всѣ указанныя земли, вновь пріобрѣтенныя Строгановыми *сверхъ* писцовыхъ книгъ Яхонтова 1579 года, были отнесены, согласно географическому положенію: а) земля отъ Ласьвы до Ошапа къ Никитинской вотчинѣ, б) земля отъ Ошапа до Тулвы и Поспѣловская пустошь—къ Нижне-Чусовскому округу, что оставалось и при Кайсаровѣ, какъ ясно видно изъ его писцовой книги. На первомъ участкѣ земли между Ласьвой и Ошапомъ вскорѣ же былъ построенъ Строгановыми *Очерскій острожекъ*, который и составилъ собою центръ новаго *Очерскаго* округа. Границы его мы подробно указали по Кайсарову въ I выпускѣ „Пермской Старины", на стр. 123. На участкѣ земли между Тулвой и Ошапомъ у Строгановыхъ вышли недоразумѣнія съ поселившимися здѣсь еще ранѣе крестьянами Осинской слободы, почему установленныя въ 1615 году Андреемъ Хохловымъ межи были измѣнены Кайсаровымъ въ 162$^{3}/_{4}$ годахъ. У Кайсарова сказано при обозрѣніи Нижне-Чусовскаго округа: „учинили межи выше старые межи по рѣкѣ по Камѣ, вверхъ по обѣ стороны Камы рѣки, отъ рѣчки Палю до Микитинской вотчины Строганова до рѣчки до Ошапу".

По принятому порядку, для переписи вновь возникшаго Очерскаго острожка и его округа, въ 1614 г. были посланы изъ Москвы Девятый Ѳедоровичъ Змѣевъ и подъячій Василій Михайловъ, которые въ слѣдующемъ году 14-го декабря и представили въ Москву свои книги. Не имѣя въ рукахъ

*) *Устряловъ:* «Именитые люди Строгановы», стр. 55.

подлиннаго текста ихъ, укажемъ существенныя экономическія данныя изъ книгъ по сочиненію *Волегова* *).

Центръ управленія Очерскаго округа составлялъ *Очерскій острожекъ* (нынѣ село Оханскаго уѣзда подъ тѣмъ же древнимъ названіемъ)—въ 7 верстахъ отъ р. Камы **), на правомъ притокѣ Камы, рѣкѣ Очерѣ. Въ немъ была церковь деревянная Срѣтенская. *Къ острожку принадлежали по управленію 7 деревень и 5 починковъ.* Въ нихъ въ 1614 г. было дворовъ: господскихъ или вотчинниковыхъ 1, людскихъ (лучшихъ людей) 3, крестьянскихъ пашенныхъ 50, бобыльскихъ непашенныхъ 14 и пищальничьихъ непашенныхъ же 20, а всего 88 дворовъ. Кромѣ того было двѣ мельницы—одна при деревнѣ Дубровѣ (кажется, нынѣшняя Ближняя Дуброва), что видно изъ книги Кайсарова, другая—не извѣстно гдѣ.

Пашенной земли въ Очерскомъ округѣ было: церковной пашни 5 четей, лѣсной заросли 15 четей, крестьянской пашни 175 четей въ полѣ; сѣна 3560 копенъ.

Государевой дани, оброка и пошлинъ съ острожка и округа Очерскаго Змѣевъ и Михайловъ положили на годъ:

1) *Дани* за ямскія и за примѣтныя деньги, за городовое, и за засѣчное и за емчужное дѣло 3 руб. 25 алтынъ; 2) пошлинъ казначеевыхъ и дьячьихъ 6 алтынъ $1^1/_2$ деньги; 3) съ 14 бобыльскихъ дворовъ, со двора по гривнѣ,—1 руб. 13 алт. 2 деньги; 4) пошлинъ съ нихъ 2 алтына 2 деньги; 5) „да съ рѣки Камы и съ Очеру, и съ Ошапу, и съ Югу, и съ Сюзвы, и съ Нытвы, и съ Ласвы, и съ Качки, и съ малыхъ рѣкъ, и съ рыбныхъ ловель, и съ лѣсу, и съ звѣриныхъ ловель"—10 рублей; 6) пошлинъ казначеевыхъ и дьячьихъ 16 алтынъ 4 деньги. Оброкъ съ мельницъ у Волегова почему-то не показанъ. Такимъ образомъ *всѣхъ казен-*

---

*) «Историческія свѣдѣнія о г.г. Строгановыхъ» (рукопись).

**) Въ писцовой книгѣ Кайсарова онъ названъ *„Городокъ, что былъ Очерской острожекъ"*.

ныхъ платежей ежегодно полагалось съ острожка и округа 15 рублей 30 алтынъ 1½ деньги. Сошнаго письма, при сохѣ въ 60 дворовъ, считалось около полуторы сохи. Въ такомъ случаѣ указанный размѣръ казенныхъ платежей нельзя не признать весьма умѣреннымъ. Въ писцовыхъ книгахъ Кайсарова, составленныхъ десять лѣтъ спустя, платежи были увеличены, какъ сдѣлано имъ и по всѣмъ другимъ округамъ въ Великопермскихъ вотчинахъ Строгановыхъ.

Современныя описи Девятаго Змѣева поселенія Очерскаго округа, за неимѣніемъ въ рукахъ его книгъ, мы опять укажемъ на основаніи писцовой книги Кайсарова, гдѣ чрезъ 10 лѣтъ упоминаются уже многія *старыя* поселенія, которыя возможно съ большой вѣроятностью признать возникшими одновременно съ Очерскимъ острожкомъ.

Прежде всего указываемъ деревню *Дуброву*, при которой была мельница, и которая упоминается въ грамотѣ 1692 года (Устряловъ, стр. 72, послѣдняя строка внизу). Въ писцовой книгѣ Кайсарова при ней также указана мельница колесная на рѣчкѣ Шенарѣ. Въ раздѣльномъ актѣ Строгановыхъ 1629 г. упомянута „Дуброва Мельнишная на рѣчкѣ Шанаѣ". (Пермск. Старина II, 74). Такъ какъ въ этомъ же актѣ упоминаются еще Первая Дуброва, Средняя Дуброва Пермская и Дальняя Дуброва, то мы имѣемъ основаніе думать, что подъ Мельнишной Дубровой нужно разумѣть нынѣшнюю Ближнюю Дуброву, стоящую на рч. Шинаѣ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ и Прокопій Елизаровъ въ переписныхъ книгахъ 1647 года (рукопись).

Далѣе Кайсаровъ упоминаетъ деревню *Новое Сельцо,* въ которой было 6 дворовъ жилыхъ и *7 пустыхъ*, изъ чего заключаемъ, что жители ея вновь поселились при основаніи Очерскаго острожка. Деревня эта также упоминается въ позднѣйшихъ документахъ и существуетъ до-нынѣ. Затѣмъ Кайсаровъ упоминаетъ *„деревню пустую Дальнюю Дуброву*, что былъ починокъ подъ Чудскимъ городищемъ". Судя по

упоминанію ея въ позднѣйшихъ источникахъ, деревня эта уже въ 1629 году опять зиселилась. Несомнѣнно, это—предокъ нынѣшняго села Дальнодубровскаго Оханскаго уѣзда. Слѣдующими сверстницами Очерскаго острожка мы считаемъ современныя Кайсарову пустоши *Вятское*, *Катаево*, „пустошь, что была деревня на Слудкѣ, на рѣкѣ на Очерѣ“ и наконецъ „пустошь, что была деревня на рѣкѣ на Камѣ, на усть Очеру рѣчки“ (писцовая книга Кайсарова). Всего получается 7 деревень.

Кромѣ семи деревень Очерскій острожекъ въ 1614 г. имѣлъ въ своемъ управленіи 5 починковъ, а всего 12 поселеній. Одинъ изъ починковъ упомянутъ въ книгѣ Кайсарова „подъ Чудскимъ городищемъ“, но онъ вскорѣ же превратился въ деревню Дальнюю Дуброву, которая въ 1624 году оказалась уже „пуста“. Поэтому-то мы отнесли ее къ числу старыхъ деревень. Кромѣ того Кайсаровъ упоминаетъ починки: 1) „деревню, что былъ починокъ противъ Березовскаго острова, *Таборы* тожъ, на р. Камѣ“; 2) пустошь, что былъ починокъ ниже Ласьвинскаго устья, 3) пустошь, что былъ починокъ на рѣчкѣ Якушѣ и 4) пустошь, что былъ починокъ на р. Очерѣ. Значитъ, въ 1614 году былъ еще какой-то пятый починокъ, указать который мы однако затрудняемся. Всѣ указанныя поселенія Очерскаго округа, не исключая самого острожка, постепенно возникли съ 1579 года сверхъ писцовыхъ книгъ Яхонтова.

Приблизительно около того же времени, на прежде пожалованныхъ земляхъ, возникаютъ три новыхъ значительныхъ поселенія: Успенскій монастырь на Чусовой (около 1580 года), слободка Новое Усолье (1606 года) и Верхній Чусовской городокъ (1616 г.); о началѣ всѣхъ ихъ мы уже подробно сказали въ I выпускѣ (стр. 121—123). Сверхъ того въ началѣ XVII вѣка Строгановы купили нѣсколько поженъ близь Соликамска, о чемъ упомянуто подробно въ

книгѣ Кайсарова, постепенно надвигались на земли отхожихъ чердынскихъ и усольскихъ людей на обоихъ берегахъ Камы и ея притоковъ, а въ 1609 году пріобрѣли мѣсто въ самомъ Кайгородкѣ для двора на пріѣздъ и у судовой пристани его для амбара. Землю эту отводили дьякъ Сарычъ Шестаковъ и подъячій Второй Ильинъ, которые и дали Никитѣ Строганову особую выпись на тѣ мѣста. Это пріобрѣтеніе сдѣлано было сверхъ писцовой книги Яхонтова. Нѣсколько позже Строгановы пріобрѣтаютъ новыя земли по Сылвѣ, въ нынѣшнемъ Кунгурскомъ уѣздѣ, о чемъ была рѣчь во II выпускѣ нашего изданія (стр. 168—170 и друг.).

---

4. Вотчины Строгановыхъ въ 1623—1624 годахъ.

Подробное экономическое обозрѣніе вотчинъ въ 162³/₄ г.г. мы находимъ уже излишнимъ, такъ какъ писцовая книга Кайсарова печатается здѣсь въ полномъ видѣ по лучшему изъ всѣхъ сохранившихся ея списковъ. Для нашихъ цѣлей достаточно привести изъ нея общіе экономическіе итоги, для чего мы отчасти воспользуемся таблицею Волегова № 3-й, но дополнимъ ее данными о количествѣ земли, лѣса и сѣна какъ по отдѣльнымъ округамъ, принятымъ въ писцовой книгѣ (3 части по числу владѣтелей), такъ и по всѣмъ вотчинамъ. (То же сдѣлано нами по Чердынскому уѣзду въ III вып., стр. 117). Сопоставленіе же данныхъ Яхонтова и Кайсарова съ позднѣйшими переписями Чемезова 1642 года, Елизарова 1647 г. и князя Бѣльскаго 1678 г. нами сдѣлано своевременно во II выпускѣ, гдѣ приведены и составленныя нами сравнительныя статистическія таблицы по всѣмъ вотчинамъ Строгановыхъ (стран. 79—99, 154—171 и друг.). При выводѣ общихъ итоговъ Кайсаровъ руководствуется числами, извлеченными изъ первоначальной подлинной книги

Яхонтова, а не тѣми числами, которыя указалъ Волеговъ въ таблицѣ № 2-й, составленной по бывшему въ его рукахъ обновленному списку Яхонтова. Къ этимъ достовѣрнымъ числамъ Кайсаровъ вездѣ прибавляетъ соотвѣтственныя данныя по Очерскому острожку и округу, пожалованнымъ сверхъ писцовыхъ книгъ Яхонтова въ 1597 году; эти добавочныя числа онъ беретъ изъ отводныхъ книгъ 1614 года Девятаго Змѣева, данныя которыхъ мы показали выше. Такимъ-то образомъ Кайсаровъ установилъ прежнюю норму обложенія имѣній Строгановыхъ, къ которой вездѣ и дѣлаетъ ту или другую надбавку. Сообразуясь въ точности съ его показаніями, мы составили по всѣмъ вотчинамъ Строгановыхъ особую статистическую таблицу, подобную той, какая составлена нами по всему Чердынскому уѣзду. Какъ и тамъ, пашню и перелогъ мы беремъ въ одномъ полѣ, а монастыри Пыскорскій и Успенскій исключаемъ, какъ самостоятельныя административныя единицы. Полученныя такимъ образомъ данныя разнорѣчатъ съ соотвѣтственными показаніями Волегова, но причины этого разнорѣчія объяснены нами выше. Мы въ точности слѣдуемъ Кайсарову. (См. таблицу на слѣдующ. стран.).

Сошнаго письма Кайсаровъ указываетъ: въ части Андрея и Петра Строгановыхъ соху безъ чети, въ части Ивана и Максима столько же и въ общей ихъ части пол-сохи и пол-пол-трети и пол-пол-пол-чети сохи. Если принять одну *среднюю* землю, которой въ соху полагается 1000 четей, то мы получимъ: а) для части Андрея и Петра 750 четей, б) для части Ивана и Максима столько же и в) для общей ихъ части $^1/_2 + ^1/_{12} + ^1/_{32}$ сохи или 500+83+31 четь=614, а для всѣхъ вотчинъ Строгановыхъ 2114 четей. Между тѣмъ въ нашей таблицѣ пашни и перелогу получается нѣсколько больше: 1140+998=2138 четей. Разница получилась въ дѣйствительности отъ того, что почва въ вотчинахъ была смѣшанная, а средняя только преобладала; на Сылвѣ и Чусовой мѣстами встрѣчалась добрая земля, а въ

За кѣмъ состояли имѣнія.	Какія имѣнія.	Деревень.	Починков.	Пустошей.	Церквей.	Варницъ.	Лавокъ.	Мельницъ.	Дворовъ.	Людей мужск. пол.	Пашни.	Перелогу.	Лѣсу десятинъ.	Сѣна копенъ.	Казенные платежи.
											ЧЕТЕЙ.				
За Андреемъ и Петромъ Семеновичами Строгановыми.	1. *Нижній Чусовской городокъ* и къ нему 2 сельца: *Камасино* и *Никольское* (нынѣ Верхніе Муллы). 2. *Сылвенскій острожекъ.*	20	21	4 въ томъ числѣ *Постьловская*	5	6	10	4	321	411	450½ четей доброй и средней	446	201	10164	109 р. 18 ал. 2½ ден.
За Иваномъ и Максимомъ Максимовичами Строгановыми.	1. *Верхній Чусовской городокъ* и къ нему слободка *Слудка.* 2. *Яйвенскій острожекъ.* Въ этой части былъ *Успенскій* монастырь на р. Чусовой.	35	21	14	3	9	7	4	368	638	416½ доброй и средней	369	184	15261	108 р. 19 ал. 2½ ден.
Въ общемъ владѣніи всѣхъ четырехъ.	1. *Орелъ-городокъ* и къ нему слободка *Новое Усолье.* 2. *Очерскій острожекъ.* Въ этой части былъ *Пыскорскій* монастырь на рѣкѣ Камѣ.	14	7	10	4	9	13	3	244	305	274 ч. средней и худой.	183	116	6115	117 р. 6 ал. ½ ден.
Итого въ 162¾ г.г. было у Строгановыхъ въ Перми Великой.	Городковъ . . . . 3. Острожковъ . . . 3. Слободокъ . . . . 2. Селъ (сельца) . . . 2. Монастырей . . . 2.	69	49	28	12	24	30	11	933	1354	1141 ч. а въ трехъ поляхъ 3423	998 а въ трехъ поляхъ 2994	501	31540	335 р. 10 ал. 3½ ден.
											6417 четей.				

Орловскомъ округѣ по Камѣ — худая. Дворовъ въ соху Кайсаровъ полагалъ по 60, какъ и Яхонтовъ.

По принятому вездѣ Кайсаровымъ порядку, онъ дѣлаетъ въ концѣ писцовой книги по вотчинамъ Строгановыхъ сравненіе старыхъ итоговъ съ новыми, указывая прибыль со времени предъидущей переписи*). Новый его итогъ дѣйствительно сведенъ въ согласіи со старымъ (Яхонтова и Змѣева), что получилось и въ нашей таблицѣ изъ сложенія данныхъ по отдѣльнымъ округамъ; только общій итогъ дворовъ, людей и количества сѣна у насъ не сошелся съ выводомъ Кайсарова: у насъ дворовъ получилось 933, а у Кайсарова 755 (старыхъ 291+новыхъ 344 да 24 нищихъ келій, да 96 пустыхъ); людей у насъ получилось 1354, у него 1140 (343+797, при чемъ неизвѣстно число жителей Очерскаго округа); сѣна у насъ получилось 31540 копенъ, у него 31084 (17540+13544). Не беремся объяснять причину этого несогласія, по неимѣнію на то данныхъ. Во всѣхъ другихъ итогахъ наши выводы сошлись съ точностью до единицы, а именно: деревень прибыло 51, починковъ 16, пустошей 28, пашни 1141 четь (724+417), перелогу 998 (383+615), лѣсу пашеннаго 501 десятина (279+222). Финансовый итогъ у насъ получился больше на 1 рубль (335 вмѣсто 334).

Особнякомъ отъ вотчинъ поставилъ Кайсаровъ въ своей книгѣ Пыскорскій монастырь, какъ строенье именитыхъ людей. Монастырь, вѣроятно, получилъ отъ Кайсарова особыя книги на свои вотчины, которыхъ мы не видали; въ общей же Строгановской книгѣ писецъ описываетъ его довольно кратко. Мы подробно изложили исторію этого монастыря во II выпускѣ изданія, почему здѣсь ограничимся исключительно дословнымъ печатаніемъ текста Кайсарова объ этомъ монастырѣ. Мы не включили въ общіе итоги по вотчинамъ Строгановыхъ данныхъ какъ относительно Пыскор-

*) Въ III выпускѣ мы то же видѣли по Чердынскому и Усольскому уѣздамъ.

скаго, такъ и Успенскаго монастыря на Чусовой, такъ какъ у нихъ было свое хозяйство. При томъ же и самъ Кайсаровъ считаетъ ихъ самостоятельными общинами и если говоритъ о нихъ въ общей писцовой книгѣ, то какъ о „строеніи“ Строгановыхъ, выражаясь его же языкомъ.

5. Общіе экономическіе итоги Кайсарова по всей Перми Великой.

Оканчивая теперь историческое изслѣдованіе Перми Великой, какъ особой области, занимавшей сѣверо-западную часть нынѣшней Пермской и сѣверо-восточную Вятской губерній, мы желаемъ сопоставить экономическіе итоги Кайсарова по всей этой области. Это сопоставленіе покажетъ намъ, что современная русская культура была только въ зачаткѣ въ Перми Великой даже въ XVII вѣкѣ, не говоря уже о болѣе раннихъ временахъ. По приблизительному исчисленію, область Перми Великой занимала до 2500 квадратныхъ миль или свыше 120,000 квадратн. верстъ (по *Стрѣльбицкому);* и изъ всего этого пространства земледѣльческая культура въ началѣ XVII вѣка коснулась только весьма ничтожной его части, какъ можетъ ясно показать это слѣдующая таблица:

Главныя части Перми Великой въ 162³/₄ г.г.	ПАШНИ.		ПЕРЕЛОГУ.		Пашеннаго лѣсу десятинъ	Сѣна копенъ (10 коп.= 1 десятин.)	Всей обработанной земли въ четяхъ.
	Въ полѣ.	Въ трехъ поляхъ.	Въ полѣ.	Въ трехъ поляхъ.			
Чердынскій уѣздъ . . .	10626	31878	3628	10884	1195¹/₂	41183	53390
	четей.		четей.				
Усольскій .	2149	6447	1528	4584	403	11065	14049
Вотчины Строгановыхъ . .	1141	3423	998	2994	501	31540	13727
По всѣмъ .	13916	41748	6154	18462	2099¹/₂	83788	81166

Присоединяя сюда обработанную землю небольшаго уѣзда Кайгородскаго (количество не извѣстно) и монастырскихъ вотчинъ, получимъ въ общемъ итогѣ обработанной земли никакъ не болѣе ста тысячь четей или 50,000 десятинъ, по нынѣшнему исчисленію. Какое ничтожное, первобытное хозяйство было въ Перми Великой въ началѣ XVII вѣка! Обработанный клочекъ земли составлялъ тогда оазисъ въ пустынѣ. Все остальное пространство, по выраженію актовъ того времеми, составляло „мѣста дикія", было покрыто „лѣсами черными". Потому-то эти лѣса изобиловали тогда звѣремъ и птицею, а воды—рыбою*). Особенно пустынны были еще тогда вотчины Строгановыхъ. Не даромъ они постоянно ссылались царямъ въ своихъ челобитныхъ о пожалованіи земель на пустоту и ненаселенность мѣстъ по Камѣ и Чусовой: въ этихъ словахъ было много правды, хотя совершенной пустыней все-таки нельзя было и тогда считать берега этихъ рѣкъ и ихъ притоковъ.

Мы можемъ теперь указать и количество населенныхъ мѣстъ въ Перми Великой при Кайсаровѣ (опять исключая Кайгородскаго уѣзда и монастырскихъ вотчинъ). Въ Чердынскомъ уѣздѣ было въ 162³/₄ г.г. 1 городъ, 19 погостовъ, 170 деревень и 114 починковъ, въ Усольскомъ уѣздѣ—1 городъ, 3 погоста, 49 деревень и 30 починковъ и у Строгановыхъ 3 городка, 3 острожка, 2 слободки, 2 сельца, 69 деревень и 49 починковъ. Всего въ Перми Великой было 3 города (включая Кай), 22 погоста, 3 городка, 3 острожка, 2 слободки, 2 сельца, 288 деревень и 193 починка. Кромѣ того 4 монастыря имѣли свои небольшія вотчины. Во всякомъ случаѣ въ началѣ XVII вѣка число всѣхъ населенныхъ мѣстъ въ Перми Великой было немного болѣе 500,

---

*) Слишкомъ медленное распространеніе земледѣльческой культуры и зависѣло отъ того, что каждый новый участокъ земли человѣку приходилось очищать отъ лѣса. Эти условія прекрасно выяснены въ спеціальной статьѣ *Ѳ. А. Теплоухова:* «Земледѣльческія орудія Пермской чуди».

что, конечно, очень мало для пространства въ 2500 квадратныхъ миль. Отсюда a priori можно съ вѣроятностью заключить, что чѣмъ дальше мы стали бы углубляться въ древность, тѣмъ меньше жизни встрѣчали-бы въ этихъ первобытныхъ, дѣвственныхъ мѣстахъ. Впрочемъ до славянской колонизаціи Пермь Великая пережила еще нѣсколько періодовъ, когда въ ней господствовали народы другихъ племенъ, въ разныхъ стадіяхъ ихъ культурнаго развитія. Но что и въ самой глубокой древности въ Перми Великой не могло быть *значительнаго* населенія—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; къ такому взгляду склоняется доселѣ и мѣстная доисторическая археологія съ ея вспомогательными науками *).

А. Дмитріевъ.

*) *Ѳ. А. Теплоуховъ:* «Вещественные памятники каменнаго и бронзоваго періодовъ въ западной части Пермской губерніи».

ОТДѢЛЪ II.

МАТЕРІАЛЫ.

Въ этомъ отдѣлѣ IV выпуска мы перепечатаемъ первую жалованную Строгановымъ царскую грамоту на земли въ Перми Великой отъ 4 апрѣля 1558 года и затѣмъ впервые напечатаемъ въ полномъ видѣ по лучшему списку писцовую книгу Кайсарова по Великопермскимъ вотчинамъ Строгановыхъ 162³/₄ годовъ.

Первая жалованная Строгановымъ грамота 1558 года требуетъ перепечатки потому, что она впервые была помѣщена въ полномъ видѣ въ „Описаніи Сибирскаго царства" *Г. Ф. Миллера* изданія 1750 г., стр. 76—80, и послѣ того почему-то не вошла въ изданія Археографической Коммиссіи, т. е. въ „Акты Историческіе" и въ „Дополненія" къ нимъ, почему пользованіе этимъ источникомъ стало затруднительно. Въ 1875 г. грамота была перепечатана съ нѣкоторыми сокращеніями въ „Спискахъ населенныхъ мѣстъ Пермской губерніи", изданныхъ подъ редакціей *Штиглица* (стр. CLVII и слѣд.), но и эта книга теперь становится рѣдка. Издатель мѣстныхъ историческихъ актовъ *Шишонко* вообще мало сообразовался со степенью важности того или другаго акта для мѣстной исторіи, почему и грамоту 1558 года напечаталъ только въ небольшомъ извлеченіи въ I томѣ своей „Пермской Лѣтописи" (стр. 48). Въ нашемъ изданіи доселѣ было указано только значеніе этой грамоты для исторіи Строгановыхъ (см. вып. I, стр. 96—99), а перепечатку

всего текста я отложилъ до настоящаго выпуска, посвященнаго спеціально исторіи Строгановыхъ. Теперь мы воспроизводимъ вполнѣ текстъ этой важной грамоты по той ея редакціи, въ какой зналъ ее историкъ Сибири *Миллеръ*, а послѣдній списалъ ее вмѣстѣ съ другими грамотами съ подлинниковъ, хранившихся у г.г. бароновъ Строгановыхъ. „Списки съ сихъ жалованныхъ грамотъ, говоритъ онъ, *по имѣющимся у господъ бароновъ Строгановыхъ подлинникамъ списаны точно*“ (см. стр. 76, въ сноскѣ). Мнѣ случалось видѣть эту грамоту въ рукописныхъ спискахъ разнаго времени—отъ конца прошлаго до конца настоящаго столѣтія. Всѣ они сходны съ редакціей Миллера, исключая наименованія *Пыскорской* курьи, которая нерѣдко называется въ нихъ *Пызновской*, о каковомъ разнорѣчіи мы говорили въ I выпускѣ на стр. 98—99. Перепечатываемъ грамоту изъ слова въ слово изъ „Описанія Сибирскаго царства“ *Миллера*. СПБ. 1750 г., стр. 76—80.

Писцовая книга Кайсарова по вотчинамъ Строгановыхъ 162$^{3}/_{4}$ г.г. появляется въ печати первый разъ по лучшему изъ всѣхъ сохранившихся списку, найденному мною въ г. Соликамскѣ у. Ѳ. В. Мичурина въ 1883 г. Объ этой рукописи я говорилъ уже въ I выпускѣ, стр. 73. Она относится къ 1840—50 годамъ нашего вѣка и списана весьма старательно съ древняго экземпляра, неизвѣстно гдѣ хранившагося. Къ сожалѣнію, въ рукописи оказались вырванными два листка, но я имѣю возможность восполнить ихъ отчасти по другому сокращенному списку той же писцовой книги, доставленному мнѣ въ Перми Д. Д. Смышляевымъ. Здѣсь кстати замѣчу, что такихъ сокращенныхъ списковъ книги Кайсарова по вотчинамъ Строгановыхъ до насъ дошло нѣсколько, полный же—только одинъ; послѣдній и взятъ мною при настоящемъ первомъ изданіи этой писцовой книги.

Онъ отличается отъ прочихъ во 1-хъ тѣмъ, что поименно перечисляетъ всѣхъ дворовладѣльцевъ не только въ слободахъ, острожкахъ, но въ каждой деревнѣ и починкѣ; во 2-хъ онъ заключаетъ въ себѣ самый полный поречень *всѣхъ* населенныхъ мѣстъ въ вотчинахъ Строгановыхъ, не пропуская ниодного починка—однодворка и пустоши, что видно изъ сличенія самаго перечня поселеній съ общимъ итогомъ въ каждомъ округѣ. Между тѣмъ въ извѣстныхъ намъ сокращенныхъ спискахъ той же писцовой книги въ каждомъ округѣ перечислены только наиболѣе значительныя поселенія каждаго округа, а имена и фамиліи дворовладѣльцевъ вездѣ отсутствуютъ, хотя они представляютъ важный матеріалъ для сужденія о томъ, откуда шла колонизація края.

Въ концѣ писцовой книги во всѣхъ спискахъ ея находится краткое описаніе Пыскорскаго монастыря, основаннаго Строгановыми на пожалованныхъ имъ земляхъ. Такъ какъ особой полной писцовой книги этого монастыря до насъ не дошло, то мы считаемъ нужнымъ напечатать и это приложеніе къ книгѣ Кайсарова.

Въ нашемъ полномъ спискѣ приведены заглавія предъ каждымъ округомъ, чего не могло быть въ древнемъ экземплярѣ. Для удобства справокъ мы удерживаемъ эти заглавія въ настоящемъ изданіи книги. Самый порядокъ изложенія одинаковъ во всѣхъ спискахъ. Мѣстами мы сочли необходимымъ снабдить изданіе примѣчаніями въ сноскахъ, изъ коихъ особенно важно имѣть въ виду примѣчаніе на страницѣ 113 относительно размѣра Кайсаровской подворной сохи по вотчинамъ Строгановыхъ.

I. Первая жалованная Строгановымъ царская грамота на земли въ Перми Великой отъ 4 апрѣля 1558 г.

Се азъ царь и великій князь Іоаннъ Васильевичь всея Руссіи, пожаловалъ есми Григорья Аникіева сына Строганова, что намъ билъ челомъ, а сказывалъ, что де въ нашей вотчинѣ ниже Великія Перми за восмьдесятъ за восемь верстъ, по Камѣ рѣкѣ, по правую сторону Камы рѣки съ устья Лысвы рѣчки, а по лѣвую де сторону рѣки Камы противъ Пыскорскія Курьи по обѣ стороны Камы до Чюсовыя рѣки мѣста пустыя, лѣса черные, рѣчки и озера дикія, острова и наволоки пустые, а всего де того пустаго мѣста сто сорокъ шесть верстъ. И прежде де сего на томъ мѣстѣ пашни не пахиваны, и дворы де не стаивали, и въ мою де цареву великаго князя казну съ того мѣста пошлина никакая не бывала, и оные не отданы никому, а въ писцовыхъ де книгахъ и въ купчихъ и въ правежныхъ то мѣсто не написано ни у кого. И Григорей Строгановъ билъ намъ челомъ, а хочетъ на томъ мѣстѣ городокъ поставити, и на городѣ пушки и пищали учинити, и пушкарей и пищальниковъ и воротниковъ устроити для береженья отъ Нагайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ, и около того мѣста лѣсъ по рѣчкамъ и до вершинъ и по озерамъ сѣчи и пашни росчистя пахати, и дворы ставити, и людей называти неписменныхъ и нетяглыхъ, и росолу искати; а гдѣ найдется росолъ, и варницы ставити, и соль варити. И мнѣ бы Григорья Строганова пожаловати, велѣти ему на томъ мѣстѣ городокъ поставити собою, и на городѣ пушки и пищали учинити, и пушкарей и пищальниковъ и воротниковъ устроити собою для береженья отъ Нагайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ; и около того мѣста лѣсъ по рѣчкамъ и до вершинъ и по озерамъ велѣти сѣчи и пашни росчистя велѣти пахати, и дворы ставити, и людей велѣти называти, и въ томъ бы мѣстѣ велѣти росолу искати, гдѣ найдется, и соль бы ему тутъ велѣти варити. И здѣся на Москвѣ казначеи наши про то мѣсто спрашивали Пермитина Кодаула, а пріѣжжалъ изъ Перми отовсѣхъ Пермичь съ данью; и казначеемъ нашимъ Пермитинъ Кодаулъ сказалъ, о которомъ мѣстѣ намъ Григорей бьетъ челомъ и тѣ де мѣста искони вѣчно лежатъ впустѣ, и доходу въ нашу казну съ нихъ нѣтъ ни котораго, и у Пермичь де ихъ въ тѣхъ мѣстѣхъ нѣтъ

ухожаевъ никоторыхъ. И оже будетъ такъ, какъ намъ Григорей билъ челомъ и Пермякъ Кодаулъ, и съ тѣхъ будетъ съ пустыхъ мѣстъ прежъ сего нашихъ даней не шло, и нынѣ съ нихъ дани никоторыя нейдутъ, и съ Пермичи не тянутъ ни въ какія подати, и въ Казань ясаковъ не даютъ, и прежъ того не давывали, и Пермичамъ и проѣжжимъ людемъ никоторые споны не будетъ: И азъ царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ всея Русіи Григорья Аникіева сына Строганова пожаловалъ, велѣлъ есми ему на томъ пустомъ мѣстѣ ниже Великія Перми за восмьдесятъ за восемь верстъ по Камѣ рѣкѣ, по правую сторону Камы рѣки съ усть Лысвы рѣчки, а по лѣвую сторону Камы рѣки противъ Пыскорскія Курьи, въ низъ по обѣ стороны по Камѣ до Чюсовыя рѣки, на черныхъ лѣсѣхъ городокъ поставити, гдѣ бы мѣсто было крѣпко и усторожливо, и на городѣ пушки и пищали учинити, и пушкарей и пищальниковъ и воротниковъ велѣлъ ему устроити собою для береженья отъ Нагайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ, и околобъ того городка ему по рѣчкамъ и по озерамъ и до вершинъ лѣсъ сѣчи, и пашни около того городка роспахивати, и дворы ставити, и людей ему въ тотъ городъ неписьменныхъ и нетяглыхъ называти; а изъ Перми и изъ иныхъ городовъ нашего государства Григорью тяглыхъ людей и писменныхъ къ себѣ не называти и не пріимати. А воровъ ему и боярскихъ людей бѣглыхъ съ животомъ и татей и разбойниковъ не принимати же. А пріѣдетъ кто къ Григорью изъ иныхъ городовъ нашего государства, или изъ волостей тяглые люди съ женами и съ дѣтьми и станутъ о тѣхъ тяглыхъ людехъ присылати намѣстники или волостели или выборныя головы, и Григорью тѣхъ людей тяглыхъ съ женами и съ дѣтьми отъ себя отсылати опять въ тѣжъ городы, изъ котораго города о которыхъ людяхъ отпишутъ имянно; а у себя ему тѣхъ людей и не держати и не принимати ихъ. А которые люди кто пріѣдутъ въ въ тотъ городъ нашего государства, или иныхъ земель люди съ деньгами или съ товаромъ, соли или рыбы купити, или иного товару, и тѣмъ людемъ вольно туто товары свои продавати, и у нихъ покупати безовсякихъ пошлинъ. А которые люди пойдутъ изъ Перми жити, и тѣхъ людей Григорью имати съ отказомъ неписьмянныхъ и нетяглыхъ. А гдѣ въ томъ мѣстѣ росолъ найдутъ, и ему тутъ варницы ставити и соль варити, и по рѣкамъ и по озерамъ въ тѣхъ мѣстѣхъ рыба ловити безоброчно.

А гдѣ будетъ найдетъ руду серебряную или мѣдяную или оловянную, и Григорью тотъ часъ о тѣхъ рудахъ отписывати къ нашимъ казначеямъ, а самому ему тѣхъ рудъ не дѣлати безъ нашего вѣдома, а въ Пермскія ему ухожен и въ рыбныя ловли не входити. А льготы есмы ему далъ на дватцать лѣтъ отъ благовѣщеньева дни лѣта семь тысячь шестьдесятъ шестаго, до благоговѣщеньева дни лѣта семь тысячь восмьдесятъ шестаго. И кто къ нему людей въ городъ, и на посадъ, и около города на пашни, и на деревни, и на починки придутъ жити неписмянныхъ и нетяглыхъ людей, и Григорью съ тѣхъ людей въ тѣ льготные дватцати лѣтъ не надобѣ моя царева великаго князя дань, ни ямскія деньги, ни ямчюжныя, ни посошная служба, ни городовое дѣло, ни иныя никоторыя подати, ни оброкъ съ соли и съ рыбныхъ ловель въ тѣхъ мѣстѣхъ. А которые люди ѣдутъ мимо тотъ городокъ нашего государства, или иныхъ земель съ товары или безъ товару, и съ тѣхъ людей пошлины не имати ни которыя, торгуютъ ли они тутъ, не торгуютъ ли. А повезетъ онъ или пошлетъ ту соль или рыбу по инымъ городамъ, и ему съ той соли и съ рыбы всякія пошлины давати, какъ и съ иныхъ съ торговыхъ людей наши пошлины емлютъ. А кто у него учнетъ въ томъ его городкѣ людей жити пашенныхъ и непашенныхъ, и нашимъ Пермскимъ намѣстникомъ и ихъ тіуномъ Григорья Строганова и что его городка людей и деревенскихъ не судити ни въ чемъ, и праведчикомъ и доводчикомъ и ихъ людемъ къ Григорью Строганову и къ его городка и къ деревенскимъ людемъ не въѣжжати, и на поруки ихъ не даютъ, и не высылаютъ ихъ ни по что; а вѣдаетъ и судитъ Григорей своихъ слобожанъ самъ во всемъ. А кому будетъ иныхъ городовъ людемъ до Григорья какое дѣло, и тѣмъ людемъ на Григорья здѣсь имати управныя грамоты, а по тѣмъ управнымъ грамотамъ обоимъ ищеямъ и отвѣтчикамъ безприставно ставиться на Москвѣ предъ нашими казначеи на тотъ же срокъ на благовѣщеньевъ день. А какъ тѣ урочныя лѣта отойдутъ, и Григорью Строганову наши всѣ подати велѣти возити на Москву въ нашу казну на тотъ же срокъ на благовѣщеньевъ день, чѣмъ ихъ наши писцы обложатъ. Также есьми Григорья Аникіева сына Строганова пожаловалъ, коли наши послы поѣдутъ съ Москвы въ Сибирь или изъ Сибири къ Москвѣ, или съ Казани наши посланники пойдутъ въ Пермь, или изъ Перми въ Казань мимо тотъ его городокъ, и Григорью и его

слобожанамъ нашимъ Сибирскимъ посломъ и всякимъ нашимъ посланникомъ въ тѣ его льготныя двадцать лѣтъ подводъ и проводниковъ и корму не давати; а хлѣбъ и соль и всякой запасъ торговымъ людемъ въ городѣ держати, и посломъ, и гонцомъ, и проѣжжимъ людемъ, и дорожнымъ продавати по цѣнѣ, какъ межъ себя купятъ и продаютъ; и подводы, и суды, и гребцы, и кормщики нанимаютъ полюбовно всякіе люди проѣжжіе, кому надобенъ ихъ то у нихъ дешевле похочетца наняти. Также есьми Григорья Аникіева сына Строганова пожаловалъ съ Пермичи ему ни которыя тяглы не тянути, и счету съ ними не держати ни въ чемъ до тѣхъ урочныхъ лѣтъ, и во всякія угодья Пермичамъ въ земляныя и въ лѣсныя отъ Лысвы рѣчки по Камѣ по рѣчкамъ и по озерамъ и до вершинъ до Чюсовыя рѣки у Григорья не вступатися ни въ которыя угодья въ новыя, а владѣютъ Пермичи старыми угожеи, которыми изъ стари владѣли. А Григорей владѣетъ своими новыми угожеи, съ которыхъ угожаевъ и со всякихъ угодей въ нашу казну никоторыхъ пошлинъ не шло, и въ Казань ясаковъ нашимъ боярамъ и воеводамъ въ нашу казну не плачивали, и прежъ того въ Казань не давывали; а что будетъ Григорей намъ по своей челобитной ложно билъ челомъ, или станетъ не по сей грамотѣ ходити, или учнетъ воровати, и ся моя грамота не въ грамоту. Дана грамота на Москвѣ лѣта 7066 апрѣля 4 дня.

У подлинной грамоты на шнуру вислая красная печать.

Да на оборотѣ тоя грамоты подписано тако:

Царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи.

Приказали Окольничей Ѳедоръ Ивановичъ Умной, да Алексѣй Ѳедоровичъ Одашевъ, да Казначей Ѳедоръ Ивановичь Сукинъ, да Хозяинъ Юрьевичь Тютинъ.

II. Писцовая книга Кайсарова 162³/₄ г.г. по Великопермскимъ вотчинамъ Строгановыхъ.

Выпись съ Пермскихъ писцовыхъ книгъ Андрея да Петра Семеновыхъ дѣтей, да Ивана да Максима Максимовыхъ дѣтей Строгановыхъ вотчинъ ихъ, письма и мѣры Михайла Кайсарова да дьяка Марка Мартемьянова, да подьячихъ Исака Леонтьева да Аѳонасья Брѣева 131 и 132 году.

Чусовской Нижній городокъ.

За Ондреемъ да за Петромъ Семеновыми дѣтьми Строганова ниже Перми Великіе Городокъ *Чусовой* деревянной рубленой, ѣдучи въ верхъ по правой сторонѣ рѣки Чусовой; а у него трои ворота, да 4 башни наугольныхъ глухихъ, а межъ воротъ и башень городень по мѣрѣ 220 саженъ; да на городкѣ наряду 3 пушечки желѣзныхъ, а къ нимъ 70 ядеръ, обливано каменье свинцомъ, да 9 пищалей семи-пядныхъ, а къ нимъ 36 ядеръ, да 36 пищалей сороковыхъ, да 80 пищалей ручныхъ, а къ нимъ 150 ядеръ, да 2 пушечки скорострѣльныхъ желѣзныхъ, да 24 пищали затинныхъ, а къ нимъ 50 ядеръ, 178 самопаловъ и пищалей ручныхъ, да 13 пудъ зелья пищальново, да 14 пудъ свинцу, да 200 луковъ, да 2000 стрѣлъ.

Да въ городкѣ жъ *храмъ* во имя Богоявленія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа древянъ клѣтцки вверхъ шатромъ, а въ храмѣ образовъ: образъ мѣстной Богоявленіе Господне на празелени, а у него прикладу семь вѣнцовъ, да 3 гривны басьменные; образъ Спасовъ на празелени, вѣнецъ и гривна басьменные золочены; образъ мѣстной Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго на празелени; образъ мѣстной пророка Иліи на празелени; образъ мѣстной Климонта папы Римскаго обложенъ серебромъ басмою; образъ Богоявленіе Господне обложенъ серебромъ басмою, а у него два вѣнца сканные съ камышки съ плохими, да 5 вѣнцовъ сканныхъ; да передъ мѣстными образы 4 свѣчи поставныхъ съ краски; образъ Николы Чудотворца, обложенъ серебромъ басьменнымъ золоченъ, вѣнецъ сканной съ камышки; образъ Іоанна Богослова обложенъ серебромъ басьменнымъ золоченъ, а у него 2 вѣнца сканные съ камышки съ плохими, да въ кіотѣ свят. 12 мѣсяцовъ миней, да

12 праздниковъ Господскихъ, писаны на полотенцѣ на краскахъ; образъ Пресвятые Богородицы Одегитріе на празелени, вѣнцы рѣзные золочены съ камышки, да 5 гривенъ басменныхъ золочены, да серги серебреные съ каменьемъ съ плохимъ; да крестъ серебряной; образъ мѣстной Николы Чудотворца въ кіотѣ въ дѣяніи на празелени, вѣнецъ и гривна басменные золочены; образъ мѣстной Петра, Алексѣя, Іоны Московскихъ Чудотворцовъ на празелени, вѣнцы басменные золочены; образъ мѣстной Власія чудотворца на краскахъ; образъ Климонта папы Римскаго на краскахъ; двери царскія на золотѣ, сѣверные на празелени; дейсусъ и праздники и пророки на празелени; образъ Пресвятыя Богородицы Умиленія запрестольный на празелени; сосуды оловянные; воздухъ и покровцы выбойчатые.

Да *въ предѣлѣ* образовъ мѣстныхъ: образъ Іоанна Богослова на празелени, образъ ликъ страстотерпцевъ; образъ ликъ Святительской; образъ Пресвятыя Богородицы Благовѣщеніе на празелени; образъ Іоанна Богослова въ дѣяніи на празелени, а у него пелена камчатая, крестъ шитъ серебромъ; образъ Пречистыя Богородицы молящей; образъ Похвалы Пречистыя Богородицы на празелени; двери царскія и сѣверныя и дейсусъ на празелени, да передъ мѣстными образы 4 свѣчи поставныхъ съ краски; образъ Пречистыя Богородицы на краскахъ; престолъ оболоченъ выбойкою.

Да *въ другомъ предѣлѣ* образъ Николы Чудотворца; образъ поклоненія веригамъ апостола Петра; образъ Андрея Стратилата; образъ ликъ святыхъ отецъ на празелени; двери царскія и сѣверныя и дейсусъ на празелени; да передъ мѣстными образы 4 свѣчи поставныхъ съ краски; образъ Пречистыя Богородицы запрестольные на краскахъ: престолъ оболоченъ выбойкою; двои ризы камчатые оплечье шито золотомъ и серебромъ, два стихаря полубархатные, сосуды оловянные, воздухъ и покровцы камчатые, паникадило мѣдное.

Да подъ колокольницею *храмъ* во имя Петра и Алексѣя и Іоны Московскихъ чудотворцевъ, а въ немъ образъ Петра и Алексѣя и Іоны обложенъ серебромъ басменнымъ, вѣнцы рѣзные; образъ достойно есть съ лики святителей; образъ о Тебѣ радуется; образъ что тя наречемъ Обрадованная на празелени; двери царскія и сѣверныя и дейсусъ на празелени; да передъ мѣстными образы 4 свѣчи поставныхъ съ краски; да книгъ: два

евангелія напрестольныхъ, евангелисты серебренны басьменные, служебникъ печатной, евангеліе толковое печать литовская, апостолъ, да два охтая на 8 гласовъ и треоди цвѣтная и постная печатные, минея общая, да минея жъ мѣсяцъ сентябрь печатные, минея жъ общая письменная, да книга минея жъ, а въ ней 4 мѣсяца письменные, два пролога, два трефолоя, псалтирь и часовникъ печатные, уставъ письменной, 3 паникадила мѣдные невелики немѣцкое дѣло; да на колокольницѣ 5 колоколовъ.

Да въ городкѣ жъ дворъ Андрея да Петра Строгановыхъ.

Да за городкомъ церковныхъ дворовъ: дв. попа Алексѣя Кондратьева, дв. дьячка Поспѣлка Игнатьева сына Сивкова съ братомъ съ Полуехткомъ; пашни церковные земли 2 четьи въ полѣ, а въ дву потому жъ.

Да на посадѣ жъ Андрея Строганова посадскихъ молодчихъ людей: дв. Дмитрейко Козминъ сынъ Сивковъ съ сыномъ Ипаткомъ, дв. Александрикъ Ивановъ сынъ Серебряникъ, дв. Кондрашко Ивановъ сынъ Орѣховъ, дворы же самыхъ молодчихъ людей и соляныхъ поваровъ и подварковъ и пищальниковъ: дв. Максимко Семеновъ сынъ кузнецъ, дв. Антонко Сысоевъ сынъ Гармановъ, дв. Ларіонко Сидоровъ сынъ Югинъ, дв. Матюшка да Макарко Тихоновы дѣти Калачникова, дв. Антонко Васильевъ сынъ Вятчанинъ, дв. Ивашко Дмитріевъ сынъ Москва, дв. Ивашко Даниловъ сынъ Шардинъ, дв. Игнашко да Артюшка Овдокимовы, дв. Ѳедька Павловъ сынъ Колачникъ, дв. Ѳедька Михайловъ сынъ Морозъ, дв. Антошко Евдокимовъ сынъ Веретновъ, дв. Рамашка Ивановъ сынъ Угольникъ, дв. Ерофѣйко Тарасьевъ; да бобыльскихъ дворовъ: дв. Абакумко Леонтьевъ съ братомъ съ Васкою, да Ивашко Артемьевъ, дв. Якушко Ивановъ сынъ Чепшинъ, дв. Ѳролко Ивановъ сынъ Шерстобитъ, дв. Ѳедька Ивановъ сынъ Хоролъ, дв. Тренька Борисовъ, дв. Анциферко Григорьевъ сынъ Шуровъ, дв. Аѳонька Ивановъ; да 8 келей нищихъ, а въ нихъ живутъ вдовы и черные старицы, питаются Христовымъ именемъ.

Да на посадѣ жъ на Петровѣ половинѣ на верхнемъ посадцѣ дв. попа Евфимія Иванова, дв. пономаря Микитки Иванова, дв. трапезника Климка Микитина сына Пегана, да тое жъ церкви дьячекъ Гришка Алексѣевъ сынъ Поповъ, а живетъ съ тестемъ своимъ съ Сысойкомъ съ Сапожникомъ. Да Петровыхъ же посад-

скихъ молодчихъ людей: дв. Казаринко Кузминъ, да Степанко Безсоновъ да Бѣляйко Власовъ сынъ Остолигузовъ, дв. Ивашко Емельяновъ сынъ Вятчанинъ; да самыхъ молодчихъ людей и поваровъ и подварковъ и пищальничьихъ дворовъ: дв. Тимошка Ильинъ сынъ Вѣшнякъ съ сыномъ съ Ѳедькою, дв. Сысойко Игнатьевъ сынъ Сапожникъ съ дѣтьми съ Петрушкою да съ Тренкою да съ Ивашкомъ, дв. Савка Семеновъ сынъ Пономаревъ да Наумко Павловъ сынъ Черной, дв. Ивашко Матвѣевъ, дв. Ивашко Кузминъ сынъ Коза, дв. Васка Зиновьевъ сынъ Шавра, дв. Жданко Степановъ сынъ Ерыкаловъ да Якимко Пиченинъ, дв. Анисимко Тимоѳеевъ сынъ Быдановъ да зять ево Ивашко Матвѣевъ сынъ Вятченинъ кормщикъ да Андрюшка Ярославецъ, дв. Васька Вавилинъ съ братьею съ Ѳедкою да съ Арсенькомъ, дв. Сенька Тимоѳеевъ сынъ Севергинъ зять съ сыномъ съ Андрюшкою, дв. Ивашко Мосеевъ да Ивашко Тархановъ, дв. Трофимко Меньшиковъ сынъ Пеганъ да Харитонко Яковлевъ сынъ Бѣлозеровъ; да бобыльскихъ дворовъ: дв. Ѳедька Ѳедоровъ сынъ Гуляевъ, дв. Негодяйко Семеновъ, дв. Куземка Семеновъ сынъ Горбунъ да Якушко Стрѣнькинъ, да Ивашко Микифоровъ сынъ Севергинъ да Тренька Негодяевъ, дв. Михалко Ваньковъ, дв. Ѳедька Щепинъ да Офонька Ивановъ сынъ Воеводинъ, дв. Ѳедька Ивановъ сынъ Попко, дв. Гришка Семеновъ; да келей: нищей Макарко Алексѣевъ, келья нищей Тимошка Игнатьевъ сынъ Лежинъ.

И всего за Андреемъ и за Петромъ въ Чусовскомъ Городкѣ опричъ церковныхъ и вотчинникова двора посадскихъ молодчихъ людей 5 дворовъ, а людей 7 человѣкъ, сошново письма пол-полчетьи сохи. Да самыхъ молодчихъ людей и поваровъ и подварковъ и пищальниковъ, опричъ бобылей, 25 дворовъ, а людей въ нихъ 38 человѣкъ, сошново письма пол-трети и пол-пол-пол-трети сохи. И всего молодчихъ и самыхъ молодчихъ людей и поваровъ и подварковъ и пищальниковъ четь безъ пол-пол-чети и пол-полтрети сохи. А по государеву цареву и великого князя Михаила Ѳеодоровича всеа Россіи наказу *положено молодчихъ людей въ соху по 80 дворовъ, а самыхъ молодчихъ людей и поваровъ и подварковъ и пищальниковъ по 120 дворовъ* *), а съ бобыльскихъ

*) У Кайсарова по вотчинамъ принята таже подворная соха, какъ въ Чердынскомъ и Усольскомъ уѣздахъ: лучшихъ 40, среднихъ 60, молодшихъ 80 и самыхъ молодшихъ 120 дворовъ (вып. III, 6). На стр. 98 этого выпуска мы разумѣли одни средніе дворы и среднюю землю. *Авт.*

со штинадцати дворовъ положено оброку съ двора по гривнѣ, да пошлинъ по деньгѣ.

Да на посадѣ жъ Андреевыхъ 5 лавокъ, а оброку съ нихъ 16 алтынъ 4 деньги, да пошлинъ съ оброку 5 денегъ; съ лавки оброку и пошлинъ по 3 алтына по 3 деньги.

Да за городкомъ на рѣкѣ на Чусовой Андреевыхъ же 2 *варницы* съ црены да варница безъ црену; оброку ему съ тѣхъ варницъ платить по 12 рубл. на годъ съ цренныхъ по 5 руб. съ варницы, а съ безцренные по 2 руб., да пошлинъ съ оброку 20 алтынъ.

Да на рѣчкѣ на Сылвенкѣ *мельница* колесная ниже Петровы мельницы Строганова, а оброку съ нее 2 рубли, да пошлинъ съ оброку 3 алтына 2 деньги.

Пашни паханые Андреевы къ Чусовскому городку середніе земли 7 четьи съ осминою въ полѣ, а въ дву потому жъ. Сѣна по рѣкѣ по Чусовой и на починкѣ, что былъ Ваневъ Лугъ, и на наволокѣ и на починкѣ на Подсотномъ 592 копны.

Да на посадѣ жъ Петровыхъ 5 лавокъ, а оброку съ нихъ 16 алтынъ 4 деньги, да пошлинъ съ оброку 5 денегъ; съ лавки оброку и пошлинъ по 3 алтына по 3 деньги. Да на рѣкѣ на Чусовой Петровыхъ же 2 *варницы* съ црены, да варница безъ црену; оброку съ нихъ 12 рубл. съ цренныхъ по 5 рублевъ съ варницы, а съ безцренные по 2 рубли, да пошлинъ съ оброку 20 алтынъ; да на посадѣ жъ *кузница*, а оброку съ нее гривна, пошлинъ деньга, да на рѣчкѣ на Сылвенкѣ *мельница* колесная выше Андреевы мельницы Строганова, а оброку съ нее 2 рубли, да пошлинъ съ оброку 3 алтына 2 деньги.

Пашни паханые Петровы къ Чусовскому городку середніе земли 8 четьи безъ третника; сѣна по рѣкѣ по Чусовой и на починкѣ, что былъ Ваневъ Лугъ, и на наволокѣ и на починкѣ Подсотномъ 592 копны.

Да къ Чусовскому жъ городку Андрея Строганова деревень и починковъ:

Дер. *Коробейниково* на рѣкѣ на Чусовой усть рѣчки Лысвы, а въ ней крестьянъ: дв. Митрофанко Марковъ сынъ Коробейниковъ съ сыномъ съ Ивашкомъ, дв. Ѳедька Сидоровъ сынъ Глухой, дв. Ѳедька Ивановъ сынъ Пуповъ съ сыномъ съ Ѳедькою. И всего 3 двора, а людей въ нихъ 5 человѣкъ. Пашни паханые середніе земли 3 четьи съ полу-осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣкѣ по Чусовой 75 копенъ.

Дер. *Игошево* на рѣкѣ на Чусовой, а въ ней крестьянъ: дв. Аѳонька Петровъ сынъ Гузнищевъ, дв. Алешка Ивановъ сынъ Дурново съ сыномъ съ Осипкомъ, дв. Ивашко Зиновьевъ сынъ Плеханъ, и всего 3 двора, а людей въ нихъ 4 человѣка; пашни паханые середніе земли 7 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣкѣ по Чусовой 100 копенъ.

Поч. *Лещевъ* на рѣкѣ на Чусовой, а въ немъ: дв. Васька Микитинъ сынъ Бѣлоусовъ, дв. Ромашка Сидоровъ сынъ Югринъ съ братомъ съ Перфилкомъ, и всего 2 двора, а людей въ нихъ 3 человѣка; пашни паханые середніе земли 6 четьи въ полѣ, а въ дву потому жъ; сѣна на рѣкѣ на Чусовой 45 копенъ.

Дер. *Верейная* на рѣкѣ на Чусовой, а въ ней: дв. Андреевъ, живутъ въ немъ люди ево, да крестьянскихъ дворовъ стоятъ врозни: дв. Якушко Деменьтьевъ съ братомъ съ Артюшкою, дв. Ефимко Ивановъ сынъ Новоторжецъ, дв. Устинко Ѳедоровъ сынъ Заворохинъ съ сыномъ съ Шумилкомъ, дв. Ивашко Семеновъ сынъ Комшило, дв. Алешка Аверкіевъ сынъ Кропачевъ съ дѣтьми съ Ѳоонькою да съ Нестеркомъ, дв. Степанко Ивановъ сынъ Черепанъ, дв. пищальникъ Ѳедька Ивановъ сынъ Королевъ, да кельи нищихъ: кел. Сенька Ивановъ сынъ Мислюковъ, кел. Ивашко Устиновъ сынъ Комшиловъ, дв. Обросимко Ѳедоровъ сынъ Худякъ; и всего 6 дворовъ крестьянскихъ, да дворъ пищальничей, да 3 кельи нищихъ, а людей въ нихъ 14 человѣкъ; пашни паханые середніе земли 18 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣкѣ по Чусовой 215 копенъ.

Поч. *Верейной* на горѣ надъ рѣкою надъ Чусовою, а въ немъ дв. Исачко Кузминъ; пашни паханые середніе земли четь въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 15 копенъ.

Поч. *Голубцовъ* на родникѣ, а въ немъ дв. Гришка Михайловъ сынъ Голубцовъ съ сыномъ съ Якушкомъ, да Богдашко приходецъ, пашни паханые середніе земли 3 осмины въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 15 копенъ.

Дер. *Бавина Гора* на рѣкѣ на Чусовой, а въ ней крестьянъ: дв. Якушко Володимеровъ сынъ Высоково, дв. Ивашко Григорьевъ сынъ Глаткой, дв. Митька Терентьевъ да Васька Ѳедоровъ сынъ Струковъ, дв. пустъ Ивашка Иванова сына Холеня сшолъ въ Сибирь во р҃л году; пашни паханые середніе земли 4 четьи съ осьминою, да перелогу 2 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ, лѣсу пашенного 10 десятинъ; сѣна 60 копенъ.

Поч. *Дылдыно* на рѣкѣ на Чусовой, а въ немъ дв. Ивашко да Микулка Петровы дѣти Дылдина, дв. Ивашко Микифоровъ сынъ Кибиря; пашни паханые середніе земли 6 четьи съ полуосминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна 25 копенъ.

Поч. *Плесо* на рѣкѣ на Чусовой, а въ немъ дв. Пронька Васильевъ сынъ Злыгоглевъ, дв. Гришка Ивановъ сынъ Дылдинъ, пашни паханые середніе земли 3 четьи съ пол-осьминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣкѣ по Чусовой 35 копенъ.

Поч. *Воеводинъ* на рѣчкѣ на Воеводинкѣ, а въ немъ: дв. Абакумко Митрофановъ сынъ Трубченихинъ, дв. Ивашко Сергѣевъ сынъ Холопъ да Безсонко Фофановъ сынъ Суринъ, дв. пустъ Ивашка прозвище Треньки Семенова сшолъ на Сарапулъ во ѕ҃ла году; пашни паханые середніе земли 3 четьи съ осминою, да перелогомъ 5 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣчкѣ по Воеводинкѣ 40 копенъ.

Поч. *Некрасовъ* на рѣкѣ на Чусовой, а въ немъ дв. Самойликъ Алексѣевъ сынъ Глухово, дв. пустъ Богоявленскаго попа Евфимія; пашни паханые середніе земли 4 четьи, да перелогомъ 2 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна 20 копенъ.

Дер. *Долгополово* на рѣкѣ на Чусовой, а въ ней дв. Васька Микитинъ сынъ Сушковъ, дв. Михалко Микитинъ сынъ Сушковъ, дв. Гришка Давыдовъ сынъ Поповъ; пашни паханые середніе земли шесть четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣкѣ по Чусовой 45 копенъ.

Половина дер. *Лобановой*, что былъ починокъ Нижней, да дер. *Нижняя* на рѣкѣ на Чусовой, а въ ней: дв. Ѳомка Варламовъ сынъ Сувара съ дѣтьми съ Ерофѣйкомъ да съ Самойликомъ, дв. Калинка Варламовъ съ дѣтьми съ Оноскомъ да съ Елизаркомъ, дв. Негодяйко Варламовъ съ сыномъ съ Данилкомъ, дв. Васька Даниловъ сынъ Шадринъ съ дѣтьми съ Филькою да съ Климкомъ. И всего 4 двора; а людей въ нихъ 11 человѣкъ; пашни паханые середніе земли 11 четьи безъ пол-осмины, лѣсу пашенного 13 десятинъ съ полудесятиною; сѣна на рѣкѣ на Чусовой 205 копенъ; а другая половина деревни Лобановой писана за Петромъ Строгановымъ.

Пуст. *Села* на родникѣ, а въ ней дворъ пустъ Мосейка Кузмина, пашни перелогомъ 3 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ.

И всего къ Чусовскому городку Андрея Строганова полшесты деревни да семь починковъ да пустошь, а въ нихъ 32

двора крестьянскихъ да дворъ пищальничей да 4 кельи нищихъ; людей въ нихъ 57 человѣкъ; да 3 двора пустыхъ. Пашни паханые середніе земли 75 четьи, да пашни жъ перелогомъ 12 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ, лѣсу пашенново 23 десятины съ полу-десятиною. Сѣна 895 копенъ.

Да къ Чусовскому жъ городку Петра Строганова деревень и починковъ:

Поч. *Сырова* на ручью, а въ немъ дв. Ивашко Костянтиновъ сынъ Сырой съ сыномъ съ Костянтинкомъ, пашни паханые середніе земли 2 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по ручью 20 копенъ.

Поч. *Осиновой* на родникѣ, а въ немъ дв. Петрушка Самсоновъ сынъ Чумшановъ, дв. Пятунька Исаковъ сынъ Бритой, пашни паханые середніе земли осьмина, сѣна 15 копенъ.

Дер. *Безсонова* на рѣкѣ на Чусовой дворы стоятъ въ розни, а въ ней: дв. Васька Кузминъ сынъ Шмаковъ съ дѣтьми съ Исачкомь да съ Титкомъ, дв. Сенька Дементьевъ сынъ Лодыга, дв. Ивашко Васильевъ сынъ Кока, дв. бобыль Сенька Артемьевъ сынъ Лодыга, дв. Гришка Омельяновъ сынъ Безсоновъ съ братомъ съ Тренькою; и всего 4 двора крестьянскихъ, дворъ бобыльской, а людей въ нихъ 8 человѣкъ; пашни паханые середніе земли 10 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣкѣ по Чусовой 155 копенъ.

Дер. *Шалыгина* на рѣкѣ на Чусовой, а въ ней: дв. Захарко Емельяновъ сынъ Глухой, дв. Мишка Филиповъ сынъ Бабушкинъ, дв. Дениско Левонтьевъ сынъ Пачезерецъ, дв. бобыль Оська Кондратьевъ; и всего 3 двора крестьянскихъ да дворъ бобыльской; а людей въ нихъ то жъ; пашни паханые середніе земли 9 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна 75 копенъ.

Поч. *Княгинина Гора*, *Торковъ* то жъ, на рѣкѣ на Чусовой, а въ немъ дв. Богдашко Обросимовъ сынъ Моровъ да Сенька Тюлень, дв. Сенька Кириловъ да Ѳедька Туйковъ; пашни паханые середніе земли 3 полу-осьмины въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 30 копенъ.

Поч. *Коротаевъ*, *Слудка* то жъ, на рѣкѣ на Чусовой, а въ немъ: дв. Родька Ивановъ сынъ Коротай, дв. Сенька Клеменьтьевъ сынъ Глухой да Пронька Ивановъ, да Мосѣйко Устиновъ; пашни паханые середніе земли 6 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 75 копенъ.

За Петромъ же сельцо *Камасинское* на рѣкѣ на Чусовой и надъ Камасинскою курьею, а въ немъ храмъ древянъ клѣцки во имя Рождество Пречистыя Богородицы да съ предѣлъ святаго пророка Ильи, а въ немъ образовъ: образъ Рождество Пречистыя Богородицы мѣстной на празелени, образъ мѣстной святаго пророка Ильи, образъ Николы Чудотворца, образъ Спасовъ, образъ усѣкновенія честныя главы Іоанна Предтечи, образъ святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла, образъ Василія Парійского на празелени; престолы оболочены выбойкою, евангеліе напрестольное печатное, оболочено камкасѣею цвѣтною, евангелисты серебрены золочены, служебникъ печать московская, сосуды оловянны, воздухъ и покровцы выбойчатые, двои ризы: однѣ полотняные, а другіе зенденинные, да книгъ: евангеліе толковое, уставъ письменной въ десть, апостолъ печать московская, охтай на 8-мь гласовъ письменные, псалтирь и часовникъ печать московская, минея общая письменная, мазгорія печать литовская въ пол-десть, треодь постная цвѣтная письменные въ десть; да у церкви жъ 2 колокола, да у того жъ храму дворъ попа Назарья, дв. дьячка Демки, дв. пономаря Петрушки, дв. трапезниковъ Анисимковъ, дв. проскурницы Марфы; пашни паханые церковные 2 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ.

Да въ сельцѣ жъ *Камасинѣ* дв. Петровъ, а въ немъ живетъ человѣкъ ево Степанко Никоновъ, да крестьянскихъ дворовъ: дв. Архипко Дементьевъ съ братьею съ Макаркомъ да съ Перфилкомъ, дв. Нечайко да Пятко Кириловы дѣти Жезковниковы, дв. Гаврилко Антоновъ с. Коголинъ да Семейка Гладкая поденьщика, дв. Васька Елесеевъ с. Мальцовъ съ братьею съ Онфимкомъ да съ Евсегнейкомъ, дв. Ивашко да Мишка Павловы дѣти Глазунова, дв. Ивашко Григорьевъ с. Колупай съ дѣтьми съ Петрушкою да съ Ѳедькою, дв. Первушка Остафьевъ с. Сосна, дв. Родька Андреевъ с. Вятчанинъ, да Дружинка Поповъ, дв. пищальникъ Семейка Юрьевъ с. Вѣшняковъ да Микифорко Агапитовъ с. Чирокъ, дв. пищальникъ Филатка Леонтьевъ да Тренька Савинъ с. Бортнинъ, дв. бобыль Захарко Ѳедоровъ с. Худякъ да Андрюшка Васильевъ с. Короткіе Бабы, дв. бобыль Гурьянко Васильевъ съ пасынкомъ съ Ивашкомъ, дв. бобыль Мосейко Ивановъ с. Дурныхъ, Телятъ да Левка Глазуновъ, да пустыхъ дворовъ: дв. Ивашка Коморника сшолъ во ҂рл году въ Сибирь, дв. Ларки Сизикова сшолъ въ Сибирь во ҂рл году, дв. Васьки Сизи-

кова сшолъ въ Сибирь во р҃л году, дв. Аѳоньки Воеводина сшолъ въ Сибирь во р҃л году, дв. Семейки Черново сшолъ въ Сибирь во р҃л году. И всего 8 дворовъ крестьянскихъ, 2 двора пищальниковыхъ да 3 двора бобыльскихъ, а людей въ нихъ 28 человѣкъ, да 5 дворовъ пустыхъ; пашни паханые середніе земли 35 четьи, да перелогомъ 15 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣкѣ по Чусовой 570 копенъ. Да къ сельцу жъ мельница колотовка на истокѣ на Камасинскомъ, а оброку ему съ тое мельницы платить по 3 алтына по 2 деньги на годъ, да пошлинъ съ оброку по деньгѣ.

Поч. *на Усть Лысьвы* рѣчки, а въ немъ: дв. Баженко Савельевъ сынъ Кошковъ, дв. Илейка Володимеровъ; пашни паханые середніе земли 2 четьи съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рѣчкѣ по Лысьвѣ 35 копенъ.

Поч. *Селище* на рѣкѣ на Чусовой, а въ немъ дв. Ивашко Ивановъ с. Дылда съ дѣтьми съ Поспѣлкомъ да съ Максимкомъ да съ Пяткомъ да съ Евтихейкомъ, дв. Тренька да Оска Степановы, дв. Онисимко Тарасовъ с. Вилеженинъ; и всего 3 двора, а людей въ нихъ 8 человѣкъ; пашни паханые середніе земли 3 четьи съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ. сѣна по рѣкѣ по Чусовой 45 копенъ.

Половина дер. *Лобановой*, что былъ починокъ Нижней Лугъ на рѣкѣ на Чусовой, а въ ней: дв. Гришка Яковлевъ с. Кашинъ, дв. Осипко да Дѣйко Ивановы дѣти Кашкина; пашни паханые середніе земли 11 четьи безъ пол-осьмины, лѣсу пашенного 13 десятинъ съ полудесятиною; сѣна по рѣкѣ по Чусовой 205 копенъ; а другая половина тое деревни писана за Андреемъ.

И всего за Петромъ Строгановымъ къ Чусовскому городку: сельцо, да пол-третьи деревни, да 6 починковъ, а въ сельцѣ и въ деревняхъ и въ починкахъ дворъ вотчинниковъ, да 29 дворовъ крестьянскихъ, да 2 двора пищальничьихъ, да 5 дворовъ бобыльскихъ; а людей въ нихъ 65 человѣкъ, да 5 дворовъ пустыхъ; пашни паханые крестьянскіе середніе земли 80 четьи, да пашни жъ перелогомъ 15 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; лѣсу пашенного 30 десят. съ полудесятиною; сѣна 1190 копенъ.

Да къ Андрееву да къ Петрову Строгановыхъ къ Чусовскому городку въ обчее ихъ *сельцо Никольское* на рѣкѣ на Камѣ и на рѣчкѣ *на Муловкѣ*, а въ немъ церковь древяна клѣцки во имя Николы Чудотворца, а въ церквѣ Божія милосердія образъ

мѣстной Николы Чудотворца на празелени, въ дѣяніи пелена выбойчатая, образъ мѣстной Фрола и Лавра на краскахъ, образъ Пречистые Богородицы Одегитріе на краскѣ, передъ образомъ свѣча мѣстная съ краски середняя, образъ Николы Чудотворца въ кіотѣ серебряная пядница обложенъ серебромъ басьменнымъ, а у него прикладу вѣнецъ сканной съ финиеты да 18 басьменныхъ золоченыхъ, а передъ нимъ свѣча мѣстная середняя съ краски, въ олторѣ на престолѣ образъ Пречистые Богородицы воплощеніе на краскѣ, евангеліе печать литовская оболочено камкасѣею, евангелисты серебреные басьменные золочены, застежки серебреные, а другое евангеліе письменное оболочено бархатомъ чернымъ, евангелисты и застежки мѣдные золочены, крестъ серебрянъ золоченъ съ мощми, крестъ благословящей на краскахъ, престолъ оболоченъ выбойкою, сосуды оловянные, воздухъ и покровцы тамга лазорева, опушка тавта черевчатая, кадило мѣдное, чаша водосвященная и блюдо оловянное, ризы и стихарь полотняные, оплечье и ерданъ выбойчатое, патрахѣль выбойчатая, поручи выбойчатые; да книгъ евангелье толковое письменное, служебникъ письменной, апостолъ печать литовская, псалтирь печать литовская, треоди цвѣтная и постная письменные да трефолой, охтай письменные, часовникъ печать литовская, минея общая печать литовская, псалтирь слѣдованная; да на колокольницѣ 2 колокола, да у церкви дв. попа Герасима, дв. дьячка Алешки Гарманова, дв. пономаря Артемка Микифорова, дв. просвирницы Катерины, дв. трапезника Кирилка; да въ селѣ же 2 двора вотчинниковыхъ Андреевъ да Петровъ, да *Андреевыхъ крестьянъ* дворы: дв. Васька Тимоѳеевъ сынъ Костаревъ съ дѣтьми съ Шумилкомъ да съ Овдѣйкомъ, дв. Якушко прозвище Пятунька Тимоѳеевъ сынъ Костаревъ съ дѣтьми съ Микиткою да съ Маркушкомъ; да въ починкѣ, что былъ поч. Ѳедотово, Красное село то жъ, дв. Сенька Ѳедотовъ с. Корноуховъ съ братьею съ Микиткою да съ Осипкомъ да съ Евсѣйкомъ; да *Петровыхъ крестьянъ:* дв. Первушка Даниловъ с. Костаревъ съ братьею, дв. Селиванко Григорьевъ съ дѣтьми съ Тимошкою да съ Баженкомъ съ братьею, дв. Симонко прозвище Шумилко Семеновъ с. Шумкинъ, Медвѣдица то жъ, да *Андреевыхъ же и Петровыхъ обчихъ крестьянъ:* дв. Матюшка Кипріяновъ сынъ Лихай, дв. Ивашко Григорьевъ с. Корноуховъ, дв. Семейка Артемьевъ с. Бѣляевъ съ с. съ Ларькою, дв. Тараско Лукѣяновъ

с. Ушаковъ, дв. Данилко Тимоѳеевъ с. Костаревъ съ дѣтьми съ Ваською да съ Семейкою, дв. Томилко Даниловъ с. Костаревъ, дв. Кирилко Шаньгинъ приходецъ, дв. Савка Володимеровъ с. Тогилевъ, дв. Демка Ивановъ с. Ширинкинъ, дв. Васька Васильевъ с. Верхоланцовъ, дв. Максимко Степановъ с. Леготкинъ, дв. Ивашко Ивановъ с. Третьяковъ Пенеженинъ, дв. Ивашко Васильевъ с. Верхолалецъ съ дѣтьми съ Петрушкою да съ Ивашкомъ, дв. Пятунька Володимеровъ с. Чирокъ, дв. Семейка Володимеровъ с. Мордва, дв. Ѳедька Захарьевъ с. Обвинецъ, дв. Аничка Васильевъ с. Верхоланцовъ, дв. Ивашко Ѳедотьевъ с. Бакшѣевъ, дв. Первушка Юрьевъ с. Суторминъ, дв. Васька Калининъ с. Жихаревъ, дв. Первушка Андреевъ с. Шалимовъ, дв. Ивашко Кондратьевъ с. Мордва, дв. Ивашко Фоминъ с. Корноуховъ съ братьею съ Ивашкомъ да съ Гурькою да съ Ивашкомъ же, дв. Оська Овдѣевъ, дв. Васька Филиповъ с. Гладково, дв. Артюршка Васильевъ с. Верхолалецъ съ с. съ Миронкомъ, дв. Данилко Андреевъ с. Полдень, дв. Орефка Петровъ с. Орѣховъ, дв. Микитка Ивойловъ с. Обвинецъ, дв. Савка Андреевъ с. Баланкинъ съ с. съ Мартинкомъ, дв. Васька Емельяновъ с. Красулинъ, дв. Ивашко Андреевъ с. Баландинъ съ с. съ Дружинкою, дв. Ивашко Семеновъ Реткинъ, дв. Ларька Овдѣевъ с. Субботинъ съ братомъ съ Тимошкою, дв. пищальникъ Павликъ Кузминъ с. Брюханъ, *да бобыльскихъ дворовъ:* дв. Макарко Никоновъ сынъ Пѣшковъ, дв. Кипріянко Савельевъ с. Чупинъ, дв. Жданко Михайловъ с. Бабинъ, дв. Малафѣйко Григорьевъ, дв. пашенной Матюшка Юрьевъ с. Вѣшняковъ, да пустыхъ дворовъ: дв. Семейка Ѳедотьева съ братьею, дв. Осташка Ѳедорова сына Шкары, дв. Черкаска Микитина сшолъ безвѣстно, дв. Меркушки Ѳедотьева с. Бакшеева сшолъ безвѣстно, дв. Илейки Яковлева сшолъ на Алабугу, дв. Михалка Савельева сшолъ на рѣку на Каму и на рѣчку на Березовку, дв. Полуехтка Савельева; и всего въ сельцѣ въ Мулахъ 41 дворъ крестьянскихъ, да дворъ пищальничь, да 4 двора бобыльскихъ: а людей 67 человѣкъ, да 7 дворовъ пустыхъ; пашни паханые крестьянскіе середніе земли въ селѣ и въ починкѣ 56 четьи съ третникомъ, да пашни жъ перелогомъ 22 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣкѣ по Камѣ и по рѣчкѣ по Муловкѣ 1555 копенъ. Да къ сельцу жъ мельница колесная на рѣчкѣ на Пижѣ, а оброку съ нее рубль, да пошлинъ одинъ алтынъ 4 деньги.

Да къ сельцу жъ къ Муламъ Андреевыхъ да Петровыхъ въ обчихъ деревень и починковъ:

Дер. *Нижніе Муллы* на рѣкѣ на Камѣ, а въ ней дв. Андреевъ, пашни паханые Андреевы 8 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ, а по дѣловой той Андреевой землѣ межа рѣчкою межною по ниже рѣчки Нижнихъ Муловъ, что первая рѣчка впала въ рѣку въ Каму подлѣ Городища, что на томъ Городищѣ стоитъ часовня, да въ той же деревнѣ дв. Петровъ, пашни паханые Петровы 8 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ, а та ево пашня на мысу отъ рѣчки отъ Остяношные, что ѣдучи къ Нижнимъ Муламъ на мулинской дорогѣ, а та рѣчка пала въ Нижніе Мулы, а отъ тое рѣчки въ низъ по Камѣ по кряжу до другіе рѣчки, что впала въ Каму рѣку первая рѣчка подлѣ Городища, что смежно съ Ондреемъ, на которой часовня стоитъ; да въ той же деревнѣ Андрея Строганова крестьянъ: дв. Васька Дмитріевъ с. Егоша съ дѣтьми съ Борискомъ да съ Ивашкомъ да съ Родивонкомъ да съ ними жъ Митька Васильевъ, дв. Омельянко Алексѣевъ сынъ Губинъ, да Пьянка Третьяковъ с. Батуровъ, дв. Аверкійко Аѳонасьевъ с. Пермитинъ съ дѣтьми съ Сенькою да съ Еремкою, дв. Пятунька Симоновъ с. Пермитинъ да Ларька Третьяковъ с. Батуевъ, дв. Савка Ивановъ, дв. Якимко Васильевъ да Васька Аѳонасьевъ, дв. Андрюшка Антоновъ с. Важенинъ, дв. Алешка Сѳменовъ, да по другую сторону рѣчки межной, что вражкомъ течетъ—дворъ Петровъ, а въ немъ живутъ люди ево; да Петра жъ Строганова крестьянъ: дв. Мартынко Борисовъ с. Рѣзановъ, дв. Малафѣйко Трофимовъ с. Прасонъ съ сыномъ съ Оѳонькомъ, дв. Аѳонька Лукьяновъ с. Игановъ да Третьячко Ивановъ с. Некрасовъ, дв. Тараско Семеновъ с. Инвинецъ; да Андреевыхъ же и Петровыхъ въ обчихъ крестьянъ: дв. Степанко Титовъ с. Беклемышевъ, дв. Андрюшка Дмитріевъ с. Черепанъ; да пустыхъ дворовъ: дв. Микулка Семенова, дв. Ивашка Сѳменова, дв. Ѳедьки Сергѣева, дв. Ивашка Иванова с. Чивули. И всего 14 дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ 25 человѣкъ, да 4 двора пустыхъ; пашни паханые крестьянскіе середніе земли 38 четьи и пол-полтретника, да пашни жъ перелогомъ 15 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣкѣ по Камѣ и по рѣчкѣ по Муловкѣ 1220 копенъ.

Поч. *Шипигузовъ* что подъ Верхними Муллами, а въ немъ: дв. Ѳедька Симановъ с. Шипигузовъ съ дѣтьми съ Трофимкомъ

да съ Исачкомъ, дв. Артюшка Васильевъ с. Верхоланцовъ съ с. съ Омелькою; пашни паханые крестьянскіе середніе земли 3 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна 35 копенъ.

Поч. *Мулинской* на усть рѣчки Чусовые, а въ немъ дв. Меньшичко Ивановъ съ с. съ Ваською, дв. бобыль Якушко Деменьтьевъ с. Гуляевъ, пашни паханые середніе земли осьмина въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рѣкѣ по Чусовой 10 копенъ.

Пуст. что была дер. *Мулинская* на рѣкѣ на Чусовой, а въ ней дв. пустъ Микифорка Осипова, дв. пустъ Максимка Мартемьянова, дв. пустъ Степанка Ѳадѣева, дв. пустъ Костки Данилова, пашни перелогомъ 2 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ.

Поч. *Егошино* на рѣчкѣ на Молебнѣ, а въ немъ: дв. Микитка Дементьевъ с. Вологженинъ съ с. съ Елизаркомъ; пашни паханые середніе земли 2 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рѣчкѣ по Молебной 25 копенъ.

Дер. *Польская* на рѣчкѣ на Муловкѣ, а въ ней крестьянъ: дв. Пронька Лукьяновъ с. Ушаковъ, да братъ ево Кирилко, дв. Ермолка Ивановъ, дв. Васька Ивановъ, дв. Осипко Ивановъ с. Усольцовъ, дв. Андрюшка Ивановъ с. Усольцовъ, дв. Тимошка Артемьевъ с. Мырзинъ съ дѣтьми съ Максимкомъ да съ Данилкомъ, дв. Семейка Лукьяновъ сынъ Ушаковъ, дв. Ромашко Максимовъ с. Игрыловъ съ братомъ съ Гришкою; и всего 8 дворовъ, людей въ нихъ 12 человѣкъ; пашни паханые крестьянскіе середніе земли 31 четь съ осьминою безъ пол-третника въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рѣчкѣ по Муловкѣ 850 копенъ.

И всего въ сельцѣ на Мулахъ и деревняхъ и въ починкѣхъ и въ пустоши 4 двора вотчинниковыхъ да 67 дворовъ крестьянскихъ, да дворъ пищальничей да 5 дворовъ бобыльскихъ; а людей въ нихъ 130 человѣкъ, да 14 дворовъ пустыхъ; пашни паханые вотчинниковы середніе земли 16 четьи да крестьянскіе пашни 130 четьи съ полу-осьминою да перелогомъ 39 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна 3695 копенъ.

И всего къ Чусовскому городку 2 сельца, да 10 деревень, да 17 починковъ, да 2 пустоши; а въ нихъ 13 дворовъ церковныхъ, да 6 дворовъ вотчинниковыхъ, да 128 дворовъ крестьянскихъ, да 4 двора пищальничьихъ, да 10 дворовъ бобыльскихъ; а людей въ нихъ 235 человѣкъ, да 22 двора пустыхъ; пашни паханые вотчинниковы и крестьянскіе и съ тѣмъ, что вотчинникова пашня подъ городкомъ, середніе земли 316 четьи съ осьми-

ною безъ пол-пол-третника, да перелогомъ 66 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, лѣсу пашенного 37 десятинъ; сѣна 6964 копны; сошного письма въ живущемъ четь и пол-пол-чети сохи и перешло 4 четьи пашни безъ пол-пол-третника.

И обоего за Андреемъ и за Петромъ въ Чусовскомъ городкѣ на посадѣ и въ уѣздѣ въ живущемъ пол-сохи и пол-пол-трети сохи. Денежныхъ доходовъ дани за ямскіе и за примѣтные деньги и за городовое и за засѣчное и за емчужное дѣло 28 рублевъ четырнадцать алтынъ пол-четверты деньги, съ сохи по 48 рублевъ по 25 алтынъ.

Да пошлинъ казначеевыхъ и дьячьихъ 22 алтына съ деньгою, съ сохи по рублю по 4 алтына пол-пол-четверти деньги.

Да съ пищальничьихъ и съ бобыльскихъ 30 дворовъ оброку и пошлинъ 3 рубли 5 алтынъ, съ двора по гривнѣ пошлинъ по деньгѣ.

Да съ лавокъ и съ варницъ и съ кузницъ и съ мельницъ оброку 30 рублевъ 6 алтынъ 4 деньги да пошлинъ съ оброку рубль 17 алтынъ.

А по государевѣ царевѣ и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Россіи жалованной грамотѣ и прежнихъ государей по грамотамъ и по сотной съ книгъ письма и мѣры Ивана Яхонтова да подьячего Третьяка Карпова ѿз года и по дѣловой къ Андрееву да къ Петрову къ Чусовскому городку уѣзду: рѣкою Камою отъ усть рѣки Чусовые внизъ по лѣвой сторонѣ до Ласвинского бору, да рѣкою Чусовою отъ устья вверхъ по правую сторону Чусовые до рѣки до Утки и съ малыми рѣчками и съ озеры и съ истоки, которые въ той межѣ впали въ рѣку въ Каму и въ Чусовую, съ пашнями и съ пожнями и съ лѣсами и съ рыбными и съ звѣриными ловлями и со всякими угодьи.

Да по государевѣ жъ царевѣ и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Россіи жалованной грамотѣ за приписью дьяка Петра Микулина ѕкг году за Андреемъ же да за Петромъ Строгановыми къ ихъ вотчинѣ къ Чусовскому городку въ Казанскомъ уѣздѣ по обѣ стороны рѣки Камы займище Чудское и селище и пустоши и берега и островы и пашенные и не пашенные земли и гари и сѣнные покосы и рѣчки малые и истоки и поточины и источные и западные озера по обѣ стороны Камы рѣки и по Камѣ жъ по пескомъ и по островомъ и въ рѣчкахъ и въ озерахъ и въ истокѣхъ рыбные ловли и пустоши и дикой лѣсъ со

всѣми угодьи; а межа тѣмъ землямъ и всякимъ угодьямъ выше Осинскіе слободы отъ рѣчки отъ Тулвы по рѣкѣ по Камѣ вверхъ по правой сторонѣ до Микитинской вотчинной межи Строганова до рѣчки до Ошапу, а отводилъ тѣ пустые мѣста по государеву указу изъ Казани боярина и воеводъ отъ князя Ивана Михайловича Воротынскаго, да отъ князя Юрья Петровича Ушатова, да отъ дьяковъ отъ Ѳедора Лихачева да отъ Степана Дичкова во ѕкг году Андрей Даниловъ сынъ Хохловъ, а въ той межѣ поселились Казанскаго уѣзда государевы Осинскіе слободы крестьяне, а по новому письму писцы Михайло Ѳедоровичъ Кайсаровъ, да дьякъ Марка Мартельяновъ, да подьячей Исакъ Леонтьевъ да Аѳонасей Брѣевъ тѣмъ Андреевымъ и Петровымъ пустымъ землямъ и угодьямъ учинили межи выше старые межи по рѣкѣ по Камѣ вверхъ по обѣ стороны Камы рѣки отъ рѣчки Палю до Микитинской вотчины Строганова до рѣчки до Ошапу, по тому, что по отводу Андрея Хохлова въ той ихъ въ Андреевѣ да въ Петровѣ межѣ Строгановыхъ поставили дворы государевы крестьяне Казанскаго уѣзда Осинскіе Никольскіе слободы Ивашко Нырко, да Тренька Грамолинъ, да Пьянко Хозяшевъ, Ивашко Рой, Осташко Носко, Пашко Южениннъ, да по другой сторонѣ Камы рѣки Осташко Сысоленинъ, Нечайко Лузенинъ, Бѣляйко Тяпкинъ.

Да за Андреемъ же да за Петромъ въ Казанскомъ же уѣздѣ по купчей *пустошь Поспѣловская* на рѣчкѣ на Тулвѣ, а въ ней дв. пустъ: пашни перелогомъ двѣ чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; а купили они пустошь по государевѣ царевѣ и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи грамотѣ въ прошломъ во ѕкг году Казанскаго уѣзда новые Осинскіе Никольскіе слободы у крестьянина у Ѳомки Исаева с. прозвище у Поспѣлка Двинянина съ пашнею и съ ростчистьми и съ займищи и съ лугами и съ рыбными ловлями и съ озеры и съ истоки и со всякими угодьи, чѣмъ онъ Ѳомка владѣлъ по отводу Осинского приказнова человѣка Володимера Головина; а въ межахъ тѣ пашенные земли и луги съ верхнюю сторону рѣки Тулвы и отъ рѣчки что пала отъ Ананьи Костылева; да отъ тое межи на низъ до Тулвы рѣки до межи Ермака Матвѣева, да до Нечки Архипова возлѣ озерка и съ истокомъ и до Тулвы рѣки, а животинной выпускъ съ Нечайкомъ Архиповымъ вмѣстѣ за озеркомъ и вверхъ по Тулвѣ рѣкѣ и за рѣчкою за Перегородою до воро-

тецъ; а сѣнные покосы отъ оранные земли по Тулвѣ рѣкѣ до межи Нечки Архипова, что у нихъ съ Нечкою межа сохою разъѣхана отъ Тулвы рѣки до кустовъ къ горѣ поперегъ и въ той межѣ кругомъ по прежнимъ межамъ, чѣмъ онъ Ѳомка владѣлъ. А оброку на тѣ пустые земли и на рыбные и на звѣриные ловли и на всякія угодья по государеву цареву и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Росіи наказу писцы Михайло Ѳедоровичъ Кайсаровъ съ товарищи положили оброку вновь 2 рубли, да пошлинъ съ оброку 3 алтына 2 деньги.

Да за ними жъ, за Ондреемъ и за Петромъ, въ Усольскомъ же уѣздѣ по купчей и по ихъ Андреевѣ и Петровѣ складной записи, что купилъ Андреевъ человѣкъ Строганова Ѳедоръ Москвитинъ Соли Камской у жильцовъ у Максима да у Лазарька Григорьевыхъ дѣтей Рукавишникова, да у Микиты Омельянова сына Рукавишникова у Гришкина внука въ Усольскомъ уѣздѣ благословеніе отцовъ ихъ на усть Усолки рѣки внизъ по Камѣ рѣкѣ на лѣвой сторонѣ пожню и съ причистьми, а въ межахъ та ихъ пожня съ верхнева конца внизъ подлѣ Каму отъ Яковлевы пожни Кирилова до кочекъ, а съ нижнева конца та пожня въ межахъ съ тѣмъ Якушкомъ Кириловымъ да съ братомъ его съ Степанкомъ по тѣмъ же кочкамъ, а съ тѣхъ кочекъ межа отъ Камы прямо въ гору до березы затесаные, а отъ тое березы внизъ по Камѣ рѣкѣ по логу по правой сторонѣ веретеи на березы, что стоятъ въ томъ логу на одномъ кореню три березы затесаные, а отъ тѣхъ отъ трехъ березъ впрямь на середнюю березу затесаную по конецъ веретеи, а въ межахъ та ихъ пожня на нижнемъ концѣ пока затесана береза съ Слойкомъ съ Пучкинымъ, а отъ той березы отъ затесаные впрямь до болота по низкому лужку по увальцу кругомъ до большова увалу по болоту, а вверхъ подлѣ увалъ до лывы, а берегъ у лывки по купчей и по складной ихъ Андреево да Петрово, а лыва государева, а отъ лывы вверхъ подлѣ тотъ же увалъ по правой сторонѣ до Камы до тое жъ межи Якова Кирилова, что писана съ верхнева конца, а межа съ Яковомъ Кириловымъ на верхнемъ концѣ подлѣ увалъ къ Камѣ рѣкѣ по правой сторонѣ, что межъ ихъ Якова Кирилова пожнями болотцо и то болотцо межъ ихъ пожнями государевы жъ. Да за ними же за Андреемъ да за Петромъ Строгановыми по купчей, что купили по ихъ по Андрееву да по Петрову приказу люди ихъ Ѳедоръ Москвитинъ да Василей Григорьевъ

во рк҃д году Соли Камской у жильца у Якова Кирилова сына въ Усольскомъ уѣздѣ на усть Усолки рѣки противъ Креста по старой ево Яковлевой купчей кругомъ по старымъ межамъ съ верхнею сторону отъ Усолки рѣки въ межахъ та пожня съ Ваулиными дѣтьми съ Ваською да съ Іевкомъ отъ черемуховыхъ кустовъ по конецъ озерка прямо въ гору на осину на затесаную, а съ осины на липу на затесаную жъ, а съ липы на двѣ березы затесаные; а въ межахъ тѣ березы съ Петромъ Гребеньщиковымъ, а отъ дву березъ внизъ по Камѣ подлѣ увалецъ по лѣвой сторонѣ увальца и подлѣ березовую веретею внизъ же по Камѣ по лѣвой сторонѣ по затесанымъ березамъ по край увальца лѣвые стороны, а съ трехъ березъ затесаныхъ, что стоятъ тѣ три березы на одномъ кореню, и отъ тѣхъ березъ на одинаковую березу затесаную, а та береза стоитъ въ межахъ съ Ѳедоромъ Казакомъ Бѣлкинымъ, да отъ той березы прямо къ ихъ же межѣ къ Ондреевѣ да къ Петровѣ Строгановыхъ пожни, что бывали Максима Рукавишникова на ель на сухую черезъ согру до увальцу, а сухая ель затесаная жъ отъ Андреевы и отъ Петровы пожни вверхъ по Камѣ подлѣ увалецъ по лѣвую сторону увальца до того жъ конецъ озера до верхнева конца до черемховыхъ кустовъ до тѣхъ же, что въ межахъ съ Ваулкиными дѣтьми, а отъ Камы въ межахъ та пожня нижнимъ концомъ съ Иваномъ Зинковымъ подлѣ увалецъ же по старой купчей по старымъ межамъ, чѣмъ владѣлъ Усолецъ Якушко Кириловъ.

Сылвенскій Острожекъ.

За Андреемъ же да за Петромъ Семеновыми дѣтьми Строганова острожекъ Сылвенской на рѣкѣ на Сылвѣ, а въ острожкѣ дв. Петра Строганова, около двора острожку и что въ стѣнѣ избъ 80 саженъ, да полого мѣста 20 саженъ, да за острожкомъ на посадѣ храмъ во имя Живоначальные Троицы древянъ клѣтцски ветхъ; а въ немъ образъ мѣстной Троицы Живоначальные на золотѣ, а у него прикладу вѣнецъ да 4 цаты серебряны басьменные да серги съ каменьемъ съ плохимъ, да передъ образомъ свѣча мѣстная съ краски, образъ святаго пророка Иліи на празелени, образъ Чудотворца Николы въ дѣяніи, а у него гривна басьменная, да передъ образомъ свѣча мѣстная съ краски;

образъ Пречистые Богородицы Одегитріе на золотѣ, а у него прикладу крестъ серебрянъ золоченъ съ жемчужки да двои серги съ каменьемъ съ плохимъ, да передъ образомъ свѣча мѣстная съ краски, двери царскіе и дейсусъ съ праздники на краскахъ, престолъ оболоченъ крашениною, Пречистая запрестольная на золотѣ, евангеліе печать московская оболочено бархатомъ бѣлымъ, евангелисты серебрены басьменные золочены, сосуды оловянные, воздухъ и покровцы атласъ черовчатъ; да книгъ: евангеліе толковое печатное, псалтырь, уставъ, треѳолой, минея общая, треоди цвѣтная и постная, охтай на восемъ гласовъ письменные, часовникъ печать литовская; да на колокольницѣ два колокола, да у церкви дворъ попа Сергѣя Максимова, дв. дьячка Мартынка Осипова съ братомъ съ Елисѣйкомъ, дв. пономаря Степанка Лукѣянова сына Толстова, дв. просвирницы Ѳедосьи.

Да на посадѣ жъ дв. Андрея Строганова, а въ немъ живутъ люди ево, да крестьянскихъ дворовъ: дв. Гришка Тимоѳеевъ с. Роспоповъ, дв. Богдашко Мартемьяновъ, дв. Антонко Ивановъ, дв. Лучка Ермаковъ, дв. Петрушка да Дружинка Анциферовы дѣти Шунчихина, дв. Мартынко прозвище Допечка Вахромѣевъ с. Бышуева, дв. Тимошка Осиповъ с. Трапезниковъ, дв. Ѳедотко Алексѣевъ, дв. пищальникъ Ѳедосѣйко прозвище Пятко Акинфіевъ; да бобыльскихъ дворовъ: дв. Овдокимко Поликарповъ, дв. вдова Анница Максимовская жена Латышева, дв. Матюшка Лядовъ, дв. Ѳролко Родіоновъ с. Чащинъ съ племянники съ Пронькою да съ Потапкомъ Ѳедоровыми, дв. Родіонко Матвѣевъ с. Сараевъ съ с. съ Ивашкомъ, дв. Осипко Артемьевъ, дв. Сенька Глухой, дв. Сенька Борисовъ, дв. на пріѣздъ деревенского крестьянина Баженка Трофимова с. Роспопы, дв. пустъ Проньки Чащина, умре; и всего 8 дворовъ крестьянскихъ, да 8 дворовъ бобыльскихъ, да дв. пищальничей; а людей въ нихъ 21 человѣкъ, да 2 двора пустыхъ; пашни паханые крестьянскіе добрые земли 15 четьи съ осминою, да перелогомъ 185 четьи съ осьминою и пол-пол-третника въ полѣ, а въ дву по тому жъ, лѣсу пашенного 56 десятинъ; сѣна 925 копенъ. Да на посадѣ жъ дв. Петра Строганова, а въ немъ живетъ десятникъ ево Гришка Острецовъ, да крестьянскихъ дворовъ: дв. Богдашко Исаковъ да Юшка Корелинъ, дв. Васька Леонтьевъ с. Ташлыкъ съ с. съ Патапкомъ, дв. Макарка Корелинъ да Петрушка Давыдовъ, да Ивашко Кононовъ съ дѣтьми съ Сенькою да съ Куземкою Корелянѣ, дв.

Шестачко судовой плотникъ, дв. пищальникъ Гришка Гуля, дв. пищальникъ Сенька Ѳедоровъ, да бобыльскихъ дворовъ: дв. Форафонко Смольниковъ, дв. Алешка Русановъ, дв. вдова Окулинка Шестаковская; и всего 5 дворовъ крестьянскихъ, да 2 двора пищальничьихъ, да 3 двора бобыльскихъ, а *людей* въ нихъ 15 человѣкъ; *пашни* паханые добрые земли 23 чети, да перелогомъ 178 четвертей и пол-третника пашни въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *лѣсу* пашенного 56 десятинъ; *сѣна* 925 копенъ.

Да къ Сылвенскому жъ острожку *Петра* Строганова деревень и починковъ:

Дер. *Кочалова* на рѣчкѣ на Юрманѣ, а въ ней крестьянъ: дв. Первушка Ивановъ с. Молодой, дв. Дорофейко Васильевъ с. Кочаловъ, *пашни* паханые добрые земли 2 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣкѣ по Юрману 25 копенъ.

Поч. *Усовъ* на рѣчкѣ на Юрманѣ, а въ немъ дв. Ивашко Еремѣевъ с. Усовъ съ с. съ Еремкою, *пашни* паханые добрые земли четь въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рѣкѣ по Юрману 15 копенъ.

Дер. *Микулинъ Лугъ*, Волочекъ тожъ, на рѣкѣ на Сылвѣ, а въ ней крестьянъ: дв. Ивашко Ивановъ с. Ячменинъ, дв. Ѳедька Бѣляевъ с. Бѣлковъ, дв. бобыль Тренька Кондратьевъ с. Пахомовъ, *пашни* паханые добрые земли 11 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рѣкѣ по Сылвѣ 50 копенъ.

Дер. *Верхолузья* на рѣкѣ на Сылвѣ, а въ ней: дв. Тренька Семеновъ с. Полыгаевъ съ дѣтьми съ Нечайкомъ да съ Пяткомъ да съ Мальцомъ, дв. Ивашко Якимовъ с. Рѣшетниковъ безпашенной, дв. Гришка да Ромашко Петровы дѣти Вятчанина, дв. Макарко да Ивашко да Ларько Кузмины дѣти Пищальниковы, дв. Гаврилко Семеновъ с. Полыгаловъ съ дѣтьми съ Тренькою да съ Петрушкою, дв. Тимошка Филиповъ с. Мальцовъ съ братомъ съ Ивашкомъ, дв. бобыль Тренька Петровъ, дв. пустъ Поздейка Королева съ братомъ съ Ивашкомъ сошли во ѕ҃к҃ѳ году на Сарапулъ, дв. пустъ Алешки Иванова с. Гладышева сшолъ на Сарапулъ во ѕ҃к҃ѳ году, дв. пустъ Мишки Гладышева сшолъ на Сарапулъ во ѕ҃к҃ѳ году; всего 5 дворовъ крестьянскихъ, да дв. безпашенной, да дв. бобыльской, а людей въ нихъ 16 человѣкъ да 3 двора пустыхъ; *пашни* паханые добрые земли 25 чети и пол-полтретника, лѣсу пашенного 20 десятинъ; сѣна по рѣкѣ по Сылвѣ 300 копенъ.

Дер. *Быково* на рѣкѣ на Сылвѣ, а въ ней дв. Ѳедька Осиповъ с. Трапезниковъ съ братомъ съ Вахромейкомъ; дв. Михалко да Ивашко Остафьевы дѣти Удачникова, дв. бобыль Тараско Дементьевъ с. Сажинъ; *пашни* паханые добрые земли 7 четьи съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣкѣ по Сылвѣ 75 копенъ. Да подъ тою жъ деревнею мельница большая мутовчатая на рѣчкѣ на Бродовой, да у мельницы дворъ, а въ немъ живетъ человѣкъ Петровъ Тренька Каренька, оброку ему съ тое мельницы платить по штинадцати алтынъ по 4 деньги на годъ да пошлинъ съ оброку по 5 денегъ.

Дер. *Мальцова* на рѣкѣ на Сылвѣ надъ Гагинымъ озеромъ, а въ ней дв. Ивашко Перфильевъ с. Скорыня, дв. Девятко Филиповъ с. Мальцовъ, дв. Ивашко Филиповъ с. Мальцовъ, дв. Сенька Филиповъ с. Мальцовъ, дв. Андрюшка Филиповъ с. Мальцовъ, дв. Филька Григорьевъ с. Полыгановъ, дв. Ѳедька Яковлевъ с. Мальцовъ и всего 7 дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ то жъ; *пашни* паханые добрые земли 12 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣкѣ по Сылвѣ 355 копенъ.

Дер. *Быковка* на рѣкѣ на Сылвѣ да на рѣчкѣ на Быковкѣ, а въ ней дв. Гришка Дементьевъ с. Киселевъ съ дѣтьми съ Петрушкою да съ Поспѣлкомъ, дв. Алешка Богдановъ с. Горбуновъ съ братомъ съ Михалкомъ; пашни паханые добрые земли 7 четьи съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рѣчкѣ по Быковкѣ 65 копенъ.

Половина дер. *Вороновой*, что былъ починокъ Нижней на рѣкѣ на Сылвѣ, а въ ней дв. Безсонко Ивановъ с. Вороновъ съ дѣтьми съ Филькою да съ Ивашкомъ, дв. Ѳефилко Ивановъ сынъ Вороновъ съ дѣтьми съ Ѳомкою да съ Трофимкомъ да съ Еуфимкомъ; пашни паханые добрые земли 4 чети съ осминою, да перелогомъ осмина въ полѣ, а въ дву по тому жъ, лѣсу пашенного 7 десятинъ съ полудесятиною; сѣна по рѣкѣ по Сылвѣ 75 копенъ. А другая половина тое деревни Вороновой за Андреемъ Строгановымъ.

И всего *Петра* Строганова къ Сылвенскому острожку полсемы деревни, да починокъ, а въ нихъ 22 двора крестьянскихъ, да 5 дворовъ бобыльскихъ, а людей въ нихъ 46 человѣкъ; пашни паханые добрые земли 70 четьи съ осминою и пол-пол-третника, да перелогомъ осмина пашни; лѣсу пашенного 27 десятинъ съ полудесятиною, сѣна 960 копенъ.

Да *Андрея* Строганова къ Сылвенскому острожку деревень и починковъ.

Поч. *Гущихъ Чернышево* и *Подберезникъ* то жъ на рѣкѣ на Сылвѣ, а въ немъ дв. Ивашко Максимовъ сынъ Черной, дв. Аѳонька Зиновьевъ с. Вагулкинъ, пашни паханые добрые земли 4 чети съ осминою, сѣна по рѣкѣ по Сылвѣ 15 копенъ.

Поч. *Гилевъ* на рѣкѣ на Юрманѣ, а въ немъ дв. Максимко Аѳонасьевъ с. Гилевъ, дв. пустъ Ромашка Григорьева с. Гилева сшолъ безвѣстно во ҂рк҃ѳ году, пашни паханые добрые земли 2 чети да перелогомъ 2 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, лѣсу пашенного 10 десятинъ, сѣна на рѣкѣ на Сылвѣ 60 копенъ.

Пуст. что былъ поч. *Пришвино* на рѣкѣ на Юрманѣ, а въ немъ дв. пустъ Сережки Борисова, сшолъ безвѣстно во ҂рк҃з году, пашни перелогомъ 3 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ.

Дер. *Кондакова* и *Микулинъ Лугъ* и *Татаржино* то жъ на рѣкѣ на Сылвѣ, а въ ней дв. Кондрашко Ивановъ с. Бѣлого съ дѣтьми съ Михалкомъ да съ Мартемьянкомъ да съ Окинфейкомъ да съ Онтонкомъ, дв. Ивашка Михайловъ с. Горбуновъ съ братьею съ Куземкою да съ Ивашкомъ, пашни паханые добрые земли 5 чети съ осминою, сѣна по рѣкѣ по Сылвѣ 70 копенъ.

Дер. *Быково* на рѣкѣ на Сылвѣ, а въ ней дв. Гришка Максимовъ с. Сутыринъ, дв. Гришка Васильевъ с. Быково съ братьею съ Мосейкомъ да съ Пиминкомъ, пашни паханые добрые земли 2 чети безъ полуосмины въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рѣкѣ по Сылвѣ 45 копенъ.

Пуст. *Быково* на рѣкѣ на Сылвѣ, а въ ней дв. пустъ Тимошки Трапезникова, Тимошка живетъ въ острожкѣ въ Сылвинскомъ за Андреемъ Строгановымъ, пашни перелогомъ четыре четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ.

Дер. *Симанина*, что былъ починокъ Симоновъ, на рѣкѣ на Сылвѣ, а въ ней дв. Баженко Ѳоминъ с. Литвиновъ съ братомъ со Власкомъ, дв. бобыль Минька Ѳедоровъ, дв. Андрюшка Трифановъ с. Вычегженинъ, дв. Наумко Васильевъ с. Быковъ, пашни паханые добрые земли 4 четьи да перелогомъ 6 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ, лѣсу пашенного 7 десятинъ; сѣна по рѣкѣ по Сылвѣ 100 копенъ. Да подъ тою жъ деревнею мельница большая мутовчатая на рѣчкѣ на Бродовой, а оброку съ тое мельницы платить по шитинадцати алтынъ по 4 деньги на годъ,

да пошлинъ съ оброку пять денегъ, да у мельницы жъ дв. Андреевъ, а въ немъ человѣкъ ево Девятко Ивановъ.

Поч. *Роспоповъ* на рѣкѣ на Сылвѣ усть рѣчки Сыры: дв. Баженко Трофимовъ с. Роспопа съ дѣтьми съ Катанайкомъ да съ Грязнушкою, да съ Петрушкою, пашни паханые добрые земли 2 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣкѣ по Сылвѣ и по Сырѣ 25 копенъ.

Половина дер. *Вороновой*, что былъ починокъ Нижней, а другая половина тое деревни писана за Петромъ Строгановымъ, на рѣкѣ на Сылвѣ, а въ ней дв. Сергѣйко Борисовъ съ дѣтьми съ Томилкомъ да съ Евсѣйкомъ, дв. Орефка Ивановъ с. Вороновъ съ с. съ Ларькою да у него жъ Ѳедька Алексѣевъ; пашни паханые добрые земли 4 чети съ осьминою да перелогу осьмина въ полѣ, а въ дву по тому жъ; лѣсу пашенного семь десятинъ съ полудесятиною; сѣна по рѣкѣ по Сылвѣ 75 копенъ.

И всего за Андреемъ Строгановымъ къ Сылвенскому острожку пол-четверти деревни, да 3 починка, да 2 пустоши, а въ нихъ 13 дворовъ крестьянскихъ, да дворъ бобыльской, а людей въ нихъ 30 человѣкъ, да 2 двора пустыхъ; *пашни* паханые крестьянскіе добрые земли 24 четьи съ пол-осьминою, да перелогомъ 15 четей съ осьминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *лѣсу* пашенного 24 десятины съ полу-десятиною; *сѣна* 390 копенъ.

И обоего за Андреемъ и за Петромъ Строгановыми къ Сылвенскому острожку 10 деревень, да 4 починка, да 2 пустоши; а въ острожкѣ и въ деревняхъ и въ починкѣхъ 40 дворовъ пашенныхъ крестьянъ, да 3 двора пищальничьихъ, да 17 дворовъ бобыльскихъ, а *людей* въ нихъ 111 человѣкъ, да два двора пустыхъ; *пашни* паханые добрые земли 133 чети съ третникомъ, да пашни жъ перелогомъ 380 четьи безъ третника въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *лѣсу* пашенного 164 десятины; сѣна 3200 копенъ; *сошного письма* въ живущемъ пол-чети и пол-пол-полтрети сохи.

Денежныхъ доходовъ дани за ямскіе и за примѣтные деньги и за городовое и за засѣчное и за емчужное дѣло 8 рублевъ 4 алтына съ деньгою. Да пошлинъ казначеевыхъ и дьячьихъ 6 алтынъ пол-третьи деньги.

Да съ пищальничьихъ и съ бобыльскихъ съ 20 дворовъ оброку 2 рубли, да пошлинъ съ оброку 3 алтына 2 деньги.

Да съ дву мельницъ большихъ мутовчатыхъ оброку рубль да пошлинъ 10 денегъ, да у тѣхъ же мельницъ дворъ Андреевъ да дворъ Петровъ, а въ нихъ живутъ люди ихъ.

А по государевѣ царевѣ и великого князя Михаила Ѳеодоровича всеа Россіи жалованной грамотѣ и прежнихъ государей грамотамъ и по сотной съ книгъ письма и мѣры Ивана Яхонтова да подъячаго Третьяка Карпова ѿ году къ Сылвенскому острожку уѣзду написано: отъ рѣки Чусовые рѣкою Сылвою вверхъ до острожку 20 верстъ, а отъ острожку рѣкою жъ Сылвою вверхъ до деревни Верхолузья 10 верстъ, а отъ деревни Верхолузья Сылвою жъ вверхъ до Остяцкихъ улусовъ и въ той межѣ по обѣ стороны Сылвы рѣки земли и береги и островы пустые и рѣчки, которые впали въ Сылву отъ устей и до вершинъ, и озера лѣшіе съ истоки и лѣса дикіе Андреевы да Петровы.

А по государеву цареву и великого князя Михаила Ѳеодоровича всеа Россіи и отца его великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Россіи указу писцы Михайло Кайсаровъ да дьякъ Марко Мартемьяновъ да подьячей Исакъ Леонтьевъ да Аѳонасей Брѣевъ Андрея да Петра Строгановыхъ вотчинѣ Сылвенскому острожку по всему дозору и по сыску и по чертежу межу учинили отъ рѣки отъ Чусовые Сылвою вверхъ до деревни до Вороновы 10 верстъ, а отъ деревни Вороновы до рѣчки Быковки 2 версты, а отъ рѣчки Быковки до деревни Быковки верста, а отъ деревни Быкова до починка Гущина 2 версты, а отъ починка Гущина до рѣчки Юрмана 4 версты, а на усть Юрмана Строгановыхъ бывала мельница, а нынѣ тое мельницы и плотины нѣтъ, да по Юрману жъ вверхъ Строгановыхъ же до починка Гилева верста, а отъ Гилева до починка Усова 2 версты, а отъ Усова до деревни до Кочаловой верста, а отъ Кочаловой рѣчкою Юрманомъ вверхъ до Татарскихъ юртовъ верста, а въ тѣхъ юртѣхъ на рѣчкѣ на Юрманѣ живутъ Татарове на Строгановыхъ землѣ, которые сходя съ Юрмана пожили на рѣчкѣ на Насадкѣ Чурашъ да Коробай Акдамовы съ дѣтьми и съ племянники, а вотчина тѣхъ Юрманскихъ Татаръ по рѣкѣ по Сылвѣ да по Тазу да по Бабѣ да по Шаквѣ по дозору писцовъ и по ихъ татарской сказкѣ выше Рожина улусу; а отъ усть Юрмана рѣчки Сылвою вверхъ до Строгановыхъ острожку верста, а отъ Чусовые Сылвою рѣкою

вверхъ до тово острожку всего 20 верстъ, отъ острожку Сылвою вверхъ до деревни до Кондаковой верста, а отъ Кондаковой до починка Быкова верста, а отъ починка Быкова до мельницъ, что на рѣчкѣ на Бродовой, и до деревни Симановой верста, а отъ мельницъ и отъ деревни Симановой до деревни Верхолузья 7 верстъ, а отъ Верхолузья до деревни Микулина Лугу, что поселились послѣ Иванова письма Яхонтова, 2 версты, а отъ Микулина Лугу до рѣчки до Насадки Сылвою жъ рѣкою вверхъ 4 версты, а сухимъ путемъ горою до тое рѣчки Насадки отъ острожку 8 верстъ, а на той рѣчкѣ Насадкѣ на Строгановыхъ же землѣ пожили пришедъ на время Татаровя Чурашъ да Рабай Акдаловы съ дѣтьми и съ племянники, а поживъ сошли опять на Юрманъ же да и нынѣ живутъ на Юрманѣ, а на той рѣчкѣ на Насадкѣ на усть дѣлаютъ Строгановыхъ суды соляные, да выше тое рѣчки Насадки двѣ версты на рѣкѣ на Сылвѣ у Гагина озера Строгановыхъ деревня Мальцова стала послѣ прежнихъ писцовъ, да выше тое деревни Мальцовы на рѣкѣ на Сылвѣ жъ на усть рѣчки Сыры сталъ ново жъ Строгановыхъ починокъ Роспопова, а отъ деревни Мальцова до того починка рѣкою Сылвою вверхъ 4 версты, а отъ починка Роспопова до рѣчки до Серги Сылвою вверхъ 13 верстъ, что было билъ челомъ государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Россіи о той землѣ, что по рѣчкѣ по Сергѣ, Усолецъ *Русинъ Елисеевъ* ложно, а называлъ тое рѣчку Сергу и по той рѣчкѣ земли Пермскою землею не правдою; а отъ тое рѣчки Серги до истоку, что впалъ въ рѣку въ Сылву изъ озера изъ Вяцково, и до озера Вяцково 5 верстъ, а тѣмъ озеромъ и истокомъ владѣютъ Строгановы, а отъ озера Вяцково и отъ истоку рѣкою Сылвою вверхъ до врагу и до татарскихъ кладбищъ и до озера до Прорывново съ истокомъ 4 версты, а въ томъ Прорывномъ озерѣ рыбу ловятъ Строгановы, а отъ Прорывнова озера Сылвою жъ вверхъ до Остяцково до Рожина улусу верста и всего отъ Сылвенского острожку до того Остяцково до Рожина улусу Сылвою рѣкою вверхъ 45 верстъ, а опричь тово Остяцково Рожина улусу къ Строгановыхъ вотчинѣ къ Сылвенскому острожку съ деревнями вверхъ рѣкою Сылвою иныхъ Остяцкихъ улусовъ по Сылвѣ рѣкѣ ближе нѣтъ; и въ той межѣ по обѣ стороны рѣки Сылвы островы пустые и земли и рѣчки, которые впали въ рѣку въ Сылву отъ устей и до вершинъ, и озера и истоки и лѣса дикіе Андреевы да Петро-

вы, а Пермскихъ городовъ города Чердыни и Соли Камской Кайгородскихъ земель и никакихъ угодей на рѣкѣ на Сылвѣ и по малымъ рѣчкамъ съ тѣми Остяцкими улусы, опричь Строгановыхъ земель нѣтъ, и въ сотной прежнихъ писцовъ тѣхъ Пермскихъ городовъ земель и никакихъ угодей по Сылвѣ и по малымъ рѣчкамъ межъ Строгановыхъ и Остяцкихъ улусовъ не написано жъ; а отъ Пермсково рубежа отъ деревни Мошевы до рѣчки Серги, что впала въ рѣку въ Сылву, 230 верстъ, а Сылвинскихъ Татаръ и Остяковъ по рѣкѣ по Сылвѣ и по малымъ рѣчкамъ, которые впали въ рѣку въ Сылву выше и ниже Строгановыхъ Сылвенского Острожку и деревень, на Строгановыхъ земляхъ только бортные ухожеи и звѣринные ловли и они Тотарове и Остяки тѣми своими бортными ухожеи и звѣринными ловлями владѣютъ; и съ того они Остяки и Тотарове государевъ ясакъ платятъ куницами. А гдѣ тѣ Остяцкіе и Татарскіе верховые бортные ухожьи и звѣриные ловли и въ тѣхъ мѣстѣхъ по рѣкѣ по Сылвѣ и по малымъ рѣчкамъ землями и сѣнными покосы и лѣсами и рыбными ловлями и всякими угодьи по государевымъ жалованнымъ грамотамъ и по сотной съ книгъ письма и мѣры Ивана Яхонтова владѣютъ изстари Андрей да Петръ Строгановы, и потому Андрееву и Петрову Строгановыхъ вотчинѣ Сылвенскому острожку землямъ и водамъ и всякимъ угодьямъ межа учинена до Остяцково до Рожина улусу, что къ ихъ Строгановыхъ Сылвенскому острожку и къ деревнямъ иныхъ Остяцкихъ улусовъ опричъ Рожина улусу ближе нѣтъ, и тою землею, о которой билъ челомъ государю Усолецъ Русинъ Елисеевъ, по рѣкѣ по Сылвѣ вверхъ отъ рѣчки Серги къ Рожину погосту до врагу на 5 верстъ, а внизъ по Сылвѣ отъ рѣчки Серги до Невѣсткина городища впредь владѣти Андрею да Петру Строгановымъ по прежнему, а Усольцу Русину Елисееву въ той землѣ по государеву указу и по сыску отказано и впредь ему тою землею не владѣть потому, что тѣ урочища въ ихъ Андреевѣ и Петровѣ землѣ и впредь имъ Андрею да Петру Строгановымъ къ Сылвенскому острожку землями и водами и лѣсами и всякими угодьи владѣти по рѣкѣ по Сылвѣ вверхъ до Остяцково до Рожина улусу.

И *всего* за Андреемъ и за Петромъ Строгановыми по государевымъ жалованнымъ грамотамъ и по сотнымъ старые ихъ вотчины на рѣкѣ на Чусовой и на Сылвѣ: городокъ, да остро-

жекъ, а къ нимъ въ уѣздѣхъ: два сельца, да 20 деревень, да 21 починокъ, да 4 пустоши; а въ городкѣ и въ острожкѣ и въ сельцѣхъ и въ деревняхъ и въ починкѣхъ 20 дворовъ церковныхъ, да 10 дворовъ вотчинниковыхъ, да 206 дворовъ посадскихъ и уѣздныхъ крестьянъ, да 50 дворовъ бобыльскихъ и пищальничьихъ; а людей въ нихъ 411 человѣкъ, да 24 двора пустыхъ, да 11 келей нищихъ; *пашни* паханые *добрые* и *середніе* земли 450 *четьи* безъ полу-осмины, да пашни же *перелогомъ* 446 *четьи* безъ третника; *лѣсу пашенного* 201 десятина; *сѣна* 10164 копны; *сошнова письма* на посадѣхъ и въ уѣздѣхъ *въ живущемъ* соха безъ четьи.

Денежныхъ доходовъ дани за ямскіе и за примѣтные деньги и за городовое и за засѣчное и за емчужное дѣло 36 рублевъ 18 алтынъ пол-пяты деньги, съ сохи по 48 рублевъ по 25 алтынъ.

Да *пошлинъ* казначеевыхъ и дьячьихъ 28 алтынъ 3 деньги.

Да съ пищальничьихъ и съ бобыльскихъ дворовъ и съ лавокъ и съ варницъ и съ кузницъ и съ мельницъ *оброку* и пошлинъ 38 рублевъ 2 деньги.

Да съ рыбныхъ ловель съ рѣкъ и съ озеръ и съ острововъ и съ лѣсовъ и со всякихъ угодей старово *оброку* и пошлинъ 26 рублевъ 25 алтынъ и 5 денегъ.

Да вновь прибавлено оброку жъ 5 рублевъ, да пошлинъ 8 алтынъ 2 деньги.

И обоево старово оброку и съ новою прибавкою и пошлинъ 32 рубли 5 денегъ.

Да съ новые ихъ вотчины, что на рѣкѣ на Камѣ выше Осы, а ниже Очерского острожку, съ пустые земли и съ рыбныхъ ловель и со всякихъ угодей положено оброку вновь 2 рубли, да пошлинъ съ тово оброку 3 алтына 2 деньги.

И *всего* съ Чусовского городка и съ Сылвенского острожку и съ новые вотчины съ пустые земли и съ угодей всякихъ денежныхъ доходовъ 109 рублевъ 18 алтынъ пол-третьи деньги.

А по прежней сотной и по дѣловой съ Андреевы и съ Петровы вотчины съ Чусовского городка и съ Сылвенского острожку сошныхъ и оброчныхъ всякихъ денежныхъ доходовъ съ ихъ половины, опричь Ивана и Максима Строгановыхъ, по окладу было 72 рубли 11 алтынъ съ деньгою.

И прибыло по новому письму, сверхъ прежнево окладу, 37 рублевъ 7 алтынъ полторы деньги.

Чусовской Верхній городокъ.

За Иваномъ да за Максимомъ Максимовыми дѣтьми Строганова отца ихъ Максимовская вотчина городокъ Чусовой древяной на рѣкѣ на Чусовой и на усть-рѣчки Усолки, ѣдучи на Чусовую вверхъ на лѣвой сторонѣ, а у городка двои ворота да 4 башни глухихъ, да межъ воротъ и башень городень по мѣрѣ 212 саженъ; а въ городкѣ наряду: 2 пушечки желѣзныхъ скорострѣльныхъ, да 3 пищали желѣзныхъ же, да 80 пищалей ручныхъ, да къ нимъ 37 ядеръ каменныхъ, обливаны свинцомъ, да 280 ядеръ затинныхъ пищалей, да 5 пудъ съ четью селитры, да 35 гривенокъ зелья пищального, да 9 пудъ свинцу, да 100 луковъ, да 2000 стрѣлъ.

Да въ городкѣ жъ *храмъ* Николы Чудотворца древянъ клѣцки вверхъ шатромъ, а въ немъ образъ мѣстной Николы Чудотворца въ дѣяніи, обложенъ серебромъ басменнымъ золочено, вѣнецъ и цата сканные съ финиеты, да у цаты 3 плащи сканные жъ съ финиеты, а въ цатѣ и въ плащахъ 25 камышковъ розныхъ цвѣтовъ; образъ Святая Святыхъ на золотѣ; образъ Василій Великій, да Василій Блаженный, поля и вѣнцы рѣзаны на деревѣ золочено; образъ Московскихъ Чудотворцевъ Петра, Алексѣя, Іоны, вѣнцы и поля рѣзаные на деревѣ золочено; образъ Рождество Христово на золотѣ въ кіотѣ, кіотъ рѣзной же; образъ Пречистые Богородицы съ Превѣчнымъ Младенцомъ на золотѣ; образъ Пречистые Богородицы Неопалимые купины на золотѣ; образъ многихъ святыхъ, вѣнцы и въ промежкахъ и поля рѣзные; образъ Страсти Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа на золотѣ въ дѣяніи; образъ Пречистые Богородицы Одегитріе на празелени; двери царскіе и сѣнь и столбцы на рѣзи золочены; дейсусъ съ праздники и съ праотцы на краскахъ, а вѣнцы и поля на рѣзи на левкасѣ, цата и вѣнцы по левкасу золочены; двери сѣверные, а на нихъ писанъ Иванъ Лѣствичникъ въ чудесѣхъ на золотѣ, а въ олторѣ на престолѣ бархатъ рытой; на престолѣ образъ Пречистые Богородицы Одегитріе на золотѣ, по полямъ рѣзь; евангеліе напрестольное печать литовская, оболочено бархатомъ золоченымъ, евангелисты и застежки серебрены золочены, да въ окладѣ у евангелія 6 камышковъ и раковинъ; крестъ воздвизальной древянъ, ризы камкасея бѣлая іердань полотняная, оплечье бархатъ рытой на красной землѣ,

стихарь кушачной, оплечье бархатъ рытой по таусинной землѣ, уларь тово жъ бархату, патрахель бархатъ рытой по красной землѣ съ полу-золотьемъ; двои сосуды церковные, однѣ оловянные, а другіе древянные; книги: уставъ печать московская, евангеліе толковое печать литовская, охтай на 8 гласовъ печать московская, трефолой письменной 12 мѣсяцовъ, минеи письменные въ десть и въ полдесть, апостолъ печать литовская, псалтирь и часовникъ печатные; да на налоѣ образъ середняя пядница Никола Чудотворецъ обложенъ басьмою, вѣнецъ и цата сканные, а въ вѣнцѣ и въ цатѣ 6 камышковъ розными цвѣты; передъ дейсусомъ паникадило мѣдное нѣмецкое. Да въ *предѣлѣ* образъ Максима Исповѣдника; дейсусъ на празелени; образъ мѣстной Максима Исповѣдника въ дѣяніи на золотѣ; образъ Николы Чудотворца Можайсково на золотѣ; образъ Пречистые Богородицы Одегитріе на золотѣ; двери царскіе и сѣнь и столпцы на золотѣ; престолъ оболоченъ сатынью; да по другую сторону въ предѣлѣ образъ Прокопья Устюжскаго Чудотворца въ чудесѣхъ на золотѣ; образъ Пречистые Богородицы на золотѣ, дейсусъ на празелени; престолъ оболоченъ выбойкою. Да *храмъ теплой* о 5-ти верхахъ клѣтски Рождество Христово, а въ немъ образъ мѣстной Рождество Христово на золотѣ; образъ Пречистые Богородицы Одегитріе на золотѣ, а у нее прикладу 4 серги серебреныя съ камышки плохими, да ожерелейцо низано жемчужкомъ мелкимъ; образъ праздники Владычни; образъ Николы Чудотворца на празелени въ чудесѣхъ; престолъ оболоченъ выбойкою. Да въ *предѣлѣ* образъ Климонтъ папа Римской стоящей на золотѣ; образъ Пречистые Богородицы Одегитріе на празелени; образъ Похвала Пречистые Богородицы съ праздники на золотѣ; престолъ оболоченъ выбойкою, дейсусъ и двери царскіе и сѣнь и столпцы на золотѣ. Да подъ колоколы *храмъ* св. апостола Іакова Алфеова, да *предѣлъ* великомученицы Евфиміи Прехвальные, а въ нихъ: образъ мѣстной св. апостола Іакова въ чудесѣхъ на золотѣ; образъ Пречистые Богородицы на золотѣ; образъ Единородный Сынъ на золотѣ; дейсусъ на золотѣ. У тово жъ храму *придѣлъ* мученицы Евфиміи Прехвальные, а въ немъ образъ мученицы Евфиміи въ чудесѣхъ на золотѣ; образъ Пречистые Богородицы съ Превѣчнымъ Младенцемъ на золотѣ; двери царскіе и сѣнь и столпцы на золотѣ; престолъ оболоченъ выбойкою; да на колокольницѣ 7 колоколовъ; да на той же колокольницѣ часы.

Да въ городкѣ жъ дворъ Ивана да Максима, а въ немъ живутъ люди ихъ. Да за городкомъ на посадѣ дв. попа Григорья Трофимова, да у нево жъ подсосѣдникъ Тимошка Ананьинъ, дв. попа Ивана Козмина съ с. съ Ивашкомъ, дв. дьякона Андрея Васильева съ братьею съ Осипкомъ да съ Іевкомъ, дв. дьячка Макарка Кропачева, дв. пономаря Ивашка Иванова, дв. проскурницы Ульяны, дв. трапезника Микитки Карелы. Пашни паханые церковные земли 7 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ.

Да на посадѣ жъ дворы посадскихъ молодчихъ людей: дв. Парфенка Леонтьева с. Лаговникъ съ с. съ Ивашкомъ, дв. Ефимко Трифоновъ с. Третьяковъ съ дѣтьми съ Пронькою да съ Гришкою, дв. Гришка Семеновъ с. Бабинъ съ дѣтьми съ Михалкомъ да съ Андрюшкою, дв. Алешка Михайловъ с. Бѣлобородовъ съ с. съ Гришкою да у нево жъ Ѳедька Чулковъ Черевковецъ, дв. Ивашко да Фарафонко да Бориско Макаровы дѣти. И всего молодчихъ людей 5 дворовъ; а людей въ нихъ 14 человѣкъ; сошново письма пол-пол-четьи сохи. Да на посадѣ жъ дворы самыхъ молодчихъ людей: дв. Тимошка Трофимовъ с. Блиновъ съ дѣтьми съ Первушкою да съ Гришкою, дв. Мосѣйко Селиверстовъ съ дѣтьми съ Лункою да съ Еремкою да съ Ѳролкомъ, дв. Васька Мартыновъ с. Шаньга, дв. Сенька Трифановъ с. Третьяковъ, дв. Ѳедька Кузминъ с. Рудкинъ съ пасынкомъ съ Микиткою Дружининымъ, дв. Михалко да Тихонко Ѳедоровы дѣти Куимова, дв. Васька Лукьяновъ сынъ Пучкинъ, да поваровъ и подварковъ: дв. Кондрашко Мартемьяновъ с. Брагинъ да Гришка Кондратьевъ, дв. Терешка Семеновъ, дв. Ивашко Дмитреевъ сынъ Ванинъ, да Наумко Ивановъ с. Петышъ, дв. Ѳомка Ефремовъ с. Лапа; да пищальничьихъ дворовъ: дв. Ѳомка Тимоѳеевъ с. Суздалецъ; дв. Мартынко Панфиловъ съ с. съ Ивашкомъ, дв. Калинко Васильевъ с. Баландинъ, дв. Первушка Володимеровъ с. Погодяйко, дв. Микулко Григорьевъ с. Клюшинъ, дв. Якушко Андреевъ с. Шешуковъ съ с. съ Лучкою, дв. Дружинка Трофимовъ с. Глухой, дв. Наумко Васильевъ с. Пановъ. И всего самыхъ молодчихъ посадскихъ людей и поваровъ и подварковъ и пищальниковъ 20 дворовъ, а людей въ нихъ 30 человѣкъ; сошного письма пол-трети сохи.

И обоего на посадѣ въ живущемъ пол-трети и пол-пол-четьи сохи, *положено въ соху молодчихъ людей по 80 дворовъ, а самыхъ молодчихъ людей и поваровъ и подварковъ и пищальниковъ по 120*

дворовъ. Да бобыльскихъ дворовъ: дв. Климка Васильевъ с. Баландинъ, дв. Ѳедька Прокофьевъ с. Вагинъ, дв. Шестачко Игнатьевъ с. Рябово, дв. Омелька Прокофьевъ с. Зонъ, дв. Артюшка Ѳедоровъ с. Ташевъ, дв. Алешка Михайловъ с. Долгіе Дрова, дв. вдова Онютка Васильевская жена Скорынина, дв. Алешка Панкратьевъ с. Ланкинъ, дв. Сысойко прозвище Меншичко Аѳонасьевъ с. Бубенъ, дв. Еремка Тимоѳеевъ, дв. Павликъ Парфеньевъ с. Вондокурецъ да Сергушка Аѳонасьевъ с. Шешуковъ, дв. Ѳедька Еремѣевъ, дв. Калинка Абрамовъ съ пасынкомъ съ Путилкомъ Михайловымъ с. Бутинымъ, дв. Тимошка Дмитреевъ сынъ, дв. Якушко Семеновъ с. Вятчанинъ, дв. вдова Оринка Ивановская жена Цыбосова съ с. съ Матюшкою. И всего бобыльскихъ 16 дворовъ, а людей въ нихъ опричь вдовы 18 человѣкъ. Да на посадѣ жъ пустыхъ дворовъ: дв. Володки Уварова сшелъ въ Тетюши во ркѣ году, дв. Ѳедоськи Козлухи, дв. Ѳедорки Пантелеевы; да одинадцать келей нищихъ и старицъ черныхъ; пашни паханые Ивана да Максима Строгановыхъ середніе земли у посада подъ горою на веретеѣ 20 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ; сѣна по рѣкѣ по Чусовой на Кругломъ лугу 1185 копенъ.

Да за посадомъ дворъ скотей, а въ немъ человѣкъ ихъ Микитка Андреевъ.

Да на посадѣ жъ Ивановыхъ да Максимовыхъ крестьянъ лавки: лав. Васьки Шаньги, лав. Сеньки Трифонова, лав. Алешки Бѣлобородова, лав. Понамарева, лав. Перфилка Лаговника, лав. Еремки Мосеева, лав. Алешки Михайлова. И всего 7 лавокъ, а оброку съ нихъ 23 алтына 2 деньги, да пошлинъ съ оброку 7 денегъ.

Да на посадѣ жъ за городкомъ на рѣкѣ Чусовой 2 варницы съ срены да 4 варницы безъ среновъ, а оброку съ нихъ 18 рублевъ съ сренныхъ по 5 рублевъ, а безсренныхъ по 2 рубли, да пошлинъ съ оброку 30 алтынъ.

Да на рѣкѣ жъ на Усолкѣ 2 мельницы колесныя, а оброку съ нихъ 3 рубли, по полтора рубли съ мельницы, да пошлинъ съ оброку 5 алтынъ.

Да къ Чусовскому жъ городку Ивана да Максима Строгановыхъ деревни и починки:

Дер. что былъ починокъ *Бажинъ* надъ ручьемъ надъ Косвинскимъ, а въ ней дв. Пятунька Володимеровъ с. Ужготовъ съ дѣтьми съ Ивашкомъ да съ Ѳомкою, дв. Игнашко Семеновъ сынъ

Орѣхъ съ с. съ Савкою, дв. Ивашко Аѳонасьевъ с. Вычегженинъ съ дѣтьми съ Михалкомъ да съ Ваською, дв. Якушко Ѳедоровъ с. Криваковъ съ дѣтьми съ Самсонкомъ да съ Оською, дв. Тренька Родіоновъ и всего 5 дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ 12 человѣкъ; *пашни* паханые середніе земли 5 четьи съ осминою да перелогомъ 2 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *сѣна* по Косвинскому ручью 125 копенъ.

Поч. *Сивковъ* на рѣчкѣ на Усолкѣ, а въ немъ дв. Климка Патракеевъ с. Сивковъ съ с. съ Овдокимкомъ да у него жъ Гимошка Лукьяновъ с. Голубцовъ; *пашни* паханые середніе земли 3 осмины въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *сѣна* по рѣчкѣ по Усолкѣ 20 копенъ.

Поч. *Сивковъ* же на рѣчкѣ на Усолкѣ, а въ немъ дв. Андрюшка Васильевъ сынъ Порошинъ; *пашни* паханые середніе земли 2 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, *сѣна* по рѣчкѣ по Усолкѣ 25 копенъ.

Дер. *Глазунова* на рѣчкѣ на Усолкѣ, а въ ней дв. Михалко Спиридоновъ сынъ Глазуновъ съ дѣтьми съ Якушкомъ да съ Левкою да съ Назаркомъ да съ Ивашкомъ, дв. Ивашко Микитинъ сынъ Рычковъ; дв. Серешка да Сенька Степановы дѣти Субботина и всего 3 двора крестьянскихъ, а людей въ нихъ 8 человѣкъ, *пашни* паханые середніе земли 5 чети, да перелогомъ 4 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ, *сѣна* по рѣчкѣ по Усолкѣ 250 копенъ.

Дер. *Макушина*, *Глазунова* то жъ на рѣчкѣ на Усолкѣ, а въ ней дв. Лазарько Анофреевъ съ братьею съ Степанкомъ да съ Ѳедоткомъ Григорьевыми дѣтьми Макушина да у нихъ же Вавилко Семеновъ сынъ Ведерниковъ, дв. Нестерко да Тренька Васильевы дѣти Порошины, дв. Семейка прозвище Девятко Васильевъ сынъ Рѣзвово съ дѣтьми съ Гришкою да съ Савкою и всего 3 двора крестьянскихъ, а людей въ нихъ 9 человѣкъ; *пашни* паханые середніе земли 5 четьи, да перелогомъ 9 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣчкѣ по Усолкѣ 255 копенъ.

Дер. *Вилеженинова* на рѣкѣ на Чусовой, а въ ней дв. Сенька да Степанко Ивановы дѣти Зуева, во дворѣ Бориско Ивановъ с. Устюженинъ съ с. съ Ѳедоткомъ, дв. Ивашко Анферьевъ сынъ Пьяной съ дѣтьми съ Осташкомъ да съ Сергѣйкомъ, дв. Демидко Ѳедотовъ, дв. Васька Архиповъ с. Борецъ, дв. пустъ

Ѳедьки Павлова, живетъ за Максимомъ на рѣкѣ на Камѣ; и всего 5 дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ 9 человѣкъ; *пашни* паханые середніе земли 7 чети, да перелогомъ 3 чети съ осиною въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *сѣна* по рѣкѣ по Чусовой 230 копенъ. Да подъ тою жъ деревнею 2 мельницы мутовки, а оброку съ нихъ 6 алтынъ 4 деньги, да пошлинъ 2 деньги, по 3 алтына по 3 деньги съ мельницы.

Дер. *Чудское Городище*, что былъ поч. Усолка на рѣчкѣ на Усолкѣ, а въ ней дв. Ивановъ да Максимовъ, да крестьянскихъ дворовъ: дв. Васька Матвѣевъ с. Осетръ съ с. съ Гришкою да у нево жъ Якушко Дорофеевъ с. Мальцовъ съ с. съ Карпикомъ, дв. Антипко Еремѣевъ с. Кричковъ съ дѣтьми съ Кирилкомъ да съ Ермачкомъ, дв. Куземка да Петрушка да Ивашко Макаровы дѣти Кричковы, дв. Ѳилатко Софроновъ да у нево жъ Ерофейко Ивановъ с. Мочало, дв. Микифорко Тимоѳеевъ с. прозвище Молчанко съ сыномъ Завьялкомъ да съ пасынкомъ съ Семейкою, дв. Омельянко да Ивашко да Крысанко Дмитріевы дѣти Поспѣловы, дв. Семейка Алексѣевъ с. Чебыкинъ съ дѣтьми съ Овдокимкомъ да съ Масейкомъ, дв. Алешка да Ѳедька да Игнашка Ларіоновы дѣти Шилаковы, дв. Андрюшка Романовъ с. Вепрь, дв. Ѳедька Андроновъ с. Чеснокъ съ дѣтьми съ Вавилкомъ да съ Ѳедоткомъ, дв. Кондрашко Титовъ с. Коробейниковъ съ с. съ Антошкомъ, дв. Самойликъ Ивановъ с. Рудометъ съ дѣтьми съ Ваською да съ Завьялкомъ да съ Самойликомъ, дв. Гаврилко Денисовъ сынъ Можгорецъ, дв. Гарасимко Андреевъ с. Сычовъ съ с. съ Митею прозвище Безпутко, дв. Савка Дружинъ с. Захарово да Семейка Дорофеевъ с. Судовщиковъ да Митька Семеновъ с. Демидова, дв. Сенька Селивановъ с. Саларевъ съ дѣтьми съ Петрушкою да со Жданкомъ; да пустыхъ дворовъ: дв. Юшки Ѳедорова с. Щеприна да с. его Мокейка сошли безвѣстно во ҂рла году, дв. Кипріянка Емельянова с. Голицына да Колинка Григорьева сошли на Тюмень во ҂рла году, дв. Мануйлика Яковлева сына Лисицына, умре, дв. Богдашка Филиповыхъ, умре, дв. Аѳоньки да Костки Ивановыхъ дѣтей Москвитиновыхъ, сошли на Верхотурье во ҂рл году; и всего 16 дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ 40 человѣкъ, да 5 дворовъ пустыхъ; *пашни* паханые середніе земли 15 четьи, да перелогомъ 38 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *сѣна* по рѣкѣ по Чусовой 535 копенъ.

Поч. *надъ Чусовою* рѣкою, а въ немъ дв. Тренька Уваровъ ь дѣтьми съ Ивашкомъ да съ Патапкомъ да Ларька прозвище амятенка Андреевъ с. Корела съ дѣтьми съ Сенькою да съ льянкомъ да съ Ивашкомъ, дв. Еремѣевъ с. Собака, дв. Гаврилко ивановъ; *пашни* паханые середніе земли 5 четьи съ осминою въ олѣ, а въ дву по тому жъ, *сѣна* 25 копенъ.

Дер. *Ширинкино* на рѣчкѣ на Малой Усолкѣ надъ родниомъ, а въ ней дворы стоятъ врозни, дв. Жданко Ѳедоровъ сынъ лыковъ съ с. съ Илюшкою да у нево жъ Михалко Ивановъ, в. Томилко Ивановъ с. Макушинъ, дв. Мартынко Алексѣевъ . Бѣлозеровъ, дв. Ивашко Пантелеевъ с. Шейка съ дѣтьми съ ѳедькою да съ Ѳедоткомъ да у нево жъ Ивашка Ѳедоровъ сынъ Быска, и всего 4 двора крестьянскихъ, а людей въ нихъ 9 человѣкъ; *пашни* паханые середніе земли 5 четьи, да перелогомъ 4 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣчкѣ по Усолкѣ 355 копенъ.

Дер. *Ширинкина* жъ на рѣчкѣ на Малой же Усолкѣ, а въ ней дворы врозни, дв. Ивашко Степановъ с. Тюлевтинъ съ дѣтьми съ Евсейкомъ да съ Кондрашкомъ, дв. Сафонко да Фадѣйко да Митька Григорьевы дѣти Батанова, дв. Оська Ивановъ с. Вашихинъ съ пасынкомъ съ Оською Ивановымъ с. Вахова, дв. Васька Ивановъ сынъ Вологженинъ, дв. Ѳадѣйко прозвище Худякъ, дв. Данилко Ивановъ с. Голубцовъ, и всего 6 дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ 11 человѣкъ; *пашни* паханые середніе земли 10 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *сѣна* по рѣчкѣ по Усолкѣ 270 копенъ.

Дер. *Заболотье Осиновая*, дворы врозни, на рѣчкѣ на Малой Усолкѣ, а въ ней дв. Тихонко да Трешка Тарасовы дѣти Уваровы, дв. Антошка Уваровъ, дв. Харитонко Яковлевъ с. Пушкаревъ съ с. съ Якушкомъ, дв. Ивашко Лукинъ с. Голубцовъ, да зять ево Митька Григорьевъ с. Тугановъ, дв. Ивашко да Родька Семеновы дѣти Шумихина, дв. Ивашко Семеновъ с. Ведерниковъ, дв. Степанко Степановъ с. Тюлявтинъ съ дѣтьми съ Ѳедькою да съ Тимошкою да съ Игнашкомъ, дв. Бориско да Кучумко Андреевы дѣти Чермново, дв. Антонко прозвище Чудинко Ивановъ с. Карповъ съ племянники съ Ваською да съ Ѳомкою съ Ѳоминими дѣтьми, дв. Гаврилко да Тренька Ивановы дѣти Ершова, дв. Мартемьянко прозвище Рычко Семеновъ с. Шумихинъ, дв. Михалко Григорьевъ с. Корела, дв. Неустройко Ѳоминъ

с. Копосовъ съ с. съ Оничькою, дв. Агапитко Пантелеевъ сынъ Ракитинъ съ с. съ Ваською, дв. Аношко Тимоѳеевъ с. Пастухова, дв. Ситко Даниловъ с. Скорынинъ, дв. Осипко Григорьевъ сынъ Голотыгинъ съ с. съ Андрюшкою, дв. Ѳедька Григорьевъ с. Лодыгинъ съ с. съ Баженкомъ, дв. Родька Дмитріевъ с. Галкинъ съ дѣтьми съ Оською да съ Шестачкомъ, дв. Вахрамейко прозвище Первушка Андреевъ с. Кирпичниковъ съ с. съ Ивашкою, дв. Анфиногенко прозвище Таскайко Игнатьевъ с. Рябово, дв. Терешка Борисовъ да Васька Ивановъ сынъ Дудоскрякины, дв. Илимко да Микитка Лукины дѣти Голубцова, дв. Терешка Семеновъ сынъ Комелинъ, дв. Максимко Юрьевъ сынъ Токмаковъ, дв. Ивашко Захаровъ с. Углеченинъ, дв. Лучко прозвище Первушка Наумовъ с. Кункинъ съ с. съ Исачкомъ, дв. Трофимко Семеновъ с. Комелинъ, дв. Михалко да Петунька Юрьевы дѣти Токмаковы, дв. Сысойко Андреевъ с. Уголкинъ, дв. пустъ Треньки Иванова с. Ершова бродитъ межъ дворъ, и всего 30 дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ 52 человѣка; *пашни* паханые середніе земли 39 четьи съ осминою, да перелогомъ 50 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *сѣна* по рѣчкѣ по Усолкѣ 1200 копенъ.

Дер. *на рѣкѣ на Чусовой надъ Нагайскою курьею*, что былъ починокъ Копонино, Кузнецово то жъ, дворы стоятъ врозни, а въ ней дв. Ивашко Васильевъ с. Кузнецъ съ с. съ Куземкою, дв. Куземка Тимоѳеевъ сынъ Ершовъ, дв. Безсонко Кондратьевъ с. Суздалецъ, дв. Кирилко Яковлевъ с. Долматовъ съ дѣтьми съ Маркушкомъ да съ Карпунькою да у него жъ Ѳедька Григорьевъ с. Плѣшковъ, дв. Михалко да Макарко Сидоровы дѣти Моклякові, дв. Амелька да Ѳролко Артемьевы дѣти Найдишкина, дв. пустъ Матюшки Киселева бродитъ межъ дворъ, и всего 6 дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ 12 человѣкъ да дв. пустъ: *пашни* паханые добрые земли 9 четьи, да перелогомъ 8 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *сѣна* по заполью 150 копенъ.

Дер. *Калининъ Лугъ* на рѣкѣ на Чусовой, а въ ней дв. Савка Борисовъ с. Козловъ съ дѣтьми съ Митькою да съ Ваською, дв. Ивашко Мартемьяновъ сынъ Чепелицынъ съ зятемъ съ Петрушкою, дв. Филька Сергѣевъ Капаницкой, дв. Ивашко Ивановъ с. Заико, дв. Нечайко Артемьевъ с. Верихинъ съ дѣтьми съ Якушкомъ да съ Игнашкомъ, дв. Левка Микитинъ с. Худячко съ с. съ Тренькою, дв. Ѳедька да Демка Ларіоновы дѣти Сорокоумовы, дв. Ивашко да Пятко Овдокимовы дѣти Сгогулины,

дв. Микитка да Орефка Филиповы дѣти Докина, дв. Михалко прозвище Тренька Ивановъ с. Волокитинъ, дв. Васька да Оська Аѳонасьевы дѣти Стогулины, дв. Первушка Ивановъ с. Волокитинъ съ дѣтьми съ Ѳедькою да съ Максимкомъ да съ пасынкомъ съ Гурькою Григорьевымъ с. Волокитина, дв. Томилко Михеевъ с. Черной, дв. Стахейко Юрьевъ съ с. съ Ивашкомъ, дв. пустъ Гурьки Дорофеева бродитъ межъ дворъ, и всего 14 дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ 28 человѣкъ; *пашни* паханые добрые земли 10 четьи, да перелогомъ 8 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *сѣна* на рѣкѣ на Чусовой 795 копенъ; да тое жъ деревни по сотной рыбная ловля въ рѣкѣ въ Чусовой.

Дер. *Верхняя Калина* на рѣкѣ на Чусовой, а въ ней дв. Ивашко да Аѳонька Борисовы дѣти Кобылина, дв. Ивашко да Ромашко Павловы дѣти Лотышова, дв. Андрюшка да Якушко Павловы дѣти Пушкаревы, дв. Андрюшка Борисовъ с. Кобылинъ съ с. съ Трофимкомъ, дв. Гришка да Жданко да Ивашко да Андрюшка Семеновы дѣти Спицыны, дв. Данилко да Митька Ивановы дѣти Корлины, дв. Павликъ Кузминъ с. Гладкого, дв. Наумко Семеновъ с. Литвинова, дв. Поздѣйко Степановъ с. Порошинъ, дв. Карпикъ Порошинъ, дв. Ивашко Кузминъ с. Пушкарь, дв. Первушка Костянтиновъ, дв. Гришка Ивановъ с. Винокуръ съ дѣтьми съ Ивашкомъ да съ Алешкою да съ Степанкомъ, дв. Якушко да Нескраско да Девятко Некрасовы; да пустыхъ дворовъ: дв. Ивашка Якимова с. Глазырина съ дѣтьми съ Микулкою да съ Завьялкомъ сошли въ Сибирь на Епанчинчинъ во ѕ҃к҃ѳ. году, дв. Ѳедьки Тимоѳеева с. Попова съ дѣтьми съ Матюшкою да съ Ивашкомъ сошли на Верхотурье во ѕ҃л҃а. году, дв. Карповскіе жены Плѣшкова Варварки да с. ее Гаврилка бродятъ межъ дворъ, и всего 14 дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ 26 человѣкъ, да 3 двора пустыхъ; *пашни* паханые середніе земли 19 четьи, да перелогомъ 7 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *сѣна* по рѣкѣ по Чусовой 550 копенъ.

Дер. *Бурсунъ* на рѣчкѣ на Бурсунѣ, а въ ней дв. скотей Ивановъ да Максимовъ, а въ немъ живутъ люди ихъ, да крестьянскихъ дворовъ: дв. Ивашко Васильевъ с. Суханецъ да Гришка да Демка Дружинины дѣти Леонтьева, дв. Якушко да Тренька Онисимовы дѣти Черевковцы, дв. Томилко Давыдовъ с. Коротыгинъ, дв. Сенька Сидоровъ с. Моклоковъ, дв. Андрюшка Яковлевъ с. Шмаковъ да Ульянко Трофимовъ с. Шеморянкинъ, дв.

Богдашко Ивановъ с. Кирпичникъ, дв. Алешка Ивановъ с. Бѣлозерецъ да Гаврилко да Тренька Тимоѳеевы, дв. Тимошка да Ивашко Анисимовы дѣти Черевковцы, дв. Оська Сидоровъ сынъ Маклаковъ; *пашни* паханые Ивановы да Максимовы и крестьянскіе середніе земли 15 четьи, да перелогомъ 20 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *сѣна* по рѣчкѣ по Бурсунѣ 255 копенъ. Займище надъ Глухимъ озеромъ, а въ немъ дв. Ивановъ да Максимовъ, а въ немъ человѣкъ ихъ Андрюшка Аѳонасьевъ с. Ростовецъ; *пашни* паханые середніе земли 5 четьи, да перелогомъ 15 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *сѣна* 350 копенъ.

Поч. *Калинъ* на рѣкѣ на Чусовой, а въ немъ Демка прозвище Шарапко Инфантовъ; *пашни* паханые середніе земли 3 осмины въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣкѣ по Чусовой 15 копенъ.

Дер. *на усть рѣчки Усвы*, дворы стоятъ врозни, а въ ней дв. Завьялко Григорьевъ с. Вологженинъ, дв. Юшка Лукинъ с. Голубцовъ съ дѣтьми съ Павликомъ да съ Пронькою, дв. Тренька Тимоѳеевъ с. Вычегженинъ, дв. Ѳедька Дорофеевъ сынъ Низовцовъ, дв. пустъ Дениска Иванова с. Бажина, сшолъ безвѣстно во ҂ѯ҃ѳ҃ году, и всего 4 двора крестьянскихъ, а людей въ нихъ 6 человѣкъ; *пашни* паханые середніе земли 5 четьи, да перелогомъ 7 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *сѣна* по рѣчкѣ по Усвѣ 45 копенъ.

Дер. *по другую сторону рѣчки Усвы*, дворы врозни, а въ ней дв. Демка Ѳатѣевъ с. Хаймика съ с. съ Ѳедькою, дв. Ульянко Трофимовъ с. Самарянкинъ, дв. Михалко Трифановъ с. Третьяковъ съ дѣтьми съ Неустройкомъ да съ Ивашкомъ да съ Еремкою, и всего 3 двора крестьянскихъ, а людей въ нихъ 7 человѣкъ; *пашни* паханые середніе земли 4 чети въ полѣ, а въ дву по тому же; *сѣна* по рѣчкѣ по Усвѣ 105 копенъ.

Пуст. *Ширинкино* на рѣчкѣ на Малой Усолкѣ, а въ ней дв. пусты Ивашка Сергѣева сына Глухово, сшолъ на Верхотурье во ҂ѯ҃ѳ҃ году, пашни перелогомъ 3 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ.

Пуст. *Селище* на рѣчкѣ на Усолкѣ, а въ ней *пашни* перелогомъ 9 четьи въ полѣ, а въ дву потому жъ; лѣсу пашенного 8 десятинъ; *сѣна* по рѣчкѣ по Усолкѣ 70 копенъ.

Пуст. что былъ починокъ *въ Забудущемъ Лугу* на рѣкѣ на Чусовой, а въ ней мѣсто дворовое; *пашни* перелогомъ 6 чети въ

полѣ, а въ дву по тому жъ, лѣсу пашенного 10 десятинъ; *сѣна* по рѣкѣ по Чусовой 200 копенъ. Да тое жъ пустоши по сотной Ивана Яхонтова рыбная ловля въ рѣкѣ въ Чусовой да въ озерѣ въ Забудущемъ и въ истокѣ.

Слободка *Слудка* на рѣкѣ на Камѣ, а въ ней анбаръ, а въ анбарѣ *церковь* полотняная, а въ церкви образъ Воскресеніе Христово на золотѣ. Да въ слободкѣ жъ обложенъ храмъ Петра и Павла древянъ, а въ храмѣ образъ Петра и Павла на золотѣ; образъ мѣстной страсти Христовы на золотѣ, образъ Пречистые Богородицы Одегитріе на золотѣ; образъ мѣстной Господски Праздники на золотѣ; образъ Пречистые Богородицы Умиленіе; двери царскіе и сѣнь и столпцы на золотѣ; крестъ воздвизальной на золотѣ; образъ Воскресеніе Христово на празелени; образъ Петра и Павла; сосуды церковные оловянные; воздухъ и покровцы крашенинные; да книгѣ: евангеліе напрестольное, печать литовская, оболочено отласъ цвѣтной, евангелисты серебренны золочены, евангеліе толковое, печать литовская, служебникъ и минея общая печатные, треоди цвѣтная и постная и псалтирь писменные, часовникъ печать московская, прелогіи полу-уставъ письменные, трефолой письменной; да на колокольницѣ 3 колокола. Да у церкви *дворъ* попа Андрея, дв. дьячка Ерофейка Жданова, дв. пономаря Первушки; дв. проскурницы Домны. *Пашни* паханые церковные 4 четьи безъ полуосмины въ полѣ, а въ дву по тому жъ. Да въ слободкѣ жъ дв. Ивановъ да Максимовъ, а въ немъ живетъ прикащикъ ихъ; да въ слободкѣ жъ крестьянскихъ дворовъ: дв. Ивашко Кириловъ сынъ Обанинъ съ дѣтьми съ Аристкомъ да съ Маркушкомъ, дв. Алешка Васильевъ с. Бердникъ, дв. Кирилко Тимоѳеевъ с. Прибытковъ съ дѣтьми съ Максимкомъ да съ Ваською да съ Борискомъ да съ Ивашкомъ, дв. Ивашко Ивановъ сынъ Вычегженинъ съ дѣтьми съ Харитонкомъ да съ Юшкою да съ Ларькою, дв. Мишка Гурьевъ съ насынкомъ съ Патрекейкомъ, дв. Степанко Полуяновъ съ с. съ Оничкою да Ивашко Мартыновъ, дв. Филька Аѳонасьевъ с. Шемела да Христофорко Яковлевы, дв. Якушко Парфеньевъ с. Клементьева да Андрюшка Мартемьяновъ сынъ Устюженинъ, дв. Родька Степановъ сынъ Чешихинъ да Демка Филиповъ, дв. Костька Семеновъ с. Лузенинъ съ с. съ Исачкомъ, дв. Микитка Максимовъ с. Шевердяковъ съ с. съ Богдашкомъ, дв. Ивашко Васильевъ с. Каргаполъ да Митька Ананьинъ, дв. Богдашко Ивановъ Рудовщикъ, дв. Лазарько Григорьевъ сынъ

Кузнецовъ, дв. Петунька Чешихинъ да Гарасимко Ждановъ сынъ Тюльтюковъ да Петрушка Григорьевъ с. прозвище Пономарь да Обросимко Игнатьевъ с. Боровитинъ, дв. Микитка да Еремка да Ерасимко Матвѣевы дѣти Исакова, дв. Некраско Обросимовъ съ с. съ Кондрашкомъ, дв. Ромашка Степановъ с. Чешихинъ съ с. съ Ѳеонькою, дв. Ерофейко Ивановъ с. Лузенинъ съ с. съ Олешкою, дв. Гаврилко Остафьевъ с. Спѣшиловъ съ братомъ съ Якимкомъ, дв. Тренька Степановъ с. Чешихинъ съ дѣтьми съ Исачкомъ да съ Калинкою, дв. Ивашко Еремеевъ с. Ушаковъ, дв. Андрюшка Гавриловъ съ с. съ Левкою, дв. Андрюшка Исаковъ, дв. Серешка Ивановъ с. Кила, дв. Спирька Кириловъ, дв. Антонко Кротовъ, да пустыхъ дворовъ дв. Микифорка Ефремова, дв. Дениска Сергѣева сшолъ безвѣстно во ҂рл году; и всего 27 дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ 57 человѣкъ, да 2 дв. пустыхъ; *пашни* паханые добрые земли 36 четьи да перелогомъ 28 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *сѣна* на рѣкѣ на Камѣ 1372 копны. Да въ слободкѣ жъ въ Слудкѣ 2 *кузницы*, а въ нихъ дѣлаютъ кричное *желѣзо*, *руду* емлютъ въ своей же вотчинѣ вверхъ по рѣчкѣ по Косьвѣ на рѣчкѣ на Гниломъ Лугу; а *оброку* съ тѣхъ кузницъ 6 алтынъ 4 деньги; пошлинъ 2 деньги. Да на рѣчкѣ на Кемели *мельница* колесная, оброку съ нее 16 алтынъ 4 деньги, да пошлинъ 5 денегъ.

Деревня *Назарова*, *Кемель то жъ*, на рѣкѣ на Обвѣ, а въ ней дв. Титко Аѳонасьевъ с. Пьянковъ да съ нимъ Ѳедька Дмитреевъ с. Ростовщиковъ, дв. Карпикъ Григорьевъ с. Пѣшковъ, дв. Савка Мартемьяновъ, дв. Андрюшка Кондратьевъ съ с. съ Гаврилкомъ, дв. Андрюшка Дуда, дв. Ивашко Ивановъ сынъ Рудовщиковъ, дв. Ивашко Ивановъ сынъ Ушаковъ, дв. Ѳедька Степановъ; и всего 8 дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ 10 человѣкъ, *пашни* паханые добрые земли 12 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ, лѣсу пашеннаго 12 десятинъ; *сѣна* на рѣкѣ на Обвѣ 220 копенъ. А *межа* слободкѣ Слудкѣ и деревни Назаровой съ государевыми крестьяны: погостъ *Обвинской* землямъ и сѣннымъ и всякимъ угодьямъ по *рѣкѣ по Обвѣ вверхъ* до Янидерского истоку, что выше пустоши Прорыва впалъ въ рѣку въ Обву.

Дер. что былъ починокъ *Веселковъ* на рѣкѣ на Косьвѣ, а въ ней дв. Софонко Ивановъ сынъ Малышевъ съ пасынкомъ съ Ивашкомъ съ Большимъ да съ Ивашкомъ Яковлевыми дѣтьми Суханова, дв. Климко Ивановъ сынъ Сулеминъ съ сыномъ Ѳедь-

кою, дв. пустъ Гришки Ларина, сшолъ безвѣстно во ркѳ году, дв. Ивашка Поморца, Ивашко живетъ въ Орловѣ; и всего 3 двора крестьянскихъ, а людей въ нихъ 7 человѣкъ, да 2 двора пустыхъ; *пашни* паханые середніе земли 4 чети съ осьминою, да перелогу 6 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, лѣсу пашенного 12 десятинъ; *сѣна* на рѣкѣ на Косьвѣ 50 копенъ.

Дер. что былъ починокъ *Ороловъ* на рѣкѣ на Косьвѣ, а въ ней дв. Ивашко Савельевъ с. Поморецъ съ с. съ Микифоркомъ, дв. Сергѣйко Антипинъ, дв. Петрушка Ивановъ с. Матусова; и всего 3 двора крестьянскихъ, а людей въ нихъ 4 человѣка; *пашни* паханые середніе земли 2 чети съ осьминою да перелогомъ 24 чети съ осьминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, лѣсу пашеннаго 8 десятинъ; *сѣна* по рѣкѣ по Косьвѣ 100 копенъ.

Дер. что былъ починокъ *Красная Слудка* на рѣкѣ на Косьвѣ, а въ ней дв. Гаврилка Яковлевъ с. Чудиновъ съ с. съ Ваською, дв. Парфенко Ивановъ съ дѣтьми съ Ивашкомъ да съ Косткою да у нево жъ Елисѣйко Ѳедоровъ, дв. Нефедко Яковлевъ съ дѣтьми съ Якунькою да съ Микиткою да съ Ѳедькою, дв. Ивашко Черемхнинъ, дв. Якушко Гавриловъ да Савка Ерофеевъ; и всего 5 дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ 12 человѣкъ; *пашни* паханые середніе земли 8 четьи да перелогомъ 4 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *сѣна* на рѣкѣ на Косьвѣ 255 копенъ. А межа тое деревни Красные Слудки *съ Государевыми крестьяны Косвинского погосту*, что была деревня *Волгоръ*, по рѣкѣ *по Косьвѣ* вверхъ изъ подъ *Кормановы Слуды* съ лѣвые стороны вышелъ истокъ, а на правѣ противъ Кормановы Слуды починка Кармановсково дворишки, повыше Куньи рѣчки починокъ, что была деревня Сизикова на рѣкѣ на Косьвѣ, а въ немъ дворъ Ивановъ да Максимовъ, а въ немъ живутъ люди ихъ, дв. Ларька Шепелевъ съ товарищи да 3 мѣста дворовыхъ; *пашни* паханые середніе земли четь да перелогу 30 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣкѣ по Косьвѣ 300 копенъ. А межа того починка Сизикова Косвинского погоста со крестьяны по рѣкѣ по Косьвѣ внизъ къ погосту на правѣ рѣчка Пожва, а на лѣвѣ выше той рѣчка Сулазная.

Поч. *Добряковъ* на рѣкѣ на Косьвѣ, а въ немъ дв. Тренька Лукинъ с. Пахомова, *пашни* паханые середніе земли четь да перелогу 11 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ, лѣсу пашенного 12 десятинъ; *сѣна* по рѣкѣ по Косьвѣ 170 копенъ.

Дер. *Серегова* на рѣкѣ на Косьвѣ, а въ ней дв. Андрюшка Кипреяновъ с. Чупинъ, дв. Ивашко Холкинъ, дв. Семейка Яковлевъ с. Чупинъ, дв. Ивашко Новоселовъ; и всего 4 двора крестьянскихъ, а людей въ нихъ тожъ, *пашни* паханые середніе земли 8 четьи да перелогомъ 13 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ, лѣсу пашенного 13 десятинъ; *сѣна* на рѣкѣ на Косьвѣ 150 копенъ. Да тѣхъ же Косьвинскихъ деревень и починковъ у всѣхъ крестьянъ по сотной Ивана Яхонтова рыбная ловля въ рѣкѣ въ Косьвѣ.

Пустоши по рѣкѣ по Косьвѣ: пуст. что былъ поч. *Ланкушъ*, пашни лѣсомъ поросло середніе земли 3 десятины. Пуст. что былъ *починокъ Микулинъ*, пашни лѣсомъ поросло середніе земли 3 десятины съ полудесятиною. Пуст. что была деревня *Хозяйская*, пашни лѣсомъ поросло середніе земли 7 десятинъ съ полудесятиною въ полѣ, а въ дву по тому жъ. Пуст. что былъ починокъ *Озерко*, пашни лѣсомъ поросло середніе земли 4 десятины въ полѣ, а въ дву по тому жъ. Пуст. что былъ починокъ *Прорывъ*, пашни лѣсомъ поросло середніе земли 3 десятины въ полѣ, а въ дву по тому жъ. Пуст. что былъ починокъ *Кортулевъ*, пашни и лѣсомъ поросло середніе земли пол-третьи десятины въ полѣ, а въ дву по тому жъ. Пуст. что былъ починокъ *Кармановъ*, пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло 7 десятинъ въ полѣ, а въ дву по тому жъ. Пуст. *Прорывъ* на рѣкѣ на Обвѣ, а въ ней дв. пуст. Васьки Панкина, пашни лѣсомъ поросло 2 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ.

Да новоприбылыхъ деревень и починковъ: деревня *на усть Чусовые* внизъ по Чусовой на правой сторонѣ, а въ ней дв. Игнашко Давыдовъ съ дѣтьми со Фролкомъ да съ Елисѣйкомъ, да у нихъ же Андрюшка да Созонко Шестаковы дѣти Сесюнина, дв. Кондрашко Карповъ да Игнашко Михайловъ с. Колча съ с. съ Куземкою, да 2 двора пустыхъ, крестьяне тѣхъ дворовъ живутъ за Иваномъ да за Максимомъ, и всего 2 двора крестьянскихъ, а людей въ нихъ 7 человѣкъ, да 2 двора пустыхъ; *пашни* паханые середніе земли 3 чети да перелогу жъ 3 жъ чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *сѣна* по рѣкѣ по Чусовой 45 копенъ.

Дер. *Чуцкое Городище* усть Чусовые по рѣкѣ по Камѣ вверхъ, а въ ней дв. Ивашко Микитинъ с. Вайпалинъ, дв. Ѳедька Павловъ с. Поповской съ с. съ Ѳедькою да съ нимъ же Микитка Титовъ да пасынокъ ево Терешка Матѳеевъ с. Веснина, дв.

Васька Кузминъ с. Галиченинъ съ с. съ Карпанкомъ, дв. Гришка да Шестачко Елисѣевы дѣти Черепанова, и всего 4 двора крестьянскихъ, а людей въ нихъ 9 человѣкъ; *пашни* паханые середніе земли 3 осмины, да перелогомъ 12 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *сѣна* по рѣкѣ по Камѣ и по Чусовой 155 копенъ.

Дер. на рѣкѣ на Камѣ *подъ Бѣлымъ камнемъ* того жъ городища, а въ ней, дв. Ерефка Павловъ сынъ Устюженинъ съ дѣтьми съ Кипріянкомъ да съ Сидоркомъ да съ Ивашкомъ да съ Климкомъ, дв. Осипко Анисимовъ съ дѣтьми съ Ооонькою да съ Ерешкою, и всего 2 двора крестьянскихъ, а людей въ нихъ 8 человѣкъ; *пашни* паханые середніе земли 3 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *сѣна* 35 копенъ.

Дер. *Полазная* на рѣкѣ на Камѣ усть рѣчки Полазные, а а въ ней дв. Тимошка Назаровъ с. съ дѣтьми съ Осипкомъ да съ Климкомъ да съ Ваською да съ Мишкою, да съ нимъ безпашенный Лукьянко Остафьевъ, дв. Клементейко да Кондрашко да Исачко Степановы дѣти Сыропятого, дв. Сенько Микулинъ с. Сыропятого да у него жъ Якушко Васильевъ, дв. Васька Павловъ, и всего 4 двора крестьянскихъ, а людей въ нихъ 14 человѣкъ; *пашни* паханые середніе земли 4 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *сѣна* 235 копенъ.

Дер. *Добрянка* на рѣкѣ на Камѣ и на усть рѣчки Добрянки, а въ ней дв. Савка Степановъ с. Вилеженинъ съ с. съ Ивашкомъ, дв. Ѳедька Исаковъ съ дѣтьми съ Варламкомъ да съ Тихонкомъ, дв. Якушко Дементьевъ с. Слуцкой съ с. съ Климкомъ да у него жъ Тренька Михайловъ с. Плеснинъ, дв. Васька Яковлевъ сынъ Дементьева съ с. съ Демкою, дв. Ивашко Васильевъ да Степанко Евтифеевъ, дв. Потапко Марковъ съ с. съ Левкою да у него жъ Терешка Чужгановъ, дв. Костька Борисовъ съ с. Епифанкомъ, дв. Андрюшка Тимофеевъ с. Марфинъ, дв. Павликъ Семеновъ с. Субботинъ, дв. Ѳедько да Кондрашко Мартемьяновы дѣти Гусельниковы, дв. Перфилко Семеновъ с. Лезга, дв. нищая Ѳедорка Никитинская; и всего 11 дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ 22 человѣка; *пашни* паханые середніе земли 10 четьи да перелогомъ 7 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *сѣна* 655 копенъ.

По лѣвую сторону вверхъ рѣки Камы поч. подъ *Лябовымъ Городищемъ*, а въ немъ дв. Баженко Микитинъ с. Яковлевъ, дв.

Ивашко Степановъ сынъ Мошенниковъ да съ нимъ же Аѳонька Васильевъ с. Нахратъ; *пашни* паханые середніе земли четь въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *сѣна* 35 копенъ.

Поч. на усть рѣчки *Ошвы* и на рѣкѣ на Камѣ, а въ немъ дв. Климко Артемьевъ с. съ дѣтьми съ Софронкомъ да съ Ѳедькою да съ Зиновѣйкомъ; *пашни* паханые середніе земли четь въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *сѣна* по рѣкѣ по Ошвѣ 25 копенъ.

Дер. *Кемель* на рѣчкѣ на Кемели, дворы врозни, а въ ней дв. Богдашка Ивановъ с. Обредиловъ съ сыномъ съ Ваською да Онтипко Приходецъ, дв. Гришка Семеновъ сынъ Трубиловъ, дв. Ѳедка Трифоновъ да Савка Васильевъ сынъ Вилеженинъ, и всего 3 двора крестьянскихъ, а людей въ нихъ 6 человѣкъ, *пашни* паханые середніе земли 5 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, *сѣна* по рѣкѣ по Камѣ 100 копенъ.

Поч. *Черепановъ* на *Кужгортѣ*, а въ немъ дв. Куземка Евдокимовъ съ с. съ Онтонкомъ, *пашни* паханые середніе земли четь да перелогомъ 2 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *сѣна* 20 копенъ.

Поч. *Власковъ*, а въ немъ дв. Васька Спиридоновъ съ дѣтьми съ Климкомъ да съ Пронькою да съ нимъ же племянникъ ево Матюшка, дв. пустъ Ивашка Еремеева, умре; *пашни* паханые середніе земли четь да перелогомъ 3 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *сѣна* 35 копенъ.

Дер. *Анюшкоръ, что былъ починокъ Мартыновъ, Кылосово то жъ, что было Анюшкорское Городище на рѣкѣ на Инвѣ*, а въ ней крестьянъ: дв. Ивашко Ивановъ с. Кылосовъ съ дѣтьми съ Баженкомъ да съ Тимошкою да съ Ѳѳонькою, дв. Демка Ивановъ с. Килосовъ съ дѣтьми съ Ивашкомъ прозвище со Жданкомъ да съ Гаврилкомъ прозвище Малецъ, дв. Ивашко меньшой Ивановъ с. Киселевъ съ с. съ Лазарькомъ да съ Кипріянкомъ да съ Ивашкомъ прозвище съ Шестачкомъ да съ Ваською да съ Карпунькою, дв. Ѳедька да Нестерко Семеновы дѣти Рѣчкова да Омелька Игнатьевъ с. Мезенецъ, дв. Ефимко да Спирька Пантелеевы дѣти Килосова, дв. Омельянко да Онисимко да Якушко Пантелеевы дѣти Килосовы, дв. Лунька прозвище Новикъ Семеновъ с. Рычковъ, и всего 7 дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ 22 человѣка; *пашни* паханые середніе земли 9 четьи да перелогомъ 5 четьи съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому

жъ; *сѣна* по рѣкѣ по Инвѣ 105 копенъ. А межа деревни Анюшкара съ Государевыми крестьяны деревни Туманскіе, что на Городищѣ, по рѣкѣ по Инвѣ вверхъ до рѣчки до Черные, а рѣчка Черная впала въ Иньву рѣку съ лѣвые стороны.

Дер. *Гайва* на усть рѣчки Гайвы на рѣкѣ на Камѣ, а въ ней дв. прикащикомъ на пріѣздъ, дв. Ивашко Борисовъ с. Вологженинъ съ зятемъ съ Ваською Дмитреевымъ с. Зашихинымъ, дв. Костька да Семейка да Омельянко Кондратьевы дѣти Рожковы, и всего 2 двора крестьянскихъ, а людей въ нихъ 5 человѣкъ; *пашни* паханые середніе земли 3 чети да перелогомъ 5 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *сѣна* по рѣчкѣ по Гайвѣ 35 копенъ.

Дер. *Оборина* на рѣкѣ на Камѣ, а въ ней дв. Степанко Тимоѳеевъ с. Оборинъ да братья ево Кирилко да Онисимко да Омелька, дв. Оникѣйко Тимоѳеевъ сынъ Чешихинъ, дв. Левка Тимоѳеевъ с. Оборинъ съ с. съ Петрушкою, дв. Феоктистко прозвище Бархатко Тимоѳеевъ с. Оборинъ, и всего 4 двора крестьянскихъ, а людей въ нихъ 8 человѣкъ; *пашни* паханые середніе земли 3 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *сѣна* по рѣкѣ по Камѣ 200 копенъ.

Поч. *Висимъ* на рѣкѣ на Камѣ, вверхъ ѣдучи на правѣ, надъ рѣчкою надъ Висимомъ, а въ немъ дв. Максимко Ивановъ с. Шамганинъ, дв. Тимошка Андреевъ с. Драничниковъ съ зятемъ съ Ѳомкою; *пашни* паханые середніе земли 4 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *сѣна* 15 копенъ.

Дер. на рѣкѣ на Камѣ повыше усть Косьвы рѣки, а въ ней, дв. Тренька Аѳонасьевъ сынъ Котельниковъ съ дѣтьми съ Баженкомъ да съ Родькою, да у него жъ Артюшка Филиповъ с. Черепанъ, дв. Тимошка Андреевъ сынъ Злыгостевъ, дв. Ларька Сергѣевъ съ с. съ Ѳедькою да у нево жъ Митька Ивановъ сынъ Еловиковъ, дв. Жданко Ипатьевъ с. Котельниковъ да Томилко да Ивашко Яковлевы дѣти Лычниковы, и всего 4 двора крестьянскихъ, а людей въ нихъ 11 человѣкъ; *пашни* паханые середніе земли 4 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *сѣна* 65 копенъ.

Дер. *Мартыновская* на рѣкѣ на Иньвѣ на усть рѣчки Оны, а въ ней дв. Алешка да Филька да Илейко прозвище Поздѣйко Даниловы дѣти Ошмарина да дѣти Алешкины Ермолко да Макарко прозвище Спѣшилко да Филькины дѣти Ивашко прозвище

Баженко да Онтонко да Карпунька, дв. Митька прозвище Дербышъ да братъ ево Микитка жъ прозвище Баженко да Якимко Андреевы дѣти Онковы, дв. Васька прозвище Четвертко Андреевъ с. Онкова да Ивашко Онковъ, да Пятко Андреевъ с. Онкова, и всего 4 двора крестьянскихъ, а людей въ нихъ 14 человѣкъ; *пашни* паханы добрые земли 7 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, лѣсу пашенного 6 десятинъ; *сѣна* на Иньвѣ 150 копенъ. Да у нихъ же рыбная ловля въ рѣкѣ въ Иньвѣ. А межа тое деревни Мартыновской съ государевыми крестьяны деревни Купроса по рѣкѣ по Иньвѣ вверхъ до рѣчки до Исылы, а Исылъ рѣчка впала въ рѣку въ Иньву по правую сторону, а внизъ по Иньвѣ рѣкѣ межа деревни Тумансково Городища со крестьяны *до Чермовсково истоку*, а истокъ изъ озера въ Иньву рѣку впалъ съ правую сторону.

Поч. *Кирдымъ* на рѣчкѣ на Кирдымкѣ, а въ немъ дв. Кондрашко Ивановъ сынъ Килосовъ съ дѣтьми съ Назаркомъ да съ Меньшичкомъ да съ Харитонкомъ; *пашни* паханые добрые земли 3 чети съ третникомъ въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *сѣна* по рѣчкѣ по Кирдымкѣ 15 копенъ.

Дер. *въ Майкоръ, что былъ починокъ Туманское Городище*, на рѣкѣ на Иньвѣ, а въ ней дв. Еремка Давыдовъ с. Ермолинъ да дѣти ево Мишка прозвище Пѣтухъ да Тимошка да Ивашко, дв. Митрофанко да Пронько прозвище Малецъ да Андрюшка Васильевы дѣти Давыдова да Митрошкиныхъ дѣтей Ѳомка да Филька; *пашни* паханые добрые земли 6 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ, лѣсу пашенного 7 десятинъ съ полудесятиною; *сѣна* по рѣкѣ по Иньвѣ 75 копенъ. А межа Ивановѣ да Максимовѣ землѣ съ государевыми крестьяны Тумансково Городища отъ Иньвы рѣки въ гору по улицѣ по Пробойной до рѣчки Кемеля, а отъ рѣчки Кемеля до рѣчки до Разсохи; да ихъ же Ивана да Максима отхожая пашня въ Городищѣ въ Туманскомъ да за рѣчкою за Разсохою; а сѣннымъ покосомъ и всякимъ угодьямъ межа внизъ по Иньвѣ рѣкѣ до рѣчки до Черные.

И всего Ивана да Максима Строгановыхъ къ Чусовскому городку слободка да 31 деревня, да 12 починковъ, да займище, да 11 пустошей; да въ слободкѣ жъ и въ деревняхъ и въ починкѣхъ 3 двора вотчинниковыхъ, а въ нихъ живутъ люди ихъ, да 236 дворовъ пашенныхъ крестьянъ, а людей въ нихъ 504 человѣка, да 22 двора пустыхъ, да мѣсто дворовое. Пашни паханые

добрые земли вотчинниковы и крестьянскіе подъ городкомъ и въ слободкѣ и въ деревняхъ и въ починкѣхъ 83 *четьи* съ *третникомъ добрые земли*, да 250 четьи *середніе земли* и обоего добрые и середніе земли 333 четьи съ третникомъ, да пашни жъ *перелогомъ* 338 четьи съ осминою въ полѣ, а въ *дву по тому* жъ; *лѣсу пашенного* 102 десятины съ полудесятиною; сѣна 11392 копны; сошново письма четь и пол-пол-чети и пол-пол-трети сохи. И обоево въ Чусовскомъ городкѣ на посадѣ и въ деревняхъ и въ починкахъ сошново письма въ живущемъ пол-сохи и пол-пол-трети сохи. Денежныхъ доходовъ дани за ямскіе и за примѣтные деньги и за городовое и за засѣчное и за емчужное дѣло 28 рублевъ 14 алтынъ пол-четверты деньги.

Да за казначеевы и за дьячьи пошлины 22 алтына съ деньгою.

Да со шти дворовъ бобыльскихъ оброку рубль 20 алтынъ, да пошлинъ съ оброку 2 алтына 4 деньги, съ двора по гривнѣ, пошлинъ по деньгѣ.

Да съ лавокъ и съ варницъ и съ мельницъ и съ кузницъ оброку и пошлинъ 23 рубли 24 алтына 2 деньги.

И всего съ Чусовскаго городка и съ уѣзду всякихъ денежныхъ доходовъ 54 рубли 17 алтынъ съ полуденьгою.

А по государевѣ царевѣ и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Россіи жалованной грамотѣ и прежнихъ государей по грамотамъ и по сотной съ книгъ письма и мѣры Ивана Яхонтова, да подьячего Третьяка Карпова ѿ году и по дѣловой къ Чусовскому городку *уѣзду:* отъ Микитинскіе вотчины Строганова отъ Орлова городка отъ межи Карышева острова рѣкою Камою внизъ по обѣ стороны до усть рѣки Чусовые 80 верстъ; а отъ устья Чусовского внизъ по рѣкѣ жъ по Камѣ по одной по правой сторонѣ до рѣчки до Ласьвы и до Ласьвинского бору 20 верстъ; а по рѣкѣ по Чусовой вверхъ отъ устья по одной по лѣвой по Усолошной сторонѣ до рѣки до Сылвы 10 верстъ, а отъ устья рѣки Сылвы Чусовою жъ рѣкою вверхъ по одной по лѣвой же сторонѣ *) до ихъ Иванова и Максимова Чусовского до Верхнева городка, что на усть рѣчки Усолки, 40 верстъ, а отъ городка рѣкою Чусовою вверхъ по лѣвой же сторонѣ **) 40 верстъ до деревни до Калина Лугу, а отъ Калина Лугу по Чусо-

*) А по теченію Чусовой—*на правой* сторонѣ.

**) Въ дѣйствительности—*по правой.*

вой вверхъ по лѣвой же сторонѣ *) до Вогульскихъ улусовъ и до рѣки *до Утки до верхніе*. Да въ рѣку жъ въ Каму впали въ той же ихъ межѣ рѣка Обва, да рѣка Косьва, да рѣка Иньва, а по тѣмъ рѣкамъ по обѣ стороны отъ устей и до вершинъ и въ той межѣ береги пустые и островы и рѣчки малые, которые впали въ Каму жъ и въ Чусовую и въ Обву и въ Косьву и въ Иньву, отъ устей же и до вершинъ и озерка лѣшіе съ истоки и лѣса дикіе съ рыбными и звѣриными ловлями и со всякими угодьи ихъ Ивановы да Максимовы; а Карышева острова Ивану да Максиму Строгановымъ двѣ трети, а что былъ на рѣкѣ на Камѣ ѣзъ ниже Чусовсково устья, и нынѣ того ѣзу нѣтъ, а то ѣзовое мѣсто нынѣ за Иваномъ да за Максимомъ по прежнему.

Яйвенскій Острожекъ.

За Иваномъ же да за Максимомъ Максимовыми, дѣтьми Строганова, острожекъ Яйвинской на рѣкѣ на Яйвѣ и на рѣчкѣ на Усолкѣ; а на острогѣ башня съ вороты, а отъ башни къ рѣчкѣ къ Усолкѣ и около всего острогу 114 саженъ, да полыхъ мѣстъ возлѣ рѣчку Усолку 26 саженъ, а въ острожкѣ дворъ Ивана да Максима Строгановыхъ, а въ немъ живутъ люди ихъ; да въ острожкѣ въ стѣнѣ 2 варницы съ црены, а оброку съ нихъ 10 рублевъ, по 5 рублевъ съ варницы, да пошлинъ съ оброку 16 алтынъ 4 деньги. Да въ острожной же стѣнѣ мѣсто варничное пусто; да за острожкомъ варница безъ црена, а оброку съ нее 2 рубли, да пошлинъ 3 алтына 2 деньги. Да за острожкомъ же на рѣчкѣ на Усолкѣ подъ острогомъ мельница колесная, а оброку съ нее 20 алтынъ, да пошлинъ съ оброку 6 денегъ.

Да въ острожкѣ жъ *храмъ Живоначальныя Троицы* древянъ клѣцки, а въ немъ образъ мѣстный Живоначальныя Троицы съ дѣяньемъ, на золотѣ; образъ Спасовъ Нерукотворенный большая пядница; образъ Пречистыя Богородицы Неопалимая купина; образъ Ник—ы Чудотворца съ дѣяньемъ; образъ Пречистыя Богородицы, о Тебѣ радуется; евангеліе напрестольное печатное.

Да *церковь Николы Чудотворца*, древяна, клѣтцки, а въ ней образъ Николы Чудотворца; образъ Живоначальныя Троицы, а книги въ тѣхъ храмѣхъ и колокола Максима Строганова.

---

*) По правой.

Да за острогомъ дв. попа Осипа Михайлова, дв. дьячка Треньки Кузмина, дв. пономаря Антонки Кучи, дв. проскурницы Марѳы.

Да за острогомъ же на посадѣ посадскихъ самыхъ молодчихъ людей и поваровъ и подварковъ: дв. Поспѣлко Михайловъ съ дѣтьми съ Епифанкомъ да съ Петрушкою, дв. Игнашко Алексѣевъ съ с. съ Сенькою, дв. Ивашко Прокофьевъ с. Бѣлозеровъ, дв. Кирилко Григорьевъ с. Бѣлой, дв. Дорофѣйко Юрьевъ с. Заплатинъ, дв. Максимко Абакумовъ, да пищальничьихъ дворовъ: дв. Якушко Филиповъ, дв. Демка Гавриловъ с. Рукавичниковъ съ пасынкомъ съ Тимошкою Ларіоновымъ, дв. Исачко Юрьевъ с. Заплатинъ, дв. Матюшка Григорьевъ, и всего 10 дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ 14 человѣкъ; сошного письма пол-пол-трети сохи. Да бобыльскихъ дворовъ: дв. Семейка Пыринъ съ дѣтьми съ Филькою да съ Ивашкомъ, дв. Ѳедька Ивановъ Фрюкъ съ пасынкомъ съ Кондрашкомъ, дв. Михалко Сергѣевъ сынъ Бѣлого да Якушко Козминъ сынъ Удимецъ, дв. Кондрашко Степановъ с. Понамарихинъ, дв. Тимошка прозвище Шестачко Андреевъ с. Щуповъ, и всего 5 дворовъ бобыльскихъ, а людей въ нихъ 9 человѣкъ, а оброку съ нихъ съ двора по гривнѣ да пошлинъ по деньгѣ. Да кельи нищихъ: кел. Ермолка Ѳоминъ, кел. Харитонко Овдокимовъ, кел. Якушко Ермолинъ с. Ярославецъ, кел. Ѳедька Ивановъ с. Фрюкъ, кел. вдова Марьица Безулѣпиха, кел. Огрофенка, дв. пустъ Якушка Ермолина; *пашни* паханые Ивана да Максима Строгановыхъ середніе земли 45 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, лѣсу пашенного 55 десятинъ; *сѣна* по рѣкѣ по Яйвѣ и на рѣчкѣ на Усолкѣ 2550 копенъ, да крестьянсково сѣна на Яйвѣ жъ и на Усолкѣ 629 копенъ.

Да къ Яйвинскому жъ острожку Ивановыхъ да Максимовыхъ деревень и починковъ:

Дер. *Новое* на родникѣ, а въ ней дв. Ѳедька Ивановъ да Филька Ивановъ да Павликъ Ѳедоровъ съ с. съ Трешкою, дв. Остафейко Малафеевъ с. Шестаковъ съ с. съ Анциферкомъ, дв. Максимко Михайловъ с. Колмогорецъ да Онтонко Харитоновъ, и всего 3 двора крестьянскихъ, а людей въ нихъ 8 человѣкъ; *пашни* паханые середніе земли 6 четьи съ осминою да перелогомъ 10 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ; *сѣна* на родникѣ и межъ поль 25 копенъ.

Поч. *Слутка* на рѣчкѣ на Усолкѣ, а въ немъ дв. Захарко Алексѣевъ с. Кошкарь съ с. съ Филькою, дв. Еремка Захарьевъ с. Кошкарь; пашни паханые середніе земли 3 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рѣчкѣ по Усолкѣ 45 копенъ.

Поч. *Ивашка Терентьева* с. Безпалово на ручью, а въ немъ дв. Алешка Ѳедоровъ с. Королихинъ; пашни паханые середніе земли 3 осмины да перелогу 3 осмины въ полѣ, а въ дву по тому жъ, лѣсу пашенного 11 десятинъ съ полудесятиною; *сѣна* по рѣкѣ по Яйвѣ и на Усолкѣ 95 копенъ.

Поч. *Архиповъ* на ручью, а въ немъ дв. Васька Архиповъ съ с. съ Оверькою да братья Васкины Ерофѣйко да Серешка; пашни паханые середніе земли 4 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по ручью и межъ поль 25 копенъ.

Дер. *Кекуръ* на родникѣ, а въ ней дв. Степанко Ивановъ с. Половниковъ да сынъ ево Акинфейко, дв. Родька Дорофеевъ съ братомъ съ Максимкомъ; пашни паханые середніе земли 3 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по роднику и по конецъ поль 65 копенъ.

Поч. *Чернавинъ* на родникѣ, а въ немъ дв. Ивашко Кузминъ с. Черепанъ съ с. съ Микиткою; пашни паханые середніе земли 2 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣчкѣ по Игумѣ 20 копенъ.

Дер. *Безпалая* на родникѣ, а въ ней дв. Якушко Третьяковъ с. Безпалово, дв. Мосейко Яковлевъ съ с. съ Баженкомъ, дв. Фефилко Исаковъ с. Хамовъ съ братьею съ Фефилкомъ да съ Спирькою да съ Степанкомъ, пашни паханые середніе земли 4 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по роднику и по конецъ поль 45 копенъ.

Дер. *Щупова* на рѣчкѣ на Игумѣ, а въ ней дв. Павликъ Андреевъ с. Щуповъ съ дѣтьми съ Сенькою да съ Павликомъ да съ Митькою, дв. Ивашко Юрьевъ сынъ Заплатинъ съ дѣтьми съ Евсевейкомъ да съ Полуехткомъ, пашни паханые середніе земли 4 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рѣчкѣ по Игуму 55 копенъ.

Поч. *Вятковъ* на рѣчкѣ на Игуму, а въ немъ дв. Ивашко Ларіоновъ с. Вятковъ, пашни паханые середніе земли 3 осмины въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рѣчкѣ по Игуму 15 копенъ.

Поч. *Битово* на рѣчкѣ на Игуму, а въ немъ дв. Ивашко Юрьевъ сынъ Битого, пашни паханые середніе земли 2 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рѣчкѣ по Игуму 15 копенъ.

Поч. *Смертковъ* на рѣчкѣ на Игумѣ, а въ немъ дв. Ивашко Захарьевъ с. Смертковъ, пашни паханые середніе земли четь въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рѣчкѣ по Игуму 15 копенъ.

Поч. *Черепановъ* на рѣчкѣ на Яйвѣ на усть рѣчки Усолки, а въ немъ дв. Павликъ Аверкіевъ с. Черепановъ съ дѣтьми съ Гришкою да съ Ваською да съ Ивашкомъ, пашни паханые середніе земли 2 чети съ полутретникомъ въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рѣчкѣ по Яйвѣ и на рѣчкѣ на Усолкѣ и на рѣчкѣ на Вильвѣ 25 копенъ.

Поч. *Гулковъ*, а въ немъ дв. Ѳедька Остафьевъ с. Гулковъ, пашни паханые середніе земли четь въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рѣчкѣ по Яйвѣ и на рѣчкѣ на Усолкѣ 25 копенъ.

Пуст. что былъ починокъ *Ивашка Бородина*, а въ ней дв. пустъ Ивашка да Левки Бородиныхъ, сошли безвѣстно, пашни перелогомъ 3 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 30 копенъ. Пуст. *Дощаникова* на рѣчкѣ на Усолкѣ, пашни перелогомъ 6 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, лѣсу пашенного 5 десятинъ, сѣна по рѣчкѣ по Усолкѣ 40 копенъ. Пуст. *Яслюкова* на рѣчкѣ на Усолкѣ, а въ ней мѣсто дворовое, пашни перелогомъ 7 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, лѣсу пашенного 10 десятинъ, сѣна по Яйвѣ и по Усолкѣ 55 копенъ.

И всего къ Яйвинскому острожку 4 деревни да 9 починковъ да 3 пустоши, а въ нихъ 20 дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ 45 человѣкъ, да дворъ пустой да мѣсто дворовое. *Пашни паханые* вотчинниковы и крестьянскіе, середніе земли, подъ острожкомъ и въ деревняхъ и въ починкѣхъ 83 чети безъ третника, да пашни жъ перелогомъ 30 четей съ осминою въ полѣ а въ дву по тому жъ. *Лѣсу* пашенного 81 десятина съ полудесятиною. *Сѣна* 3869 копенъ. *Сошнова письма* въ живущемъ пол-пол-трети сохи и обоего въ острожкѣ и на посадѣ и въ деревняхъ и въ починкѣхъ сошнова письма пол-чети и пол-пол-полтрети сохи.

Денежныхъ *доходовъ* дани за ямскіе и за примѣтные деньги и за городовое и за засѣчное и за емчужное дѣло 8 рублевъ 4 алтына съ деньгою. Да пошлинъ казначеевыхъ и дьячьихъ 5

алтынъ 4 деньги. Да съ 5 дворовъ бобыльскихъ оброку 16 алтынъ 4 деньги, да пошлинъ 5 денегъ. Да съ варницъ и съ мельницъ оброку и пошлинъ 13 рублевъ 7 алтынъ 4 деньги.

И всего съ Яйвинского острожку всякихъ денежныхъ доходовъ 22 рубли 1 алтынъ 4 деньги.

А по государевѣ царевѣ и великого князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи грамотѣ и прежнихъ государей по грамотамъ и по сотной съ книгъ письма и мѣры Ивана Яхонтова, да подъячего Третьяка Карпова ѿ году къ Яйвинскому острожку *уѣзду* по рѣкѣ по Яйвѣ до рѣчки до Уньвы 50 верстъ, а отъ Яйвинскаго острожку отъ усть рѣчки Усолки вверхъ по рѣкѣ по Яйвѣ до рѣчки до Вильвы *) 70 верстъ, и въ той межѣ по обѣ стороны рѣки Яйвы рѣчки малые и озерка дикіе и лѣсъ и сѣна и всякія угодья Ивановы да Максимовы.

Да въ той же ихъ межѣ спорные земли, что у нихъ у Ивана да у Максима Строгановыхъ въ спорѣ съ государевыми крестьяны Чердынского уѣзду деревни Булатовы съ Ивашкомъ Зуевымъ съ братьею, да съ Кирилкомъ Лоскутовымъ по рѣкѣ по Яйвѣ вверхъ отъ деревни Булатовы и отъ усть рѣчки Усолки 5 верстъ, на лѣвой сторонѣ рѣки Яйвы на горѣ *починокъ надъ рѣчкою надъ Разимомъ*, а въ немъ Ивановы да Максимовы крестьяне Строгановыхъ Павликъ Филиповъ, да Посничко Васильевъ; пашни паханые середніе земли 2 чети да перелогу 4 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ. Да внизъ по рѣкѣ по Яйвѣ жъ отъ тое деревни Булатовы отъ усть-рѣчки Усолки 25 верстъ починокъ *Ноневъ*, а въ немъ Ивановыхъ да Максимовыхъ крестьянъ дв. Алешка да Ромашко Архиповы, дв. пустъ; пашни паханые середніе земли 2 чети съ осминою, да перелогомъ 2 жъ чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ.

И обоего за Иваномъ да за Максимомъ по государевымъ жалованнымъ грамотамъ и по сотнымъ съ книгъ старинные отца ихъ вотчины городокъ, да острожекъ, а къ нимъ слободка да 35 деревень, да 21 починокъ, опричь спорныхъ починковъ, да займище, да 14 пустошей; а въ городкѣ и въ острожкѣ и въ слободкѣ 13 дворовъ церковныхъ, 5 дворовъ вотчинниковыхъ, да 311 дворовъ посадскихъ людей и поваровъ и подварковъ и пищаль-

---

*) У Яхонтова прибавлено: «и до рѣчки Чайвы».

ничьихъ и деревенскихъ крестьянъ и бобылей, а людей въ нихъ 638 человѣкъ, да 13 келей нищихъ, да 26 дворовъ пустыхъ, да мѣсто дворовое. Пашни паханые вотчинниковы и крестьянскіе добрые и середніе земли 416 четьи, да пашни жъ перелогомъ 369 четьи; лѣсу пашенного 184 десятины; сѣна 15261 копна. Сошново письма въ живущемъ соха безъ четьи.

Денежныхъ доходовъ дани за ямскіе и за примѣтные деньги и за городовое и за засѣчное и за емчужное дѣло 36 рублевъ 18 алтынъ полпяты деньги, съ сохи по 48 рублевъ по 25 алтынъ.

Да за казначеевы и за дьячьи пошлины 20 алтынъ 4 ден., съ сохи по рублю по 4 алтына по полу четвертѣ деньги; да съ 21 двора бобыльскихъ оброку и пошлинъ 2 рубли 6 алтынъ 5 денегъ.

Да съ лавокъ и съ кузницъ и съ варницъ и съ мельницъ оброку и пошлинъ 36 рублевъ 32 алтына.

Съ рыбныхъ ловель съ рѣкъ: съ рѣки съ Камы, да съ рѣки съ Чусовые, да съ рѣки съ Яйвы, да съ рѣки съ Обвы, да съ рѣки Сылвы, да съ рѣки Косьвы, да съ рѣки Усьвы, съ рыбныхъ ловель съ тѣхъ урочищъ, которые писаны подъ городкомъ и подъ острожкомъ и съ малыхъ рѣчекъ, которые въ тѣ рѣчки впали, и съ озеръ и съ островóвъ и съ лѣсовъ и съ звѣриныхъ ловель и со всякихъ угодей старово оброку и пошлинъ 26 рублевъ 25 алтынъ 5 денегъ, да вновь прибавлено оброку 5 рублевъ, да пошлинъ 8 алтынъ 2 деньги—и всего старово оброку и пошлинъ и что вновь прибавлено 32 рубли 5 денегъ.

И *обоего* съ Ивановыхъ и съ Максимовыхъ вотчинъ Строгановыхъ и съ Чусовскаго городка и Яйвенского острожку данныхъ и оброчныхъ и всякихъ денежныхъ доходовъ и съ оброковъ пошлинъ *108 рублевъ 19 алтынъ пол-третьи деньги.*

А по прежней сотной и по дѣловой съ Ивановы да съ Максимовы вотчины съ Чусовского городка и съ Яйвинского острожку сошныхъ и оброчныхъ и всякихъ денежныхъ доходовъ съ ихъ половины, опричь Андрея и Петра Строгановыхъ, по окладу было 72 рубли 11 алтынъ съ деньгою. И прибыло по новому письму, сверхъ прежняго окладу, 36 рублевъ 8 алтынъ 2 деньги.

Да на Чусовой же *монастырь Успенія Пречистые Богородицы,* строеніе Ивана да Максима Строгановыхъ, а въ немъ храмъ Успенія Пречистыя Богородицы древянъ клѣцки вверхъ

шатромъ; да предѣлъ Усѣкновеніе Честные Главы Івана Предтечи, а въ нихъ образовъ мѣстныхъ: образъ Успенія Пречистыя Богородицы на золотѣ, а у нее двои серги серебряны съ камышки; образъ Софея большая пядница на золотѣ; образъ Пречистые Богородицы Успеніе, а у нее вѣнецъ сканной съ финифты, гривна басменная, пятеры серги серебряны съ камышки; образъ Пречистые Богородицы Одегитріе на празелени, а у него вѣнецъ низанъ жемчужкомъ, да 2 цаты низаны жемчужкомъ же мелкимъ, да 4 серги серебряны съ камышки; да въ предѣлѣ образъ Усѣкновеніе Честные Главы Івана Предтечи на золотѣ, а у него вѣнецъ басменной, да 4 креста серебряныхъ; образъ мѣстной Пораскове и нарицаемые Пятницы большая пядница на золотѣ, а у нее вѣнецъ басменной, да 2 гривны басменныхъ, обнизъ и цата низанъ жемчужкомъ мелкимъ, да трои серги серебряны съ камышки, да 9 крестовъ серебряныхъ; да передъ мѣстными образы 3 свѣчи поставныхъ съ краски; сосуды церковные оловянные; воздухъ и покровцы зенденинные; престолъ оболоченъ выбойкою; евангелье печать литовская оболочено бархатомъ, евангелисты серебряны басменные золочены; ризы полотняные, оплечье и ерданъ бархатъ червчатъ; служебникъ печать московская, евангелье толковое письменное, тріоди цвѣтная и постная письменные, апостолъ печать литовская тетръ, двѣ псалтыри, одна печатная, а другая письменная, часовникъ, трефолой, два пролога во весь годъ, соборникъ; да на колокольницѣ 5 колоколовъ.

Да въ монастырѣ жъ 5 келей, въ нихъ поиъ черной Іосифъ, да 23 человѣка черныхъ старцевъ; да 4 кельи, а въ нихъ живутъ черные старицы.

Да за монастыремъ дв. скотей.

Пашни паханые монастырскіе середніе земли 32 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣкѣ по Чусовой 380 копенъ.

Да тово жъ монастыря на Максимовой землѣ *дер. на рѣкѣ на Чусовой*, а въ ней дв. Шумилко Михайловъ, дв. Васька Михайловъ с. Киселевъ, дв. Аѳонька Ѳоминъ с. Брюхановъ, дв. Первушка Назарьевъ, дв. Васька да Михаилко Ивановы дѣти Подвинцовы и всего 5 дворовъ, а людей въ нихъ 6 человѣкъ; пашни паханые середніе земли 5 четьи безъ полуосмины; сѣна по рѣкѣ по Чусовой 150 копенъ.

Дер. *Мысъ* на рѣкѣ на Чусовой, а въ ней дв. Павликъ Ивановъ с. Усолецъ, дв. Трофимко Артемьевъ, пашни паханые середніе земли 6 четьи безъ полуосмины, сѣна по рѣкѣ по Чусовой 45 копенъ.

Поч. *Оглово* на Косьвинскомъ ручью, а въ немъ дв. Ивашко Матвѣевъ, пашни паханые середніе земли 5 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна на Косьвинскомъ ручью 25 копенъ. И всего къ монастырю 2 деревни, да починокъ, а въ нихъ 8 дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ 9 человѣкъ. Пашни паханые крестьянскіе середніе земли 15 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ; и обоего монастырскіе и крестьянскіе пашни 47 четьи съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сошного письма пол-пол-пол-трети сохи и пять четьи пашни.

Орелъ-городокъ.

Да за Андреемъ же да за Петромъ Семеновыми дѣтьми, да за Иваномъ да за Максимомъ Максимовыми дѣтьми Строгановыми по государевѣ царевѣ и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Россіи жалованной грамотѣ Никитинская вотчина Строганова, *городокъ Орловъ*, деревянной рубленной на р. на Камѣ противъ Яйвинскаго устья. А у городка трои ворота, да двѣ башни глухихъ; да межъ воротъ и башень городень по мѣрѣ 26 саженъ, да въ стѣнѣ жъ острогу 60 саженъ, да въ стѣнѣ жъ отъ рѣки отъ Камы дворъ вотчинниковъ.

А въ городкѣ *храмъ* древянъ клѣтски, вверхъ шатромъ, во имя *Воздвиженія Честнаго Креста;* а въ немъ образовъ мѣстныхъ: образъ Воздвиженія Честнаго Креста, обложенъ серебромъ басменнымъ золочено, гривна и цата басменные жъ золочены; образъ Введенія Пречистые Богородицы на золотѣ; образъ Пречистыя Богородицы Одегитріе на золотѣ; образъ Неопалимая Купина на золотѣ; образъ Похвала Пресвятыя Богородицы на золотѣ; престолъ оболоченъ зенденью.

Другой храмъ Похвалы Пречистыя Богородицы древянъ клѣтски, вверхъ шатромъ о пяти верхахъ, кресты и главы обиты желѣзомъ бѣлымъ, а въ храмѣ: образъ мѣстной Пречистыя Богородицы Владимірскія въ кіотѣ съ затворы въ дѣяніи, обложенъ серебромъ басменнымъ золочено; у Богородицы и у Спаса вѣнцы съ коруною, да цаты сканные, а у цаты три репьи сканные жъ

висячіе золочены съ финифты, поднизь кованая серебряная гладкая золочена, на верхъ коруны на закрѣпкѣ 11 камешковъ съ жемчужки разныхъ цвѣтовъ, да въ корунѣ же въ гнѣздахъ 7 камешковъ разныхъ, да 3 раковины, да въ вѣнцѣхъ у Пречистыя и у Спаса и въ корунѣ и въ цатѣ и въ поднизи у Пречистыя 3 репьи, въ убрусцѣ репьи, да въ цатѣ 3 жъ репьи, у цаты 3 жъ репьи вислыхъ, а въ нихъ каменья: 2 лала, да разныхъ цвѣтовъ 78 камней среднихъ и мелкихъ, да 22 раковины въ гнѣздахъ же, да въ вѣнцѣ у Пречистыя жъ и въ убрусѣ и въ цатѣ и въ репьяхъ 28 жемчужковъ малыхъ на закрѣпкахъ, да рясы жемчужекъ мелкой по четыре ниточки, на сторонѣ колодонки серебреные сканные золочены, въ промежкахъ на ниточкѣ по 2 пронизки серебрены золочены разные, въ серединѣ у пуговокъ съ обѣ стороны по малому камешку разные цвѣты, на концахъ у пуговокъ на закрѣпкахъ по жемчужку, да на тѣхъ же нитяхъ по 2 камешка сережныхъ плохихъ, да у того жъ образа двѣ цаты сканные золочены одна съ подзоромъ, да 2 гривны басменныя золочены, ожерелейцо низано жемчужкомъ середнимъ, въ серединѣ лалъ, да 10 камешковъ сережныхъ плохихъ, да серги серебрены, каменье червцы, пелена въ серединѣ камочка мелкотравная, шелкъ бѣлъ да черовчатъ, опушка камка мелкотравная жъ зелена, на затворѣхъ писаны праздники, Благовѣщенье Богородицы да 4 евангелисты, кіоть и затворы обложены желѣзомъ нѣмецкимъ басменнымъ золочено, на верху на кіотѣ крестъ древянъ золоченъ. Образъ Похвалы Пречистыя Богородицы въ чудесѣхъ, обложенъ серебромъ басменнымъ золочено; у Спаса и у Пречистыя Богородицы вѣнцы и цата сканные съ корунами, у цатъ по 3 репья сканные жъ золочены съ финифты; у Спаса надъ коруною въ закрѣпкѣ съ жемчужки 7 камешковъ разныхъ цвѣтовъ, да въ вѣнцѣ и въ корунѣ и въ цатѣ и въ репьяхъ разныхъ цвѣтовъ 12 камешковъ, да 3 раковины, да двои серги съ каменьемъ съ плохимъ; да въ серединѣ у Пророковъ 12 вѣнцовъ сканныхъ съ розными финифты, да въ дѣяньѣ у святыхъ меньшихъ и середнихъ 41 вѣнецъ сканные жъ съ финифты, пелена въ серединѣ бархатель по красной землѣ бѣлъ, опушка бархательная, крестъ нашитъ тафта зелена, свѣча мѣстная съ краски середняя, насвѣчникъ желѣзо нѣмецкое. Образъ Никиты Христова мученика, стоящей, обложенъ басмою, золоченъ, въ облацѣ образъ Пречистыя Богородицы съ Превѣчнымъ Младен-

цомъ, а у него прикладу вѣнецъ съ коруною и цата чеканные, у цаты 3 репьи сканные жъ золочены всѣ, въ вѣнцѣ и въ корунѣ и въ цатѣ и въ репьяхъ и въ закрѣпкѣ на верху 3 камешка сережныхъ съ жемчужки; да 4 жемчужки въ закрѣпкѣ жъ середнихъ, да 12 камешковъ розныхъ цвѣтовъ въ гнѣздахъ да три раковины; да у Никиты вѣнецъ и цата чеканные, у цаты 3 репьи чеканные жъ золочены всѣ, въ вѣнцѣ и въ цатѣ и въ репьяхъ 8 камешковъ розные да раковина, пелена такова жъ, что у Похвалы, бархательная жъ. Образъ Ѳедора Стратилата стоящей въ чудесѣхъ, обложенъ серебромъ басменнымъ золочено, вѣнецъ и цата сканные съ розными съ финифты золочено, въ вѣнцѣ 3 камешка, да въ цатѣ 2 камешка плохіе же, да раковина. Образъ Ильи Пророка въ чудесѣхъ обложенъ серебромъ басменнымъ золочено, у Иліи Пророка вѣнецъ и цата съ финифты золочено, въ вѣнцѣ и въ цатѣ 5 камешковъ да раковина. Образъ Петръ, Алексѣй, Іона московскіе чудотворцы на золотѣ, вѣнцы и цаты басменные золочены, въ вѣнцѣхъ и въ цатахъ по 5 камешковъ плохихъ, да по раковинѣ; да въ тяблѣ надъ Спасовымъ образомъ образъ Спасовъ, да Пречистыя, да Предтечи меньшіе пядницы обложены серебромъ басменнымъ золочены, вѣнцы и цаты сканные съ финифты золочены; въ вѣнцѣхъ и въ цатахъ по шти камешковъ; тутъ же образъ Пречистыя Богородицы Умиленіе меньшая пядница обложенъ серебромъ басменнымъ золочено; вѣнцы и цаты сканные золочены; въ вѣнцѣ и въ цатѣ 9-ть ставокъ плохихъ; да тутъ же образъ Пречистыя Богородицы Умиленіе меньшая пядница обложенъ серебромъ басменнымъ золочено, вѣнецъ съ коруною и цата сканные золочены со вставки; да прикладу 3 креста аспидныхъ обложены серебромъ; да надъ дейсусомъ на тяблѣхъ и надъ царскими дверьми меньшихъ пядницъ многіе праздники и святые обложены серебромъ басменнымъ золочены 92 образа; да на другой сторонѣ царскихъ дверей къ сѣвернымъ дверемъ образъ Спасовъ нерукотворенный въ кіотѣ большая пядница, кіотъ обитъ желѣзомъ бѣлымъ басменнымъ, образъ обложенъ серебромъ басменнымъ золочено, вѣнецъ..... и цата басменные жъ золочены, въ вѣнцѣ и въ цатѣ 28 камешковъ плохихъ да 3 раковины, пелена камка сѣиная, свѣча съ краски. Образъ Пречистыя Богородицы Одегитріе середняя пядница обложенъ серебромъ и вѣнцы басменные и въ вѣнцѣ и въ убрусцѣ и у Спаса въ вѣнцѣ 21 камешекъ середнихъ и меньшихъ розныхъ

цвѣтовъ, да у Пречистыя въ обнизи 9 камешковъ сережныхъ плохихъ, да 26 жемчужковъ, да 5 гривенъ витыхъ, да 3 цаты, въ дву цатахъ 10 камешковъ плохихъ, свѣча съ краски. На налоѣ образъ Пречистыя Богородицы Умиленіе, въ дѣяніи, меньшая пядница въ кіотѣ, кіотъ мѣдный, Пречистыя Богородицы образъ въ срединѣ обложенъ серебромъ рѣзнымъ золоченымъ рѣзь травки въ чудесѣхъ, чудеса обложены басмою золочено. На притворѣ писаны святые, обложены серебромъ басменнымъ золочено; у Пречистыя прикладу вѣнцы съ коруною да цата, у цаты 3 репьи всѣ сканные съ финифты золочены, а въ нихъ розныхъ камешковъ 39, да въ закрѣпкѣ вверху на корунѣ съ жемчужки 7 камешковъ розныхъ цвѣтовъ; обрусецъ и ожерелейцо низаное, да серги золочены съ камешки и съ раковины; двери царскія и сѣнь и столпцы обложены желѣзомъ золоченымъ; дейсусъ съ праздники и съ пророки и съ праотцы на золотѣ; престолъ оболоченъ выбойкою; Пречистая напрестольная Умиленіе на золотѣ; евангелье напрестольное тетръ письменое, оболочено бархатомъ голубымъ, евангелисты и окладъ серебрянъ басменные золочены съ камешки 22 камешка розныхъ цвѣтовъ обычные, да 6 раковинъ, застежки серебреные; да евангелье жъ печатное обложено зеленымъ бархатомъ, роспятіе и евангелисты басменные золочены; сосуды оловянные, воздухъ и покроцы середина камка черовчата, около камка желтая, ризы и стихарь ветхи, оплечье мухоярное; паникадило мѣдное середнее о двунатцати репьяхъ, яицо строка-фомилово, кисть шелкъ розной, да два паникадила меньшихъ по шти перъ мѣдныхъ съ кистьми, да *книгъ:* уставъ печатной, да два апостола письменныхъ, двѣнадцать миней письменныхъ, евангелье толковое печать литовская, прологъ во весь годъ, минея общая печатная, трефолой въ десть, соборникъ въ полдесть, псалтирь печатная, часовникъ печатной, охтай на восемь гласовъ письменные. Въ предѣлѣ образъ рождества Іоанна Предтечи на золотѣ, двери царскія и дейсусъ на золотѣ жъ, престолъ оболоченъ зенденью; въ предѣлѣ жъ образъ трехъ святителей Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго на золотѣ вѣнцы и гривны басменные золочены, двери царскія и дейсусъ на золотѣ, двѣ свѣчи красныхъ, престолъ оболоченъ зенденью. Въ предѣлѣ жъ образъ всѣхъ святыхъ на золотѣ, двери царскія и сѣнь и столпцы и дейсусъ на золотѣ, двѣ свѣчи красныхъ, престолъ оболоченъ крашениною. Въ предѣлѣ жъ образъ архан-

гела Михаила, обложенъ серебромъ басменнымъ золоченъ, вѣнецъ сканной; образъ Пречистыя Богородицы Одегитріе на золотѣ; образъ соборъ архангела Михаила на золотѣ; двери царскія и сѣнь и столпцы и дейсусъ на золотѣ, двѣ свѣчи красныхъ; престолъ оболоченъ зенденью.

Да *подъ колокольницею храмъ*, а въ немъ образъ Живоначальныя Троицы на золотѣ, вѣнцы и гривны басменные серебрянные золочены съ камешки; образъ Пречистыя Богородицы Одегитріе на золотѣ, вѣнецъ низанъ жемчужкомъ мелкимъ, у Спасова образа вѣнецъ басменной золоченъ, цата низана жемчужкомъ мелкимъ; четыре свѣчи красныхъ; престолъ оболоченъ зенденью. Церковное всякое строеніе сосуды и ризы и книги переносятся изъ церкви въ церковь однѣ. На колокольницѣ десять колоколовъ.

Да *на посадѣ церковь древяна* клѣтски, во имя Успенія Пречистыя Богородицы, а въ немъ образъ мѣстной Пречистыя Богородицы, обложенъ серебромъ басмою золоченъ, у Спаса и у Пречистыя образа, вѣнцы и цата сканные золочены, а въ вѣнцахъ и въ цатахъ по три камешка розныхъ цвѣтовъ, да у Пречистыя Богородицы на воздусѣ вѣнецъ и цата сканные золочены, въ вѣнцѣ по три камешка розныхъ цвѣтовъ, у ангеловъ и у апостоловъ и у святыхъ вѣнцы басменные золочены; пелена камка червчата, опушка камка зелена; крестъ вышитъ золотомъ; свѣча мѣстная большая съ краски; насвѣчникъ желѣзо нѣмецкое. По другую сторону царскихъ дверей образъ мѣстной Пречистыя Богородицы Одегитріе на золотѣ, а у него прикладу: у Пречистыя и у Спаса вѣнцы басменные золочены, у Спаса въ вѣнцѣ 4 камешка плохихъ, у Пречистыя гривна витая, да 2 цаты басменныя золочены, въ одной цатѣ 7 камешковъ плохихъ розныхъ цвѣтовъ, да 4 серги прикладныя съ каменьемъ плохимъ; надъ сѣверными дверьми образъ пядница меньшая Никиты мученика стоящій, обложенъ серебромъ басменнымъ, золоченъ, а у него прикладу: вѣнецъ да цата сканные золочены, а въ вѣнцѣ и въ цатѣ по 3 камешка розныхъ цвѣтовъ, возлѣ того жъ меньшая пядница образъ великій князь Владиміръ съ чады, обложенъ серебромъ басменнымъ золоченъ, въ облацѣ Спасъ и у Спаса и у князя Владиміра съ чады и съ княгини вѣнцы скапные съ финифты золочены; образъ въ кіотѣ у крылоса нерукотворенный Спасовъ на краскѣ, а у него цата серебренная басменная золочена, а по другую сторону написанъ образъ Николы Чудотворца да Никиты мученика на золотѣ стоящіе, во облацѣ Пречистые образъ Воплощеніе.

Да у Пречистыя жъ предѣлъ Николы Чудотворца, а въ немъ образъ мѣстной Николы Чудотворца стоящей въ чудесѣхъ, обложенъ серебромъ басменнымъ золоченъ, а у него прикладу: вѣнецъ и цата сканные съ финифты золочены, въ вѣнцѣ камешекъ плохой, да 2 раковины, въ цатѣ 3 камешка плохіе да 6 гривенъ басменныхъ золочены, 7-я вита, въ дѣяніи у Николы Чудотворца вѣнцы басменные золочены въ 11-ти мѣстѣхъ, пелена дву камкасеи, середина бѣлая, опушка таусинная, крестъ нашитъ тое жъ камкасеи, свѣча большая съ краски, насвѣчникъ желѣзо нѣмецкое; образъ мѣстныя Живоначальныя Троицы большая пядница на золотѣ, а у нихъ вѣнцы и гривны серебрены басменны золочены, въ вѣнцѣхъ и въ гривнахъ по пяти камешковъ простыхъ да по раковинѣ, да гривна витая; образъ Воскресеніе Христово на золотѣ въ дѣяніи, свѣча середняя съ краски, насвѣчникъ желѣзо нѣмецкое.

Предѣлъ великаго Христова *мученика Никиты*, а въ немъ образъ мѣстной великаго мученика Никиты, стоящей въ кіотѣ въ чудесѣхъ, обложенъ серебромъ басменнымъ золоченъ, вѣнецъ сканной съ финифты золоченъ, въ вѣнцѣ и въ цатѣ по 3 камешка плохихъ, кіотъ обитъ желѣзомъ золочено, пелена камкасея розная, крестъ шитъ бѣлью, свѣча большая съ краски; образы мѣстные три пядницы, на золотѣ, на нихъ писаны, на одной ц-кѣ владычны праздники, а на дву многихъ святыхъ; образъ великаго князя Владиміра съ чады съ Борисомъ и Глѣбомъ, стоящей въ чудесѣхъ, въ кіотѣ, обложенъ серебромъ басменнымъ золочено; вѣнцы и цаты сканные съ финифты золочены, а въ вѣнцѣхъ и въ цатахъ 16 камешковъ плохихъ да 2 раковины. Надъ сѣверными дверми у Николы 2 образа меньшія пядницы, обложены серебромъ басменнымъ золочено; у Воскресенія 2 вѣнца сканные и Успенья вѣнцы басменные; дейсусъ Успенья и въ предѣлѣхъ одинъ стоящей, съ праздники и съ пророки и съ праотцы на празелени. У Успенья двери царскія, сѣнь и столпцы на золотѣ, а въ предѣлѣхъ на краскахъ двери сѣверные трои на празелени: у Успенья паникадило середнее о шти перахъ, яицо скляничное, кисть розной шелкъ. Въ предѣлѣхъ паникадила по шти перъ меньшіе съ кистьми мѣдные жъ нѣмецкіе; въ олтарѣ у Успенія престолъ оболоченъ зенденью; напрестольный образъ Пречистыя Богородицы Одегитріе обложенъ серебромъ басменнымъ золоченъ, вѣнцы басменные жъ золочены, въ вѣнцѣ у Пречистые и у

Спаса 9 камешковъ плохихъ; да крестъ выносной древянъ на краскѣ; евангелье напрестольное печать литовская оболочено бархатомъ червчатымъ, въ серединѣ Спасъ на престолѣ, да Пречистая, да Предтеча, да архангелъ, да два херувима, да четыре евангелисты серебрены басменные золочены, да 14 камешковъ плохихъ, да 4 раковины, застежки серебрены. Другое евангелье письменное въ десть, оболочено камкою червчатою; распятіе и евангелисты серебрены басменные золочены; сосуды церковные оловянные, воздухъ и покровцы дорогильные червчаты, а другіе желты; кадило мѣдное; двои ризы полотнянные ветхи, оплечье мухоярное; да *книгъ:* евангелье и апостолъ, минея общая печатные, псалтирь и часовникъ письменные, минея мѣсяцъ сентябрь и треоди постная и цвѣтная и служебникъ печатные, трефолой письменной въ десть, прологи во весь годъ, да охтай на восемь гласовъ письменные; паникадило мѣдное; да на колокольницѣ 5 колоколовъ.

Да у Орлова жъ городка *посадъ, а на посадѣ церковныхъ дворовъ:* дв. попа Данила Симанова, дв. попа Ивана Максимова, дв. дьякона Ивана Михайлова, дв. дьячка Елисѣйка Аѳонасьева сына Ширяева, дв. дьячка жъ Ивашка Павлова с. Пономарева, дв. пономаревъ Проньки Сергѣева с. Игольнишникова, дв. пономаря Андрюшки Сергѣева с. Игольнишникова, дв. проскурницы Анны.

Да на посадѣ жъ *безпашенныхъ крестьянскихъ молодчихъ дворовъ:* дв. Матюшка да Ивашко Савины дѣти Лепехина съ дѣтьми съ Петрушкою да съ Якушкомъ, да съ Гришкою, да съ Гаврилкомъ, да съ Семенкою; дв. Миронко Михайловъ с. Пирожковъ съ дѣтьми съ Сысойкомъ да съ Тимошкою, да съ Володькою, да съ Михалкомъ; дв. Овдокимко Михайловъ с. Пирожковъ; дв. Ивашко Ивановъ с. Попчихинъ съ дѣтьми съ Павликомъ да съ Елизаркомъ; дв. Ивашко Гавриловъ сынъ Горбуновъ съ с. съ Оникейкомъ. И *всего* молодчихъ людей *5* дворовъ, а людей въ нихъ 18 человѣкъ; сошнова письма пол-пол-чети сохи. Дворы жъ *самыхъ молодчихъ* людей: дв. Левка Дмитріевъ съ с. съ Савкою, дв. вдова Дарьица Семейкинская жена Коченова съ дѣтьми съ Климкомъ да съ Оноскомъ; дв. Андрюшка Григорьевъ с. Подобытковъ, дв. Мелентейко Ѳедотьевъ; дв. Осипко Мелентьевъ с. Кузнецъ съ дѣтьми съ Кондрашкомъ да съ Михалкомъ, дв Алешка Васильевъ сынъ Золотухинъ съ дѣтьми съ Микиткою да съ

Ивашкомъ да съ Ѳедькою, дв. Алешка Ивановъ с. Базановъ съ дѣтьми съ Ваською да съ Первушкою да съ Ивашкомъ, дв. Власко да Павликъ Родіоновы дѣти Малкова, да съ ними жъ Павликъ Патрикѣевъ съ с. съ Ивашкомъ, дв. Ѳедька Кирпичниковъ, дв. Микифорко Микитинъ съ с. съ Микиткою, дв. Окулко Ивановъ съ с. съ Гришкою, дв. Ивашко Яковлевъ сынъ Погодай съ с. съ Ивашкомъ, дв. Алешка да Бориско да Демка Савины дѣти Конебины, да съ ними же Максимко Вѣшняковъ, да Потапко Митрофановъ с. Овчинникъ, дв. Пятко Васильевъ сынъ Ситниковъ, дв. Прока Андреевъ с. Ширинкинъ, дв. Филька Ивановъ с. Лазаревъ, дв. Андрюшка Ѳедоровъ с. Недорѣзовъ съ с. съ Потапкомъ, да съ ними жъ Созонко малой съ с. съ Тимошкою, дв. Ларька Мининъ с. Бабушкинъ съ пасынкомъ съ Якушкомъ, дв. Тимошка Борисовъ с. Безруково съ зятемъ съ Ондрюшкою Яковлевымъ с. Шелковниковымъ, дв. Петрушка, да Ивашка, да Меркушка Семеновы дѣти Заворохина; дв. Якушко Ѳедоровъ с. Черемной съ дѣтьми съ Якушкомъ да съ Павликомъ, дв. Анофрейко, да Ларька Ларіоновы дѣти Пѣтухина съ дѣтьми съ Степанкомъ, да съ Минькою да съ Ваською да съ Якушкомъ да съ Митькою, дв. Власко Аѳонасьевъ съ братомъ съ Девяткою, дв. вдова Ѳедосьица Петрушинская жена съ дѣтьми съ Митькою да съ Якушкомъ Степановыми дѣтьми Алексѣева, дв. Мартынко Ивановъ сынъ Кильникъ. И *всего* самыхъ молодчихъ людей *25 дворовъ*, а людей въ нихъ 64 человѣка; сошнова письма пол-трети и пол-полтрети сохи.

Да *бобыльскихъ* дворовъ: дв. Захарко Агафоновъ, дв. Ивашко Степановъ с. Косово съ братомъ съ Ларькою, дв. Степанко Тихоновъ с. Завалихинъ, дв. Степанко Микитинъ с. Еловиковъ, да съ нимъ Ѳедька Крупяникъ, дв. Пахомко Ивановъ с. Новоприходецъ да съ нимъ Софонко Ивановъ, дв. Васька Петровъ сынъ Заварохинъ, дв. Ларька Ивановъ с. Новокрещенъ съ пасынкомъ съ Степанкомъ Шкурою, дв. Ивашка Михайловъ с. Вострокнутовъ, дв. Первушка Ларіоновъ с. Черепанъ, дв. Десятко Патракѣевъ с. Дворникъ, дв. Якушко Кириловъ с. Жила, дв. Ѳедька Гурьевъ с. Башмаковъ, дв. Рудачко Васильевъ съ дѣтьми съ Артюшкою да съ Демкою да съ Аничкомъ, дв. Васька Игнатьевъ с. Корела, дв. Малофейко Григорьевъ с. Чермной съ с. съ Сидоркомъ, дв. Ивашко Гомовъ, дв. Ивашко Севостьяновъ, дв. Микифорко Денисовъ с. Молотовъ, дв. Якушко Ѳоминъ с. Костылевъ съ братомъ

съ Исачкомъ, дв. Антипко Денисовъ сынъ Малово съ дѣтьми съ Фролкомъ да съ Данилкомъ, дв. Степанко Денисовъ с. Малово, дв. Андрюшка Фоминъ с. Колесниковъ, дв. Исачко да Володька да Митька Григорьевы, дв. Васька Ѳедоровъ; и всего *24 двора бобыльскихъ*, а людей въ нихъ *38 человѣкъ;* а *оброку* съ тѣхъ бобыльскихъ дворовъ: съ двора по гривнѣ да *пошлинъ* по деньгѣ.

Дв. нищая Коптелинка Безсоновская жена, дв. нищая Оринка Печенкина; да пустыхъ дворовъ: дв. Матюшки Бѣлогузки, запустѣлъ лѣтъ съ десять, дв. Ивашка Семенова с. Ростовщикова, да дѣтей его Митьки, да Осипка, да Петрушки, да Васьки, да Ивашка, сошли жить къ Соли Камской; дв. Ларьки Иванова сына Володимерца, сшолъ безвѣстно во ѕ҃к году, дв. Андрюшки Елисѣева с. Засухина, да с. его Семейки, сошли къ Соли Камской во ѕ҃л году; дв. Гришки Денисова, дв. Трофимка Бабина, бѣжали во ѕ҃ко. году, дв. Матюшки Елисѣева с. Засухина, сшолъ въ Соли Камской во ѕ҃ки году; дв. Гришки Елисѣева с. Засухина съ сыномъ съ Захаркомъ, сошли къ Соли Камской; дв. Дружинки Семенова с. Кузнеца, бѣжалъ во ѕ҃ко. году; дв. Петрушки Игнатьева с. Третьякова, бѣжалъ во ѕ҃л году на Верхотурье, дв. вдовы Каптелинки Ивановскіе жены Володимерова, дв. Тимошки Ѳедорова с. Овладѣева, сшолъ въ Соли Камской во ѕ҃л году, дв. Ѳедьки прозвище Любимко Елисѣевъ с. Засухина, сшолъ въ Соли Камской во ѕ҃ки году, дв. Ивашка Москвы, дв. Гришки Васильева с. Яковлева, живетъ на Верхотурьѣ, дв. Андрюшки, да Ѳедьки да Ивашка Михайловыхъ дѣтей Селезенова, Кучина то жъ, мѣсто дворовое Кирилка Иванова.

И всего въ Орловѣ городкѣ посадскихъ молодчихъ и самыхъ молодчихъ людей, опричь бобыльскихъ, 30 дворовъ; сошново письма четь безъ пол-пол-чети и пол-пол-трети сохи.

Денежныхъ доходовъ, дани и за ямскіе и за примѣтныя деньги и за городовое и за засѣчное и за емчужное дѣло 13 рублевъ 6 алтынъ полпяты деньги. Да пошлинъ казначеевыхъ и дьячьихъ 10 алтынъ полторы деньги. Да съ 24 дворовъ бобыльскихъ оброку 2 рубли 13 алтынъ 2 деньги, да пошлинъ съ оброку 4 алтына.

Да посадскихъ людей лавки:

Лавка Ивашка Иванова сына Попчихина, л. Матюшки да Ивашка Савиныхъ дѣтей Лепехина, л. Ивашка Семенова сына Ростовщикова, л. Миронка Михайлова с. Пирожкова, л. Тимошки

Ѳедорова сына Овладѣева, л. Якимка да Незнахи Ларіоновыхъ, л. Первушки Семенова сына*)..... И всего въ живушемъ восемь лавокъ, а оброку съ нихъ рубль двадцать алтынъ, съ лавки по шести алтынъ по четыре деньги, да пошлинъ съ оброку два алтына четыре деньги; да пять лавокъ пустыхъ. Да на посадѣ жъ *кузница* Оськи Мелехонова с. Падучева да кузница Захарка Агафонова; оброку съ тѣхъ кузницъ десять алтынъ три деньги, съ кузницы по пяти алтынъ, да пошлинъ полторы деньги.

Да за посадомъ на рѣкѣ на Камѣ на берегу соляная *варница*, а оброку съ нея пять рублевъ, да пошлинъ съ оброку восемь алтынъ двѣ деньги. Да на рѣкѣ жъ на Камѣ одинадцать мѣстъ варничныхъ, а у нихъ девять трубъ пустыхъ; запустѣли варницы и трубы при Микитѣ Строгановѣ. Да за посадомъ же Строгановыхъ скотской дворъ, а въ немъ живутъ люди ихъ.

Да съ мельницы колесныя, что за рѣкою за Камою на истокѣ, что впалъ въ рѣку въ Яйву, оброку семь рублевъ, да пошлинъ одинадцать алтынъ четыре деньги. Да съ рѣки съ Камы, да съ рѣки съ Яйвы, да съ рѣчки Кондаса, съ рыбныхъ ловель и съ лѣсу и съ звѣриныя ловли оброку и пошлинъ десять рублевъ съ полтиною.

Да къ Орлову жъ городку слободка *Новое Усолье* по рѣкѣ по Камѣ вверхъ, а въ ней ихъ вотчинниковъ дворы, а живутъ въ нихъ люди ихъ**).

Да въ слободкѣ жъ крестьянскихъ самыхъ молодчихъ людей и поваровъ и подварковъ и трубныхъ мастеровъ всего десять дворовъ, а людей въ нихъ двадцать два человѣка. Сошнова письма пол-пол-трети сохи.

Да денежныхъ доходовъ дани и за ямскія и за примѣтныя деньги, и за городовое и за засѣчное и за емчужное дѣло четыре рубли два алтына съ полуденьгою, да пошлинъ три алтына съ деньгою.

Да въ слободкѣ жъ бобыльскихъ дворовъ: дворъ..... ***) дв. Мосейко Анфимовъ да Гришка Кожа, да Куземка Ивановъ.

---

*) Здѣсь начинается пропускъ двухъ листовъ въ нашемъ спискѣ, который мы восполняемъ по сокращенному списку той же писцовой книги, за неимѣніемъ другаго полнаго.

**) Всѣ имена ихъ пропущены.

***) Имена опять не перечислены. Тутъ пропускъ въ нашемъ спискѣ кончается. Далѣе все печатается по полному списку до конца писцовой книги.

И *всего 5* дворовъ, а людей въ нихъ 12 человѣкъ, а оброку съ нихъ 16 алтынъ 4 деньги; да пошлинъ 5 денегъ, съ двора оброку и пошлинъ по 3 алтына по 3 деньги; да дв. нищей Якимко, дв. нищая Анютка Казанка, дв. пустъ Васьки Осипова, сшолъ въ Сибирь во ρл̃ году.

Да въ слободкѣ жъ *5 варницъ* соляныхъ съ црены, да *3 варницы* безъ цреновъ, а оброку съ нихъ 31 рубль, съ цренныхъ по 5 рублевъ, а безцренныхъ по 2 рубли; да пошлинъ съ оброку 1 рубль 18 алтынъ 2 деньги.

Да къ Орлову жъ городку деревень и починковъ:

Дер. *Сергѣевъ Камень* на рѣкѣ на Камѣ, а въ ней крестьянъ: дв. Гришка Сергѣевъ с. Сокуля съ дѣтьми съ Ѳеонькою да съ Гаврилкомъ, дв. Левка Сергѣевъ съ дѣтьми съ Ермолкомъ да съ Гришкою, дв. Гришка Осиповъ сынъ, вдова съ с. съ Сенькою; пашни паханые худые земли 6 четьи полѣ, а въ дву по тому жъ, лѣсу пашеннаго 6 десятинъ, сѣна на рѣкѣ на Камѣ 60 копенъ.

Дер. *Пѣшково, Черное то жъ*, на рѣчкѣ на Кондасѣ, а въ немъ дворъ вотчиниковъ, а въ немъ живутъ крестьяне Ивашко Дмитреевъ съ братомъ съ Павликомъ да съ Тимошкою, да съ Ондрюшкою, да Титко Ерофѣевъ съ дѣтьми съ Ивашкомъ, да съ Демкою, да съ Максимкомъ, да съ пасынкомъ съ Ивашкомъ Ивановымъ; пашни паханые худые земли 5 четьи безъ третника, да перелогомъ 35 четвертей безъ третника, лѣсу пашеннаго 60 десятинъ; сѣна на р. на Камѣ и на Редикорскомъ Городищѣ и на рѣчкѣ на Кондасѣ 200 копенъ.

Дер. *что былъ починокъ Селище на рѣчкѣ на Усвѣ*, а въ ней крестьянъ: дв. Петрушка Ерофѣевъ с. Мосяй съ с. съ Елизаркомъ, да у него жъ Митька Авдѣевъ с. Калуга, да шуринъ его Аѳонька Степановъ, дв. Васька Андреевъ сынъ Вѣшняковъ съ дѣтьми съ Андрюшкою да съ Антонкомъ, дв. Алешка да Пронька Михайловы дѣти Дворниковы съ дѣтьми съ Михалкомъ да съ Гришкою, да съ Сенькою; пашни паханые худые земли 5 четьи безъ третника въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣчкѣ по Усвѣ 25 копенъ.

Поч. *Кондасъ* на р. на Камѣ на усть рѣчки Кондаса, а въ немъ: дв. Левка Семеновъ сынъ, съ дѣтьми съ Онтонкомъ да съ Мишкою, дв. Пятко Свинкинъ съ сыномъ съ Богдашкомъ; пашни паханые худые земли 5 четвертей безъ третника въ полѣ, а въ

дву по тому жъ; лѣсу пашеннаго 12 десятинъ; сѣна на рѣкѣ на Камѣ и на рѣчкѣ на Кондасѣ 150 копенъ.

Поч. *надъ Редикорскою курьею*, а въ немъ дв. Алешка Ивановъ с. Калгановъ, дв. бобыль Первушка Уткинъ; пашни паханые худые земли 5 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна на р. на Камѣ 25 копенъ.

Поч. *надъ Атаманскою курьею*, а въ немъ дв. Гришка Микитинъ да съ нимъ Гуляйко Еловиковъ съ дѣтьми съ Онтонкомъ да съ Обросимкомъ да съ Мишкою, дв. Андрюшка Микитинъ с. Еловиковъ съ с. съ Семейкою, дв. бобыль Ивашко Микитинъ с. Еловиковъ съ дѣтьми съ Павликомъ, да Ивашкомъ; пашни паханые худые земли 8 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣкѣ по Камѣ 35 копенъ.

Поч. *на Редикорскомъ Городищѣ*, а въ немъ дв. Ивашко Мартемьяновъ с. Ощепковъ, дв. Васька Васильевъ с. Абрамовъ съ Огѣйкомъ, да съ Серешкою, да съ Ваською; пашни паханые худые земли 5 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣкѣ по Камѣ 40 копенъ, а что было по перешневой росписи написано подъ тѣмъ починкомъ мельница и тое мельницы не написана была Орловская мельница, что подъ городкомъ за рѣкою за Камою вдвое.

Дер. *Верхъ-Сирья* на рѣчкѣ на Сирьѣ, а въ ней крестьянъ: дв. Павликъ Ѳедоровъ, дв. Васька Савинъ, дв. Михалко Савинъ, дв. пустъ Пятуньки Игнатьева сына Шулѣпова, сшолъ къ Соли Камской во ρк҃з году; пашни паханые худые земли 18 четвертей, да перелогомъ 2 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣкѣ по Сирьѣ 55 копенъ.

Дер. *Дикыгоръ* на усть рѣчки Сирьи, а въ ней: дв. Селиванко Викулинъ с. Мальцовъ, дв. Ѳадѣйко Дмитреевъ; пашни паханые худые земли 12 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣчкѣ Сирьѣ 45 копенъ.

Пуст. *Етыпка вверхъ рѣчки Сирьи*, а въ ней дв. пустъ Павлика Ѳедорова, а Павликъ живетъ за ними же въ деревнѣ вверхъ Сирьи, пахни паханые наѣзжіе 4 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣчкѣ по Сирьѣ 20 копенъ.

Поч. *Бѣляевъ* на рѣкѣ на Яйвѣ, а въ немъ дв. Васька да Архипко Никитины, дв. Ивашко Микитинъ с. Литвиновъ; пашни паханые худые земли 10 четвертей съ осьминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ; лѣсу пашеннаго 10 десятинъ; сѣна по рѣкѣ по Яйвѣ 100 копенъ.

Поч. *что была деревня Ошкоръ, Аврамовъ Камень тожъ*, на р. на Яйвѣ. а въ немъ: дв. Шестачко Володимеровъ съ братьею съ Гаврилкомъ да съ Павликомъ, дв. пустъ Абрамка пріѣзжаго столъ безвѣстно во ѕл году, да мѣсто дворовое; пашни паханые худые земли 5 четьи да перелогомъ 5 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ, лѣсу пашеннаго 20 десятинъ, сѣна на р. на Яйвѣ 150 копенъ.

Пуст. *что была деревня Боръ*, а въ немъ: дв. вотчинниковъ скотской пустъ, пашни Микитинской перелогомъ и съ отхожею пашнею, что за рѣкою за Камою противъ починка Кондаса, худые земли 5 десятинъ, 5 четьи; сѣна за рѣкою за Камою и вверхъ по рѣкѣ по Яйвѣ 3500 копенъ.

Пуст. *что была деревня Огурдино* на рѣкѣ на Камѣ, пашни перелогомъ худые земли 6 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; лѣсу пашеннаго 8 десятинъ; сѣна на рѣкѣ на Камѣ и по заполью 70 копенъ.

И всего къ Орлову городу 5 *деревень*, да 6 *починковъ*, да 3 *пустоши*, а въ деревняхъ и въ починкахъ 2 двора ихъ вотчинниковъ да 21 дворъ крестьянскихъ, да 2 двора бобыльскихъ, а людей въ нихъ 61 человѣкъ, да 3 двора пустыхъ.

Пашни паханые крестьянскіе худые земли 87 четей съ осьминою, да пашни жъ перелогомъ 103 чети безъ третника въ полѣ, а въ дву по тому жъ. *Лѣсу* пашеннаго 116 десятинъ; *сѣна* 4175 копенъ. *Сошного письма* въ живущемъ пол-пол-пол-трети и пол-пол-пол-чети сохи.

Денежныхъ *доходовъ* дани и за ямскія и за примѣтныя деньги и за городовое и за засѣчное и за емчужное дѣло 3 рубли 18 алтынъ 3 деньги; да пошлинъ казначеевыхъ и дьячьихъ 2 алтына полпяты деньги. Да съ 2 дворовъ бобыльскихъ оброку и пошлинъ 7 алтынъ. Да съ *мельницы* оброку 7 рублевъ да пошлинъ 11 алтынъ 4 деньги.

А по государевѣ царевѣ и великаго князя Михайла Ѳедоровича всея Россіи жалованной грамотѣ и прежнихъ Государей по грамотамъ и по сотной съ книгъ письма и мѣры Ивапа Яхонтова, да подъячаго Третьяка Карпова ѿз году къ Орлову городку *уѣзду:* отъ рѣки отъ Камы вверхъ по рѣкѣ по Яйвѣ Чердынского уѣзду деревни Романовой до Чешкорскаго Городища 20 верстъ, а отъ городка отъ Орла до рѣчки до Пыскорки до межи Спаскаго монастыры вверхъ рѣкою Камою 14 верстъ. Да отъ

Орлова жъ городка по рѣкѣ по Камѣ внизъ по обѣ стороны до Карышева острова 40 верстъ; а того Карышева острова къ Микитинской вотчинѣ Строганова къ городку къ Орлу треть, а двѣ трети того острова писано за Иваномъ, да за Максимомъ Строгановыми; а отъ рѣки отъ Камы вверхъ рѣчкою Кондасомъ и до вершинъ. И въ той межѣ по обѣ стороны рѣки Камы и рѣки Яйвы и рѣчки Кондаса береги пустые и лѣса дикіе и рѣки, которые впали въ Каму и въ Яйву и въ Кондасъ, къ Орлову городку.

Очерскій Острожекъ.

Да за Андреемъ же, да за Петромъ, да за Максимомъ да за Иваномъ Микитинская жъ вотчина Строганова:

Городокъ деревянной рубленой, что былъ Очерской острожекъ на рѣкѣ на Очерѣ; а у тово городка двои ворота, да двѣ башни глухихъ, а межъ воротъ и башень городень и стоячево острогу по мѣрѣ 129 саженъ, а въ городкѣ храмъ древянъ клѣтски, во имя Срѣтенія Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа; а въ немъ образъ мѣстной Срѣтенія Господа Бога нашего на золотѣ; передъ нимъ свѣча поставная съ краски; образъ Рождество Пречистые Богородицы съ дѣяніемъ на золотѣ; передъ нею свѣча мѣстная съ краски; образъ Пречистые Богородицы Одегитріе на золотѣ; передъ нею свѣча поставная съ краски: образъ Пречистая Богородица на золотѣ съ Превѣчнымъ Младенцемъ; образъ пророка Иліи съ дѣяніемъ на краскахъ; передъ образомъ свѣча мѣстная невелика; образъ Парасковеи нарицаемыя Пятницы, у нее прикладу вѣнецъ басменной позолоченъ, а въ немъ три камышка да три гривны басменныхъ да гривна витая; двери царскіе и дейсусъ на краскахъ; на налоѣ складни большіе, а на нихъ писанъ дейсусъ и праздники Господскіе, обложены мѣдью; престолъ оболоченъ выбойкою; евангелье напрестольное печатное, евангелисты серебрены басменные золочены, застежки и жуки рѣзные; крестъ воздвизальной древянъ; Пречистая Богородица запрестольная на золотѣ; сосуды церковные оловянные; двои ризы полотняные; паникадило мѣдное; да книгъ: евангелье толковое, апостолъ и псалтырь и часовникъ треоди цвѣтная и постная, охтай на 8 гласовъ, минея общая въ полдесть, служебникъ печатные, да двѣнадцать миней мѣсячныхъ

письменные, да трефолой, да прелогъ соборникъ въ полдесть, потребникъ письменной; да на колокольницѣ 5 колоколовъ.

Да у церкви за городомъ на посадѣ дворъ попа Михайла Аверкіева, дв. дьячка Герасимка Ѳедорова, дв. пономаря Исачка Микитина, дв. проскурницы Оксиньи. Пашни паханые церковные середніе земли 14 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 150 копенъ.

Да на посадѣ жъ крестьянскихъ пашенныхъ и непашенныхъ дворовъ: дв. Семенка Дементьевъ с. Тюлевъ, дв. Никифорко Тимоѳеевъ с. Шимовъ съ дѣтьми съ Микифоркомъ, да съ Володимеркомъ, да съ Ѳедькою, дв. Перфилко Семеновъ с. Пономаревъ съ братомъ съ Лучкою, дв. Семенко Михайловъ с. Пирожковъ; дв. Дмитрейко Ивановъ сынъ Хотрюковъ съ с. съ Куземкою, дв. Микитка Зиновьевъ сынъ Ивойловъ, дв. Тихонко Ивановъ сынъ Штанниковъ съ с. съ Гришкою, дв. Гришка Гавриловъ с. Носъ, дв. Мишка Дуролатъ; дв. Захарко Степановъ с. Масантикъ, дв. Гришка Дмитреевъ с. Пѣтуховъ, дв. Васька Семеновъ с. Боронниковъ съ с. съ Ивашкомъ, дв. Артюшка Ивановъ с. Харюхало, дв. Окулко Андреевъ сынъ Ширинкинъ съ с. съ Ѳедькою да съ Степанкомъ, дв. Ѳедька Михайловъ с. Телятниковъ, дв. Пронька Ивановъ с. Киршановъ, дв. Баженко Ивановъ с. Сухановъ, дв. Васька Потаповъ с. Верхокамкинъ, да *бобыльскихъ дворовъ*, дв. Семейка Евмѣнеевъ с. Рыболовъ аханщикъ, дв. Митька Аѳонасьевъ с. Пискля, дв. Томилко Яковлевъ с. Кожевникъ, дв. Андрюшка Ивановъ с. Зелейкинъ съ с. съ Ваською, дв. Пашко Тимоѳеевъ с. Поповъ, дв. Калинка Ѳедоровъ с. Швецъ, дв. Ивашко Аверкіевъ с. Кропачевъ, дв. Артюшка Ивановъ с. Черновскихъ, дв. Костка Патхвостовъ, дв. Михалко Яковлевъ сынъ Мужланъ. Да *пустыхъ дворовъ:* дв. Тимошки Ерофѣева, сшолъ во ѕ҃к҃ѳ. году на Алабугу, дв. Ивашка Борисова с. Лобыша, сшолъ во ѕ҃к҃ѳ. году на Алабугу, дв. Ивашка Брякотки, умре, дв. Ивашки Курбатова, сшолъ на Осу во ѕ҃к҃ѳ. году, дв. Баженка Селехова, сшолъ къ Соли Камской во ѕ҃ка. году, дв. Жданка Авдѣева сына Ширшина, сшолъ безвѣстно во ѕ҃к҃ѳ. году, и всего въ Очерскомъ городкѣ на посадѣ 18 дворовъ крестьянскихъ, да 10 дворовъ бобыльскихъ, а людей въ нихъ 38 человѣкъ, да 6 дворовъ пустыхъ; пашни паханые крестьянскіе середніе земли 62 четьи съ осьминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна на рѣкѣ на Очерѣ 225 копенъ.

Да къ тому жъ городку деревень и починковъ и пустошей по обѣ стороны рѣки Камы:

Дер. *Сюзва* на рѣкѣ на Камѣ усть рѣчки Сюзвы, а въ ней крестьянъ: дв. Ивашко Андреевъ с. Ширинкинъ съ с. съ Ѳедькою, дв. Матюшка Нестеровъ сынъ Аликинъ, дв. пустъ Гришки Иванова с. Ширинкина, живетъ за Строгановыми на Югу, дворъ пустъ Микитки Савина, сшолъ во ρ҃кѳ году, дв. Васьки Ширинкина, сшолъ безвѣстно во ρ҃ки году; пашни паханые 7 четьи въ полѣ; а въ дву по тому жъ; сѣна 150 копенъ.

Дер. *Нытва* на рѣкѣ на Камѣ усть рѣчки Нытвы, а въ ней: дв. Анисимко, Васька Семеновы дѣти Инвинцы, дв. Ефимко Яковлевъ да Максимко татаринъ Чебоксарскаго города, дв. Самойликъ Нестеровъ с. Инвинецъ; пашни паханы середніе земли 13 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣчкѣ по Нытвѣ 35 копенъ.

Дер. что былъ починокъ противъ Березовскаго острова, *Табары* то жъ на рѣкѣ на Камѣ, а въ ней: дв. Юшка Тимоѳеевъ с. Шиловъ съ дѣтьми съ Ѳедькою да съ Дмитрейкомъ, дв. Костька Реутовъ, дв. Мокѣйко Ѳедоровъ да съ нимъ же Ларька Ивановъ, дв. Павликъ да Бориско да Гришка Васильевы дѣти Каменскіе, и всего 4 двора, а людей въ нихъ 9 человѣкъ; пашни паханые середніе земли 12 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣкѣ по Камѣ 155 копенъ.

Дер. *Заостровье* на рѣкѣ на Камѣ, а въ ней: дв. Степанко Ивановъ с. Килысовъ съ с. съ Ѳедькою прозвище Спѣшилко, дв. Гордѣйко Ивановъ с. Юрьевъ съ братомъ съ Михалкомъ да Ѳедосѣйко Аѳонасьевъ, дв. Первушка Прокофьевъ с. Юрьевъ, дв. Алешка Микулинъ с. Майкарецъ, дв. Агафонко Нестеровъ сынъ Аликинъ, и всего 5 дворовъ, а людей въ нихъ 8 человѣкъ; пашни паханые середніе земли 14 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по р. по Камѣ 65 копенъ.

Поч. на рѣчкѣ на *Ошапь* по рѣкѣ по Камѣ ниже Очеру, а въ немъ: дв. Аѳонька Ужеговъ съ дѣтьми съ Онофрейкомъ да съ Ѳедькою, дв. пустъ Гришки Чала, дв. пустъ Микитки Пьянькова, бѣжалъ безвѣстно во ρ҃ла году; пашни паханые 2 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна 20 копенъ.

Дер. на рѣкѣ на Камѣ *на усть рѣчки Югу*, а въ ней: дв. Михалко Ѳедоровъ с. Болотовъ, дв. Гришка Ивановъ с. Ширинкинъ, дв. Третьячко Мартемьяновъ сынъ Подошевнинъ, дв. пустъ

Пятуньки Дементьева, сшолъ безвѣстно во ρк҃з году, и всего 3 двора крестьянскихъ, людей въ нихъ то жъ; да дворъ пустъ, пашни паханые середніе земли 14 четьи да перелогомъ 5 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна на рѣкѣ на Камѣ и по рѣчкѣ по Югу 55 копенъ.

Дер. *Новое Сельцо* на рѣчкѣ на Сылгѣ, а въ ней: дв. Власко Ѳедоровъ с. Болотовъ съ дѣтьми съ Ваською съ большимъ, да съ Ваською меньшимъ, дв. Исачко Ивановъ с. Власовъ, дв. Демешка Михайловъ с. Пироговъ, дв. Ивашко Терентьевъ с. Луза съ с. съ Яшкою, дв. Алешка Трофимовъ с. Ушаковъ, дв. Васька Ивановъ с. Зыдвенецъ, дв. бобыль Ивашко Яковлевъ с. Лябъ, дв. пустъ Васьки Шавры, дв. пустъ Ивашка Реута, дв. пустъ Павлика Савина, дв. пустъ Осипка Волка, дв. пустъ Петрушки Шитова, дв. Артюшки Скородумова сошли безвѣстно во ρк҃ѳ году, дв. пустъ Ѳедьки Шпинъ, сшолъ безвѣстно во ρл҃в воду, и всего 6 дворовъ крестьянскихъ, да дворъ бобыльской, а людей въ нихъ 9 человѣкъ; да 7 дворовъ пустыхъ; пашни паханые 31 четь въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна 195 копенъ.

Дер. *Дуброва* на рѣчкѣ на Шенарѣ а въ ней: дв. Ивашко да Васька, да Андрюшка Васильевы, дв. Микитка Яковлевъ, дв. Аѳонька Михайловъ, дв. Иленка Мартемьяновъ, дв. Ивашко Турсуновъ, дв. Тренька Ивановъ с. Пермитинъ, дв. бобыль Ивашко Яковлевъ с. Санниковъ, дв. бобыль Юшко Оксеновъ, дв. бобыль Евсевѣйко Чистюня, да пустыхъ дворовъ: дв. Гришки Епифанова с. Десятцкаго, сшолъ во ρл҃в году, дв. Ивашка Иванова с. Мизона, дв. Савка Ильина сына Поварницына, дв. вдовы Авдотьицы, дв. Васьки Пряды, сошли беззвѣстно во ρк҃ѳ году, и всего 6 дворовъ крестьянскихъ, да 3 двора бобыльскихъ, а людей въ нихъ 10 человѣкъ, да 5 дворовъ пустыхъ; пашни паханые середніе земли 28 четей съ третникомъ, сѣна 200 копенъ.

Да подъ тою жъ деревнею мельница колесная; а оброку съ нее и пошлинъ 3 рубли 5 алтынъ.

Дер. *Пермская, Слудка* то жъ, на рѣкѣ на Очерѣ, а въ ней: дв. Филипко Ивановъ сынъ Пермитинъ съ с. съ Шестачкомъ, дв. Дмитрейко Ивановъ с. Шешко, да 7 дворовъ пустыхъ Гришки Воробьева, Митьки Воробьева, Ларьки Леонтьева сына Медвѣдя, Матюшки Ларіонова, Нехорошка Алексѣева, Трофимка Вохромѣева с. Безукладникова, Климка Воробьвеа, сошли безвѣстно во ρк҃ѳ году, и всего 2 двора крестьянскихъ, а людей въ нихъ 3

человѣка, да 7 дворовъ пустыхъ; пашни паханые середніе земли 4 четьи съ третникомъ, да перелогомъ 18 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна 200 копенъ.

Дер. пустая *Дальняя Дуброва*, что былъ починокъ подъ Чудскимъ Городищемъ; а въ ней: дв. пустъ Власка Яковлева сына Глухова прозвище Борзова, дв. пустъ Сергушки Васильева сына Долгово, дв. пустъ Васьки Чертова, дв. пустъ Первушки Задворного, дв. пустъ Ромашки Сергѣева, дв. пустъ Ивашка Ларіонова с. Козицы, сошли во ркѳ году, а живутъ на Елабугѣ, дв. пустъ Михалка Ларіонова, дв. пустъ Данилка Ларіонова, сошли во ркѳ году, а нынѣ живутъ на Толстомъ за Преображенскимъ монастыремъ; пашни перелогомъ 25 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна 200 копенъ.

Пуст. что былъ починокъ *Ниже Ласвинскаго устья* надъ озеромъ Васьки Рѣзанова, а въ немъ: дв. пустъ Обвинца Петрушки Иванова с. Катаева, сшолъ на Обву во рла году, мѣсто дворовое Васьки Рѣзанова, живетъ на Осѣ за Спаскимъ монастыремъ, сшолъ во ркѳ году; пашни перелогомъ 2 четьи съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна 50 копенъ.

Пуст. *Вятское* на рѣкѣ на Камѣ, а въ ней: дв. пустъ Михалка Ѳедорова, да Юшки Аксенова, сошли на Обву во рлв году; пашни перелогомъ 2 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна 20 копенъ.

Пуст. *Катаево* на рѣкѣ на Камѣ, а въ ней дв. пустъ Ивашка Катаева Обвинца; пашни перелогомъ 2 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна 10 копенъ.

Пуст. *что былъ починокъ на рѣкѣ на Якушѣ*, а въ ней: два двора пустыхъ Богдашка Иванова с. Корелы, да Митьки Богданова, сошли безвѣстно во ркѳ году, пашни перелогомъ 6 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна на пустошахъ по дубровамъ 100 копенъ.

Пуст. *что былъ починокъ на рѣкѣ на Очерѣ на ключѣ*, а въ немъ 2 двора пустыхъ; пашни перелогомъ 3 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна на пустошахъ по дубровамъ 110 копенъ.

Пуст. *что была деревня на Слудкѣ на рѣкѣ на Очерѣ*, а въ ней: дв. пустъ Томилка Микитина с. Яловикова съ дѣтьми съ Маркелкомъ да съ Гришкою, дв. пустъ Михалка Яковлева съ дѣтьми съ Ивашкомъ да съ Демкою, дв. пустъ Савки Алексѣева; пашни перелогомъ 7 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ.

Пуст. *что была деревня на рѣкѣ на Камѣ, на усть Очеру рѣчки;* пашни перелогомъ 10 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна 150 копенъ.

И всего къ Очерскому Острожку: 9 деревень, да починокъ, да 7 пустошей, а въ нихъ 32 двора крестьянскихъ да 4 двора бобыльскихъ, а людей въ нихъ 53 человѣка, да 40 дворовъ пустыхъ, да 5 мѣстъ дворовыхъ; пашни паханые крестьянскіе середніе земли 125 четьи; да пашни жъ перелогомъ 80 четьи съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1715 копенъ.

И обоего въ Очерскомъ Острожкѣ и въ деревняхъ и въ починкѣ дворъ вотчинниковъ, 50 дворовъ крестьянскихъ, да 14 дворовъ бобыльскихъ, а людей въ нихъ 91 человѣкъ, да 46 дворовъ пустыхъ да 5 мѣстъ дворовыхъ. *Пашни* паханые середніе земли 187 четьи съ осминою да перелогомъ 80 четьи съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна 1940 копенъ; *сошного письма* въ живущемъ пол-четьи и пол-пол-четьи сохи и перешло сверхъ сошного письма четь пашни.

Денежныхъ доходовъ дани за ямскія и за примѣтныя деньги и за городовое и за засѣчное и за емчужное дѣло 99 рублей 4 алтына пол-пяты деньги.

Да пошлинъ казначеевыхъ и дьячьихъ 7 алтынъ съ деньгою.

Да съ 14 дворовъ бобыльскихъ оброку рубль 13 алтынъ 2 деньги. Да пошлинъ 2 алтына 2 деньги.

Да съ мельницы, что въ деревнѣ въ Дубровѣ, 3 рубли, пошлинъ 5 алтынъ. Да съ рѣки съ Камы и съ Очеру и съ Ошапу и съ Югу и съ Сюзвы и съ Нытвы и съ Ласьвы и съ Чашки и съ малыхъ рѣчекъ съ рыбныхъ ловель и съ лѣсу и съ звѣриныхъ ловель старово оброку 10 рублевъ да пошлинъ полтина, да вновь прибавлено 3 рубли 5 алтынъ.

А по государевѣ царевѣ и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи жалованной грамотѣ и по выписи съ книгъ Девятого Змѣева, да подъячего Василья Михайлова къ Очерскому городку *уѣзду:* отъ рѣчки Ласьвы по рѣкѣ по Камѣ внизъ по правой сторонѣ до рѣчки до Ошапу 55 верстъ, и въ той межѣ въ рѣку въ Каму по обѣ стороны впали рѣчки Сюзва, да Нытва, да Югъ, да Очеръ, да Ошапъ; и по Камѣ рѣкѣ отъ рѣчки Ласьвы внизъ до Ошапу по обѣ стороны и иные малые рѣчки дикіе, которые впали въ Ласьву и въ Сюзьву и въ Югъ и въ Очеръ и въ Ошапъ по обѣ стороны отъ устей и до вершинъ, береги и

лѣса дикіе и селища чудскіе и заросли и озерка и истоки и островки и наволочки дикіе, которые лежатъ впорозжѣ внустѣ, всѣ къ Очерскому острожку.

И всего въ *Орловѣ* и въ *Очерскомъ* въ живущемъ пол-сохи и пол-пол-трети и пол-пол-пол-четьи сохи.

Денежныхъ доходовъ дани за ямскія и за примѣтныя деньги, и за городовое и за засѣчное и за емчужное дѣло 29 рублевъ 32 алтына съ полуденьгою. Да пошлинъ казначеевыхъ и дьячьихъ 23 алтына 2 деньги.

Да съ лавокъ и съ варницъ и съ кузницъ и съ мельницъ и съ бобыльскихъ дворовъ оброку и пошлинъ 55 рублевъ 4 деньги.

Да съ рыбныхъ ловель старово оброку 20 рублевъ да пошлинъ съ оброку рубль, да вновь прибавлено 10 рублевъ да пошлинъ 16 алтынъ 4 деньги.

И *всего* данныхъ и оброчныхъ денегъ 117 рублевъ 6 алтынъ съ полуденьгою.

А по прежнимъ сотнымъ съ Орлова и съ Очерского всякихъ денежныхъ доходовъ по окладу было 112 рублевъ 30 алтынъ полторы деньги.

И прибыло по новому письму, сверхъ прежнево, 4 рубли 9 алтынъ съ деньгою.

Да къ Микитинской же вотчинѣ Строганова къ Орлову городку и къ Очерскому острожку въ Кайгородкѣ полянка, купленная полянка, что купилъ Микита Строгановъ въ прошломъ во ѕ҃ка году у Кайгородца у Фильки Васильева сына Хромова пашенную землю. А въ межахъ та полянка по купчей съ западную сторону съ Гаврилкомъ Васильевымъ сыномъ Санниковымъ подлѣ дворъ и подлѣ огородъ по огородному тыну прямо къ озеру, а мѣрою по той межѣ 50 саж., а съ сѣверную сторону межа съ тѣмъ же Гаврилкомъ Санниковымъ съ Бородавнинскою землею мѣрою 41 сажень безъ трети, а съ восточную сторону межа съ Гаврилкомъ же съ Бородавнинскою жъ землею мѣрою 38 саж., а съ полуденную сторону межа подлѣ озера по огороду прямо 32 сажени.

Да въ прошломъ во ѕ҃і году по государеву цареву и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи наказу писцы дьякъ Сарычъ Шестаковъ, да подъячій второй Ильинъ дали Микитѣ Строганову въ Кайгородкѣ на посадѣ на пріѣздъ подъ дворъ *мѣсто* подлѣ старово кабацкого двора, въ длину къ озеру прямо

подъ гору и съ болотнымъ мѣстомъ въ длину 25 саж., а поперегъ и съ кабацкаго двора 15 саженъ.

Да въ *Кайгородскомъ* уѣздѣ противъ Волосницкого погоста у судовые пристани на Исадѣхъ порозжего мѣста подъ анбаръ въ длину 15 саженъ, а поперегъ 10 саженъ. А оброку ему съ того двора и съ анбара платить было по выписи дьяка Сарыча Шестакова, да подъячего второво Ильина на Москвѣ въ Новгородской чети, съ двора 20 алтынъ, да пошлинъ алтынъ; а съ анбара платить было оброку и пошлинъ 7 алтынъ. И Микита на тѣхъ мѣстѣхъ двора и анбара не ставливалъ и того оброку въ государеву казну не плачивалъ и нынѣ тѣ мѣста лежатъ впустѣ. А какъ впередъ Андрей, да Петръ, да Иванъ, да Максимъ Строгановы на тѣхъ мѣстѣхъ дворъ и анбаръ поставятъ, а имъ съ того двора и анбара тотъ оброкъ по выписи платить на Москвѣ въ Новгородской чети; а съ Кайгородцы имъ съ посадскими людьми и съ волостными крестьяны ни какихъ податей не платити.

А по государевымъ царевымъ и великаго князя Михайла Ѳедоровича всеа Русіи грамотамъ и по сотнымъ Семеновскіе и Максимовскіе старые ихъ вотчины, что нынѣ за дѣтьми ихъ за Андреемъ, да за Петромъ, да за Иваномъ, да за Максимомъ Строгановыми, что по государевѣ царевѣ и великаго князя Михайла Ѳедоровича всеа Русіи грамотѣ Никитинскіе вотчины Строганова *ниже Перми Великіе было на рѣкѣ на Чусовой, и на Сылвѣ, и на Яйвѣ, и на Камѣ, и на Очерѣ 4* слободы да острожекъ; а къ нимъ 18 деревень да 33 починка, а въ слободкахъ и въ острожкѣ и въ деревняхъ и въ починкѣхъ пашенныхъ и непашенныхъ крестьянъ и пищальничьихъ и бобыльскихъ было 291 дворъ, а людей въ нихъ 343 человѣка; пашни паханые 724 четьи, да перелогомъ 383 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ, лѣсу пашенпаго 279 десятинъ; сѣна 17540 копенъ. Сошново письма было малыхъ 4 сошки безъ трети и пол-пол-пол-трети сошки; положено было въ сошку по шти десятъ дворовъ, денежныхъ доходовъ было дани за ямскіе и за примѣтные деньги и за городовое и за засѣчное и за емчужное дѣло и за казначеевы и за дьячьи пошлины и съ лавокъ и съ варницъ и съ рѣкъ и съ озеръ и съ лѣсовъ и съ рыбныхъ и съ звѣриныхъ ловель и со всякихъ угодей оброковъ и пошлинъ 257 рублевъ 19 алтынъ полторы деньги.

А по новому письму нынѣ за Андреемъ да за Петромъ да за Иваномъ да за Максимомъ Строгановыми три городка, да три острожка, что были напередъ сего по сотнымъ слободы и острожекъ, а къ тѣмъ городкамъ прибыло сверхъ сотныхъ двѣ слободки, да два сельца, да 51 деревня, да 16 починковъ, да займище, да 28 пустошей, а въ городкѣхъ и въ слободкѣхъ и въ деревняхъ и въ починкѣхъ прибыло 4 двора вотчинниковыхъ, да 340 дворовъ посадскихъ людей и поваровъ и подварковъ, и уѣздныхъ крестьянъ, и пищальничьихъ, и бобыльскихъ дворовъ; а людей въ нихъ 797 человѣкъ, да 24 кельи нищихъ, да 96 дв. пустыхъ, да 6 мѣстъ дворовыхъ; пашни паханые прибыло 417 четьи безъ пол-осмины, да перелогомъ 615 четьи безъ полу-третника, лѣсу пашеннаго 222 десятины; сѣна 13544 копны. Сошново письма по новому письму и съ прежніе и съ новоприбылые четвертные пашни и съ тѣмъ, что по государеву наказу и въ городкѣхъ и въ острожкѣхъ посадскіе люди положены въ сошное письмо дворами, большихъ полторы сохи. Денежныхъ доходовъ, съ тѣхъ сохъ, дани и оброковъ и пошлинъ 334 руб. 10 алтынъ полчетверты деньги.

И прибыло по новому письму, сверхъ прежнево окладу, всякихъ денежныхъ доходовъ 76 руб. 24 алтына 4 деньги.

Монастырь на Пыскорѣ.

Да ниже Перми жъ Великія въ Орловскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ на Камѣ, на усть рѣчки Пыскорки, на Строгановыхъ землѣ *монастырь Спасской, а въ немъ: храмъ Преображенія Господа Бога и Спаса* нашего Іисуса Христа древянъ клѣцки, а въ немъ образъ мѣстной Преображеніе Господне обложенъ серебромъ, вѣнецъ и гривна сканные, а въ нихъ 4 камешка да 2 раковины, да 2 вѣнца басменные позолочены, да въ дѣяньѣ 9 вѣнцовъ басменныхъ позолочены, да 17 гривенъ басменныхъ золочены, да 2 гривны витыхъ одна золочена, пелена камка зелена опушена зенденью червчатою. Образъ Воскресеніе Христово на золотѣ, а у него 3 вѣнца да 3 гривны басменныхъ золочены, въ вѣнцахъ и въ гривнахъ по 3 камышка плохихъ, пелена выбойчатая опушена зенденью. Образъ мѣстной Живоначальныя Троицы на золотѣ, а у него 5 вѣнцовъ, да 5 гривенъ басменныхъ золочены, а въ нихъ 25 камышковъ да 5 раковинъ, пелена кумачная полосата опушена гарусомъ желтымъ. Образъ Пречистые Богородицы Одегитріе на

золотѣ, вѣнецъ и гривна басменные золочены, а въ вѣнцахъ и въ гривнахъ 20 камышковъ, да семнадцатеры серги съ каменьи съ плохими. Образъ Благовѣщеніе Пречистые Богородицы на золотѣ, а у него вѣнецъ съ коруною, цата съ репьи сканные, а въ вѣнцѣ и въ корунѣ и въ репьяхъ 20 камышковъ розныхъ цвѣтовъ, закрѣпочки жемчужные, да 6 жемчужковъ да гривна басменная золочены, да у Архангела вѣнецъ и цата съ репьи жъ сканные, а въ вѣнцѣ и въ цатѣ и въ репьяхъ 21 камышекъ, да у Саваоѳа вѣнецъ сканной золоченъ. Образъ мѣстной Іванна Богослова, обложенъ серебромъ басменнымъ, вѣнецъ и гривна сканные, пелена кушакъ полосатой опушена гарусомъ жолтымъ. Двери царскіе на краскѣ, сѣнь и столпцы и Дейсусъ на золотѣ. Образъ Пречистые Богородицы запрестольной на золотѣ, вѣнецъ сканной, а въ вѣнцѣ 11 камешковъ. Крестъ запрестольной обложенъ серебромъ. Евангелье печатное въ десть, евангелисты серебрены позолочены, оболочено бархатомъ рытымъ зеленымъ; сосуды оловянные; ризы камка таусинная, оплечье отласъ на золотѣ опушена тафтою двоеличною; ризы отласъ двоеличной, оплечье отласъ на золотѣ по червчатой землѣ. Да *книгъ:* апостолъ письменной въ полдесть, книга Ефремъ, а другая Исакъ Сирины, да Степана Великопермскаго, всѣ въ полдесть, служебникъ, да псалтирь письменные въ полдесть, постригальникъ на харатьѣ, соборникъ въ полдесть, часовникъ печатной. Паникадило мѣдное, да 2 кадила мѣдные. Да передъ мѣстными образы 6 свѣчъ поставныхъ съ краски. Да на колокольнипѣ *часы*, да 4 *колокола*. Да въ монастырѣ жъ 18 *келей*, а въ нихъ келарь старецъ Андреянъ, да казначей Ѳедосей съ братьею, всего 50 человѣкъ. Да на монастырѣ жъ дворъ гостинной. Да за монастыремъ дворъ конюшенной, да дворъ скотей; да въ монастырѣ 6 анбаровъ хлѣбныхъ, да анбаръ казенной, да подъ горою у анбаровъ и у мельницы келья, да 2 анбара. Да въ монастырѣ жъ *другой храмъ теплой съ трапезою, Благовѣщеніе Пречистые Богородицы*, древянъ клѣтцки вверхъ шатромъ, а въ немъ Дейсусъ стоящей съ праздники на золотѣ на одинадцати цкахъ; двери царскіе и сѣнь и столбцы на краскѣ; образъ Пречистые Богородицы на золотѣ; образъ Николы Чудотворца на золотѣ, а у него гривна сканная; образъ Пречистые Богородицы запрестольные на золотѣ; да въ трапезѣ Дейсусъ на краскѣ. Да *подъ колоколами храмъ* Іванна Богослова, а въ немъ образъ мѣстной Іванъ Богословъ на краскѣ; образъ

Пречистые Богородицы Одегитріе на золотѣ; двери царскіе и сѣнь на краскѣ; дейсусъ на празелени; образъ Пречистые Богородицы запрестольной на золотѣ; крестъ воздвизальной на золотѣ: сосуды церковные древянные.

Да на посадѣ жъ подъ горою въ *дѣвичьѣ монастырѣ* церковь *Изосима и Саватеи* Соловецкихъ Чудотворцевъ, древяна клѣтцки, а въ ней образъ мѣстной Изосима и Саватеи, обложенъ серебромъ, вѣнцы и гривны сканные съ камышки. Образъ Григорія Богослова обложенъ серебромъ, вѣнецъ и гривна сканные съ камышки. Образъ Григорія жъ Богослова на золотѣ. Двери царскіе и сѣнь и столпцы и дейсусъ на краскахъ. Образъ Пречистые Богородицы запрестольной на золотѣ, а у него вѣнецъ сканной съ камышки, гривна басменная. Крестъ запрестольной на краскѣ. Да передъ мѣстными образы двѣ свѣчи поставныхъ съ краски. Евангелье на престолѣ письменное въ полдесть, евангелисты серебреные. Кадило мѣдное; ризы полотняные, оплечье мухоярное; стихарь полотняной оплечье крашенинное. Да книгъ: евангелье толковое, да апостолъ, да два служебника, всѣ печатные, апостолъ письменной въ полдесть, два охтая на 8 гласовъ письменные въ полдесть; псалтырь письменная, часовникъ печатной, ермолой, паникадило мѣдное; да на колокольницѣ 4 колокола.

Да въ монастырѣ жъ 9 келей, а въ нихъ живутъ черные старицы.

Да за монастыремъ церковныхъ дворовъ: дв. попа Василья, дв. проскурницы Анны, дв. пономаря Якушка, дв. трапезника Васьки Золоткова. А монастыри и въ монастырѣхъ всякое церковное строенье Строгановыхъ.

Да около монастыря *у Камы на берегу монастырская слободка*, а въ ней: дворъ монастырской, а въ немъ живутъ монастырскіе служебники, въ слободкѣ жъ дв. служка монастырской Ивашко Аѳонасьевъ с. Лыскинъ, дв. дьячекъ Ивашко Васильевъ, да крестьянскихъ дворовъ: дв. Микитинской человѣкъ Строганова Еремка Дорофѣевъ, дв. Оѳонька Ѳедоровъ с. Щеколда, дв. Филька Лаврентьевъ с. Нѣмчинъ, дв. Сенька Лукьяновъ с. Черного, дв. Аѳонька Петровъ сынъ Мельникъ, дв. Кирюшка Гавриловъ сынъ Мамрикъ, дв. Алешка Захарьевъ с. Фефиловъ, дв. Сенька Михайловъ с. Шуравинъ, дв. Рудачко Исачковъ с. Таскаевъ, дв. Андрюшка Ѳедоровъ с. Тихово, дв. Якушко Михайловъ с. Лебезгинъ, дв. Кирюшка Селивановъ сынъ Каргополецъ, дв. Ивашко

Ѳедоровъ с. Мѣхоношинъ, дв. Васька Давыдовъ с. Кокшаръ, дв. Ермачко Ѳедоровъ с. Казанецъ, дв. Титко Дмитреевъ с. Чулковъ, дв. Юшка Спиридоновъ с. Мѣхоношинъ, дв. Матюшка Марковъ с. Чебановъ, дв. Васька Ѳедоровъ с. Сурикъ, дв. Тимошка Евдокимовъ с. Девятковъ, дв. бобылька вдова Ульянка Ивановская жена Обоносова, дв. пустъ Гришки Софронова с. Судоплата, да мѣста дворовые: мѣсто Понкратка Григорьева с. Овчинникова, мѣсто вдовы Ѳедорки Микифоровскіе жены Поварова, мѣсто Куземки Семенова с. Лодыжникова, и всего дворъ монастырской, да дворъ служекъ, да дворъ дьячковъ, да 20 дворовъ безпашенныхъ крестьянскихъ, да дворъ бобыльской, а людей въ нихъ то жъ, да дворъ пустой, да 3 мѣста дворовыхъ.

Пашни паханые монастырскіе худые земли 51 четьи съ осминою, да перелогомъ 8 четьи съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ. Лѣсу пашенного 20 десятинъ. Сѣна на рѣкѣ на Камѣ и на рѣчкѣ на Зырянкѣ вверхъ по обѣ стороны до гранные ели и у Чашкина озера по истоку 1550 копенъ.

Да къ слободкѣ жъ монастырскихъ починковъ: починокъ *Лысьва* на р. на Камѣ и на рѣчкѣ на Лысьвѣ, а въ немъ дворъ монастырской, а во дворѣ живутъ дѣтеныши; пашни паханые монастырскіе середніе земли 10 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; лѣсу пашеннаго 10 десятинъ; сѣна на рѣкѣ на Камѣ и на рѣчкѣ на Лысьвѣ 100 копенъ.

Да въ слободкѣ жъ на рѣчкѣ на Пыскорѣ *варница* пуста, да на рѣчкѣ на Лысьвѣ *мельница* монастырская колесная.

Дер. что былъ починокъ *Новинка* на рѣкѣ на Камѣ, дворы стоятъ врозни, а въ ней крестьянъ: дв. Сергушка Спиридоновъ, дв. Сенька Онферьевъ сынъ прозвище Казаринко съ дѣтьми съ Ваською да съ Ивашкомъ да съ Максимкомъ, дв. пустъ Гришки Кипріянова, дв. Обрамко, да Исачко, да Вахромѣйко, да Ѳадѣйко Микитины, дв. Алешка, да Захарко Андреевы дѣти Лепихина; пашни паханые середніе земли 12 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; лѣсу пашенного 6 десятинъ; сѣна на рѣкѣ на Камѣ 180 копенъ.

Поч. *Верхокамцовъ* на рѣкѣ на Камѣ, а въ немъ дв. Малютка Игнатьевъ сынъ Верхокамецъ, дв. Ивашко Игнатьевъ с. Верхокамецъ; пашни паханые худые земли 6 четьи съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна около Чашкина озера на верхнемъ прорывѣ 100 копенъ. |

Поч. *Микулинъ* на рѣкѣ на Камѣ, а въ немъ дв. Маркушка Игнатьевъ сынъ Верхокамцовъ съ сыномъ съ Елизаркомъ; пашни паханые худые земли 3 осьмины въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна около Чашкина озера 20 копенъ.

Поч. *Куземкинъ на ручью,* а въ немъ дв. Трофимко Алексѣевъ сынъ Сѣринъ съ с. съ Логинкомъ; пашни паханые худые земли 3 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна около Чашкина озера на верхнемъ прорывѣ 20 копенъ.

Поч. *Сѣринъ на родникѣ,* а немъ дв. Сенька Олеерьевъ с. Сѣринъ, дв. Понкратко Григорьевъ с. Овчинникъ; пашни паханые худые земли 4 четьи; сѣна около Чашкина озера 35 копенъ.

Поч. *Вятицкой Мысъ на ручью,* а въ немъ дв. Васька Ѳедотовъ с. Вологженинъ съ с. съ Первушкою; пашни паханые худые земли 3 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна около Чашкина озера 30 копенъ.

Поч. *Большая Новина на ручью,* а въ немъ дв. Васька Яковлевъ с. Якутовъ съ с. съ Ѳеонькою; пашни паханые худые земли 2 четьи съ осьминою въ полѣ, а дву по тому жъ; сѣна у Чашкина озера 25 копенъ.

Поч. *Чудинова Новина на ручью,* а въ немъ дв. Ѳедька Карповъ с. Верхокамецъ съ с. съ Ивашкомъ; пашни паханые 4 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна у Чашкина озера 25 копенъ.

Поч. *Юшки Ламонова* на ручью, а въ немъ дв. Юшка Алексѣевъ с. Ламоновъ; пашни паханые 3 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна около Чашкина озера 20 копенъ; да въ томъ же починкѣ монастырскіе слободки крестьянина Ивашка Ѳедѣева с. Юрьева пашни паханые худые земли 3 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ.

Поч. *Благовѣщенской* на рѣкѣ на Камѣ, а въ немъ дворъ Елизарко Васильевъ с. Ватолинъ съ с. съ Сенькою; пашни паханые худые земли 3 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна около Чашкина озера 30 копенъ.

Пустошь, что былъ починокъ *Верхней* на рѣкѣ на Камѣ, а въ немъ дв. Фильки Тихонова сына Себанова; пашни перелогомъ 2 четьи въ полѣ, а въ дву по тому жъ.

Того жъ монастыря на рѣкѣ на Камѣ островъ *Побоищной* на усть рѣчки Зырянки, а на немъ дворъ монастырской, а въ немъ живутъ старцы и дѣтеныши, да на томъ же острову мона-

стырская *варница* соляная, да мѣсто варничное, а далъ тотъ островъ и съ соляною варницею въ Преображенской монастырь Микита Строгановъ изъ своей вотчины изъ угодей Орлова городка по своихъ родителяхъ въ прошломъ во ρѿі году въ прокъ. Да у Соли на посадѣ дворъ монастырской, а въ немъ живутъ старцы и дѣтеныши; пашни паханые монастырскіе въ Усольскихъ поляхъ худые земли 8 четьи съ осьминою, -да перелогомъ 6 чети съ осьминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна на рѣкѣ на Камѣ и на рѣчкѣ на Усолкѣ и на рѣчкѣ на Лысвѣ 200 копенъ. Да въ Усольскомъ же уѣздѣ на рѣчкѣ на Родникѣ бывала мельница нѣмецкое колесо, а нынѣ тое мельницы и плотины нѣтъ.

И всего монастырскіе вотчины слободка, да деревня, да 10 починковъ, да пустошь, а въ нихъ 3 двора монастырскихъ, да дворъ служекъ, да дворъ дьячковъ, да 35 дворовъ пашенныхъ и непашенныхъ крестьянъ, да дворъ бобыльской, а людей въ нихъ 47 человѣкъ, да 3 двора пустыхъ, да 3 мѣста дворовыхъ. Пашни паханы монастырскіе худые земли шестьдесятъ одна четьи съ осьминою, да крестьянскіе пашни 45 четьи съ осьминою, да перелогомъ 10 четьи съ осьминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, лѣсу пашеннаго 36 десятинъ, сѣна монастырскаго и крестьянскаго 2135 копенъ. Сошного письма опричь перелогу пол-пол-чети и пол-пол-пол-трети сохи и три чети пашни.

Да у Соли у посаду на рѣчкѣ на Усолкѣ половина мельницы, а на ихъ половинѣ колесо нѣмецкое, а другая половина тое мельницы съ колесомъ писана соборные церкви къ Живоначальной Троицѣ и къ Николѣ Чудотворцу, что на посадѣ у Соли Камскіе, въ Усольскихъ книгахъ.

Да у Соли жъ на посадѣ Пыскорскаго монастыря лавка, что дала вкладу вдова Усолки посадскаго человѣка Шумиловская жена Медвѣдева за сына своего.

Да въ Кайгородскомъ уѣздѣ въ погостѣ Волосницкомъ дв. монастырской купленой, да 2 анбара, одинъ хлѣбной, другой соляной.

Да того жъ монастыря по сотной рыбная ловля въ озеркѣ въ Чашкинѣ и въ истокѣ да въ рѣкѣ въ Камѣ подъ монастыремъ.

А землю подъ монастырь и подъ слободку и починки и усольской дв. и пашню и варницу и мельницы и озеро Чашкино дали въ монастырь Яковъ да Григорій да Семенъ Аникіевы дѣти Строгановы.

А *межа* того Спаского Пыскорского монастыря вотчинѣ города Камскаго Усолья со крестьяны по сотной съ книгъ Ивана

Яхонтова да подъячего Третьяка Карпова ҃з году, отъ рѣки отъ Камы рѣчкою Лысвою вверхъ до Лысвинскихъ росохъ на правѣ пожни и лѣсъ Камскаго Усолья крестьянъ, а по лѣвую сторону рѣчки Лысвы до росохъ пожни и лѣсъ монастырской, а отъ рѣчки Лысвы внизъ по рѣкѣ по Камѣ по правую сторону до рѣчки до Нижніе Пыскорки берегъ и пожни и лѣсъ монастырской же; а по лѣву сторону Камы рѣки межа Спаскаго монастыря съ Усольскими крестьяны отъ верхнева конца Чашкина озера отъ Чудского селища прорывомъ къ Камѣ рѣкѣ по конецъ Березоваго острова нижняго конца до Зогзина островка; на правой сторонѣ пожни и лѣсъ Камскаго Усолья крестьянъ, а по лѣвой сторонѣ внизъ по Камѣ до усть рѣчки Зырянки, озеро Чашкино и пожни и лѣсъ и всякія угодья монастырскіе; а отъ усть рѣчки Зырянки вверхъ по обѣ стороны рѣчки Зырянки до трехъ гранныхъ елей пожни монастырскіе.

Да Пыскорского жъ монастыря пожни, что давали въ монастырь въ прошлыхъ годѣхъ всякіе люди по обѣщанью вкладу, и которые пожни давали въ монастырь Строгановы по своимъ купчимъ въ проки и которые пожни покупаны на монастырскіе деньги въ Усольскомъ же уѣздѣ до прежнихъ писцовъ Ивана Яхонтова.

Пожня на усть рѣчки Усолки, а межа отъ Усолки рѣчки отъ Лиханкины пожни съ нижную сторону отъ Позмога да съ нижную жъ сторону отъ Панкратовскіе пожни, а купилъ ту пожню у Куземки Павлова сына Нарухина и въ монастырь отдалъ Спиридонко Степановъ с. Гулынской въ ҃з году, да пожня въ прорывцѣ, въ межахъ та пожня съ верхнево конца по обѣ стороны истока Окуловскіе полосы межа тѣмъ пожнямъ и съ круглово озера истокъ, а за истокомъ съ нижнюю сторону прорывца межа Ильины полосы, а купилъ тѣ полосы и съ причистью Аникіевъ приказчикъ Строганова Дмитрейко Клементьевъ у Иванка Юрьева с. Зубка у Городищнево въ ҃г году; да въ Усольскомъ же уѣздѣ пожни на рѣкѣ на Камѣ и на рѣчкѣ на Усолкѣ, въ межахъ тѣ пожни съ Михалкомъ съ Чепурою, а съ другую сторону въ межахъ съ церновной пожнею, а куплены тѣ пожни у Михалка Юрьева сына Частикова во ҃д году, да 3 пожни въ Писносѣ одна за рѣкою за Камою противъ Пызднякора, а другая подъ Пызднякорскою курьею, а третья пожня въ прорывцѣ, а въ межахъ тѣ пожни съ Яковомъ Аникіевымъ сыномъ Строгановымъ,

а купилъ тѣ пожни Яковъ Аникіевъ сынъ Строгановъ у Перфилка Фефилатьева сына Ведерникова съ Городища во ѯѕ году. Да пожня отъ усть истока да по рѣчкѣ по Лысвѣ вверхъ наволочки и займища, да по озеру по большому вверхъ, да по лывкамъ вверхъ протыка противъ Денисовыхъ пожни Новикова, рыбная ловля и приволока къ берегу чинить и ѣзы къ пожнѣ Дениска Андреева сына Новикова запирати, а купилъ ту пожню и рыбную ловлю Яковъ Аникіевъ сынъ Строгановъ у Дениска Андреева сына Новикова въ ѯѕ году и отдалъ въ монастырь. Да пожня на усть рѣчки Усолки противъ острова большово Лысвинского, а межа той пожни по старымъ межамъ и по купчимъ и по духовной, а далъ ту пожню въ монастырь Спасова Преображенія и Пречистой Его Богоматери отходя съ сего свѣта Спиридонъ Степановъ сынъ Гулынской на поминокъ души своей въ ѻа году. Пожни на усть рѣчки Зырянки по обѣ стороны рѣчки Зырянки по верхней сторонѣ Камы рѣки, а въ межахъ та пожня съ Филипомъ Дмитреевымъ сыномъ Зырянцомъ, а съ другую сторону Камы рѣки съ нижніе стороны отъ заостровки вверхъ по Зырянкѣ по конецъ круглая пожня противъ Филиповыхъ пожни Дмитреева, а далъ ту пожню въ монастырь къ Спасову Преображенію Левонтей да Семенъ Савельевы дѣти Зырянцы въ ѻє году по той межѣ чѣмъ они сами владѣли; да пожня по рѣчкѣ по Черной вверхъ на лѣвой сторонѣ отъ устья Чистово, ставится на той пожнѣ 80 копенъ и съ причистью, а въ межахъ та пожня черезъ лывину Тимошки Подоицына, да за Черною чертежъ на мысу, противъ тое жъ пожни ельникъ, а межниковъ и займищъ около тово чертежу нѣтъ, да чертежъ противъ Березова острова надъ Камою, а подчерчиванъ вязникъ и осинникъ и всякой лѣсъ, а черченъ тотъ чертежъ съ Степанкомъ Пихтовые бабы мужемъ, да съ Евсѣйкомъ Оверинымъ; да въ укладу жъ дана въ монастырь веретейка съ тѣмъ же чертежемъ по ряду, а знамя щепокъ маленекъ; а дали ту пожню въ монастырь ко Всемилостивому Спасу въ Преображенскій монастырь на Пыскоръ Андрюшка Алексѣевъ сынъ Рудометъ да сынъ ево Алешка Соли Камскіе жильцы во ѻи году, да чертежъ сосновой у прочисти по выше Чащинской прорвы противъ Тумашева березника у долгово озерка, а знамя тому чертежу два тина врозь, боръ тіато (?), а купилъ ту пожню въ монастырь игуменъ Варламъ у Иванка Петрова сына Уткина во ѻи году. Да четверть пожни въ Кочеватой, а вообще та четверть

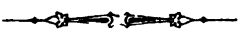
пожни съ Борисовыми дѣтьми Турицына да съ Пинѣгою да съ Дмитреемъ, а въ межахъ съ Семепомъ Яковлевымъ сыномъ съ Талашмановымъ; а далъ ту пожню въ монастырь къ Преображенью Спасову на Пыскоръ Проня Михайловъ с. Сартаковъ въ ѿо. году; да пожня противъ Лысвы за рѣкою подъ Сосновою веретеею отъ рѣки, а съ другую сторону подлѣ Леонтья Клочихи, а снизу подлѣ озерка и съ чертежи, а по ниже чертежу знамя три рубежи на кореню, а въ другомъ мѣстѣ по выше Лысвы за рѣкою же въ межахъ съ Леонтьемъ же Клочихою отъ рѣки, а съ другую сторону логъ пошелъ отъ озера, а въ третьемъ мѣстѣ отъ того за веретеею за еловою, а въ межахъ съ монастырскими съ Пыскорскими пожнями, а далъ тѣ пожни и чертежъ въ монастырь къ Преображенью Спасову на Пыскоръ Соли Камской жилецъ Калина Михайловъ сынъ Черепанъ въ ї году; да пожня на усть прорыва—сѣна 200 копенъ, а въ межахъ та пожня съ нижнюю сторону съ Иваномъ Уткинымъ по истокъ, а съ верхнюю сторону въ межахъ съ Леонтьевыми дѣтьми Зырянова, а на межѣ черемуховой пень, да отъ лѣсу по озеру по еловую веретею, да за озеромъ присадка по еловую же веретею; а далъ ту пожню въ монастырь Преображенія Спасова въ укладу на Пыскоръ Василей Онфимовъ сынъ отъ Соли Камской въ прошломъ въ ѿѕ году; да чертежъ въ прорывѣ, а знамя на чертежу по два тесу по выше чертежу, да другой чертежъ по два тину, а въ межахъ тѣ чертежи съ Никиткою съ Кырымдою по истоку до усть истоку, да въ гору прямо до пустово лѣсу да усть истоку по озеру вверхъ до черново лѣсу, да на другой сторонѣ озера пожни монастырскіе, а иныхъ межщиковъ нѣтъ; а продалъ тѣ чертежи въ монастырь на Пыскоръ старцу Селуяну съ братьею Гришка Михайловъ сынъ Подобытковъ въ ѿѕ году; да сѣнные жъ покосы пожни, которые даваны въ монастырь вкладу и которые пожни купили Пыскорского монастыря архимандриты и старцы послѣ писца: противъ Усолки рѣки за рѣкою за Камою; а въ межахъ та пожня съ верхнево конца съ Ушакомъ съ Колѣнковымъ по березѣ, да съ березы къ Камѣ рѣкѣ, а та береза виловата, да съ захребетья межа по истоку внизъ и съ нижнево конца та пожня въ межахъ Соли Камской съ Сергѣемъ съ Суровцовымъ, съ истока по ластѣ къ Сергѣевѣ жъ пожнѣ Суровцова къ Камѣ рѣкѣ, а далъ тое пожню въ монастырь къ Преображенью Спасову въ Пыскорской монастырь Борисъ Аѳонасьевъ с. Кобылинъ

въ ҃ р годy; да пожня въ прорывѣ, а въ межахъ та пожня по прорыву съ Семеновскою пожнею Талашманова посереди круглово озерка съ нижнюю сторону, съ верхнюю сторону въ межахъ по прорыву съ Томашевскою пожнею; а съ Клочихиными дѣтьми межа по березѣ, а съ Сычевыми дѣтьми въ межахъ по вражку да отъ вражку къ озеру прямо и кругомъ по старымъ межамъ; а продалъ ту пожню въ Пыскорской монастырь игумену Сергѣю, да келарю Савѣ, да казначею Іеву, да запищику Титу съ братьею Семенъ Захарьевъ сынъ Кулаковъ пасынокъ въ ҃ р годy; да пожня нижней конецъ въ прорывѣ противъ Чашкина истока, а въ межахъ тотъ нижній конецъ съ Пыскорскими старцы по черемховой кустъ по конецъ озера, а по за озерью причисть съ тово жъ куста прямо, а съ верхнею сторону межа съ Пыскорскими жъ старцы съ Осокору прямо къ прорыву на черемховую росчисть, да съ тое жъ Осокоры межа на другую сторону прямо жъ къ Камѣ, а съ нижнево конца съ черемхово жъ куста межа къ Камѣ прямо; а далъ ту пожню въ укладу въ монастырь ко Всемилостивому Спасу на Пыскоръ Спаской вкладчикъ Семенъ Андроновъ сынъ въ ҃ р годy; да сѣнные жъ покосы островъ на устѣ рѣчки Лысьвы, а въ межахъ тотъ островъ съ верхнево конца отъ Камы съ Торшининскою пожнею по истоку, да впрямъ отъ Камы до еловые веретеи, да черезъ веретею до ржавца до березовые веретеи, да подлѣ береговую веретею внизъ по ржавцу съ Оксеновскою пожнею, да до Большово истоку, да по истоку внизъ до озера и до устѣ Лысвы рѣки до Камы весь островъ; а продалъ тотъ сѣнной покосъ островъ въ Пыскорской монастырь архимандриту Арсенью, да келарю Спиридону, да казначею Варламу съ братьею Соли Камской жилецъ Артюшка Софоновъ сынъ Бабиновъ во ҃ р з҃і годy по своей купчей, что онъ купилъ у Ивашка Тюлѣева да у Васьки Новикова; да пожня на рѣчкѣ на Зырянкѣ ниже Толыча съ верхнево конца Зырянки, въ межахъ та пожня была съ Иваномъ съ Нарычинымъ, а нынѣ съ Москвитиномъ съ Богданомъ Левашовымъ по ивовому кусту и съ ивово куста на березовый пень, съ березового пни на стоячую ель въ гору, а по нижнюю сторону рѣчки Зырянки межа съ Преображенскими Пыскорского монастыря старцы по гнилому пни да въ гору на виловатую березу и съ причистьми та пожня по старымъ межамъ; а продалъ ту пожню на Пыскоръ въ монастырь архимандриту Ѳилофѣю, да келарю Адреяну, да казначею Ѳедосію съ братьею

Египко Ивановъ сынъ Кормильцовъ Зырянской жилецъ, пашенной крестьянинъ, Соликамскаго уѣзду во ѕ҃лд годуп о своей купчей, что онъ ту пожню купилъ у Акима Дмитріева с. Бабинова.

И по указу великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всеа великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержцевъ и по жалованнымъ грамотамъ тѣми вотчинами городками, и острожки, и селы, и деревнями, и починки, и пустошми, и чертветною пашнею, и всякими угодьи владѣетъ именитой человѣкъ Григорей Дмитріевичъ Строгановъ; и дана ся выпись на тѣ вотчины ему, имянитому человѣку Григорью Дмитреевичу Строганову, впредь для владѣнія по ево челобитью и по мѣтѣ на челобитной дьяка Василья Посникова въ нынѣшнемъ въ с҃г году маія въ и день *).

Справилъ *Ивашко Столбицкой.*



*) Писцовой книги Кайсарова по вотчинамъ Строгановыхъ не имѣется даже въ сокращенныхъ спискахъ въ Императ. Публич. Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ, въ Московскихъ Архивахъ Министерства Юстиціи и Иностранныхъ Дѣлъ и въ Румянцевскомъ Музеѣ. *Издатель.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ автора-издателя . . . . . I—IV.

Введеніе—разборъ нѣкоторыхъ новыхъ статей, касающихся Перми Великой. Археологическіе труды Ѳ. А. Теплоухова. . . . . V—XIV.

ОТДѢЛЪ I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

СТРОГАНОВЫ и ЕРМАКЪ.

Глава I. *Спорные вопросы въ первоначальной исторіи рода Строгановыхъ* . . . . . 1—72.

1. О происхожденіи рода Строгановыхъ (2—11). 2. Что означало званіе «именитыхъ людей»? (11—21). 3. Объ участіи Строгановыхъ въ дѣлѣ выкупа изъ плѣна Василія II Темнаго (21—29). 4. Историческая роль Строгановыхъ въ дѣлѣ покоренія Сибири въ связи съ вопросомъ о поземельныхъ правахъ ихъ (29—63). Первоисточники по данному вопросу и основанная на нихъ группировка ученыхъ воззрѣній (29—35). *А.* Группа сторонниковъ взглядовъ Ремезова (35—40). *Б.* Группа сторонниковъ взглядовъ Саввы Есипова (41—46). *В.* Группа защитниковъ взглядовъ Строгановской лѣтописи (46—63). 5. Замѣтки Ѳ. А. Волегова по разнымъ другимъ вопросамъ въ исторіи рода Строгановыхъ (63—72).

Глава II. *Экономическое состояніе Великопермскихъ вотчинъ Строгановыхъ на рубежѣ XVI и XVII в.в.* . . . . . 73—101.

1. Вотчины Строгановыхъ въ 1579 году (74—75). *А.* Слобода Орелъ-городокъ и ея округъ (75—77). *Б.* Слобода Чусовая и ея округъ (77—79). *В.* Слободка Сылва и ея округъ (80—81). *Г.* Слободка Яйва и ея округъ (81—83). 2. Общіе экономическіе итоги за 1579 годъ по вотчинамъ Строгановыхъ (83—88). Вопросъ о достовѣрности показаній

писцовыхъ книгъ Яхонтова (ibidem). 3. Вотчины Строгановыхъ въ 1584, 1597 и 1614—1615 г.г. Новый Очерскій округъ (88—95). 4. Вотчины Строгановыхъ въ 1623—1624 годахъ и историко-статистическая таблица по нимъ (95—99) 5. Общіе экономическіе итоги Кайсарова по всей Перми Великой (99—101).

ОТДѢЛЪ II.

МАТЕРІАЛЫ.

Предисловіе къ матеріаламъ . . . . . 103—105.
I. *Первая жалованная Строгановымъ царская грамота на земли въ Перми Великой отъ 4 апрѣля 1558 г.* . . . . . 106—109.
II. *Писцовая книга Кайсарова 162³/₄ г.г. по Великопермскимъ вотчинамъ Строгановыхъ* 110—194.
Чусовской Нижній городокъ . . . . . 110—127.
Сылвенскій острожекъ . . . . . 127—136.
Чусовской Верхній городокъ . . . . . 137—156.
Яйвенскій острожекъ . . . . . 156—161.
Успенскій монастырь на Чусовой. . . . . 161—163.
Орелъ-городокъ . . . . . 163—176.
Очерскій острожекъ . . . . . 176—184.
Монастырь на Пыскорѣ. . . . . 184—194.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1. „ПЕРМСКАЯ СТАРИНА",

выпускъ I, „**Древности бывшей Перми Великой**" (до XVII вѣка). Пермь. 1889 г. Цѣна 1 рубль.

выпускъ II, „**Пермь Великая въ XVII вѣкѣ**". Пермь. 1890 г. Цѣна 1 рубль.

выпускъ III, „**Экономическіе очерки Перми Великой**" Пермь. 1891 г. Цѣна 1 рубль.

2. „**Очерки изъ исторіи губернскаго города Перми**". Пермь. 1889 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

ЦѢНА IV ВЫПУСКА 1 РУБЛЬ.

Изданія продаются въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени" въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ, у Петровскаго—въ Перми и у Дубровина—въ Казани (Гостинный дворъ № 1-й).

ПЕРМСКАЯ СТАРИНА.

СБОРНИКЪ
ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ и МАТЕРІАЛОВЪ
относительно
ПЕРМСКОМЪ КРАѢ.

АЛЕКСАНДРА ДМИТРІЕВА.

Выпускъ V.

ПОКОРЕНІЕ УГОРСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ и СИБИРИ.

ИЗДАНІЕ АВТОРА.

ПЕРМЬ.
Типографія Н. Ивановъ П. Ф. Вашмонтова.
1889 г.

Б 21370

417

ПЕРМСКАЯ СТАРИНА.

СБОРНИКЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ и МАТЕРІАЛОВЪ

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО

О ПЕРМСКОМЪ КРАѢ.

АЛЕКСАНДРА ДМИТРІЕВА,

инспектора народныхъ училищъ Пермскаго уѣзда, редактора „Трудовъ Пермской Ученой Архивной Коммиссіи".

Выпускъ V:

ПОКОРЕНІЕ УГОРСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ и СИБИРИ.

ИЗДАНІЕ АВТОРА.

ПЕРМЬ.

Типографія Н-ковъ П. Ф. Каменскаго.

1894.

Дозволено цензурою. Г. Казань. 2-го января 1894 года.

Дорогой памяти

Дмитрія Дмитріевича

Смышляева

признательно посвящаю сей трудъ.

А. Дмитріевъ.

Б 21370

Отъ автора-издателя.

Съ пятаго выпуска начинается II-й томъ нашего мѣстнаго изданія «Пермской Старины», который мы посвящаемъ исторіи Угорскаго Урала и прилежащей Сибири. Начавъ съ Перми Великой, мы должны перейти къ этому району въ силу исторической связи ихъ. Мы назвали «Пермскую Старину» сборникомъ историческихъ статей и матеріаловъ *преимущественно* о Пермскомъ краѣ, понимая послѣдній не въ его нынѣшнихъ границахъ, а въ его широкомъ значеніи въ прежнія, до-петровскія времена, которыми пока и занимаемся. Потому-то въ первыхъ двухъ выпускахъ изданія намъ пришлось удѣлить много страницъ Перми Вычегодской, а настоящій выпускъ приходится почти всецѣло посвятить древней исторіи всего Сѣвернаго Урала и прилежащей къ нему Западной Сибири до полнаго покоренія ихъ Русскими. Для правильнаго историческаго освѣщенія прошлыхъ судебъ обширнаго Пермскаго края мы считаемъ такое расширеніе области изслѣдованія совершенно необходимымъ, почему и далѣе не будемъ замыкаться въ рамки исключительно мѣстнаго изслѣдованія Пермской губерніи въ ея нынѣшнихъ границахъ. Эти послѣднія составляютъ продуктъ сложныхъ историческихъ отношеній, и къ нимъ мы подойдемъ естественнымъ путемъ, если намъ будетъ суждено такъ далеко повести свою работу. Съ Сибирью нашъ Пермскій край долго связанъ былъ по управленію, а также по составу и характеру населенія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долго служилъ посредникомъ въ сношеніяхъ Московской Руси съ странами

Угорскими и Татарскими, лежавшими за Ураломъ, до прочнаго водворенія тамъ русской власти. Поэтому изслѣдовать его прошлое безъ связи съ этими странами было бы непростительнымъ упущеніемъ во всей работѣ. По нашему глубокому убѣжденію, основанному на личномъ опытѣ, нельзя знать исторію своего края, не зная таковой сопредѣльныхъ съ нею странъ. А связи Пермскаго края съ Сибирью были особенно важны въ этнографическомъ и историко-экономическомъ отношеніяхъ. Вопросъ о самомъ покореніи Сибири потому и не рѣшенъ доселѣ вполнѣ, что общіе историки не знали многихъ мѣстныхъ условій прошлой жизни съ ихъ особенностями и нѣкоторыхъ мѣстныхъ источниковъ, а Сибирскіе историки не считали нужнымъ поближе познакомиться съ исторіей сопредѣльнаго Пермскаго края, откуда и началось все движеніе противъ Кучума, имѣвшее роковыя послѣдствія для его мусульманскаго царства. На этомъ капитальномъ вопросѣ особенно осязательно сказывается необходимость для изслѣдователя одного района близко знать исторію сопредѣльныхъ странъ. Чрезъ это работа мѣстнаго изслѣдователя становится, конечно, гораздо сложнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и продуктивнѣе въ научномъ отношеніи.

Въ виду указаннаго пріема изслѣдованія Пермскаго края, принятаго нами въ этомъ изданіи, пятый выпускъ «Пермской Старины», подобно первому, имѣетъ болѣе или менѣе общій характеръ, а слѣдующіе выпуски II-го тома, подобно второму, третьему и четвертому въ I-мъ томѣ, будутъ имѣть болѣе спеціальное, мѣстное значеніе. Весь второй томъ «Пермской Старины» будетъ посвященъ до-петровской исторіи Пермскаго Зауралья подобно тому, какъ первый

томъ обнимаетъ тотъ же періодъ исторіи Перми Великой. Читатель можетъ усмотрѣть по прочтеніи уже V-го выпуска, что и между этими составными частями нынѣшняго Пермскаго края существовала ближайшая внутренняя связь еще задолго до учрежденія особой Пермской губерніи, хотя на первый взглядъ Пермь, Югра и Сибирь обыкновенно представляются намъ довольно обособленными районами по составу своего прежняго населенія.

Въ настоящемъ выпускѣ мы держались такого плана. Указавъ взаимное соотношеніе гео-этнографическихъ понятій Пермь и Югра и современное состояніе вопроса объ этой послѣдней въ русской исторической наукѣ, какъ было сдѣлано въ I выпускѣ относительно Перми, мы прослѣдили во 2-й главѣ первоначальныя отношенія Русскихъ къ странамъ Угорскимъ—собственно Югрѣ, Вогуличамъ, Обдоріи и Кондѣ—въ теченіе Новгородскаго и Московскаго періодовъ нашей исторіи и затѣмъ въ 3-й главѣ тоже сдѣлали въ отношеніи къ Сибири, какъ особой области съ преобладающимъ тюркскимъ населеніемъ. Предѣломъ изслѣдованія мы поставили себѣ конецъ XVI вѣка, когда Русскіе прочно утвердились въ странахъ Угорскихъ и Западной Сибири. Вопросъ о призваніи Ермака Строгановыми мы изслѣдовали въ IV выпускѣ въ числѣ другихъ спорныхъ вопросовъ въ исторіи рода Строгановыхъ; IV-й выпускъ служитъ какъ бы введеніемъ ко II-му тому этого изданія. Здѣсь мы излагаемъ вопросъ о покореніи Сибири во всемъ его объемѣ, на основаніи первоисточниковъ Сибирской исторіи, одинъ изъ которыхъ: «Сказаніе Сибирской земли» неизвѣстнаго составителя, какъ открытый нами

вновь въ 1890 году, впервые печатается въ полномъ видѣ въ отдѣлѣ матеріаловъ при V выпускѣ.

Въ виду недостаточности и относительной бѣдноты мѣстныхъ библіотекъ г. Перми, я осенью 1892 г. предпринялъ поѣздку въ Петербургъ, Москву и Казань, чтобы въ тамошнихъ библіотекахъ и архивахъ восполнить свои свѣдѣнія по изслѣдуемымъ вопросамъ и посовѣтоваться съ людьми науки, которымъ за оказанное мнѣ содѣйствіе и считаю долгомъ выразить благодарность. Вмѣстѣ съ симъ считаю себя много обязаннымъ Чердынскому гражданину Даніилу Евдокимовичу *Ржевину* за его матеріальное пожертвованіе «на научныя предпріятія». Оно особенно дорого для меня тѣмъ, что истекаетъ изъ чистыхъ, безкорыстныхъ побужденій даже мало знакомаго мнѣ человѣка, беззавѣтно любящаго свой далекій родной край, бывшую Пермь Великую, и свидѣтельствуетъ объ уваженіи къ наукѣ нѣкоторыхъ людей, посвятившихъ себя промышленной дѣятельности и не принадлежащихъ къ какой либо ученой корпораціи.

Александръ Дмитріевъ.

Пермь.
1 сентября 1893 г.

52/370.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.

По предложенію г. директора Археологическаго Института *А. Н. Труворова* и его покойнаго предмѣстника *И. Е. Андреевскаго* считаю долгомъ, по званію члена этого Института, продолжать указатель другихъ моихъ работъ по исторіи Пермскаго края, напечатанныхъ по большей части въ мѣстныхъ и потому малоизвѣстныхъ и малодоступныхъ газетахъ и другихъ изданіяхъ, которыя за предѣлами Пермскаго края можно достать развѣ въ Императорской Публ. Библіотекѣ. Начало этого указателя, по тѣмъ же основаніямъ, сдѣлано въ предисловіи къ I выпуску (статьи за 1882—1888 годы) и къ III-му (за 1889—1891 гг.). Необходимость подобныхъ указателей доказывается пробѣлами въ трудахъ такихъ знатоковъ отечественной библіографіи и исторіографіи, каковы *В. И. Межовъ* и Кіевскій профессоръ *В. С. Иконниковъ*. Указываемъ изданія и статьи за 1891—1893 годы включительно, предоставляя, конечно, судить о ихъ качествахъ другимъ лицамъ, работавшимъ въ той же области.

Отдѣльныя изданія:

54. „Пермская Старина", выпускъ III: „Экономическіе очерки Перми Великой: Чердынскій и Соликамскій край на рубежѣ XVI и XVII в.в." Пермь. 1891 г.

55. Тоже—выпускъ IV: „Строгановы и Ермакъ". Пермь. 1892 г.

Въ „*Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*":

56. „Новыя біографическія свѣдѣнія о писателѣ Ѳедотѣ Алексѣевичѣ Волеговѣ". 1891 г. №№ 79 и 81.

Въ сборникѣ *„Пермскій Край“*, издаваемомъ Пермскимъ Губернскимъ Статистич. Комитетомъ:

57. „Происхожденіе названія и судьба Бухонина волока“. Томъ I. Пермь. 1892 г.

58. „Къ полувѣковой годовщинѣ смерти Петра Андреевича Словцова“. Томъ II. Пермь. 1893 г.

59. „Памяти В. В. Голубцова“. Томъ II-й.

Примѣчаніе: Послѣдняя статья первоначально напечатана въ газетѣ «Екатеринбургская Недѣля» за 1892 г. № 12.

Въ *„Трудахъ Пермской Ученой Архивной Коммиссіи“*:

60. Очеркъ дѣятельности ея за 1888—1890 г.г. Выпускъ I-й, изданный подъ нашей редакціей. Пермь. 1892 г.

Примѣчаніе: Тамъ же помѣщена статья: «О границахъ древней Перми Великой», какъ извлеченіе изъ I-го выпуска «Пермской Старины».

61. „Критическія замѣтки по исторіи Перми Великой XVI вѣка“ (1) „О степени достовѣрности древнѣйшихъ Великопермскихъ писцовыхъ книгъ Яхонтова“ и 2) „Житіе св. Трифона Вятскаго, какъ источникъ свѣдѣній о Перми Вел. XVI вѣка“). Выпускъ II. Подъ нашей редакціей. Пермь. 1893 г.

Примѣчаніе: Статья вышла отдѣльнымъ общимъ оттискомъ. Во II выпускѣ мною помѣщенъ и очеркъ дѣятельности Коммиссіи за 1891 и 1892 г.г.

Въ журналѣ *„Историческій Вѣстникъ“*:

62. „Пермскіе землевладѣльцы Лазаревы и ихъ преемники князья Абамеликъ“. 1893 г., майская книга.

Необходимо упомянуть еще, что во II выпускѣ „Трудовъ Пермской Ученой Архивной Коммиссіи“ нами впервые издана въ полномъ видѣ *„Переписная книга воеводы Прокопія Елизарова по вотчинамъ Строгановыхъ 1647 г.“*, имѣющая значеніе источника первостепенной важности для исторіи колонизаціи Пермскаго края.

Изъ другихъ изданій, появившихся въ нашемъ краѣ по выходѣ въ свѣтъ IV выпуска „Пермской Старины“, необходимо указать:

1) *Н. А. Рогова*: „Матеріалы для исторіи Пермскаго заповѣднаго имѣнія графовъ Строгановыхъ“. Пермь. 1892 г. Книга напечатана въ крайне ограниченномъ числѣ экземпляровъ и скоро сдѣлается рѣдкостью. Авторъ, извѣстный по работамъ о Пермякахъ, съ обычнымъ стараніемъ собралъ много новыхъ данныхъ о Строгановыхъ и служившихъ у нихъ людяхъ. Заглавіе книги „Матеріалы“ вполнѣ отвѣчаетъ ея содержанію. Матеріалы большею частію извлечены изъ архива главнаго управленія имѣніями гр. Строганова въ селѣ Ильинскомъ Пермскаго уѣзда, но многое авторъ сообщаетъ по личнымъ воспоминаніямъ и разспросамъ служащихъ у графа С. А. Строганова лицъ. Матеріалы очень любопытны и сообщаютъ много новаго. Къ книгѣ приложены фотографическіе портреты графа Павла Александровича и два портрета гр. Софіи Владиміровны Строгановыхъ, исполненные весьма не дурно. Въ концѣ книги находимъ полный списокъ печатныхъ трудовъ (числомъ 53) автора, работающаго надъ изученіемъ Пермскаго края въ разнообразныхъ отношеніяхъ съ 1849 года.

2) Въ ближайшей связи съ указанными „Матеріалами“ Н. А. Рогова находятся „Матеріалы къ исторіи Пермскаго маіоратнаго имѣнія гр. Строгановыхъ“, напечатанные, съ предисловіемъ *Д. Д. Смышляева*, во II томѣ редактируемаго имъ сборника „Пермскій Край“. Здѣсь находимъ очень цѣнныя и любопытныя „Хозяйственныя записки по Пермскому имѣнію графини Софіи Влад. Строгановой“, принадлежащія перу извѣстнаго историка Строгановыхъ Ѳедота Алексѣевича *Волегова*, и затѣмъ „Положеніе для учрежденія Третейскаго Суда“ и другое—для заводскихъ судовъ упомянутой графини, для своего времени весьма замѣчательной русской женщины.

Для занимающихся исторіей Строгановыхъ всѣ эти матеріалы не новы; они давно извѣстны въ рукописяхъ, ходящихъ по рукамъ въ Пермскомъ краѣ, но за предѣлами этого края ихъ едва-ли кто либо зналъ, почему нельзя не поблагодарить почтеннаго издателя ихъ *Д. Д. Смышляева* за напечатаніе ихъ въ редактируемомъ имъ сборникѣ.

3) Въ томъ же сборникѣ (томъ II) слѣдуетъ отмѣтить изданіе „Ландъ-карты вѣдомства Екатеринбургскаго", первоначально составленной въ 1734—1736 г.г., затѣмъ скопированной въ 1744 г. унтершихтмейстеромъ Аѳанасіемъ Кичигинымъ и нынѣ напечатанной въ увеличенномъ размѣрѣ въ качествѣ памятника старинной Сибирской картографіи, по желанію *П. О. Чупина*, который и доставилъ ее изъ Барнаула въ редакцію сборника. Для занимающихся исторіей Пермскаго края эта карта весьма полезна, но для уясненія ея научнаго значенія въ предпосланной къ ней замѣткѣ г. Чупину надлежало сопоставить ее съ болѣе ранними Сибирскими „чертежами" и ближайшими къ ней слѣдующими картографическими работами нашей Академіи Наукъ, особенно съ ея атласомъ 1745 года. Эти свѣдѣнія авторъ могъ бы почерпнуть изъ II вып. „Пермской Старины", съ которою онъ, повидимому, совсѣмъ не знакомъ, какъ житель далекаго Алтая.

4) Изъ мѣстныхъ археологическихъ трудовъ въ томъ же II томѣ „Пермскаго Края" необходимо замѣтить статью *Ѳ. А. Теплоухова*: „Древности Пермской Чуди въ видѣ баснословныхъ людей и животныхъ", съ тремя таблицами ихъ изображеній. Почтенный авторъ сообщаетъ здѣсь много новыхъ свѣдѣній объ особой группѣ типичныхъ памятниковъ доисторической эпохи, хранящихся въ его извѣстной коллекціи, но въ отношеніи конечнаго вывода о ихъ значеніи является слишкомъ крайнимъ сторонникомъ угорской теоріи. Особенно рискованнымъ кажется положеніе, будто „*Пермская*

Чудь была *Угорскимъ* племенемъ" (стр. 74). Зачѣмъ же называть тогда эту Чудь *Пермскою*? Въ письменныхъ памятникахъ Пермь упоминается уже въ XI вѣкѣ тамъ же, гдѣ мы знаемъ ее и впослѣдствіи, будучи всегда окружена народами Угорскаго племени, и Русскій народъ словомъ *Чудь* безразлично назвалъ всѣхъ чуждыхъ ему аборигеновъ страны Пермской и Угорской группъ народовъ и доселѣ не отличаетъ Пермской Чуди отъ Угорской. Самъ же авторъ говоритъ: „насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, поселенія Пермской Чуди уже существовали на берегахъ Камы въ V вѣкѣ нашей эры и сохранились, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ чудской территоріи, до половины XIII столѣтія" (стр. 37). Но въ XIII в., какъ видно изъ сопоставленія показаній лѣтописей, договорныхъ новгородскихъ грамотъ XIII—XV вѣковъ и Епифаніева сказанія, Новгородъ Великій зналъ уже Пермь на Вычегдѣ, верхней Камѣ и частію на Печорѣ—словомъ, на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ указываютъ ее памятники послѣдующихъ временъ. Гдѣ же въ такомъ случаѣ г. Теплоуховъ помѣщаетъ тогдашнюю Пермь—этого никакъ нельзя усмотрѣть изъ его работы. Выводы, къ которымъ пришелъ онъ въ своихъ предъидущихъ работахъ о Пермской Чуди, указанные нами во введеніи къ IV выпуску, формулированы опредѣленнѣе, а послѣднія заключенія его по тому же предмету нельзя не признать преждевременными, по несогласію ихъ съ письменными источниками, съ которыми археологъ во всякомъ случаѣ долженъ сообразоваться болѣе. Тѣмъ не менѣе матеріалы по археологіи Пермскаго края, сообщаемые Ѳ. А. Теплоуховымъ, имѣютъ высокую научную цѣнность и дѣлаютъ несомнѣнный вкладъ въ общую археологію Россіи, по общему признанію всѣхъ занимающихся изученіемъ нашей доисторической эпохи.

5) Наконецъ мы должны указать на книжку *Н. Н. Новокрещенныхъ*: „Постройка Кизеловскаго завода И. Л.

Лазарева" (Уфа. 1892 г.), составляющую продолженіе его матеріаловъ къ изученію Пермскаго края. Общій характеръ этой работы таковъ же, какимъ отличается его книжка „Чермозской заводъ" (СПБ. 1889 г.) и брошюрка: „Участіе Строгановыхъ въ поступательномъ движеніи Русск. госуд." (оттискъ изъ Пермск. Губ. Вѣд.) Пермь. 1892 г. О послѣдней было сказано въ предисловіи къ IV выпуску нашего изданія. Та же полубеллетристическая форма изложенія, вульгарность языка, тенденціозность и полное отсутствіе какихъ-либо указаній на источники и пособія характеризуютъ новую работу г. Новокрещенныхъ. Конечно, всѣ эти отрицательныя качества менѣе всего терпимы въ серьезной исторической работѣ. Входить въ подробный разборъ книжки не представляется уже надобности послѣ того, какъ мы указали историко-критическіе пріемы на предъидущей работѣ того же автора. Впрочемъ, бойко написанная характеристика одного изъ Лазаревскихъ служащихъ, нѣкоего Я. Д. Иванова, весьма типичнаго представителя крѣпостного люда старыхъ временъ, а также общая картина тогдашнихъ заводскихъ распорядковъ составляютъ несомнѣнныя достоинства книжки. Пожелаемъ автору въ дальнѣйшихъ его работахъ больше обращать вниманія на *научную* сторону дѣла, коль скоро всѣ эти работы считаются имъ „матеріалами къ *изученію* Пермскаго края".

ОТДѢЛЪ I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ПОКОРЕНІЕ УГОРСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ И СИБИРИ.

I.

Пермь и Югра въ ихъ взаимномъ соотношеніи. Современное состояніе вопроса о древней Югрѣ.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло исключительно съ *Пермью*, какъ въ общемъ, такъ особенно въ частномъ значеніи этого слова. Для насъ стало ясно употребленіе этого гео-и этнографическаго термина въ памятникахъ древней русской письменности въ двоякомъ значеніи: въ общемъ значеніи всей обширной территоріи, населенной народами Пермской группы — древними Сырьянами, Пермичами и Печерою, объединявшимися до XIV вѣка въ словѣ *Пермь*, *Пермяне*; и въ частномъ, спеціальномъ значеніи территоріи верхняго и средняго Покамья, отъ истоковъ р. Камы до ея притока Чусовой включительно, гдѣ лежала *Пермь Великая* или страна Великопермская, какъ часть указанной обширной территоріи. Здѣсь, на верхней *Камѣ*, донынѣ населенной народомъ *Коми*, какъ называютъ Пермяки самихъ себя, первоначально и локализировалось, повидимому, все населеніе Перми, пока остальныя части обширной территоріи заняты были Уграми, несомнѣнными предшественниками Перми на европейскомъ сѣверовостокѣ. Это положеніе лучше всего обосновано въ ученыхъ трудахъ извѣстнаго *Шегрена*. Мы неоднократно указывали слѣды угорскихъ поселеній на окраинахъ Перми Великой и вмѣстѣ съ тѣмъ высказали предположеніе, что самое слово Кама не одного-ли корня съ словомъ Коми? Названіе Пермь было усвоено Славянами, и Пермяки не знаютъ, почему

страну ихъ называютъ Пермью *). По мѣрѣ постепеннаго передвиженія Угровъ за Уралъ, расширялась территорія Пермскихъ поселеній. Это передвиженіе Угровъ къ востоку началось очень рано, въ доисторическомъ періодѣ, и уже извѣстная „отказная“ грамота 1471 г. Новгорода Великаго въ пользу Москвы называетъ далекую рѣку Мезень и ея лѣвый притокъ Вашку „исконнымъ мѣстомъ великаго князя Вычегодскимъ—*Пермяками*“ **). Къ началу XVII вѣка область пермско-зырянскаго населенія широко раздвинулась на сѣверо-востокѣ ***), пока усилившаяся русская колонизація не повела въ свою очередь къ уменьшенію этой области, отчасти вслѣдствіе передвиженія самихъ Зырянъ къ востоку и особенно по причинѣ ассимиляціи ихъ съ новыми русскими насельниками, принесшими сюда высшую культуру. На ряду съ общимъ понятіемъ „Пермь“, отмѣченнымъ въ первоначальной русской лѣтописи рядомъ съ „Печерою“, постепенно устанавливается и частное, видовое понятіе „Пермь Великая“, какъ южная часть или окраина обширной области, занятой народами Пермской группы. Мы говорили, что въ первый разъ Пермь Великая упомянута въ Епифаніевомъ житіи св. Стефана, памятникѣ конца XIV вѣка. Здѣсь эта страна впервые названа „Пермь Великая, глаголемая Чусовая“, каковой терминъ мы уже подробно объяснили въ своемъ мѣстѣ. (См. вып. I, 62—67).

Соотвѣтственно указанной терминологіи, употреблялось и слово *Югра* во всѣхъ памятникахъ нашей древней письменности, начиная съ XI вѣка. Многолѣтнее изученіе послѣднихъ привело меня къ твердому убѣжденію, что и это слово прежде употреблялось въ двоякомъ значеніи: въ общемъ, собирательномъ значеніи всѣхъ Угорскихъ народовъ и въ частномъ значеніи *Югричей*, древнихъ обитателей береговъ Сыгвы и Сосвы на восточномъ склонѣ Уральскихъ горъ. Если вопросъ о Перми вызвалъ столько ученыхъ споровъ, обозрѣнію

---

*) «Пермская Старина» I, 54 и 66. Послѣ того объ Угорскихъ поселеніяхъ въ Перми Великой я написалъ особую статью: «Критическія замѣтки по исторіи Перми Великой XVI вѣка» во II выпускѣ «Трудовъ Пермской Ученой Архивной Коммиссіи», гдѣ см. стр. 27—35. (Статья вышла и отдѣльно). Пермь. 1893 г.

**) Объясненіе этихъ словъ см. въ «Пермс. Стар.» I, 156 и II, 38.

***) См. 2-ю главу во II выпускѣ «Пермс. Стар.». Пермь. 1890 г.

которыхъ мы посвятили I выпускъ нашего изданія, то и древнѣйшая Югра представлялась ученымъ не менѣе загадочною страною, восходящею своимъ началомъ чуть не къ миѳическимъ временамъ. Какъ о Перми разсказывалось много баснословныхъ преданій, въ которыхъ она смѣшивалась съ Біарміей Отера и скандинавскихъ сагъ IX—XII вѣковъ только на основаніи случайнаго и то отдаленнаго созвучія словъ; такъ и объ Югрѣ еще первоначальная лѣтопись сообщаетъ чудовищныя вещи, напримѣръ, о нѣмыхъ ея людяхъ, заклепанныхъ въ каменныхъ горахъ Александромъ Македонскимъ (Лаврентьевская лѣтопись подъ 1096 годомъ), о вѣверицахъ и оленцахъ, т. е. бѣлкахъ и оленяхъ, выпадающихъ изъ снѣжныхъ тучъ въ странахъ полунощныхъ (Ипатьевская лѣтопись подъ 1114 годомъ) и т. п. Баснословность и крайняя неопредѣленность древнѣйшихъ извѣстій объ Югрѣ, какъ и о началѣ всякой страны, естественно, создала въ наукѣ нѣсколько цикловъ ученыхъ, болѣе или менѣе расходившихся въ своихъ воззрѣніяхъ на одинъ и тотъ же предметъ, а иногда и діаметрально противоположныхъ. Поэтому въ изложеніи вопроса о древней Югрѣ намъ опять придется прибѣгнуть къ тому же пріему, какой употребили мы относительно древнѣйшей Перми въ I выпускѣ изданія, т. е. мы должны сначала установить извѣстную группировку ученыхъ воззрѣній на Югру, высказанныхъ доселѣ, и затѣмъ высказать свое мнѣніе на основаніи пересмотра первоисточниковъ.

Мы должны установить двоякую группировку ученыхъ воззрѣній на древнюю Югру: во 1-хъ относительно ея мѣстоположенія и во 2-хъ относительно генетической связи ея съ современными угорскими народами. И въ томъ, и въ другомъ отношеніяхъ среди ученыхъ образовалось нѣсколько группъ. Относительно мѣстоположенія древней Югры ученыя воззрѣнія раздѣлились такимъ образомъ:

1. По мнѣнію однихъ ученыхъ, древняя Югра лежала къ западу отъ Уральскихъ горъ.

2. По мнѣнію другихъ, прямо противоположному, она находилась къ востоку отъ Урала.

3. По мнѣнію третьихъ, Югра занимала оба склона Урала, хотя и неодновременно: сперва западный, а послѣ восточный склонъ горъ.

Остановимся на каждой группѣ ученыхъ отдѣльно, какъ сдѣлано это нами и относительно древней Перми въ I выпускѣ изданія (стр. 54—61).

Къ первой группѣ относится большинство ученыхъ прошлаго вѣка. Извѣстный *В. Н. Татищевъ* въ „Исторіи Россійской" (томъ II, стр. 424) и *Болтинъ* въ „Примѣчаніяхъ на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка" (СПБ. 1788 г., томъ I, стр. 48) относили древнюю Югру къ мѣсту соединенія Юга съ Сухоною и верховьямъ образующейся изъ нихъ Сѣверной Двины. Къ нимъ примкнулъ извѣстный путешественникъ *Рычковъ* („Журналъ или дневныя записки путешествія въ 1769—1770 г.г.", часть II, 102 и другія), заодно съ Татищевымъ производившій имя Югры отъ рѣки Юга (Югдорія, въ сокращеніи Югорія). Сибирскіе историки *Миллеръ* и *Фишеръ* держались того мнѣнія, что подъ именемъ Югріи въ старину разумѣли земли, прилегавшія къ р. Печорѣ и простиравшіяся на сѣверѣ до Ледовитаго океана и на востокѣ до Урала или „Югорскихъ горъ", при чемъ *предшественниками Югры въ сихъ мѣстахъ были Самоѣды*, отодвинутые потомъ на крайній сѣверо-востокъ Европы *). Этому мнѣнію послѣдовалъ и *Шлецеръ* („Несторъ", II, 50—51 и III, 112), указавшій сверхъ того Вычегду южной границей земли Югорской. Всѣ указанныя мнѣнія имѣли подъ собою твердую научную почву, но оказались односторонни послѣ тѣхъ выводовъ, къ которымъ впослѣдствіи пришли ученые третьей группы.

Вторая группа ученыхъ усвоила себѣ прямо противоположный взглядъ на Югру, полагая ее за Ураломъ. Во главѣ этихъ ученыхъ нужно поставить академика *А. Х. Лерберга*, написавшаго первое спеціальное изслѣдованіе о древней Югрѣ **). Такъ какъ его выводамъ справедливо придается важное значеніе всѣми изслѣдователями Югры, то мы приведемъ ихъ подлинными его словами: „Древняя Югрія

*) *Миллеръ*: «Описаніе Сибирскаго Царства». СПБ. 1750 г., стр. 61 и «Лексиконъ географич. Россійс. госуд.», сочиненный *Полунинымъ*, изданный Миллеромъ. М. 1773, стр. 262, статья «Печера». *Фишеръ*: «Сибирская исторія», стр. 108.

**) См. его «Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней Русской исторіи». въ переводѣ съ нѣмецкаго *Языкова*. СПВ. 1819 г. При этомъ объемистомъ томѣ приложена «Карта для изъясненія къ сочиненію о положеніи Югорской земли».

находилась не на берегѣ Бѣлаго моря, не у Печоры и Вычегды, не у Юга и вообще *не собственно въ Европейской Россіи*, но—простиралась она между 56° и 67° сѣв. шир. отъ самаго сѣвернаго конца Урала на востокъ чрезъ нижнюю Обь до рѣки Надыма, впадающей въ Обьскую губу, и до Агана, который выше Сургута впадаетъ въ Обь. Къ ней принадлежали еще мѣста, лежащія по нижнему Иртышу, Тавдѣ, Турѣ и Чусовой. Съ южныя стороны граничила она съ Татарскими владѣніями, а съ сѣверной—съ землею *прежде бывшихъ Самоѣдовъ*, почему и занимала не малую часть сѣв.-запад. Азіи и состояла больше изъ мѣстъ, принадлежащихъ нынѣ къ Тобольской и Пермской губерніямъ" *). *Карамзинъ* въ первомъ томѣ своей „Исторіи Госуд. Россійскаго" ограничилъ предѣлы Югры поселеніями нынѣшнихъ Березовскихъ Остяковъ на Оби и Сосвѣ, слѣдуя указанію „Книги Большему Чертежу". „Описаніе похода Россіянъ въ землю Югорскую около 1500 года ясно доказываетъ, что она была за Каменнымъ Поясомъ", добавляетъ онъ (см. томъ I изд. 1818 г., стр. 35 и примѣчаніе къ нему 73). Того же мнѣнія держался *Соловьевъ*, какъ можно видѣть изъ его описанія походовъ Русскихъ въ Югру (т. V, 94—95). Отличный знатокъ Березовскаго края, *Н. А. Абрамовъ*, опредѣлялъ Югру по „Книгѣ Большему Чертежу", какъ и Карамзинъ **). Близко къ Лербергу стоятъ по воззрѣніямъ на Югру *Клапротъ* и финнологъ *Кастренъ* ***). Проф. *И. Д. Бѣляевъ* судилъ о границахъ Югры на основаніи свидѣтельствъ о походахъ Русскихъ противъ этой страны въ XIV и особенно въ XV в.в., т. е. поступалъ подобно С. М. Соловьеву ****).

Третью группу можно считать господствующей какъ по своимъ воззрѣніямъ на Югру, такъ и по числу послѣдователей. Первымъ по времени представителемъ ея мы считаемъ

---

*) Стр. 4 указанной книги. *Миллеръ* и *Фишеръ* также считали Самоѣдовъ предшественниками Югры, что намъ важно замѣтить для послѣдующихъ выводовъ.

**) См. его «Описаніе Березовскаго края» въ «Запискахъ Импер. Русск. Геогр. Общ.» кн. XII. СПБ. 1857 г., стр. 329.

***) **Klaproth**: «Mémoires relatifs á l' Asie»; **Castren**: «Ethnologische Vorlesungen ueber die altaischen Völker». SPT. 1857.

****) *Бѣляевъ:* «О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи» (до XVI вѣка) въ «Запискахъ Импер. Русск. Географ. Общ.», кн. VI. СПБ. 1852 г.

Георги, который въ своемъ „Geographisch-physicalischen Beschreibung des russischen Reichs“ (Königsberg. 1797, в. II, p. 13) опредѣленно высказалъ, что древнюю Югрію составлялъ берегъ, простирающійся отъ Бѣлаго моря чрезъ Уралъ до Оби. Этотъ выводъ нашелъ себѣ подтвержденіе въ трудахъ знаменитаго *Антона Регули* и нѣкоторыхъ его послѣдователей-финнологовъ, тщательно изучавшихъ языки финскихъ народовъ сѣвернаго побережья, постепенныя передвиженія этихъ народовъ и географическую номенклатуру, какъ довольно надежный научный указатель этихъ передвиженій. Самымъ рѣшительнымъ сторонникомъ его въ угорскомъ вопросѣ былъ *Европеусъ*. Академикъ *Гофманъ*, стоявшій во главѣ извѣстной сѣверной экспедиціи 1847 года, воспользовался ихъ выводами въ своемъ трудѣ „Сѣверный Уралъ“ (см. томъ II. СПБ. 1856 г., стр. 50 и слѣд.). Относительно древней Югры онъ высказалъ между прочимъ слѣдующія соображенія: „*Вогулы и ляпинскіе Остяки говорятъ*, какъ мнѣ кажется, *однимъ и тѣмъ же языкомъ*, *составляютъ одинъ народъ*, и даже по горнымъ терминамъ въ ихъ языкѣ видно, что они долго жили въ горахъ. Мѣста ихъ поселенія по обѣ стороны хребта, сколько я ихъ обозрѣлъ, теперь рѣзко отдѣлены другъ отъ друга. Вогулы живутъ къ югу отъ истоковъ Вишеры.... Ляпинскіе Остяки живутъ къ сѣверу отъ истоковъ Печоры и теперь только къ востоку отъ хребта; но свойство почвы и страны не представляетъ никакого основанія думать, чтобъ они не могли обитать прежде по сю сторону хребта, въ странахъ, которыя они еще и теперь считаютъ своею собственностію и которыми пользуются для охоты и пастбищъ, т. е. на системахъ судоходныхъ и рыболовныхъ рѣкъ: *Илыча* (по остяцки Ольсъ), *Почерема* (Мансиі-Гумъ-я) и *Щугора* (Сакуръ-я). *Когда Новгородцы начали ихъ притѣснять*, *они потянулись чрезъ хребетъ .... и имя Югры перешло чрезъ него вмѣстѣ съ ними*“ (стр. 50). Ляпинскіе Остяки, какъ и Вогулы, называютъ сами себя *Манси*, а Зыряне называютъ Остяковъ и донынѣ *Еграгасъ*, превратившееся въ русское *Югра*. Отъ тѣхъ же Зырянъ Русскіе переняли слово Вогулъ, по-зырянски *Ваголъ* *). „Если такимъ образомъ

*) **Müller**' s: «Sammlung russischer Geschichte». СПБ. III, 339. **Sjögren**: «Memoir. de l' Acad. de ST. Petersb.» VI serie. 1832. pag. 526.

ляпинскіе Остяки были древніе Югры, заключаетъ Гофманъ, то и границы Югріи были тѣ самыя, которыя они до сихъ поръ считаютъ предѣлами своихъ владѣній, именно: отъ Оби къ западу почти до Печоры и отъ истоковъ Печоры къ сѣверу почти до 65° сѣв. шир.“ (стран. 50). „Итакъ, если ляпинскіе Остяки, нынѣшніе *Егграясъ*, были Югры, читаемъ еще у того же Гофмана, то вѣроятно ихъ обиталища находились сперва по сю сторону Урала, на рѣкѣ (*Егра-Ляга*, по русски *Югра*, притокъ Илыча), по которой они безразлично съ Печерцами названы были Югрою. Такъ какъ они, оставя западную сторону Урала, продолжали однакожь ежегодно ходить въ Европу чрезъ *Югринскій Переходъ* (долина упомянутой рѣки Югры, притока Илыча) для торговли, охоты и пастбищъ, то это имя перешло и на восточную сторону, *а впослѣдствіи и на одноименныхъ обдорскихъ Остяковъ, съ которыми перешло даже на берега Ледовитаго моря*“ (стр. 51). *Гофманъ* подробно описываетъ этотъ Югринскій Переходъ съ Печоры по Илычу и Югрѣ, но *Антонъ Регули* не приводитъ однако же такого названія прохода по долинамъ этихъ рѣкъ *). Онъ называетъ только въ числѣ семи проходовъ изъ Печерскаго края чрезъ Сѣверный Уралъ два *Сосвинскихъ пути*: одинъ отъ р. Илича, изъ деревни Сарью, другой отъ Печеры изъ дер. Усть-Уньи, которые оба сходятся на Уралѣ и идутъ ниже горы Енгельи въ Мальянскую долину, а отсюда къ Сосвѣ. Повидимому, Регули не пришлось слышать историческаго названія рѣки Югры и Югринскаго Перехода. Можетъ быть, онъ слышалъ остяцкое ея названіе *Ольсъ-Манъ-я* и не слыхалъ зырянскаго *Егра-Ляга* и русскаго *Югра*. Труды венгерскихъ и финляндскихъ лингвистовъ и этнографовъ и нашихъ ученыхъ много подвинули впередъ изученіе угорскихъ народовъ и въ частности древней Югры. Подъ ихъ вліяніемъ въ позднѣйшее время угорскій вопросъ занялъ въ наукѣ столь видное мѣсто, что въ Гельсингфорсѣ возникло даже спеціальное „Финско-Угорское Общество“, уже заявившее себя почтенными трудами въ этой области.

*) См. переводъ письма *А. Регули* къ нашему академику *П. И. Кеппену* отъ 21 января 1847 г. въ «Запискахъ Русск. Географич. Общ.», кн. III. СПБ. 1849 г., стр. 159—175. Въ одномъ мѣстѣ, правда, онъ констатируетъ древнее наименованіе Сѣвернаго Урала *Югорскимъ Камнемъ*, о чемъ раньше писалъ Лербергъ.

„Угорская теорія“ *Европеуса*, при всей ея крайности, нашла себѣ въ средѣ членовъ этого Общества новыхъ сторонниковъ. Идеи финскихъ ученыхъ до извѣстной степени опредѣляли взгляды и нашихъ ученыхъ, работавшихъ въ той же области. Такъ, *Н. И. Костомаровъ* смотрѣлъ на Югру съ точки зрѣнія *Кастрена*, но въ отношеніи мѣстоположенія древней Югры примкнулъ къ третьей группѣ ученыхъ, признавъ возможнымъ допустить существованіе угорскихъ поселеній и къ западу отъ Уральскихъ горъ *). Еще ранѣе его *фонъ-Бушенъ* написалъ второе послѣ Лербергова спеціальное изслѣдованіе о древней Югрѣ, весьма замѣчательное по основнымъ выводамъ для своего времени **). Считаемъ необходимымъ остановиться на этихъ выводахъ. „*Страна*, называемая въ Большомъ Чертежѣ Югрою и заключавшая въ себѣ небольшое пространство *по рѣкамъ Сосвѣ и Сыгвѣ, была только Югрою въ тѣсномъ смыслѣ*. Въ древнѣйшія времена въ составъ Югры входила также вся Обдорія, т. е. страна на нижнихъ частяхъ р. Оби до Ледовитаго океана, равно какъ и часть земель, занимаемыхъ нынѣшними Зырянами и Вогулами, лежащихъ на югъ отъ Югры, на Тавдѣ, Колвѣ и Вишерѣ. Въ лѣтописяхъ новгородскихъ и въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ иностранныхъ писателей XVI вѣка мы встрѣчаемъ нерѣдко мѣста, свидѣтельствующія, что Югра жила по обѣимъ сторонамъ Урала и на берегахъ Сѣвернаго Ледовитаго моря.... Смѣло можно предполагать, что *древняя Югра въ обширномъ смыслѣ*, какъ ее понимали Новгородцы въ первыя времена существованія Русскаго государства, *простиралась на сѣверъ до прибрежья Ледовитаго океана отъ Югорскаго шара до устьевъ Таза, а на югъ достигала верховьевъ Лозвы и Вишеры*. Уже во времена позднѣйшія Югрѣ назначены были болѣе тѣсные предѣлы“ (стр. 170—171) ***). Далѣе мы увидимъ, что во взглядѣ на древнюю Югру Бушенъ подошелъ къ истинѣ

---

*) «Сѣвернорусскія народоправства». СПБ. 1863 г. т. I, 412—413.

**) «Опытъ изслѣдованія о древней Югрѣ» въ «Вѣстникѣ Императ. Русскаго Географич. Общества», кн. IV, СПБ. 1855 г., стр. 167—190.

***) *Бушенъ* добавляетъ, ссылаясь на «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній» *Н. В. Калачова* кн. I, что въ 7184 (1676) г. были учреждены Обдорское и Кондійское намѣстничества, а въ 7189 (1681) г. *Югорское*, а что до того времени вся Югра причислялась къ Велико-Пермскому намѣстничеству.

ближе всѣхъ другихъ изслѣдователей того же вопроса. Изъ послѣдующихъ ученыхъ заслуживаетъ вниманія проф. *Н. П. Барсовъ*, сообщившій объ Югрѣ нѣкоторыя новыя соображенія *). Онъ обратилъ особенное вниманіе на географическія названія, доселѣ существующія на сѣверо-востокѣ Россіи и обличающія несомнѣнно угорское происхожденіе. Таковы: рѣка *Угроньга*, притокъ Ваги, *Угринская* деревня на Вагѣ къ югу отъ уѣзднаго города Вельска, *Угорма*, притокъ Кубины, въ Кадниковскомъ уѣздѣ, д.д. *Югорская* и *Югрина* въ Тотемскомъ уѣздѣ, въ области Сухоны, *Югринская* дер. на р. Югѣ, въ Никольскомъ уѣздѣ, *Гурганская* на верхней Сысолѣ, въ южной части Усть-Сысольскаго уѣзда—всѣ эти названія въ нынѣшней Вологодской губерніи и мн. др. Рядъ подобныхъ географическихъ названій привелъ Барсова къ одинаковому заключенію съ Татищевымъ, съ тою разницею, что Барсовъ ограничилъ извѣстнымъ хронологическимъ предѣломъ господство Югры къ западу отъ Урала. „Подчиненіе Югры Новугороду, говоритъ онъ,—по всей вѣроятности относится или къ началу XII вѣка, или къ самому концу XI-го. Но по обстоятельствамъ, Новгородцы никогда не могли утвердить надъ нею прочной власти и ограничивались простымъ сборомъ дани.... Югра управлялась своими князьями, вела съ даньщиками упорную борьбу и .... отступала. *Въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій она постепенно передвинулась за Уралъ, на берега Иртыша и Оби, гдѣ и застаетъ ее XV вѣкъ, и гдѣ она была покорена уже Московскими войсками*. По всей вѣроятности, двигались вмѣстѣ съ Югрою и Новгородскія дружины..... Память о такомъ переселеніи Югры съ береговъ Двины и Юга, гдѣ она жила когда-то подъ именемъ Югорски, за Уралъ еще въ прошломъ столѣтіи сохранялась у ея потомковъ Вогуловъ“. Н. П. Барсовъ ссылается на свидѣтельство Шведскаго подполковника *Шенстрема* (P. Schönström), бывшаго въ Россіи въ качествѣ военноплѣннаго въ 1741 г. и написавшаго пошведски книгу: „Краткое введеніе къ исправленію Шведской исторіи“ 1816 г. Шенстремъ говоритъ, что въ его время около Каргополя

*) «Очерки Русской исторической географіи. Географія начальной (Несторовой) лѣтописи». Изслѣдованіе *Н. П. Барсова*. Варшава. Изд. 2-е. 1885 г., стр. 60—64.

Олонецкой губ., по рѣкѣ Вагѣ и по озерамъ Онежскому и Ладожскому говорили испорченнымъ финскимъ языкомъ, что собственно Біармія нѣкогда лежала на восточномъ берегу Двины, а къ востоку отъ Перми и рѣки Камы живетъ народъ, который Русскіе называютъ Вогулами. „Прежде они жили, какъ разсказывали мнѣ нѣкоторые изъ нихъ, на рѣкахъ Двинѣ и Югѣ и назывались тогда *Югорски* (Iugorski), безъ сомнѣнія, по рѣкѣ Югу". (Барсовъ, стр. 245, примѣч. 115-е). Это преданіе Вогуловъ кромѣ *Шенстрема* сообщили *Миллеръ* и *Кастренъ* *). Изъ позднѣйшихъ изслѣдователей Югры слѣдуетъ остановиться на *Замысловскомъ*, который высказалъ свой взглядъ по этому вопросу въ монографіи о Герберштейнѣ. Вотъ его окончательныя сужденія объ Югрѣ. „На основаніи доводовъ и соображеній, приведенныхъ Н. Барсовымъ, мы готовы допустить, что названіе Югра въ нашихъ письменныхъ памятникахъ XII—XIV в.в. относится къ землѣ, лежавшей къ западу отъ Урала. *Но въ XV в. Югорскою землею называли также и область, прилегавшую къ восточнымъ склонамъ Урала*, что вѣроятно и привело Лерберга къ очень одностороннимъ и невѣрнымъ заключеніямъ" **). „Извѣстія, до насъ дошедшія отъ XV вѣка, далеко превосходятъ все то, что было извѣстно объ Югорской землѣ до этого времени; но все же они весьма недостаточны для того, чтобы съ увѣренностью возстановить то представленіе о ней, какое существовало въ это время. Можетъ быть, этимъ именемъ и продолжали означать область, прилегавшую къ сѣверо-западнымъ склонамъ Урала; но *въ то же время Югорскою землею несомнѣнно называли область на восточныхъ склонахъ Урала, по системѣ р. Оби*" ***). Замысловскій доказываетъ это выпиской изъ „Разрядныхъ книгъ" (Миллеръ, 63), свидѣтельствомъ Архангелогородской лѣтописи подъ 1483 годомъ и Герберштейна. Пересмотромъ вопроса о древней Югрѣ послѣ Замысловскаго занялся г. *Оксеновъ* ****).

---

*) **Müller**: «D. Ugrische Volksstamm», I, 153. **Castren**: «Ethnol. Vorlesungen», pag. 99.

**) *Е. Е. Замысловскій*: «Герберштейнъ». СПБ. 1884 г., сноска на стр. 139.

***) Тамъ же, стр. 138.

****) «Сношенія Новгорода Великаго съ Югорской землей» въ «Литературномъ сборникѣ», изданномъ редакціей «Восточнаго Обозрѣнія». СПБ. 1885 г.

Онъ расходится съ Барсовымъ и Замысловскимъ только въ томъ, что признаетъ существованіе Зауральской Югры и до XIV вѣка. „Съ одной стороны, говоритъ онъ, въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ о Югрѣ до XIV вѣка мы не имѣемъ ясныхъ указаній на положеніе Югорской земли на западъ отъ Урала и вообще какихъ либо опредѣленныхъ извѣстій о географіи этой страны; за то съ другой стороны цѣлый рядъ извѣстій о Югорской землѣ (со второй половины XIV в. до самаго начала XVIII в.) положительнымъ образомъ свидѣтельствуетъ, что Югорская земля находилась за Ураломъ, по нижнему теченію Оби. Поэтому, допуская, что можетъ быть Югорская земля до полов. XIV в. полагалась русскими людьми отчасти на западѣ отъ Урала, мы въ тоже время рѣшаемся утверждать, на основаніи многихъ извѣстій о Югрѣ съ полов. XIV в. до начала XVIII в., что *подъ Югрой и въ древнее время до XIV в. разумѣлась страна за Ураломъ, въ бассейнѣ Оби*“ (стр. 429 указаннаго „Сборника“). Эти слова сближаютъ г. Оксенова съ учеными второй группы въ вопросѣ объ Югрѣ. Послѣднимъ по времени сочиненіемъ, въ которомъ удѣлено не мало страницъ угорскому вопросу, надо назвать монографію о Пермякахъ Казанскаго профессора *И. Н. Смирнова* *). Этотъ трудъ особенно важенъ тѣмъ, что въ немъ принята во вниманіе мѣстная историческая литература, съ которою всѣ вышепоименованные ученые, какъ видно, почти не знакомы; между тѣмъ мѣстные историки не рѣдко знаютъ областную исторію лучше общихъ историковъ, ошибки которыхъ и исправляютъ путемъ мѣстныхъ изысканій. Г. Смирновъ главною цѣлью поставилъ себѣ изученіе Пермяковъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ, но какъ историческія судьбы ихъ тѣсно связаны съ судьбами сосѣднихъ угорскихъ народовъ, то автору „Пермяковъ“ неизбѣжно пришлось имѣть дѣло и съ угорскимъ вопросомъ. Приведемъ главные выводы автора относительно древней Югры. „Что Коми не одни населяли берега Вычегды—несомнѣнно. Всѣ болѣе или менѣе

*) Напечатана въ «Извѣстіяхъ Общества Археол., Исторіи и Этнографіи при Импер. Казан. Универс.» томъ IX, вып. 2. Казань. 1891 г. Свои основные выводы авторъ повторяетъ въ одной критической замѣткѣ на книгу «Пермскій Край», томъ II, помѣщенной въ тѣхъ же «Извѣстіяхъ», томъ XI, вып. 4, стр. 400—405. Казань. 1893 г.

крупныя воды края имѣютъ двойныя названія: Вычегда у Зырянъ называется Йож-ва, Вымъ—Йом-ва, Сысола—Сыктыл-ва, Ухта (притоки Выма)—Сыква. Какой народъ далъ не зырянскія названія—отчасти выяснилъ *Европеусъ* *). Онъ очень удачно истолковалъ названіе Вычегды изъ Югорскихъ словъ. Югорское названіе Вычегды должно, конечно, свидѣтельствовать о томъ, что *первыми насельниками на ея берегахъ, или по крайней мѣрѣ сѣверномъ, была Югра, и что русскіе застали ее здѣсь, вступая впервые въ край. Въ пользу пребыванія Югры на всемъ теченіи Вычегды говорятъ и другія мѣстныя названія*.... Названіе р. Егры (Йогра), впадающей въ Сухону на западъ отъ Устюга, можетъ свидѣтельствовать, что Югра заходила на западъ дальше устья своей Вычегды. Выводы относительно территоріи Югры, сдѣланные нами на основаніи мѣстныхъ названій, подтверждаются нѣкоторыми, хотя и скудными, историческими данными. У Епифанія въ „Плачѣ Пермскихъ людей“ мы читаемъ: „быхомъ поношеніе *сусѣдомъ* нашимъ иноязычникомъ Лопи, *Вогулицамъ*, *Югрѣ*, и Пинезѣ.... иноязычницы *Вогулицы* наступаютъ“. Югра, стало быть, были ближайшими сосѣдями Вымичей еще въ XIV вѣкѣ. Въ первой половинѣ XV в. епископъ Питиримъ, имѣвшій свое пребываніе въ Вымѣ, обращаетъ въ христіанство какихъ-то Вогуличей и дѣлается затѣмъ жертвой своей миссіонерской ревности“ (стр. 106—107). Далѣе И. Н. Смирновъ приводитъ много другихъ свидѣтельствъ о пребываніи Вогуловъ по сю сторону Урала на основаніи мѣстныхъ документовъ Пермскаго и Вологодскаго края; почти всѣ они собраны въ разныхъ мѣстахъ и нашего изданія, почему мы ихъ не повторяемъ (особенно см. I выпускъ). Окончательный выводъ автора о мѣстѣ жительства древней Югры таковъ: „Прибавимъ къ тому, что говорятъ историческія свидѣтельства, названія, въ которыхъ звучитъ имя Вогуловъ: рѣчка Вогулка—притокъ Иньвы близъ Купроса, рѣч. Вогулка—притокъ Косьвы, р. Вогулка—прит. Печеры, селенія: Вогулята, Вогульскій, юртъ Вогула на Печерѣ—

---

*) *Европеусъ*: «Объ Угорскомъ народѣ». СПБ. 1874 г., «Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ сѣверной и средней Россіи до Славянъ» въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1868 г., т. III, стр. 55—71 и другіе труды.

и мы будемъ имѣть рядъ безспорныхъ доказательствъ въ пользу того, что *въ періодъ отъ половины XV до конца XVII в. Маньсы жили еще на пространствѣ между Усть-Вымомъ и Ураломъ, по рѣкамъ Вычегдѣ, Печерѣ и восточнымъ притокамъ Камы—Колвѣ, Вишерѣ, Яйвѣ, Косьвѣ и Чусовой*.... Передвиженіе Югры на востокъ представляетъ собою результатъ борьбы, въ которой Югрѣ принадлежала оборонительная роль. *Югра ассимилировалась, отступала, пока главная масса ея не перешла наконецъ черезъ Уралъ.* Тогда, вѣроятно, сложились вогульскія опредѣленія восточнаго и западнаго склоновъ Урала—зырянская сторона, вогульская сторона. Борьба эта не остановилась у подножія Урала: мы видимъ ее еще и теперь. *Югра уступаетъ постепенно оба склона Урала Перми—Зырянамъ*" (стр. 109—110).

Изъ представленнаго обозрѣнія ученыхъ мнѣній относительно мѣстоположенія древней Югры не трудно усмотрѣть, что мнѣніе о постепенномъ передвиженіи Югры изъ Европы въ Азію чрезъ сѣверный Уралъ настолько установилось въ наукѣ, что его врядъ-ли можно отвергать. Теперь мы должны классифицировать мнѣнія тѣхъ же ученыхъ о генетическомъ отношеніи древней Югры къ современнымъ намъ Вогуламъ и Остякамъ. Съ этой стороны мы замѣчаемъ также три группы ученыхъ: одни считаютъ Югру предками нынѣшнихъ Вогуловъ и Остяковъ вмѣстѣ, другіе—только Вогуловъ, третьи только Остяковъ. Разсмотримъ отдѣльно научныя основанія каждаго мнѣнія.

Мы знаемъ уже, что слово „Югра" или „Угра" употреблялось у насъ съ первыхъ вѣковъ нашей исторіи рядомъ съ названіями „Пермь" и „Печера". Одновременное употребленіе этихъ трехъ гео-этнографическихъ терминовъ на территоріи нынѣшней сѣверо-восточной Россіи доказываетъ, что передвиженіе Югры за Уралъ, а Перми на ея прежнія мѣста—съ верхняго Покамья (область Коми) на Вычегду и Печору—началось еще въ доисторическія времена, такъ какъ первое совмѣстное упоминаніе Югры и Перми въ нашей первоначальной лѣтописи относится къ XI вѣку. Мы сказали выше о *зырянскомъ* происхожденіи слова Югра, подъ которымъ Зыряне и доселѣ разумѣютъ зауральскихъ Остяковъ; того же *зырянскаго* происхожденія и слово Вогулъ (по зы-

рянски Ваголъ). Русскій народъ сохранилъ доселѣ только послѣднее названіе, а слово Югра позабылъ, потому что, какъ увидимъ далѣе, собственно Югрою въ тѣсномъ смыслѣ онъ считалъ не всѣхъ Остяковъ, а лишь обитателей зауральскихъ рѣкъ Сыгвы и Сосвы, которые съ XVIII вѣка уступили и это мѣсто, и свое древнее наименованіе предкамъ современныхъ намъ угорскихъ народовъ. Въ воспоминаніяхъ Русскаго народа всѣ древнѣйшіе обитатели пермской и угорской территорій объединились въ собирательномъ славянскомъ названіи *Чуди*, чуждыхъ народовъ *). Здѣсь-то возникаетъ вопросъ: кому именно—Вогуламъ и Остякамъ вмѣстѣ, или кому-либо отдѣльно уступила мѣсто совсѣмъ исчезнувшая съ этнографической карты Россіи въ XVIII вѣкѣ собственно Югра, для которой послѣднимъ убѣжищемъ служили берега Сыгвы и Сосвы, какъ ясно видно изъ „Книги Большему Чертежу"? Изслѣдователи этого важнаго вопроса опять раздѣлились на три, рѣзко очерченныя, группы, которыя мы и указали выше. Начнемъ съ первой группы ученыхъ.

Первый спеціальный изслѣдователь древней Югры, *Лербергъ*, констатировавъ ближайшее родство Вогуловъ съ Остяками, высказалъ мнѣніе, что древняя Югра, понимаемая имъ только въ широкомъ смыслѣ, была предшественницей нынѣшнихъ Вогуловъ и Обскихъ Остяковъ безразлично. „Вогуличи или Вогулы, говоритъ онъ, ссылаясь на *Георги*, *Рычкова* и *Фалька*, суть ближайшіе родственники Обскихъ Остяковъ; они считаютъ себя однимъ съ ними народомъ, а потому какъ самихъ себя, такъ и сихъ Остяковъ называютъ Манси". („Изслѣдованія", стр. 18 и слѣд.). На этомъ основаніи, по мнѣнію Лерберга, нѣтъ надобности доказывать, кто такая была древняя Югра—родоначальница Вогуловъ или Остяковъ; *она была общимъ ихъ предкомъ*. Того же мнѣнія держались представитель алтайской теоріи Финно-Угровъ *Кастренъ* и самый крайній сторонникъ угорской теоріи *Европеусъ*, объединявшій Вогуловъ и Остяковъ въ племенномъ названіи Угровъ и отводившій послѣднимъ громадную терри-

---

*) *И. Н. Смирновъ:* «Пермяки», стр. 114—115 и слѣд. Попытки *Европеуса* и его послѣдователей отнести слово Чудь только къ предкамъ Югры оказываются малоудачными.

торію, вопреки филологическимъ изысканіямъ *Шегрена*. Въ своихъ выводахъ Европеусъ менѣе доказателенъ относительно Угровъ, нежели Шегренъ въ отношеніи Коми, т. е. Зырянъ и Пермяковъ. Взглядамъ Европеуса въ свою очередь слѣдовали и другіе сторонники угорской теоріи. Изъ нашихъ мѣстныхъ изслѣдователей здѣсь мы должны упомянуть *Ѳ. А. Теплоухова*, который въ послѣдней работѣ своей склонился на сторону того же цикла ученыхъ, вопреки собственныхъ прежнихъ заключеній о взаимномъ родствѣ финскихъ народовъ *).

Вторая группа ученыхъ держится мнѣнія, что древняя Югра была предкомъ нынѣшнихъ Вогуловъ, обитавшихъ прежде на обоихъ склонахъ Урала. До половины нашего вѣка это мнѣніе было преобладающимъ въ наукѣ. Основаніями для него служили два соображенія: во 1-хъ, что въ письменныхъ памятникахъ Югра въ тѣсномъ смыслѣ указывается тамъ, гдѣ и понынѣ слышится вогульскій языкъ, и во 2-хъ, что между самими Вогулами сохранилось преданіе о ихъ быломъ жительствѣ къ западу отъ Урала**). *Г. Ф. Миллеръ* въ „Описаніи Сибирскаго Царства“ (стр. 61—62) высказалъ мысль, что Югра была остаткомъ переселившихся въ IX в. съ Урала Венгровъ, а какъ Вогуличи суть „первый народъ въ Сибири, которые близко подлѣ горъ и нѣкоторые еще посреди оныхъ жилище свое имѣютъ“, то и надобно думать, что они суть потомки древней Югры. *Фишеръ* видѣлъ въ Югрѣ предковъ припечерскихъ Вогуличей и вмѣстѣ съ Миллеромъ, какъ мы упоминали, считалъ Самоѣдовъ въ свою очередь предшественниками самой Югры по обладанію тѣми же землями. Послѣднее замѣчаніе имѣетъ важное историческое значеніе, и справедливость его основательно доказана въ трудахъ *А. Регули*, о чемъ мы подробно скажемъ далѣе, въ своемъ мѣстѣ. Затѣмъ такое же мнѣніе о преемственности Югры—Вогуловъ высказалъ академикъ *Гофманъ* послѣ личнаго посѣщенія сѣ-

*) «Древности Пермской Чуди въ видѣ баснословныхъ людей и животныхъ» во II томѣ сборника «Пермскій Край». Пермь. 1893 г.

**) Это преданіе сообщилъ упомянутый выше шведъ *Шонстремъ*, авторъ «Краткаго введенія къ исправленію Шведской исторіи», бывшій въ Россіи въ 1741 г., а за нимъ и другіе писатели объ Уграхъ.

вернаго Урала. Это мнѣніе мы привели выше, такъ какъ Гофманъ соединилъ его нераздѣльно съ вопросомъ о мѣстѣ жительства Югры *). Главнымъ основаніемъ его мнѣнія служитъ то соображеніе, что нынѣ на Сыгвѣ и Сосвѣ живутъ „Ляпинскіе Остяки", которые говорятъ однимъ языкомъ съ Вогулами и, подобно имъ, называютъ сами себя *Мансы*, тогда какъ Обдорскіе Остяки говорятъ совершенно другимъ языкомъ, настолько отличнымъ отъ языка Ляпинскихъ Остяковъ, что для каждаго нуженъ особый переводчикъ (стр. 50). Замѣтимъ при этомъ, что Обдорскіе Остяки и не называютъ себя Манси, но присвоили себѣ другое самоназваніе—*Аръяхи* или *Хондихо*. Это самое мнѣніе о преемственности Югры—Вогуловъ высказалъ извѣстный знатокъ мѣстной этнографіи и исторіи Урала *Н. К. Чупинъ* **). Приведемъ его конечный выводъ. „Въ Тобольской губ. необрусѣлыхъ Вогулъ еще довольно много; они обитаютъ главнымъ образомъ въ волостяхъ Ляпинской и Сосвинской. *Русскіе называютъ ихъ Остяками Ляпинскаго нарѣчія, хотя это настоящіе Вогулы и существенно разнятся отъ сѣвернѣе живущихъ Обскихъ Остяковъ*. Зыряне называютъ сѣверныхъ Вогулъ (Остяковъ Ляпинскаго нарѣчія) *Егра*, *Іогра*. Русскіе называютъ двѣ малыхъ рѣчки, выходящіе изъ Уральскаго хребта и впадающія—одна въ Илычъ, притокъ Печоры, другая въ верхнюю часть Сѣверной Сосвы—*Юграми*, а горный проходъ между этими рѣчками—*Югринскимъ переходомъ*. Вторая изъ этихъ рѣчекъ, сибирская, называется также и *Вогулкою*. По всей вѣроятности, *Вогулы суть остатки того самаго народа, который въ древности извѣстенъ былъ подъ именемъ Югры* и названіе котораго вошло въ русскій царскій титулъ (князь земли Югорскія)". Ко второй группѣ ученыхъ, принимающихъ Югру за предковъ нынѣшнихъ Вогуловъ, относится еще проф. *Н. П. Барсовъ*. Обративъ вниманіе на то, что между самими Вогулами еще въ прошломъ вѣкѣ сохранялась память о ихъ быломъ мѣстѣ жительства къ западу отъ Урала, онъ заключаетъ: „*Сродство теперешнихъ Мадьяръ, потомковъ Черныхъ Угровъ*,

---

*) «Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-Хой». Томъ II, стран. 47—51. СПБ. 1856 г. (Экспедиція 1847 года).

**) *Н. К. Чупинъ*: «Географическо-статист. словарь Пермской губ.». Пермь. 1873 г., стр. 339, статья «Вогулы».

съ Сибирскими Вогулами, потомками Заволоцкой Югры, теперь не подлежитъ, повидимому, сомнѣнію. Что касается Бѣлыхъ Угровъ, то послѣ изслѣдованія *К. Я. Грота*, вопросъ о нихъ можетъ считаться покончеиным. *Бѣлые Угры нашего лѣтописца обозначаютъ несомнѣнно Казаръ*, какъ то полагалъ еще *Шлецеръ*" *).

Третья группа ученыхъ, признающая преемственность Югры—Остяковъ, является преобладающею по числу послѣдователей со второй половины нашего вѣка, и только глава ея, *Карамзинъ*, стоитъ особнякомъ въ началѣ этого вѣка. Весь этотъ циклъ ученыхъ исходилъ изъ того соображенія въ рѣшеніи даннаго вопроса, что въ памятникахъ нашей древней письменности Югра и Вогулы упоминаются рядомъ, одновременно, тогда какъ упоминанія объ Остякахъ начинаются только съ XVI вѣка, когда слово Югра начинаетъ выходить изъ употребленія; слѣдовательно эти Остяки и суть потомки древней Югры. Мы замѣтили, что первымъ представителемъ этого воззрѣнія былъ *Карамзинъ*. Разбирая этнографическую номенклатуру Нестора, онъ добавляетъ отъ себя: „*Пермь жила въ губерніи сего имени; Югра или нынѣшніе Березовскіе Остяки,—на Оби и Сосвѣ*" **). Относительно имени Остяковъ онъ замѣчаетъ: „Имя Остяковъ есть новое Татарское: покоривъ часть Сибири въ XIII вѣкѣ, Татары назвали ея жителей *Уштяками*, т. е. *людьми дикими*. Вогуличи именуютъ Березовскихъ Остяковъ *Мансами*: такъ называются и сами Вогуличи. *Теперь нѣтъ особеннаго народа Печорскаго. Думаю, что такъ назывались нынѣшніе Зыряне, а не Самоѣды*, которые въ Несторовой лѣтописи именуются особенно Самоядью" (примѣч. 73 къ I тому). Въ 1857 г. извѣстный знатокъ Березовскаго края, мѣстный Сибирскій ученый *Н. А. Абрамовъ* писалъ: „Въ древнихъ актахъ, при упоминаніи народовъ, населявшихъ обѣ стороны Сѣвернаго Урала, нигдѣ не встрѣчается имени Остяковъ, между тѣмъ какъ о сопредѣльныхъ имъ племенахъ, Самоѣдахъ, Юграхъ и Вогулахъ, есть свидѣтельство ранѣе XIII стол. *Надобно*

---

*) *Барсовъ:* «Очерки Русск. историч. географіи». Варшава. 1885 г., стр. 65.

**) «Исторія» по изданію бр. Слѣпиныхъ, I, 35 и примѣч. 73; кромѣ того см. т. IX, примѣчаніе 659.

положить, что Остяки разумѣлись у насъ въ древности подъ именемъ Югры, хотя Югрія, между Обдоріею и Кондіею, была только среднею частію остяцкихъ владѣній, гдѣ нынѣ волости Ляпинская и Сосвинская, по рѣкамъ Сыгвѣ (Ляпину) и Сосвѣ" *). Проф. *И. Д. Бѣляевъ* около того же времени высказалъ подобный взглядъ на основаніи свидѣтельствъ Архангелогородскаго лѣтописца и разныхъ Разрядныхъ книгъ о походахъ Москвитянъ въ Югру и на Вогуличей **). Но окончательно этотъ взглядъ на преемственность Югры—Остяковъ упрочилъ *Бушенъ* въ извѣстномъ уже намъ спеціальномъ изслѣдованіи о древней Югрѣ. На его доводахъ мы должны остановиться подольше. „Древнѣйшее знакомство Русскихъ съ Остяками относится ко времени разрушенія Кучумова царства и покоренія сибирскихъ Татаръ, владѣвшихъ большею частью самоѣдскихъ и остяцкихъ племенъ. Съ этого же времени имя Югры теряетъ свое прежнее этнографическое значеніе и получаетъ новое, чисто историческое, *т. е. обозначаетъ часть Югорской земли въ предѣлахъ, опредѣленныхъ ей „Книгою Большаго Чертежа"*, точно въ такомъ же смыслѣ, какъ у насъ и понынѣ приняты названія Ломбардіи, Бургундіи и Пруссіи для земель, бывшихъ нѣкогда во власти этихъ, давно исчезнувшихъ, народовъ. При томъ же *въ лѣтописяхъ намъ нигдѣ не случалось встрѣчать вмѣстѣ имя Югровъ съ именемъ Остяковъ*, такъ что можно почти навѣрное сказать, что подъ обоими именами подразумѣвался одинъ и тотъ же народъ" ***). Упомянувъ далѣе, что „между обскими Остяками съ древнѣйшихъ временъ существуетъ преданіе о прежнемъ знакомствѣ ихъ *съ Пермскою Чудью*, отъ которой, по словамъ г. Абрамова, многіе роды остяцкіе ведутъ свое происхожденіе, г. Бушенъ заключаетъ отсюда о прежнемъ жительствѣ Остяковъ на Уралѣ и далѣе къ западу, гдѣ они дѣлали нападенія на Великую Пермь и проникали до рѣки Выми. Окончательный выводъ г. Бушена таковъ:

---

*) «Описаніе Березовскаго края» въ «Запискахъ Императ. Русскаго Географич. Общества», кн. XII. СПБ. 1857 г., стр. 329.

**) «О географич. свѣдѣніяхъ въ древней Россіи» въ томъ же изданіи кн. VI. СПБ. 1852 г., стр. 240—250.

***) *А. Бушенъ:* «Опытъ изслѣдованія о древней Югрѣ» въ «Вѣстникѣ Импер. Русск. Географич. Общ.» кн. IV. СПБ. 1855 г., стр. 178.

„Совокупивъ все сказанное, мы невольно приходимъ къ заключенію, что разсѣянныя остяцкія племена, кочующія нынѣ розно на Оби, Иртышѣ, Кондѣ и Тавдѣ и отчасти на Кети, или *Остяки въ собственномъ смыслѣ суть ничто иное, какъ потомки вытѣсненной съ Урала Югры*, бывшей нѣкогда данницею Великаго Новгорода и вмѣстѣ съ тѣмъ крайнимъ предѣломъ его владычества, и что *Вогулы, живущіе нынѣ на прежней Югорской землѣ, приняли къ себѣ только небольшую часть этого народа, котораго большинство составляютъ обскіе Остяки*“ (стр. 178—179). Изслѣдованіе г. Бушена надолго закрѣпило такой взглядъ на Югру въ нашей наукѣ; послѣдующіе изслѣдователи того же вопроса являлись не рѣдко только компиляторами его. Таковъ, напримѣръ, позднѣйшій спеціальный изслѣдователь вопроса г. *Оксеновъ* *). Между прочимъ онъ пишетъ: „Нѣкоторые ученые допускаютъ, что Югрой въ древнее время назывались Вогулы. Однако противъ такого мнѣнія говоритъ тотъ фактъ, что въ лѣтописяхъ и другихъ источникахъ о Вогулахъ и Югрѣ упоминается, какъ о двухъ отдѣльныхъ народахъ“. Объ Остякахъ же нѣтъ упоминанія рядомъ съ Югрой; поэтому „едва-ли можно сомнѣваться въ тождественности Остяковъ и Югорскаго народа, который въ древнее время назывался просто Югра“ (стр. 432—433). О границахъ древнихъ поселеній Остяковъ авторъ замѣчаетъ: „Безъ сомнѣнія, границы области, нынѣ занимаемой Остяками, не могутъ вполнѣ считаться границами древней Югорской земли, но во всякомъ случаѣ (?) не слѣдуетъ, какъ это дѣлаетъ *Лерберъ*, включать мѣста по рѣкамъ Турѣ, Тавдѣ и Чусовой въ предѣлы древней Югорской земли. Въ этихъ мѣстахъ теперь нѣтъ Остяковъ, и также не встрѣчается историческихъ свидѣтельствъ о пребываніи ихъ въ этихъ краяхъ“ (стр. 433). Ниже мы укажемъ, на основаніи достовѣрныхъ документовъ, ошибочность послѣдняго замѣчанія г. *Оксенова*.

Здѣсь мы закончимъ двоякую группировку ученыхъ мнѣній о древней Югрѣ, которая достаточно уяснила намъ современное состояніе въ наукѣ этого вопроса, какъ видимъ,

*) См. его «Сношенія Новгорода Великаго съ Югорской землей» въ «Литерат. Сборникѣ», изданномъ редакціей «Восточнаго Обозрѣнія». СПБ. 1885 г., стр. 425—446.

столь же сложнаго, какъ и вопросъ о древней Перми, обозрѣнію котораго мы посвятили много страницъ въ I выпускѣ „Пермской Старины". Разобравшись въ источникахъ и литературѣ вопроса объ Югрѣ, мы позволимъ высказать свой взглядъ относительно загадочной страны Югры и Югричей, принявъ во вниманіе и мѣстные историческіе акты и документы, какъ видно, мало или совсѣмъ неизвѣстные указаннымъ выше изслѣдователямъ Югры, исключая проф. И. Н. Смирнова, лично бывавшаго въ Пермскомъ краѣ въ послѣдніе годы.

Названіе *Югра*, какъ и *Пермь*, употреблялось въ древности въ двоякомъ гео-этнографическомъ значеніи: *собирательномъ*, *общемъ* значеніи разныхъ земель, населенныхъ народами одного Угорскаго племени, и *спеціальномъ*, *частномъ* значеніи собственно Югры, какъ особой исчезнувшей уже народности въ бассейнѣ Сыгвы (Ляпины тоже) и Сѣверной Сосвы, на восточномъ склонѣ Урала. Соотвѣтственно этому въ тѣ же времена употреблялись слова *Пермь* въ общемъ значеніи всѣхъ земель, населенныхъ народами Пермской группы—Зырянами и собственно Пермяками, и *Пермь Великая* въ частномъ значеніи колыбели этого племени на верхнемъ Покамьѣ, между озеромъ Чусовскимъ и рѣкою Чусовою, откуда произошелъ добавочный эпитетъ Перми Великой, *„глаголемой Чусовой"* *).

Въ первый разъ въ общемъ, собирательномъ значеніи слово Югра употреблено въ нашей первоначальной лѣтописи XI вѣка: „Заволочьская Чудь, Пермь, Печера, Ямь, *Угра*". Такъ названъ народъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ; въ Ипатьевскомъ и Хлѣбниковскомъ на томъ же мѣстѣ читаемъ *Югра*—доказательство тождественности обоихъ названій. Въ остальныхъ спискахъ первоначальной лѣтописи этотъ народъ совсѣмъ не упомянутъ. Подъ 1096 годомъ, въ извѣстіи о первомъ путешествіи въ Югру новгородцевъ, бывшемъ за 4 года предъ тѣмъ, т. е. 1092 г., читаемъ: „послахъ отрокъ свой *въ Печеру*, люди, *яже* суть дань дающе Новугороду..,.. *и оттуду иде въ Югру***). *Югра же*, читаемъ далѣе, *людье*

*) Моя «Пермская Старина», вып. 1, стр. 65—67.

**) Такъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ; въ остальныхъ въ этомъ мѣстѣ сказано: «и оттуду иде въ Угру» (или въ Угры).

есть языкъ нѣмъ и *сѣдять съ Самоядью на полунощныхъ странахъ*". Изъ сопоставленія подчеркнутыхъ словъ ясно, что во 1-хъ, подъ Печерой остается разумѣть *третій* народъ—Печерскую Пермь или Зырянъ; во 2-хъ, попасть въ Югру можно было только *чрезъ Печеру*; въ 3-хъ, Югрой здѣсь названа страна, *лежавшая за Печерой*. („И оттуду, съ Печеры, иде въ Югру"). Слѣдовательно, *подъ 1096 г. Югра впервые упомянута въ частномъ, спеціальномъ значеніи страны и народа, жившаго за Печерой и за Ураломъ*, именно на Сыгвѣ или Ляпиной и Сѣверной Сосвѣ*). Подъ 1114 годомъ Ипатьевская лѣтопись замѣчаетъ: „и еще мужи старіи ходили *за Югру и за Самоядь*".**) Въ послѣднихъ словахъ нельзя не видѣть перваго, древнѣйшаго извѣстія о путешествіяхъ Новгородцевъ еще далѣе Сосвинской Югры за Ураломъ, при чемъ и въ этомъ случаѣ слово Югра нужно понимать въ тѣсномъ, собственномъ значеніи. И такъ, уже въ самомъ началѣ нашей исторіи мы видимъ Югру на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и впослѣдствіи, т. е. на берегахъ Ляпиной и Сосвы ***). Главная масса Угровъ, стало быть, передвинулась за Уралъ еще въ доисторическую эпоху, послѣ чего къ западу отъ Урала Угры встрѣчались только спорадически, уступивъ большую часть своей прежней территоріи передвинувшейся съ р. Камы на сѣверъ Перми. Это передвиженіе несомнѣнно совершилось также до временъ Нестора, заставшаго Пермь уже на Вычегдѣ и Печорѣ. Югра уступала однако свои прежнія мѣста не безъ борьбы съ надвигавшимися на нее съ запада Новгородцами и другими ближайшими насельниками тѣхъ мѣстъ и, въ свою очередь, потѣснила аборигеновъ Сѣвернаго Урала—Самоѣдовъ въ далекія „полунощныя страны", т. е. на прибрежья Ледовитаго океана.

Сказанное подтверждается какъ дальнѣйшими лѣтописными извѣстіями объ Югрѣ, такъ и многими современными географическими названіями на Сѣверномъ Уралѣ, которыя, по словамъ *А. Регули*, суть ничто иное, какъ переводъ

---

*) Сравнить въ «Пермск. Старинѣ», вып. I, стр. 33—35.

**) Въ Ермолаевскомъ спискѣ начала XVIII в. сказано: «*за Угры и за Самоиды*».

***) Въ этомъ отношеніи мы совершенно согласны съ мнѣніемъ *Карамзина*.

самоѣдскихъ словъ на вогульскій, остяцкій и зырянскій языки. Самоѣдскія названія держались на Уралѣ еще долго и послѣ занятія части его Уграми, и только съ начала XVIII в. окончательно вытѣснены были угорскими и зырянскими *). При этомъ какъ передвигавшіеся Угры кое-гдѣ оставляли позади себя отдѣльныя колоніи, такъ и Самоѣды отдѣльными родами еще долго встрѣчались по Уралу довольно далеко отъ его сѣверной оконечности, до истоковъ Вишеры и Южной Сосвы, въ предѣлахъ нынѣшней Пермской губерніи **). Обращаясь къ дальнѣйшимъ лѣтописнымъ свидѣтельствамъ за XII вѣкъ, мы убѣждаемся еще болѣе въ оборонительной роли Югры на пути ея отступленія. Подъ 1187 г. Первая Новгородская лѣтопись говоритъ: „избьени быша Печерьскѣи даньникы и *Югъръскіи въ Печеръ*“, а IV-я Новгородская лѣтопись то же извѣстіе варіируетъ такъ: „избьени быша даньникы Перемьскіи и Югорьскіи“, что доказываетъ, что Пермь и Югра иногда сообща сопротивлялись платежу дани Новгороду Великому, будучи тогда въ одинаковомъ положеніи. Подъ 1193 г. I Новгород. лѣт. говоритъ въ первый разъ о двухъ городахъ Югорскихъ, не называя ихъ по имени, гдѣ потерпѣла неудачу новгородская дружина съ воеводою Ядрѣемъ во главѣ. Мы полагаемъ, что и здѣсь рѣчь идетъ о городахъ *собственной Югры*, которые въ первый разъ поименованы только въ „Книгѣ Большему Чертежу“; нѣтъ никакихъ основаній предполагать въ этомъ извѣстіи какіе-то пріуральскіе югорскіе города, о которыхъ рано или поздно обмолвились-бы письменные источники, чего однако мы не видимъ въ нихъ.

Въ продолженіе XIII и XIV вѣковъ *Пермь*, Печера, *Югра* многократно упоминаются въ общемъ, собирательномъ значеніи этихъ словъ въ числѣ волостей Великаго Новгорода, въ его договорныхъ грамотахъ съ великими князьями Тверскими и Московскими ***). Первая договорная грамота,

*) См. переводъ письма *Регули* къ *Кеппену* въ «Запискахъ Русск. Географич. Общ.», кн. III, СПБ. 1849 г., стр. 164—165.

**) Ibidem. Объ угорскихъ колоніяхъ на окраинахъ Перми Великой см. «Пери. Стар.» I, 80, 81, 88—89, 93 и мн. др.

***) Сводъ этихъ извѣстій см. у *Замысловскаго* въ его «Герберштейнѣ» (СПБ. 1884 г., стр. 138) и въ цитированной статьѣ г. *Оксенова*, стр. 440—441 въ «Литературномъ Сборникѣ».

гдѣ въ числѣ волостей упомянута Югра, заключена съ вел. кн. Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ и относится къ 1265 году. „Въ это время Югорская земля считалась Новгородскою *волостью*, говоритъ изслѣдователь ея г. *Оксеновъ*, но когда именно Новгородцы стали смотрѣть на Югорскую землю, какъ на волость, т. е. какъ на болѣе или менѣе опредѣленное свое владѣніе—объ этомъ нѣтъ положительныхъ извѣстій“ (стр. 440). Вмѣстѣ съ *Карамзинымъ* этотъ изслѣдователь совершенно правильно опредѣляетъ положеніе древней Югры на Сыгвѣ и Сосвѣ *съ первыхъ же вѣковъ нашей исторіи* (стр. 428—429). Сказанное объ Югрѣ, какъ волости Новгородской, въ равной мѣрѣ относится и къ тогдашнимъ Перми и Печерѣ („Пермск. Стар.“ I, 37 и 153). Скудныя свѣдѣнія объ Югрѣ, Перми и Печерѣ даютъ однако г. *Оксенову* возможность сказать нѣсколько словъ и о характерѣ новгородскаго управленія древнею Югрою. „Изъ извѣстій о походахъ Новгородцевъ въ Югорскую землю, говоритъ онъ, видно, что въ эту страну ходили отряды такъ называемыхъ „даньщиковъ“ (сборщиковъ дани)... Собиралась эта дань въ видѣ серебра, разныхъ дорогихъ мѣховъ, въ особенности собольихъ, и въ видѣ другихъ цѣнныхъ предметовъ (I-я Новгор. лѣт. подъ 1193 г.). Размѣръ дани, если судить по извѣстіямъ лѣтописей, не былъ опредѣленъ. Новгородцы брали съ обитателей земли Югорской столько дани, сколько можно было взять при помощи всевозможнаго насилія....“ (стр. 442). Совершенно ту же характеристику новгородскаго управленія дѣлаетъ *Костомаровъ* и относительно тогдашней Перми. („Перм. Стар.“ I, 153). Но г. Оксеновъ подмѣчаетъ одну особенность въ управленіи Югры, именно что тамъ не было новгородскихъ *мужей*, какіе были на Печорѣ и въ Перми, и что власть Новгорода въ Югрѣ была слабѣе. Противъ этого мы должны возразить, что г. Оксеновъ ошибочно полагаетъ, будто упоминаемые имъ въ Перми „володѣтели“ Ярецъ, Брюхо и Гавриловъ были Новгородскія власти (стр. 444). Въ своемъ мѣстѣ мы доказали, что это были представители Московской власти въ Перми *). Точно также и на Печорѣ

*) «Пермск. Стар.» I, 157.

мы знаемъ только Московскихъ правителей *). Нѣтъ поэтому основанія утверждать, будто власть Новгорода надъ Югрою была слабѣе, нежели въ Перми и на Печорѣ: вездѣ она была скорѣе номинальною, чѣмъ дѣйствительною.

Со вступленіемъ въ XIV вѣкъ нашей исторіи, мы встрѣчаемъ болѣе свѣдѣній объ Югрѣ и ея сосѣдяхъ. Къ 1364 г. относится извѣстный походъ Новгородскихъ воеводъ Александра Абакумовича и Степана Ляпы на Обь, записанный въ IV Новгородской лѣтописи опредѣленнѣе всѣхъ предъидущихъ. Воеводы были одинъ на нижней Оби, вѣроятно въ Обдоріи, другой выше по Оби, вѣроятно въ собственной Югрѣ, чрезъ которую оба и возвратились въ Новгородъ. „Той зимы *съ Югры* Новъгородци пріѣхаша, замѣчаетъ лѣтопись,.... воевавши по Оби рѣки до моря". Слѣдовательно, воеводы возвращались *съ Оби чрезъ Югру*— ясное свидѣтельство о мѣстоположеніи Югры на пути съ Оби къ Печерѣ и далѣе на западъ. Другое важное свидѣтельство о томъ же находимъ въ памятникѣ конца XIV вѣка—сказаніи Епифанія о жизни и трудахъ святителя Стефана Пермскаго 1396—1397 г.г. **). Въ I вып. „Пермской Старины" (стр. 62—67) мы сдѣлали подробный разборъ этого свидѣтельства въ отношеніи къ Перми. Здѣсь намъ приходится отмѣтить одну важную и притомъ новую черту въ этомъ свидѣтельствѣ: въ числѣ жившихъ *вокругъ Перми* народовъ тутъ впервые упомянуты *отдѣльно Югра и Вогуличи*, что, какъ выше сказано, и послужило для ученыхъ *третьей* группы основаніемъ настаивать на генетической преемственности Югры—Остяковъ и обособленности Вогуловъ. Намъ же представляется это извѣстіе новымъ доказательствомъ того, что слово Югра обозначало часто особый народъ *собственно Югорскій*, подобный Пермякамъ въ Перми, а иногда тоже слово обозначало и всю совокупность народовъ одного Угорскаго племени, сознававшихъ свое племенное родство. Съ этой стороны мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе *фонъ-Бушена* о двоякомъ значеніи слова „Югра"—общемъ, собирательномъ и частномъ, спеціальномъ, въ каковомъ смыслѣ употреблялось

*) Перечислены въ той же статьѣ г. *Оксенова*, на стр. 444.

**) Напечатано въ «Памятникахъ старин. Русск. литературы», издав. гр. *Кушелевымъ Безбородко*. СПБ. 1862 г. вып. IV.

въ то же время и слово „Пермь". Въ виду этого употребленіе рядомъ наименованій Югры и Вогуличей, намъ кажется, еще не доказываетъ преемственности Югры—Остяковъ, какъ справедливо полагаютъ всѣ ученые *второй* группы; оно доказываетъ только существованіе *собственной Югры, какъ части обширной Угорской территоріи*, нѣкогда населенной Югричами, Вогулами и Остяками,—части *Югры въ широкомъ смыслѣ*, какъ понимали ее *Лерберъ* и *фонъ-Бушенъ*.

XV-й вѣкъ оставилъ намъ еще больше извѣстій о древней Югрѣ, чѣмъ всѣ предъидущіе. Важнѣйшими источниками для ознакомленія съ Югрою за это время служатъ Разрядныя книги, Архангелогородскій лѣтописецъ и Синодальная лѣтопись. Въ этомъ вѣкѣ кончается автономія Новгорода и борьбу съ Югрою продолжаетъ уже Москва. Пермь Вычегодская и Прикамская (Великая) принимаютъ теперь христіанство, почему духовная связь ея съ Югрою порывается, облегчая тѣмъ покореніе Югры Москвою. Поэтому въ первомъ Московскомъ походѣ противъ Югры въ 1465 г. рядомъ съ воеводою Василіемъ Скрябою мы видимъ князя Вымскаго Василія Ермолаевича „съ Вымичи и Вычегжаны", тогда какъ въ Новгородскомъ періодѣ исторіи князья Пермскіе заодно съ Югорскими боролись съ Русскими. Съ другой стороны, съ переходомъ власти въ руки Москвы, Вогуличи все чаще выступаютъ въ активной роли, и въ 1455 г. вогульскій князь Асыка умерщвляетъ даже Пермскаго епископа Питирима подъ Усть-Вымомъ. Откладывая фактическія подробности этой борьбы до слѣдующей главы, мы опять обратимъ здѣсь главное вниманіе на гео-этнографическую терминологію источниковъ. Прежде всего остановимся на извѣстіи Архангелогородской лѣтописи о походѣ въ Югру въ 1483 г. Вел. князь послалъ рать на Асыку, *„на Вогульскаго князя, да и въ Югру на Обь великую рѣку*.... И бысть имъ бой съ Вогуличи на усть рѣки Пелыни..... А воеводы оттолѣ пошли внизъ по Тавдѣ рѣцѣ, мимо Тюмень, въ Сибирскую землю,... *а отъ Сибири шли по Иртишу* рѣцѣ внизъ воюючи, да *на Обь рѣку великую въ Югорскую землю*, и князей Югорскихъ воевали". Послѣ гео-этнографическихъ перечней Нестора и договорныхъ грамотъ Новгорода XIII—XIV вѣковъ это—третій случай употребленія слова Югра въ общемъ

значенія его. Въ данномъ случаѣ Югорская земля ясно противополагается Сибирской землѣ, при чемъ въ понятіи „Югорская земля“ тутъ объединяются отдѣльныя части Угорской территоріи—собственно Югра, Конда и Обдорія. Только Вогуличи, противъ которыхъ собственно и былъ направленъ походъ, и которые простирали свои набѣги до самаго Усть-Выма, упомянуты здѣсь отдѣльно отъ прочихъ Угровъ, часть которыхъ они однако составляли. На нихъ, какъ главныхъ виновниковъ похода, лѣтописецъ и обращаетъ предпочтительное вниманіе предъ прочими Уграми. Замѣтимъ, что именно это лѣтописное свидѣтельство создало въ *Лерберѣ* широкое представленіе о древней Югрѣ, которое и имѣетъ значительную долю вѣроятія. Разумѣть въ приведенномъ извѣстіи одну собственную Ляпинско-Сосвинскую Югру во всякомъ случаѣ не представляется основаній: походъ захватывалъ обширный районъ въ долинѣ р. Оби.

Далѣе мы должны остановить вниманіе на извѣстіяхъ *Синодальной* лѣтописи (№ 365), которою пользовался Карамзинъ (см. выписки въ примѣчаніи 461 къ VI тому „Исторіи“). Она сообщаетъ подъ 1484 и 1485 годами важныя свѣдѣнія о взаимныхъ родовыхъ отношеніяхъ Угорскихъ князей, помогающія уясненію вопроса о тогдашней Югрѣ. Здѣсь упоминаются: *Вогулятинъ Пыткей, князь Кодскій*—(а по Архангелогор. лѣт. *Югорскій*); онъ былъ представителемъ *всея земли Кодскія и Югорскія*; затѣмъ *князь Кодскій Молданъ*, который въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ подъ тѣмъ же годомъ названъ „большимъ княземъ *Югорскимъ*“. *Вогульскій князь Юмшанъ*, сынъ Асыки, по словамъ Синодальной лѣтописи, *посылалъ въ 1484 году* къ великому князю въ Москву *шурина своего Вогулятина Юргу* бить челомъ. Наконецъ Синодальная лѣтопись называетъ общимъ именемъ *Кодскихъ* князей Лабу, Чангила, Молдана съ дѣтьми, Пынзея, Сонту и Пыткея. Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ данныхъ съ соотвѣтствующими показаніями Архангелогородскаго лѣтописца можно убѣдиться, что во 1-хъ, въ XV вѣкѣ „земля Кодская и Югорская“ имѣла одного большого князя Молдана, которому подчинялись нѣсколько второстепенныхъ; во 2-хъ, одни князья по происхожденію были настоящіе Югричи, другіе—Вогуличи, но всѣ были въ близкомъ между

обою родствѣ и совмѣстно дѣйствовали по отношенію къ Москвѣ; въ 3-хъ, всѣ князья раздѣлялись на Вогульско-Югорскихъ и Кодско-Югорскихъ, при чемъ названіе Югорскихъ было, повидимому, общимъ, племеннымъ, а прочія названія—частными, видовыми, означавшими отдѣльныя части Югры въ широкомъ смыслѣ. Важно особенно то, что понятіе Вогулъ входило въ составъ понятія Югорскій (*Вогулятинъ* Пыткей, князь *Югорскій, Вогулятинъ Юмшанъ*), поглощалось этимъ послѣднимъ. Совершенно анологичныя родовыя отношенія существовали нѣкогда между князьями Великопермскими и Вымскими *).

Послѣ двухъ указанныхъ лѣтописей въ ряду источниковъ объ Югрѣ важное значеніе имѣютъ Разрядныя книги, повѣствующія объ извѣстномъ Югорскомъ походѣ Москвитянъ въ 1499—1500 годахъ. Уже самое заглавіе одной изъ этихъ книгъ достойно вниманія: „Хоженіе воеводъ князя П. Ѳ. Ушатаго, да князя С. Ѳ. Курбскаго, да В. И. Заболоцкаго Бражника *въ Югорскую землю, на Кудъ и на Гогуличи*“ **). Югорская земля тутъ разумѣется въ тѣсномъ смыслѣ, подъ словомъ Кудъ очевидно разумѣется Кода на Оби, а подъ Гогуличами—Вогуличи. Такимъ образомъ тутъ ясно различаются 3 отдѣльныя части обширной Угорской территоріи. Въ другихъ источникахъ о томъ же походѣ въ Югру слово „Кудъ“ пропущено и замѣчено только, что походъ былъ направленъ *на Югорскую землю и на Гогуличи* (такъ въ Воскресенской лѣтописи), а въ Степенныхъ книгахъ упомянутъ походъ *на Угорскую землю и на Гогуличи.* Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ слова „Югорская земля“ надо понимать въ частномъ значеніи Ляпинско-Сосвинской Югры и вмѣстѣ Кодскаго княжества на Оби, гдѣ, какъ мы показали выше, сидѣли одни и тѣ же правители. *Гогуличи* были въ ближайшемъ родствѣ съ *Югричами*, упоминаемыми вездѣ рядомъ въ разсматриваемыхъ источникахъ. Мы уже говорили, что подъ Югричами разумѣемъ въ этихъ случаяхъ не однихъ Остяковъ, но и собственно Югорскій народъ, теперь не существующій,

*) «Пермская Старина», вып. I, 164.

**) Извлеченія изъ Книгъ Разрядныхъ напечатаны въ указанныхъ выше трудахъ проф. *И. Д. Бѣляева* и *Оксенова.*

уже вымершій и занимавшій когда-то такое же центральное положеніе въ семьѣ угорскихъ народовъ, какое Пермяки, Пермь собственно имѣли среди народовъ Пермской группы. Вымираніе кровныхъ Пермяковъ еще совершается на нашихъ глазахъ, для собственно—Югры этотъ процессъ кончился въ началѣ XVIII вѣка. Нельзя допускать полнаго вымиранія народности; можно признавать только исчезновеніе народности вслѣдствіе ассимиляціи ея съ другими сосѣдними народностями. Пермяки ассимилируются съ Русскими, *Югра ассимилировалась съ Вогулами и только отчасти съ Остяками* *). Это слѣдуетъ изъ того, что на Ляпинѣ и Сыгвѣ и теперь живетъ народъ, говорящій по-вогульски, называемый у Вогуловъ Манси, т. е. носящій ихъ собственное самоназваніе, и только у Русскихъ неправильно именуемый „Остяками Ляпинскаго нарѣчія". Можно допустить, что небольшая часть древнихъ Югричей ассимилировалась съ сосѣдними Березовскими Остяками, какъ и думалъ Карамзинъ; но что большая часть Югричей постепенно превратилась въ Вогуловъ—въ этомъ рѣшительно убѣждаетъ языкъ нынѣшнихъ обитателей береговъ Ляпиной и Сѣверной Сосвы—языкъ, почти не отличающійся отъ вогульскаго и весьма далекій отъ остяцкаго. Потому-то Вогулы какъ самихъ себя, такъ и этихъ жителей Ляпиной и Сосвы доселѣ называютъ именемъ *Манси*. Въ данномъ вопросѣ мы присоединяемся къ ученымъ *второй* группы, куда отнесли Миллера, Фишера, Гофмана, Барсова и изъ мѣстныхъ ученыхъ Чупина.

Письменные памятники XVI вѣка еще болѣе убѣждаютъ насъ въ существованіи въ прежнія времена особеннаго народа *Югричей*, постепенно овогулившихся и прекратившихъ свое индивидуальное существованіе. Въ царской грамотѣ 1557 г. Шоркарскому князю Певгѣю, что жилъ въ Югорской землѣ, за рѣкою Казымомъ (во Юсерскую землю Заказамскаго въ Сорскордо князю Певгѣю) **), упоминаются *Югорскіе князья и Югричи*. „А провожать нашихъ даньщиковъ Югорскимъ княземъ и Югричемъ и людемъ добрымъ

---

*) *Фонъ-Бушенъ* думалъ наоборотъ.

**) См. у *Миллера*, стр. 71. Первоначальный текстъ грамоты нѣсколько испорченъ въ позднѣйшей копіи ея.

отъ городка до городка и отъ людей до людей.... а ѣхать вамъ, Сорыкитцкимъ княземъ, и вашимъ людемъ къ намъ на Москву". Здѣсь Югорская земля понимается въ общемъ значеніи и ставится въ связь съ землею Сорыкитцкою. *Лерберъ* видѣлъ въ послѣдней Сургутскую землю, а по нашему мнѣнію, здѣсь разумѣется Шоркарское княжество за рѣкою Казымомъ, князья котораго, подобно Кодскимъ, были Югорскаго происхожденія. Доказательства этого мы приведемъ въ слѣдующей главѣ. Въ дальнѣйшихъ грамотахъ отъ второй половины того же вѣка мы уже начинаемъ встрѣчать имя *Остяковъ* рядомъ съ Вогулами, при чемъ слово Югра еще долго продолжаетъ быть въ употребленіи. Такъ, въ царской грамотѣ Якову и Григорію Аникіевымъ Строгановымъ отъ 6 августа 1572 года говорится о приходѣ Черемисъ на Каму вмѣстѣ съ *Остяками*, Башкирцами, Вотяками и другими людьми. „Приходили-де наши измѣнники Черемиса на Каму 40 человѣкъ, да *съ ними-де Остяки*, и Башкирцы и Буинцы войною.... И вы бъ жили съ великимъ береженьемъ.... *да и Остяковъ и Вогуличь*, которые намъ прямятъ съ охочими казаки, которые отъ насъ не отложились, велѣли прибрать.... И съ охочими людьми со стрѣльцы и съ казаки, и *съ Остяки и съ Вогуличи посылали войною ходить* и воевать нашихъ измѣнниковъ—*на Черемису и Остяковъ*, и на Вотяковъ и на Нагаи" *). Несомнѣнно, что здѣсь говорится объ Остякахъ, жившихъ разсѣянно въ Перми Великой и около нея по Камѣ и ея притокамъ Чусовой съ Сылвою и Тулвѣ (послѣдняя въ нынѣшнемъ Осинскомъ уѣздѣ). Прикамскіе и Тулвинскіе Остяки упоминаются въ житіи св. Трифона Вятскаго **), а Чусовскіе и Сылвенскіе въ Великопермскихъ писцовыхъ книгахъ XVI—XVII в.в. Тулвинскіе Остяки, какъ самые южные, соединились съ Черемисами въ 1572 г., а прочіе остались вѣрны Русскимъ, „прямили" Русскому царю, какъ и жившіе въ бассейнѣ Чусовой Вогулы.—Еще важнѣе въ научномъ отношеніи свидѣтельства другой царской грамоты на имя тѣхъ же братьевъ Строгановыхъ отъ 30 мая 1574 г. о по-

*) У *Миллера* стр. 85—86.

**) См. нашу статью: «Критическія замѣтки по исторіи Перми Великой XVI вѣка» въ «Трудахъ Пермской Ученой Архивной Коммиссіи» вып. II. Пермь. 1893 г., стр. 32.

жалованіи имъ земель за Ураломъ *). *Въ ней неоднократно рядомъ упоминаются Остяки, Вогуличи и Югричи.* Сибирскій „салтанъ“ (Кучумъ) „не велитъ нашимъ *Остякамъ и Вогуличамъ и Югричамъ* нашіе дани въ нашу казну давати, да и на рать емлетъ насильствомъ въ судѣхъ воевати *Югричь тѣхъ же, Остяковъ и Вогуличь*.... А кои *Остяки и Вогуличи и Югричи* отъ Сибирсково отстанутъ, а почнутъ намъ дань давати, и тѣхъ людей съ данью посылати къ нашей казнѣ самихъ.... А на Сибирсково Якову и Григорью сбирая охочихъ людей, *и Остяковъ, и Вогуличь, и Югричь, и Самоѣдъ съ своими наемными казаки*, и съ нарядомъ своимъ посылати воевати....“ Приведенныя свидѣтельства грамоты 1574 г. рѣшительно отвергаютъ справедливость замѣчаній почти всѣхъ ученыхъ третьей группы, будто слово Остякъ нигдѣ не употреблялось рядомъ съ словомъ Югра. Грамота слишкомъ точно и ясно различаетъ Остяковъ, Вогуличей, Югричей и Самоядь, какъ четыре народа, чтобы можно было что либо возражать противъ такихъ свидѣтельствъ. Ясно, что *Югра* упоминается здѣсь, *какъ особый народъ, жившій на Ляпиной и Сосвѣ*, рядомъ съ болѣе сѣверными Самоѣдами, болѣе южными Вогулами и наконецъ съ Остяками, въ то время жившими разсѣянно къ востоку и юго-западу отъ собственной Югры, теперь уже исчезнувшей. Мы сказали выше, что Югорцы постепенно слились съ Вогуличами и лишь отчасти съ Остяками и потеряли свою отдѣльную народность, нѣкогда составлявшую главное ядро угорскаго племени, подобно исчезающимъ на нашихъ глазахъ чистокровнымъ Пермякамъ въ Пермской семьѣ народовъ.

Въ слѣдующихъ по времени грамотахъ слово Остякъ встрѣчается очень часто и почти вытѣснятъ слово Югра въ *общемъ* его значеніи. Но въ частномъ значеніи послѣдній терминъ продолжаетъ употребляться, потому что полнаго сліянія Югорцевъ съ Вогуличами и частію съ Остяками еще не послѣдовало въ XVI в. Въ послѣднемъ отношеніи особенно достойна вниманія грамота царя Василія Шуйскаго отъ 17 мая 1610 г. Березовскимъ воеводамъ Степану Ивановичу

---

*) Впервые напечатана *Миллеромъ* въ «Опис. Сиб. Цар.», стр. 87—90.

Волынскому да Юрію Яковлевичу Стромилову *). Березовскій Остякъ Кушкулъ „и во всѣхъ товарыщей своихъ мѣсто, ста двадцети человѣкъ, опричь Куновацкихъ Остяковъ „билъ государю челомъ о томъ, что они, Остяки, служатъ всякую царскую службу вѣрно, куда воеводы ни пошлютъ „съ тѣхъ мѣстъ какъ городъ сталъ“ (Березовъ основанъ въ 1593 году, по царскому указу, Чердынскимъ воеводою Троханіотовымъ); что они исправно даютъ ясакъ по 5 соболей съ человѣка ежегодно, но что у нихъ въ волостяхъ половина ясашныхъ людей „старыхъ, и увѣчныхъ, и хромыхъ, и безрукихъ“, за которыхъ однако русскіе правятъ ясакъ на здоровыхъ. „И они-де въ томъ въ конецъ погибли и людей своихъ *перепродали*; а промысловъ у нихъ нѣтъ никакихъ, а только де у нихъ и промыслу, что кормятца рыбою.... Да они жъ де ходятъ за Камень по суды: которые де наши служивые люди ходятъ съ Березова къ намъ къ Москвѣ со всякими дѣлами, и они ихъ провожаютъ; *а Югорская де земля имъ подмоги не даетъ*, и въ томъ де имъ нужа великая“. Царь пожаловалъ „*Березовскаго города Ляпинскихъ городковъ и юртовъ ясашныхъ людей*“, не велѣлъ брать ясакъ съ престарѣлыхъ и увѣчныхъ людей. Эта грамота доказываетъ, что по Сыгвѣ или Ляпиной дѣйствительно жило немного Остяковъ, а именно 120 человѣкъ мужскаго пола въ 1610 году, но что это населеніе обособлялось отъ собственно Югричей: *земля Остяцкая здѣсь ясно различается отъ земли Югорской;* между ними не было даже полнаго согласія въ отношеніяхъ къ Русскимъ; Югричи не давали подмоги Остякамъ въ отправленіи натуральныхъ повинностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ грамота 1610 г. еще разъ доказываетъ, что *Югричи и Остяки, какъ два особые народа, упоминаются въ нашихъ источникахъ рядомъ* какъ въ концѣ XVI, такъ и въ началѣ XVII вѣка. Судя по числу городковъ, упоминаемыхъ въ Югрѣ въ дальнѣйшихъ источникахъ, населеніе Югорской земли въ первой половинѣ XVII вѣка было довольно значительно, а Остяковъ было гораздо меньше. Кромѣ упомянутыхъ 120 Остяковъ Ляпинскихъ, нѣсколько семействъ ихъ жило и на р. Сѣвер-

*) Во II томѣ «Русской Исторической Библіотеки» СПБ. 1875 г., стр. 175—176, подъ № 80.

ной Сосвѣ въ *Азибиной станицѣ*, *Сосвинѣ тоже*, что нынѣ казенное село Сосвинское или Сартынинское въ Кондинскомъ участкѣ Березовскаго округа, пониже устья Ляпиной *). Въ 1596 г. изъ Сосвина сошли три остяцкихъ семьи въ юрты Кондинскаго князя Игичея, о возвращеніи которыхъ „*Сосвинскіе Остяки Азибины станицы* Кондикъ и въ товарыщей своихъ мѣсто" били челомъ царю. Царь Борисъ грамотою отъ 11 сентября 1598 года на имя Березовскаго воеводы Василія Плещеева уваживъ это ходатайство **).

Извѣстный знатокъ Березовскаго края, *Н. А. Абрамовъ*, отнесенный нами въ вопросѣ о происхожденіи Югры къ третьей группѣ ученыхъ, ошибочно называетъ всѣ древніе городки въ Югорской землѣ остяцкими—числомъ до 15. Къ числу ихъ опрометчиво отнесенъ даже городокъ *Вогулей* въ Сосвинской волости Кондинскаго отдѣленія ***). Равнымъ образомъ имѣетъ значеніе его же замѣчаніе, что „въ бумагахъ, принадлежащихъ сосвинскому старшинѣ Османову и бывшихъ у него, Абрамова, въ рукахъ въ 1844 г., между прочимъ, сохранилось одно черновое прошеніе на имя царя Василія Іоанновича Шуйскаго, писанное отъ имени мурзы Тылыки Сапчина и другихъ, какъ они называютъ себя, *Югричъ* городовъ Ляпина, Тапсы, Искора, Юиля, Люликара, Вороніи, Нячиса и прочихъ, кои состоятъ нынѣ въ волостяхъ Сосвинской и Ляпинской" ****). По его мнѣнію, всѣ эти городки были остяцкіе, а по нашему—*собственно югорскіе* (исключая Воронія, повидимому, русскаго поселка), *постепенно превратившіеся со временемъ въ вогульскіе*. Жаль, что челобитной Югричей на имя царя Шуйскаго Абрамовъ тутъ же не привелъ въ подлинномъ текстѣ, какъ очень важный документъ.

Мы дошли до извѣстной „Книги Большему Чертежу", гдѣ, какъ извѣстно, собственная Югра обозначена въ своихъ границахъ лучше, чѣмъ во всѣхъ другихъ источникахъ. Перечисливъ тѣ же города, которые сейчасъ мы назвали по челобитной Югричей Шуйскому, „Книга" дѣлаетъ оговорку:

---

*) «Списки насел. мѣстъ Тобольской губ.». СПБ. 1871 г., стр. 38.

**) Грамоту см. во II томѣ «Русской Историч. Библіот.» подъ № 66.

***) «Описаніе Березовскаго края», стр. 396.

****) Тамъ же подстрочное примѣч. на стр. 329—330.

„*Тѣ города по Сысвѣ* (Сыгвѣ) *и по Сосвѣ Югра*“ *). Къ числу югорскихъ городовъ тутъ отнесены и русскіе города Вороній и Березовъ, основанный въ 1593 году около югорскаго городка *Сумутъ-вашъ* (*Миллеръ*, 207, *Абрамовъ*, 362). Вѣроятно, и городокъ Вороній возникъ на мѣстѣ древняго югорскаго поселенія. Бассейны Ляпиной или Сыгвы и Сѣверной Сосвы, по этому источнику, и составляли территорію собственно Югры съ первыхъ же вѣковъ нашей исторіи, какъ мы показали выше. Югра жила на Вычегдѣ и Двинѣ въ доисторическія времена, оставивъ позади себя въ Европѣ до позднѣйшихъ временъ часть Вогуловъ и Остяковъ.

Изъ древнихъ географическихъ памятниковъ здѣсь умѣстно остановиться еще на древне-русскомъ сказаніи „О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточной странѣ“, недавно изданномъ вновь *Г. В. Юдинымъ* и подробно изслѣдованномъ Московскимъ профессоромъ *Д. Н. Анучинымъ* **). Древнѣйшій списокъ его, принадлежавшій библіотекѣ Соловецкаго монастыря, а теперь сохраняемый въ Казанской духовной академіи, относится къ концу XV вѣка, что указываетъ на древность сказанія. Этому древнѣйшему списку г. Анучинъ отдаетъ предпочтеніе предъ всѣми другими, основательно приписывая ему новгородское происхожденіе. Между прочимъ въ сказаніи дважды упоминается Югорская земля въ числѣ прилегающихъ къ Уралу областей. Трактуя собственно о Самоѣдахъ, сказаніе говоритъ объ Югорской землѣ, какъ о сосѣдней съ ними. Начинается оно такими словами: „На восточной странѣ, *за Югорскою землею, надъ моремъ, живутъ люди Самоѣдь, зовомыи Малгонзеи*“. Проф. Анучинъ пришелъ къ заключенію, что „народъ Молгонзѣи, дѣйствительно, существовалъ и подъ нимъ слѣдуетъ, очевидно, разумѣть Самоѣдовъ—Юраковъ“ (стр. 261). „Юраками, говоритъ онъ, называется самоѣдское племя, живущее и теперь еще между Обью и Енисеемъ.... Названія *Кондорія*, *Обдорія объясняются изъ зырянскаго языка* и означаютъ устье (страна при устьѣ) Конды, устье Оби.

*) «Книга Большему Чертежу» въ изданіи *Языкова*. СПБ. 1838 г., стр. 215.

**) «Сибирь въ XVII вѣкѣ» подъ редакціей *А. А. Титова* издалъ *Г. В. Юдинъ*. Москва. 1890 г. Изслѣдованіе *Д. Н. Анучина*: «Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака» въ «Древностяхъ Император. Московск. Археологич. Общества», т. XIV. Москва. 1890 г., стр. 227—313.

Но словъ „молгонуѣи“, „молгонъ“ или „малгонъ“ въ зырянскомъ языкѣ не существуетъ“ (тамъ же). Такимъ образомъ Югорская земля, которую въ данномъ случаѣ можно понимать и въ общемъ, и въ частномъ значеніи, въ сказаніи правильно помѣщена къ западу отъ Самоѣдовъ-Молгонзѣй, т. е. къ западу отъ Оби. Въ концѣ того же сказанія читаемъ: „Во восточной же странѣ *есть иная Самоѣдъ, зовома Каменьская: облежитъ около Югорьскіе земли. А живутъ по горамъ по высокимъ, а ѣздятъ на оленяхъ и на собакахъ*“. Тутъ несомнѣнно разумѣется та „Каменная Самоядь“, о которой говоритъ и одинъ извѣстный намъ оффиціальный документъ, именно царская грамота Березовскому воеводѣ князю Петру Черкасскому отъ 21 октября 1607 года *). Эта Самоядь получила свое названіе отъ *Камня*, т. е. Уральскихъ горъ, по склонамъ которыхъ она и жила. Слѣдовательно, во второмъ случаѣ сказаніе говоритъ о ближайшей къ ней или собственно Югорской землѣ („облежитъ около Югорьскіе земли“). Проф. Анучинъ думаетъ, что авторомъ любопытнаго сказанія о Самоѣдахъ могъ быть холмогорецъ *Ѳедоръ Товтыгинъ*, который, по показанію одного Пермскаго торговца, занесенному въ путевыя замѣтки *Ричарда Джонсона*, будто бы дважды ѣздилъ къ берегамъ Оби и къ поморскимъ Самоѣдамъ, гдѣ и погибъ во вторую свою поѣздку (убитъ) **). Что авторомъ сказанія былъ пріѣзжій изъ Руси человѣкъ, это видно изъ его замѣчаній: „въ восточной странѣ“ (по направленію его пути), „за Югорскою землею“ (по которой онъ слѣдовалъ къ Самоѣдамъ, жившимъ еще восточнѣе); при томъ же во всемъ сказаніи нѣтъ признаковъ какого-либо иноземнаго вліянія.

---

*) Во II томѣ «Русской Исторической Библіотеки» подъ № 77, стр. 166—170.

**) Путевыя замѣтки *Р. Джонсона*, упомянутаго нами, приложены были къ отчетамъ *Антона Дженкинсона* (оба были въ Россіи въ половинѣ XVI вѣка), которые изданы въ сборникѣ *Гаклюйта*, томъ I 1809 г. на англійскомъ языкѣ. Карта Дженкинсона издана въ «Theatrum Ortelii» 1573 г. и въ третьемъ изданіи его 1684 года и у *Меркатора* въ его изданіи 1587 г. Проф. *Анучинъ* полагаетъ, что Дженкинсонъ нѣкоторыя свѣдѣнія для своей карты взялъ изъ сказанія «О человѣцѣхъ незнаемыхъ» Ѳедора Товтыгина. «Древности», кн. XIV, стр. 259—260.

Теперь намъ кстати будетъ перейти къ другому ряду памятниковъ—къ древнимъ географическимъ картамъ и посмотрѣть, гдѣ помѣщали онѣ древнюю Югру и сопредѣльныя съ нею страны. Во II выпускѣ „Пермской Старины" мы то же сдѣлали относительно древней Перми и убѣдились, что этотъ рядъ памятниковъ имѣетъ лишь второстепенное значеніе при изслѣдованіи мѣстоположенія древней Пермской страны. Здѣсь то же мы должны потворить и о значеніи ихъ въ вопросѣ о древней Югрѣ, но имѣть въ виду ихъ показанія все таки не лишне. Послѣ того какъ мы издали II-й выпускъ „Пермской Старины" (Пермь 1890 г.), въ печати появилось двѣ статьи, имѣющія близкое отношеніе къ картографіи древней Сибири: 1) упомянутая выше работа *Анучина*: „Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака", гдѣ воспроизведены и факсимиле многихъ старинныхъ картъ Сибири, и 2) статья *г. Замысловскаго*: „Чертежи Сибирскихъ земель XVI—XVII в.в." *). Кромѣ того появилась замѣтка *г. Оглоблина:* „Источники Чертежной книги Сибири Семена Ремезова" **). Мы воспользуемся всѣми этими работами по картографіи древней Сибири и странъ Угорскихъ.

Первыя упоминанія Сибири мы находимъ на картахъ *Пицигани* 1367 г. и *фра-Мауро* 1459 г., о которыхъ говорили во II выпускѣ нашего изданія. Далѣе слѣдуетъ карта *Баттиста Агнезе* 1525 г., предназначавшаяся для „Книги о Московіи" Павла Іовія: здѣсь положеніе Югріи уже обозначено, но совершенно неправильно—къ западу отъ С. Двины. На картѣ Данцигскаго сенатора *Антона Вида*, изданной въ 1555 г., но составленной между 1537—1544 гг., „Iuhri" помѣщены къ сѣверу отъ Вятки, между р.р. Мезенью и Печорою. Карта *Себастіана Мюнстера*, автора „Космографіи", изданная въ 1544 году и представляющая копію карты А. Вида, помѣщаетъ Югру между Печерою и страною Кондоріей. На картахъ *Герберштейна*, о которыхъ мы говорили во II вып. изданія, показано: на картѣ 1549 г., на правой сторонѣ Оби, на крайнемъ сѣверѣ, „Iuhra inde Ungarorum origo",

*) Вторая статья напечатана въ «Журн. Мин. Народн. Просв.» за іюнь 1891 года. Оба автора пользовались изданіемъ Michow'a: «Die aeltesten Karten von Russland». Гамбургъ. 1884 г.

**) Въ журналѣ «Библіографъ» 1891 г. № 1.

а на картѣ 1556 г. тамъ же обозначено: „Iugra unde Hungari Iugritzi populi". Слѣдующей по времени является карта *Антона Дженкинсона*, составленная для его „Russiae, Moscoviae et Tartariae descriptio" (Лондонъ 1562 г.) и изданная, какъ сказано, Ортеліемъ въ 1573 г. и Меркаторомъ въ 1587 г. На ней Permia и городъ Permavelick показаны на самыхъ верховьяхъ Вычегды и около истоковъ Печоры, Ioughoria—къ востоку отъ Оби, на самомъ нижнемъ ея теченіи, Obdoria—между Обью и Печерою, Condora—между Печерой и Мезенью, къ сѣверу отъ Перми. Обь вытекаетъ изъ озера Kitaia и по срединѣ ея теченія показанъ городъ Siber, а къ югу отъ него—страна Tumen. Между Тюменью и Пермью съ юга, Югоріей, Обдоріей и Кондоріей съ сѣвера показана Samoieda на огромномъ пространствѣ отъ Бѣлаго моря до Енисея и далѣе. Къ югу отъ страны Тюмень, гдѣ города не показано, на верхнемъ Ликѣ видимъ надпись Nagaia и южнѣе—Tartari отъ Дона до Аму-Дарьи. Наконецъ восточнѣе Югоріи показана страна Molgomzaia, а еще правѣе—Baida и Colmack *). Мы уже говорили, что подъ Молгомзеями г. Анучинъ разумѣетъ Самоѣдовъ—Юраковъ. Въ Баитахъ и Колмакахъ тотъ же ученый видитъ Алтайскихъ Калмыковъ. „Баиты, говоритъ онъ,—одно изъ четырехъ племенъ, на которыя распадаются западные Монголы (Дюрбуты, Баиты, Уранга или Урянхайцы и Торгоуты)". Нынѣ Баиты, по *Потанину*, граничатъ съ Соитами или Сойотами на Алтаѣ. Нельзя не сказать, что карта Дженкинсона представляетъ собою большой шагъ впередъ сравнительно съ предъидущими работами по иностранной картографіи. Онъ воспользовался русскими источниками и, посѣтивъ Россію 5 разъ (въ 1557, 1558, 1561, 1566 и 1571 г.г.), ближе другихъ могъ узнать ее. Во вторую поѣздку онъ былъ съ караваномъ въ Бухарѣ, въ сопровожденіи *Ричарда Джонсона*, а въ третью—въ Персіи. Карта его, судя по году, появилась послѣ третьей поѣздки (въ 1562 г.), но многія данныя онъ собралъ уже ранѣе. При томъ же спутникъ его *Джонсонъ*, дорожными замѣтками котораго онъ воспользовался,

---

*) Факсимиле карты *Дженкинсона* можно видѣть въ работѣ г. Анучина, на стр. 276.

еще ранѣе, въ 1556 г. вмѣстѣ съ *Барро* былъ въ экспедиціи на острова Вайгачъ и Новую Землю, гдѣ ознакомился съ Самоѣдами, сообщивъ свои свѣдѣнія извѣстному въ исторіи сѣвернаго мореплаванія *Ричарду Ченслеру* *). Дальнѣйшею картою Сибири, часть которой воспроизведена въ почтенномъ трудѣ Анучина на стр. 257, надо считать карту голландскаго морехода *Баренца*. Она опубликована была въ 1598 г. и перепечатана *Понтаномъ* въ 1611 г. На ней опять показаны на морскомъ берегу (Mare Tartaricum), противъ острова Новой Земли (Nova Zemla),—страны Molgomzaia, Obdora и Condora. Далѣе укажемъ на иностранныя карты *Исаака Массы*, издан. въ 1609 г. и вторично въ 1612 г. въ Амстердамѣ; *Гесселя Герарда* 1614 года (о послѣдней подробно сказано во II вып. нашего изданія); *К. И. Прютца* 1669 г. и *Сансона* 1683 г. О недостаткахъ карты Герарда у насъ была рѣчь во II выпускѣ. Карта Прютца теперь издана въ Россіи при книгѣ: „Сибирь въ XVII в.“ г. Юдина (Москва 1890 г.). Карта Прютца есть ничто иное, какъ копія съ чертежа Сибири, сдѣланнаго въ Тобольскѣ въ 1667 г. стольникомъ и воеводою Петромъ Ив. Годуновымъ, по указу царя Алексѣя Михайловича. Прютцъ сопровождалъ въ Москву шведскаго посланника Кронмана, снялъ тамъ копію съ упомянутаго чертежа и приложилъ ее къ своему дневнику путешествія, который теперь хранится въ королевской библіотекѣ въ Стокгольмѣ. Дневникъ Прютца и его карта доселѣ не изданы въ Швеціи. Карта очень плоха и даетъ очень слабое понятіе о Сибири. Замысловскій, вопреки редактору ея Титову, замѣчаетъ, что едва-ли эта карта есть точная и обстоятельная копія подлинной карты Годунова, отъ которой дошло до насъ только ея описаніе, какъ и отъ „Книги Больш. Чертежа“ **). Г. Оглоблинъ въ упомянутой выше статьѣ указалъ на болѣе исправный текстъ этого описанія, именно на „Роспись противъ чертежу 176 (1668) году“, хранящуюся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.

---

*) *Анучинъ*—примѣчаніе на стр. 259. Доставленныя Джонсономъ Ченслеру свѣдѣнія помѣщены въ томъ же сборникѣ *Гаклюйта*.

**) Описаніе карты Годунова 1667 года издано г. Юдинымъ подъ редакціей Титова впервые по рукописи Румянцевскаго музея. См. «Сибирь въ XVII в.». Москва. 1890 г., стр. 23—39.

Наконецъ карту Московіи и Татаріи изъ атласа Сансона 1683 г. мы можемъ видѣть въ извлеченіи въ работѣ Анучина на стр. 289. На ней опять значатся Molgomzaia, за Енисеемъ и Пясидой—горы (страна) Baida и далѣе къ юго-востоку Colmack.

Разсматривая всѣ перечисленныя иностранныя карты, мы должны повторить тоже, что сказали во II выпускѣ „Пермской Старины". Всѣ онѣ даютъ весьма слабое и невѣрное представленіе о Сибири XIV—XVII вѣковъ; составители ихъ очень плохо знали гео-и этнографію Россіи, неизмѣримо меньше русскихъ лѣтописцевъ и составителей нашихъ оффиціальныхъ „чертежей", о которыхъ мы подробно говорили, и во главѣ которыхъ стоитъ утраченный „Большой Чертежъ" XVI вѣка. Въ отношеніи къ Сибири особо составленный для нея „Чертежъ" 1667—1668 г.г., также утраченный, по его достоинствамъ, виднымъ изъ сохранившагося его описанія, также не можетъ быть ставимъ на ряду съ исполненными ошибокъ иностранными картами. Только русскіе люди болѣе или менѣе правильно представляли себѣ эту далекую окраину Московскаго государства, и потому только ихъ показаніямъ мы можемъ давать нѣкоторую вѣру *). Говоримъ „нѣкоторую вѣру" потому, что и въ русскихъ чертежахъ, при несовершенствѣ тогдашней картографіи, мы находимъ ошибки. Посмотримъ, что сообщаютъ объ изслѣдуемыхъ нами странахъ собственно Сибирскіе чертежи.

„Чертежъ всей Сибири, збиранный въ Тобольскѣ по указу царя Алексѣя Михайловича" 1667 г. не упоминаетъ объ инородцахъ ничего и оставляетъ въ сторонѣ весь Угорскій край. Онъ весьма подробно показываетъ взаимное разстояніе населенныхъ мѣстъ въ Сибири и этимъ ограничиваетъ свою задачу. Начинается онъ съ указанія *старой Московской дороги* отъ Тобольска вверхъ по Тоболу, Тавдѣ, Пелыми до города Пелыма, откуда дальнѣйшій путь чрезъ древніе Тахчеи или вогульскую волость Тахтанскую пресѣкался. Съ основаніемъ Верхотурья и открытіемъ новой дороги

*) О русскихъ чертежахъ мы подробно говорили во II выпускѣ «Перм. Стар.» въ главѣ I, а потому не будемъ повторять сказанное. «Списокъ съ Чертежа Сибирскіе земли» 1672 г. теперь вновь изданъ, вмѣстѣ съ описаніемъ Годуновской карты 1667—1668 г.г., въ упомянутой книгѣ: «Сибирь въ XVII вѣкѣ».

отъ Соликамска на р. Туру, русскіе перестали подниматься съ Тавды по Лозьвѣ до Камня и потомъ слѣдовать по Вишерѣ и Колвѣ до Чердыни. Этотъ старый путь былъ оставленъ съ открытіемъ Бабиновымъ новой дороги отъ Соликамска, минуя Чердынь, прямо на р. Туру *). Съ основаніемъ Верхотурья въ 1598 г., городъ Лозва былъ упраздненъ, таможня учреждена въ новомъ городѣ, и главный путь направился по р. Турѣ. Вотъ почему весь сѣверо-западный уголъ нынѣшней Сибири, весь Угорскій край того времени, заброшенный и забытый, оставленъ безъ вниманія и въ Чертежѣ 1667 года.

Слѣдующій географическій памятникъ „Списокъ съ Чертежа Сибирскія земли" 1672 г. **) въ общемъ имѣетъ такой же характеръ, потому же оставляетъ въ сторонѣ весь Угорскій край и нигдѣ ничего не говоритъ объ инородцахъ. Только въ „шестой грани" вскользь упомянуто о сѣверномъ пути съ Печоры чрезъ Камень на Сосву и Собь рѣки до Березова, но при этомъ не упомянуто ниодного населеннаго пункта кромѣ самого Березова и Кодскаго монастыря на Оби, ни слова не сказано о тамошнихъ обитателяхъ.

Перейдемъ поэтому къ третьему, самому замѣчательному памятнику Сибирской картографіи—въ „Чертежной книгѣ Сибири 1701 г." *Семена Ремезова*, Тобольскаго сына боярскаго ***). Во II вып. нашего изданія (стр. 27—29) мы подробно говорили о происхожденіи этого памятника и о важномъ значеніи его для нашей исторіи. Тамъ же сказано о существованіи подробной копіи этого атласа, снятой голландцемъ *Витзеномъ*. Относительно внутреннихъ достоинствъ атласа Ремезова приходится повторить сказанное раньше. Составитель зналъ Сибирь ближе Россіи Европейской, почему въ послѣдней допускаетъ значительныя ошибки въ общихъ географическихъ опредѣленіяхъ, а относительно Сибири его

*) Подробности объ этомъ см. въ «Пермск. Старинѣ» вып. I, 42.

**) Напечатанъ вмѣстѣ съ предъидущимъ въ книгѣ «Сибирь въ XVII в.» М. 1890 года.

***) Общая «Книга Большему Чертежу» *второй редакціи 1680 года* не прибавляетъ въ отношеніи описанія Сибири новыхъ подробностей и только ограничивается исправленіемъ нѣкоторыхъ географическихъ названій. *Югра и ея города здѣсь опять повторяются.*

показанія болѣе правильны и точны. Мы видѣли, какъ неправильно Ремезовъ представлялъ себѣ Великую Пермь. Не лучше того онъ судилъ и объ Югорской землѣ. Не находя таковой въ Сибири, но зная о существованіи ея въ царскомъ титулѣ, Ремезовъ помѣщаетъ „Югорское царство" въ Европ. Россіи, между рѣкъ Мезени и Туломы, т. е. Кулоя (см. листъ 24 въ его атласѣ Сибири). Къ востоку, за Мезенью, показана Терская Самоѣдь, а къ западу „Поморіе" и далѣе Колмогоры. На слѣдующей общей картѣ показана „Югорска земля" къ востоку отъ Соловецкаго острова, между Терской Самоѣдью съ востока, Колмогорской землей съ запада, при чемъ „земля Поморская" оказалась южнѣе Югорской, прилежащею къ С.-Двинѣ съ ея правой стороны и отчасти къ Бѣлому морю. Уже эти несогласія между двумя сосѣдними картами показываютъ, какъ смутно представлялъ себѣ Ремезовъ положеніе Югры, въ дѣйствительности тогда уже не существовавшей и сохранившей свое названіе только въ царскомъ титулѣ. Что же показываетъ онъ на мѣстѣ исчезнувшей древней Югры? На картѣ 23-й мы находимъ подробное обозначеніе этихъ мѣстъ въ новомъ видѣ сравнительно съ „Книгою Больш. Чертежа" редакціи 1627 и 1680 годовъ. Указанія эти весьма любопытны. На картѣ ясно обозначены притоки Оби Вогулка и Сосва съ притокомъ Сыгвою. На устьѣ Сосвы и вблизи устья Вогулки обозначенъ градъ Березовъ, между этихъ рѣкъ и по каждой изъ нихъ—земля Остяцкая и Остяки, но *на верховьяхъ Сыгвы помѣщены Вогуличи*. Ясно, что и Остяки на Вогулкѣ, судя по названію этой рѣки, явились здѣсь или послѣ первыхъ обитателей ея Вогуловъ, или эти Остяки суть тѣже Вогулы—Ляпинцы, которые указаны и на Сыгвѣ. Рядомъ съ верхъ-сыгвенскими Вогуличами, у истоковъ рѣчки Худой Сосвы и близь сліянія Сыгвы съ Сѣверной Сосвой, *показаны жители Югриковы, вѣроятно, еще не вполнѣ овогулившіеся настоящіе Югричи* *). Затѣмъ по всему теченію р. Конды показаны одни Вогуличи. Всѣ эти показанія еще разъ подтверждаютъ высказанное выше, на основаніи другихъ данныхъ, наше общее положеніе о существованіи *особаго народа Югричей, перерождившагося къ*

*) На картѣ 2 (листъ 4) на томъ же мѣстѣ показаны *жители Югринковы*.

началу XVIII в. въ Вогуличей, неправильно названныхъ у Русскихъ „Остяками Ляпинскаго нарѣчія". Что касается поименованныхъ въ обѣихъ редакціяхъ „Книги Бол. Чертежу" югорскихъ городовъ, то ихъ кромѣ Березова мы уже не видимъ у Ремезова. Принимая во вниманіе, что „Чертежная книга Сибири" въ общей сложности составлялась около 30 лѣтъ и была закончена въ 1701 г., мы должны допустить, что вторая редакція „Книги Бол. Черт." 1680 г. въ отношеніи бывшей территоріи Югры просто списана съ первой безъ новой повѣрки съ дѣйствительностью, такъ какъ въ теченіе 20 лѣтъ не могли же безслѣдно исчезнуть 12 югорскихъ городовъ. Вмѣсто бывшихъ городовъ у Ремезова вновь показана *Киртасская застава* на рѣчкѣ Киртасъ, упоминаемой въ „Книгѣ Бол. Черт.", и *жители Югриковы*. (Листъ 23).

Чрезъ 15 лѣтъ послѣ появленія атласа Ремезова *Григорій Новицкій* написалъ свое извѣстное „Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ 1715 г.", изданное академикомъ *Л. Н. Майковымъ* въ „Памятникахъ древней письменности и искусства" въ 1884 году. Во всемъ сочиненіи Новицкаго названіе Югры и Югричей не встрѣчается уже ни разу. Полное исчезновеніе ея, въ смыслѣ сліянія съ Вогулами и отчасти Остяками, къ тому времени, значитъ, совершилось. На мѣстѣ Югры Новицкій вездѣ указываетъ Остяковъ (Ляпинскаго нарѣчія). Мы должны однако остановиться на этомъ спеціальномъ писателѣ объ Остякахъ и Вогулахъ, по времени еще первомъ въ Руси. По его словамъ, древнѣйшими обитателями Остяцкой страны былъ народъ Чудской: „здревле-бо здѣ внизъ по Оби и всей странѣ жителствоваше народъ *Чютцкій*" (стр. 26). Сказавъ, что отъ него не осталось никакихъ слѣдовъ, кромѣ кургановъ и чудскихъ ямъ, въ которыхъ, будто бы, чудь зарывалась со всѣмъ богатствомъ и погибала, авторъ замѣчаетъ: „Досели же жители странъ сихъ въ тѣхъ ровищахъ и курганахъ знаходять премного златыхъ сосудовъ и сребра множество и прочая, зане со всимъ имѣніемъ своимъ убиваxуся" (стр. 26). Тѣ же самыя преданія сохранились и въ Пермскомъ краѣ, среди Русскихъ, и они доказываютъ, что Русскій народъ именемъ Чуди, чуждыхъ людей называетъ всѣхъ давно исчезнувшихъ аборигеновъ этихъ странъ—пред-

ковъ позднѣйшихъ Пермянъ и Угровъ безразлично *). Прямыми преемниками Чуди по владѣнію землями въ сѣверо-западной Сибири Новицкій считаетъ Остяковъ, переселившихся изъ Пермской страны послѣ крещенія ея св. Стефаномъ и не желавшихъ измѣнять язычеству. „Се же иввѣстно есть и отъ повседневнаго, яко сей народъ отъ Пермыи преселися, зане и языкъ ихъ явѣ творитъ, вси бо сіи пермъскимъ глаголютъ нарѣчіемъ, аще же не всѣ свойственнымъ и непремѣннымъ нарѣчіемъ Великія Пермыи глаголютъ, обаче се бысть егда умножишася сіи людіе по преселеніи своемъ отъ Пермыи и разыдошася здѣ по различныхъ тѣхъ странахъ, изминиша и языкъ свой.... Сіи же, что внизъ по Оби, непремѣннымъ глаголютъ нарѣчіемъ пермъскимъ, зане сіи егъда чрезъ Камень, иже отъ Пермы прилежитъ, прейдоша, тогда не в далнія страны удалишася отъ Пермыи, но близъ предѣлъ оныя пребываютъ и всегдашнія съ оными имущя обхожденія, сохраниша неизмѣнно языкъ свой пермьскій“ (стр. 27). Мысль Новицкаго о передвиженіи Остяковъ изъ за Урала въ Азію сама по себѣ вѣрна, но пребываніе всей массы ихъ на территоріи Перми до временъ св. Стефана ошибочно. Къ тому времени осталась въ Перми лишь нѣкоторая часть Угровъ; главная же масса ихъ передвинулась за Уралъ еще въ доисторическія времена. Что касается людей, говорящихъ настоящимъ пермскимъ нарѣчіемъ на нижней Оби, то подъ ними несомнѣнно слѣдуетъ разумѣть зауральскихъ Зырянъ, ту „Печеру“, которая въ послѣдній разъ, какъ народъ, упоминается у Епифанія и его компиляторовъ, т. е. исчезаетъ въ перво-источникахъ подъ этимъ древнимъ названіемъ дѣйствительно со временъ св. Стефана, оставивъ на соименной рѣкѣ лишь ту часть Зырянъ, которая приняла христіанство. Что Зыряне рано проникли въ Сибирь—видно изъ упоминанія ихъ въ грамотахъ на значительномъ разстояніи къ востоку отъ Урала. Такъ, въ отпискѣ изъ Кетскаго острога въ Тобольскъ о дѣйствіяхъ служивыхъ людей противъ Тунгусовъ, отъ 6 іюля 1609 года, упоминаются Остяки и Зыряне Кетскаго острога **). Зыряне и Вымичи торговые

*) «Пермск. Стар.» I, 25; *Смирнова:* «Пермяки», стр. 114.

**) «Русская Историческая Библіотека», II, 205.

люди упоминаются въ Березовѣ и другихъ городахъ Сибири въ наказахъ Сибирскимъ воеводамъ отъ царя Бориса Годунова 1601 и 1603 г.г. *). Въ послѣдующее время ихъ являлось въ Сибирь еще больше, а между тѣмъ Новицкій во всемъ сочиненіи своемъ не упомянулъ о нихъ ни словомъ. Не зная инородческихъ языковъ, онъ видимо смѣшалъ Зырянъ, дѣйствительно говорящихъ по-пермски, съ низовыми Остяками, которымъ ошибочно и приписалъ тотъ же пермскій говоръ. Въ дѣйствительности низовые Обскіе Остяки говорятъ особымъ *Обдорскимъ нарѣчіемъ*, въ которое, по свидѣтельству Абрамова, вошло не мало словъ самоѣдскихъ и *зырянскихъ* и которое существенно отличается отъ сосѣдняго *Югорскаго нарѣчія*, иначе Сосвино-Ляпинскаго, изобилующаго словами *вогульскими* **). Это сообщеніе Абрамова подтверждаетъ еще разъ наше главное положеніе о постепенномъ перерожденіи древней Югры въ Вогуловъ съ небольшой примѣсью Остяковъ.

Итакъ полное перерожденіе древней Югры въ Вогуловъ, неправильно названныхъ у Русскихъ „Остяками Ляпинскаго нарѣчія", слѣдуетъ отнести къ первой четверти прошлаго вѣка. Жители Югриновы на р. Сыгвѣ были послѣдними представителями этой исчезнувшей народности. Однимъ изъ послѣднихъ воспоминаній о ней было также учрежденное въ 1681 г. *Югорское* намѣстничество, сосѣднее съ ранѣе открытыми (въ 1676 г.) намѣстничествами Обдорскимъ и Кондійскимъ ***). До того времени въ отношеніи управленія вся Югра причислялась къ Перми Великой, почему строителями нѣкоторыхъ Сибирскихъ крѣпостей были Чердынскіе намѣстники и воеводы: въ сообществѣ съ княземъ П. И. Горчаковымъ, Великоперискій воевода Никифоръ Васильевичъ Троханіотовъ и его товарищъ Аѳанасій Ивановичъ Благово въ 1592—3 г.г. полагаютъ основаніе Пелыму и Березову ****), а воевода Василій Петровичъ Головинъ да съ нимъ Иванъ Васильевичъ

*) Тамъ же II, стр. 817—825 и слѣд.

**) *Абрамовъ:* «Описаніе Березовскаго края», 332.

***) *Н. В. Калачовъ:* «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», книга I-я.

****) *Миллеръ:* «Описаніе Сибирскаго Царства», стр. 226.

Воейковъ въ 1598 г. строятъ Верхотурье *). Югорское намѣстничество просуществовало, кажется, до перваго учрежденія губерній. На картѣ Екатеринбургскаго вѣдомства 1734—1736 годовъ, изданной при II томѣ сборника „Пермскій край", и на академическомъ атласѣ 1745 г. на томъ же мѣстѣ мы видимъ уже *Березовскій уѣздъ*. Въ атласѣ Ремезова 1701 года, какъ мы говорили, также не показано Югорскаго намѣстничества, но упомянуто „Югорское царство" къ западу отъ Урала. Уже во времена Ремезова слово Югра, по видимому, не прилагалось къ бассейну Сѣверной Сосвы и Сыгвы, и наименованіе намѣстничества могло существовать только на бумагѣ, да кромѣ того слово „Югорскій" осталось въ царскомъ титулѣ.

Намъ остается указать на существованіе Угорскихъ поселеній въ XVI—XVII в.в. къ западу отъ Урала, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Пермью Великой и отчасти на ея территоріи. Одинъ изъ спеціальныхъ изслѣдователей Югры, г. *Оксеновъ*, между прочимъ пишетъ: „Безъ сомнѣнія, границы области, нынѣ занимаемой Остяками, не могутъ вполнѣ считаться границами древней Югорской земли, но во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ, какъ это дѣлаетъ Лербергъ, включать мѣста по рѣкамъ Турѣ, Тавдѣ и Чусовой въ предѣлы древней Югорской земли. Въ этихъ мѣстахъ теперь нѣтъ Остяковъ, и также не встрѣчается историческихъ свидѣтельствъ о пребываніи ихъ въ этихъ краяхъ. По рѣкамъ Турѣ, Тавдѣ и Чусовой жили въ древнее время Татары и Вогулы, родственные Остякамъ" **). Это замѣчаніе г. Оксенова требуетъ поправки. Во первыхъ, самое слово Югра въ древности употреблялось въ двоякомъ смыслѣ—общемъ, собирательномъ и частномъ, и въ первомъ значеніи оно обнимало всѣхъ сѣверо-восточныхъ Угровъ, почему Лербергъ имѣлъ основаніе понимать Югру въ широкомъ смыслѣ. Во вторыхъ, существованіе остяцкихъ поселеній въ бассейнѣ Камы и Чусовой засвидѣтельствовано въ Великопермскихъ писцовыхъ книгахъ Яхонтова и Кайсарова и въ житіи св. Трифона Вятскаго

*) Тамъ же, стр. 337.

**) «Литерат. Сборникъ». СПБ. 1885 г., стр. 433.

XVII в., и слѣдовательно сомнѣнія г. Оксенова въ данномъ случаѣ безосновательны.

Въ житіи св. Трифона Вятскаго, подробно изслѣдованномъ нами въ другомъ мѣстѣ *), весьма ясно говорится объ языческомъ капищѣ Остяковъ на рѣчкѣ Нижней Муловкѣ (или Муллянкѣ), что близь нынѣшней Перми слѣва впадаетъ въ р. Каму. Тутъ на высокомъ холмѣ (городищѣ) стояло заповѣдное дерево Остяковъ—исполинская ель, а вблизи находилось остяцкое кладбище. Эта ель была срублена св. Трифономъ и очень напоминаетъ „прокудливую березу" Пермянъ въ Усть-Вымѣ, срубленную руками святителя Стефана Пермскаго. Въ VIII главѣ житія мы читаемъ слѣдующія весьма важныя строки: „Бѣ бо ту ихъ агарянъ и многихъ языкъ идольское жертвище и отъ всѣхъ странъ и рѣкъ *съ Печеры и съ Сылвы и съ Обвы и съ Тулвы князи ихъ: остяцкій Амбалъ, вогульскій Бебякъ и иніи мнози языци со всѣми своими улусы, Остяки и Вогуличи со всѣхъ ловль своихъ ту во едино мѣсто съѣзжахуся*" (стр. 41) **). Въ указанной статьѣ мы подробно разобрали значеніе этихъ словъ и между прочимъ замѣтили, что прикамскіе Остяки составляли только колонію сылвенскихъ, жившихъ въ значительномъ количествѣ смѣшанно съ Вогулами по р. Чусовой и ея притоку Сылвѣ, откуда ихъ поселенія переходили и на р. Тулву, притокъ Камы, что нынѣ въ Осинскомъ уѣздѣ. Еще яснѣе говорятъ о существованіи остяцкихъ и вогульскихъ поселеній по Сылвѣ, Чусовой и къ востоку отъ Перми Великой, по самому западному склону Урала, на верховьяхъ Вишеры и Печоры писцовыя книги и нѣкоторыя грамоты, на коихъ мы уже останавливались въ I выпускѣ изданія и въ той же статьѣ въ „Трудахъ Пермской Ученой Архивной Коммиссіи" вып. II. Припомнимъ, что до XV вѣка Пермь Великая—Чусовая состояла изъ одного уѣзда Пермскаго—Чердынскаго съ главнымъ средоточіемъ въ городѣ Перми Великой (Чердынь тоже); уѣзды Усольскій и Кайгородскій, а также обширныя вотчины Строгановыхъ возникаютъ и ко-

*) «Критическія замѣтки по исторіи Перми Великой XVI в.» во II выпускѣ «Трудовъ Пермской Ученой Архивн. Коммиссіи». (Пермь. 1893 г.).

**) «Православный Собесѣдникъ» 1868 г.—оттискъ «Житія».

лонизируются Русскими позднѣе *), почему угорскія поселенія на Камѣ, Чусовой, Сылвѣ, Обвѣ и Тулвѣ объясняются весьма просто. На этихъ рѣкахъ до XVI в. было еще много свободнаго мѣста, такъ какъ Пермяки локализировались преимущественно на верховьяхъ Камы—тамъ, гдѣ мы и доселѣ видимъ ихъ остатки.

Переходя за Уралъ, на берега верхней Туры и Тавды, мы опять убѣждаемся въ полной несостоятельности приведенныхъ выше словъ г. Оксенова и удивляемся, что ихъ могъ сказать мѣстный сибирскій ученый, которому Сибирь должна бы быть знакома ближе. На верхней Тавдѣ, на старой Московской дорогѣ изъ Руси въ Сибирь, лежала вогульская волость Тахчеи или Тахтанская, вокругъ которой, въ непосредственномъ сосѣдствѣ, Остяки жили сплошною массою, какъ видно изъ царской грамоты Строгановымъ отъ 30 мая 1574 г. **). На Турѣ, правда, жили Вогуличи, но и Остяковъ въ ея бассейнѣ обитало не мало. Верхотурскіе Остяки многократно упоминаются въ мѣстныхъ сибирскихъ документахъ. Возьмемъ для примѣра царскую грамоту, писанную въ іюлѣ 1627 г. на имя Верхотурскаго воеводы князя Семена Никитича Гагарина. Въ ней неоднократно и ясно упоминаются „Тавдинцы, Ляличи, Сосвичи и *Верхотурскіе Остяки*“ ***). Даже на р. Кондѣ, служившей средоточіемъ вогульскаго населенія, остяцкія деревни (юрты) встрѣчались рядомъ съ вогульскими ****). Вообще эти два народа не раздѣлялись большими пространствами, а напротивъ жили въ ближайшемъ сосѣдствѣ, управлялись родственными между собою князьями, о чемъ подробно сказано выше, и составляли какъ бы одну этнографическую семью—Югру въ общемъ, собирательномъ значеніи этого слова, какъ и понимали ее, на нашъ взглядъ правильно, академикъ Лербергъ и фонъ-Бушенъ и понимаютъ доселѣ всѣ послѣдователи такъ называемой „угорской теоріи“.

---

*) «Пермская Старина» I, 143.

**) *Миллеръ:* «Описан. Сибирскаго Царства», стр. 87.

***) Тамъ же, стр. 344, 346.

****) *Г. Новицкій:* «Описаніе о народѣ Остяцкомъ», стр. 23.

II.

Подчиненіе сѣверо-восточныхъ Угорскихъ земель Московской коронѣ и ихъ взаимныя отношенія.

Знакомство Русскихъ съ Угорскими народами Европейскаго сѣверо-востока началось съ первыхъ вѣковъ нашей исторіи. Уже первоначальная наша лѣтопись въ ея Лаврентьевскомъ спискѣ XIV вѣка, въ самомъ началѣ, въ числѣ восточныхъ народовъ упоминаетъ Заволочьскую Чудь, Пермь, Печеру, Ямь, *Угру*. Чтобы убѣдиться, что тутъ разумѣется не другая какая, а именно Уральская Угра, нужно это показаніе сравнить съ другими списками лѣтописи. Въ Ипатьевскомъ спискѣ конца XIV или начала XV в. и въ Хлѣбниковскомъ XVI в. вмѣсто слова „Угра" поставлено „Югра" — доказательство, что этими созвучными именами обозначается одинъ и тотъ же народъ, именно Уральская *Югра* позднѣйшихъ источниковъ. Въ остальныхъ спискахъ первоначальной русской лѣтописи въ упомянутомъ мѣстѣ народъ Угра совсѣмъ пропущенъ и впервые упомянутъ только подъ 1096 годомъ, въ разсказѣ Гюряты *). Послѣдній разсказъ приведенъ во всѣхъ спискахъ Нестора, при чемъ въ этомъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ обратное наименованіе: Лаврентьевскій списокъ тутъ упоминаетъ *Югру*, а Ипатьевскій, Хлѣбниковскій, Радзивилловскій конца XV или начала XVI в. и Троицкій XV в. согласно указываютъ *Угру*. Слѣдовательно, Угра и Югра въ обоихъ мѣстахъ этой лѣтописи есть одинъ и тотъ же народъ.

Разсказъ о путешествіи въ Югру, записанный въ лѣтописи подъ 1096 годомъ, но слышанный лѣтописцемъ за 4 года раньше („яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ"), **) и есть *самое первое* изъ всѣхъ, извѣстныхъ намъ по источникамъ, *достовѣрное* свидѣтельство о сношеніяхъ Новгородцевъ съ Уральскими Уграми. Съ какой цѣлью Гюрята посылалъ въ

*) Полн Собран. Русск. лѣтоп. I, 2. Здѣсь—основаніе моихъ словъ, приведенныхъ въ «Пермск. Стар.» вып. I, стр. 61.

**) На этомъ основано мое заключеніе, что Пермь впервые подчинилась зависимости отъ Новгорода еще до 1092 года. См. «Пермск. Стар.» I, 152.

Югру своего отрока—изъ разсказа его лѣтописцу не видно; повидимому,—съ промышленной, такъ какъ тутъ же говорится о мѣновой торговлѣ Югры. Но что отрокъ ходилъ въ эту невѣдомую страну не одинъ, а въ сопровожденіи нѣсколькихъ Новгородцевъ, вооруженныхъ ножами и сѣкирами, о коихъ и упоминаетъ Гюрята,—въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться. Даже будучи задумано съ мирною цѣлью, путешествіе это было небезопасно: „есть же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ, *тѣмже не доходимъ ихъ всегда*". Послѣднія слова убѣждаютъ насъ, что путешествіе Новгородцевъ въ Югру въ 1092 г. не было первымъ шагомъ ихъ въ эти далекія страны, но что смѣлыя экспедиціи ихъ на востокъ бывали и раньше; путешествіе 1092 г. является только первымъ, *достовѣрно* извѣстнымъ по лѣтописи. Не знаемъ только, почему оно помѣщено не подъ этимъ, а подъ 1096 годомъ.

Дѣйствительно, еще подъ 1032 годомъ мы встрѣчаемъ въ Никоновской лѣтописи указаніе на походъ *къ Желѣзнымъ Вратамъ* какого-то Улеба изъ Новгорода. „Того же лѣта Улебъ иде на Желѣзнаа Врата изъ Новагорода, и вспять мало ихъ възвратишася, но мнози тамо погибоша". *) А подъ 1079 годомъ Первая Новгородская лѣтопись упоминаетъ о погибели Новгородскаго князя Глѣба Святославича *за Волокомъ* **). Однако оба эти свидѣтельства настолько неопредѣленны и отрывочны, что не даютъ основанія утверждать, будто это были походы въ Югру, почему разсказъ о путешествіи 1092 г. все таки остается *первымъ достовѣрнымъ* извѣстіемъ о сношеніяхъ съ Югрою. Другихъ положительныхъ лѣтописныхъ извѣстій объ этомъ мы не встрѣчаемъ до слѣдующаго XII вѣка.

Самый вопросъ о мѣстоположеніи вышеупомянутыхъ Желѣзныхъ Воротъ нельзя считать удовлетворительно рѣшеннымъ. Проф. *Н. П. Барсовъ* полагаетъ, что тутъ разумѣется урочище Желѣзныя Ворота или городокъ Кариль на правомъ берегу рѣки Сысолы, въ 80 верстахъ отъ Усть-Сысольска,

---

*) Полн. Собран. Русск. лѣтоп., т. IX, стр. 79.

**) Ibidem., т. III. Въ I вып. «Пермск. Стар.» (стр. 36) я отнесъ оба эти свидѣтельства къ предпріятіямъ Новгородцевъ въ Заволочьѣ, по недоказанности связи ихъ съ Югрою.

близь села Вотчи, а не тѣ Желѣзныя Врата, что находятся на р. Цыльмѣ, притокѣ Печеры *). Допустимъ такъ, но остается открытымъ вопросъ, противъ Югры-ли былъ предпринятъ походъ 1032 г., и жила-ли тамъ Югра? Самъ же г. Барсовъ замѣчаетъ, что были еще третьи Желѣзныя Ворота на притокѣ рѣки Чагодощи въ Весьегонскомъ уѣздѣ Тверской губерніи. Единственнымъ подтвержденіемъ того, что въ 1032 г. Новгородцы ходили противъ Югры, служитъ свидѣтельство лѣтописнаго свода Татищева, что въ этомъ году Новгородцы были разбиты Югрою, **) но достовѣрность этого свода еще подвержена нѣкоторому сомнѣнію.

Гораздо опредѣленнѣе становятся лѣтописныя извѣстія о походахъ Новгородцевъ противъ Югры въ слѣдующемъ XII вѣкѣ. Въ Ипатьевскомъ спискѣ конца XIV или начала XV вѣка, подъ 1114 годомъ, записано свидѣтельство Ладожскаго посадника Павла и всѣхъ Ладожанъ о походѣ Новгородцевъ за Угру. Оно столь же легендарно, какъ и разсказъ Гюряты, но основной фактъ похода остается несомнѣннымъ. „И еще мужи старіи *ходили за Югру и за Самоядь*, яко видивше сами на полунощныхъ странахъ, спаде туча, и въ той тучи спаде вѣверица млада (т. е. бѣлка), акы то перво рожена, и възрастши и расходится по земли, и паки бываетъ другая туча, и спадають оленци мали въ ней....“ ***) *Н. И. Костомаровъ* въ разсказахъ, записанныхъ подъ 1096 и 1114 годами, справедливо видитъ „миѳическое изображеніе богатства звѣринаго края“. ****) Мы видимъ здѣсь первое смутное извѣстіе о путешествіяхъ Новгородцевъ восточнѣе Сосвинской Югры.

Подъ 1187 годомъ I-я Новгородская лѣтопись сообщаетъ важное извѣстіе объ избіеніи сборщиковъ дани. „Въ то же время избьени быша Печерьскѣи даньникы и Югърьскіи въ Печерѣ, а друзіи за Волокомъ, и паде головъ о стѣ къметь-

---

*) *Н. П. Барсовъ*: «Очерки Русской исторической географіи». Варшава. Изд. 2-е 1885 г., стр. 60—64.

**) Ibidem.

***) Полн. Собр. Русск. лѣтоп., т. II, стр. 5. Въ *Ермолаевскомъ* спискѣ той же лѣтописи начала XVIII в. сказано: «ходили *за Угры и за Самоиды*».

****) «Сѣвернорусскія народоправства» т. I, СПБ. 1863 г., стр. 413—414.

ства". *) Это извѣстіе показываетъ, что Новгородцы ходили за сборомъ дани съ инородцевъ вооруженными дружинами, и что они встрѣчали тамъ сильное сопротивленіе. Чѣмъ больше знакомились они съ отдаленными странами, тѣмъ опредѣленнѣе дѣлались и лѣтописныя извѣстія объ этихъ походахъ и обитателяхъ Югры.

Подъ 1193 г. въ I-й Новгородской лѣтописи записано еще болѣе полное свидѣтельство о древней Югрѣ. Въ виду его важности выписываемъ слова лѣтописи дословно. „Въ то же лѣто идоша изъ Новагорода въ Югру ратью, съ воеводою Ядрѣемъ и придоша въ Югру и възяша городъ, и придоша къ другому граду, и затворишася въ градѣ, и стояша подъ городомъ 5 недѣль; и высылаху къ нимъ Югра льстьбою, рекуще тако: яко копимъ сребро и соболи и ина узорочья, а не губите своихъ смьрдъ и своей дани—а льстяще ими, а вье копяче (въ Академическомъ спискѣ сказано: сіа же глаголаша льстяще имъ, а вои копяще) и яко скопиша вое, и выслаша изъ города къ воеводѣ (въ Академич. спискѣ: Новогородскому): поиди въ городъ, поемъ съ собою 12 мужь вячьшихъ; и иде въ городъ воевода, поимя съ собою попа, Иванка Легена и инѣхъ вячьшихъ, изсѣкоша я на канунъ святыя Варвары; и выслаша пакы и пояша ихъ 30 мужь вячьшихъ, и тѣхъ изсѣкоша, и потомъ 50. [Далѣе въ Академическомъ спискѣ прибавлено: И по сихъ рече Савка князю Югърскому: аще, княже, не убіеши Якова Прокшинича и пустиши его въ Новъгородъ живого, то тому ти, княже, опять вои привести сѣмо и землю твою пусту сътворить; и повелѣ убити его; и рече Яковъ Савицѣ: брате, судить ти Богъ и святая Софія, яко подумалъ еси на свою братію, и станеши съ нами передъ Богомъ и отвѣтъ дашь за кровь нашу; и то ему рекшу, убіенъ бысть; той бо Савица перевѣты дръжаше отаи съ княземъ Югорскымъ.] И яко изнемогоша голодомъ, стояли бо бяху 6 недѣль слушающе льстьбѣ ихъ, и на праздьникъ св. Николы вылѣзъше изъ города изсѣкоша вся. И бѣ туга и бѣда останку живыхъ. Бѣ бо оста-

*) Полн. Собр. Русск. лѣт., т. III, стр. 19. Въ IV Новгор. лѣтописи вмѣсто «Печерьскѣи даньникы» сказано: «даньникы *Перемьскіи и Югорьскіи*». Сравнить «Перм. Стар.» вып. I, стр. 35.

лося ихъ 80 мужь, и не бяше вѣсти чрезъ всю зиму въ Новѣгородѣ"....*)

Окончаніе этой трагической исторіи кратко отмѣчено подъ слѣдующимъ 1194 г. той же лѣтописи: „И тъгда придоша исбытъкъ живыхъ изъ Югры, и убиша Сбышку Волосовиця и Негочевиця Завида и Моислава Поповиця сами путьники, а друзіи кунами ся откупиша; творяхуть бо я съвѣтъ дьржаще на свою братью, а то Богови судити" (въ Академ. спискѣ: съвѣтъ дрьжавше съ Югрою на свою братію" **).

Проф. *И. Д. Бѣляевъ* видитъ въ этомъ походѣ постоянное стремленіе Новгородцевъ быть полными обладателями далекаго Югорскаго края, развить тамъ свою гражданственность и упрочить торговыя предпріятія на далекомъ европейскомъ востокѣ ***).

Злополучный для Русской земли XIII вѣкъ не отмѣченъ въ лѣтописяхъ ни однимъ предпріятіемъ Новгородцевъ противъ Югры. Въ это время приходилось заботиться о сохраненіи собственной автономіи, а не о новыхъ завоеваніяхъ на востокѣ. Но обычные сборы дани съ Югры и торговыя съ нею сношенія Новгородцевъ продолжались по прежнему. „Что походы въ Югорскую землю по прежнему продолжались, говоритъ извѣстный намъ г. *Оксеновъ*, и остались небезплодными, въ этомъ убѣждаетъ то важное обстоятельство, что *во второй половинѣ XIII стол. Югорская земля считалась уже новгородскою волостью.* Именно въ договорной грамотѣ Великаго Новгорода съ вел. княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ, при перечисленіи волостей новгородскихъ, упоминается между прочимъ *Югра*. Эта договорная грамота относится къ 1265 году (въ „Собраніи государств. грамотъ и договоровъ" ч. I). Въ предъидущей главѣ сказано было, что зависимость Югры, какъ и Перми, отъ Новгорода была

---

*) Полн. Собр. Рус. лѣт. III, 21—22. Слова приведены, кромѣ особыхъ вставокъ, по основному *Синодальному* списку I Новгор. лѣт. XIV в.

**) Полн. Собр. Рус. лѣт. III, 22. Тоже буквально повторяется въ IV Новгор. лѣт., ibidem., томъ IV, 17. О походѣ 1193—1194 г.г. см. также *Софійскую* I лѣт. въ П. С. Р. Л., т. V, 169—170, и *Никоновскую*—т. X, 259—260.

***) «О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи» въ «Запискахъ Императ. Русскаго Географ. Общ.» т. VI, стр. 38—1852 г. и отдѣльно.

однако ничтожная. Новгородъ не держалъ здѣсь своихъ „мужей", а только посылалъ вооруженные отряды для сбора дани. „Кромѣ вышеупомянутой догов. грамоты еще въ другихъ такихъ же грамотахъ Вел. Новгорода, написанныхъ одна 1270 года, другая между 1305 и 1308 г.г., третья между 1307 и 1308 г.г., четвертая 1327 г. (всѣ помѣщены въ томъ же „Собраніи госуд. гр. и догов." ч. I-я), пятая 1456 г. и шестая 1471 г. (въ „Актахъ Археограф. Экспед." т. I-й)—во всѣхъ этихъ грамотахъ Югра, т. е. Югорская земля, упоминается въ числѣ волостей новгородскихъ" *). Въ I выпускѣ нашего изданія мы указали аналогичныя отношенія Новгорода Великаго и къ землѣ Пермской (стр. 37—38).

Съ начала XIV столѣтія мы опять встрѣчаемъ лѣтописныя извѣстія о походахъ Новгородцевъ въ Югорскую землю, *при чемъ извѣстія такого рода встрѣчаются чаще прежняго.* Подъ 1323 г. въ I Новгородской лѣтописи сказано: „Того же лѣта заратишася Устьюжане съ Новгородци, изъимаша Новгородцевъ *кто ходилъ на Югру*, и ограбиша ихъ". О томъ же упоминаетъ и Софійская I лѣтопись (т. V, 216). Подъ 1329 г. Новгородскія I и IV лѣтописи согласно свидѣтельствуютъ: „Той же зимы избиша Новгородцевъ, *которіи были пошли на Югу*, Устьюжьскыи князи" (т. IV, 51). Въ 1357 г. въ Югрѣ погибъ съ дружиною Самсонъ Колывановъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ IV Новгородская лѣтопись. „*А Самсона Колыванова убиша на Югрѣ, съ други*" (томъ IV, 63) **). Подъ 1364 г. той же лѣтописи встрѣчаемъ послѣднее важное извѣстіе отъ XIV вѣка о походахъ въ Югру. „Той зимы, говоритъ лѣтопись, съ Югры Новъгородци пріѣхаша дѣти боярьскіи и молодыи люди и воеводы Олександръ Абакуновичь и Степанъ Ляпа, *воевавши по Оби рѣки до моря, а*

---

*) *А. Оксеновъ*: «Сношенія Новгорода Великаго съ Югорской землей» въ «Литературномъ Сборникѣ», изданномъ подъ редакціей Н. М. Ядринцева (изданіе «Восточнаго Обозрѣнія»). СПБ. 1885 г., стр. 440—441. О томъ же см. сочин. *Е. Е. Замысловскаго*: «Герберштейнъ». СПБ. 1884 г., стр. 138.

**) Такъ говоритъ основной списокъ П. М. Строева конца XV или начала XVI в. Въ рукописи Синодальной библіотеки начала XVI в. о томъ же сказано: «*Тогда Самсона Колыванова съ дружиною на Югрѣ побиша*» (т. IV, стр. 63, сноска).

Другая половина рати на верьхъ Оби воеваша; и Двиняне сташа противу ихъ пълкомъ, и избиша Двинянъ на Курьи" (т. IV, стр. 64—65).

Таковы лѣтописныя свидѣтельства о походахъ Новгородцевъ въ землю Югорскую въ XIV вѣкѣ. Они значительно полнѣе всѣхъ прежнихъ извѣстій этого рода и не отличаются тѣмъ сказочнымъ характеромъ, какъ извѣстія объ Югрѣ XI и XII вѣковъ. Походы на Югру вооруженной ратью становятся обычнымъ дѣломъ. Шагъ за шагомъ Новгородцы подвигаются въ глубь Югорскихъ поселеній, и подъ 1364 годомъ мы встрѣчаемъ уже первое опредѣленное, ясное свидѣтельство о Зауральскомъ походѣ Новгородскихъ воеводъ.

Отъ XIV вѣка мы имѣемъ еще одно свидѣтельство о народѣ Югра въ сказаніи о св. Стефанѣ Епифанія Премудраго, составленномъ въ 1396—1397 г.г. *). Свидѣтельство Епифанія важно тѣмъ, что оно впервые вмѣстѣ съ Югрою упоминаетъ и *Вогуличей* въ перечнѣ народовъ, окружавшихъ Пермь Вычегодскую. *Югра*, *Печера*, *Вогуличи*, *Самоедь*, *Пермь Великая глаголемая Чюсовая*—упоминаются, какъ *отдѣльные* народы, жившіе вокругъ Перми. О значеніи этого извѣстія мы уже говорили выше.

Походъ 1364 г. мы считаемъ первымъ, достовѣрно извѣстнымъ, Зауральскимъ походомъ Новгородцевъ въ Обдорію, сосѣднюю съ Югрою страну, нѣкогда родственную ей по племенному составу населенія. Въ этомъ смыслѣ упоминаемый походъ имѣетъ особенно важное историческое значеніе, какъ показатель того, насколько далеко на востокъ Новгородцы проникали уже въ XIV вѣкѣ **). Судя по тому, что Новгородцы воевали тогда „по Оби рѣкѣ *до моря*", походъ 1364 г. простирался на сѣверъ въ предѣлы Обдоріи; другая же половина рати дѣйствовала въ предѣлахъ Югорской земли, лежавшей южнѣе Обдоріи. Походъ этотъ, какъ видно изъ лѣтописи, кончился для Новгородцевъ удачно; только на обратномъ пути они встрѣтили Двинянъ, которые, подобно Устюжанамъ, не сочувствовали ихъ успѣхамъ; но и Двиняне на

*) Подробный разборъ свидѣтельствъ Епифанія мы сдѣлали въ «Пермск. Старинѣ» вып. I, стр. 62—67 и другія.

**) Подъ 1114 годомъ записано довольно смутное извѣстіе о походѣ Новгородцевъ «за Югру и за Самоядь».

этотъ разъ были разбиты и не отняли у Новгородцевъ пожитковъ, которые они несли домой изъ Обдоріи и Югры.

Отъ первой половины XV вѣка IV Новгородская лѣтопись сохранила намъ *послѣднее извѣстіе о предпріятіяхъ Новгородцевъ противъ Югры*. Подъ 1446 г. мы читаемъ: „Въ лѣто 6954 Василій Шенькурскій и Михайло Яковль, воеводы Новъгородцкіе, поидоша ратію заволоцькою въ 3000 на Югру и поимавше Югорьскихъ людей много, и женъ и дѣтей и располошишася; они же Югрици доспѣша надъ ними облесть, а ркучи тако: мы хотимъ вамъ дань даяти, а хотимъ счестися и указати вамъ станы и острьва и урѣчища, а въ то время скопившеся и ударивша на острогъ Василія, и много людей, дѣтей боярьскихъ и удалыхъ людей избиша человѣкъ на 80“ *). Послѣдній походъ Новгородцевъ въ Югру окончился такимъ образомъ неудачей.

Послѣ этого похода Новгороду некогда было думать объ Югрѣ; всѣ усилія ему приходилось обратить противъ Москвы для спасенія собственной политической независимости. Быстрый ростъ Московскаго государства, еще раньше подчинившаго себѣ многія удѣльныя княжества и нѣкоторыя волости новгородскія, сталъ явно угрожать и самому Великому Новгороду. Руководящая политическая роль его на сѣверо-востокѣ Европы кончилась въ XV вѣкѣ и постепенно перешла въ руки Москвы. Поколебалась и прежняя зависимость Югры и Перми отъ Новгорода **). Поэтому далѣе намъ придется говорить о походахъ въ Югру не новгородскихъ, а *московскихъ* воеводъ и подвластныхъ Москвѣ ратныхъ людей преимущественно изъ сѣверо-восточныхъ городовъ, еще ранѣе XV вѣка измѣнившихъ Новгороду, каковы Двиняне, Устюжане и другіе. Словомъ, со второй половины XV в. мы вступаемъ въ Московскій періодъ мѣстной исторіи.

Въ *Московскомъ періодѣ* впервые выступаютъ въ активной исторической роли родственные Югрѣ Вогулы—тѣ *Вогуличи*, о которыхъ первое, древнѣйшее упоминаніе сдѣлалъ Епифаній Премудрый въ сказаніи о Стефанѣ Пермскомъ,

---

*) Полн. Собр. Русск. лѣт., т. IV, стр. 124.

**) Относительно Перми мы говорили объ этомъ въ I выпускѣ изданія на стр. 153—154.

написанномъ въ 1396—1397 г.г. *). Онъ первый упомянулъ Вогуличей отдѣльно отъ Югры, показавъ тѣмъ, что эти два народа были въ такихъ же родственныхъ между собою отношеніяхъ, какъ Зыряне и Пермяки. Какъ послѣдніе объединялись сначала въ общемъ наименованіи *Пермь*, *Пермяне*, съ подраздѣленіемъ однако этого родоваго понятія на мѣстныя видовыя *Сыръяне* и *Пермичи* уже у того же Епифанія**),— такъ *Вогуличи и Остяки первоначально объединялись въ общемъ племенномъ названіи Югра или Угра, при одновременномъ существованіи и указанныхъ видовыхъ мѣстныхъ наименованій* по крайней мѣрѣ съ XIV вѣка. Но въ теченіе всего Новгородскаго періода не замѣтно активнаго участія въ событіяхъ той части Югры, которая носила частное, видовое названіе Вогуличей, въ то время жившихъ преимущественно на западномъ склонѣ Урала и по рѣкамъ, текущимъ къ западу отъ этихъ горъ. Въ активной роли они впервые выступили въ 1455 году, когда Вогульскій князь Асыка съ сыномъ своимъ Юмшаномъ, по свидѣтельству Архангелогородскаго лѣтописца, приходилъ ратью на Вычегду до Усть-Выма, гдѣ убилъ владыку Пермскаго Питирима. Причиною такихъ дѣйствій со стороны Вогуличей было то, что у нихъ со времени Стефана, крестившаго Пермь, порвалась духовная связь съ этою страной. Вѣроятно, послѣ набѣга Асыки Вогуличи еще не разъ тревожили Русскихъ своими нападеніями, такъ какъ въ 1465 г. противъ Югры былъ предпринятъ *первый походъ по приказанію Московскаго вел. князя*, извѣстный по источникамъ. „Въ лѣто 6973 мѣсяца сентября въ 13 день, повѣствуетъ лѣтопись, велѣлъ князь великій Иванъ Васильевичъ Василью Скрябѣ Устюжанину Югорьскую землю воевати, а шли съ нимъ хотячіе люди; да съ нимъ же ходилъ *князь Василей Вымскій Ермоличь* съ Вымичи и съ Вычегжаны; а пошла рать съ Устюга мѣсяца маія въ 9 день ***). Они же шедше да Югорскую землю воевали и полону много вывели и землю за ве-

*) «Пермск. Стар.» I, 62; см. также стр. 9 и 10 и во II вып. стр. 44.

**) При чемъ выдѣлялись, вѣроятно по нарѣчію, также въ особую третью группу Сырьяне Печерскіе или просто народъ *Печера*.

***) Слѣдовательно самый походъ состоялся уже лѣтомъ. О князѣ Василіи Ермолаевичѣ Вымскомъ см. «Перм. Стар.» I, 164.

ликаго князя привели, а князей Югорскихъ Колпака да Течика къ вел. кн. Ивану Васильевичу и на Москву привели; *и князь великій ихъ пожаловалъ Югорскимъ княженіемъ и отпустилъ ихъ въ Югру, а на нихъ дань возложилъ и на всю землю Югорскую*, а Скрябу пожаловалъ" *). Въ 1467 г., по словамъ той же лѣтописи, „Вятчанъ сто двадцать человѣкъ ходили на Вогуличи, да съ ними Пермяки Вогуличь воевали, а князя Вогульскаго Асыку и на Вятку привели" (тамъ же, стр. 142). Впослѣдствіи этотъ Асыка оказался однако опять на волѣ и снова явился старымъ врагомъ Русскихъ. Въ 1481 г. состоялся третій въ Московскомъ періодѣ походъ Русскихъ противъ Угровъ. Въ этомъ году „Андрей Мишневъ съ шильники и съ Устюжаны ходили въ Великую Пермь да побили Вогуличь подъ Чердынемъ, а на Каму шедши, да встрѣтили гостей и Тюменскихъ Татаръ да пограбили" (Арханг. лѣтоп., стр. 160) **).

Подчиненіе Югры Московскому вел. князю въ 1465 г. оказалось однако непрочнымъ, не смотря на то, что Іоаннъ III оставилъ ей прежнихъ туземныхъ князей и ограничился наложеніемъ на нее дани. Старый врагъ Русскихъ Асыка, кажется, первый нарушилъ мирныя отношенія къ Москвѣ, а его примѣру послѣдовали и другіе угорскіе князья, жившіе въ Югрѣ, Кондѣ и даже въ Сибири. Московское правительство послѣ перваго подчиненія Югры было всецѣло занято борьбою съ Новгородомъ на западѣ, а на востокѣ въ 1472 г. московскіе воеводы князь Ѳедоръ Пестрый и Гавріилъ Нелидовъ покоряютъ Пермь Великую ***). За то съ паденіемъ политической независимости Великихъ Новгорода и Перми, Москва обратила все вниманіе на тревожный Угорскій Уралъ, въ ущельяхъ котораго гнѣздилось столько ея враговъ. Они встрѣтились теперь лицомъ къ лицу съ Москвою и имъ нельзя было надѣяться на сохраненіе своей полной независимости. Послѣ Перми они стояли на первой очереди подчи-

---

*) «Архангелогородскій лѣтописецъ». Москва. 1781 г., стр. 141.

**) *Карамзинъ* въ Новгородскихъ «шильникахъ» видитъ бродягъ (VI, примѣч. 59). Въ Пермскомъ краѣ это слово и сейчасъ употребляется въ народѣ въ смыслѣ мошенникъ.

***) О паденіи Перми Великой, какъ особаго инородческаго княжества, см. «Пермскую Старину» вып. I, стр. 68 и 154—158.

ненія Москвѣ, а Сибирь—на второй, въ порядкѣ ихъ географическаго положенія. Поводъ къ поднятію московскаго оружія, какъ мы сказали, подали сами Угорскіе князья неисполненіемъ взятыхъ на себя обязательствъ предъ Москвою, и Асыка стоялъ во главѣ недовольныхъ этою зависимостію, при всей ея легкости.

Второй большой походъ противъ Уральскихъ Угровъ (и четвертый изъ извѣстныхъ по источникамъ) Москва предприняла въ 1483 году. Онъ во второй разъ далъ почувствовать Уграмъ силу московскаго оружія, внесеннаго на этотъ разъ туда, гдѣ только однажды, въ 1364 году, побывали отважные Новгородскіе воеводы Александръ Абакумовичъ и Степанъ Ляпа. Разскажемъ его подлинными словами лѣтописи. „Въ лѣто 6991 (1483) князь великій Иванъ Васильевичъ посла рать на Асыку на Вогульскаго князя, да и въ Югру на Обь великую рѣку; а воеводы были великаго князя: князь Ѳедоръ Курбскій Черной да Иванъ Ивановичъ Салтыкъ-Травинъ, а съ ними Устюжане и Вологжане, Вычегжане, Вымичи, Сысоличи, Пермяки; *и бысть имъ бой съ Вогуличи на усть рѣки Пелыни.* На томъ бою убили Устюжанъ седмь человѣкъ, а Вогуличь паде много, а князь Вогульскій Юмшанъ убѣжалъ; а воеводы великаго князя оттолѣ *пошли внизъ по Тавдѣ рѣцѣ мимо Тюмень въ Сибирскую землю,* воевали идучи, добра и полону взяли много, *а отъ Сибири шли по Иртышу рѣцѣ внизъ воюючи, да на Обь рѣку великую въ Югорскую землю,* и князей Югорскихъ воевали, и въ полонъ вели; а пошла рать съ Устюга маія въ 9 день, а на Устюгъ пришли въ Покровъ святыя Богородицы; а въ Югрѣ померло Вологжанъ много, а Устюжане всѣ вышли“ *).

Походъ московской рати 1483 г. окончился удачно и произвелъ большой переполохъ между туземными угорскими князьями. Даже болѣе отдаленная Сибирь почувствовала силу русскаго оружія. Въ слѣдующемъ году, какъ увидимъ ниже, князья—инородцы сами пошли съ поклономъ въ Москву, можетъ быть потому, что „большой ихъ князь“ Молданъ

*) «Архангелогородскій лѣтописецъ». М. 1781 г., стр. 160—161.

Югорскій и Кодскій былъ захваченъ Русскими въ плѣнъ съ двумя сыновьями князя Екмычея *).

Въ приведенномъ описаніи похода 1483 г. важное значеніе имѣетъ указаніе пути за Ураломъ, коимъ слѣдовала московская рать. *Это—первое точное показаніе пути въ источникахъ*, такъ какъ при описаніи похода 1364 г., когда Русскіе впервые проникли за Уралъ, IV Новгородская лѣтопись говоритъ только о движеніяхъ русскихъ войскъ по берегамъ р. Оби, а другихъ топографическихъ подробностей не даетъ. Вопросу о древнѣйшихъ торговыхъ путяхъ за Уралъ, шедшихъ чрезъ Пермь и сѣвернѣе ея, мы уже посвятили въ этомъ изданіи много страницъ **). Теперь дополнимъ сказанное новыми подробностями.

Московская рать вышла изъ Устюга 9 мая 1483 г. Ей предстоялъ путь на р. Печеру. Сначала войско, безъ сомнѣнія, слѣдовало водой внизъ по С. Двинѣ и вверхъ по Вычегдѣ до ея верховьевъ. За 11 лѣтъ предъ тѣмъ, въ 1472 г., воевода князь Ѳедоръ Пестрый шелъ покорять Пермь Великую отчасти тѣмъ же путемъ, но съ половины его уклонился къ югу: онъ плылъ вверхъ по Вычегдѣ до р. Сысолы, потомъ по Сысолѣ до Черной рѣчки, „и оттуду поиде на плотѣхъ, и съ коньми, и приплылъ подъ городъ Анѳаловской“ ***). Какъ же прошелъ князь Курбскій съ Вычегды на Печору? Пути на Печору и дальнѣйшіе перевалы чрезъ Уралъ при походахъ 1483 и 1499 годовъ указаны г. *Оксеновымъ* по разнымъ даннымъ ****). Онъ упоминаетъ три пути съ Вычегды въ бассейнъ Печоры: 1) по рѣкамъ Выму и Ухтѣ чрезъ волокъ до Ижмы, 2) по правому притоку Вычегды рѣкѣ Чери чрезъ волокъ къ Ижмѣ же и 3) съ рѣки Вычегодской Мылвы на Печорскую. „По какой именно изъ этихъ трехъ

---

*) О чемъ свидѣтельствуетъ *Синодальная* лѣтопись: «поимаша (кн. Курбскій и Салтыкъ) на рѣцѣ на Оби князя Молдана и княжихъ Екмычеевыхъ двою сыновъ» (*Карамзинъ*. VI, примѣч. 461).

**) «Пермская Старина», выпускъ I, вся 3-я глава; во II вып. см. гл. 1-ю.

***) Тамъ же, I, 68. *Карамзинъ*, VI, примѣч. 73.

****) «Политическія отношенія Московскаго государства къ Югорской землѣ» (1455—1499 гг.) въ «Журн. Минист. Народн. Просв.» 1891 г. № 2. Статья эта составляетъ продолженіе той, которая помѣщена г. *Оксеновымъ* въ «Литерат. Сборникѣ» 1885 г. подъ ред. Ядринцева.

дорогъ съ Вычегды на Печору (указанныхъ по словарю *Семенова*, IV, 107) шолъ со своимъ отрядомъ князь Курбскій— рѣшить трудно, такъ какъ въ извѣстіяхъ о походѣ нѣтъ никакихъ указаній по этому предмету" (стр. 260), говоритъ г. Оксеновъ о походѣ 1499 г.; но тоже самое слѣдуетъ сказать и о походѣ 1483 года. Съ Печоры за Уралъ также шло три удобныхъ дороги, и опять не представляется возможности точно сказать, которою изъ нихъ шли Русскіе въ 1483 г. Эти три дороги указаны у меня въ I выпускѣ (стр. 40) и ихъ же указываетъ г. *Оксеновъ* (стр. 261), а еще раньше указали историкъ Сибири *Миллеръ* (стр. 75) и *Лерберъ* (см. „Изслѣдованія" его. 1819 г., стр. 11). Изъ сказанія лѣтописи видно, что первый бой Русскихъ *съ Вогуличами* былъ на устьѣ рѣки Пелыма, притока Тавды, а на эту рѣку ближе всего было пройти съ Вычегды южнымъ переваломъ или, точнѣе, проходомъ, который шелъ по долинѣ р. Илыча, его лѣвому притоку Югрѣ (по-зырянски Егра-Лягa, по-остяцки Ольсъ-манъ-я), извѣстнымъ *Югринскимъ Переходомъ*, на рѣку Вогулку и далѣе на Сосву *). Названіе Вогулки уже показываетъ, что тутъ жили въ старину Вогулы, и московская рать была отправлена въ 1483 г. прежде всего противъ Вогульскаго князя Асыки, по усмиреніи котораго уже предписано было идти далѣе—въ Югру, „на Обь великую рѣку". При такомъ планѣ похода зачѣмъ пошли-бы Русскіе въ 1483 г. болѣе сѣвернымъ путемъ по рѣкѣ Щугуру къ р. Сыгвѣ, не говоря уже о самомъ сѣверномъ переходѣ по долинѣ Усы чрезъ „Большой переходъ" къ истокамъ р. Соби, текущей въ Обь? Это было-бы напрасной тратой времени и не согласовалось бы съ государевымъ указомъ. И лѣтопись точно указываетъ, что весь далекій походъ 1483 г. занялъ только 5 мѣсяцевъ времени—съ 9 мая до 1 октября. По всѣмъ указаннымъ соображеніямъ, Русскіе

*) Лучшее описаніе этого пути чрезъ Уралъ см. у *Гофмана* во II томѣ его труда: «Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-Хой», СПБ. 1856 г., стр. 47. Достойно вниманія, что *притокъ Илыча Русскіе и сейчасъ называютъ рѣкой Югрой, а ея долину—Югринскимъ Переходомъ*. Самый же полный указатель всѣхъ путей чрезъ Сѣверный Уралъ приведенъ въ письмѣ знаменитаго венгерскаго ученаго *Регули* къ академику *Кеппену* отъ 21 января 1847 г., которое см. въ «Запискахъ Русскаго Географическаго Общества», книга III, СПБ. 1849 г., стр. 159—175.

въ этомъ году скорѣе всего проникли за Уралъ южнымъ „Югринскимъ Переходомъ".

Движеніе Русской рати за Ураломъ въ 1483 г. лѣтопись отмѣчаетъ весьма ясно. Съ устья р. Пелыма она пошла (вѣроятно, поплыла на плотахъ) внизъ по Тавдѣ рѣкѣ мимо Тюмени въ Сибирскую землю. Городъ Тюмень подъ этимъ русскимъ названіемъ тогда еще не существовалъ; такъ наименовать его могъ только позднѣйшій русскій лѣтописецъ: тутъ стоялъ въ XV в. татарскій городокъ Чимги или Чинги-Тура, дѣйствительно принадлежавшій тогда къ Сибирской землѣ *). Русскіе не могли плыть мимо него, такъ какъ Тюмень стоитъ на р. Турѣ и слѣдовательно осталась далеко вправо отъ русскаго войска, которое изъ Тавды, видимо, продолжало подвигаться все внизъ по рѣкамъ—сперва по Тоболу и далѣе—по Иртышу, *„да на Обь великую рѣку въ Югорскую землю"*. Эти слова лѣтописи даютъ ключъ къ рѣшенію вопроса: гдѣ шла въ XV в. сѣверная граница Сибирскаго царства съ поселеніями той части Югорскаго племени, которая называлась Остяками. Очевидно, слово Югра, Югорская земля тутъ нужно понимать въ общемъ, а не въ частномъ смыслѣ, какъ это и понималъ нѣкогда академикъ *Лербергъ* **). Сѣверную границу „Сибирской земли" того времени приблизительно можно опредѣлить такъ: начинаясь отъ рѣки Туры повыше нынѣшняго Туринска, въ XVI в. именовавшагося по-татарски Епанча, она шла на востокъ приблизительно по 58° сѣв. широты чрезъ р. Тавду и Иртышъ, пересѣкала послѣдній пониже нынѣшняго Тобольска, опять простиралась далѣе на востокъ къ вершинамъ рѣки Васъ-Югана и упиралась въ Обь повыше селенія Нарыма, оканчиваясь на правомъ берегу Оби къ сѣверу отъ ея притока р. Кети. *Къ югу отъ 58° лежала Сибирь, къ сѣверу—Югорская земля въ широкомъ смыслѣ*. На нижнихъ частяхъ Туры и Тавды Вогульскія поселенія уже встрѣчались съ Татарскими. Вся Конда, нижній Иртышъ (ниже устья Тобола), его правые

---

*) *Миллеръ:* «Описаніе Сибирскаго царства» СПБ. 1750 г., стр. 212.

**) «Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней Русской исторіи», переводъ Языкова. СПБ. 1819 г., стр. 4, и карта при этой книгѣ.

притоки Туртасъ и Демьянка и лѣвые притоки Оби Юганъ и Васъ-Юганъ составляли еще Угорскую область *). Доказательства приведемъ ниже, въ концѣ этой главы.

Походъ въ Югру 1483 г. имѣлъ важныя послѣдствія для Угорскихъ князей, жившихъ въ Зауральѣ: онъ заставилъ ихъ смириться предъ Москвой. Въ Архангелогородской лѣтописи читаемъ: „Въ лѣто 6992 (1484) тое же весны пришли съ челобитьемъ князи Вогульскіе и Югорскіе—*Вогульскій князь Юмшанъ да Калпа, а Сибирскій князь Лятикъ, а Югорскій князь Пыткей, а большей князь Югорскій Молданъ*, того съ собою напередъ князь Ѳедоръ Курбскій привелъ. И князь великій за себя ихъ привелъ, и *дань на нихъ уложилъ, да пожаловалъ ихъ, отпустилъ ихъ во свояси*“ (стр. 161). Въ 1472 г. совершенно такимъ же образомъ Іоаннъ III поступилъ съ Великопермскимъ княземъ Михаиломъ. Завоеватель Великой Перми, князь Ѳедоръ Пестрый „послалъ Пермскихъ воеводъ къ великому князю—князя Михаила и Бурмота и Мичкина“, которые были пожалованы, т. е. отпущены обратно въ Пермь; и только „въ лѣто 7013 (1505 г.) кн. вел Иванъ Васильевичъ свелъ съ Великія Перьми *вотчичя* князя Матѳія Михайловича, а на Великую Перьмь послалъ намѣстника своего, князя Василья Андреевича Ковра: сей же бысть *первый отъ Русскихъ* князей, а пріѣхалъ въ недѣлю цвѣтную“ **). Значитъ, такое обхожденіе съ покоренными князьями было въ обычаѣ у Ивана III.

Синодальная лѣтопись (№ 365), которою пользовался Карамзинъ, передаетъ событія 1484 г. съ большими подробностями, нежели Архангелогородскій лѣтописецъ. Приведемъ это важное свидѣтельство ея вполнѣ ***). „Того же лѣта (1484) приходили къ вел. кн. отъ Вогульскаго кн. Юмшана, Асыкина сына, бити челомъ о опасѣ шурину его Вогулятинъ Юрга, да сотникъ его Вогулятинъ Анфимъ, а печаловался о немъ владыка Филоѳей Пермьскій; и кн. великій опасъ далъ, и послалъ владыка съ вел. князя опасомъ къ Юмшану

*) О границахъ Остяцкихъ поселеній, сосѣднихъ съ Сибирью, см. въ «Описаніи о народѣ Остяцкомъ» *Григорія Новицкаго*. СПБ. 1884 г., стр. 23.

**) *Карамзинъ*, VI, примѣч. 73. Сравни «Периск. Стар.» I, 162—163.

***) «Исторія Госуд. Росс.» по изданію бр. Сленяныхъ, VI, примѣч. 461.

слугу своего Леваша. Того же лѣта приходилъ къ вел. князю бити челомъ Вогулятинъ кн. Пыткей съ поминки съ великими отъ князей Кодскихъ, отъ Лаба да отъ Чангила, и отъ всее земле Кодскіе и Югорьскіе *), да били челомъ о полоненыхъ князехъ, о Молданѣ съ товарищи, и кн. вел. отпустилъ ихъ во свою землю, да и Пыткея—печалованіемъ владыки Филоѳея да Володимера Григорьевича Ховрина. Тое же зимы генваря 4 (1485 г.) князи Кодскіе, Молданъ съ дѣтми, да Пынзей, да Сонта, да Пыткей имали миръ подъ владычнимъ городомъ Устьвымскимъ за вси свои земли съ князьми Вымскими, съ Петромъ да съ Ѳедоромъ, да съ Вычегодскымъ сотникомъ Алексѣемъ Казакомъ, да со владычнимъ слугою съ Левашомъ,—на томъ, что имъ лиха не смыслити, ни силы не чинити надъ Пермьскими людми, а вел. князю править во всемъ; а крѣпость ихъ—со золота воду пили, и пойдоша въ свою землю февраля.... Августа 18 пріиде ко владыцѣ Филоѳею на усть Выми по опасу Вогульскій князь Юмшанъ, а съ нимъ Вогуличи, тесть его Калба да Ломотко. Сентября въ 1 *пойде съ ними Филофей къ вел. князю бити челомъ*".

Итакъ Іоаннъ III и на сей разъ, какъ было въ 1465 году, сохранилъ за Угорскими князьями ихъ автономію, наложивъ на нихъ только опредѣленную дань. Этой вторичной милостью великаго князя они обязаны были, какъ видимъ, посредничеству Пермскаго епископа Филоѳея, правившаго епархіей Пермской и Вологодской съ 1471 до 1501 г. **). Іоаннъ III питалъ глубокое уваженіе къ Филоѳею. Отправляясь въ 1472 г. въ походъ противъ Новгорода, онъ обращается за молитвою и благословеніемъ къ Филоѳею. При завоеваніи въ томъ же году Перми Великой, этотъ владыка много способствовалъ цѣлямъ Іоанна. „Любимый и уважаемый многочисленною паствою, Филоѳей внушалъ ей недовѣріе къ Новгороду, а равно и къ мѣстнымъ правителямъ и, восхваляя добродѣтели Іоанна, привлекъ къ нему сердца

*) Въ 1472 г. кн. Ѳедоръ Пестрый, по завоеваніи Перми Вел., также прислалъ къ Іоанну III «вмѣстѣ съ плѣнными 16 сороковъ черныхъ соболей, драгоцѣнную шубу соболью, 29 поставовъ нѣмецкаго сукна, 3 панцыря, шлемъ и 2 сабли булатныя». *Карамзинъ*, тоже изданіе, т. VI, стр. 51.

**) «Пермс. Стар.» I, 145—146; *Строевъ*: «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійск. церкви». СПБ. 1877 г., стр. 729.

туземныхъ жителей.... Московскія войска, проходя по Перми, повсюду встрѣчали дружескій пріемъ и ласки отъ туземныхъ обитателей. Филоѳей, чтобы облегчить для войска трудность пути въ странѣ, малоизвѣстной воеводамъ, далъ имъ искусныхъ проводниковъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстностію.... Предупредительный и дальновидный Филоѳей, какъ искусный государственный политикъ, справедливо разсчитывалъ, что короткое сближеніе народовъ Сибири съ Пермяками поведетъ къ результатамъ, важнымъ въ смыслѣ правительственномъ, и потому.... дѣйствуя на умы ихъ въ духѣ религіозномъ, привлекая къ себѣ привѣтливостью и снисхожденіемъ, лаская въ пріемахъ, постоянно отличаясь радушіемъ и гостепріимствомъ, Филоѳей пріобрѣталъ этимъ всеобщую извѣстность между ними, снискивалъ любовь и расположеніе и—что всего важнѣе—пользовался полнымъ ихъ довѣріемъ. Сѣверо-западная Сибирь произносила имя его съ уваженіемъ, какъ имя умнаго и добраго правителя Перми.... Не мудрено, что при такомъ выгодномъ общественномъ мнѣніи, Филоѳей имѣлъ на Вогуличей и Югровъ вліяніе могущественное" *). Послѣ этого понятно, зачѣмъ Угорскіе князья, изъявившіе въ 1484 г. покорность Іоанну III, въ слѣдующемъ году заключили особый миръ подъ *владычнимъ городомъ Усть-Вымомъ* съ князьями Вымскими Петромъ да Ѳедоромъ, данниками Іоанна, съ Вычегодскимъ сотникомъ и владычнимъ слугою Левашомъ.

Обратимъ вторично вниманіе на нѣкоторыя выраженія въ приведенныхъ выше выпискахъ изъ лѣтописей Архангелогородской и Синодальной. „Приходилъ къ вел. князю бити челомъ *Вогулятинъ князь Пыткей*". Этотъ князь, родомъ Вогулъ, явился представителемъ князей *Кодскихъ* Лаба и Чангила и *„отъ всеѳ земле Кодскіе и Югорьскіе"*. Затѣмъ 4 января 1485 г. *„князи Кодскіе, Молданъ съ дѣтьми*, да Пынзей, да Сонта, *да Пыткей* имали миръ подъ владычнимъ городомъ Устьвымскимъ". Ясно, что князь Пыткей, родомъ изъ Вогулъ, и князь Молданъ были князья Кодскіе или Кондинскіе, изъ города Коды, что былъ при р. Оби. Но

*) См. статью *М. Михайлова*: «Усть Вымъ» въ «Вологодскихъ Губернск. Вѣдомост.» за 1850 г., стр. 471, и статью профессора *Е. А. Будрина*: «Очеркъ исторіи Пермской епархіи» въ «Пермск. Епархіальн. Вѣдом.» 1868 г. №№ 44 и 46.

Пыткей являлся представителемъ не одной Конды, а и всей „земли Кодскія и Югорскія". Это подтверждаетъ вполнѣ и Архангелогородская лѣтопись, прямо называющая Пыткея *княземъ Югорскимъ*, а Молдана—*большимъ княземъ Югорскимъ*. Слѣдовательно земля Кодская и Югорская имѣла однихъ правителей, изъ коихъ Молданъ былъ главнымъ, а *Вогулятинъ* князь Пыткей, Сонта, Пынзей—второстепенными, подчинявшимися первому. Значитъ, между Вогульскими и Югорскими князьями было близкое родство; эта родственная связь Вогуловъ съ Югрою слишкомъ замѣтна и въ наименованіи *Вогулятина Юрги*, который въ качествѣ довѣреннаго Вогульскаго князя Юмшана, сына Асыки, приходилъ къ великому князю „бити челомъ о опасѣ шурину Юмшана". Этимъ шуриномъ Юмшана и былъ, кажется, Вогулятинъ князь Пыткей, бывшій однимъ изъ правителей въ землѣ Кодской и Югорской. Въ виду такихъ-то родственныхъ связей, всѣ Угорскіе князья и дѣйствовали столь единодушно. Изъ приведенныхъ сопоставленій лѣтописныхъ показаній можно вывести заключеніе, что въ событіяхъ 1483—1485 г.г. принимали участіе родственные между собою князья *Вогульско-Югорскіе* и *Кодско-Югорскіе*, какъ правители Коды и Югріи собственно, тогда бывшихъ подъ властью родственныхъ между собою князей, при чемъ слово „Югорскій" тутъ можно принимать болѣе въ общемъ, а не въ частномъ значеніи. Подобное же родство существовало тогда между князьями Великопермскими и Вымскими (см. вып. I, 164), которые объединялись въ общемъ названіи „Пермскихъ".

Послѣ 1484 г. автономія Угорскихъ князей продолжалась еще долгое время. Московское правительство не положило ей конца подобно тому, какъ это произошло въ Перми Великой въ 1505 г. съ назначеніемъ перваго *намѣстника* кн. Василія Ковра. Отношенія Угорскихъ князей къ Московскимъ государямъ продолжали оставаться полуподданническими, съ сохраненіемъ прежняго общественнаго ихъ устройства, но съ обязательнымъ платежомъ дани въ пользу Москвы. Однако и при этой легкой зависимости отъ Москвы поводы къ взаимнымъ столкновеніямъ между русскими и инородцами встрѣчались довольно часто. „При недостаткѣ должнаго умствен-

наго и общественно-экономическаго развитія у того и другаго населенія, ихъ соприкосновеніе, конечно, не могло обойтись безъ враждебнаго столкновенія между тѣмъ и другимъ" *). Нарушеніе клятвенныхъ условій съ Москвой среди полуподданныхъ ей инородцевъ было обычнымъ дѣломъ. Такое нарушеніе было допущено Угорскими князьями чрезъ 15 лѣтъ послѣ заключенія мирнаго договора ихъ съ Іоанномъ въ 1484 году. Это обстоятельство вызвало въ 1499 г. новый, самый значительный походъ Русскихъ въ Югру. Это былъ третій и послѣдній большой походъ Московскихъ войскъ (и пятый изъ извѣстныхъ по источникамъ) въ земли Югорскія. Какъ небывалый по размѣрамъ, онъ болѣе всѣхъ другихъ походовъ изслѣдованъ въ послѣднее время и полнѣе другихъ описанъ въ источникахъ**).

Въ походѣ 1499 г. предводительство взяли на себя три воеводы: князь Семенъ Ѳедоровичъ Курбскій, князь Петръ Ѳедоровичъ Ушатый и Василій Ивановичъ Гавриловъ, прозванный Заболоцкій-Бражникъ. *Въ отрядѣ Курбскаго было* 1304 чел. Устюжанъ и 500 чел. Вятчанъ и жителей Вязьмы (Вязминъ), а всего 1804 человѣка. Подначальными кн. Курбскому вожатыми въ этомъ отрядѣ были: дѣти боярскіе Цыгоръ и Владиміръ Сугорскіе и Вятчане—Константинъ Яковлевичъ Путынъ, Левъ Ивановичъ Алексѣевъ и Петръ Коповъ. *Въ отрядѣ Ушатаго* было 1920 человѣкъ Вятчанъ, Важанъ (съ Ваги) и Пинежанъ. Помощниками Ушатаго были: Вологодскіе дѣти боярскіе Никита Тимоѳеевичъ Мотафтинъ и Никита Кушниковъ и Вятчане—Гавріилъ Сафоновъ, Иванъ Синкинъ-Бобровниковъ и Иванъ Юшинъ. *Въ отрядѣ Гаврилова (Заболоцкаго-Бражника)* было 200 чел. Вятчанъ и 100 чел. разныхъ инородцевъ—Эрзянъ (часть племени Мордвы), Арянъ (изъ Арской земли), Татаръ и Вотяковъ. Помощниками его были: Вологодск. дѣти боярскіе Осипъ Савельевъ

---

*) Вопросъ объ отношеніи московской власти къ инородцамъ лучше всего разработанъ въ соч. *Н. А. Ѳирсова*: «Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ». Казань. 1866 г., см. стр. 67 и мн. друг.

**) Полный сводъ всѣхъ извѣстій о походѣ 1499 г. и обстоятельное изложеніе фактовъ, до него относящихся, см. въ статьѣ *Оксенова*: «Политическія отношенія Московск. госуд. къ Югорской землѣ» въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» 1891 г., февраль, стр. 257—266.

и Ѳедоръ Неправдинъ и Вятчане—Яковъ и Григорій Татариновы. *Во всемъ войскѣ, по указанію разрядныхъ книгъ, было, слѣдовательно, 4024 человѣка*, при трехъ воеводахъ и 14 подчиненныхъ имъ второстепенныхъ военачальникахъ (по 5 у Курбскаго и Ушатаго и 4 у Гаврилова). Г. Оксеновъ полагаетъ, что въ отрядѣ Гаврилова было гораздо болѣе 300 чел., судя по тому, что онъ сдѣлалъ въ походѣ *). Но ему могли уступить людей при надобности Курбскій и Ушатый. Невольно бросается въ глаза особенное участіе Вятчанъ въ походѣ. Г. Оксеновъ основательно думаетъ, что это вызвано не задолго до того послѣдовавшимъ (именно въ 1489 г.) окончательнымъ подчиненіемъ Вятки великому князю Московскому, который многихъ Вятчанъ записалъ „въ слуги великому князю" и надѣлилъ ихъ помѣстьями въ Московской землѣ, за что они прежде другихъ и должны были принять участіе въ походѣ 1499 г. **).

Исходнымъ пунктомъ для войска была Москва, гдѣ воеводы получили свое назначеніе. На пути къ войску постепенно присоединились другія составныя его части. *Курбскій* изъ Москвы пошелъ на Устюгъ, далѣе внизъ по Двинѣ и вверхъ по Вычегдѣ, какъ было въ 1483 году. *Ушатый* отправился изъ Москвы на сѣверъ и поплылъ потомъ на судахъ внизъ по Сухонѣ и Двинѣ до р. Пинеги, далѣе вверхъ по этой рѣкѣ до волока, отдѣляющаго ее отъ рѣки Кулоя, внизъ по Кулою—на Мезень и далѣе на Печору ***). *Гавриловъ* направился Волгою и Камою до Перми Великой, прослѣдовалъ эту страну, достигъ рѣки Колвы, мимо Чердыни поднялся по ней до Печерскаго волока, по которому и достигъ Печоры. Къ осени 1499 г. всѣ три отряда сошлись на р. Печорѣ, откуда 20 ноября двинулись далѣе на востокъ. Переходъ до горъ занялъ 14 дней, а самый перевалъ—болѣе двухъ недѣль ****). Которымъ изъ трехъ переходовъ прошло

*) Та же статья, стр. 258. Свѣдѣнія о численности и личномъ составѣ войска сообщаетъ «*Разрядная книга*» Архива Иностр. Дѣлъ; выписку изъ нея см. въ статьѣ *Бѣляева* въ «Записк. Географич. Общ.» кн. VI. СПБ. 1852 г. стр. 247.

**) Тамъ же. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Архангелогородскій лѣтописецъ.

***) Объ этомъ пути см. «Пермск. Стар.» I, 40.

****) «Записки о Московіи» *Герберштейна* (переводъ Анонимова. СПБ. 1866 г., стр. 127—128), гдѣ см. разсказъ кн. Курбскаго автору записокъ о 17-дневномъ пути его по горамъ.

на этотъ разъ московское войско за Уралъ—вопросъ спорный. У проф. *Е. Е. Замысловскаго* находимъ обстоятельный сводъ мнѣній по этому вопросу *), при чемъ мы присоединяемся къ слѣдующему его заключенію: „Въ описаніи пути отъ р. Печоры къ р. Оби (внесенномъ въ „Записки" *Герберштейна*), составленномъ около того самаго времени, къ которому относится походъ 1499—1500 г.г., и не однимъ лицомъ, а нѣсколькими, сохранилось слѣдующее свидѣтельство: составители этого описанія говорили автору „Записокъ о Московіи", что *„они отдыхали между устьями рѣкъ Щугора и Подчерема"*. Слѣдовательно, русскіе отъ р. Печоры двигались не по рѣкѣ Усѣ, а южнѣе; съ рѣки Печоры отправились по тѣмъ притокамъ ея, которые отдѣляются Уральскимъ хребтомъ отъ рѣчной области Сосвы—той именно, гдѣ лежитъ Ляпинъ „Югорскій". Г. *Оксеновъ* въ цитированной нами статьѣ приходитъ къ тому же взгляду. „По всей вѣроятности, всѣ три отряда сошлись на Печорѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ эту рѣку впадаетъ Щугоръ. Съ этого пункта удобнѣе всего можно было направить путь чрезъ Уральскія горы въ самый центръ Югорской земли" (стр. 261). Но проф. *И. Д. Бѣляевъ* думалъ иначе. „Третій отрядъ съ Заболоцкимъ, говоритъ онъ, шелъ сперва Волгою на Каму, гдѣ взялъ, по росписанію, Татаръ Казанскихъ и Арянъ; потомъ Камою поднялся до Колвы и изъ Колвы волокомъ спустился въ Печору, по которой шелъ до устья Усы, гдѣ начинались жилища Остяковъ, которыхъ Заболоцкій, по росписанію, долженъ былъ принять въ свой отрядъ. Такимъ образомъ всѣ три отряда должны были сойтись на Печорѣ не иначе какъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ нее впадаетъ *Уса, при устьѣ которой они и зарубили себѣ городокъ Усташъ*" **). Но какъ этому выводу противорѣчило географическое положеніе Ляпина, до котораго Русское войско шло отъ Камени только недѣлю, то г. *Бѣляевъ* съ натяжкою допускаетъ существованіе другаго (воображаемаго) Ляпина сѣвернѣе „Югорскаго". Съ своей стороны мы не можемъ при-

*) «Герберштейнъ и его историко-географич. извѣстія о Россіи» СПБ. 1884 г., стр. 436 и 437.

**) «О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи» въ «Запискахъ Импер. Русск. Географич. Общества» книга VI. СПБ. 1852 г., стр. 249.

знать такое заключеніе г. *Бѣляева* правильнымъ, равно какъ и мнѣніе *Лерберга*, будто Усташъ стоялъ около устьевъ Щугора *).

Русскіе встрѣтили на Печорѣ нѣсколько самоѣдскихъ и зырянскихъ поселеній, одно изъ которыхъ *Усташъ* и послужило сборнымъ пунктомъ для воеводъ въ землѣ Самоѣдовъ. Другое селеніе *Струпиль* они встрѣтили „на русскомъ берегу, на правой рукѣ, въ горахъ", между устьями Щугора и Подчерема, и третье *Папинъ*—также на Печорѣ, кажется, между первыми двумя Въ „Разрядной книгѣ" изъ архива Академіи Наукъ (№ 43), выдержка изъ которой приведена у Бѣляева, сказано: „*и пришли въ Печеру рѣку до Усташу града* Тутъ воеводы сождались князь Петръ (Ушатый, слѣдовавшій сѣвернымъ путемъ съ р. Цыльмы) со княземъ Семеномъ Курбскимъ да съ Васильемъ Ивановичемъ Гаврилова. *Да тутъ остановились и городъ зарубили*" **). Зарубили они крѣпость *Пустозерскъ* при озерѣ Пустомъ, такъ названномъ самими Русскими, неизвѣстно только на мѣстѣ-ли самоѣдскаго Усташа, или около него, но не самый Усташъ, какъ думаетъ Бѣляевъ. Объ этомъ справедливо говоритъ г. Замысловскій: „Пустозерскъ построенъ въ 1499 г. князьями Курбскимъ, Ушатымъ и Заболоцкимъ въ Югорской землѣ для сбора ясака съ восточныхъ Самоѣдовъ" ***). Только названіе „Югорской" земли тутъ слѣдуетъ замѣнить словомъ „Самоѣдской" земли. Миллеръ въ „Описаніи Сибирскаго Царства" также считаетъ Усташъ самоѣдской деревней или малымъ городкомъ (см. стр. 64). По приходѣ на Печору, воеводы еще водой спустились до устья этой рѣки, ****) съ цѣлью обезпечить себѣ тылъ построеніемъ крѣпости, а съ тѣмъ вмѣстѣ и исправное взиманіе ясака. Отсюда они стали подниматься вверхъ по Печорѣ мимо города Папина, жители

---

*) См. его «Изслѣдованія». СПБ. 1819 г., стр. 12—въ статьѣ объ Югрѣ.

**) См. цитированную статью *Бѣляева*, стр. 248. У *Миллера* сказано: «да тутъ *осеновали*, и городъ зарубили». См. «Опис. Сибирск. царства» 1750 г., стр. 63. «Осеновали» значитъ «провели осень».

***) «Герберштейнъ» СПБ. 1884 г., стр. 433.

****) По словамъ той же академической «Разрядной книги», князь Петръ Ушатый «пошелъ съ Ильина дни» рѣкою Кулоемъ; слѣдоват. на Печору онъ прибылъ еще до замерзанія рѣки.

котораго, по свидѣтельству Герберштейна, назывались „Папинами“ и имѣли языкъ, отличный отъ русскаго“ *). Поднимаясь еще выше по рѣкѣ Печорѣ, воеводы встрѣтили между устьевъ Щугора и Подчерема „на русскомъ берегу, на правой рукѣ (а по теченію Печоры, стало быть, на лѣвомъ), въ горахъ“ городокъ Струпиль. Вотъ слова Герберштейна, которыя необходимо сопоставить съ отрывочными замѣтками „Разрядной книги“—тѣмъ болѣе, что оба свидѣтельства относятся почти къ одному и тому же времени: „Владѣнія Московскаго царя простираются далеко на востокъ и нѣсколько на сѣверъ до тѣхъ мѣстъ, которыя исчисляются дальше. Объ этомъ предметѣ *мнѣ доставлена была рукопись на русскомъ языкѣ*, въ которой содержалось описаніе этого пути и *которую я перевелъ и въ точности помѣщаю здѣсь*....**) Печера, говоритъ далѣе Герберштейнъ на основаніи этой рукописи, течетъ въ сѣверный край съ юга; и отсюда (отъ устья р. Усы) три недѣли пути, *если подниматься вверхъ* отъ устьевъ Усы до устьевъ рѣки Щугура. *Писавшіе этотъ дорожникъ говорили, что они отдыхали между устьями рѣкъ Щугура и Подчерема* и сложили запасы, привезенные ими съ собою изъ Руссіи, у ближней крѣпости Струпиля, которая лежитъ на русскомъ берегу, на правой рукѣ, въ горахъ. *За рѣками Печерою и Щугуромъ, у горы Каменный Поясъ* (т. е. Уралъ) и у моря, на сосѣднихъ островахъ *и около крѣпости Пустозерска живутъ различныя и безчисленныя племена, называющіяся однимъ общимъ именемъ Самояди*“. Указанный въ русскомъ дорожникѣ путь въ Печеру, Югру и къ рѣкѣ Оби, очевидно, былъ обычный для Русскихъ путь отъ устьевъ Цыльмы вверхъ по Печорѣ до Щугура и далѣе на востокъ „чрезъ Камень щелью“. Я не сомнѣваюсь, что имъ же слѣдовала въ 1499 г. и русская рать во главѣ трехъ воеводъ, съ тою лишь особенностью, что она въ стратегическихъ соображеніяхъ съ Цыльмы не прямо повернула вверхъ по Печорѣ, а сначала спустилась съ устьямъ этой

*) «Записки о Московіи» въ переводѣ *И. Анонимова* съ Базельскаго изданія 1556 г. СПБ. 1866 г., стр. 127.

**) Эта статья въ «Запискахъ о Московіи» озаглавлена: «*Указатель пути въ Печеру, Югру и къ р. Оби*». См. въ томъ же русскомъ изданіи 1866 г. стр. 122—128. Сравнить «Периск. Стар.» I, 40.

послѣдней, до самоѣдскаго селенія Усташа, и, обезпечивъ себѣ тылъ построеніемъ крѣпости Пустозерска, уже стала подниматься вверхъ по Печорѣ, продолжая затѣмъ путь обычнымъ порядкомъ мимо Папина и Струпиля, давно уже исчезнувшихъ, до устья Щугура и далѣе по этой рѣкѣ до „щели чрезъ Камень".

Путь отъ р. Печоры къ Уралу упомянутая выше „Разрядная книга" (академическая) обозначаетъ въ такихъ словахъ: „Изъ Печеры рѣки пошли воеводы на лыжахъ на Введеніе Пречистыя Богородицы (т. е. 21 ноября 1499 г.). Отъ Печеры шли воеводы до Камени двѣ недѣли; и туто розвелись воеводы: князь Петръ да князь Семенъ (пошли чрезъ) Камень щелью *); а Камени въ оболокахъ не видить; коли вѣтрено, ино оболока роздираетъ; а длина его отъ моря до моря. Убили воеводы на Камени 50 человѣкъ Самоѣди, а взяли 200 оленей. *А отъ Камени недѣлю до перваго городка Ляпина.* А всѣхъ по Камень верстъ шли 4650 верстъ" **). Описаніе этого пути совершенно согласуется съ мѣстными физическими условіями Печерскаго края и до сего времени. Не только тамъ, а гораздо южнѣе, въ Пермскомъ краѣ, хожденіе на лыжахъ по глубокому снѣгу доселѣ не оставлено, что я, уроженецъ Соликамскаго уѣзда, говорю, какъ очевидецъ. Въ виду свидѣтельства Герберштейна, основаннаго на русскомъ дорожникѣ, что Самоѣды жили тогда на всемъ пространствѣ между Ураломъ, Печерой и Щугуромъ, а кочевые ихъ оленеводы встрѣчались и на самыхъ горахъ Уральскихъ,—вполнѣ правдоподобно, что Русскіе убили на горахъ 50 Самоѣдовъ, отнявъ у нихъ 200 оленей. *Бѣляевъ* въ числѣ доказательствъ, что Русскіе шли Усою, указываетъ на мѣсто жительства Самоѣдовъ у истоковъ рѣкъ Усы, Кары и Соби, ссылаясь на „Книгу Большаго Чертежа" ***). Но что было

---

*) *Бѣляевъ* совсѣмъ опускаетъ слова «пошли чрезъ». *Карамзинъ*, короче напечатавшій ту же выписку изъ «Разрядной книги» въ примѣч. 462 къ VI тому, ставитъ эти слова, какъ пропущенныя въ оригиналѣ, въ скобкахъ. *Миллеръ* въ «Описаніи Сибир. цар.» (1750 г., стр. 63) пишетъ: «и тутъ розвелися воеводы кн. Петръ да кн. Семенъ *черезъ Камень щелью*».

**) *Бѣляевъ*: «О географич. свѣд. въ древней Россіи» въ VI книгѣ «Записокъ Географич. Общ.», стр. 248.

***) Тамъ же, стр. 249.

въ концѣ XV вѣка, то могло измѣниться ко времени составленія этой книги въ 1627 г. Продолжительность пути отъ Печеры до Урала также указываетъ Герберштейнъ по дорожнику. „Отъ устья Щугура вверхъ по рѣкѣ до Большаго Пояса—три недѣли пути. Потомъ на гору Камень нужно всходить три дня; спустившись съ нея, идутъ къ рѣкѣ Артавишѣ (?), потомъ къ рѣкѣ Сибутъ (вѣроятно, Сыгвѣ), оттуда къ крѣпости Лепинъ, отъ Лепина къ рѣкѣ Сосвѣ. По этой рѣкѣ живутъ Вогуличи“ *). Переходъ отъ Камени до Ляпина въ недѣлю былъ вполнѣ возможенъ. У Камени, по словамъ „Разрядной книги“, воеводы раздѣлились (розвелись), при чемъ князья Ушатый и Курбскій пошли къ Ляпину вмѣстѣ, а Гавриловъ, повидимому, не пошелъ этой „щелью“. Вѣроятно, онъ направился на лыжахъ по предгорьямъ Урала къ рѣкѣ Илычу и затѣмъ отправился чрезъ хребетъ тѣмъ „Югорскимъ Переходомъ“, коимъ шло Московское войско въ 1483 году (см. выше). Изъ дальнѣйшаго описанія похода можно видѣть, что Ушатый и Курбскій дѣйствовали на нижней Оби, а Гавриловъ—въ южной части Угорскихъ земель (Югры въ общемъ смыслѣ). Такого плана военныхъ дѣйствій, какъ мы говорили выше, держались еще въ 1364 г. Новгородскіе воеводы во время перваго Зауральскаго похода въ Югорскія земли.

„Разрядная книга“ изъ архива Академіи Наукъ № 43, заключающая въ себѣ донесеніе о походѣ въ Югру, начинаетъ его такими словами: „Лѣта 7009 (1501) повелѣніемъ Государя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи *хоженіе воеводъ* князя Петра Ѳедоровича Ушатаго, да князя Семена Ѳедоровича Курбскаго, да Василья Ивановича Заболоцкаго Бражника *въ Югорскую землю, на Кудъ и на Гогуличи.* Послалъ Кн. Вел. Петра Ѳедоровича да подалъ ему дѣтей боярскихъ“... и т. д. **). (Дальнѣйшія слова приведены нами выше). Въ этомъ какъ-бы общемъ заглавіи доне-

*) «Записки о Московіи» переводъ Анонимова, стр. 124. Подъ Артавишей, кажется, нужно разумѣть нынѣшнюю рѣку Суккерью.

**) *Бѣляевъ* въ цитированной статьѣ въ «Запискахъ Геогр. Общ.» VI, 247—248. Перепечатку всѣхъ выписокъ изъ «Разрядн. книгъ» см. въ статьѣ *Оксенова* въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» февраль 1891 г., стр. 264—266. Хожденіе воеводъ напечатано и въ «Описаніи Сибир. царства» *Миллера*. СПВ. 1750 г., стр. 63.

сенія уже указаны три цѣли похода 1499—1500 годовъ: а) *земля Югорская*, б) *Кудъ*, *т. е. Кода*, *Конда* и в) *Гогуличи*, *т. е. Вогуличи*. Въ изслѣдованіи о походѣ 1483 г. мы уже пришли къ заключенію, что и онъ былъ предпринятъ противъ двухъ, *отдѣльно управлявшихся родственными князьями*, земель—Вогульской и Кодско-Югорской (см. выше). Такъ какъ Конда и Югра имѣли однихъ правителей, то въ другихъ источникахъ въ этомъ случаѣ названіе „Кудъ", Коды совсѣмъ пропущено. Въ *Воскресенской* лѣтописи XVI вѣка читаемъ: „Послалъ князь великій воеводъ своихъ.... *на Югорскую землю и на Гогуличи*; они же шедше городы поимаша и землю повоеваша, а князи поимавъ приведоша съ собою на Москву, а иныхъ князей и земскихъ людей къ ротѣ приведоша по ихъ вѣрѣ за великого князя, а иныхъ князей и *многыхъ людей Югричь и Гогуличь тамо побиша*: и пріидоша на Москву къ вел. князю вси здрави" *). Въ трехъ *Степенныхъ книгахъ* библіотеки Академіи Наукъ (№№ 12, 13 и 14) о томъ же читаемъ: „Въ лѣто 7007 (1499) Вел. Князь Иванъ Василіевичь посла воинство свое *на Угорскую землю и на Гогуличи* и шедше взяша грады ихъ и землю повоеваша, и князей поимавъ приведоша на Москву. *Прочихже Угричь и Гогуличь побиша*, и пріидоша вси здраво къ Вел. Князю" **).

Слова драгоцѣнной *Разрядной книги* Академіи Наукъ, заключающіяся въ донесеніи 1501 г., мы приведемъ по редакціи *Г. Ф. Миллера*, которая по своему слогу вообще древнѣе, лучше подновленной редакціи *Бѣляева* и неполной *Карамзина*. „И убили воеводы на Камени Самоеди 50 человѣкъ, а взяли 200 оленей. Отъ Камени шли недѣлю до перваго городка Ляпина; всѣхъ по та мѣстъ шли 4650 верстъ (у *Бѣляева*: „а всѣхъ по Камень верстъ шли 4650 верстъ"). *Изъ Ляпина встрѣтили съ Одора на оленяхъ Югорскіе князи, а отъ Ляпина шли воеводы на оленяхъ, а рать на*

---

*) «Полное Собр. Русск. Лѣтоп.» т. VIII подъ редакціей *А. Ѳ. Бычкова*. СПБ. 1859 г., стр. 237.

**) *Миллеръ*: «Описаніе Сибирск. царства» 1750 г., стр. 63.

собакахъ *). Ляпинъ взяли и поимали 33 городы, да взяли 1009 человѣкъ лучшихъ людей, да 50 князей привели. *Да Василей же Бражникъ взялъ 8 городы да 8 головъ*, и пришли къ Москвѣ далъ Богъ здорово во всѣ (?) на Великъ день къ Государю" **). Вотъ все, что мы знаемъ о Зауральскихъ дѣйствіяхъ Московской рати 1499—1500 г.г. по „Разряднымъ книгамъ". Самый конецъ этого извѣстія въ редакціи *Бѣляева* существенно отличается по цифровымъ даннымъ. У него читаемъ: „Да Василей же Бражникъ взялъ 50 городовъ да 50 головъ" (стр. 248). Которой же редакціи можно вѣрить? Г. *Оксеновъ* вѣритъ больше Бѣляевской редакціи, нежели Миллеровой, ссылаясь на *позднѣйшія* свидѣтельства „Книги Большаго Чертежа" и даже на показанія Н. А. Абрамова, взятыя имъ изъ дѣла Березовскаго земскаго суда 1797 г. о числѣ городковъ въ Югорской землѣ! ***). Мы рѣшительно не можемъ согласиться съ такимъ заключеніемъ. Даже самъ г. *Бѣляевъ*, столь неосмотрительно воспользовавшійся плохой редакціей „Разрядной книги", въ концѣ концовъ признаетъ, противорѣча самому себѣ, что воеводы всѣхъ Югорскихъ городовъ взяли 41 (см. стр. 250). Я увѣренъ, что въ данномъ случаѣ крупное разногласіе въ редакціяхъ одной и той же „Разрядной книги" произошло просто отъ смѣшенія двухъ славянскихъ цифръ, очень сходныхъ по очертанію, 8 (и) съ 50 (н). Да и какъ могъ воевода Гавриловъ съ 300 человѣкъ взять 50 городовъ, когда Курбскій и Ушатый съ 3724 челов. взяли только 33 города? Несообразность тутъ очевидная, и мы удивляемся, какъ могъ г. *Бѣляевъ* напечатать ее безъ всякой оговорки, а г. *Оксеновъ* еще и защищать ее.

Считаемъ необходимымъ еще остановиться на одной крупной ошибкѣ *Бѣляева*. Допуская существованіе вообра-

---

*) У *Бѣляева* тутъ допущена еще большая несообразность: «Изъ Ляпина, читаемъ у него, встрѣтили Додоряня на оленехъ, а рать на собакахъ» (стр. 248). Очевидно, Бѣляевъ или прочиталъ это мѣсто не вѣрно, или имѣлъ въ рукахъ какую-то другую редакцію вообще хуже Миллеровой, которою напрасно доселѣ пренебрегали изслѣдователи этого вопроса.

**) *Миллеръ*: «Опис. Сиб. ц.» изд. 1750 г., въ сноскѣ на стр. 63—64.

***) Цитированная статья *Оксенова* въ Ж. М. Н. П. 1891 г., кн. II, 263—264.

жаемаго Ляпина сѣвернаго или „Обдорскаго", онъ приходитъ къ заключенію, что въ 1499—1500 г.г. „завоеванія и разъузнаніе края производились собственно въ землѣ Обдорской и Самоѣдской или, какъ выражено въ Архангелогородской лѣтописи, въ лыжной, *) т. е. въ сѣверной Югрѣ, и здѣсь-то Курбскій съ Ушатымъ и Бражникомъ Заболоцкимъ вывоевали всю землю и взяли 41 городъ; Югра же южная, гдѣ Ляпинъ, была уже завоевана еще за 16 лѣтъ до настоящаго похода" (см. стр. 250). Г. Бѣляевъ упустилъ при этомъ изъ вида слова Разр. книги: „и тутъ (у Камени) *розвелися воеводы*" и въ самомъ заглавіи ихъ „хожденія" забылъ слово „*на Кудъ*", т. е. хожденіе въ Коду, на Конду, которая расположена была южнѣе Ляпина, на правомъ берегу Оби (нынѣ село Кондинское Березовскаго округа).

Вообще всѣ разсужденія *Бѣляева* о послѣднемъ походѣ Русскихъ на Югру крайне ошибочны.

Намъ остается пожалѣть, что во всѣхъ извѣстіяхъ объ этомъ походѣ не упомянуто по имени ниодного князя Югорскаго и Вогульскаго и ниодного города кромѣ Ляпина, Конды и Одора (Обдорска). За то упоминаніе Обдорска въ данномъ случаѣ есть первое по времени во всѣхъ источникахъ и оно показываетъ, какъ далеко на сѣверъ простирался послѣдній, самый замѣчательный походъ Русскихъ противъ Угорскихъ народовъ. Тутъ впервые узнаемъ мы, что въ этомъ далекомъ остяцкомъ городѣ въ концѣ XV в. были свои „*Югорскіе князья*". Новое доказательство, что *слово Югра въ общемъ, широкомъ смыслѣ означало всю территорію между Ураломъ и Обью и по этой рѣкѣ, отъ нынѣшняго Нарыма внизъ, почти до Сѣвернаго океана. Только по самому побережью морскому и тогда кочевали оленеводы—Самоѣды*, крайніе обитатели Азіатскаго сѣвера, какъ можно думать это на основаніи слѣдующихъ словъ въ „Книгѣ Большему Чертежу":

---

*) Вотъ слова *Архангелогородской* лѣтописи о походѣ 1499—1500 годовъ: «Въ лѣто 7007 кн. вел. Иванъ Васильевичъ *послалъ рать въ Югру Лыжную*— Устюжанъ да Вычегжанъ, Вымичь, Сысолянъ, Двинянъ, Пинежанъ, а воеводы были съ ними кн. Семенъ Ѳедоровичъ Курбскій, да кн. Петръ Ушатой, да Василей Бражникъ Ивановъ сынъ Гаврилова. Они же *ходивше на лыжахъ пѣши зиму всю*, да Югорскую землю всю вывоевали и въ полонъ вели». (См. изданіе 1781 г., стр. 174).

„А промежь тѣхъ рѣкъ (притока Печоры Усы, Соби и Волочанки) и рѣки Оби, и рѣки Пузги—Самоедь кочевая.... А по рѣкѣ по Тазу Мангазея—Самоядь Пяки“ *).

Окончаніе знаменитаго похода 1499—1500 г.г. мы узнаемъ изъ одной „*Степенной книги*“ изъ библіотеки Академіи Наукъ подъ № 15 и изъ двухъ лѣтописцевъ игумена *Сильвестра Никольскаго* (тамъ же №№ 7 и 8), выписку изъ которыхъ, очень сходную съ свидѣтельствомъ Воскресенской лѣтописи XVI в., дѣлаетъ *Г. Ф. Миллеръ*. Вотъ она: „7007 году послалъ Вел. Князь воеводъ своихъ кн. Семена Ѳед. Курбскаго да кн. Петра Ѳед. Ушатаго, да Василія Бражника съ силою съ Устюжаны, съ Двиняны, и съ Вятчаны, и съ Вычегжаны на *Угорскую землю и на Гогуличи*; они же шедше городы поимаша и землю повоеваша, и князевъ приведоша съ собою на Москву, а иныхъ князей и земскихъ людей къ ротѣ приведоша по ихъ вѣрѣ за Вел. Князя, а иныхъ князей и иныхъ людей Югричь и Гогуличь тамо побиша; и пріидоша на Москву къ Вел. Князю вси здраво *лѣта 7008 марта*“ **). Для обезпеченія русской власти воеводы устроили укрѣпленія въ Ляпинѣ и еще въ 6 югорскихъ городахъ, о чемъ скажемъ ниже.

Походъ 1499—1500 гг. не имѣлъ однако тѣхъ послѣдствій, какихъ можно было бы ожидать въ виду полнаго успѣха его для русскаго оружія. Казалось-бы, Русскіе на этотъ разъ „извоевали всю землю Югорскую“, снова полонили ея многочисленныхъ князей и множество лучшихъ людей, взяли 41 городъ, иныхъ князей и земскихъ людей привели къ ротѣ, т. е. присягѣ на вѣрность великому князю Московскому; казалось бы, послѣ предъидущаго нарушенія угорскими князьями такихъ же условій, Московскому государю нельзя было уже болѣе полагаться на ихъ вѣрность и

*) «Книга Большему Чертежу» въ изданіи *Языкова*. СПБ. 1838 г., стр. 196—198 и 211—213. О Самоѣдахъ важныя свѣдѣнія находимъ и въ отпискахъ Тобольскихъ воеводъ Михаилу Ѳеодоровичу 1616—1624 г.г., которыя см. во II томѣ «Русс. Историч. Библіотеки».

**) *Миллеръ*: «Описаніе Сибирскаго Царства» 1750 г., сноска на стр. 65—66. По другимъ извѣстіямъ, войско возвратилось только въ 1502 г. наканунѣ пасхи, что и дало поводъ думать, не былъ-ли это другой походъ. См. тамъ же, стр. 65—66.

щадить ихъ автономію. И однако Іоаннъ III и его преемникъ Василій III и послѣ 1500 года оставляютъ Югру въ томъ же полузависимомъ положеніи, въ какомъ была она послѣ 1484 г. Это тѣмъ болѣе странно, что названіе „Югорскій“ Іоаннъ III внесъ въ свой великокняжескій титулъ еще послѣ перваго завоеванія Югры въ 1483 г., какъ видно изъ письма его къ Матѳею, королю Венгерскому, отъ 29 іюля 1488 г., гдѣ онъ титулуетъ себя между прочимъ „*и Югорскій*, и Вятскій, и Пермскій“ *). Въ перемирной грамотѣ Іоанна съ Польскимъ королемъ Александромъ 1494 г. онъ называется „*и Югорскій*, и Пермскій и Болгарскій“ **). Судя потому, что такая политика Московскихъ государей по отношенію къ Югрѣ продолжалась затѣмъ еще долго, до покоренія Сибирскаго царства, я полагаю, что они опасались лишать Югорскихъ князей ихъ автономіи изъ боязни заступничества за нихъ разныхъ Сибирскихъ владѣтелей. Правда, одинъ изъ нихъ, Сибирскій князь *Лятикъ*, вѣроятно, Остяцкій изъ подвластныхъ Сибири, въ 1484 г. присягнулъ Іоанну III вмѣстѣ съ Угорскими князьями, такъ какъ въ 1483 г. Русскіе впервые вторгались въ „Сибирскую землю“. Но Сибирскихъ князей было еще много, подъ главной гегемоніей Сибирскаго царя, жившаго на берегахъ Иртыша, а примѣровъ подобнаго вѣрноподданства ихъ Москвѣ мы потомъ не встрѣчаемъ довольно долгое время. Поэтому мы согласны съ слѣдующимъ заключеніемъ по данному вопросу одного изъ изслѣдователей исторіи нашихъ инородцевъ: Московское правительство „отважныя мѣры принимало противъ инородцевъ тогда лишь, когда было убѣждено, что не послѣдуетъ сильнаго отпора со стороны тѣхъ, противъ кого эти мѣры направлялись, или другими словами оно желало дѣйствовать на-вѣрнякъ. Воинственныя наклонности были не въ его натурѣ. Оно не одобряло такихъ военныхъ предпріятій, которыя требовали значительныхъ издержекъ съ его стороны и влекли за собою задиранье сильныхъ сосѣдей“ ***). По отно-

*) *Карамзинъ:* «Исторія». VI, примѣч. 287. Между тѣмъ окончательное подчиненіе Вятки Іоанну послѣдовало только въ 1489 году.

**) *Востоковъ:* «Описаніе Румянцевскаго Музеума», 76. См. еще «Пермск. Стар.» I, 133 и 156.

***) *Ѳирсовъ:* «Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ». Казань. 1866 г., стр. 64—65.

шенію къ Перми Великой и Вычегодской это условіе не имѣло мѣста, такъ какъ тамошніе князья рано приняли христіанство, измѣнили вѣрѣ своихъ предковъ и тѣмъ порвали связь съ прочими инородцами—язычниками и магометанами. Послѣдніе за такую измѣну считали Пермяковъ и Зырянъ своими противниками наравнѣ съ Русскими, чѣмъ и объясняются нерѣдкіе вогульско-татарскіе набѣги на Пермскій край въ XV и XVI в.в. *). Поэтому Московскіе государи скоро положили конецъ автономіи Пермскихъ князей, замѣнивъ ихъ своими намѣстниками и воеводами. Совсѣмъ не то было за Ураломъ. Тамъ федеративныя связи между Угорскими и Сибирскими князьями были прочнѣе **), въ виду общей для инородцевъ опасности быть поглощенными Московскимъ государствомъ и въ виду религіозной обособленности отъ него. Это видно изъ того, что въ нѣкоторыхъ набѣгахъ Зауральскихъ инородцевъ на Пермь Великую, послѣ окончательнаго подчиненія ея Москвѣ, вмѣстѣ съ Татарами и Башкирцами принимали участіе Вогулы и Остяки, часть которыхъ жила и по сю сторону Урала. Указанными причинами слѣдуетъ объяснить то, что Московскіе государи даже послѣ самаго большого и удачнаго похода на Югру отказались по крайней мѣрѣ на половину отъ своихъ побѣдъ и довольствовались полузависимымъ положеніемъ Угорскихъ странъ и народовъ до тѣхъ поръ, пока не пала автономія самаго сильнаго Сибирскаго царства Кучума.

Преемникъ Іоанна III, сынъ его Василій Ивановичъ, въ сношеніяхъ съ иностранными державами въ титулѣ уже именовалъ себя между прочимъ „*царь* и государь всея Руси и великій князь ..... *Югорскій*, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; государь *и вел. князь* Новагорода Низовской земли .... и Удорскій, и *Обдорскій и Кондинскій* и иныхъ“ ***).

*) О нихъ см. «Пермс. Старину» I, стр. 184—185.

**) *Миллеръ* допускаетъ, что жившіе при устьяхъ Иртыша Остяки зависѣли отъ Сибирскаго царя Кучума, но прочіе Остяки и Вогулы управлялись независимо своими князьями. «Опис. Сибирс. Царства», стр. 54.

***) *Карамзинъ*, VII, 185. Въ примѣчаніи 357 ссылка на «Дѣла Прусскія», л. 214. По *Абрамову*, этотъ титулъ былъ принятъ еще съ 1502 г. («Записки Геогр. Общ.» XII, 389).

Это наименованіе, встрѣчающееся въ царскомъ титулѣ въ 1514 или 1516 годахъ, показываетъ, что платежу ясака при Василіи III подлежали всѣ тѣ земли Угровъ, гдѣ въ 1499—1500 г.г. дѣйствовала московская рать извѣстныхъ намъ трехъ главныхъ воеводъ, но что полузависимое существованіе всѣхъ Обдорскихъ, Кондинскихъ и Югорскихъ туземныхъ князей продолжалось и въ XVI вѣкѣ.

Изъ этихъ Угорскихъ князей, жившихъ въ XVI в. до покоренія Русскими Сибири, намъ извѣстны по источникамъ лишь немногіе. Первымъ по времени слѣдуетъ назвать князя *Певгѣя,* на имя котораго въ 1557 г. дана была царская грамота *). На важныхъ свидѣтельствахъ этой грамоты мы должны остановиться подробно. Она дана была отъ царя и вел. кн. Іоанна IV.... „Пермскаго, *Югорскаго и иныхъ*" въ его „*отчину* во Юсерскую землю Заказамскаго въ Сорскордо князю Певгѣю и всѣмъ княземъ Сорыкидцкія земли и лучшимъ людемъ и середнимъ и молодымъ Ирмомскимъ людемъ Сорыкитцкіе земли". Такая редакція уже сама по себѣ дѣлаетъ ясною испорченность первоначальнаго текста грамоты. *Лерберъ* видѣлъ въ наименованіи „Юсерская земля" испорченное „Югорская земля", въ „Оркордо", „Сорскордо", „Сорыкитцкая земля"—испорченныя имена Сургута, Сургутскія земли, въ „Заказамской землѣ"—Заказанскую или Закамскую **). Въ грамотѣ своей царь Московскій увѣдомляетъ князя Певгѣя и всѣхъ подручныхъ ему князей „Сорыкидцкой" земли о посылкѣ къ нимъ „по свою дань" русскихъ людей Ивашка Иконникова, Нечайка Вычегженина, Ѳоньки Гогунина и Васьки Лаптева. „И какъ къ вамъ въ *Оркорду* посыльщики по нашу дань пріѣдутъ, предписывалъ Іоаннъ,—и ты, князь Певгѣй, и всѣмъ княземъ Сорыкатцкіе земли лучшіе люди и середніе и молодые собрали(сь) есте нашу дань своей Сорыкатцкіе земли всю сполна со всякаго человѣка по соболю, а собравъ бы есте нашу дань, *да съ тою бъ есте данью князь Певгѣй былъ къ намъ къ Москвѣ*". Въ слу-

*) Напечатана у *Миллера* въ «Описаніи Сибирс. Цар.», стр. 71, въ сноскѣ. Грамота найдена въ Томскѣ, въ частныхъ рукахъ, въ старинномъ, но довольно плохомъ спискѣ.

**) «Изслѣдованія, служащія къ объясненію древн. Русс. исторіи»—переводъ Языкова. СПБ. 1819 г., стр. 7—8.

чаѣ неприсылки положенной дани, царь Московскій грозилъ Певгѣю и его князьямъ словами: „и мнѣ на васъ *послать рать и вострая сабля*“. Въ концѣ же грамоты предписывалось „провожать (царскихъ) данниковъ *Югорскимъ княземъ и Югричемъ* и людемъ добрымъ отъ городка до городка и отъ людей до людей“.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе грамоты 1557 г. Остановимся сначала на географическихъ ея показаніяхъ. Упоминаніе въ концѣ ея Югорскихъ князей и Югричей дѣлаетъ несомнѣнною описку переписчика въ началѣ грамоты, при упоминаніи „Юсерской земли“, которую и усмотрѣлъ еще *Лерберъ*. Но съ другими толкованіями этого ученаго мы не можемъ согласиться. Слова: „во Юсерскую землю Заказамскаго (князя) въ Сорскордо князю Певгѣю и всѣмъ княземъ Сорыкидцкія земли“ мы понимаемъ такъ: „*во Югорскую землю Заказымскаго (князя) въ Шоркаръ, князю Певгѣю и всѣмъ княземъ Шоркарскія земли*“. Въ такомъ толкованіи этихъ словъ мы руководствуемся слѣдующими соображеніями. Со времени основанія Пустозерска въ 1499 году, сборъ царской дани и ясака съ инородцевъ былъ сосредоточенъ въ этомъ отдаленнѣйшемъ изъ сѣверо-восточныхъ городовъ Московскаго государства. До покоренія Сибири сюда, въ этотъ русскій оазисъ среди самоѣдскихъ и угорскихъ поселеній, стекалась вся „государева казна“, ежегодно слѣдовавшая съ инородцевъ,—для дальнѣйшей отправки ея въ Москву. Здѣсь же, въ этомъ единственномъ значительномъ русскомъ поселеніи, сосредоточены были до покоренія Сибири всѣ торговые интересы русскихъ людей, имѣвшихъ дѣла съ Печерой и Зауральскими инородцами. Естественно, что ближайшимъ къ Пустозерску путемъ сообщенія съ Зауральскими странами для царскихъ сборщиковъ дани и иныхъ русскихъ людей тогда служилъ тотъ изъ трехъ путей за Уралъ, который шелъ съ р. Печоры по ея притоку Усѣ. Если въ походахъ 1483 и 1499 г.г. Русскими были избраны при переходѣ чрезъ Уралъ болѣе южные пути, то это сдѣлано было изъ стратегическихъ соображеній, при томъ когда Пустозерска еще не существовало (основаніе ему было положено въ началѣ похода 1499 г.). Чрезъ Пустозерскъ по рѣкѣ Усѣ слѣдовали за Уралъ за мягкою рухлядью торговые люди съ

Пинеги, Мезени и съ Ваги и изъ иныхъ Московскихъ городовъ; этимъ же путемъ ходили и сборщики дани, также уплачиваемой тогда мѣхами. Все это ясно видно изъ одной царской грамоты Березовскому воеводѣ князю Петру Черкасскому отъ 21 октября 1607 г. о наблюденіи за правильностію торговли Русскихъ съ Самоѣдами *). Эта грамота ясно различаетъ: 1) *Самоядь Озерную*, Пустозерскую или „мѣнную", т. е. торговую, на рѣкѣ Печорѣ, 2) *Самоядь Кунную* или „ясашную" на р. Оби, 3) *Самоядь Каменную* между Озерной и Кунной, на Уральскихъ горахъ, 4) *Остяковъ* и 5) *Вогуличей*. Со всѣми этими народами Русскіе вели мѣновую торговлю. Грамота 1607 г. предписываетъ служилымъ людямъ слѣдить строго, чтобы торговые люди пріѣзжали къ Самоѣдамъ, Остякамъ и Вогуламъ не прежде того, какъ послѣдними будетъ уплаченъ сполна царскій ясакъ; такое предписаніе вызвано было тѣмъ, что прежде русскіе торговцы тайно, не взявъ проѣзжихъ грамотъ въ Пустозерскѣ, ѣздили къ инородцамъ до уплаты ими ясаку, вымѣнивали у нихъ мягкую рухлядь и увозили ее для продажи въ Русь, а въ царскомъ ясакѣ вслѣдствіе того оказывалась недоимка. Въ этихъ продѣлкахъ сами Пустозерцы—торговые люди принимали дѣятельное участіе. По словамъ царской грамоты, „безъ нашего (царскаго) вѣдома *Пустозерцы мужики воровствомъ Роговой городокъ поставили и съ Самоядью торгуютъ и нашу десятую пошлину крадутъ, а въ Носовомъ городкѣ заставу объѣзжаютъ*". Роговой городокъ, основанный вольными людьми, стоялъ на рѣкѣ Роговой, правомъ притокѣ р. Усы, въ горахъ, а Носовой, поставленный московской властью, находился на Оби, противъ Обдора, гдѣ и имѣлъ такое же значеніе, какое Пустозерскъ на Печорѣ. Оба эти городка, одни изъ первыхъ по времени основанія русскихъ поселеній,

---

*) Эта важная грамота напечатана подъ № 77 во II томѣ «Русской Исторической Библіотеки». СПБ. 1875 г., стр. 165—170. Тамъ же подъ № 254 напечатаны чрезвычайно любопытныя и важныя въ историческомъ отношеніи отписки Тобольскихъ воеводъ 1616—1624 г.г. царю Михаилу Ѳеодоровичу о путяхъ сообщенія изъ Руси въ Мангазѣю отчасти сухимъ путемъ, отчасти моремъ. Между прочимъ тутъ подробно указанъ и сѣверный путь за Уралъ по р. Усѣ чрезъ Камень на рѣку Собь и далѣе—на Обь (стр. 1076).

упоминаются и въ „Книгѣ Большему Чертежу“ 1627 г.“ *). Кромѣ Носоваго городка, предмѣстья Обдора, „заставы“ для сбора царскаго ясаку существовали еще въ городкахъ *Казымъ* и *Куноватъ*, стоявшихъ на рѣкахъ того же имени, текущихъ въ р. Обь съ правой стороны выше г. Обдора. „А сами торговые люди Пустозерцы, говоритъ грамота 1607 г., ѣздятъ за товары своими съ Каменною Самоядью на оленяхъ, *и не допущая Кунную Самоядь ясатчикомъ на Обдоръ и въ Казымъ и въ Куноватъ, съ ними торгуютъ воровствомъ прежде нашего ясаку*“.—„И ходятъ Печерою рѣкою въ судѣхъ съ великими товары, а *съ Печеры на Усу рѣку подъ Камень въ Роговой городокъ*, и тутъ они осенюютъ; а какъ дорога, и къ нимъ пріѣзжаютъ Пустозерская мѣнная Самоядь—ихъ знакомцы и други, и та Озерная Самоядь у тѣхъ торговыхъ людей наимаютца и товары ихъ возятъ за Камень по тундрамъ къ ясашной къ Кунной Самояди, которая приходитъ съ нашимъ ясакомъ на Обдоръ и въ Казымъ“.

Таковы были взаимныя отношенія русскихъ людей къ инородцамъ со времени послѣдняго похода Москвитянъ въ Югру и съ основанія ими Пустозерска въ 1499 г. Теперь понятно, почему въ разбираемой нами грамотѣ 1557 г. лежавшая къ югу отъ рѣки Казыма страна названа *Заказымскою*—названа такъ Пустозерцами и другими русскими, ѣздившими за Уралъ по долинѣ рѣки Усы, съ сѣвера, за рѣку Казымъ.

Въ первой половинѣ XVI вѣка въ этой „Заказымской“ сторонѣ важное значеніе получилъ остяцкій городъ *Шоркаръ*, одинъ изъ древнѣйшихъ на правомъ берегу Оби, какъ и расположенный южнѣе его извѣстный уже намъ городъ *Кода* (первый въ 160 верстахъ отъ Березова, второй—въ 220, по *Абрамову*) **). Оба эти города упомянуты въ „Книгѣ Больше-

*) «Книга Бол. Чертежу» въ изданіи *Языкова*. СПВ. 1838 г., стр. 212—213. *Роговой* городокъ иначе названъ здѣсь *Сускаръ*. Извѣстный *В. Н. Латкинъ* въ своемъ «Дневникѣ путешествія на р. Печеру» въ 1840 и 1843 г.г. говоритъ, что Большая Роговая рѣка, гдѣ онъ былъ лично, есть правый притокъ р. Усы и по самоѣдски называется *Хурморъ*. См. «Записки Географ. Общества», кн. VII, СПВ. 1853 года, стр. 117.

**) «Описаніе Березовс. края» въ «Запискахъ Импер. Русск. Геогр. Общ.» кн. XII. СПВ. 1857 г. стр. 392.

му Чертежу" 1627 г. и доселѣ существуютъ подъ названіемъ селъ *Шеркальскаго* и *Кондинскаго* въ Березовскомъ округѣ *). Мы знаемъ уже, что нѣкогда Кода составляла резиденцію князей всей земли „Кодскія и Югорскія" (въ общемъ смыслѣ), что въ Кодѣ жилъ „большой князь Молданъ", которому были подчинены второстепенные (1484—5 годы), что этотъ князь безразлично именовался то Кодскимъ, то Югорскимъ (см. выше въ этой же главѣ). Знаемъ также, что въ 1499—1500 г.г. былъ предпринятъ Русскими большой походъ „въ Югорскую землю, на Кудъ и на Гогуличи". Отсюда видно, что въ началѣ XVI в. Кода все еще составляла средоточіе земли Югорской. Извѣстный знатокъ Березовскаго края, *Н. А. Абрамовъ*, свидѣтельствуетъ, что „сначала кодскіе князья жили въ 20 верстахъ на югъ отъ Коды, при рѣчкѣ Хадасъ-Юганъ, въ огромномъ домѣ, а послѣ того, когда построена была около 1602 г. церковь въ Кодѣ, во имя св. Зосима и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ, они уже здѣсь имѣли свое мѣстопребываніе" **). Но когда „большимъ княземъ" Кодскихъ остяковъ въ половинѣ XVI в. былъ Певгѣй, то онъ почему-то жилъ не въ Кодѣ, а въ сосѣднемъ *Шоркарѣ, который, очевидно, и нужно разумѣть подъ созвучнымъ именемъ Оркордо или Сорскордо грамоты 1557 г.* Такъ какъ эта грамота послана была изъ Москвы „князю Певгѣю и всѣмъ княземъ Сорыкидцкія земли", то ясно, что Певгѣй въ это время и былъ главнымъ, большимъ княземъ среди другихъ, ему подвластныхъ, и что *Кодская земля въ этомъ случаѣ и названа Сорыкидцкою или Шоркарскою по новой, повидимому, временной резиденціи главнаго князя ея. Какъ и прежде, земля эта въ тоже время названа въ грамотѣ „Югорскою" въ общемъ, широкомъ значеніи этого слова* („въ Югорскую землю Заказымскаго (князя), въ Сорскордо, князю Певгѣю и всѣмъ княземъ Сорыкидцкія земли"). Въ 1484 г. упоминается земля „Кодская и Югорская", въ 1557 г — „Югорская—Заказымская—Шоркарская", что показываетъ, что

---

*) «Списки населен. мѣстъ Тобольской губ.» подъ редакц. *Звѣринскаго*. СПБ. 1871 г., стр. 35. *Абрамовъ* указываетъ въ Шоркарѣ капище, посвященное идолу Ортику, весьма чтимое. Стр. 339.

**) Въ той же статьѣ *Абрамова* стр. 392.

порядокъ управленія и теперь существовалъ здѣсь прежній, и только резиденція главнаго князя перемѣстилась временно изъ Коды въ Сорскордо. Все это видно и изъ предписанія грамоты 1557 г. „провожать царскихъ даньщиковъ *Югорскимъ княземъ и Югричемъ* отъ городка до городка“: здѣсь общее понятіе опять взято вмѣсто частнаго подобно тому, какъ общее наименованіе „Пермь“ часто употреблялось вмѣсто частнаго „Пермь Великая“. Остается совершенно загадочнымъ наименованіе въ грамотѣ 1557 г. Сорыкидскихъ лучшихъ, среднихъ и молодыхъ людей *Ирмомскими*.

Преемники Певгѣя Шоркарскаго жили однако опять въ Кодѣ, пока вся область ея перешла со времени Ермака въ 1583 г. въ русскія руки. Въ грамотѣ 1594 г. упомянуты Кондинскіе князья Агай и сынъ его Азыпка, да братъ Косялимъ *). Въ концѣ XVI в. главнымъ остяцкимъ княземъ былъ извѣстный *Алачъ* или *Алачей*, за нимъ—сынъ его *Игичей*, о коихъ еще будетъ рѣчь впереди. „Всѣ Кодскіе городки и волости по Оби рѣкѣ, почти отъ устья рѣки Иртыша до межи Березовскаго уѣзда, по большей части имъ были подчинены, и тамошніе Остяки довольное время князю Алачу дань нѣкоторую платили, чего между прочими Остяками и другими такими народами никогда не бывало“, говоритъ историкъ Сибири **). При своемъ относительномъ могуществѣ они были однако вѣрными слугами Москвы; князь Алачей добровольно покорился въ 1583 г. одному изъ боевыхъ товарищей Ермака—Богдану Брязгѣ. За свою покорность по грамотѣ царя Ѳеодора Іоанновича отъ 18 февраля 1594 г. Игичей и братъ его Онжа получили въ вотчину „въ Сибирской землѣ“ на Оби и Иртышѣ двѣ волости—Васпакульскую и Колпокутцкую, съ правомъ собственнаго суда, *крѣпостнаго владѣнія 11-ю душами* и съ освобожденіемъ отъ ясака ***). (Нынѣ есть Вахпугальскіе юрты на Оби и Колпуховскіе на Иртышѣ). Такими льготами пользовались только Строгановы въ Перми Великой. Связь князей *Алачеевыхъ* съ Москвою,

---

*) См. ее въ «Русской Историч. Библіотекѣ», т. II, подъ № 54, стр. 102.

**) *Миллеръ*: «Описаніе Сибирс. Царства», стр. 163. Объ Агаѣ тамъ же, стр. 253.

***) Эту любопытную грамоту см. тамъ же, стр. 251.

благодаря этой милости, такъ упрочилась, что одинъ изъ сыновей Игичея въ бытность въ Москвѣ принялъ св. крещеніе съ именемъ Петра, а по возвращеніи его въ Коду, самъ Игичей въ 1600 году поѣхалъ въ Москву и послѣдовалъ примѣру сына *). Такъ какъ около 1602 г. онъ построилъ въ Кодѣ церковь Изосимы и Савватія, то можно думать, что при крещеніи онъ получилъ одно изъ этихъ именъ. Жена Игичея, княгиня Анна, въ Кодѣ поступила даже въ Троицкій монастырь, гдѣ и жила нѣкоторое время, но потомъ она оказалась „за приставомъ на Березовѣ *въ измѣнномъ дѣлѣ*", почему Троицкій игуменъ Евстратій просилъ перевода изъ Коды въ Березовъ, гдѣ у него были „дѣти духовные", на что и получилъ царскую грамоту отъ 27 февраля 1608 г.**). Даже мать Игичея, жившая въ Кодѣ, крестилась съ именемъ Анастасіи. Она-то и получила съ сыномъ Петромъ грамоту 1599 г. на построеніе Троицкаго монастыря въ Кодѣ. Въ 1603 г. также принялъ крещеніе другой сынъ Игичея Михаилъ; только этотъ остался жить въ Москвѣ, былъ пожалованъ въ стольники и женился здѣсь на одной русской дѣвицѣ знатнаго происхожденія, хотя имѣлъ уже въ Кодѣ сына отъ Остячки—Дмитрія. Въ 1645 г. этотъ внукъ Игичея также вызванъ былъ въ Москву и сдѣлался стольникомъ, а впослѣдствіи получилъ въ помѣстье волость Лену на р. Вычегдѣ, близь г. Яренска. Съ того времени въ древней Кодѣ прекратился родъ остяцкихъ князей, Кодскіе Остяки обложены были ясакомъ, а самая земля Кодская сдѣлалась казенною—государевою ***).

Такъ совершилось окончательное покореніе Заказымскихъ Остяковъ, древняго Кодскаго княжества, этого безпокойнаго гнѣзда грубаго язычества, столько вѣковъ враждовавшаго съ Русью—сначала Новгородской, потомъ Московской.

Южную границу древняго Кондійскаго княжества трудно указать по источникамъ. Здѣсь остяцкія поселенія рано

---

*) Грамота объ этомъ Игичею дана 19 февраля 1600 г. См. ее во II томѣ «Русской Историч. Библіотеки», стр. 153, подъ № 68.

**) Напечатана во II томѣ «Русской Историч. Библіотеки», стр. 172 *подъ* № 79; тамъ же стр. 152 см. грамоту на построеніе монастыря.

***) *Абрамовъ*: «Описаніе Березовск. края». Зап. Геогр. Общ. XII, 337.

смѣшались съ татарскими, что повело къ отатаренію Остяковъ, затрудняющему изслѣдователя даннаго вопроса. Тоже было съ Остяками, жившими въ Пермскомъ краѣ, о которыхъ скажемъ далѣе. Въ XVI в. къ татарскому вліянію присоединяется русское, которое еще болѣе стушевываетъ древнихъ аборигеновъ при-иртышской страны, этой южной окраины Угорскихъ поселеній. „Къ сожалѣнію, самые южные Остяки, говоритъ одинъ изъ современныхъ ихъ изслѣдователей,—которые первые пришли въ столкновеніе съ Татарами и Русскими *) и могли-бы въ своей поэзіи сохранить много любопытныхъ данныхъ изъ этого времени, частью исчезли, частью подверглись сильному вліянію побѣдителей, лишь кое-гдѣ сохранивъ свой языкъ, но окончательно забывъ старыя дѣдовскія преданія“ **). Во всякомъ случаѣ *южная граница Угровъ первоначально шла гораздо южнѣе той, гдѣ застаютъ ее источники, но подъ напоромъ Татаръ и потомъ Русскихъ постепенно отодвигалась къ сѣверу. То же было и съ болѣе сѣверными Самоѣдами, которыхъ въ свою очередь вытѣсняли все далѣе къ Ледовитому океану Остяки.* Только этимъ и можно объяснить присутствіе Самоѣдовъ и Остяковъ до нашего времени въ предѣлахъ Томской губерніи, гдѣ Остяки живутъ по Васъ-Югану, лѣвому притоку Оби, а область Самоѣдовъ занимаетъ долину Оби отъ рѣки Тыма до южной границы Тогоурскаго отдѣленія или Нарымскаго края, въ 287 верстахъ отъ Томска и даже ближе къ этому городу, гдѣ Самоѣды уже смѣшиваются съ Татарами ***). Стало быть, *для каждаго вѣка историкъ долженъ установлять особую южную границу Угорской земли.* „При завоеваніи Тобольскаго округа Русскими, говоритъ г. *Патканов*ъ, по Иртышу были расположены слѣдующія *остяцкія* волости, начиная съ юга: Туртасская съ Уватской, Назымская, Демьянская, Цингалинская, Нарымская, Тарханская и еще одна или нѣсколько у устья Иртыша и около прилегающей части Оби... Туртасская (р. Туртасъ течетъ справа въ Иртышъ

*) Относительно Русскихъ съ этимъ нельзя согласиться.

**) *С. К. Патканов*ъ: «Стародавняя жизнь Остяковъ и ихъ богатыри по былинамъ и сказаніямъ» въ журналѣ «Живая Старина» 1891 г. вып. III, стр. 92.

***) *Павловъ*: «Три тысячи верстъ по рѣкамъ Западной Сибири». Тюмень. 1878 г., стр. 125.

ниже Тобольска) и Уватская волости названы у историковъ „татарскими", но вѣрнѣе предположить, что населеніе ихъ состоитъ изъ *отатарившихся Остяковъ*, что показываетъ какъ ихъ типъ, такъ и языкъ, который они отчасти сохранили и который представляетъ нѣкоторыя отличія отъ болѣе сѣверныхъ нарѣчій. И понынѣ главный языкъ ихъ татарскій, который вѣроятно и ввелъ въ заблужденіе лѣтописцевъ и историковъ. Аналогическое явленіе мы встрѣчаемъ и въ Кондинскомъ краѣ" *). Прибавимъ къ этому, что тоже смѣшеніе Угорскаго населенія съ Тюркскимъ было въ XVI в. по рѣкамъ Турѣ, Тавдѣ и къ западу отъ Урала, южнѣе Перми Великой, на притокахъ Чусовой.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что нельзя считать справедливымъ мнѣніе *Лерберга* и о восточной границѣ древней Югріи, которая будто-бы простиралась до рѣкъ Надыма, текущаго въ Обскую губу, и Агана, справа впадающаго въ р. Обь **), и что справедливѣе заключеніе Московскаго профессора *Д. Н. Анучина*, который отодвигаетъ юго-восточную границу Югры къ нынѣшнему Нарыму близь рѣки Оби ***).

Изъ древнѣйшихъ крупныхъ владѣній въ Тобольскомъ округѣ г. *Патканов*ъ считаетъ „извѣстное по весьма многимъ сказаніямъ остяцкое княжество съ городомъ *Тапаръ-вошъ* во главѣ" ****). Оно занимало южную часть Нарымскаго округа (или Цингалинской волости по *Миллеру*). Въ извѣстномъ „Описаніи о народѣ Остяцкомъ 1715" *Григ. Новицкаго* крайними поселеніями Остяковъ также указаны Обдорскъ и Нарымъ (стр. 23).

---

*) «Живая Старина» 1891 г. вып. III, стр. 105. Теперь волости Туртасская съ Уватской и Назымская соединены въ одну *Назымскую*, а Цингалинская, Нарымская и Тарханская—въ одну *Нарымскую*. Прежнія же *волости* теперь большею частію составляютъ сельскія *общества* (тамъ же).

**) *Лерберъ*: «Изслѣдованія». СПБ. 1819 г., стр. 4.

***) *Анучинъ*: «Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака» въ «Древностяхъ—Трудахъ Императ. Московскаго Археологическаго Общества», томъ XIV. Москва. 1890 г., стр. 247—248.

****) «Живая Старина», III, стр. 106.

Подобную же судьбу имѣло и лежавшее внизъ по Оби, за р. Казымомъ, древнее *Обдорское княжество* Остяковъ. *Какъ часть Югріи въ широкомъ смыслѣ, Обдорія имѣла своихъ князей, также именовавшихся „Югорскими“, подобно князьямъ Кодскимъ.* Мы видѣли это изъ Разрядной книги, повѣствующей о походѣ въ Югру 1499—1500 г.г. („Изъ Ляпина встрѣтили съ Одора на оленяхъ Югорскіе князи“ *). Это и есть первое по времени упоминаніе въ источникахъ особыхъ Югро-Обдорскихъ князей. Судя по названію страны, главнымъ городомъ ея всегда былъ *Обдорскъ*, называемый Самоѣдами *Сале-Харатъ*, т. е. мысъ-городъ **). Онъ былъ и княжеской резиденціей, и важнымъ торговымъ пунктомъ, какъ мы показали это выше. Въ 1593 г. онъ былъ укрѣпленъ Русскими, а противъ него, на другомъ берегу Оби, былъ построенъ городокъ *Носовой* въ качествѣ „заставы“ для сбора государева ясака. Такія же „заставы“ были учреждены, какъ мы видѣли, въ городкахъ той же Обдорской волости *Казымъ* и *Куноватъ*, изъ коихъ первый стоялъ при устьѣ рѣки Казыма, по „Книгѣ Большему Чертежу“, а второй— при рѣкѣ Куноватѣ, впадающей съ правой стороны въ Обь ниже Казыма, между Березовымъ и Обдорскомъ.

Отношенія Московскихъ государей къ Обдорскимъ князьямъ были таковы же, какъ къ Кодскимъ и ко всѣмъ Югорскимъ. Послѣ похода 1500 г. русскаго войска въ Обдорію, князья ея вмѣстѣ съ другими являлись въ Москву къ Іоанну III, гдѣ они были обложены ясакомъ и возвращены во-свояси. Въ платежѣ этого ясака, конечно, и они не всегда были исправны. Это видно отчасти изъ наказа, даннаго въ 1591 г. Мангазейскимъ воеводамъ кн. Василью Мосальскому и Савлуку Пушкину, гдѣ читаемъ: „*и князь Василей де Обдорскій* не далъ имъ проводниковъ, и имъ видитца, что его и въ Остякахъ шатость за одно съ Самоядью“ ***). Этотъ князь Василій и есть первый изъ Обдорскихъ, извѣстныхъ намъ по источникамъ. Язычниковъ—князей въ Обдоріи, жив-

*) *Миллеръ*: «Описаніе Сибирс. Ц.», стр. 63, въ сноскѣ.

**) *Миллеръ* считаетъ Обдоръ «*древнимъ Остяцкимъ мѣстечкомъ*», которое уже потомъ, по Абрамову въ 1593 г., превратилось въ *Русскій* городъ. «Описаніе Сибирс. Царства», стр. 65. У *Абрамова* см. стр. 389.

***) *Миллеръ*: «Опис. Сибирс. Царства», стр. 374—375 въ сноскѣ.

шихъ до него, намъ не извѣстно ниодного. Кажется, упоминаемая въ наказѣ его „шатость“ за одно съ Самоѣдами и заставила Русскихъ въ 1593 г. снабдить Обдорскъ укрѣпленіемъ, а на другомъ берегу Оби поставить русскій городокъ Носовой. При этомъ достойно вниманія, что князь Обдорскій проявилъ измѣну русской власти, уже будучи христіаниномъ. Слѣдовательно, св. крещеніе онъ принялъ еще до 1591 г. У *Абрамова* мы находимъ извѣстіе, что этотъ Обдорскій князь, подобно Кодскимъ князьямъ Алачеевымъ, крестился въ Москвѣ *), куда вообще вызывались всѣ Югорскіе князья, послѣ завоеванія Югорской земли и въ томъ числѣ Обдоріи въ 1500 г.,—вызывались для того, чтобы царь Московскій лично могъ убѣждаться въ ихъ вѣрности. Поэтому и въ грамотѣ 1557 г. Шоркарскому князю Певгѣю предлагается явиться съ данью въ Москву лично или прислать вмѣсто себя „брата своего или племянника, да земскихъ людей человѣка 2 или 3 лучшихъ“. „*А мы васъ*, писалъ Певгѣю Іоаннъ, *рады жаловать и отъ сторонъ беретчи, подъ своею рукою держать, а не сберете вы нашея дани.... и къ намъ на Москву не пришлете—и мнѣ на васъ послать рать своя и вострая сабля*“. (*Миллеръ*, стр. 71). Въ этихъ словахъ грамоты 1557 г. выражается обычная Московская политика по отношенію ко всѣмъ Югорскимъ князьямъ; изъ нихъ же мы узнаемъ, что обыкновенно заставляло Московскихъ государей посылать свои войска въ Югорскія земли, иначе сказать, узнаемъ главную причину всѣхъ походовъ Русскихъ въ эти земли.

Съ построеніемъ русскаго острога въ остяцкомъ Обдорѣ, крещеный князь Обдорскій Василій окончательно смирился. Онъ построилъ здѣсь церковь во имя св. Василія Великаго, подобно тому какъ Игичей послѣ крещенія своего построилъ въ Кодѣ церковь во имя св. Зосима и Савватія. Потомки Василія не всѣ носили христіанскія имена и кажется не разъ измѣняли христіанству. Сынъ Василія *Мамрукъ* жилъ при Годуновѣ и Шуйскомъ, внукъ *Ермакъ*, Мамруковъ сынъ,—

*) «Записки Географич. Общ.» кн. XII, стр. 336. Отсюда мы заимствуемъ и всѣ свѣдѣнія о дальнѣйшихъ Обдорскихъ князьяхъ. *Абрамовъ* взялъ ихъ изъ старыхъ дѣлъ бывшей Березовской воеводской канцеляріи.

при Михаилѣ, правнукъ *Молюкъ*, сынъ Ермаковъ,—при Алексѣѣ и наконецъ сынъ Молюка *Гында*—при Өеодорѣ Алексѣевичѣ. Сынъ этого Гынды, *Тайша*, жилъ уже въ XVIII в. и былъ родоначальникомъ послѣдней извѣстной княжеской Обдорской фамиліи *Тайшиныхъ*. Подъ 1706 г. упоминается еще князь *Тучебалда* (Абрамовъ, стр. 336). Отдаленная Обдорія больше всѣхъ Югорскихъ земель сохраняла свою хотя и слабую автономію, и Тайшины, какъ извѣстно, княжили здѣсь еще въ нашемъ вѣкѣ *). Въ Казымѣ и Куноватѣ были нѣкогда свои князья. Изъ нихъ особенно извѣстенъ по отношеніямъ къ Москвѣ Куноватскій князь *Лугуй*, получившій жалов. царс. грамоту въ 1586 г. (*Миллеръ*, 201). Изъ Казымскихъ князей упоминаются: въ 1693 г. *Юзоръ Райдуковъ* и въ 1712—1715 г.г. его сынъ князь *Дмитрій Юзоринъ* (*Абрамовъ*, стр. 337).

Отъ Кондинскаго и Обдорскаго княжествъ, нѣкогда расположенныхъ на Оби, перейдемъ *къ собственно Югорскому*, *къ Югрѣ въ тѣсномъ смыслѣ*. Географическое положеніе ея довольно опредѣленно указано въ „Книгѣ Большему Чертежу", гдѣ читаемъ: „Рѣка Обь великая, а по Оби рѣкѣ и по рѣкамъ, которыя рѣки въ нее впали: отъ устья вверхъ Обдорскіе городы. А выше Обдорскихъ городовъ Югрскіе. А выше Югрскихъ городовъ Сибирскіе" **). Перечисливъ затѣмъ Обдорскіе города и Кодскіе или Югорскіе въ общемъ смыслѣ отъ Негѣя, что былъ на Оби, ниже Обдорска на 70 верстъ, до Вышняго Нарыма, что еще разъ подтверждаетъ приведенныя нами выше соображенія о восточной границѣ Угровъ,—„Книга Большему Чертежу" указываетъ *собственно Югорскіе города по рѣкамъ Сосвѣ и ея притоку Сыгвѣ*, на пространствѣ между Ураломъ и Обью, къ западу отъ Коды и Обдоріи. Эти города суть слѣдующіе: Юиль, Мункусъ, Ляпинъ, Искаръ, Тапсы, Нячись, Заглѣй, Вороней, Хюликаръ, Естынъ, Махтынъ и Березовой—а всего 12 городовъ.

*) Указываемъ двѣ любопытныя статьи о Сибирскихъ инородцахъ *Н. Н. Оглоблина*: «Остяцкія знамена XVII вѣка» (въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1889 г. № 10) и «Знамена Сибирскихъ инородцевъ XVII в.» (въ «Запискахъ Уральскаго Общества Любителей Естествознанія» томъ XIII, кн. 1. Екатеринбургъ 1891—1892 г.г.).

**) «Книга Большему Чертежу», изд. *Языкова*. СПБ. 1838 г., стр. 215.

Березовой и Вороній города были Русскіе, а прочіе 10—Югорскіе. Въ концѣ этого перечня сдѣлана слѣдующая важная замѣтка: „*И тѣ города по Сысвѣ и по Сосвѣ Югра*“ *). Извѣстно, сколько толкованій среди ученыхъ вызвала впослѣдствіи эта краткая замѣтка.

Кромѣ упомянутыхъ 10 Югорскихъ городовъ *А. Н. Абрамовъ*, на основаніи старыхъ дѣлъ Березовскаго Земскаго Суда за 1797 г., показываетъ еще древніе остяцкіе (?) городки: Вогулей въ 353 верстахъ отъ Березова, Обскій въ 72 в., Кугинскій въ 189 и Шангальскій въ 216 вер. **). Мы считаемъ эти городки Югорскими, съ XVI в. отчасти превратившимися въ Вогульскіе, что очевидно уже изъ наименованія одного изъ нихъ „Вогулей“. Хюликаръ у Абрамова названъ Люликаромъ, Искаръ—Искоромъ, русскій городокъ Вороній пропущенъ.

По всѣмъ даннымъ, главнымъ городомъ собственной или сыгво-сосвенской Югры былъ *Ляпинъ*, упоминаемый лѣтописями подъ 1499 г. при послѣднемъ московскомъ походѣ. Съ окончательнымъ водвореніемъ Русскихъ, онъ вмѣстѣ съ Обдоромъ и Кодою уступилъ главенство *Березову*, основанному въ 1593 г. Великопермскимъ—Чердынскимъ воеводою Никиф. Васил. Троханіотовымъ ***). Послѣдній основалъ его около бывшаго югорскаго городка *Сумутъ-вашъ* (по вогульски *Халь-ушъ*), каковое слово въ переводѣ означаетъ „береза“, отчего и русскому городу было присвоено названіе Березова ****). Но самое первое *русское* укрѣпленіе въ Югрѣ появилось въ г. *Ляпинѣ* (по вогульски *Лопынгъ-ушъ*) еще при завоеваніи Югорской земли въ 1499—1500 г.г. Къ этому побудило русскихъ воеводъ географическое положеніе этого города. *Древній Лопомвожъ—пауль*, *Лопынгъ—ушъ или по русски Ляпинъ стоялъ на мѣстѣ соединенія двухъ дорогъ изъ за Урала съ рѣки Щугура на Сыгву и съ Илыча на Вогулку и Сосву*, почему служилъ важнымъ торговымъ пунктомъ съ

---

*) Тамъ же, стр. 215.

**) «Записки Геогр. Общ.» XII, 396—397.

***) См. о немъ «Пермс. Стар.» I, 170 и у *Миллера* въ «Опис. Сиб. Ц.» стр. 248.

****) *Миллеръ*, 207; *Абрамовъ*, 362. «Наказъ» и «памяти» кн. Горчакову 1592—93 г.г. вполнѣ напечатаны во II томѣ «Русской Историч. Библіотеки». СПБ. 1875 г.

одной стороны для Русскихъ и Зырянъ и съ другой для Вогуловъ (древнихъ Югровъ) и Остяковъ *). Р. Сосва первоначально называлась у Русскихъ Сысвой (въ „Книгѣ Больш. Чертежу"), и верховьемъ ея считался лѣвый большой ея притокъ *Сыгва или Ляпина*; названіе же Сосвы придавали лишь верхней части нынѣшней Сосвы до впаденія въ нее Сыгвы. И дѣйствительно, до сліянія этихъ рѣкъ Сыгва многоводнѣе и едва-ли не длиннѣе Сосвы, и лишь по принятіи Сыгвы Сосва становится большой рѣкой **). При сліяніи съ Сыгвою или Ляпиною рукава Сорахъ или Суккерь-я и стоитъ донынѣ деревня Ляпина, древній Югорскій городъ ***). „По объявленію тамошнихъ Вогуличей, говоритъ историкъ Сибири *Миллеръ*, которые отъ своихъ предковъ о семъ слыхали, построены тамъ были русскія торговыя лавки, отъ которыхъ однакожъ нынѣ никакихъ слѣдовъ болѣе не видно, потому что оныя стояли только до того времени, какъ городъ Березовъ былъ построенъ, въ которой все купечество изъ прочихъ тамошнихъ мѣстъ переведено было". (*Миллеръ*, стр. 206).

Кромѣ Ляпина воеводы Семенъ Курбскій и Петръ Ушатый во время извѣстнаго похода въ Югру сдѣлали укрѣпленія еще въ 6 городкахъ: въ упомянутомъ Сугмутъ-вашѣ (послѣ Березовъ), въ Юильскомъ городкѣ на Сосвѣ, въ Сартыньинскомъ, въ Казымѣ, Кодѣ и Обдорскѣ ****). Это необходимо было для обезпеченія русской власти въ завоеванномъ, дотолѣ тревожномъ, краѣ.

Выше было упомянуто (глава I, см. стр. 44), что Югорскимъ краемъ послѣ похода 1499—1500 г.г. завѣдывали Чердынскіе намѣстники и воеводы, что продолжалось до основанія Березова въ 1593 г. Съ этого времени начинается непрерывный рядъ особыхъ Березовскихъ воеводъ, вѣдавшихъ Березовскій уѣздъ. Въ актахъ XVI и XVII эти воеводы никогда не назывались „Югорскими" *****). Поэтому учрежден-

*) *Миллеръ*: «Описаніе Сибирс. Царства», стр. 75, 205, 206.

**) *Чупинъ*: «Географич. словарь Пермс. губ.» Пермь. 1873 г., стр. 341.

***) *Гофманъ* въ соч.: «Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-Хой» (т. II, стр. 104—105) ошибочно принялъ за Ляпинъ болѣе сѣверную деревню Суккерь-ю. См. о томъ у *Чупина* тамъ же, стр. 353.

****) *Абрамовъ*: «Описаніе Березовс. края», стр. 362.

*****) См. списокъ ихъ у *К. Б. Газенвинкеля* въ «Системат. перечнѣ Сибирскихъ воеводъ». Тобольскъ. 1892 г.

ное по указу царя Алексѣя Михайловича отъ 29 ноября 1680 г. и возникшее въ 1681 году „Югорское намѣстничество“ было de facto не болѣе, какъ почетная степень въ служебныхъ спискахъ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, а не настоящее намѣстничество, какъ понималъ его *фонъ-Бушенъ*. Подобное же значеніе имѣли и учрежденныя указами того же царя Алексѣя намѣстничества „Болгарское“ (указъ отъ 16 марта 1675 г.) и „Удорское, Обдорское и Кондинское“ (указъ 14 мая 1676 г.). Объ этомъ можно судить по „Проэкту устава о служебномъ старшинствѣ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей по 34 степенямъ, составленному при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ“ и обнародованному княземъ *М. А. Оболенскимъ* въ „Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“ *Калачева* (см. книгу I, стр. 38—39 въ сноскѣ и мн. другія). Намъ кажется, что *фонъ-Бушенъ* слишкомъ буквально понялъ въ этомъ случаѣ упомянутые указы царя Алексѣя Михайловича и просто впалъ въ ошибку. Въ дѣйствительности, указанныя намѣстничества существовали только какъ почетныя званія, а Югорскій край съ 1593 года превратился въ *Березовскій уѣздъ и управлялся Березовскими воеводами*.

До подчиненія же Русскимъ въ 1499—1500 г.г. собственно Югра управлялась своими князьями, подобно Обдоріи и Кондѣ. Эти князья Югорскіе были въ родственныхъ отношеніяхъ съ Обдорскими. Примѣры такихъ родственныхъ связей между князьями мы уже указывали выше (припомнимъ Вогулятина князя Пыткея „Югорскаго“, князя большаго Молдана „всея земли Кодскія и Югорскія“). По этому поводу справедливо замѣчаетъ *С. К. Патканов*: „Весьма вѣроятно, что въ основу дѣленія страны на отдѣльныя независимыя княжества легло родовое начало.... Можно предположить, что такой союзъ состоялъ *изъ немногихъ родовъ*, чѣмъ изъ большаго числа ихъ. Это отчасти явствуетъ изъ остатковъ прежнихъ формъ землевладѣнія въ Тобольскомъ округѣ, гдѣ селенія, расположенныя въ глухихъ мѣстахъ и сохранившіяся до извѣстной степени отъ внѣшнихъ вліяній, и теперь состоятъ изъ одного или двухъ родовъ и представляютъ намъ примѣръ владѣнія на родовыхъ началахъ. Такая форма землевладѣнія встрѣчается еще понынѣ у Кондинскихъ

Вогуловъ" *). Но *Кастренъ* сообщаетъ **), что Остяки „распадаются на множество отдѣльныхъ родовъ, изъ коихъ каждый образуетъ самъ по себѣ маленькое княжество или вѣрнѣе большое семейство". Однако знатныхъ *княжескихъ* родовъ едва-ли было много, какъ можно судить по письменнымъ источникамъ XIV—XVII вѣковъ, и какъ справедливо замѣчаетъ г. *Патканов*ъ.

Можно думать, что въ XV в. большой князь *Молданъ* съ дѣтьми и упомянутые нами выше князья *Пынзей*, *Сонта* и *Пыткей* держали въ своихъ рукахъ власть надъ всей землей Кодской и собственно Югорской, почему въ лѣтописяхъ и назывались князьями „всея земли Кодскіе и Югорскіе", при чемъ *вогульское* происхожденіе Пыткея прямо засвидѣтельствовано Синодальною лѣтописью подъ 1484 годомъ (см. выше). Но въ концѣ XVI в. этотъ политическій союзъ ограничивался шестью угорскими городами, состоявшими подъ властью одного остяцкаго князя *Лугуя*, жившаго въ г. Куноватѣ. Это ясно видно изъ царской грамоты, пожалованной ему въ августѣ 1586 г. Ѳеодоромъ Іоанновичемъ.... „Удорскимъ, Обдорскимъ, Кондинскимъ и обладателемъ всея Сибирскія земли и великія рѣки Оби, и сѣверныхъ странъ повелителемъ" ***). Въ началѣ грамоты читаемъ: „Пріѣжжалъ къ Нашему Царскому Величеству *съ великія рѣки Оби Куновата города*, да Илчмы города, да Ляпина городка, да Мункоса городка, да Юила городка, да Березова городка Лугуй князь, чтобъ намъ его пожаловать: тѣхъ его городковъ нашимъ ратнымъ людемъ, которые нынѣ сидятъ въ городѣ въ нашемъ на великой рѣкѣ на Оби, на усть Иртыша ****), воевати его *и племя его все и его людей, которые въ тѣхъ во шти городкахъ сидятъ*,—не велѣти, а дань бы нашу намъ съ него, съ тѣхъ его городковъ, велѣли имати въ Вымской землѣ, по нашему жалованію, приказнымъ людемъ, кому будетъ приказано". Царь уважилъ эту челобитную Лугуя „*для*

*) «Живая Старина». III, 102.

**) Тамъ же, стр. 104—слова взяты изъ его «Ethnol. Vorlesungen», стр. 106.

***) Эта важная грамота помѣщена у *Миллера* въ «Описаніи Сибирс. Цар.», стр. 201—202.

****) Этотъ новый тогда городъ упомянутъ и въ «Книгѣ Вол. Чер.»—«Городъ *Сбской большой*, а противъ того, съ другой стороны, въ Обь рѣку пала рѣка Иртышъ». У *Миллера* см. о немъ стр. 202.

того, что онъ къ намъ пріѣхалъ напередъ всѣхъ бить челомъ". Царь велѣлъ взять дани съ его 6 городковъ въ *Вымской землѣ* семь сороковъ соболей лучшихъ—„*и привозить ему дань ежегодъ въ Вымъ самому, или его братьѣ или его племянникомъ*". Итакъ отношенія московской власти къ Лугую были тѣже самыя, какія мы видѣли въ 1557 г. къ Певгѣю Шоркарскому: на первомъ планѣ ставятся условія относительно исправнаго платежа ясака и покорности русскому царю и рядомъ съ ними—угроза послать рать при неисполненіи этихъ условій. Особенною льготою для Лугуя, сравнительно съ Певгѣемъ, было предоставленіе ему права сдавать ясакъ не въ Москвѣ, а въ Усть-Вымѣ на Вычегдѣ—ближе къ его владѣніямъ. Такимъ значеніемъ Вымъ пользовался и въ XV в., судя по заключенному здѣсь въ 1485 г. угорскими князьями миру съ Русскими „подъ владычнимъ городомъ", о чемъ была рѣчь выше.

Сынъ князя Лугуя, жившаго, какъ надо думать, на р. Оби, въ городѣ Куноватѣ, не отличался такою преданностью Москвѣ, какъ его отецъ. Изъ грамоты отъ 28 апрѣля 1601 г. на имя Березовскаго воеводы князя Ив. Мих. Борятинскаго видно, что Остякъ *Шатровъ Лугуевъ* задумалъ даже настоящую измѣну Русскимъ, приступалъ съ оружіемъ къ Березову, но не имѣлъ успѣха *). Грамота предписывала „Березовскаго Остяка Шатрова, Лугуева сына, съ новокрещенымъ Степаномъ Пуртіевымъ въ томъ судити и всякими сыски сыскати накрѣпко".

Изъ другихъ князей собственно Югорской земли извѣстны не многіе, да и тѣ относятся къ началу XVIII в. и слѣдов. всѣ были или Вогулы, или Остяки. Въ 1714 г. въ Куноватѣ жилъ князь *Игорь Даниловъ*, но онъ едва-ли не былъ изъ числа князей Обдорскихъ, такъ какъ Куноватъ, повидимому, временно имѣлъ отношеніе къ собственной Югрѣ **). Въ одномъ указѣ отъ 2 декабря 1706 г. на имя Березовскаго воеводы упомянутъ *Ляпинскій князь Шекша*, современникъ Обдорскаго Тучебалды, а въ 1714 г.—его сынъ *Матвѣй Шекшинъ* и съ нимъ *Сосвинскій князь Петръ Осма-*

---

*) Грамоту эту см. у *Миллера*, стр. 257.

**) *Абрамовъ*, 347. Свѣдѣнія о дальнѣйшихъ князьяхъ беремъ оттуда же.

ловъ, кажется, изъ числа отатарившихся Вогуловъ, и наконецъ—князь подгородной Березовской волости *Никифоръ Еуровъ*. Ляпинскіе Остяки и Вогулы оказали наиболѣе упорное сопротивленіе христіанству, крѣпко держались язычества и только усиліями извѣстнаго схимонаха Ѳеодора, бывшаго митрополита Сибирскаго *), нѣкоторые изъ нихъ были привлечены въ лоно православія уже въ началѣ XVIII вѣка.

Выше мы уже выяснили по силѣ возможности, что слово *Югра* въ древности употреблялось въ двоякомъ значеніи: въ общемъ собирательномъ значеніи всѣхъ народовъ угорской семьи и въ частномъ значеніи одного народа, населявшаго берега Сосвы и Сыгвы, на пространствѣ отъ Уральскихъ горъ до Оби. Въ частномъ значеніи слово „Югорцы" или „Югричи" весьма опредѣленно упоминается, и притомъ неоднократно, въ грамотѣ Іоанна IV Якову и Григорію Аникіевичамъ Строгановымъ отъ 30 мая 1574 г. (см. ее у *Миллера* въ „Опис. Сибир. Цар.", стр. 87—90). Объ этомъ упоминаніи еще *Карамзинъ* замѣтилъ: „Здѣсь говорится въ особенности о Вогуличахъ, Остякахъ и *Югорцахъ или Югричахъ, коихъ имя исчезло, принадлежавъ, вѣроятно, Остякамъ Березовскимъ*" (см. „Исторію" его, т. IX, примѣч. 659). Этотъ собственно Югорскій народъ былъ въ самомъ тѣсномъ, ближайшемъ родствѣ съ Вогулами, какое существуетъ напр. между Зырянами и Пермяками, тогда какъ языкъ Остяковъ довольно замѣтно отличается отъ Югорско-Вогульскаго, какъ Вотяцкій отъ Пермяцко-Зырянскаго. Поэтому едва-ли справедливо называть потомковъ собственно Югры „Остяками Ляпинскаго нарѣчія", какъ дѣлаютъ многіе ученые **), а гораздо правильнѣе и ближе къ истинѣ именовать ихъ „Ляпинскими Вогулами". Ошибочное названіе дано имъ жителями Березова, которые отличаютъ этимъ именемъ Ляпинскихъ

*) Это былъ Филоѳей Лещинскій, управлявшій Сибирскою митрополіею въ 1702—1710 г.г., въ 1711 г. принявшій схиму съ именемъ Ѳеодора въ Тюменскомъ монастырѣ, а съ 1715 до 1721 г. снова занимавшій прежнюю каѳедру. Умеръ въ 1727 году.

**) Таковы академики *Лербергъ* и *Гофманъ*, признающіе однако тождественность Ляпинскихъ Остяковъ съ Вогулами. См. «Сѣверный Уралъ» *Гофмана* т. II, стр. 50, «Изслѣдованія» *Лерберга*. СПБ. 1819 г., стр. 7.

Остяковъ (?) отъ Обдорскихъ (*Гофманъ*, II, 105). Между тѣмъ *полная тождественность Ляпинцевъ съ Вогулами доказывается уже тѣмъ, что они, какъ и Вогулы, сами себя называютъ Манси, а не присвояютъ себѣ самоназванія Остяковъ-Арьяхъ или Хондихо.* Эту тождественность, какъ мы видѣли, признаютъ многіе изслѣдователи текущаго столѣтія *), а названіе все-таки удерживаютъ неправильное—Остяки вмѣсто Вогулы. „*Вогулы и Ляпинскіе Остяки говорятъ, какъ мнѣ кажется, однимъ и тѣмъ же языкомъ, составляютъ одинъ народъ*", замѣчаетъ лично бывшій здѣсь въ 1847 г. академикъ *Гофманъ* (II, 50). „Языкъ остяцкій въ Березовскомъ краѣ, говоритъ лучшій знатокъ его *А. Н. Абрамовъ*, раздѣляется на четыре совершенно различныя нарѣчія: обдорское, югорское (сосвино-ляпинское), березовско-кодское и сургутское. Въ первое вошло не мало словъ самоѣдскихъ и зырянскихъ; *во второмъ самая большая часть словъ вогульскихъ, потому что Вогулы съиздавна смѣшались съ здѣшними ляпинскими Остяками и извѣстны стали подъ именемъ сихъ послѣднихъ;* въ третьемъ много словъ татарскихъ, отъ близости ихъ жительства и частыхъ съ ними сношеній; въ послѣднемъ, совершенно различномъ отъ прочихъ, много словъ, заимствованныхъ отъ разнчхъ сопредѣльныхъ племенъ и народовъ" **). „Въ Тобольской губ. не обрусѣлыхъ Вогулъ еще довольно много, замѣчаетъ извѣстный изслѣдователь Урала *Н. К. Чупинъ*; они обитаютъ главнымъ образомъ въ волостяхъ Ляпинской и Сосвинской. Русскіе называютъ ихъ „Остяками Ляпинскаго нарѣчія", хотя *это настоящіе Вогулы и существенно разнятся отъ сѣвернѣе живущихъ обскихъ Остяковъ*" ***). *Н. М. Ядринцевъ* съ своей стороны приходитъ къ тому же заключенію, какъ Абрамовъ. „Сибирскіе во-

*) Рѣзкое исключеніе въ данномъ отношеніи составляетъ мнѣніе *фонъ-Бушена*, по которому «Вогулы, живущіе нынѣ на прежней Югорской землѣ, приняли къ себѣ только небольшую часть этого народа (Югровъ), котораго большинство составляютъ обскіе Остяки». См. его статью: «Опытъ изслѣдованія о древней Югрѣ» въ «Вѣстникѣ Русс. Геогр. Общ.» книгъ IV. СПБ. 1855 г., стр. 179.

**) «Опис. Березовс. края» въ «Запискахъ» того же Общ. кн. XII, СПБ. 1857 г., стр. 832.

***) «Географическій и статистическій словарь Пермской губерніи». Пермь. 1873 г., стр. 337—статья «Вогулы».

гулы, говоритъ онъ, расположены въ Тобольскомъ округѣ (2158 душъ), Туринскомъ (3913 д.) и часть ихъ, смѣшанные съ остяками, въ Березовскомъ округѣ (Ляпинскіе остяки)" *), при чемъ примѣсь Остяковъ въ этомъ случаѣ и составляетъ „березовско-кодское" ихъ нарѣчіе, по Абрамову. Такимъ образомъ мѣстные изслѣдователи и тѣ, кто лично бывалъ на мѣстѣ древней Югры въ тѣсномъ смыслѣ, единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, что *на Сосвѣ и Сызвѣ нынѣ слышится языкъ вогульскій, а не остяцкій*, а изученіе мѣстныхъ письменныхъ источниковъ убѣждаетъ насъ, что на мѣстѣ древней собственно Югры съ конца XVII или начала XVIII вѣка живутъ Вогулы **).

Перейдемъ теперь къ этимъ наслѣдникамъ сосвинско-ляпинскихъ Югричей, Вогуламъ, и начнемъ съ того времени, когда Вогульскій народъ существовалъ еще одновременно съ Югрой, окружая ее съ разныхъ сторонъ. Мы говорили уже, что впервые эти два названія поставлены рядомъ въ сказаніи Епифанія Премудраго о св. Стефанѣ Пермскомъ XIV в. подобно тому, какъ у него же стоятъ рядомъ названія „Пермь", „Сырьяне", „Пермь Великая, глаголемая Чусовая" ***). Затѣмъ въ грамотѣ Строгановымъ отъ 30 мая 1574 г. *неоднократно рядомъ упоминаются Остяки, и Вогуличи, и Югричи, какъ три различные народа* ****). Послѣ филологическихъ изслѣдованій *Европеуса* едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что близко родственные между собою Югра и Вогуличи въ древности жили гораздо далѣе къ западу—на пространствѣ отъ Урала по крайней мѣрѣ до истоковъ С. Двины. Хотя теорія *Европеуса* находится въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ теоріей *Шогрена* *****), но констатированные тѣмъ и другимъ финно-

*) *Н. М. Ядринцевъ:* «Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе». СПБ. 1891 г., стр. 56.

**) Въ грамотѣ Пергѣю 1557 г. еще упоминаются Югорскіе князья и *Югричи*.

***) Моя «Перм. Старина» I, 62.

****) Эта важная грамота напечатана у Миллера въ «Опис. Сиб. Ц.» стр. 87—90 и включена въ Строгановс. лѣтопись.

*****) *Европеусъ:* «Объ Угорскомъ народѣ». СПБ. 1874 г. съ картою. *Шогренъ:* «Зыряне», «Когда и гдѣ было Заволочье и Заволоческая Чудь Русскихъ» въ «Gesammelte Schriften» т. I. СПБ. 1861 г.

логомъ факты изъ области географической номенклатуры дѣлаютъ несомнѣннымъ такое заключеніе о болѣе широкихъ предѣлахъ угорскихъ поселеній на западѣ. Такъ какъ съ теченіемъ времени, подъ напоромъ Русскихъ, Угры постепенно отступали на востокъ, то въ XV—XVII в.в. значительная часть Вогуловъ уже передвинулась за Уралъ, оставивъ на западныхъ его склонахъ сравнительно меньшую часть своихъ единоплеменниковъ. Въ этомъ широкомъ потокѣ передвигавшихся на востокъ Угровъ была нѣкоторая часть и Остяковъ, также оставившихъ за собою слѣды пребыванія на западныхъ отрогахъ Урала еще въ XVI и XVII вѣкахъ.

Мы совершенно согласны съ выводомъ проф. *И. Н. Смирнова*, основаннымъ на мѣстныхъ источникахъ, что „въ періодъ отъ половины XV до конца XVII в. *Маньсы жили* еще на пространствѣ между Усть-Вымомъ и Ураломъ по рѣкамъ Вычегдѣ, Печерѣ и восточнымъ притокамъ Камы—Колвѣ, Вишерѣ, Яйвѣ, Косьвѣ и Чусовой“ *). Но собственно Югра передвинулась за Уралъ еще въ доисторическую эпоху. Относительно Пермскаго Пріуралья мы доказали это въ предъидущей главѣ, а о существованіи Вогуловъ къ западу отъ Урала еще въ XVI вѣкѣ сказали въ I вып. „Пермской Старины“ на основаніи такихъ надежныхъ документовъ, какъ Великопермскія писцовыя книги XVI в. и царскія грамоты. Тамъ же сказано о существованіи въ тоже время и *остяцкихъ* поселеній отчасти въ предѣлахъ Перми Великой **)— въ нынѣшнихъ Чердынскомъ и Пермскомъ уѣздахъ, а преимущественно въ бассейнѣ Чусовой, близь южной границы этой страны. Эти послѣдніе населяли еще въ XVII вѣкѣ южную часть нынѣшняго Пермскаго и сѣверо-восточную Кунгурскаго уѣздовъ, но вслѣдствіе близкаго сосѣдства съ Башкирами и Татарами *Остяки здѣсь скоро отатарились*, какъ это было во многихъ мѣстахъ ихъ поселеній въ Западной Сибири. *Вогулы же Пермскаго края одновременно подвер-*

---

*) «Пермяки», стр. 107—109. Въ моей «Перм. Старинѣ», вып. I, на стр. 81, 93, 141 и др. представлены документальныя доказательства справедливости такого заключенія.

**) О прикамской колоніи Остяковъ на рѣчкѣ Нижней Муллянкѣ см. въ моей статьѣ: «Критическія замѣтки по исторіи Перми Великой XVI в.» во II вып. «Трудовъ Перм. ученой архивн. коммис.». Пермь. 1893 г.

гаются сильному обрусѣнію по мѣрѣ наплыва русскихъ людей въ этотъ край, особенно усилившагося въ XVI вѣкѣ, съ появленіемъ на Камѣ извѣстныхъ промышленниковъ Строгановыхъ. Они имѣли общественное устройство и управленіе, совершенно одинаковое съ ихъ зауральскими одноплеменниками. Въ житіи св. Трифона Вятскаго въ концѣ XVI в. упоминаются на Чусовой и ея притокахъ остяцкій князь *Амбалъ* и вогульскій *Бебякъ*, а при р. Камѣ, на лѣвомъ берегу, въ 20 верстахъ отъ нынѣшняго города Перми, въ ихъ время существовало языческое капище—„идоложертвенное древо ель", къ которому на поклоненіе приходили даже припечерскіе Вогуличи и Остяки, и которое было уничтожено преподоб. Трифономъ *).

Гораздо больше Вогуловъ жило тогда за Ураломъ. Еще въ началѣ прошлаго вѣка, въ 1715 г. *Гр. Новицкій* писалъ о мѣстѣ ихъ жительства за Ураломъ. „Народъ сей Вагулскій начынаеть селеніе свое надъ рѣкою нарыцаемою Тура, обдержыть же селеніемъ своимъ и вершыны Тавды рѣки. *Множество же вящшое сего народа сѣде надъ рѣкою Кондою, идѣ же и княжыка своего имѣють* и вящшымъ сіи сего повиновеніемъ, неже Остяки своихъ княжыковъ почытають. *Жителствующіи же на Тавдѣ и Кондѣ прилежать присудомъ въ градъ Пелымъ*" **). Затѣмъ Новицкій говоритъ, что на Турѣ и Тавдѣ Вогулы живутъ въ сосѣдствѣ съ Татарами, отъ которыхъ научились земледѣлію, а на Кондѣ они сосѣдятъ съ Остяками и тамъ они питаются по прежнему мясомъ звѣрей и рыбою. Далѣе тотъ же авторъ пишетъ: „Народъ сей разньствуеть языконарѣчіемъ; обычаи же своими единонравенъ во всемъ со Остяки и обхожденіи со оными. Такожде бо ниже писмены каковыя имѣють, ниже гражданскія обычая, ниже коего художества, рукодѣліе, но обще едынъ жытія промыслъ, ловленіе рыбъ, птицъ и стрѣляніе звѣра. *Обаче же подобнѣйшыи красоты человѣческой, неже Остякъ, крѣпчайшый і далеко мужественнѣйшый, и не повреждени такою язвою, яко Остяки; не тако же многомюденъ, яко*

*) См. въ той же моей статьѣ во II вып. «Трудовъ Пермс. ученой архивн. коммиссіи». Пермь. 1893 г.

**) «Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ», подъ ред. Л. Н. Майкова. СПБ. 1884 г., стр. 81.

Остяцкій народъ" *). Эту характеристику особенно важно имѣть въ виду при сужденіи о родствѣ Вогуловъ съ древними Югричами (Югрою въ собственномъ, тѣсномъ смыслѣ).

Вѣрно подмѣченная Новицкимъ воинственность Вогуловъ, нѣкогда свойственная и Югрѣ, но не замѣчаемая въ Остякахъ, доказывается цѣлымъ рядомъ смѣлыхъ набѣговъ Югры и Вогуловъ на Усть-Вымъ на Вычегдѣ и на Пермь Великую въ бассейнѣ Камы—въ теченіе XV и XVI в.в. Въ I вып. „Пермской Старины" мы перечислили уже эти набѣги въ послѣдовательномъ порядкѣ (стр. 183—185). Въ этихъ набѣгахъ Остяки лишь изрѣдка принимали участіе, увлекаемые проходившими чрезъ ихъ земли Вогулами. Самымъ опустошительнымъ былъ набѣгъ на Пермь Великую Пелымскаго князя Вогулича *Кихека* въ 1581 году. Въ XV в. столь же злымъ врагомъ Усть-Выма былъ извѣстный уже намъ вогульскій князь *Асыка*. Въ своемъ мѣстѣ мы показали, что нѣкоторые вогульскіе князья были въ родственныхъ отношеніяхъ съ кодскими и заодно съ ними нерѣдко вооружались противъ Русскихъ.

Средоточіемъ Вогуловъ, жившихъ на р.р. Пелымѣ и Кондѣ былъ, какъ сказано, городъ *Пелымъ* (старый) стоявшій на рѣкѣ того же имени, текущей съ лѣвой стороны въ р. Тавду, притокъ Тобола. На верхнемъ теченіи Конды, въ близкомъ разстояніи отъ Пелыма, находились двѣ вогульскія волости *Большая* и *Малая Конда*. Въ старомъ Пелымѣ родъ вогульскихъ князей правилъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, но намъ извѣстны по источникамъ лишь немногія имена ихъ. Пелымъ былъ центральнымъ пунктомъ среди вогульскихъ поселеній, которыя находились также на р.р. Турѣ, Тавдѣ и Лозвѣ. Лозва, начинаясь въ самой сѣверной части нынѣшняго Верхотурскаго уѣзда, течетъ на юго-востокъ; принявъ здѣсь правые притоки Пурму и Тошемку, уходитъ въ Тобольскую губернію, опять принимаетъ съ Урала правые притоки Вижай и Люлью или Талицу; снова течетъ по Верхотурскому краю въ южномъ направленіи, принимаетъ справа Малую Лозьву, Большую Умпію, Манью и самый большой притокъ

*) Тамъ же, стр. 82.

Ивдель и вторично вступаетъ въ Тобольскую губернію, гдѣ соединяется съ южной Сосвой, вмѣстѣ съ которою далѣе получаетъ новое названіе рѣки Тавды *). Берега всѣхъ этихъ рѣкъ и рѣчекъ были населены прежде, а отчасти и теперь, Вогулами, танувшими по управленію къ своему главному древнему городу Пелыму. Въ указанномъ районѣ Вогулы постепенно были покоряемы съ сѣвера Русскими, съ юга—Татарами, пока въ началѣ XVII в. не подчинились окончательно вмѣстѣ съ послѣдними русской власти.

Раньше другихъ подчинились Русскимъ Лозвинскіе Вогулы, гдѣ, какъ извѣстно, около 1590 г. основанъ былъ русскій городъ *Лозва*, предшественникъ Верхотурья, возникшаго въ 1598 г. на мѣстѣ вогульскаго городка *Нерожкарра*. (*Миллеръ*, 221—222, 337 и друг.). Татары же прежде всего стали тѣснить Вогуловъ нижнихъ Туры, Тавды и Конды еще задолго до прихода Русскихъ на Лозьву. Съ паденіемъ главнаго города Сибири, татарская власть смѣняется русскою, на Турѣ возникаетъ въ 1586 г. Тюмень, а противъ устья Тобола—Тобольскъ на Иртышѣ въ слѣдующемъ году **). Послѣ того Большая и Малая Конды были обложены ясакомъ съ подчиненіемъ ихъ власти Тобольскихъ воеводъ, а съ построеніемъ въ 1593 г. новаго города Пелыма (русскаго), близь устья этой рѣки, обѣ Конды отошли къ нему ***), старый же Пелымъ (вогульскій), стоявшій на верховьяхъ этой рѣки, будучи окруженъ теперь со всѣхъ сторонъ русскими селеніями, въ концѣ концовъ долженъ былъ неизбѣжно пасть предъ русской властью.

Въ 1573 г. упоминается Пелымскій князь—Вогулятинъ *Бегбелій*, сдѣлавшій набѣгъ на Пермь Вел. Послѣ того въ 1581 г. въ Пелымскомъ княжествѣ Вогуловъ правилъ *Кихекъ*, также извѣстный своимъ опустошительнымъ походомъ противъ Перми Великой. Затѣмъ въ борьбѣ съ Ермакомъ упоминается знатнѣйшій изъ Вогуличей, именемъ *Патликъ* (*Миллеръ*, 122). При занятіи же Пелымскаго княжества Русскими тамъ правилъ князь *Аблегиримъ*, имѣвшій старшаго сына *Тагая* и

*) *Чупинъ*: «Географич. словарь Перм. губ.», стр. 217—218.

**) *Миллеръ*: «Описаніе Сибирс. Цар.» стр. 212—217.

***) Тамъ же, стр. 237, 238, 243 и 244.

младшаго *Таустея* (Таутія) и отъ послѣдняго внука *Учота*. Въ виду сильнаго сопротивленія, оказаннаго Русскимъ воеводамъ отцомъ и его старшимъ сыномъ, воеводѣ князю Петру Ив. Горчакову, строителю новаго русскаго Пелыма близь устья этой рѣки, данъ былъ въ 1592 г. царскій наказъ „приманить" Пелымскаго князя Аблегирима и его старшаго сына Тагая и потомъ ихъ „извести", а младшаго сына Таутія „и съ женою и съ дѣтьми" отправить въ Тобольскъ къ воеводѣ, князю Ѳедору Мих. Лобанову—Ростовскому *). Затѣмъ мы видимъ князей Таусея и Учота въ Москвѣ въ тюремномъ заключеніи, объ освобожденіи изъ коего на поруки съ ручательствомъ „всею Пелымской землею" ходатайствовали въ 1599 году „пелымскіе ясашные Вогуличи Корло Чендинъ во всѣхъ своихъ Вогуличь мѣсто **). Результатъ ходатайства не извѣстенъ. Въ 1599 г. сынъ казненнаго Тагая упоминается уже въ Москвѣ подъ именемъ Александра ***). Послѣдній поступилъ, слѣдовательно, по примѣру своего современника кодскаго князя Петра Игичеева. О дальнѣйшихъ Пелымскихъ князьяхъ *Миллеръ* говорилъ въ 1750 г.: „Родъ князей Пелымскихъ еще и понынѣ ведется, и оные прежде сего въ Пелымѣ, а потомъ на Верхотурьѣ служили въ дѣтяхъ боярскихъ и напослѣдокъ пожалованы въ Тобольскіе дворяне. Надѣяться можно, что они происходятъ отъ вышеупомянутаго Александра, Тагаева сына, которой чаятельно по принятіи христіанской вѣры назадъ въ Пелымъ былъ отпущенъ" (стр. 239).

Вытѣсняемые съ юга, Вогулы въ XVI вѣкѣ стали опять передвигаться на сѣверъ, возлѣ самаго восточнаго склона Уральскихъ горъ, гдѣ еще находили для себя удобныя убѣжища въ долинахъ горныхъ рѣкъ и горныхъ ущельяхъ. Въ упомянутомъ выше наказѣ первому Пелымскому воеводѣ Горчакову упоминаются *Вишерскіе и Лелинскіе Вогуличи*, жившіе по рѣкамъ Вишерѣ и Лялѣ, правому притоку южной

---

*) Этотъ важный и любопытный наказъ напечатанъ у *Миллера* въ «Опис. Сиб. Ц.», на стр. 228—234 и затѣмъ во II томѣ «Русс. Историч. Библіот.».

**) Челобитная его напечатана во II томѣ «Русской Историч. Библіотеки» стр. 144—145, подъ № 64.

***) *Миллеръ* неправильно принимаетъ его за одно лицо съ Учотомъ, который былъ сынъ Таустея, стр. 239.

Сосвы. Основаніе русскаго города на Лозвѣ показываетъ, что и на этой рѣкѣ Вогуловъ жило много, какъ и дальше по Тавдѣ, гдѣ тотъ же наказъ предписывалъ поставить русскій острогъ въ Таборахъ *), вмѣсто котораго былъ основанъ городъ Пелымъ. (Донынѣ есть село Табаринское Туринскаго округа). На нижней Тавдѣ Вогулы въ то время отчасти уже отатарились. Въ 1583 году Ермакъ разорилъ близь устьевъ Тавды на р. Тоболѣ Красноярскія юрты нѣкоего князца *Лабутана* (или Лабуты) и, поднимаясь вверхъ по Тавдѣ, нанесъ сильное пораженіе Татарамъ (вѣроятно, отатарившимся Вогуламъ) на рѣчкѣ Паченкѣ, при чемъ мертвыми трупами было наполнено ближайшее „Банное поганое озеро". Въ числѣ убитыхъ былъ и князецъ *Печенегъ*. Съ Паченки Ермакъ пошелъ вверхъ по Тавдѣ во владѣніе вогульскаго князя *Кошука* (или Кожуга), взялъ городки Кошуки (нынѣ село Кошукское Туринскаго округа), Кондирбай или Чандырь и Табары при устьѣ рѣчки Иксы, гдѣ жилъ вогульскій князекъ *Табаръ* (или Тобара) и какой-то знатный Вогулъ *Патликъ*, вѣроятно княжескаго же рода **). Вслѣдствіе этого разгрома Тавды Ермаковою дружиною, одни изъ Вогуловъ ушли на Конду, другіе на верховья Тавды, на Пелымъ, Лозьву и далѣе на сѣверъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что и въ Вогульской странѣ кромѣ главнаго, „большаго" князя Пелымскаго было не мало второстепенныхъ князьковъ, жившихъ по другимъ городкамъ, т. е. общій складъ управленія былъ тотъ же, что въ Кодѣ, собственной Югрѣ и Обдоріи. Упомянутое движеніе Вогуловъ на сѣверъ совпало съ обратнымъ передвиженіемъ ихъ одноплеменниковъ съ западнаго склона Урала на восточный, также подъ давленіемъ Русскихъ людей и отчасти Вычегодскихъ Зырянъ. Эти два потока, шедшіе на встрѣчу другъ другу, и встрѣтились на территоріи собственной Югры, на берегахъ сѣверной Сосвы и Ляпиной, представлявшихъ наиболѣе удобное убѣжище отъ Русскихъ (далѣе къ сѣверу

*) См. полную редакцію «Наказа» во II томѣ «Русс. Истор. Библіотеки».

**) Тавдинскій походъ Ермака подробно изложенъ у *Миллера* на стр. 117—122 и 169 по лѣтописи *Ремезова*, гдѣ см. статьи 49—52. Подробности о Тавдинскомъ походѣ 1583 г. приведемъ въ слѣдующей главѣ.

начинались кочевья Самоѣдовъ). Кажется, *этимъ обстоятельствомъ и нужно объяснить исчезновеніе слова „Югра" съ тѣхъ поръ, какъ этотъ древній народъ растворился въ массѣ пришедшихъ сюда съ юга и запада Вогуловъ*, къ которымъ частію присоединились и Остяки. Подобнымъ же образомъ и около того же времени на Вычегдѣ и Печорѣ постепенно исчезаютъ древнѣйшія этнографическія названія „Пермь" и „Печера" (какъ двѣ родственныя народности), замѣняясь словомъ „Зыряне" *).

Всѣ вообще Вогулы очень поздно приняли христіанство. Мы уже сказали выше, что Ляпинскіе Вогулы узнали новую вѣру только при митрополитѣ *Филоѳеѣ Лещинскомъ* въ началѣ XVIII в. **). Тотъ же знаменитый миссіонеръ, въ теченіе своего пребыванія въ Сибири крестившій до 40,000 инородцевъ, былъ главнымъ виновникомъ обращенія въ христіанство Вогуловъ, жившихъ на р. Кондѣ и въ тогдашнемъ обширномъ Верхотурскомъ, также Пелымскомъ и Туринскомъ уѣздахъ ***). На Кондѣ въ 1714—1715 г.г. жилъ тогда вогульскій князь *Сатикъ* или *Сатыга*. Позже всѣхъ, а именно въ половинѣ XVIII в., приняли христіанство Вогуличи Чердынскаго уѣзда, привлеченные къ тому стараніями игумена Чердынскаго Богословскаго монастыря Іова (Тукмачева) и управителя Михаила Финицкаго ****). Для обращенія же Верхотурскихъ Вогуличей въ вѣру Христову много потрудился архимандритъ Верхотурскаго Николаевскаго монастыря Сильвестръ.

Заканчивая историческій очеркъ отношеній Русскихъ къ сѣверо-восточнымъ Угорскимъ народамъ на протяженіи съ XI вѣка и до окончательнаго подчиненія ихъ власти Московскихъ государей, считаемъ необходимымъ остановиться на вопросѣ объ отношеніи къ Уграмъ Самоѣдовъ и Зырянъ,

---

*) См. мою «Перм. Старину» II, 37.

**) Подробности см. у *Абрамова*, стр. 346—347.

***) *Гр. Новицкій*: «Описаніе о народѣ Остяцкомъ» вся VI и VIII главы. *Покровскій*: «Изъ исторіи просвѣщенія Верхотурс. инородцевъ» въ «Перм. Епарх. Вѣдом.» 1868 г. №№ 41 и 42 (прекрасная статья).

****) См. статью того же г. *Покровскаго*: «Крещеніе Чердынскихъ Вогуличей» въ «Перм. Епарх. Вѣдом.» 1868 г. № 43.

изъ которыхъ послѣдніе еще подъ древнимъ названіемъ „Перми“ были несомнѣнными преемниками „Югры“ по владѣнію многими землями въ бассейнахъ Сѣверной Двины и ея притоковъ, въ особенности Вычегды. На основаніи многолѣтняго изученія всей совокупности источниковъ и обширной литературы этого вопроса, мы приходимъ въ концѣ концовъ къ твердому убѣжденію, что во 1-хъ) *на сѣверо-востокѣ Европы пермско-зырянской культурѣ предшествовала угорская*; во 2-хъ) *въ этотъ періодъ* (доисторическій) *пермская культура Коми локализировалась преимущественно на верхней Камѣ*, которая и названіе свое, кажется, получила отъ этого племени; въ 3-хъ) *съ передвиженіемъ Угорскаго населенія ближе къ Уралу и потомъ за Уралъ мѣсто его жительства заняли Коми*; въ 4-хъ) *до этого передвиженія Угровъ, въ первыхъ рядахъ котораго на востокѣ стояли Остяки, поселенія Самоѣдовъ простирались гораздо далѣе къ югу*, но съ начала угорскаго движенія Самоѣды были постепенно вытѣснены далѣе къ сѣверу, а на ихъ прежнихъ мѣстахъ появились Остяки, Вогулы и затѣмъ Зыряне—Печера. Отсюда образовалось двѣ Перми—древнѣйшая или „Великая“, иначе „Чусовая“ на Камѣ и болѣе поздняя „Пермь“—на Вычегдѣ, а обѣ онѣ объединялись въ общемъ названіи *Пермь*, рядомъ съ которымъ явилось особнякомъ названіе *Печера*. Часть Угровъ первоначально занимала нѣкоторыя мѣста въ Перми Великой, которую вмѣстѣ съ тѣмъ огибала съ востока и юга*). Это-то племя Коми—Пермь, позднѣе Зыряне или Пермяки, сообщили названіе сосѣднему племени *Югра*, передѣланное Русскими въ Югра или Угра. Но какъ всѣхъ самыхъ древнихъ Угровъ, такъ и всю древнѣйшую Пермь еще позднѣе явившіеся Русскіе Славяне отмѣтили названіемъ *Чудь*, т. е. чуждыя племена, отъ которыхъ они застали только слѣды прежнихъ изъ жилищъ—„городищъ“ и находимыя въ нихъ по сіе время разныя металлическія и каменныя вещи. По мѣстамъ жительства это общее названіе „Чудь“ распалось на частныя, видовыя: „Заволоческая Чудь“, „Пермская Чудь“ и т. д. Первоначально все угорское племя также носило общее

*) Объ угорскомъ сосѣдствѣ на востокѣ и югѣ отъ Перми Великой уже подробно сказано нами въ I вып. «Пермской Старины».

названіе Егра, Югра и уже со временемъ оно распалось на собственно Югру, Вогуличей и Остяковъ, изъ коихъ два первые народа жили западнѣе, а послѣдній восточнѣе. (Названіе „Остякъ“ признается татарскимъ, съ XIII в. или позднѣе усвоеннымъ Русскими). Точно также первоначально общее, нераздѣльное названіе „Пермь“ со временемъ выдѣлило изъ себя видовыя Зыряне, Пермичи, Печера, по мѣсту жительства послѣднихъ, сохранивъ древнѣйшій корень лишь въ названіи „Пермяковъ“, доселѣ живущихъ въ колыбели этого племени—на Камѣ. Этнографическое же понятіе „Печера“, какъ и понятіе собственно Югры, со временемъ совсѣмъ исчезло. Св. Стефанъ засталъ на Вычегдѣ уже Пермь, которая и первоначальной лѣтописью упоминается тамъ же. Слѣдовательно, передвиженіе Угровъ къ Уралу совершилось еще въ доисторическія времена. Егрою Зыряне могли назвать первоначально только западную вѣтвь племени, т. е. собственно Югру и Вогуловъ, и уже послѣ распространили это названіе на Остяковъ, жившихъ дальше на востокѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Самоѣдами, отъ которыхъ Остяки и заимствовали много словъ. Среди самихъ Зырянъ и Угровъ доселѣ сохранились преданія, что *въ XIV в. и часть Зырянъ удалились за Уралъ по слѣдамъ Угровъ, не желая измѣнять язычеству*. Достовѣрность такого преданія подтверждается всѣми источниками На основаніи сравнительнаго изученія языковъ лучшіе финнологи давно признали, что упоминаемый въ лѣтописяхъ народъ „Печера“ могъ быть не какой другой, какъ Зыряне, которые при св. Стефанѣ уже несомнѣнно жили на Печорѣ, не говоря о позднѣйшемъ времени, относительно котораго это можно доказать документально. Но какъ на той же рѣкѣ, въ ея верховьяхъ и по правымъ притокамъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ жили еще остатки Вогулъ, то несомнѣнно, что припечерскіе Зыряне входили съ ними въ торговыя сношенія, а многіе и оставались за Ураломъ для постояннаго жительства среди Угровъ, на коихъ оказывали извѣстное вліяніе. Подобныя же связи съ Зауральской Югрой были у печерскихъ Самоѣдовъ, поселенія которыхъ нѣкогда простирались гораздо далѣе на югъ. Позже въ этихъ сношеніяхъ приняли дѣятельное участіе и Рус-

скіе *). Еще *Миллеръ* въ 1750 г. совершенно основательно замѣтилъ: „Пермяки (т. е. жители Перміи), Вогуличи и Самоядь всегда имѣли между собою обхожденіе и знакомство; слѣдовательно новымъ Россійскимъ жителямъ въ Перміи и въ Югорской землѣ не трудно было получать чрезъ нихъ извѣстія о сосѣдственныхъ земляхъ Сибирскихъ. И понеже богатой звѣриной промыслъ и торги многихъ привлекли, то они въ провожаніи язычниковъ по малу сами чрезъ горы туда ходить отваживались“ (стр. 60). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Сказываютъ, что находятся еще и понынѣ слѣды старинной зимней дороги, по которой тогда (въ XVI в.) между Березовымъ и Ляпинымъ городкомъ вдоль по впадающей ниже города въ Сосву рѣчкѣ Вогулкѣ хаживали, и Остяки оную *Зырянскою дорогою*, на своемъ языкѣ *Зырянъюшъ*, а Русскіе—*Русскимъ Тесомъ* называютъ“ (стр. 208).

Итакъ для сѣвернаго Урала, этой естественной границы Европы и Азіи, мы должны установить такую послѣдовательность племенъ. Древнѣйшими обладателями его были *Самоѣды*, потомъ *Остяки*, *Югричи и Вогулы*, а на тундрѣ—тѣ же Самоѣды, далѣе *Зыряне—Печера* и остатки Югричей, Остяковъ, Вогуловъ и Самоѣдовъ и наконецъ *Русскіе* съ остатками Самоѣдовъ и Зырянъ. Подтвержденіемъ тому служатъ современныя географическія названія на сѣверѣ Уральскаго хребта. „Хотя Уралъ и является намъ, даже далѣе истоковъ Кары, населеннымъ одними Вогулами и Остяками, писалъ знаменитый венгерскій финнологъ *Регули* нашему академику *П. И. Кеппену* въ 1847 г., однако эти два народа сдѣлались весьма недавно его обитателями. Это въ особенности можно сказать о Вогулахъ, которые стали заводить оленей около начала прошедшаго столѣтія. За нѣсколько поколѣній тотъ же Уралъ принадлежалъ исключительно Самоѣдамъ; это доказывается именами горъ на пространствѣ отъ Кары до истоковъ Южной Сосвы и до окрестностей Петро-Павлов-

*) Даже до сихъ поръ, по свидѣтельству послѣдняго ученаго путешественника на Печору, *Ѳ. М. Истомина*, Печера по составу населенія дѣлится на 6 районовъ: 1) Печора Пермско-Русская (верховая), 2) Сысольско-Зырянская, 3) Ижемско-Зырянская, 4) Низовая Русская (Пустоверскъ), 5) Осѣдло-Самоѣдская и 6) Кочевая Самоѣдская. См. «Труды VIII съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей», отдѣлъ 8. СПБ. 1890 г., стр. 27.

ска. Имена всѣхъ почти горъ здѣсь—Самоѣдскія; а нѣкоторыя изъ нихъ, Вогульскія и Остяцкія, суть ничто иное, какъ переводы именъ Самоѣдскихъ. Напримѣръ, Квотъ-Ньаръ, близь истоковъ Луопсіи,—переводъ Самоѣдскаго имени Пеней-пэ; Не-пуби на Щугорѣ—переводъ съ Самоѣдскаго Ньэ-Гэгэ (женскій кумиръ). Это доказываетъ, что Вогулы и Остяки ознакомились съ Ураломъ посредствомъ Самоѣдовъ. Правильность такого взгляда подтверждаютъ также встрѣчаемые въ этой странѣ малые остатки самихъ Самоѣдовъ, которыхъ по всей длинѣ Уральскаго хребта едва можно насчитать отъ 6 до 8 семействъ" *). Нѣсколько раньше въ томъ же письмѣ *Регули* говоритъ: „При проведеніи границъ народовъ не по праву владѣнія, а по дѣйствительному ихъ разселенію, должно показать и западный склонъ Урала въ числѣ мѣстъ, занимаемыхъ Вогулами и Остяками. Что касается долины Усы и страны, простирающейся отъ этой рѣки на сѣверъ и на западъ до самаго моря, то по правамъ, основаннымъ на преданіяхъ, все это пространство принадлежитъ Самоѣдамъ. Но если примемъ здѣсь въ соображеніе давность владѣнія или пользованія, то вся лѣсистая страна, лежащая въ особенности къ югу отъ р. Усы, должна быть разсматриваема какъ *достояніе Зырянъ*. Исключительную принадлежность Самоѣдовъ составляетъ одна лишь Тундра, раздѣленная между ними по числу племенъ" **). Такимъ образомъ для конца XV и начала XVI в. нужно признать справедливымъ показаніе *Герберштейна*, что Самоѣды жили тогда между Печерой и Ураломъ на всемъ пространствѣ отъ Щугора до Океана и на сосѣднихъ островахъ ***).

Гораздо большая часть Самоѣдовъ всегда жила и живетъ за Ураломъ, какъ мы видѣли уже выше изъ „Книги Большему Чертежу", грамоты Березовскому воеводѣ кн. Черкасскому отъ 21 октября 1607 г. и другихъ источниковъ ****).

*) Изъ письма *Регули* къ П. И. Кеппену отъ 21 января 1847 г., напечатаннаго въ русскомъ переводѣ въ «Запискахъ Русск. Географ. Общ.» книга III. СПБ. 1849 г., стр. 164.

**) Тамъ же, стр. 163.

***) «Записки о Московіи», перев. Анонимова. СПБ. 1866 г., стр. 123.

****) О древнихъ Зауральскихъ Самоѣдахъ много полезныхъ свѣдѣній можно найти въ изслѣдованіи проф. *Д. Н. Анучина*: «Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака» въ «Древностяхъ Москов. Археолог. Общ.» томъ XIV. М. 1890 г.

Зырянъ за Ураломъ всегда было меньше, но это меньшинство, обладая высшимъ культурнымъ развитіемъ, оказывало замѣтное вліяніе на Остяковъ, особенно Обдорскихъ, которое сказывается присутствіемъ многихъ зырянскихъ словъ въ Обдорскомъ нарѣчіи Остяковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они вліяли въ извѣстной степени и на религіозное міровоззрѣніе своихъ азіатскихъ сосѣдей; но не слѣдуетъ все-таки чрезмѣрно преувеличивать значеніе этого вліянія, а равно и всю роль самихъ Остяковъ въ вопросѣ о древней Югрѣ, какъ дѣлаетъ это *фонъ-Бушенъ* въ своемъ „Опытѣ изслѣдованія о древней Югрѣ" *). Взглядъ *Регули* въ этомъ отношеніи гораздо болѣе правильный; онъ постоянно имѣетъ въ виду, что Зыряне сравнительно *позднѣйшіе* насельники въ Сибири **). Съ осторожностью опытнаго и талантливаго изслѣдователя онъ каждому племени и каждой народности отводитъ то значеніе, какое *дѣйствительно* принадлежало ему въ свое время, а теперь должно принадлежать исторіи.

III.

Первоначальныя отношенія Русскихъ къ Сибири и постепенное утвержденіе въ ней русской власти.

Отъ Угорскаго Урала перейдемъ теперь собственно къ Сибири, какъ она понималась въ Московскій періодъ нашей исторіи. Прежде чѣмъ говорить о первомъ знакомствѣ съ нею Русскихъ, необходимо указать начало тамошнихъ монгольскихъ и тюркскихъ поселеній.

Въ глубокой древности угорскія поселенія, безъ сомнѣнія, простирались на югъ нынѣшней Сибири дальше, нежели гдѣ застаетъ ихъ исторія, но постепенно были оттѣсняемы на негостепріимный сѣверо-западъ Азіи народами монголо-татарской расы. Первое водвореніе ихъ на бывшихъ угорскихъ земляхъ связано съ исторіей завоеваній знаменитаго

*) Въ «Вѣстникѣ Импер. Русс. Геогр. Общ.» кн. IV, СПБ. 1855 г.

**) Онъ много говоритъ о торговлѣ Зырянъ въ Сибири въ томъ же письмѣ 1847 г.; см. стр. 168—170.

Темуджина, прозваннаго *Чингизъ-ханомъ*, т. е. великимъ ханомъ, и его преемниковъ—*Чингизидовъ*. Припомнимъ, что основатель этой династіи Чингизъ-ханъ, жившій между 1160—1227 г.г., имѣлъ четырехъ сыновей, чрезъ старшаго изъ коихъ, именемъ *Джучи*, родъ Темуджина продолжался потомъ нѣсколько столѣтій. Умершій раньше отца Джучи († около 1226 г.) оставилъ въ свою очередь сыновей Батыя, Беркая (или Берке) и *Шибана*. Та линія династіи Чингизидовъ, которая пошла отъ Джучи, получила особое, частное наименованіе *Джучидовъ*, а потомство Шибана стало называться въ свою очередь *Шейбанидами*. Ханъ Батый, столь памятный намъ по разгрому Руси, послѣдовавшему въ 1237—1240 годахъ, какъ извѣстно, утвердился въ южной части Россіи, основавъ въ бывшихъ дотолѣ владѣніяхъ турецкаго народа Кипчаковъ или Кумановъ (Половцевъ нашихъ лѣтописей) „Золотую" или „Кипчакскую" орду, подъ гегемоніей жившаго въ средней Азіи великаго хана Огодая, третьяго сына Темуджина. Эта орда по первому завоевателю Кипчака получила еще названіе „улуса Джучіева". Батый царствовалъ здѣсь до самой смерти, постигшей его въ 1253 г., передавъ престолъ своему брату Берке. Послѣдній около 1261 г. ввелъ въ улусѣ магометанство вмѣсто прежняго идолопоклонства. Но онъ правилъ недолго (умеръ въ 1266 г. въ Грузіи). Склонность къ раздорамъ еще при его жизни обнаружилась среди Чингизидовъ и имѣла послѣдствіемъ отпаденіе западной части улуса между Дономъ и Днѣпромъ отъ зависимости Кипчакскихъ хановъ и образованіе въ тѣхъ мѣстахъ особой „Ногайской" орды, получившей имя отъ своего основателя, Золотоордынскаго царевича *Ногая* (во второй половинѣ XIII вѣка).

Одновременно съ образованіемъ улуса Джучіева на западѣ, возникаетъ улусъ *Шибанскій* на востокѣ, въ предѣлахъ Туркестана и, кажется, Бухаріи и Хивы. Здѣсь воцарилась младшая вѣтвь рода Джучидовъ въ лицѣ младшаго сына Джучи, *Шейбана*, также подъ гегемоніей великихъ хановъ общей династіи Чингизидовъ. Послѣ Огодая († 1241 г.) великими ханами были: сынъ его Гаюкъ († 1247 г.) и два племянника, сыновья его брата Тулуя,—Менгу († 1257 г.) и Кубилай. И Шибанская орда еще при ея основателѣ

Шейбани-ханѣ приняла магометанство, но и она не избѣжала внутреннихъ раздоровъ, изъ за которыхъ такъ рано началось распаденіе родственной ей Кипчакской орды Джучидовъ. Уже въ XIV вѣкѣ часть подданныхъ Шейбанидовъ покидаетъ берега Аму-Дарьи, удаляется на сѣверъ и утверждается на рѣкѣ Ишимѣ, притокѣ Иртыша. Это было дѣломъ нѣкоего *Она* или *Онсома*, который будто-бы состоялъ въ родствѣ съ ханами Ногайскими, почему впослѣдствіи *Сибирскіе Татары также стали называться Ногайскими.* Есть извѣстіе, что этотъ ханъ подчинилъ себѣ часть Вогуловъ и Остяковъ, жившихъ по Турѣ, Тоболу и нижнему Иртышу *). Дѣло его продолжалъ сынъ *Тайбуга*, переселившійся съ Ишима на р. Туру и основавшій тамъ свою столицу Чинги-Тура (впослѣдствіи Тюмень) **). Относительно этой рѣки Миллеръ справедливо замѣчаетъ: „Татаре имя рѣки Туры выговариваютъ Туре, а Вогуличи, которые чаятельно еще до Татаръ въ сихъ мѣстахъ жили, оную рѣку Тере или Тере-я называютъ, такъ что Татарское званіе можетъ быть взято отъ Вогуличей" ***).

Такимъ образомъ „въ маломъ видѣ тутъ повторилось то же, что было въ великой Волжской ордѣ, отъ которой отдѣлилась Ногайская, съ потомствомъ *Эдигея* во главѣ. Но такъ же, какъ въ Ногайской ордѣ, преемники Тайбуги назывались не царями или *ханами*, а только князьями, т. е. *беками*; ибо и тутъ право на высшій титулъ принадлежало только потомству Чингизову, т. е. Шейбанидамъ" ****). Отсюда слѣдуетъ, что Онъ и его сынъ Тайбуга не были людьми Чингизидовой крови, и извѣстіе о ихъ Ногайскомъ происхожденіи является весьма вѣроятнымъ, если особенно имѣть въ виду, что источники XVI вѣка весьма часто называютъ Татаръ Сибири *Ногайцами.* Въ возможности дѣйстви-

---

*) *Миллеръ*: «Описаніе Сибирс. Царства» 1750 г., стр. 37—38.

**) По другому же извѣстію, Тайбуга былъ родомъ Киргизъ-Кайсакъ, сынъ Мамыкъ-хана. Тамъ же, стр. 41.

***) Тамъ же, стр. 45.

****) *Д. И. Иловайскій:* «Исторія Россіи». Томъ III: Московско-царскій періодъ—первая половина или XVI вѣкъ. Москва. 1890 г., стр. 386—387. Въ примѣчаніяхъ 68—73 указана обширная литература по вопросу о завоеваніи Сибири. Въ I томѣ того же труда, въ части 2-й: Владимірскій періодъ. Москва. 1880 г., въ примѣч. 48, 53 и 54 указаны источники и пособія по вопросу о Монголо-Татарахъ.

тельныхъ сношеній Сибирскихъ Татаръ съ Ногайскими нѣтъ основаній сомнѣваться, какъ сейчасъ увидимъ.

Примѣръ Онсома и Тайбуги оказался заманчивымъ при томъ просторѣ, какой представляла Сибирь для подобныхъ полудикихъ хищниковъ. По примѣру ихъ, одинъ изъ Шейбанидовъ, *Ивакъ*, главный ханъ Шибанской орды, уже владѣвшій въ средней Азіи Туркестаномъ, утвердился на той же рѣкѣ Ишимѣ, притокѣ Иртыша, а отчасти на этомъ послѣднемъ, принудивъ болѣе раннихъ насельниковъ тѣхъ мѣстъ Тайбугина рода ограничиться р. Турой. Мало того, властолюбивый Ивакъ, Шибанскій ханъ, скоро изгналъ ихъ и съ береговъ Туры, заставивъ нѣкоторое время скитаться гдѣ-то на Оби или верхнемъ Иртышѣ. Онъ самъ засѣлъ въ городѣ Чинги-Турѣ, переименованномъ Русскими въ Тюмень, и отсюда вошелъ въ непосредственныя сношенія съ ханами Ногайской орды. Онъ женился на какой-то Ногайской царевнѣ, братьевъ которой звали Муса-Мырза и Ямгурчей-Мырза *), и съ помощью Ногайской орды задумалъ погубить послѣдняго хана Золотой орды, извѣстнаго противника Іоанна III, Ахмата, что ему и удалось въ 1481 г. Убивъ Ахмата, „*Шибаны съ Ногаи начаша Ахматову орду грабити* межъ Дономъ и Волгою, на Донцу на Маломъ близь Азова; и стоялъ царь Ивакъ 5 дней на Ахматовѣ ордѣ и пойде прочь; *а Ордобазаръ съ собою поведе въ Тюмень*, не грабя, а добра и скота и полона Литовскаго безчисленно поймалъ и за Волгу перевелъ. Тогожъ лѣта царь *Ивакъ послалъ Чюмгура князя къ Великому Князю Ивану Васильевичу* и къ сыну его съ радостію, что супостата твоего есми убилъ царя Ахмата; и Вел. Кн. посла Ивакова чествовалъ и дарилъ“..... Этотъ же Чюмгуръ былъ въ Москвѣ еще два раза—въ 1489 и 1494 г.г. **). Эти посольства были однако не болѣе, какъ знаками любезности между двумя *сосѣдними* владѣтелями.

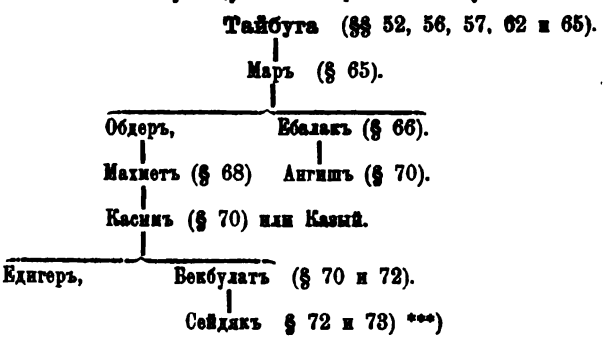
Вѣроломный и честолюбивый Ивакъ самъ однако имѣлъ участь несчастнаго Ахмата, павшаго отъ его руки. Обиженный имъ Тайбугинъ потомокъ Махметъ, также родственный

---

*) *Н. М. Карамзинъ:* «Исторія», т. VI, примѣч. 240.

**) *Карамзинъ* (VI, примѣч. 240) разсказываетъ это на основаніи *Архангельскаго* лѣтописца и *Ногайскихъ дѣлъ*, начинающихся съ 1489 года.

Ногаямъ, собрался съ силами, напалъ на Ивака и убилъ его въ собственной землѣ *). Послѣ того сынъ Ивака, *Кулукъ-Салтанъ*, пытался утвердиться въ сосѣдней Перми Великой, но безуспѣшно, такъ какъ эта страна съ 1472 г. уже была въ рукахъ Москвы. Лѣтопись подъ 1505 годомъ говоритъ: „Въ понедѣльникъ на страстной *рать пришла безъ вѣсти изъ Тюмени на Великую Пермь, Кулукъ-Салтанъ, Ивака царевъ сынъ*, да съ братьею и съ дѣтьми, города (Чердыни) не взяли, а землю Нижнюю извоевали, въ Усольѣ на Камѣ (т. е. въ Соликамскѣ) Русаковъ вывели и высѣкли; и князь Василей Коверъ (первый государевъ намѣстникъ въ Перми Великой) на полѣ водѣ (т. е. на полой водѣ) въ погоню послалъ Русаковъ въ судѣхъ, и догнали ихъ въ Сылвѣ на перевозѣ заднюю заставу, да и побили“ **). Этой неудачной попыткой сдѣлаться независимыми владѣтелями на Уралѣ не кончились, какъ ниже увидимъ, предпріятія потомковъ Ивака, одно время столь сильнаго и предпріимчиваго дѣятеля въ родѣ Шейбанидовъ. На берегахъ же Туры и далѣе къ востоку снова стали править князья или беки изъ рода Тайбуги. *Миллеръ* въ первой части своего „Описанія Сибирскаго Царства“ указываетъ слѣдующую ихъ родословную:



*) *Иловайскій*: «Исторія Россіи», томъ III, стр. 386 и 657.

**) См. дополнительныя выписки изъ лѣтописей въ концѣ VI-го тома «Исторіи» *Карамзина* (послѣдняя выписка въ примѣчаніяхъ). Сравнить мою «Пермскую Старину» вып. I, стр. 184 и 163. Изъ тѣхъ же выписокъ видно, что въ 1504 г. городъ Чердынь сгорѣлъ, «и князь Матѳей Михайловичъ Великопермскій поставилъ городъ за Почкѣ (т. е. Покчѣ) новой». Послѣ этого не совсѣмъ понятно, какъ пощадилъ его Кулукъ-Салтанъ, разорившій Нижній станъ Чердынскаго уѣзда.

***) *Карамзинъ* (т. IX, стр. 378) приводитъ ту же родословную; только сыномъ Тайбуги считаетъ Ходжу, а внукомъ—Мара.

Въ общемъ эта родословная Тайбугиныхъ потомковъ согласуется болѣе или менѣе съ позднѣйшими выводами оріенталистовъ. *Миллеръ*, строго критически установля преемственность ихъ владѣнія на берегахъ Туры, Тобола, Ишима и Иртыша какъ по русскимъ, такъ по татарскимъ и другимъ источникамъ восточнаго происхожденія, указываетъ еще на двухъ отдѣльныхъ правителей на берегахъ Иртыша— *Сенбахту*, сына Махмета, и *Саускана*, „котораго сродство и наслѣдіе не описаны" (см. § 70). Но эти два послѣдніе бека были второстепенными владѣтелями. Главное же татарское княжество со времени Махмета, убившаго Ивака, утвердилось на р. Иртышѣ при впаденіи въ него р. Тобола. Столица этого княжества *Сибиръ* или *Искеръ* находилась на правомъ берегу Иртыша, на высокомъ мысу, въ 16 верстахъ выше нынѣшняго Тобольска *). Этотъ древній городъ упоминается уже на картѣ *Пицигани* 1367 г. (см. „Пермс. Стар." II, 3). Въ началѣ XVI в. это княжество имѣло довольно обширные размѣры, простиралось отъ Иртыша по Тоболу и нижней Тавдѣ до р. Туры, гдѣ, какъ мы видѣли, еще едва-ли не раньше возникъ городъ Чинги-Тура. Выше этого города въ томъ же вѣкѣ находился г. *Епанча*, впослѣдствіи переименованный Русскими въ Туринскъ. Къ сѣверу отъ этого „Сибирскаго" княжества лежала область Угровъ—Вогуловъ и Остяковъ, а какъ далеко простирались его границы къ югу—опредѣленно сказать нельзя.

Махметъ и сынъ его *Касимъ* или *Казый*, преемники убитаго Ивака по владѣнію указанными землями, въ отношеніи Москвы держались однако его политики: они поддерживали дружественныя связи съ Московскими государями, зная ихъ силу и отношенія къ Угорскимъ князьямъ, жившимъ

---

*) По *Миллеру*, основателемъ Искера и былъ Махметъ, но это не вѣрно. Въ 1750 г. еще видны были остатки этого города. «Опис. Сиб. Ц.», стр. 42—43. Считаемъ нужнымъ указать здѣсь на спеціальную «Замѣтку о происхожденіи слова *Сибиръ*» *В. М. Флоринскаго* въ «Извѣстіяхъ Импер. Томскаго университета» кн. 1-я. Томскъ. 1889 г., отдѣлъ II, стр. 1--14. Авторъ ея вдается однако въ слишкомъ смѣлыя предположенія. *Искеръ* по татарски значитъ *старое городище*. Предположеніе *П. А. Словцова*, будто Сибирскій юртъ Едигера находился между рѣкъ Исети и Міаса, при озерахъ Иртышѣ и двухъ Нанвягахъ, мы разсмотримъ дальше. См. его «Историч. обозрѣніе Сибири». СПБ. 1886 г., часть I, стр. XV—XVI.

къ сѣверу отъ ихъ татарскаго княжества. Это видно изъ грамоты царя Ѳеодора Іоанновича Кучуму 1597 г., въ которой говорится, что отецъ Едигера Казый и дѣдъ Махметъ платили дань вел. князю Московскому Василію III-му Ивановичу *). Тѣмъ болѣе долженъ былъ поддерживать добрыя отношенія съ Москвою сынъ Казыя, *Едигеръ*, при которомъ Шейбаниды снова заявили свои права на Сибирское княжество потомковъ Тайбуги.

При Едигерѣ вновь появляется въ фамиліи Шейбанидовъ могущественный ханъ. Это былъ извѣстный *Кучумъ, сынъ Муртазы, внукъ умерщвленнаго Махметомъ Ибака.* Опасаясь его могущества и вражды къ роду Тайбуги, Едигеръ, какъ представитель этого рода, долженъ былъ волею-неволею искать покровительства въ сильномъ Московскомъ царѣ. И вотъ въ 1555 г. пришли къ Іоанну послы отъ Сибирскаго князя Едигера и отъ всей земли Сибирской, поздравили царя со взятіемъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго и били челомъ, чтобы и Сибирскую землю онъ взялъ подъ свою защиту и дань свою наложилъ и прислалъ бы въ Сибирь для ея сбора человѣка. Іоаннъ пожаловалъ челобитчиковъ, взялъ подъ свою руку князя Едигера и его Сибирскую землю, наложилъ на нее дань по тысячѣ соболей въ годъ и отправилъ въ Сибирь посла своего Дмитрія Непейцына, которому велѣлъ привести къ присягѣ жителей Сибирской земли и переписать „черныхъ" ея людей. По донесенію посланныхъ, таковыхъ людей оказалось 30,700 человѣкъ **). Такъ совершилось первое добровольное подчиненіе Тайбугиной династіи власти Московскихъ государей. Въ сохранившихся свидѣтельствахъ Едигеръ дѣйствительно представляется такимъ же данникомъ Москвы, какъ напр. Югорскіе князья Певгѣй и Лугуй или извѣстный Игичей Алачеевъ, князь Коды. Для Едигера Іоаннъ IV уже считалъ дань *обязательною*, почему

*) «Собраніе государств. грамотъ и договоровъ», т. II, М. 1819 г., стр. 132, № 68. «А послѣ дѣда твоего Ибака-царя, сказано здѣсь, были на Сибирскомъ государствѣ князи Тайбугина роду, *Махметъ-Кунь, а послѣ Казый князь, а послѣ Казыя Едигеръ князь, и тѣ всѣ князи дѣду нашему.... государ. царю и вел. кн. Василію Ивановичу съ Сибирскія земли дань давали*».

**) *Соловьевъ:* «Исторія Россіи», т. VI, 410; *Иловайскій:* «Исторія Россіи», т. III, 387.

нѣтъ ничего удивительнаго, если этотъ государь въ грамотѣ Польскому Королю Сигизмунду отъ 20 іюля 1563 г. назвалъ себя: „.... и Удорскій, Кондинскій *и всея Сибири*“ (Миллеръ, стр. 70). Въ „Степенныхъ книгахъ“ того времени и въ лѣтописяхъ, коими пользовался *Миллеръ*, сохранились подробныя свѣдѣнія о дальнѣйшихъ отношеніяхъ Едигера къ Іоанну IV. Изъ нихъ видно, что въ 1556 г. въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Москву возвратился изъ Сибири посолъ Іоанновъ Дмитрій Куровъ и съ нимъ пріѣхалъ отъ Едигера посолъ Боянда съ данью 700 соболей и съ грамотою отъ Едигера. въ которой Сибирскій князь извѣщалъ Московскаго царя. что за приходомъ на него, Едигера, Шибанскаго царевича и причиненнымъ отъ него разореніемъ, онъ, Сибирскій князь. не можетъ прислать дани больше. Русскій же посолъ Куровъ увѣрялъ, что „имъ было возможно сполна дань прислать, да не похотѣлъ“ Едигеръ. „И Царь и В. Князь на Сибирскаго посла опалу положилъ, ... а въ Сибирь послалъ служиваго Татарина съ грамотою, чтобъ ся во всемъ предъ нимъ, Государемъ, *исправили*“ *). Дальнѣйшій образъ дѣйствій Іоанна по отношенію къ Едигеру становится все болѣе властнымъ. Въ сентябрѣ 1557 г. посланные Татары возвратились въ Москву **). Одна лѣтопись въ библіотекѣ Академіи Наукъ (№ 11) повѣствуетъ объ этомъ такъ: „пріѣхали изъ Сибири царя и вел. князя служивые Татаровя Девлетъ Козя да Сабаня Рязановъ, а съ ними Едигеря, князя Сибирскаго, посланники Истемиръ съ товарыщи и привезли дань Сибирскія земли сполна тысячу соболей, да дорожной пошлины сто соболей, да 69 соболей за бѣлку, *да грамоту шертную привезли со княжіею* (т. е. Едигеровой) *печатью, что ся учинилъ князь въ холопствѣ, а дань на всю свою землю положилъ впредь ежегодъ безпереводно* царю и вел. князю со всей Сибирской земли давать. И царь и в. князь посла его Боянду выпустилъ,.... а съ нимъ *послалъ служивыхъ Татаръ по дань въ передней годъ*“ ***). Ясно, что данническія отношенія теперь приняли уже *обязательный* характеръ, какой едва-ли

*) Изъ лѣтописца игумена Сильвестра Никольскаго. Въ «Степенныхъ книгахъ» тоже событіе изложено не такъ подробно. Выдержки см. у *Миллера*, стр. 73.

**) *Соловьевъ*: «Исторія Россіи», томъ VI, стр. 410.

***) *Миллеръ*: «Описаніе Сиб. Цар.», стр. 73.

былъ желателенъ всѣмъ подданнымъ Едигера, да кажется и самому ему.

По этому поводу справедливо говоритъ *С. М. Соловьевъ*: „Такая зависимость Сибирскаго юрта отъ Москвы была не прочна: Едигеръ поддался съ цѣлію имѣть помощь отъ Русскаго царя противъ своихъ недруговъ, или по крайней мѣрѣ удерживать ихъ страхомъ предъ могущественнымъ покровителемъ своимъ; но помощь трудно было получить ему по самому отдаленію его владѣній отъ областей Московскихъ, и таже отдаленность отнимала страхъ у враговъ его, которые надѣялись безнаказанно овладѣть Сибирскимъ юртомъ и потомъ, въ случаѣ нужды, умилостивить Московскаго царя обязательствомъ платить ему такую же дань, какую платилъ прежній князь.... Дѣйствительно, мы видимъ въ Сибири перемѣны: князья изгоняютъ, губятъ другъ друга (Мехметъ-Ивака, внукъ послѣдняго Кучумъ—внуковъ Мехметовыхъ Едигера и Бекбулата и т. д.). *Москва, не принимая никакого участія въ этихъ перемѣнахъ, требуетъ одного—дани*" *). Отсюда самъ собою являлся вопросъ: въ чемъ же состояло покровительство Москвы, столь дорого оплачиваемое Сибирскими владѣтелями? Да и не въ одной Сибири было такъ; то же было въ Башкиріи къ западу отъ Урала. Доказательствомъ служитъ Черемисскій бунтъ на Камѣ 1572 г. **). Вотъ почему подданство Едигера Іоанну считается только номинальнымъ. До полнаго покоренія Сибири было еще далеко. За это время и отношенія многихъ Угорскихъ князей къ Москвѣ отличались не большею прочностію.

Теперь посмотримъ, что дѣлалось за то же время во враждебномъ Едигеру лагерѣ *Кучума*. Мы сказали, что по происхожденію *онъ былъ Шейбанидъ, сынъ Муртазы, внукъ извѣстнаго Ибака*, почему въ источникахъ и называется „*Шибанскимъ* царевичемъ", а потомъ и „царемъ". Какъ представитель династіи Чингизидовъ, онъ и называется во всѣхъ источникахъ *царемъ*—ханомъ или султаномъ, тогда

*) «Исторія Россіи», VI, 410—411.

**) О немъ см. грамоту Строгановымъ, приведенную у *Миллера* на стр. 85—86. Грамота дана 6 августа 1572 г.

какъ Едигеръ и его предки Тайбугиной династіи вездѣ именуются только *князьями*—беками. Лучше всего генеалогія этихъ двухъ враждебныхъ другъ другу династій разработана въ прекрасномъ трудѣ нашего оріенталиста *Вл. Вл. Вельяминова-Зернова*: „Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ" (СПБ. 1864 г.) *), къ которому и отсылаемъ читателя за подробностями. Мы же остановимся на политическихъ отношеніяхъ Кучума къ Едигеру и затѣмъ къ Іоанну IV.

Кучумъ жестоко отмстилъ Едигеру за смерть своего дѣда Ивака, павшаго отъ руки Махмета. Внуки разсчитались за честь своихъ дѣдовъ. Отъ Москвы Едигеръ не получилъ никакой помощи и около 1563 г. вмѣстѣ съ роднымъ братомъ Бекбулатомъ трагически погибъ отъ руки безпощаднаго врага. Въ Искерѣ, на высокомъ берегу Иртыша, взвилось знамя Шейбанидовъ. Только сынъ Бекбулата, *Сейдякъ*, спасся отъ смерти, да нѣкоторые подручные Едигеру мурзы крѣпко засѣли въ своихъ городахъ, рѣшившись защищаться до послѣдней возможности. Одинъ изъ нихъ укрѣпился въ Тюмени (Чинги-Турѣ), другой въ Туринскѣ (Епанчѣ) Они сохранили свою независимость даже при Кучумѣ. Разные вогульскіе и остяцкіе князья въ первое время также оказали сопротивленіе Кучуму. Таковы особенно были князья Пелымскіе. Но силы Кучума, подкрѣпленныя Киргизъ-Кайсаками или Ногаями, сломили упорство отдѣльныхъ противниковъ, не связанныхъ болѣе единствомъ власти и не поддержанныхъ своевременно Москвой. Въ началѣ 1570-хъ годовъ Кучумъ уже прочно утвердился въ Сибири и ввелъ среди Татаръ магометанскую вѣру, которая скоро сплотила ихъ въ одинъ политическій союзъ, одушевленный фанатизмомъ. Въ этомъ объединеніи Сибирскихъ Татаръ ему много содѣйствовалъ родственникъ *Магметкулъ* **).

---

*) Особенно см. II-й томъ, стр. 386—399—объ отношеніяхъ Тайбуги къ Шейбанидамъ, 238—240—объ Ибакѣ, 394—о Муртазѣ и мн. др. Нѣкоторые изслѣдователи (напр. *Миллеръ*, стр. 50) едва-ли правильно считаютъ Кучума Киргизъ-Кайсакомъ.

**) По однимъ извѣстіямъ, это былъ братъ Кучума, по другимъ—сынъ, по третьимъ—племянникъ. Послѣднее считается наиболѣе вѣроятнымъ. См. *Иловайскаго* «Исторія Россіи», т. III, стр. 658; у *Карамзина* см. примѣч. 660 къ IX тому.

Въ отношеніи же къ Москвѣ Кучумъ въ первое время держался политики своихъ предшественниковъ Тайбугина рода, а также своихъ дѣда Ивакъ-хана и отца Муртазы. Съ Москвою онъ жилъ сначала мирно именно по примѣру своего дѣда и отца. Въ первой своей грамотѣ къ Іоанну отъ 1570 г. Кучумъ писалъ между прочимъ: „Съ нашимъ отцомъ (Муртазою) твой отецъ (Василій III) гораздо помирился, и гости на обѣ стороны ходили.... *Съ кѣмъ отецъ чей былъ въ недружбѣ, съ тѣмъ и сыну его въ недружбѣ жъ быти пригоже*“ *). Объ отношеніи его дѣда Ивака, убійцы хана Ахмата, къ Іоанну III мы уже сказали выше: ихъ отношенія также были дружественныя. Однако воинственныя наклонности Кучума сказываются въ другихъ словахъ той же грамоты. „А по ся мѣста грамоты къ тебѣ не присылалъ есми потому, что не съ которымъ (т. е. съ нѣкоторымъ человѣкомъ) намъ война была, и мы того недруга своего взяли; и нынѣ нохошъ миру—и мы помиримся, *а похошъ воеватися—и мы воюемся*“. Такой ханъ лишь до поры-до времени могъ терпѣть обычное требованіе московской дани: онъ былъ слишкомъ самолюбивъ для этого. Тѣмъ не менѣе о миролюбивыхъ сначала намѣреніяхъ новаго Сибирскаго хана говорятъ и рѣчи Пермскаго намѣстника Никиты Ивановича *Ромодановскаго*, воротившагося изъ Перми въ мартѣ 1570 г. Онъ свидѣтельствовалъ, что нѣкто Ивашка Поздѣевъ, взятый въ плѣнъ на Чусовой сибирскими людьми, воротился отъ Сибирскаго царя съ извѣстіемъ, что царь этотъ собираетъ дань для государя Московскаго, къ которому хочетъ послать ее, но что этому пока препятствуетъ война его съ нѣкоторымъ казацкимъ (т. е. киргизъ-кайсацкимъ) ханомъ **). „Теперь собираю дань, говорилъ будто-бы Кучумъ русскому человѣку,—къ господарю вашему пословъ отправлю; теперь у меня война съ Казацкимъ царемъ (т. е. Киргизъ-Кайсацкимъ); одолѣетъ меня царь Казацкій, сядетъ на Сибири, но и онъ господарю дань станетъ же давать“ ***). Дѣйствительно, въ 1571 г. отъ Кучума явились въ Москву посолъ Таймосъ и гонецъ Аиса,

*) «Собраніе государств. грамотъ и договоровъ», II, стр. 52, № 42.

**) «Акты Историческіе», томъ I, № 179.

***) Тамъ же и у *Соловьева* въ «Исторіи Россіи» VI, 411.

которые привезли полную дань, согласно прежнихъ условій, заключенныхъ Москвою еще съ Едигеромъ, т. е. тысячу соболей. Отъ имени Сибирскаго царя они снова договариваются о ежегодной дани Московскому царю по 1000 соболей и по стольку же бѣлокъ *).

Но дружба Кучума съ Іоанномъ оказалась не продолжительна и объясняется главнымъ образомъ войнами его съ прежними Сибирскими владѣтелями и какимъ-то киргизъ-кайсацкимъ ханомъ. Какъ только эти войны кончились въ пользу Кучума, онъ сбросилъ съ себя маску и, вопреки заключеннаго съ Москвою договора, самъ сталъ дѣйствовать вызывающимъ на войну образомъ. Уже съ слѣдующаго 1572 г. онъ начинаетъ безпокоить сосѣднюю Московскую область— Пермь Великую, въ юго-восточномъ углу которой лежали вотчины Строгановыхъ, а по сосѣдству съ ними, къ югу отъ Чусовой, по верховьямъ этой рѣки и въ бассейнѣ ея притока Сылвы, жило много Башкиръ, Татаръ, Остяковъ и Вогуловъ. Послѣдніе ограничивали Пермь Великую съ востока и юго-востока въ ближайшемъ сосѣдствѣ Уральскихъ горъ. Все это были сподручные для Кучума элементы населенія, питавшіе непріязнь къ московской власти и слѣдовательно склонные къ измѣнѣ при всякомъ удобномъ случаѣ. Ими-то и воспользовался Кучумъ для своей интриги противъ Москвы. Едва-ли не безъ его участія въ 1572 г. вспыхнулъ извѣстный Черемисскій бунтъ. По крайней мѣрѣ его можно считать подстрекателемъ Черемисъ, владѣнія коихъ были на Чусовой и Камѣ. Въ одной грамотѣ Строгановымъ отъ 1574 г. мая 30 мы читаемъ: „*а къ нашимъ де измѣнникомъ, къ Черемисѣ*, какъ намъ была Черемиса измѣнила, *посылалъ Сибирской чрезъ Тахчей* и перевелъ Тахчей къ себѣ“. (Миллеръ, стр. 87). Далѣе мы увидимъ, что вогульская область Тахчей лежала на верхней Тавдѣ, на старой Сибирской дорогѣ изъ за Урала на р. Каму. Потому въ сообщеніи грамоты нѣтъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ Черемисы взбунтовались на Камѣ, у Кучума отношенія съ Москвой тогда еще не были прерваны и посылать своихъ людей чрезъ Тахчеи онъ имѣлъ

*) «Собраніе государств. грам. и договоровъ», II, № 45. Съ хронологическими соображеніями *П. А. Словцова* едва-ли можно согласиться. См. «Историч. обозрѣніе Сибири». СПБ. 1886 г., стр. XVI.

возможность. Другой дороги къ р. Камѣ онъ и не зналъ, судя по тому, что въ 1573 г. Магметкулъ приходилъ на Чусовую, „собрався съ ратью *дорогъ провѣдывати, куды итти ратью въ Пермь*“ (см. въ той же грамотѣ 1574 г. у Миллера).

Черемисскій бунтъ на Камѣ прежде всего угрожалъ Строгановымъ, вотчины которыхъ лежали по берегамъ этой рѣки и могли подвергнуться разоренію. Поэтому въ іюлѣ 1572 г. тогдашній Великопермскій воевода князь Иванъ Юрьевичъ Булгаковъ послалъ въ Москву съ своимъ человѣкомъ Иваномъ Борисовымъ челобитную, въ которой доносилъ царю „о вѣстяхъ про Черемисской приходъ на торговыхъ людей суды на Камѣ“ и о томъ, что отъ 15 іюля онъ получилъ письмо съ устья Камы отъ Строгановскаго человѣка Третьячка, въ которомъ говорилось: „приходили де измѣнники Черемиса на Каму 40 человѣкъ, да съ ними де Остяки и Башкирцы и Буинцы войною, и побили де на Камѣ Пермичь торговыхъ людей и ватащиковъ 87 человѣкъ“ *). Въ виду важности донесенія воеводы Булгакова, царь немедленно отправилъ въ Пермь, въ Орелъ-городокъ („въ слободку на Каму“), грамоту отъ 6 августа 1572 г. на имя Якова и Григорія Аникіевичей Строгановыхъ, въ которой повелѣвалъ имъ: „жить съ великимъ береженьемъ, *выбравъ у себя голову добра, да съ нимъ охочихъ казаковъ*, сколько приберется, со всякимъ оружьемъ, съ ручницами и съ сайдаки; да и Остяковъ и Вогуличь, которые намъ прямятъ, *съ охочими казаки, которые отъ насъ не отложились*, велѣли прибрать.... А какъ голову выберете, да *и охочихъ людей стрѣльцовъ и казаковъ велѣли написати въ списокъ*; а сколько Остяковъ и Вогуличь охочихъ людей сберется, и вы бъ то велѣли жъ писати на списокъ же, *по имяномъ написать*... да оставя у себя противенъ, а съ того имянного списка списавъ, прислать за своею рукою и печатью, съ кѣмъ будетъ пригоже, къ намъ на Москву въ приказъ Казанскаго

*) Изъ грамоты Строгановымъ отъ 6 августа 1572 г., напечатанной у *Миллера* въ «Опис. Сиб. Цар.» 1750 г., стр. 85. Въ *Строгановской* лѣтописи допущена путаница фактовъ: тамъ сказано, что 15 іюля 1572 г. Черемисы будто бы были уже въ Перми, гдѣ около Канкора и Кергедана побили Русскихъ 87 человѣкъ. Въ дѣйствительности этого не было.

дворца, къ дьякомъ нашимъ Андрею Щелкалову да къ Кирею Горину, *чтобъ намъ про тотъ ихъ сборъ было вѣдомо*". Всѣ подчеркнутыя слова грамоты очень важно имѣть въ виду при дальнѣйшихъ нашихъ объясненіяхъ событій. Далѣе царь писалъ Строгановымъ: „Да тѣ бы есте головы съ охочими людьми съ стрѣльцы, и съ казаки, и съ Остяки, и съ Вогуличи посылали войною ходить и воевать нашихъ измѣнниковъ—*на Черемису и Остяковъ, и на Вотяковъ, и на Нагай, которые намъ измѣнили*, отъ насъ отложились". Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается предупрежденіе, чтобы охочіе люди тѣхъ измѣнниковъ *однолично не воевали*, но и вмѣстѣ съ выборнымъ головой и людьми Строгановыхъ, а чтобъ жены и дѣти оставались въ острогѣ. Наконецъ въ грамотѣ замѣчено: „*А которые* (измѣнники) *будутъ и поворовали, а нынѣ похотятъ намъ прямить и правду свою покажутъ, и выбъ имъ велѣли говорити и приказывати наше жаловальное слово, что мы ихъ пожалуемъ, пени имъ отдадимъ, да и во всемъ имъ полегчимъ, а они бы намъ тѣмъ правду свою показали, чтобъ своими головами собрався, съ охочими ходили вмѣстѣ воевати нашихъ измѣнниковъ,.... а котораго повоюютъ, и тому того животъ, а жены ихъ и дѣти имъ въ работу*" (Миллеръ, стр. 86).

Заручившись такой грамотой, благодаря Великопермскому воеводѣ Булгакову, Строгановы поступили во всемъ согласно волѣ царя. Черемисскій бунтъ былъ прекращенъ безъ особеннаго ущерба для Перми Великой. Но въ грамотѣ 1572 г. Строгановы нашли себѣ урокъ для будущихъ дѣйствій: *она впервые поселила въ нихъ мысль о призывѣ казаковъ въ случаѣ надобности на будущее время.* Обѣщая отъ имени царя полное прощеніе всѣмъ измѣнникамъ его, въ случаѣ раскаянія и готовности загладить свои прежнія вины вѣрной службой царю, грамота 1572 г. впослѣдствіи навела Строгановыхъ на мысль тайно пригласить къ себѣ охочихъ казаковъ для завоеванія Сибири, а Ермаку и его товарищамъ подала мысль бить челомъ Іоанну всѣмъ Сибирскимъ царствомъ, чтобы заслужить себѣ прощеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что, призывая съ Волги казаковъ, Строгановы показали имъ эту грамоту, чего не могло быть, если бы казаки самовольно вторгнулись въ ихъ вотчины на Камѣ. Но подробнѣе ска-

жемъ объ этомъ въ своемъ мѣстѣ, а теперь возвратимся къ сибирскимъ дѣламъ Кучума и Строгановыхъ, слѣдовавшимъ по порядку времени.

Мы видѣли, какое пестрое населеніе жило вокругъ и частію въ самой Перми Великой. Всѣ эти элементы населенія легко было привлечь на сторону магометанъ, тѣмъ болѣе что и раньше они не питали особенной привязанности къ русской власти. Самъ Кучумъ, занятый внутренними дѣлами своей пестрой орды, большею частью жилъ въ Искерѣ, а вылазки противъ Перми Великой предоставлялъ *Магметкулу*. Дѣйствія этого Маметкула и отношенія его къ сосѣднимъ съ Пермью инородцамъ подробно обрисовываются въ жалованной Якову и Григорію Аникіевымъ Строгановымъ грамотѣ отъ 30 мая 1574 г. *). Грамота эта дана была Строгановымъ вслѣдствіе ихъ челобитной, въ которой они, жалуясь на безпокойныхъ Сибирскихъ людей, просили у царя дозволенія „на Тахчеѣ и на Тоболѣ рѣкѣ и кои въ Тоболъ рѣку озера падутъ, и до вершинъ на усторожливомъ мѣстѣ освободити крѣпости дѣлати, и сторожей наймовати, и вогнянной нарядъ держати собою, и желѣзо дѣлати, и пашни пахати и угодья владѣти. А кои Остяки отъ Сибирсково (хана) отступятъ и (царю) дань давати учнутъ—и тѣхъ бы Остяковъ отъ Сибирскова обороняти". Въ началѣ же челобитной Строгановы заявляли, что въ государевой „отчинѣ *за Югорскимъ каменемъ, въ Сибирской украйнѣ, межъ Сибири и Нагай Тахчей и Тоболъ рѣка съ рѣками и съ озеры и до вершинъ, гдѣ сбираются ратные люди Сибирскова салтана да ходятъ ратью.* А въ восемдесятъ де первомъ году (1573) о Ильинѣ дни съ Тоболя де приходилъ Сибирскова салтана братъ Маметкуль, собрався съ ратью *дорогъ провѣдывати, куды идти ратью въ Пермь*, да многихъ де (нашихъ) **) данныхъ Остяковъ побили, а жены ихъ и дѣти въ полонъ повели, *а посланника (нашего) Третьяка Чебукова и служилыхъ Татаръ, кои шли въ Казацкую орду, Сибирской же побилъ*, а до ихъ острогу, гдѣ за ними (наше) жалованье промыслы ихъ (вѣроятно,

*) Напечатана у *Миллера* въ «Описаніи Сибирс. Царства», стр. 87—90.

**) Въ челобитной Строгановыхъ вмѣсто слова *нашъ* (поставленнаго въ грамотѣ) вездѣ конечно стояло слово *государевъ*, почему мы вездѣ и заключаемъ его въ скобки.

Нижній Чусовской городокъ), Сибирской не доходилъ за пять верстъ". Далѣе челобитчики—Строгановы писали царю: „Да и прежде того (т. е. до 1573 г.) Сибирской же салтанъ ратью (нашихъ) данныхъ Остяковъ Чагиря съ товарыщи побилъ въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ ихъ Яковлевъ да Григорьевъ промыслъ. А иныхъ данщиковъ (нашихъ) Сибирской имаетъ, а иныхъ и убиваетъ, *а не велитъ (нашимъ) Остякамъ и Вогуличамъ и Югричамъ (нашіе) дани въ (нашу) казну давати*, да и на рать съ собою емлетъ насильствомъ въ судѣхъ воевати Югричь тѣхъ же, Остяковъ и Вогуличь, *а къ (нашимъ де) измѣнникомъ къ Черемисѣ, какъ намъ была Черемиса измѣнила, посылалъ Сибирской чрезъ Тахчей, и перевелъ Тахчей къ себѣ, а прежде сего Тахчеевы намъ дани и въ Казань ясаковъ не давали, а давали де ясакъ въ Нагай; а которые живутъ Остяки кругъ Тахчей—и тѣ Остяки приказываютъ, чтобъ имъ (наша) дань давати, какъ иные наши Остяки дань даютъ, а Сибирскому бъ дани и ясаковъ не давати, и отъ Сибирсково-бъ ся имъ боронити за одно*" (Миллеръ, стр. 87)

Челобитная братьевъ Строгановыхъ такимъ образомъ довольно ясно указываетъ тогдашнее положеніе дѣлъ въ Сибири. Кажется, и само московское правительство кое-что впервые узнало только изъ этой челобитной. Въ виду важности дѣла, Іоаннъ IV, прежде дарованія Строгановымъ грамоты на просимыя въ Сибири мѣста, послалъ имъ въ Пермь Великую указъ отъ 12 марта 1574 г., коимъ повелѣвалось братьямъ Строгановымъ немедленно явиться въ Александровскую слободу для личныхъ объясненій съ царемъ, для чего дана была имъ и особая подорожная на 2 лошади *). Старшій братъ Яковъ Аникіевичъ Строгановъ жилъ тогда въ Чусовскомъ городкѣ († 1579 г.), а другой братъ Григорій—въ Орлѣ-городкѣ на Камѣ († 1578 г.). Іоаннъ, видимо, удовлетворился личными объясненіями братьевъ Строгановыхъ и 30 мая того же 1574 г. далъ имъ весьма важную грамоту на земли за Ураломъ. Въ виду исторической важности заключающихся въ грамотѣ условій пожалованія, мы опять позволимъ себѣ подробно указать ихъ. Царь пожаловалъ

*) Изъ имѣющихся у меня рукописныхъ замѣтокъ *Ѳ. А. Волегова.*

Строгановымъ слѣдующія права въ дополненіе прежнихъ своихъ грамотъ, данныхъ имъ на земли въ Перми Великой въ 1558 и 1568 г. *): 1) „*На Тахчеяхъ и на Тоболѣ рѣкѣ крѣпости имъ подѣлати*, и снарядъ вогненной и пушкарей и пищальниковъ и сторожей отъ Сибирскихъ и отъ Нагайскихъ людей держати, и около крѣпостей у желѣзнаго промысла и у рыбныхъ ловель и у пашенъ *по обѣ стороны Тоболы рѣки и по рѣкамъ* (т. е. притокамъ Тобола) *и по озерамъ и до вершинъ дворы ставити, и лѣсъ сѣтчи, и пашни пахати, и угодьи владѣти: а людей называти неписменныхъ и нетяглыхъ*". 2) „*А воровъ имъ и боярскихъ людей бѣглыхъ съ животы и татей и разбойниковъ не называти, и никакихъ воровъ не держати*, и отъ всякаго лиха беретчи". 3) „А гдѣ въ тѣхъ мѣстахъ найдутъ руду желѣзную, и имъ руда дѣлати, а мѣдяну руду или оловянную, свинчатую и сѣры горючія гдѣ найдутъ, и тѣ руды на испытъ дѣлати", при чемъ дозволялось искать руды и другимъ желающимъ взяться за такое дѣло и, въ случаѣ успѣха, платить за то оброкъ по указу. 4) „А льготы на Тяхчей и на Тоболь рѣку съ рѣками и съ озеры *и до вершинъ* на пашни дали есьми отъ Троицына дни лѣта 7082 (1574) до Троицына дни лѣта 7102 (1594) году на 20 лѣтъ". 5) „И въ тѣ льготныя лѣта съ тѣхъ мѣстъ не надобѣ моя Царя и Вел. Князя дань, ни ямскіе, ни ямчюжные деньги и посошная служба, ни городовое дѣло, ни иные ни которые подати, ни оброкъ съ ихъ промысловъ и угодей въ тѣхъ мѣстѣхъ до урочныхъ лѣтъ". 6) „*А будетъ въ тѣхъ мѣстахъ старыя села и деревни и починки и въ нихъ жильцы, и Якову и Григорью въ тѣ мѣста не вступатись, а быти тѣмъ по старому въ тяглѣ и во всякихъ нашихъ податѣхъ*" **). 7) Въ другихъ же городахъ Строгановымъ и ихъ людямъ со всякихъ товаровъ „пошлина давати, какъ и съ иныхъ торговыхъ людей по нашимъ указомъ". 8) „А кои *Остяки и Вогуличи и Югричи* отъ Сибирсково отстанутъ, а почнутъ

*) Объ этихъ первыхъ пожалованіяхъ см. мою «Пермс. Старину», вып. I, стр. 101—102. Грамота отъ 4 апрѣля 1558 г. вполнѣ напечатана мною въ IV выпускѣ того же изданія.

**) Въ грамотѣ 1558 г. на земли по р. Камѣ было поставлено такое же условіе, но Строгановы его безнаказанно нарушали. См. «Пермс. Стар.» I, 98—99, IV, 109.

намъ дань давати, и тѣхъ людей съ данью посылати въ нашей казнѣ самихъ", а если этого нельзя, то присылать дань съ довѣренными Строгановыхъ, и такихъ „Остяковъ и Вогуличь и Югричь и съ жены ихъ и дѣти отъ Сибирцовъ отъ ратныхъ приходу беретчи Якову да Григорью у своихъ крѣпостей, а *на Сибирсково Якову и Григорью сбирая охочихъ людей и Остяковъ и Вогуличь и Югричь и Самоедъ съ своими наемными казаки и съ нарядомъ своимъ посылати воевати* и въ полонъ Сибирцовъ имати, и въ дань за насъ приводити". 9) Заѣзжимъ торговымъ людямъ Бухарцамъ и изъ „Казацкіе орды", т. е. Киргизъ-Кайсацкой, „и изъ иныхъ земель" дозволялось *торговать въ Строгановскихъ городкахъ безпошлинно.* 10) *„И наши Пермскіе намѣстники и ихъ тіуны Якова да Григорья и ихъ слободы людей не судить ни въ чемъ,.... а вѣдаютъ и судятъ Яковъ да Григорей своихъ слобожанъ сами во всемъ, или кому прикажутъ".* 11) *По дѣламъ уголовнымъ* „на Якова да на Григорья имати управные грамоты у бояръ и у дьяковъ нашихъ, а по тѣмъ управнымъ грамотамъ обоимъ—*ищеямъ и отвѣтчикомъ—безприставно ставиться на Москвѣ предъ нами* на тотъ же срокъ на Троицынъ день". 12) „А какъ урочныя лѣта отойдутъ, и Якову да Григорью наши всѣ подати велѣти возити въ Москву въ нашу казну на срокъ на Троицынъ день *по книгамъ, чѣмъ ихъ наши писцы обложатъ*". 13) „Коли они (Яковъ да Григорій) или ихъ люди или ихъ слободы крестьяне *поѣдутъ отъ Вычегодскіе Соли мимо Пермь на Тахчей въ слободу, или изъ слободы къ Вычегодской Соли—и наши Пермскіе намѣстники* и ихъ тіуны и доводчики и всѣ приказные люди въ Пермѣ (т. е. въ Чердыни) *Якова и Григорья и ихъ людей.... не судятъ ни въ какихъ дѣлѣхъ*". 14) При проѣздѣ царскихъ пословъ съ Москвы въ Сибирь или въ Казацкую орду чрезъ крѣпость Строгановыхъ и обратно—Яковъ и Григорій не должны имъ давать подводъ и кормоваго довольствія въ теченіе 20 льготныхъ лѣтъ. 15) *„На Иртышѣ и на Оби и на иныхъ рѣкахъ, гдѣ пригодится для береженья, и охочимъ на опочивъ крѣпости дѣлати,* и сторожей съ вогненнымъ нарядомъ держати, и изъ крѣпости рыба и звѣрь ловити безоброчно до тѣхъ же урочныхъ лѣтъ".

Эта замѣчательная грамота была дана Строгановымъ въ Александровской слободѣ, близь Москвы, 30 мая 1574 г., за собственноручной подписью „Царя и Вел. Князя Ивана Васильевича всея Русіи“ и дьяка Петра Григорьева. Царь далъ братьямъ Строгановымъ даже больше того, сколько они просили. За исключеніемъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ опредѣляются ихъ отношенія къ царю Сибирскому, она есть почти дословное повтореніе первой грамоты Іоанна отъ 4 апрѣля 1558 г. на земли по Камѣ, ниже Чердыни. Она опять давала Строгановымъ широкое право занять огромное пространство въ Сибири, а именно весь бассейнъ р. Тобола съ устьевъ и до вершинъ его, включая всѣ его притоки и не стѣсняясь, въ случаѣ надобности, расширеніемъ своихъ владѣній по берегамъ Иртыша и Оби. Короче сказать, *она отдавала въ руки Строгановыхъ почти все тогдашнее царство Кучума.* Безъ всякихъ съ своей стороны затратъ правительство думало не только уничтожить враждебное ему Сибирское царство, но и колонизировать обширный край русскими людьми, оживить его промышленной и торговой дѣятельностію, чтобы со временемъ извлекать изъ этого края свои выгоды. *Въ 1558 г. тѣ же самыя права и на тѣхъ же условіяхъ предоставлены были Строгановымъ на прикамскія земли въ Перми Великой.* Мы видѣли (см. выпуски I и II этого изданія), какъ широко воспользовались Строгановы подобными правами въ Пермскомъ краѣ, который они, сравнительно въ короткое время, дѣйствительно оживили и сдѣлали источникомъ крупныхъ доходовъ для русской казны. Далеко не съ тѣмъ успѣхомъ воспользовались Строгановы такими же правами въ Сибири, чему причиною послужили политическія обстоятельства того времени въ „Сибирской украйнѣ“, а главное *самовольный призывъ Ермака Строгановыми*, о которомъ мы уже подробно говорили *), который былъ нарушеніемъ втораго пункта грамоты 1574 г. и вызвалъ со стороны Іоанна IV справедливое негодованіе на Строгановыхъ. Вглядимся поближе во всѣ подробности этого дѣла, имѣвшаго чрезвычайно важныя послѣдствія для нашего государства на его восточныхъ окраинахъ.

---

*) «Пермская Старина», вып. IV, 29—63.

Мы знаемъ, что съ Печеры за Уралъ въ XV в. и позже шло три пути въ земли Самоѣдовъ, Югры, Вогуличей и Остяковъ—шло по правымъ притокамъ Печеры Усѣ, Щугору и Илычу. Но въ Сибирь въ XVI в. шла съ бассейна Камы единственная, признанная нашимъ правительствомъ, „государева" дорога; другія если и были, то считались тогда запретными, по отсутствію на нихъ таможенъ для взиманія торговыхъ пошлинъ въ пользу казны. Эта единственная дорога до 1597 года шла окольно отъ Соликамска мимо Чердыни, водой по р. Вишерѣ вверхъ, чрезъ Уралъ, на рѣки Лозьву, далѣе на Тавду до Тобола и вверхъ Тоболомъ до Туры, по которой достигали Тюмени (татарскаго Чинги-Тура) *). Въ грамотѣ отъ 6 января 1617 г. Соликамскому воеводѣ Богдану Лупандину объ этой *старой* дорогѣ сказано: „А прежде того въ Сибирь была дорога окольная отъ Соли Камской мимо Чердынь водянымъ путемъ Вишерою рѣкою вверьхъ, да черезъ Камень въ Лозву рѣку, да Лозвою внизъ въ Тавду рѣку, да Тавдою рѣкою внизъ до Тобола рѣки, а Тоболомъ вверьхъ до усть Туры рѣки, а Турою вверьхъ до Тюменскаго города. И тою де дорогою хаживала наша денежная и соболиная казна и хлѣбные запасы, по смѣтѣ съ двѣ тысячи верстъ" **). Зимою этотъ путь нѣсколько сокращался, съ Тавды ѣздили прямо *Тюменскимъ волокомъ* далѣе на сѣверо-западъ „въ Вогуличи и въ Сылву" (притокъ Чусовой). Объ этомъ волокѣ и дальнѣйшемъ пути въ Сылву упоминается въ древнѣйшей Великопермской уставной грамотѣ начала XVI в. ***). Этимъ направленіемъ старой Сибирской дороги и объясняется выборъ мѣста для русскаго *города Лозьвы*, основаннаго на рѣкѣ того же имени около 1590 г. Этотъ путь по своей отдаленности и трудности перехода чрезъ Уралъ былъ весьма неудобенъ, почему вскорѣ по построеніи города Лозьвы явилась мысль построить новый русскій городъ на мѣстѣ вогульскаго городка Неромкарра на р. Турѣ, каковой въ 1598 г. и возникъ дѣйствительно подъ именемъ *Верхотурья*. Но еще до постройки послѣдняго, въ

*) Объ этомъ пути см. «Пермс. Стар.» I, 42.

**) *Миллеръ:* «Опис. Сиб. Цар.», стр. 332.

***) Напечатана въ приложеніяхъ къ I вып. «Пермс. Стар.», гдѣ см. стр. 192. На Сылву ѣздили, вѣроятно, и прямо изъ Чердыни чрезъ вотчины Строгановыхъ.

1595 г. послѣдовалъ указъ царя Ѳеодора Іоанновича, коимъ повелѣвалось охочимъ людямъ „провѣдывать прямую дорогу на р. Туру". Соликамскій крестьянинъ Артемій Софоновъ *Бабиновъ* вскорѣ же указалъ другую, ближайшую дорогу прямо отъ Соликамска чрезъ Уралъ къ р. Турѣ; онъ получилъ за это вотчину на р. Яйвѣ и царскую жалованную грамоту, слова изъ коей мы и привели выше. По новой дорогѣ было „отъ Соли отъ Камскіе до новаго города до Верхотурья 263 версты" *). Съ построеніемъ Верхотурья, городъ Лозьва былъ упраздненъ, просуществовавъ только 8 лѣтъ.

Братья Строгановы получили царскую грамоту на земли за Ураломъ въ 1574 г., слѣдовательно при существованіи еще *старой* Сибирской дороги. По направленію этого-то стараго пути они и начали колонизировать вновь пожалованныя за Ураломъ земли, начиная съ Лозьвы, южной Сосвы и ихъ притоковъ. Какъ было и на Камѣ, они въ этомъ случаѣ пользовались правомъ занимать земли по рѣкамъ *съ ихъ устьевъ и до вершинъ*, а р.р. Тавда, Лозьва, южная Сосва, Тура и др. принадлежали къ системѣ Тобола, на который они получили право владѣнія. Словомъ, *Строгановы начали дѣйствовать за Ураломъ точно такъ же, какъ раньше дѣйствовали на р. Камѣ, въ Перми Великой* **). Если бы и здѣсь имъ суждено было столь же широко распространить свою колонизаторскую дѣятельность, то этому не помѣшали бы прежнія поселенія, кои имѣли встрѣтиться имъ на пути: на притокахъ Камы они сумѣли же постепенно захватить въ свои руки многія старинныя поселенія Чердынцевъ и Усольцевъ, вопреки грамоты 1558 г. и при поддержкѣ подкупныхъ Великопермскихъ воеводъ. Въ Сибири они тѣмъ болѣе не постѣснились бы прибѣгнуть къ такимъ способамъ „самоводворенія". Въ 1574 г. тамъ еще не было ниодного русскаго воеводы; вновь пожалованныя земли считались въ вѣдѣніи тѣхъ же Великопермскихъ намѣстниковъ, жившихъ въ Чердыни, которые и за 80 верстъ отъ своей резиденціи дозволяли Строгановымъ безнаказанно чинить всякія само-

*) Подробное описаніе *новой* Сибирской дороги см. въ грамотѣ отъ 22 апрѣля 1599 г. «въ новой городъ на Верхотурьѣ Василью Петровичу Головину». *Миллеръ*, стр. 330—331.

**) См. «Пермс. Стар.», вып. I, стр. 98—103.

управства *). Словомъ, въ Сибири Строгановыхъ ожидало полное приволье, полный просторъ для ихъ колонизаторской дѣятельности.

Строгановы начали колонизацію вновь пожалованныхъ за Ураломъ земель по направленію старой Сибирской дороги, съ самаго выхода ея изъ ущельевъ Уральскихъ горъ. Прежде всего они утвердились на верхней *Лозьвѣ* и ея притокахъ *Иведель* и *Большой Вольъ* **), откуда перешли на верховья южной Сосвы, самаго значительнаго праваго притока Лозьвы. На одномъ изъ самыхъ верхнихъ правыхъ притоковъ Сосвы *Ваграпъ* и при озерѣ того же имени, переименованномъ русскими въ *Крылышково* озеро, Строгановы нашли серебряную руду, что доказывается наименованіемъ одной изъ береговыхъ возвышенностей по р. Ваграну „Серебрянымъ" камнемъ или рудникомъ ***). Съ рѣки Сосвы они перешагнули на верховья р. *Туры*, гдѣ ихъ ожидали богатые желѣзные рудники ****). Вѣроятно, на всѣхъ указанныхъ рѣкахъ по мѣстамъ возникли русскіе починки, но названія ихъ намъ не извѣстны. Коренными же обитателями тѣхъ мѣстъ искони были Вогулы, на верхнихъ притокахъ Лозьвы попадались настоящіе Югричи, къ востоку отъ нихъ Остяки, а на самыхъ горахъ Уральскихъ кое-гдѣ бродили и Самоѣды. Потому-то грамота 1574 г. объ этихъ народахъ и дѣлаетъ неоднократно оговорку, ставя рядомъ Остяковъ, Вогуличей и Югричъ. Подвигаясь далѣе на юго-востокъ по старой Сибирской дорогѣ, обезпечивая себѣ тылъ устройствомъ маленькихъ поселковъ, Строгановы должны были вступить въ *Тахтанскую волость*, или вогульскій улусъ, расположенный тогда на нижней Лозьвѣ и верхней Тавдѣ, при сліяніи Лозьвы съ

---

*) О злоупотребленіяхъ воеводъ, ихъ тіуновъ и доводчиковъ въ Перми Вел. см. тамъ же, стр. 173—181.

**) Впослѣдствіи здѣсь возникла такъ назыв. *Заозерская дача* гг. Всеволожскихъ, о которой см. у *Чупина*: «Географич. и статист. словарь Перм. губ.», стр. 496 и слѣд.

***) Тутъ образовалась *Ваграпская дача*, о коей см. тамъ же, стр. 242 и др. Въ книгѣ *Устрялова*: «Именитые люди Строгановы». СПБ. 1842 г. есть карта владѣній Строгановыхъ, гдѣ показаны обѣ эти дачи.

****) На верхней Турѣ образовалась *Турьинская дача*, также показанная на упомянутой картѣ Устрялова.

южной Сосвой, откуда Лозьва и перемѣняетъ свое названіе на Тавду. Этотъ важный гидрографическій пунктъ особенно желали занять Строгановы, и эту-то вогульско-остяцкую Тахтанскую волость или улусъ и слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ *Тахчей* грамоты 1574 г. На эту мысль наводятъ и этнографическія названія Остяковъ, Вогуличей, собственно Югричей и даже Самоѣдовъ, пріурочиваемыя въ грамотѣ къ топографическому наименованію Тахчей *). Сознавая особенно выгодное географическое положеніе улуса на мѣстѣ соединенія двухъ судоходныхъ рѣкъ, Строгановы сильно добивались правъ на занятіе этой мѣстности и просили у царя дозволенія прежде всего поставить свои крѣпости одну здѣсь, на Тахчеяхъ, и другую на р. Тоболѣ. Тахчеи должны были служить для нихъ ключемъ для завладѣнія всей долиной р. Тавды до самаго Тобола. Въ жалованной грамотѣ 30 мая 1574 г. на Тахчеяхъ и Тоболѣ рѣкѣ упоминается *желѣзный промыселъ*, который служилъ для Строгановыхъ сильною приманкою. Въ нѣкоторыхъ спискахъ житія св. Трифона Вятскаго упоминается сѣкира *такчіанскаго желѣза*, которою было срублено священное дерево Остяковъ на Камѣ **). Очень возможно, что тутъ говорится о желѣзѣ съ Тахчей, и что это слово не есть испорченное слово „италіанскій". Кромѣ торгово-промышленныхъ соображеній Строгановы имѣли въ виду и стратегическія, настаивая предъ царемъ на отдачѣ имъ Тахчей. Но и Кучумъ, который въ 1573 г. „провѣдывалъ" чрезъ Маметкула „куды идти ратью въ Пермь", хорошо понималъ всѣ выгоды положенія этого мѣста на главной дорогѣ въ Русь, а потому „и перевелъ Тахчей къ себѣ", какъ заявляли Строгановы въ челобитной къ Іоанну, но жившіе „кругъ Тахчей" Остяки тянули къ Москвѣ, съ которой знакомы были раньше. Въ той же челобитной говорится, что Тахчеи давали прежде ясакъ въ Нагаи, изъ чего

*) *Флоринскій* въ своей «Замѣткѣ о происхожденіи слова «Сибирь», не принимая ничего этого въ соображеніе, совершенно безосновательно видитъ въ Тахчеяхъ рѣку Течу, притокъ Исети (стр. 8), гдѣ мы встрѣчаемъ въ XVI в. совсѣмъ другой составъ населенія. Въ историческихъ разсужденіяхъ этого ученаго мы вообще встрѣчаемъ очень много странностей.

**) Объ этомъ подробно говорится въ моей статьѣ о св. Трифонѣ во II вып. «Трудовъ Перм. Ученой Архивной Коммиссіи», стр. 30 и др.

заключить должно, что этотъ улусъ въ началѣ XVI в. уже состоялъ въ зависимости отъ Туринскихъ Татаръ, средоточіемъ которыхъ былъ городъ Тюмень и стоявшій выше его по Турѣ городъ Епанча (Туринскъ русскихъ). Словомъ, всѣ данныя заставляютъ видѣть въ Тахчеяхъ не иное что, какъ Тахтанскій улусъ, упоминаемый въ нѣкоторыхъ старинныхъ актахъ Сибири, напр. въ отпискѣ Тобольскаго воеводы князя Катырева-Ростовскаго къ воеводѣ Тюменскому Матвѣю Годунову 1612 г. *). Но названія Тахчеи мы болѣе не встрѣчали ни въ одномъ старинномъ документѣ, кромѣ извлеченій изъ той же грамоты 1574 г. въ другихъ позднѣйшихъ документахъ.

Какъ ни добивались Строгановы обладанія Тахчеями и Тоболомъ, но не успѣли осуществить своего замысла даже съ царскою грамотою въ рукахъ. Политическія обстоятельства того времени круто повернули не въ ихъ пользу, противъ ихъ ожиданія. Имъ пришлось волей-неволей отказаться отъ всѣхъ видовъ своихъ на обширныя земли въ Сибири и со временемъ потерять даже тотъ клочекъ земли, который они успѣли занять на сѣверѣ нынѣшняго Верхотурскаго уѣзда. Перейдемъ теперь къ изложенію дальнѣйшихъ фактовъ изъ жизни Кучума.

Мы видѣли, что въ 1573 г. Маметкулъ подступилъ къ Чусовскому городку Якова Строганова, побилъ многихъ Остяковъ, платившихъ дань Московскому царю, и умертвилъ отправленнаго въ Киргизъ-Кайсакамъ отъ Іоанна IV посланника его Третьяка *Чебукова*. Такой образъ дѣйствій былъ прямымъ вызовомъ къ войнѣ со стороны Кучума, не смотря на его прежнія миролюбивыя заявленія. Полнаго разрыва съ Москвой на этотъ разъ однако не послѣдовало, при отдаленности Москвы отъ Сибири и отсутствіи въ Перми значительнаго войска на случай войны какъ подъ руками Велико-

*) См. ее въ «Русской Историч. Библіотекѣ», т. II, ст. 287. О Тахтанской волости упоминаетъ *Новицкій* въ «Описаніи о народѣ Остяцкомъ», стр. 89. См. о ней также сочиненіе *Буцинскаго*: «Заселеніе Сибири». Харьковъ 1889 г.. стр. 9. Не произошло-ли названіе Тахчеи отъ рѣчки *Тахтіи*, притока Тавды, текущаго близъ границы Березовскаго уѣзда съ бывшимъ Пелымскимъ уѣздомъ? Р. Тахтія указана на картѣ 1734 г., приложенной ко II тому сборника «Пермскій Край».

пермскаго воеводы, такъ и у Строгановыхъ, у коихъ въ 1579 г., по писцовой книгѣ Яхонтова, все мужское тяглое населеніе вотчинъ было около 400 человѣкъ*). Съ своей стороны Кучумъ, какъ видно, не могъ еще вполнѣ полагаться на вѣрность ему всѣхъ Сибирскихъ инородцевъ, какъ убѣждаетъ въ томъ образъ дѣйствій Остяковъ, жившихъ вокругъ Тахчей и не порывавшихъ своихъ связей съ Москвой. Кучумъ зналъ о мирныхъ отношеніяхъ между Москвой и Ногаями, почему и самъ позаботился стать въ близкія отношенія къ Ногаямъ, женивъ сына своего *Алея* на дочери Ногайскаго князя Тинъ-Ахмата въ 1577 г.**). На случай войны съ Москвою родственныя отношенія Сибирскаго царя къ Ногаямъ были, конечно, въ интересахъ перваго, и женитьба Алея на Ногайской княжнѣ, вѣроятно, устроена была изъ политическихъ соображеній. Только указанныя обстоятельства въ царствѣ Кучума и съ другой стороны отдаленность Москвы отъ Сибири, неподготовленность ея къ войнѣ на востокѣ и осложнившіяся отношенія ея къ Ливоніи на западѣ, дошедшія тамъ до войны, неудачной для русскаго оружія, могли кое-какъ продлить номинально—мирныя отношенія Москвы къ Кучуму до начала 1580-хъ годовъ.

Между тѣмъ Строгановы сильно озабочены были выполненіемъ добровольно взятой на себя трудной задачи—колонизировать Сибирь въ столь тревожное время, сдѣлать это безъ матеріальной поддержки правительства, одними собственными средствами. Нужно было имѣть много рѣшимости, чтобы при небольшомъ числѣ людей, которыми они могли располагать, вызваться на такую миссію. Или они имѣли въ виду свой удачный опытъ подобной колонизаціи на Камѣ и Чусовой, при поддержкѣ Великопермскихъ намѣстниковъ? Но въ Перми Великой имъ легко было справиться съ Иньвенскими Пермяками, народомъ мирнымъ, исключая крайне рѣдкихъ случаевъ не проявлявшимъ воинственныхъ наклонностей***). Не то было за Ураломъ, среди Угровъ и Татаръ, отличавшихся

*) «Перм. Старина», вып. I, 116 и в. IV, 61.

**) *Карамзинъ*, т. IX, 378 и примѣч. къ нему 658, гдѣ есть ссылка на дѣла Ногайскія.

***) Только въ общемъ возстаніи 1581 г. они были вовлечены въ смуту другими инородцами.

прямо противоположнымъ характеромъ. Тутъ Строгановы скоро убѣдились, что они имѣютъ дѣло съ людьми иныхъ понятій, привычекъ и традицій своихъ предковъ, какъ дики ни были какіе нибудь Вогулы и Татары въ долинахъ Лозьвы и Тавды. Къ тому же нельзя было забывать и грозной силы, стоявшей за ними на берегахъ Иртыша и Тобола подъ знаменемъ Кучума. Какъ ни желали Строгановы занять Тахчеи, но предупредившій ихъ Кучумъ сталъ твердою ногою на Тавдѣ и лишилъ ихъ возможности подвигаться далѣе, въ глубь Сибири, по направленію старой Сибирской дороги изъ Руси. Силы его и Строгановыхъ были слишкомъ не равны, и послѣднимъ необходимо было прибѣгнуть къ наемной силѣ, если они не желали отступаться отъ правъ, дарованныхъ имъ царскою грамотою 1574 года. Но такой отказъ съ ихъ стороны также былъ-бы не удобенъ, такъ какъ Строгановы сами просили царя о пожалованіи землями въ Сибири, да и самолюбіе ихъ едва-ли бы позволило сдѣлать столь малодушный шагъ назадъ. Такимъ образомъ Строгановы оказались въ крайне затруднительномъ положеніи, выходъ изъ котораго они должны были найти во всякомъ случаѣ *безъ матеріальной поддержки правительства, такъ какъ при ней потеряли бы смыслъ предоставленныя имъ царскою грамотою широкія льготы по владѣнію обширными землями въ Сибири.* Строгановы по примѣру 1572 г. могли, положимъ, просить царя опять дозволить имъ набрать охочихъ казаковъ, которые отъ царя не отложились, т. е. не вольныхъ, а домовыхъ, но во первыхъ, много людей, напр. до 500 чел., царь не позволилъ бы имъ набирать изъ опасенія какихъ либо замѣшательствъ на востокѣ, гдѣ отношенія съ Кучумомъ и безъ того были не прочны; а во вторыхъ, по условіямъ 1572 г., все захваченное казаками имущество (животы) побѣжденныхъ поступало въ пользу самихъ казаковъ, а отъ этого не было бы особенной выгоды Строгановымъ. Тогда они стали искать другаго исхода. Окончаніе этого дѣла выпало на долю преемниковъ Якова и Григорія Строгановыхъ, скончавшихся первый въ 1579, второй въ 1578 г. *). Преемниками ихъ

*) См. родословную ихъ во II вып. «Пермской Старины», стр. 70. По другимъ свѣдѣніямъ, оба брата умерли въ 1578 г. См. въ томъ же изданіи вып. IV, стр. 67.

по владѣнію землями въ Перми Великой были: младшій ихъ братъ Семенъ Аникіевичъ, получившій лѣвый берегъ Чусовой и Сылву, и сыновья ихъ, племянники Семена, Максимъ Яковлевичъ, получившій правый берегъ Чусовой, и Никита Григорьевичъ, наслѣдникъ Орловскаго округа на р. Камѣ *). Впрочемъ Семенъ и Максимъ Строгановы въ первое время владѣли землями, повидимому, сообща **).

Чтобы выйти изъ труднаго положенія, Строгановы рѣшились на смѣлый шагъ: вопреки грамоты 1574 г., воспрещавшей имъ призывать и держать у себя „воровъ и боярскихъ людей бѣглыхъ, и татей, и разбойниковъ",—они рѣшились призвать съ Волги *вольныхъ* казаковъ. Съ большимъ рискомъ для себя они соблазнились опытомъ 1572 года съ отступленіемъ отъ прежнихъ условій найма людей. При томъ же, какъ видно, они надѣялись, что при благосклонномъ отношеніи къ нимъ Великопермскихъ воеводъ, свѣдѣніе о самовольномъ призывѣ казаковъ не дойдетъ до царя, какъ осталось неизвѣстнымъ ему въ 1558 г. *ложное показаніе царю пермяка Кодаула* о полной незаселенности будто-бы прикамскихъ земель, лежавшихъ южнѣе Чердыни и потому-то отданныхъ тогда во владѣніе Григорію Строганову ***). 6 апрѣля 1579 г. по свидѣтельству Строгановской лѣтописи, или вѣрнѣе 1578 г., новые владѣтели обширныхъ вотчинъ написали казакамъ на Волгу призывную „грамоту", приглашая ихъ явиться въ Пермь и принять участіе въ борьбѣ съ Кучумомъ за Ураломъ. Они обѣщали имъ оружіе, продовольствіе и своихъ воинскихъ людей на поддержку въ предстоявшемъ походѣ, а отъ имени царя—полное прощеніе ихъ за вѣрную службу. Что могло быть заманчивѣе этого предложенія для удалого казака? На призывъ Строгановыхъ немедленно откликнулась храбрая дружина Ермака Тимоѳеевича, сына „Поволжскаго", и съ этого момента начались дѣятельныя приготовленія къ знаменитому походу за Уралъ, на царя Кучума ****)

*) См. ту же родословную во II вып. моей «Пермс. Старины».

**) «Пермс. Стар.» I, 115—116 и IV, 75.

***) О первомъ «пожалованіи» земель на Камѣ см. подробности въ I вып. «Пермс. Старины», стр. 96—103.

****) Вопросъ о *призывѣ* Ермака Строгановыми весьма подробно изслѣдованъ нами по источникамъ въ IV вып. «Пермс. Старины». Пермь. 1892 г. О *призывѣ*

Есть возможность опредѣлить съ большей или меньшей вѣроятностью и то мѣсто, гдѣ укрывались на Волгѣ до призыва Строгановыми Ермакъ и его боевой товарищъ Иванъ Кольцо. Самымъ удобнымъ притономъ и наблюдательнымъ пунктомъ за плывшими по Волгѣ судами служила въ тѣ времена *Самарская лука*, при которой еще не было тогда города Самары (основана одновременно съ Уфою весною 1586 г. *). По ней расположены довольно высокія и утесистыя горы, „подошвы которыхъ изрыты естественными пещерами, а самыя горы въ прежнее время были покрыты непроходимыми лѣсами; въ этихъ лѣсахъ и пещерахъ, отчасти ими самими вырытыхъ, казаки находили для себя надежный и безопасный пріютъ.... Между прочимъ *въ нынѣшнихъ селеніяхъ Ермаковкѣ и Кольцовкѣ, находящихся на Самарской лукѣ, признаютъ мѣста, гдѣ нѣкогда жилъ знаменитый Ермакъ Тимоѳеевичъ и его сподвижникъ Иванъ Кольцо*“ **). Это мѣстное преданіе намъ представляется весьма правдоподобнымъ и по слѣдующимъ соображеніямъ. Извѣстно, что въ юго-восточный поворотъ Самарской луки впадаетъ съ правой стороны рѣчка Уса, которая при самомъ впаденіи въ Волгу принимаетъ въ себя ничтожную по величинѣ, но замѣчательную по содержанію соли рѣчку *Усолку*. „Говорятъ, что въ началѣ тридцатыхъ годовъ XVII вѣка (1632 г.) подлѣ р. Усолки раскинулись уже поселенія, которыя царемъ Михаиломъ Ѳеод. пожалованы были *гостю Надѣю Свѣтешникову* и его сыну Семену“ ***). Это—тотъ самый гость Надѣя Свѣтешниковъ или Дѣй Андреевичъ Свитейщиковъ, который около 1640 г. разработывалъ своимъ коштомъ Кушгурскій желѣзный рудникъ въ вотчинахъ Строгановыхъ на р. Яйвѣ, притокѣ Камы, и поставлялъ эту руду на Пыскорскій заводъ, первый горный заводъ въ Перми Великой, существовавшій

Ермака см. у *Карамзина* т. IX, стр. 380 (изданіе бр. Сленниныхъ), у *Соловьева*, VI, 424.

*) *Карамзинъ*, т. X, примѣч. 40.

**) *Перетятковичъ*: «Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ». Москва. 1877 г., стр. 312—313.

***) *Перетятковичъ*: «Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣка». Одесса. 1882 г., стр. 225. О богатыхъ соляныхъ залежахъ на этой Усолкѣ говоритъ *Лепехинъ* въ своихъ «Запискахъ путешествія», часть I. СПБ. 1771 г., стр. 320.

возлѣ извѣстнаго монастыря того же имени *). Такимъ образомъ въ первой половинѣ XVII в. между Самарскимъ Усольемъ и Пермскими вотчинами Строгановыхъ несомнѣнно существовали промышленныя связи. Но вѣроятно предпріимчивые Пермскіе солевары, построившіе на Камѣ Новое Усолье и на рѣчкѣ Усолкѣ, притокѣ Чусовой,—Верхній Чусовской городокъ также съ солеварня ми, которыхъ они много имѣли и у Соли Вычегодской съ начала XVI вѣка,—вѣроятно они еще въ томъ же XVI в. провѣдывали соляныя залежи и на Самарской Усолкѣ и, можно думать, были знакомы съ этою мѣстностью. Если это предположеніе вѣрно, то нѣтъ ничего удивительнаго, что люди Строгановыхъ еще до призыва казаковъ могли или лично знать Ермака Тимоѳеевича и Ивана Кольцо, или по крайней мѣрѣ слышать о нихъ. А когда, по вышеуказаннымъ обстоятельствамъ, явилась надобность въ наемной силѣ, то Строгановы и обратились за помощью къ атаману Ермаку и его товарищамъ, какъ къ людямъ, отчасти уже извѣстнымъ имъ. Такъ какъ въ то время казаковъ на Волгѣ стало сильно преслѣдовать наше правительство, то Ермакъ принялъ охотно предложеніе Строгановыхъ отъ 6 апрѣля 1579 г., или правильнѣе 1578 г., конечно, на выгодныхъ для себя условіяхъ. Этимъ, кажется, нужно объяснить и то, что на пути въ Пермь по Камѣ дружина Ермака въ 540 чел. вела себя довольно сдержанно; по крайней мѣрѣ нѣтъ извѣстій о какихъ либо крупныхъ разбояхъ ея на Камѣ до прибытія на Чусовую, и только здѣсь казаки уже начали враждовать съ сосѣдними инородцами въ ожиданіи дальнѣйшаго похода въ Сибирь.

Загадочныя связи Ермака со Строгановыми, существовавшія еще до призванія его на Каму и Чусовую, находятъ себѣ подтвержденіе и въ слѣдующемъ преданіи, занесенномъ въ „Сказаніе Сибирской земли“, впервые печатаемое нами въ приложеніяхъ къ V выпуску „Пермской Старины“ **). „*О себѣ же Ермакъ извѣстіе написалъ, откуда рожденіе его.* Дѣдъ его былъ Суздалецъ посадской человѣкъ, жилъ въ ли-

*) «Перм. Старина», I, 49 и II, 104.

**) Это «Сказаніе» есть ничто иное, какъ «нѣкоторая исторія», доселѣ неизвѣстная, на которую ссылается Сибирскій лѣтописецъ *Илья Черепановъ*.

шеніи, отъ хлѣбной скудости сошелъ въ Володимеръ; именемъ его звали Аѳонасей Григорьевичь сынъ Аленинъ; и тутъ воспита двухъ сыновъ Родіона да Тимоѳея; и кормился извозомъ и былъ въ найму въ подводахъ у разбойниковъ, на Муромскомъ лѣсу пойманъ и сидѣлъ въ тюрьмѣ, а оттуда бѣже съ женою и съ дѣтьми въ *Юрьевецъ Поволской*, умре, *а дѣти его Родіонъ и Тимоѳей отъ скудости сошли на рѣку Чусовую въ вотчины Строгановы;* ему породи дѣтей: у Родіона два сына—Дмитрей да Лука, у Тимоѳея дѣти Гаврило, да Фролъ, *да Василей*. И оной Василей былъ силенъ и велерѣчивъ, и остръ, *ходилъ у Строгановыхъ на стругахъ въ работѣ, по рѣкамъ Камѣ и Волгѣ*, и отъ той работы принялъ смѣлость и, прибравъ себѣ дружину малую, пошелъ отъ работы на разбой и отъ нихъ звашася атаманомъ, *прозванъ Ермакомъ*, сказуется дорожной артельной таганъ, а по волскимъ—жерновой мельнецъ рушной. А какъ службу показалъ—о томъ показано въ сей исторіи выше сего".

Приведенное свидѣтельство „Сказанія" очень важно во 1-хъ тѣмъ, что указываетъ о состояніи Ермака на службѣ у Строгановыхъ еще до вступленія его въ казачество и дѣлаетъ легко объяснимымъ фактъ, почему въ 1578 г. Строгановы призвали къ себѣ на помощь именно этого атамана, а не какого-либо другаго; во 2-хъ, оно указываетъ на происхожденіе прозванія *Ермакъ*, каковое необходимо было имѣть бѣглому человѣку, какъ нѣкоторую гарантію на случай поимки (такія прозвища среди вольныхъ казаковъ, вѣроятно, были дѣломъ обычнымъ); въ 3-хъ, оно объясняетъ другое названіе Ермака *Поволскимъ* отъ имени Юрьевца Поволжскаго; въ 4-хъ, свидѣтельство „Сказанія" *основано на разсказахъ самого Ермака*.

Во всемъ этомъ свидѣтельствѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Отецъ Ермака вмѣстѣ съ сыномъ могъ прійти къ Строгановымъ въ первый же годъ пожалованія имъ земель въ Перми Великой въ 1558 г., когда Ермакъ могъ быть въ юношескомъ возрастѣ и вмѣстѣ съ отцомъ служить у Строгановыхъ, отъ которыхъ ушелъ потомъ добровольно, какъ человѣкъ пришлый, вольный. Онъ ушелъ на Волгу, гдѣ поселился на Самарской лукѣ. Объ этомъ мѣстопребываніи его, повидимому, знали люди Строгановыхъ. Когда послѣдніе

встрѣтили нужду въ наемной силѣ, они вспомнили о бывшемъ своемъ слугѣ и 6 апрѣля 1578 г. написали ему письмо съ приглашеніемъ идти воевать Кучума. Для вольнаго казака это было очень заманчивое предложеніе, и онъ охотно согласился пойти на помощь къ знакомымъ ему богатымъ пермскимъ людямъ.

Изъ „Сказанія" приведенное извѣстіе было включено впослѣдствіи въ извѣстный Сибирскій лѣтописный сборникъ Ильи Черепанова, который *Н. М. Карамзинъ* называетъ „Новой Сибирской лѣтописью", а *П. А. Словцовъ*—„Тобольскимъ Сборникомъ" *). По поводу извѣстія о происхожденіи Ермака, сообщаемаго Черепановымъ на основаніи „Сказанія Сибирской земли", Карамзинъ замѣтилъ: „Это сказка, думаю". Но во 1-хъ, и великимъ людямъ свойственно ошибаться въ своихъ заключеніяхъ, а во 2-хъ, всѣ *мѣстныя* изысканія даютъ основаніе видѣть въ приведенномъ извѣстіи, основанномъ на показаніяхъ самого Ермака, значительную долю вѣроятности. Въ послѣднее время *Д. И. Иловайскій* не безъ основанія высказался въ пользу этого извѣстія въ III томѣ своей „Исторіи Россіи" (стр. 388).

Въ изложеніи самаго похода, уже столько разъ описаннаго по Сибирскимъ лѣтописямъ, мы обратимъ главное вниманіе на разные спорные вопросы, связанные съ нимъ, считая вопросъ о призывѣ Ермака Строгановыми съ нашей стороны рѣшеннымъ въ утвердительномъ смыслѣ. Предоставляемъ другимъ отвергнуть то, къ чему мы пришли какъ въ IV выпускѣ нашей „Пермской Старины", такъ и здѣсь, на основаніи пересмотра всѣхъ письменныхъ источниковъ, сюда относящихся, критическая оцѣнка которыхъ нами приведена въ томъ же IV выпускѣ упомянутаго изданія и значительно дополняется здѣсь.

Первый спорный вопросъ касается года прибытія Ермаковой дружины въ Пермь, къ Строгановымъ. Въ *Строганов-*

*) *Карамзинъ*: «Исторія» IX, гдѣ въ примѣч. 664 см. указанную выписку о происхожденіи Ермака въ подновленной, сравнительно со «Сказаніемъ», формѣ. *Словцовъ*: «Историч. обозрѣніе Сибири». СПБ. 1886 г. XVIII—XIX. *Л. Н. Майковъ*: «О Сибирскомъ лѣтописномъ сборникѣ Черепанова» въ VII выпускѣ «Лѣтописи занятій Археографической Коммиссіи». Въ «Перм. Стар.» о ней см. вып. IV, 33—34.

ской лѣтописи, куда занесенъ фактъ посылки къ казакамъ приглашенія отъ Строгановыхъ при письмѣ ихъ отъ 6 апрѣля 1579 г., прибытіе казаковъ въ Пермь относится къ 28 іюня того же года, а по сентябрьскому счисленію едва ли не къ концу 1578 года, послѣ чего казаки, будто-бы, оставались въ вотчинахъ Строгановыхъ 2 года и 2 мѣсяца *), т. е. до 1 сентября 1581 г. По тому же извѣстію, казаковъ пришло съ Ермакомъ 540 человѣкъ; пришли они въ Чусовскіе городки, гдѣ Семенъ, Максимъ и Никита Строгановы „пріяша ихъ съ честію и даяху имъ дары многи и брашны и питіи изобильно ихъ наслаждаху". Въ *Есиповской* лѣтописи, въ началѣ 8-й главы, эти подробности опущены, и замѣчено только „въ лѣто 7089 (1580) году при державѣ.... пріидоша сіи воини съ Волги въ Сибирь" **). Такимъ образомъ показанія этихъ двухъ лѣтописей не сходятся въ опредѣленіи начала похода изъ Перми въ 1581 г.; не согласны они и въ показаніи времени и обстоятельствъ прибытія казаковъ въ Пермь, что и создало среди ученыхъ два прямо противоположныя воззрѣнія на роль Строгановыхъ въ этомъ походѣ. Въ *Ремезовской* лѣтописи, вообще страдающей ошибками въ *годовыхъ* датахъ, къ 1579 г. отнесено начало самаго похода, почему ея показаніе безусловно слѣдуетъ считать ошибочнымъ въ соображеніи со всѣми фактами того времени ***). Строгановская лѣтопись убѣждаетъ, что 1579-й годъ (вѣрнѣе 1578-й годъ) былъ годомъ прибытія Ермака въ Пермь, а не выступленія его изъ Перми въ Сибирь, которое и Есиповскою лѣтописью относится къ 1580 году. Это признаетъ даже сторонникъ Ремезовской лѣтописи *Д. И. Иловайскій*, какъ можно видѣть изъ его словъ: „казацкіе атаманы пробыли *два года* въ Чусовскихъ городкахъ и въ это время помогали Строгановымъ обороняться отъ безпокойныхъ инородцевъ" ****).

---

*) См. выписку изъ Строгановс. лѣтописи въ «Перис. Стар.» IV, 46—47.

**) Выписку изъ Есиповской лѣтописи см. тамъ же, стр. 41.

***) *Л. Н. Майковъ*: «Хронологическія справки по поводу трехсотлѣтней годовщины присоединенія Сибири» въ «Журналѣ Минист. Нар. Просв.» 1881 г., № 9, и оттискъ, стр. 8.

****) «Исторія Россіи», т. III, стр. 389.

Посмотримъ теперь, какія же безпокойства испытывала Пермь Великая, пока казаки приготовлялись къ Сибирскому походу. Со времени Черемисскаго бунта 1572 г. и нашествія Маметкула на Чусовую, въ южную часть Перми Великой, въ 1573 г.,—въ этой странѣ и около нея не было волненій среди инородцевъ. Семь слишкомъ лѣтъ прошли въ относительномъ спокойствіи. Но со времени появленія дружины Ермака въ вотчинахъ Строгановыхъ, начинаются набѣги Вогуличей на Пермь Великую. Очевидно, казаки не могли спокойно сидѣть въ вотчинахъ Строгановыхъ—сидѣть, сложа руки, безъ дѣла. Это было не въ ихъ привычкахъ и характерѣ И въ достовѣрной Строгановской лѣтописи о пребываніи казаковъ въ вотчинахъ Строгановыхъ въ 1579—1581 г. дѣйствительно сказано: „*Атаманы же и казаки стояху противъ безбожныхъ Агарянъ буйственно и единомысленно съ живущими ту людьми въ городкѣхъ* *), *и біяхуся съ безбожными Агаряны сурово и немилостиво, и твердо стояху и на невѣрныхъ поощряхуся:* пожиста же они, атаманы и казаки, въ городкахъ ихъ (Строгановыхъ) два лѣта и мѣсяцы два“ **). Эти слова, сопоставленныя съ приведенными выше соображеніями, служатъ новымъ убѣдительнымъ доказательствомъ достовѣрности извѣстій Строгановской лѣтописи.

Дѣятельный, подвижной характеръ казаковъ вызывалъ неизбѣжныя „задиранія“ ихъ противъ инородцевъ, жившихъ къ югу отъ Чусовой и въ бассейнѣ ея притока Сылвы. Тамъ жило много Татаръ и Остяковъ, которые на предгорьяхъ Урала смѣшивались съ Вогуличами. Все это были народы, враждебные Перми Великой и уже не разъ безпокоившіе ее своими набѣгами. Притихнувшіе на нѣсколько лѣтъ, они снова были выведены изъ терпѣнія дебоширствами казаковъ. Прежнія же ихъ возстанія вызывались преимущественно вымогательствами сборщиковъ дани, о коихъ можно догадываться изъ Великопермской уставной грамоты начала XVI в.***).

*) Чусовской Нижній городокъ основанъ въ 1568 г., Сылвенскій острожекъ, что нынѣ село Троицкое Пермскаго уѣзда, въ 1570 г., по указанію грамотъ и Строгановской лѣтописи.

**) См. «Пермс. Стар.» IV, 47. Тоже сказано въ имѣющемся у меня рукописномъ спискѣ Строгановской лѣтописи начала нашего вѣка или конца прошлаго.

***) Напечатана въ приложеніи къ 1 вып. «Пермс. Стар.» 187—195. «Да ваши жъ де Пермскіе намѣстники посылаютъ по Пермской землѣ своихъ людей, тіуновъ и доводчиковъ, луковъ писати и кормовъ брати, и намѣстничіе де люди *приписываютъ* у нихъ многіе луки лишніе» и т. д.

Въ 1580 г. іюля 22 послѣдовало нашествіе на Чусовую мурзы Бегбелія, которое Строгановская лѣтопись неправильно относитъ къ слѣдующему году. Чрезъ мѣсяцъ съ небольшимъ на Пермь Великую бросился князь Кихекъ, что произошло 1 сентября 1581 г., какъ достовѣрно извѣстно. (*Слѣдуетъ помнить, что новый годъ тогда считался съ 1 сентября*, почему набѣгъ Бегбелія и былъ несомнѣнно еще въ концѣ 1580 года). По словамъ Строгановской лѣтописи, вогульскій мурза Безбелій Ахтаковъ (по видимому, изъ отатарившихся Вогулъ) со скопищемъ въ 680 человѣкъ Вогулъ и Остяковъ „безвѣстно и украдомъ" пришелъ подъ Чусовскіе городки, пожегъ много русскихъ деревень и увелъ въ плѣнъ не мало людей обоего пола, но вскорѣ самъ попалъ въ руки Русскихъ, повинился предъ ними, возвратилъ „полонъ" и обязался платить исправно дань русскому царю. Впослѣдствіи Бегбелій, повидимому, измѣнилъ своей клятвѣ *). Поимка Бегбелія, вѣроятно, была дѣломъ казаковъ, которые своимъ буйствомъ вызвали и самый набѣгъ Вогуловъ. Объ этомъ буйствѣ казаковъ кромѣ Строгановской лѣтописи говоритъ и Ремезовская. Изъ послѣдней видно, что въ теченіе двухъ лѣтъ Ермакъ съ своей шайкой бродилъ по р. Сылвѣ, притоку Чусовой, гдѣ кончались вотчины Строгановыхъ и начинались поселья Остяковъ и Татаръ. Есть извѣстіе, что казаки еще до похода разузнавали дороги въ Сибирь, о чемъ подробно мы скажемъ далѣе. У Ремезова читаемъ: въ 1578 г. Ермакъ „плылъ Камою, Чусовою и, не зная пути, вошелъ 26 сентября *въ рѣку Сылву*; плылъ далѣе и далѣе, увидѣлъ наконецъ, что это не дорога въ Сибирь и остановился зимовать въ томъ мѣстѣ, которое и теперь называется „Ермаковымъ городищемъ"; *оттуда 300 казаковъ ходили въ землю Вогуличей и пришли назадъ съ добычею*" **). Дѣйствительно, на лѣвомъ берегу Сылвы, повыше села Тохтарева Красноуфимскаго уѣзда, на устьѣ рѣчки Шатлыка донынѣ есть деревня „Хуторы Ермаковы" ***).

---

*) Рукописная Строгановская лѣтопись; у *Карамзина* т. IX, 381 и примѣч. 666. Въ грамотѣ отъ 6 ноября 1581 г. надо разумѣть того же мурзу Бегбелія.

**) *Карамзинъ*, т. IX, примѣч. 670. Выдержка приводится въ редакціи Карамзина.

***) *Чупинъ:* «Географич. словарь Пермс. губ.» Пермь. 1873 г., стр. 482.

Для рѣшенія вопроса о приходѣ Ермака въ Пермь Великую немаловажное значеніе должно имѣть вновь открытое нами въ 1890 г. „*Сказаніе Сибирской земли*“ неизвѣстнаго составителя*). Оно представляетъ дѣло такимъ образомъ.

Когда на Волгѣ казаковъ стало сильно преслѣдовать правительство (по *Ремезову*, въ 1576 г., противъ нихъ былъ высланъ стольникъ Иванъ Мурашкинъ), то „оный разбойникъ (Ермакъ), убояся того, съ товарищи пять сотъ человѣкъ убѣжали съ Волги въ Каму рѣку вверхъ и прибѣже въ вотчины Строганову *и тамо пребысть нѣсколько время*. И въ то число (?) въ Строгановы городки и вотчины по Чюсовой и по Камѣ рѣкамъ пришелъ *вольно* изъ Вогуличь Пелымской князь во многомъ собраніи. И воевода (?) *Максимъ Строгановъ просилъ его, Ермака, чтобъ онъ отъ того Пелымскаго князя оборонилъ. Ермакъ же, не преслуша не мало времени*, въ тотъ часъ собрався съ дружиною своею, иде скоро противо Вогулъ и поби ихъ безъ остатку, *и вотчины Строгановы выручилъ, и за что его, Ермака, оной Строгановъ принялъ любительною ласкою и кормомъ*“.

Въ приведенномъ извѣстіи несомнѣнно говорится о набѣгѣ Пелымскаго, т. е. Вогульскаго князя Бегбелія, сдѣланномъ на Чусовской городокъ Семена и Максима Строгановыхъ 22 іюля 1580 г. Строгановская лѣтопись свидѣтельствуетъ, какъ видимъ, о томъ же событіи, но съ большими подробностями, *какъ мѣстная Великопермская лѣтопись*. Обѣ лѣтописи согласно также свидѣтельствуютъ о *ласковомъ* обращеніи Строгановыхъ съ казаками. Если бы при этомъ Ермакъ *самовольно* вторгнулся въ вотчины Максима Строганова, то послѣдній не сталъ бы такъ обращаться съ нимъ, постарался бы не допустить его къ себѣ и, при недостаткѣ собственныхъ силъ для этого, обратился бы за содѣйствіемъ къ государеву намѣстнику кн. Елецкому, чего однако не было. При томъ о Бегбеліи „Сказаніе“ дѣлаетъ оговорку, что онъ пришелъ *вольно*, а объ Ермакѣ этого не замѣчено. Все это доказываетъ, что Ермакъ пришелъ въ вотчины Строгановыхъ по приглашенію самихъ владѣльцевъ вотчинъ. И мѣстная Великопермская Строгановская лѣтопись, соста-

*) Впервые печатается въ приложеніи къ V выпуску «Пермской Старины».

вителю которой ближе были извѣстны всѣ эти обстоятельства, именно такъ объясняетъ дѣло, вводя и здѣсь больше подробностей сравнительно со „Сказаніемъ“ *).

Далѣе „Сказаніе“ приписываетъ Ермаку мысль о походѣ въ Сибирь, которую Строгановы приняли будто-бы очень охотно. Но разъ они сами пригласили Ермака, то съ такимъ лѣтописнымъ толкованіемъ иниціативы похода уже нельзя согласиться. Безъ сомнѣнія, Строгановы призвали Ермака именно для задуманнаго ими еще въ 1579 или 1578 г. Сибирскаго похода противъ Кучума. Въ этомъ случаѣ больше нужно вѣрить царской грамотѣ отъ 16 ноября 1582 г., прямо заявляющей о *призваніи* Ермака Строгановыми, нежели сбивчивымъ и неполнымъ извѣстіямъ лѣтописи. Изъ Сибирскихъ же лѣтописей въ данномъ вопросѣ, конечно, заслуживаетъ наибольшаго довѣрія Строгановская, *какъ мѣстная Великопермская,* составитель которой гораздо ближе могъ знать участіе Строгановыхъ въ призваніи Ермака, чѣмъ далекіе отъ Перми Тобольскіе лѣтописцы.

Важно еще отмѣтить замѣчаніе „Сказанія“, что Ермакъ набралъ въ вотчинахъ Строгановыхъ, съ позволенія владѣльцевъ, 154 человѣка *„тутошнихъ жителей къ своимъ въ прибавку—всего собралъ себѣ 654 человѣка и назвася казаками“*. Не мудрено послѣ этого, что въ Сибири говорили и знали только о казакахъ и ничего—о людяхъ Строгановскихъ. Думаю, что *Строгановы сдѣлали это изъ предосторожности и желанія скрыть всякое участіе свое въ дѣлѣ, предпринятомъ хотя и въ личныхъ выгодахъ, но безъ царскаго указа.*

Наконецъ мы должны обратить здѣсь вниманіе на одинъ вещественный памятникъ, современный Ермаку. Въ богатомъ собраніи древностей, хранящихся въ старинномъ наслѣдственномъ домѣ графовъ Строгановыхъ въ Петербургѣ, что на Невскомъ проспектѣ, сохранился старинный ружейный стволъ съ надписью на немъ, вылитой славянскими литтерами: *„Въ градѣ Керегданѣ на рѣцѣ Камѣ дарю я, Максимъ*

*) Великопермское происхожденіе Строгановской лѣтописи недавно доказалъ *С. А. Адріановъ* въ статьѣ: «Къ вопросу о покореніи Сибири» въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1893 г., апрѣль. Нельзя не выразить автору признательности за это важное открытіе, хотя самъ авторъ и есть крайній сторонникъ Есипова.

Яковлевъ сынъ Строгановъ, атаману Ермаку лѣта 7090" *). Эта хронологическая дата вполнѣ согласна съ показаніемъ Строгановской лѣтописи относительно выступленія казаковъ въ Сибирскій походъ 1 сентября 1581 г. Хотя Максимъ Яковлевичъ жилъ въ Чусовскомъ Нижнемъ городкѣ, но онъ владѣлъ кромѣ праваго берега р. Чусовой и землями по р. Камѣ ниже Орловскаго округа, принадлежавшаго его двоюр. брату Никитѣ Григорьевичу (отъ Карышева острова до устья Чусовой и ниже его) **). Вмѣстѣ съ нимъ, какъ мы видѣли, онъ имѣлъ участіе въ Зауральскихъ имѣніяхъ, пожалованныхъ Строгановымъ по грамотѣ 30 мая 1574 г., и слѣдовательно особенно былъ заинтересованъ въ поддержкѣ Ермака. Максимъ Яковлевичъ былъ главнымъ активнымъ участникомъ изъ всѣхъ Строгановыхъ въ подготовленіи Сибирскаго похода, какъ видно изъ лѣтописи Ремезова и „Сказанія Сибирской земли". Разумѣется, онъ часто бывалъ и въ Орлѣ на Камѣ (Кергеданъ тоже), у своего двоюроднаго брата, хотя самъ жилъ обыкновенно на Чусовой. Бывалъ тамъ, очевидно, и атаманъ Ермакъ, который тамъ-то и получилъ подарокъ отъ Максима Яковлевича. Что же скажутъ противъ всего этого тѣ историки, которые отвергаютъ всякое участіе Строгановыхъ въ покореніи Сибири? Вѣроятно, они будутъ стараться доказать, что и приведенная надпись на старинномъ ружейномъ стволѣ есть не болѣе, какъ поддѣлка позднѣйшаго времени. Пусть такъ, но за всѣмъ этимъ въ Пермскомъ краѣ живы еще народныя преданія о связи Ермака со Строгановыми. Тутъ какъ быть крайнимъ скептикамъ? Мы думаемъ, что въ виду всего сказаннаго ихъ упорный скептицизмъ долженъ рано или поздно до нѣкоторой степени поколебаться.

Наконецъ 1 сентября 1581 г., послѣ двухлѣтняго пребыванія у Строгановыхъ, Ермакъ со своею дружиною отправился на судахъ вверхъ по р. Чусовой въ Сибирскій походъ. Предъ выступленіемъ въ походъ казаки отслужили въ Чусовскомъ городкѣ молебенъ, запаслись „оружіемъ огненнымъ,

*) Сообщено мнѣ покойнымъ *В. В. Голубцовымъ* (генеалогомъ), который лично видѣлъ этотъ интересный и въ данномъ случаѣ весьма важный памятникъ древности.

**) «Пермская Старина» I, 114.

пушечками скорострѣльными семипядными, запасами многими" (Строган. лѣт.) и затѣмъ въ сообществѣ мѣстныхъ „охочихъ людей" двинулись въ путь. *Позднее выступленіе въ походъ и объясняется бывшимъ предъ тѣмъ нашествіемъ Бегбелія* *) на Чусовской городокъ и его окрестности въ исходѣ іюля и началѣ августа 1580 г., по тогдашнему счисленію времени. Жившіе въ ближайшемъ сосѣдствѣ инородцы, хорошо знавшіе о всемъ происходившемъ въ Перми Великой, только и ждали этого желаннаго момента. Они навѣрное знали, что съ уходомъ казаковъ страна осталась беззащитна, знали это отъ перебѣжчиковъ. *Отъ тѣхъ же перебѣжчиковъ непріятель узналъ заранѣе и день выступленія казаковъ въ походъ 1-го сентября*; это важное извѣстіе чрезъ 3—4 дня возможно было передать чрезъ гонца на противоположный конецъ Перми Великой, гдѣ на вершинахъ Вишеры или Лозьвы уже стоялъ наготовѣ Пелымскій князь, а чрезъ недѣлю можно было со всей силой броситься на Чердынь. Я увѣренъ, что такъ это и было, такъ говорятъ доселѣ народныя преданія, и что *предварительный набѣгъ подручнаго Кихеку Бегбелія на Чусовую и сдѣланъ былъ въ разсчетѣ задержать казаковъ побольше въ Перми, чтобы дать возможность Кихеку собраться съ силами на Пелымѣ и сдѣлать переходъ оттуда до Вишеры*. Лишь только Ермакъ очистилъ путь къ Чусовскому городку, какъ скопища Вогуловъ, жившихъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ городкомъ, по предварительному условію съ Пелымскимъ княземъ Кихекомъ, отрѣзали возвращеніе казакамъ въ городокъ, обложивъ его съ южной стороны, *а самъ Кихекъ, руководившій всѣмъ движеніемъ, вторгнулся въ Пермь Великую съ сѣвера и того же 1 сентября 1581 г. приступилъ къ городу Чердыни*. Очевидно, Пелымскій князь съ своими Сибирскими людьми и Вогулами проникъ сюда со стороны Тахчей, по старой Сибирской дорогѣ, шедшей съ Тавды и Лозьвы на р.р. Вишеру и Колву. *Все это было сдѣлано врасплохъ, совершенно неожиданно* какъ для жившихъ въ Чердыни государева Великопермскаго намѣстника князя Ивана Михайловича Елецкаго и его соправителя Василія Пелепе-

---

*) *Небольсинъ* въ книгѣ: «Покореніе Сибири» (СПБ. 1849) съ умысломъ забываетъ это извѣстное ему обстоятельство.

лицына, такъ и для Строгановыхъ. И такъ какъ послѣднихъ отъ перваго отдѣляло довольно значительное разстояніе около 400 верстъ, то навѣрное Семенъ и Максимъ Строгановы, жившіе на Чусовой, не подозрѣвали той страшной опасности, какая одновременно грозила Никитѣ Строганову, жившему на р. Камѣ, въ Орлѣ-городкѣ, и уже наступила для Чердыни. Этимъ то неожиданнымъ стеченіемъ обстоятельствъ и объясняется то недоразумѣніе, какое произошло *въ самый критическій моментъ* между Семеномъ и Максимомъ Строгановыми съ одной стороны и Никитою Строгановымъ, княземъ Елецкимъ и Василіемъ Пелепелицынымъ—съ другой. Время и обстоятельства были таковы, что не позволяли медлить ниодного дня въ принятіи самыхъ рѣшительныхъ мѣръ самозащиты, а значительныя разстоянія дѣлали невозможными настолько быстрый обмѣнъ „вѣстями", насколько требовалось это совершенно исключительными обстоятельствами того времени. При такихъ условіяхъ для насъ становятся вполнѣ понятными царскія грамоты на имя Никиты Строганова отъ 6 ноября 1581 г. и на имя того же Никиты и брата его Максима Строгановыхъ отъ 16 ноября 1582 г.*). Первая изъ нихъ была послѣдствіемъ жалобы царю на Никиту дяди и двоюроднаго брата перваго за неоказаніе имъ своевременной помощи въ виду явной опасности отъ стоявшихъ за Чусовой Вогуличей; а грамота 1582 г. была отвѣтомъ на донесеніе царю Пелепелицына о двоюродныхъ братьяхъ Строгановыхъ относительно несвоевременной отсылки ими дружины Ермака въ Сибирь въ моментъ страшной опасности для главнаго города Перми Великой. Ни Семенъ и Максимъ Строгановы, ни тѣмъ болѣе Пелепелицынъ не дѣйствовали въ данномъ случаѣ иначе, какъ *искренно*, въ виду дѣйствительной, общей для всѣхъ ихъ, опасности въ то время. Строгановы грѣшны были предъ царемъ только въ томъ, что скрыли отъ него призваніе казаковъ, *а Пелепелицынъ, съ увольненіемъ князя Елецкаго въ декабрѣ 1581 г. оставшійся*

*) Грамота Никитѣ Григорьевичу Строганову отъ 6 ноября 1581 г. напечатана у *Миллера* въ «Опис. Сиб. Цар.» на стр. 144, а знаменитая *тяньная* грамота Максиму Як. и Никитѣ Григ. отъ 16 ноября 1582 г.—тамъ же, стр. 145–147. Вторично онѣ напечатаны въ «Дополненіяхъ къ Актамъ Историческимъ» томъ I, стр. 183—185.

главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ за спокойствіе всего Пермскаго края, уже не могъ скрыть отъ царя ничего, опасаясь за самую свою жизнь, и долженъ былъ сказать, открыть предъ царемъ всю правду, донести и о самовольномъ призывѣ Ермака Строгановыми, и о посылкѣ казаковъ въ Сибирь въ самое трудное для Перми время.

Таковы были исключительныя обстоятельства, въ которыхъ очутилась Пермь Великая съ момента оставленія ея дружиною Ермака 1 сентября 1581 г. Образъ дѣйствій Пелымскаго князя Кихека въ этомъ случаѣ обнаруживаетъ въ немъ значительную дальновидность и обличаетъ въ его лицѣ хорошаго стратега, близко знавшаго всѣ мѣстныя условія для успѣшнаго веденія войны. И тогдашній Пермскій намѣстникъ князь Елецкій, и Строгановы оказались ниже его въ этомъ отношеніи. Изъ грамоты 1582 г. мы увидимъ однако, что *во всемъ этомъ дѣлѣ участвовалъ и Кучумъ, которому подчиненъ былъ Кихекъ, но онъ едва-ли могъ близко знать мѣстныя условія войны*. Пользуясь чрезвычайно благопріятнымъ моментомъ, князь Пелымскій съ войскомъ въ 700 человѣкъ разгромилъ всю Пермь Великую отъ Чердыни и Кайгорода до береговъ Чусовой, при чемъ на этомъ пути его подкрѣпили всѣ старые недоброжелатели Русскихъ: Татары, Башкиры, Остяки, Вогуличи, Вотяки, обитавшіе по рѣкамъ Иньвѣ, Обвѣ, Косьвѣ (притоки Камы) и южнѣе—по Сылвѣ, Шаквѣ и Ирени (бассейнъ Чусовой) *). Такого страшнаго погрома Пермь Великая не испытывала никогда въ теченіе всей ея исторіи. Начавъ съ Чердыни, которой однако не взялъ, Кихекъ пошелъ на Кай-городокъ, опустошая все на своемъ пути, оттуда на Соликамскъ, который разграбилъ и предалъ пламени, далѣе прошелъ по прикамской вотчинѣ Никиты Строганова—мимо Канкора (Пыскора тоже) и Кергедана (т. е. Орла), по вотчинѣ Семена Аникіевича—мимо Яйвенскаго острожка и наконецъ вторгнулся въ самую южную часть Перми Великой, въ вотчину Максима Строганова, гдѣ его полчища и соединились со стоявшими на Чусовой ино-

*) *Строгановская* лѣтопись подъ 1581 г.; *Карамзинъ*, IX, примѣч. 671. Подробности этого разгрома указаны и въ мѣстныхъ *Соликамскихъ* лѣтописяхъ, изданныхъ мною въ «Пермскихъ Губ. Вѣд.» 1883 и 1884 г.г. и отдѣльно, и *Берхомъ* въ книгѣ: «Путешествіе въ г.г. Чердынь и Соликамскъ». СПБ. 1821 г.

родцами, предавъ всю эту мѣстность полному разграбленію, при чемъ Чусовской городокъ и Сылвенскій острожекъ съ ихъ гарнизонами однако же устояли противъ враговъ. Отсюда Пелымскій князь направился во свояси по слѣдамъ казаковъ, которые между тѣмъ были уже на вершинахъ Урала. Пелымъ не оставался, вѣроятно, безъ всякой защиты, Кихекъ отлично зналъ всѣ ближайшіе къ нему пути и видимо разсчитывалъ возвратиться туда до прихода казаковъ.

Теперь подробно остановимся на упомянутыхъ выше челобитныхъ и грамотахъ отъ 6 ноября 1581 г. и отъ 16 ноября слѣдующаго года. Мы показали, при какихъ условіяхъ возникла эта переписка съ царемъ: она вызвана была *совершенно исключительными обстоятельствами* и крайней опасностью, въ виду которой осенью 1581 г. была вся Пермь Великая. Только этимъ можно объяснить слишкомъ необычную жалобу самому царю Семена и Максима Строгановыхъ на своего же ближайшаго родственника и участника въ Сибирскомъ предпріятіи. Но имъ нечего было бояться выдачи ихъ головою царю, потому что Никита Строгановъ былъ такой же виновникъ призванія казаковъ вопреки царской грамоты 1574 г., какъ Семенъ и Максимъ: выдавъ ихъ, онъ выдалъ бы и себя. Не то было по отношенію къ Пелепелицыну, который, по увольненіи отъ намѣстничества кн. Елецкаго въ декабрѣ 1581 г., остался одинъ правителемъ Перми: въ разсчетѣ на его молчаніе Строгановы сильно ошиблись, полагаясь, вѣроятно, на прежде обычную благосклонность къ нимъ намѣстниковъ и не предвидя всего случившагося. Погромъ Перми въ 1581 г. былъ столь ужасенъ, что замалчивать правду предъ царемъ для Пелепелицына было бы равносильно добровольному обреченію себя на смерть въ то грозное время Іоаннова царствованія: *и онъ открылъ царю всю правду,* что для Строгановыхъ было сильнымъ нравственнымъ ударомъ. Теперь спрашиваемъ: есть-ли какое нибудь основаніе подозрѣвать Пелепелицына въ умышленномъ извѣтѣ на Строгановыхъ, какъ это дѣлаетъ г. *Адріановъ* въ послѣдней тенденціозной статьѣ по вопросу о покореніи Сибири? *).

*) «Къ вопросу о покореніи Сибири» въ «Журналѣ Минист. Народ. Просв.» 1893 г., апрѣль, стр. 548—549. Статья эта представляетъ возраженіе на наши выводы по тому же вопросу, изложенные въ IV вып. «Пермской Старины».

Задавшись цѣлью доказать, что „Ермакъ дѣйствовалъ по собственной иниціативѣ и совершенно независимо отъ Строгановыхъ“ (стр. 548) и опираясь въ своихъ доказательствахъ *только* на Сибирскія лѣтописи, г. Адріановъ возвелъ напраслину на ни въ чемъ не повиннаго Пелепелицына, надъ головой котораго висѣлъ мечъ, будто онъ, „желая навлечь царскую опалу на Строгановыхъ (?), обвинялъ ихъ въ призваніи воровъ казаковъ и въ задираніи Сибирскаго салтана“ (стр. 549); сдѣлалъ же онъ такой извѣтъ потому, будто-бы, что „отъ Строгановскихъ привилегій кормленіе Чердынскаго воеводы сильно страдало“ (548). Все это *придумано* г. Адріановымъ для того, чтобы убѣдить читателя, что и вызванная челобитной Пелепелицына грамота 16 ноября 1582 г. такъ же лжетъ на счетъ Строгановыхъ, какъ Сибирская лѣтопись, носящая ихъ названіе, а затѣмъ и послѣдующія царскія грамоты, жалованныя Строгановымъ въ XVII вѣкѣ. Такой пріемъ историческихъ „доказательствъ“, признаемся, намъ сильно напомнилъ г. Новокрещенныхъ, на котораго г. Адріановъ съ удовольствіемъ ссылается, и о своеобразныхъ критическихъ пріемахъ котораго мы уже говорили въ IV выпускѣ нашего изданія (стр. XI—XIV). Кромѣ того исключительнаго положенія, въ которомъ на мѣстѣ Пелепелицына въ 1581—1582 г.г. поступилъ бы не иначе всякій, кому дорога собственная жизнь, укажемъ г. Адріанову и его сторонникамъ, что Строгановскія привиллегіи ничуть не мѣшали воеводамъ обогащаться на счетъ Строгановыхъ, какъ въ этомъ убѣждаетъ вся исторія колонизаціи ими прикамскихъ земель, при несомнѣнномъ содѣйствіи Великопермскихъ намѣстниковъ *). При отсутствіи легальныхъ доходовъ съ вотчинъ Строгановыхъ, намѣстники не гнушались добровольными даяніями отъ ихъ щедротъ въ видѣ „благодарностей“ за услуги, и какъ было у насъ весьма не рѣдко, на бумагѣ было одно, а на дѣлѣ другое.

Итакъ отдавая справедливость г. Адріанову за старательное изученіе состава Сибирскихъ лѣтописей, анализъ содержанія которыхъ показалъ намъ ихъ взаимное соотноше-

---

*) «Пермская Старина» I, 95—105; II, 97—98 и 154—189; III, 108—110; IV, 83—87.

ніе и *пермское происхожденіе Строгановской лѣтописи*, мы не можемъ согласиться съ его основнымъ взглядомъ на Строгановыхъ и Пелепелицына, а равно и на значеніе царскихъ грамотъ, данныхъ на имя Строгановыхъ, на которыя г. Адріановъ смотритъ слишкомъ поверхностно и безъ достаточнаго основанія вѣритъ имъ гораздо менѣе, чѣмъ „Осиповой“ и Ремезовской лѣтописямъ Сибири. Допустимъ, что Строгановская лѣтопись составлена позже „Осиповской“, что составитель первой былъ отчасти компиляторомъ второй, что онъ былъ для Строгановыхъ „свой человѣкъ“, а потому, не въ примѣръ всѣмъ другимъ лѣтописцамъ, воспользовался и ихъ фамильными грамотами, такъ какъ ясно видѣлъ крупные пробѣлы въ изложеніи фактовъ другими лѣтописцами. Но гдѣ все таки основаніе подозрѣвать его въ *вымышленіи* всѣхъ событій касательно Строгановыхъ, которыхъ другіе лѣтописцы, жившіе преимущественно въ Тобольскѣ, по отдаленности отъ Перми Великой *и не могли знать*? гдѣ основаніе подозрѣвать его въ *извѣтѣ* на Пелепелицына, когда именно этому лѣтописцу выгоднѣе было умолчать о такихъ отношеніяхъ воеводы къ Строгановымъ *), равно какъ и о призывѣ казаковъ съ Волги, которое было явнымъ злоупотребленіемъ Строгановыми довѣрія къ нимъ царя, ихъ щедраго благодѣтеля? гдѣ наконецъ основаніе считать самого Пелепелицына лжецомъ предъ грознымъ царемъ, когда факты того времени говорятъ о полной искренности всѣхъ его дѣйствій—такіе исключительные факты, которые заставили даже дядю бить челомъ на племянника и брата—на брата? Нѣтъ, мы должны снять съ этой личности, столь памятной всему Пермскому краю, незаслуженный ею упрекъ, очистить ее отъ несправедливыхъ укоровъ потомства и отвести ей наиболѣе почетное мѣсто въ длинномъ ряду другихъ Великопермскихъ намѣстниковъ и воеводъ. Личность этого воеводы въ ряду другихъ представляется наиболѣе свѣтлою и во всякомъ случаѣ болѣе безупречною по сравненію съ современными ему Строгановыми. Достопамятнымъ царскимъ грамотамъ Строгановыхъ

*) Именно *Строгановская* лѣтопись не проронила слова о томъ, что Пелепелицынъ *по злобѣ* сдѣлалъ донесеніе царю о дѣйствіяхъ Строгановыхъ; онъ долженъ былъ донести о томъ царю по своему *служебному положенію*.

1581 и 1582 годовъ мы должны вѣрить ничуть не менѣе лѣтописей, если желаемъ быть безпристрастны въ своихъ сужденіяхъ.

Во всей грамотѣ отъ 6 ноября 1581 г. на имя Никиты Строганова *нѣтъ и намека на вольныхъ казаковъ, потому что не могло быть его въ челобитной Семена и Максима* Строгановыхъ, послѣдствіемъ которой явилась эта грамота; *нѣтъ его и въ грамотѣ, посланной въ одинъ день Пермскому намѣстнику князю Елецкому.* Строгановы призвали казаковъ вопреки грамоты 1574 г., отправили ихъ въ Сибирь также безъ царскаго указа, а потому естественно не могли ни словомъ упомянуть о ихъ недавнемъ присутствіи въ своихъ вотчинахъ. Вѣроятно, они отправили свою челобитную къ царю въ самомъ началѣ сентября, когда Вогуличи вслѣдъ за уходомъ казаковъ обложили ихъ Чусовскую вотчину съ южной стороны, по предварительному уговору съ Пелымскимъ княземъ Кихекомъ (6 ноября уже дана была грамота). Самъ же князь стоялъ въ это время на противоположномъ концѣ Перми Великой, подъ стѣнами Чердыни, а не на Чусовой, какъ неправильно толкуютъ многіе: это доказывается всѣмъ послѣдующимъ движеніемъ его рати съ сѣвера на югъ, съ береговъ Колвы на р. Чусовую, потому что и пришелъ онъ изъ за Урала съ Лозьвы на Вишеру по старой Сибирской дорогѣ. Движеніе рати подробно указано въ Строгановской лѣтописи. Но если бы Ермакъ самовольно вторгнулся въ вотчины Строгановыхъ и, надѣлавъ въ нихъ дебоширствъ, самовольно двинулся въ Сибирь, съ вынужденной поддержкой ихъ, какъ заявляетъ Ремезовъ, то Строгановы, какъ сторона пострадавшая, *непремѣнно упомянули бы о томъ въ челобитной къ царю въ собственныхъ интересахъ.* Но этого мы изъ грамоты Никитѣ не видимъ. „Били намъ челомъ, гласитъ грамота, Семенъ да Максимъ Строгановы, а сказали: приходитъ де войною Пелымской князь съ Вогуличи на ихъ слободы (разумѣются Чусовская и Сылвенская слободы), и деревни многіе выжгли, и крестьянъ въ полонъ емлютъ, и нынѣ де Пелымской князь съ Вогуличи стоитъ (не самъ князь, а одинъ изъ его „мурзъ") около Чюсовскаго острогу; и намъ бы пожаловати—*велѣти имъ дати ратныхъ людей съ Перміи съ Великія, а ты де (Никита) съ ними противъ Вогуличь не*

стоишь и людей на помощь не даешь" *). Тутъ челобитная Семена и Максима Строгановыхъ кончается, и далѣе начинается самая грамота, т. е. резолюція царя на челобитную. По смыслу этой послѣдней, Семенъ и Максимъ жаловались только на Никиту, о князѣ Елецкомъ и Пелепелицынѣ не упоминали ничего и только просили у царя распоряженія о присылкѣ войска изъ Чердыни, *такъ какъ не знали, что тамъ, подъ самымъ городомъ, уже стоитъ самъ Кихекъ*. Пелепелицынъ зналъ, конечно, о казакахъ въ вотчинахъ Строгановыхъ и, не предвидя послѣдствій ихъ пребыванія въ вотчинахъ, не доносилъ о призывѣ ихъ преждевременно, не желая сдѣлаться доносчикомъ. Можетъ быть, главный намѣстникъ края, князь Елецкій, не желалъ того. Но когда обстоятельства круто измѣнились, и Пелепелицынъ убѣдился, что вся напасть на Великую Пермь обрушилась по винѣ казаковъ; когда вслѣдъ затѣмъ въ декабрѣ 1581 г. былъ отозванъ отъ должности князь Елецкій, который, повидимому, сильно благоволилъ Строгановымъ, то оставшійся единоличнымъ правителемъ края Пелепелицынъ *уже не могъ болѣе скрывать отъ царя дѣйствительное положеніе дѣлъ и*, по долгу совѣсти и службы, донесъ о всемъ царю такъ, какъ было въ дѣйствительности, *открылъ всю правду*.

На челобитную Семена и Максима царь отвѣчалъ Никитѣ Строганову въ слѣдующихъ словахъ: „и какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ съ Семеновыми и съ Максимовыми людьми на Вогуличь посылалъ людей своихъ сколько пригоже, и стояли бъ твои люди съ Сем. и Мак. людьми *за одинъ и себя оберегали сопча*; *а съ Перми земскимъ старостамъ людей въ помочь собравъ посылати велѣли жъ есьмя*, смотря по людямъ, сколько коли Вогуличь воинскихъ людей придетъ, и велѣли имъ стояти съ Сем. и Макс. людьми противъ Пелымскаго князя *сопча за одинъ*, а ты бъ таковожъ велѣлъ своихъ людей съ Пермскими людьми и съ Семеновыми и съ Максимовыми *вмѣстѣ стояти противъ Пелымскаго князя*, и воевать имъ (Вогуличамъ) не давали, *чтобъ вамъ всѣмъ отъ войны уберетчись*" (Миллеръ, 144). Мы видѣли,

*) *Миллеръ*, стр. 144. Мы полагаемъ, что здѣсь надо разумѣть одного изъ подручныхъ Пелымскому князю мурзъ, едва-ли не того же Бегбелія, снова измѣнившаго Русскимъ, по освобожденіи изъ ихъ плѣна.

что вслѣдствіе заранѣе составленнаго Кихекомъ широкаго плана военныхъ дѣйствій, событія такъ быстро слѣдовали одно за другимъ, что ни воеводы, ни Строгановы, застигнутые врасплохъ, не успѣли принять никакихъ мѣръ къ самозащитѣ общими силами и должны были обороняться каждый отдѣльно. Понятно также, что если на противоположныхъ концахъ Перми Великой Русскіе не знали о совершающихся событіяхъ, то тѣмъ болѣе ничего не знали о нихъ въ Москвѣ, тѣмъ болѣе ничего не могли тамъ подозрѣвать о роли казаковъ, какъ главныхъ виновниковъ всей этой смуты. Грамота Никитѣ Строганову служитъ лучшимъ тому доказательствомъ.

Посылая грамоту Никитѣ Строганову, Іоаннъ въ то же время повелѣвалъ Пермскому намѣстнику князю Елецкому стоять сообща со Строгановыми противъ общаго врага—Вогуличей, собравшихся въ большомъ числѣ подъ знаменемъ Пелымскаго князя*). „А съ Перми земскимъ старостамъ людей въ помочь собравъ посылати велѣли жъ есьмя", писалъ Іоаннъ Никитѣ Строганову. Но намѣстникъ Великопермскій не исполнилъ воли царя и допустилъ грознаго врага въ предѣлы ввѣреннаго его попеченію края. Мало того, *этотъ врагъ, явившійся сюда по замысламъ Кучума столь неожиданно*, на всемъ пути своего опустошительнаго слѣдованія отъ Чердыни и Кайгорода до Чусовой не встрѣтилъ нигдѣ сколько нибудь серьезнаго отпора и, уничтожая все огнемъ и мечемъ, побѣдоносно прошелъ страну изъ конца въ конецъ на протяженіи по крайней мѣрѣ 400 верстъ. Все это совершилось такъ быстро и неожиданно, что царскіе гонцы, привезшіе въ Пермь упомянутыя грамоты кн. Елецкому и Никитѣ Строганову, встрѣтили здѣсь, къ своему ужасу, только груды развалинъ и пепелища и услыхали вопль оставшихся въ живыхъ жителей этой страны. Насколько ужасенъ былъ этотъ погромъ Перми Великой, насколько врѣзался онъ въ память мѣстныхъ жителей,—можно судить по тому, что въ г. Соликамскѣ, въ 1581 г. пострадавшемъ больше всѣхъ другихъ городовъ этой страны, доселѣ суще-

*) Грамота князю Ивану Мих. Елецкому дана почти въ той же формѣ и отъ того же 6 ноября 1581 г. Она сохранилась въ фамильномъ архивѣ Строгановыхъ въ С.-Петербургѣ и напечатана въ «Пермской лѣтописи» *Шишонко*, т. I, стр. 96.

ствуетъ въ память этого нашествія грандіозный крестный ходъ въ девятую пятницу по пасхѣ, къ которому ежегодно стекается въ этотъ городъ множество людей со всѣхъ концовъ Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ *). Убитые при нашествіи Кихека были похоронены на песчаномъ холмѣ, возвышающемся съ южной стороны города. Множество человѣческихъ костей, обнажаемыхъ изъ подъ песка вѣтромъ, доселѣ свидѣтельствуетъ о бывшемъ здѣсь побоищѣ; на общей могилѣ въ старину стоялъ большой крестъ, а нынѣ стоитъ небольшая деревянная часовня. Народъ доселѣ усердно и свято чтитъ память этихъ „убіенныхъ" **).

Полное умиротвореніе Перми Великой послѣ такого опустошенія, конечно, совершилось не вдругъ, тѣмъ болѣе что внутри страны оказались недовольные элементы. Мы видѣли, что къ Пелымскому князю пристали инородцы, жившіе по Обвѣ и Иньвѣ. Вѣроятно, это были Обвинскіе Остяки, а подъ Вотяками скорѣе всего слѣдуетъ разумѣть Иньвенскихъ Пермяковъ, увлеченныхъ въ общій потокъ инородческаго возстанія противъ Русскихъ. Земли по Иньвѣ и Обвѣ инородцы считали своею исконною собственностью, но со времени появленія Строгановыхъ въ Перми Великой онѣ постепенно стали переходить въ ихъ руки, не смотря на оговорку грамоты 1558 г. о неприкосновенности владѣній прежнихъ обитателей края. Теперь даже Пермяки рѣшились подняться противъ своихъ притѣснителей сообща съ другими инородцами. Ближайшимъ же поводомъ къ возстанію Сылвен-

---

*) Протоіерей *А. М. Луканинъ*: «Церковно-историческое и археологическое описаніе г. Соликамска». Пермь. 1882 г. изданіе 2-е, стр. 88. Авторъ, тщательно изучившій богатые церковные архивы Соликамска, приводитъ въ подлинникѣ нѣсколько челобитныхъ къ епископамъ Вятскимъ и Великопермскимъ и ихъ указовъ, изъ коихъ видно, что празднованіе девятой пятницы въ Соликамскѣ установлено еще при епископахъ Вологодскихъ и Пермскихъ, рядъ которыхъ начинается съ 1584 г. Крестный ходъ въ помянутый день установленъ «*по обѣщанію и челобитью прежнихъ мірскихъ людей ради варварскаго нашествія*» (челобитная Вятск. епископу Діонисію отъ 5 февраля 1711 г., въ книгѣ стр. 83—85). Въ другой челобитной епископу Алексѣю отъ 1719 г. сказано: «*Съ прошлыхъ лѣтъ изстари отъ нахожденія войска Ногайскихъ Вогуличь на городъ Соль Камскую и убійства*».... установлено празднество (стр. 85).

**) На этомъ историческомъ холмѣ я лично бывалъ неоднократно и слыхалъ преданія о битвѣ Русскихъ съ Вогуличами и другими «невѣрными».

скихъ и Иренскихъ Татаръ и Остяковъ, безъ сомнѣнія, послужили „задиранія“ казаковъ, такъ какъ эти инородцы жили за предѣлами Перми Великой. Итакъ умиротвореніе Пермской страны потребовало по крайней мѣрѣ съ полгода времени, а вѣроятно и болѣе, и лишь послѣ того Великопермскія власти могли донести царю о всемъ происшедшемъ. Судя по тому, что крестный ходъ въ Соликамскѣ, установленный вскорѣ же послѣ погрома Кихека, пріуроченъ къ іюню мѣсяцу, мы думаемъ, что полное избавленіе отъ враговъ послѣдовало только къ этому времени. Во всякомъ случаѣ въ декабрѣ 1581 г. Пермь Великая еще не была спокойна. Это доказывается второй и третьей челобитными Семена и Максима Строгановыхъ, отвѣтомъ на которыя были царскія грамоты—одна отъ 20 декабря 1581 г. въ Пермь Великую и въ Усолье Камское старостамъ и цѣловальникамъ о дозволеніи Строгановымъ брать *охочихъ казаковъ* и пойти войной на Вогуличей, а другая грамота отъ 30 декабря того же года въ Пермь Великую Василію Пелепелицыну о возвращеніи убѣжавшихъ изъ слободъ ихъ въ Пермь Великую людей ихъ *). Эти двѣ грамоты доселѣ хранятся въ подлинникахъ въ архивѣ главнаго управленія Пермскими имѣніями Строгановыхъ въ селѣ Ильинскомъ Пермскаго уѣзда. Мы должны остановить на нихъ вниманіе читателя, какъ на документахъ, повидимому, никому не извѣстныхъ. Какъ сохраняемыя въ Пермскомъ краѣ, а не въ Петербургскомъ фамильномъ архивѣ Строгановыхъ, онѣ извѣстны были Ѳ. А. Волегову, но ихъ не зналъ проф Устряловъ.

Грамота отъ 20 декабря 1581 г. очень напоминаетъ таковую же отъ 6 августа 1572 г., данную Строгановымъ по поводу Черемисскаго бунта. Семенъ и Максимъ Строгановы, чувствуя крайнюю нужду въ людяхъ съ уходомъ Ермака и опасаясь въ то же время Вогуличей, просили государя, по примѣру 1572 г., дозволить на тѣхъ же условіяхъ набирать „охочихъ казаковъ“, которые не измѣнили царю, чтобы съ ихъ помощью воевать Вогуличей. При тогдашнемъ положеніи имъ дѣйствительно нельзя было придумать ничего лучшаго. Имъ приходилось думать уже не о личныхъ выго-

*) Въ печати не были.

дахъ отъ этого предпріятія, которыя всѣ должны были поступить въ руки казаковъ („животы" побѣжденныхъ), а только о личной и имущественной безопасности отъ внѣшнихъ враговъ. Никита Строгановъ въ этой челобитной опять не участвовалъ, потому что, живя на Камѣ, не чувствовалъ болѣе по отдаленію опасности отъ Вогуличей. Семену и Максиму дозволено было, согласно просьбы ихъ, набрать охочихъ казаковъ, сколько нужно (пригоже), составивъ имъ именной списокъ и т. д.—словомъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ было дозволено тоже самое въ 1572 г. Доказательство, что царь ничего еще не зналъ о посылкѣ тѣми же Строгановыми въ Сибирь *вольныхъ* казаковъ.

Другая грамота отъ 30 декабря 1581 г., не представляя интереса по своему содержанію, важна для насъ тѣмъ, что писана на имя *одного Василія Пелепелицына. Значитъ, въ декабрѣ этого года князь Елецкій уже не былъ намѣстникомъ Перми Великой**), и его имени мы болѣе не встрѣчаемъ ни въ одномъ документѣ. Пелепелицынъ нѣкоторое время оставался на пермскомъ воеводствѣ безъ соправителя, который былъ присланъ въ Чердынь лишь въ ноябрѣ 1582 г. въ лицѣ *Воина Оничкова*. Съ послѣднимъ былъ посланъ въ Пермь Великую еще Иванъ Глуховъ въ качествѣ военачальника, тотъ самый, который въ 1583 г. назначенъ былъ въ товарищи къ первому Сибирскому воеводѣ князю Семену Дмитр. Болховскому.

Итакъ съ января до ноября 1582 года Пелепелицынъ оставался одинъ на Чердынскомъ воеводствѣ. Нѣкоторые сторонники Есиповской лѣтописи думаютъ, что этимъ-то временемъ и воспользовался онъ, чтобы написать доносъ на Строгановыхъ и обвинить ихъ въ мнимомъ будто-бы призваніи Ермака. Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ, мы предлагаемъ всѣмъ сторонникамъ Есиповской и Ремезовской

---

*) Въ I вып. «Пермс. Стар.», на стр. 170, въ спискѣ Великопермскихъ воеводъ мы поставили неправильно кн. Елецкаго подъ 1582 г., положившись на протоіерея Луканина; *слѣдуетъ поставить 1581 годъ*; а предъ воеводою Булгаковымъ, на второмъ мѣстѣ послѣ князя Ковра, *подъ 1570 г. въ спискѣ нужно поставить намѣстника Никиту Ивановича Ромодановскаго. Пелепелицынъ въ 1581 г. сидѣлъ на воеводствѣ совмѣстно съ княземъ Елецкимъ, а въ 1582 г.—съ Воиномъ Оничковымъ.*

лѣтописей и противникамъ Строгановской разрѣшить намъ на основаніи существующихъ источниковъ три дилеммы: 1) если Пелепелицынъ наклеветалъ на Строгановыхъ въ своей челобитной царю, будто они призвали Ермака, царь же повѣрилъ клеветѣ и сдѣлалъ ошибку въ грамотѣ 1582 года, повторенную затѣмъ въ послѣдующихъ царскихъ грамотахъ; то почему Строгановы съ своей стороны не жаловались царю на Пелепелицына за то, что онъ допустилъ казаковъ безнаказанно разбойничать въ вотчинахъ Строгановыхъ, по словамъ Ремезова; допустилъ задиранія ихъ съ сосѣдними инородцами, которые все это и выместили жестоко на злополучной Перми тотчасъ по уходѣ казаковъ: клевета съ одной стороны и благодарность за нее съ другой—не мыслимы. 2) Если Пелепелицынъ завѣдомо по злобѣ сказалъ царю ложь про Строгановыхъ, представивъ ихъ измѣнниками, то почему Строгановы не приняли никакихъ мѣръ къ оправданію себя въ глазахъ царя, при посредствѣ хотя бы того же князя Елецкаго, какъ недавняго свидѣтеля всего происходившаго, только что вернувшагося изъ Перми въ Москву, или самихъ казацкихъ атамановъ, вскорѣ получившихъ царское прощеніе, а съ нимъ и довѣріе: клевета съ одной стороны и молчаніе праваго съ другой, особенно предъ лицомъ царя,— не совмѣстимы. 3) Если весь Сибирскій походъ былъ дѣломъ самихъ казаковъ, безъ всякаго участія Строгановыхъ (по Есипову), и даже съ ущербомъ для нихъ (по Ремезову), то почему Строгановы, ранѣе проявившіе на Камѣ и Чусовой такую энергію и предпріимчивость, безропотно отказались отъ всѣхъ правъ на данныя имъ обширныя земли въ Сибири, коихъ свободно хватило бы и на ихъ долю по завоеваніи страны казаками; отказались отъ этого богатства, лежавшаго подъ ихъ ногами, при тѣхъ широкихъ льготахъ, какія предоставляла имъ грамота 1574 г., почти списанная съ такихъ же грамотъ на земли по Камѣ (1558 г.) и Чусовой (1568 г.): бить самого себя человѣку не свойственно *).

---

*) Весьма основательныя соображенія по этимъ вопросамъ находятся въ историческомъ обозрѣніи Тобольской губерніи, заключающемся во введеніи къ «Спискамъ ея населенныхъ мѣстъ». СПБ. 1871 г., стр. LXXI—LXXIV.

Если сторонники Есиповской и Ремезовской лѣтописей въ состояніи удовлетворительно рѣшить эти три основныя дилеммы въ вопросѣ о покореніи Сибири—рѣшить безъ натяжекъ, на основаніи всей совокупности источниковъ, то мы перейдемъ на ихъ сторону, сознавъ свою ошибку; а теперь, не смотря на послѣднія увѣренія г. Адріанова, намъ остается повторить тѣ главныя 10 положеній въ „Сибирскомъ вопросѣ", которыя имѣютъ въ насъ силу твердаго убѣжденія и приведены въ IV выпускѣ „Пермской Старины", на страницахъ 61—63. Мы недоумѣваемъ, на какомъ основаніи г. Адріановъ считаетъ всѣ наши доказательства участія Строгановыхъ въ покореніи Сибири „простымъ пересказомъ мнѣній другихъ ученыхъ", тогда какъ въ рѣшеніи этого вопроса *мы вездѣ впереди всего ставили свидѣтельства источниковъ и на основаніи ихъ-то впервые установили три группы мнѣній ученыхъ, принятыя затѣмъ Иловайскимъ*, а чрезъ него и самимъ г. Адріановымъ. Д. И. Иловайскій въ III томѣ своей „Исторіи" воспользовался нашей статьей 1884 г., которая и перепечатана въ 1892 г. въ IV выпускѣ „Пермской Старины".

Выслушаемъ теперь ту горькую правду про Строгановыхъ, которую повѣдалъ царю его Великопермскій воевода Пелепелицынъ въ челобитной 1582 года, и которой не скрылъ отъ потомства неизвѣстный составитель Строгановской лѣтописи, къ его собственной чести. Грамота, бывшая результатомъ этой челобитной, писана только на имя Максима и Никиты Строгановыхъ, что я объясняю тѣмъ, что Семенъ Аникіевичъ въ 1582 г. (въ январѣ или февралѣ) переселился въ Сольвычегодскъ, *куда и посланъ былъ ему особый списокъ той же опальной грамоты*. Тамъ, въ Сольвычегодскѣ, Семенъ Аникіевичъ и скончался 22 октября 1587 г.*). Грамота скрѣплена черной восковой печатью и подписями царя Ивана Васильевича и дьяка Андрея Щелкалова.

*) «Пермская Старина», IV, 67 и родословная таблица во II выпускѣ, стр. 70. «Опальную» грамоту отъ 16 ноября 1582 г. см. у *Миллера*, стр. 145—147, также въ «Дополненіяхъ къ Актамъ Историч.», I, 184—185, въ «Пермской лѣтописи» *Шишонко*, I, 100—101 и въ Строгановской лѣтописи, изданной *Спасскимъ* въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» 1821 г. и отдѣльно (СПБ. 1821 г.).

Подлинная грамота на имя Максима и Никиты хранится въ фамильномъ архивѣ Строгановыхъ въ Петербургѣ, а экземпляръ Семена Аникіевича, кажется, утраченъ.

Челобитная Пелепелицына передана въ грамотѣ въ такихъ словахъ: „Писалъ къ намъ изъ Перміи Василей Пелепелицынъ, что послали вы изъ остроговъ своихъ Волжскихъ атамановъ и казаковъ Ермака съ товарыщи воевать Вотяки (не было-ли въ челобитной слова Остяки?) и Вогуличей и Пелымскія и Сибирскія мѣста сентября въ 1 день, *а въ тотъ же день* *) собрався Пелымской князь съ Сибирскими людьми и съ Вогуличи приходилъ войною на наши Пермскія мѣста, и къ городу къ Чердыни къ острогу приступалъ, и нашихъ людей побили, и многіе убытки нашимъ людемъ починили. *и то сдѣлалось вашею измѣною:* вы Вогуличь и Вотяковъ (Остяковъ) и Пелымцовъ отъ нашего жалованья отвели, и ихъ задирали, и войною на нихъ приходили, да *тѣмъ задоромъ съ Сибирскимъ салтаномъ ссорили насъ* **), *а Волжскихъ атамановъ къ себѣ призвавъ, воровъ наняли въ свои остроги безъ нашего указу*, а тѣ атаманы и казаки прежъ того ссорили насъ съ Нагайскою ордою, пословъ Нагайскихъ на Волгѣ на перевозѣхъ побивали ***), и Ардобазарцовъ грабили и побивали, и нашимъ людемъ многіе грабежи и убытки чинили; и имъ было вины свои покрыти тѣмъ, что было нашу Пермскую землю оберегать, и они сдѣлали съ вами вмѣстѣ потомужъ, какъ на Волгѣ чинили и воровали, въ которой день *къ Перми къ Чердыни приходили Вогуличи сентября въ 1 день, а въ тотъ же день отъ тебя изъ остроговъ Ермакъ съ товарищи пошли воевать Вогуличи, а Перми ничѣмъ не пособили, и то все сталося вашимъ воровствомъ*

---

*) Совершенно не согласны съ толкованіемъ этой точной даты у *Иловайскаго* въ примѣч. 70 къ III тому его «Исторіи Россіи», стр. 661. *На самомъ дѣлѣ все было именно такъ, какъ говоритъ грамота.*

**) Очень важное доказательство, что *Пелымскій князь Кихекъ дѣйствовалъ съ вѣдома Кучума, какъ его вассалъ.* Потому-то онъ и не боялся оставить свое княжество на Пелымѣ въ виду скораго прибытія казаковъ въ Сибирь. Безопасность его владѣній была гарантирована Кучумомъ.

***) Фактическія доказательства справедливости этихъ словъ можно найти въ изслѣдованіи *Перетятковича*: «Поволжье въ XV и XVI в.в.» Москва. 1877 г., глава VI, 283, 304 и мн. др.

и измѣною...." Въ послѣднихъ словахъ весьма ясно сказано, что походъ начался *отъ Чердыни*, гдѣ Вогуличи были въ самый день выступленія казаковъ изъ Чусовскаго городка; но какъ могли въ городкѣ на Чусовой знать, что *въ тотъ же день* дѣлалось въ Чердыни, за 400 верстъ? Строгановы, конечно, не предвидѣли столь скораго нападенія на Пермь непріятелей, иначе они задержали бы казаковъ, потому что сами остались почти беззащитны. Пелепелицынъ очевидно былъ недоволенъ тѣмъ, что Строгановы не предупредили его *своевременно* объ отправленіи войска въ Сибирь. Само собою разумѣется, что ему не могъ нравиться образъ дѣйствій Строгановыхъ по отношенію къ казакамъ, какъ противозаконный; онъ не могъ не знать объ этомъ темномъ дѣлѣ, но не могъ, повидимому, и донести о немъ царю, пока въ Чердыни сидѣлъ князь Елецкій, кажется, сильно благоволившій богатымъ солеварамъ изъ своихъ выгодъ. Но какъ только послѣдній оставилъ Пермь Великую, и послѣдняя была окончательно замирена, Пелепелицынъ тотчасъ сообщилъ въ Москву о всемъ „безъ утайки". Это сообщеніе сдѣлано было лѣтомъ 1582 г., а грамота написана была 16 ноября.

Достопамятная грамота, повторяющая челобитную Пелепелицына, устами царя повелѣвала Максиму и Никитѣ Строгановымъ и мѣстнымъ властямъ немедленно принять слѣдующія мѣры для защиты Перми Великой: „И мы послали въ Пермь Воина Оничкова, *а велѣли тѣхъ казаковъ Ермака съ товарыщи взявъ отвести въ Пермь* (т. е Чердынь) *и въ Усолье въ Камское*, и туто имъ стоять велѣли раздѣляся, и *изъ тѣхъ мѣстъ на Пелымскаго князя зимою на нартахъ ходить воевать велѣли есмя тѣмъ всѣмъ казакамъ и Пермичамъ и Вятчанамъ* съ своими посланники съ Воиномъ съ Оничковымъ да съ Иваномъ съ Глуховымъ". Подчеркнутыя слова дѣлаютъ очевидными для насъ два обстоятельства: во 1-хъ, ходить на Пелымскаго князя велѣно было изъ Чердыни на нартахъ тою же сѣверною дорогою по Вишерѣ и Лозьвѣ, по которой пришелъ на Пермь самъ Кихекъ въ сентябрѣ 1581 г.; во 2-хъ, *въ Москвѣ въ ноябрѣ 1582 г. ничего не знали о предпріятіяхъ казаковъ*, которые были уже за Ураломъ въ Тюмени, на такомъ разстояніи отъ Перми, что немедленно вернуть ихъ въ Пермь не было никакой возможности.

Далѣе грамота предписывала Строгановымъ: „А вы бъ обсылаяся въ Чердынь съ Васильемъ съ Пелепелицынымъ и съ Войномъ съ Оничковымъ посылали отъ себя воевать Вогуличь и Отяковъ (Остяковъ), а однолично бъ естя по сей нашей грамотѣ *казаковъ всѣхъ, только къ вамъ изъ войны пришли, послали ихъ въ Чердынь тотчасъ и у себя ихъ не держали*". Ясно, что въ Москвѣ походъ казаковъ считали обыкновеннымъ набѣгомъ на сосѣдей Перми, который можно было тотчасъ остановить, и не подозрѣвали, что за Ураломъ эти казаки уже вели настоящую войну съ старымъ врагомъ Москвы—Кучумомъ, что отступаться отъ такого дѣла имъ было уже немыслимо. Изъ челобитной Пелепелицына нельзя было усмотрѣть ничего подобнаго, да вѣроятно онъ и самъ не зналъ, что казаки были уже такъ далеко отъ Перми; *это знали только Строгановы*. „А не вышлете изъ остроговъ своихъ въ Пермь, грозитъ далѣе грамота Максиму и Никитѣ, волжскихъ казаковъ—атамана Ермака Тимоѳеевича съ товарыщи, а учнете ихъ держати у себя, и Пермскихъ мѣстъ не учнете оберегати,—и такою вашею измѣною, что надъ Пермскими мѣсты учинитца отъ Вогуличь и отъ Пелымцовъ *и отъ Сибирскаго салтана людей* впередъ, *и намъ въ томъ на васъ опала своя положить большая. А атамановъ и казаковъ, которые слушали васъ и вамъ служили, а нашу землю выдали, велимъ перевѣшати*". Разъ все это сдѣлано было безъ царскаго указа, правительству нельзя было поступить иначе какъ со Строгановыми, такъ и съ казаками. Строгановы не исполнили, не могли уже исполнить повелѣніе царя, при всемъ желаніи ихъ, и слѣдовательно оказались въ большой опалѣ у царя, а Ермакъ и прочіе казаки подлежали смертной казни чрезъ повѣшеніе. Страхъ этой-то казни и побудилъ затѣмъ Ермака съ товарищами бить челомъ *непосредственно царю* царствомъ Сибирскимъ, въ надеждѣ заслужить прощеніе. Очевидно, люди Строгановыхъ не замедлили сообщить Ермаку гнѣвную грамоту царя, о которой иначе казаки не могли бы знать,—новое доказательство связи Строгановыхъ съ дружиною Ермака.

Отъ Перми Великой и Строгановыхъ перейдемъ къ Ермаку и послѣдуемъ за его дружиной. Мы знаемъ, что она выступила изъ Нижняго Чусовскаго городка (нынѣ село Пермскаго уѣзда того же названія) 1 сентября 1581 года. Въ отрядѣ Ермака было 540 вольныхъ казаковъ, пришедшихъ съ Волги, къ которымъ Строгановы, по условію съ Ермакомъ, присоединили еще своихъ воинскихъ людей. Сколько же было послѣднихъ? По Строгановской лѣтописи 300 чел., но такое количество представляется невѣроятнымъ, если принять во вниманіе, что по писцовой книгѣ Яхонтова 1579 г. все населеніе Пермскихъ вотчинъ Строгановыхъ едва превышало 400 чел. муж. пола. Очевидно, Строгановская лѣтопись въ данномъ случаѣ допускаетъ такую же ошибку, какихъ не мало дѣлаютъ въ разныхъ мѣстахъ Есиповъ и Ремезовъ. Такъ, сообщеніе Ремезова, будто у Ермака было отъ 5 до 7 тысячъ человѣкъ представляется совершеннымъ абсурдомъ уже потому только, что Кихекъ съ 700 чел. такъ страшно разгромилъ Пермь Великую *). Нужно помнить, что тогдашнія оборонительныя средства городовъ были ничтожны сравнительно съ нынѣшними. Положимъ, Кихекъ, проходя чрезъ Пермь Великую, получалъ подкрѣпленія отъ жившихъ въ ней и по сосѣдству инородцевъ, но изъ Великопермскихъ писцовыхъ книгъ 1579 г., содержаніе которыхъ мы анализировали въ III и IV выпускахъ „Пермской Старины", мы знаемъ, что все тяглое мужское населеніе Перми Великой какъ русское, такъ и инородческое въ 1579 г. доходило только до 2500 человѣкъ. Въ знаменитомъ „Югорскомъ" походѣ 1499—1500 г.г. участвовало до 4000 человѣкъ, но этотъ походъ былъ снаряженъ Московскимъ правительствомъ и имѣлъ цѣлью покореніе всѣхъ Угорскихъ земель какъ по сю, такъ и по ту сторону Урала и простирался даже въ сѣверныя части Сибири. Походъ же въ Сибирь 1581 г. былъ предпринятъ по частному почину, безъ вѣдома правительства, совсѣмъ иначе былъ обставленъ и уже потому не могъ располагать силами въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. И если бы

*) Удивляемся, что *Миллеръ* (стр. 95—96) защищаетъ именно показаніе Ремезова. *Карамзинъ*, *Соловьевъ*, *Иловайскій* принимаютъ показаніе Строгановской лѣтописи.

казаки въ числѣ до 6000 *самовольно* вторгнулись въ вотчины Строгановыхъ, лежавшія по Камѣ и Чусовой, то мыслимо-ли, чтобы Великопермскій намѣстникъ князь Елецкій не донесъ въ Москву объ этомъ вторженіи *немедленно*? Однако этого не было сдѣлано съ его стороны. На основаніи всѣхъ высказанныхъ соображеній, мы признаемъ весьма правдоподобнымъ показаніе Строгановской лѣтописи, что съ Ермакомъ выступило въ походъ 540 казаковъ; но подкрѣпленіе со стороны Строгановыхъ не могло быть до 300 человѣкъ. Гораздо вѣроятнѣе показаніе неизвѣстнаго составителя „Сказанія Сибирской земли", что Ермакъ, убоявшись преслѣдованія царскихъ воеводъ на Волгѣ, „съ товарищи 500 человѣкъ убѣжали съ Волги въ Каму рѣку вверхъ и прибѣже въ вотчины Строганову (конечно, по предложенію послѣдняго, такъ какъ въ противномъ случаѣ Строгановъ не могъ бы допустить Ермака въ свои вотчины и, при недостаткѣ своихъ силъ для этого, просилъ бы содѣйствія государева намѣстника)—*и тамо пребысть нѣсколько время*. И въ то число въ Строгановы городки и вотчины по Чюсовой и по Камѣ рѣкамъ пришелъ *вольно* изъ Вогуличь Пелымской князь во многомъ собраніи". (О приходѣ Ермака не сказано, что онъ пришелъ „вольно"). Тутъ несомнѣнно разумѣется набѣгъ Бегбелія съ 680 челов. на Чусовскіе городки, послѣдовавшій, по тогдашнему счисленію, 22 іюля 1580 г. Задумавъ далѣе походъ въ Сибирь, „Максимъ Строгановъ повелѣ Ермаку изъ вотчины своей людей имать охотниковъ, елико похотятъ; онъ же, набравъ тутошнихъ жителей *къ своимъ въ прибавку—сто пятьдесятъ четыре человѣка, всего собралъ себѣ 654 чел. и назвася казаками*". Это число охотниковъ идти въ Сибирь съ Ермакомъ не противорѣчитъ количеству тогдашняго населенія въ вотчинахъ Строгановыхъ и можетъ быть принято за самое вѣроятное. Всѣ эти охочіе Строгановскіе люди изъ пермскихъ вотчинъ также приняли названіе *казаковъ*, подъ которымъ ихъ всѣ и знали въ Сибири, не различая отъ настоящихъ волжскихъ казаковъ.

Переходимъ къ вопросу о пути Ермаковой дружины въ Сибирь; рѣшеніе его связано съ другимъ, болѣе важнымъ, вопросомъ о западной границѣ тогдашней Сибири. Изъ Стро-

гановской лѣтописи мы знаемъ, что казаки пробыли у Строгановыхъ *2 года и 2 мѣсяца*, прибывъ къ нимъ 28 іюня 1579 г. согласно пригласительнаго письма ихъ отъ 6 апрѣля сего года. Но если такъ, то здѣсь надо поставить, вопреки этой лѣтописи, 1578 годъ*). Издаваемое нами „Сказаніе Сибирской земли" замѣчаетъ довольно неопредѣленно, что Ермакъ у Строгановыхъ „пребысть нѣсколько время". Есиповъ не дѣлаетъ никакой оговорки объ остановкѣ казаковъ въ вотчинахъ Строгановыхъ. Ремезовъ говоритъ, что Ермакъ изъ Камы вошелъ въ Чусовую и, не зная мѣстности, по ошибкѣ повернулъ въ ея притокъ Сылву, гдѣ зазимовалъ, занявшись во время зимовки разбоемъ среди мѣстныхъ жителей и даже Вогуловъ, обитавшихъ за Ураломъ: *„и по за Камени Вогуличь воевали и обогатѣли, а хлѣбомъ кормилися отъ Максима Строганова"* **). Какъ же согласить всѣ эти извѣстія? Если не считать очевидныхъ несообразностей въ хронологіи Ремезова, то между всѣми этими извѣстіями не трудно усмотрѣть нѣкоторое согласіе, при чемъ мѣстная Строгановская лѣтопись, составленная въ Перми Великой, опять даетъ намъ наиболѣе вѣроятныя свѣдѣнія о появленіи и пребываніи казаковъ въ Пермскомъ краѣ съ іюня 1578 г. до сентября 1581 г. Мы привели уже изъ нея то мѣсто, гдѣ говорится о буйствѣ казаковъ за это время среди инородцевъ, объ умышленныхъ „задираніяхъ" съ ними, послѣдствіемъ которыхъ было два набѣга на вотчины Строгановыхъ въ 1580 г. 22 іюля мурзы Бегбелія и 1 сентября 1581 г. грознаго Кихека, о коихъ подробно и говоритъ таже Строган. лѣтопись. Если казаки, по словамъ Ремезова, воевали съ Вогулами даже „по за Камени" еще до начала главнаго Сибирскаго похода, то оба эти набѣга являются вполнѣ понятнымъ явленіемъ. Видно, что казаки предварительно „провѣдывали пути" въ Сибирь, въ виду предстоявшаго туда большаго похода, подобно тому, какъ Маметкулъ въ 1573 г. „провѣдывалъ дорогъ" изъ Сибири въ Пермь Великую. Идти въ Сибирь извѣстою сѣверною дорогою по Вишерѣ и Лозьвѣ

*) Нападеніе Бегбелія Строгановская лѣтопись также неправильно относитъ къ 1581 г., тогда какъ оно несомнѣнно было въ концѣ 1580 года по тогдашнему счисленію времени.

**) «Пермс. Стар.» IV, 36.

на Тавду казакамъ не представлялось возможности, потому что на этомъ пути находилась Тахтанская волость или Тахчеи, которая еще раньше перешла на сторону Кучума. Этотъ путь, слѣдовательно, былъ закрытъ, и потому приходилось разузнавать другіе болѣе южные пути въ царство Кучумово. Во всякомъ случаѣ извѣстіе Ремезова о предварительномъ разузнаваніи казаками путей, хотя и упущенное изъ вида всѣми прежними изслѣдователями вопроса, имѣетъ важное значеніе, показывая въ 1-хъ, что казаки провели нѣсколько времени у Строгановыхъ, прежде чѣмъ пошли на Кучума, что они имѣли здѣсь приготовленія къ походу съ помощью Строгановыхъ, а не прямо прошли съ Камы въ Сибирь, какъ пишетъ Есиповъ; и во 2-хъ, что они въ 1581 г. шли въ Сибирь уже по отчасти извѣстному имъ краю, чѣмъ и объясняются удачи Ермака въ этомъ походѣ, не смотря на ограниченность его войска (654 чел.). Доказательствомъ довольно продолжительнаго пребыванія Ермака на Уралѣ служитъ и прочная память о немъ здѣсь, сохраняющаяся доселѣ въ географическихъ названіяхъ мѣстностей. Мы уже сказали, что на р Сылвѣ, повыше села Тохтарева, доселѣ существуетъ деревня *Хуторы Ермаковы**). На дальнѣйшемъ историческомъ пути Ермака доселѣ встрѣчаемъ: *Ермаково городище*—мысъ при впаденіи рѣчки Кокуя въ р. Серебрянку, притокъ Чусовой, въ Кунгурскомъ уѣздѣ; другое *Ермаково городище* на р. Тагилѣ, въ 16 верстахъ отъ Нижне-Тагильскаго завода, на лѣвомъ берегу, и въ 4-хъ верстахъ ниже впаденія въ Тагилъ рѣки Баранчи, при устьѣ рѣчки Медвѣдки; рѣчка *Ермаковка*, незначительный правый притокъ Чусовой, и на ней *Ермаковскій рудникъ* въ дачѣ Серебрянскаго завода; наконецъ *Ермаковъ Камень* на правомъ берегу Чусовой, въ 34-хъ верстахъ ниже Кыновскаго завода, при устьѣ рѣчки Ермаковки, и пониже камня—отмель на р. Чусовой, называемая *Ермаковъ переборъ*, т. е. перекатъ **). Въ разныхъ

---

*) *Миллеръ*, держась лѣтописи Ремезова, замѣчаетъ, что Ермакъ по ошибкѣ зашелъ въ р. Сылву. «То мѣсто, гдѣ онъ тогда зимовалъ, называется и понынѣ *Ермаково городище*» (стр. 97). Но гдѣ именно оно - мы все таки не знаемъ. Нынѣ у села Тохтарева есть только «Хуторы Ермаковы».

**) Всѣ эти географич. свѣдѣнія заимствую изъ «Географич. словаря Пермской губ.» *Н. К. Чупина*, стр. 481—486. Замѣтка Калашникова: «Память о Ермакѣ въ

мѣстахъ Пермской губерніи есть еще до 20 деревень подъ названіями: „Ермаки", „Ермакова", „Ермаковка", „Ермачата", въ Тобольской губ. 5 поселеній съ подобными названіями, тогда какъ въ Уфимской и Оренбургской—ни одного*). Въ Пермскомъ уѣздѣ есть и село *Кольчово*, въ 28 верстахъ отъ Перми по Сибирскому тракту, нѣсколько влѣво отъ него, по дорогѣ въ село Насадку, что на р. Сылвѣ. Это небольшое село возникло изъ старинной деревушки того же имени. Такимъ образомъ память о завоевателяхъ Сибири доселѣ жива въ Пермскомъ краѣ; если не всѣ мѣста, то расположенныя по пути Ермака соименныя ему урочища несомнѣнно обязаны ему своими наименованіями, чего не могло бы быть, если бы Ермакъ только прошелъ чрезъ Пермскій край, а не прожилъ здѣсь болѣе двухъ лѣтъ, какъ и было въ дѣйствительности.

Изъ сопоставленія лѣтописныхъ извѣстій съ приведенными географич. названіями не трудно опредѣлить и самый путь, по которому дружина Ермака слѣдовала въ Сибирь. И въ этомъ отношеніи мѣстная Строгановская лѣтопись даетъ наиболѣе полныя свѣдѣнія, которыхъ не могло быть у далекихъ Тобольскихъ лѣтописцевъ по весьма понятной причинѣ: Великопермскій бытописатель гораздо лучше зналъ географію Приуралья и всѣ обстоятельства движенія казаковъ въ Сибирь. Съ момента же вступленія Ермака въ Сибирь, дальнѣйшія подробности похода онъ не могъ знать столь подробно, по отдаленности мѣста событій, почему свидѣтельства Ремезова и отчасти Есипова получаютъ преобладающее значеніе въ сообщеніи многихъ фактовъ.

Движеніе Ермаковой дружины было таково. Казаки отправились 1 сентября 1581 г. изъ Нижняго Чусовскаго городка вверхъ по Чусовой, по которой поднялись до Ермакова Камня при устьѣ рѣчки Ермаковки, гдѣ была сдѣлана первая остановка. Эта рѣчка и камень—скала получили названіе несомнѣнно отъ имени главнаго атамана казаковъ. Отсюда главная сила Ермака и самъ онъ поплыли къ устью

Пермскомъ краѣ», напечатанная въ «Историч. Вѣстникѣ» 1881 г., сентябрь, стр. 210—212, есть сплошной плагіатъ этого мѣста словаря Чупина, безъ ссылки на настоящаго автора.

*) См. «Списки населенныхъ мѣстъ» этихъ губерній.

Серебрянки, а другая часть дружины проплыла по Чусовой еще выше до рѣки Межевой Утки, вѣроятно, съ цѣлью разузнать дальнѣйшіе пути и вмѣстѣ поселенія Вогуловъ; но путь съ верховьевъ Утки оказался непроходимъ, казаки должны были вернуться къ устью Серебрянки *) или къ становищу у Ермака-Камня, если главный отрядъ еще не оставилъ его, и затѣмъ вся дружина стала подниматься вверхъ по Серебрянкѣ, достигнувъ ко времени замерзанія рѣки устья ея лѣваго притока Кокуя. Здѣсь на высокомъ мысу Ермакъ заложилъ *Кокуй-городокъ* („городокъ" на Чусовой, откуда вышли казаки, также назывался по рѣкѣ) для защиты себя во время зимовки. Съ того времени это урочище получило названіе „Ермакова городища" (нынѣ въ Кунгурскомъ уѣздѣ). Могло быть и такъ, что направившійся по Межевой Уткѣ отрядъ казаковъ поднялся прамо къ верховьямъ этой рѣки, очень близко подходящимъ къ истокамъ Кокуя, спустился по Кокую до его устья и здѣсь соединился съ остальной дружиной. Но въ самыхъ верховьяхъ рѣчки Кокуй и Межевая Утка не судоходны, почему это предположеніе имѣетъ менѣе вѣроятія. Весною 1582 г., *а по сентябрьскому счисленію того же 1581 года*, Ермакъ съ казаками перетащилъ свое имущество и суда чрезъ 25-верстный волокъ на рѣчку Жаравликъ, правый притокъ Баранчи, нынѣ въ Верхотурскомъ уѣздѣ, и идя берегомъ Жаравлика, достигъ рѣчки Баранчи, построилъ здѣсь плоты или суда, на которыхъ поплылъ внизъ по Баранчѣ въ рѣку Тагилъ и послѣднимъ—въ рѣку Туру, гдѣ начиналось уже Сибирское царство. Приведемъ наиболѣе обстоятельное свидѣтельство Строгановской лѣтописи объ этомъ движеніи казацкой рати. „И казаки идоша по Чюсовой рѣкѣ вверхъ до усть Серебряныя рѣки 4 дни и по Серебряной рѣкѣ идоша 2 дни *и доиде Сибирской дороги* и при ней городокъ земляной поставиша и назва его *Ермаковъ—Кокуй-городокъ*. И съ того мѣста перевезеся 25 поприщь за волокъ на рѣку, рекомую Жаравль, и по той рѣцѣ поидоша внизъ *и вышедъ на Туру рѣку: ту бѣ и Сибирская страна*" **).

*) Это видно изъ статьи 6-й лѣтописи Ремезова.

**) Изъ имѣющейся у меня рукописной Строгановской лѣтописи. Срав. у *Карамзина* стр. 385 и примѣч. 675 къ IX тому «Исторіи» его. Сообщеніе этой лѣтописи, что казаки вступили въ Сибирскую землю 9 *сентября того же года* нужно

О развѣдкахъ по Межевой Уткѣ и въ другихъ мѣстахъ извѣстія находимъ у Ремезова. Въ довольно достовѣрномъ „Сказаніи Сибирской земли“ о движеніи казаковъ читаемъ: „И отпусти ихъ въ Сибирь судами по рѣкѣ Серебрянкѣ вверхъ. Они же доидоша до оной и переволокли насады на рѣчку Жаравль и Пѣтухъ (sic!) и промежъ оныхъ рѣчкахъ (рѣчекъ?) *поставили городокъ и тутъ зимовали. И оттуду пришли на Тагилъ рѣку и по Тагилу плыша внизъ до рѣки Туры и Турою плыша внизъ до рѣки Тавды*“. Относительно мѣста зимовки казаковъ тутъ допущена очевидная ошибка, но о самой зимовкѣ доселѣ сохранились на Уралѣ народныя преданія. Подъ упомянутою въ Строган. лѣтописи „Сибирскою дорогою“ нужно разумѣть южную дорогу изъ Сибири въ Ногайскую орду, между которыми существовали постоянныя сношенія*). Этою дорогою пользовались только инородцы, особенно Сибирскіе Татары, Вогулы, Остяки и Ногаи; русское же правительство ея не признавало.

Мы дошли до вопроса: *гдѣ же начиналась тогда Сибирь? гдѣ шла ея западная граница?* Сѣверную границу этой страны для XV вѣка мы опредѣлили по источникамъ въ предъидущей главѣ. Тамъ мы пришли къ заключенію, что эта граница шла приблизительно по 58° сѣв. широты, къ сѣверу отъ котораго лежала земля Югорская въ широкомъ смыслѣ, а къ югу Сибирь, при чемъ на нижнемъ теченіи Туры и Тавды вогульскія поселенія встрѣчались съ татарскими. Вся Конда, Иртышъ ниже устья Тобола, его правые притоки Туртасъ и Демьянка и лѣвые притоки Оби Юганъ и Васъ-Юганъ составляли еще Угорскую область. Такъ было во времена Тайбугиной династіи въ Сибири. Съ паденіемъ ея и воцареніемъ грознаго Кучума, сѣверные предѣлы Сибири къ концу XVI в. значительно раздвинулись. Мы видѣли, что вся Тавда, Пелымъ были подвластны Кучуму, и князья Пелымскіе изъ Вогулъ, сохраняя автономію, дѣйство-

понимать въ томъ смыслѣ, что съ этого числа дружина остановилась на зимовку за предѣлами Перми Великой для развѣдокъ дальнѣйшаго пути, въ который Ермакъ выступилъ лишь весною.

*) Выше было упомянуто, что сынъ Кучума Алей въ 1577 г. женился на Ногайской царевнѣ, дочери Тинъ-Ахмата.

вали однако подъ его знаменемъ; Тахчеи и Конда, притоки Иртыша, были ему подвластны, и только татарскія княжества по Турѣ—Епанча и Чинги-Тура, т. е. Туринскъ и Тюмень, по русскому наименованію, въ то время не признавали, повидимому, власти Кучума, живущаго въ Искерѣ. Но если не считать подручныхъ, союзныхъ Кучуму княжествъ вогульскихъ и татарскихъ, то *собственныя его владѣнія были не велики*. Объ этомъ справедливо говорилъ *В. А. Словцовъ*: „Ландкарта Кучумовой Сибири или ханства Иртышскаго ограничивалась (вскорѣ по овладѣніи Искеромъ) къ сѣверу рѣчкою Демьянкою, въ Иртышъ впадающею, къ востоку юртами Вагайскими, къ югу холмомъ Атбашскимъ, гдѣ послѣ, съ 1633 года, былъ нашъ острогъ, къ юго-западу устьемъ Туры, къ западу устьемъ Тавды. Далѣе жъ сихъ предѣловъ кочевали союзники малозависимые или независимые: Остятскіе князцы, Барабинцы, Киргизъ-Кайсаки, Ногаи, Туралинцы Чингидинскаго улуса (т. е. Тюменскіе Татары), князцы Вогульскіе, Епанчинской и Пелымской“ *). *Карамзинъ* считалъ Туру западною границею Сибири на основаніи приведенной выше оговорки Строгановской лѣтописи: „и выпедъ (Ермакъ) на Туру рѣку: *ту бѣ и Сибирская страна*“ **). Но для рѣшенія вопроса о границахъ Сибири въ XVI в. случайной лѣтописной замѣтки, конечно, еще не достаточно.

Въ первый разъ слово *Сибирь*, какъ названіе города, упоминается на картѣ Франциска и Доминика *Пицигани* 1367 г. и во второй—на картѣ *фра-Мауро* 1459 г. ***). Слѣдовательно, во время перваго, достовѣрно извѣстнаго изъ IV Новгородской лѣтописи, Зауральскаго похода 1364 г. на рѣку Обь Новгородскихъ воеводъ Александра Абакумовича и Степана Ляпы слово „Сибирь“ уже было въ употребленіи. При описаніи похода 1483 г. Архангелогородскій лѣтописецъ довольно опредѣленно упоминаетъ Сибирскую землю: „пошли внизъ, по Тавдѣ рѣцѣ *мимо Тюмень въ Сибирскую землю*,.... *а отъ Сибири, шли*, по Иртышу рѣцѣ внизъ воюючи....

---

*) *Словцовъ*: «Историч. обозрѣніе Сибири», ч. 1-я. СПБ. 1886 г., XVIII.

**) «Исторія Госуд. Россійс.», IX, 385 и примѣч. 675 къ нему.

***) «Пермс. Стар.» II, 3. Проф. *Анучинъ* неправильно считаетъ первымъ упоминаніемъ слова Сибирь въ 1459 г. См. его статью, въ «Древностяхъ Московск. Археологич. Общ.» томъ XIV. М. 1890 г., стр. 245.

въ Югорскую землю". О важности этихъ указаній мы подробно говорили въ предъидущей главѣ, указавъ при этомъ и сѣверную границу Сибири того времени. Въ 1484 г. тою же лѣтописью упоминается древнѣйшій „Сибирскій князь Лятикъ" (см. тамъ же). Подъ 1505 г. одна лѣтопись говоритъ: „рать пришла безъ вѣсти *изъ Тюмени*, Кулукъ-Салтанъ"... (см. начало настоящей главы). Въ составленной около того же времени Великопермской уставной грамотѣ уже опредѣленно указывается на торговыя отношенія между Пермью Великой и *волокомъ Тюменскимъ* *). На картѣ *Антона Вида*, составленной между 1537—1544 г.г., но изданной въ 1555 году, указаны: города Sybir, Tumen и страны Abdori, Kondori, Wilki Perim **). Дальнѣйшія упоминанія тѣхъ же названій мы встрѣчаемъ на картахъ: *Мюнстера* 1544 г., *Герберштейна* 1549 и 1556 г.г., *Дженкинсона* 1562 г., голландца *Баренца* 1598 г., *Исаака Массы* 1609 г., *Гесселя Герарда* 1614 и наконецъ на русскихъ *чертежахъ* XVII вѣка ***). Такимъ образомъ еще до покоренія Сибири Русскими, слово *Сибирь* и другіе, относящіеся къ ней, наиболѣе важные географическіе термины можно прослѣдить по древнимъ картамъ и лѣтописямъ на протяженіи по крайней мѣрѣ двухъ съ половиной столѣтій. Сопоставляя показанія этихъ картъ съ извѣстіями всѣхъ сохранившихся письменныхъ источниковъ XIV—XVI вѣковъ, особенно лѣтописей, грамотъ и челобитныхъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ о значеніи слова *Сибирь* въ XVI вѣкѣ.

Сибирь на Иртышѣ и Тюмень на Турѣ, Сибирь на востокѣ и Тюмень на западѣ въ глазахъ Русскихъ и всѣхъ Европейцевъ по крайней мѣрѣ съ XIV вѣка составляли два отдѣльныя княжескія владѣнія, изъ коихъ Сибирь возвышается

---

*) «Пермская Старина» I, 192.

**) *Д. Н. Анучинъ*: «Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака» въ «Древностяхъ Моск. Археол. Общ.» т. XIV, 276—277. *Е. Е. Замысловскій*: «Чертежи Сибирскихъ земель XVI—XVII вв.» въ «Журналѣ Минист. Нар. Просв.» 1891 г., іюнь.

***) О всѣхъ поименованныхъ картахъ см. тѣ же сочиненія г.г. *Замысловскаго* и *Анучина*, изъ коихъ послѣдній приводитъ въ своей работѣ и факсимиле многихъ картъ. Для географіи Сибири въ XVII в. очень важно изданіе *Г. В. Юдина*: «Сибирь въ XVII вѣкѣ». Москва. 1890 г., подъ редакціей *А. А. Титова*.

на степень ханства, т. е. царства, только съ появленія въ ней Кучума, представителя дома Шейбанидовъ; но въ географическомъ смыслѣ оба владѣнія всегда составляли одну страну *Сибирь*. Эти два отдѣльныя владѣнія находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Ногайскою ордою, и Ногаи въ лѣтописяхъ и грамотахъ Сибирскихъ упоминаются не рѣдко. Связь Сибири и Тюмени съ Ногаями была такъ близка, что иногда и Сибирскіе Татары назывались *Ногайскими*. Это можно объяснить какъ одинаковымъ тюркскимъ происхожденіемъ тѣхъ и другихъ Татаръ, такъ въ особенности *ногайскимъ* происхожденіемъ Онсона и Тайбуги и ихъ дальнѣйшихъ потомковъ. Вѣдь не смѣшивались же Сибирскіе Татары наприм. съ Казанскими. Резиденція Тайбугиной династіи неоднократно переносилась изъ Сибири въ Тюмень и обратно, и когда со времени Махмета въ концѣ XV в. она перемѣстилась въ Сибирь, то въ Тюмени сидѣли особые князья или беки, состоявшіе подъ гегемоніей Сибири. Извѣстный данникъ Москвы Едигеръ самъ едва-ли не жилъ въ Чинги-Турѣ (татарское названіе Тюмени), побуждаемый къ тому политическими обстоятельствами своего времени, а въ Сибири соправительствовалъ его родной братъ Бекбулатъ. Если это такъ, то предположеніе *П. А. Словцова* о мѣстѣ Едигерова юрта, встрѣченное учеными недовѣрчиво, получаетъ значительную долю вѣроятности. „Пространство земли, говорилъ онъ, называвшееся Сибирью Ѣдигера, не далеко лежало отъ главнаго Ногайскаго юрта; и едва-ли юртъ Сибирской не стоялъ между Исети и Міяса, при озерахъ Иртяшѣ и двухъ Наннягахъ, гдѣ на южномъ берегу одного изъ озеръ видѣнъ курганъ изъ полеваго шпата съ древнимъ укрѣпленіемъ и рвомъ" ....*). Курганъ при озерѣ Большомъ Наннягѣ въ южной части нынѣшняго Екатеринбургскаго уѣзда былъ принадлежностью гораздо болѣе древнихъ насельниковъ этихъ мѣстъ, что доказывается его эпитетомъ „Чудской", о которомъ свидѣтельствуетъ *Палласъ*, сдѣлавшій весьма подробное описаніе кур-

---

*) «Историч. обозрѣніе Сибири». СПБ. 1886 г. часть 1, стр. XVI. *Словцовъ* основываетъ свое заключеніе на грамотѣ отъ 30 мая 1574 г., гдѣ нашествіе Маметкула на юртъ представляется, хотя и не буквально, съ верховьевъ Тобола.

гана*). Но мысль *Словцова*, что Едигеръ жилъ не на Иртышѣ, а западнѣе, сама по себѣ вѣрна. Я увѣренъ, что резиденціей его была Тюмень или по-татарски Чинги-Тура, гдѣ нѣкогда жилъ и самъ родоначальникъ его династіи, Тайбуга. При такомъ мѣстоположеніи Едигерова улуса Словцовъ полагалъ, что *„предѣлы его на западѣ Урала могли простираться отъ истоковъ Уфы до Утки, близъ которой, въ значеніи границы, течетъ* (другая) *рѣчка Сибирка, падающая въ Чусовую, въ широтѣ 57°9′“* **). Выше Словцовъ указываетъ рѣчку *Сибирку* на восточномъ склонѣ Урала, выше Лялинскаго спуска, въ широтѣ 59°12′ (часть I, стр. XIV), а далѣе упоминаетъ третью *Сибирку* въ Тобольскомъ уѣздѣ въ бассейнѣ Иртыша (ч. II, стр. 113). Итакъ западную границу древней Сибири П. А. Словцовъ отодвигаетъ къ истокамъ р. Уфы и оттуда къ притоку Чусовой рѣкѣ Уткѣ. Такъ какъ и послѣ покоренія Сибири указанныя мѣста въ первое время по управленію относились къ Тюмени и затѣмъ къ Верхотурью, то мы считаемъ возможнымъ согласиться съ такимъ заключеніемъ почтеннаго историка Сибири. До нашего времени дошло много поземельныхъ актовъ XVII в., скрѣпленныхъ *„печатью Сибирскія земли города Верхотурья“*, которые захватываютъ большую часть зауральской половины нынѣшней Пермской губерніи. Слѣдовательно почти весь этотъ обширный районъ въ XVII в. считался Сибирью. Сѣверовосточные предѣлы поселеній Ногаевъ такимъ образомъ были не особенно удалены отъ тогдашней юго-западной границы Сибири, почему между Ногайскими и Сибирскими Татарами были возможны постоянныя сношенія, которыя и существовали дѣйствительно, какъ мы уже показали выше. Потому-то, надо полагать, Московское правительство въ XVI в. не хотѣло признавать дозволенной эту южную дорогу въ Сибирь, хотя она была удобнѣе сѣверной ***).

---

*) Петра Симона *Палласа*: «Путешествіе по разнымъ мѣстамъ Россійскаго госуд.». Часть II, книга 1-я, перев. съ нѣмецкаго Ѳ. Туманскаго, стр. 166—169. См. также дополненіе къ «Словарю Перм. губерніи» *Н. К. Чупина*.

**) «Историч. обозрѣніе Сибири», часть I, стр. XVI.

***) Изъ грамоты 1574 г., жалованной Строгановымъ, мы видѣли однако, что и сѣверный путь не мѣшалъ сноситься Сибири съ враждебными Москвѣ инородцами: Кучумъ тайно посылалъ людей въ Ногаи чрезъ Тахчеи.

Повторимъ для ясности всѣ наши выводы относительно границъ Сибири въ XV и XVI вѣкахъ. Отъ истоковъ рѣки Уфы граница шла къ лѣвому притоку Чусовой, Верхней Уткѣ, и сосѣдней съ нею рѣчкѣ Сибиркѣ, текущей слѣва также въ Чусовую пониже этой Утки (нынѣ въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, почти на границѣ его съ Екатеринбургскимъ). Здѣсь юго-западная граница Сибири соприкасалась съ юго-восточной границей Перми Великой (Пермс. Стар. I, 115 и IV, 124). Отсюда граница направлялась на востокъ къ истокамъ Тагила, шла параллельно правому берегу этой рѣки и упиралась въ р. Туру выше нынѣшняго Туринска, тогда именовавшагося Епанчею. Изъ описанія пути казаковъ въ лѣтописяхъ ясно видно, что р. Тагилъ протекала по Угорской территоріи, а Тура, отъ впаденія въ нее Тагила, составляла уже Сибирское владѣніе. Далѣе на востокъ граница между Угорской и Сибирской странами шла приблизительно по 58° сѣверной широты чрезъ Тавду и Иртышъ, пересѣкая послѣдній пониже нынѣшняго Тобольска. Со времени утвержденія Кучума на Иртышѣ, владѣнія его на пространствѣ отъ Туры до Иртыша врѣзались большимъ угломъ въ Угорскую территорію, при чемъ Тахчеи, бывшая Тахтанская вогульская волость на Тавдѣ, составили сѣверную вершину этого угла. Между тѣмъ на встрѣчу этому тюркскому вторженію въ область Угровъ, съ XV вѣка постепенно распространялась русская колонизація по направленію съ сѣвера на югъ и юго-востокъ. Къ востоку отъ Иртыша сѣверная граница Сибири въ XV в. шла къ вершинамъ рѣки Васъ-Югана и достигала Оби къ сѣверу отъ ея притока Кети. Съ теченіемъ времени и на этомъ пространствѣ Угры постепенно были стѣсняемы съ сѣвера русскими, а съ юга татарами, пока со всѣхъ сторонъ не были окружены тѣми и другими поселеніями. Болѣе или менѣе опредѣленная угорско-сибирская территоріальная граница шла параллельно 58° сѣв. широты до исхода XV в., послѣ чего она довольно замѣтно отодвигается къ сѣверу подъ напоромъ Сибирскихъ Татаръ.

Съ момента вступленія Ермака въ предѣлы Сибири, извѣстія лѣтописей о его дальнѣйшемъ движеніи становятся

болѣе согласны между собою. Строгановскій лѣтописецъ, жившій, по всему вѣроятію, въ Перми Великой и скорѣе всего гдѣ нибудь въ вотчинахъ Строгановыхъ (въ Орлѣ или на Чусовой), потерявъ съ глазъ казацкую дружину, естественно, уже не имѣлъ болѣе возможности сообщать о ней такія подробности, какія онъ зналъ за время пребыванія казаковъ въ Перми Великой. О дальнѣйшихъ событіяхъ такія подробности могли узнать со временемъ только сибирскіе лѣтописцы, жившіе, какъ извѣстно, въ Тобольскѣ. Потому-то съ этого времени преобладающимъ источникомъ свѣдѣній дѣлаются сибирскія лѣтописи, *особенно Ремезовская*, а Великопермская (Строгановская) лѣтопись неизвѣстнаго составителя теряетъ то первостепенное значеніе, какое она несомнѣнно имѣетъ для пермскаго періода Ермакова похода; въ особенности страдаетъ ея дальнѣйшая хронологія*) и фактическая обстоятельность изложенія. Все это намъ кажется совершенно натуральнымъ явленіемъ въ области мѣстнаго лѣтописанія, почему для безпристрастнаго изслѣдователя всѣ лѣтописи должны имѣть въ вопросѣ о походѣ Ермака свое спеціальное значеніе, соотвѣтственно разнымъ фазамъ событія. Спокойное, вполнѣ объективное отношеніе изслѣдователя къ каждому источнику гораздо скорѣе и вѣрнѣе приведетъ къ открытію исторической правды, нежели пристрастное отношеніе къ одному источнику въ ущербъ другимъ, какое позволяютъ себѣ Небольсинъ, Адріановъ и др. ученые.

Итакъ, со времени вступленія Ермака въ бассейнъ р. Туры мы должны слѣдить за его движеніемъ *преимущественно по лѣтописи Ремезова, не забывая однако, гдѣ нужно, и прочихъ сибирскихъ лѣтописей*. Извѣстный Миллеръ имѣлъ полное основаніе предпочесть въ этомъ случаѣ Ремезова всѣмъ другимъ сибирскимъ лѣтописцамъ. Такъ какъ изложеніе дальнѣйшаго похода Ермака лишь косвенно относится къ нашей прямой задачѣ, то мы ограничимся въ этомъ изложеніи существенными фактами, опустивъ подробности, которыя многократно сообщались уже въ трудахъ нашихъ истори-

*) Весьма основательныя хронологическія поправки относительно Строгановской и Ремезовской лѣтописей сдѣлалъ *Д. И. Иловайскій* въ примѣчаніи 70 къ III тому своей «Исторіи Россіи», на стр. 660—662.

ковъ*). Для насъ особенно важно указать путь Ермака и тѣ поселенія, которыя ему встрѣтились на этомъ пути.

По Турѣ Ермакова дружина плыла до татарскаго города Епанчи, который находился повыше нынѣшняго Туринска. У Ремезова опредѣленно сказано: „.... и поплыша внизъ по Тагилу маія въ 1 день (1581 г., по сентябрьскому счисленію), разбиваше суды по Турѣ до перваго князя Епанчи, *идѣже нынѣ Епанчинъ-Усениново стоитъ*" (статья 14-я)**). Здѣсь и была первая битва русскихъ съ татарами въ предѣлахъ Сибири. Село Усениново до сихъ поръ существуетъ въ Туринскомъ округѣ Тобольс. губ. Въ 1750 г. Миллеръ писалъ, что „по князцу Епанчѣ городъ Туринскъ и понынѣ въ просторѣчіи Епанчинъ называется" (Опис. Сиб. ц. стр. 108). Побѣдивъ Татаръ, казаки и сопровождавшіе ихъ люди Строгановыхъ 1 августа 1581 г. „*взяша градъ Тюмень еже Чингида*, и царя Чингыза убиша, и многіе припасы и богатства взяша, *и ту зимоваша*, яко видя множество бусурманскаго языка по Турѣ". (Ремезовъ, статья 15). Изъ лѣтописей можно видѣть, что владѣвшіе Епанчиномъ и Чинги-Турою князья еще не были въ подданствѣ у Кучума***). Перезимовавъ въ Тюмени, казаки весною 1582 г. (по сентябрьскому счисленію) двинулись далѣе внизъ по Турѣ, при чемъ самъ Ермакъ выступилъ изъ Тюмени только 9 мая. Въ *Тарханскомъ городкѣ*, что нынѣ Тарханскіе юрты въ Тюменскомъ округѣ на р. Тоболѣ, противъ устьевъ Туры,— они захватили въ плѣнъ Кучумова ясачнаго сборщика Кутугая. „*Тахтанской же бѣ заставной таможной Кучюмовъ городокъ, а не Чингизовъ*". (Ремезовъ, статья 30). Послѣднія слова лѣтописи заслуживаютъ особеннаго вниманія: они ясно показываютъ, что собственныя владѣнія Кучума ограничива-

---

*) Послѣднимъ по времени довольно обстоятельнымъ изложеніемъ этого событія служитъ статья *Д. И. Иловайскаго*: «Ермакъ и покореніе Сибири» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1889 г., сентябрь. Отсюда эта статья цѣликомъ вошла въ III-й томъ его же «Исторіи Россіи» (М. 1890 г., глава X).

**) Это извѣстіе передаетъ своими словами и *Миллеръ*, стр. 107—108. *Иловайскій* смѣшалъ Епанчинъ (Туринскъ) съ Чинги-Турою (Тюменью). См. «Ист. Россіи» III, стр. 391.

***) Въ лѣтописи *Ремезова* походъ Ермака описывается въ статьяхъ 5—15. Статьи 16—28 составляютъ заимствованіе изъ какого-то другого источника (о Сибирскихъ владѣтеляхъ), а 29-я статья прямо продолжаетъ 15-ю.

лись бассейномъ Тобола, а на Турѣ лежали другія татарскія княжества, принадлежавшія потомкамъ убитаго Кучумомъ Едигера, но что эти княжества также считались по географическому положенію *Сибирскими* наравнѣ съ собственными владѣніями Кучума. Тарханскій городокъ былъ Кучумовой таможней на границѣ съ Тюменскимъ княжествомъ, слѣдовательно городкомъ *пограничнымъ*. Ремезовъ вполнѣ подтверждаетъ такимъ образомъ мнѣніе П. А. Словцова о размѣрахъ Кучумова юрта, принятое выше и нами (юго-западную его границу составляло устье рѣки Туры).

На устьѣ Туры произошла битва Ермака съ 6 татарскими князьями—*кучумлянами*, по выраженію Ремезова (статьи 35—37), который и упоминаетъ при этомъ по именамъ трехъ князей: Маитмаса, Каскара и Варваринну *). Въ предѣлахъ собственныхъ владѣній царя Кучума это была первая битва русскихъ съ татарами. На Тоболѣ, между устьевъ Туры и Тавды, произошло еще двѣ битвы съ татарами: у *Березоваго Яру* и далѣе у *Караульнаго Яру*—урочищъ, получившихъ съ тѣхъ поръ эти названія отъ казаковъ **). (Ремезовъ, статьи 37—38). Лѣтопись Есипова и „Сказаніе Сибирской земли" добавляютъ къ Ремезову лѣтописцу извѣстіе, что на устьѣ Тавды казаки опять схватили кучумлянина Таусина (по Есипову, Таусака), посланнаго Кучумомъ на Тавду для рыбной ловли. Отъ него казаки получили новыя свѣдѣнія о приготовленіяхъ Кучума къ войнѣ. Такъ какъ ряды казаковъ послѣ предъидущихъ битвъ значительно порѣдѣли, то среди нихъ, по словамъ Ремезова, возникъ вопросъ: слѣдовать-ли далѣе по Тоболу на Кучумову столицу, или повернуть вверхъ по Тавдѣ и возвратиться чрезъ земли Вогуличей въ Пермь Великую сѣвернымъ московскимъ путемъ (Тавда—Тахчеи—Лозьва—Уралъ—Вишера). „И проплыша до усть Тавды, читаемъ у Ремезова въ статьѣ 39, и стояше недѣлю, размышляше, яко да идутъ съ вожами вспять по

---

*) Въ Тюменскомъ округѣ донынѣ сохранились татарскіе юрты *Больше и Мало-Каскаринскіе, Матмасовскіе и Варваринскіе или Вурваръ*. (См. «Списки насел. мѣстъ Тоб. губ.», стр. 137, 138, 139 и 141).

**) Нынѣ *Березовый Яръ* есть деревня на р. Тоболѣ, а *Караульный Яръ*—село на той же рѣкѣ—оба въ Тюменскомъ округѣ Тобольской губерніи. См. «Списки ея насел. мѣстъ». СПБ. 1871 г., стр. 140.

Тавдѣ вверхъ и черезъ Камень Вогуличами да возвратятся". Большинство съ Ермакомъ во главѣ сочли однако такое намѣреніе за недостойное храброй дружины малодушіе и рѣшили двинуться внизъ по Тоболу, не взирая на предстоявшую опасность. 8 іюля 1582 г. дружина выступила въ дальнѣйшій походъ и достигла затѣмъ юрта мурзы Бабасана, что нынѣ *Бабасанскіе юрты* на Тоболѣ, въ 67 верстахъ отъ губернскаго города*). Тѣмъ временемъ Кучумъ, заслышавъ о приближеніи вооруженныхъ людей, дѣятельно приготовлялся къ оборонѣ, устроилъ укрѣпленіе на Иртышѣ въ урочищѣ Чувашевомъ и, собравъ множество Татаръ, Остяковъ, Вогуловъ „и иныхъ чюдскихъ языковъ" **), выслалъ ихъ къ Бабасану, подъ начальствомъ Магметкула, на встрѣчу непріятелямъ. 21 іюля „въ Бабасанахъ на устѣ озера на Тоболѣ" (Ремезовъ, ст. 43) завязалась кровопролитная битва, возобновлявшаяся пять дней сряду и кончившаяся пораженіемъ кучумлянъ. Казаки огнестрѣльнымъ оружіемъ проложили себѣ дальнѣйшую дорогу и поплыли далѣе по Тоболу, въ погоню за Магметкуломъ. На устьѣ *Турбы*, у конца *Долгаго Яру*, 26 іюля кучумляне собрались въ значительномъ количествѣ во ожиданіи прибытія Ермака. (Ремезовъ, ст. 44). Когда струги казацкіе поровнялись съ этимъ мѣстомъ, кучумляне пустили въ нихъ съ горы тучу стрѣлъ, не причинивъ однако большаго вреда казакамъ, которые слѣдовали все далѣе, достигнувъ къ 1 августа 1582 г. *Карачина улуса* ***). „И тотъ градъ Карачинъ, гласитъ лѣтопись, взяша и въ немъ безчисленное богатство, злата и сребра, и каменія драгаго, и жемчюгу, и меду довольно, и скота; и сѣдоша ту 2 недѣли Госпожина поста". (Ремезовъ, статья 53)****). Съ 1 ав-

---

*) «Списки насел. мѣстъ Тобольск. губ.» СПБ. 1871 г., стр. 9.

**) По выраженію «Сказанія Сибирской земли».

***) Село *Карачино, Смородново* тоже, при озерѣ Карачинскомъ, доселѣ существуетъ въ 25 верстахъ отъ Тобольска. «Списки», 7.

****) Въ лѣтописи *Ремезова* предъ этимъ извѣстіемъ есть позднѣйшая вставка (статьи 49—52), не согласная съ нимъ въ показаніи времени событій. Еще *Миллеръ* обратилъ вниманіе на эти противорѣчія, которыя и объяснилъ тѣмъ, что въ оригиналъ лѣтописи «послѣ былъ вклеенъ листъ, какъ по разности письма и рисунковъ явствуетъ» (Опис. Сиб. царст., гл. II, § 62, стр. 117). Въ 1880 г. Археографич. Коммиссія издала лѣтопись по этому самому списку, взятому изъ Академіи Наукъ, съ тою же вставкою. На самомъ дѣлѣ изложенныя на этомъ листѣ событія—походъ Ермака на р. Тавду—совершились позже.

густа. Ермакъ съ дружиною держалъ 40-дневный постъ, готовясь къ дальнѣйшей войнѣ и сознавая, что уже приближается ея рѣшительный моментъ—взятіе Кучумовой столицы. Наконецъ въ праздникъ Воздвиженія 14 сентября 1583 года казаки поплыли изъ Карачина къ устью Тобола, гдѣ ожидало ихъ множество Татаръ. Сколько войска было теперь у Ермака—трудно сказать, но едва-ли буквально можно понимать слова Ремезова (статья 58), что въ это время „Ермаковы вои остася отъ боенъ 45 человѣкъ", хотя въ ихъ рукахъ было огнестрѣльное оружіе, а у кучумлянъ „оружія не бѣ, точію луки и стрѣлы, копія и сабли" (тамъ же, ст. 64). Это ясно уже изъ того, что подъ Чувашевой горой въ октябрѣ того же года Ермакъ потерялъ убитыми 107 человѣкъ. Скорѣе всего было такъ, что упомянутые 45 человѣкъ остались у Ермака *изъ первоначальнаго состава дружины*, которая затѣмъ пополнялась новыми выходцами изъ Перми Великой. Трудно предположить въ самомъ дѣлѣ, чтобы Ермакъ, постепенно подвигаясь въ глубь непріятельской страны, не постарался обезпечить себѣ тылъ отъ внезапной измѣны, а для этого необходимы были новыя подкрѣпленія вѣрными атаману людьми. При томъ же въ тылу казаковъ осталась непокоренною вся Тавда, населенная Вогулами, сторонниками Кучума. Названіе *Караульнаго Яра*, упомянутаго нами выше, наводитъ на мысль, что для обезпеченія тыла Ермакъ оставлялъ позади себя небольшіе форпосты.

На устьѣ Тобола, какъ мы сказали, казаки встрѣтили множество Татаръ. Тутъ стоялъ тогда городокъ мурзы *Атика*, что послѣ назывался *Заостреными юртами*, существующими донынѣ на р. Иртышѣ*). Не смотря на неравенство силъ казаки одолѣли Татаръ, благодаря огнестрѣльному оружію, взяли городокъ и крѣпко засѣли въ немъ. „И пребываше вси въ Алинскомъ городкѣ съ великимъ спасеніемъ, яко видѣша множество бусурманъ, яко бигись единому противъ десяти и двадцати ратныхъ" (Ремезовъ, ст. 60). Казаки избрали городокъ Атикъ опорнымъ пунктомъ, откуда стали дѣлать вылазки противъ непріятеля, укрѣпившагося на горѣ *Чувашевой*, въ двухъ верстахъ выше устья Тобола, на правомъ берегу

*) «Списки насел. мѣстъ Тобольс. губ.» стр. 8, подъ № 48.

Иртыша, гдѣ Кучумъ еще ранѣе устроилъ крѣпкую засѣку. Здѣсь сидѣлъ самъ Кучумъ съ главными силами, почему взятіе Чувашскаго укрѣпленія должно было рѣшить судьбу его царства. Здѣсь же находился и извѣстный намъ Маметкулъ. Въ виду наступленія рѣшительнаго момента войны, нѣкоторые казаки опять заговорили объ отступленіи, какъ было на устьѣ Тавды, но Ермакъ снова отклонилъ такое намѣреніе, недостойное храбрыхъ казаковъ (Ремез., ст. 59). Три раза Ермакъ безуспѣшно приступалъ къ Чувашской горѣ (засѣкѣ) *), „крѣпцѣ біяхуся съ самемъ Кучюмомъ, хотяше взяти Чювашскій градъ на горѣ Чювашской и ту засясти на зиму, да пребудемъ въ сидѣніи сохранно, яко крѣповъ бѣ Чювашскій градъ окопами". (Тамъ же, ст. 61). Наконецъ 23 октября 1583 г. Ермакъ сдѣлалъ четвертый самый рѣшительный приступъ къ горѣ, задумавъ взять укрѣпленіе съ помощью огнестрѣльнаго оружія, а затѣмъ и съ рукопашнаго боя. Казаки дрались необыкновенно храбро, *„бишася три дни безъ опочиву, неотступно"* (Ремезовъ, ст. 64). Доблестный Ермакъ геройски ратовалъ впереди всѣхъ, воодушевляя мужествомъ своихъ храбрыхъ бойцовъ. На другой день битвы, 24 октября, въ войскѣ Кучума началось замѣшательство. „Первѣе всѣхъ, пишетъ Ремезовъ (статья 65), *низовые Остяки князки* **) отъ Кучумова повелѣнія и раменту отступиша и бѣгу яшася". Вечеромъ того же числа „такоже и Вогуличи тайно отъ заступленія Кучюмова убѣгоша во своя жилища за Яскалбинскіе непроходимые болота и озера" (Ремезовъ, ст. 67); положеніе Кучума становилось шаткимъ ***). „Сказаніе Сибирской земли" добавляетъ, что казаки „единодушно приступиша къ засѣкѣ и съ царевичемъ Маметкуломъ сразишася крѣпко, и на томъ бою царевича ранили, едва жива увезли Татара за Иртышъ рѣку". На третій день битвы „вечеру бывшу, 25 день (октября)—и преста подчювашская брань, казаки отъидоша за рѣку и

*) Первый приступъ казаки сдѣлали 1 октября 1583 г. (Ремез., ст. 61).

**) т. е. Остяки съ низовьевъ рѣки Иртыша. См. *Миллера* гл. II, § 83, стр. 131.

***) *Ескалбинскіе юрты* Татаръ донынѣ существуетъ на Иртышѣ, въ 12 верстахъ ниже Тобольска. «Списки», стр. 19; *Миллеръ* гл. II, § 85, стр. 132. Чрезъ нихъ лежитъ прямая дорога на рѣку Конду по низкимъ мѣстамъ, озерамъ и болотамъ.

обночеваша со стражею". (Ремезовъ, ст. 69). Во время приступовъ къ Чувашевой горѣ Ермакъ потерялъ 107 человѣкъ*). Кучумъ, считая дѣло окончательно проиграннымъ, въ ночь на 26 октября бѣжалъ „изъ града своего *Кашлыка, еже Сибирь зовома*", „нощію возставъ тайно". (Ремез., ст. 68). За нимъ „и вси изъ града невозвратно бѣгоша на степь въ Казачью Орду, на прежнее свое селеніе (?) *Грады жъ Чювашской и Кашлыкъ, Сузгунъ, Бишикъ, Абалакъ и протчіе***)... *оставиша пусты*". (Тамъ же). 26 октября 1583 г., въ день памяти св. Димитрія Солунскаго, Ермакъ съ дружиною безпрепятственно вступилъ въ опустѣлую столицу Кучума, исполненный „велія веселія и тайной радости". „И видѣвъ оставшаго имѣнія и богатства множество и хлѣба, глаголюще: съ нами Богъ!" (Ремезовъ, статья 70). И самъ лѣтописецъ радостно заявляетъ далѣе (ст. 71): „Промчеся слухъ о Ермакѣ и о казацѣхъ во всю Сибирскую страну, и нападе Божій страхъ на вся живущіе бусурманы во всей странѣ той!"

Здѣсь мы должны остановиться на спорномъ вопросѣ о годѣ занятія Ермакомъ столицы Кучума. *Миллеръ* относилъ это важное событіе къ 1581 году (7090 г.)***), *Карамзинъ* и *Соловьевъ* къ тому же году ****). Авторъ статьи при „Спискахъ населенныхъ мѣстъ Тобольской губерніи", плохо зная исторію Перми Великой, относитъ самое выступленіе Ермака съ Чусовой къ 1578 г., а взятіе Сибири (города)—къ 1581 г.*****). *Л. Н. Майковъ*, совершенно правильно опредѣляя начало похода (1 сентября 1581 г.), относитъ взятіе Сибири (города) къ 26 октября того же самаго года ******). Къ этому циклу ученыхъ примыкаетъ и мѣстный Сибирскій

*) *Карамзинъ*, т. IX, стр. 389 и примѣчаніе къ нему 685, гдѣ сдѣлана ссылка на синодикъ Тобольскаго собора.

**) На мѣстѣ Кашлыка или Сибири нынѣ городище въ 16 верстахъ отъ Тобольска; на мѣстѣ Бицикъ-тура нынѣ *Панинъ бугоръ* въ г. Тобольскѣ; на мѣстѣ Сузге-тура—*Сузгунскіе* юрты и далѣе село *Абалацкое*. «Списки» стр. LXXV; *Миллеръ*, гл. II, стр. 133—134, гл. I, 49 и 52 стр.

***) «Описаніе Сибирс. царства». СПБ. 1750 г., глава II, §§ 77 и 89, стр. 126 и особенно 136.

****) *Карамзинъ* IX, 389 по изданію бр. Сленинымъ; *Соловьевъ* VI, 430.

*****) «Списки насел. мѣстъ Тоб. губ.». СПБ. 1871 г., стр. LXXIV—LXXV.

******) «Журналъ Минист. Народ. Просв.». 1881 г., № 9.

историкъ *П. А. Словцовъ* *). Наконецъ послѣдній изслѣдователь вопроса *Д. И. Иловайскій* въ III томѣ своей „Исторіи Россіи“ (стр. 393 и 661) высказался за 1582 годъ, какъ годъ взятія русскими Кучумовой столицы. Послѣднее мнѣніе мы считаемъ болѣе близкимъ къ истинѣ, чѣмъ всѣ предъидущія.

Причина ученыхъ разнорѣчій по данному вопросу заключается въ неодинаковыхъ показаніяхъ Сибирскихъ лѣтописцевъ. Мы говорили, что Строгановская лѣтопись совершенно правильно излагаетъ начало Ермакова похода, но со времени вступленія казаковъ въ Сибирь теряетъ значеніе источника, на который безусловно можно полагаться. Лѣтопись Ремезова, наиболѣе богатая фактическими подробностями за все время пребыванія казаковъ въ Сибири, крайне неудовлетворительна въ своихъ годовыхъ показаніяхъ. По Ремезову, Ермакъ взялъ городъ Сибирь (иначе Кашлыкъ или *Кавлымъ*, какъ названъ онъ въ статьѣ 69)—26 октября 7095, т. е. 1586, что уже явно нелѣпо. По Строгановской лѣтописи весь переходъ отъ Чусовой до Иртыша, соединенный съ такими трудностями среди враждебныхъ народовъ, продолжался съ 1 сентября до 26 октября 1581 года, что намъ кажется также нелѣпостью. Нисколько не больше можно вѣрить и „Сказанію Сибирской земли“, по словамъ котораго Ермакъ вступилъ въ Сибирь 7089 (1580 г.) октября въ 12 день. По лѣтописи Есипова, это вступленіе послѣдовало того же 1580 года октября 26. Это „Сказаніе“ во многомъ сходно съ лѣтописью Есипова. Изъ приведенныхъ сопоставленій ясно, что въ данномъ вопросѣ никакъ нельзя полагаться только на лѣтописи, а необходимо придавать рѣшающее значеніе оффиціальнымъ актамъ того времени—царскимъ грамотамъ, на которыя ученые обращаютъ во всякомъ случаѣ меньшее вниманіе, чѣмъ какого онѣ заслуживаютъ въ сравненіи съ лѣтописями относительно хронологическихъ показаній **).

---

*) «Историческое обозрѣніе Сибири». Изд. 2-е СПБ. 1886 г., стр. XVIII первой части.

**) Удивляемся, что нѣкоторые ученые, какъ напр. *С. А. Адріановъ*, вѣрятъ больше хронологіи лѣтописей, нежели царскихъ грамотъ. Тоже допускаетъ нынѣ *Д. И. Иловайскій* въ примѣчаніи 70 къ III тому своей «Исторіи Россіи», на стр. 662, гдѣ см. произвольную поправку даты въ грамотѣ отъ 7 января 7092 (1584 г.).

Ремезовская лѣтопись хотя и показываетъ годы завѣдомо неправильно, однако по обстоятельности изложенія событій со времени вступленія Ермака въ Сибирь, (именно со статьи 14-й) безспорно, заслуживаетъ предпочтительнаго вниманія предъ всѣми другими Сибирскими лѣтописями, подобно тому какъ для начала похода такое же значеніе имѣетъ Строгановская лѣтопись. Этимъ свойствомъ лѣтописи Ремезова, кажется, нужно объяснить и то, что мѣсячныя и числовыя данныя ея идутъ въ послѣдовательности событій, не смотря на путаницу въ годовыхъ показаніяхъ. До взятія столицы Кучума эта послѣдовательность въ показаніи мѣсяцевъ и чиселъ событій нарушена только въ статьяхъ 49—52 о походѣ на Тавду, заключающихся на вклеенномъ позже въ оригиналъ рукописи листѣ, и въ статьѣ 66 о сновидѣніи Кучума; кромѣ того статьи 16—25 представляютъ ретроспективный обзоръ исторіи Сибири до Кучума и при его воцареніи. Остальныя статьи Ремезовской лѣтописи, именно: 14, 15, 26—48, 53—65, 67—71 (до которой мы дошли въ настоящемъ обозрѣніи событій) представляютъ собою настолько полное и послѣдовательное изложеніе событій, что мы должны только удивляться, откуда составитель ихъ могъ почерпнуть эти точныя свѣдѣнія о Сибирскомъ походѣ, совершенно согласныя и съ современными географическими названіями тѣхъ мѣстностей.

Время выступленія Ермака въ походъ 1 сентября 1581 г. нами установлено выше, полагаемъ, достаточно прочно и достовѣрно на основаніи всей совокупности источниковъ *). На всемъ пути отъ южной границы Перми Великой до столицы Кучума *дружина Ермака несомнѣнно имѣла двѣ зимовки:* первую въ Кокуѣ-городкѣ, что въ бассейнѣ рѣки Чусовой, и вторую—въ Тюмени на р. Турѣ. Первая зимовка засвидѣтельствована въ „Сказаніи Сибирской земли“ и въ мѣстныхъ народныхъ преданіяхъ на Уралѣ, вторая—въ 15-й статьѣ лѣтописи Ремезова, гдѣ она подтверждается всѣми дальнѣйшими мѣсячными и числовыми данными этого источника. Необходимость второй зимовки ясна уже изъ одного

*) Рѣшенію того же вопроса посвящена и статья *Л. Н. Майкова* въ «Журналѣ Минист. Народн. Просв.» 1881 г. № 9: «Хронологическія справки по поводу 300-лѣтней годовщины присоединенія Сибири къ Русской державѣ».

того, что Тюмень, какъ мы видѣли выше, считалась тогда важнѣйшимъ стратегическимъ и административнымъ пунктомъ въ Сибирской странѣ послѣ Кучумовой столицы. Но лѣтопись Ремезова упоминаетъ и о первой зимовкѣ казаковъ, не указывая только опредѣленнаго мѣста ея. Въ концѣ 12 статьи лѣтописи замѣчено: „и воеваша (казаки) *во всю зиму* Пелымскіе уѣзды *до весны*", послѣ чего въ 15 статьѣ ясно сказано о *второй зимовкѣ* въ Тюмени*). Въ виду этихъ свидѣтельствъ двухъ лѣтописей мы не имѣемъ никакого основанія отвергать фактъ *двукратной зимовки* Ермака съ дружиною на пути отъ Чусовой до Иртыша, тѣмъ болѣе, что на этомъ пути казакамъ приходилось брать съ боя каждый шагъ земли и подвигаться впередъ очень медленно, среди постоянныхъ опасностей и препятствій.

Разъ такой фактъ установленъ, мы получаемъ возможность точно опредѣлить продолжительность похода Ермака отъ Чусовой до Иртыша: въ теченіе перваго года съ 1 сентября 1581 г. до 1 сентября 1582 г. казаки прошли путь отъ р. Чусовой до города Тюмени на Турѣ; во второй годъ съ 1 сентября 1582 г. до 1 сентября 1583 г. они подвинулись отъ Тюмени до Карачина улуса, что въ 25 верстахъ отъ нынѣшняго Тобольска. *Слѣдовательно, столица Кучума была занята Ермакомъ въ началѣ 1583 г., по тогдашнему счисленію времени съ 1 сентября.*

Теперь послѣдуемъ далѣе за Сибирскими лѣтописцами. По занятіи Кучумовой столицы Ермакомъ, къ послѣднему начали являться съ изъявленіемъ покорности и съ дарами жители окрестныхъ и далекихъ селеній, и прежде всѣхъ Демьянскій князь Бояръ (Рем., ст. 71). Въ „Сказаніи Сибир. земли" о немъ замѣчено: „Пріиде къ Ермаку во градъ Остятской князь Боярина со многими Остяки и принесоша дары и запасы". Почти тоже читаемъ и у Есипова. Ермакъ ласково принималъ всѣхъ приходившихъ „и повелѣ имъ жити въ домѣхъ своихъ по прежнему, яко же жиша при Кучюмѣ". Казаки же ѣздили „по жильямъ татарскимъ и по промысламъ смѣло, не боящеся ничего" (Рем., ст. 72). Однако 5 ноября

*) О первыхъ же двухъ зимовкахъ *до выхода изъ Перми Великой, т. е. до начала настоящаго похода*, въ 1579 и 1580 г.г. Ремезовъ говоритъ въ статьяхъ 5 и 6.

1583 г. (а по Строган. лѣтописи 5 декабря) 20 казаковъ, ѣздившихъ для рыбной ловли на Абалацкое озеро, ночью во время сна убиты были внезапно появившимся Маметкуломъ (по Есипову, это было при урочищѣ Бабасанъ). „Се первое убіеніе казакомъ въ Сибири", по занятіи ея русскими, какъ вѣрно замѣчаетъ Ремезовъ въ статьѣ 81; тутъ же онъ говоритъ, что Ермакъ тотчасъ погнался за Маметкуломъ, настигъ Татаръ при урочищѣ Шаншинскомъ (нынѣ *Шамшинскіе юрты* въ Тобольс. округѣ), побилъ многихъ изъ нихъ, но царевича не догналъ. Ермакъ съ честію похоронилъ убитыхъ казаковъ на Саусканскомъ мысу, „на царскомъ кладбищѣ" *). 6 декабря Ермаку изъявили покорность и принесли ясакъ князья Ишбердей и Суклемъ, владѣтели *Ескалбинскихъ* и *Суклемскихъ юртъ*, доселѣ существующихъ въ Тобольскомъ округѣ. Ишбердей оказался особенно полезенъ Ермаку, „яко первѣе многихъ взыска князковъ и приведе въ ясакъ, и ясакъ принесе, *и пути многи сказа, и на немирныхъ казакомъ вожъ изрядной былъ* и вѣренъ велми" (Ремез., ст. 82).

Послѣ этого Ермакъ съ дружиною сочли своевременнымъ довести о завоеваніи Сибири до свѣдѣнія Московскаго царя, просить Іоанна принять завоеванную страну подъ свою высокую руку, а имъ, казакамъ, простить ихъ прежнія вины предъ царемъ. Ермакъ послалъ въ Москву пять казаковъ во главѣ съ Иваномъ Кольцо, съ которымъ препровождалъ къ царю собранный ясакъ, заручную „вѣстовую отписку о взятіи Сибири" и челобитную о прощеніи казаковъ за своею жъ рукою **). Атаманъ Кольцо съ товарищами отправился изъ города Сибири 22 декабря 1583 г. „волчьею дорогою, нартами и лыжи, на оленяхъ, имъ же вожъ бѣ Яскалбинской князь Ишбердей со своими Вогуличи, въ Великую Пермь и оттолѣ къ Москвѣ доидоша" ***). Указанная глухая дорога въ Великую Пермь пролегала по Кондѣ и Тавдѣ въ Чердынскій уѣздъ и признавалась, какъ мы знаемъ, единственною дозволенною дорогою изъ Московскаго государства въ Сибирь и обратно. Въ январѣ 1583 г. (по сентябрьскому счисленію)

*) На Саусканѣ жилъ нѣкогда, какъ мы говорили, татарскій князь того же имени, вѣроятно, родственный дому Тайбуги.

**) Изъ «Сказанія Сибирской земли».

***) Изъ лѣтописи Ремезова, статьи 84-й.

посольство прибыло къ Іоанну, удостоилось весьма милостиваго пріема и царскаго „жалованья“—деньгами, сукнами и камками (Строгановс. лѣтоп.). Ермаку государь послалъ „великіе дары: 2 панцыря, и сосуды, и шубу свою“ при жалованной похвальной грамотѣ. (Ремезовъ, ст. 85). Казаки отправились изъ Москвы въ обратный путь тою же дорогою, и 1 марта Иванъ Кольцо вручилъ Ермаку царскую грамоту и подарки. (Ремез., ст. 86). Эта грамота, къ сожалѣнію, не дошла до насъ *).

Здѣсь мы должны остановиться на показаніяхъ Строгановской лѣтописи. Она весь походъ пріурочиваетъ къ 1581 г. и между прочимъ сообщаетъ, что казаки о взятіи Кучумовой столицы и о плѣненіи царевича Маметкула увѣдомили предварительно Строгановыхъ, а тѣ написали самому Іоанну; „послѣди же того и сами (Семенъ, Максимъ и Никита) не во мнозѣ времени пріѣхавше къ Москѣ и государю о всемъ томъ извѣстиша“. Уже послѣ всего этого, будто-бы, Ермакъ написалъ отписку самому царю, которую и отправилъ къ нему съ казаками. Эти извѣстія Строгановской лѣтописи, принятыя на вѣру наиболѣе авторитетными нашими историками, каковы Карамзинъ (IX, 396—397) и Соловьевъ (VI, 431), во первыхъ, не подтверждаются всѣми другими Сибирскими лѣтописями и прочими источниками и, во вторыхъ, рѣшительно противорѣчатъ фактамъ дѣйствительности. Прежде всего столь далекій и трудный походъ не могъ совершиться менѣе чѣмъ въ 2 мѣсяца: это слишкомъ очевидная нелѣпость лѣтописи. Походъ продолжался болѣе двухъ лѣтъ, какъ убѣждаетъ сопоставленіе всѣхъ извѣстныхъ намъ фактовъ того времени. За это время, какъ мы уже знаемъ, Строгановыхъ постигла царская опала. Гнѣвная грамота Іоанна отъ 16 ноября 1582 года доказываетъ, что въ это время въ Москвѣ ничего не было еще извѣстно о предпріятіяхъ казаковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она же убѣждаетъ насъ, что казацкое посольство явилось въ Москву позже, и что опальные Строга-

*) Занесенное въ «Сказаніе Сибирской земли» и въ «Новый Лѣтописецъ» извѣстіе о томъ, будто Іоаннъ назвалъ въ этой грамотѣ Ермака не атаманомъ, а *княземъ Сибирскимъ*, мы считаемъ маловѣроятнымъ. См. объ этомъ у *Карамзина* IX, 401 и примѣч. 709.

новы уже ни въ какомъ случаѣ не могли въ 1581 г. писать царю о взятіи Сибири и даже Маметкула, плѣнъ котораго послѣдовалъ еще позже казацкаго посольства. Тѣмъ болѣе опальные Строгановы не могли лично ѣхать въ Москву. Несообразность и полная нелѣпость приведенныхъ извѣстій Строгановской лѣтописи слишкомъ очевидна. Такою же нелѣпостью представляется намъ и пожалованіе Семена Строганова Солью Большою и Солью Малою на Волгѣ, а Максима и Никиты дарованіемъ права торговать во всѣхъ своихъ городкахъ безпошлинно, хотя лѣтопись прибавляетъ даже, что грамота на обѣ Соли дана была Строганову „за красною печатью, за приписью дьяка Андрея Щелкалова, почему ему тѣми городами владѣти“ *). Какъ все это могло быть въ 1581 году? Не могло быть этого и въ 1582 г., когда Строгановы были въ опалѣ. Въ моихъ рукахъ имѣется очень значительное собраніе рукописей о Строгановыхъ, какимъ едва-ли кто располагаетъ кромѣ ихъ самихъ, и въ нихъ нигдѣ нѣтъ слѣда подобнаго пожалованія; въ самыхъ подробныхъ перечняхъ жалованныхъ Строгановымъ грамотъ нѣтъ упоминанія объ этой грамотѣ на Соль Большую и Малую. Итакъ всѣ приведенныя сообщенія Строгановской лѣтописи завѣдомо не вѣрны и потому-то не находятъ себѣ подтвержденія даже у Ремезова, самаго обстоятельнаго лѣтописца о Сибирскомъ походѣ. Всѣ эти сообщенія намъ представляются явнымъ измышленіемъ, и въ этомъ отношеніи мы вполнѣ раздѣляемъ недавно высказанный взглядъ С. А. Адріанова. Выше мы говорили уже, почему Строгановскій лѣтописецъ хорошо зналъ только начало Сибирскаго похода и не зналъ близко дальнѣйшихъ обстоятельствъ его.

Въ дѣйствительности событія слѣдовали именно такъ, какъ показано нами выше на основаніи другихъ Сибирскихъ лѣтописей, изъ коихъ лучшею слѣдуетъ признать Ремезовскую, за исключеніемъ ея годовыхъ помѣтъ. Казаки, узнавъ о царской опалѣ на Строгановыхъ, поспѣшили подать чело-

*) *Карамзинъ*, IX, 399 и примѣч. 704. У *Перетятковича* въ его изслѣдованіи «Поволжье» (Одесса. 1882 г.) сдѣланъ обзоръ колонизаціи Волжскаго «Усолья», что на Самарской лукѣ (см. стр. 224—228), но о Строгановыхъ нѣтъ упоминанія. Соляными источниками тамъ владѣлъ одно время Семенъ Свѣтешниковъ, а не Семенъ Строгановъ.

битную *непосредственно* Іоанну Грозному, чтобы изъ за Строгановыхъ не навлечь и на себя царскаго гнѣва; они естественно боялись, что этотъ гнѣвъ обрушится и на нихъ, но надѣялись на царскую милость за свои заслуги предъ отечествомъ и самоотверженное служеніе русскому дѣлу. Строгановы и безъ особаго извѣщенія знали о томъ, что дѣлалось въ Сибири, потому что ихъ люди принимали участіе въ походѣ Ермака. Можетъ быть, Ермакъ *частнымъ образомъ* извѣстилъ ихъ о занятіи Сибирской столицы, потому что обязанъ былъ имъ поддержкою въ походѣ, но на оффиціальной, такъ сказать, почвѣ онъ игнорировалъ ихъ съ тѣхъ поръ, какъ узналъ отъ ихъ же людей о царской опалѣ на нихъ. Эта перемѣна въ отношеніяхъ Ермака къ Строгановымъ послѣдовала въ началѣ 1582 сентябрьскаго года, когда казаки находились въ Тюмени, вопреки царскаго указа. Дальнѣйшія подкрѣпленія людьми онъ могъ получать не отъ однихъ Строгановыхъ; „охочихъ людей" онъ могъ получать и изъ другихъ мѣстъ, можетъ быть, съ той же Волги и нижней Камы, откуда пришла въ Пермь и дружина перваго состава. Съ другой стороны опальные Строгановы не могли предъявлять къ Ермаку какихъ-либо законныхъ требованій. Ихъ связывалъ съ казаками частный и при томъ тайный договоръ, нарушить который казаки всегда могли безнаказанно. Исключительныя обстоятельства 1582 г. такъ и заставили ихъ поступить, послѣ чего Строгановы должны были считать задуманное ими дѣло проиграннымъ, какъ ни дорого оно имъ обошлось. Малѣйшая огласка тайнаго договора ихъ съ казаками могла угрожать имъ лишеніемъ и всѣхъ прикамскихъ вотчинъ.

Продолжаемъ прерванный разсказъ о дальнѣйшихъ обстоятельствахъ Сибирскаго похода. Когда казацкое посольство было уже на обратномъ пути изъ Москвы, 20 февраля 1583 г. пришелъ къ Ермаку „ближній мурза ясашной Сенбахта Тагинъ" *) и сообщилъ ему, что царевичъ Маметкулъ стоитъ на Вагаѣ, верстахъ въ 100 отъ города (Вагай впа-

*) Въ началѣ статьи сказано было, что Сенбахта былъ сынъ Махметовъ изъ дома Тайбуги и нѣкогда состоялъ особымъ правителемъ на берегахъ Иртыша. По этому естественна вражда его къ дому Кучума.

даетъ слѣва въ Иртышъ выше Тобольска). Ермакъ немедленно отправилъ на Вагай „искусныхъ юныхъ мужей 62 человѣкъ ратныхъ“, вѣроятно, не изъ числа казаковъ, которые дѣйствительно нашли Маметкула при озерѣ *Куларовѣ**), что въ 53 верстахъ отъ нынѣшняго Тобольска. Здѣсь Русскіе разсчитались съ Татарами за обиду при Абалацкомъ озерѣ и, какъ было тамъ, напали ночью на спящихъ Татаръ, перебили ихъ, а „царевича жива въ шатрѣ взяша и съ богатствомъ приведоша къ Ермаку во градъ февраля въ 28 день“. (Ремезовъ, ст. 87). Плѣнъ Маметкула былъ новымъ чувствительнымъ ударомъ для старика Кучума, который стоялъ на Агитской лукѣ на Иртышѣ. Онъ горько рыдалъ о потерѣ царевича, не успѣлъ успокоиться, какъ получилъ новую опасную вѣсть о томъ, что на него идетъ войною „Бухарскіе земли князь Сейдякъ Бекбулатовъ, хощетъ отмстити кровь отца своего“. Въ довершеніе несчастій, „думный князь“ Карача оставляетъ Кучума, удаляется на озеро Чулымское и тамъ кочуетъ затѣмъ „межъ Тары, и Барабы, и Оми“, въ то время, когда Кучумъ стоялъ „на дорогахъ на урочищахъ Вагаю, Куларова и Тарханъ въ крѣпкихъ мѣстахъ“. (Ремез., ст. 89).

Между тѣмъ Ермакъ, получивъ царскія милости, воодушевился на новые подвиги. Иванъ Кольцо вернулся къ нему 1 марта 1583 г., а 5 числа Ермакъ послалъ отрядъ войска подъ начальствомъ пятидесятника *Богдана Брязги* внизъ по Иртышу собирать ясакъ съ Демьянскихъ волостей (Демьянка—правый притокъ Иртыша, ниже рѣки Туртаса) и воевать Казымскіе городки Остяковъ на р. Оби и ея правомъ притокѣ Казымѣ **). Избѣгая лишнихъ подробностей, я обозначу путь Брязги лишь въ общихъ чертахъ. Сначала онъ взялъ Аремзянскую волость на Иртышѣ съ ея укрѣпленнымъ городомъ (въ Тобольскомъ округѣ доселѣ есть *Аремзянскіе юрты* Татаръ и еще 3 русскія селенія того же названія); далѣе разбилъ Татаръ на *Турасскомъ* (не Туртасскомъ-ли?) *городищѣ* и на коняхъ доѣхалъ до усть Демьянки рѣки, „до

---

*) При озерѣ Куларовѣ, Спасское тожъ, и нынѣ есть слобода *Куларова*. «Списки», стр. 21.

**) О походѣ Богдана Брязги въ оригиналѣ Ремезовской лѣтописи говоритъ другой авторъ; тутъ вклеены два листа (статьи 73–80) позже. См. *Карамзина* примѣч. 694 къ IX тому. У *Миллера* см. стр. 152, (гл. III, § 10).

большева ихъ сборного княжца Демаяна". (Рем., ст. 74). Здѣсь Брязга наложилъ ясакъ на покоренныхъ Татаръ, Вогуличей и Остяковъ. „Романъ же князецъ ихъ лутчей бѣжалъ съ жилья своего вверхъ по Ковдѣ (Кондѣ) въ Пелыни съ родомъ своимъ, лыжами и нартами", при первомъ слухѣ о завоевателяхъ (Рем., ст. 76)*). Миновавъ опустѣлое *Рачево городище*, мѣсто мольбища Остяковъ, Брязга поплылъ далѣе по Иртышу до *Цингалинскихъ юртъ*, что нынѣ въ 395 верстахъ отъ Тобольска, и до *Нарымскаго городка*, что нынѣ *Сотниковскіе юрты* **), гдѣ встрѣтилъ только женщинъ и дѣтей, объятыхъ страхомъ. Взявъ здѣсь ясакъ, Брязга 9 мая 1583 г. поплылъ далѣе въ *Колпуховскія волости* (нынѣ юрты въ 441 верстѣ отъ Тобольска), которыя взялъ съ бою, а 20 мая доплылъ до княжца Самара (нынѣ значительное село *Самарово* на Иртышѣ, въ 570 верст. отъ Тобольска, въ его округѣ). Казаки взяли городокъ съ бою, умертивъ самого князя съ родомъ его (Рем., ст. 78). Въ Самаровѣ къ Брязгѣ явился извѣстный остяцкій князь Алачей изъ сѣверной Коды съ изъявленіемъ покорности. Брязга поставилъ его „большимъ княземъ", „яко богата суща, и отпустиша со многою честію". (Рем., ст. 78).

Отъ Самарова казаки чрезъ недѣлю (27 мая 1583 г.) вступили въ еще болѣе обширную долину рѣки Оби. „И виде много пустого мѣста, а жилья мало и присташа на Бѣлогорьѣ, ту бо у нихъ молбище большое". (Ремезовъ, ст. 79). Нынѣ на этомъ мѣстѣ, въ 470 верстахъ отъ Березова, въ округѣ этого города, находится *Бѣлогорскій* улусъ Остяковъ и русская деревня того же имени, на р. Оби. „Богданъ же виде пустоту жилья и размыслиша съ товарищи ѣхать далѣ не по што и возвратишася, пождавъ на мѣстѣ 3 дни, въ Сибирь градъ". (Рем., ст. 80). Возвращеніе Брязги въ этотъ городъ таже лѣтопись относитъ къ 29 мая, но это, очевидно, ошибка, ибо пройти такой путь вверхъ по Оби и Иртышу въ столь короткое время было не мыслимо.

---

*) Туртасская и Уватская волости были послѣднія съ татарскимъ населеніемъ; ниже начиналась обширная область Угровъ—Остяковъ. *Миллеръ*, стр. 154 (гл. III, § 13).

**) «Списки насел. мѣстъ Тоб. губ.», стр. LXXVI.

Не успѣла окончиться экспедиція Брязги, какъ самъ Ермакъ отправился тѣмъ же путемъ по его слѣдамъ собирать ясакъ съ покоренныхъ народовъ и ихъ князей. Атаманъ хотѣлъ лично удостовѣриться въ ихъ покорности русскому царю. Ремезовъ въ статьѣ 90 говоритъ, что „ѣхалъ Ермакъ внизъ Иртыша рѣки, воевалъ Кодскіе городки, князей Алачевыхъ съ богатствомъ взялъ, и *всѣ городки Кодскіе и Казымскій городокъ* со многимъ богатствомъ князя *ихъ взятъ*, и возвратился во градъ свой іюня въ 20 день". Бывшіе Кодскіе городки нынѣ составляютъ село *Кондинское* на Оби и *Кондинскій остяцкій улусъ* на той же рѣкѣ; *Казымскій городокъ*, *Юльевскій онъ же*, при рѣкѣ Казымѣ составляетъ нынѣ также остяцкій улусъ того же названія—всѣ въ Березовскомъ округѣ. Здѣсь-то, въ Казымѣ, и былъ крайній сѣверный предѣлъ завоеваній Ермака. Какъ извѣстно, эти далекія мѣста русскіе уже воевали во время извѣстнаго большого похода въ Югру въ 1499—1500 г.г.; но чрезъ 80 лѣтъ потребовалось вторичное покореніе тѣхъ же земель, что показываетъ, какъ слаба была дотолѣ политическая зависимость этихъ земель отъ Московской власти. Со вторичнымъ же покореніемъ ихъ казаками Ермаковой дружины, онѣ окончательно вошли въ составъ обширнаго Московскаго государства.

Покончивъ съ далекимъ сѣвернымъ краемъ, Ермакъ поспѣшно сталъ собираться въ новый походъ на р. Тавду. Объ этомъ предпріятіи въ лѣтописи Ремезова также сдѣлана вставка послѣ, о чемъ мы сказали выше (вклеенъ листъ со статьями 49—52), а въ текстѣ оригинала лѣтописи о походѣ на Тавду сдѣлана только бѣглая замѣтка (въ статьѣ 90). Рѣка Тавда, берега которой были населены Вогуличами, въ 1582 г. осталась въ сторонѣ отъ пути Ермака, а между тѣмъ по ней пролегалъ главный тогдашній путь изъ Руси въ Сибирь, который важно было взять въ русскія руки. Возвратившись въ Искеръ изъ сѣвернаго похода противъ Остяковъ 20 іюня, неутомимый Ермакъ чрезъ 10 дней, 1 іюля, уже выступилъ въ новый походъ противъ Тавдинскихъ Вогулъ. „И погребоша вверхъ по Тавдѣ рѣкѣ, *воюя съ устья вверхъ*", замѣчаетъ лѣтописецъ (статья 49). Сперва онъ занялъ Красноярскую и Калымскую волости (нынѣ *Красноярскіе юрты* близъ устья Тавды въ Тюменскомъ округѣ), взялъ здѣсь

Лабутинъ городокъ, именовавшійся такъ по князю Лабутѣ*) (нынѣ деревня *Антипина*, *Лабута тоже*, въ Тюменскомъ округѣ), и пошелъ далѣе до *Паченки***), что нынѣ деревня того же округа. Здѣсь также жилъ въ тѣ времена Печенегъ или Паченкъ княжецъ, котораго вмѣстѣ со множествомъ Татаръ казаки убили. „И ту веліи бои бысть, и раниша многихъ казаковъ; ихъ же Татаръ прибиша до единаго и Печенега княжца убиша, и наполниша труповъ езеро и то словетъ и донынѣ *Банное Поганое*—полно костей человѣческихъ". (Рем., ст. 49). Поднимаясь вверхъ по Тавдѣ, Ермакъ въ августѣ занялъ городокъ Кошуки, принудивъ князя ихъ Ворлякова дать ясакъ (нынѣ село *Кошукское* Туринскаго окр.); затѣмъ *Кондырбай* или *Чандыръ****) и *Табары* (нынѣ село Табаринское Туринс. округа). Объ этомъ говоритъ Ремезовъ въ статьяхъ 50 и 90. Наконецъ Ермакъ дошелъ до владѣній Пелымскаго князя Патлика, которому и нанесъ пораженіе. За наступленіемъ осени, атаманъ не пошелъ далѣе на сѣверъ и 4 октября 1584 г. (по сентябрьскому счисленію) повернулъ обратно внизъ по Тавдѣ, собиралъ дорогою ясакъ съ покоренныхъ и въ началѣ ноября, вѣроятно уже на лошадяхъ, возвратился въ городъ Сибирь. Теперь Ермакъ могъ считать себя обезпеченнымъ со стороны Остяковъ и Вогуличей, но съ Татарами еще предстояла трудная борьба.

Пока Ермакъ совершалъ свои далекіе походы противъ Остяковъ и Вогуличей, изъ Москвы послана была рать на помощь ему. Слѣдовательно, со времени прибытія казацкаго посольства въ Москву въ январѣ 1583 года *дальнѣйшее завоеваніе Сибири стало дѣломъ государственнымъ*; съ того времени Ермакъ дѣйствовалъ уже съ вѣдома государя, подъ его знаменемъ, и прежній тайный союзъ его со Строгановыми былъ болѣе не нуженъ и даже небезопасенъ, такъ какъ именитые люди были тогда въ опалѣ у государя. Теперь Ермакъ ожидалъ поддержки отъ Москвы, а не отъ Строга-

*) *Миллеръ*, стр. 117—118 (гл. II, § 63); «Списки нас. мѣстъ». стр. 141.

**) При *Миллерѣ* это была деревня сосѣдней архіерейской *Тавдинской слободы*. См. гл. II, § 64, стр. 118.

***) При *Миллерѣ* была «послѣдняя Кошутской волости деревня». (Тамъ же, § 67, стр. 120).

новыхъ, съ которыми, повидимому, онъ прервалъ всякія сношенія, какъ съ людьми опальными въ глазахъ царя. Въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключается причина того явленія, что заслуги Строгановыхъ въ дѣлѣ первоначальной поддержки Ермака въ его Сибирскомъ походѣ теперь отвергаются крайними поклонниками атамана, которые отняли у нихъ и самую иниціативу похода. Поэтому-то апологеты Ермака, ослѣпленные его подвигами, приписываютъ всю заслугу въ покореніи Сибири исключительно казакамъ, забывая, что иниціаторы всего этого дѣла, призвавшіе казаковъ съ Волги, вложили въ него не мало и своихъ заботъ, помогая Ермаку деньгами, оружіемъ, провіантомъ и людьми. Безъ этой поддержки Ермакъ, быть можетъ, и не достигъ бы тѣхъ боевыхъ успѣховъ, которые обезсмертили его имя. Чрезъ три вѣка пора же наконецъ установить спокойный, вполнѣ объективный взглядъ на это дѣло и воздать каждому по заслугамъ его, не увлекаясь въ ущербъ истинѣ ни въ ту, ни въ другую сторону.

Остается невыясненнымъ: просило-ли посольство Ермака помощи въ Москвѣ, или правительство само сочло необходимымъ подать эту помощь казакамъ, сознавая важность ихъ предпріятія. Послѣднее болѣе вѣроятно, какъ увидимъ ниже. Только забота о помощи Ермаку возникла въ Москвѣ вскорѣ по уходѣ оттуда Ивана Кольцо съ товарищами. По указу царя Ивана Васильевича, 3 мая 1583 г. изъ Москвы отправился съ 500 воиновъ первый воевода князь Семенъ Дмитріевичъ *Болховскій* на помощь атаману Ермаку Тимоѳеевичу*). Болховскій отправился сначала въ Великопермскія вотчины Строгановыхъ и затѣмъ въ Чердынь обыкновеннымъ водянымъ путемъ по Волгѣ, Камѣ и ея притокамъ. Изъ опальной грамоты Іоанна Строгановымъ отъ 16 ноября 1582 г. мы знаемъ, что въ Чердыни воеводами были тогда Василій Пелепелицынъ и Воинъ Оничковъ, при которыхъ былъ еще Иванъ Глуховъ. Кн. Болховскій привезъ съ собою въ Великую Пермь царскій указъ, которымъ повелѣвалась упомянутому „головѣ" Ивану

*) Такъ говоритъ *Ремезовъ* въ ст. 92, неправильно приписывая этотъ указъ Василію Шуйскому. *Миллеръ* относитъ почему-то выступленіе Болховскаго изъ Москвы къ 10 мая 1583 г. См. стр. 170, гл. III, § 35. Болховскій отправился безъ Глухова, который былъ тогда въ Чердыни.

Глухову и другому головѣ Ивану *Кирѣеву* присоединиться къ войску князя Болховскаго, а Строгановымъ приказано было дать въ подмогу имъ „пятьдесятъ человѣкъ на конѣхъ". Это видно изъ послѣдующей грамоты царя Ивана Васильевича отъ 7 января 1584 г. на имя Семена Аникіевича, Максима Яковлевича и Никиты Григорьевича Строгановыхъ *). Изъ этой же грамоты видно, что князю Болховскому предписано было выступить изъ Перми Великой только зимою. „И нынѣ Намъ слухъ дошолъ, говоритъ далѣе грамота, что *въ Сибирь зимнимъ путемъ на конѣхъ пройтить не мочно*, и Мы князь Семену нынѣ изъ Перми зимнимъ путемъ въ Сибирь до весны до полыя воды ходить есмя не велѣли и ратныхъ людей *по прежнему Нашему указу* **) 50 человѣкъ конныхъ имати есмя у васъ не велѣли". Причина невозможности проникнуть въ Сибирь зимнимъ путемъ заключалась, кажется, въ томъ, что князю Болховскому предписано было слѣдовать туда обыкновеннымъ сѣвернымъ путемъ по Вишерѣ чрезъ горы (Камень) на Лозву и Тавду (другихъ дорогъ въ Сибирь изъ Москвы тогда не признавало правительство); но этотъ путь зимою, дѣйствительно, былъ непроходимъ для конницы: по этой дорогѣ, обыкновенно покрытой глубокими снѣгами, можно было ходить только на лыжахъ и нартахъ, съ помощью собакъ и оленей. Грамота отъ 16 ноября 1582 г. такъ и предписывала дѣлать: „На Пелымскаго князя зимою на нартахъ ходить воевать" (Миллеръ, стр. 146); на этотъ же разъ мѣстныя условія края почему-то были упущены изъ вида, и ошибка повела къ отмѣнѣ уже сдѣланнаго распоряженія. Сознавъ эту-то ошибку, Іоаннъ 7 января 1584 г. и далъ Строгановымъ новую грамоту, въ началѣ которой по обычаю повторилъ свой прежній указъ, который теперь отмѣнялся. Въ новомъ указѣ Строгановымъ предписывалось слѣдующее: „На веснѣ велѣли есмя князю Семену, идучи въ Сибирь, взять у васъ подъ Нашу рать и подъ запасъ пятьнатцать струговъ со всѣмъ струговымъ запасомъ, которые бъ струги подняли по дватцати человѣкъ съ запасомъ, а людей ратныхъ

---

*) Напечатана у *Миллера*, стр. 170—171 въ сноскѣ (гл. III, § 36).

**) Этотъ *прежній указъ*, привезенный кн. Болховскимъ, не сохранился до нашего времени, но содержаніе его ясно изъ грамоты 1584 года.

и подводъ и проводниковъ имать есмя у васъ не велѣли, и обиды есмя, идучи въ Сибирь, вашимъ людемъ и крестьяномъ никакія чинить не велѣли". Такимъ образомъ Болховскій, по этому указу, долженъ былъ отправиться въ Сибирь только весною 1584 г., *„во второе лѣто по взятіи Сибирскія земли"*, какъ совершенно правильно на этотъ разъ замѣчаетъ Строгановская лѣтопись. Онъ остался на зиму въ главномъ городѣ Перми Великой—Чердыни, а весною долженъ былъ выѣхать на Каму и Чусовую въ Строгановскіе острожки, т. е. въ Орелъ и Чусовской городокъ, съ тѣмъ, чтобы отправиться въ Сибирь тѣмъ самымъ путемъ, коимъ слѣдовалъ Ермакъ въ 1581 г. Это можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ той же грамоты 1584 года: „и вы бъ тотъ часъ велѣли къ веснѣ ко княжу Семенову пріѣзду (изъ Чердыни) Болховскому изготовить подъ Нашу рать и подъ запасъ 15 струговъ добрыхъ со всѣмъ струговымъ запасомъ.... И вы бъ тѣ суды дали.... князь Семену Болховскому или головамъ Ивану Киреєву да Ивану Глухову, чтобъ за тѣми струги *въ вашихъ острогахъ и часу не мѣшкати;* а не дадутъ судовъ подъ Наши ратные люди вскорѣ,.... а Нашему дѣлу учинитца поруха, *и вамъ отъ Насъ быти въ великой опалѣ"*. Какъ видимъ, все снаряженіе войска въ походъ обставлялось точно такъ же, какъ было это въ 1581 г. при отправленіи Ермака, при чемъ Строгановы на этотъ разъ уже *обязывались царскимъ указомъ* принять участіе въ этомъ снаряженіи, подъ угрозою опалы за неисполненіе этого указа. Послѣдняя оговорка грамоты доказываетъ, что грозный царь не забылъ прежней вины Строгановыхъ. Судя по тому, что царь велѣлъ имъ снарядить 15 струговъ, считая по 20 человѣкъ на каждый стругъ, мы думаемъ, что войско кн. Болховскаго состояло изъ 300, а не изъ 500 человѣкъ, какъ говоритъ лѣтописи. Ниоткуда не видно, чтобы князю были даны кромѣ этихъ 15 еще какіе нибудь струги.

Наконецъ послѣ всѣхъ описанныхъ долгихъ приготовленій князь Болховскій съ товарищами Ив. Киреевымъ и Ив. Глуховымъ выступилъ изъ Чусовскаго городка Строгановыхъ вверхъ по Чусовой, „по полой водѣ" раннею весною 1584 г. Трудно было подниматься на веслахъ противъ теченія по этой быстрой горной рѣкѣ во время ея разлива; особенно трудно

было проходить каменные „переборы“ на рѣкѣ и плыть мимо горъ—камней, расположенныхъ въ большомъ числѣ на ея берегахъ. Говорю это на основаніи личнаго опыта плаванія въ лодкѣ вверхъ по Чусовой во время ея разлива. Войско могло двигаться очень медленно. На перевалѣ чрезъ Уралъ во время разлива рѣкъ оно неизбѣжно должно было встрѣтиться съ новыми препятствіями, когда пришлось тащить суда (струги) чрезъ волокъ. Далѣе по Тагилу, Турѣ и Тоболу плыть было легко по теченію, но князь Болховскій, надо думать, дѣлалъ остановки въ пути для сбора ясака съ покоренныхъ, такъ какъ прибылъ въ городъ Сибирь только осенью, а именно къ 1 ноября 1585 г., по сентябрьскому счисленію времени. (Ремезовъ, статья 92). Здѣсь умѣстно высказать слѣдующее соображеніе: если кн. Болховскій *по завоеванному краю* слѣдовалъ водою столько времени отъ Чусовой до устьевъ Тобола, то есть-ли какое-либо вѣроятіе, чтобы Ермакъ въ 1581 г. могъ пройти тотъ же путь среди непріятелей съ 1 сентября до 26 октября, т. е. менѣе, чѣмъ въ 2 мѣсяца? Нѣтъ, вся совокупность лѣтописныхъ фактовъ убѣждаетъ, что Ермакъ прошелъ этотъ путь въ два слишкомъ года, потерявъ много времени на двухъ зимовкахъ. Зимнее путешествіе изъ Сибири въ Русь и обратно требовало гораздо меньше времени, какъ мы ясно видѣли это на первомъ посольствѣ отъ Ермака въ Москву.

Атаманы и казаки съ честію встрѣтили за городомъ царскаго воеводу. „Государевы же воеводы (кн. Болховскій, Кирѣевъ и Глуховъ) по государской росписи государево имъ жалованье объявиша“, говоритъ Строгановская лѣтопись, т. е. потребовали положеннаго имъ содержанія. „Тое же зимы (1585 г.), продолжаетъ та же лѣтопись, егда пріидоша Московстіи вои въ Сибирь къ казакамъ, и кои запасы съ собою привезоша и тіи изъядоша, и казацы запасъ пасяху, смѣтеся по своимъ людемъ (т. е. берегли, соображаясь съ числомъ своихъ людей), а того *не вѣдуще Московскія силы людей пришествія къ себѣ*“. Доказательство, что посольство Ермаково въ январѣ 1583 г. не просило себѣ помощи людьми въ Москвѣ. „И того ради, заключаетъ Строгановская лѣтопись, бысть оскудѣніе веліе всякимъ запасомъ, и мнози отъ гладу изомрэша Московстіи вои и казацы, *и воевода князь*

Семенъ Болховскій тожъ умре". Это было зимою 1585 г, послѣ чего имени князя мы дѣйствительно не встрѣчаемъ болѣе. Только весною „Татара и Остяки отъ новинъ своихъ рыбы и овощи и запасы принесоша, и казаки отъ гладу насытишася". (Ремез., ст. 92).

Первымъ дѣломъ по прибытіи воеводъ въ Сибирь была отправка въ Москву плѣннаго царевича Маметкула. Ремезовъ относитъ это событіе къ тому же ноябрю, когда кн. Болховскій прибылъ къ Ермаку. „Ноября въ 21 день, пишетъ онъ, послалъ Ермакъ къ Москвѣ царевича Маметкула и собранной ясакъ. *И привезоша его къ царю Ѳедору Ивановичу*" (статья 91). Тоже подтверждаютъ Есиповъ и „Сказаніе Сибирской земли", что служитъ полнымъ опроверженіемъ показаній Строгановской лѣтописи, пріурочивающей посылку Маметкула къ *первому* посольству Ивана Кольцо. Выше мы привели и другія доказательства полной нелѣпости какъ этого извѣстія, такъ и мнимаго пожалованія Строгановыхъ Солью Большою и Малою въ 1581 году. По единогласному свидѣтельству лѣтописей, Маметкулъ и привезшіе его люди были встрѣчены въ Москвѣ съ великою честію. Встрѣча была „какъ посламъ, а не аки плѣннику, замѣчаетъ „Сказаніе Сибирской земли", и оставленъ той царевичъ на Москвѣ, а провожатые казаки пожалованы и удоволены и отпущены въ Сибирь по прежнему, а съ ними послано князю Ермаку Тимофеевичу его царскаго величества жалованье и милостивое слово и награжденіе денегъ и сукна, и порохъ, и свинецъ, и ружіе, и иные всякіе припасы со множественнымъ удовольствіемъ". То же „Сказаніе" замѣчаетъ, что Маметкулъ былъ отправленъ въ Москву „съ оставшимся воеводою Иваномъ Глуховымъ". Въ другихъ лѣтописяхъ это передается иначе: „по повелѣнію государя, воевода Ив. Глуховъ и Сибирскіе атаманы и казаки послаша въ Москву Маметкула" *). Послѣднее извѣстіе намъ кажется правдоподобнѣе, потому что и далѣе опять упоминается воевода, вернувшійся чрезъ Камень въ Русь. (Ремезовъ, статья 107). Или въ этомъ случаѣ нужно разумѣть воеводу Ивана Кирѣева? При томъ же въ виду затрудненій, въ коихъ находились казаки, какъ могъ самъ воевода, только что прибывшій въ Сибирь и посланный

*) *Карамзинъ*, примѣч. 712-е къ IX тому.

туда по царскому указу, оставить ихъ въ столь тяжелое время? Сомнительно также, чтобы существовалъ въ дѣйствительности царскій указъ о посылкѣ Маметкула въ Москву: тамъ не могли знать до прибытія втораго посольства изъ Сибири о плѣнѣ царевича. Еслибъ Ермакъ особо извѣстилъ царя, то объ этомъ упомянули бы лѣтописи.

Намъ приходится вернуться по времени назадъ, чтобы показать, чѣмъ занятъ былъ Ермакъ въ то время, пока Московское войско цѣлое лѣто 1584 г. шло въ городъ Сибирь. Предъидущее лѣто, какъ мы знаемъ, Ермакъ посвятилъ далекимъ походамъ противъ Обскихъ Остяковъ и Тавдинскихъ Вогулъ. Лѣто же 1584 г. онъ провелъ въ покореніи мѣстностей, лежавшихъ отъ города Сибири вверхъ по Иртышу и его лѣвому притоку Вагаю. Эти предпріятія его въ лѣтописи Ремезова опять описаны какимъ-то другимъ лицомъ на вклеенномъ послѣ 25-мъ листѣ (статьи 99—103)*). Неизвѣстный авторъ на этотъ разъ совершенно правильно относитъ эти событія къ августу 7092 (1584) года, излагая ихъ опять съ такими подробностями, какія могъ знать только участникъ походовъ. Къ юго-востоку отъ города Сибири Ермакъ дѣйствительно еще не воевалъ, а обезпечить свое главное завоеваніе съ этой стороны ему было необходимо: тамъ гдѣ-то скрывались его злые враги, Кучумъ и Карача.

Дѣло началось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. 6 августа 1584 г. Ермакъ получилъ первое извѣстіе изъ степи, что тамъ появился опять Кучумъ, который будто-бы преградилъ путь въ Сибирь Бухарскому торговому каравану. Ермакъ, по „Сказанію Сибирской земли“, хотѣлъ распространить бухарскую торговлю на городъ Сибирь, какъ видно, нуждавшійся въ предметахъ первой необходимости. Собравъ до трехсотъ человѣкъ, онъ пошелъ вверхъ по Иртышу, всюду встрѣчалъ покорность жителей, но Кучума и Бухарцевъ не нашелъ. Онъ достигъ Сартезеря (Сартскаго озера возлѣ Иртыша) и „до большего князя Бѣгиша князева городка“ (нынѣ село

*) Это уже *третья большая вставка въ лѣтописи Ремезова,* о которой см. у *Карамзина* въ примѣч. 718 къ IX тому и у *Миллера* гл. III, § 48, стр. 180. Извѣстія о походахъ противъ Обскихъ Остяковъ и Тавдинскихъ Вогулъ принадлежатъ, вѣроятно, тому же лицу.

Елишевское на Иртышѣ въ Тобольскомъ округѣ), гдѣ учинилъ „великой бой со сборными Татары и съ Карачинцы", разбилъ ихъ и поднялся къ Шамшѣ, къ Рянчикамъ и Саламъ до Каугдака (нынѣ при-иртышскіе татарскіе юрты *Шамшинскіе, Рянчинскіе* и *Салинскіе* въ Тобольс. округѣ). Не встрѣтивъ здѣсь никакого сопротивленія, Ермакъ достигъ далѣе до „старосты древняго поставленія царя *Сарачика Ишимскаго*", что нынѣ, надо полагать, *Саургатскіе юрты* въ томъ же Тобольскомъ округѣ*). На устьѣ рѣки Ишима была битва, гдѣ пало 5 казаковъ. Наконецъ Ермакъ приступилъ къ городку *Кулларову*, что нынѣ юрты на Иртышѣ выше устья р. Ишима (ранѣе упомянута другая Кударова близь устья Вагая). Тогда это былъ крайній сторожевой пунктъ со стороны владѣній Калмыковъ, сильно укрѣпленный Кучумомъ, „и во всемъ верхъ Иртыша крѣпче его нѣтъ", (Ремез., ст. 101). Пять дней приступалъ къ нему Ермакъ и, не взявъ, послѣдовалъ далѣе по Иртышу къ городку *Ташатканскому*, что нынѣ деревня на лѣвомъ берегу Иртыша въ Тарскомъ округѣ. Затѣмъ, по взятіи его, Ермакъ проплылъ къ устью рѣки Шиштамама (иначе Шишъ, правый притокъ Иртыша). „Волость Туралинская", подъ коей надо разумѣть нынѣшнюю *Тару*, была крайнимъ предѣломъ Ермакова похода по Иртышу въ августѣ 1584 г. Отсюда Ермакъ поспѣшно воротился назадъ, такъ какъ снова услышалъ о приближеніи Кучума. Въ началѣ сентября (по тогдашнему счисленію, значитъ, слѣдующаго 1585 г.) атаманъ вернулся въ городъ Сибирь.

Здѣсь Ермака ожидали тяжелыя испытанія. 10 сентября къ нему явился извѣстный намъ Карача, который далъ ему по своей вѣрѣ клятву въ вѣрности и просилъ дать ему помощь противъ враждебной Казачьей Орды**). Ермакъ повѣрилъ клятвѣ и отпустилъ съ Карачею 40 казаковъ подъ начальствомъ своего лучшаго боеваго товарища атамана Кольцо. Но Карача измѣнилъ клятвѣ и вѣроломно умертвилъ всѣхъ казаковъ и съ ними атамана Кольцо. Наступившая осень заставила Ермака отложить борьбу съ Карачею до весны. 1 ноября, противъ ожиданія

*) «Списки нас. мѣстъ Тоб. губ.» LXXVI и стр. 26, 27 и друг.

**) Въ Строган. лѣт. «отъ Нагайской Орды».

Ермака, явилось въ городъ Сибирь Московское войско, затѣмъ послѣдовала отправка къ царю плѣннаго Маметкула, и наступила голодная зима, стоившая потери многихъ людей и въ числѣ ихъ недавно прибывшаго князя Болховскаго. Военныя дѣла были отложены до весны.

12 марта 1585 г., въ великій постъ, измѣнникъ Карача явился подъ городомъ Сибирью, обложилъ его обозами и табарами, а самъ расположился въ 3 верстахъ отъ города на *Саусканской лукѣ*. „И стоя до пролѣтія и многую гибельную поруху казакомъ нанесе гибельно". (Ремез., ст. 94) *). 12 іюня, говоритъ Строгановская лѣтопись (а по Ремезову 9 мая), казаки ночью напали врасплохъ на станъ Карачи, убили двухъ его сыновей, а самого его и прочихъ Татаръ заставили разбѣжаться. Утромъ при Саусканѣ завязалась битва, кончившаяся бѣгствомъ непріятеля и побѣдою казаковъ. Наступилъ роковой для Ермака Тимоѳеевича августъ 1585 г. 1 августа онъ опять получилъ извѣстіе о приближеніи Бухарцевъ и препятствіяхъ, которыя дѣлалъ Кучумъ ихъ свободному проходу въ городъ Сибирь. Ермакъ, взявъ съ собою 50 чел. казаковъ, на этотъ разъ не медля отправился въ стругахъ вверхъ по Иртышу до Агитской луки, которую правильнѣе называть Вагайскою. Чтобы скорѣе вступить въ устье Вагая и миновать длинный изгибъ Иртыша, образующійся въ этомъ мѣстѣ, Ермакъ направилъ струги по протоку или перекопи, прорытой здѣсь кѣмъ-то раньше и тогда еще не обмелѣвшей **). Въ устьѣ Вагая Ермакъ не встрѣтилъ однако Бухарцевъ, почему сталъ подниматься вверхъ по рѣкѣ, достигъ до урочища *Атбаша*, „иде же нынѣ, говоритъ „Сказаніе Сиб. земли", поставленъ *Абатской острогъ*", но отсюда повернулъ обратно къ устью рѣки. (Нынѣ на этомъ мѣстѣ стоитъ деревня *Черная*, *Адбажская тожъ*.

---

*) На этомъ основаніи сообщеніе синодика Софійской соборной церкви въ Тобольскѣ, будто Ив. Кольцо былъ убитъ 17 апрѣля, мы считаемъ ошибкою, согласно съ *Карамзинымъ*. См. его «Исторію», примѣч. 714 къ IX тому.

**) *Миллеръ* на основаніи Ремезова говоритъ, что перекопь вырыта была казаками Ермака длиною въ одну версту, чего не могло быть, когда Ермаку дорогъ былъ каждый день. См. гл. III, § 46, стр. 179, и § 62, стр. 189. *П. А. Словцовъ* на первой же страницѣ своего «Историч. обозрѣнія Сибири» справедливо отвергаетъ участіе казаковъ въ этомъ дѣлѣ. Свѣдѣніе о перекопи сообщилъ Ремезовъ въ ст. 98.

„Списки", стр. 21). Онъ возвратился опять къ перекопи и въ бурную, дождливую ночь съ 5 на 6-е августа 1585 г. рѣшился ночевать на ближайшемъ островѣ Иртыша. Онъ не подозрѣвалъ близости врага, который между тѣмъ бдительно слѣдилъ за казаками. Во время глубокаго сна Кучумъ со скопищемъ Татаръ напалъ на казаковъ врасплохъ, перебилъ ихъ, при чемъ Ермакъ, какъ извѣстно, бросился вплавь къ берегу рѣки, но утонулъ подъ тяжестью надѣтыхъ на него царскихъ панцырей. „Стругъ же отплы отъ брега и не дошедъ (брега, Ермакъ) утопе.... Точію единъ казакъ утече во градъ и возвѣстивъ бывшимъ". (Ремезовъ, статьи 105 и 106). Эта вѣсть, какъ громомъ, поразила всѣхъ жителей Искера и скоро облетѣла всю покоренную Сибирь.

Со смертью двухъ главныхъ, храбрѣйшихъ атамановъ, дѣла казаковъ быстро пошли къ упадку, и неудачи слѣдовали одна за другой. Въ лицѣ Ермака исчезла та могучая нравственная сила, которая питала духъ храбрости и строгаго повиновенія среди казаковъ, внушая тѣмъ страхъ и побѣжденнымъ. Московскіе воеводы, не закалившіе себя въ безпрерывныхъ битвахъ и опасностяхъ, далеко не могли замѣнить погибшаго героя и поддержать упавшій духъ войска. Смерть главнаго вождя показала все величіе исторической личности Ермака, который былъ душею всего предпріятія. Это-то обаяніе личности славнаго атамана доселѣ является главной причиной несогласій среди ученыхъ, занимавшихся вопросомъ о покореніи Сибири и нерѣдко сводившихъ все дѣло къ заслугѣ одного человѣка. Здѣсь причина и совершеннаго забвенія нѣкоторыми учеными исторической роли Строгановыхъ въ этомъ дѣлѣ, которымъ принадлежала однако иниціатива Сибирскаго похода. Безспорно, велико значеніе Ермака Тимоѳеевича въ покореніи Сибири, но въ началѣ его похода немаловажное значеніе имѣли и именитые Пермскіе люди Строгановы. Если Ермакъ и прервалъ съ ними сношенія со времени постигшей ихъ опалы, изъ опасенія навлечь таковую и на себя, то это еще не даетъ намъ права отнимать у нихъ всякую историческую заслугу въ дѣлѣ покоренія обширной и богатой страны власти русскихъ государей.

Но возвратимся къ году смерти Ермака и къ событіямъ, сопровождавшимъ его смерть. Годомъ смерти его обыкновенно считаютъ 1584-й, но это неправильно, какъ убѣждаетъ весь естественный ходъ событій, выше показанный нами. Это дѣлается только на основаніи обивчивой хронологіи Сибирскихъ лѣтописей безъ строгаго соображенія съ фактами того времени. Такъ, изъ этихъ лѣтописей, кромѣ Строгановской, допустившей въ данномъ случаѣ явную путаницу событій, ясно видно, что плѣнный царевичъ Маметкулъ доставленъ былъ въ Москву еще при жизни Ермака, но уже по смерти Іоанна IV. Ремезовская лѣтопись указала съ обычною точностію и правильностью мѣсячныхъ и числовыхъ датъ, что царевича Ермакъ отправилъ изъ города Сибири 21 ноября 1584 г., но никакъ не предъидущаго, потому что это второе посольство въ Москву уже не застало въ живыхъ Іоанна IV, умершаго 18 марта 1584 г., и явилось къ Ѳеодору Іоанновичу (указанія Есипова, Ремезова и „Сказанія Сибир. земли"). Слѣдовательно, Ермакъ жилъ еще до 6 августа, но котораго: того же 1584 *сентябрьскаго* года, или слѣдующаго 1585-го? Конечно послѣдняго 1585 г., потому что *въ сентябрѣ 1585 г.*, т. е. въ самомъ началѣ года по тогдашнему счисленію, *самъ Ермакъ отправилъ Ивана Кольцо* съ 40 казаками къ Карачѣ, а это событіе, въ свою очередь, было почти чрезъ годъ по отправленіи плѣннаго царевича въ Москву. Вся путаница въ годахъ происходитъ отъ смѣшенія сентябрьскаго года съ январскимъ и отъ упущенія изъ виду *второй* зимовки Ермака въ Тюмени. Изъ двухъ разрядовъ источниковъ—лѣтописей и грамотъ мы должны вѣрить больше и даже безусловно хронологіи грамотъ, а никакъ не лѣтописей, которыя намъ дороги только по указанію фактовъ. Поступать же наоборотъ—значитъ безъ конца повторять ошибки въ опредѣленіи времени событій. И странно: ученые, начиная съ Карамзина, сами сознавали это и все таки больше держались хронологіи лѣтописей. Такъ, еще *Карамзинъ* въ концѣ 703 примѣчанія къ IX тому „Исторіи" послѣ долгихъ, но безплодныхъ хронологическихъ сопоставленій рѣшительно заявилъ: „Остается или не вѣрить хронологіи грамотъ, или году Ермаковой смерти: т. е. *вопреки лѣтописямъ полагать ее въ 1585 году*". Послѣднее соображеніе было совершенно

правильно, и однако Карамзинъ ему не послѣдовалъ, предпочтя въ концѣ концовъ хронологію лѣтописей. То же самое допустилъ *Соловьевъ*, считавшій покореніе Сибири дѣломъ двухъ мѣсяцевъ и не признавшій ни одной зимовки Ермака на всемъ пути до Иртыша*). По той же причинѣ *Ивановскій* вздумалъ поправлять дату грамоты отъ 7 января 1584, чтобы только примирить ея хронологію съ лѣтописями **). На нашъ взглядъ, всѣ эти натяжки происходили отъ недостаточно-строгаго критическаго отношенія къ хронологіи Сибирскихъ лѣтописей, которыя не заслуживаютъ того довѣрія, какъ безусловно точныя и правильныя даты грамотъ.

Мы сказали, что со смертію Ермака скоро пошатнулось все дѣло, созданное имъ и державшееся только его энергіей, его мощнымъ духомъ. Со всѣхъ сторонъ тотчасъ показались старые враги казаковъ. Въ городѣ Сибири русскихъ осталось только 150 человѣкъ, если вѣрить Ремезову (статья 107); остальные всѣ погибли въ битвахъ и въ теченіе голодной зимы 1584 г. Московская помощь оказалась ничтожна. Воеводы Глуховъ и Кирѣевъ, повидимому, не оказались на высотѣ своего назначенія въ столь трудное время. Впрочемъ, если вѣрить „Сказанію Сибирской земли", то Глухова тогда уже и не было въ Сибири (онъ увезъ въ Москву Маметкула), князь Болховскій умеръ вскорѣ по прибытіи въ городъ Сибирь, и здѣсь остался только Иванъ Кирѣевъ ***). Какъ бы то ни было, но мы ни въ чемъ не видимъ проявленія ихъ дѣятельности. Напротивъ, вскорѣ же послѣ смерти Ермака, оставшіеся въ живыхъ русскіе воины въ числѣ полутораста человѣкъ „сѣдоша въ струги своя августа въ 15 день и *погребоша внизъ по Обѣ и съ воеводою* (которымъ?) *и по Иртышу и по Собѣ и чрезъ Камень пріидоша въ Русь* на свои жилища; градъ же (Сибирь) оставиша пустъ" (Ремезовъ, ст. 107). Это было совсѣмъ не въ правилахъ Ермака. Опустѣлый городъ немедленно занялъ Алей, сынъ Кучума,

*) «Исторія», VI, 428—430 и VII, 370—371.

**) См. примѣч. 70-е къ III тому его «Исторіи», стр. 662.

***) *Миллеръ* въ 3-й главѣ «Описанія Сибир. царства» вездѣ считаетъ преемникомъ Ермака воеводу Глухова, ничего не говоря о Кирѣевѣ, но лѣтописи не называютъ воеводы по фамиліи, почему мнѣніе Миллера еще требуетъ доказательствъ.

но не надолго: вскорѣ на него напалъ Сейдякъ Бекбулатовичъ, заставилъ Алея очистить городъ, который и занялъ самъ, отмстивъ наконецъ Кучуму за кровь отца своего Бекбулата (Рем., ст. 108). Казалось, всѣ труды Ермака и его дружины погибли безплодно!

Но Москва не забывала Сибири. Теперь царевичъ Маметкулъ служилъ ей живымъ напоминаніемъ о Сибири. Когда до нея еще не дошла вѣсть о гибели Ермака, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ отправилъ на помощь ему второго воеводу *Ивана Мансурова*. По единогласному свидѣтельству всѣхъ Сибирскихъ лѣтописей, это было во второе лѣто по смерти Ермака. Послѣдній погибъ на 6-е августа 1585 г., а Мансуровъ прибылъ въ Сибирь осенью (въ концѣ октября или началѣ ноября) 1586 г., по сентябрьскому счисленію, т. е. онъ явился въ началѣ слѣдующаго года—вскорѣ послѣ того, какъ городъ Сибирь былъ оставленъ русскими. По указанію Ремезова въ статьѣ 119, Мансуровъ прибылъ только со 100 воинами обычнымъ водянымъ путемъ. Это показываетъ, что новый воевода не зналъ о смерти Ермака, котораго хотѣлъ только подкрѣпить своимъ небольшимъ отрядомъ. Но противъ ожиданія онъ оказался теперь предоставленнымъ самому себѣ среди окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ непріятелей—оказался въ самомъ трудномъ, безпомощномъ положеніи. Что же предпринялъ Мансуровъ съ своимъ небольшимъ войскомъ въ далекой непріятельской странѣ? На этотъ вопросъ подробно отвѣчаетъ Есиповъ и неизвѣстный составитель „Сказанія Сибирской земли". Есиповъ пишетъ: „... и доплыша до рѣки Иртыша; Тотаръ же множество собрашась во урѣченномъ мѣстѣ у рѣки Иртыша на берегу. Воевода жъ видѣ таково собраніе поганыхъ и слыша, яко казаки побѣгоша изъ града (въ „Сказаніи" добавлено: „и услыша, яко князь Ермакъ утопенъ"—доказательство, что воевода не зналъ дотолѣ о смерти атамана)—*и убояся, и не приста ко брегу, но поплыша внизъ по Иртышу*; доплыша жъ до великой Оби, бѣ бо тогда осень, и ледъ въ рѣкахъ смерзается. Иванъ же Мансуровъ видѣ, яко наставше зима *и повелѣ поставити городокъ надъ рѣкою Обью противъ Иртыша во устію и сяде въ немъ съ своими людми и тако озимѣвше*". Этотъ *Обскій городокъ* справедливо считается первымъ русскимъ городомъ

на берегахъ Оби. Онъ стоялъ среди поселеній Остяковъ, которые и называли его *Рушъ-вашъ*, т. е. „Русскій городокъ“ *). Онъ стоялъ у Бѣлыхъ горъ, близь нынѣшняго села Самарова, противъ Березовскаго протока Иртыша, по сосѣдству съ остяцкимъ городкомъ *Гуланъ-вашъ* (Восточный городокъ). Во времена Миллера видны еще были слѣды обоихъ поселеній. Остяки, конечно, были недовольны водвореніемъ русскихъ на ихъ землѣ; они пытались было разрушить русскій городъ, но безуспѣшно, за неимѣніемъ огнестрѣльнаго оружія, которымъ владѣли Русскіе. Въ теченіе зимы не было столкновеній между Русскими и Остяками; послѣдніе принесли даже ясакъ русскому воеводѣ и тѣмъ выразили свою покорность. Однако Мансуровъ сильно нуждался въ людяхъ и съ наступленіемъ весны 1586 г., сознавая свое безсиліе и опасность среди враждебныхъ инородцевъ, на вѣрность которыхъ нельзя было полагаться, рѣшился возвратиться въ Русь чрезъ Камень, т. е. по слѣдамъ Глухова или Кирѣева. (Ремезовъ, ст. 120). Такимъ образомъ и вторая посылка Московскаго войска въ Сибирь имѣла мало успѣха, по малочисленности посланной съ воеводою военной силы.

Но Москва продолжала оказывать содѣйствіе въ покореніи страны Русскими. Когда до нея дошелъ слухъ о гибели Ермака и о выходѣ перваго войска изъ Сибири безъ всякаго почти успѣха (о неудачахъ Мансурова тамъ еще не могли знать), царь Ѳеодоръ Іоанновичъ весною того же 1586 г. послалъ въ Сибирь третьяго воеводу Василія Борисовича *Сукина* и съ нимъ Ивана *Мясного* и письменнаго голову Данила *Чулкова* съ 300 человѣкъ **). Они явились на рѣку Туру въ половинѣ лѣта 1586 г., когда Мансуровъ успѣлъ оставить Сибирь. На этотъ разъ Московское правительство распорядилось именно такъ, какъ слѣдовало поступить въ началѣ, чтобы прочною ногою утвердиться въ завоеванной казаками странѣ. Узнавъ, что главнымъ оплотомъ для Татаръ постоянно служили два города Чинги-Тура (Тюмень русскихъ)

*) Топографическое положеніе города подробно указываетъ *Миллеръ* въ главѣ III, § 77, стр. 199. *Обской Большой городъ* упоминаетъ впослѣдствіи «Книга Большему Чертежу».

**) Въ «Сказаніи Сибирской земли» князь Болховскій называется *первымъ* воеводою, а Василій Сукинъ—*третьимъ*.

на западѣ и Сибирь на востокѣ, что повидимому хорошо зналъ и Ермакъ, простоявшій въ Тюмени всю зиму 1582 г.*), — правительство предписало воеводѣ Сукину прежде всего укрѣпиться въ Тюмени на р. Турѣ, а затѣмъ отрядить Данила Чулкова къ устьямъ Тобола, гдѣ онъ долженъ былъ воздвигнуть новое укрѣпленіе вблизи города Сибири. Прочно утвердившись въ этихъ двухъ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктахъ Сибири, Русскіе легче могли удержать въ своихъ рукахъ завоеванія Ермака путемъ постепеннаго построенія новыхъ русскихъ укрѣпленій на Турѣ, Тоболѣ, Иртышѣ и Оби.

Воеводы точно исполнили предписанія правительства. 29 іюля 1586 г. они положили основаніе укрѣпленному городу Тюмени, вблизи стариннаго татарскаго города Чинги-Тура, заложили *первую въ Сибири церковь* Всемилостиваго Спаса**) и стали собирать ясакъ съ Татаръ, жившихъ по рѣкамъ Турѣ, Тоболу, Исети и Пышмѣ. Подробное топографическое описаніе вновь основаннаго города Тюмени и прежней татарской Чинги-Туры можно видѣть у Миллера (гл. IV, §§ 4 и 5). Прочно утвердившись на Турѣ, вторично послѣ Ермака заставивъ всѣхъ окружныхъ Татаръ признать русскую власть, воеводы могли уже безъ прежняго риска, но съ полной увѣренностью въ успѣхѣ, распространять русское владычество далѣе на востокъ. Вторичное завоеваніе страны, какъ по всему видно, не требовало тѣхъ усилій со стороны Русскихъ, съ какими было сопряжено первое занятіе этихъ мѣстъ дружиною Ермака. Имя Русскихъ уже не наводило на тувемцевъ того страха, какой внушали имъ казаки, съ Ермакомъ во главѣ, благодаря невиданному дотолѣ въ Сибири огнестрѣльному оружію.

Весною слѣдующаго 1587 года въ Тюмень пришло изъ Россіи новое подкрѣпленіе въ 500 человѣкъ при указѣ Ѳеодора Іоанновича, коимъ предписывалось воеводѣ Данилу Чулкову заложить на устьѣ Тобола новый городъ, въ 16 верстахъ отъ г. Сибири. „И по Промыслу Божію, доплывъ

---

*) Въ Москвѣ эти свѣдѣнія могли сообщить правительству Маметкулъ или воеводы Глуховъ и Кирѣевъ.

**) *Ремезовъ*, ст. 121: «поставиша градъ Тюмень іюля въ 29 день, еже Чинги слыхъ, и церковь воздвигоша Всем. Спаса, *первую въ Сибирѣ*, и ясакъ со многихъ Татаръ собраша по Турѣ и по Тоболу и Исетѣ и Пышмѣ».

воевода Данило Чюлковъ, и противъ устья Тоболу поставилъ градъ, именемъ *Тоболескъ*, на горѣ, *первый столной во всѣхъ городѣхъ*, и церковь первую воздвиже во имя святыя Троицы и другую Всемилостиваго Спаса на звозѣ". (Ремезовъ, ст. 122). Послѣ Обскаго городка и Тюмени это былъ третій по времени основанія русскій городъ въ Сибири *), до 1590 г. подчиненный по управленію Тюмени. Съ этого времени Русскіе окончательно закрѣпили за собою первое завоеваніе Ермака и его храброй дружины. Чулковъ скоро покончилъ съ Сейдякомъ, отправивъ его вмѣстѣ съ Карачею въ Москву, послѣ чего городъ Сибирь запустѣлъ. Дальнѣйшую борьбу Русскихъ съ Татарами до смерти Кучума и постепенное построеніе новыхъ русскихъ городовъ въ Западной Сибири мы не намѣрены излагать здѣсь. Эти времена достаточно изслѣдованы и не представляютъ особенно спорныхъ хронологическихъ вопросовъ.

А. Дмитріевъ.

*) *П. А. Словцовъ* на основаніи неизвѣстнаго намъ источника говоритъ, что г. Тобольскъ основанъ въ 1586 г., а въ слѣдующемъ году перенесенъ на мысъ нагорнаго берега Иртыша. См. «Ист. обозр. Сибири». СПБ. 1886 г., часть I, стр. 316.

ОТДѢЛЪ II.

МАТЕРІАЛЫ.

Въ приложеніи къ V выпуску „Пермской Старины“ умѣстно напечатать вновь открытый мною Сибирскій лѣтописный памятникъ, озаглавленный: „*Сказаніе Сибирской земли*“. Я нашелъ его въ деревнѣ Родникахъ Половодовской волости Соликамскаго уѣзда въ 1890 г., когда состоялъ тамъ инспекторомъ народныхъ училищъ и по дѣламъ службы постоянно разъѣзжалъ по селамъ и деревнямъ. Въ предисловіи къ III выпуску изданія я сказалъ, какъ много новыхъ свѣдѣній далъ мнѣ 1890 годъ. Въ одной крестьянской семьѣ въ упомянутой деревнѣ я пріобрѣлъ нѣсколько столбцовъ XVII вѣка и небольшой старинный рукописный сборникъ, въ четвертку, въ которомъ заключаются: 1) Отрывокъ изъ Строгановской лѣтописи Сибири, писанный не позднѣе начала нашего вѣка, 2) „Сказаніе Сибирской земли“ въ полномъ видѣ, писанное скорописью первой половины прошлаго вѣка и 3) Сказаніе о рожденіи и воспитаніи Петра I, писанное не позднѣе конца прошлаго вѣка. Сличивъ „Сказаніе Сибирской земли“ съ напечатанными Сибирскими лѣтописями, я убѣдился, что это—неизвѣстный еще доселѣ въ печати памятникъ. Послѣ того я сравнилъ „Сказаніе“ съ лѣтописнымъ сборникомъ Ильи Черепанова, при чемъ воспользовался подробнымъ его разборомъ, который сдѣланъ *Л. Н. Майковымъ* въ VII выпускѣ „Лѣтописи занятій Археографической Коммиссіи“ (и въ оттискѣ), и приведенными тамъ и въ исторіи Карамзина (т. IX, примѣч. 664) выписками изъ Черепановскаго сборника; принялъ также во вниманіе замѣтку *А. Оксенова*: „Свѣдѣнія о неизданныхъ Сибирскихъ лѣтописяхъ“, напечатанную въ „Литературномъ Сборникѣ“, изданномъ редакціею „Восточнаго Обозрѣнія“, при участіи Н. М. Ядринцева (СПБ. 1885 г., стр. 446—455). Въ результатѣ всѣхъ указанныхъ справокъ у меня явилось убѣжденіе, что найденное мною „*Сказаніе Сибирской земли*“ *есть ничто*

иное, какъ „нѣкоторая Сибирская исторія“, на которую ссылается Илья Черепановъ, и которая доселѣ оставалась никому изъ ученыхъ неизвѣстною. Основаніемъ для такого убѣжденія мнѣ послужили слѣдующія соображенія.

1) Помѣщенный въ сборникѣ Черепанова или, какъ его называетъ Карамзинъ, въ „Новой Сибирской лѣтописи“ *), въ самомъ ея началѣ, разсказъ о происхожденіи Ермака заимствованъ Черепановымъ, по его собственнымъ словамъ, изъ „нѣкоторой Сибирской исторіи“ и не встрѣчается болѣе нигдѣ, по словамъ его критиковъ. Между тѣмъ въ самомъ концѣ „Сказанія“ этотъ самый разсказъ приведенъ и при томъ въ болѣе древней, судя по слогу, редакціи. Правда, извѣстный издатель Сибирскихъ лѣтописей, *Григ. Ив. Спасскій*, нашелъ тотъ же разсказъ „О Ермакѣ, откуда онъ родомъ“ въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVII вѣка, отдѣльною статьею, но въ нашемъ „Сказаніи“ есть другія доказательства пользованія именно этой лѣтописью при составленіи Черепановскаго сборника, именно:

2) Илья Черепановъ на 24 листѣ своего сборника сообщаетъ извѣстіе о пожалованіи Ермака „Сибирскимъ княземъ“, которое не встрѣчается въ другихъ Сибирскихъ лѣтописяхъ и приведено только въ „Новомъ Лѣтописцѣ“, изданномъ въ Москвѣ, въ 1853 г. (стр. 22) по списку кн. Оболенскаго. Въ нашемъ же „Сказаніи“ это извѣстіе также записано, и со времени перваго казацкаго посольства въ Москву Ермакъ вездѣ называется „Сибирскимъ княземъ“.

3) Черепановъ въ самомъ началѣ сборника сопровождаетъ разсказъ о родословіи Ермака замѣчаніемъ, что онъ заимствовалъ его изъ „нѣкоторой Сибирской *исторіи*“. И наше „Сказаніе“, сообщивъ въ самомъ концѣ ту же самую родословную Ермака, заключаетъ ее словами: „А какъ (Ермакъ) службу показалъ—и о томъ показано *въ сей исторіи* выше сего“.

4) Лѣтописный сборникъ Черепанова составленъ во второй половинѣ XVIII в., а рукопись нашего „Сказанія“ уже

---

*) *П. А. Словцовъ* при составленіи «Историческаго обозрѣнія Сибири» также пользовался рукописнымъ сборникомъ изъ библіотеки Тобольской духовной семинаріи, т. е. сборникомъ Ильи Черепанова.

сама по себѣ обличаетъ болѣе древнее его происхожденіе, и кромѣ того въ самомъ „Сказаніи“ есть одно мѣсто, изъ котораго можно догадываться о происхожденіи его по крайней мѣрѣ во второй половинѣ XVII вѣка. Вотъ это мѣсто: „И доиде (Ермакъ) до рѣки Вагая, вверхъ дошелъ до урочища, *идеже нынѣ поставленъ Абатской острогъ*“. *П. А. Словцовъ* въ „Историческомъ обозрѣніи Сибири“ (2-е изд. 1886 г., часть I, стр. 11) сообщаетъ, что Атбашской острогъ на Вагаѣ основанъ въ 1633 году. Приведенныя слова „Сказанія“ относятся, слѣдовательно, къ недалекому отъ 1633 г. времени, никакъ не позднѣйшему второй половины XVII вѣка. При всемъ томъ составитель „Сказанія“ на томъ же Вагаѣ засталъ еще старожиловъ, помнившихъ свое происхожденіе отъ Татаръ „махметова закону“, „*Золотой орды Сибирскаго царства*“, а это опять свидѣтельствуетъ объ относительной древности „Сказанія Сибирской земли“.

Приведенныя соображенія убѣдили меня въ тождественности вновь открытаго памятника съ той „нѣкоторой Сибирской исторіей“, на которую ссылается Илья Черепановъ, какъ на источникъ свѣдѣній о происхожденіи Ермака. Хронологія этой лѣтописи такъ же грѣшитъ, какъ и во всѣхъ другихъ Сибирскихъ лѣтописяхъ. Лѣтопись кратка по содержанію и какъ въ этомъ отношеніи, такъ и относительно передачи фактовъ нѣсколько приближается къ Есиповской лѣтописи, а по языку новѣе ея и ближе къ лѣтописи Ремезова. Значеніе ея, какъ источника, подробно указано въ послѣдней главѣ настоящей книги. Печатаю подлинный текстъ новаго памятника съ соблюденіемъ наивозможной точности.

А. Дмитріевъ.

Сказаніе Сибирской земли.

„При державѣ царскаго величества царя и великаго князя Іоанна Васильевича, всея Росіи самодержца, разбойникъ именемъ Ермакъ, усвоеволився противностію его царскому величеству и прибравъ себѣ въ соединеніе отовсюду бѣглецовъ, и бѣжалъ въ украинное мѣсто на рѣку Донъ и тамо исчиташа и назвашася казаками, они же пріяша себѣ старѣйшинство и званіе атаманъ, и не опасаяся его царскаго величества указу, и принявъ себѣ весьма безгласное отчаяніе, начаша по рѣкамъ Дону и Волгѣ воровать и всякихъ людей побивать и грабить. Во едино же лѣто послы Персидскіе, Бухарскіе и Кизылбашскіе были на Москвѣ и получиша себѣ царскаго величества милость и приняли наградительное жалованье и съ тѣмъ по Волгѣ рѣкѣ на низъ плыли—въ Астрахань. И оной разбойникъ незапно нападе на нихъ и поби и животъ ихъ пограбиша; о семъ же извѣстенъ бысть царское величество, посла на ихъ воевъ своихъ, повелѣ ихъ, разбойниковъ, имать и освидѣтельствовать, для страху другихъ казнить смертью. И оной же разбойникъ, убояся того, съ товарищи пять сотъ человѣкъ убѣжали съ Волги въ Каму рѣку вверхъ и прибѣже въ вотчины Строганову и тамо пребысть нѣсколько время. И въ то число въ Строгановы городки и вотчины по Чюсовой и по Камѣ рѣкамъ пришелъ волно изъ Вогуличь Пелымской князь во многомъ собраніи. И воевода Максимъ Строгановъ просилъ его, Ермака, чтобъ онъ отъ того Пелымскаго князя оборонилъ. Ермакъ же, не преслуша не мало времени, въ тотъ часъ собрався съ дружиною своею, иде скоро противо Вогулъ и поби ихъ безъ остатку, и вотчины Строгановы выручилъ, и за что его, Ермака, оной Строгановъ принялъ любительною ласкою и кормомъ. Увѣдавъ отъ тамошнихъ жителей, что отъ нихъ не въ дальнемъ растояніи есть Золотая орда Сибирское царство, и посовѣтовалъ онъ, Ермакъ, Строгановымъ о промыслѣ того царства, прошаше у него людей, оружья и запасу. Максимъ же Строгановъ повелѣ ему изъ вотчины своей людей имать—охотни-

ковъ, елико похотятъ; онъ же, набравъ тутошнихъ жителей къ своимъ въ прибавку—сто пятьдесятъ четыре человѣка, всего собралъ себѣ шесть сотъ пятьдесятъ четыре человѣка, и назвася казаками; онъ же, Строгановъ, даде ему ружья и запасу довольно и отпусти ихъ въ Сибирь судами по рѣкѣ Серебранкѣ вверхъ. Они же доидоша до одной и переволокли насады на рѣчку Жаравль и Петухъ, и промежъ оныхъ рѣчкахъ (рѣчекъ?) поставили городокъ и тутъ зимовали. И оттуду пришли на Тагилъ рѣку и по Тагилу плыша внизъ до рѣки Туры и Турою плыша внизъ до рѣки Тавды, и на устьѣ Тавды поимали татарина именемъ Таусина, что отъ Кучума, царя Сибирскаго, присланъ былъ на Тавду для рыбной ловли. И того татарина оной Ермакъ о царѣ Кучумѣ и о царствѣ его Сибирскомъ развѣдавъ подлинно, вооружился мужественно, отъ устья Тавды рѣки поплыша Тоболомъ рѣкою въ Сибирь на царя Кучума ратовати. Царь Кучумъ слыша нашествіе Русскихъ людей, вскорѣ посла лесниковъ (?) во всю свою державу и повелѣ воинству своему сбиратися съ поспѣшеніемъ къ себѣ, въ Сибирь градъ, на брань противо Рускихъ людей. И въ малѣ времени собрашася къ нему множество Татаръ и Остяковъ и Вогулъ и иныхъ чюдскихъ языковъ, которые обрѣтаются подъ его державою. Тогда жъ царь Кучумъ, учредя воиско свое, и съ нимъ посла своего сына Маметкула противо Рускихъ людей на брань, самъ же повелѣ градъ свой крѣпити засѣками и окопами подлѣ рѣку Иртышъ въ урочищѣ Чувашахъ.

Царевичъ же Маметкулъ съ вои своими пріиде въ урочище Бабасаны и ту встрѣтя Рускихъ людей, и нача съ ними битися, и видѣ себѣ отъ нихъ многое паденіе, устремися на бѣгство. Казаки же съ того мѣста плыша внизъ по Тоболу къ городу Сибири и доплыша до Карачина улуса, оной Карача у царя Кучума былъ думной; и тотъ его улусъ казаки разбили, и множество богатства взяша, и оттуду приплыша на устье Тобола рѣки, на рѣку Иртышъ; Татаре же множествомъ приступиша къ нимъ на конѣхъ и пѣши, по обѣ стороны съ береговъ стрѣляютъ; казаки же, вышедъ изъ струговъ на берегъ множествомъ, отъ устья Тобола рѣки поидоша вверхъ по Иртышу рѣкѣ и взяша городокъ Атикъ. И сѣде тутъ и увидѣ многое собраніе нечестивыхъ, и убо-

яшася, яко царевичъ Маметкулъ въ другой разъ со множествомъ воиска вышелъ отъ отца своего, отъ города и засѣки, противо ихъ на брань. А отецъ его царь Кучумъ ста въ засѣкѣ у города на горѣ Чувашской со всѣми домашними своими и мурзами во многомъ собраніи, и кричаша, и умоляшеся о побѣжденіи, ничто же успѣша. Казаки же уповающе на Бога и вышедъ изъ городка Атика, единодушно приступиша къ засѣкѣ и съ царевичемъ Маметкуломъ сразишася крѣпко, и на томъ бою царевича ранили, едва жива увезли Татара за Иртышъ рѣку.

Царь Кучумъ, видя своего сына побѣждена, плакася горько и глаголя съ мурзами: „горе мнѣ, яко незапно пріидоша на насъ вои сіи и изгнаша насъ царства моего!“ И побѣжа со всѣми воинми вверхъ по Иртышу рѣкѣ, градъ же свой Сибирь оставилъ пустъ. Казаки же съ атаманомъ Ермакомъ съ товарищи пріидоша во градъ и засядоша въ немъ семь тысячь восемьдесятъ девятаго (1580) году октября 12 день. По взятіи же города Сибири, пріиде къ Ермаку во градъ Остятской князь Боярина со многими Остяки и принесоша дары и запасы. По сихъ же начаша приходити къ Ермаку въ городъ Татара со многими дары и запасы и покоряшеся Ермаку, онъ же утверждаше сіихъ шертвованіемъ, что имъ жить подъ рукою Государевою во всякомъ послушаніи, и служить во всякой вѣрности, и ясакъ платить, и надъ Рускими людьми никакого дурна не мыслить.

Тогожъ года посла Ермакъ изъ города казаковъ для рыбной ловли въ урочище Абалакъ, царевичъ же Маметкулъ со многими людьми незапно нападе на нихъ и поби ихъ безъ остатку.

По взятіи же города Сибири и по покореніи многихъ языковъ, собра Ермакъ ясаковъ и поминковъ многое число и посла къ Москвѣ въ поклоненіе къ великому государю съ казаками пять человѣкъ, съ ними же посла о взятіи Сибири вѣстовую отписку, а подъ отпискою заручною своею челобитную, а въ ней написалъ вины свои, что воровалъ на Волгѣ, чтобъ великій государь пожаловалъ его, указалъ оныя вины ему отдать и въ заслуженіе принять себѣ въ вотчину Сибирское царство и для провѣданія отъ лица своего прислать воеводу.

И егда оные казаки къ Москвѣ съ ясакомъ пришли, и великій государь пожаловалъ атамана Ермака заочно своимъ государскимъ жалованьемъ и милостивымъ словомъ и указалъ писать его, Ермака, Сибирскимъ княземъ и въ грамотѣ своей жалованье написалъ и впредь писать Сибирскому князю Ермаку Тимофеевичу Поволскому съ товарыщи: „за многую вашу заочную службу и за охочее кровопролитіе и за взятье Сибирской земли во всѣхъ винахъ вашихъ мы, великій государь, прощаемъ, сверхъ того награждаемъ васъ своимъ государскимъ жалованьемъ". И удоволи казаковъ, отпустилъ съ Москвы въ Сибирь къ князю Ермаку Тимофеевичу и съ ними посла денегъ и суконъ и иныхъ всякихъ товаровъ, вина и запасу со множественнымъ удовольствіемъ.

По семъ же прибѣже къ Ермаку въ городъ Татаринъ именемъ Сынъ-Бахта и сказа, что сынъ царя Кучума царевичъ Маметкулъ не со многими людьми стоитъ на рѣкѣ Вагаѣ отъ города Сибири во сто верстахъ. Князь Ермакъ Тимофеевичъ вскорѣ посла казаковъ, они же прибѣжаше на станы ихъ и побиша Татаръ безъ остатку и царевича Маметкула въ полонъ взяша жива и приведоша къ Ермаку въ городъ въ Сибирь. О семъ же увѣдѣ царь Кучумъ, яко плѣненъ сынъ его Маметкулъ, и плакася горько со всѣмъ домомъ своимъ. Въ то же время откочевалъ отъ него, царя Кучума, думной его и ближной Татаринъ именемъ Карача и преселися межъ рѣку Тары, и они въ то же время возвѣстиша ему, яко идетъ на него князь Сейдякъ Бекбулатовъ изъ Бухарской земли, котораго изгналъ изъ Сибирскаго владѣнія той Кучумъ напредь сего, а отца его убилъ. Отъ того князь Ермакъ Тимофеевичъ съ товарищи въ Сибирской земли многіе языки воюя и покоряя себѣ противящихся ему и взя Остяцкой Назарной городокъ и богатство и пріобрѣте.

Семь тысячь 89 года, по указу царскаго величества царя и вел. кн. Іоанна Вас., всея Росіи самодержца, присланы изъ Москвы первые воеводы князь Семенъ Болховской да Иванъ Глуховъ съ воинскими людьми. Въ то же время въ городѣ Сибири былъ гладъ и моръ, и тогда воевода князь Семенъ умре. Того жъ году князь Ермакъ Тимофеевичъ Поволской съ оставшимся воеводою Иваномъ Глуховымъ посла въ Москвѣ царевича Маметкула съ казаками. До пріѣзду

ихъ на Москвѣ не стало царя Іоанна Вас., а по немъ прія скипетръ царства сынъ его, благовѣрный и вел. кн. Федоръ Ивановичъ и бысть царь всея Росіи самодержецъ. И какъ привезли царевича Маметкула къ Москвѣ, стрѣча ему была по обычаю, какъ посламъ, а не аки плѣннику, и оставленъ той царевичъ на Москвѣ, а провожатые казаки пожалованы и удоволены и отпущены въ Сибирь по прежнему, а съ ними послано князю Ермаку Тимофеевичу его царс. величества жалованье и милостивое слово и награжденіе денегъ и сукна, и порохъ, и свинецъ, и ружіе, и иные всякіе припасы со множественнымъ удовольствіемъ.

Того жъ году царя Кучума думной татаринъ Карача пришелъ въ городъ къ князю Ермаку Тимоф. съ обманомъ, будто съ покореніемъ, и просилъ у него людей, аки бы для обороны отъ казачьей орды, а на томъ по своей вѣрѣ бусорманской шертвовалъ. Князь же Ермакъ, повѣря ему, отпустилъ съ нимъ атамана Кольцо съ товарищи сорокъ человѣкъ, и егда тѣ казаки къ Карачѣ пріиде, онъ же поби ихъ безъ остатку и всюду повелѣ казаковъ обрѣтающихся побивать и многихъ побиша; и послѣ того со многимъ собраніемъ онъ же, Карача, пріиде ко граду Сибири и облежа его. Князь Ермакъ съ товарищи отъ города прогна его, Карачу, въ Саусканъ и многихъ татаръ поби семь тысячъ девятидесятъ втораго году.

Сказаша князю Ермаку, яко Бухарцы изъ степи идутъ къ нему во градъ Сибирь торговать, а царь Кучумъ стоя на рѣкѣ Вагаѣ не пропускаетъ. Князь же Ермакъ съ товарищи, слыша то, распалися гнѣвомъ на Кучума и поиде не со многими людьми на стрѣчу Бухарцовъ судами вверхъ по Иртышу рѣкѣ, желая, чтобъ (на) Сибирь распространить Бухарской торгъ, и доиде до рѣки Вагая, вверхъ дошелъ до урочища, идеже нынѣ поставленъ Абатской острогъ, и нигдѣ Бухарцовъ не обрѣте и оттоля совратися, и доплы до перекопи и ту обначева. Царь же Кучумъ, подсмотря ихъ и увидя, яко неопасно стоятъ, нападе на нихъ незапно и поби ихъ безъ остатку. Князь же Ермакъ зря и побѣже въ стругъ и не можаше ускорити, понеже той стругъ отстоитъ далече отъ воды, паде въ воду и утопе, единъ же казакъ едва утече и возвѣстиша въ городѣ. Оставшіеся казаки, заслышаше такое

побіеніе надъ Ермакомъ и видя себя въ малолюдствѣ, оставиша градъ пустъ и побѣгоша внизъ по рѣкѣ Иртышу и Обвою (Обью) рѣкою и доплыша до рѣки Обвы (Оби) и чрезъ Камень въ Русь. Сынъ же царя Кучума меньшей, именемъ Алексѣй, увѣдя, яко казаки изъ города побѣгоша и приде во градъ, вселися въ немъ со всѣмъ домомъ своимъ. Заслышавъ же сія прежней владѣлецъ Сибирской князь Сейдякъ Бекбулатовичъ, сына котораго изгналъ Кучумъ царь напередъ сего, и что Ермакъ убіенъ бысть, а оставшіе казаки изъ града Сибири бѣжали, яко облада градомъ Сибирью Кучумовъ сынъ,—собрався со всѣмъ воинствомъ своимъ и пріиде во градъ Сибирь, а царевича Алексѣя прогна и тако пріятъ вотчину отца своего съ радостію.

Во второе лѣто по смерти Ермаковѣ присланы въ Сибирь изъ Москвы воеводы Иванъ Мансуровъ съ воинскими людьми и доплыша рѣкою Тоболомъ до рѣки Иртыша и сташа на усть Тобола рѣки. Татара жъ множество собрашася, противяшеся ему; онъ же видя татарское собраніе и услыша, яко князь Ермакъ утопенъ и оставшіе казаки изъ града убѣжали,—убояшася татаръ, проплыша градъ Сибирь по Иртышу рѣкѣ внизъ и доплыша до великія рѣки Обвы (Оби), о зимѣ постави городъ надъ рѣкою Обвою противъ Иртышскаго устья и сѣде ту зимовать. Остяки же множественнымъ собраніемъ приступиша, городка того не могоша взять и послѣ же принесоша кумира своего и поставиша его подлѣ воинъ, моляху о помощи, желающе городокъ взять. Рускіе же люди изъ городка стрѣляюще изъ пушки, кумира ихъ разбиша; Остяки же, боящеся того, пришедъ въ городокъ и покоришася и принесоша ясакъ и запасу многое число.

Семь тысячъ девятьдесятъ четвертаго году присланы въ Сибирь третей воевода Василей Борисовичъ Сукинъ да Иванъ Мясной, при нихъ письменной голова Данило Чулковъ съ воинскими людьми и поставиша градъ Тюмень, иже и прежде былъ Татарской городокъ Чингиди, и воздвигоша въ немъ церковь во имя Всемилостивѣйшаго Спаса. Семь тысячъ девятьдесятъ шестого году вышепоименованные воеводы Василей Сукинъ да Иванъ Мясной послали отъ себя изъ Тюмени въ Сибирь письменнаго голову Данила Чулкова съ воинскими людьми; онъ же Тоболомъ рѣкою доплы до рѣки Иртыша и

противъ устья Тобольскаго на горѣ постави градъ и назвалъ Тоболью, и воздвиже церковь во имя Животворящія Троицы.

По поставленіи града Тобольска во второе лѣто, изъ града Сибири, отъ Чувашева, вышли для птичной потѣхи Татара, князь Сейдякъ да царевичъ казачьей орды Салтанъ да царя Кучума думной татаринъ Карача, съ нимъ татаръ пять сотъ человѣкъ. Воевода же Тобольской Данило Чулковъ умыслилъ надъ ними съ товарищи учрежденіе послать къ нимъ пословъ и повелѣ имъ быти къ себѣ въ Тоболь, аки бы для мирного договору; они же не ослушася, вскорѣ пріидоша къ нему, съ ними татаръ сто человѣкъ, а достальныхъ оставиша на лугу. Воевода же пріятъ ихъ съ честію во градъ съ малыми людьми, прочихъ же оставиша внѣ града и начаша ихъ подчивать, они же, княжцы, начаша усомнѣватися, ничесоже вкушати не хотяше, видя свою бѣду; воевода же поднесоша имъ чашу вина пить, и егда они начаша пити, единъ по единому, кійждо ихъ поперхнулся; воевода же, видя въ нихъ такое запинаніе, и возопи своимъ воемъ, яко зло мыслятъ и повелѣ внѣ града оставшихъ Татаръ посѣщи и посѣкоша безъ остатку, сущіе же татара на лугу таковое ухищреніе слышавъ, разбѣгошася; княжцовъ же ихъ связавъ, скоро посла къ Москвѣ. Царь же Кучумъ, услыша таковое надъ своими ухищреніе, отбѣжавъ вдаль, многажды покушася возвратити Сибирское царство, не можеши, зане одержимъ бысть страхомъ отъ Рускихъ людей, разоряя и плѣнивша оставшіе свои татарскіе городки около Тобольска и Сибири. И вѣсть пріиде воеводѣ; онъ же посла нѣсколько воевъ своихъ рускихъ людей, они же нападоша и побиша его, двѣ царицы и сына его, съ ними многое богатство взяша. Самъ же Кучумъ не со многими людьми едва утече въ Калмытскіе улусы и тамо тогда конскіе стада Калмытскія же постигше его, поразиша, скотъ свой возвратиша. Кучумъ же бѣжаше съ воины и тамо убіенъ бысть.

Оттолѣ въ Сибирской странѣ начаше православное христіанство, многіе грады стали (?) церкви воздвизати. Тогда же изыскано отъ древнихъ иноземцовъ, отколѣ начаше зватися Сибирскіе языки; въ ней старожилы и понынѣ, тѣхъ роду иноземцы, обрѣтаются на рѣкѣ Вагаѣ, отъ Тобольска

во сто верстъ; которые жиша татары Махметова закону, царь именемъ Она, и звашася Золотою ордою. Его же Татаринъ державы людей царь именемъ Чипгиди, человѣкъ богатъ и сильный богатырь, прибравъ себѣ сверстниковъ и пріиде на страну и донынѣ звашеся Сибирью. Царь же Кучумъ жиша лѣта довольна и до пришествія князя Ермака Тимофеевича Поволскаго съ товарыщи со храброю дружиною его....

О себѣ же Ермакъ извѣстіе написалъ, откуда рожденіе его. Дѣдъ его былъ Суздалецъ посадской человѣкъ, жилъ въ лишеніи, отъ хлѣбной скудости сошелъ въ Володимеръ, именемъ его звали Аѳонасій Григорьевичъ сынъ Аленинъ, и тутъ воспита двухъ сыновъ Родіона да Тимоѳея, и кормился извозомъ и былъ въ найму въ подводахъ у разбойниковъ, на Муромскомъ лѣсу пойманъ и сидѣлъ въ тюрьмѣ, а оттуда бѣже съ женою и съ дѣтьми въ Юрьевецъ Поволской, умре, а дѣти его Родіонъ и Тимоѳей отъ скудости сошли на рѣку Чусовую въ вотчины Строгановы, ему породи дѣтей: у Родіона два сына—Дмитрей да Лука, у Тимофея дѣти Гаврило да Фролъ да Василей. И оной Василей былъ силенъ и велерѣчивъ и остръ, ходилъ у Строгановыхъ на стругахъ въ работѣ, по рѣкамъ Камѣ и Волгѣ, и отъ той работы принялъ смѣлость и, прибравъ себѣ дружину малую, пошелъ отъ работы на разбой и отъ нихъ звашася атаманомъ, прозванъ Ермакомъ, сказуется дорожной артельной таганъ, а по волскимъ—жерновой мельнецъ рушной. А какъ службу показалъ—о томъ показано въ сей исторіи выше сего".

Конецъ V выпуска.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ автора-издателя . . . . . III—VI.

Библіографическій указатель . . . . . VII—XII.

ОТДѢЛЪ I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ПОКОРЕНІЕ УГОРСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ и СИБИРИ.

Глава I: *Пермь и Югра въ ихъ взаимномъ соотношеніи. Современное состояніе вопроса о древней Югрѣ* . . . . . 1—46.

Соотношеніе гео-этнографическихъ понятій Пермь и Югра. Баснословность древнѣйшихъ извѣстій о той и другой странѣ и разнорѣчія въ сужденіяхъ о нихъ (1—3). Три группы ученыхъ воззрѣній относительно мѣстоположенія древней Югры (3—13). Другія три группы сужденій о генетическомъ отношеніи древней Югры къ современнымъ Угорскимъ народамъ (13—19). Выводы автора относительно Югры въ томъ и другомъ отношеніи (съ 19-й стран.). Свидѣтельства общихъ древнерусскихъ лѣтописей (20—22), договорныхъ Новгородскихъ грамотъ (22—24), Новгородскихъ лѣтописей (24), Епифаніева сказанія о св. Стефанѣ, лѣтописей Архангелогородской и Синодальной (24—27), Разрядныхъ книгъ (27—28) и царскихъ грамотъ XVI—XVII в.в. (28—32). Данныя о древней Югрѣ въ «Книгѣ Большему Чертежу» (32—33) и въ сказаніи «О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточной странѣ» (33—34). Древняя Югра по иностраннымъ географическимъ картамъ XVI—XVII в.в. (35—38). Значеніе этихъ источниковъ въ вопросѣ объ Югрѣ (38). «Чертежи» Сибирскихъ земель XVII в. и атласъ Семена Ремезова (38—41). Свидѣтельства Гр. Новицкаго въ его «Краткомъ описаніи о народѣ Остяцкомъ» (41—43). Исчезновеніе слова «Югра» въ памятникахъ XVIII в. (43—44). Угорское сосѣдство Перми Великой (44—46).

Стр.

Глава II: *Подчиненіе сѣверо-восточныхъ Угорскихъ земель Московской коронѣ и ихъ взаимныя отношенія* . . . . . 47—109.

Первоначальное знакомство Русскихъ съ Угорскими странами въ XI вѣкѣ, по лѣтописямъ (47—49). Извѣстія о походахъ Новгородцевъ въ Югру въ XII вѣкѣ (49—51), XIII-мъ (51—52) и XIV-мъ (52—53). Паденіе Великаго Новгорода и первые Московскіе походы въ Югру (54—57). Походъ 1483 года (57—61) и его послѣдствія (61—63). Граница между Угорскими землями и Сибирью въ XV в. (60—61). Взаимное родство Югорскихъ князей (63—64). Дѣятельность Пермскаго епископа Филоѳея въ отношеніи подчиненія ихъ Москвѣ (тамъ же). Походъ въ Югру 1499—1500 г.г. и спорные вопросы, связанные съ нимъ (65—75). Послѣдствія этого похода для инородцевъ и сравненіе положенія Югры и Перми послѣ завоеванія ихъ Московскими войсками (75—78). *Княжество Кондинское на р. Оби* въ XVI в. Древняя Кода и Шоркаръ, какъ главные его города (78—83). Грамота 1557 г. Певгѣю Шоркарскому. Значеніе Пустозерска въ сношеніяхъ Русскихъ съ Самоѣдами и Заказымскими Остяками (тамъ же). Кодскіе князья послѣ Певгѣя и исключительныя права князей Алачеевыхъ (83—84). Южная и восточная граница древней Коды, какъ части Югры, и причины ея неустойчивости (85—86). *Древняя Обдорія*, какъ другая часть Югры вообще (87—89). Обдорскъ и его князья—Остяки (тамъ же). *Собственно Югра* на Сыгвѣ и сѣверной Сосвѣ и ея древніе города (89—90). Особенное значеніе Ляпина (90—91). Югорское намѣстничество, какъ почетная степень (91—92). Древніе Югорскіе князья. Грамота князю Лугую (92—94). Ошибочность наименованія сосвино-ляпинскихъ Вогуловъ «Остяками Ляпинскаго нарѣчія» (95—97). *Область древнихъ Вогуличей* по обѣ стороны Урала (97—99). Старый Пелымъ, какъ ея средоточіе. Характеристика Вогуличей сравнительно съ Остяками (99—100). Вогульскіе князья въ ихъ борьбѣ съ Русскими (100—104). Передвиженія Вогуличей подъ давленіемъ Русскихъ и Татаръ (тамъ же). Вопросъ объ отношеніи къ Уграмъ Самоѣдовъ и Зырянъ (104—107). Послѣдовательная смѣна народовъ на Сѣверномъ Уралѣ вслѣдствіе ихъ передвиженій (107—109).

Стр.

Глава III: *Первоначальныя отношенія Русскихъ къ Сибири и постепенное утвержденіе въ ней русской власти* . . . . . 109—207.

Чингизъ-ханъ и его потомки—Джучиды и Шейбаниды. Отдѣленіе Ногайской орды отъ Кипчакской. Связь рода Ова и Тайбуги съ Ногаями и происхожденіе названія Сибирскихъ Татаръ Ногайскими (109—112). Борьба Тайбугина рода съ Шейбанидами за обладаніе Сибирью и Ивака съ Ахматомъ за первенство. Неудачная попытка Кулукъ-Салтана утвердиться въ Перми (112—113). Родословіе Тайбуги (113). Сибирь или Искеръ, Чинги-Тура и Ешанча, какъ главные города Сибири до прихода Русскихъ (114—115). Подчиненіе Едигера Москвѣ (115—116). Непрочность этого союза (117). Появленіе Кучума, его борьба съ Едигеромъ (118) и первоначальныя отношенія къ Москвѣ (118—120). Начало вражды его съ Москвою и Черемисскій бунтъ на Камѣ (120—121). Царская грамота Строгановымъ отъ 6 августа 1572 г. по поводу этого бунта и ея значеніе (121—122). Другая грамота имъ отъ 30 мая 1574 г. на земли за Ураломъ (123—127). Старая Московская дорога въ Сибирь, Тахчеи или Тахтанская волость и зауральская колонизація Строгановыхъ (128—132). Сношенія Кучума съ Ногаями (132—133). Какъ возникла у Строгановыхъ мысль призвать вольныхъ казаковъ съ Волги и самый призывъ ихъ (133—135). Ермакъ Тимоѳеевичъ на Самарской лукѣ и прежнія связи его со Строгановыми (136—139). Вопросъ о годѣ прибытія Ермака въ Пермь (139—140). «Задиранія» казаковъ съ инородцами и набѣгъ Бегбелія на Пермь Великую (141—143). Вопросъ о числѣ людей въ войскѣ Ермака и о помощи ему со стороны Строгановыхъ (144—145). Роковой для Перми 1581-й годъ, выступленіе Ермака въ походъ и страшное нашествіе князя Кихека на Пермь Великую (145—148). Участіе Кучума въ этомъ погромѣ (148—149). Личность Великопермскаго воеводы Пелепелицына (149—152). Недоразумѣнія среди Строгановыхъ, ихъ челобитныя царю и отвѣтныя грамоты Іоанна (152—159). Опальная грамота Іоанна Строгановымъ отъ 16 ноября 1582 г. и ея значеніе (159—162). Разнорѣчіе лѣтописей о силахъ Ермака (163—164). Путь Ермака въ Сибирь и народная память объ Ермакѣ въ Пермскомъ краѣ (164—167). Движеніе

Ермаковой дружины отъ границы Перми Великой до границы Сибири и первая ея зимовка на Уралѣ (167—169). Вопросъ о западной границѣ Сибири въ XVI вѣкѣ (169—174). Сравнительное значеніе показаній Строгановской и Ремезовской лѣтописей (175—176). Вторая зимовка Ермака въ Тюмени (176—177). Дальнѣйшій походъ и взятіе города Сибири (177—181). Вопросъ о годѣ занятія Русскими Кучумовой столицы (181 - 184). Послѣдующія завоеванія Ермака (184—186). Невѣроятность нѣкоторыхъ извѣстій Строгановской лѣтописи (186—188). Плѣнъ царевича Маметкула (188—189). Экспедиція Богдана Брязги на низъ Иртыша и Оби (189—190). Послѣдующій походъ Ермака въ тѣ же мѣста (191 стр.). Походъ его на рѣку Тавду (191—192). Первая помощь Москвы Ермаку и прибытіе князя С. Д. Болховскаго въ Сибирь (192—197). Отправка въ Москву плѣннаго Маметкула (197—198). Походъ Ермака на рѣку Вагай и вверхъ по Иртышу (198—201). Гибель Ермака и ея послѣдствія (201 стр.). Вопросъ о годѣ его смерти (202—203). Возвращеніе казаковъ въ Русь чрезъ Сѣверный Уралъ (203 стр.). Прибытіе въ Сибирь воеводы Мансурова и его неудачи (204—205). Прибытіе третьяго воеводы Сукина и съ нимъ Ив. Мясного и головы Данила Чулкова (205—206). Основаніе русскихъ городовъ Тюмени и Тобольска (206—207).

ОТДѢЛЪ II.

МАТЕРІАЛЫ.

Библіографическія замѣчанія о вновь открытой Сибирской лѣтописи 209
„Сказаніе Сибирской земли“ 213

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1. „ПЕРМСКАЯ СТАРИНА"

выпуски I „Древности бывшей Перми Великой" XVII вѣка. Пермь. 1889 г. Цѣна 1 рубль.

выпуск II „Пермь Великая въ XVII вѣкѣ". Пермь. 1890 г. Цѣна 1 рубль.

выпуск III „Экономическіе очерки Перми Великой". Пермь. 1891 г. Цѣна 1 рубль.

выпуск IV „Строгановы и Ермакъ". Пермь. 1892 г. Цѣна 1 рубль.

2. „Очерки изъ исторіи губернскаго города Перми". Пермь. 1889 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

ЦѢНА V ВЫПУСКА 1 РУБЛЬ.

Подписка производится въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени" въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, у Петровскаго — въ Перми и у Добровольнаго въ Вятцѣ (Гостиный дворъ № 1-й).

Адресъ автора-издателя: **Пермь.** Инспектора народн. училищъ Александръ Алексѣевичъ Дмитріевъ.

Home
Book Shop Co., Inc.
[illegible] Street
Boston, Mass. 02210